

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**Columbia University
in the City of New York**

THE LIBRARIES

ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ.

ТОМЪ III.

ЖИТЕЛИ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ.

съ 24 рисунками худ. Голембiовскаго, Панова и Брожа.

Гравюры на деревѣ гг. Регульскаго, Хелмицкаго, Адта и др.

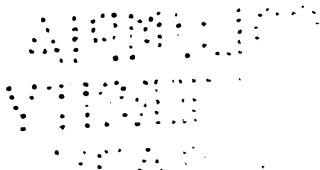
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1883.

940.98
V155
v.3

Exchange
from
Vassar University
3/2-1949
3000

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Ноября 1883 г.

Текстъ и рисунки печатаны въ Типографіи Товарищества «Общественная Польза».
Б. Подъячская, д. № 89.

MAR 12 1940 OT

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая настоящій III-й томъ, мы оканчиваемъ описаніе жизни европейскихъ народовъ. Приведемъ для связи все, что заключается въ трехъ изданныхъ нами томахъ. Въ I-мъ томѣ описаны жизнь, нравы и обычаи народовъ южной Европы: турокъ, албанцевъ, болгаръ, черногорцевъ, сербовъ, румынъ, грековъ, итальянцевъ, испанцевъ, португальцевъ, французовъ и швейцарцевъ. Во II-й томъ вошло описаніе жителей сѣвера: англичанъ, шотландцевъ, ирландцевъ, голландцевъ, бельгійцевъ, норвежцевъ, шведовъ и датчанъ. Наконецъ, III-й томъ заключаетъ описаніе жителей средней Европы: Германіи и Австро-Венгрии.

Изъ этого перечня видно, что нашъ трудъ обнимаетъ всю Европу, исключая Россіи. О его цѣли и назначеніи мы уже упоминали въ предисловіи къ двумъ первымъ томамъ; считаемъ не лишнимъ сдѣлать и здѣсь нѣкоторыя поясненія, какъ вообще, такъ и относительно нынѣ изданнаго III-го тома.

Множество неумолимыхъ путешественниковъ и понынѣ продолжаютъ изслѣдованіе жизни и нравовъ народовъ африканскихъ, американскихъ и австралійскихъ, и результатомъ ихъ изслѣдованій явилось множество прекрасныхъ научныхъ трудовъ, посвященныхъ этимъ народамъ. Но странное дѣло: тогда какъ мы хорошо знакомы съ жизнію и возрѣвнїями дикарей центральной Африки или американскихъ пампасовъ, у насъ нѣтъ ни одного серьезнаго труда о жизни народовъ, близкихъ намъ и по своей культурѣ, и по своему умственному развитію, — о жизни европейскихъ народовъ. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, появилось замѣчательное сочиненіе Элизе Реклю: „Nouvelle géographie universelle. la terre et les hommes“, переведенное у насъ подъ названіемъ „Земля и Люди“, но оно имѣетъ въ виду преимущественно физическую и политическую географію Европы: читатель найдетъ въ немъ строго научное изслѣдованіе о климатическомъ значеніи горныхъ хребтовъ, о значеніи рѣкъ, какъ путей сообщенія, но при этомъ авторъ удѣляетъ самое ничтожное мѣсто характеристикѣ жизни и нравовъ. Такимъ образомъ сочиненія, которое

*

представляло бы не одни географическія описанія, а общее, популярное изображеніе быта европейскихъ народовъ во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ, — такого сочиненія нѣтъ не только у насъ, его не найдете и въ западной литературѣ. Это обстоятельство и заставило насъ, 15-тъ лѣтъ тому назадъ, начать трудъ, окончаніе котораго нынѣ представляемъ читателю. Насколько мы выполнили нашу задачу, судить не намъ, но не можемъ не упомянуть о трудностяхъ, которыя намъ предстояли. Во-первыхъ, задавшись мыслию описывать преимущественно бытъ народа, мы, по мѣрѣ собиранія матеріала, должны были выработать планъ и твердо его держаться, чтобы не увлечься подробностями и въ тоже время не опустить ничего наиболѣе характернаго. При многосложности нашей задачи это не такъ легко было сдѣлать: приходилось по нѣскольку разъ передѣлывать уже готовые статьи или оставлять безъ употребленія обработанный матеріалъ лишь потому, что онъ несоразмѣрно увеличилъ-бы объемъ книги. Съ другой стороны много времени и труда пошло и на собираніе матеріала. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наше дѣло облегчалось тѣмъ, что по отдѣльнымъ вопросамъ, насъ занимавшимъ, существовали въ заграничной печати болѣе или менѣе обширныя спеціальныя сочиненія; но часто приходилось дѣлать выборъ фактовъ, разбросанныхъ по разнымъ журнальнымъ статьямъ или брошюрамъ, свѣрять ихъ между собою или отыскивать ихъ въ трудахъ капитальныхъ, но не имѣющихъ ничего общаго съ содержаніемъ нашей книги. Говоримъ объ этихъ трудностяхъ единственно для того, чтобы читатель могъ легче простить намъ какіе-либо случайные недосмотры и не пенять на насъ, если въ иныхъ статьяхъ встрѣтитъ не вполне удовлетворительную картину быта: тутъ уже причиною былъ крайній недостатокъ матеріала.

Содержаніе настоящаго III-го тома, какъ мы надѣемся, займетъ особенно вниманіе русскаго читателя. Въ немъ онъ найдетъ описаніе жизни нашихъ ближайшихъ сосѣдей — нѣмцевъ, мадьяръ и живущихъ въ Германіи и Австро-Венгріи славянъ. Много-ли большинство публики знаетъ о мадьярахъ и австрійскихъ славянахъ, объяснять нечего; но возьмемъ нѣмцевъ, которые, кажется, болѣе всѣхъ европейскихъ народовъ должны быть знакомы намъ, такъ какъ не одно столѣтіе они имѣли огромное вліяніе на всю нашу политическую и общественную жизнь, да и теперь не совсѣмъ утратили это вліяніе. Однако и о нихъ мы знаемъ очень мало. Правда, ихъ политическая жизнь намъ довольно извѣстна; но что касается ихъ современной домашней и общественной жизни въ различныхъ сословіяхъ, отношеній въ ихъ быту между членами семьи, между высшими и низшими классами общества, ихъ общественныхъ идеаловъ и стремленій, ихъ симпатій и антипатій и вообще взглядовъ въ вопросахъ, въ данную минуту наиболѣе волнующихъ общественное мнѣніе другихъ странъ, — обо всемъ этомъ мы имѣемъ очень превратное понятіе или и совсѣмъ не имѣемъ никакого. Да не только мы, тоже можно ска-

зять и о другихъ цивилизованныхъ народахъ запада. Приведемъ примѣръ. Еще недавно всѣ ставили домашнюю жизнь нѣмцевъ Германіи въ образецъ нравственности, порядка, идеальной чистоты и находили, что только у нихъ еще не пошатнулись семейныя начала, прочно поддерживаемыя патріархальною простотою нравовъ, взаимною уступчивостію и общими интересами трудовой жизни. И вотъ новѣйшія изслѣдованія совершенно опровергаютъ это мнѣніе. Первый толчокъ въ этомъ направленіи дала франко-прусская война; но пока разоблаченія шли отъ французовъ, исконныхъ враговъ Германіи, естественно было подозрѣвать тутъ и преувеличеніе, и пристрастіе. Во второй же половинѣ семидесятыхъ годовъ появились сочиненія и писателей другихъ національностей, пролившіе новый свѣтъ какъ на семейную, такъ и на общественную жизнь германцевъ. Сочиненія эти у насъ не переведены, да притомъ каждое изъ нихъ излагаетъ лишь нѣкоторыя стороны быта и обыкновенно одного какого-нибудь сословія.

Взявъ во вниманіе эти новые труды вмѣстѣ съ множествомъ другихъ матеріаловъ, которыхъ перечень читатель найдетъ въ концѣ книги, и провѣривъ нѣкоторые факты личными наблюденіями, мы, сообразно съ объемомъ нашего сочиненія, дали о Германіи до 30 очерковъ, которые, вмѣстѣ взятые, представляютъ болѣе или менѣе полную картину германской жизни. Намъ невозможно было отдѣльно описывать каждую мѣстность; но мы распредѣлили матеріалъ такъ, чтобы описаніе каждой избранной нами мѣстности освѣщало какую-нибудь сторону въ бытѣ германцевъ.

Прежде всего мы остановились на Берлинѣ, такъ какъ этотъ городъ играетъ самую видную роль и всему даетъ тонъ въ Германіи. Сами нѣмцы считаютъ его германскими Афинами, центромъ интеллигенціи и образованія, искусства и науки и, представляя разнообразныя факты, мы подробно выясняемъ, насколько это мнѣніе справедливо или преувеличено. Затѣмъ слѣдуютъ очерки, рисующіе житье-бытье, складъ характера, обычаи, нравы и матеріальное положеніе солдатъ, офицеровъ, духовенства, аристократіи, средняго сословія, студентовъ, интеллигенціи, промышленнаго и земледѣльческаго населенія Германіи. Чтобы дать болѣе полную картину нравовъ рабочаго люда и выяснить характеръ его труда, мы изображаемъ различныя мѣстности Германіи, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга своими климатическими условіями и промышленностью. Для этого у насъ сначала помѣщены очерки Шварцвальда, гдѣ описаны положеніе и заработокъ шварцвальдскихъ часовщиковъ, сплавъ лѣса и другіе промыслы жителей. Затѣмъ слѣдуютъ очерки Крефельда, его шелковой и бархатной промышленности, промышленности долины Вупперы, Эльберфельдъ-Бармена, Золингена, Эссена и описаніе жизни, положенія, заработка и занятій рабочихъ въ названныхъ мѣстностяхъ. Чтобы познакомить читателей съ ярмарками Германіи, которыя еще до сихъ поръ имѣютъ большое значеніе для населенія этой страны, мы даемъ описаніе

лейпцигскихъ ярмарокъ. Очерки Баваріи дали намъ возможность познакомиться читателей съ жизнью, нравами и обычаями жителей южной Германіи, а также съ тою ролью, которую играетъ пиво въ жизни нѣмца вообще и особенно баварца, такъ какъ первенство въ приготовленіи этого національнаго нѣмецкаго напитка изъ всѣхъ странъ Германіи безспорно принадлежитъ Баваріи, и Мюнхенъ — глава всѣхъ пивныхъ городовъ, въ полномъ смыслѣ слова столица бога Гамбринуса.

При описаніи жизни народовъ мы отводили также мѣсто характеристикѣ природы, представляя очерки наиболѣе замѣчательныхъ мѣстностей, какъ напр. Рейна; его виноградники повели къ знакомству съ жизнію винодѣловъ; при описаніи Балтійскаго побережья намъ представилась возможность познакомиться читателей не только съ природою близлежащихъ мѣстностей, но и съ характеромъ занятій жителей: съ ловлею янтаря, а также и съ приморскою жизнію мекленбуржцевъ. Въ настоящемъ томѣ мы отводимъ значительное мѣсто разнообразнымъ славянскимъ племенамъ, населяющимъ среднюю Европу. При этомъ мы не могли опустить безъ вниманія тяжелой, вѣковой борьбы между германскими и славянскими племенами, въ которой одни изъ славянскихъ племенъ изнемогаютъ и дѣлаютъ быстрые успѣхи въ германизации, чему особенно способствуетъ всеобщая воинская повинность, другія — не только оказываютъ энергическое сопротивленіе онѣмеченію и мадьяризации, но даже сами славянизируютъ нѣмцевъ и мадьяръ, которыхъ судьба забросила между ними. Самое видное мѣсто среди славянскихъ племенъ средней Европы несомнѣнно принадлежитъ культурному славянскому племени — чехамъ, описанію современной жизни и исторіи которыхъ и отведено въ настоящей книгѣ наибольшее мѣсто изъ всѣхъ славянскихъ народовъ. Затѣмъ читатели найдутъ очерки быта, нравовъ и характера сербовъ-лужичанъ, словенцевъ, словаковъ, русинъ. Жизнь и нравы послѣднихъ для насъ тѣмъ болѣе интересны, что тѣ же малороссы, которые населяютъ Галицію и живутъ подъ австрійскимъ господствомъ, занимаютъ огромную территорію въ южной Россіи.

Значительное мѣсто въ этомъ трудѣ намъ пришлось отвести и одному народу неарійскаго племени, вслѣдствіе той важной роли, которую онъ играетъ въ исторіи и жизни народовъ средней Европы, т. е. мадьярамъ. Какъ при описаніи Германіи, такъ и въ Австро-Венгріи, мы останавливаемся на характеристикѣ природы тѣхъ мѣстностей, которыя оказываютъ особенное вліяніе на складъ жизни народа и его промыслы. Такъ напр. въ очеркахъ Тироля представлены не только занятія народа, его хозяйство, характеръ и обычаи, но и природа этой страны. Въ Венгріи, на ряду съ характеристикой различныхъ слоевъ общества: магнатовъ, дворянъ, мелкой шляхты и крестьянъ, мы подробно описываемъ природу Карпатскихъ горъ, Дунай, Тиссу и однообразную Венгерскую равнину, въ виду той связи, которая существуетъ между жизнію мадьярскаго народа и природою этой страны.

По примѣру двухъ первыхъ томовъ, мы отводили значительное мѣсто наиболѣе характернымъ чертамъ прошлой жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, а затѣмъ и менѣе извѣстному въ историческомъ отношеніи народу — мадярамъ, при чемъ по прежнему на первомъ планѣ выступаетъ у насъ исторія народной жизни.

Во всѣхъ нашихъ очеркахъ, какъ въ этомъ, такъ и въ первыхъ двухъ томахъ нашего труда, мы старались прежде всего быть безпристрастными и объективными: указывая на заслуги народа, на его національныя достоинства, на его общественную роль въ современномъ прогрессѣ и его положеніе среди другихъ европейскихъ націй, мы въ то же время не упускали изъ виду и его недостатковъ.

Ел. Водовозова.

П Е Р Е Ч Е Н Ъ Р И С У Н К О В Ъ .

	Страницы:
1. Уличная сценка въ Берлинѣ	14—15
2. Нѣмецкіе типы мужчинъ	60—61
3. Нѣмецкіе типы женщинъ	80—81
4. Прирейнскій городокъ и его жители	96—97
5. Кельяскій соборъ	106—107
6. Жители Шварцвальда и ихъ домашняя обстановка	116—117
7. Баварскіе типы: слѣва—наверху дружка, внизу—свадебный музыкантъ	160—161
8. Танцы баварцевъ	180—181
9. Коммершъ нѣмецкихъ студентовъ	240—241
10. Сербы-лужицане въ Шпревальдѣ	260—261
11. Уличная сценка въ Вѣнѣ	272—273
12. Тирольскіе типы: жительница Винтгау и дровосѣкъ	304—305
13. Тирольскіе контрабандисты	310—311
14. Тирольскіе типы: внизу, слѣва охотникъ, подлѣ него сторожъ виноградника, справа женихъ и невѣста изъ Пустертали; вверху—двѣ сцены тирольскихъ танцевъ	340—341
15. Типы словенцевъ	354—355
16. Типы чеховъ изъ образованнаго класса	374—375
17. Чешская свадьба	424—425
18. Танцы русинъ въ корчмѣ	448—449
19. Хороводы и игры русинъ	452—453
20. Венгерскіе пастухи въ пуштѣ	474—475
21. Венгерскіе типы: сборъ винограда	484—485
22. Венгерскіе цыгане	532—533
23. Типы мадьярской аристократіи	548—549
24. Словаки	560—561

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЕРМАНИЯ.

	Стр.
<i>Берлинъ.</i> —Первое впечатлѣніе.—Значеніе германской столицы.—Жалкій видъ церквей.—Зловоніе столицы и ея пыль.—Постройки, улицы и мостовая.—Уличная жизнь.—Экипажи и извозчики.—Телѣжки, запряженныя собаками.—Военный и воинственный характеръ—типичная черта столицы.—Стремленіе уничтожить все французское.—Антипатія нѣмцевъ къ уличной рекламѣ.	1
« <i>Подъ липами</i> » и <i>Тиргартенъ.</i> —Внѣшній видъ улицы Липъ и ея оживленіе.—Бранденбургскія ворота и ихъ значеніе.—Статуи, знаменитые памятники и магазины.—Императорская галлерей.—Королевскій дворецъ.—Памятникъ Фридриха Великаго.—Акваріумъ.—Тиргартенъ и его развлечения.—Заведеніе Кролля.—Зоологическій садъ.	9
<i>Театръ.</i> —Берлинскіе театры и сюжеты современныхъ нѣмецкихъ пьесъ.—Артисты и ихъ отношеніе къ дѣлу.—Странствующие актеры.—Второстепенные театры и ихъ значеніе.—Вальнеровскій театръ.—Театры—рестораны	15
Кафе-шантаны и танцевальныя залы.—Характеръ развлеченій въ кафе-шантанахъ и ихъ пѣсни.—Танцевальныя залы: Кеннигсъ-Банкъ и Вилла-Колонна.—Орфеумъ и его роскошное убранство.	18
<i>Рестораны, пивныя и кондитерскія.</i> —Нѣмецкій ресторанъ: его значеніе, обстановка и обѣдъ.—Сценки изъ жизни въ загородныхъ ресторанахъ—пансіонахъ.—Обѣды съ «золотой сосиской».—Жулики рестораноу.—Несмѣтное число пивныхъ заведеній и значеніе пива для нѣмца.—Пивная лихорадка.—Вліяніе бѣлаго и баварскаго пива.—Пивной погребу подъ ратушей.—Пивные сады и ихъ обстановка.—Вальпургіева ночь на Бокъ-бергѣ и музыка въ Тиволи.—Страсть нѣмцевъ къ сладкому.—Берлинскія кондитерскія.—Женскія кондитерскія	22
Базарные дни.—«Гусинныя воры» и берлинскіе мошенники	34
<i>Биржа и пресса.</i> —Биржевая игра и страсть къ спекуляціямъ.—Ея деморализующее вліяніе.—Тщеславіе нѣмцевъ послѣ Франко-прусской войны и его печальныя послѣдствія.—Еврей, ихъ значеніе и роль, какую они играютъ на берлинской биржѣ.—Еврейскіе банкиры, ихъ характеръ и нравы.—Продажность прусской прессы и недоуверіе къ ней публики.—«Вюро прессы».—«Пресмыкающіеся» и характеръ газетъ, въ которыхъ они работаютъ.—Газетныя объявленія	36
<i>Прусская армія.</i> —Положеніе арміи.—Главный штабъ и его значеніе.—Служба, обученіе, жизнь и нравы солдатъ и офицеровъ.—Послѣдствія милитаризма.	49
Общественная жизнь высшаго и средняго сословія.—Характеръ нѣмцевъ.—Ихъ недостатки и достоинства.—Страсть къ музыкѣ.—Рѣзкое различіе между сословіями.—Напыщенный этикетъ.—Везумная страсть къ титуламъ.—Жизнь, взгляды и понятія аристократіи и чиновничества, ученаго сословія и духовенства	57
Домашняя жизнь высшаго и средняго сословія.—Нѣмецкая квартира и ея обстановка.—Меблированныя комнаты.—Домашняя ѣда: завтракъ, обѣдъ и ужинъ.—Прислуга.—Дѣти и ихъ жизнь.—Конфирмація.—Нѣмецкая дѣвушка.—«Polterabend».—Свадьба.—Семейная жизнь.—Разводъ.—Крестины.—Похороны.	74

<i>Рейнъ</i> .—Его значеніе для вѣмцевъ и обожаніе, которымъ онъ пользуется. Вогезы и Шварцвальдъ.—Кайзерштуль.—Рейнъ отъ Майнца до Кельна.—Средневѣковые замки.—«Мышинная башня».—Скала Лорелен.—Болпартъ.—Зибенгебирге и Драхенфельсъ.—Рейнгау и его вино.—Виноградари, ихъ характеръ и положеніе.—Часовня Роха и праздникъ въ честь святаго.—Сборъ винограда	92
Кельнъ.—Его прошлое и настоящее значеніе.—Кельнскій соборъ.—Народная жизнь и карнаваль	104
Шварцвальдъ и его природа.—Характеръ деревень и народа.—Его положеніе и заработки, одежда и занятіе: сплавъ лѣса, деревянные издѣлія, плетеніе изъ соломы и часовая промышленность	111
Крефельдъ.—Его шелковая и бархатная промышленность.—Жизнь, характеръ, заработокъ и положеніе ткачей	119
Промышленность долины Вупшера.—Эльберфельдъ-Барменъ и его рабочіе	125
Золингенъ и Ремшейдъ.—Золингенскіе работники, ихъ трудъ и положеніе	127
Эссенъ.—Крупновскіе заводы и рабочіе.—Каменноугольныя залежи	130
Лейпцигъ.—Ярмарки: ихъ значеніе прежде и теперь.—Лейпцигъ во время ярмарки.—Лейпцигскіе склады и книжное дѣло	133
Фрише-Нерунгъ.—Курише-Нерунгъ и Замландъ.—Оригинальныя дюны Курише-Нерунга.—Характеръ и жилища рыбаковъ.—Ловля янтаря.—Его значеніе прежде и теперь	140
Природа Фисланды и Дарса.—Приморская жизнь въ Мекленбургѣ	145

БАВАРІЯ.

Мюнхенъ.—Мѣстоположеніе баварской столицы.—Мюнхенскія пивоварни и пивовары.—Значеніе пива для баварца.—Пивныя революціи и ихъ причины.—Королевская пивоварня.—Искусство въ Мюнхенѣ.—Площадь Макса-Иосифа.—Одеонъ.—Дворецъ короля Максимилиана.—Библіотека.—Пинакотекка.—Глиптотека	149
Народная жизнь въ Мюнхенѣ; праздникъ мясниковъ, пляска бочаровъ и октябрьскіе праздники	152
Баварскій дождь и его обстановка.—Религія народа и его отношенія къ ней.—Пища.—Вѣтшій видъ баварскихъ горцевъ и ихъ характеръ.—Поединки и состязанія.—Языкъ.—«Шнадагюпфельнъ».—Саги и суевѣрія.—Одежда.—Положеніе работниковъ въ семействахъ баварскаго крестьянина.—«Тирьягдъ» въ Германіи.—Страхъ и вліяніе его на жителей.—Его значеніе прежде и теперь.—Народный судъ въ баварскихъ горахъ	157
Баварская деревня Обераммергау.—Крестьяне-актеры: ихъ жизнь, занятія и представленіе драмы страстей Господнихъ	168
<i>Жизнь баварскаго народа и его праздники</i> .—Служба ангеловъ.—Кража «рождественской свиньи».—Рождественская всеобщая.—Новый годъ.—День трехъ королей.—Срѣтеніе.—Масляница.—Баварскіе музыканты и танцы.—Поэтическія минуты жизни молодежи: проводы съ бала и свиданіе у открытаго окна.—Карнавальное представленіе.—Пятница послѣ Вознесенія: крестный ходъ.—Сомествіе на землю Св. Духа въ видѣ голубя.—День всѣхъ святыхъ и всѣхъ душъ	175
<i>Свадьба въ Баваріи</i>	185
Промышленное населеніе Германіи.—Ремесленники и фабричныя: ихъ положеніе и значеніе въ странѣ.—Заработокъ рабочихъ, ихъ пища, одежда, жилище и продолжительность рабочаго дня.—Горнозаводскіе рабочіе.—Рабочіе на заводѣ Круппа.—Рудокопы и рабочіе на металлическихъ фабрикахъ.—Твачи.—Рабочіе южной Германіи.—Характеръ германскихъ рабочихъ и современное состояніе промышленности	192
Распредѣленіе поземельной собственности.—Померанія—страна крупнаго землевладѣнія.—Домъ и хозяйство богатаго померанскаго землевладѣльца.—Его рабочіе.—Эмиграція и причины недовольства земледѣльческихъ рабочихъ.—Вредъ крупнаго землевладѣнія.—Страны съ преобладающею среднею (крестьянскою) поземельною собственностію.—Характеръ и жизнь крестьянъ-собственниковъ.—Ихъ рабочіе.—Положеніе земледѣльческихъ рабочихъ вообще.—Страны съ преобладающимъ мелкимъ землевладѣніемъ	204

Жизнь и нравы студентов.—Значеніе германскихъ университетовъ въ государствѣ и обществѣ.—Прошлая и современная жизнь студентовъ.—Корь-студенты: ихъ одежда и внѣшность.—Фуксы: ихъ вступленіе въ университетъ, жизнь и отношеніе къ буршамъ.—Кнейпа.—Саламандра.—Пивные долги.—Лишеніе пивной чести.—Пивной судъ.—Студенческія пѣсни.—Пивной поединокъ.—Ночныя серенады.—Результаты попойки.—Карцеръ.—Мейзура.—Пивныя награды.—Процессіи, торжества и коммерши.—Некорпоративные студенты и буршеншавства 218
 Народное образованіе 242

СЕРБЫ - ЛУЖИЧАНЕ.

Прошлое и настоящее сербовъ-лужичанъ.—Возрожденіе ихъ народности.—Народные руководители и ихъ дѣятельность.—Языкъ и литература 250
 Нижняя Лужица.—Котбусъ—центръ ниже-лужицкихъ сербовъ.—Характеръ народа и его пѣсни.—Шпревальдъ, его оригинальная природа и жизнь лужичанъ въ этой мѣстности въ разное время года.—Дома сербовъ-лужичанъ, ихъ одежда, занятія и музыкальные инструменты 256

АВСТРІЯ.

Вьнна.—Значеніе столицы и ея прекрасное мѣстоположеніе.—Отличіе отъ Берлина.—Вьнна—городъ удовольствій и промышленной дѣятельности.—Ея окрестности.—Вьнскій лѣсъ.—Прогулки.—Бадень.—Жизнь въ вьнскихъ предмѣстьяхъ.—Старый городъ съ его улицами и модными магазинами.—Соборъ Св. Стефана и Бургъ.—Евреи въ Вьнѣ и ихъ значеніе.—Вишплингеръ и Юдонъ-штрассе.—Площадь Стефана.—«Палка въ желѣзѣ».—Грабенъ и Рингъ-штрассе 266
 Пратеръ и городской паркъ 278
 Вьнскія кофейни 280
 Вьнскіе экипажи и кучера 283
 Характеръ вьнцевъ.—Ихъ страстная любовь къ музыкѣ и пѣнію.—Воскресное утро въ храмѣ.—Пѣвческіе хоры.—Комическіе народные пѣвцы.—Вьнскія дамы. . . . 285

ТИРОЛЬ И ШТИРІЯ

Австрійскія Альпы.—Желѣзныя дороги черезъ Альпы.—Характеръ природы Тироля и его замки.—Обработка земли.—Положеніе мелкой поземельной собственности.—Сельское хозяйство.—Земледѣліе и скотоводство.—Шелководство и уходъ за виноградниками.—Пастбища.—Хозяйство и развлеченія на альмахъ и любовь къ нимъ народа.—Пастушескія хижины и жизнь на альмахъ 292
Характерные народные типы Тироля.—Охотники.—Рѣзчики деревянныхъ издѣлій.—Дровосѣки и сплавщики.—Угольщики.—Смолокуры.—Торговцы фруктами.—Сторожа виноградниковъ.—Контрабандисты.—Дѣти, отправляемыя на заработки.—Шинковальщики капусты.—Корнекопатели.—Содержатели гостиницъ.—Муравьиныя вѣдьмы.—Собиратели кедровыхъ орѣховъ.—Коммисіонеры по дѣламъ спасенія души и продавцы религіозныхъ предметовъ.—Факторши деревенскаго населенія.—Кузнецы.—Странствующій людъ мелкихъ профессій.—Странствующіе ремесленники.—Дѣрхеры.—Кретины 300
 Религія народа и его фанатизмъ.—Духовенство: его значеніе и вліяніе.—Религіозныя зданія и приношеніе даровъ по обѣту.—Суевѣріе народа 321
 Страсть альпійцевъ къ театральнымъ представленіямъ.—Райская мистерія или грѣхопаденіе прародителей.—Пастушеская и королевская игра.—Представленіе страданій Христа.—Драмы, исполняемыя странствующими актерами: покаяніе грѣшника. . . 326
 Характеръ народа.—Страсть къ состязаніямъ.—Fingerhakeln.—Драка.—Стрѣльба

въ цѣль. — Музыкальный талант и музыкальные инструменты. — Пѣсни. — Шнада- гюпфельнъ, танцы, ссоры и схватки. — Одежда, пища и жилище народа	332
Какъ штирійцы строятъ свои дома. — Обычаи, связанные съ окончаніемъ по- стройкы. — Домашняя обстановка. — Розовый вѣнокъ. — Деревенскіе календари и ихъ зна- ченіе. — Календари тирольскій и штирійскій. — Комнаты хутора и хозяйственные при- стройкы. — Колыбель ребенка и положеніе дѣтей. — Выдѣленная изба	345

СЛОВЕНЦЫ.

Ихъ численность и религія. — Страсть къ богомольямъ. — Характеръ народа, его одежда, жилище, языкъ, занятія, жизнь, суевѣрія, нравы и обычаи	354
---	-----

ЧЕХИ.

Богемія. — Первое знакомство со страпою. — Чехи и ихъ прошлая судьба. — Ихъ овѣщеніе и угнетеніе. — Жизнь народа послѣ Бѣлогорской битвы. — Національное воз- рожденіе. — Жизнь чеховъ въ настоящее время	365
Картина богемскихъ городовъ. — Чиновники и горожане-земледѣльцы. — Ихъ харак- теръ и различіе, существующее между ними. — Любовь къ устройству различныхъ об- ществъ. — «Весѣды» и ихъ вліяніе на народъ. — Студенты и ихъ значеніе въ странѣ. — Чешскій языкъ. — Религія народа и его священники	375
Эмиграція чеховъ и ея причины. — Евреи и ихъ значеніе въ Богеміи	380
Жизнь и положеніе чешскаго простонародья. — Халупники и седлаки. — Внѣшній видъ чешской деревни. — Избы крестьянъ и ихъ обстановка. — Домашняя жизнь народа, его характеръ, образованіе, суевѣріе, фізіономія и одежда	383
Дворяне, ихъ характеръ, жизнь и управленіе своими громадными помѣстьями. — Лѣса — главный источникъ дохода и удовольствія дворянъ. — Положеніе рабочихъ и земле- дѣльцевъ въ большихъ имѣніяхъ. — Браконьерство и порубка лѣса. — Сельское хозяйство въ большихъ помѣстьяхъ	391
Бродячій людъ и его характеръ. — Подвижной театръ маріонетокъ. — Докторъ Фаустъ — популярнѣйшая драма этого театра. — Жизнь и характеръ странствующихъ актеровъ	394
Музыканты-кочевники и ихъ жизнь	397
<i>Промыслы.</i> — Горное дѣло. — Положеніе рудокоповъ. — Чешскій фарфоръ въ Бѣ- жервальдѣ. — Природа страны. — Стекланные заводы и издѣлія изъ лѣса	400
Нравы и обычаи чеховъ. — Страсть народа къ танцамъ и веселью. — Танцевальная вечеринка въ гостиницѣ. — Польшка. — Коломайка и ея незатѣливый притѣвъ — Стра- шакъ; тавецъ тугомеридій и его оригинальная пѣсенка. — Кукушка и волыничекъ. — Бзвкота. — Танецъ при сборѣ винограда. — Танецъ, сопровождаемый пѣсенкой религіоз- наго содержанія. — Комическіе танцы: танецъ рокичанъ; крестьянннъ. — Хороводные танцы: бртва, хитава	403
Праздники. — Щедрый вечеръ. — Національныя чешскія кушанья. — Рождествен- ское деревцо. — Повѣрья и обычаи этого дня. — 26-е декабря. — Три царя. — Коляда съ ислями. — Посидѣлки. — Новый Годъ и повсемѣстный обычай подносить стихи. — Канунъ Крещенія	408
Масляница. — Процессія масокъ для сбора подарковъ. — Масляничный медвѣдь. — Веселый пиръ въ присутствіи Вахуса и его торжественное погребеніе. — Погребеніе вио- лончели	413
Мартъ и апрѣль: обычаи этого времени. — Украшенное деревцо. — Кукла — изобра- женіе лѣта и смерти. — День св. Григорія. — Начало пахоты. — Рѣчи, которыя произно- сятъ во время пиршества по этому поводу	415
Майскіе и июльскіе праздники, обычаи и предназначенія. — Майскія березки — поводъ для веселья молодежи. — Праздникъ св. Непомука. — Знаменитая королевская игра. — Обезглавленіе лягушки	416
<i>Свадьба.</i> — Ораторъ и его значеніе. — Помолвка. — Торжественный ужинъ и сва- дебныя пѣсни. — «Младенцы» и дружички. — Приготовленіе къ свадьбѣ лошадей и экипа- жей. — Приглашеніе гостей. — День свадьбы. — Вѣнчаніе, свадебный пиръ, музыка, рѣчи и танцы — Смертный приговоръ надъ пѣгухомъ	419

РУСИНЫ.

Прошлая судьба галицкихъ русинъ.—Польское иго.—Отношеніе поляковъ къ русинамъ.—Вліяніе польскаго господства.—Жизнь русинъ подъ австрійскимъ господствомъ.—Национальное возрожденіе.—Львовскій сеймъ и значеніе русинскихъ представителей.—Борьба съ поляками.—Положеніе народа въ настоящее время.—Его письменный и разговорный языкъ	427
Религія русинъ, ихъ церкви и духовенство.—Галиційскіе евреи и ихъ значеніе въ странѣ.—Экономическое положеніе народа	436
Русинскіе мѣщане и хлопы: ихъ жизнь, занятія и одежда.—Внѣшній видъ дома и домашняя обстановка.—Пища и характеръ народа.—Танцы въ корчмѣ и пѣсни.—Хороводы и игры въ праздникъ Пасхи	444

ВЕНГРІЯ.

Характеръ страны.—Татра и Карпатскія горы	453
Дунай и Тисса.—Значеніе этихъ рѣкъ для страны.—Ужасныя венгерскія дороги.	457
Альфѣльдъ и его однообразный ландшафтъ.—Недостатокъ лѣса и камня.—Климатъ.—Плодородіе почвы.—Сельское хозяйство Альфѣльда.—Вѣдность народа	463
Венгерская пушта.—Ея жизнь и природа.—Пастухи: ихъ жилища, нравы, обычаи и одежда.—Чарда и ея гости.—Какъ проводятъ пастухи день св. Георгія и праздникъ Троицы	469
Колдась, его жизнь и характеръ.—Значеніе въ мадыарскомъ хозяйствѣ свиней и домашнихъ птицъ.—Пастухи и продавцы гусей.—Жнитво и торжество, которымъ оно заканчивается.—Молотба и сохраненіе зерна.—Виноградники Венгріи.—Сборъ винограда.—Токай и его вино.—Необыкновенное количество разнообразной дичи въ странѣ.—Верховая охота на зайцевъ.—Охота на драхву.—Ловля птицъ.—Рыболовство въ Дунаѣ и Тиссѣ.—Цвѣтеніе Тиссы.—Рыбо-обильный Балатонъ.—Посидѣлки	479
Оригинальный видъ венгерскихъ городовъ.—Дебречинъ и характеръ его построекъ.—Ярмарки.—Дебречинскіе граждане	491
Мадыарскія деревни.—Крестьянское жилище.—Преждевременная старость и болѣзни	495
Характерныя черты прошлой жизни мадыарскаго народа.—Его религія и духовенство.—Характеръ народа.—Одежда крестьянъ и крестьянокъ.—Ихъ пища, любовь къ веселью и танцамъ.—Чардашъ—національный танецъ.—Музыка	499
Разбойничество и его причины.—«Несчастненькіе» и бетіары	516
Народные праздники и забавы.—Крестины.—Свадьба.—Лошадиныя скачки	521
Латинскій языкъ и его господство въ странѣ.—Современный мадыарскій языкъ и его значеніе для всѣхъ народовъ Венгріи.—Низкая ступень развитія мадыарской литературы и ея причины	527
Цыгане и евреи; роль, какую они играютъ въ жизни мадыарскаго народа	532
Дворяне: ихъ значеніе прежде и теперь.—Мелкая шляхта.—Сельскіе помѣщики: ихъ характеръ, жизнь, нравы и широкое гостепріимство.—Магнаты и ихъ значеніе въ странѣ.—Одежда мужчинъ и женщинъ высшихъ классовъ общества	536

СЛОВАКИ.

Характеръ страны.—Эмиграція словаковъ и ихъ скитальческая жизнь на чужбинѣ.—Языкъ, религія, прошлая и современная жизнь.—Преслѣдованіе мадыарами словенской народности.—Вліяніе словаковъ на сосѣдей	550
Физиономія, характеръ и одежда словаковъ.—Ихъ жилища, занятія и пища	559
Списокъ источниковъ	564

ГЕРМАНІЯ.

БЕРЛИНЪ.

Первое впечатлѣніе.—Значеніе германской столицы.—Жалкій видъ церквей —Зловоніе столицы и ея пыль.—Постройки, улицы и мостовая.—Уличная жизнь.—Экипажи и извозчики —Телѣжки, запряженныя собаками.—Военный и воинственный характеръ—типичная черта столицы.—Стремленіе уничтожить все французское.—Антипатія нѣмцевъ къ уличной рекламѣ.

Прежде говорили: «кто не видалъ Кёльна, не видалъ Германіи;» теперь эта поговорка перемѣнилась на другую: «кто не видалъ Берлина, не видалъ Германіи!» Изъ всѣхъ старыхъ и новыхъ городовъ Германской Имперіи, изъ всѣхъ самыхъ промышленныхъ и дѣятельныхъ пунктовъ, имѣющихъ значеніе для Европы, «одинъ Берлинъ повелѣваетъ судьбами страны, созидаетъ, приказываетъ, приводитъ въ исполненіе и направляетъ, онъ даетъ и отнимаетъ; онъ раздаетъ правосудіе и славу; къ нему стремится вся жизнь, весь страстный пылъ Германіи, не прежней Германіи наивныхъ легендъ, сентиментальныхъ балладъ, средневѣковыхъ мечтаній и святыхъ соборовъ, но современной Германіи, страны крови и желѣза, страны пушекъ, картечи и войнъ. Ея рыцари больше уже не заперты въ заколдованномъ лѣсу поэзіи и искусства: вооруженные игольчатыми ружьями и съ остроконечной каской на головѣ, они свободно разѣзжаютъ верхомъ по большимъ дорогамъ Европы.» Нѣмцы считаютъ Берлинъ городомъ интеллигенціи, центромъ образованія, учености, искусствъ и называютъ его «германскими Афинами», но это лишь излишнее пристрастіе къ своей столицѣ: науки и искусства не менѣе, а часто и болѣе процвѣтаютъ и въ другихъ городахъ Германіи. Тѣмъ не менѣе Берлинъ дѣйствительно служитъ средоточіемъ обширнѣйшей промышленности и торговли, населеннѣйшимъ центромъ въ странѣ, резиденціею короля, обожаемаго нѣмцами прежде всего уже потому, что онъ представитель высшей власти.

Берлинъ производитъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ каждый коренной русскій городъ, который еще издали, часто за много верстъ, сверкаетъ на солнцѣ вызолоченными крестами и куполами своихъ церквей. Расположенный на совершенно гладкой, однообразной, жалкой равнинѣ Бранденбургской марки, и притомъ до такой степени песчаной, что ее прежде называли «песочницею Римской Имперіи», онъ представляетъ лишь однообразную темно-сѣрую массу домовъ, надъ которой поднимаются красныя тру-

бы; болѣе рѣзко выдѣляется изъ нихъ только куполъ на королевскомъ замкѣ, новая еврейская синагога и двѣ вызолоченныя фигуры на двухъ церквахъ близъ театра. Но эти фигуры не изображенія святыхъ: одна изъ нихъ представляетъ Добродѣтель, другая—Религію. Другихъ церквей вы не замѣтите, точно здѣсь ихъ вовсе не существуетъ. Но когда вы начнете изучать городъ и искрестите его вдоль и поперекъ во всѣхъ направленіяхъ, вы узнаете, что въ немъ существуетъ немало и другихъ церквей, кромѣ тѣхъ, которыя при вѣздѣ обратили на себя ваше вниманіе. Но всѣ онѣ имѣютъ жалкій, заброшенный видъ, а очень многія изъ нихъ сверху до низу покрылись плѣсенью и могутъ быть скоро представлять взорамъ живописныя руины. Эта запущенность церквей особенно бросается въ глаза потому, что въ Берлинѣ существуетъ немало прекрасныхъ зданій, и всѣ онѣ, какъ богатая, такъ и скромная, поддерживаются весьма тщательно. Удивительно также это и потому, что лютеранскія церкви въ Москвѣ и Петербургѣ имѣютъ весьма порядочный видъ, между тѣмъ въ Берлинѣ даже новыя церкви построены небрежно, необдуманно, часто просто уродливо: колокола на столько малы, что ихъ звонъ заглушается даже отдаленнымъ шумомъ барабановъ, резонансъ храма настолько плохъ, что трудно разобрать слова проповѣдника, башни церквей далеко не изящны, фигуры святыхъ вовсе не внушаютъ религіозныхъ чувствъ. Какъ видно, религіозное рвеніе и набожность совсѣмъ покинули берлинцевъ.

Заглянемъ, однако, внутрь храма. Громадныя мрачныя зданія совсѣмъ пусты: сегодня воскресенье, между тѣмъ въ темной церкви только нѣсколько десятковъ молящихся, вяло поглядывающихъ во всѣ стороны. Однимъ словомъ, отсюда выносите впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, какое производятъ католическія храмы. Да это отчасти и понятно: протестантскія храмы не возбуждаютъ религіознаго экстаза; въ богослуженія нѣтъ ни поэзіи, ни страсти, ничего привлекательнаго. Неукрашенный, точнѣе сказать, голый храмъ не говоритъ чувству; искусственные цвѣты на алтарѣ поблекли и загрязнились; покровъ изорванъ, обветшалъ, даже эмаль съ распятія на алтарѣ облупилась, и пылъ сплошь забила всѣ углубленія. Молящіеся здѣсь какъ будто лишь исполняютъ свою обязанность, а не слѣдуютъ внутренней потребности сердца; они не изливаютъ у подножія алтаря своей скорби и страданій, какъ это можно видѣть въ католическихъ храмахъ Испаніи и Италіи. Когда идетъ богослуженіе, не слышно общей молитвы: поетъ нѣсколько лицъ, стоящихъ за органомъ, пасторъ читаетъ проповѣдь, и унылая служба кончается.

Громадное большинство германскихъ протестантовъ, особенно въ Берлинѣ, идетъ въ церковь по какому-нибудь особому поводу, напр. въ тотъ день, когда проповѣдь будетъ читать знаменитый проповѣдникъ или когда въ церкви будутъ присутствовать члены королевскаго семейства. О, тогда всѣ являются въ парадныхъ костюмахъ, и церковь биткомъ набита народомъ! Въ такихъ случаяхъ со всѣхъ сторонъ мелькаютъ блестящіе мундиры, и дамы въ роскошныхъ туалетахъ придаютъ всей обстановкѣ веселый, праздничный видъ. Такимъ образомъ королевскому семейству всегда приходится видѣть храмъ, наполненный молящимися; но теперь и оно уже не ошибается на этотъ счетъ. Германскій императоръ убѣдился, что религія для весьма многихъ его подданныхъ—официальный ярлыкъ, показываемый въ дни народной переписи. Это краснорѣчиво подтверждаетъ статистика. Въ Берлинѣ браки, не освященные церковнымъ обрядомъ, и дѣти, не получившія крещенія, составляютъ изрядный процентъ. Со времени введенія гражданскаго брака число лицъ, вступившихъ въ церковный бракъ, не превышаетъ 50%. Изъ 27,500 похоронъ, бывшихъ въ 1874 г. въ Берлинѣ, на долю гражданскихъ погребеній приходится не менѣе 24,000; но еще болѣе ужасаетъ религіозныхъ людей тотъ фактъ, что изъ 100 новорожденныхъ въ послѣднее время отъ 16 до 20 остаются

некрещеными. Этотъ религіозный индиферентизмъ даетъ себя чувствовать рѣшительно вездѣ: число студентовъ, изучающихъ теологію, съ каждымъ годомъ уменьшается. Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ въ Берлинскомъ университетѣ было 2,203 студента теологіи, а въ 1873 г., не смотря на необыкновенное увеличеніе населенія въ этомъ городѣ, всего 740. Судьи, при допросѣ обвиняемыхъ по разнымъ преступленіямъ, на вопросъ, вѣрятъ ли они въ Бога, очень часто получаютъ отрицательный отвѣтъ; а когда въ прошломъ году тотъ-же вопросъ былъ заданъ одному обвиняемому изъ рабочихъ, онъ иронически отвѣчалъ: «нѣтъ, господинъ судья, въ такіе пустяки я уже давно не вѣрю!» И это говорятъ не англійскіе пролетаріи, изъ которыхъ многіе не только не бывали въ школѣ, но и ничего не слыхали объ Иисусѣ Христѣ, а нѣмецкіе рабочіе, успѣшно кончающіе курсъ въ народныхъ школахъ. Храмы рѣшительно вездѣ замѣтно пустѣютъ. Шокированное этимъ правительство, опасаясь, чтобы они въ близкомъ будущемъ и совсѣмъ не опустѣли, и желая по этому поводу прекратить толки иностранцевъ, сдѣлало три года тому назадъ распоряженіе, чтобы всѣ лавки въ городѣ были заперты во время церковнаго богослуженія, но эта мѣра была встрѣчена всеобщимъ неодобреніемъ и нисколько не увеличила и безъ того уже незначительнаго количества обычныхъ посѣтителей церквей. Такимъ образомъ императоръ Вильгельмъ, какъ извѣстно, человекъ въ высшей степени религіозный, править самыми невѣрующими во всемъ христіанскомъ мірѣ подданными. Но намъ еще придется говорить объ этомъ, а теперь возвратимся къ Берлину.

Лишь только вы вступаете въ этотъ городъ, какъ васъ сейчасъ со всѣхъ сторонъ охватываетъ отвратительный запахъ, какаѣ-то смѣсь разнообразныхъ зловоній, которая особенно даетъ себя чувствовать въ жаркое лѣтнее время. Лишь только изъ вагона успѣшь пересѣсть на берлинскія «дрожки», такъ тотчасъ начинаешь невольно оглядываться во всѣ стороны, надѣясь не тамъ, такъ здѣсь, избавиться отъ зловоній. Но куда вы ни обернетесь, куда бы вы ни отправились, гуляете-ли вы по Тиргартену, этому Гайдъ-парку Берлина, дѣйствительно огромному и прекрасному здѣшнему парку, находитесь-ли въ противоположной отъ него сторонѣ, въ Фридрихъ-Гайнѣ (роща Фридриха, въ восточной части), отдыхаете-ли на одной изъ скамеекъ «Unter den Linden» — этой лучшей улицы Берлина, или бродите въ безлюдной части города, — отвратительный запахъ преслѣдуетъ васъ всюду. Это зловоніе происходитъ главнымъ образомъ отъ канавъ, прорытыхъ по обѣимъ сторонамъ улицы, на днѣ которыхъ толстый слой грязи разлагается подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и медленно стекаетъ въ р. Шпре. Въ болѣе населенныхъ частяхъ города, а также и тамъ, гдѣ пересѣкаются улицы, эти канавы отчасти прикрыты толстыми, неприбитыми досками; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черезъ нихъ перекинута мостики, но кромѣ нихъ берлинскія канавы, которыя тянутся на нѣсколько сотенъ миль, совершенно открыты, и тряпичники постоянно роются въ ихъ жидкихъ нечистотахъ, устраиваютъ запруды, чтобы остановить движеніе, а дѣти по маслянистой поверхности этой грязной жидкости пускаютъ маленькіе кораблики съ бумажными парусами. Нѣмцы, которые такъ щедро предаются возліянію пива, нерѣдко протрезвляются ночью въ этихъ канавахъ. Доктора и санитары употребляютъ всѣ усилія, чтобы побудить администрацію предпринять что-нибудь для очищенія столицы, и предсказываютъ въ близкомъ будущемъ появленіе жесточайшихъ эпидемій, въ родѣ тѣхъ, которыя въ средніе вѣка опустошали города; но власти остаются глухи ко всѣмъ воплямъ и воззваніямъ, такъ какъ сумма, ассигнованная для ассенизаціи города, въ высшей степени ограничена. Но чтобы еще нагляднѣе выяснитъ себѣ причину зловоній Берлина, слѣдуетъ хотя нѣсколько минутъ погулять по набережной Шпре, которая течетъ въ центрѣ города и дѣлитъ его на сѣверную и южную часть. Стоитъ только взглянуть на воду этой рѣки, и вы содрогнетесь

*

при мысли, что кофе, который вы будете пить, супъ, который вамъ придется здѣсь ѣсть, все приготовлено изъ этой мутной, всякой жидкости, отвратительной даже на видъ. Не даромъ объ этой рѣкѣ даже мѣстный поэтъ выразился такъ: «при своемъ вступленіи въ Берлинъ, Шпре напоминаетъ лебедя; при выходѣ ихъ столицы она похожа на свинью».

Кромѣ ядовитыхъ испареній, которыя дѣлаютъ пребываніе въ столицѣ въ жаркое лѣтнее время не только непривлекательнымъ, но и вреднымъ для здоровья, иностранцы встрѣчаютъ и другое, весьма чувствительное неудобство: облака песку при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра поднимаются на воздухъ и покрываютъ все, что имъ попадаетъ на пути. Несмотря на это, здѣшнія улицы поливаютъ весьма рѣдко и чрезвычайно экономно. Это опять происходитъ по недостатку денежныхъ средствъ. Иностранцы смѣются надъ скупостью нѣмцевъ и указываютъ, что такое неудобство не только давнымъ-давно устранено во всѣхъ европейскихъ столицахъ, но даже и въ городахъ второстепенной величины. Нѣмцы оправдываютъ эту экономію тѣмъ, что кампанія, которая берется за это дѣло, требуетъ такую несообразную сумму, за которую можно было-бы поливать улицы настоящимъ о-де-колономъ, что, разумѣется, было-бы весьма кстати при зловоніяхъ столицы. Вслѣдствіе этого въ вѣтреные дни облака песку быстро движутся по длиннымъ улицамъ. Случается, что столбъ песку поднимается съ южной стороны Берлина, проносится вихремъ по улицамъ, и увеличиваясь еще по дорогѣ, засыпаетъ все, что попадаетъ ему на встрѣчу. Эти столбы пыли и песку засоряютъ глаза, раздражаютъ кожу, плотной пеленой покрываютъ платье, проникаютъ въ горло, ноздри и уши. Вслѣдствіе этого въ Берлинѣ постоянно господствуютъ болѣзни глазъ и горла. Причина этого обилія песка и пыли въ томъ, что Берлинъ расположенъ среди обширной песчаной равнины, песокъ которой находится въ постоянномъ движеніи.

Отвратительная рѣка столицы, ея ровныя, прямыя улицы, придающія ей какой-то казарменный характеръ, отсутствіе уличнаго оживленія и живой общественной жизни, вмѣсто которыхъ здѣсь на первомъ планѣ выступаютъ солдатчина и военная муштровка съ несмолкаемымъ барабаннымъ боемъ и военными оркестрами, необщительный характеръ нѣмцевъ, ихъ однообразныя удовольствія, лишеныя всякой поэзіи и фантазіи, концерты и музыка, иногда весьма недурные, но кончающіеся обыкновенно грубой ссорой, свалкой и дракой, — все это иностранцевъ всѣхъ національностей безъ исключенія мало привлекаетъ къ Берлину. Между тѣмъ эта нѣмецкая столица, если по внѣшности и не поражаетъ своею оригинальною прелестью, все-таки пользуется репутациею красиваго города. На ея улицахъ и площадяхъ вы увидите цѣлую армію статуй и монументовъ, болѣе десятка дворцовъ, множество замѣчательныхъ общественныхъ зданій и великолѣпныхъ гостинницъ, немало прекрасныхъ частныхъ домовъ и огромныя казармы въ стилѣ суровыхъ феодальныхъ замковъ. Даже фабрики для приготовленія газа, которыя во всѣхъ другихъ городахъ весьма безобразны, здѣсь имѣютъ видъ величественныхъ готическихъ башенъ.

Берлинъ изъ всѣхъ столицъ Европы распланированъ наиболѣе математически правильно: прямота, длина, равномерная ширина, прямоугольное расположеніе его улицъ, за исключеніемъ извилистыхъ дорогъ въ старыхъ частяхъ города, вошли въ пословицу. Видно, что ровныя, широкія, прямыя, монотонныя улицы Берлина были выстроены сразу по приказанію начальства, но поэтому-то онѣ, какъ и все въ столицѣ, носятъ какой-то казенный характеръ. Да иначе и быть не могло: поэзія мало доступна прусскому сердцу. Берлинецъ преклоняется и уважаетъ только «бога войны», только ему онъ отдаетъ свою мысль и заботу. Подтверженіе этому вы найдете вездѣ въ современной жизни пруссаковъ и всего болѣе въ Берлинѣ, который даетъ тонъ всей странѣ. Эти ровныя, широкія улицы чрезвычайно удобны для движенія колоннъ пѣхоты, артил-

леріи и кавалеріи; онѣ устроены такъ, чтобы на нихъ свободно могли маневрировать многочисленныя войска.

Однако, не смотря на красоту большинства зданій, часто даже тѣ изъ нихъ, которыя служатъ наукѣ и искуству, носятъ чисто-казарменный характеръ. Военный элементъ вездѣ и всюду прежде всего бросается здѣсь въ глаза. вмѣсто гула несмѣтной оживленной толпы, а по вечерамъ звука музыкальныхъ инструментовъ, пѣсень, смѣха, шутокъ и остротъ южныхъ городовъ Испаніи, Франціи и Италіи, вы постоянно слышите здѣсь бой барабана и рѣзкій свистъ флейты, прерываемый шумомъ колесъ артиллерійскихъ орудій. Въ улицахъ Берлина васъ поразитъ полное отсутствіе живой человѣческой дѣятельности; тутъ не встрѣтите вы ничего подобнаго ни лондонскимъ проповѣдникамъ, ни южнымъ уличнымъ ораторамъ; никогда не придется вамъ здѣсь натолкнуться и на живую, оригинальную народную сценку. Эту мертвенную неподвижность и однообразіе не оживляютъ ни крики уличныхъ торговцевъ, ни погонщиковъ муловъ; никогда не развлечетъ васъ здѣсь даже забавная реклама. Мелкіе торговцы не имѣютъ права перекатывать съ мѣста на мѣсто свои телѣжки, не смѣютъ устраивать свои лавочки на открытомъ воздухѣ. Въ чинномъ спокойствіи проходятъ передъ вами толпы людей и проѣзжаютъ различные экипажи, отнюдь не отличающіеся ни блескомъ, ни скоростью ѣзды. Конечно, въ такомъ большомъ городѣ, какъ Берлинъ, существуютъ щегольскіе частныя и наемныя экипажи, но ихъ такъ мало, что они совсѣмъ теряются среди огромнаго числа неуклюжихъ и потертыхъ омнибусовъ, торвагенъ (кукушка) и особенно «дрожекъ», какъ здѣсь называютъ извозничьи наемныя кареты. Эти дрожки тянутся медленно, запряженныя жалкой лошады, и могутъ вмѣстѣ четырехъ человѣкъ. Цвѣтъ экипажа обыкновенно шоколадный, но тамъ и здѣсь лакировка облупилась, и она замазана свѣжей краской, что напоминаетъ заплаты на рубищѣ. Переднюю часть покрывки дрожекъ въ хорошую погоду можно отбрасывать назадъ, а во время дождя онѣ представляютъ нѣчто въ родѣ кареты. Жителей Вѣны и Парижа, которые такъ привыкли къ своимъ щегольскимъ экипажамъ, берлинскія дрожки поражаютъ своимъ убогимъ видомъ. И дѣйствительно, какъ только въ нихъ сядешь, такъ тотчасъ задребезжатъ стекла, загрохочутъ колеса, и толчки и тряска порядкомъ намнутъ бока. Хозяева дрожекъ приписываютъ плохое состояніе своихъ экипажей дурнымъ мостовымъ и говорятъ, что они быстро портятся вслѣдствіе постоянной тряски по камнямъ и канавамъ. Лошадь не лучше экипажа: шкура ея, особенно на плечахъ, истерта и въ ранкахъ, которыя поэтому всегда обмазаны жиромъ; при этомъ она такъ худа, что у нея можно сосчитать ребра. Кучеръ тоже представляетъ полную противоположность своему вѣнскому собрату: онъ не отличается ни его щеголеватостью и удалью, ни его умѣньемъ управлять лошадыми; грубость берлинскихъ извозчиковъ вошла въ пословицу. Но какъ ни плохи берлинскія дрожки, пѣшкомъ идти еще скучнѣе: на каждомъ поворотѣ приходится останавливаться, чтобы дать проѣхать экипажу или первобытнымъ деревенскимъ телѣгамъ и повозкамъ со льдомъ для охлажденія пива. Если по улицамъ Берлина и пролетитъ иногда щегольской тильбюри, то имъ непремѣнно править блестящій гвардейскій поручикъ. А вотъ наконецъ и чисто національная колымага, которую, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ другихъ городахъ Германіи, встрѣчаешь очень часто,—это телѣга пивовара. Она состоитъ изъ длинныхъ брусевъ, на которые наваливаютъ по полусотнѣ пивныхъ бочекъ. Эта длиннѣйшая колымага не можетъ поворачиваться, и лошади, смотря по необходимости, запрягаются то съ одного, то съ другого ея конца. По берлинскимъ улицамъ много ходитъ также конно-желѣзныхъ дорогъ и почтовыхъ дилижансовъ. Проектъ подземной желѣзной дороги провалился вслѣдствіе затрудненій, которыя представляетъ песчаная почва Берлина. Не существуетъ здѣсь и надземной желѣзной дороги, такъ

как по расчетамъ она не могла бы окупиться. Не мало можно встрѣтить телѣжекъ съ пескомъ, запряженныхъ одною лошадей, которая имѣетъ уже такой отчаянный видъ, точно она сейчасъ изъ живодерни. Понурия голову, тащить она свою тяжесть въ то время, какъ ея господинъ громкими криками зазываетъ хозяекъ. Несмотря на то, что въ Берлинѣ такъ много песку, хозяйки ежедневно запасаются имъ для мытья половъ и посуды. Но еще чаще можно встрѣтить маленькую телѣжку, запряженную одною или двумя собаками и нагруженную кувшинами съ молокомъ, зеленью, фруктами, бѣльемъ и разною живностью. На собакахъ въ Берлинѣ перевозятъ только тяжести, развѣ иной мальчикъ, распродавъ въ городѣ свой товаръ, сядетъ самъ въ телѣжку, запряженную собаками, и быстро пронесется по дорогѣ за городомъ. Собакъ здѣсь употребляютъ вмѣсто лошадей, потому что ихъ содержаніе несравненно дешевле. Несмотря на то, что онѣ оказываютъ берлинскому населенію множество услугъ, ихъ обыкновенно кормятъ весьма недостаточно, и большинство ихъ имѣетъ по истинѣ жалкій видъ. Запряжены собаки безъ хомута, съ широкимъ ремнемъ на груди, прикрыпленнымъ другимъ ремнемъ вокругъ тѣла; ихъ запрягаютъ безъ всякихъ дугъ, въ одиночку или по парѣ въ дышло. Чаще собаки тянутъ телѣжку парюю, чѣмъ въ одиночку, и болѣе всего между ними встрѣчаешь обыкновенныхъ дворняжекъ. Чрезвычайно интересно смотрѣть, какъ эти умныя животныя дружно тянутъ свою тяжесть; хозяинъ идетъ впереди и только посвящается или поманиваетъ ихъ за собой; иногда онъ идетъ по тротуару, а собаки идутъ однѣ по улицѣ и зорко слѣдятъ за его направлениемъ. Собаки преспокойно тянутъ свою тяжесть по самымъ шумнымъ улицамъ, не сталкиваясь съ лошадьми и не бросаясь на нихъ, такъ какъ экипажи, при своей медленной ѣздѣ, даютъ возможность ребенку, управляющему телѣжкой, свернуть во-время въ сторону. Всѣ собаки, какъ рабочія, такъ и балованныя дамскія болонки, въ намордникахъ, поэтому онѣ ведутъ здѣсь себя чрезвычайно скромно и почти вовсе не лаютъ. Эти намордники вовсе ихъ не затрудняютъ: онѣ свободно могутъ въ нихъ дышать, пить и ѣсть, и не могутъ только кусаться. Кстати скажемъ, что красивыхъ маленькихъ собакъ здѣсь встрѣчается вообще очень мало. Нѣмцы, какъ извѣстно, народъ въ высшей степени экономный, а здѣсь за каждую собаку, которую держать изъ прихоти, платятъ ежегодно около 3-хъ руб. Когда вносятся этотъ налогъ, тогда выдается и намордникъ, на которомъ обозначено, что надлежащая пошлина внесена. Когда собака безъ намордника попадаетъ на глаза одному изъ парней, составляющихъ дозоръ, обязанный присматривать за собаками, ее отводятъ въ особое помѣщеніе за городомъ, гдѣ кормятъ три дня въ ожиданіи, не явится ли хозяинъ, а затѣмъ убиваютъ. За невнесеніе пошлины полагается штрафъ. Вслѣдствіе этого въ Берлинѣ укушеніе собаками и различныя отъ этого болѣзни, которыхъ такъ опасаются люди, совсѣмъ неизвѣстны.

Между чинными прохожими въ улицахъ Берлина чаще всего мелькаютъ сабли и султаны сыновъ Марса. Здѣсь вы безпрестанно видите, какъ войска маршируютъ по большимъ улицамъ, движутся пушки, и маневры происходятъ каждый день рано утромъ за городомъ, на открытой песчаной равнинѣ. Офицеры цѣлый день толпятся въ «Unter den Linden», заставляя часовыхъ быть постоянно на-сторожѣ. Во многихъ ресторанахъ встрѣчаемъ больше военныхъ, чѣмъ статскихъ. Подъ «Липами» (Unter den Linden) адъютанты въ каскахъ и ординарцы то и дѣло разгуливаютъ взадъ и впередъ. Ихъ всегда чрезвычайно много въ оперѣ, они наполняютъ большую часть общественныхъ гуляній, толпятся на всѣхъ тротуарахъ, на плитахъ которыхъ то и дѣло раздается звонъ ихъ сабель и шпоръ.

Съ ранняго утра слышатся звуки шарманки, заглушаемые флейтами и барабанами. Кромѣ этихъ трехъ инструментовъ, вы не услышите другихъ въ улицахъ Берлина, и вся

эта уличная музыка, не исключая и шарманки, носить военный характер. Число шарманок особенно увеличилось послѣ франко-прусской войны: съ одной стороны онѣ даютъ возможность воспѣвать побѣды вѣмцевъ, слѣдовательно льстить національному самолюбію, что такъ дорого каждому изъ нихъ, съ другой съ помощью ихъ множество несчастныхъ, получившихъ какое-нибудь увѣче на послѣдней войнѣ, добываютъ себѣ кусокъ хлѣба. Шарманщики одѣты въ военную форму, украшены медалями и по цѣлымъ днямъ вертятъ ручку шарманки, распѣвая подъ ея аккомпаниментъ дрожащимъ голосомъ. Изъ ихъ устъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, вы услышите военныя пѣсни: «Стража на Рейнѣ» (Wacht am Rhein), «Гимнъ побѣдѣ», «Французъ на Рейнѣ», дышашія ненавистью къ французамъ, которую уже издавна питаютъ къ нимъ нѣмцы и которая съ каждымъ десятилѣтіемъ усиливается. Вотъ въ прозѣ содержаніе одной изъ наиболѣе популярныхъ пѣсенъ этихъ шарманщиковъ:

«Французъ на Рейнѣ, — онъ хочетъ схватить насъ за шиворотъ; сумасшедшій! Онъ полагаетъ, что ему стоитъ только вынуть саблю, чтобы насъ убить! и т. д. Нѣтъ, французъ, потише, — нашъ свинецъ не хуже твоего. Жена, плачь, если мы падемъ, — но только ночью: днемъ будь весела». — «Сынъ мой, твой отецъ былъ солдатомъ; возьми саблю и иди съ храбрымъ сердцемъ на битву съ французомъ, наследственнымъ врагомъ германца» и т. д. Или: «Ура, ура, ура, Германія! Ура! прекрасная и гордая женщина! Горе тебѣ, Галлія!» и т. д.

Однако, нужно сознаться, что если въ Берлинѣ воинственныя наклонности націи даютъ постоянно себя чувствовать, то не менѣе наглядно заявляетъ о себѣ и система обязательнаго обученія: фракъ хотя и уступаетъ здѣсь вездѣ передъ саблей, но школьный учитель и капралъ дѣйствуютъ рука объ руку. Утромъ отъ 7 до 9 ч. буквально всѣ улицы переполнены дѣтьми обоего пола, всѣхъ возрастовъ и состояній, съ ранцами на спинѣ.

Отсутствіе оживленія, какъ въ уличной, такъ и въ общественной жизни, мало привлекаетъ въ Берлинъ иностранцевъ. Люди богатые и знатные ищутъ развлеченія въ Парижѣ и Вѣнѣ, наслажденія природой и искусствомъ въ Италіи и Испаніи, съ научными цѣлями отправляются въ Лондонъ и скорѣе даже въ одинъ изъ маленькихъ университетскихъ нѣмецкихъ городовъ, но никакъ не въ Берлинъ. Въ Берлинѣ иностранцы останавливаются только проездомъ, проживутъ два, три дня и уже, жалуясь на скуку, торопятся оставить его. Даже разжившіеся берлинцы только и думаютъ о томъ, какъ бы навсегда распротиться съ этимъ скучнымъ «городомъ интеллигенціи».

Большинство улицъ Берлина вымощено весьма плохо. Нѣкоторыя изъ нихъ устланы битымъ камнемъ, а многія особыми остроконечными камнями, которые такъ часто встрѣчаются въ старыхъ городахъ на континентѣ. Берлинскія мостовыя такъ плохи, что для лошадей придумали особаго устройства подковы, а тѣ изъ улицъ, которыя устланы битымъ камнемъ, хотя и содержатся несравненно лучше, чѣмъ прежде, но далеко не въ такомъ совершенствѣ, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ. На нѣкоторыхъ улицахъ нѣтъ тротуаровъ, и даже тамъ, гдѣ они окаймляютъ улицу съ обѣихъ сторонъ, они весьма не широки и представляютъ одинъ рядъ плитъ для одного пѣшехода. Улучшеніе мостовыхъ шло въ Берлинѣ чрезвычайно медленно, и только въ самое послѣднее время «Подъ Липами» и въ другихъ важнѣйшихъ улицахъ устроена асфальтовая мостовая.

Типичная черта берлинской архитектуры послѣдняго времени — выдающіяся впередъ изящныя окна съ выступами, которые начиная съ перваго этажа, доходятъ до самаго верха, чрезвычайно пріятно нарушая однообразіе здѣшнихъ улицъ и построекъ. Безчисленныя рѣшетки у балконовъ и передъ садами нерѣдко очень изящно украшены желѣзными орнаментами, изображающими цвѣты, листья, усики и завитки растений, лепестки, вѣнчики

и чашечки цвѣтовъ, между тѣмъ какъ лѣпное искусство въ свою очередь выдвигаетъ впередъ цѣлыя массы цвѣточной и лиственной орнаментации, устывающей карпизы, капители колоннъ, нерѣдко даже стѣны домовъ, вверхъ и внизъ, вдоль оконъ и дверей. Этотъ растительный и цвѣточный элементъ изъ желѣза и глины появился въ Берлинѣ только въ послѣднее время.

Часто многіе дома кажутся каменными, но они только имѣютъ видъ каменныхъ, такъ какъ покрыты штукатуркой. Берлинцы, расширяя свой городъ, находили, что камень слишкомъ дорогой матеріалъ, и потому большинство домовъ выстроили изъ дерева, но сумѣли придать имъ внѣшность каменныхъ. Взгляните на одинъ изъ красивыхъ домовъ, и первое впечатлѣніе ваше будетъ, что это каменное зданіе. Надъ окнами и подъѣздами—богатая скульптура; скульптурные карнизы окружаютъ верхнюю часть зданія; часто надъ домомъ возвышается группа статуй; но при ближайшемъ осмотрѣ вы откроете, что штукатурка кое-гдѣ уже облупилась со стѣнъ, что украшенія гипсовые. Внутри такихъ домовъ вы найдете также много поддѣльнаго мрамора, поддѣльной мозаики и даже лѣстницы окрашены такъ, какъ будто онѣ покрыты коврами.

Подвалы населены бѣднѣйшимъ классомъ, превращены въ пивныя или заняты мелкими торговцами: продавцами молока, масла, москательныхъ товаровъ, пекарями, колбасниками, сапожниками и даже продавцами посуды и мебели. Въ одномъ изъ четырехъ домовъ непременно продается какой-нибудь опьяняющій напитокъ: тутъ пивная, тамъ винный погребъ, въ нѣсколькихъ шагахъ продажа рому, такъ же часты табачныя лавочки. Вывѣски въ родѣ: «Пиво и завтраки», «Разныхъ сортовъ пиво и водка», «Табачная и сигарная торговля» — встрѣчаются на каждомъ шагу. Налогъ на табачныя издѣлія очень ничтоженъ: на 3 коп. можно купить 6 сигаръ, и потому даже бѣднѣйшіе классы въ Берлинѣ рѣдко курятъ трубку. Пивная ночью обозначается красной лампой; мясную лавку старые мясники любятъ украшать горшками плюща. Впрочемъ берлинцы вообще большіе любители цвѣтовъ и особенно букетовъ, и Берлинъ славится обиліемъ цвѣточныхъ магазиновъ, которыхъ здѣсь болѣе даже, чѣмъ въ Парижѣ.

Послѣ франко-прусской войны всѣхъ берлинцевъ поголовно охватило страстное желаніе отдѣлаться отъ всего французскаго. Къ такой реформѣ приступили прежде всего содержатели наиболѣе посѣщаемыхъ ресторановъ: они начали съ того, къ величайшему смущенію иностранцевъ, привыкшихъ къ названію кушаньевъ по-французски, перестали печатать мѣню на французскомъ языкѣ. Но это ни къ чему не повело, такъ какъ незнакомыя нѣмецкія названія пришлось переводить по-французски устно или письменно и, сознавъ ошибку, большинство трактирщиковъ возвратилось къ прежнимъ обычаямъ. Тоже было и въ области моды. Не смотря на свое презрѣніе къ французамъ, нѣмки болѣе другихъ стараются придерживаться французскихъ модъ, хотя онѣ вносятъ въ нихъ свой природный недостатокъ вкуса и умѣнья одѣваться. Уничтоженные въ это время французскія вывѣски теперь опять водворены на прежнія мѣста и парижскія «*nouveautés*» красуются всегда съ наиболѣе выдающимся ярлычкомъ; французскія вина ильно вытѣсняють туземныя; въ магазинѣ эстамповъ фотографіи французскихъ актрисъ встрѣчаются такъ же часто, какъ и французскіе романы въ окнахъ книжныхъ магазиновъ; французскія пьесы на театрахъ выдерживаютъ сотни представленій.

Въ Берлинѣ не существуетъ рекламы, съ которой вы всюду встрѣчаетесь въ Лондонѣ: здѣсь не любятъ наклеивать объявленій ни на стѣнахъ зданій, ни въ omnibusахъ, ни въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ. Объявленія помѣщаютъ исключительно въ газетахъ или наклеиваютъ на короткихъ колоннахъ, разставленныхъ «Подъ Липами» и на нѣкоторыхъ другихъ большихъ улицахъ. Хотя на нихъ наклеиваютъ только афиши театровъ и другихъ увеселительныхъ заведеній, но онѣ уже съ ранняго утра привлекаютъ къ себѣ

огромную толпу. Объявленія о лоттеряхъ, сильно распространенныхъ здѣсь и которыя оказываютъ не менѣе гибельное вліяніе, чѣмъ чума на востокѣ, — выставлены въ окнахъ лавокъ.

«ПОДЪ ЛИПАМИ» И ТИРГАРТЕНЪ.

Виѣшній видъ улицы Липъ и ея оживленіе.—Бранденбургскія ворота и ихъ значеніе.—Статуи, знаменитые памятники и магазины.—Императорская галлерей.—Королевскій дворець.—Памятникъ Фридриха Великаго.—Акваріумъ.—Тиргартенъ и его развлечения.—Заведеніе Кролля.—Зоологической садъ.

«Unter den Linden», т. е. «Подъ липами» или, проще сказать, улица Липъ и Тиргартенъ сосредоточиваютъ въ себѣ или подлѣ себя все, что есть лучшаго и наиболее выдающагося въ Берлинѣ. Безъ улицы Липъ и Тиргартена Берлинъ былъ-бы тѣмъ-же, чѣмъ Парижъ безъ Булонскаго лѣса и безъ своихъ бульваровъ, Вѣна безъ Ринга и Прагера, Лондонъ безъ своихъ знаменитыхъ парковъ. Улица Липъ и Тиргартенъ самое любимое гулянье берлинцевъ, — вотъ почему мы остановимся на томъ и другомъ.

Улица Липъ—главная и самая людная улица Берлина, его центральная артерія; однако названіе ея не совсѣмъ подходящее, такъ какъ она далеко не исключительно обсажена липами, да и вообще не представляетъ особеннаго богатства какихъ-бы то ни было деревьевъ. Эта знаменитая улица раздѣляется четырьмя рядами деревьевъ, изъ которыхъ только нѣкоторыя принадлежатъ къ семейству липъ. Каждый, пріѣхавшій въ Берлинъ, тотчасъ отправляется посмотрѣть эту улицу и бываетъ обыкновенно пораженъ, когда вмѣсто вѣтвистыхъ деревьевъ, которыя онъ предполагалъ найти здѣсь, онъ видитъ ряды деревьевъ, не отличающихся ни особеннымъ ростомъ, ни объемомъ, ни богатствомъ листвы. Есть тутъ и липы, но въ перемежку съ малорослыми каштанами и кленами. Могучихъ деревьевъ, окружающихъ Елисейскія поля, съ которыми берлинцы сравниваютъ улицу Липъ, тутъ нѣтъ и слѣда. Плохой ростъ деревьевъ объясняютъ тѣмъ, что газы, выходящія изъ земли, постоянно отравляютъ ихъ корни. Противъ этого зла въ послѣднее время предприняты разныя мѣры, но будутъ ли онѣ имѣть хорошіе результаты—покажетъ будущее. Нѣкоторые приписываютъ дряблость деревьевъ и ихъ мизерный ростъ лѣтнимъ засухамъ.

Чтобы получить представленіе объ «Unter den Linden», вообразите себѣ улицу, не уступающую шириной хорошей площади, справа и слѣва которой тянутся деревья; вдоль гулянья разставлены скамейки для сидѣнья и стоитъ нѣсколько деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ продаютъ фрукты, трости и напитки; на небольшихъ колоннахъ наклеены объявленія и афиши о развлеченияхъ каждаго дня и ночи. Съ обѣихъ сторонъ этой улицы сдѣланы дороги для каретъ и всадниковъ и два тротуара для пѣшеходовъ, которые проходятъ мимо дворца, большихъ отелей, домовъ съ гипсовыми украшеніями и магазиновъ. Улица Липъ тянется отъ Оперной до Парижской площади, въ глубинѣ которой видѣются Бранденбургскія ворота, за которыми сейчасъ начинается Тиргартенъ. Своею архитектурой Бранденбургскія ворота напоминаютъ плохое подражаніе греческой. На верху ихъ возвышается квадрага Побѣды — колоссальная колесница, запряженная четырьмя ставшими на дыбы конями. Всѣ торжественные вѣзды въ Берлинъ совершаются черезъ эти ворота; такимъ образомъ они представляютъ парадный вѣздъ въ прусскую столицу.

Берлинъ вообще, и въ особенности улица Липъ, отличаются необыкновеннымъ богатствомъ всевозможныхъ статуй, хотя, правда, далеко не всегда прекрасныхъ. Военные

и мнѳологическіе герои щедро украшаютъ эту улицу, возвышаются надъ большей частью дворцовъ и общественныхъ зданій, стоятъ на ступеняхъ лѳстницъ многихъ музеевъ, съ боковъ гауптвахты и зданія оперы, противъ королевскаго театра, на лучшихъ мостахъ, чуть не на всѳхъ площадяхъ, у наиболѳе старинныхъ городскихъ воротъ, а статуя святыхъ окружаютъ васъ подъ портикомъ собора и взираютъ на Берлинъ съ высоты многихъ колоколенъ. Бюсты императора, наслѳднаго принца и Бисмарка украшаютъ всѳ танцевальныя залы, рестораны и портерныя. Надъ берлинскими зданіями возвышается цѳлый лѳсъ флаговъ, и прусскій орелъ съ распростертыми крыльями витаетъ повсюду; онъ сидитъ на вершинѳ мраморныхъ и металлическихъ колоннъ, простираетъ свои крылья надъ дворцами и общественными зданіями, надъ дверьми почтовыхъ и полицейскихъ учреждений, надъ остроконечными касками солдатъ и полицейскихъ и надъ шапками почтовыхъ ямщиковъ.

Статуи, украшающія улицу Липъ, придають ей нѳкоторую оригинальность, а такъ какъ онѳ болшею частью изображаютъ военныхъ героевъ, то—и воинственный характеръ. Улица Липъ — это своего рода триумфальная дорога или, лучше сказать, историческій музей. Военный элементъ преобладаетъ здѳсъ болѳе, чѳмъ гдѳ-бы то ни было въ столицѳ: множество солдатъ всегда стоятъ на караулѳ, взадъ и впередъ разгуливаютъ цѳлый эскадронъ кирасиръ, офицера въ каскахъ молодцовато разъѳзжаютъ въ дрожкахъ; по тротуару всюду раздаются звуки ихъ сабель и шпоръ. По дорогѳ, назначенной для ѳзды, проѳзжаетъ множество экипажей, начиная отъ первобытныхъ деревенскихъ телѳгъ и маленькихъ телѳжекъ, влекомыхъ собаками, и кончая блестящими тильбюри. Старая аристократія катается въ тяжелыхъ низенькихъ берлинахъ. Женщины съ корзинами пироговъ и плодовъ, продавцы газетъ съ своимъ товаромъ въ ящикахъ спереди, шпревальдскія няньки въ оригинальномъ головномъ нарядѳ и въ красной юбкѳ разгуливаютъ взадъ и впередъ. Каждый день вечеромъ, въ хорошую погоду, улица Липъ биткомъ набита народомъ, сидящими на скамейкахъ и гуляющими. Но, Боже мой! даже и при огромномъ стеченіи разнокалиберной публики, вы не будете здѳсъ свидѳтелемъ оригинальной сценки изъ жизни рабочаго люда, васъ никто не затянетъ здѳсъ въ оживленный споръ. Этотъ центръ жизни нѳмецкой столицы поражаетъ томительнымъ однообразіемъ, даетъ самый ничтожный матеріалъ для наблюденія. Старушки въ очкахъ, сидя на скамейкѳ, вяжутъ чулки, потягивая нитки изъ клубковъ, опущенныхъ въ корзиночки, которыя висятъ у каждой изъ нихъ на рукѳ. У ихъ ногъ дѳти тихо играютъ или спятъ въ колясочкахъ; чтобъ успокоить ихъ, онѳ постоянно покачиваютъ ногой коляску, не переставая вязать, судачить и сплетничать о прохожихъ, причѳмъ въ увлеченіи спускаютъ даже петли. Молодыя дѳвушки вяжутъ кружева тамбурнымъ крючкомъ или вышиваютъ. Каждая дама непременно съ работой въ рукахъ, кромѳ невѳсты, которая сидитъ съ пустыми руками. Вы ее отличите между тысячами: она сидитъ противъ жениха и то восторженно поднимаетъ глаза къ небу, то издаетъ сентиментальный вздохъ.

Магазины въ улицѳ Липъ не привлекаютъ иностранцевъ и публика не толпится предъ ихъ окнами: нѳмцамъ неизвѳстно парижское искусство заманчиво и изящно раскладывать товары. Мало того, въ ихъ магазинахъ новомодныхъ издѳлій все лучшее, модное и наиболѳе изящное получается изъ Парижа, въ чѳмъ продавцы усердно стараются увѳрить покупателя, убѳжденные, что ихъ собственный товаръ не можетъ нравиться.

Въ томъ мѳстѳ, гдѳ улица Липъ пересѳкаетъ Charlotten-Strasse, находится Kaiser-Gallerie, т. е. императорская галлерей, напоминающая нашъ пассажъ, но несравненно болѳе его величественная. Хотя архитектура постройки не отличается ни особенною легкостью, ни изяществомъ, но берлинцы считаютъ свой пассажъ верхомъ совершенства и

съ восторгомъ указываютъ на его высоту, на его дѣйствительно величественные размѣры, на массу позолоты, на богатство украшеній магазиновъ. Какъ бы то ни было, но, какъ коммерческая спекуляція, эта галерея не удалась. Ея магазины не привлекаютъ богатыхъ людей, такъ какъ товары ея пользуются дурною репутаціей; въ прекрасномъ ресторанѣ этой галереи тоже весьма мало посѣтителей.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ прямая, утомительная Фридрихъ-штрассе пересѣкаетъ улицу Липъ—самое оживленное мѣсто Берлина: здѣсь такое движеніе, что для надзора постоянно требуется присутствіе конной полиціи. Здѣсь собираются извозчики искать сѣдоковъ, продавцы газетъ, болѣе чѣмъ гдѣ-бы то ни было, сбываютъ свой товаръ, тутъ всегда стоитъ цѣлая армія носильщиковъ въ красныхъ колпакахъ, ищущая работы, здѣсь главный промыселъ чистильщиковъ сапогъ, здѣсь, наконецъ, наиболѣе посѣщаемые публикою кондитерскія. Подъ Липами много «Wein-» и «Bierstube» (комнаты для питья пива), по карману каждому. Отставные чиновники, кучера безъ мѣста и тому подобный людъ спускается въ подвалы Липъ и выпиваетъ тамъ громадныя кружки пива, вмѣщающія въ себѣ отъ 5 до 6 литровъ; закусивъ этотъ національный напитокъ кускомъ копченаго мяса и сыгравъ партію въ билліардъ, они отправляются въ народный садъ, тоже находящійся въ улицѣ Липъ, слушать «прекрасную Туснельду, играющую на гармоніи, дивную Эрику, исполняющую на фортепіанѣхъ марши Оффенбаха и Вагнера, живую и рѣзвую Приску, которая поетъ романсы и патріотическіе гимны»,—въ такихъ выраженіяхъ Biergarten'ы объявляютъ въ газетахъ объ удовольствіяхъ, которыя они доставятъ публикѣ.

Конная статуя Фридриха Великаго тоже находится въ улицѣ Липъ, между дворцомъ императора и университетомъ. Эта колоссальная статуя представляетъ Фридриха съ его насмѣшливой улыбкой на хитромъ лицѣ и знаменитой тросточкой въ рукѣ, сидящимъ верхомъ. На четырехъ углахъ нижняго пьедестала стоятъ конныя статуи его четырехъ главныхъ генераловъ, а въ промежуткахъ изображены различные герои того времени. Верхній пьедесталъ, на которомъ покоится самая статуя Фридриха, украшенъ четырьмя символическими фигурами, изображающими мудрость, правосудіе, силу и умеренность. Барельефы изображаютъ нѣкоторыя событія изъ жизни этого солдата-короля. Этимъ памятникомъ Берлинъ по справедливости можетъ гордиться.

Дворецъ императора, надъ которымъ развѣвается императорское знамя и надъ которымъ скульптурный орелъ простираетъ свои крылья, можно было бы принять за хороший отель или клубъ, еслибъ онъ только былъ выше нѣсколькими этажами. Это простой двухъ-этажный домъ, не имѣющій ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что онъ весь построенъ изъ національнаго матеріала и національными художниками. Нынѣшній императоръ Вильгельмъ занималъ этотъ домъ, когда онъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ. Воспитанный въ правилахъ строгой экономіи, онъ остался въ немъ и послѣ своего коронаванія. Врагъ всякой пышности, онъ очень мало переиначилъ съ тѣхъ поръ и свою обстановку, которая поражаетъ простотою.

Въ улицѣ Липъ, которая составляетъ славу и гордость берлинцевъ, есть и множество другихъ прекрасныхъ зданій съ позолоченными балконами, украшенныхъ скульптурными изображеніями, садовыя террасы, колоссальные бронзовые укротители звѣрей, большой орелъ съ распоротыми крыльями на вершинѣ мраморной колонны, но во всемъ этомъ нѣтъ ничего ни особенно оригинальнаго, ни выдающагося. За то здѣсь находится аквариумъ, пользующійся всеобщей извѣстностью, которымъ берлинцы имѣютъ полное право гордиться. Его скорѣе нужно было бы назвать вивариумъ, чѣмъ аквариумъ, такъ какъ кромѣ удивительныхъ коллекцій животныхъ, собранныхъ изъ глубины океана и которыя продолжаютъ здѣсь вести такую же жизнь, какъ и прежде, онъ заключаетъ

гигантскій птичникъ, прекрасную коллекцію пресмыкающихся и много интересныхъ представителей класса млекопитающихъ. « Это чудо-чудесь Берлина, гдѣ чудесь, вообще говоря, весьма немного. Вы входите, поднимаетесь на десять ступеней и почти мгновенно переноситесь въ пустыни Африки, въ пампасы Америки, къ подошвамъ скалистыхъ горъ, въ дѣвственные лѣса Австраліи, на вершину высочайшихъ горъ и въ самыя бездны морей ».

Прежде всего посѣтитель видитъ обитателей пустыни, большая часть которыхъ лежитъ безъ движенія. Змѣи, боа, ехидны, удавы лежатъ на пескѣ и на зеленомъ мху; нѣкоторыя изъ нихъ обвились вокругъ ствола дерева, другія растянулись по краямъ мраморнаго бассейна. Между ящерицами южной Европы фигурируетъ хамелеонъ и другіе пришельцы тропическихъ климатовъ. Въ особыхъ ящикахъ помѣщаются насѣкомыя, скорпионы и огромный паукъ, ловящій птицъ, о которомъ рассказываютъ столько странныхъ сказокъ. Въ концѣ галлерей, которая представляетъ область пустынь, — высокій геологическій гротъ около 60 футовъ въ вышину, стѣны котораго наглядно показываютъ главныя наслоенія земной коры. Сверху низвергается пѣнящійся водопадъ, вокругъ котораго летаютъ птицы, бросающіяся въ глаза своими перьями яркихъ цвѣтовъ, а назади лѣниво отдыхаетъ огромная черепаха. Стоитъ только подняться на нѣсколько ступеней, и путешественникъ становится лицомъ къ лицу съ пернатыми обитателями первобытнаго лѣса. Въ громадномъ птичникѣ, которому нѣтъ равнаго по полнотѣ, онъ найдетъ около 1,500 свистающихъ, поющихъ, щебечущихъ и говорящихъ птицъ, окруженныхъ ползучими растеніями и роскошною тропическою растительностью. Эти пернатые пѣвники весело порхаютъ кругомъ, совершенно примирившись со своимъ пѣномъ. Кругомъ этой просторной средней клѣтки группируется множество другихъ клѣтокъ, въ которыхъ отдѣльно держатъ драчливыхъ птицъ. За рѣшеткой этого громаднаго птичника — дѣятельная жизнь и движеніе: необыкновенное разнообразіе цвѣтовъ пернатыхъ ослѣпляетъ глазъ, а непрерывный шумъ оглушаетъ ухо. Каждая птица старается, кажется, перекричать всѣхъ остальныхъ и такъ какъ почти всѣ онѣ кричатъ и свистятъ одинаково громко, то сотни разныхъ звуковъ до того смѣшиваются въ одинъ общій хоръ, что непріятныя взвизги и крики теряютъ свою рѣзкость и дѣлаются не только сносными, но и пріятными. На верху въ клѣткахъ альпійскія галки, синицы, инсепарабли и все безконечное племя зябликовъ чврикаетъ и щебечетъ. Попугай яркихъ цвѣтовъ, хохлатые какаду потрясаютъ воздухъ оглушительными криками посрединѣ, а снизу слышны рѣзкіе крики морской чайки. Дроздъ поетъ свою чистую, какъ звукъ флейты, пѣсню, сорока щебечетъ, голубь воркуетъ, пѣтухъ выкрикиваетъ кукуреку, а пѣвчія птицы, не обращая никакого вниманія другъ на друга, поютъ хоромъ, каждая свое. Оригинальную картину представляютъ птицы, когда онѣ разлетаются на ночлегъ: попугай вдругъ исчезаетъ въ свои ящики для спанья, маленькіе зяблики слетаются вмѣстѣ тѣсною кучей и запоздавшіе садятся на спинѣ тѣхъ, которые уже успѣли занять мѣсто. Пѣсни смолкаютъ, только соловьи насвистываютъ, коростели издаютъ свои унылыя, а совы рѣзкіе звуки, нѣсколько австралійскихъ голубей монотонно воркуютъ въ опредѣленные промежутки. Тутъ же подлѣ крокодилы, черепахи, лягушки. Между птицами въ птичникѣ, вы найдете аиста, который въ дракѣ отломилъ большую часть своего клюва. Онъ бы околѣлъ отъ голода, окруженный ящерицами, лягушками и другими лакомыми для него блюдами, еслибъ его не пожалѣлъ одинъ берлинскій хирургъ и не придѣлалъ ему верхней челюсти изъ жести. Опытъ удался и птица въ состояніи съ обычной ловкостью подхватывать лягушекъ.

По широкой и высокой галлерей, окружающей птичникъ, тянутся освѣщенные сверху гроты, въ которыхъ рѣзвятся разные представители млекопитающихъ и рыбъ.

На одномъ концѣ корридоръ, ведущій въ огромный гротъ, — здѣсь производится искусственное разведеніе рыбы въ самомъ огромномъ размѣрѣ. Тамъ, гдѣ темный корридоръ кончается лабиринтомъ скалъ, — настоящій морской акваріумъ. Каждый изъ большихъ бассейновъ представляетъ отдѣльное море, въ которомъ находятся представители видовъ, ему свойственныхъ; морскія растенія, тѣ-же самыя, что и въ дѣйствительности, устилаютъ его дно. Обширный бассейнъ, занимающій всю средину подземнаго грота, представляетъ Атлантическій океанъ, а сосѣдніе бассейны — его заливы. Въ первомъ изъ этихъ боковыхъ бассейновъ посѣтитель видитъ рыбъ съ блестящей, серебристой чешуей и съ золотистыми полосами, а другихъ, съ какими-то особыми розами надъ глазами. Въ слѣдующемъ бассейнѣ повидимому ничего нѣтъ. Вдругъ часть скалы какъ будто начинаетъ отдѣляться, и неуклюжее чудовище, одинаковое по величинѣ въ ширину и въ длину, выплываетъ на средину, а за нимъ другое и третье, и все дно водоема начинаетъ кишѣть жизнью. Камбалы разныхъ видовъ съ испугомъ выскакиваютъ изъ своихъ норъ, когда омаръ, до сихъ поръ незамѣтный между скалами сзади, быстро проплываетъ мимо ихъ. Въ слѣдующемъ водоемѣ множество морскихъ коньковъ, а вотъ, и скаты, эти куски мяса съ косыми ртами, поднимаютъ свои плоскіе, блѣдные животы; морской скорпионъ скользитъ по самому дну; далѣе вы видите морскихъ анемоновъ яркихъ цвѣтовъ, распростертыя щупальцы которыхъ готовы каждую минуту схватить свою добычу. Тутъ водоемъ представляетъ рифъ: въ немъ не видно рыбъ, которыя бы скользили по дну, и посѣтитель думаетъ, что передъ нимъ только морская растительность; между тѣмъ здѣсь все принадлежитъ къ животному царству: кораллы, морскія звѣзды и полипы соперничаютъ другъ съ другомъ въ богатствѣ красокъ и оригинальности очертаній, — и все это прячется среди зеленыхъ водорослей. Въ слѣдующемъ бассейнѣ — морскія кубышки, губки и другіе зоофиты. Такъ-же привлекателенъ бассейнъ съ морскими скорпионами и съ блестящими актиніями. Поднявшись на ступени налѣво, посѣтитель опять передъ геологическимъ гротомъ, и передъ нимъ водяныя птицы и акулы, гоняющіяся за добычей. Далѣе — бассейнъ, представляющій Средиземное море, который такъ же интересенъ, какъ и всѣ предыдущіе бассейны, и наконецъ послѣднее, что увидитъ посѣтитель и можетъ быть самое прекрасное во всемъ акваріумѣ, — голубой гротъ Капри.

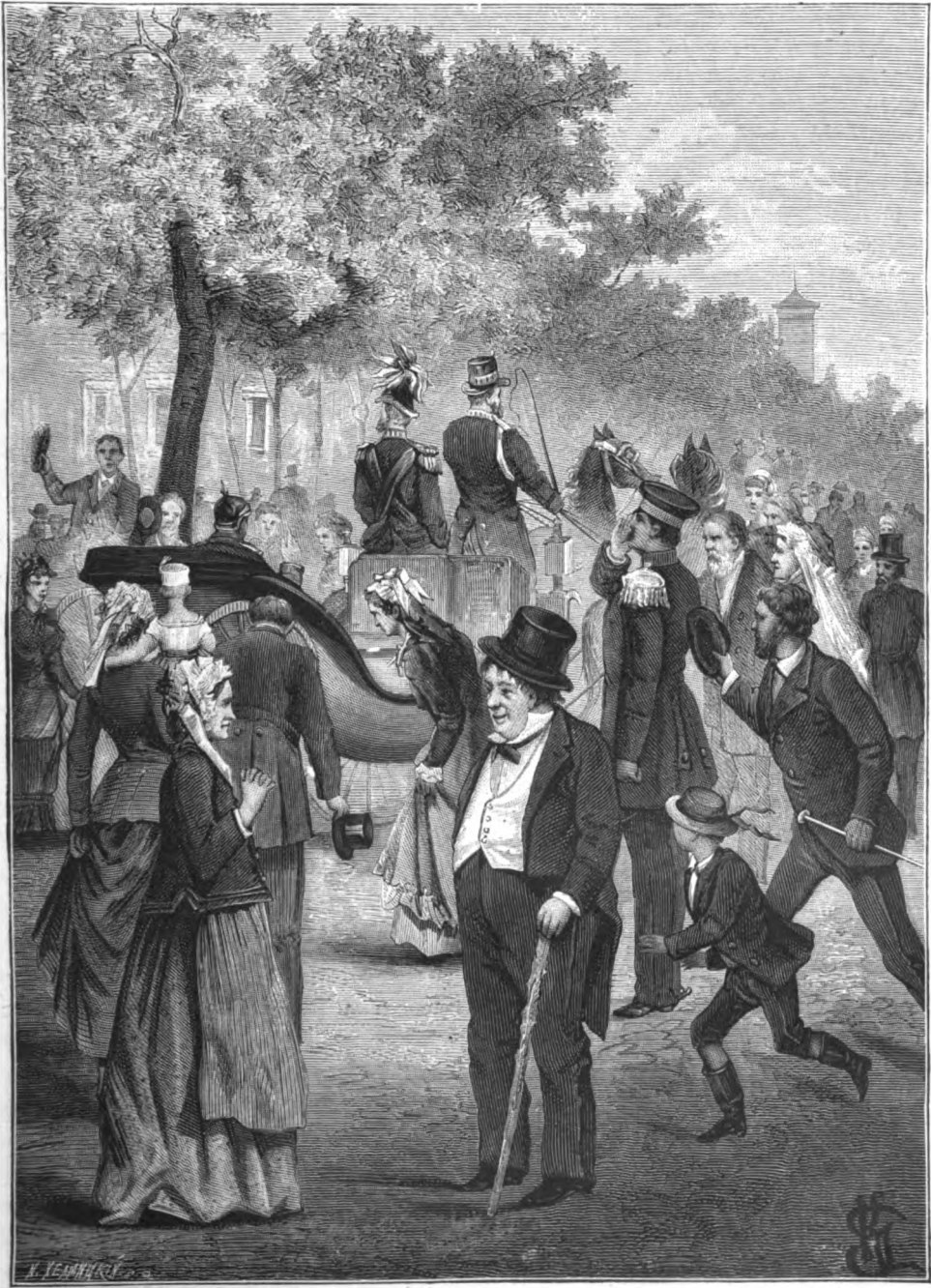
Другое чудо Берлина — Тиргартенъ, который выкупааетъ отчасти полное отсутствіе какихъ бы то ни было естественныхъ красотъ этой столицы, ея далеко не живописное мѣстоположеніе и ея безцвѣтныя окрестности. Тиргартенъ по истинѣ предестное мѣсто; хотя онъ не можетъ похвалиться такими же старыми деревьями, какъ дубы и вязы Гайдъ-парка, тѣмъ не менѣе въ немъ нѣтъ недостатка въ прекрасныхъ деревьяхъ. Не смотря на геометрическую правильность пересѣкающихъ его аллей, въ немъ болѣе живописныхъ уголковъ, чѣмъ въ Булонскомъ лѣсу. Разъ вы вступили въ его тѣнистыя предѣлы, васъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ стѣны деревьевъ, которыя защищаютъ отъ солнца и вѣтра, отчасти даже отъ дождя, за исключеніемъ, разумется, большихъ, широкихъ аллей. Тиргартенъ находится сейчасъ за Бранденбургскими воротами и по своей величинѣ не уступаетъ Гайдъ-парку. Онъ представляетъ прекрасное сочетаніе роскошныхъ цвѣтниковъ, съ дико запущенными мѣстностями, которыя не рѣдко напоминаютъ чисто сельскій пейзажъ. По всѣмъ направленіямъ его пересѣкаютъ прямыя и извилистыя тропинки и широкія аллеи, сходящіяся подъ прямымъ угломъ, которыя обыкновенно кончаются или «пивнымъ садомъ», или «танцевальной залой». Уже черезъ нѣсколько минутъ ходьбы отъ Бранденбургскихъ воротъ вы можете найти въ Тиргартенѣ мрачныя лужайки, куда никогда не проникаетъ солнце, гдѣ рѣдко можно даже встрѣтить прохожаго.

Тиргартенъ получилъ свое названіе отъ оленей и другихъ животныхъ, которые жили здѣсь два, три столѣтія тому назадъ, въ дикомъ состояніи; тогда онъ простирался до середины теперешняго города и составлялъ для курфирстовъ мѣсто охоты. Первый прусскій король велѣлъ проложить правильныя дороги черезъ его чащу и устроить гулянья и мѣста развлеченій. Съ этого времени послѣдующіе короли постоянно заботились о томъ, чтобы сдѣлать Тиргартенъ привлекательнымъ мѣстомъ. Особенно во время Фридриха Великаго было устроено въ немъ много аллей, бассейновъ и цвѣтничковъ. Дорога прямо противъ Бранденбургскихъ воротъ, съ прекрасными деревьями по бокамъ и съ рельсами конно-железной дороги, раздѣляетъ Тиргартенъ на двѣ неровныя части и ведетъ въ Шарлоттенбургъ, самое пріятное предмѣстье Берлина.

Въ Тиргартенѣ не мало тѣнистыхъ аллей и для ѣзды въ экипажахъ: въ праздничные дни вечеромъ въ нихъ толпится все, что есть въ столицѣ знатнаго и фешенбельнаго. Тутъ можно замѣтить и всадниковъ въ военныхъ мундирахъ, но рѣже всего амазонокъ; если изрѣдка и встрѣтится одна изъ нихъ, то это непременно американка или англичанка, такъ какъ верховая ѣзда между нѣмками вовсе не въ модѣ. Самыя модныя дамы, вѣхавъ въ тѣнистую аллею, оставляютъ экипажъ и выходятъ гулять, смѣшиваясь съ публикой. Часто даже императрица выходитъ здѣсь изъ экипажа и въ сопровожденіи одной статсъ-дамы направляется въ уединенную аллею. Императоръ аккуратно является сюда между 3 и 3½ часами; Бисмаркъ, Мольтке и остальная знать Берлина, всѣ пріѣзжаютъ сюда въ извѣстный часъ гулять или кататься.

На правой сторонѣ отъ входа въ Тиргартенъ возвышается большое зданіе съ павильонами и башнями,—это заведеніе Кролля. Зданіе это стоитъ въ прелестномъ саду, имѣетъ большой театръ, нѣсколько салоновъ для обѣдовъ, нѣсколько залъ, большой ресторанъ, пивную, бильярдную и множество другихъ апартаментовъ. Это въ праздничные дни настоящая Мекка для нѣмцевъ. Развлеченія здѣсь начинаются въ 2 часа съ табльдота, за который садится болѣе 2,000 человекъ: публика размѣщается въ многочисленныхъ столовыхъ заведеніяхъ, въ большомъ павильонѣ и прогуливается по многочисленнымъ извилистымъ и уединеннымъ аллеямъ эффектнаго сада Кролля, украшеннаго фонтанами, вода которыхъ падаетъ на искусственные утесы. По окончаніи обѣда начинается музыка и продолжается до самаго представленія, на которое отправляется далеко не вся публика, такъ какъ многимъ нравится до полуночи пить пиво на открытомъ воздухѣ. Впрочемъ для нѣмца нѣтъ такого момента днемъ или ночью, когда бы онъ отказался выпить кружку пива. Садъ Кролля эффектно освѣщаютъ въ сумерки тысячами разноцвѣтныхъ лампъ. Но возвратимся къ Тиргартену. Ночью освѣщаютъ только немногія изъ его аллей, и вѣроятно вслѣдствіе темноты онъ служитъ ночлегомъ для всѣхъ несчастныхъ, не имѣющихъ крова: здѣсь они спятъ по мѣсяцамъ, пока полиція не совершитъ своего набѣга и сотнями не размѣститъ ихъ въ полицейскихъ участкахъ.

Въ праздничные дни по Тиргартенъ-штрассе множество народу направляется къ зоологическому саду, который, занимая пространство не менѣе 90 акровъ, находится на юго-западной оконечности Тиргартена. По совершенству своего устройства, берлинскій зоологическій садъ самый лучший въ Европѣ. Еще 40 лѣтъ тому назадъ онъ представлялъ дикій пустырь, который превратился теперь въ прелестный ландшафтъ самыхъ разнообразныхъ холмовъ, озеръ и живописныхъ островковъ, гротовъ, ручейковъ, фонтановъ и тѣнистыхъ рощъ. Помѣщенія какъ пернатыхъ, такъ и звѣрей устроены на самыхъ разумныхъ началахъ—дать имъ полную возможность движенія, какъ можно больше свѣта и воздуха. Львы, тигры и леопарды помѣщены теперь въ большихъ клеткахъ, а зимою въ просторныхъ помѣщеніяхъ, которыя нагрѣваются теплымъ воздухомъ. Животныя свободно размножаются въ этомъ саду и успѣшно выкармливаютъ свое потом-

ство. Помѣщеніе для слоновъ — прекрасное зданіе въ индѣйскомъ вкусѣ съ высокими куполами и башнями по угламъ, построено изъ разноцвѣтныхъ кирпичей и украшено изображеніемъ слоновъ и единороговъ. Подлѣ этого зданія — большое пространство, куда ихъ выпускаютъ гулять. Жирафы, зебры и антилопы помѣщаются въ зданіи мавританскаго характера, съ минаретомъ наверху. Среднее зало въ этомъ зданіи, съ дугообразной стеклянной крышей, представляетъ что-то въ родѣ оранжерей; въ ней между искусственными скалами и брызжущими фонтанами растутъ тропическія растенія. Ползучія растенія покрываютъ стѣны, обвиваютъ колонны, окружаютъ аркады и взбираются до самой крыши. Сзади каждой клѣтки находится огороженное пространство на открытомъ воздухѣ для прогулокъ животныхъ. Медвѣди живутъ въ каменномъ зданіи съ зубчатыми стѣнами и съ круглыми башнями по угламъ: тутъ есть и столбы, по которымъ животныя могутъ лазить, и пещеры, въ которыя онѣ могутъ прятаться, когда жаръ для нихъ нестерпимъ. Разнаго рода быки помѣщаются на просторномъ, прикрытомъ дворѣ; для оленей есть маленькій паркъ; для бобровъ — каменные гроты; для обезьянъ — вѣтвистые стволы; для хищныхъ птицъ громадныя клѣтки въ 200 ф. длины и въ 30 ф. ширины. Скалы съ тѣнистыми углубленіями устроены настолькоъ удобно, что очень многія изъ хищныхъ птицъ свили даже здѣсь свои гнѣзда. Разнообразныя виды водяныхъ птицъ чувствуютъ себя какъ дома въ смежномъ озерѣ съ его островками и фонтаномъ, а цапли и другія голенастыя, которымъ нельзя дать полной свободы расхаживать среди другихъ птицъ, помѣщены въ живописныхъ кіоскахъ по берегамъ. Страусамъ, казуарамъ и болѣе ручнымъ видамъ птицъ предоставлена полная свобода расхаживать по саду.

Т Е А Т Р Ъ.

Берлинскіе театры и сюжеты современныхъ нѣмецкихъ пьесъ. — Артисты и ихъ отношеніе къ дѣлу. — Странствующіе актеры. — Второстепенные театры и ихъ значеніе. — Вальтеровскій театръ. — Театры-рестораны.

Нѣмцы большіе любители театра и особенно усердно посѣщаютъ ихъ по воскреснымъ днямъ. Въ Берлинѣ два большихъ императорскихъ театра и 16 частныхъ. Театральная труппа, имѣетъ она или нѣтъ въ своей средѣ выдающіеся таланты, всегда относится къ дѣлу съ необыкновенною добросовѣстностью. Нѣкоторые артисты служатъ чрезвычайно долго при одномъ и томъ же театрѣ, по 20, 30 и болѣе лѣтъ, публика ихъ высоко цѣнитъ и чрезвычайно интересуется ими. Очень часто, когда вы входите въ магазинъ что нибудь купить, прикащикъ спрашиваетъ ваше мнѣніе о томъ или другомъ артистѣ, о впечатлѣніи, которое вы вынесли со вчерашняго спектакля. И нѣмецкіе артисты своимъ самоотверженіемъ вполне заслужили такое вниманіе: каждый изъ нихъ, обладая даже выдающимся талантомъ, готовъ взять самую ничтожную роль, лишь бы только выигралъ отъ этого ансамбль. Въ тѣхъ маленькихъ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ не существуетъ постоянныхъ театровъ, странствующіе актеры устраиваютъ лѣтомъ спектакли. Населеніе города всегда принимаетъ ихъ съ восторгомъ. Каждый другъ передъ другомъ старается имъ услужить, выхлопотать имъ разрѣшеніе, помѣщеніе, и въ день, два, уже все готово. Эти спектакли часто идутъ нѣсколько не хуже, чѣмъ въ постоянныхъ столичныхъ театрахъ. Однако, не смотря на всю добросовѣстность и нерѣдко выдающіяся дарованія нѣмецкихъ артистовъ, школа, которой они до сихъ поръ держатся, еще вполне проникнута риторикой и классицизмомъ. Въ ихъ игрѣ еще

слишкомъ много торжественно-классическихъ и трагическихъ жестовъ, заученныхъ приѣмовъ и позъ, много декламации и очень рѣдко вполнѣ естественная игра и глубокая задушевность. Репертуаръ пьесъ театровъ высшаго разряда очень обширенъ и разнообразенъ, хотя большая часть драмъ, которыя теперь даются, за исключеніемъ нѣмецкихъ классиковъ, какъ драмы Шиллера, Гете, Лессинга, Кюцебу, представляютъ переводы съ французскаго, англійскаго, итальянскаго и другихъ языковъ, которыя, кстати замѣтить, исполнены всегда весьма удачно, благодаря богатству и гибкости нѣмецкаго языка, опытности и добросовѣстности переводчиковъ. Шекспиръ чрезвычайно любимъ, какъ въ Берлинѣ, такъ и во всей Германіи, и нерѣдко его драмы идутъ сразу въ трехъ театрахъ. Но современные нѣмецкіе драматическіе писатели болѣе плодовиты на легкія, эфемерныя вещи, хотя Вилльбрантъ, Мозенталь, Линдау, Бауернфельдъ и другіе по временамъ дарятъ публику произведеніями болѣе серьезнаго характера. Тѣмъ не менѣе высшій драматическій трибуналъ, который назначаетъ Шиллеровскую премію въ 1000 талеровъ за лучшее драматическое произведеніе, призналъ, что нѣмецкая драма умерла. Онъ заявилъ, что съ 1871 — 1874 г. въ Германіи не было написано ни одной оригинальной пьесы, которая заслуживала бы преміи. Политика, финансовыя крахи и злоба дня играютъ весьма выдающуюся роль въ современныхъ пьесахъ; въ нихъ нерѣдко выводятся на сцену государственные люди и политическіе дѣятели, которые не только не обращаютъ вниманія на то, что ихъ называютъ по именамъ, но встрѣчаютъ веселымъ смѣхомъ актеровъ, которые ихъ изображаютъ. Это происходитъ главнымъ образомъ потому, что сарказмы и сатира, направленные на официальныхъ дѣятелей, на столько добродушны, что не могутъ пошатнуть ихъ авторитета. Хотя сатира на берлинской сценѣ и нападаетъ иногда также и на администрацію, но и въ этихъ случаяхъ она обыкновенно вдохновляется и руководствуется взглядами и желаніями правительства. Болѣе всего матеріала для современныхъ пьесъ даетъ страсть къ спекуляціямъ, обуявшая нѣмцевъ послѣ франко-прусской войны. Пьеса «Золотыя мечты», имѣвшая громадный успѣхъ и выдержавшая множество представлений, изображаетъ карьеру донъ Фернандо Мильфлоресъ. «Фей миллиарда» щедро надѣлила Мильфлореса сокровищами. Онъ учреждаетъ банкъ въ Испаніи, дѣлается Ротшильдомъ Пиринейскаго полуострова, собираетъ милліоны во всѣхъ частяхъ свѣта, даетъ своимъ гостямъ роскошнѣйшіе банкеты, но вдругъ спекуляція его лопаются, кассиръ исчезаетъ съ послѣдними остатками въ сундукахъ банка, и Мильфлоресъ окончательно разоряется. — Струсбергъ далъ матеріалъ для множества пьесъ въ этомъ родѣ, и одна изъ нихъ, «Не все то золото, что блеститъ», имѣла огромный успѣхъ. Еще болѣе матеріала для пьесъ дала франко-прусская война. Одна изъ нихъ, «Мы варвары», не только выдержала 200 представлений, но снова была поставлена на сцену въ 1875 г. Цѣль автора этой пьесы доказать, что пруссаки вовсе не такіе варвары, какими всѣ ихъ представляютъ, и могутъ имѣть успѣхъ даже у изящныхъ француженокъ. Все содержаніе вертится на томъ, что одинъ прусскій лейтенантъ, стоявшій постоемъ въ замкѣ одной французской баронессы, влюбляетъ ее въ себя и женится на ней. Громадный успѣхъ пьесы можно объяснить тѣмъ, что она льститъ самолюбію нѣмцевъ и ихъ патріотическому чувству, сама же по себѣ она не выдерживаетъ критики; даже страсть француженки къ прусскому лейтенанту является недостаточно мотивированной, и французскій критикъ по этому поводу остроумно замѣтилъ, что лейтенантъ унесъ свою возлюбленную «точно часы», — намекъ на то, что нѣмцы, во время войны, уносили часы изъ всѣхъ домовъ, гдѣ это только было возможно.

Со времени быстрого увеличенія населенія Берлина государственные театры потеряли свое значеніе. Къ тому же въ теплое время года публика предпочитаетъ частныя театры съ прохладными садами душнымъ казеннымъ театрамъ. Самый извѣст-

ный частный театр—Валльнеровскій, расположенный въ большомъ красивомъ саду. Кругомъ залы, гдѣ даютъ представленія, идутъ широкіе корридоры, гдѣ во время антрактовъ курятъ и пьютъ пиво, такъ какъ нѣмецъ не можетъ просидѣть даже на представленіи нѣсколько часовъ сряду безъ этого національнаго напитка. Пиво въ Валльнеровскомъ театрѣ можно пить не только въ корридорѣ, но и въ саду, искусно освѣщенномъ газомъ, съ вѣтвистыми деревьями и бесѣдками, гдѣ подъ звуки журчащихъ фонтановъ можно прекрасно отдохнуть во время антракта. Это самый популярный театръ въ Берлинѣ, такъ какъ въ немъ даютъ комедіи и фарсы мѣстнаго характера. Хотя сами нѣмцы смотрятъ на эти фарсы какъ на воплощеніе высокаго юмора, но они обыкновенно представляютъ смѣсь англійской пантомимы съ французскимъ водевилемъ. Дѣйствующія лица прибѣгаютъ ко всевозможнымъ грубымъ выходкамъ: опрокидываютъ мебель, мужчины наряжаются въ женскіе чепчики, откалываютъ банальныя остроты. Послѣ фарса поютъ пѣсни, прославляющія тѣхъ политическихъ дѣятелей и героевъ, которые имѣютъ официальный успѣхъ, и смѣются надъ тѣми, которые его не имѣютъ.

Но есть и другой разрядъ театровъ для публики, еще менѣе требовательной,—это престолярные театры. Въ нихъ можно пить пиво во время всего представленія пьесы и даже противъ самой сцены. Эти театры-рестораны по воскреснымъ вечерамъ всегда биткомъ набиты народомъ. Представленіе начинается въ 6¹/₂ час., и доходъ съ продажи пива здѣсь втрое болѣе сбора съ продажи билетовъ. Особенно много пива пьютъ въ такихъ театрахъ уже и потому, что въ нихъ чрезвычайно душно даже въ самую холодную погоду; устроено это, говорятъ, съ цѣлью вызывать жажду въ посѣтителехъ. Эти театры-рестораны, за входную плату въ 5 грошей, доставляютъ публикѣ много развлеченій и даютъ ей полную свободу дѣйствій.

Внутри зало представляетъ большую четырехугольную комнату съ широкими галереями. На противоположномъ концѣ — сцена, которая издали кажется такою миниатюрною, что актеровъ можно принять за маріонетокъ, а ихъ игру за пантомиму, такъ какъ зало въ акустическомъ отношеніи устроено очень плохо, и при страшномъ шумѣ, который производитъ публика разговорами и стуками пивныхъ кружекъ, часто не слышно ни одного слова актеровъ. Партеръ сплошь уставленъ стульями и столами, между которыми непрестанно мелькаютъ засаленные мальчишки съ дюжинами пивныхъ кружекъ, которыя они разносятъ желающимъ. Публику составляютъ мастеровые, мелкіе торговцы, служащіе и лавочники съ своими домохозяевами. Мужчины курятъ и пьютъ, не переставая: каждый изъ нихъ въ теченіи вечера выпиваетъ не менѣе полъ-дюжины огромныхъ кружекъ и столько же выкуриваетъ сигаръ. Разряженные по праздничному женщины не отстаютъ отъ мужей, а та, которая еще не привыкла нагружаться пивомъ въ такомъ количествѣ, считаетъ долгомъ по крайней мѣрѣ наклонить свой носъ надъ кружкой своего сосѣда, такъ какъ, по понятіямъ женщинъ этого званія, пить изъ кружки мужчины—величайшее доказательство любви къ нему. Публика не только не считаетъ нужнымъ слѣдить за представленіемъ, которое идетъ на сценѣ, но многіе такъ разговорились, что сидятъ даже спиной къ ней; однако по временамъ и они оглядываются на сцену, не прерывая впрочемъ громкаго разговора съ пріятелями. Сзади партера корридоръ, уставленный столами; за прилавкомъ множество рукъ дѣятельно работаетъ: одни подносятъ кружки съ пивомъ, другіе хлѣбъ съ тминомъ и бутерброды. Тутъ же сбоку на стойкахъ стоятъ бочки пива, изъ которыхъ и наливаютъ его въ кружки. Нѣсколько служителей специально заняты тѣмъ, что вносятъ вновь налитыя бочки и выносятъ опорожненныя, что приходится дѣлать ежеминутно, не переставая, такъ какъ пиво уничтожается здѣсь въ невѣроятномъ количествѣ. Если представленіе и занимаетъ здѣсь кого, то только развѣ очень молодыхъ людей, которые, чтобы имѣть возможность хотя что ни-

будь видѣть и слышать, проталкиваются впередъ къ сценѣ. На такой сценѣ обыкновенно идетъ или оперетка въ одномъ дѣйствіи, или незамысловатая пьеса, содержаніемъ которыхъ, послѣ 1871 г. болѣе всего служили эпизоды изъ франко-прусской войны. Эти пьесы и оперетки нерѣдко оканчиваются пѣснями и танцами самаго грубаго и грязнаго пошиба.

Кафе-шантаны и танцевальныя залы. — Характеръ развлеченій въ кафе-шантанахъ и ихъ пѣсни. — Танцевальныя залы: Кенягс-Банкъ и Вилла-Колонна. — Орфейумъ и его роскошное убранство.

Нѣмцы, которые съ такимъ неподдѣльнымъ ужасомъ и отвращеніемъ кричатъ о развращающемъ вліяніи парижскихъ развлеченій, которые въ такихъ яркихъ краскахъ описывали развратъ современнаго Вавилона (такъ называютъ они Парижъ), уже давнымъ-давно сами подражаютъ ему во всемъ, что касается общественныхъ развлеченій. Нѣмецкія развлеченія вообще уже давно отличаются своею недоброкачественностью, но берлинцы дошли въ нихъ до Геркулесовыхъ столбовъ грязи, наглаго цинизма и всеовершенной распущенности, такъ что въ этомъ отношеніи они далеко опередили своихъ первоначальныхъ учителей — парижанъ. За примѣрами недалеко ходить. Укажемъ прежде всего на множество «музыкальныхъ залъ», изъ которыхъ наибольшую извѣстностью пользуется «Королевскій Салонъ», «Вальгалла» и др., гдѣ даютъ акробатическія представленія, танцуютъ балетныя танцы, и все это въ перемежку съ безчисленнымъ множествомъ комическихъ пѣсенъ. Эти заведенія болѣе всего привлекаютъ своими танцами самаго постыднаго характера. Но еще болѣе некрасивый характеръ носятъ кафе-шантаны. Это обыкновенно маленькія, низкія, душныя комнаты. Въ самыхъ лучшихъ изъ нихъ можно получить мѣсто за нѣсколько грошей. Несмотря на сильнѣйшее возбужденіе противъ всего французскаго, берлинцы не могутъ устоять противъ магическаго слова «Парижъ», и каждый хозяинъ, какъ самаго ничтожнаго увеселительнаго заведенія, такъ и первостепеннаго, лишь только ему посчастливится добыть французскую провинціальную актрису, даже третьяго разряда, или какую нибудь парижскую красавицу, тотчасъ объявляетъ объ этомъ въ газетахъ и можетъ быть увѣренъ, что его зала въ этотъ вечеръ будетъ полна.

Входя въ кафе-шантанъ, вы видите на подмосткахъ противоположнаго конца комнаты неприлично декольтированныхъ женщинъ, которыя поютъ хоромъ разныя шансонетки. Но вотъ появляется солистка, въ костюмѣ, долженствующемъ изобразить національный костюмъ шотландскихъ горцевъ, хотя онъ болѣе напоминаетъ одежду акробатокъ: очень короткая юбка шотландской матеріи и розовое трико. Надорваннымъ голосомъ, то кривляясь, то закатывая глаза вверхъ, поетъ она шотландскую пѣсню, затѣмъ пляшетъ танецъ горца съ мечами, чему публика неистово аплодируетъ. Когда наступаетъ короткій антрактъ, актрисы бросаются къ публикѣ, начинаютъ хохотать, бѣгать, у всѣхъ выпрашиваютъ вина, однимъ словомъ держатъ себя самымъ нахальнымъ образомъ. Публика въ этихъ кафе-шантанахъ тоже не стѣсняется приличіями: она кричитъ, шумитъ, одобряетъ и порицаетъ вслухъ актеровъ и актрисъ во время самаго пѣнія, каждую минуту прерываетъ ихъ громкими аплодисментами. Нерѣдко даже тотъ или другой посѣтитель начинаетъ съ своего мѣста громко перекрикиваться съ актерами на эстрадѣ.

Когда послѣ антракта занавѣсъ снова поднимается, выходитъ скрипачъ, иногда хорошо владѣющій своимъ инструментомъ, но публика слушаетъ его совершенно равнодушно: ей болѣе по вкусу циничныя выходки актрисъ и комическія пѣвцы. Ихъ пѣсни состоятъ изъ каламбуровъ и намековъ на современныя событія, но скорѣе мелочно-

семейнаго характера, чѣмъ общественнаго. Каламбуры этихъ пѣсень грубы, плоски и тривиальны, — но все равно: они доставляютъ посѣтителѣмъ необыкновенное удовольствіе. Они приходятъ въ особенный пафосъ тогда, когда на сценѣ появляется какая нибудь мѣстная фаворитка. Лишь только она затягиваетъ пѣню, публика, какъ одинъ человѣкъ, подхватываетъ ее за ней, при этомъ всѣ бѣшено постукиваютъ въ тактъ палками, покрывая такимъ образомъ голосъ актрисы. Тѣмъ не менѣе по окончаніи пѣсни ей неистово аплодируютъ. Пѣвица затягиваетъ другую шансонетку, но и на этотъ разъ таже исторія, пока публика не утомится отъ этого крика, шума, гвалта и пѣнія и нѣсколько стихнетъ. Тогда посѣтителѣ начинаютъ выкрикивать другъ за другомъ названія популярныхъ мѣстныхъ пѣсень, требуя, чтобы пѣвица спѣла ихъ. Та выбивается изъ силъ, чтобы угодить публикѣ, нѣсколько разъ начинаетъ пѣть то ту, то другую шансонетку, но каждый разъ должна прекратить ее, такъ какъ отъ нея требуютъ опять новую. Наконецъ, кажется, согласились выслушать «любовное похождение прачки», и при концѣ каждаго куплета пѣвица выкидываетъ подходящія къ этой пѣснѣ пошлые жесты. Но вотъ наконецъ ее замѣнилъ молодой человѣкъ, который принялся пѣть шансонетку съ акомпаниментомъ скрипки и хора пѣвцовъ. Припѣвъ, который подхватывалъ хоръ, состоялъ въ подражаніи крику разныхъ животныхъ. Веселье публики дошло до высшаго предѣла: одни хохотали во все горло, другіе кричали «браво», звонко щелкали пальцами въ знакъ одобренія, по столамъ ударили кружками, стучали изо всей силы ножами и вилками по кружкамъ, неистово выбивали тактъ ногами. Но вдругъ послѣ припѣва хора, который подражалъ кудяхтанью куръ, въ противоположномъ концѣ комнаты раздалось кудяхтанье на всѣ голоса, и затѣмъ посѣтителѣ, какъ одинъ человѣкъ, превратились въ самыхъ разнообразныхъ животныхъ: въ одномъ углу блеяли овцы, въ другомъ мычали коровы, здѣсь рычали львы, тамъ лаяли собаки, далѣе шипѣли змѣи, мяукали кошки, ржали лошади, кричали ослы, квакали лягушки... И дѣйствительно это были только животныя, которыя потеряли всякое человѣческое достоинство, стыдъ и смыслъ, глаза ихъ налились кровью. И вотъ въ такія-то минуты сильнаго возбужденія нерѣдко начинается у нѣмцевъ страшная потасовка изъ-за самаго ничтожнаго пустяка. «Чего это вы на меня глаза выпучили?» кричитъ одинъ на сосѣда. «Нѣтъ, это вы...» но фраза не оканчивается и раздаются пощечины. Въ эту драку ввязываются другіе, и дѣло кончается общей свалкой.

Куплеты, пѣсенки и шансонетки, содержаніемъ которыхъ служить какое нибудь событіе дня, имѣющее, какъ мы уже упоминали, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ общественное значеніе, тоже очень любимы въ этихъ кафе-шантанахъ. Но что-бы ни послужило содержаніемъ этихъ куплетовъ и шансонетокъ, какими бы каламбурами и намеками они не были переполнены, они никогда не блестятъ перлами остроумія. Содержаніемъ имъ между 1870—75 г. послужили: свиданіе императоровъ, ненависть къ іезуитамъ, но болѣе всего дороговизна квартиръ, безобразныя условія домохозяевъ при ихъ наймѣ, французскіе милліарды, короткія платья бѣлѣтныхъ танцовщицъ и т. п. Вотъ въ прозаическомъ переводѣ одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенокъ шантановъ: «Да, капитальная штука! Бисмаркъ, дѣйствительно, великій человѣкъ! То, что онъ сдѣлалъ, дѣлаетъ ему большую честь. Горькую поднесъ онъ пилюлю понамъ. Тинъ, линъ, линъ... которая имъ очень не понравилась. Ну, да они погуляли! Плутоватая ихъ шайка забрала власть въ свои руки... Тинъ, линъ, линъ, — какъ волки въ овечьей шкурѣ, они пробрались всюду... и бродяжничали во всей странѣ... Тинъ, линъ, линъ»... Другая, столь же популярная пѣсенка смѣется надъ новымъ контрактомъ, который вошелъ въ обычай между хозяевами и жильцами. «Квартиру нельзя больше нанять на 6 мѣсяцевъ, — ее вамъ отдадутъ только на одинъ. Жилецъ не смѣетъ болѣе

варить кушанья у себя дома, держать у себя кошек, собакъ, птицъ. Онъ обязанъ снять сапоги прежде, чѣмъ войти въ свою квартиру; зонтикъ онъ долженъ оставить внизу, а жена его, когда идетъ по лѣстницѣ, должна нести свой шлейфъ на рукѣ. Родится ребенокъ, и жильца подвергаютъ изгнанію. Чихать, кашлять, пѣть и цѣловаться съ супругою строго запрещено въ своей квартирѣ. Каждый жилецъ долженъ быть дома въ 10 ч.; если онъ строго не придерживается этого, — дверь затворяютъ и его не пускаютъ домой. Чистить свое платье, даже выбить пепель изъ своей трубки онъ обязанъ вѣ владѣніи своего домохозяина». Одна пѣсенка совѣтуетъ дѣлать завѣщаніе прежде, чѣмъ садиться въ вагонъ желѣзной дороги, другая предостерегаетъ отъ берлинскихъ дрожекъ, говоря, что иначе сѣдоку придется тащить лошадей. Одна изъ наиболѣе остроумныхъ пѣсенокъ самаго послѣдняго времени объясняетъ въ ироническомъ тонѣ удовольствіе, которое доставляетъ иностранцу германская столица. По смыслу пѣсни оно состоитъ только въ слѣдующемъ: въ чтеніи объявленій на колонахъ, въ веселыхъ разговорахъ съ продавщицами соды, въ удовольствіи послушать военную музыку, приторговать щуку на рыбномъ рынкѣ и почевать въ ночлежномъ домѣ. За то всѣ эти наслажденія, развлеченія и удовольствія, прибавляетъ она, со столомъ и квартирой, можно имѣть за весьма умѣренную цѣну, а именно за 4 гроша. Содержаніе большинства остальныхъ пѣсенокъ, распѣваемыхъ въ берлинскихъ шантанахъ, — самое грязное, цинично-возмутительное. Программа увеселеній въ нихъ довольно разнообразная, мы же старались дать понятіе только о характерѣ этихъ развлеченій.

Танцы — страсть нѣмцевъ всѣхъ классовъ общества; поэтому во всѣхъ германскихъ городахъ, а въ Берлинѣ рѣшительно во всѣхъ кварталахъ города, устроено безчисленное множество танцевальныхъ залъ. Въ небольшихъ германскихъ городахъ и мѣстечкахъ, а также въ загородныхъ закоулкахъ Берлина, эти танцевальныя залы служатъ мѣстомъ развлеченія для молодежи, куда она собирается, чтобы только усердно поплясать, выпить пива и устроить свои сердечныя дѣла. Совѣмъ другой характеръ носятъ эти танцевальныя залы въ болѣе людныхъ частяхъ Берлина. Чтобы дать понятіе о танцевальныхъ залахъ перваго разряда, приведемъ въ примѣръ Кенигсъ-Банкъ въ восточныхъ предмѣстьяхъ Берлина. Его зала просторна и прекрасно освѣщена. При входѣ, какъ обыкновенно, прилавокъ, на которомъ разложены закуски и множество людей занято наливаніемъ пива. Надъ этимъ буфетомъ галерея для оркестра. На противоположномъ концѣ комнаты — сцена, гдѣ по временамъ даютъ театральныя представленія. По обѣимъ сторонамъ залы широкія и глубокія ниши въ стѣнѣ со столами и стульями, а по стѣнамъ развѣшаны объявленія, предостерегающія посѣтителей, чтобы они не оставляли своихъ вещей на стульяхъ. Танцоровъ всегда чрезвычайно много; большею частью это ремесленники, мелкіе чиновники и торговцы съ своими семействами, молодые люди въ свѣтлыхъ сюртукахъ, въ ярко-цвѣтныхъ галстукахъ, съ живымъ розаномъ въ петлицѣ. Несмотря на все безвкусіе, съ которымъ одѣваются нѣмки вообще и служащій берлинскій людъ въ особенности, здѣшнія посѣнительницы стараются подражать французскимъ модамъ; но платье всегда неловко обтягиваетъ мѣшковатую или сутуловатую фигуру; на груди или броскій бантъ, или цвѣты. Лѣтомъ, хотя тоже танцуютъ въ той же комнатѣ, большинство посѣнительницъ въ шляпахъ, которыя украшены цѣлымъ огородомъ цвѣтовъ, безвкусно подобранныхъ. Господствующіе цвѣта платьевъ — канареечный и небесно-голубой. Мужчина платитъ за входъ 15 пфен., женщина 10. Въ нишахъ, а также и въ сосѣднихъ комнатахъ женщины, а болѣе всего мужчины пьютъ непрерывно пиво. Но вотъ раздается пронзительный скрипъ, какой мы привыкли слышать отъ неподмазанныхъ колесъ нашихъ простонародныхъ телегъ; это нѣчто въ родѣ приглашенія начинать танцы, и они начинаются. Всѣ танцы: вальсъ, польку, все танцуютъ

размѣромъ вальса въ 2 па, но медленно, плавно, и при этомъ танцовка кладетъ свое лицо, съ котораго потъ капаетъ въ три ручья, на плечо своего кавалера. Каждая пара танцуетъ чрезвычайно долго, дѣлаетъ вмѣстѣ безконечное число туровъ, часто танцуютъ даже, пока музыканты не окончатъ танца. Это происходитъ вотъ почему: когда поданъ сигналъ къ тому или другому танцу, всѣ желающіе принять въ немъ участіе, мужчины съ дамами, становятся въ пары, одна за другой, къ каждой парѣ подходитъ распорядитель и вѣзаетъ подать въ видѣ 3-хъ или 5-ти-пфениговой монеты. Такимъ-образомъ кавалеръ за каждый танецъ, который онъ желаетъ танцовать, долженъ заплатить 3 или 5 пф. (смотря по обычаю, установленному въ томъ или другомъ заведеніи). Чтобы не вносить при каждомъ танцѣ, танцоръ можетъ сразу заплатить распорядителю отъ 15 до 20 пфен. Вотъ потому-то каждый танцоръ и старается какъ можно дольше танцовать съ одной и той же дамой, такъ какъ съ новой дамой онъ долженъ снова платить. Хотя въ кавалерахъ тутъ не бываетъ недостатка, но дамы нерѣдко танцуютъ и между собой. У многихъ мужей въ обычаѣ непременно начать танцовать съ своей супругой. Танцуютъ съ такимъ азартомъ, что подъ конецъ совсѣмъ забываютъ о тактѣ и скачутъ, какъ сороки. Куда вы ни оглянетесь въ такомъ собраніи, вы вездѣ видите одно и тоже: полное отсутствіе женской красоты, вкуса и совершенную каррикатуру на увлеченіе и грацію.

Танцевальная зала «Вилла-Колонна» называется такъ отъ смѣжной колоннады подлѣ Королевскаго моста, слѣдовательно находится въ одномъ изъ самыхъ людныхъ кварталовъ Берлина. Названная танцевальная зала имѣетъ характеръ, совершенно противоположный только что описанной, служащей представительницею танцевальныхъ залъ за городомъ и въ провинціальныхъ захолустьяхъ.

Танцевальное зало Виллы-Колонны, въ полномъ смыслѣ роскошное, украшено лѣпной работой и позолотой; ея стѣны покрыты роскошной драпировкой и она прекрасно освѣщена люстрами. Арки, подъ которыми разставлено множество столовъ, окружаютъ залу съ двухъ сторонъ, а подъ ними ярусъ ложъ. Весь противоположный бокъ отъ входа занятъ оркестромъ, передъ которымъ распорядитель въ парадномъ костюмѣ, съ бальной шляпой подъ мышкой. Онъ дирижируетъ танцами, выкрикивая фигуры по французски. Въ нарядахъ дамъ этой танцевальной залы гораздо больше шелку, чѣмъ въ только-что описанной: многія изъ нихъ разодѣты по бальному. Но всѣ эти наряды не собственность посѣтительницъ, а взяты на прокатъ только на одинъ вечеръ. Въ полдень слѣдующаго дня танцовки возвратятъ ихъ старухамъ, которыя спеціально занимаются ремесломъ отдачи напрокатъ бальныхъ дамскихъ туалетовъ. Когда танцоры разгорячатся пивомъ, громкій смѣхъ и крики пирующихъ смѣшиваются съ звуками оркестра, а облака пыли несутся надъ головами танцующихъ. Этотъ разгулъ становится все болѣе дикимъ по мѣрѣ того, какъ приближается финалъ.

Ни въ одномъ европейскомъ городѣ нѣтъ столько распущенныхъ танцевальныхъ залъ, какъ въ Берлинѣ. Всѣ онѣ прекрасно убраны и стараются превзойти другъ друга разными приманками; но во главѣ ихъ стоитъ безъ сомнѣнія Орфеумъ въ Альтъ-Якобъ-Штрассе. Едва ли найдется какое нибудь другое танцевальное заведеніе въ Европѣ, столь нарядное и пышное, какъ Орфеумъ. «Танцевальныя залы Орфеума составили бы украшеніе для самаго великолѣпнаго дворца», восклицаетъ съ восторгомъ одинъ берлинецъ, забывая, что скорѣе слѣдуетъ стыдиться этого, чѣмъ этимъ гордиться.

Берлинскій Орфеумъ соотвѣтствуетъ въ нѣкоторой степени парижскому Мабиллю, но далеко превосходитъ его своими фантастически-освѣщенными лѣтними и зимними садами, своими роскошными танцевальными залами, въ одной изъ которыхъ есть сцена для оперы и балета, своими фонтанами, цвѣтниками тропическихъ растений, краси-

выми, но большею частью нескромными фресками, прекрасными статуями, роскошно меблированными гостинными, прекрасно освещенными люстрами, наконец своей блестящей позолотой и зеркалами, въ которыхъ отражается веселая сцена внизу. Но посѣтительницы далеко не такъ прелестны, какъ самый Орфеумъ: онѣ одѣты очень пышно, съ большой претензіей, страшно раздушены и въ танцахъ стараются подражать неприличію парижанокъ Мабиля, но все у нихъ выходитъ несравненно грубѣе и циничнѣе послѣднихъ. Онѣ совсѣмъ не стѣсняются и безцеремонно выпрашиваютъ деньги у каждаго, кто ихъ сразу не оборветъ. Мужчины, посѣщающіе Орфеумъ, — люди разныхъ положеній и сословій: сюда явился лейтенантъ гвардіи, но только въ статскомъ костюмѣ, много золотой молодежи изъ еврейскихъ спекуляторовъ, провинціалы, изучающіе удовольствія Берлина, сѣдые идіоты, оступившіе отъ пива и потерявшіе всякое чувство стыда, люди сомнительныхъ занятій. Одну изъ приманокъ Орфеума составляютъ балеты съ разными знаменитостями этого рода. Отличительная черта Орфеума — эротическія фрески, изображающія голыхъ красавицъ въ самыхъ неприличныхъ позахъ. Не смотря на это, здѣсь нерѣдко даютъ концерты съ благотворительною цѣлью.

РЕСТОРАНЫ, ПИВНЫЯ И КОНДИТЕРСКІЯ.

Нѣмецкій ресторанъ: его значеніе, обстановка и обѣдъ. — Сценки изъ жизни въ загородныхъ ресторанахъ-пансіонахъ. — Обѣды съ «золотой сосиской». — Жулики ресторано́въ. — Несмѣтное число пивныхъ заведеній и значеніе пива для нѣмца. — Пивная лихорадка. — Вліяніе обѣлаго и баварскаго пива. — Пивной погребъ подъ ратушей. — Пивные сады и ихъ обстановка. — Вальпургіева ночь на Бокъ-бергѣ и музыка въ Тиволи. — Страсть нѣмцевъ къ сладкому. — Берлинскія кондитерскія. — Женскія кондитерскія.

Берлинцы, вслѣдствіе правилъ строгой экономіи, въ которыхъ они воспитываются съ ранняго дѣтства, — народъ далеко не гостепріимный. Даже въ высшихъ класахъ скорѣе дадутъ балъ, чѣмъ обѣдъ. Во время бала повеселятся хотя дѣти хозяевъ, это наконецъ даетъ возможность дочерямъ находить жениховъ, а обѣдъ приноситъ только расходы. До 1875 г. высшій берлинскій финансовый міръ любилъ давать роскошные обѣды, но теперь, когда финансовые крахи облегчили карманы коммерсантовъ, и этотъ классъ людей сталъ жить гораздо скромнѣе. Даже иностранцу, пріѣхавшему съ самыми лучшими рекомендаціями, приходится знакомиться съ національной кухней только въ ресторанахъ. За то, посѣщая различные рестораны, онъ можетъ познакомиться съ нѣмцами не только средняго и низшаго класса, но и съ людьми самыхъ привилегированныхъ сословій. По воскреснымъ днямъ, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ старые, такъ и молодые, всѣ отправляются съ своими женами, чадами и домочадцами, часто съ маленькими дѣтьми на рукахъ, обѣдать въ тотъ или другой ресторанъ. Это происходитъ потому, что трактирная плата очень дешева. Цѣна за обѣдъ, смотря по ресторану, разумѣется, различна; но какова бы она ни была, вы, даже и при большомъ семействѣ, на тѣ-же деньги дома не можете такъ хорошо пообѣдать. Это даетъ возможность ресторанамъ имѣть огромное число посѣтителей и вести свое дѣло въ высшей степени добросовѣстно. Не говоря уже о провинціальныхъ городахъ, даже въ Берлинѣ можно получить порядочный обѣдъ за 2 марки, конечно только не въ тѣхъ ресторанахъ, которые славятся наливомъ иностранцевъ. Здѣсь есть рестораны, гдѣ можно пообѣдать даже за 10 грошей. Но только въ дешевыхъ ресторанахъ уже никогда не подають полотняныхъ салфетокъ, а всегда изъ писчей бумаги, чтобъ избѣжать стирки и кражи. Эти бумажныя салфетки испещ-

рены объявленіями, и ихъ продають по 3 талера за тысячу. Во многихъ ресторанахъ между 2 — 3-мя часами обѣдать садится отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ челов. Посѣтители знакомятся между собою очень быстро: это происходитъ главнымъ образомъ оттого, что хозяева въ ресторанахъ средней руки, особенно въ лѣтнихъ загородныхъ, председательствуютъ за столомъ, сидя на стулѣ, предназначаемомъ въ семействахъ для хозяина дома, и знакомятъ тотчасъ съ вновь прибывшими, употребляя всѣ усилія, чтобы завести общій разговоръ.

Въ загородныхъ или отдаленныхъ мѣстностяхъ Германіи, которыя не пользуются громкою славою своихъ минеральныхъ водъ и не привлекають особенно модную публику, въ скромные, хотя часто не менѣ очаровательные уголки тоже стекается множество посѣтителей, чтобы въ дали отъ городской пыли провести лѣто. Во всѣхъ такихъ мѣстахъ существуютъ отели-рестораны съ пансіонами, нерѣдко называемые иначе кургаузами. Въ такихъ ресторанахъ съ пансіонами посѣтитель не имѣетъ права останавливаться на одну ночь, но долженъ провести по крайней мѣрѣ недѣлю, но за то жизнь ему обходится здѣсь гораздо дешевле, чѣмъ въ обыкновенныхъ ресторанахъ. Табльдотъ такихъ ресторановъ открытъ не только для жильцовъ, но и для всѣхъ желающихъ. И вотъ тутъ-то патріархальныя, семейныя отношенія посѣтителей между собой, хотя бы они познакомились только недѣлю тому назадъ, особенно оригинальны. Хозяинъ или хозяйка прилагають всѣ усилія, чтобы перезнакомить между собой всю публику, оказывать каждому изъ нихъ какъ можно больше услугъ, доставлять всевозможныя удовольствія. Жизнь въ такомъ пансіонѣ-ресторанѣ носить особенно семейный характеръ тогда, когда онъ принадлежитъ особѣ женскаго пола. Въ такихъ случаяхъ передъ вами какъ будто не посѣтители трактира, а близкіе другъ другу люди, давнымъ-давно связанные между собой узами дружбы и самаго близкаго родства, которые собрались сюда на семейный праздникъ хозяйки дома. Кстати она тутъ, всегда на лицо, на председательскомъ мѣстѣ. Она замѣчаетъ, кто мало беретъ какого кушанья, заставляетъ прислугу еще поднести, сама подкладываетъ то тому, то другому, дѣтямъ грозитъ пальцемъ, когда мало ѣдятъ, увивается подлѣ каждаго изъ нихъ, когда подають что нибудь сладкое, безпрестанно подкладывая имъ на тарелку. Она уже знаетъ все общество: кто откуда, его семейныя дѣла, его прошлое, занятія и надежды на будущее. Все это она узнала, когда убѣдилась, что семейство, которое появилось на порогѣ ея заведенія, рѣшило занять у нея комнату на одинъ или два мѣсяца. Она немедленно приглашаетъ всѣхъ въ свою комнату: дѣтямъ, осыпая ихъ поцѣлуями и самыми нѣжными ласками, она снимаетъ шляпки, звонитъ, приказывая подать имъ молока, и тутъ же у нея въ карманѣ найдется для нихъ какая нибудь прелестная, маленькая картинка (въ нѣкоторыхъ хорошихъ магазинахъ, при покупкѣ, раздають даромъ картинки, на другой сторонѣ которыхъ объявленія магазина), или конфетка, которую ее угостилъ кто нибудь изъ ея жильцовъ. Для матери семейства подають кофе, для дѣвицъ всегда найдется хорошенькій букетъ и вѣеръ, подаренный ей «на память» или сдѣланный для нея руками одной изъ ея жилищекъ, которая прожила у нея прошлый сезонъ и была обворожена ея любезностью и услугами. Вновь прибывшіе черезъ минуту уже болтають съ хозяйкой обо всемъ, и сколько бы она ни угощала ихъ ягодами, кофе и молокомъ, она такъ поставитъ дѣло, что вы даже и не посмѣете предложить ей за это плату. Черезъ 5 минутъ, когда вамъ отвѣдутъ номеръ, вы должны за все платить аккуратно, но тутъ... за это отъ васъ желаютъ получить только довѣріе, заставить быть любезными и снисходительными. Кромѣ того тутъ хозяйка узнаетъ о вновь прибывшемъ семействѣ все, что ей нужно. За обѣдомъ одному изъ нихъ она совѣтуетъ прогуляться въ такомъ-то мѣстѣ, дочери рекомендуетъ особу ея лѣтъ и по первому взгляду знаетъ, что и кто кому подойдетъ.

Матерямъ она всегда очень удачно рекомендуетъ нянекъ, гувернантокъ, учительницъ, и все это бесплатно, хотя для этого ей нерѣдко приходится потерять не мало времени, словомъ, она употребляетъ всѣ усилія, чтобы прославиться своею любезностью и обѣдами. Къ тому же тѣ, которымъ ей удастся оказать услугу, всегда будутъ служить для ея пансіона самую лучшую рекламу, а это очень выгодно. И дѣйствительно, ея хлопоты увѣнчиваются успѣхомъ не только съ матеріальной, но и съ нравственной стороны: молва о ея кургаузѣ распространяется далеко за предѣлами данной мѣстности, и часто извѣстный актеръ или актриса, а иногда и цѣлая труппа, путешествуя по близости, заявляютъ хозяйкѣ, что завтра они явятся къ ней на вечернее собраніе, — а это публичное признаніе ея порядочности весьма выгодно. Завтра утромъ въ мѣстныхъ газетахъ уже будутъ говорить о томъ, что такіе-то актеры выразили желаніе спѣть, сыграть или семейнымъ образомъ провести вечеръ въ такомъ-то ресторанѣ. Въ такихъ случаяхъ, если сегодня она приготовляла ужинъ на 1000 ч., завтра она должна приготовить его по крайней мѣрѣ на 3000.

При кургаузѣ обыкновенно двѣ столовыхъ: одна, въ которой обѣдаютъ ежедневно, въ самомъ зданіи, и другая въ саду. Въ этой послѣдней обѣдаютъ по воскресеньямъ, когда стеченіе публики особенно многочисленно; тутъ непремѣнно стоитъ и рояль. Каждый вечеръ сюда собираются всѣ живущіе въ кургаузѣ и проводятъ время сообща: матроны вяжутъ чулки и шерстяные платки, молодежь по очереди поетъ, играетъ на инструментѣ, декламируетъ стихи, устраиваетъ игры, танцы. Однимъ словомъ тутъ каждый день происходятъ музыкально-литературно-танцевальные вечера съ играми. «Всѣ должны быть полезны обществу!» кричитъ хозяйка, которая присутствуетъ и здѣсь. Эта особа положительно вездѣущая: когда въ столовой всѣ веселятся и нѣсколько минутъ не предстоитъ перерыва, она вбѣгаетъ въ кухню, засучиваетъ рукава и начинаетъ толочь какія нибудь спеціи или разрубать говядину. Черезъ минуту она уже въ столовой составляетъ для кадрили пары изъ молодежи или уговариваетъ того или другаго изъ общества спѣть или сыграть. «O! Fräulein Marie! Если вы не поете, вы навѣрно прекрасно декламируете!» — «Нѣтъ, нѣтъ! Я ничего не могу». — «O, это невозможно, — у васъ такіе поэтическіе глазки, — вы непремѣнно должны декламировать съ одушевленіемъ». И Fräulein Marie, побѣжденная этимъ доводомъ, краснѣя и сбиваясь, какъ настоящая школьница во время экзамена, начинаетъ декламировать «Erlkönig» или какой нибудь отрывокъ изъ христоматіи, который она долбила на школьной скамьѣ. Но все равно, — ей громко аплодируютъ, а за ней выходитъ, привѣтливо улыбаясь и раскланиваясь на всѣ стороны, ея 50 лѣтняя «Tantchen», садится за фортепіано и, громко ударяя по клавишамъ, своими костлявыми пальцами и высоко приподнимая руки, дребезжащимъ голосомъ начинаетъ пѣть старинный романсъ «Любимые глаза» или что нибудь въ этомъ родѣ. «Теперь въ игры!» кричатъ молодежь. Всѣ бросаются разставлять стулья, и черезъ минуту и 60-ти лѣтніе старики, и 18-ти лѣтнія дѣвушки, однимъ словомъ и старыя, и малыя, бѣгаютъ и веселятся, какъ дѣти. «Въ носы! въ носы!» кричитъ очень полная 40 лѣтняя дама, съ глубоковырѣзаннымъ спереди лифомъ, съ огромнымъ букетомъ розъ на груди и съ рукавами до локтя, которые открываютъ толстую, грубую, короткую руку. «O, да, это очень забавная игра», говоритъ сосѣдъ, пожилой господинъ, учитель греческаго языка. Всѣ дамы, изъ которыхъ много почтенныхъ матерей, съ живостью выбѣгаютъ за дверь, а мужчины, оставшись одни, уговариваются между собой, какую даму каждый изъ нихъ желаетъ имѣть подлѣ себя. Затѣмъ каждая дама по одиночкѣ, подходитъ къ тому, на кого она рассчитываетъ болѣе другихъ. Если она ошиблась, онъ вмѣсто отвѣта дѣлаетъ ей «носъ» руками. «Здѣсь нѣтъ женщины!» съ негодованіемъ вскричала француженка, когда она однажды была свидѣтельницей такой игры; но нѣмцамъ сред-

ниго класса эти маленькія забавы очень нравятся. Они такъ прѣстодушно - дѣтски бѣгаютъ, смѣются. По всему видно, что у собравшихся никогда не являлось никакихъ сомнѣній, разочарованій, развѣдающихъ вопросовъ и анализовъ, никакой червякъ не подтачиваетъ ихъ существованія, и они какъ дѣти счастливы всякими пустяками.

Вдругъ подъ окнами раздается оригинальное и прекрасное хоровое пѣніе; всѣ смолкаютъ, прислушиваются. «А, знаю,—это семейство знаменитаго ученаго и профессора Р.», говорятъ хозяйка. «Онъ каждый годъ совершаетъ пѣшкомъ путешествіе съ своимъ семействомъ и никогда не проходитъ мимо моего ресторана!» Всѣ послѣшно выбѣгаютъ въ садъ, окружаютъ профессорское семейство и въ глубокомъ молчаніи слушаютъ пѣніе, которое не прерывалось ни на минуту. Семейство состояло изъ почтенной старушки за 50 л., профессора—за 60, изъ двухъ сыновей студентовъ, дочери 16 л. и еще дѣвочки—подростка лѣтъ 9—10. Путешественники сидѣли вокругъ стола, на которомъ стояли уже осушенные ими кружки пива. Старуха мать и ея дочери, каждая изъ нихъ держала въ рукахъ по вышитому саквоюжу, у мужчинъ надѣты были дорожные сумки. Всѣ поютъ, но и теперь дамы, не исключая дѣвочки, уже успѣли вынуть изъ саквоюжа свою работу и вяжутъ что-то крючкомъ. Старый, почтенный профессоръ, облокотясь на свой дорожный посохъ, глядя вдаль, продолжаетъ пѣть, не обращая вниманія на публику, которая все прибывала и все плотнѣе окружала его семейство. Они пѣли какой-то стройный, торжественный гимнь, прославлявшій Творца и его мірозданіе, въ которомъ были и арии для отдѣльныхъ голосовъ: птичка, которая благословляетъ солнечный лучъ и которую съ большимъ музыкальнымъ чутьемъ исполнила 10-ти-лѣтняя дѣвочка. Въ хорѣ, подхватившемъ за нею пѣсню, зазвучали и трели соловья, и кукованье кукушки, и нѣжное чириканье малиновки. Ручеекъ, арію котораго пѣла молодая дѣвушка, прославлялъ всѣ явленія природы, такъ какъ всѣ онѣ служатъ къ тому, чтобы выказать ея красоту. И въ хорѣ, послѣдовавшемъ за солисткой, слышались и раскаты грома, и вой вѣтра, и журчанье ручейка. Но человекъ не можетъ только благословлять, онъ въ тоже время и проситъ. Старый работникъ-профессоръ проситъ Творца не оставить его полосу своею милостью. Его хозяйка-профессорша умоляетъ небо послать миръ и счастье ея семейству и кровь всѣмъ несчастнымъ на сегодняшнюю ночь. Молодой батракъ, одинъ изъ студентовъ, жалуется на свою горькую долю, но даетъ себѣ слово не проклинать судьбу, если только голубые глазки Лизхенъ будутъ къ нему иногда благосклонны.

«О, какое ханжество!» заговорила француженка. «Этотъ профессоръ, извѣстный матеріалистъ, не вѣритъ ни въ Бога, ни въ чорта, и туда же прославляетъ Творца». Между тѣмъ это пѣніе, проникнутое глубокимъ чувствомъ и спѣтое съ удивительнымъ ансамблемъ, производитъ на окружающихъ глубочайшее впечатлѣніе, и по окончаніи его всѣ стоятъ неподвижно. Но вотъ всѣ стали тѣсниться къ путешественникамъ и наперерывъ приглашать ихъ въ столовую. Когда они вошли въ залу, студентъ тотчасъ сѣлъ за рояль и живо заигралъ веселый вальсъ; его сестры были немедленно ангажированы, и всѣ пустились въ плясъ. Старый профессоръ нашель тутъ и знакомыхъ; нѣкоторые изъ мужчинъ подошли засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Но онъ какъ-то равнодушно кивнулъ головой и прервалъ похвалы, высыпавъ изъ своего саквоюжа на столъ раковинки и камешки, которые онъ собралъ по дорогѣ. Его окружили, стали разсматривать, но когда къ нему подбѣжала молоденькая дѣвушка и, взявъ раковинку, хотѣла что-то спросить, профессоръ, добродушно улыбаясь, перебилъ ее: «оставьте это мужчинамъ, зачѣмъ трудить прелестную головку! Вамъ цвѣты, любовь и танцы...» и протянулъ къ ней руки, ангажируя на танецъ. Сдѣлавъ съ молодой дѣвушкой туръ при обихихъ апплодисментахъ, онъ сѣлъ, выкурилъ трубку, и вдругъ все семейство поднялось, собираясь въ

дорогу. Не смотря на самыя радушныя просьбы хозяйки откушать, они дружески со всѣми раскланялись, затагнули хоръ ангеловъ изъ Фауста и отправились дальше.

«Спать пора!» кричатъ матери взрослымъ дочкамъ послѣ ужина въ 10 час. «О, милая мама, муттерхенъ», умоляютъ дѣвицы, «позволь остаться еще 10 минутъ». Однако скоро зало и садъ пустѣютъ: всѣ отправились по своимъ комнатамъ и улеглись. Только въ одной изъ аллей сада разговаривая гуляетъ англичанка, давно жившая въ Германіи и каждое лѣто проводившая въ одномъ изъ загородныхъ кургаузовъ, и уже знакомая намъ французженка. Кстати будетъ сказать здѣсь, что иностранцы, если они попадаютъ въ такой кургаузъ, живутъ отдѣльною жизнію и мало принимаютъ участія въ этой интимной сторонѣ ресторанный жизни нѣмцевъ.

«Смотрите... смотрите!» говоритъ французженка. «Вотъ она, прославленная чистота нѣмецкихъ нравовъ!» И дѣйствительно было на что посмотреть! Изъ верхняго этажа тихо отворилось окно; при этомъ длинная веревочка, къ концу которой былъ приврѣпленъ камешекъ и розовый конвертъ съ нарисованными голубками, спускались въ окно слѣдующаго этажа. Производилось это, какъ видно, опытной рукой. Вотъ камешекъ съ письмомъ достигъ своего назначенія и, движимый таинственной рукой, сталъ легонько ударять по стеклу. «А вѣдь какая съ виду благовоспитанная дѣвушка занимаетъ это окно!...» снова начала неунимавшаяся французженка. «На этотъ разъ вы совсѣмъ несправедливы», отвѣчала ей англичанка. «Это совсѣмъ не то, что вы думаете. Я давно живу здѣсь и знаю, что въ семейной жизни нѣмцевъ нѣтъ той идеальной чистоты и нравственности, въ которую мы, остальные европейцы, такъ вѣрили. Но вы забываете, что вмѣстѣ съ распушенностью въ ихъ характеръ много чертъ наивной сентиментальности, доведенной до комизма, и патріархальнаго простодушія».

И дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ легкихъ ударовъ камешка о стекло, окно отворилось, изъ него высунулась среднихъ лѣтъ женщина, снявшая свою фальшивую косу и выглядывавшая теперь совсѣмъ какой-то безволосой и старой, схватила письмо и стала его освобождать, задирая вверхъ голову и посматривая въ окно, изъ котораго она получила цидулку. Въ ту-же минуту изъ таинственнаго верхняго окна высунулась голова молодой дѣвушки въ папильоткахъ и стала посылать дамъ рукой воздушные поцѣлуи. Среднихъ лѣтъ дама раскланывалась съ ней, прижимая письмо къ сердцу. Оказывается, что во всѣхъ этихъ кургаузахъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ совместной жизни и знакомства, между молодыми дѣвушками и дамами возникаютъ чисто институтскія отношенія и обожанія. Молодая дѣвушка кричитъ обожаемому предмету «душка, очаровательная, прелесть», посылаетъ ей на веревочкѣ изъ окна раздушенныя записки на цвѣтной и разрисованной бумагѣ съ подобнымъ же содержаніемъ, закладки своей работы, цвѣты изъ шерсти и т. п. бездѣлушки. Если обожаемый предметъ однихъ лѣтъ съ обожательницею, то онъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же; особы постарше, чтобы отблагодарить своихъ обожательницъ за ихъ обожаніе, приглашаютъ ихъ на чашку кофе, отправляются съ ними на прогулку, выучиваютъ ихъ какому нибудь новому бесполезному женскому рукодѣлію, или угощаютъ ихъ ягодами, когда онѣ дешевы.

Замужней женщинѣ считается неприличнымъ заниматься такимъ обожаніемъ, — она можетъ быть предметомъ обожанія, но не дѣйствующимъ лицомъ. Но молодыя дѣвушки въ этомъ отношеніи держатъ себя совершенно такъ, какъ наши институтки прежнихъ временъ.

Нѣмецкая кухня кажется варварской французу. Его приводитъ въ ужасъ молочный сунъ съ манной крупой, бифштексъ съ соусомъ, въ которомъ плаваютъ шарикъ изъ мозга, яиць, хлѣбныхъ крошекъ и цвѣтной капусты, бульонъ, въ которомъ плаваютъ яйца и какіе-то мучные комки съ ветчиной, рыба съ сахаромъ. И дѣйствительно, да-

леко не каждому по вкусу нѣмецкая кухня, особенно потому, что нѣмцы употребляютъ слишкомъ много сахару, кладутъ его почти во всякое кушанье, приправляютъ имъ нерѣдко даже рыбу и огурцы. Другой недостатокъ ихъ кулинарнаго искусства въ томъ, что они не умѣютъ справиться съ соусомъ и принаровить его къ тому мясу, къ которому онъ наиболѣе подходитъ. Всѣ кушанья нѣмцевъ носятъ мудренныя и непонятныя названія, и часто для одного и того же кушанья ихъ существуетъ по нѣскольку. Но что дѣйствительно хуже всего въ нѣмецкихъ ресторанахъ, — это недостатокъ мяса. Въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ гостиницахъ вы можете ходить цѣлую недѣлю и ни разу не достать бифштекса. Мало того, если вы войдете въ ресторанъ даже и перваго разряда, но не въ точно опредѣленную часть, назначенную для обѣда, вамъ лучше уже подождать ужина, такъ какъ чего вы ни спросите, вамъ на все будутъ отвѣчать: «этого больше нѣтъ». «Что же у васъ есть?» «Масло и сыръ», и дѣйствительно, кромѣ этого, у нихъ ничего нельзя найти черезъ часа два послѣ обѣда.

Вотъ главныя изъ нѣмецкихъ кушаній: «Geklopftes Rindfleisch» — поджаренная говядина съ лимонными корками, гвоздикой, перцемъ, хлѣбными крошками и яйцами. Она облита соусомъ изъ бульона, который приправленъ масломъ, лимоннымъ сокомъ, сахаромъ и сардинками. «Schmorkohl mit gebratenem Hecht» — вареная красная капуста, напитанная уксусомъ, подслащенная сахаромъ, приправленная чеснокомъ и неизбежной сардинкой, которую подаютъ съ жареной щукой. Къ этому кушанью подаютъ *сыръ изъ печени*: онъ состоитъ изъ свиной печени и сала, срубленныхъ вмѣстѣ и смѣшанныхъ съ гвоздикой, яйцами и хлѣбными крошками. Этотъ сыръ изъ печени имѣетъ видъ тѣста, и его подаютъ обыкновенно на оловянномъ блюдѣ. «Gefüllte Kohlrabi» — брюква, начиненная жиромъ и жареной телятиной и отваренная въ мясномъ отварѣ; ее подаютъ съ соусомъ. Индѣекъ у нихъ начинаютъ толчеными каштанами, сливами, яблоками вмѣстѣ съ телячьей печенью, лукомъ и различными приправами. Куропатокъ варятъ, завернувъ въ виноградныя листья. Это обиліе сахару, приностей и неизбежныя сардинки, которыми стараются украсить чуть не каждое мясное кушанье, все это не по вкусу иностранцамъ и особенно французамъ. Но и они не нахвалятся нѣкоторыми кушаньями, оригинальностью и умѣньемъ ихъ готовить какъ-то особенно вкусно. Болѣе всего получили извѣстность ихъ жаренныя куропатки, жареная дичь, телячьи почки, жареный заяцъ на салѣ и въ сметанѣ, а ихъ померанскія грудинки, вестфальскіе окорока, брауншвейгскія сосиски и многія другія національныя кушанья пользуются громкою всеобщей извѣстностью. Не менѣе прекрасны ихъ компоты, которые, какъ и салать, подаютъ къ жаркому: компотъ изъ сливъ, ананасовъ, изъ земляники, вишень. Эти компоты напоминаютъ наше варенье, только онѣ гораздо жиже ихъ и менѣе сладки. Любовь къ пиву обнаруживается на каждомъ шагѣ и въ кулинарномъ искусствѣ: даже въ лучшихъ ресторанахъ нерѣдко подаютъ супъ изъ пива; соусъ изъ пива съ угрями и карпомъ, а говядина, варенная въ пивѣ и крѣпко приправленная разными приправами, — любимое кушанье нѣмцевъ. Въ большомъ употребленіи также гороховая колбаса: ее готовятъ изъ гороховой муки, жира, копченыхъ свиныхъ грудинокъ и лука, срубленныхъ вмѣстѣ; все это смѣшивается и прессуется. Изъ этой колбасы варятъ и супъ; для этого ее рубятъ на куски, бросаютъ въ кипятокъ, помѣшиваютъ, и супъ готовъ. Эта гороховая колбаса чисто національное кушанье и въ общемъ употребленіи. Нѣмцы долго горевали, что колбаса эта скоро провисаетъ и ее нельзя было готовить въ большомъ количествѣ для войска. Однако, во время франкопрусской войны, былъ наконецъ открытъ секретъ готовить горохъ такъ, чтобы онъ не скисалъ. Это открытіе было сдѣлано однимъ берлинскимъ поваромъ и куплено у него правительствомъ за

55,000 руб. Родная сестра гороховой колбасы, столь же любимая и распространенная среди нѣмцевъ, — сосиска, которую они такъ любятъ закусывать.

Одинъ ресторанъ объявилъ, что у него будутъ происходить обѣды «съ золотой сосиской». И дѣйствительно, въ одной изъ 30 сосисекъ, подаваемыхъ къ столу, вложено было по небольшой золотой монетѣ, которая дѣлалась собственностью того, кому попадалась сосиска съ монетой. Нечего и говорить, что это, какъ и всякая спекуляція, привлекло огромную толпу. Любопытно было наблюдать за гостями въ этомъ ресторанѣ, которые разсаживались за столомъ по 30 ч. Они методически, старательно и медленно разжевывали куски сосиски, опасаясь проглотить монету. Тотъ, кому выпадало на долю счастье получить ее, не могъ закрыть рта отъ радости.

Много употребляютъ нѣмцы и сыровъ, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются громкою извѣстностью. Лимбургскій сыръ, отвратительный запахъ котораго выдѣляется между всѣми испареніями Берлина, всегда есть въ каждомъ берлинскомъ ресторанѣ. Къ нему подаютъ масло и «черный хлѣбъ», который не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ чернымъ хлѣбомъ, по виду скорѣе напоминаетъ наши черные простонародные пряники и всегда бываетъ осыпанъ тминными зернами.

Кромѣ пива, котораго въ каждомъ ресторанѣ выпиваютъ громадное количество, употребляютъ и вина, но нѣмцы понимаютъ въ нихъ мало толку. Подъ громкимъ ярлыкомъ нѣмцу можно сбыть вино сомнительнаго достоинства. Даже рейнскія вина въ Берлинѣ дороги, и подъ этимъ названіемъ здѣсь не рѣдко можно получить совсѣмъ другое. Тутъ въ очень многихъ ресторанахъ прислуга безцеремонно наклеиваетъ на дурныя вина ярлычки винъ, славящихся хорошимъ качествомъ.

Нѣмецкіе рестораны, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ, не отличаются блескомъ и даже знаменитѣйшіе изъ нихъ далеко уступаютъ въ роскоши не только первостепеннымъ, но и второстепеннымъ французскимъ. Часто въ Берлинѣ, даже въ весьма порядочныхъ ресторанахъ, вы находите самую скромную обстановку, совершенно простую сервировку, разнокалиберныя рюмки и стаканы, ножи съ простыми деревянными черенками, ложки накладнаго серебра. Прислуги, даже въ первостепенныхъ ресторанахъ, чрезвычайно мало. Хозяйева прежде всего дѣлаютъ экономію на этомъ. Къ тому же служащій нѣмецкій людъ отличается необыкновеннымъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ. Здѣшняя прислуга работаетъ вдвое болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Большинство кельнеровъ и служащихъ при ресторанахъ во французскихъ, бельгійскихъ и швейцарскихъ отеляхъ, которые такъ услужливы и умѣютъ быть въ одно и тоже время въ нѣсколькихъ мѣстахъ, — это молодые нѣмцы, которые ѣдутъ въ услуженіе, куда угодно, лишь бы немного пополнить свой скромный бюджетъ. Самая характерная черта націи, которая считаетъ себя первою въ мірѣ, — умѣнье прислуживать.

Берлинскіе рестораны не совсѣмъ безопасны для иностранцевъ, такъ какъ ихъ посѣщаютъ жулики, которые спеціально занимаются по ресторанамъ воровствомъ верхняго платья. Они входятъ парами, одинъ въ пальто, другой только въ платьѣ, оба прекрасно одѣты и выходятъ оба въ верхнемъ платьѣ. Если когонибудь изъ нихъ и поймаютъ, то онъ, нисколько не стѣсняясь, говоритъ, что надѣлъ чужое пальто по ошибкѣ, такъ какъ забылъ взять изъ дому свое.

Съ того времени, когда, по словамъ Тацита, главное удовольствіе нѣмцевъ стояло въ томъ, чтобы провести ночь за пивомъ, вкусы ихъ въ этомъ отношеніи не измѣнились. У нѣмцевъ каждую минуту является множество самыхъ основательнѣйшихъ причинъ для выпивки: пріѣздъ друга, жажда, которая, кажется, томитъ ихъ не переставая днемъ и ночью, горе, радость, желаніе отвѣдать новое пиво, какоенибудь особенное семейное или общественное событіе, однимъ словомъ все заставляеть

ихъ нѣсколько разъ въ день зайти въ трактиръ или въ пивной садъ и каждый разъ опорожнить нѣсколько кружекъ пива. Пиво до такой степени нѣмецкое изобрѣтеніе, что вся Германія, смѣло можно сказать, течетъ этимъ пѣнистымъ напиткомъ янтарнаго, блѣдно-желтаго, бураго или молочно-бѣлаго цвѣта. Здѣсь есть такіе специалисты по части пива, которые каждое чувство, каждое движеніе души объясняютъ вліяніемъ того или другого пива. На пиво здѣсь существуетъ множество поговорокъ; одна изъ нихъ гласитъ: «Тотъ, кто до 20 лѣтъ не успѣлъ сдѣлаться красивымъ, сильнымъ до 30, умнымъ до 40 и богатымъ до 50, для того совершенно напрасно потерялъ хмѣль и солодъ». Въ Германіи пиво пьютъ всѣ классы общества: торговецъ и рабочій приводятъ все свое семейство въ пивной садъ наслаждаться національнымъ напиткомъ; женихъ, съ скромнымъ общественнымъ положеніемъ, отправляется туда же съ невѣстой. Всѣ свои воспоминанія, надежды, радости, политическія и общественныя событія студенты тѣсно связываютъ съ пивомъ, которое они выпиваютъ въ несмѣтномъ количествѣ. Аристократія освѣжается пивомъ въ своихъ салонахъ, высшія государственныя власти находятъ въ пивѣ вдохновеніе и подкрѣпленіе, а германскій императоръ говоритъ, что онъ въ своемъ любимомъ теплицкомъ пивѣ почерпаетъ каждый разъ новый запасъ энергіи и жизненной силы. Но такое пристрастіе нѣмцевъ къ пиву ведетъ ихъ къ чрезмѣрному излишеству, что нерѣдко развиваетъ различныя болѣзни, общую одутловатость тѣла, «пивную лихорадку» и въ крайнемъ случаѣ даже полный идиотизмъ. «Пивная лихорадка» свойственна исключительно Германіи. Ея характерный признакъ — томительная и непрестанная жажда, которая мало по малу высушиваетъ всю влагу въ организмѣ, и у больного при этомъ съ каждой минутой является все болѣе смертельная жажда къ пиву. Къ тому же нервы все болѣе разстраиваются, и больной доходитъ до галлюцинацій. Но, если подать помощь при первыхъ признакахъ болѣзни, она излѣчивается довольно легко.

Не смотря на то, что въ Германіи, во всѣхъ городахъ безъ исключенія, пиво продаютъ въ ресторанахъ, въ увеселительныхъ заведеніяхъ, въ театрахъ, въ танцевальныхъ залахъ, всюду существуетъ еще множество пивныхъ садовъ и бирь-локалей, т. е. пивныхъ, и такую пивную вы найдете непременно въ одномъ изъ четырехъ подваловъ; однимъ словомъ здѣсь нѣтъ такого частнаго и общественнаго учрежденія, гдѣ пиво не играло бы самую видную роль. Хотя всему свѣту давнымъ-давно извѣстно, что нѣмцы употребляютъ пиво въ невѣроятномъ и въ ненадлежащемъ количествѣ, но полная и наглядная картина нѣмецкаго пьянства старательно скрыта отъ глазъ иностранца. Болѣе всего пьютъ пиво въ пивныхъ садахъ и бирь-локаляхъ: первые, если только они расположены въ центрѣ города, скрыты отъ глазъ фасадами домовъ, такъ что ихъ совсѣмъ не видно съ улицы, а бирь-локаль помѣщаются въ подвалахъ. Эта система прятать пьянство столицы отъ взоровъ публики за кирпичными стѣнами и въ нѣдрахъ земли вполнѣ характеристична. Между пивными заведеніями слѣдуетъ замѣтить «вейнштубе» и «вейссь-бирь-салонъ», которые находятся на болѣе спокойныхъ улицахъ и посѣщаются скорѣе завсегдатаями, чѣмъ случайными посѣтителеми. Въ вейссь-бирь-салонъ идутъ любители бѣлаго пива, которыми обыкновенно являются люди пожилые и стараго закала. Они считаютъ свой любимый напитокъ чисто берлинскимъ произведеніемъ и любятъ распространяться передъ иностранцемъ о его великихъ достоинствахъ. Если вы случайно познакомитесь съ господиномъ такого типа, онъ прежде всего спроситъ ваше мнѣніе о бѣломъ пивѣ и будетъ крайне пораженъ, если ему придется узнать, что вы прожили въ Берлинѣ уже нѣсколько дней и еще не отвѣдали его. Передъ каждымъ любителемъ бѣлаго пива стоитъ не пивная кружка, а громадная стеклянная ваза, которую удобно было бы надѣть на голову; она вмѣщаетъ въ себѣ болѣе пяти нашихъ бутылокъ. Дайте новичку такую вазу, и онъ не сдумаетъ ее поднести даже къ губамъ,

неловко обхвативъ обѣими руками. Совсѣмъ иначе отнесется къ этому человѣкъ опытный: онъ поставитъ ножку ея на мизинецъ, а остальными пальцами поддерживаетъ бока и такимъ образомъ подноситъ бокалъ къ губамъ. Настоящіе любители этого пива прежде всего съѣдаютъ нѣсколько анисовыхъ сѣмянъ и затѣмъ уже опоражниваютъ вазу «бѣлокурой красавицы», какъ они называютъ это пиво. Самаго лучшаго качества бѣлое пиво нужно искать въ Берлинѣ, и въ этомъ городѣ существуетъ множество заведеній, гдѣ оно исключительно продается. Для настоящаго любителя пива пять, шесть нашихъ бутылокъ тоже самое, что стаканъ соды для пресыщеннаго англичанина. Почитатель бѣлаго пива каждый вечеръ уже непременно сидитъ въ «вейссъ-бирь-штубе» и утоляетъ жажду своимъ любимымъ напиткомъ, возбуждая аппетитъ колбасой съ чеснокомъ. Въ каждомъ подобномъ заведеніи есть непременно нѣсколько такихъ завсегдатаевъ, которые буквально каждый день проводятъ здѣсь по нѣсколькимъ часамъ кряду, выпиваютъ известное количество, выкуриваютъ такое же число сигаръ, отпускаютъ однѣ и тѣ-же остроты. Какъ бы ни былъ бѣденъ приверженецъ бѣлаго пива, онъ прежде всего откладываетъ деньги не на обѣдъ, а на это удовольствіе.

Въ этихъ вейссъ-бирь-штубе, или комнатахъ для бѣлаго пива, уже съ ранняго утра появляется нѣсколько старухъ, похожихъ на муміи, которыя приходятъ сюда покупать пивныя дрожжи, оставшіяся съ прошлаго вечера и изъ которыхъ онѣ варятъ супъ — единственная теплая пища, какою онѣ могутъ пользоваться. Около 9 часовъ появляются здѣсь чистильщики улицъ и подкрѣпляютъ себя для своей тяжелой обязанности. Затѣмъ входятъ зажиточные горожане почитать газету и запить ее бѣлымъ пивомъ. Они обѣдаютъ аккуратно около 12 часовъ и потому около этого времени они расходятся. Послѣ нихъ собираются гуляки, которые только что встали и остаются часа два, три. Отъ 3-хъ до 4-хъ — единственный часъ, когда въ пивной никого нѣтъ. Около 4-хъ ч. появляются завсегдатаи, которые приходятъ въ негодованіе, если ктонибудь занялъ ихъ мѣсто. Они остаются здѣсь нѣсколько часовъ и затѣмъ уходятъ домой. Послѣ нихъ число посѣтителей все увеличивается, и къ 11 часамъ появляется новый разрядъ — гуляки, которые стараются отрезвить себя послѣ выпивки угольной кислотой бѣлаго пива. Но есть нѣсколько завсегдатаевъ, которые съ 4-хъ часовъ до полуночи совсѣмъ не выходятъ изъ этой пивной; они играютъ между собой въ карты и не переставая пьютъ кружку за кружкой. Ихъ сейчасъ можно отличить по одутловатому лицу и по толстому брюху; къ тому же они кромѣ двухъ, трехъ отрывочныхъ словъ, совсѣмъ не разговариваютъ между собой, и эту породу животныхъ, отпоенныхъ бѣлымъ пивомъ, можетъ расшевелить только плохое качество ихъ напитка.

Нѣмцы по всей справедливости могутъ гордиться своими мыслителями и учеными, стяжавшими всесвѣтную известность, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ сферѣ умственной дѣятельности имъ все дается съ несравненно большею затратою труда и времени, чѣмъ другимъ народамъ. Прежде, чѣмъ добиться какихъ-нибудь результатовъ, нѣмцу приходится работать дольше и усидчивѣе, чѣмъ французу и итальянцу. Медлительность въ умственной и физической дѣятельности, узкіе и односторонніе политическіе взгляды, эта солдатчина и воинственный характеръ въ то время, когда цивилизація давно выдвинула къ разрѣшенію другіе вопросы, преклоненіе передъ своимъ государственнымъ строемъ, когда его темныя стороны все болѣе даютъ себя чувствовать, самоудовольство и самообольщеніе нравственной чистотой своей жизни, въ то время, когда въ ней столько распушенности и пошлыхъ семейныхъ дрязгъ, — во всемъ этомъ несомнѣнно отчасти вина падаетъ на слишкомъ обильное употребленіе пива и, какъ думаютъ даже многіе нѣмцы, именно бѣлаго пива. Его излишнее употребленіе производитъ страшную тяжесть въ мозгу и притупленіе всѣхъ способностей. Одинъ нѣмецкій писатель

утверждалъ даже, что потребители блага пива въ громадномъ большинствѣ консерваторы. Употребленіе блага пива, что краснорѣчиво доказываютъ цифры, сильно увеличилось послѣ франко-прусской войны. Не виновато ли оно, хотя отчасти, въ томъ, что послѣ этого времени въ наукѣ, искусствѣ и политикѣ общество мало пошло впередъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже двигалось назадъ.

Баварское пиво, какъ утверждаютъ его приверженцы, другаго характера: оно мало пѣнится, дѣлаетъ потребителя живымъ и добрымъ. Между тѣмъ какъ бѣлое пиво сначала вызываетъ пріятное чувство довольства, а затѣмъ усыпляетъ, «баварское пиво», говорятъ его поклонники, «внесло новый духъ въ ту небольшую группу нѣмецкихъ головъ, которые умѣренно пользовались этимъ новымъ напиткомъ, и произвело полную, хотя и мирную революцію въ прусской столицѣ. Началось стремленіе къ политическому прогрессу и зародился патриотическій энтузіазмъ; каждый подмастерье пивоваръ, который пріѣзжалъ изъ Мюнхена въ Берлинъ учить варить пиво, былъ первымъ безсознательнымъ двигателемъ германскаго единства. Между тѣмъ какъ бѣлое пиво дѣлаетъ своего потребителя угрюмымъ и холоднымъ, пріучаетъ къ односложнымъ и отрывочнымъ отвѣтамъ, внушаетъ любовь къ уединенію, баварское пиво открываетъ его сердце и душу, уничтожаетъ предрассудки и различіе между сословіями.» Не останавливаясь однако на такой тонкой пивной философій, разобраться въ которой можетъ только нѣмецъ, мы укажемъ на фактъ, подмѣченный многими, что баварское пиво, въ противоположность бѣлому, болѣе всего пьетъ народъ молодой.

Но въ пивныхъ какъ высшаго, такъ и нисшаго сорта отвратительная атмосфера и нечистота: жара, духота, стулья и столы липкіе, такъ что нельзя сѣсть, не рискуя прилипнуть, но съ точки зрѣнія нѣмца это не недостатокъ: чѣмъ болѣе липко пиво, тѣмъ лучше оно очищается. Самое извѣстное пивное заведеніе въ Берлинѣ — погребъ подъ Ратушей. Онъ представляетъ громадную комнату съ низкими сводами, въ которую слабо проникаетъ дневной свѣтъ. Этотъ погребъ цѣлый день наполненъ толпою болѣе чѣмъ въ 1,000 чел. самыхъ различныхъ сословій. Большая часть этой толпы ѣсть, курить, кричать, и при этомъ всѣ непрерывно пьютъ. Чтобы поощрить любовь къ питью пива, хотя оно здѣсь и вовсе не нуждается ни въ какомъ поощреніи, по стѣнамъ и на аркахъ написаны тысяча и одна похвала пьянству. Кромѣ этого, зала украшена фресками въ честь пьянства. Одна изъ нихъ изображаетъ дервиша пьющаго, но не танцующаго, китаецъ и монаха съ слѣдующею надписью: «Магометъ, Конфуцій и капуцинскій монахъ проповѣдуютъ одно и тоже—пейте, смертные, пейте съ чувствомъ и вкусомъ, и вы будете блаженны». Другая фреска изображаетъ двухъ кутящихъ студентовъ и дѣвушку, наливающую имъ пиво изъ боченка съ такою надписью: «Когда глаза красотки смотрятъ на тебя съ улыбкой и милыя ручки подаютъ тебѣ пиво, тогда гордой мечтой мы возносимся въ царство рая». Между сотней подобныхъ же надписей въ стихахъ вы прочтете на стѣнахъ погреба слѣдующее: «Уютное мѣсто, красивое личико, неглупая шутка, полный стаканъ пѣнистаго пива—вотъ настоящая веселая жизнь!»

Въ извѣстные часы дня этотъ погребъ такъ набитъ народомъ, что вновь прибывшіе становятся за стульями и ожидаютъ, когда ихъ освободятъ. Провізія тутъ лучшаго качества, но особенно превосходно пиво; сервировка же болѣе чѣмъ простая. Мебель вполне гармонируетъ съ массивнымъ стилемъ архитектуры: стулья и столы массивные и тяжелые, рамки для газетъ желѣзныя и стеклянныя кружки для пива—по крайней мѣрѣ въ полъ дюйма толщиной.

Но болѣе всего потребляютъ пиво въ пивныхъ садахъ, которые открываютъ съ первыми весенними днями. Они существуютъ по всѣмъ кварталамъ Берлина, вездѣ, гдѣ какойнибудь спекуляторъ могъ нанять домикъ съ небольшимъ дворикомъ позади. Когда

домъ нанять, надъ дверью появляется разноцвѣтная вывѣска: «Пивной садъ Шульца или Миллера». Въ такой пивной садъ входятъ обыкновенно по длинному корридору черезъ зданіе, выходящее на улицу. Нѣсколько акацій и куртинокъ геліотропа по угламъ составляютъ украшеніе такого сада. Въ другихъ нѣтъ и этого, и только нѣсколько кустовъ какой нибудь зелени въ горшкахъ или корзинахъ даютъ знать, что это мѣсто должно изображать садъ. Онъ обнесенъ стѣнами, нерѣдко украшенными изображеніемъ альпійскаго ландшафта, по которому вьется нѣсколько вѣточекъ захирѣвшаго плюща. Но есть сады и красивѣе, въ которыхъ можно найти и фонтанъ, нѣсколько бесѣдокъ, обвитыхъ виноградной лозой или другими растеніями и украшенныхъ разноцвѣтными лампами. Но непременно вездѣ, по всему саду, наставлены столы и стулья. Сюда обыкновенно собираются подъ вечеръ знакомые цѣлыми семействами и въ болтовнѣ и питьѣ весело проводятъ время; по воскресеньямъ, черезъ всѣ городскія ворота, берлинцы отправляются въ загородные пивные сады, изъ которыхъ въ эти дни непременно раздаются звуки музыки.

Изъ берлинскихъ загородныхъ пивныхъ особенно извѣстностью пользуются Тиволи и садъ пивоварни Дейбеля, тотъ и другой на южной сторонѣ Берлина. Заведеніе Дейбеля — огромное, окруженное чѣмъ-то вродѣ парка. Здѣсь берлинцы празднуютъ Вальпургіеву ночь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда въ столицѣ еще такъ холодно и когда согрѣться, по ихъ словамъ, можно только выпивъ изрядное количество пива или подравшись, — тѣмъ и другимъ они и занимаются усердно въ эту ночь. Длинною вереницею тянутся берлинцы на Бокъ-бергъ—терраса, гдѣ пьютъ пиво, называемое «Бокъ-бирь». Народу всегда такъ много, что многимъ не хватаетъ мѣста въ заведеніи, и они цѣлой толпой стоятъ у перилъ на лѣстницѣ или группами сидятъ въ саду на травѣ. Бокъ-бирь, какъ говорятъ спеціалисты, возбуждаетъ въ началѣ чувство братства, любви и всѣ общественныя добродѣтели и, вѣроятно, потому въ началѣ публика въ самомъ веселомъ и миролюбивомъ настроеніи, но потомъ мало по малу ею овладѣваетъ свирѣпый духъ драчливости. Ни одно посѣщеніе Бокъ-берга не проходитъ безъ синяковъ, окровавленныхъ носовъ, поломанныхъ стульевъ и столовъ. Стоитъ только въ концѣ праздника кому нибудь задѣть стуломъ или локтемъ сосѣда, онъ съ гнѣвомъ вскакиваетъ съ своего мѣста, и вдругъ отовсюду поднимаются крики, брань, отчаянная драка. Черезъ минуту съ разныхъ сторонъ кружки уже летятъ въ головы; полицейскіе бросаются въ толпу и щедро раздаютъ удары направо и налево. Но толпа все болѣе свирѣпѣетъ, образуются цѣлые холмики битаго стекла, брошенныхъ палокъ, поломанной мебели. Бокъ-бирь превращаетъ даже женщинъ, сохранявшихъ вначалѣ полное приличіе, въ настоящихъ вакханокъ. Растрепанныя, онѣ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, неистово кричатъ и кончаютъ тѣмъ, что многія изъ нихъ падаютъ безъ чувствъ. Эта по истинѣ Вальпургіева ночь и дикая пирушка продолжается до разсвѣта. Дорога отъ завода въ городъ покрыта упавшими безъ чувствъ людьми обоого пола, другіе бредутъ пошатываясь, спотыкаясь и падая или оглашая воздухъ пьяными криками и пѣніемъ.

Тиволи—любимое берлинское увеселительное заведеніе, съ пивнымъ садомъ и пивовареннымъ заводомъ. По праздничнымъ днямъ всѣ 15,000 стульевъ заняты. Средній классъ съ своими семействами составляетъ большинство здѣшнихъ посѣтителей. Публику привлекаетъ сюда военный оркестръ, съ оглушительнымъ стукомъ барабановъ и съ артиллерійскими залпами. Эти залпы иногда такъ пугаютъ женщинъ, что многія изъ нихъ бросаются куда нибудь въ сторону или вскрикиваютъ отъ испуга, а у мужчинъ выпадаютъ изъ рукъ пѣняшіяся кружки. Многіе изъ экономіи приносятъ сюда съ собой закуску и сухой кофе, который и приготавливаютъ здѣсь. Въ нѣкоторыхъ пивныхъ садахъ устроены забавы для дѣтей и взрослыхъ: качели, стрѣльба въ цѣль и т. п.

Пирожное, конфекты и всевозможныя сласти—страсть нѣмцевъ. Плохое питаніе и страсть къ сладкому развиваетъ, особенно у женщинъ, различныя брюшныя болѣзни. У каждой нѣмки средняго сословія за 35 лѣтъ непремѣнно, какъ говорятъ французы, зяеть «une troue noire dans la bouche», черныя дырки во рту. Эту страсть къ сладкому берлинцы удовлетворяютъ въ своихъ кондитерскихъ, которыя представляютъ соединеніе читальни, нерѣдко очень щедро снабженной учебнымъ матеріаломъ, съ заведеніемъ пирожника. Нѣкоторыя берлинскія кондитерскія представляютъ простую лавочку мелкаго пирожника съ небольшою комнатою сзади, сплошь заставленной простенькими столами и соломенными стульями; но есть и болѣе нарядныя кондитерскія съ канделябрами и зеркалами. Какой бы извѣстностью однако ни пользовалась берлинская кондитерская, своимъ комфортомъ и изяществомъ она много уступаетъ парижской. Вообще нѣмцы меньше всѣхъ цивилизованныхъ европейскихъ народовъ обращаютъ вниманіе на внѣшность. Они любятъ мороженое, еще болѣе кусокъ сладкаго пирога и пирожное, чѣмъ такъ славятся ихъ кондитерскія, и отдаютъ преимущество той изъ нихъ, гдѣ дають большія порціи. Маленькая порція, поданная на прекрасномъ хрусталѣ, на серебряномъ блюдѣ, въ комнатѣ, обставленной бархатной мебелью и зеркалами, ихъ вовсе не прельщаетъ. Поэтому даже и большія берлинскія кондитерскія далеко не блестятъ роскошью: посѣтителі садятся вокругъ маленькихъ мраморныхъ столовъ, на самыхъ скромныхъ стульяхъ. На стѣнахъ, кромѣ зеркалъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ украшеній, полъ усыпанъ опилками. Лишь только вы усѣлись, къ вамъ подходитъ кондитеръ съ шапочкой на головѣ и въ бѣлой курткѣ и подаетъ карточку мороженыхъ и напитковъ. Ни пива, ни съѣтнаго вы здѣсь не найдете, но зато къ вашимъ услугамъ самыя разнообразныя кухни, пирожное, мороженое, кофе, конфекты, коньякъ, ликеры, лимонадъ и т. п. Въ первой комнатѣ нельзя и курить, но за то во второй табачный дымъ стоитъ столбомъ. Кондитерская Спаргнапани Подъ Липами славится своимъ кабинетомъ для чтенія. Здѣсь не только найдете газеты на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но какъ только агенство Вольфа получаетъ свои телеграммы, оно тотчасъ посылаетъ ихъ, въ видѣ легучихъ листовъ, въ эту кондитерскую. Въ кондитерской Кранцеля собираются самыя богатые люди столицы, здѣсь можно встрѣтить выдающихся политическихъ дѣятелей, государственныхъ людей, важныхъ чиновниковъ. Въ хорошую погоду, если вамъ не хочется сидѣть въ читальнѣ, вы можете расположиться на террасѣ передъ кондитерскою и наблюдать за проходящими на улицѣ.

Есть нѣсколько кондитерскихъ, которыя исключительно посѣщаются женщинами: мужчине нужно много смѣлости, чтобъ появиться въ ней среди толпы дамъ, жующихъ пирожное и болтающихъ между собою съ работою въ рукахъ. Но если новичекъ и забредетъ когда въ такую кондитерскую, онъ старается какъ можно скорѣе выскочить вонъ, такъ какъ всѣ дамы смотрятъ на него съ насмѣшкой и провожаютъ его дружнымъ залпомъ смѣха. Мужчины очень недружелюбно относятся къ этимъ кондитерскимъ и имѣютъ для этого достаточно поводовъ. Подъ внѣшнимъ приличіемъ и порядочноію тутъ идетъ настоящая оргія скандала. Ничто такъ не способствуетъ сплетнямъ и небылицамъ, которыя распускаютъ нѣмки про своихъ знакомыхъ, какъ эти кондитерскія. При каждомъ словѣ той или другой изъ нихъ падаетъ чья нибудь репутація. Трудно представить, какъ вся компанія оживаетъ, какъ блестятъ ихъ глаза, когда одна изъ дамъ начинаетъ повѣствовать о романическихъ приключеніяхъ своей пріятельницы. Раздаются крики: «охъ, ахъ!», покачиваютъ головами, пожимаютъ плечами и такъ до конца собранія, чтобы убить время, копаются въ семейныхъ дѣлахъ, клеймя позоромъ все, что выше ихъ пониманія. Сидѣть въ кружкѣ и сплетничать, прислушиваться къ чужимъ сплетнямъ, злословить, клеветать, удовлетворять возможно больше свою злость

и зависть—вотъ что составляетъ главное удовольствіе того почтеннаго женскаго общества, которое собирается въ дамской кондитерской. Если-бы на этихъ собраніяхъ присутствовали мужчины, то, уже изъ одного стыда говорить такъ много дурнаго о другихъ, онѣ пощадили бы ту или другую свою пріятельницу.

Базарные дни.—«Гусиные воры» и берлинскіе мошенники.

Хотя хозяйки ежедневно могутъ запастись провизіей въ лавкахъ, но онѣ предпочитаютъ базары, гдѣ все можно добыть дешевле нѣсколькими грошами,—а это имѣетъ огромное значеніе для экономной нѣмки. Эти базары устраиваются два раза въ недѣлю на большихъ открытыхъ площадяхъ. Огромное пространство заставлено телѣгами, лавчонками, бараками, которые тоже ничто иное, какъ телѣги. Телѣги крестьянъ, которые привозятъ сюда въ базарные дни свои сбереженія, устроены такъ, что, перевернувъ ихъ и натянувъ съ боковъ и сверху парусину, ихъ превращаютъ въ маленькую лавочку, въ которой раскладываютъ товаръ. По утрамъ на этихъ площадяхъ происходитъ такая давка, что трудно даже ѣздить по улицамъ, прилегающимъ къ нимъ. Эти берлинскіе рынки подъ открытымъ небомъ прежде всего отличаются безконечнымъ разнообразіемъ предметовъ и ихъ дешевизною.

Не мало поражаетъ иностранца, что когда онъ ложится спать съ вечера, накануне базара, въ квартирѣ, выходящей окнами на одну изъ базарныхъ площадей, все кругомъ находится въ полномъ спокойствіи, между тѣмъ на другой день, рано утромъ, его будитъ страшный шумъ и движеніе. Онъ выглядываетъ изъ окна и не вѣритъ глазамъ. Еще вчера свободное пространство все занято теперь телѣжками, запряженными собаками, лавчонками и бараками, между которыми бродитъ огромная толпа. Шумъ и суматоха усиливаются еще оттого, что покупатель и торговецъ стараются перекричать другъ друга, на сколько позволяютъ легкія. Впрочемъ эту черту характера можно замѣтить не только на базарѣ, но и въ совершенно приличныхъ собраніяхъ: какъ только нѣсколько пруссаковъ собираются вмѣстѣ, они всегда стараются перекричать другъ друга.

На базарахъ такое разнообразіе товаровъ, что вы можете запастись здѣсь рѣшительно всѣмъ, начиная отъ мебели, посуды, домашней обстановки, домашнихъ животныхъ до булавки и пуговицы. Пройдемся по рынку. Вотъ цвѣточный балаганъ, которыхъ здѣсь такъ много: между горшками прелестныхъ цвѣтовъ сидятъ женщины и плетутъ вѣнки изъ плюща и лавровыхъ листьевъ, къ которымъ онѣ прибавляютъ нѣсколько красныхъ цвѣтовъ. Тутъ цвѣты въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: въ пучкахъ, въ букетахъ, въ горшкахъ, въ стеклянныхъ ящикахъ, въ вѣнкахъ. Подлѣ цвѣтовъ лавочка сыра и масла, и этому нечего удивляться, такъ какъ строгаго порядка въ расположеніи товаровъ на базарѣ не существуетъ. Далѣе безчисленное множество кѣтокъ съ разными пѣвчими птицами, и любую изъ нихъ можно купить за безцѣнокъ. Затѣмъ баракъ мясника: съ потолка свѣшивается цѣлая туша животныхъ, и хотя мясо здѣсь далеко не лучшаго качества, тѣмъ не менѣе порченнаго вы никогда не найдете, такъ какъ полиція строго наблюдаетъ за бараками мясниковъ и часто конфискуетъ испорченное мясо. Торговля шкурами и кожами ведется очень оживленно: покупатель осматриваетъ шкуру на тѣлѣ животнаго, и, если она понравится ему, ее тутъ же сдираютъ и продаютъ. Вообще берлинцы относятся совершенно хладнокровно къ такимъ картинамъ и сценамъ, которыя другимъ кажутся отвратительными: тутъ не рѣдкость увидѣть, гуляя подъ Липами, какъ по этой улицѣ съ бойни провозятъ только что убитыхъ те-

лять, сваленныхъ на телѣгу, ничѣмъ не прикрытыхъ, съ которыхъ ручьями течетъ кровь по дорогѣ. Французы и англичане возмущались бы этимъ зрѣлищемъ и заставили бы полицію распорядиться такъ, чтобы публика никогда не была свидѣтельницей такихъ сценъ; но нѣмцы относятся къ этому совершенно равнодушно. Подвигаясь по рынку все дальше, вы встрѣчаете балаганъ, гдѣ продаютъ пряники, съ виду совсѣмъ неудобоваримые, затѣмъ башмаки и туфли по баснословно дешевымъ цѣнамъ. Здѣсь кучи фруктовъ и зелени, тамъ медъ въ сотахъ и горшкахъ, тутъ-же медъ уже намазанный на ломтики хлѣба. А вотъ лавочки съ сушеной рыбой, свиной, свѣчами, яйцами. Между рядами вновь воздвигнутыхъ лавокъ расхаживаютъ женщины съ корзинками за плечами, изъ которыхъ выглядываютъ живыя утки, куры и другая живность. Кругомъ рынка телѣги съ живыми гусями, привезенными изъ далека. Здѣсь всегда продается громадное количество гусей, и это понятно, такъ какъ гусиное мясо въ самыхъ разнообразныхъ видахъ — любимое кушанье нѣмцевъ. Тамъ и здѣсь торговки сидятъ подъ тѣнью громадныхъ зонтиковъ, которые такъ велики, что представляютъ вмѣсто крыши защиту отъ дождя и солнца для кучи товара, разложеннаго подъ ними. Тутъ торговцамъ нужно быть всегда на сторожѣ: на базарѣ бродитъ множество мошенниковъ и ворешекъ, служащихъ для крестьянъ настоящимъ бичемъ. Нужно замѣтить, что тѣ крестьяне, которые привозятъ въ Берлинъ свою провизію изъ болѣе отдаленныхъ окрестностей, выѣзжаютъ изъ дома еще съ вечера. По всѣмъ дорогамъ, по которымъ тянутся ихъ телѣги, настроено множество постоялыхъ дворовъ, куда и заѣзжаютъ крестьяне выпить пива, а иногда и переночевать. Около этихъ трактировъ и бродитъ множество, такъ называемыхъ, «гусиныхъ воровъ». Они образуютъ огромную, прочно организованную ассоціацію, которая раздѣляется на шайки въ 15—20 человекъ. Уговорившись между собою въ какой нибудь ночной кондитерской, пять—шесть человекъ изъ нихъ отправляются на тотъ или другой постоянный дворъ караулить крестьянъ. Лишь только крестьянинъ послѣ короткаго ночнаго отдыха выходитъ на дворъ, гусиный воръ подбѣгаетъ къ нему и начинаетъ помогать ему вытаскивать телѣгу изъ сарая, впрягать лошадь, подаетъ то одно, то другое. Когда крестьянинъ отнесется къ его услугамъ недоверчиво и въ первую же минуту прогоняетъ его прочь, онъ прячется за уголъ и вытаскиваетъ что нибудь изъ телѣги, какъ только хозяинъ зазѣвается. Нѣкоторые изъ этихъ гусиныхъ воровъ отличаются необыкновенной ловкостью: несмотря на постоянные кражи у крестьянъ, они умѣютъ войти къ нимъ въ довѣріе. Такой парень отлично выкажетъ передъ крестьяниномъ свое умѣнье найти на базарѣ для товара бойкое мѣсто и разставить все такъ ловко, что покупателю тотчасъ бросится въ глаза. Довѣрчивые люди поручаютъ имъ свои клѣтки съ гусями, курами и другою живностью, но на базарѣ, разумѣется, они не увидятъ ни клѣтокъ, ни услужливыхъ парней. Если гусиный воръ и считаетъ нужнымъ доставить провизію на базаръ, то тутъ уже, гдѣ расположилась и поджидаетъ цѣлая армія его собратій, ему обокрасть того же крестьянина еще легче. Эти мошенники называются «гусиными ворами» потому, что они имѣютъ особенное пристрастіе къ гусямъ; къ тому же этой птицы особенно много на базарѣ и ее крадутъ болѣе другаго товара.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть и о другихъ мошенникахъ Берлина. Только Лондонъ превосходить Берлинъ численностью нищихъ всякаго рода, воровъ и мошенниковъ. Тиргартенъ, съ его тысячами самыхъ уединенныхъ и запутанныхъ тропинокъ, съ его густыми чащами деревьевъ, представляетъ ночлеги и самое любимое убѣжище людей этого рода. «Нужно располагать значительными силами», говоритъ одинъ писатель, «чтобы оцѣпить этотъ лѣсъ, который граничитъ съ Шарлоттенбургомъ и доходитъ до Spandauer-Haide и пустынныхъ острововъ Гавеля. Поэтому полиція рѣшается на это

*

только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда нужно поймать убійцу или убѣжавшаго каторжника. Экспедиція, раздѣленная на маленькіе отряды отъ 50 до 100 человѣкъ, отправляется въ одиннадцать часовъ. Конные жандармы (Schutzmänner) и полицейскіе выходятъ черезъ различныя ворота Берлина съ тѣмъ, чтобы не возбудить тревоги, и соединяются у театра дѣйствія. Полицейскіе съ револьверами въ рукахъ. Первые входятъ въ лѣсъ, осматриваютъ кустарники, обыскиваютъ чащи, зондируя дупла деревьевъ, спускаются въ норы; по мѣрѣ того, какъ они подвигаются, кругъ, образуемый жандармами, все суживается, такъ что «людская дичь», загнанная въ середину, попадаетъ какъ будто въ сѣти. Эта ловля иногда вполнѣ напоминаетъ войны краснокожихъ. Видя себя обойденными, молодые бродяги бросаются впасть въ Гавель или взбираются на вершину деревьевъ, откуда ихъ стаскиваютъ съ трудомъ. Изъ 500 арестованныхъ 300 обыкновенно выпускаются на слѣдующій день: это тѣ, у которыхъ нѣтъ пристанища, но которые еще не совершали преступленій. Тутъ существуетъ множество дѣтей, у которыхъ, если вы спросите, гдѣ онѣ живутъ, вамъ отвѣтятъ: у «Muttergrün», что означаетъ: подъ открытымъ небомъ. Эти дѣти чрезвычайно ловко умѣютъ вытаскивать платки и разную мелочь въ лавкахъ.

Однако въ самое послѣднее время, что подтверждаютъ статистическія данныя, преступленія противъ собственности значительно уменьшились: воровство со взломомъ или посредствомъ подставной лѣстницы — вещь сама по себѣ довольно опасная и за которую уголовный кодексъ караетъ весьма строго; между тѣмъ прибыль отъ такого опаснаго преступленія иногда совсѣмъ незначительна. Вотъ почему этого рода мошенниковъ становится меньше, а на ихъ мѣсто являются новыя, характеръ занятія которыхъ менѣе рискованъ и прибыль значительнѣе. Воры, о которыхъ мы хотимъ говорить, называются «ловцами крестьянъ». Но они ловятъ въ свои сѣти далеко не однихъ крестьянъ, а до вѣрчивыхъ людей всѣхъ сословій. Они чрезвычайно ловко умѣютъ знакомиться съ молодыми, вновь прибывшими, парнями въ трактирахъ, въ танцевальныхъ залахъ, въ пивныхъ садахъ, рекомендуютъ имъ своихъ товарищей, предлагаютъ показать достопримѣчательности города и ввести въ кругъ своихъ знакомыхъ, заманиваютъ въ картежную игру, держатъ пари, прикидываются ихъ искреннѣйшими друзьями и въ концѣ-концовъ облегчаютъ карманы до вѣрчивыхъ. При этомъ они только въ крайнихъ случаяхъ употребляютъ насилие: они умѣютъ вести дѣло такъ, что деньги несчастныхъ жертвъ совершенно добровольно переходятъ въ ихъ карманы.

БИРЖА И ПРЕССА.

Биржевая игра и страсть къ спекуляціямъ.—Ея деморализующее вліяніе.—Тщеславіе и вѣщевъ послѣ франко-прусской войны и его печальныя послѣдствія.— Евреи, ихъ значеніе и роль, какую они играютъ на берлинской биржѣ.—Еврейскіе банкиры, ихъ характеръ и нравы.—Продажность прусской прессы и недовѣріе къ ней публики.—«Бюро прессы».—Современныя газеты.—«Пресмыкающіеся» и характеръ газетъ, въ которыхъ они работаютъ.—Газетныя объявленія.

Новая берлинская биржа, грандіозное зданіе изъ краснаго кирпича, находится въ Бургъ-штрассе, фасадомъ къ Шпре. Это гораздо болѣе величественное зданіе, чѣмъ дворецъ императора. Пилястры, балюстрады и балконы съ широкой открытой колоннадой, къ которой ведетъ лѣстница, придаютъ красивый видъ фасаду; крыша украшена скульптурными группами. Черезъ двухстворчатыя двери посѣтитель входитъ прямо въ залу биржи — самую большую въ Берлинѣ. Она идетъ во всю длину зданія, но раздѣляется

пополамъ аркадой: одна половина назначена для торговли цѣнными бумагами, другая для торговли продуктами. Вверху залы галлерей, поддерживаемыя сѣрыми мраморными колоннами съ бронзовыми капителями. Каждая половина залы имѣетъ свой буфетъ, ряды стульевъ и скамеекъ, на которыхъ написаны имена тѣхъ, кто ихъ занимаетъ.

Биржа открывается въ полдень и закрывается въ 2 часа. Въ это время въ залѣ происходитъ такой гвалтъ, суматоха и движеніе, что посѣтитель на верхней галлерей легко можетъ вообразить себя на кораблѣ, среди разсвирепѣвшей стихіи. Если онъ броситъ взглядъ внизъ, то увидитъ цѣлый лѣсъ рукъ, которыя нервно двигаются то взадъ, то впередъ. Несмотря однако на эту суматоху, здѣсь, какъ въ муравейникѣ, господствуетъ необыкновенный порядокъ. Каждый изъ находящихся здѣсь съ какою-то лихорадочной поспѣшностью перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, въ страшномъ возбужденіи потирая свои руки, тѣмъ не менѣе не только твердо помнитъ самъ свое мѣсто, но и другіе отлично, знаютъ гдѣ его можно найти. Здѣсь и тамъ бѣгаютъ юркіе дѣльцы и конторщики съ телеграммами, которыя получаютъ ихъ принципами, ожидаютъ ихъ инструкцій и шныряютъ по разнымъ концамъ залы. Если внимательно всмотрѣться въ толпу, то всегда увидишь, что одинъ изъ 10 быстро пробѣгаетъ глазами телеграмму, другой судорожно разрываетъ конвертъ и бросаетъ его на полъ, который весь устланъ, лоскутками бумаги. Всѣ эти нѣсколько тысячъ собравшихся сюда людей, такъ усердно старающихся надуть другъ друга, находятся въ непрерывномъ движеніи и нервномъ возбужденіи: всѣ говорятъ заразъ. Однимъ словомъ, на биржѣ въ эту минуту происходитъ совершенно противоположное нѣмецкой пословицѣ, которая гласитъ: «Заговори о деньгахъ, и весь свѣтъ замолчитъ». Эта шумная, разношерстная толпа такъ многочисленна въ этотъ часъ дня, что, несмотря на огромный объемъ и высоту комнаты, въ залѣ всегда отвратительная атмосфера. Какъ только появляется кто нибудь изъ «князей биржи», онъ дѣлается предметомъ самыхъ внимательныхъ заботъ со стороны маклеровъ и дѣльцовъ, которые тотчасъ подбѣгаютъ къ нему, отвѣшиваютъ нижайшіе поклоны и подобострастно дѣлаютъ ему предложенія. На все это вниманіе тотъ отвѣчаетъ только кивкомъ головы, и тѣ маклеры, которымъ пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ, уже бросаются къ новой добычѣ; между тѣмъ ихъ счастливый собратъ начинаетъ записывать вмѣстѣ съ банкиромъ сдѣлку, которая у нихъ состоялась. Какъ и на другихъ европейскихъ биржахъ, здѣсь только часть дѣлъ ведется на дѣйствительно существующія цѣнности, и тотъ, кто теперь продаетъ своему сосѣду брауншвейгскихъ бумагъ на 10 тысячъ талеровъ, обыкновенно не только не имѣетъ ихъ, но часто и самой ничтожной суммы: все дѣло въ томъ, какое положеніе сумѣлъ занять негодянтъ и какимъ кредитомъ онъ пользуется. Здѣсь нерѣдко втеченіи часа одни наживаютъ сотни тысячъ талеровъ, другіе теряютъ послѣднее. Одна и таже личность можетъ въ продолженіи 20 минутъ купить и продать одну и ту же бумагу и получить такую прибыль, какую большинство не можетъ заработать во всю жизнь при самомъ усидчивомъ трудѣ, при обширныхъ знаніяхъ и талантахъ. Но за то, какъ многимъ изъ присутствующихъ приходится въ эти минуты задавать себѣ роковой вопросъ: «быть или не быть». Какъ часто вчерашніе богачи, принимавшіе у себя великыхъ сего міра, прославившіеся своею роскошью и пышными пирами, — завтра можетъ быть не будутъ имѣть куска насущнаго хлѣба. Поэтому естественно, что шумъ, нервное движеніе руками, судорожное подергиваніе плечами рстутъ съ минуты на минуту, и нерѣдко среди собравшихся вдругъ раздается звонкая пощечина. «У насъ давно не было», замѣчаетъ съ непритворнымъ изумленіемъ одна нѣмецкая газета, «такой спокойной ликвидаціи, какъ послѣдняя. На вчерашней биржѣ не раздавалось ни пощечинъ, ни палочныхъ ударовъ, и синдикату не пришлось разбирать ни одного оскорбленія, ни одной ссоры».

Въ Берлинѣ уже издавна всё поголовно, начиная отъ министра и кончая послѣднимъ половымъ въ гостиницѣ, заражены страстью къ спекуляціямъ и всевозможнымъ аферамъ. Первѣйшіе государственные сановники, князья, чиновники, какъ и мелкій людъ, только и мечтаютъ о концессіяхъ, объ акціяхъ, о торговыхъ предпріятіяхъ. Въ свободную минуту любимое занятіе большинства—высчитывать барыши и проценты, которые можно получить отъ того или другаго предпріятія. Мечтатели высчитываютъ даже барыши отъ несуществующихъ предпріятій или отъ такихъ, которыхъ имъ никто никогда не поручалъ. Самъ государственный канцлеръ Бисмаркъ купался въ мутной водѣ биржи, когда матеріальныя дѣла его нѣсколько запутались, и принималъ дѣятельное участіе въ спекуляціяхъ. Здѣсь даже дѣти и школьники любятъ ходить на аукционы и всё поголовно страстно стремятся взять билетъ на ту или другую лотерею, которая расплодилось здѣсь тысячами. Эти лотереи поддерживаетъ здѣсь само правительство и прибѣгаетъ къ ихъ помощи каждый разъ, когда ему особенно нужны деньги. «Эти лотереи», сказалъ недавно одинъ пасторъ императору, «развращаютъ націю». — «Вы ошибаетесь», отвѣчалъ ему императоръ. «Онѣ учреждены съ тѣмъ, чтобы и на этой почвѣ наказать алчность моего народа: главный выигрышъ никогда не выходитъ». Эта страсть къ наживѣ и барышамъ безъ труда уже давно сдѣлалась характерной чертой прусскаго народа. Но послѣ франко-прусской войны она разлилась по странѣ могучимъ, огненнымъ потокомъ, обратила въ пепель множество состояній, погубила массы несчастныхъ, несшихъ свои послѣдніе гроши на то или другое предпріятіе, развратила народъ до крайнихъ предѣловъ. Французскіе миллиарды заставили нѣмцевъ забыть даже ту элементарную истину, что только трудъ можетъ развить, какъ частное, такъ и народное благосостояніе, что спекуляція всегда ведетъ народъ къ разоренію, а капиталъ захваченный какъ частнымъ лицомъ, такъ и государствомъ, пусть онъ будетъ даже въ формѣ военной контрибуціи,—всегда ведетъ къ праздности, алчности, порождаетъ массу гибельныхъ пороковъ, развиваетъ разорительныя потребности и въ концѣ-концовъ ведетъ къ ухудшенію экономическаго положенія народа. Все совершенно такъ и случилось съ Германією, и она до сихъ поръ несетъ на себѣ самыя тяжелыя послѣдствія контрибуціи, которую она получила съ Франціи. Лишь только пять миллиардовъ военной контрибуціи было ввезено въ Германію въ вагонахъ, сплошь набитыхъ золотомъ, алчность и стремленіе къ легкой наживѣ,—качества, присущія пруссакамъ издавна, тутъ совсѣмъ вышли изъ границъ. Быстро созданы были тысячи предпріятій: акціонерныя общества выросли изъ земли, какъ грибы послѣ дождя. Все было обращено въ акціи: дороги, лавки, магазины, фабрики. Но едва публика разбирала акціи, всё учредители исчезали, оставляя кассу совершенно пустою. Германцы, которые еще совсѣмъ недавно были самаго скромнаго о себѣ мнѣнія, сдѣлались теперь нестерпимо высокомерными. И это понятно: громкій военный успѣхъ, какъ замѣчено, всегда въ концѣ-концовъ дурно отзывается на нравственности націи. Она, въ чадѣ славы, начинаетъ заботиться о приобрѣтеніи все большихъ военныхъ доблестей, упуская изъ виду преуспѣяніе науки, искусства, мануфактурную и торговую дѣятельность, благосостояніе народа. Этотъ военный успѣхъ ни на комъ не отразился такимъ роковымъ образомъ, какъ на нѣмцахъ. Уже послѣ Садовой они сдѣлались гораздо болѣе самонадѣянными; послѣ войны съ Францією они положительно стали заносчивыми, а пять миллиардовъ, полученныхъ ими, окончателно вскружили имъ головы. «Мы побѣдили новый Вавилонъ!» Кричали ученые съ кафедръ, писатели въ газетахъ, ораторы въ пивныхъ. «Парижъ упалъ, теперь Берлинъ займетъ его мѣсто! Онъ будетъ теперь законодателемъ модъ, онъ будетъ всемірнымъ городомъ! Мы соберемъ лучшихъ мастеровъ всего міра, а такъ какъ это были большею частію нѣмцы, то это будетъ и не трудно. Любимыми нарядами и матеріями станутъ тѣ, которыя будутъ выдѣ-

ываться на нашихъ фабрикахъ! Мы наводимъ цѣлый свѣтъ галстуками à la Мольке и воротничками à la Бисмаркъ берлинскаго производства. Произведенія Парижа и Вѣны заранѣе осуждены на гибель! Мы опередимъ народонаселеніемъ Константинополь и скоро будемъ соперничать въ этомъ отношеніи съ Лондономъ. Да! не Парижъ, а Берлинъ, нашъ Берлинъ будетъ теперь всемірнымъ городомъ!» Вотъ краткое содержаніе и газетныхъ разглагольствованій, и торжественныхъ рѣчей, и ученыхъ трактатовъ, и разговоровъ въ семейномъ кругу, и въ общественныхъ учрежденіяхъ. Въ это время пруссаки забыли даже, какъ мало въ дѣйствительности Берлинъ походилъ на столицу. Главныя прусскія газеты и важнѣйшія книги издаются далеко не исключительно въ столицѣ, но очень многія изъ нихъ и въ провинціи, гдѣ духъ научнаго изслѣдованія болѣе дѣятеленъ, гдѣ процвѣтаетъ болѣе искусство; даже общественная жизнь болѣе оживлена въ провинціи, чѣмъ въ Берлинѣ. «Я Берлинецъ!» скоро получило такой же смыслъ, какъ у древнихъ: «я римскій гражданинъ!» Французскіе милліарды, создавшіе несмѣтное количество аферъ и сдѣлокъ, увеличили переходъ изъ рукъ въ руки недвижимаго имущества, устройство новыхъ фабрикъ и заведеній, число всевозможныхъ развлеченій. Все это породило несмѣтное количество объявленій, которыя такимъ образомъ увеличили и объемъ газетъ. Самый мелкій лавочникъ, ослѣпленный приливомъ иностраннаго золота, позволялъ себѣ теперь роскошь, о которой еще недавно онъ и не мечталъ. Люди, никогда не сидѣвшіе въ дрожкахъ, теперь ѣздили въ блестящихъ экипажахъ, и самыя дорогіе рестораны были цѣлый день набиты народомъ, точно плата въ нихъ была сушая бездѣлица. Это оживленіе столицы, ея торжество стали привлекать и провинціаловъ. Помѣщики богатые и бѣдные бросали свои хозяйства и насыженные гнѣзда, гдѣ они жили безбѣдно, и пустились въ Берлинъ. Не только праздничный видъ Берлина манилъ къ себѣ теперь каждаго, но еще болѣе возможность нажиться: онъ сталъ центромъ ажіотажа, аферъ, биржевой игры и акцій. Каждому стало казаться, что стоитъ только пріѣхать въ Берлинъ, и непременно удвоишь свое состояніе. Рабочихъ влекла туда возвышенная заработная плата, и они цѣлыми толпами стекались въ столицу. Мѣстныя власти поощряли эту эмиграцію, въ надеждѣ, что они избавлялись такимъ образомъ отъ непокойныхъ элементовъ. Все это скоро роковымъ образомъ отозвалось на сельскомъ хозяйствѣ, которое сразу лишилось множества рабочихъ рукъ. Капиталы, которые прежде затрачивались на улучшеніе хозяйства и деревенской жизни, были перемѣщены помѣщиками въ Берлинъ. Наконецъ этотъ наплывъ людей гибельно отозвался и на самомъ Берлинѣ: администрація должна была теперь тратить на пособіе бѣднымъ болѣе милліона, но это была капля въ морѣ, и армія нищихъ все росла. Но особенно далъ себя чувствовать этотъ наплывъ людей тѣмъ, что сразу обнаружился страшный недостатокъ квартиръ, и квартирная плата возвысилась до такихъ баснословныхъ размѣровъ, что, черезъ годъ послѣ заключенія мира съ Франціею, нѣсколько сотъ семействъ, которыя жили, хотя скромно, но безъ большихъ лишеній, теперь оказались вдругъ безъ крова и были принуждены ютиться въ предмѣстьяхъ, въ шалашахъ, хлѣвахъ и т. п. Хотя тотчасъ же образовались цѣлыя десятки строительныхъ комиссій, и правительство обѣщало свое содѣйствіе въ устройствѣ новаго квартала, недостатокъ квартиръ самымъ чувствительнымъ образомъ сказывался для десятка тысячъ людей. Семейства небогатыхъ людей, служащихъ въ коммерческихъ учрежденіяхъ, которыя мирно жили жалованьемъ отца, теперь увидѣли, что это было для нихъ невозможно, такъ какъ деньги стали въ половину своей прежней стоимости, и они, не смотря на увеличеніе жалованья, очутились въ бѣдственномъ положеніи. Весь тотъ обширный въ Берлинѣ классъ людей, который прежде существовалъ на небольшія деньги, теперь началъ испытывать ужасающій гнетъ нужды. Еще гибельнѣе отразились послѣдствія 5-ти милліардовъ на огромномъ классѣ учителей и медиковъ:

вознагражденіе за ихъ трудъ не увеличилось, а жизнь дорожала съ необыкновенной быстротой. Учителя устраивали сходки, на которыхъ выяснилось, какъ трудно было имъ теперь пробиваться. Медики объявили, что изъ 800 ихъ товарищей едва 100 человекъ въ состояніи жить своей практикой. Изъ отчетовъ общества для вспомошествованія медикамъ оказалось, что много вдовъ и сиротъ этого сословія получали въ это время пособіе отъ 25 до 30 таллеровъ. Плата рабочимъ за трудъ возвысилась, но увеличеніе цѣнъ на предметы первой необходимости и въ особенности на квартиру не только поглотили прибавку къ ихъ жалованью, но они очутились теперь въ болѣе жалкомъ положеніи, чѣмъ прежде.

Теперь посмотримъ, какое губительное вліяніе имѣли эти миллиарды на торговлю. Число акціонерныхъ компаній, какъ мы уже говорили, росло съ каждымъ днемъ. Только въ одинъ годъ, между 1871 и 72, въ Пруссіи образовалось 780 акціонерныхъ компаній. Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить эту цифру, нужно знать, что съ 1790 по 1870 годъ, слѣдовательно въ періодъ за 80 лѣтъ, такихъ компаній образовалось всего около 300. Большая часть ихъ была основана въ Берлинѣ. Бережливые берлинскіе торговцы, которые, послѣ долгихъ лѣтъ труда и сбереженій, скопили небольшой капиталъ, теперь поддались общей маніи къ спекуляціямъ, оставили свои прилавки и бросили свои капиталы въ совершенно мнѣшескія предпріятія. Чиновники пошли по ихъ стопамъ: приняли участіе въ спекуляціяхъ, стали небрежно относиться къ своимъ служебнымъ занятіямъ и очень скоро лишились своихъ мѣстъ и потеряли свои небольшія сбереженія.

Въ эту тяжелую годину общаго безумія въ Германіи не раздавалось ни одного трезваго голоса, отчасти потому, что увлеченіе было всеобщее, и что трезвое слово въ такую минуту принимали чуть не за измѣну «фатерланду». Наконецъ возвысили свой голосъ дѣйствительные патріоты. Вотъ что въ 1872 г. писалъ знаменитый нѣмецкій романистъ: «Побѣда принесла намъ большія несчастія: честь и совѣсть окончательно пропали въ нашей столицѣ. Каждый зараженъ ненасытной страстью къ барышамъ; жажда золота всѣхъ опьянила: князья, генералы, придворные, высшіе сановники—всѣ ведутъ безумную игру. Эта страсть разливается какъ огонь и наводитъ уныніе на честнаго человека. При видѣ такой испорченности является сомнѣніе за будущее». «Если слѣдить за постояннымъ увеличеніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости», говорилъ другой мыслитель, «невольно задаешь себѣ вопросъ, какую выгоду намъ доставили французскіе миллиарды? Думали, что они облегчатъ налоги и разольютъ богатство по странѣ, вышло наоборотъ: всеобщая дороговизна, обнищаніе, крахи, неимоверныя лишенія, проклятія и стоны раздаются теперь съ одного конца Германіи до другого. Поймите же наконецъ, что если бы даже съ неба полился дождь миллиардовъ, еслибы въ одну ночь какимъ-нибудь колдовствомъ каждый талеръ превратился въ два,—это не обогатило бы народа, такъ какъ на другой день за все то, за что брали одинъ грошъ, стали бы брать два. Испанія испытала это въ дни своего торжества, и теперь это испытываютъ тѣ страны, гдѣ открываются золотыя росыпи. Деньги ведутъ къ зажиточности только тогда, когда они составляютъ результатъ труда. Миллиарды на время поддерживаютъ спекуляціи, но народу они не приносятъ никакой пользы. Какъ только миллиарды изъ Франціи перешли въ Германію, жизнь у насъ сдѣлалась дороже, а во Франціи трудъ упалъ въ цѣнѣ. Недостатокъ квартиръ, столь чувствительный въ Берлинѣ, неизвѣстенъ въ Парижѣ; цѣна на провизію тамъ тоже далеко не такъ высока, какъ въ Германіи, гдѣ она увеличивается со дня на день. Есть нѣсколько отраслей промышленности, въ которыхъ мы соперничали съ Франціей; если рабочая плата у насъ будетъ увеличиваться, а во Франціи падать, въ результатѣ будетъ то, что Франція одержитъ побѣду въ этой

конкуренціи. Не забудьте и того, что самые богатые банки у насъ обанкрутились, что ко всѣмъ цѣннымъ бумагамъ общество будетъ теперь относиться съ полнымъ недоумѣремъ, что число слушателей въ университетѣ значительно уменьшилось, что множество людей очутилось на краю нищеты. Естественныя послѣдствія всего этого—всеобщее обнищаніе, умственный застой и нравственная приниженность, окончательное безплодіе въ области наукъ и искусствъ. Въ 1877 году министръ юстиціи поддерживалъ прозкъ преобразованія уголовного кодекса, утверждая, что народныя привычки огрубѣли, что уваженіе къ закону и властямъ упало и едва-ли существуетъ общественный порядкъ.

Но возвратимся къ биржѣ. Пощечины, палочные удары и скандалы во время собранія биржевиковъ и финансистовъ вовсе не рѣдки и въ наши дни, хотя, конечно, въ данную минуту ихъ засѣданія приняли характеръ несравненно болѣе покойный: лихо-радочная страсть къ наживѣ ослабѣла, но и теперь далеко не чужда прусскому сердцу. Не смотря на то, что въ Берлинѣ люди всѣхъ сословій не прочь заниматься спекуляціями, завсегдатаями биржи обыкновенно являются евреи. Прежде, чѣмъ говорить о еврейскихъ финансистахъ, считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ о евреяхъ вообще, такъ какъ они играютъ въ Берлинѣ въ высшей степени видную роль. Не то было прежде, когда ни одинъ еврей не имѣлъ даже права жениться безъ особаго разрѣшенія короля. Фридрихъ Великій особенно воспользовался этимъ правомъ, когда купилъ фарфоровую фабрику: товаръ его не находилъ сбыта, и онъ издалъ циркуляръ, по которому всѣ евреи, вступающіе въ бракъ, должны были купить известное количество фарфора на этой фабрикѣ. Берлинскіе евреи выдвинулись впередъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда они, съ свойственною имъ проницательностью, начали покупать землю въ столицѣ и вокругъ нея. Они скупили всѣ свободныя мѣста и продавали ихъ подъ постройки мелкими участками. Этимъ предпріятіемъ многіе изъ нихъ нажили громадныя деньги. Теперь въ оптовой и мелочной торговлѣ они играютъ видную роль не только въ Берлинѣ, но и въ большей части германскихъ городовъ. Самые богатые помѣстья, самые прекрасныя зданія и экипажи принадлежатъ имъ; они въ Берлинѣ являются почти исключительными покровителями искусства; большая часть газетъ принадлежитъ имъ и они составляютъ главный контингентъ журналистовъ и репортеровъ. Большая часть молодыхъ докторовъ и адвокатовъ тоже евреи, и если въ королевскихъ театрахъ актерами до настоящаго времени являются въ громадномъ большинствѣ христіане, то нельзя того же сказать о зрителяхъ, занимающихъ наиболѣе дорогія мѣста. Въ Берлинѣ единственная вещь, которая находится въ безспорномъ владѣніи христіанъ—это церковь, о которой они, какъ мы видѣли выше, очень мало заботятся. Даже и въ этомъ отношеніи берлинскіе евреи опередили христіанъ: ихъ новая, прекрасно выстроенная синагога рѣзко выдается среди жалкихъ христіанскихъ церквей, и куполь ея гордо возвышается надъ моремъ берлинскихъ домовъ. Въ политикѣ они тоже играютъ видную роль. И это понятно, такъ какъ богатые евреи изъ молодежи здѣсь обыкновенно люди весьма образованные: своимъ сыновьямъ и дочерямъ евреи всегда стараются дать воспитаніе выше того, какое получаютъ дѣти католиковъ и протестантовъ. Это видно изъ статистики: больше половины еврейскихъ мальчиковъ и двухъ третей еврейскихъ дѣвочекъ получаютъ привилегированное воспитаніе; между тѣмъ дѣти другихъ вѣроисповѣданій пользуется имъ въ количествѣ не больше *пятой части* мальчиковъ и меньше *шестой части* дѣвочекъ. Вслѣдствіе этого между евреями не мало людей выдающихся по своему образованію. Характерныя черты семитическаго племени рѣзко выдѣляютъ ихъ изъ германской расы, но черты ихъ лица слишкомъ известны всѣмъ, чтобы ихъ описывать. Такъ же рѣзко отличаются они отъ нѣмцевъ и своимъ костюмомъ: богатые изъ нихъ всегда одѣты съ большою претензією на элегантность, болѣе шикарно и броско, съ массивной золотой часовой цѣпочкой,

къ которой привѣшено множество золотыхъ украшеній, съ массивными перстнями на пальцахъ. Они употребляютъ всё усилія, чтобы проникнуть въ аристократію или по крайней мѣрѣ проложить туда дорогу своимъ сыновьямъ и дочерямъ. Послѣднія, переступивъ порогъ знатнаго дома, гораздо скорѣе нѣмоко усваиваютъ тонъ и манеры аристократіи и всегда соперничаютъ съ самыми красивыми и образованными христіанками. Берлинскіе статистики стараются доказать, что христіане въ Берлинѣ вымираютъ, и представляютъ данныя очень благоприятныя для Моисеева закона. Отъ нихъ мы узнаемъ, что не только изъ евреевъ гораздо большій процентъ женится, чѣмъ изъ другихъ исповѣданій, но что почти всё они вступаютъ въ бракъ въ возрастѣ, когда мужчинѣ меньше 40, а женщинѣ меньше 30 лѣтъ. Такіе браки составляютъ 85% между евреями, а въ остальной части населенія только 72%. Евреевъ вступаетъ въ бракъ $\frac{1}{3}$, а другихъ исповѣданій $\frac{1}{5}$. Смертность между еврейскими дѣтьми отъ 1—5 лѣтъ—17%, а между дѣтьми другихъ исповѣданій 25%.

Не смотря на то, что жизнь еврейскихъ финансистовъ преисполнена тревогъ вслѣдствіе разныхъ биржевыхъ и финансовыхъ операцій, ихъ всегда можно видѣть въ театрѣ, который очень часто состоитъ подъ ихъ главнымъ покровительствомъ. Они находятся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ артистами, приглашаютъ ихъ на свои обѣды и вечера. Пока имъ немного перевалило за 30, они причисляютъ себя къ «золотой молодежи» столицы, нѣсколько позже они женятся на дочеряхъ еврейскихъ банкировъ, подъ 50 лѣтъ они дѣлаются коммерціи-совѣтниками, строятъ себѣ великолѣпныя виллы, даютъ пышныя балы, изъ всѣхъ силъ выбиваются получить орденъ и прибавленіе частички *фонз* передъ своею фамиліею, усердно слѣдятъ за скандальной хроникой столицы и знаютъ такъ же хорошо, что вчера случилось въ будуарѣ модной красавицы и что въ кабинетѣ перваго австрійскаго министра. Знать новости дня во всѣхъ сферахъ общественной и политической жизни—дѣлается у нихъ на старости лѣтъ чѣмъ-то вродѣ болѣзни, тщеславіемъ. Конечно, эта страсть развивается главнымъ образомъ и потому, что всё эти новости оказываютъ большое вліяніе на ихъ спекуляціи и биржевыя сдѣлки. Разсчетливость нѣмцевъ давно вошла въ поговорку; и дѣйствительно, даже высшіе классы живутъ гораздо проще, обставлены съ несравненно меньшимъ блескомъ и комфортомъ, чѣмъ тѣ же классы въ другихъ европейскихъ столицахъ. Если вы и находите въ Берлинѣ роскошную обстановку, блестящіе экипажи, если кто и задаетъ здѣсь пиры и банкеты, то это, за небольшими исключеніями, здѣшніе банкиры-евреи. Каждый изъ нихъ старается, какъ можно больше назвать къ себѣ на балъ графовъ и важныхъ сановныхъ лицъ. Не смотря на то, что аристократія съ нескрываемымъ презрѣніемъ относится къ нимъ, но связанная съ ними часто очень важными для себя въ матеріальномъ отношеніи дѣлами, снисходитъ на ихъ просьбы и нерѣдко появляется на ихъ знаменитыхъ банкетахъ. Блеснуть передъ другими своею роскошью, знакомствомъ съ какими нибудь графами—характерная черта всѣхъ здѣшнихъ еврейскихъ финансовыхъ тузовъ. Чѣмъ больше аристократовъ удастся зазвать къ себѣ на балъ, тѣмъ роскошнѣе стараются его устроить. Между 1871—75 г. эти балы нерѣдко напоминали волшебное описаніе сказокъ «тысячи и одной ночи». Теплицы въ Моабитѣ, которыя покрываютъ цѣлыя акры земли въ западной части Берлина, съ дикой расточительностью рассыпали здѣсь богатство своихъ оранжевей. Обѣдами, достойными Лукулла, ослѣпительнымъ блескомъ брилліантовъ они обратили тогда на себя всеобщее вниманіе. Хотя въ самое послѣднее время они стали жить нѣсколько скромнѣе, но и теперъ никто изъ нихъ не явится на биржу два раза подрядъ въ одномъ и томъ же платьѣ; «они мѣняютъ свои перстни съ драгоценными камнями и толстыя часовыя цѣпочки чуть ли не чаще, чѣмъ нѣмцы свои рубашки», говоритъ одинъ

писатель. Однако орденъ, хотя его нельзя мѣнять такъ часто, составляетъ для каждаго изъ нихъ любимое украшеніе.

Жизнь какъ этихъ финансистовъ, такъ къ сожалѣнію и другихъ берлинскихъ евреевъ, часто не имѣющихъ съ ними ничего общаго, преисполнена тяжелыхъ непріятностей, такъ какъ имъ приходится встрѣчать глубокую непріязнь со стороны довольно значительной части Берлина. Евреи въ Германіи всегда были энергичными двигателями на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности, въ области политики, литературы, въ наукахъ и искусствахъ. Стоитъ вспомнить имена Лессинга, Берне, Гейне, Мендельсона, Лассала, Маркса, Ауербаха и многихъ другихъ. Нѣтъ такого города въ Германіи, въ которомъ не было бы нѣсколькихъ еврейскихъ купеческихъ фирмъ, достойныхъ уваженія, а честные еврейскіе мастеровые давно снискали себѣ общее довѣріе. Но давнишняя вражда между христіанами и евреями, средневѣковая традиція, къ которымъ столько же склонны и нѣмцы, называющіе себя «культуртрегерами», сколько и менѣ цивилизованныя національности, а главное зависть къ богатству еврейскихъ финансистовъ и дѣйствительная эксплуатація еврейскихъ биржевиговъ заставляютъ нѣмцевъ забывать всѣ заслуги ихъ передовыхъ мыслителей и видѣть во всѣхъ евреяхъ только эксплуататоровъ и редакторовъ гнусныхъ органовъ періодической прессы, которыми дѣйствительно дѣлаются многіе изъ нихъ.

Пресса и биржевыя спекуляціи въ Германіи идутъ рѣзко рука объ руку, помогаютъ одинъ другому и сообща несутъ позоръ и презрѣніе честныхъ и чуткихъ людей.

Литература нѣмецкая, какъ извѣстно, внесла много свѣта, знаній, глубокихъ и честныхъ идей, дала міру много прекрасныхъ, идеальныхъ образовъ; многіе нѣмецкіе писатели пользуются всесвѣтною славой и глубочайшимъ уваженіемъ, но за то современная германская газетная пресса приобрѣла громкую извѣстность своею продажною и безнравственною. Подкупить ту или другую газету, заставить ее говорить такъ или иначе, проводить въ угоду патрона самыя вредныя, ложныя идеи, безъ стыда и совѣсти, систематично распространять несуществующіе факты, чтобы разжигать самыя вредныя народныя страсти, помѣстить объявленіе, которое такъ нагло и цинично, что его невозможно и передать, — все это практикуется въ здѣшней прессѣ въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Можно смѣло сказать, что самое незначительное число газетъ составляютъ исключеніе изъ этого правила. Какъ правительство страны, такъ и банкиры, спекуляторы и пройдохи разнаго сорта пользуются этой повальной болѣзью. «Наша публика уже болѣе полутора десятка лѣтъ усвоила себѣ понятіе»; говоритъ одна берлинская газета, «что за деньги можно подкупить каждую газету. Мало того, каждый думаетъ и открыто высказываетъ, что тотъ, кто ставитъ общественные интересы выше денежныхъ выгодъ, считается дуракомъ». Что въ этихъ словахъ много справедливаго признаетъ каждый, кто поближе познакомится съ германскою прессой.

Въ Германіи каждому предпріятію стараются придать болѣе гласности путемъ печати. При этомъ обыкновенно дѣлаютъ всѣ усилія, чтобы задобрить не только большія газеты, но и маленькія, которыя, хотя и не имѣютъ большаго круга читателей, все-таки могутъ повредить. Самый распространенный подкупъ — хорошо оплачиваемыя объявленія. Это практикуется такимъ образомъ: рѣшивъ осуществить какое нибудь предпріятіе, фирма откровенно заявляетъ объ этомъ газетѣ, которую она считаетъ для себя наиболѣе полезною. Редакція газеты сама отъ себя составляетъ и печатаетъ объявленіе о предпріятіи и говоритъ по поводу его *нѣсколько сочувственныхъ словъ*. Затѣмъ, какъ этимъ почувствованнымъ словамъ, такъ и объявленію она составляетъ счетъ, какой ей вздумается, нерѣдко за 20 — 40 строкъ — 1,000 и болѣе талеровъ, и посылаетъ его въ контору фирмы, которая безпрекословно и оплачиваетъ его. При этомъ тѣ

газеты, куда фирма не заявила о своемъ предпріятіи, слѣдовательно почему нибудь не нашла нужнымъ дать взятку, поднимають крикъ и съ остервененіемъ набрасываются на новое предпріятіе. Это нерѣдко такъ пугаетъ учредителей, что они спѣш ть поправить свою ошибку; тогда редакція газеты немедленно смѣняетъ гнѣвъ на милость и начинаетъ говорить о предпріятіи въ совершенно противоположномъ тонѣ. Иногда однокоренно, и получивъ подачку, она все еще продолжаетъ «кусаться», — это означаетъ, что взятка ея не удовлетворяетъ. Если учредители предпріятія находятъ продолжающуюся газетную брань для себя не безопасной, они посылають добавочную сумму. Редакція умиливается и въ лестныхъ для фирмы выраженіяхъ рекомендуетъ новое предпріятіе своимъ читателямъ. Одна газета обозвала однажды планъ основателя какой то компаніи на акціяхъ низкимъ обманомъ, а черезъ нѣсколько дней, получивъ извѣстную сумму, стала рекомендовать его акціи; другая газета, указавъ вопіющее злоупотребленіе нѣсколькихъ пивныхъ фабрикъ, черезъ нѣсколько дней призывала на нихъ Божіе благословеніе. Обыкновенно, какъ подкупающіе, такъ и подкупаемые, настолько безстыдны, что вовсе даже и не скрываютъ этого. «Въ Берлинѣ», говоритъ одна газета, «гдѣ вопросъ о наживѣ подчиняетъ себѣ всѣ другіе вопросы, деньги — идолъ, который поглощаетъ всѣ нравственныя силы. Прежде люди дѣлали фальшивыя деньги, а теперь деньги создаютъ фальшивыхъ людей». Здѣсь публики не смотритъ на свою прессу, какъ на руководителя, совѣтникъ и друга, а лица, власть имѣющія, хотя и не пренебрегаютъ ею, какъ политическимъ орудіемъ, но пользуются ею съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Громадное большинство людей неподкупныхъ, писатели строгой честности не любятъ проводить свои идеи посредствомъ газетъ, а если и соглашаются на это, то въ большинствѣ случаевъ подъ конецъ растрачиваютъ всю свою энергію и размѣниваютъ свой талантъ на мелкую монету въ перебранкахъ съ другими собратями газетной прессы. При всемъ этомъ, такъ какъ главные органы находятся въ значительной степени или подъ вліяніемъ «бюро прессы», или подъ страхомъ полицейской власти, то свободное выраженіе политическихъ мнѣній доведено здѣсь до минимума.

«Бюро прессы» было учреждено въ 1849 г. и сперва выдавало ничтожное вознагражденіе отъ 15 до 20 талеровъ продажнымъ писателямъ, которые, не разбирая средствъ, воевали съ врагами монархіи. Въ 1866 г. было захвачено имущество короля ганноверскаго и курфюрста гессенскаго, что въ общей сложности составляло болѣе 16 милліоновъ талеровъ. Бисмаркъ объявилъ въ ландтагѣ, что эта сумма необходима, «чтобы спуститься въ норы подлыхъ пресмыкающихся», т. е. подкупить всѣхъ писателей, какихъ только возможно, и эта сумма въ скоромъ времени была присоединена къ скромнымъ средствамъ «бюро прессы», которое стало располагать теперь огромнымъ капиталомъ. Съ тѣхъ поръ названіе продажныхъ писателей «пресмыкающимися» и терминъ «бюро пресмыкающихся» вошли въ общее употребленіе. Съ этого времени размѣръ гонорара продажнымъ писателямъ былъ сильно увеличенъ, и они стали плодиться, какъ грибы послѣ дождя. Не мало газетъ не только въ Германіи, но въ Вѣнѣ, Пештѣ, даже въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Австраліи и въ другихъ странахъ издаются съ помощью или вполнѣ на средства «бюро пресмыкающихся». Нѣкоторые газетные писатели находятся исключительно на изживеніи графа Бисмарка. Вотъ какимъ путемъ извращаютъ идеи и политическіе взгляды не только германскаго общества, но и Европы. «Всѣ новости», говоритъ одинъ писатель, «получаемыя какъ съ востока, такъ и съ запада, эта продажная пресса окрашиваетъ въ берлинскую лазурь и, будь онѣ индиго или темно-красныя, по выходѣ изъ чана онѣ всегда принимаютъ блестящій голубой цвѣтъ. Такимъ образомъ уродуютъ истину, затемняютъ взглядъ публики, насилуютъ ея сужденіе и создаютъ кругомъ нея искусственную атмосферу, благопріятную исполненію проектовъ и намѣреній государ-

ственного канцлера. «Бюро прессы» дѣйствуетъ на общественное мнѣніе такъ же, какъ домъ Ротшильда можетъ дѣйствовать на биржу: оно по произволу поднимаетъ или понижаетъ курсъ того или другаго мнѣнія.

Изъ важнѣйшихъ государственныхъ лицъ за эту систему повальнаго подкупа болѣе всѣхъ стоитъ Бисмаркъ, такъ какъ онъ отличается особенною нетерпимостью относительно журналистовъ, осмѣливающихся, какъ говоритъ одинъ писатель, находить пятно и на его солнцѣ. Не смотря на это, онъ самъ лично относится къ писателямъ этой категоріи съ крайнею брезгливостью и презрѣніемъ. Недавно одинъ депутатъ замѣтилъ ему, что журналисты «бюро прессы» люди весьма дурной репутаціи, онъ отвѣчалъ: «да, это свинопасы». Мало того: чтобъ показать, на сколько онъ презираетъ ихъ низкое ремесло, онъ далъ имъ прозвище «пресмыкающихся», которое съ тѣхъ поръ утвердилось за ними, въ своемъ надменномъ величіи забывая, что онъ дѣлалъ рѣшительно все, чтобы увеличить этотъ классъ людей, развратить и убить систему подкуповъ въ слабыхъ душахъ послѣднія проблески чести и порядочности.

Съ 1874 г. законъ о печати подвергся намѣненію: гербовый сборъ былъ уничтоженъ, но приостановка періодическихъ изданій по распоряженію администраціи была удержана. На всемъ томъ, что теперь печатается, должны быть выставлены имя и адресъ типографщика, а для газеты еще имя и адресъ отвѣтственного редактора; послѣдній можетъ раздѣлить свою отвѣтственность съ своими сотрудниками, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ объявить, что такая-то личность отвѣтственна за политическій отдѣлъ, другая за научный и т. д. Отвѣтственность за оскорбленіе падаетъ прежде всего на отвѣтственного редактора, затѣмъ на издателя, а по томъ и на типографщика. Высшій размѣръ наказанія за преступленіе по дѣламъ печати—6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, что нерѣдко замѣняютъ денежнымъ штрафомъ. Штрафы и тюремное заключеніе щедро сыплются на головы редакторовъ оппозиціонныхъ и социалистическихъ газетъ. Прежде, чѣмъ вошелъ въ силу законъ, запрещающій имѣть подставныхъ редакторовъ, что было еще очень недавно, встрѣчались и такія объявленія: «Ищутъ дровосѣка, швейцара или пищика на должность отвѣтственного редактора». •Еще въ 1873 году передъ судебнымъ слѣдователемъ появился носильщикъ, обвиняемый въ преступленіи по дѣламъ печати. Онъ заключилъ свою рѣчь словами: «Будьте увѣрены, какъ только газета мнѣ не понравится, я лишу ее своего довѣрія и подписи».

Тяжелыя преслѣдованія печати и подкупы сдѣлали свое дѣло: теперь уже трудно превзойти германскія газеты въ той индифферентности, съ какою онѣ относятся къ правдѣ, гнусныхъ сплетняхъ, въ страсти выискивать въ дѣятельности лицъ, имъ несочувствующихъ что-то враждебное и опасное для правительства, въ любви къ ложнымъ обвиненіямъ и инсинуаціямъ. Множество фактовъ подтверждаютъ, что Бисмаркъ преслѣдовалъ газеты за нападеніе на его личность часто даже въ томъ случаѣ, когда это вовсе не касалось его, какъ общественнаго дѣятеля. Крайне раздражительный, когда дѣло касается какихъ бы то ни было на него нападокъ, онъ придумалъ оригинальный способъ защиты, рисующій и его безцеремонность, и крайне тяжелое положеніе печати. На литографированномъ листѣ изложена жалоба и оставлены пустыя мѣста, чтобы написать на нихъ названія газетъ, его оскорбившихъ. Исполнивъ это упрощенное дѣло, онъ отсылаетъ листокъ мѣстнымъ властямъ, которыя тотчасъ начинаютъ преслѣдованіе противъ означенныхъ редакторовъ. Послѣ покушенія, сдѣланнаго на него въ Киссингенѣ, такія преслѣдованія начались противъ всѣхъ клерикальныхъ и социалистическихъ газетъ. Преслѣдованій въ печати въ мартѣ 1875 г. было до 50, и большая часть ихъ кончилась штрафами и заключеніемъ редакторовъ въ тюрьму. Мы уже знаемъ, что германское правительство не только усмиряетъ газеты, сажая редакторовъ въ тюрьмы и взимая съ нихъ штрафы,

но употреблять и еще болѣе дѣйствительный способъ, — оно беретъ ихъ на жалованье. «Продажность прусской прессы такъ извѣстна», замѣчаетъ одинъ нѣмецкій писатель, «что когда немногіе независимые органы вполне искренно хотятъ похвалить ту или другую мѣру правительства, имъ всегда приходится опасаться, чтобы публика не заподозрила ихъ въ получкѣ отъ правительства субсидій». Тѣ органы печати, которые правительству не удалось подкупить, оно считаетъ своими врагами и находитъ нужнымъ разорить ихъ полицейскими преслѣдованіями. Оповоренная, презираемая и ослабленная стѣснительными правительственными мѣрами, прусская періодическая пресса не имѣетъ и тѣни того могучаго общественнаго значенія и вліянія, какимъ пользуется англійская пресса.

Журналисты, служащіе въ «бюро», дѣлятся на *низшихъ*, *среднихъ* и *высшихъ*; послѣдніе живутъ нерѣдко съ большимъ комфортомъ. Это несомнѣнно люди талантливые и умные, и чтобы ихъ подкупить, не жалѣли денегъ; они, разумѣется, приносятъ и наиболѣе вреда своему отечеству. «Пора намъ вылечиться отъ этой нравственной чумы», сказалъ недавно по этому поводу въ рейхстагѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей страны, «которая такъ безчеститъ насъ и передъ своею совѣстью, и въ глазахъ иностранцевъ. Мы издали законъ противъ филоксеры, — интересы общества и чувство нравственности требуютъ, чтобы мы издали законъ и противъ «пресмыкающихся печати», такъ какъ вредъ, который они наносятъ обществу, отравляя душу и сердце націи, несравненно болѣе значителенъ. Злословія, доносы, шантажъ, инсинуаціи, ложь возведены на высоту государственнаго учрежденія; они официально организованы, и, что особенно грустно, народъ обязанъ оплачивать эти доносы и эту ложь. Упрекали газеты юга за ихъ рѣзкость; но что она значить въ сравненіи съ рѣзкостью «пресмыкающейся прессы»! Я не исключаю отсюда и «Провинціальной корреспонденціи»: грубые выходки и неприличные выраженія этой газеты, органа правительства, не достойны всякой, сколько нибудь уважающей себя газеты, а тѣмъ болѣе органа официального. Редакція «Всеобщей Сѣверо-германской газеты (Norddeutsche Allgemeine Zeitung) — это во всей Германіи самая обширная яма, наполненная пресмыкающимися. Надо послушать, какъ шипятъ они! И какова забота правительства: тѣ газеты, гдѣ работаютъ пресмыкающіеся, пользуются полнѣйшею безнаказанностію: онѣ могутъ все говорить, все дѣлать; ихъ никогда не преслѣдуютъ, никогда судъ не угрожаетъ имъ, между тѣмъ какъ оппозиціонныя газеты разорены штрафами и судебными издержками». Другіе въ рейхстагѣ выражали желаніе употребить фонды бюро на цѣли, болѣе достойныя націи, а не на содержаніе пресмыкающихся. Но Бисмаркъ придерживается другихъ взглядовъ на этотъ вопросъ, и потому не предвидится конца этому возмутительному развращенію посредствомъ печати, не только съ дозволенія, но и по желанію правительства.

Обычная берлинская ежедневная газета состоитъ изъ листа въ 4 небольшихъ страницы; на каждой страницѣ 3 или 4 печатныхъ столбца; кромѣ того въ газетѣ бываетъ неограниченное число приложений. Смотри по содержанію и въ особенности по числу объявленій, этихъ приложений бываетъ иногда очень много. Объявленія въ газетахъ у нѣмцевъ замѣняютъ англійскую уличную рекламу, которая у нихъ почти совсѣмъ не развита. Газета обыкновенно начинается съ передовой статьи, затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько сообщеній о прусскихъ дѣлахъ, потомъ подъ заглавіемъ «Германія», идутъ извѣстія относительно событій въ главныхъ городахъ имперіи; затѣмъ слѣдуютъ иностранныя и мѣстныя извѣстія, не составляющія уже животрепещущей новости. За ними телеграммы и биржевые курсы. Этотъ послѣдній отдѣлъ занимаетъ больше мѣста и издается болѣе старательно, чѣмъ отдѣлъ извѣстій. Фельетоны въ лучшихъ газетахъ посвящены наукѣ и искусству и обыкновенно написаны очень дѣльно, съ большимъ зна-

ніемъ дѣла, но въ большинствѣ случаевъ изложеніе суховатое и тяжелое. За исключеніемъ дѣльныхъ передовыхъ статей, фельетоны составляютъ самый лучший отдѣлъ въ нѣмецкихъ газетахъ, хотя часто они трактуютъ о предметахъ, которые, съ точки зрѣнія иностранцевъ, не совсѣмъ умѣстны для фельетона. Отдѣлъ мѣстныхъ извѣстій очень бѣденъ. Пожаръ, необыкновенное происшествіе въ городѣ передаютъ въ 4-хъ, 5-ти строчкахъ, очень сухо и кратко, безъ краснорѣчія нью-іоркскихъ и даже англійскихъ репортеровъ. Какомунибудь важному процессу посвящается столбецъ убористаго шрифта, но никакъ не болѣе; при томъ изложеніе его откладывается часто на неопредѣленное время, такъ что между событіемъ и сообщеніемъ о немъ проходитъ иногда по цѣлой недѣлѣ. Что касается до извѣстій изъ-за-границы и даже изъ Германіи—этотъ отдѣлъ еще хуже. Сравнительно съ Англіею въ Германіи газеты читаются гораздо меньше: здѣсь находятъ, что изъ газетъ нечему учиться, а отдохнуть пріятнѣе въ пивномъ саду за кружкой пива. Хотя въ лучшихъ кондитерскихъ вы найдете много газетъ, но за то во многихъ другихъ заведеніяхъ, часто даже весьма извѣстныхъ, ихъ вовсе не существуетъ.

Одна изъ самыхъ старыхъ, до сихъ поръ существующихъ берлинскихъ газетъ «Vossische Zeitung» (Фоссова газета), которую природные берлинцы называютъ «Tante Foss» (тетка Фоссъ), имѣетъ 18,000 подписчиковъ (въ 1878 г.). Она обращаетъ большое вниманіе на легкую литературу, но ея политическіе взгляды совсѣмъ неопредѣленны. «Тетка Фоссъ» славится своими объявленіями, которыя обыкновенно занимаютъ отъ 6 до 9-ти прибавочныхъ листовъ. Эти объявленія такъ интересуютъ публику, что уже однимъ этимъ «Тетка Фоссъ» приманиваетъ къ себѣ подписчиковъ.

Въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ газетныя объявленія вполне вошли въ нѣмецкіе нравы и замѣняютъ у нихъ не только уличную рекламу, къ которой нѣмцы не имѣютъ склонности, но письма, визиты и играютъ важнѣйшую роль во всѣхъ главнѣйшихъ событіяхъ семейной и общественной жизни. Родился ли ребенокъ,—отсутствующіе друзья и родственники узнаютъ объ этомъ черезъ газетныя объявленія. Въ свою очередь и они посредствомъ объявленія въ газетѣ поздравляютъ семейство съ счастливымъ для нихъ событіемъ. Случится ли помолвка,—увѣдомить объ этомъ въ газетахъ считается обязательнымъ. Наступаютъ именины одного изъ провинціальныхъ пріятелей, и черезъ газету ему шлютъ тысячу пожеланій. На страницахъ газетъ, и ворожей, живущія въ бельэтажахъ, открыто предлагаютъ свои услуги, и молодыя вдовы, ясновидящія, учителя и весь служащій и промышленяющій людъ. Тутъ предлагаютъ и средства противъ болѣзней, и адреса врачей наполняютъ 2 или 3 страницы объявленій. Не мало встрѣтите вы здѣсь и объявленій отъ изобрѣтателей жизненнаго элексира, мальць-экстракта, цѣлебныхъ средствъ. Кстати сказать, что въ этихъ цѣлебныхъ средствахъ, какъ высчиталъ одинъ докторъ, около 500 такихъ лекарствъ, въ составъ которыхъ входятъ до 60 сильныхъ ядовъ и 37 опасныхъ слабительныхъ средствъ. Множество объявленій самаго грязнаго характера, но не мало и совершенно невинныхъ; какъ бы то ни было, въ нихъ наглядно отражаются нравы и понятія современныхъ нѣмцевъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Весьма почтенная и образованная молодая дама проситъ у благороднаго человѣка ссудить ей отъ 50 до 100 талеровъ. Она общается ему за это свою дружбу». «Не смотря на очаровательную виѣшность, покинутая всѣми дама, далеко еще непреклонныхъ лѣтъ, взываетъ къ великодушію богатаго господина». «Молодая и хорошенькая вдова ищетъ покровителя среднихъ лѣтъ, брюнета высокаго роста». «Я врагъ танцевъ, и не имѣю претензіи на молодую. Я охотно помирюсь съ женщиною, которая страдаетъ какимънибудь органическимъ недостаткомъ—съ горбатой, кривой, хромою, даже слѣпюю, лишь-бы у нея было не менѣе 40 тысячъ талеровъ. Фотографическую карточку посылать бесполезно. Адресовать въ редакцію газеты А. В.»—«G. V. 115. Шлю тебѣ горячій привѣтъ, нѣжное

и единственное сокровище моего сердца! Я чувствую себя совершенно одинокимъ и покинутымъ; твои послѣдніи строки я нахожу весьма холодными. Развѣ у тебя нѣтъ тоски по родинѣ? Какъ много я имѣю сказать тебѣ? Я призываю тебя во снѣ, я вижу тебя повсюду. Ты наполняешь всѣ минуты моей жизни. Я не могу больше оставаться такъ. До свиданья, моя дорогая, обвинаю и тысячу разъ цѣлую тебя. Твой въ любви!»

«Berliner Intelligenz Blatt», т. е. «Справочный Листокъ», еще лучше можетъ познакомить читателей съ характеромъ этихъ объявленій. Хотя по числу подписчиковъ это не самая распространенная газета, но наиболѣе читаемая въ Берлинѣ, такъ какъ ни одна кондитерская, ресторанъ или пивной погребъ, даже въ болѣе бѣдныхъ кварталахъ, не можетъ безъ нея обойтись. Она была основана болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ, и ни одинъ соперникъ не уменьшилъ ея авторитета. Печатается эта газета на плохой бумагѣ, за то подписная цѣна за $\frac{1}{4}$ года 1 талеръ 10 зильбергрошей. Ея объявленія тщательно классифицируются, но каждый, помѣщающій его, старается придать ему оригинальность. Такъ какъ мѣсто слишкомъ дорого, то эта оригинальность заключается чаще всего въ шрифтѣ: готическій и римскій шрифтъ, черныи и бѣлый, жирный и тонкій, мелкій и крупный, компактный и разбросанный по страницамъ, такъ что въ первую минуту можно принять эти объявленія за выставку образцовъ шрифта. Объявленіямъ стараются придать болшій эффектъ, окружая ихъ указательными пальцами, рамкой, виньетками, человѣкомъ въ халатѣ, который долженъ изображать собою волшебника съ чертенкомъ, играющимъ по его приказанію, изображеніемъ лошадей, швейныхъ машинъ, женщинъ у лохани, фигурой съ боченкомъ вмѣсто тѣла, которая прогоняетъ смерть двумя бутылками и т. п. Теперь обратимся къ содержанію. Первое мѣсто занимаютъ официальные объявленія. Полиція объявляетъ, что незамужняя женщина была найдена въ безчувственномъ состояніи съ чашкой яда, и другія несчастныя происшествія. Далѣе слѣдуютъ распоряженія полиціи, затѣмъ длинный списокъ нумеровъ выигравшихъ въ ту или другую лотерею, потомъ объявленія о помолвкахъ, свадьбахъ и рожденіяхъ; за ними идутъ объявленія учителей искусствъ, наукъ и особъ, предлагающихъ выучить разнымъ языкамъ; предлагаютъ уроки танцевъ, пѣнію, шитью на швейной машинѣ. Затѣмъ безчисленное множество объявленій о продажѣ съ аукціона, начиная отъ меблированныхъ домовъ до закладныхъ листовъ. За ними слѣдуютъ объявленія о театрахъ, концертахъ, танцевальныхъ заведеніяхъ, о ресторанахъ съ эlegantной прислугой, приглашеніе на пикникъ съ сосѣсками, съ кислой капустой и т. п. Одинъ объявляетъ, что онъ проситъ 35 талеровъ на 6 недѣль и даетъ обезпеченіе въ 72 талера, съ обязательствомъ уплатить 50 тал. «Состоятельные торговые люди» желаютъ занять 25 тал. на 5 дней, въ обезпеченіе предлагаетъ имущество на 100 тал. и 21 тал. процентовъ. Подобныхъ объявленій сотни, и, судя по нимъ, человѣкъ неразборчивый въ средствахъ и имѣющій 500 тал. въ запасъ могъ бы жить здѣсь комфортабельно, отдавая въ займы и получая отъ этихъ «состоятельныхъ торговцевъ» сто и болѣе процентовъ въ мѣсяцъ. Невольно удивляешься, зачѣмъ этимъ несчастнымъ такъ публично заявлять о своемъ горѣ, когда ихъ объявленія помѣщаются бокъ-о-бокъ съ объявленіями мѣняль и ростовщиковъ, занимающихъ собою нѣсколько столбцовъ и выражающихъ готовность дать въ займы подъ вѣрное обезпеченіе. Посредники при залогахъ и денежныхъ обязательствахъ, которыхъ въ Берлинѣ называютъ «головорѣзами», объявляютъ, что они берутся достать денегъ подъ письменныя обязательства, если только есть при этомъ вѣрное обезпеченіе. Эти посредники имѣютъ свою биржу, гдѣ они сходятся съ капиталистами, которые предлагаютъ деньги. Капиталисты получаютъ на капиталъ 20, 30%, а посредники берутъ себѣ значительное вознагражденіе за комиссію. Множество объявленій отъ ворожеекъ, ясновидящихъ и различныхъ женщинъ, предлагающихъ то или другое искусство. А вотъ

и предложенія: купецъ хочетъ купить у молодой вдовы домъ и, если она пожелаетъ, приобрести сообща съ нею кусокъ земли, — это замаскированное брачное предложеніе. Далѣе идутъ объявленія отъ лицъ вступающихъ въ бракъ, отъ ищущихъ квартиръ. Тутъ вдова съ двумя дочерьми ищетъ комнаты, предупреждая, что онѣ безъ швейной машины, такъ какъ послѣдняя, какъ и фортепіано, разгоняетъ жильцовъ; предложенія отъ купцовъ купить, взять въ аренду дома, земли, и т. п. Число объявленій о продажѣ недвижимаго имущества, отдачи въ наемъ домовъ, комнатъ — безъ конца. Постели и части постели предлагаются десятками: молодой человѣкъ уживчиваго характера желаетъ раздѣлить свою постель съ другимъ». Еще болѣе объявленій, въ которыхъ ищутъ гувернеровъ, управляющихъ, половыхъ, лакеевъ, писцовъ, поденщиковъ, подмастерьевъ, гувернантокъ, сидѣльцевъ, горничныхъ, кучеровъ. Что касается до объявленій ищущихъ мѣстъ, то ихъ число легіонъ, и онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что утонченность проникаетъ во всѣ слои общества. Кромѣ множества «приличныхъ горничныхъ», вы найдете здѣсь и множество «кухонныхъ мамзелей», которыя этимъ словомъ, производнымъ отъ французскаго «*mademoiselle*», хотятъ сказать, что онѣ выше обыкновенныхъ кухарокъ.

«*National Zeitung*» (Національная газета) — органъ національ-либераловъ; у нея около 11 тысячъ подписчиковъ (въ 1879 г.), и она очень распространена за границей и въ провинціи. Ея сила въ руководящихъ статьяхъ, и въ ней попадаются весьма талантливыя рецензіи книгъ, драматическихъ и музыкальных произведеній. Но иностранныя корреспонденціи плохи, а внутренній отдѣлъ, особенно что касается мѣстныхъ извѣстій — очень бѣденъ.

Между рабочими ни одна газета не распространена больше «*Volkszeitung*» (народная газета), которая одно время имѣла не менѣе 35,000 подписчиковъ. Она была основана Бернштейномъ и должна была представлять интересы демократіи. Она приобрѣла себѣ хорошую репутацію своими популярными очерками по естествовѣденію, но потеряла много подписчиковъ (въ 1878 г. она расходилась въ 23 тысячахъ экз.) отчасти потому, что печаталась на плохой бумагѣ и мелкимъ шрифтомъ, главнымъ же образомъ вслѣдствіе того, что появились другіе болѣе выдающіеся демократическіе органы.

«*Nord-deutsche-Allgemeine-Zeitung*», съ направленіемъ которой мы уже познакомились выше, въ 1879 г. имѣла 6,000 подписчиковъ. Такъ какъ это органъ князя Бисмарка, то ея политическія статьи читаются съ большимъ интересомъ, какъ предназначенованіе политики канцлера.

ПРУССКАЯ АРМІЯ.

Положеніе арміи. — Главный штабъ и его значеніе. — Служба, обученіе, жизнь и нравы солдатъ и офицеровъ. — Послѣдствія милитаризма.

Пруссія, а черезъ нее и вся Германія — держава по преимуществу военная. «Война», сказалъ одинъ изъ величайшихъ писателей 18-го вѣка, «составляетъ національный промыселъ Пруссіи»; эти слова и теперь вполне примѣнимы къ ней. Почти во всѣхъ германскихъ городахъ прежде всего бросается въ глаза военный элементъ, но нигдѣ онъ такъ не силенъ, какъ въ столицѣ этой страны. Берлинъ буквально кишитъ солдатами, офицерами и военными разныхъ чиновъ. Можно смѣло сказать, что въ Европѣ нѣтъ другой столицы, которая въ такой степени носила бы военный характеръ. Со всѣхъ сторонъ вы видите полки: одни изъ нихъ въ полномъ парадѣ отправляются на маневры, другіе, по окончаніи ихъ, забрызганные грязью, возвращаются въ казармы. Ординарцы

скачутъ верхомъ по всѣмъ направленіямъ или бѣгутъ пѣшкомъ отъ одного министерства къ другому. По всѣмъ улицамъ тянутсѣ партіи солдатъ съ обозами провіанта или военныхъ запасовъ для различныхъ казармъ; патрули, вѣчно смѣняющіе часовыхъ, стоятъ у всѣхъ общественныхъ зданій; у гауптвахтъ, группы солдатъ стоящихъ на вытяжку, офицера, которые спѣшатъ по дѣламъ службы и въ увеселительныя заведенія или расхаживаютъ рядами, стуча саблями по тротуару. Не только на улицахъ, но въ ресторанахъ, въ пивныхъ садахъ, кондитерскихъ, на всѣхъ гуляньяхъ вы такъ много встрѣчаете людей военного сословія, что вамъ невольно приходитъ на мысль, что гражданская жизнь въ этой столицѣ составляетъ лишь добавленіе къ военному элементу. Кромѣ офицеровъ, чиновниковъ военного вѣдомства и нижнихъ чиновъ, въ столицѣ живеть огромное число офицеровъ, служащихъ при военномъ министерствѣ, генеральномъ штабѣ и разныхъ военныхъ школахъ, а на окраинахъ возвышаются высокія казармы съ зубчатыми стѣнами, которыя кишатъ кавалеріей, пѣхотой и артиллеріей. Множество казармъ вполне оправдываютъ поговорку, что въ сѣверной Германіи нѣтъ соборовъ, а только казармы и арсеналы. Развитію этого военного характера столицы не мало способствовало ея положеніе: плоская равнина, на которой находится Берлинъ, представляетъ удобное мѣсто для устройства парадныхъ смотровъ и военныхъ упражненій. Здѣсь съ утра до вечера эскадроны кавалеріи скачутъ рысью, бросаются въ атаку и мчатся галопомъ во весь карьеръ въ облакахъ песку, а батальоны инфантеріи совершаютъ марши и контръ-марши. Звукъ рожка, бой барабана и гортанные звуки командующихъ офицеровъ раздаются далеко среди шума конскихъ копытъ и мѣрнаго шага пѣхотинцевъ, которые по временамъ заглушаются бриками ура, дозволенными пѣхотѣ, когда она взяла позицію. Безчисленные взводы рекрутъ движутся по командѣ своихъ учителей: однихъ приучаютъ маршировать, другихъ обучаютъ ружейнымъ приемамъ, третьи уже выполняютъ самыя сложныя движенія съ прыжками и скачками. Со всѣхъ сторонъ кишитъ необыкновенная дѣятельность, и здѣсь очевидно не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать армію такую, какая она есть на самомъ дѣлѣ, т. е. первую въ Европѣ. Въ Пруссіи военной наукой занимаются прежде всего и больше всего, чѣмъ во всякой другой цивилизованной странѣ, и потому прусскіе офицера приобрѣли въ военномъ дѣлѣ такую опытность и имѣютъ такія обширныя знанія, какъ нигдѣ. Спеціально военныя школы и корпуса славятся строгой системой и устроены такъ, что вполне удовлетворяютъ своей цѣли и назначенію и лучше, чѣмъ во всякой другой странѣ, готовятъ молодыхъ людей къ военной службѣ. Военная академія—настоящій университетъ для военныхъ, а главный штабъ—образцовое учрежденіе, имѣющее такое громадное значеніе для страны, что мы считаемъ долгомъ сказать о немъ хотя нѣсколько словъ.

«Зданіе, или скорѣе дворецъ главнаго штаба, находится на королевской площади. Тамъ, въ центрѣ этой огромной лабораторіи, помѣщается старый фельдшаршалъ Мольтке, приготовляющій войну, какъ какой нибудь химическій продуктъ; въ бюро, которыя его окружаютъ, сходятся всѣ нити арміи; безъ его вѣдома никто не дѣлаетъ ни шагу, не истратится ни одинъ патронъ, и на всемъ континентѣ не выливается ни одна мѣдная пуговица безъ того, чтобы онъ тщательно не записалъ ее».

Главный штабъ подраздѣляется на различныя отдѣленія: одни изъ нихъ спеціально занимаются самымъ точнымъ, самымъ подробнымъ и пунтуальнымъ изученіемъ иностранныхъ армій. Тутъ знаютъ число и вооруженіе армій каждой европейской страны. Ни одна пушва или граната Россіи, Англіи, Италіи, Франціи и вообще всѣхъ европейскихъ странъ не поступитъ въ арсеналъ безъ того, чтобы она не была занесена въ книгу одного изъ отдѣленій главнаго штаба Берлина. Они съ точностью до одного человѣка могутъ каждую минуту опредѣлить число солдатъ, которыхъ та или другая страна имѣетъ въ данную минуту подъ ружьемъ.

Другія отдѣленія штаба спеціально занимаются изученіемъ иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ и положенія мѣстности. Въ этомъ отношеніи слова одного изъ начальниковъ штаба, сказанныя путешественнику, осматривавшему это учрежденіе, весьма знаменательны: «Если завтра мы начнемъ войну съ Испанією, или будемъ принуждены занять Швейцарію или Бельгію, вы увидите, что мы будемъ подвигаться впередъ съ тою же увѣренностью и съ тою же точностью, какъ и въ 1870 году. Мы знаемъ, сколько домовъ въ каждой деревнѣ Пиринейскаго полуострова, Швейцаріи и Бельгіи, и какую контрибуцію деньгами и съѣтными припасами мы можемъ потребовать отъ нихъ». Справедливость этихъ словъ вполне подтверждается фактами: многія иностранныя газеты уже не разъ указывали на то, что нѣмцы самымъ тщательнымъ образомъ, часто въ качествѣ путешественниковъ и странствующихъ ремесленниковъ, обходятъ всѣ, какъ большія, такъ и малыя деревеньки и собираютъ свѣдѣнія о числѣ домовъ, о количествѣ лошадей и рогатаго скота, объ имуществѣ каждаго крестьянина въ данной мѣстности.

На военныя учрежденія правительство расходуетъ громадныя деньги, но за то оно блистательно достигаетъ своихъ цѣлей. «Едвали можно сразу понять», говоритъ одинъ выдающійся военный писатель, «величественную стройность и законченность организаціи германской арміи; подобнаго ей ничего не было и ни одна нація, развѣ ей будетъ благоприятствовать разстояніе, не можетъ надѣяться на успѣшную борьбу съ этою арміей». И дѣйствительно, система всеобщей воинской повинности и организація войскъ совершенно пригодны здѣсь, какъ для быстрой мобилизаціи, такъ и для упорной, продолжительной войны. Это даетъ Германіи то преимущество передъ всѣми остальными державами, что она каждую минуту готова къ войнѣ. Ея армія, даже въ мирное время, всегда снаряжена, какъ будто наканунѣ грознаго нашествія непріятеля, главныя крѣпости всегда увеличиваются и перестраиваются, арсеналы наполнены оружіемъ. Военное могущество Германіи, превосходящее могущество всякаго другого государства хорошею организаціею войска и исправнымъ содержаніемъ вооруженія, не рискуетъ даже быть скомпрометированнымъ отъ разстройства финансовъ. Крѣпости въ Германіи не многочисленны, но достаточно обширны для того, чтобы они могли служить большими укрѣпленными лагерями и облегчать наступательную войну. Военный флотъ Германіи довольно значителенъ, не только для защиты береговъ, но даже для наступательной войны противъ какого нибудь второстепеннаго государства. Прочному политическому существованію Германіи среди другихъ государствъ способствуетъ и положеніе ея въ центрѣ Европы. Хотя за предѣлами своего государства у Германіи нѣтъ друзей, на которыхъ она могла бы рассчитывать, и ни ея политическій строй, ни характеръ и нравы ея гражданъ не пользуются сочувствіемъ иностранцевъ, но у нея нѣтъ и опасныхъ враговъ, въ борьбѣ съ которыми ей приходилось бы растрчивать силы.

Номинально каждый прусскій подданный есть солдатъ и служить 12 лѣтъ: 3 года въ дѣйствительной арміи, 4 въ резервѣ и 5 л. въ ландверѣ или ополченіи. Каждую минуту, въ случаѣ надобности, Германія можетъ рассчитывать на армію въ полтора миліона, прекрасно обученную военному искусству. Каждый молодой человекъ, достигши 20 лѣтъ, обязанъ служить въ военной службѣ, хотя только седьмая часть ихъ призывается подъ знамена. Отъ исполненія воинской повинности избавлены только князья, священнослужители и кандидаты богословія, а также тѣ, у кого въ семьѣ только одинъ сынъ; но вслѣдствіе физическихъ недостатковъ многіе бракуются. Тѣмъ не менѣе число годныхъ для военной службы все-таки значительно превышаетъ требуемый контингентъ; поэтому выборъ дѣлается посредствомъ жребія. Каждый годъ на службу поступаетъ немного болѣе 130,000 новобранцевъ. Послѣ медицинскаго испытанія новобранца сейчасъ же отсылаютъ въ главную квартиру мѣстнаго батальона, а оттуда въ мѣстный

полкъ, гдѣ его передають на руки дядькѣ. Въ теченіи первыхъ шести недѣль новичка учать приѣмамъ военной гимнастики, умѣнью отдавать честь и первымъ правиламъ воинской дисциплины. Когда солдатъ вполнѣ научился повиноваться, самой строгой аккуратности, всесовершенной покорности, его считаютъ хорошо дисциплинированнымъ. Онъ не долженъ разсуждать, а только слушать; онъ имѣетъ право употреблять только одно выраженіе: «точно такъ, ваше благородіе». «Ты осель», говоритъ ему офицеръ.. «Точно такъ, ваше благородіе». Затѣмъ солдата обучаютъ ружейнымъ приѣмамъ, не прекращая предыдущихъ занятій, и наконецъ онъ поступаетъ въ свою роту. Втеченіе 3-хъ лѣтъ дѣйствительной службы солдаты посѣщаютъ казарменные школы, гдѣ ихъ обучаютъ плаванію, гимнастикѣ, правиламъ службы въ казармахъ, на часахъ, на форпостахъ, стрѣльбѣ въ цѣль, уходу за оружіемъ, обязанностямъ солдатъ относительно офицеровъ, а неграмотныхъ также чтенію и письму. Обученіе въ казармахъ составляетъ одинъ изъ важныхъ элементовъ военной системы. Для этого здѣсь существуетъ множество учебниковъ, гдѣ изложены обязанности службы разнаго рода, и офицера должны присматривать, чтобы солдаты все это прекрасно знали. Вообще обученіе происходитъ подъ руководствомъ офицеровъ, которые обязаны наблюдать за нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ солдатъ, устраивать для нихъ вечернія чтенія, на которыхъ читаютъ книги военного содержанія и сообщаютъ необходимыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ. По окончаніи чтенія офицеръ предлагаетъ солдатамъ вопросы, объясняетъ тѣмъ изъ нихъ, которые не могли сразу усвоить себѣ прочитаннаго.

Судьба молодыхъ людей благороднаго сословія, избравшихъ себѣ военную карьеру, тоже не легкая. Молодые люди, окончившіе курсъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и успѣшно выдержавшіе экзаменъ, поступаютъ въ полкъ и должны прослужить полъ-года до чина портупей-прапорщика. Затѣмъ прежде чѣмъ быть произведенными въ офицеры, они должны пробыть годъ въ военномъ училищѣ и сдать новый экзаменъ; да и послѣ исполненія этого условія они могутъ получить офицерскій чинъ только въ такомъ случаѣ, если будутъ единогласно приняты ихъ будущими товарищами въ общество офицеровъ. Прусскіе офицеры смотрятъ на себя, какъ на особую «офицерскую» корпорацію, поступленіе въ которую налагаетъ особыя обязательства. Ни въ какой арміи не развитъ до такой степени сословный духъ, какъ въ прусской: военные составляютъ здѣсь что-то очень похожее на индѣйскую касту. Этотъ сословный духъ военныхъ вполнѣ аристократическаго характера и военное сословіе поддерживаетъ его всѣми средствами. Только молодые люди съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, съ извѣстными манерами могутъ быть приняты товарищами въ тотъ или другой полкъ. Раньше, чѣмъ офицеръ поступитъ въ полкъ, его будущіе товарищи тщательно вездѣ и всюду собираютъ о немъ справки, узнаютъ его характеръ, общественное положеніе, денежные средства, его предварительное поведение и отношеніе къ товарищамъ. Если хотя одинъ изъ его будущихъ товарищей имѣетъ что нибудь сказать противъ его принятія, онъ обязанъ это сдѣлать по долгу чести. На рѣшеніе офицеровъ полка смотрятъ въ главной квартирѣ, какъ на окончательное, и если оно не въ пользу кандидата, ему отказываютъ. Тогда ему приходится попытать счастья въ другомъ полку: можетъ быть офицера его взглянуть на дѣло иначе или не узнаютъ того, что послужило причиной отказа въ первомъ полку. Всѣ эти разговоры и искусы по поводу поступленія въ полкъ того или другого офицера носятъ характеръ строго конфиденціальный. Каждый офицеръ, который ведетъ себя дурно въ обществѣ (конечно, съ точки зрѣнія военныхъ, а у нихъ на все совершенно особыя взгляды), не нарушая прямо своихъ обязанностей (что уже находится подъ вѣдомствомъ военнаго суда), подвергается суду въ собраніи офицеровъ, и если рѣшеніе для него неблагопріятно, онъ долженъ перейти въ другой полкъ. Такимъ образомъ эта корпорація выработала себѣ совершенно

особые взгляды на честь, службу, на міръ и людей, и сильно способствуетъ тому, что военный людъ смотритъ на всѣхъ невоенныхъ свысока и съ презрѣніемъ. Да иначе и быть не можетъ! Офицеръ въ нѣмецкомъ обществѣ пользуется многими преимуществами: онъ имѣетъ доступъ ко двору, носить военный мундиръ, который имѣетъ такое великое значеніе въ обществѣ и особенно въ глазахъ женщинъ. Духъ касты, столько же сильный, какъ и духъ корпораціи, оказываетъ вліяніе и на характеръ офицера. Воспитанный для арміи, онъ во всемъ отдаетъ ей преимущество и вполне проникнуть мыслию о превосходствѣ своего призванія. Онъ убѣжденъ, что періодическія войны необходимы для блага человечества и съ презрѣніемъ, какъ къ людямъ опаснымъ для отечества и государства, относится къ политико-экономамъ, которые утверждаютъ, что войны всегда разорительны. По отношенію къ статскимъ онъ вѣжливо холоденъ; онъ не будетъ распространяться передъ ними о привилегированности своего положенія, такъ какъ онъ для этого достаточно воспитанъ и снизойти до этого онъ считаетъ унизительнымъ для своего мундира. Но если у него завязывается споръ со статскимъ, и тотъ, выведенный изъ терпѣнія заносчивымъ тономъ военнаго, дастъ ему почувствовать всю глупость его поведенія, военный не задумается обнажить саблю и ударить ею противника. Если онъ этого не сдѣлаетъ, онъ подвергается риску быть съ презрѣніемъ выгнаннымъ со службы и заплеванымъ всѣми товарищами. Однимъ словомъ, военное сословіе въ Германіи держитъ себя совершенно въ сторонѣ отъ гражданскаго элемента и выказываетъ глубокое презрѣніе ко всему, что стоитъ ниже тайнаго совѣтника. Офицера и весь военный людъ стараются поддерживать знакомство среди людей своего сословія.

Очень недавно графъ фонъ Эйленбергъ, капитанъ уланской гвардіи, влюбился въ дочь Шефера, владѣльца журнала «Базаръ». Сдѣлавъ ей предложеніе, онъ обратился за разрѣшеніемъ къ военному начальству, какъ это требуется въ такихъ случаяхъ. Нѣсколько дней спустя къ нему вдругъ входятъ два офицера его полка и начинаютъ объяснять ему, что традиціи гвардіи не позволяютъ офицеру жениться на дѣвушкѣ, если въ жилахъ ея не течетъ истинная синяя кровь (т. е. если она не дочь военнаго). «Вы могли бы обойти это», говорили они, «если бы она принадлежала по крайней мѣрѣ къ привилегированному сословію. Но мы узнали, что отецъ ея былъ прежде переплетчикомъ и, какъ извѣстно, не имѣетъ передъ своей фамиліей приставки «фонъ». Женихъ, внѣ себя отъ негодованія, вызвалъ обоихъ офицеровъ, вмѣшавшихся въ его дѣло, на дуэль, но, прежде чѣмъ драться, на это нужно было имѣть разрѣшеніе отъ полковника барона Альвенслеибена. Послѣдній послалъ за графомъ Эйленбергомъ и объявилъ ему, что офицеры были правы, что они дѣйствовали, какъ представители полка, въ котормъ онъ, т. е. графъ Эйленбергъ, служить, и что полкъ не можетъ допустить брака одного изъ своихъ членовъ на дочери бывшаго переплетчика, не смотря даже и на то, прибавилъ онъ, что переплетчикъ этотъ приобрѣлъ себѣ теперь большое состояніе и что двое его сыновей, тоже военныхъ, были убиты, одинъ при Садовой, другой при Седанѣ. «Разъ отецъ дѣвушки былъ переплетчикомъ», добавилъ баронъ Альвенслеибенъ, «каковы бы ни были ея личныя качества, положеніе и заслуги ея отца, она не можетъ быть подходящей партіей для военнаго». Графъ фонъ-Эйленбергъ, считая слова своего полковника оскорбительными для своей невѣсты, вызвалъ его на дуэль. Альвенслеибенъ не только отказался драться съ нимъ, но предалъ его военному суду, и несчастный женихъ былъ присужденъ къ заключенію въ крѣпость на 1½ года. Графъ фонъ-Эйленбергъ понесъ наказаніе за то, какъ было сказано въ официальныхъ бумагахъ, что обратилъ дѣло общественной важности, которое касалось сохраненія чести и достоинства цѣлой арміи, въ личный споръ.

Не смотря на эту исключительность и на аристократическій духъ военнаго сосло-

вія, не всѣ офицера знатнаго происхожденія. Правда, большая часть ихъ—люди съ титулами, но многіе изъ нихъ не имѣютъ передъ своей фамиліей приставки *фонъ*, тѣмъ же не менѣе тѣ и другіе не изъ простаго званія. Образование, требуемое отъ офицера прусской арміи, на столько серьезно и для сдачи надлежащихъ экзаменовъ, требуется такая затрата времени, что простому солдату въ Германіи очень трудно, особенно въ мирное время, возвыситься до офицерскаго чина; только во время войны какой нибудь геройскій подвигъ даетъ ему возможность выдвинуться и получить этотъ чинъ. Что же касается до высшихъ военныхъ чиновъ: корпусныхъ командировъ, дивизионныхъ генераловъ, то всѣ они изъ привилегированнаго сословія. Изъ этого видно, что хотя простой солдатъ и можетъ иногда получить патентъ на званіе офицера, но онъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ, не можетъ подняться выше чина маіора. Причиною этому также и то, что многіе низшіе чины, послѣ 12 лѣтъ военной службы, часто оставляютъ ее ради выгодъ гражданской службы, тогда какъ офицеры изъ знати и изъ военныхъ семействъ всегда остаются на военной службѣ и достигаютъ высшихъ чиновъ.

Что касается знанія и опытности въ военномъ дѣлѣ и въ службѣ, то въ этомъ отношеніи прусскіе офицера превосходятъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ офицеровъ. Такой же похвалы заслуживаетъ и ихъ скромная жизнь. Хотя они съ презрѣніемъ смотрятъ на всѣхъ смертныхъ невоеннаго званія, но очень небольшія средства, которыми располагаетъ громадное большинство изъ нихъ, заставлятъ ихъ избѣгать всякой роскоши и кутежей, сопряженныхъ съ большими тратами; пословица, что у нихъ родословная и длинная, но кошельки короткіе, вполне справедлива.

Звуками рожка солдатъ въ казармахъ будятъ на разсвѣтѣ, а зимою часомъ позже. Какъ только раздастся этотъ звукъ, въ комнатѣ, гдѣ только что было такъ тихо, начинается страшная суматоха. Когда солдаты одѣлись, нужно убрать комнату какъ можно скорѣе. Дежурный отвѣчаетъ за порядокъ, и по очереди каждый день двое солдатъ топчутъ комнату, убираютъ ее, смотрятъ за лампами и за всѣмъ остальнымъ. Кавалеристу еще приходится убрать свою лошадь, безъ которой онъ, какъ сказано въ книгѣ, данной для руководства, не можетъ быть кавалеристомъ. Первая глава этой книги, гдѣ говорится объ уходѣ за лошадью, начинается такъ: «Смотри, моя милая лошадка: вотъ человѣкъ, обязанность котораго заботиться о тебѣ. Онъ долженъ приходить къ тебѣ каждое утро, лѣтомъ въ 5 ч., а зимою въ 6. Прежде всего онъ долженъ на дворѣ просушить солому, на которой ты спала, затѣмъ вычистить тебя».

Военная конюшня на разсвѣтѣ представляетъ весьма оживленную картину. Она имѣетъ видъ въ высшей степени уютный, веселый и опрятный: необыкновенно чисто вымытые полы, лакированныя перегородки, которыя отдѣляютъ одно животное отъ другаго, люди занятые самыми различными работами, изъ которыхъ одни чистятъ лошадей, другіе свою одежду, шумъ голосовъ, ржаніе лошадей представляютъ оригинальное зрѣлище. До какой степени пунктуально требуютъ чистоты и порядка отъ каждаго солдата, можно видѣть изъ правила, предписывающаго чтобы онъ съ своей лошади счистилъ извѣстное, строго опредѣленное количество пыли.

Завтракъ въ казармахъ состоитъ изъ хлѣба и чашки кофе или каши. Все утро занято ученьемъ, и во все это время бываетъ только одинъ короткій промежутокъ для полдника, состоящаго изъ ломтя хлѣба и рюмки водки. Тѣ изъ товарищей, которые имѣютъ собственныя деньги могутъ покупать все, что имъ предоставляетъ казарменный маркитантъ, а у него прежде всего покупаютъ любимыя сосиски и водку. Послѣ полдника солдатъ вызываютъ на сборный пунктъ для перекулички и смотра. Тутъ будетъ замѣчена малѣйшая неисправность, и горе тому, чья одежда не въ совершенномъ порядкѣ. Если у солдата окажется хотя самое ничтожное пятнышко на пуговицѣ, онъ будетъ на-

казанъ тремя днями ареста, во время котораго ему придется спать на голыхъ доскахъ. Звукъ рожка собираетъ солдатъ къ обѣду, который состоитъ изъ похлебки съ мясомъ, изъ чечевицы, гороха или бобовъ. Вечеромъ ломоть хлѣба съ кускомъ ветчины или съ сосиской и стаканъ пива составляютъ ужинъ.

Въ Берлинѣ военное обученіе на казарменной площади и обученіе грамотѣ продолжаются въ теченіе всей зимы. Послѣ утомительнаго ученія солдатамъ позволяютъ спать около часу. Свободное время они проводятъ въ обязательныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, въ чтеніи и письмѣ, глазѣютъ изъ оконъ на прохожихъ или отправляются въ народные театры и пивные сады. Въ 9 час. вечера ворота замираютъ, дѣлается обходъ казармъ и составляютъ ежедневный докладъ. Санитарное состояніе солдатъ въ нѣмецкихъ казармахъ весьма удовлетворительно: ихъ заболѣваетъ здѣсь меньше, чѣмъ въ Англіи, Австріи и Франціи.

Вотъ какъ одинъ пруссакъ по собственному опыту описываетъ обученіе рекрутъ: «Я долженъ былъ принятъ за пѣхотное ученіе, и для этого сержантъ повелъ меня на дворъ казармъ и съ небольшимъ напутствіемъ передалъ капралу, который долженъ былъ завѣдывать этою частію моего военнаго воспитанія. Ученіе началось; я ждалъ на готовѣ перваго слова команды «смирно». При этомъ словѣ я вытянулся въ одинъ мигъ и сталъ неподвиженъ. До сихъ поръ все шло благополучно. «Когда я скажу вольно», сказалъ капраль, «вы должны выставить правую ногу и ослабить мускулы тѣла. Когда я опять скажу «смирно», вы не только должны выполнить команду, но я долженъ видѣть, по внезапному толчку, съ которымъ вы выпрямите ваши члены, что вы вполнѣ сознаете важность этого движенія. Слово «смирно» должно вдохновить каждый мускулъ и превратить неуклюжую массу въ дисциплинированнаго солдата. Слушайте - же... «Смирно!» Я стоялъ, какъ неоконченная статуя, а капраль фигурировалъ передо мной, какъ скульпторъ. Онъ тщательно осматрѣлъ меня, отступилъ на нѣсколько шаговъ, обошелъ вокругъ меня и, замѣтивъ неправильность моей позы, началъ тотчасъ выпрямлять меня, то наклоня на дюймъ вправо, то влево; затѣмъ онъ толкнулъ меня позади въ плечи, подавилъ подъ подбородкомъ, поднялъ мою голову вверхъ и наконецъ вытянулъ мои ноги такъ, что мышцы прикоснулись къ краснымъ полосамъ на брюкахъ. «Вольно!...» крикнулъ онъ. Я выставилъ правую ногу, какъ онъ мнѣ объяснялъ, и опять превратился въ «животное», прозвище, которымъ онъ часто любилъ называть рекрутъ».

Въ прусской арміи двѣ отрасли военной дисциплины считаются вполнѣ соответствующими военному ученію и тактикѣ—это казарменная или лагерная дисциплина и дисциплина во время битвы. То, что извѣстно подъ названіемъ казарменной дисциплины, доводится здѣсь до крайности. Солдатъ совершенно лишается своей индивидуальности и превращается въ такой-то номеръ роты, эскадрона и батареи. Онъ пунктуально, точно, ежеминутно, долженъ выполнять тысячи мелочныхъ формальностей. Въ одной книгѣ инструкцій упоминается даже, что если офицеръ велитъ дать солдату стаканъ вина или пива, тотъ долженъ принять, не возражая ни слова, и выпить залпомъ затѣмъ онъ обязанъ передать стаканъ слугѣ или поставить его на подоконникъ, но никакъ не ставить на столъ, за которымъ сидитъ офицеръ. Въ прусской арміи сохраненіе дисциплины ставится выше человѣческой жизни, что можно видѣть изъ множества фактовъ. Одинъ солдатъ въ Кельнѣ былъ замѣченъ въ самомъ ничтожномъ нарушеніи дисциплины. Прежде чѣмъ понести кару за это преступленіе, ему пришлось съ товарищами, подъ начальствомъ сержанта, переходить въ тотъ день черезъ пловучій мостъ на Рейнъ. Несчастный, зная, что на другой сторонѣ его ожидаетъ военная тюрьма, бросился въ Рейнъ. Сержантъ сейчасъ же велѣлъ солдатамъ приготовиться, и когда несчастный выплылъ на поверхность, товарищи по командѣ выстрѣлили въ него залпомъ

и убили. До чего солдаты прусской арміи дисциплинированы, можно видѣть изъ того, что однажды, во время волненія въ Берлинѣ, одному офицеру удалось удержать наступленіе толпы только тѣмъ, что онъ, подѣхавъ къ ней, крикнулъ «смирно». Такъ какъ большинство собравшихся, при общей воинской повинности, воспитано въ духѣ военной дисциплины, то въ силу привычки всѣ сразу остановились и вытянулись.

Теперь наказанія въ прусской арміи мало отличаются отъ взысканій въ арміяхъ въ другихъ государствахъ, но прежде онѣ славилась большою жестокостью. Капралы не бьютъ солдатъ палками направо и налево, какъ это еще было недавно, не сажаютъ на деревянную лошадь съ парю ружей, привязанныхъ къ каждой ногѣ солдата, не бьютъ ремнями по всему тѣлу съ мушкетомъ, привязаннымъ подъ колѣно. Но офицеры и теперь еще бьютъ солдатъ въ строю и во время кавалерійскаго ученія. Теперь солдатъ наказываютъ обыкновенно арестомъ. За самое ничтожное нарушеніе дисциплины, за плохо вычищенную пуговицу, за недостаточно чистое оружіе или сапоги, за пятнышко ржавчины на ружьѣ, за недостатокъ систематической точности въ складкахъ шинели и за множество другихъ подобныхъ провинностей, виновнаго приговариваютъ къ 3-хъ дневному аресту. Для этого существуютъ въ каждомъ городѣ, гдѣ стоятъ солдаты, особыя военныя тюрьмы. Виновный одѣваетъ свою самую плохую одежду (нѣмецъ нигдѣ не забываетъ экономіи), беретъ подъ мышки свой паекъ хлѣба на 2 дня, и его отводятъ въ мрачную тюрьму, гдѣ голая доска замѣняетъ ему постель, кружка воды съ ломтемъ хлѣба служить ему единственною пищею. Въ военныхъ тюрьмахъ есть и карцеры, въ которые сажаютъ еще болѣе провинившихся. Стѣны и полы этихъ карцеровъ устланы остроконечными деревянными гвоздями, такъ что совсѣмъ нельзя не только лечь на полъ, но даже и прислониться къ стѣнѣ.

Неумолимо суровая, однообразная дисциплина и муштровка въ прусской арміи, нерѣдко доходящая до жестокости, дѣлаетъ жизнь тѣхъ, которыхъ она не могла превратить еще въ совершенную машину, — невыносимой, доводитъ до самоубійства: такъ напр. въ 1868 г. одно самоубійство приходилось на 2,238 солдатъ. Тѣ же трудности пугаютъ и служащихъ во флотѣ: весьма многихъ матросовъ не привлекаетъ болѣе даже порядочное жалованье. Строжайшая дисциплина, господствующая на военныхъ судахъ, заставляетъ матросовъ массами дезертировать, такъ что наборъ экипажей сдѣлался теперь очень затруднителенъ.

И такъ всѣ помыслы, всѣ попеченія германскаго правительства направлены къ тому, чтобы добыть больше солдатъ и лучше ихъ дисциплинировать, развивать духъ воинственности и въ мирныхъ гражданахъ. Посмотримъ же, какое вліяніе на экономическое положеніе страны оказываетъ этотъ милитаризмъ, который служитъ главнымъ оплотомъ германскаго государства и все пышнѣе развивается на его почвѣ. Не смотря на основной капиталъ, специально предназначенный на содержаніе громаднаго войска и военныхъ нуждъ, все увеличивающіяся военныя потребности заставляютъ правительство все болѣе затрачивать на нихъ денежныхъ средствъ, а нѣмцы народъ далеко небогатый. Налоги и теперь уже истощаютъ силы народа, между тѣмъ они все растутъ: вмѣсто 930 милліоновъ марокъ выплачиваемыхъ еще въ 1865 г., два года тому назадъ было внесено уже 2,100 милліоновъ, а между тѣмъ не хватаетъ и этихъ средствъ. Откуда же ихъ взять на все увеличивающіяся военныя нужды? Такъ какъ подати и налоги, выплачиваемые народомъ, и безъ того для него обременительны, правительство стало облагать пошлиной предметы, нерѣдко первой необходимости: и сырой матеріалъ, и продукты фабричнаго производства, и даже хлѣбъ. Эта система вызвала дороговизну на главные предметы потребленія, а непосредственно за этимъ наступило и всеобщее обѣдненіе. Народъ, спасаясь отъ тяжести налоговъ, рекрутчины и дороговизны, сталъ сотнями эми-

грировать въ Америку. При этомъ, къ великому ущербу для страны, выселяются далеко не одни бѣдняки, а часто люди съ большимъ достаткомъ, въ надеждѣ лучше сохранить на чужбинѣ свои капиталы. Къ тому же слабосильные и старые только въ рѣдкихъ случаяхъ покидаютъ родину: выселяются прежде всего молодые и здоровые элементы, что съ каждымъ днемъ наноситъ арміи все болѣе чувствительный ущербъ.

Милитаризмъ Германіи имѣетъ дурное вліяніе даже и на другія страны: вооружаясь до истощенія народныхъ силъ, она заставляетъ и правительства другихъ европейскихъ государствъ затрачивать на военное дѣло суммы въ ущербъ остальнымъ, болѣе высшимъ интересамъ, выдвинутымъ современною жизнію и культурою.

Общественная жизнь высшего и среднего сословія.—Характеръ нѣмцевъ.—Ихъ недостатки и достоинства.—Страсть къ музыкѣ.—Рѣзкое различіе между сословіями.—Напыщенный этикетъ.—Безумная страсть къ титуламъ.—Жизнь, взгляды и понятія аристократіи и чиновничества, ученаго сословія и духовенства.

Никто не дѣлалъ такихъ противорѣчащихъ другъ другу характеристикъ нѣмцевъ, какъ ихъ собственные писатели: одни изъ нихъ представляютъ свою націю, какъ самую малоспособную въ умственномъ отношеніи, и находятъ, что гениальные нѣмецкіе люди были лишь игрою природы, роковою случайностью; другіе провозглашаютъ ее предстательницей всего великаго. Несомнѣнно, что какъ то, такъ и другое мнѣніе черезчуръ преувеличено.

На всѣхъ поприщахъ умственной дѣятельности нѣмцы ознаменовали себя великими произведеніями, которыя составляютъ богатый вкладъ въ сокровищницу человѣческаго знанія, и изъ которой, какъ они сами, такъ и другіе народы всегда черпали и черпаютъ матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій. Кантъ, Фихте, Гегель, Шеллингъ и др. ознаменовали себя величайшими трудами по философіи. По исторіи, археологіи, филологіи и естественнымъ наукамъ нѣмцы дали не только замѣчательныхъ тружениковъ, но и обогатили міръ своими открытіями и изслѣдованіями.

Одинъ извѣстный французскій ученый, а французовъ уже никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ нѣмцамъ, даетъ по этому поводу такую характеристику: «Въ германской народности синтетическій умъ составляетъ одну изъ главныхъ способностей. Энциклопедическія работы и приведеніе разныхъ отраслей наукъ въ систему доставили многимъ нѣмецкимъ ученымъ самую громкую извѣстность. Занимаясь подобными работами, нѣмцы вносятъ въ свои занятія изумительное терпѣніе и замѣчательную добросовѣстность въ отдѣлкѣ подробностей; замѣняя порою талантъ, эти свойства служатъ дѣйствительному таланту самымъ лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ. Достаточно будетъ назвать Александра Гумбольдта, автора Космоса, и Л. Окена, автора фیزیологіи; слава того и другаго такъ велика, что не допускаетъ даже похвалы. Равняясь со всѣми націями въ специальности каждой, Германія стоитъ несравненно выше всѣхъ по общему объему своихъ знаній. Философія, міѳологія, богословіе, метеорологія, лингвистика и педагогика—науки почти исключительно принадлежащія Германіи.

Обладая удивительною философскою организаціею, нѣмецкій умъ больше всякаго другаго умѣетъ изслѣдовать начала, разбирать происхожденіе. Этотъ общій характеръ замѣчается въ бессмертныхъ фیزیологическихъ работахъ Окена, Каруса, Іоганна Мюллера, въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ Боппа, Вильгельма Гумбольдта и братьевъ Гримовъ, въ историческихъ трудахъ Нибура и Моммзена, въ астрономическихъ открытіяхъ Энке, Гершеля, Медлера и Струве. Сколько славныхъ именъ пропущено въ этомъ перечнѣ!

Ежедневно дѣлаются удивительныя открытія, благодаря тому содѣйствію, которое находятъ историкъ со стороны лингвистовъ. Подобно геологу, опредѣляющему природу прежнихъ материковъ по прихотливымъ узорамъ, которые оставили на песчаномъ берегу морскія волны, бушевавшія за нѣсколько десятковъ тысячелѣтій тому назадъ; подобно ботанику или зоологу, созидающему цѣлые исчезнувшіе міры по обломкамъ костей, по чешуѣ рыбы, по микроскопическимъ окаменѣlostямъ, подобно имъ нѣмецкіе этнологи въ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразахъ таинственной надписи, вырѣзанной на камнѣ, въ именахъ лѣса, долины или болота, въ придыханіяхъ и удареніяхъ на извѣстныхъ словахъ — распознаютъ сродство племенъ, исторію переселеній, религиозныя вѣрованія, словомъ цѣлый ископаемый міръ доисторическаго быта». Наконецъ нѣмцы не только двигали науку впередъ, но многіе ихъ писатели въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ выказали величайшее знаніе человѣческаго сердца, глубокое чутье природы, рѣдкій поэтическій инстинктъ и обезсмертили свои имена величайшими произведеніями, какъ напр. Лессингъ, Шиллеръ, Гёте, Гейне, Гуцковъ, Шпильгагенъ и др. Бетговенъ, Моцартъ, Мендельсонъ, Веберъ, Шубертъ — пользуются міровою извѣстностью, какъ композиторы. Германія, наконецъ, по праву гордится величайшей славой дарованія міру первой печатной книги.

Однако, не смотря на множество величайшихъ дѣятелей и геніевъ по всѣмъ отраслямъ знанія, не смотря на свою богатую и развитую литературу, не смотря, наконецъ, на обязательную систему обученія, которая заставляетъ учиться грамотѣ каждаго, нѣмцы въ массѣ — народъ грубый, умственно-неподвижный и неразвитой. Они совершенно лишены той живости и воспріимчивости мозга, которая составляютъ такую отличительную черту французовъ, впечатлительности, остроумія, живаго воображенія и творчества итальянцевъ и другихъ южныхъ народовъ. Эти стороны ума нѣмецкому народу и развить трудно: ни одинъ народъ не дѣйствуетъ такъ сообща, не любитъ такъ двигаться массами, даже думать сообща, какъ нѣмцы. Это, если можно такъ выразиться, стадное свойство легко наблюдать вездѣ и во всемъ. Всѣ классы общества, какъ бѣдные, такъ и богатые, какъ молодые, такъ и старые, мужчины и женщины предпринимаютъ сообща всѣ удовольствія и развлеченія. Какъ въ столицѣ, такъ и въ небольшихъ городахъ нѣтъ ничего легче, какъ устроить по подпискѣ пикникъ, балъ, прогулку, танцы, даже большое путешествіе. Это обыкновенно дѣлается по объявленію въ газетахъ. Вы читаете:

«10-го Іюля, въ 10 ч. утра, всѣ достопочтенные и высокоуважаемые коллеги, окончившіе университетскій курсъ въ лейпцигскомъ университетѣ въ такомъ-то году и находящіеся теперь въ Берлинѣ, соберутся въ такомъ-то пивномъ саду, чтобы оттуда предпринять прогулку по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ въ мѣстечко Р. и отобѣдать въ трактирѣ Б.»

И всѣ, кто только въ минуту появленія этого объявленія изъ окончившихъ курсъ въ означенномъ университетѣ находится въ Берлинѣ, являются въ назначенный пивной садъ, а оттуда отправляются на прогулку на цѣлый день. Подобныя развлеченія предпринимаются ежедневно сообща сотнями лицъ и обходятся каждому изъ участвующихъ суще пустяки. Такая солидарность въ области удовольствій, конечно, разнообразитъ жизнь и по карману каждому. Эта черта характера особенно полезна въ сферѣ труда. Нѣмцы съ большимъ успѣхомъ работаютъ сообща въ полѣ, на фабрикахъ въ мастерскихъ и исполняютъ всякую работу быстрѣе и тщательнѣе, чѣмъ итальянцы и французы. Работа нисколько не страдаетъ, если день приближается къ концу: нѣмецкіи работники такъ же аккуратно трудятся какъ въ началѣ работы, такъ и въ концѣ. Но таже самая черта характера вредитъ, когда она переходитъ въ такую область, гдѣ

каждый долженъ идти своей дорогой и руководствоваться собственными принципами. Критическій анализъ, наблюдательность, однимъ словомъ всё качества, характеризующія самостоятельный умъ и волю, исчезаютъ даже у высоко-талантливыхъ и образованныхъ людей въ періодъ общественнаго возбужденія. Мало того, такіе періоды у нѣмцевъ, сравнительно оъ другими, продолжаютъ очень долго. Доказательствомъ этому можетъ служить страсть къ спекуляціямъ, о которой мы подробно говорили въ главѣ «Пресса и биржа». Тяжелыя бѣдствія и лишенія, явившіяся какъ результатъ поголовнаго увлеченія спекуляціями и военною славою, нѣсколько отрезвили нѣмцевъ, но и теперь еще часто даже весьма выдающіеся ученые и писатели не въ мѣру превозносятъ военныя доблести своего народа, разжигаютъ и поощряютъ въ толпѣ воинственныя инстинкты, тщеславятся послѣдней побѣдой надъ французами, забывая, что радоваться можно лишь тѣмъ общественнымъ и политическимъ явленіямъ, которыя вносятъ въ жизнь народа какое нибудь существенное улучшеніе, или бросаютъ по крайней мѣрѣ лучъ свѣта въ темное царство народныхъ массъ, а послѣдняя война дала результаты совсѣмъ другаго характера. Даже величайшіе нѣмецкіе писатели съ искреннею гордостью, часто даже кичливостью величаютъ себя «счастливыми подданными могущественнаго повелителя», забывая, что они до сихъ поръ не добились ни полной свободы печати, ни тѣхъ широкихъ правъ и преимуществъ въ частной и общественной жизни, какими издавна пользуются англичане, не создали вліятельной періодической прессы, которая честно и откровенно указывала-бы на злоупотребленія во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Стадность кладетъ неизгладимое пятно на всѣ проявленія чувствъ, выражается даже въ мелочахъ. Нерѣдко вы встрѣчаете въ Германіи большое общество молодыхъ людей, которые сообща совершаютъ прогулку по Рейну или по Саксонской Швейцаріи. Если вы присоединитесь къ нимъ, то скоро замѣтите, что при каждомъ новомъ явленіи природы всѣ они считаютъ долгомъ выразить свои чувства однообразными восклицаніями: «какая прелесть! о, какъ чудесно! и т. п.». При этомъ каждый выражаетъ свое удивленіе все въ болѣе превосходной степени. Этотъ недостатокъ индивидуальной, самостоятельной, оригинальной мысли, слова и воли, эта любовь двигаться массами, эта легкость, съ какою нѣмецъ поддается вліянію измѣнивагося настроенія въ общественномъ мнѣніи, тѣсно связаны съ системою милитаризма. Въ высшей степени суровая, строгая и стройная военная дисциплина, въ которой воспитывается громадное большинство молодежи, какъ клещами охватываетъ умъ и сердце юноши и прежде всего стремится выработать изъ него не человѣка, а часть машины, спицу въ громадномъ колесѣ, которая годна была-бы дѣйствовать только тогда, когда главный механикъ пуститъ въ ходъ колесо. Та-же система милитаризма возбуждаетъ въ націи однородныя симпатіи и антипатіи, и именно такія, какія въ данную минуту нужны правительству. Военная дисциплина выработала въ характерѣ нѣмцевъ педантичную систематичность, которая помогаетъ оканчивать разъ начатое дѣло, но убиваетъ творчество, фантазію и оригинальность. Но не одною системою милитаризма и военною дисциплиною германское правительство стремится обезличить свой народъ, закрѣпить его мысль и сердце: для осуществленія этой цѣли оно не жалѣетъ денегъ, не разбираетъ средствъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ подкупы періодической прессы.

Въ нѣмцѣ нѣтъ и тѣни французской любезности: онъ исполнитъ вашу просьбу, если вы сумѣли показаться ему человѣкомъ дѣловитымъ, но останется съ иностранцемъ всегда въ холодно-вѣжливыхъ отношеніяхъ, не выкажетъ ему ни малѣйшей предупредительности. За то его услужливость доходитъ до рыцарства, если онъ знаетъ, что вы въ затруднительномъ положеніи. Съ этою чертою характера нѣмцевъ приходится познакомиться каждому, кого обстоятельства заставляютъ много путешест-

воватъ. Дама съ дѣтьми попадаетъ въ вагонъ для курящихъ, — нѣмецъ будетъ курить, не обращая вниманія на то, что это ей непріятно; но разъ онъ узнаеть, что имѣетъ дѣло съ больными, онъ совсѣмъ перемѣняетъ свое отношеніе къ ней: онъ уступаетъ ей лучшее мѣсто, предлагаетъ дѣтямъ подушки, пледы, стѣсняетъ себя до невѣроятности, и предупредительность его не знаетъ конца. Но если онъ имѣетъ дѣло съ здоровыми, онъ думаетъ только о своемъ комфорта, забывая даже простую вѣжливость и общепринятую деликатность.

Физиономія нѣмца и вся его фигура только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можетъ привлечь посторонняго человѣка своею веселостью, живостью и откровенностью. Напротивъ, онъ всегда сосредоточенно молчаливъ, важно степененъ или, по крайней мѣрѣ, меланхоличенъ и суровъ. Если обстоятельства заставятъ васъ сблизиться съ нѣмцами вообще и съ берлинцами въ особенности, васъ болѣе всего поразитъ въ нихъ недостатокъ гостепріимства. Даже съ виду холодный и мрачный Лондонъ не можетъ въ этомъ отношеніи идти въ сравненіе съ Берлиномъ. Если иностранецъ джентльменъ и запася рекомендаціями, онъ будетъ въ Лондонѣ прекрасно принятъ, а разъ онъ переступилъ порогъ семейнаго дома, его уже при слѣдующемъ посѣщеніи принимаютъ какъ давнишняго знакомаго и пріятеля. Совсѣмъ не то въ Берлинѣ: какъ бы много ни было у иностранца рекомендацій въ тотъ или другой семейный домъ, его хотя и пригласятъ и вызовутся познакомить съ достопримѣчательностями города, но, сколько бы разъ онъ ни повторилъ свой визитъ, онъ всегда будетъ принятъ официально, холодно-вѣжливо, и ему только въ исключительныхъ случаяхъ удастся ближе ознакомиться съ жизнью семейства, въ которое онъ попалъ. Этотъ недостатокъ гостепріимства и предупредительности происходитъ главнымъ образомъ отъ бѣдности нѣмцевъ, не только среднихъ, но и высшихъ классовъ. Каждый изъ нихъ живетъ въ высшей степени экономно и расчетливо, и всякій, самый скромный приемъ всегда заставляеть хозяина дома выходить изъ болѣе чѣмъ скромнаго бюджета. Невольно простишь берлинцамъ ихъ негостепріимство, когда узнаешь, что во всей столицѣ только 3,000 семействъ живутъ на ежегодный доходъ, превышающій 1,500 р. и что больше чѣмъ половинѣ всего числа берлинскихъ семействъ приходится жить на 450 р. въ годъ. Бѣдность среднихъ и высшихъ классовъ Берлина подтверждается статистическими данными: въ январѣ 1874 г. 52%, т. е. 104,000 семействъ располагали ежегоднымъ доходомъ въ 450 р.; 30% — 60,000 семействъ — между 450 и 600 р.; 5% — 10,000 семействъ — 750 р.; 4½% — 9,000 семействъ — 970 р.; 3% — 6,000 семействъ — 1,200 р.; 2% — 4,000 семействъ — 1,350 р.; 2% — 4,000 семействъ — 1,500 и 1½% — 3,000 семействъ болѣе — 1,500 р. въ годъ.

Прусаки несомнѣнно самые экономные и бережливые въ мѣрѣ люди: съ тѣхъ поръ какъ Пруссія сдѣлалась королевствомъ, каждый гражданинъ ея, подвергаясь самымъ тяжелымъ лишеніямъ, старался скопить хотя скромную сумму и училъ копить дѣтей своихъ съ самаго перваго проявленія въ нихъ сознанія. Въ теченіе двухъ столѣтій экономія и бережливость выродились въ скряжничество и сдѣлались характерной чертой современнаго поколѣнія. Непостижимыя лишенія, переносимыя нѣмцемъ съ ранняго дѣтства, привили къ его характеру мрачность и мизантропію, которыя сдѣлались видною чертою не только людей средняго класса, но и прусской знати. Люди съ самымъ высокимъ положеніемъ: тайные совѣтники, офицеры, родовые дворяне — всѣ здѣсь съ ранняго дѣтства не только отказываютъ себѣ въ комфорта, но даже въ самомъ существенномъ, лишь-бы скопить ничтожную сумму подъ старость. Вслѣдствіе этого родители воспитываютъ дѣтей своихъ такъ, что они смотрятъ на жизнь, какъ на тяжелую, безконечную борьбу: мальчику уже съ 8 лѣтъ приходится усиленно работать сначала для школы, а затѣмъ съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ до глубокой старости, и все это для того, чтобы обезпечить себя самымъ

необходимымъ. Мечты о будущемъ громаднаго большинства средняго, а нерѣдко и вышшаго класса не идутъ далеко: имѣть подъ старость кусокъ хлѣба, нѣсколько кружекъ пива ежедневно, вволю картофеля, который можно было бы разнообразить колбасой, семейную обстановку съ нѣсколькими жесткими клеенчатыми стульчиками и диванчикомъ— все это вполне удовлетворяетъ большинство людей названныхъ классовъ. Тяжелая работа съ ранняго дѣтства, вѣчная борьба изъ за куска хлѣба вырабатываетъ въ этой странѣ людей съ желѣзной волей, замѣчательно усидчивыхъ, аккуратныхъ и добросовѣстно относящихся къ каждой обязанности. Лишь только они вступаютъ на самостоятельную дорогу, они начинаютъ работать съ усидчивостью уже привычнаго труженника, принимаются устранять затрудненія, выдерживаютъ неприятности съ мрачною твердостью и непоколебимою стойкостью, что заслуживало бы, разумѣется, всякихъ похвалъ, если бы это было слѣдствіемъ благороднаго, энергическаго характера, а не узкаго воспитанія, крайней бѣдности и привычки.

Эта тяжелая борьба владеть мрачный отпечатокъ на характеръ фізіономіи нѣмца и на всю его фигуру. Тутъ и дѣти, только начинающія ходить въ школу, поражаютъ мрачнымъ выраженіемъ лица, отсутствіемъ беззаботности и веселости. Они съ раннихъ лѣтъ, лишь только надѣли ранецъ на спину, уже выглядятъ людьми пожившими, углубленными въ себя. Отъ перваго министра до извозчика, отъ тайнаго совѣтника до почтальона— нѣмецъ существо вѣчно обремененное работой, и эта привычка къ тяжелому, усидчивому труду сдѣлалась наследственной, перешла въ его натуру и составляетъ теперь его природенную черту характера. Его вѣчную угрюмость не трудно понять, когда узнаешь, что все его время уходитъ на борьбу за существованіе, что годъ за годомъ ему приходится жертвовать самымъ скромнымъ комфортомъ, чтобы жить только не подъ открытымъ небомъ и поддерживать свое существованіе самой грубой пищей. Преданность личнымъ интересамъ, поглощающая все вниманіе пруссака и всю его энергію— главная причина его унылаго характера: онъ не только работаетъ, чтобы жить, но и живетъ, чтобы работать. Онъ такъ привыкаетъ во всемъ отказывать себѣ, что въ большинствѣ случаевъ не рѣшается улучшить свою жизнь и обстановку даже и тогда, когда получаетъ больше: весь излишекъ онъ оставляетъ про черный день. Тѣ немногіе, которымъ удалось спекуляціями разжиться послѣ войны и которые начали жить съ большею роскошью, однако и въ нее внесли національный духъ порядка и экономіи. Они завели счетныя книги и журналы, куда самымъ точнымъ образомъ заносили суммы, израсходованныя на собственные удовольствія, на ужинъ, подарки, цифру выигрыша и проигрыша на биржѣ. Здѣсь и военные не могутъ кутить и жить съ роскошью, такъ какъ на это у нихъ нѣтъ ни средствъ, ни времени. Правда, нѣсколько богатыхъ офицеровъ гвардіи занимаются спортомъ, но они составляютъ исключеніе. Всѣ дворяне вступаютъ обыкновенно въ армію, гдѣ имъ приходится работать слишкомъ усердно надъ своей профессіею, такъ что не остается времени для удовольствій, да и большинство изъ нихъ для этого слишкомъ бѣдны. Когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелаго труда, богатый дворянинъ разстается съ своимъ военнымъ мундиромъ, онъ уже потерялъ привычку искать развлеченій и посвящаетъ остатокъ жизни своимъ собственнымъ интересамъ и управленію своимъ помѣстьемъ. Это суровое воспитаніе выработало въ нѣмца замѣчательное терпѣніе, вслѣдствіе чего люди даже съ очень солиднымъ образованіемъ — занимаютъ должности и мѣста, которыя у французовъ и англичанъ отдаютъ людямъ самаго низкаго званія. Двѣнадцать лѣтъ усердныхъ школьныхъ занятій, затѣмъ серьезное университетское образованіе и такой уровень просвѣщенія, который бы поставилъ человѣка во всякой другой странѣ въ среду самыхъ почетныхъ людей, даетъ молодому пруссаку право занять лишь мѣсто сортировщика въ почтамтѣ или переписчика въ государствен-

номъ департаментъ съ жалованьемъ 200, 300 р. въ годъ, съ перспективой добиться послѣ сорока-лѣтняго усидчиваго труда и незапятнаннаго поведенія содержанія въ 1,000 р. Вотъ почему также нѣмцы, даже высшихъ классовъ, живутъ уединенно, поражаютъ какими-то старомодными манерами и провинціализмомъ, отсутствіемъ доска, внѣшняго блеска, любезности и гостепрѣимства. Только немногіе изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ аристократовъ имѣютъ свои экипажи. Въ Берлинѣ чрезвычайно рѣдко встрѣтишь блестящій экипажъ, запряженный чистокровными рысаками, что на каждомъ шагу встрѣчаешь въ Лондонѣ и Парижѣ. Очень немногіе прусскіе аристократы имѣютъ собственные дома въ столицѣ: они живутъ въ ней 2 — 3 мѣсяца въ году, во время сессіи рейхстага и сезона придворныхъ празднествъ. Приѣзжая въ столицу на короткое время, они берутъ скромный номеръ въ гостинницѣ и нанимаютъ карету съ правомъ выставить свой гербъ. Впрочемъ такъ живутъ нерѣдко и тѣ изъ аристократовъ, которые по своимъ средствамъ могли-бы устроиться болѣе комфортабельно, но экономія и бережливость вошли въ плоть и кровь нѣмца и сдѣлались его второю натурою. Тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ главная причина такой скромной жизни — недостатокъ средствъ. Въ Германіи мало земельной аристократіи, и законъ первородства, который ~~играетъ~~ въ Англіи такую видную роль, не имѣетъ здѣсь никакого значенія. ~~Всѣ~~ сыновья графа рождаются графами, а дочери графинями, и вслѣдствіе этого ~~является~~ огромное количество знати, которая болѣе богата титулами, чѣмъ помѣстьями и капиталами. Эта германская аристократія тоже получаетъ весьма незначительное содержаніе на тѣхъ придворныхъ и дипломатическихъ постахъ, которые открыты для ея членовъ. Недостатокъ средствъ къ жизни, часто весьма чувствительный, заставляетъ ее утѣшаться знатностью своего происхожденія, и она старается замѣнить суровою неприступностью и надменностью дѣйствительный блескъ, котораго ей недостаетъ. Она не только не дѣлаетъ никакой попытки къ сближенію съ какимъ бы то ни было классомъ общества, но смотритъ на всѣхъ свысока и старается вездѣ, гдѣ только возможно, внушить къ себѣ страхъ. Она относится съ уваженіемъ только къ особамъ царскаго рода и заставляетъ почувствовать, что она дѣлаетъ одолженіе даже и тогда, когда принимаетъ у себя выдающихся государственныхъ дѣятелей, если только ихъ родословная не безукоризненна. Предразсудки аристократовъ неисчислимы: всѣ они твердо убѣждены, что гораздо благороднѣе бѣдствовать и пользоваться помощью богатыхъ родственниковъ, чѣмъ заниматься честнымъ трудомъ. Каждый изъ нихъ готовъ ѣсть одинъ картофель, лишь бы его подавали на блюдѣ съ вензелемъ, чѣмъ лишиться этого фамиліаго блюда или ливрейнаго лакея. Ихъ дѣти нерѣдко чувствуютъ призваніе къ музыкѣ, театру, литературѣ; родители допускаютъ ихъ быть диллетантами, но сдѣлаться настоящимъ музыкантомъ, актрисой — величайшій позоръ. Тутъ не рѣдкость встрѣтить обнищавшихъ графовъ и князей, которымъ нищенство досталось уже по наслѣдству, — но и они, какъ бы ни были бѣдны, въ силу своего благороднаго происхожденія, никогда не займутся полезнымъ ремесломъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ положенія такихъ людей, какъ это описываетъ одинъ нѣмецкій писатель. «Изъ всего состоянія графа осталось только маленькое имѣніе, отданное въ аренду и до того обремененное долгами, что онъ былъ далеко бѣднѣе своего собственнаго арендатора. Вскорѣ и это помѣстье перешло въ собственность послѣдняго. И вотъ однажды этотъ графъ отправляется пѣшкомъ въ то имѣніе, которое нѣкогда было самымъ малымъ изъ его помѣстій, и ищетъ пристанища и милосердія у того, кто еще недавно былъ подвластенъ ему. Крестьянинъ даетъ ему кровъ и удѣляетъ часть продуктовъ той земли, которую прежде бралъ у него въ аренду. И, несмотря на крайнюю бѣдность графа, его всюду провожалъ прежній его домашній секретарь. Онъ жилъ единственно милостями своихъ прежнихъ слугъ, и жилъ все-таки какъ графъ. Поселяне

этой деревни часто утверждали, что онъ собственно теперь уже не графъ, однако всякій разъ, когда кто-нибудь называлъ его просто по имени, они тотчасъ же торопились поправить, прибавивъ: графъ!» Страхъ если не уваженіе передъ титулами до сихъ поръ еще силенъ въ сельскомъ людѣ. Народъ такъ настрадался въ прежнее время отъ дворянъ, что у него долго господствовало повѣрье, что его мучители, даже послѣ смерти, будутъ шмыгать по нивамъ въ видѣ огненныхъ рыцарей, и что уваженіе къ ихъ словію и гербу чувствуется даже самимъ дьяволомъ. Обнищавшихъ дворянъ въ Германіи чрезвычайно много. Здѣсь есть даже принцы и принцессы, годовые доходы которыхъ не превышаютъ двухъ тысячъ гульденовъ. Удовлетвореніе большей части ихъ потребностей зависитъ поэтому отъ великодушія и щедрости ихъ родственниковъ, обыкновенно тоже князей, бароновъ и графовъ, доходы которыхъ, въ свою очередь, сильно ограничены скуднымъ бюджетомъ. И если эти княжескія особы вступаютъ между собою въ бракъ, число ихъ еще болѣе увеличивается, а доходы уменьшаются съ каждымъ новорожденнымъ потомкомъ; между тѣмъ потребности всѣхъ этихъ лицъ остаются по прежнему княжескими. Аристократическій пролетаріатъ Германіи увеличивается уже издавна, и его можно было наблюдать еще во многихъ мелкихъ германскихъ государствахъ. «Туда стекался онъ со всѣхъ сторонъ, домогаясь придворныхъ должностей и офицерскихъ мѣстъ. Самыя мелкія владѣтельныя особы старались украшать свои дворы блескомъ славныхъ въ древности именъ. Награжденіе разореннаго бѣднаго барона какимъ-нибудь мѣстомъ камеръ-юнкера или поручика должно было, естественно, повести только къ новому виду пролетаріата. Покровительствуя аристократическому пролетаріату и способствуя его распространенію, мелкія германскія владѣтельныя особы этимъ самымъ вредили всему соціальному положенію аристократіи, такъ какъ она только тогда и можетъ быть сильна, когда она малочисленна».

Прусская аристократія составляетъ всегда ультраконсервативную партію, такъ называемую юнкерскую: она всегда старается задерживать нравственный и матеріальный прогрессъ, тщеславится своею родословною какъ какою-то высшею добродѣтелью и, къ несчастію для своей страны, оказываетъ не малое вліяніе на политику. Ея тщеславіе своею родословной доходитъ даже до безкорыстія. Какъ бы ни былъ богатъ человекъ, и какъ бы сильно ни было его желаніе попасть въ заколдованный аристократическій кругъ, никакими подкупами онъ не можетъ надѣяться проникнуть въ него, если только онъ не принятъ ко двору. За то бѣдность не составляетъ препятствія для того, чтобы быть допущеннымъ въ этотъ избранный кругъ. Прусская знать, какъ мы уже упомянули, съ покровительственнымъ видомъ принимаетъ даже высшихъ чиновниковъ, но и это еще не даетъ права ихъ женамъ и семействамъ посѣщать тотъ же самый аристократическій домъ, въ которомъ бываетъ ихъ глава. Чтобы заслужить такую честь, супруга чиновнаго лица сама должна быть знатнаго рода. Здѣсь каждый желаетъ сказать, что онъ принятъ аристократіей и имѣть право бывать при дворѣ; многіе добиваются этого всю жизнь, всѣми силами стараясь пробить преграду, и, въ большинствѣ случаевъ, не достигаютъ этого счастья, несмотря на свое образованіе и богатство.

Такъ же страстно порываются нѣмцы къ титуламъ всякаго рода: каждый богатый человекъ, каждый счастливый спекуляторъ, разжившійся еврейскій банкиръ готовъ льстить, унижаться, лишь бы только достигнуть желаннаго отличія получить наследственное дворянство. Въ послѣднее время очень многіе изъ «основателей» (такъ называютъ тѣхъ, которые наводнили Берлинъ своими спекуляціями, въ большинствѣ случаевъ весьма безчестными) получили дворянство. Между этими «основателями», получившими дворянство, Лихтерфельде занимаетъ выдающееся мѣсто. Этотъ человекъ, страшно разбогатѣвшій, легъ однажды спать простымъ господиномъ Карстеномъ и всталъ на слѣ-

дующее утро барономъ фонъ-Карстенъ-Лихтерфельде. Другіе «основатели», которымъ не удалось добиться этой чести, купили «благородныхъ отцовъ». Это обыкновенно происходитъ такимъ образомъ: желающій получить наследственное дворянство отыскиваетъ какогонибудь бѣднаго дворянина, который, за известную ежегодную пенсію, уплачиваемую ему каждый годъ впередъ, соглашается усыновить искателя и дать ему свое имя. Конечно, старая аристократія, въ глазахъ которой подобное явленіе увеличиваетъ только цѣну ея собственныхъ родовыхъ титуловъ, смотритъ съ презрѣніемъ на этихъ вновь испеченныхъ дворянъ, тѣмъ не менѣе они добиваются иногда счастья быть принятыми въ семействахъ болѣе молодыхъ аристократовъ; всѣ простые смертные имъ завидуютъ и смотрятъ на нихъ съ подобострастіемъ.

Каждый состоятельный человѣкъ усердно добивается имѣть передъ своимъ именемъ приставку «фонъ», а гербъ и корона передъ именемъ положительно приводятъ въ трепетъ каждаго, и честолюбіе нѣмцевъ занято всѣмъ этимъ гораздо больше, чѣмъ честолюбіе французовъ, охотниковъ до орденовъ. Не имѣя приставки фонъ, совѣстно явиться въ порядочное общество. Съ какимъ презрѣніемъ хозяйка дома, рекомендуя гостямъ, произноситъ г-нъ Шульце или г-нъ Миллеръ, — ей самой непріятно открыто заявить, что ея знакомые такіе неважные люди, совѣстно признаться, что ея домъ посѣщаютъ такія ничтожества. Совѣсьмъ не то, когда она представляя можетъ произнести фонъ-Шульце, фонъ-Миллеръ... О! эта приставка положительно облагораживаетъ каждаго нѣмца! Когда берлинскій лакей, который, по достоинству своей осанки и по своей одеждѣ, стоитъ неизмѣримо ниже своего англійскаго прототипа, надѣваетъ новую, далеко не щегольскую ливрею, онъ первымъ дѣломъ спрашиваетъ своихъ господъ: «Какъ прикажете васъ титуловать»? Даже приказчикъ въ самой ничтожной лавкѣ или слуга въ домѣ у какого-нибудь бакалейнаго торговца, которому однажды въ жизни посчастливилось поставить во дворецъ 1 ф. кофе, долженъ постоянно обращаться къ хозяину: «г-нъ поставщикъ двора». Всѣ эти почетные титулы расточаются здѣсь съ необыкновенною щедростію, такъ что иностранцу чрезвычайно трудно понять ихъ, усвоить и запомнить. Особенно много попадаетъ совѣтниковъ (Rath): вы встрѣчаете здѣсь совѣтниковъ городскихъ, строительныхъ, школьныхъ, санитарныхъ, совѣтниковъ администраціи, театра и т. д. до безконечности. Всѣ берлинцы средняго сословія, окончивъ свою коммерческую или административную карьеру, стараются пріобрѣсти одинъ изъ этихъ титуловъ, такъ какъ счастливый обладатель его дѣлается «господиномъ совѣтникомъ» на всѣхъ вечерахъ и на мѣстѣ своей службы. Жена пользуется титуломъ своего мужа въ женскомъ родѣ. Когда вы входите въ домъ, хозяйка васъ сейчасъ начинаетъ представлять и обойдетъ съ вами всѣхъ гостей, строго сообразуясь съ правилами этикета. Она начнетъ съ жены посланника и кончитъ женою поручика, затѣмъ начнутъ вамъ представлять мужей всѣхъ тѣхъ дамъ, которыя были вамъ представлены. Безконечные поклоны, комплименты смѣшаны до невѣроятности. Если вы хотите быть принятымъ въ общество, вы должны твердо заучить титулы всѣхъ, кто вамъ былъ представленъ и при каждомъ словѣ безошибочно употреблять ихъ: «къ вашимъ услугамъ, г-жа оберъ-полицей-директорша»; «благодарю покорно, г-жа тайная совѣтница»; «безъ сомнѣнія, г-жа совѣтница архитектуры»; «съ удовольствіемъ, г-жа инспекторша водосточныхъ трубъ»; «точно такъ, г-жа докторша или ассессорша». Въ обществѣ, при болѣе короткихъ отношеніяхъ, къ замужней женщинѣ всегда обращаются: «милостивая или милостивѣйшая государыня (gnädige или gnädigste Frau)». Если у нея есть титулъ, то въ разговорѣ съ ней обыкновенно говорятъ: «Frau Gräfin», «Frau Baronin». Къ дѣвушкамъ, въ особенности мужчинамъ, не обращаются по фамилии, а говорятъ: «Meine gnädiges Fräulein». Совѣтники высшихъ разрядовъ пользуются самыми вычурными почетными титу-

лами; ихъ титулуютъ высокородіями, совѣтниками высшаго королевскаго государственнаго суда и многими другими непереводаемыми титулами. На конвертѣ надписываютъ «Seiner Hochwohlgeboren dem Königlichem Ober-Landes-Gericht-Rath Herr N.». Письмо начинается обыкновенно: «Hochwohlgeborener Herr» или «Hochgeehrter Herr». Къ совѣтникамъ низшихъ разрядовъ адресуютъ такъ: «Его благородію, г-ну медицинскому совѣтнику, доктору Шульцу». Доктора, адвокаты, профессора, учителя, помѣщики, купцы требуютъ всегда титула «благородію». Совѣтники высшихъ степеней называются также «тайными совѣтниками»; кромѣ нихъ есть еще цѣлая армія секретарей, счетчиковъ, регистраторовъ, и каждый изъ нихъ обыкновенно «тайный». Такъ вы найдете здѣсь «тайнаго секретаря» и «тайнаго регистратора»; многіе изъ этихъ «тайныхъ» служатъ въ министерствахъ, занимая видныя мѣста, другіе—занимаютъ самыя незначительныя административныя должности. Если бы вамъ пришлось писать кому нибудь изъ этихъ господъ, вы должны постараться не пропустить ни одного изъ этихъ титуловъ, иначе это сочтется такою дерзостію, что вы даже не удостоитесь отвѣта на свое письмо. Если мелкому чиновнику удастся получить какой-нибудь ничтожный иностранный орденъ, онъ непременно требуетъ, чтобы это тотчасъ прописывалось и на адресѣ письма, отправляемаго къ нему, и послѣ этого вы должны будете ему писать: «Многоуважаемому королевскому тайному регистратору, высокоблагородному кавалеру ордена такого-то». Иностранцевъ, которымъ приходится прожить нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ, вначалѣ такъ пугаетъ требовательность нѣмцевъ въ этомъ отношеніи, что они сторонятся общества. И дѣйствительно, чтобы никого не обидѣть, вамъ приходится здѣсь постоянно думать, что онъ «тайный» или «дѣйствительный тайный совѣтникъ»; былъ ли тотъ принцъ, который соизволилъ говорить съ вами «пресвѣтлымъ королевскимъ» или «сіятельнымъ высочествомъ»? Вы сейчасъ только обратились съ титуломъ «ваше превосходительство» къ дамѣ, которая не имѣетъ его, и приобрѣли въ ней непримиримаго врага. «Я была одинаково знакома съ однимъ барономъ Вольфомъ и барономъ Беромъ», говоритъ англійская писательница, въ продолженіи многихъ лѣтъ серьезно изучавшая жизнь нѣмцевъ, «но я не могла различить, какая фамилія принадлежитъ какому изъ нихъ. Когда я обращалась къ нимъ лично, въ этомъ не было надобности, такъ какъ формула «господинъ баронъ» была удобна для нихъ обоихъ. Но нѣсколько разъ мнѣ приходилось говорить объ нихъ съ другими, и я Бера назвала Вольфомъ и по лицамъ присутствующихъ тотчасъ поняла, что сдѣлала ошибку. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я встрѣтила Бера въ аллеѣ; онъ подошелъ ко мнѣ съ небывалой холодностью. «Я замѣтилъ», сказалъ онъ, «милостивѣйшая государыня, что вы въ неизвѣстности о моей ничтожной особѣ... Вы нѣсколько разъ говорили обо мнѣ, какъ о баронѣ Вольфѣ, позволите-же сказать вамъ, что *волковъ* нельзя смѣшивать съ *медвѣдями*». Меня такъ поразила эта сцѣна, торжественный и строгій тонъ его упрека, что я невольно улыбнулась». Вамъ приходится писать къ римскокатолическому духовному лицу, и вы навѣки оскорбите его, если обратитесь къ нему какъ къ «Hochehrwürden», такъ какъ это протестантскій титулъ, а въ правильномъ католическомъ стилѣ нужно писать «Eurer Hochwürden». Какъ вамъ знать, что тайные совѣтники и предсѣдатели требуютъ приставки «Hochwohlgeboren», которая *по праву принадлежитъ* дворянству, и какъ вамъ угадать, что къ графу нужно обращаться съ титуломъ «Hochgeboren», т. е. высокородный, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже «ваша свѣтлость», къ барону съ титуломъ «Hochwohlgeboren» и т. д. Объ императорѣ говорятъ не иначе, какъ во множественномъ числѣ, съ безчисленнымъ множествомъ неправильныхъ согласованій, посягательствъ на грамматику и на атрибуты божества: «его величество, нашъ верховнѣйшій король и государь, соизволили назначить», или «ихъ величества возвратились въ Берлинъ и на-

слаждаются цвѣтушимъ здоровьемъ». Къ ректору университета обращаются съ болѣе краткимъ, но не менѣе пышнымъ титуломъ «его великолѣпія», а къ бургомистру, который тоже считается великолѣпіемъ, обращаются такъ: «высокоблагородному, высокопочитаемому бургомистру». Мы уже замѣтили, что женщинѣ даютъ титулъ мужа въ женскомъ родѣ; вслѣдствіе этого вы встрѣчаете адреса такого рода: «ея превосходительству, г-жѣ дѣйствительной тайной министершѣ», или: «генераль-почмейстершѣ, г-жѣ такой-то...» Письмо должно начать такимъ образомъ: «высокоблагородная сударыня, милостивая государыня министерша...» Точно такимъ же образомъ говорятъ: «г-жа докторша», «г-жа лейтенантца», «г-жа тамбуръ-майорша», а многимъ приходилось видѣть карточки такого рода: «королевская метельщица половъ», «метельщикъ королевскаго двора». «Разъ мнѣ нужно было», рассказываетъ по этому поводу вышеупомянутый авторъ, «послать къ одному лавочнику за моткомъ шерсти, — я написала ему записку и на конвертѣ написала: «г-ну Мейеру — торговцу полотняными товарами» — и положила письмо на столъ. «Что вы дѣлаете, въ ужасѣ вскричала моя кухня, срывая конвертъ, — вы себя совсѣмъ оскандализируете такимъ незнаніемъ формъ и положительно обидите его». Она положила письмо въ другой конвертъ и написала: «его благородію, г-ну Якову Мейеру, — купцу...» Вообще надписывать адреса на письмахъ здѣсь дѣло очень трудное и за него нельзя вѣяться шутя. Для этого приходится повторить склоненія и припомнить всѣ общественныя и социальныя прерогативы той личности, которой вы пишете. Если хотите быть человѣкомъ вполнѣ приличнымъ, вы должны начать надписывать въ одномъ углу и окончить въ другомъ. Искусство писать письма со всѣми эпитетами и титулами нѣмцу дается легко, такъ какъ этому его серьезно обучаютъ въ школѣ, но для иностранца это весьма затруднительно.

Одна англичанка вышла замужъ за нѣмца и принуждена была много лѣтъ прожить въ Германіи, гдѣ она основательно изучила домашнюю нѣмецкую жизнь. Результатомъ серьезнаго изученія семейной нѣмецкой жизни было то, что она совсѣмъ перемѣнила свое мнѣніе о нѣмцахъ. Германія представлялась ей, какъ и всѣмъ европейцамъ, — страной философіи и счастливой Аркадіею; женатыя люди низшихъ классовъ — добродѣтельными патріархами, а буржуазію, думала она, каждый долженъ былъ бы брать за образецъ безупречной нравственности. Между тѣмъ изученіе семейной жизни нѣмцевъ привело ее къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Ея талантливыя очерки, бросившія совершенно новый свѣтъ на характеръ нѣмцевъ, заставили многихъ путешественниковъ отправиться по ея стопамъ въ эту страну, чтобы изучать ее и провѣрить выводы автора «Нѣмецкой домашней жизни». Всѣ пришли къ заключенію, что въ этой странѣ «добрыхъ нравовъ», какою привыкли называть Германію, не существуетъ ни этихъ добрыхъ нравовъ, ни этой поэзіи патріархальнаго домашняго очага, гдѣ глава семейства, покурявая трубку и окруженный своими домочадцами, добродушно болтаетъ съ ними. Въмѣсто чистоты нравовъ во всѣхъ классахъ общества господствуетъ полнѣйшая распущенность, доходящая до цинизма, высокомѣрное отношеніе одного класса общества къ другому, бережливость, доведенная до скряжничества, полное отсутствіе гостепріимства, самая постыдная и недостойная ловля жениховъ, совершенная обособленность одного класса общества отъ другого, и въ придачу ко всему этому вѣчныя, самыя мелочныя и пошлыя сплетни, раздоры, дрязги и ссоры въ семействахъ, слезы изъ за каждаго пучка моркови, котораго на копейку было куплено болѣе, чѣмъ это было дозволено главою семейства — мужемъ, который исключительно всѣмъ распоряжается въ домѣ, жалкое положеніе дѣвушки въ семействѣ, унижительное и жалкое положеніе жены и матери. При этомъ мы говоримъ только о высшемъ и среднемъ классѣ, — нѣмецкіе крестьяне, смотря по мѣстности, живутъ различно и о нихъ рѣчь впереди.

Очерки автора «Нѣмецкой домашней жизни» были помѣщены сначала въ англійскомъ журналѣ и обратили на себя всеобщее вниманіе не только въ Англіи, но и въ Германіи. Одинъ ученый нѣмецъ прислалъ автору этихъ очерковъ письмо, въ которомъ онъ не отрицаетъ правдивости изображенія, но дѣлаетъ лишь попытку объяснить причины указываемыхъ авторомъ печальныхъ фактовъ. «Бѣдность», говоритъ онъ, «вотъ гдѣ причина зла. Германія никогда не скопляла столько богатствъ, какъ Англія и Франція. Средній класъ въ Германіи болѣе многочисленъ и менѣе обеспеченъ, чѣмъ въ названныхъ странахъ, оттого-то всякій иностранецъ и поражается такъ несоразмѣрностію, существующею въ Германіи, между умственнымъ образованіемъ, широко развитымъ, и совершенно ничтожнымъ матеріальнымъ комфортомъ. Германія, по природѣ своей, страна бѣдная, и 30-ти-лѣтняя война истощила ее до того, что она только въ 1850 году приобрѣла то общественное благосостояніе, которымъ пользовалась до 1817 года». Затѣмъ авторъ письма, вѣроятно опасаясь оставить мрачное впечатлѣніе такими объясненіями, прибавляетъ, что съ 1866 года торговля, промышленность и земледѣіе пробудились и позволяютъ надѣяться на обширные успѣхи. Но статистическія данныя, заимствованныя изъ нѣмецкихъ же источниковъ, заставляютъ въ этомъ сомнѣваться. Съ 1870 г. доходы второстепенныхъ государствъ, составляющихъ германскую имперію, возросли, но матеріальное положеніе народа отъ этого не улучшилось, такъ какъ весь излишекъ былъ поглощенъ расходами на франко-прусскую войну. Французскіе миллиарды, какъ мы уже говорили, не обогатили, а скорѣе разорили народъ: налоги сильно увеличились, дороговизна жизни усиливается, какъ у государства, такъ и у частныхъ лицъ является необходимость имѣть больше средствъ, а ихъ нѣтъ, и не видно, какъ можно увеличить ихъ соразмѣрно съ являющимися потребностями. Границы Германіи растянулись чрезмѣрно, для охраны нужна масса войскъ и большія средства; желаніе быть на сторожѣ каждую минуту заставляетъ правительство употреблять громадныя суммы на содержаніе войскъ и на военныя школы.

Но возвратимся къ нравственнымъ качествамъ нѣмца. Прежде повсюду господствовало ложное убѣжденіе, что сыны нѣмецкаго отечества—народъ въ высшей степени миролюбивый и спокойный, что они чувствуютъ врожденное отвращеніе къ дракамъ и ссорамъ. Эти качества объясняли отчасти ихъ флегматическимъ темпераментомъ, отчасти философскимъ направленіемъ ума—слѣдствіемъ ихъ высшаго умственнаго развитія и строгой трезвости обыденной жизни. Природнаго нѣмца представляли не иначе, какъ сидящимъ подъ сѣнью виноградной лозы, а зимой передъ каминомъ, выпускающимъ клубы кнастера изъ глиняной разрисованной трубки и нравственныя сентенціи изъ глубины души, преисполненныя не только любви къ ближнему, но ко всему человѣческому роду. Но такое представленіе совершенно ошибочно. Споръ, крикъ, ссоры и дразги—нормальное условіе жизни нѣмцевъ средней руки. На этотъ счетъ существуетъ даже нѣмецкая пословица, которая гласитъ, что два нѣмца могутъ подраться изъ за цвѣта бороды Барбароссы; это показываетъ, что нѣмцы сами хорошо понимаютъ, какъ легко они могутъ ссориться и драться. Французы тоже оцѣнили по достоинству эту сторону ихъ характера и *quérelle allemande* означаетъ безцѣльную и вздорную ссору. Ихъ эмигранты не измѣняютъ этой чертѣ характера и подъ американскимъ флагомъ: національная склонность нѣмцевъ къ доказательствамъ посредствомъ кулака даетъ себя знать и въ Америкѣ. Она развита у нѣмцевъ, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. Берлинскіе старожилы еще до сихъ поръ помнятъ то время, когда въ Берлинѣ существовало множество пивныхъ, въ которыхъ на видномъ мѣстѣ красовались объявленія такого рода: «почтенныхъ гостей покорнѣйше просятъ замѣтить, что хозяинъ означеннаго заведенія представляетъ въ ихъ полное распоряженіе порядочное количество дубинокъ: онѣ за большою печью и всегда къ

*

ихъ услугамъ, въ благодарность за поддержку. Хозяинъ надѣется, что это удобство сдѣлаетъ излишнимъ для почетныхъ и высокоуважаемыхъ гостей отламывать ножки мебели для доказательства тѣхъ или другихъ своихъ убѣжденій». Надъ грубостью и драчливостью нѣмцевъ много острятъ французы, ихъ исконные враги. Впрочемъ вражда между жителями Берлина и Вѣны тоже существуетъ уже давно. Веселый и безпечный вѣнецъ постоянно отгадываетъ остроумныя шутки по адресу берлинцевъ: онъ выставляетъ ихъ въ смѣшномъ видѣ въ своихъ комедіяхъ и юмористическихъ журналахъ.

Въ манерѣ нѣмца держать себя въ обществѣ мало задушевнаго: когда двое знакомыхъ встрѣчаютъ другъ друга, они довольствуются сухимъ привѣтствіемъ и расходятся, приподнявъ шапку и произнося «adieu». Это выраженіе они присвоили вмѣстѣ со многими другими изъ французскаго языка, невольно сознавая, какъ утверждаютъ французы, недостатокъ своего языка въ обыкновенныхъ терминахъ вѣжливости. Манеры нѣмца весьма дубоваты. Ловкость, умѣнье держать себя, утонченная деликатность и вѣжливость совсѣмъ не въ характерѣ нѣмца. Правда, онъ сознаетъ, что въ этомъ его постоянно упрекаютъ иностранцы и дѣлаетъ все, чтобы быть вѣжливымъ: когда ему рекомендуютъ когонибудь, онъ молча и угрюмо отпускаетъ цѣлую дюжину низкихъ и церемонныхъ поклоновъ, но не скажетъ ни одного привѣтливаго слова, не выкажетъ никакого желанія сойтись ближе и дружелюбнѣе познакомиться съ рекомендуемой личностью. Но и тутъ нельзя отрицать его добросовѣстности: если новый знакомый попроситъ его содѣйствія ознакомиться съ школами, городомъ, музеемъ или чѣмънибудь въ этомъ родѣ, онъ всегда предложитъ свои услуги и съ точностью, добросовѣстностью и утомительною пунктуальностью исполнитъ возложенныя на себя обязанности. Прежде чѣмъ занять даже пустой стулъ въ пивномъ саду или взять со стола газету, онъ, приподнявъ шляпу, обращается къ ближайшему сосѣду съ просьбою разрѣшить ему это сдѣлать; онъ не выходитъ изъ за трактирнаго стола иначе, какъ поклонившись всему обществу. Но стоитъ дамѣ занять его стулъ во время его минутнаго отсутствія, и онъ безъ церемонія заявляетъ свои права на это мѣсто, а если думаетъ, что дама иностранка, то нѣмымъ жестомъ показываетъ ей другое мѣсто, а самъ уже хватается за спинку своего стула. Въ вагонѣ, на пароходѣ, въ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ дозволяютъ курить, онъ пускаетъ облака дыма въ лицо дамѣ, никогда не спрашивая ея разрѣшенія, разъ на это онъ получилъ разрѣшеніе начальства. Онъ пробѣдетъ локтемъ черезъ толпу на улицѣ или въ театрѣ, не обращая вниманія ни на женщинъ, ни на дѣтей. Если вы смотрите въ окно лавки, нѣмецъ непремѣнно протолкнется впередъ, грубо толкнетъ васъ на улицѣ, не извиняясь. Особенно неделикатно его поведеніе въ толпѣ: множество народа, собравшись на террасѣ, смотритъ на процессію, проходящую мимо. Палящее солнце заставляетъ многихъ дамъ открыть зонтики: нѣмцы хватаютъ палки и начинаютъ колотить по зонтикамъ, пока тѣ ихъ не закроютъ. Одна иностранка становится на скамейку, чтобы лучше разсмотрѣть. Ея сосѣдъ нѣмецъ, замѣтивъ это, не долго думая, съ такой силой дергаетъ ее за платье, что та кубаремъ падаетъ на землю. Оказывается—знатная англійская путешественница. Она бросается съ жалобой къ консулу, тотъ объясняетъ ей поступокъ нѣмца «отсутствіемъ манеръ цивилизованнаго челоуѣка». *Places aux dames* не играетъ у нѣмцевъ никакой роли и не существуетъ ни въ какомъ кодексѣ ихъ этикета. Разговаривая съ дамой въ гостинной, нѣмецъ очень часто вынимаетъ гребенку, которую онъ носитъ въ карманѣ своего сюртука, и начинаетъ расчесывать свои волосы. Вообще онъ не любитъ терять время: во время разговора съ кѣмъ бы то ни было — съ дамой или съ мужчиной, съ хорошимъ знакомымъ или съ незнакомымъ, онъ чиститъ ногти, зубы, уши и продѣлываетъ все это тѣмъ тщательнѣе, что у него въ данную минуту болѣе свободнаго времени.

Другая характерная черта нѣмцевъ всѣхъ классовъ—это манера говорить въ высшей степени громко, крикливо и безпорядочно. Въ кафе, на пароходѣ, въ вагонѣ, всюду, гдѣ соберется только три, четыре нѣмца, черезъ нѣсколько минутъ вы услышите шумъ, споръ, крикъ: ни одинъ не ожидаетъ, пока другой кончитъ, и каждый старается пере-рывать другаго. Трудно объяснить себѣ это отсутствіе чувствительности къ рѣзкимъ звукамъ у народа, который, по справедливости, считается однимъ изъ самыхъ музыкальныхъ въ свѣтѣ. Неумѣнье и неловкость держать себя въ обществѣ особенно проявляются за столомъ: нѣмецкія дамы и мужчины безпрестанно проливаютъ пиво и соусъ на скатерть, просыпаютъ соль и перецъ, роняютъ на полъ вилки и ножи. При какой-нибудь выдающейся неловкости всѣ добродушно смѣются, какъ бы говоря: «ну, такой газусъ съ каждымъ изъ насъ безпрестанно случается». Ихъ некрасивая манера ѣсть, засовывая ножъ во время ѣды чуть не въ самое горло, служить предметомъ удивленія англичанъ и безконечныхъ насмѣшекъ французовъ. Многие извѣстные англійскіе писатели, описывая особъ высшаго нѣмецкаго круга, которымъ пришлось обѣдать въ аристократическомъ англійскомъ обществѣ, говорятъ, какъ были поражены леди и джентельмены неопытной манерой нѣмцевъ ѣсть и сидѣть за столомъ.

Но несравненно болѣе неприятно поражаетъ въ нѣмцахъ отсутствіе стыдливости, скромности и застѣнчивости въ самыхъ деликатныхъ сердечныхъ чувствахъ. Особенно рѣзко это проявляется въ отношеніяхъ между собой помолвленныхъ. Куда-бы вы ни направлялись въ Германію изъ одного конца въ другой, будь то по желѣзной дорогѣ, или на пароходѣ, вы очень часто встрѣчаете жениха и невесту, совершающихъ небольшія прогулки и которыхъ вы отличите между тысячами. Невѣста непременно въ такомъ туалетѣ: свѣтло-голубое или канареечнаго цвѣта платье, на груди, у талии, въ волосахъ и на шляпѣ цѣлый огородъ цвѣтовъ, у жениха свѣтлый галстухъ и цвѣтокъ въ петличкѣ. Женихъ и невеста сидятъ рядышкомъ, впившись другъ въ друга масляными глазами, отъ времени до времени бросаются цѣловать другъ друга безъ счету разъ, цѣлуются послѣ каждаго глотка пива и куска бутерброда, а то и другое составляетъ непремѣнное условіе пріятнаго путешествія. Они цѣлуются то въ засосъ, то отрывочно звонко, то впившись другъ въ друга, какъ пивки, остаются неподвижно по цѣлымъ минутамъ. Между звуками поцѣлуевъ они произносятъ только междометія и восклицанія: «O Peterchen! o Lischen!» Эту парочку обыкновенно сопровождаетъ мать или старая тетка, такъ какъ жениха и невесту здѣсь принято сопровождать до брака, но никто изъ нихъ не только не шокируется этими сентиментальными пошлостями, напротивъ, родители съ умилениемъ смотрятъ на молодыхъ, вспоминая свое жениханіе. Если тутъ-же сидитъ и «милый папа», то мамà отъ наплыва нѣжныхъ чувствъ, не вставая съ мѣста, беретъ подъ руку своего старика и вперяетъ вверхъ свой уже потухающій взоръ. Намъ лично приходилось много разъ наблюдать, какъ путешественники различныхъ національностей относятся къ подобнымъ картинамъ нѣмецкой жизни. Французъ, а особенно французженка, замѣтивъ такую парочку, начинаютъ всматриваться въ нее удивленными глазами, потомъ вдругъ раздражаются нервнымъ хохотомъ, показываютъ на нихъ другъ другу и острятъ всю дорогу. Русская посмотритъ и невольно вскрикнетъ: «фу, какая гадость!» и бѣжитъ искать другаго мѣста. Совѣмъ иначе отнесся къ этому однажды одинъ англичанинъ: онъ нѣсколько минутъ внимательно осматривалъ жениха и невесту съ головы до ногъ, потомъ вдругъ, совершенно покойно и не двигаясь съ мѣста, закричалъ: «кондукторъ!» Когда тотъ явился, онъ, протянувъ указательный палецъ по направленію идущей парочки, повелительно произнесъ: «принять ихъ, это шокируетъ», какъ будто дѣло шло о грязной штормѣ, которую слѣдуетъ немедленно снять. Ничего непонимающему и удивленному кондуктору является на помощь догадливая муттерхенъ,

«О, не беспокойтесь... Г. иностранец не понимает, — онъ думаетъ что-нибудь дурное... а это женихъ и невѣста, ну а она, какъ молодой плюшекъ и увивается вокругъ него». Да, эти сцены освящены здѣсь обычаемъ и вошли въ плоть и кровь нѣмцевъ; обычай-же эти создали даже особый родъ искусства, съ которымъ вы можете познакомиться изъ дешевыхъ гравюръ, украшающихъ бѣдные дома и подъ которыми подписано: «семейное счастье», «удовольствіе путешествія» и т. п. Но если путь длинный, такъ и желаешь, чтобы это счастье было менѣ публичнымъ.

То же сентиментально-приторное отношеніе замѣтно и во всѣхъ разговорахъ объ отечествѣ. «О, мое любимое отечество!» восклицаетъ безпрестанно каждый нѣмецъ, и этой фразой начинается множество нѣмецкихъ произведеній, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ. Слово «фатерландъ» не сходитъ съ устъ ни у пьянаго, ни у трезваго. Каждый знаетъ, что можно и безъ сентиментальныхъ заявленій страстно любить свою родину, и что публикація какихъ бы то ни было чувствъ часто вполне основательно заставляетъ сомнѣваться въ ихъ подлинности. Но нѣмцы не только на словахъ, но и на дѣлѣ доказали свою привязанность къ родинѣ, хотя иногда и довольно одностороннюю. Тѣмъ не менѣ привычка говорить о своихъ чувствахъ доказываетъ наклонность къ излишнимъ словозліяніямъ, отсутствіе скромности въ выраженіи такихъ чувствъ, говорить о которыхъ люди другихъ національностей считаютъ ихъ профанаціею.

Страсть нѣмцевъ къ печатнымъ объясненіямъ съ публикою, безъ которыхъ можно совсѣмъ обойтись, или которыя нужны далеко не въ такихъ размѣрахъ, — доведена до комизма. «Въ углу этого дома собака лаетъ», вдругъ читаете вы дощечку съ надписью на калиткѣ сада. «Уваженіе къ запертой двери» читаете вы надпись передъ запертою дверью, въ которую и безъ того никто не войдетъ. Передъ клѣткою звѣрей нѣкоторыхъ зоологическихъ садовъ надписи, въ родѣ слѣдующихъ: «я кусаю», «я кусаю и лягаю», — если одно животное, если нѣсколько «мы кусаемъ и лягаемъ». О каждой, самой ничтожной статуѣ, вы найдете подробное описаніе въ путеводителѣ. Въ трактирахъ и пивныхъ садахъ, на стѣнахъ, въ стихахъ и прозѣ изрѣченія о пользѣ пива, вина, длиннѣшія предостереженія не ломать стульевъ, не мять цвѣтовъ, и все это такъ подробно, и непременно съ желаніемъ сказать остроту, которая обыкновенно выходитъ тяжеловѣсною.

Мы уже и въ прежнихъ очеркахъ говорили о грубости и драчливости нѣмцевъ, нужно однако замѣтить, что эти черты характера никогда не доходятъ у нихъ до жестокости: глава семейства топаетъ ногами на жену изъ-за каждаго лишняго гроша, считаетъ долгомъ держать себя въ семействѣ неограниченнымъ властелиномъ, строго до придирчивости и педантизма къ дѣтямъ и женѣ, строго слѣдитъ за дисциплиной въ домѣ, но даже между низшими слоями торговаго и мелкаго люда онъ не проявляетъ жестокости ни въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, ни въ отношеніи къ женѣ. Правда, когда онъ неумѣренно предается національному напитку, особенно въ общественныхъ собраніяхъ, онъ пускаетъ въ ходъ свои кулаки и палку, но это очень рѣдко случается въ семействѣ, отчасти потому, что онъ больше всего любитъ пить пиво въ обществѣ, отчасти потому, что между своими домочадцами онъ поддерживаетъ такую строгую дисциплину, что развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ кто-нибудь осмѣлится ему противорѣчить.

Многіе полагаютъ, что дикая, необузданная натура нѣмца еще чаще выходила-бы изъ границъ, еслибы ея не смягчала музыка, къ которой каждый чувствуетъ большую склонность и имѣетъ большія способности. Правда, часто во время лучшихъ музыкальныхъ концертовъ иногда вдругъ начинается потасовка, такъ что приходится прибѣгать къ помощи полиціи, но, повторяемъ, не будь развиты въ нѣмцахъ музыкальныя чувства, дикіе порывы давали бы себя чувствовать, вѣроятно, еще болѣе необузданно. Въ Герма-

ни ничего не стоитъ устроить прекрасный музыкальный концертъ въ самой бѣдной деревушкѣ: школьный учитель, церковный служитель, башмачникъ, маляръ соединяются вмѣстѣ, чтобы играть Баха или Гайдена; дѣти, возвращаясь изъ школы, съ удивительнымъ ансамблемъ и вкусомъ распѣваютъ народныя мелодіи. Въ лѣтній вечеръ отовсюду раздается пѣніе, и очень часто начатый пастухомъ мотивъ въ горахъ подхватываютъ хоромъ женщины, работающія въ полѣ. Тутъ всѣ поютъ и у каждого своя пѣсня: солдатъ напѣваетъ особую пѣсню, вычищая свое оружіе, кузнецъ ударяетъ молотомъ по наковальнѣ подъ звуки мелодіи, которой вы никогда не подслушаете ни у мельника, ни у столяра; студенты имѣютъ множество своихъ особыхъ пѣсенъ и даютъ серенады профессорамъ; самыя маленькія дѣти, научившись произносить нѣсколько словъ, уже вѣрнымъ голосомъ напѣваютъ разныя пѣсенки. По всей Германіи лѣтомъ, не только въ городахъ, но и въ маленькихъ деревенькахъ, изъ cadaго пивнаго сада, изъ cadaго огороженнаго пространства несутся звуки оркестра, нерѣдко въ высшей степени стройнаго и прекраснаго. Берлинъ въ Германіи пользуется славой перваго музыкальнаго города. Въ послѣднее время въ немъ сдѣлалась особенно популярною музыка Вагнера, не только благодаря его знаменитымъ операмъ, но и музыкальнымъ вечерамъ, на которыхъ постоянно играютъ отрывки изъ его произведеній. Огромное число публики чрезвычайно любитъ слушать даже классическую музыку, но рядомъ съ любовью къ серіозной музыкѣ у нихъ идетъ рука объ руку и страсть къ военной музыкѣ. Это истекаетъ опять таки изъ ихъ пристрастія къ солдатчинѣ и пиву. Все военное пользуется такимъ уваженіемъ и любовью, воинственныя наклонности стараются разжигать всѣми средствами, могутъ-ли онѣ не проявить себя и въ музыкѣ! Нѣмцы, наконецъ, не могутъ долго говорить и слушать безъ пива: строго-классическая музыка нѣсколько стѣсняетъ эту привычку, такъ какъ шумъ и стукъ пивныхъ кружекъ заглушаютъ звуки, а грохотъ сотенъ барабановъ, флейтъ, литавръ и цимбалъ, которыя стучатъ и трещатъ всѣ вмѣстѣ, нисколько не мѣшаетъ на открытомъ воздухѣ наслаждаться любимымъ напиткомъ и слышать звуки. Военная музыка очень популярна среди посѣтителей пивныхъ загородныхъ садовъ. Она не только льститъ національному слуху, но единственная, которую можно разслышать передъ окончаніемъ вечера въ большомъ пивномъ саду, когда, среди звона разбиваемыхъ пивныхъ кружекъ, вдругъ подымается драка. Недавно, во время одного концерта, между исполнителями и публикою вдругъ началась ссора, которая кончилась поединкомъ. Въ сраженіи принимало участіе нѣсколько тысячъ человекъ, и оно было прекращено только тогда, когда пришелъ отрядъ гвардіи, который сталъ грозить штыками, полиція же оказалась безсильной водворить порядокъ.

Въ Германіи каждое сословіе, каждый классъ общества составляетъ свой отдѣльный, замкнутый кружокъ, входъ въ который людямъ другихъ сословій и другихъ кружковъ строго воспрещенъ. Аристократія держитъ себя какъ можно дальше въ сторонѣ отъ нетитулованной бюрократіи, на которую она не только смотритъ свысока и съ презрѣніемъ, но и съ злобой, такъ какъ люди неаристократическаго происхожденія занимаютъ теперь многія административныя должности, прежде почти исключительно принадлежавшія аристократамъ. Это лишило многихъ изъ нихъ жалованья, хотя до такой степени мизернаго, что англійскій аристократъ часто постыдился-бы предложить его своему лакею, но, при жалкомъ матеріальномъ положеніи германской аристократіи, и это скудное вознагражденіе давало все таки возможность подновлять свои истершіеся древніе гербы, которые теперь положительно ржавѣютъ. Тотъ же самый духъ кастовой замкнутости, который исключаетъ пзъ высшаго общества нетитулованную бюрократію и финансовыхъ представителей, заставляетъ и ученый профессиональный элементъ держаться въ сторонѣ. И такъ, каждый строго держится только своего тѣснаго круга:

мелкій чиновникъ знакомится и рождается только въ кругу людей одинаковаго съ нимъ положенія и одной и той же профессіи. Военные высокомѣрно относятся ко всѣмъ штатскимъ, ученые, литераторы, профессора и учителя живутъ тоже совершенно замкнутою и обособленною жизнью, не переступая порога ни аристократовъ, ни военныхъ, тѣ и другіе относятся къ нимъ совершенно индифферентно, а военные, въ большинствѣ случаевъ, смотрятъ съ презрѣніемъ на представителей науки, искусства и литературы. Каждое административное учрежденіе, каждая коллегія чиновниковъ, а такихъ коллегій безчисленное множество, составляютъ что-то отдѣльное, совершенно замкнутое въ самомъ себѣ. Члены этихъ коллегій вмѣстѣ съ своими семействами обмѣниваются определеннымъ числомъ визитовъ, разсылаютъ другъ другу строго определенное число приглашеній. Даже въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ прусская бюрократія строго придерживается установленной мѣрки приличій, которая коробитъ посторонняго своимъ оффиціальнымъ, холоднымъ и негуманнымъ характеромъ. Такъ напр. вдова и дочери оффиціальной личности, которыя въ извѣстномъ кругу еще недавно были приняты съ большою торжественностію и почетомъ, остаются въ спискѣ приглашенныхъ только на очень короткое время послѣ смерти отца и мужа. Если по истеченіи срока онѣ сами явятся къ прежнимъ знакомымъ, это сочтется недѣлкатностію и имъ не отдадутъ визита. Хотя знатная и высокородная дочь и можетъ иногда снизойти до того, что повальсируетъ съ неоперившимся бюрократомъ, но ея сердце и рука всегда предназначены человѣку съ звучной приставкой къ фамиліи и имѣющему необходимое количество звѣздъ и крестовъ.

«Германія», говорятъ одинъ писатель, «это общая казарма и канцелярія». И дѣйствительно, каждый нѣмецъ—или военный, или чиновникъ; если онъ ходитъ не въ каскѣ, на немъ красный кантъ и наоборотъ. Трудно представить, какъ великъ здѣсь классъ мелкой бюрократіи, но, не смотря на это, совокупность бюрократіи со всѣмъ ея сложнымъ механизмомъ, съ ея безконечною іерархіею представляетъ удивительно организованную корпорацію, которой германское правительство весьма обязано за свое сравнительно покойное политическое положеніе. Бюрократія совершаетъ здѣсь чудеса не только во внутренней администраціи, но она сильно помогала организовать и армію, которая такъ отличалась въ борьбѣ съ вѣнскими непріятелемъ. Само правительство такъ увѣрено въ преданности къ ней бюрократіи и такъ разсчитываетъ на ея силы, что полагается въ тревожные періоды на нее не менѣе, чѣмъ на армію, въ увѣренности, что она всегда поможетъ предупредить бѣдствія и ужасы революціи. Эта строго организованная корпорація чиновниковъ, которая находится подъ контролемъ прусскаго правительства, съ удивительнымъ успѣхомъ можетъ руководить и удерживать страсти народа и отличается необыкновенною солидарностію и дисциплиною. Прусскіе чиновники люди самые преданные правительству: они никогда не разоблачаютъ его тайнъ, никто изъ нихъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній, никогда не дерзаетъ выходить изъ повиновенія, или даже въ частной бесѣдѣ поднять на смѣхъ своего начальника. На самое скромное и незначительное порученіе начальника каждый подчиненный смотритъ какъ на величайшее довѣріе съ его стороны и не проронитъ объ немъ ни единого слова великому своему пріятелю. Каждый отъ самого высшаго чиновника до послѣдняго писца проникнуть мыслию, что все, что идетъ отъ начальства, будь это самое ничтожное порученіе, самый незначительный приказъ ближайшаго начальника, должно исполняться и храниться всѣми, какъ государственная тайна первостепенной важности. Имѣя это въ виду, каждый чиновникъ свою природную угрюмость прикрываетъ оффиціальною недоступностію.

Здѣшніе чиновники чрезвычайно серьезно готовятся къ своимъ обязанностямъ: не

говоря уже объ обыкновенныхъ экзаменахъ, до и послѣ университета, имъ съ трудомъ приходится подыматься со ступеньки на ступеньку, а для многихъ административныхъ должностей и отъ экзамена до экзамена. «Но, разъ усѣвшись на мѣстѣ, прусскій чиновникъ можетъ считать свое положеніе почти окончательно обезпеченнымъ; онъ не можетъ быть уволенъ отъ службы иначе, какъ по приговору дисциплинарнаго суда и послѣ отказа на апелляціонную жалобу, принесенную имъ на это рѣшеніе въ совѣтъ министровъ. Облеченные большою властію чиновники могутъ принимать важныя рѣшенія по собственному усмотрѣнію, безъ предварительнаго сношенія съ центральнымъ правительствомъ; имъ приказываютъ пріучаться дѣйствовать по собственной инициативѣ: каждый изъ нихъ долженъ сознать себя частію государства. Поэтому они смотрятъ на свою роль очень серіозно; чиновники до мозга костей, они остаются такими даже въ семейной жизни, и мужнина слава озаряетъ своими лучами и супругу: мы уже знаемъ, что жены чиновниковъ всегда украшаютъ себя титуломъ мужей, придавая ему окончаніе женскаго рода. Въ послѣднее время охватившая всѣхъ бѣшеная страсть къ биржевой игрѣ и соблазнъ, производимый примѣрами быстрого обогащенія, демобилизовали многихъ чиновниковъ; но, не принимая въ расчетъ этихъ исключеній, можно сказать, что вообще прусскіе чиновники вносятъ большую экономію въ управленіе общественными суммами и много систематичности въ свою работу. Приводимая ими въ дѣйствіе административная машина идетъ ровнымъ ходомъ, безъ тряски и толчковъ; граждане жалуются, правда, на ихъ высокомерный тонъ, но тѣмъ не менѣе повинуются; бывшіе унтеръ-офицеры, пріученные въ военной службѣ къ строгой субординаціи, къ беспрекословному исполненію приказаній начальства, къ почитанію установленныхъ формулъ, занимаютъ всѣ должности подначальныхъ чиновниковъ и пріучаютъ администрируемыхъ къ порядку и дисциплинѣ. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что бюрократія, т. е. государство, хочетъ забрать въ свои руки все, что еще ускользаетъ отъ нея: «одинъ король, одинъ законъ» — таковъ ея девизъ».

Трудно представить, какъ высокомеренъ и надутъ безчисленный легіонъ мелкихъ нѣмецкихъ чиновниковъ. Они любятъ дать почувствовать свою власть, и всякая насмѣшка, всякое ироническое замѣчаніе никогда не задѣваетъ ихъ за живое, не шевельнетъ ихъ самолюбія: они ко всему относятся съ самымъ безстрастнымъ хладнокровіемъ, и все это потому, что самый мелкій чиновникъ считаетъ здѣсь себя частію правительства. Ни одинъ самый тщеславный и самый сановитый чиновникъ другаго государства не отождествляетъ себя въ такой степени съ правительствомъ, въ которомъ онъ служитъ, какъ нѣмецкій чиновникъ, исполняющій должность какого нибудь подпомощника временнаго инспектора или сверхштатнаго писца въ берлинской канцеляріи.

Но ни одинъ классъ общества не живетъ здѣсь такъ обособленно, какъ протестанское духовенство: его можно встрѣтить только въ обществѣ немногихъ близкихъ друзей и въ кругу своего семейства. Нѣмецкіе пасторы такъ же далеки отъ народа, какъ и отъ высшаго класса. Еще въ деревнѣ иногда владѣльцы замковъ приглашаютъ сосѣда-пастора составить партію въ вистъ и пообѣдать на концѣ стола, такъ что онъ и при этомъ будетъ чувствовать себя въ положеніи низшаго; но въ городѣ тѣ-же владѣльцы замковъ никогда ни снизойдутъ и до этой любезности. Да и вслѣдствіе бѣдности пастору очень стѣснительно являться въ обществѣ богатыхъ и привилегированныхъ людей: его платье въ пыли и потерто, бѣлье не блеститъ особенной чистотой. Ни одна дѣвушка, имѣющая малѣйшую претензію на благородное происхожденіе, не пойдетъ за него замужъ. Его и въ церкви мало видятъ, такъ какъ церкви посѣщаются здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Простонародье, особенно городское, съ предубѣжденіемъ и даже отвращеніемъ смотритъ на пастора, а его совѣты она принимаетъ какъ посягательство на

личную свободу. Впрочемъ пасторъ мало знаетъ своихъ прихожанъ и никогда не вмѣшивается въ ихъ дѣла. Свое неуваженіе къ пастору народъ не маскируетъ даже холодной вѣжливостью: у него существуетъ множество поговорокъ и пѣсенъ, въ которыхъ осмѣивается духовенство, и крестьяне не стѣсняются употреблять самыя вѣрныя слова и выраженія, когда говорятъ о своихъ пасторахъ. Въ среднемъ классѣ, изъ котораго пасторъ и самъ вышелъ и въ которомъ онъ не чувствуетъ никакой неловкости, онъ не имѣетъ никакого авторитета. Его духовный санъ не даетъ ему никакого особеннаго права на уваженіе, и съ нимъ обращаются, какъ со всеми остальными: ему говорятъ «господинъ пасторъ», онъ не отказывается отъ виста, трубки и пива, и его разговоры такіе же свѣтскіе, какъ и всѣхъ окружающихъ.

Такая замкнутость cadaго сословія въ своемъ тѣсномъ кругу тормозитъ умственное развитіе и служитъ къ охраненію сословныхъ предразсудковъ всѣхъ классовъ общества. Всеуравнивающей казарменный и канцелярскій духъ, дисциплина, съ одинаковою строгостію дѣйствующая, какъ въ войскѣ солдатъ, такъ и въ громадной арміи чиновниковъ, — вовсе не та сфера, въ которой могутъ свободно процвѣтать высшія стороны человѣческой дѣятельности.

Домашняя жизнь высшаго и средняго сословія. — Нѣмецкая квартира и ея обстановка. — Меблированные комнаты. — Домашняя ѣда: завтракъ, обѣдъ и ужинъ. — Прислуга. — Дѣти и ихъ жизнь. — Конфирмація. — Нѣмецкая дѣвушка. — „Polterabend“. — Свадьба. — Семейная жизнь. — Разводъ. — Крестины. — Похороны.

За исключеніемъ двухъ, трехъ десятковъ домовъ людей наиболѣе богатыхъ въ Берлинѣ, которымъ даютъ громкое названіе дворцовъ, всѣ остальные дома въ нѣсколько этажей, съ нѣсколькими квартирами въ каждомъ изъ нихъ, съ общей лѣстницей для всѣхъ жильцовъ. Вы входите въ первый этажъ; у двери прибита маленькая фарфоровая дощечка, на которой черными буквами написана фамилія жильца. Чѣмъ выше вы поднимаетесь, тѣмъ ниже квартирная плата, пока не дойдете до чердака, гдѣ устроены спальни для служанокъ, помѣщенія для мытья бѣлья, кладовыя; посреди сушильня для бѣлья всѣхъ жильцовъ. Громадное большинство лѣстницъ, даже въ богатыхъ домахъ, поражаетъ грязью. Водопроводы начинаютъ устраивать только послѣднее время, и они существуютъ лишь въ новыхъ домахъ, такъ что воду для всѣхъ жильцовъ носятъ изъ колодца, въ которомъ цѣлый день вверхъ и внизъ движутся ведра. Служанкамъ самимъ приходится приносить воду для умыванья и кухни, что ведетъ къ большой экономіи въ водѣ. Вслѣдствіе этого въ квартирахъ, только въ исключительныхъ случаяхъ, бываютъ ванны. Воду, которую постоянно таскаютъ сверху внизъ, проливаютъ ежеминутно, отчего лѣстницы постоянно сыры и грязны. Паркетные полы вы найдете только въ самыхъ элегантныхъ домахъ, а во всѣхъ остальныхъ они выкрашены въ темный цвѣтъ.

Въ гостиной у людей средняго сословія васъ поражаетъ какая-то пустота и большой недостатокъ мебели, но зато все, что вы здѣсь увидите: стулья, столы, диванъ и даже скамейка для ногъ старательно покрыты тамбурнымъ вязаньемъ самаго замысловатаго рисунка. Во всѣхъ комнатахъ вы замѣтите и множество другихъ ручныхъ работъ, начиная отъ обыкновенной работы изъ шерсти, которой Берлинъ далъ свое названіе (берлинская шерсть) до безконечнаго числа бездѣлушекъ бисерной работы. Даже занавѣски нерѣдко носятъ слѣды домашняго руководѣля. Но уже и въ этихъ домашнихъ произведеніяхъ, иногда въ высшей степени кропотливыхъ и сложныхъ, мало гармоніи и вкуса. А такія украшенія, какъ бронза, статуетки, перламутръ, канделябры, жирандоли, вы едва-ли гдѣ нибудь встрѣтите. Въ гостиной вы не найдете ни камина, ни

стѣнныхъ часовъ, ни канделябръ, зато въ стеклянномъ шкапчикѣ помѣщается много мелкихъ бездѣлушекъ изъ фарфора и серебра, какія только можетъ собрать семейство, передавая ихъ изъ поколѣнїя въ поколѣнїе. На стѣнахъ висятъ фамилїные портреты въ овальныхъ рамкахъ. Вы приближаетесь, и видите фотографїи различныхъ членовъ семьи; въ центрѣ нѣжныя супруги, сидящїе рука въ руку, направо молодые люди, старающїеся принять воинственную позу, налѣво—дочери семейства, разряженные въ пухъ и прахъ, съ высшей степени скромнымъ видомъ и удивительно похожіе другъ на друга.

Диванъ — самое почетное мѣсто; если въ гостиную входитъ особа, по общественному положенію выше той, которая уже успѣла занять мѣсто, то эта немедленно встаетъ и ступешивается, если только вновь пришедшая съ снисходительной улыбкой не попроситъ ее остаться. Но и въ такомъ случаѣ та садится на стулъ, а болѣе почетная гостя на диванъ.

На столѣ нѣтъ ничего, что обнаруживало бы вкусы или привычки хозяевъ: ни книгъ, ни альбомовъ, ни журналовъ, ни даже газетъ; изрѣдка развѣ попадетъ модный журналъ. Только неизбѣжный чулокъ да тамбурное вязанье лежатъ тамъ и здѣсь и говорятъ вамъ объ однообразной жизни, лишенной всякаго умственного интереса, какъ хозяйки дома, такъ и ея дочерей. Подлѣ окна есть еще столикъ и маленькая рѣшетчатая бесѣдка, обвитая зеленью. Нѣмцы любятъ цвѣты, но дозволяютъ себѣ эту роскошь, когда она ничего не стоитъ. Вьющуюся зелень, которую вы здѣсь встрѣчаете, хозяйка дома и ея дочери получили отъ сосѣдки отростками, посадили ее, холили, берегли и вырастили.

Какъ въ гостиной мало изящества, такъ въ столовой мало комфорта: стѣны голы, полъ безъ ковра, мебель самая простая. Ни въ одной изъ комнатъ нѣтъ камина, а тепло даютъ огромныя кафельныя печи, полированные снаружи бѣлымъ фарфоромъ.

Въ кабинетѣ хозяина табакъ даетъ себя чувствовать болѣе всего. Здѣсь комодъ, шкафъ, одно или два кресла и софа, покрытыя американской клеенкой. Тутъ, болѣе чѣмъ въ остальныхъ комнатахъ, останавливаетъ ваше вниманїе цѣлый арсеналъ женскихъ рукодѣлій бисеромъ, шелками, шерстями, произведенный самыми разнообразными женскими орудїями. Все, до чего можетъ коснуться рука или нога хозяина, все, на что онъ можетъ взглянуть въ этой комнатѣ, — сюрпризы и подарки женской половины его семейства. Это наглядно говоритъ о томъ почетѣ, хотя-бы и внѣшнемъ, какимъ окруженъ глава семейства, ея господинъ и повелитель. На стѣнахъ висятъ хлысты, ружья, въ вышитыхъ чахлахъ, халатъ самой затѣливой работы; вездѣ разставлены спичечницы, сигарочницы и различныхъ формъ ящики, покрытые бисернымъ шитьемъ, — все свидѣтельствуетъ о глубокомъ почитанїи главы семейства женщинами дома. Самыя мягкія подушки положены въ амбразурѣ окна, гдѣ онъ любитъ предаваться кейфу. При помощи маленькихъ зеркалъ, помѣщенныхъ сейчасъ за окномъ, онъ можетъ слѣдить не только за движенїемъ на улицѣ, но за входомъ и выходомъ сосѣдей.

Спальня особенно неуютна. Тутъ вы не найдете ни умывальника—обыкновенную принадлежность дамской комнаты во Франціи и Англіи, ни туалета, ни туалетныхъ принадлежностей. Когда нѣмка встаетъ, она наливаетъ въ чашку воду изъ кувшина, изъ одной этой чашки умываетъ лицо и руки и тотчасъ убираетъ эти принадлежности въ шкафъ. Что касается до туалетныхъ принадлежностей, она смотритъ на нихъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго презрѣнїя. Въ ея спальнѣ рядомъ стоятъ только двѣ маленькія кровати, и вы воображаете, какъ должны взрослые люди скорчиться, чтобы помѣститься на нихъ. Къ тому-же простыни немногимъ больше простыхъ полотенецъ, такъ что вернуться въ нихъ положительно невозможно, а вмѣсто одѣяла лежитъ огромный мѣшокъ съ перьями, который однако такъ коротокъ, что не согрѣваетъ ногъ. Подъ вами тоже

мѣшокъ перьевъ, только побольше того, который вамъ дали для покрывки. Одинъ извѣстный артистъ говорилъ, что когда опъ путешествуетъ по Германіи, то, какъ краснокожій, всегда возить съ собою свою постель. Обои въ домахъ, броскаго и самаго безвкуснаго рисунка особенно, кажутся некрасивыми при дрожащемъ свѣтѣ луны, когда они принимаютъ видъ чудовищъ.

«На иностранца», говоритъ одинъ писатель, «который нѣсколько дней какъ попалъ въ Берлинъ, производитъ чрезвычайно непріятное впечатлѣніе обстановка частныхъ берлинскихъ жилищъ: онъ чувствуетъ страшную тяжесть отъ неудобоваримой берлинской кухни, его нервы каждую ночь раздражаетъ отвратительная нѣмецкая постель, даже обои возбуждаютъ въ немъ галлюцинаціи. Ночью, во время борьбы съ видѣніями, мѣшокъ съ перьями скатывается внизъ и несчастному вдобавокъ еще приходится дрожать отъ холода».

Но пойдѣмъ въ кухню взглянуть на этотъ алтарь нѣмецкаго семейнаго очага. И дѣйствительно, нѣмецкая кухня производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ остальные комнаты. Это обыкновенно сравнительно довольно большая комната съ кирпичнымъ поломъ, и хотя онъ не покрытъ ни ковромъ, ни циновкой, но всегда тщательно вымытъ. Мѣдныя кастрюли на полкахъ и на гвоздяхъ ярко блестятъ, полныя кадья воды съ кружками показываютъ, что все готово для работы.

Комнаты въ нѣмецкой квартирѣ расположены очень неудобно: всѣ онѣ сообщаются между собой, и нельзя войти въ гостиную, не проходя столовую; дымъ изъ кабинета хозяина проникаетъ въ спальню, которая тоже расположена обыкновенно такъ неудобно, что хозяйкѣ трудно въ ней и прилечь, чтобы отдохнуть; впрочемъ днемъ ей для этого и времени нѣтъ.

Особенность берлинскихъ квартиръ — множество меблированныхъ комнатъ. «Отдается меблированная комната» — вотъ надпись, которую вы встрѣтите непременно въ каждомъ домѣ, на всѣхъ дверяхъ, подъ окнами всѣхъ этажей, отъ подвала до чердака. Въ Берлинѣ отдача комнатъ въ наемъ не только оплачиваетъ квартиру, но и составляетъ для многихъ единственный источникъ дохода. Люди средняго сословія, начиная отъ вдовы тайнаго совѣтника до мелкаго чиновника и мастераваго, всѣ занимаются этимъ ремесломъ. Человѣку, желающему имѣть меблированную комнату, представляется огромный выборъ: отъ салона съ зеркалами до убогой клѣтушки съ изломанною мебелью. Члены рейхстага и ландтага, холостяки аристократическихъ семействъ занимаютъ комнаты перваго разряда и могутъ жить въ нихъ не стѣняясь; что-же касается людей съ болѣе скромнымъ бюджетомъ, которымъ приходится занимать комнаты втораго разряда, то жизни, какую имъ приходится вести въ этихъ меблированныхъ комнатахъ, нельзя позавидовать, такъ какъ квартирныя хозяйки смотрятъ на нихъ какъ на свою добычу, стѣсняютъ ихъ во всемъ и эксплуатируютъ всюду, гдѣ только представляется къ этому случай. Жилецъ долженъ непременно пить кофе съ ея семействомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ своей комнатѣ онъ можетъ испортить ея скатерть, печку его комнаты топятъ только въ крайнемъ случаѣ, да и тогда бросаютъ въ нее только нѣсколько еловыхъ щепокъ; софа, которая обыкновенно замѣняетъ кровать, такъ коротка, что на ней нельзя даже вытянуться. Но еще болѣе стѣсненій въ такихъ комнатахъ терпятъ бѣдныя дѣвушки, обстоятельства которыхъ заставляютъ снискивать себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ. Каждая квартирная хозяйка предпочитаетъ отдать комнату мужчинѣ, въ крайнемъ случаѣ даже бѣдному семейству, но никакъ не дѣвушкѣ-одиночкѣ. Какъ бы честна и добропорядочна ни была дѣвушка, но разъ ей приходится существовать своимъ трудомъ и жить одиноко, безъ друзей и родныхъ, она подвергается множеству оскорбленій и непріятностей. Побѣдить этотъ вкоренившійся предрасудокъ очень трудно.

Оскорбительныя подозрѣнія относительно дѣвушекъ, живущихъ одиноко, и самое несправедливое отношеніе общества заставляють многихъ изъ нихъ нести объявленія въ газеты, предлагая постыдныя услуги. Трудно представить, съ какими неприятностями сопряжено для дѣвушки даже отыскиваніе комнаты. «Вы будете жить одна?» спрашиваетъ каждая хозяйка и, если комната не стояла цѣлый мѣсяць пустою, ей отвѣчаютъ: «я еще не дошла до того, чтобы отдавать у себя комнату *такимъ* дѣвушкамъ». Но вотъ она, наконецъ, нашла пріютъ въ комнатѣ, которая до нея не отапливалась нѣсколько мѣсяцевъ. И тутъ для нея начинается жизнь, полная самыхъ ужасныхъ стѣсненій, мелочной придирчивости и пошлыхъ намековъ. Если къ ней зашелъ мужчина, ее спрашиваютъ, кто онъ такой. На ея отвѣтъ, что это былъ родственникъ, слѣдуетъ вопросъ, почему-же она не живетъ у родственника, хотя каждая хозяйка отлично знаетъ, что она на свои крошечныя доходы сама едва существуетъ и никакого родственника, ни родственницы, въ какомъ бы крайнемъ положеніи они не находилась, не приняла бы къ себѣ въ домъ. Домой возвращаться молодая жиличка должна очень рано: опоздаетъ она хотя часомъ, ея не впустятъ въ квартиру; письма ея безцеремонно прочитываются хозяевами. На всѣ эти оскорбленія и притѣсненія она не можетъ никому жаловаться, она имѣетъ право только перемѣнить квартиру, но и въ другомъ мѣстѣ ее ждетъ тоже самое.

Домашняя ѣда и столовая сервировка людей высшаго класса, за весьма рѣдкими исключеніями, весьма не привлекательны. Поэтому нѣмцы, со всѣми чадами и домочадцами, хотя въ воскресный день стараются пообѣдать гдѣ нибудь въ ресторанѣ. Во время домашняго завтрака нѣмцы не собираются, какъ англичане, всѣмъ семействомъ за столомъ, покрытымъ бѣлоснѣжной скатертью, симметрично установленномъ прекрасною посудю. Столъ нѣмца во время завтрака остается непокрытымъ, на него ставятъ корзину съ свѣжими, круглыми, маленькими печеньями изъ пшеничной муки, называемыми *Semmeln*, и разноколиберныя чашки съ блюдечками; кофейникъ стоитъ на печи, чтобы онъ не остылъ. Кофе съ булками составляетъ весь завтракъ. Одинъ за другимъ собираются всѣ члены семейства въ совершенномъ дезабильѣ: хозяинъ въ шелестящемъ широкомъ халатѣ, хозяйка въ смятой блузѣ и измятомъ чепцѣ. Кромѣ дѣтей, которымъ кофе наливаетъ мать, каждый членъ семейства самъ наливаетъ себѣ кофе и завтракаютъ какъ попало: одинъ расхаживаетъ по комнатѣ, другой сидя за столомъ.

Люди средняго сословія обѣдаютъ между 12 — 2 ч., и на все это время прекращается дѣятельность въ канцеляріяхъ и во всѣхъ учрежденіяхъ. Высшіе классы обѣдаютъ позже. Обѣдъ подается мало чѣмъ лучше завтрака: во всемъ замѣтенъ недостатокъ чистоты, порядка и вкуса. Прислуга неловка, скатерть смята, кушанье подаютъ съ шумомъ и дребезжаньемъ, сидящіе за столомъ безпрестанно разливаютъ соусъ и жиръ на скатерть, стаканы разставлены въ беспорядкѣ, ножи наложены кучей, тарелки мѣняютъ слишкомъ рѣдко. Обѣдъ въ нѣмецкомъ ресторанѣ, при всѣхъ его недостаткахъ, нельзя сравнить съ домашнею кухнею, которая наполняетъ желудокъ, но никакъ не подкрѣпляетъ его. Первое кушанье состоитъ обыкновенно изъ мучнаго супа, т. е. кипятка, приправленнаго мукой и масломъ, безъ всякихъ слѣдовъ мяса, въ которомъ плаваютъ клецки, состоящія изъ жира, ветчины, яицъ и муки. Пивной или овсяный супъ и супъ, вареный на сосискахъ, тоже въ большемъ употребленіи. Второе кушанье — сосиски или ветчина съ зеленью, между которой первую роль играетъ кислая капуста. Когда эту капусту подаютъ въ холодномъ видѣ, ее приправляютъ уксусомъ, а въ горячемъ — жиромъ. Нерѣдко на второе подаютъ картофель въ жирѣ. Картофель въ громадномъ употребленіи во всей Германіи, и его подаютъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Очень любимъ вареный картофель въ жирѣ съ смѣсью лука, яблоковъ, моркови и грушъ.

Нерѣдко на второе кушанье подаютъ кусокъ жирной свинины съ патокой, приправленный чечевицей и бобами, иногда вмѣсто этого появляется кровяная колбаса съ самой разнообразной гарнитурой. На третье—появляется пуддингъ, который дѣлаютъ изъ разн. крупы и муки, приправленный какимъ нибудь сладкимъ сокомъ. Самое любимое кушанье, которое впрочемъ подаютъ въ осеннее время и въ болѣе торжественныхъ случаяхъ,—жареный гусь съ различной приправой и, какъ и въ ресторанахъ, съ очень вкусными компотами домашняго приготовления. Такимъ образомъ домашняя пища нѣмцевъ состоитъ главнымъ образомъ изъ соленого, сладкаго, кислаго, жирнаго и мучнаго,—пища неудобоваримая и тяжелая. Мясо въ домашней кухнѣ употребляютъ очень рѣдко, его замѣняютъ птицы и дичь. Домашняя нѣмецкая кухня дала много поводовъ къ сарказмамъ писателей всѣхъ національностей, даже своихъ собственныхъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Гейне: «безвкусныя, откровенныя клецки со сливами, платоническій овсяный супъ, яичница съ яблоками и саломъ, добродѣтельныя хозяйственныя сосиски, кислая капуста,—да, дѣйствительно, счастливъ тотъ, кто можетъ все это переварить». Французы говорятъ такъ: «эти противныя жирныя сосиски, перемѣшанныя съ вареными плодами, пивной супъ и неудобоваримыя тяжелыя мучныя кушанья придуманы нарочно, чтобы насытить волчій аппетитъ внуковъ тѣхъ тевтоновъ, у которыхъ, по словамъ Тацита, кишечный каналъ былъ сильнѣе развитъ, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ». Однако нѣкоторыя кушанья, которыя, впрочемъ, подаютъ въ исключительныхъ случаяхъ, заслуживаютъ всеобщее вниманіе. Жаркое изъ оленины съ соусомъ изъ сметаны нравится каждому; жареныя куропатки съ кислой капустой, заячій бокъ, зажаренный на салѣ и въ соусѣ изъ кислой сметаны, телячьи почки, приготовленные подъ разными видами, и нѣкоторыя другія кушанья приобрѣли общую извѣстность. Но вестфальскіе окорока, брауншвейгскія колбасы, страсбургскіе пироги, померанскія гусяныя грудинки, которыми такъ славится Германія, можно найти только на картахъ лучшихъ ресторановъ Берлина, и эти яства не фигурируютъ даже за столомъ высшей аристократіи. Кислыя овощи, квашенная капуста, огурцы, однимъ словомъ вся приправа, которую вы найдете за столомъ нѣмца въ такомъ громадномъ количествѣ, не покупается въ рынкахъ, а заготавливается хозяйкой: не даромъ осень называютъ здѣсь временемъ «кислыхъ огурцовъ». Въ это время года у каждой хозяйки чрезвычайно много работы. Картофель складываютъ въ погреба; капусту, морковь, рѣпу и лукъ зарываютъ въ землю, откуда кухарка выкапываетъ ихъ каждый разъ; болѣе нѣжную зелень сохраняютъ въ оловянныхъ ящикахъ. Сушатъ, варятъ, солятъ или маринуютъ сливы, груши, яблоки, и все это закупаютъ оптомъ на цѣлую зиму.

Послѣ театра наступаетъ семейный ужинъ, который обыкновенно состоитъ изъ хлѣба съ масломъ, изъ ломтиковъ ветчины, сосисекъ, колбасъ, соленыхъ овощей, яицъ,—однимъ словомъ напоминаетъ нашу закуску. Все это, разумѣется, обильно запиваютъ пивомъ. На чай большинство нѣмцевъ смотритъ какъ на лекарство, и когда вы его пьете, васъ спрашиваютъ, не больны ли вы.

Наемъ прислуги происходитъ самымъ первобытнымъ образомъ не только въ провинціальныя города, но и въ Берлинѣ. По окончаніи каждой четверти года въ Фридрихштрассѣ происходитъ нѣчто въ родѣ ярмарки. Тогда на этой улицѣ и тротуарахъ толпятся болѣе сотни разряженныхъ служанокъ, каждая въ ожиданіи хозяина или хозяйки съ своимъ аттестатомъ. Не только смежныя деревни и прусскія провинція, но и всѣ части Германіи снабжаютъ Берлинъ прислугою. Каждый годъ болѣе 30,000 женщинъ пріѣзжаетъ въ столицу съ тѣмъ, чтобы поступить въ услуженіе. Тѣ изъ нихъ, которыя поступаютъ въ няньки и особенно въ кормилицы, продолжаютъ носить свой національный костюмъ. Между ними особенно выдѣляются уроженки Шпревальда, оригинальный

головной уборъ которыхъ и юбки красныхъ цвѣтовъ привлекаютъ вниманіе гуляющей публики. Нѣмецкія служанки пользуются заслуженной славой: каждая изъ нихъ обыкновенно умѣетъ хорошо стряпать, мыть бѣлье и въ тоже время исполняетъ множество тяжелыхъ работъ, перечисленіе которыхъ привело бы въ негодованіе англійскую служанку. Ей приходится работать, въ семействѣ людей средняго класса, буквально съ ранняго утра до вечера: нѣтъ конца метенію, чисткѣ и мытью, и притомъ все это дѣлается даже безъ помощи мыла, потому что крайне разсчетливыя хозяйки отпускаютъ для этого только песокъ. Нигдѣ песокъ не играетъ такой важной роли въ хозяйствѣ, какъ у нѣмцевъ: здѣсь пескомъ чистятъ кастрюли и горшки, пескомъ, который обвариваютъ кипяткомъ, вымываютъ посуду. Средній размѣръ жалованья берлинской служанкѣ — 60 талеровъ въ годъ, какъ разъ вдвое больше, чѣмъ это было до франко-прусской войны. Работая безъ устали, съ утра до вечера, цѣлую недѣлю, каждая прислуга выговариваетъ себѣ право быть свободной послѣ обѣда въ воскресенье, время, которое она проводитъ въ пивномъ саду или въ танцевальной залѣ, гдѣ она усердно отплясываетъ. — Между хозяевами и прислугою здѣсь нѣтъ и тѣни англійской холодности и недоступности, — напротивъ, тутъ господствуетъ другая крайность. Главный присмотръ за кухней лежитъ на хозяйкѣ, а кухарка только ея помощница. Поэтому хозяйка каждую минуту входитъ въ кухню и по цѣлымъ часамъ проводитъ время съ кухаркой. Во время чистки картофеля и моркови кухарка передаетъ ей всѣ тайны и дразги сосѣдей и знакомыхъ; это дѣлаетъ ея отношенія съ госпожею совершенно фамиллярными. Передавая сплетни о другихъ, служанка вмѣшивается и въ дѣла своихъ хозяевъ, и вотъ главная причина множества дразгъ и самыхъ мелочныхъ отношеній между кухаркой и ея хозяевами. Къ этому примѣшивается и разсчетливость хозяйки, которая ворчитъ и брюзжитъ на кухарку за всякую истраченную рѣпу. Такъ какъ въ семействѣ обыкновенно бываетъ не болѣе одной прислуги, и она чувствуетъ себя всегда усталой, то это тоже, разумѣется, даетъ поводъ къ постояннымъ неприятнымъ столкновеніямъ. Когда въ домѣ нѣсколько дѣтей, то берутъ еще няньку. Прислуга получаетъ опредѣленный паекъ, такъ какъ вся провізія подъ замкомъ, и неутомимая хозяйка каждый разъ отпускаетъ строго опредѣленную порцію. Нѣмецкая служанка справляетъ всякую работу до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не поставятъ ее въ болѣе высокое положеніе. Въ Германіи женщины даже средняго круга часто не кормятъ грудью своихъ дѣтей, а въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ кормилицы составляютъ необходимую принадлежность дома. Кормилица продолжаетъ носить свой національный костюмъ, и хозяйка заботится объ немъ больше, чѣмъ о своемъ собственномъ: купить кормилицѣ красивые башмаки съ серебряными пряжками, самое красное платье, нарядный головной уборъ и корсажъ—первая забота хозяйки. Когда нарядная кормилица гуляетъ съ своимъ питомцемъ въ общественномъ саду, она обыкновенно привлекаетъ болѣе вниманія, чѣмъ ея господа. Но обратите вниманіе и на груднаго ребенка, котораго она держитъ на рукахъ: ему еще нѣтъ года, но у него серіозный видъ, какъ у взрослого, ясно указывающій на умственную дисциплину его отца и дѣда. Да и собственная жизнь этого маленькаго существа не красна: съ первыхъ минутъ его появленія на свѣтъ, его связываютъ и стягиваютъ, какъ мумію, бинтами, которые развязываютъ въ случаяхъ крайней необходимости. Но что болѣе всего дѣлаетъ его настроеніе мрачнымъ, такъ это то, что до 8—10 мѣсяцевъ его никогда не купаютъ: толстый наростъ грязи на его головѣ стираютъ различными мазями. Даже весьма многія образованныя нѣмки увѣрены, что прекрасными волосами, которыми отличаются ихъ дѣвушки, онѣ обязаны тому, что ихъ не купаютъ въ раннемъ дѣтствѣ. И въ позднѣйшемъ возрастѣ нѣмецкія дѣти поражаютъ своею сдержанностію и отсутствіемъ рѣзвости. Вы рѣдко встрѣтите въ Германіи дѣтей, весело рѣзвящихся на от-

крытомъ воздухѣ; здѣсь совсѣмъ не въ модѣ физическія игры и забавы, какія мы встрѣчаемъ въ Англіи. Имъ болѣе по вкусу пускать змѣя, мыльные пузыри и другія тихія забавы. Германія, какъ извѣстно, производитъ болѣе другихъ странъ игрушекъ, и притомъ такихъ, которыя могутъ не только физически, но и умственно развивать ребенка. Но такія игрушки гораздо болѣе распространены за границей, а въ Германіи ихъ употребляютъ иногда при занятіяхъ въ дѣтскихъ садахъ. По улицамъ-же германскихъ городовъ и окрестныхъ мѣстностей вы встрѣчаете дѣтей, которыя тащатъ за веревку улана, барабанятъ въ барабанъ или бѣгаютъ съ трещоткою.

Нѣмецкая дѣвушка съ первыхъ лѣтъ дѣтства до своей смерти ведетъ жалкую, за творническую жизнь, сначала въ душевной атмосферѣ дѣтской, потомъ въ классной, а послѣ замужества въ кухнѣ. Вотъ почему основательное образованіе, которое нѣмецкія дѣвушки получаютъ въ своихъ прекрасныхъ, сравнительно съ другими странами, школахъ, уже къ 25-ти-лѣтнему возрасту не оставляетъ и слѣда, и въ это время вы видите въ нихъ уже крайне ограниченныхъ существъ. Къ тому же нѣмецкая дѣвушка развивается и учится только въ школѣ; по выходѣ изъ нея она не только забрасываетъ умственное образованіе, но и чтеніе, и въ ея рукахъ вы видите или поваренную книгу, или тамбурную иглу и канву, или журналъ модъ и женскихъ рукодѣлій. Дѣвочки еще несравненно меньше, чѣмъ мальчику, даютъ порѣзвиться: ее очень рано начинаютъ учить шить и различнымъ рукодѣльямъ, постепенно и послѣдовательно приучаютъ къ хозяйству, — все это лишаетъ ее свободнаго времени для игры и для чтенія. Раздѣленіе половъ, которое начинается съ ранняго возраста въ школѣ, продолжается и внѣ ея: мальчики уже дома отдѣлены отъ дѣвочекъ и даже сестры рѣдко принимаютъ участіе въ развлеченіяхъ и занятіяхъ братьевъ. Катаніе на лодкѣ, верховая ѣзда возбуждаютъ ужасъ, и женщину, дозволившую себѣ такое развлеченіе, даже уличные мальчики забросали-бы камнями. На открытомъ воздухѣ дѣвочка бываетъ только тогда, когда она идетъ въ школу, возвращается изъ нея, или когда она съ родителями въ воскресный день отиравается въ общественный паркъ. Когда она подростаетъ, отсутствіе физическихъ упражненій, веселой беззаботной дѣтской жизни, неудовлетворительное питаніе начинаютъ производить свое дѣйствіе на ея организмъ: она дѣлается прозрачною, одутловою и рано теряетъ зубы. Наконецъ наступаетъ важная эпоха въ жизни нѣмецкой дѣвушки — конфирмація; послѣ этого событія она считается уже не дѣвочкой, а дѣвушкой; до конфирмаціи она ходила въ короткихъ платьяхъ, теперь будетъ ходить въ длинныхъ; приѣзжая въ гости, она шла въ дѣтскую, теперь со взрослыми будетъ сидѣть въ гостиной. Конфирмація — скорѣе обычай, чѣмъ религіозный обрядъ, послѣ котораго дѣвушка вступаетъ въ свѣтъ. Это начинается съ того, что послѣ конфирмаціи она объѣзжаетъ всѣхъ съ визитами въ новомъ туалетѣ взрослой дѣвушки, получаетъ отъ всѣхъ поздравленія, и съ этой минуты ее начинаютъ называть «Fräulein», для нея заказываютъ визитныя карточки, ей дарятъ букеты, платокъ съ кружевами и позволено думать о женихахъ.

Вращаясь въ одномъ и томъ же тѣсномъ кругу, среди однихъ и тѣхъ же мелкихъ женскихъ рукодѣлій, которыя разнообразятся только танцами и вечерами, проведенными въ театрахъ и на концертахъ, нѣмецкія дѣвушки становятся мало оригинальными и всѣ чрезвычайно похожи другъ на друга. Кодексъ принятыхъ приличій и обычаевъ онѣ изучили уже давно, и уклониться отъ нихъ, выйти изъ тѣснаго круга обыденныхъ занятій, попытать какую-нибудь для себя новую дѣятельность, — о, это никогда не позволитъ себѣ порядочная нѣмецкая дѣвушка! Подъ руководствомъ матери, она принялась теперь еще болѣе усердно подвизаться на поприщѣ этой тевтонской добродѣтели — домовитости, качество, которое болѣе всего цѣнится въ среднемъ кругу и которое нѣмецкая литера-

тура такъ прославляетъ въ прозѣ и стихахъ. И дѣйствительно, она въ нѣсколько лѣтъ преуспѣваетъ въ высшей степени въ этой добродѣтели: когда она выходитъ замужъ, она стоитъ вполне на высотѣ своихъ хозяйственныхъ обязанностей и отлично научилась копить, скряжничать, неутомимо работать и подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ въ такой степени, въ какой это возможно только для нѣмки.

Нѣмецкая дѣвушка не имѣетъ обыкновенно ни изящныхъ манеръ, ни остроумія и находчиваго ума, ни пикантности и свѣтской любезности французженки, ни ея изящнаго вкуса, ни даже ея умѣнья красиво и ловко одѣться. Взрослая дѣвушка въ семействѣ, какъ и ея мать, одѣвается только къ 5—6 часамъ вечера, когда всѣ отираются на гулянье, въ концертъ, въ театръ, а до тѣхъ поръ дѣвушки и молодыя женщины ходятъ нечесанными и въ самомъ обтрепанномъ дезабилье. У нѣмки не существуетъ вообще привычки одѣваться чисто и хорошо лично для себя и для своихъ домашнихъ. Когда она оставила школу, она стала небрежно ходить въ измятой блузѣ цѣлый день, а одѣваться и даже чесаться только для гулянья и гостей. Сдѣлавшись хозяйкой дома, она держитъ себя въ этомъ отношеніи совершенно также. Въ самомъ небрежномъ дезабилье мать со взрослыми дочерьми садится за завтракъ и обѣдъ, въ которомъ принимаютъ участіе молодые люди, братья дѣвушекъ. Если вы встрѣтили молодую дѣвушку наканунѣ вечеромъ въ легкомъ платьѣ и локоняхъ на танцевальномъ вечерѣ, иногда очень недурненькую и стройную, вы совсѣмъ не узнаете ея въ домашнемъ кругу, въ папилоткахъ или съ растрепанными волосами, засунутыми за кисейный чепчикъ и въ небрежно накинутаю блузѣ. Искусная высокая прическа, съ спускающимися по плечамъ кудрями, къ которой такъ пристрастны нѣмецкія дѣвушки, воздушное платье, все это исчезло теперь, и передъ вами совсѣмъ другая особа—непривлекательная и прозаичная. Но домашніе не шокируются обыденнымъ небрежнымъ туалетомъ своихъ сестеръ, женъ и дочерей; они привыкли ихъ видѣть въ приличномъ видѣ только тогда, когда онѣ собираются уходить изъ дома и послѣ посѣщенія парикмахерши. Не только въ Берлинѣ, но и во многихъ нѣмецкихъ городахъ женщинъ высшаго и средняго круга, въ большинствѣ случаевъ, причесываютъ парикмахерши. Этихъ «Friseurin» чрезвычайно много, берутъ онѣ за свою работу совершенные пустяки и, по взаимному договору, идутъ изъ дома въ домъ къ своимъ кліенткамъ въ извѣстную часть, обходя такимъ образомъ сряду нѣсколько домовъ по сосѣдству. Такая парикмахерша играетъ въ нѣмецкомъ семействѣ немаловажную роль: она передаетъ сплетни и скандалы, о которыхъ узнала въ предыдущемъ домѣ и ссоритъ между собой своихъ кліентокъ.

Послѣ ухода парикмахерши дѣвицы принимаются за свой туалетъ, о которомъ онѣ предварительно думали дни и ночи напролетъ, о которомъ совѣтовались съ матерью, подругами и опытными родственницами. И хотя нарядная дѣвушка совсѣмъ преобразилась и приняла теперь миловидный видъ, но этому болѣе всего помогаетъ молодость, пріятныя черты лица, высокая прическа, которая къ ней такъ идетъ, но не туалетъ. Недостатокъ природнаго вкуса сказывается чувствительнѣе всего въ молодыхъ дѣвушкахъ. Не смотря на все стараніе одѣться къ лицу, это совсѣмъ не удается имъ. Ни въ одной странѣ не говорятъ столько о тряпкахъ и не заботятся такъ о нихъ, и нигдѣ не смыслятъ въ нихъ менѣе, чѣмъ здѣсь. Съ какимъ рвеніемъ каждая здѣшняя дѣвушка читаетъ журналы французскихъ модъ, но это нисколько не развиваетъ ея вкуса. Это происходитъ между прочимъ и потому, что каждая изъ нихъ, какъ огня, боится отступить отъ послѣдней моды, забывая, что она не всегда къ лицу каждой: всякое нововведеніе, маломальски оригинальное въ туалетѣ, строго преслѣдуется и вызываетъ порицаніе. Отсутствіе чувства такта и мѣры ведетъ къ тому, что, если мода предписываетъ украшать себя цвѣтами, на головѣ нѣмки, ея корсажъ и шляпѣ вы найдете цѣлый

огородъ пестрыхъ цвѣтовъ; если платье принято убирать отдѣлкой, то отъ разныхъ нашивокъ оно выйдетъ у нея пестрымъ; если лифъ нужно надѣть открытый, то онъ у нея вырѣзанъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, — однимъ словомъ вездѣ болѣе или менѣе шаржъ, преувеличеніе, карриатура. Между тѣмъ пристрастіе къ туалету, доходящее до слабости, обязанность въ совершенствѣ изучить кулинарное искусство и знать не только необходимыя женскія рукодѣлья, но и множество пустячныхъ, никому ненужныхъ работъ, — все это отнимаетъ время у молодой дѣвушки, или, лучше сказать, она проводитъ его въ мелочахъ и пустякахъ, привыкаетъ придавать важное значеніе мелочамъ и растрчиваетъ на нихъ свое сердце, умъ и сообразительность. Ни литература, ни политика не интересуютъ ея; передъ ея воображеніемъ встаетъ образъ дамы, которая вчера появилась въ общественномъ саду въ оригинальной шляпѣ и подняла бурю между женщинами. Ея мечты подраздѣляются на двѣ категоріи: однѣ чисто практическаго, другія идеальнаго характера. Къ первому разряду принадлежатъ всѣ мечты и воздушныя замки, относящіяся до замужества. Однако гуляя въ саду, она не только высматриваетъ жениха, но и совершенно безкорыстно мечтаетъ встрѣтить кого нибудь изъ членовъ царствующаго дома. Чтобы судить о ея счастья, надо видѣть ее въ ту минуту, когда ея мечта сбывается: блаженная улыбка моментально озаряетъ ея личико, она дѣлаетъ низкій реверансъ вѣрнопопданной, который такъ и говоритъ, что она не заслужила своего счастья.

Помолвка въ среднихъ и высшихъ классахъ не имѣетъ ничего романческаго, такъ какъ главную роль здѣсь играетъ расчетъ. Семейныя драмы, которыя при этомъ случаются у людей другихъ національностей, когда родители насильно выдаютъ дочь замужъ, здѣсь чрезвычайно рѣдки: молодая дѣвушка такъ воспитана, что сама только и думаетъ о выгодной партіи и въ этомъ отношеніи служитъ матери вѣрной помощницей и союзницей. Въ самыхъ рѣдкихъ исключеніяхъ, которыя, кстати замѣтимъ, становятся все рѣже, нѣмецкая дѣвушка не мечтаетъ о титулѣ и о возможности имѣть послѣ замужества повара. Но какъ добыть себѣ такого мужа? Не это-ли «суженый?» спрашиваетъ она каждый разъ, когда къ ней на гуляньѣ въ саду подходитъ мужчина, и употребляетъ всѣ средства, чтобы ему понравиться. Она отлично знаетъ, что должна торопиться устроить свою судьбу, потому что ея красота, часто весьма привлекательная, никогда не продолжительна: ея розовый цвѣтъ лица скоро вянетъ, она рано теряетъ зубы, и морщины бороздятъ ея лицо скорѣе всякой другой женщины. Если юная нѣмка не мечтаетъ о любви, то можетъ быть супружество привлекаетъ ее своею беззатѣйной семейной жизнью душа въ душу, которая открываетъ такое широкое поле для женскаго самопожертвованія и привязанностей. Объ этомъ она мечтаетъ еще меньше, такъ какъ отлично знаетъ жизнь своей семьи, своихъ знакомыхъ и родныхъ, и вездѣ она встрѣчаетъ одно и то же. Въ Германіи, вообще говоря, не существуетъ семейной жизни въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно понимаютъ; между членами семьи никогда не завязывается задушевной болтовни, ни совмѣстнаго чтенія, не существуетъ интимнаго пріема друзей. Каждый членъ семейства несетъ на себѣ множество обязанностей, которыя не оставляютъ времени для задушевныхъ семейныхъ отношеній; развлекается каждый бѣжить изъ дому въ пивной садъ, въ ресторанъ, на концертъ, въ театръ, на прогулку въ общественный садъ. Пріемы у себя дѣлаютъ чисто официальные: когда принимаютъ или отдаютъ визиты, или даютъ вечеринку, которую каждый обязанъ сдѣлать хотя два, три раза въ годъ. Отецъ никогда не говоритъ съ женою о своихъ планахъ: онъ только приказываетъ ей сдѣлать то или другое, или беретъ отчетъ въ ея расходахъ. Онъ не говоритъ о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ со своими взрослыми дѣтьми: по его понятію, онъ только можетъ дать хорошій совѣтъ, а не получить его отъ нихъ. Трактирная жизнь для средняго класса людей давно замѣнила жизнь семейную, и трактиръ

уже давно сдѣлался для нѣмца настоящимъ домомъ. Вотъ что поэтому поводу говорить одинъ писатель: «трактиръ для нѣмца — его второй домъ, онъ вполне водворился въ немъ, имѣетъ въ немъ свое особое мѣстечко, и горе тому, кто осмѣлится занять его; у него есть здѣсь свой стулъ, часто стаканъ съ его именемъ и обкуренная трубка; здѣсь онъ развѣртываетъ свой веселый юморъ и безцеремонность. Въ то время, какъ отецъ услаждается пивомъ, за его дочерьми ухаживаютъ. Но онъ не беспокоится. Когда молодой человѣкъ влюбляется въ дѣвушку, онъ высказывается ей въ чувствахъ, не обращаясь къ родителямъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ полнѣйшая свобода. Я зналъ студентовъ, по три года сряду ухаживавшихъ за дѣвушками хорошихъ фамилій, провожавшихъ ихъ на балъ, на концертъ, или катавшихся съ ними зимою, причемъ родители не обращали на это никакого вниманія. А между тѣмъ сердце студентовъ не считается постояннымъ».

Дѣвушка благороднаго, а иногда и знатнаго происхожденія, получающая въ приданое 1,000 талеровъ деньгами, считается уже богатой невѣстой. И это понятно; при бѣдности нѣмецкихъ семействъ средняго и высшаго круга, кромѣ денегъ, родителямъ невѣсты необходимо устроить для молодой четы полное хозяйство: мебель, сервизъ, бѣлье, однимъ словомъ все необходимое, чтобы начать жить. Понятно, какъ это трудно для тѣхъ родителей, у которыхъ полдюжины и болѣе дочерей.

Знакомство между молодыми людьми, оканчивающееся бракомъ, очень часто происходитъ въ общественныхъ садахъ, куда въ праздничные дни со всѣми чадами и домочадцами направляются семейные люди. Молодой человѣкъ, гуляя по аллеѣ и замѣтивъ мать съ дочерью, которая ему понравилась, какъ будто нечаянно садится возлѣ нея и начинаетъ разговоръ. На другое воскресенье онъ подходитъ къ этимъ дамамъ, какъ къ давнишнимъ знакомымъ. Здѣшнія матери имѣютъ необыкновенную способность быстро подмѣтить нужную для дочери партію. Разумѣется и дочь со своей стороны не дремлетъ. Смотри по положенію молодаго человѣка, отношеніе къ нему дѣвушки различно: если она подмѣтила, что онъ расчетливый купецъ, она, съ помощію своей матери, со всевозможною скромностію и стыдливостію умѣетъ выставить во всемъ блескѣ свои хозяйственные таланты. Какъ-бы она ни любила пива, она, въ присутствіи такого мужнины, будетъ стараться пить больше воду и, какъ можно усерднѣе, шить и вязать. Если онъ сынъ банкира или чиновника высшихъ ранговъ, она будетъ себя держать уже гораздо свободнѣе. Въ такомъ случаѣ она прячетъ работу въ ручной сакъ-воляжикъ, вынимаетъ изъ него свой вѣеръ, кокетливо обмахивается имъ, пьетъ пиво и лимонадъ, болтаетъ объ оперѣ. Молодой человѣкъ уже со втораго раза можетъ понять, пріятенъ онъ дамамъ или нѣтъ. Если послѣ его прихода мать точно нечаянно предлагаетъ ему мѣсто подлѣ дочери, а дочь пускаетъ въ ходъ незатѣйливый и однообразный арсеналъ нѣмецкаго кокетства, между которымъ видную роль играютъ междометія и сантиментальное подниманіе глазъ вверхъ, онъ уже знаетъ, что дѣло идетъ на ладъ. Для молодаго человѣка такая минута чрезвычайно рѣшительна: онъ долженъ или тотчасъ навсегда бросить это знакомство, или, проухаживавъ такимъ образомъ нѣсколько недѣль, сдѣлать предложеніе, иначе хитрая нѣмецкая матрона поставитъ на его пути такую западню, изъ которой ему трудно будетъ выпутаться. Самое интересное зрѣлище въ этихъ случаяхъ представляетъ такая мать, которая пришла въ общественный садъ съ 3, 4 дочерьми невѣстами. Разъ она замѣчаетъ, что у одной изъ нихъ дѣло подвинулось хотя немного впередъ, она бѣжитъ на другую скамейку къ другой дочери, чтобы и той помочь въ ея затрудненіяхъ. И такъ перебѣгаетъ она отъ одной къ другой, оставаясь больше всего съ самой неопытной. Если молодой человѣкъ предложилъ дѣвушкѣ какое нибудь угощеніе, въ родѣ стакана лимонада или пива, мать вздыхаетъ уже съ облегчен-

нымъ сердцемъ, такъ какъ это добрый признакъ: но своей разсчетливости молодой нѣмецъ только тогда предлагаетъ дѣвушкѣ угощенье, когда онъ хотя еще не сдѣлалъ ей предложенія, но серьезно думаетъ объ этомъ. Разъ предложивъ какое нибудь угощеніе, онъ съ этой минуты долженъ уже при каждой встрѣчѣ предлагать ей что нибудь, платить за выпитый ею лимонадъ, за съѣденный буттербродъ. Но и тутъ во всемъ блескѣ сказывается разсчетливость нѣмца: онъ платитъ за угощеніе своей невѣсты, но не считаетъ долгомъ платить за ея мать, которая, по своимъ понятіямъ, вынуждена сопровождать помолвленныхъ. Онъ не платитъ за мать невѣсты даже и въ томъ случаѣ, если она взяла что-нибудь на 5 пфенниговъ. Если они втроемъ отправляются въ театръ, женихъ покупаетъ мѣста для двоихъ, а мать сама покупаетъ себѣ билетъ и садится позади помолвленныхъ.

Нерѣдко молодому человѣку нравится дѣвушка, которую онъ встрѣтилъ въ первый разъ, но онъ не имѣлъ случая сказать съ нею двухъ словъ; тогда онъ разузнаетъ ея адресъ и, нисколько не колеблясь, пишетъ ей письмо, въ которомъ проситъ позволенія познакомиться съ ней и представиться родителямъ. Онъ разрисовываетъ себя въ самомъ лучшемъ видѣ и, упомянувъ о своихъ доходахъ и планахъ, уже въ этомъ письмѣ проситъ позволенія посѣщать домъ въ качествѣ искателя руки. Семейство дѣвушки наводитъ справки и если онъ удовлетворяютъ ихъ, то поручаютъ дочери отвѣчать молодому человѣку любезнымъ приглашеніемъ. Родители, уже въ первое посѣщеніе, встрѣчаютъ его съ распростертыми объятіями, и онъ получаетъ право открыто приступить къ объясненію въ любви безъ страха отказа. Со втораго раза ему уже дозволяютъ цѣловать свою невѣсту и, не стѣсняясь, обмѣниваться съ нею неумѣренными ласками въ присутствіи третьяго лица. Однако, не смотря на легкость, съ которою человѣкъ незнакомый можетъ проникнуть даже въ почтенное семейство, существуетъ множество молодыхъ людей, которые предпочитаютъ объясняться въ любви и дѣлать предложеніе посредствомъ газетъ. Такія заявленія въ газетахъ вы находите каждый день въ громадномъ количествѣ: «Блондинку съ биноклемъ, которая въ прошлое воскресенье съ пожилою особою въ кафе Бель-вю напрасно прождала кого-то и вышла по направленію къ Лейпцигеръ-штрассе, проситъ съ самыми благородными намѣреніями молодой человѣкъ, который сидѣлъ съ ними въ томъ же кафе за противоположнымъ столомъ, дать ему возможность увидѣть ее во второй разъ, написавъ по такому-то адресу». «Прелестную молодую дѣвушку въ черномъ, которая присутствовала въ циркѣ Ренца въ прошлое воскресенье на представленіи, проситъ господинъ, который у нея сидѣлъ слѣва, устроить съ нимъ свиданіе». «Черноглазую красавицу съ роскошными локонами, которая сидѣла во вторникъ вечеромъ въ Вальнеровскомъ театрѣ, въ 4 ряду, № кресла 51, и жемчужными слезами оплакивала несчастіе героини пьесы, страстно проситъ сообщить свое имя и адресъ молодой человѣкъ еврейскаго происхожденія, дѣла котораго идутъ очень хорошо». Многіе выражаютъ свои чувства стихами. Подпись подъ стихами бываетъ: «твой сосѣдъ въ партерѣ театра Кролля», или: «вашъ сосѣдъ въ циркѣ Ренца» и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ объявленій такъ тупо-сентиментальны, такъ загадочны по смыслу и сбивчивы въ логическомъ и этимологическомъ отношеніяхъ, вѣроятно, для того, чтобы поняла только та личность, къ которой онѣ адресованы.

Помолвка нерѣдко предшествуетъ свадьбѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и на нѣсколько лѣтъ. Этому обычаю даютъ форму письменнаго общанія, подписаннаго родителями. Хотя помолвка не дѣлаетъ брака обязательнымъ, но обязываетъ нарушающую сторону уплатить неустойку. О помолвкѣ тотчасъ заявляютъ въ газетахъ, обыкновенно въ такихъ выраженіяхъ: «Симъ имѣемъ честь объявить о помолвкѣ нашей старшей дочери Елизаветы съ помѣщикомъ родоваго имѣнія фонъ Бисмаркъ-Книбхофъ, — лейтенан-

томъ резерва перваго полка гвардейскихъ драгунъ». Внизу подпись родителей. За этимъ объявленіемъ слѣдуетъ извѣщеніе жениха: «Симъ имѣю честь заявить о моей помолвкѣ съ Елизаветою фонъ-деръ-Остенъ». Помолвленные обыкновенно вступаютъ въ бракъ, такъ какъ мало найдется такихъ, которые рѣшились-бы отступить отъ обязательства, получившаго такую огласку не только предъ родственниками, но предъ всѣмъ свѣтомъ. Однако небольшое меньшинство, встревоженное при ближайшемъ знакомствѣ тѣмъ, что называется несходствомъ характеровъ, а еще чаще недостаткомъ средствъ, рѣшается на разрывъ. О такихъ разрывахъ обыкновенно умалчиваютъ, и разрозненная чета пускается опять въ погоню за болѣе сродными душами. Но иногда случается, что страсть помѣститъ въ газетахъ объявленіе, а можетъ быть и какія-нибудь особенныя обстоятельства, заставляють бывшего жениха огласить свой разрывъ. Вотъ одно объявленіе такого рода: «Помолвка между такими-то лицами, о которой было формально объявлено тогда-то, была нарушена молодой дѣвушкой, глубоко мною уважаемой и къ великому моему огорченію, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не нашла во мнѣ той солидности, которую она считаетъ себя вправѣ требовать отъ своего жениха».

Въ Берлинѣ существуютъ агентства и газеты, спеціально занятыя брачными дѣлами. Въ агентствахъ вы можете найти сваху или посредника для сватовства, за ничтожную сумму узнать о средствахъ къ жизни, о состояніи и всю подноготную лицъ, съ которыми желаешь вступить въ бракъ. Берлинская брачная газета иллюстрирована виньетками, изъ которыхъ одна представляетъ почтеннаго отца семейства, сидящаго въ креслѣ, въ халатѣ и съ газетой въ рукахъ. Онъ читаетъ своимъ дочерямъ предложеніе отъ лицъ другаго пола, жаждущихъ вступить въ узы Гименея. Въ другой виньеткѣ молодой офицеръ отдаетъ запечатанный пакетъ въ контору брачной газеты, а въ третьей, на которой изображена веселая свадьба, тотъ-же самый офицеръ сидитъ подлѣ своей сконфуженной невѣсты, а гости пьютъ пѣнящееся шампанское за здоровье счастливой четы. У пользующихся плохой репутаціей берлинскихъ «комиссіонеровъ», занимающихся посредничествомъ въ бракахъ, дѣла идутъ чрезвычайно бойко. Въ гражданскихъ судахъ по мелкимъ долгамъ эти комиссіонеры постоянно фигурируютъ въ качествѣ истцовъ противъ забывчивости супруговъ, не заплатившихъ имъ условленнаго процента съ приданнаго своихъ женъ, счастьемъ съ которыми они наслаждаются чрезъ посредство этихъ посредниковъ весьма сомнительнаго достоинства. Повидимому всѣ классы общества прибѣгаютъ къ этому способу сватовства: тутъ вы найдете и чиновниковъ знатнаго происхожденія, и офицеровъ дѣйствующей арміи, и офицеровъ въ отставкѣ, которые, для сохраненія тайны, довольствуются честнымъ словомъ агентовъ, люди исключенные изъ военной службы, спекуляторы, жаждущіе воспользоваться состояніемъ своей будущей жены для какого нибудь большаго предпріятія, промотавшіеся холостяки, которые прямо заявляютъ, что желаютъ жениться на дѣвушкѣ, если ея состояніе не ниже такой-то цифры, вдовцы, откровенно сознающіеся, что хотя они не молоды и некрасивы, но гордятся незапятнаннымъ именемъ и ищутъ для себя подругу жизни, которая взяла-бы на себя воспитаніе дѣтей отъ первой жены, банкиры, купцы—всѣ одинаково требовательны на счетъ приданнаго, всѣ классы общества прибѣгаютъ къ сватовству, къ объявленіямъ, къ посредникамъ, сдѣлавшихъ изъ своего ремесла спеціальное занятіе и выгодный промыселъ. Можно себѣ представить, какъ низко пала семейная жизнь, какъ мало нравственнаго чувства и порядочности въ томъ обществѣ, гдѣ возможно такое постыдное ремесло, гдѣ изъ брака устроили куплю, продажу, рынокъ, но никакъ не тихое семейное счастье, которое мы, остальные европейцы, надѣялись встрѣтить въ Германіи. Въ брачныхъ газетахъ и въ «Fossische Zeitung» вы постоянно находите объявленія, въ которыхъ за хорошее приданое пагло и цинично пред-

лагають горячее сердце. Вот нѣсколько такихъ объявленій, взятыхъ изъ наиболѣе распространенныхъ газетъ. При этомъ, какъ въ выше приведенныхъ объявленіяхъ, такъ и въ настоящихъ, мы старались сохранить стиль и фразеологию оригинала: *«Дамамъ благороднаго происхожденія: Образованный чиновникъ, благороднаго происхожденія, съ постоянно увеличивающимся окладомъ, который простирается теперь до 1000 талеровъ, пріятной наружности, съ очень добрымъ сердцемъ, всего 30 лѣтъ отъ роду, желаетъ жениться на красивой, образованной, благородной дѣвушкѣ или вдовѣ между 17 и 27 годами, которая имѣла-бы въ своемъ собственномъ распоряженіи по крайней мѣрѣ 10000 талеровъ. Почтительно просить выслать свой адресъ съ точнымъ обозначеніемъ своего положенія. Желательно фотографическій портретъ. За тайну ручаются»*. *«Дамамъ съ независимымъ положеніемъ: Молодой человекъ, пріятной наружности, съ аристократическими манерами, чиновникъ на императорской службѣ, желаетъ сочетаться бракомъ съ красивой особой, но непременно съ состояніемъ. Приданое она можетъ принести не исключительно капиталомъ, но если вмѣсто него окажется помѣстье, или другая какакаянибудь недвижимая собственность, то вышеозначенный молодой человекъ противъ этого ничего не имѣетъ. По востребованію онъ вышлетъ свою фотографическую карточку и проситъ выслать свой адресъ туда-то»*. *«Господинъ съ обезпеченнымъ положеніемъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, который вѣритъ въ платоническую любовь и страстно желаетъ осуществить эту идею въ бракъ, желаетъ мирными средствами, предварительно при помощи анонимной переписки, познакомиться съ дамой не совѣтъ безъ состоянія, съ благородными инстинктами, хорошо воспитанной, съ живымъ умомъ и съ характеромъ лучше пылкимъ, чѣмъ серьезнымъ, чтобы заключить съ ней сердечный союзъ самаго чистаго платонизма»*.

Одинъ ученый докторъ специально занялся распредѣленіемъ этихъ объявленій по разрядамъ, подвелъ имъ итоги и пришелъ къ такимъ выводамъ относительно этого вопроса: въ 1874 г. въ «Fossische Zeitung» изъ 411 объявленій 306 принадлежали мужчинамъ и 105 женщинамъ. Это доказываетъ, что къ сомнительному способу подобныхъ объявленій мужчины прибѣгаютъ чаще, чѣмъ женщины. Затѣмъ мужчины на первомъ планѣ ставятъ состояніе и въ большинствѣ случаевъ если не требуютъ красоты, то обыкновенно пріятной наружности; женщины совѣтъ неупоминаютъ о внѣшнихъ качествахъ и отъ своихъ будущихъ супруговъ требуютъ чаще всего качествъ нравственныхъ: обходительности, ума, энергіи, постоянства, солидности и чувствительнаго сердца.—Помолвка, какъ мы уже упоминали, предшествуетъ свадьбѣ, но о ней нельзя и думать серьезно, прежде чѣмъ родственники невѣсты не обзаведутся для нея хозяйствомъ и мебелью. Если они не въ состояніи этого сдѣлать, то она, будучи уже невѣстой, остается дѣвушкой, пока родственники этого не выполнятъ. Обыкновенно это хозяйство состоитъ изъ мебели для всей квартиры и кухни, постельнаго и столоваго бѣлья. Если помолвленные—люди зажиточные, это бѣлье выставляютъ для осмотра знакомыхъ и друзей, и тогда такая комната очень походитъ на магазинъ, въ которомъ торгуютъ полотномъ; цѣлыми горами навалены простыни, наволочки, скатерти, все это въ такомъ громадномъ количествѣ, что, кажется, хватить на всю жизнь молодыхъ. Въ теченіи трехъ недѣль, предшествующихъ свадьбѣ, имена помолвленныхъ вывѣшиваютъ въ ратушѣ, такъ какъ безъ этой формальности бракъ не имѣетъ силы. Церемоніи, связанная съ самымъ обрядомъ, продолжаются трое сутокъ; первый день, когда выставляютъ приданое, называется «Polterabend»; второй—не больше, какъ антрактъ для отдыха передъ свадьбой, а въ третій—происходитъ самая свадьба. Прежде «Polterabend» справляли наканунѣ свадьбы, но это было очень хлопотно и утомительно, и впоследствии

ввели между Polterabend'омъ и свадьбою день отдыха, — это нововведеніе сдѣлалось теперь всеобщимъ.

Polterabend—день самый веселый и любимый молодежью обоого пола, во время котораго молодые люди отъ всей души отдаются веселью, проявляя при этомъ возможное для нѣмца остроуміе и находчивость. Приглашенные въ этотъ день собираются къ 3-мъ часамъ пополудни. Молодые люди, а иногда даже и дѣти, являются нерѣдко въ фантастическихъ костюмахъ, и каждый изъ нихъ обращается къ жениху и невѣстѣ съ подходящей рѣчью. Вотъ входитъ маленькій мальчикъ, одѣтый фермеромъ, съ огромной связкой зелени на спинѣ. Онъ медленно подходитъ къ невѣстѣ, сбрасываетъ зелень къ ея ногамъ и говоритъ: «я слышалъ, что вы любите супъ; изъ этой зелени можете наварить его сколько угодно, только не забудьте при этомъ и вашего мужа, такъ какъ съ этихъ поръ вы должны помнить, что вы съ нимъ одинъ человекъ и всѣмъ должны дѣлиться съ нимъ». Ни определенныхъ сценъ, ни определенныхъ рѣчей, ни разъ навсегда назначенныхъ костюмовъ здѣсь не существуетъ, — каждый старается быть оригинальнымъ и изобрѣтаетъ сцены, одѣваетъ туалеты сообразно своему вкусу, понятію и остроумію. Вотъ свадьба дочери богатаго банкира, которая выходитъ замужъ за пожилаго человека изъ огромнаго класса тайныхъ совѣтниковъ. Дѣвушки и дѣти, въ фантастическихъ костюмахъ, одинъ за другимъ говорятъ рѣчи невѣстѣ и жениху съ намеками на какойнибудь эпизодъ изъ ихъ прошлой жизни. Одна прелестная маленькая дѣвочка одѣта водяной нимфой, а два мальчика въ охотничьихъ костюмахъ. Изъ толпы гостей особенно выделяются двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одна изображаетъ собою кофе, а другая чай. На первой шелковое платье кофейнаго цвѣта, обшитое настоящими кофейниками; на ея головѣ среди листьевъ и ягодъ кофейнаго дерева прикрѣпленъ маленькій кофейникъ. Та, которая изображала чай, была въ соответствующемъ костюмѣ; обѣ дѣвушки усялись за столomъ, гдѣ подавали чай и кофе. Когда выпили чай и кофе и собрали на поднось блюдечки и чашки, «Fräulein кофе» обратилась къ невѣстѣ съ рѣчью, въ которой она совѣтовала ей не увлекаться поэтической стороною супружеской жизни и не пренебрегать будничными обязанностями. Она напомнила ей, какъ важно къ приходу мужа имѣть всегда на готовѣ чашку кофе. Съ этими словами она быстро перевернула поднось: чашки, блюдечки и стаканы со стукомъ полетѣли на полъ при взрывѣ бѣшеныхъ рукоплесканій. Это битье посуды составляетъ существенную принадлежность Polterabend'a. Бьютъ посуду, по словамъ нѣмцевъ, чтобы предотвратить несчастіе. Чтобы сохранить обычай и соблюсти экономію, на многихъ свадьбахъ употребляютъ такую хитрость: собираютъ старыя тарелки и блюда и выбрасываютъ за дверь въ ту минуту, когда говорятъ рѣчи или происходятъ другія какіянибудь развлечения.

Послѣ рѣчей присутствующіе разыгрываютъ какуюнибудь театральную пьесу, а иногда оперу, которую они, разобравъ роли, за долго до этого дня репетируютъ очень тщательно. Иногда составляется небольшой, но прекрасный оркестръ, въ которомъ принимаютъ участіе друзья и родственники невѣсты.

Вотъ свадьба доктора съ дочерью учителя. Послѣ рѣчей, которыя произносили другъ за другомъ собравшіеся гости въ оригинальныхъ костюмахъ, послышался за дверью голось, просившій позволенія войти отъ имени бога Зевса. Когда это было дозволено, дверь распахнулась, и въ комнату вошла длинная процессія. Во главѣ шелъ Меркурій со своимъ жезломъ, а за нимъ Аполлонъ, играя на лирѣ; зади него другіе боги и богини въ соответствующихъ костюмахъ. Изъ этой толпы выступилъ Зевсъ и сѣлъ на тронъ, скрытый до тѣхъ поръ въ углу и никѣмъ не замѣченный. Онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ боговъ и объявилъ имъ, что онъ долженъ нѣчто сообщить имъ. «До меня дошелъ слухъ съ земли, что какой-то сынъ Эскулапа желаетъ жениться. Это извѣстіе потря-

саеть Олимпъ до самаго основанія и спокойствіе водворится только тогда, когда я узнаю кто онъ такой, что изъ себя представляет и кто такая его невѣста. Пусть выскажутся всѣ, кто объ этомъ что нибудь знаетъ. «При этомъ богъ Эскулапъ вышелъ изъ толпы боговъ и сообщилъ Зевсу, что этотъ смертный сынъ его не изъ тѣхъ, которые имѣютъ силу воскрешать мертвыхъ, но что, напротивъ, онъ очень часто убивалъ живыхъ и даже дѣлаеть это чаще, чѣмъ ихъ вылечиваетъ. Венера, одѣтая въ легкомъ бѣломъ платьѣ, обшитымъ серебряными шурками, украшенная серебряными ожерельями и браслетами, выступила впередъ и произнесла рѣчь въ защиту невѣсты. Всѣ боги и богини были одѣты съ надлежащими атрибутами и доказывали, что предводитель процессіи былъ основательно-знакомъ съ мифологіей. Затѣмъ всѣ собрались въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ былъ сервированъ ужинъ, за которымъ подавали множество нѣмецкихъ яствъ; когда онъ кончился, начались танцы, продолжавшіеся до утра.

За Polterabend'омъ—промежуточный день, во время котораго приводятъ въ порядокъ квартиру и готовятъ къ дню свадьбы. По утру, въ день свадьбы, гости опять собираются и сопровождаютъ жениха и невѣсту къ чиновнику, у котораго совершается формальный контрактъ. Этотъ формальный контрактъ, безъ церковнаго обряда, здѣсь не только закономъ признается совершенно достаточнымъ, но и самимъ обществомъ, и тѣ, которые совершаютъ одинъ только гражданскій бракъ, нисколько не теряютъ своей репутаціи. Здѣсь на церковный бракъ смотрять какъ на роскошь, которая предоставляется тѣмъ, кому желательно дѣлать лишніи издержки. Церковный бракъ совершается иногда въ церкви, но чаще въ частномъ домѣ. Въ такомъ случаѣ въ гостиной устраиваютъ алтарь, убираютъ его цвѣтами, и церемонія часто совершается подъ аккомпаниментъ музыки. По окончаніи вѣнчанія всѣ садятся за обѣдь, который бываетъ не менѣе какъ изъ 20 блюдъ; затѣмъ слѣдуютъ рѣчи. Каждый ораторъ старается сдѣлать свою рѣчь интересною и пикантною, иллюстрируя ее рассказомъ о какомъ нибудь фактѣ изъ прошлой жизни молодаго или молодой. Шаферъ, (имъ обыкновенно бываетъ лучший другъ жениха) старается заинтересовать публику, дѣлая въ своей рѣчи пикантные намеки на забытыя похождения своего друга.

Предъ тѣмъ какъ всѣ уже собираются разъѣзжаться, жениху завязываютъ глаза и выводятъ на середину комнаты, а дѣвушки берутся за руки и начинаютъ танцовать вокругъ него. Молодой протягиваетъ руки, и первая, къ которой онъ прикоснется, должна выйти замужъ раньше другихъ. Затѣмъ завязываютъ глаза молодой, и она тоже самое продѣлываетъ съ холостяками. Свадьбы въ громадномъ большинствѣ происходятъ въ субботу, чтобы хотя одинъ день—воскресный провести съ молодою женой, а въ понедѣльникъ люди средняго класса возвращаются къ обычнымъ занятіямъ.

Высшій классъ считаетъ особенно важнымъ, чтобы при бракахъ отъ семейства не отчуждалась собственность; поэтому браки въ этомъ классѣ очень часто заключались между родственниками. Это повело къ весьма сложнымъ родственнымъ отношеніямъ, но въ послѣднее время многіе изъ молодыхъ аристократовъ, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, отбросили свой аристократическій гоноръ и начали нерѣдко вступать въ бракъ съ дочерьми банкротовъ и разжившихся биржевиковъ.

Упомянувъ объ обычаѣ, теперь почти всеобщемъ, совершать бракъ безъ церковнаго обряда, клерикальный органъ «Германія» сокрушается, что то, «что прежде было однимъ изъ самыхъ почитаемыхъ таинствъ въ религіи, считается теперь не источникомъ благодати, а окончаніемъ романа или дѣломъ исключительнаго расчета». Эта газета считаетъ теперешній бракъ ниже языческаго. Всеобщее уменьшеніе числа браковъ и крещеній у германскихъ протестантовъ коренится въ ихъ индифферентизмѣ къ религіи, въ ихъ національной бѣдности и въ національной добродѣтели — расчетливо-

сти, которая, составляя самую характерную черту народа, проникает во все сферы его жизни и деятельности. Гражданский обряд не только обязателен, но и обходится гораздо дешевле церковного, и расчетливые немцы среднего и низшего сословия не могут понять, зачем им платить вдвое дороже за церковную церемонию, когда по закону достаточно и одной гражданской. Правительство сокрушается о таком положении вещей, так как оно опасается, что это мало-по-малу отдаляет от нея церковь, которая давала ему всегда такую сильную поддержку; поэтому оно и покровительствует церковному браку, делая его обязательным для всех, находящихся под прямым его контролем. Когда люди, находящиеся у него на службе, вступая в брак, выполняют только один гражданский обряд, правительство иногда довольно чувствительно дает понять свое неудовольствие. Вот напр. приказ, изданный по поводу брака школьного учителя Прифарта: «*Королевское правительство в Потсдаме, февраля 4-го 1875 г.*: Так как нам было доложено, что вы не обращались ни к одному духовному лицу для освящения вашего брака, совершенного в декабрь прошлого года, мы не можем оставить вас больше в должности начального учителя, так как мы от христианского учителя требуем, чтобы он следовал всем христианскими правилам и давал бы этим хороший пример всей общине. Поэтому вы с первого числа следующего месяца не состоите более в должности.»

Милостивое личико немки после брака чрезвычайно скоро увядает и стареет. Можно прожить в прусской столице целую неделю, не встретив ни одной прекрасной женщины. Ее лицо через несколько лет после брака делается одутловатым; большие, задумчивые глаза выцветают, становятся безжизненными и вялыми, зубы быстро начинают портиться. И это понятно: раз немка сделалась женщиной — ее назначение быть домовитой хозяйкой и верной рабой того, кто удостоил соединить ее судьбу с своею. Теперь она должна сосредоточить все свое внимание на хозяйстве, отдаваться всем умом тайнам кухни и погреба, считать шитье, женские рукоделья и чистку главными добродетелями и отдавать большую часть своего времени отпирацию шкафов, коммодов, чуланов той громадной связкой ключей, которая составляет символ ее власти. Эти вечные заботы о кухне, доходящая до педантизма и мелочности, скоро притупляют ее ум, а рабское отношение к мужу убивает нравственное чутье. Ее умственные и нравственные понятия так ограничены, что она не может быть матерью в хорошем смысле этого слова, не может быть и подругой своего мужа; впрочем это здесь и не требуется. Она должна быть только экономкою в доме, к чему было направлено и все ее воспитание. Когда она окончила школу, ее отравили учиться стирать в отель или в богатый дом какойнибудь тетки и шить у портнихи. В семейной жизни муж зарабатывает, жена хозяйничает. Замужняя жизнь немецкой женщины самая прозаическая: у нея нет ни достаточно времени, ни интереса, чтобы заниматься литературой, наукой или политикой. Мало того: за исключением самых редких случаев, ее управление хозяйством чисто номинальное, так как муж, хотя и занят делами, все-таки успевает весьма строго присматривать за мелочами частной жизни. Он знает с величайшею точностью, сколько в день должно выходить провизии, ворчит и топает ногами, когда оказывается, что слишком много издержано на мыло и свечи, и принимает грозный вид, когда наступает зима и речь заходить о топливе. По вечерам можно видеть постоянно такую сцену: муж в халат, развалившись, сидит в кресле, а жена, стоя перед ним в покорной позе, дрожит со счетной книгой в руках. «Немецкий брак», говорит Гейне, «не истинный брак, — у мужа не жена, а служанка. Он умственно продолжает жить той-же уединенною жизнью даже среди своего семейства». И действительно, супруги

только ѣдать и спать подь одной кровлею, — у нихъ нѣтъ ничего общаго между собою. Днемъ мужъ въ конторѣ, за прилавкомъ или въ канцеляріи, вечеромъ онъ отправляется въ трактиръ. Онъ приходитъ домой только обѣдать и ѣсть то, что жена ему состряпала, выражая свое удовольствіе или дѣлая строгій выговоръ, когда ему что не понравится. Она вѣчно возится со сковородой и тѣстомъ, онъ — съ чинами, орденами и пивомъ.

При тѣхъ затрудненіяхъ, которыми сопровождается здѣсь вступленіе въ бракъ, невольно удивляешься, какъ легко онъ расторгается. Бракъ здѣсь можно назвать только законнымъ временнымъ договоромъ и къ разводу всегда можно найти поводъ. Взаимная неприязнь, семейныя ссоры, самый ничтожный поводъ служить для прусскихъ законовъ достаточнымъ предлогомъ для развода. Напр. въ параграфѣ 57 брачнаго патента, который еще въ употребленіи въ Пруссіи, говорится: «въ 3-хъ, разводъ дозволяется, если между супругами возникла неискоренимая вражда и непримиримая неприязнь и если оба они согласны на разводъ». Пасторъ прихода, при исполненіи формальностей, уговариваетъ супруговъ помириться, тоже дѣлаетъ духовный судъ, но тотъ или другой изъ супруговъ, или оба вмѣстѣ упорствуютъ, и разводъ совершается формальнымъ образомъ. «Если какой-нибудь изъ супруговъ изъ злаго умысла противится разводу, то судъ имѣетъ право развести ихъ помимо него, если только не находить требованіе его справедливымъ». Разводъ здѣсь случается нерѣдко, и разведшіеся супруги встрѣчаются другъ съ другомъ въ обществѣ чрезвычайно любезно. Это явленіе обычное. Случается даже, что пожилой человѣкъ пріѣзжаетъ въ общество, радушно раскланивается съ одной, а то и съ двумя супругами и садится съ ними за карты.

Когда жена даритъ мужа залогомъ своей любви, объ этомъ, какъ и о каждомъ явленіи семейной жизни, извѣщаютъ въ газетахъ: «По божьей милости, моя возлюбленная жена Антонія, урожденная Гардеръ, благополучно разрѣшилась отъ бремени сегодня, въ 8 часовъ утра, здоровымъ младенцемъ женскаго пола». Затѣмъ слѣдуетъ подпись. «Честъ имѣю объявить о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени моей супруги Розамунды, которая сегодня утромъ восхитила меня младенцемъ мужскаго пола».

Въ среднихъ и высшихъ классахъ общества крещеніе новорожденныхъ происходитъ обыкновенно въ домѣ родителей. Въ одной изъ комнатъ устраиваютъ алтарь, который убираютъ цвѣтами. По окончаніи церемоніи подаютъ угощеніе. Праздникъ обыкновенно бываетъ шумный. Только бѣдные крестятъ дѣтей въ церкви; пасторъ собираетъ ихъ огуломъ, по цѣлому десятку заразъ. Обыкновенно въ воскресенье, около 2 часовъ дня начинаютъ собираться для крестинъ. Когда кистеръ записалъ въ книгу имена воспріемниковъ, онъ приглашаетъ ихъ всѣхъ встать полукругомъ возлѣ купели, или лучше сказать стола, въ углубленіи котораго вставлена большая металлическая тарелка. Затѣмъ выходитъ пасторъ и съ полчаса читаетъ молитвы; послѣ этого онъ подходитъ къ каждой воспріемницѣ, которая держитъ ребенка и, при словахъ молитвы, креститъ своею рукой лобъ и грудь новорожденного. Затѣмъ обнажаютъ головку дѣтяи, и пасторъ надъ этой тарелкой три раза обливаетъ ему голову. Послѣ этого, продолжая держать головку ребенка надъ тарелкой, на него накидываютъ кружевной бѣлый платокъ, за концы котораго берутся воспріемники. Затѣмъ опять молитва и знаменіе креста, и церемонія кончена. Такимъ образомъ ребенка крестятъ совершенно одѣтаго (только обнажая ему головку) и завернутаго въ матрасикъ, перевязанный голубыми или розовыми лентами. Когда обрядъ конченъ, крестная мать кладетъ въ матрасикъ ребенка конвертъ съ деньгами, количество которыхъ соразмѣряется съ ея состояніемъ и ея отношеніями къ матери новорожденного. «Крестинные конверты», въ которые вкладываютъ денежный подарокъ крестнику, совершенно особые и продаются въ каждой бумажной лавкѣ: розовые, голубые, они раскрашены цвѣтами и съ

разными девизами, въ родѣ слѣдующихъ: «Богъ моя надежда», «будь крѣпокъ тѣломъ и силенъ душою» и т. п. Въ конвертѣ почтовая бумажка съ стихами на ту же тему и съ картинкой изъ священнаго писанія.

Если судить по множеству прекрасныхъ гробовъ, выставленныхъ на продажу у берлинскихъ гробовщиковъ, то придется къ заключенію, что берлинцы далеко не индифферентны къ параду и блеску похоронъ. Гробы эти иногда представляютъ металлическіе саркофаги, съ тщательно отдѣланными золотыми орнаментами. Погребальныя дроги для богатыхъ тоже великолѣпны: это изящныя балдахины на колесахъ, въ которые впрягаютъ лошадей въ длинной черной драпировкѣ. Балдахины эти съ занавѣсами и фестонами изъ черного сукна; гробъ украшенъ цвѣтами и вѣнками. Гробы бѣднѣйшихъ классовъ разрисованы въ яркій желтый цвѣтъ. На могилы многіе кладутъ фарфоровыя плиты, въ видѣ открытой книги, съ надписью въ родѣ слѣдующей: «Здѣсь почиваетъ въ мирѣ мой зять, Іоаннъ Шульцъ, родившійся и умершій тогда-то». Черныя погребальныя вѣнки съ бѣлою надписью: «покойся въ мирѣ» лежатъ на большей части могилъ, на кладбищахъ, окружающихъ Берлинъ.

Объявленія о смерти въ берлинскихъ газетахъ, хотя и нѣсколько растянуты, часто бываютъ очень патетичны, но нерѣдко и совершенно другаго характера. «24-го іюля, 1876 г. умеръ внезапно смертію прусскій капитанъ, кавалеръ ордена желѣзнаго креста, Адольфъ фонъ-Петцольдъ. Онъ прошелъ жизнь полную горькихъ разочарованіе, тяжелыхъ испытаній и заботъ. Его глубокое религиозное чувство, его твердая вѣра въ Провидѣніе дали ему силы снести много страданій съ неропущимъ христіанскимъ смиреніемъ. Наконецъ, на закатѣ дней, жизнь, казалось, улыбнулась ему, но, по несповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, ему не пришлось наслаждаться ею. Въ немъ умеръ вѣрный супругъ, вѣрный другъ и человекъ правды. Да воздастъ Господь вѣчный миръ его душѣ». «Сегодня скончалась внезапно отъ болѣзни сердца, на рукахъ сестры, Берта фонъ-Линденбаумъ. Да ниспошлетъ намъ Богъ силу снести этотъ тяжелый ударъ». «Извѣщаю друзей и родственниковъ, что я потерялъ горячо-любимую супругу, только что разрѣшившуюся отъ бремени сыномъ, для котораго я ищу кормилицу. Исполняя свои прямыя обязанности, она должна въ то-же время помогать мнѣ въ моей бакалейной торговлѣ, пока у меня не будетъ второй жены». «Сегодня въ 9 ч. утра Господь Богъ отозвалъ ювелира Себальда Мейера отъ прилавка въ лучшій міръ. Его оплакиваетъ вдова и двѣ его дочери: Гульда и Эмма. Старшая изъ нихъ, какъ извѣстно изъ столбцовъ большихъ газетъ, вышла замужъ съ большимъ приданымъ, а вторая еще въ дѣвушкахъ. Съ сокрушеніемъ извѣщаетъ объ этомъ вдова Вероника Мейеръ, урожденная Сезесъ. Дѣла наши мы будемъ вести по-прежнему, только черезъ три недѣли мы переходимъ въ магазинъ подъ № такимъ-то, улица такая-то». Такимъ образомъ даже и въ заявленіяхъ о смерти, какъ и вездѣ, вмѣстѣ со страстью къ регламентаціи и съ любовью выставить свои чувства на показъ, проглядываютъ стремленія самаго практическаго характера.

РЕЙНЪ.

Его значеніе для нѣмцевъ и обожаніе, которымъ онъ пользуется.—Вогезы и Шварцвальдъ.—Кайзерштуль.—Рейнъ отъ Майнца до Кельна.—Средневѣковые замки.—Мышная башня.—Скала Лорелы.—Бонпартъ.—Зибенгебирге и Дракенфельсъ.—Рейнгау и его вино.—Виноградари, ихъ характеръ и положеніе.—Часовня Роза и праздникъ въ честь святаго.—Сборъ винограда.

Трудно дать понятіе, какъ нѣмцы гордятся своимъ Рейномъ. Этотъ народъ, патриотичный до рабства, приходящій въ восторгъ даже отъ вещей весьма посредственныхъ въ своемъ *фатерландѣ*, совершенно падаетъ въ прахъ передъ Рейномъ, этой могучей, имѣющей для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ громадное значеніе и дѣйствительно прекрасной рѣкой. Не только берега Рейна и его ближайшія прибрежья, но вся область, по которой протекаетъ эта знаменитая рѣка, отъ границъ Швейцаріи до Голландіи—одна изъ благословеннѣйшихъ, роскошнѣйшихъ и красивѣйшихъ мѣстностей Европы. Вслѣдствіе этого, уже 2000 лѣтъ тому назадъ, въ рейнскую область постоянно стремились разныя европейскія племена и оставили въ ней памятники различныхъ эпохъ. Искусство и поэзія уже издавна находятъ здѣсь себѣ болѣе пищи, чѣмъ во всемъ германскомъ отечествѣ. И это понятно: безчисленное множество древнихъ замковъ и укрѣпленій всюду смотря съ высоты скалъ въ зеленныя воды Рейна и напоминаютъ о шумѣ рыцарскихъ копей и мечей, дамахъ сердца, о средневѣковомъ рыцарствѣ и о германскомъ героиствѣ. Нѣкоторые изъ этихъ замковъ реставрированы и стоятъ теперь какъ свидѣтели могучей эпохи; другіе представляютъ болѣе или менѣе живописныя развалины. Гдѣ некогда звенѣли желѣзные шлемы, тамъ теперь шелестятъ листья виноградной лозы и выглядываютъ ея сочныя кисти. Рейнъ наполненъ самыми блестящими воспоминаніями изъ достопримѣчательныхъ эпохъ германской исторіи, богатъ прекрасными соборами въ городахъ, чудными развалинами монастырей въ лѣсистыхъ долинахъ, римскими постройками и укрѣпленіями и великими историческими именами. Къ этому присоединяется и прелесть поэтическихъ сагъ: ни одна германская рѣка не окружена такимъ богатствомъ поэтическихъ преданій, какъ Рейнъ. Здѣсь нѣтъ ни одной скалы, ни одного уголка, ни одной башни и замка, ни одного горнаго выступа, съ которымъ не связано было-бы народное преданіе о великихъ короляхъ и храбрыхъ герояхъ, о дивныхъ красавицахъ, объ ужасныхъ драконахъ, о добрыхъ и злыхъ духахъ. Вслѣдствіе необыкновенной поэтичности и очарованія своего вымысла эти рейнскія саги пользуются всемірною извѣстностію, и не только нѣмецкіе поэты, но поэты всѣхъ національностей передаютъ ихъ въ стихахъ, каждый на своемъ родномъ языкѣ.

Если различные народы стремились въ рейнскую область уже съ древнихъ временъ, то тѣмъ сильнѣе это стремленіе сказывается въ нынѣшнее время, когда средства сообщенія такъ облегчены, когда на берегахъ рѣки возникло столько новыхъ городовъ... Но развѣ только это притягиваетъ къ Рейну? Минеральные источники рейнской области, ея поэтическія картины природы, ея промышленные, богатые города, ея сочный виноградъ и прекрасное вино, ея величественныя церкви, оригинальные замки, башни и укрѣпленія, самые разнообразныя историческія памятники, поэзія преданій, желаніе увидѣть въ дѣйствительности чудныя картины природы и окружающей жизни, воспроизведенныя въ стихахъ и на полотнѣ лучшими европейскими художниками и поэтами, наконецъ, ея мягкій климатъ ежегодно привлекаютъ сюда многія тысячи путешественниковъ. Что касается нѣмцевъ, то для каждаго изъ нихъ нѣтъ болѣе счастья, какъ сдѣлать путешествіе по Рейну, а если средства не позволяютъ, то совершить хотя небольшую экскурсію, устроить, наконецъ, въ компаніи маленькую увеселительную прогулку. Въ прекрасные теплые дни множество вагоновъ переполнены пассажирами, совершающими такія увесе-

лительныя прогулки въ какой-нибудь недалеко расположенный дивный уголокъ: они летятъ по рельсамъ, проложеннымъ по тому и другому берегу Рейна, и на тысячи пароходахъ, прорѣзывающихъ его воды.

Ни одна рѣка въ мірѣ не воспѣта такъ великими поэтами, какъ Рейнъ! Кто, прощаясь съ этимъ могучимъ потокомъ, не вспомнитъ чудныхъ стиховъ Байрона:

Прощай, мой Рейнъ; съ невольнымъ стономъ
Уходить путникъ отъ тебя!
На берегу твоемъ зеленомъ
Всѣ оживаютъ, жизнь любя;
И еслибъ коршунъ злой сомнѣня
Намъ въ тайнѣ сердца не сосалъ,
Ты-бъ далъ намъ свѣтлыя мгновенья
И много радостей послать.

Еще прости! Къ чему-жъ прощанье?
Тебѣ нельзя сказать: прости!
Нельзя безъ боли и страданья
Глазъ пораженныхъ отвести
Отъ мѣстъ, достойныхъ обожанья.
Быть можетъ, много лучшихъ странъ,
Которымъ климатъ краше данъ,
Но гдѣ найдемъ то сочетанье
Разнообразной красоты?
И блескъ, и жизнь, и прелесть неба,
Лѣса, душистые цвѣты,
Поля златыхъ колосьевъ хлѣба,
И, наконецъ, — когда хотять —
Воспоминаній славныхъ рядъ.
Величье вмѣстѣ съ простотою!
Овраги, стѣны городовъ,
Лѣса съ ихъ зеленью густою,
Обломки стѣнъ, потоковъ ревъ...
Тамъ зелень яркая, тамъ пашни —
Все манитъ къ грезамъ и мечтѣ...
Тамъ скалы дикія, какъ башни,
Стоять въ суровой наготѣ.

Что касается нѣмцевъ, то они ежегодно прославляютъ родную рѣку во множествѣ стихотвореній. «Благородный, старый король», такъ восклицаетъ одинъ нѣмецкій поэтъ въ стихахъ, сдѣлавшихся наиболѣе популярными среди нѣмцевъ, «которому поклонилось каждое нѣмецкое сердце! Всякій разъ, какъ произносятъ его имя, каждому хочется слышать его снова. Это святой Рейнъ — богатый царь и владѣтель! Когда кто-нибудь запоетъ нѣмецкую пѣсню о Рейнѣ, — благородномъ сынѣ скаль, — его имя, какъ вино, услаждаетъ душу вѣрныхъ. Во всѣхъ сердцахъ пробуждаетъ оно и много патріотической гордости и сердечной боли...»

Свою любовь къ Рейну нѣмцы, какъ и всѣ свои чувства, доводятъ до сентиментальности, восторженно привѣтствуютъ рѣку и относятся къ ней, какъ къ живому существу. Усаживаясь на пароходъ, чтобы отправиться по Рейну, вы безпрестанно слы-

шите: «Guten Tag, Vater-Rhein» (доброе утро, «отец Рейн»), а при разставаніи: «Adieu, Vater-Rein». Впрочемъ, называть Рейнъ «отцомъ» они имѣютъ полное право, такъ какъ чудная рѣка вызвала къ жизни множество городовъ.

Значеніе Рейна для нѣмцевъ дѣйствительно велико. Рейнъ и Дунай — единственныя нѣмецкія рѣки, но Рейнъ имѣетъ большое преимущество передъ Дунаемъ: это единственная въ Германіи альпійская рѣка, прокладывающая путь въ сердце Европы. Рейнъ и его берега служатъ великими путями сообщенія и торговли между югомъ и сѣверомъ, между Голландіей и Швейцаріей, Англійей и Италіей.

Рейнъ, оставляя предѣлы Швейцаріи, гдѣ на скалистыхъ вершинахъ висятъ множество ледниковъ, которые доставляютъ ему огромныя массы водъ, стремящихся въ него съ бѣшеною силою, является однимъ изъ величайшихъ потоковъ Европы. Въ Рейнѣ соединяются всѣ условія, которыя придаютъ рѣкѣ огромное значеніе. Онъ впадаетъ въ море съ приливомъ и отливомъ, что очень важно для торговли, такъ какъ это облегчаетъ судоходство. Направляясь въ своемъ теченіи съ юга на сѣверъ, онъ не имѣетъ большихъ извилинъ и прерывается быстринами только въ одномъ мѣстѣ, и то на очень далекомъ разстояніи отъ устья. О значеніи рѣки можно судить уже и по числу поселеній на ея берегахъ: чѣмъ больше расположено на нихъ городовъ, тѣмъ важнѣе рѣка, а на Рейнѣ городовъ больше, чѣмъ на всякой другой рѣкѣ въ мірѣ. Мало того, потребность въ поселеніи на Рейнѣ была всегда такъ велика, что въ ближайшемъ разстояніи отъ рѣки образовался другой такой-же рядъ городовъ. Самая важная услуга, какую Рейнъ оказываетъ Германіи, состоитъ въ томъ, что онъ орошаетъ многочисленныя области, часто не только отличавшіяся между собою свойствомъ почвы, но и характеромъ жителей, своею промышленностью и исторіей. Этимъ различнымъ областямъ онъ придалъ географическое единство, и нѣмцы имѣютъ полное право называть Рейнъ *нѣмецкой рѣкой*. Начиная отъ источниковъ и до устья, онъ уже издавна протекаетъ по нѣмецкимъ областямъ. Берега Рейна вмѣстѣ со всѣми своими притоками заселены нѣмцами, или, во всякомъ случаѣ, народами, говорящими по-нѣмецки. Правда, въ нѣкоторыхъ возвышенныхъ долинахъ, около источниковъ Рейна, живетъ народъ романскаго происхожденія, и верхняя часть Мозеля течетъ по французской области, но, за этими исключеніями, на всѣмъ протяженіи Рейна, отъ его истоковъ до Голландіи и отъ Байрета до Трира, говорятъ по-нѣмецки. Со времени могущества и величія нѣмецкаго народа, со времени римско-германской имперіи онъ составлялъ импульсъ средневѣковой Германіи. На немъ достигла высшаго своего развитія нѣмецкая жизнь, на немъ лежали самыя большіе и величественныя нѣмецкіе города, которые, какъ Майнцъ и Кельнъ, по справедливости можно назвать метрополиями нѣмецкой земли и народа, какъ въ умственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Изъ этого видно, что Рейнъ и въ національномъ отношеніи превзошелъ Дунай, который течетъ по низменностямъ Венгріи и Австріи и такимъ образомъ теряетъ характеръ германской рѣки. Въ его волнахъ, на протяженіи 250 миль, за исключеніемъ трехъ-четырехъ городовъ средней величины, не отражается ни одинъ большой городъ. Къ тому же Дунай рѣка мало судоходная вслѣдствіе многочисленныхъ подводныхъ камней, водопадовъ и плохого форватера. Дунай, какъ путь для движенія европейской культуры, почти не имѣетъ никакого значенія. Совершенно другое представляетъ Рейнъ. Его паденіе таково, что оно способствуетъ плаванію въ нижней части Рейна и не мѣшаетъ ему въ его горной области: онъ судоходенъ отъ Базеля до Нѣмецкаго моря; его берега богато увѣнчаны промышленными городами и плодородными полосами; движеніе можетъ происходить не только на рѣкѣ, но и по желѣзнымъ дорогамъ на обоихъ его берегахъ. Изъ верхнихъ странъ шлютъ внизъ по теченію: лѣсъ, плоды и вино, а изъ нижнихъ частей отправляютъ вверхъ уголь и произведенія всемірной торговли. На берегахъ

Рейна всегда кипит оживленная жизнь: вмѣстѣ съ обмѣномъ произведеній происходитъ и обмѣнъ мыслей. Чтобы заключить нашъ обзоръ мѣстныхъ условій рейнской области, нужно замѣтить, что она еще обладаетъ прекраснѣйшимъ климатомъ въ Германіи. Рейну, какъ самой западной изъ нѣмецкой рѣкъ, досталась наибольшая доля благодѣяній океана; въ средней и въ верхней части его течения зима въ прибрежныхъ мѣстностяхъ не такъ сурова и лѣто не такъ жарко, какъ въ Берлинѣ и Мюнхенѣ. Передъ Таунусомъ лежатъ холмы Рейнгау съ ихъ лѣсомъ винограда, защищенные съ сѣвера вѣтромъ горъ и открытые съ юга, какъ оранжерея. Весна наступаетъ здѣсь раньше, чѣмъ въ восточной части Германіи, и осень стоитъ дольше. Жителей сѣверной Германіи, Тюрингена, Бранденбурга, Силезіи и Пруссіи, прїѣзжающихъ сюда, прїятно поражаетъ различіе климата; вступивъ на почву этой благословенной области, имъ кажется, что они вступили въ область вѣчной весны. Еще вчера у себя, на своей суровой родинѣ, они видѣли только первые зеленые отпрыски березъ; а черезъ сутки пути, здѣсь, деревья предстали передъ ними въ полномъ цвѣту. Виноградная лоза, которая и въ хорошіе годы приноситъ имъ дома только кислые плоды, покрываетъ здѣсь огромные горные склоны и даетъ вино лучшаго качества. Орѣшникъ, плоды котораго служили имъ только украшеніемъ рождественской елки, здѣсь представляетъ роскошныя аллеи по краямъ дорогъ. Садовые каштаны на склонахъ Таунуса и др. горъ представляютъ цѣлыя лѣса, а миндальное дерево простираетъ изъ-за стѣнъ садовъ свои вѣтки, покрытыя чудными розовыми цвѣтами. Первое посѣщеніе рейнской долины въ прекрасное весеннее или лѣтнее время, а еще лучше во время сбора винограда, производитъ самое прїятное впечатлѣніе на жителя болѣе суровой мѣстности.

Щедра награжденная дарами природы и благодаря своему положенію на западной окраинѣ Германіи, область Рейна всегда играла самую видную роль, какъ въ германской исторіи, такъ и въ германскомъ просвѣщеніи. Во времена римлянъ подъ охраной римскихъ крѣпостей на лѣвомъ берегу Рейна выросли города. По сосѣдству съ ними богатые провинціалы строили себѣ виллы. Прекрасная сѣть дорогъ покрывала всю страну къ западу отъ Рейна. Нѣмецкія племена, населявшія эту мѣстность, хотя не переняли языка римлянъ, но перенимали ихъ нравы, ихъ просвѣщеніе, и христіанство рано нашло сюда доступъ. Римскіе торговые и военные корабли ходили вверхъ и внизъ по рѣкѣ, которая представляла вѣрный оплотъ противъ завоевателей и прекрасный пограничный путь. Естественно поэтому, что населеніе рейнской области въ культурномъ отношеніи стояло выше племенъ, населявшихъ восточную часть Германіи. Рейнскіе города были уже старинными разсадниками культуры въ то время, когда Бременъ, Гамбургъ, Любекъ и Данцигъ дѣлались только новыми средоточіями нѣмецкой жизни. Въ старинныхъ богатыхъ городахъ прирейнской страны: въ Шпейерѣ, Вормсѣ, Майнцѣ возвышались великолѣпнѣйшіе соборы романской архитектуры, а собственно въ рейнской области — перлы готической архитектуры, какъ напр. соборы: Фрейбургскій, Страсбургскій, Оппенгеймскій, Кѣльнскій. Вслѣдствіе этого рейнская область принимала самое живое участіе въ духовномъ движеніи среднихъ вѣковъ. Древнѣйшій изъ придворныхъ пѣвцевъ сагъ, Генрихъ фонъ-Фельдеке, Готфридъ страсбургскій, даровитый представитель любовнаго романа, изобрѣтатель книгопечатанія Іоаннъ Гуттенбергъ были родомъ съ Рейна. Точно также и теперь рейнская область остается колыбелью многихъ величайшихъ умовъ.

Къ преимуществамъ географическаго положенія, природныхъ условій, богатыхъ историческихъ и поэтическихъ преданій присоединяется еще одно важное преимущество, которое приобрѣло Рейну всеобщую любовь не только нѣмцевъ, но всѣхъ вообще людей, это его красота. Уединенно и величественно течетъ Рейнъ отъ Базеля до Майнца. Здѣсь онъ поражаетъ не столько своей красотой, сколько изяществомъ ландшафта, и хотя онъ

почти вездѣ однообразенъ, въ немъ все таки есть что-то чарующее. Всюду разбросаны глубокіе и зеленые заливы, берега покрыты влажными ивами и высокимъ тростниковомъ; по объемамъ сторонамъ широкой равнины тянутся вдаль голубые хребты горъ: мы между Вогезами и Шварцвальдомъ. Шварцвальдъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной, представляетъ высокія вершины и голые хребты, которые возвышаются надъ лѣсами. Высоты Шварцвальда тянутся на 18 миль въ длину и на большое разстояніе въ ширину, и изъ его уединенныхъ еловыхъ лѣсовъ спускаются въ равнину Рейна глубокія долины. Голубой хребетъ по другую сторону Рейна, Вогезы, покрыты высокимъ сосновымъ лѣсомъ. На растрескавшихся скалахъ, какъ орлиныя гнѣзда, пріютились старинныя замки; развалины ихъ свидѣтельствуютъ о блескѣ тѣхъ владѣльцевъ, которые когда-то жили въ нихъ. Хотя въ Шварцвальдѣ есть тоже развалины средневѣковыхъ замковъ, которые виднѣются тамъ и сямъ на вершинахъ и выступахъ окружающихъ горъ, тѣмъ не менѣе онъ всегда былъ прежде всего землей крестьянъ, а Вогезы—феодалнаго дворянства. Въ уединенныхъ долинахъ Вогезъ слышится не только стукъ топора, но и шумъ желѣзныхъ молотовъ, обрабатывающихъ руду, добываемую въ таможенныхъ шахтахъ, и черный дымъ поднимается изъ долинъ вверхъ, къ осиротѣвшимъ замкамъ.

Самая равнина Рейна, бывшая когда-то озеромъ, имѣетъ почти совершенно горизонтальный уровень; только около Фрейбурга возвышается, въ видѣ острова, маленькая, покрытая лѣсомъ, группа горъ—Кайзерштуль (императорскій престолъ), которая служитъ паркомъ для окрестныхъ жителей и удобнымъ пунктомъ, съ котораго открывается обширный видъ на окрестности, покрытыя городами и деревнями. Самая плодородная почва находится у подошвы горъ: здѣсь тянутся одни за другими, непрерывнымъ рядомъ, прекрасныя виноградники и роскошныя сады. На теплыхъ нижнихъ склонахъ горъ встрѣчается даже миндаль и сладкій каштанъ, а съ высоты смотрятъ въ долину старыя стѣны замка, покрытыя плющемъ и дикимъ виноградомъ. Даже въ верхнихъ долинахъ тянутся прекрасныя луга,—ихъ коверъ пріятно разнообразить темную зелень елей, которыя часто спускаются глубоко въ долину и тамъ теряются среди каштановыхъ деревьевъ.

Но вотъ мы у золотого Майнца,—отсюда до Бонна самая поэтическая часть Рейна. Извѣстно, что рѣчныя долины прекраснѣе всего въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ пробиваютъ горы. Въ этомъ отношеніи Рейнъ особенно интересенъ: пробившись черезъ Хунсрюкъ и Таунусъ, стѣсненный между узкими скалами, онъ гордо и величественно шумитъ до Зибенгебирге. Поэты и путешественники часто прославляли Рейнъ въ той его части, гдѣ онъ течетъ между Бингеномъ и Бонномъ, и ихъ похвалы нисколько не преувеличены. Горы всюду украшаютъ здѣсь Рейнъ великолѣпными группами скалъ. Поэты дали поэтическій образъ скалъ, выдающихся надъ Рейномъ и закругленныхъ сверху: «скала такъ крута, такъ крутъ ея обрывъ». Виноградники тянутся по объемамъ берегамъ и покрываютъ даже самыя опасныя мѣста, украшая скалы шпалерами и накрывая подъ мягкими лучами солнца. Высокіе великолѣпные греціе орѣшники покрываютъ своею тѣнью узкія долины на берегахъ рѣки; всевозможныя фруктовыя деревья лѣтомъ и осенью даютъ богатый сборъ, а весною очаровываютъ путешественника своими цвѣтами. Города и замки, крѣпости и церкви, монастыри и дачи украшаютъ берега рѣки, между тѣмъ какъ въ воздухѣ поднимаются облака дыма изъ трубъ пароходовъ, этихъ гордыхъ «лебедей Рейна».

У Бингена горы представляютъ теченію непреодолимыя преграды, но рѣка съ незапамятныхъ временъ прорыла себѣ ложе въ камнѣ шиферныхъ горъ, которыя она прорѣзываетъ во всю ширину: стѣсненная между скалистыми берегами, она то справа, то слѣва огибаетъ горныя выступы; затѣмъ крутыя тѣсени замыкаются скалистыми

склонами Зибенгебирге. Вдали уже виднѣтся Боннъ, а изъ-за ивъ берега, сдѣлавшагося здѣсь опять плоскимъ, показывается исполинское зданіе кѣльнскаго собора. И на этомъ огромномъ пространствѣ, которое можно проѣхать внизъ по теченію меньше чѣмъ въ сутки, чего только не увидишь! Горы за горами поднимаются голыми скалами и до половины покрыты тщательно разводимыми виноградниками. Вдоль по теченію, какъ нить жемчуга, тянутся красивые старые города, наполненные ароматомъ рейнскаго вина, окруженные садами и виллами. За ними возвышаются городскія стѣны съ своими зубцами и высокія старыя башни, обвитыя плющемъ. Надъ домами высятся великолѣпныя церкви романской и готической архитектуры. Надъ каждымъ такимъ городкомъ, на крутой скалѣ, возвышается замокъ, иногда въ развалинахъ, иногда реставрированный. У виноградниковъ мелькаютъ изображенія святыхъ, которые съ благословляющимъ взоромъ смотрятъ на виноградники, какъ святой Януарій на берегу Неаполитанскаго залива. По берегу гуляетъ веселая толпа народа, которая привѣтствуетъ проѣзжающіе по рѣкѣ пароходы, размахивая платками. Въ густыхъ, обросшихъ виноградомъ бесѣдкахъ, въ рукахъ гуляки сверкаетъ бокаль съ золотистымъ виномъ. Здѣсь возвышается замокъ Клопъ, въ которомъ императору Генриху IV измѣнилъ его собственный сынъ; тамъ—Нидервальдъ, на которомъ скоро будетъ стоять намятникъ побѣды германскаго народа; тутъ, по срединѣ главной рѣки, высится на островкѣ старинная башня. Народное преданіе говоритъ, что когда въ ней жилъ злой епископъ Гатто, ее осаждали полчища мышей, оттого башня и называется «Mäusethurm» (мышинная башня). Епископъ Гатто дурно обращался съ монахами и еще хуже поступилъ съ окрестными жителями. Когда во время голода они пришли просить его о помощи, онъ заманилъ ихъ въ житницу и поджегъ ее со всѣхъ сторонъ. Когда раздался ихъ предсмертный вопль, онъ злорадно кричалъ всѣмъ проходившимъ: «слышите, какъ мыши пищать!» Съ тѣхъ поръ епископъ уже нигдѣ не могъ спастись отъ мышей, и онѣ, наконецъ, пробрались въ его башню и съѣли его живьемъ. Далѣе идутъ замки Рейнштейнъ, Фалькенбургъ, Фюрстенбергъ и многіе другіе; они слѣдуютъ другъ за другомъ на выступахъ горъ лѣваго берега. Болѣе другихъ между ними бросается въ глаза Пфальцграфенштейнъ, извѣстный подъ именемъ Пфальца: онъ высится на скалѣ, выдвинувшейся среди Рейна,—это удивительное зданіе со множествомъ башенокъ.

Здѣсь не только руины, башни и замки украшены легендами, но каждая скала, каждый выступъ горы, который огибаетъ лодочникъ, каждое особое приключеніе изъ его жизни, несчастное происшествіе съ какой-нибудь красавицей, оптической обманъ и галлюцинаціи, произведенные игрою свѣта, даже историческіе факты, совершившіеся въ этой мѣстности и передаваемые изъ устъ въ уста,—все это въ теченіи вѣковъ преобразилось въ саги, баллады, легенды и народныя преданія, иногда фантастическія и вымышленныя, иногда дѣйствительныя, основанныя на реальной, исторической почвѣ, иногда взятые изъ вѣрованій и сказаній мифологическаго періода, но всегда граціозныя и поэтическія. Между выступами горъ, или мысами, самымъ знаменитымъ считается скала Лорелея или «скала скорби», называемый также «камень вѣдьмъ». Видъ этого мыса не представляетъ ничего особеннаго: это просто изборожденный временемъ большой выступъ шиферной массы; но у подошвы этого утеса теченіе очень быстро; прежде рѣка въ этомъ мѣстѣ была усѣяна опасными подводными камнями; вслѣдствіе этого суда часто разбивались и бывало много несчастій съ людьми. Но эту реальную трагическую основу народная фантазія украсила еще романическими образами. Одно изъ преданій прекрасно передано Гейне въ его глубоко прочувствованномъ, поэтическомъ стихотвореніи «Лорелея».

«Незнаю я самъ, что со мною:
 Душа моя грусти полна,
 И все не даетъ мнѣ покою
 Старинная сказка одна.
 Прохладно. Ужъ день догораетъ,
 И Рейнъ чуть лепечеть струей;
 Вершина горы вся сверкаетъ
 Въ сіяньи зари золотой.
 Сидитъ на вершинѣ, сіяя,
 Чудесная дѣва-краса;
 Блеститъ ея ткань золотая,
 Ея золотая коса.
 И волосы чешетъ, и съ милой
 Усмѣшкою пѣсню поетъ;
 Могучей, волшебною силой
 Та пѣсня за сердце беретъ.
 Той пѣсней безумно взволнованъ
 И бѣдный рыбакъ въ челнокѣ;
 Онъ взоромъ къ вершинѣ прикованъ,
 Не видитъ онъ скалъ на рѣкѣ.
 И тонетъ бѣдняга: темнѣя,
 Пучина закрылась надъ нимъ,
 И сдѣлала то Лорелея
 Безжалостнымъ пѣнемъ своимъ».

Проѣзжая мимо этой «скалы скорби», сколько глазъ, поднимается вверхъ, къ сърому выступу, въ надеждѣ увидѣть хотя тѣнь красавицы Лорелея, услышать хотя звукъ ея дивнаго голоса. Но ни въ горахъ, ни въ глубинѣ воды ничего не слышно и не видно, и только тому, кто проѣзжаетъ здѣсь вечеромъ, когда волны шумно разбиваются о скалы, когда луна обливаетъ своимъ таинственнымъ свѣтомъ камни, фантазія яснѣе обрисовываетъ чародѣйку Лорелею, расчесывающую золотымъ гребнемъ свою чудную косу. Но минута очарованія прошла, и проза говоритъ ему, что съ лодками и рыбаками случались несчастія вслѣдствіе водоворотовъ, что «Лура», изъ котораго сдѣлали Лора, происходитъ отъ слова «lauren», подстерегать, вслѣдствіе того, что здѣсь было много опасныхъ камней, или отъ слова «lauter», т. е. чистый, такъ какъ здѣшнія горы состоятъ изъ чистаго шифера, и что скала называлась «лей» (на здѣшнемъ народномъ языкѣ—шиферъ).

На Рейнъ, опять на Рейнъ! На лѣвомъ его берегу, внизъ по рѣкѣ отъ Бингена, у подошвы скалъ, пріютилось нѣсколько городковъ; самый интересный изъ нихъ—старинный галло-римскій городокъ Бошпардъ, возвышающій свои древнія башни и свои щелестыя стѣны, съ романскою церковью; драгоцѣннымъ памятникомъ XII столѣтія, виднѣется уже издали; въ немъ эпоха римлянъ оставила много воспоминаній. Впослѣдствіи этотъ городокъ былъ вольнымъ имперскимъ городомъ, а затѣмъ тридцатилѣтняя война положила конецъ послѣднимъ остаткамъ его прошлаго величія. Городокъ, въ которомъ прежде происходили великія имперскія собранія, теперь отличается своимъ средневѣковымъ отпечаткомъ, феодальной архитектурой своихъ остроконечныхъ домовъ и ихъ живописнымъ расположеніемъ на берегу Рейна. Преданіе объ этомъ городѣ передаетъ въ поэтической балладѣ приключеніе рыцаря Конрада Байера Бошпардскаго, который происходилъ изъ знаменитаго стариннаго рейнскаго рода, имѣвшаго свою residen-

цію въ этомъ городѣ. Этотъ Конрадъ Байеръ бросилъ свою невѣсту. Однажды она выѣзжаетъ къ нему на встрѣчу, въ рыцарскомъ одѣяніи, съ опущеннымъ забраломъ. «Зачѣмъ оставилъ ты Марію, измѣнникъ, говори! Вѣдь еще недавно она была тебѣ дороже всѣхъ! Вѣдь и она любила тебѣ больше всѣхъ! Ты долженъ въ бою дать мнѣ удовлетвореніе! Поднимай-же твой измѣннической мечъ!» «Кто ты?» спрашиваетъ Конрадъ. «Я братъ твоей невѣсты, возвратившійся изъ Палестины!» Поединокъ начинается, но юноша скоро падаетъ, раненый на смерть. Конрадъ снимаетъ шлемъ съ его головы... Увы, это Марія; его мечъ нанесъ смертельную рану его невѣстѣ.

Средневѣковые замки по берегамъ мелькаютъ чаще всего: вотъ реставрированный Штольценфельсъ, который теперь сдѣлался величественнѣе и красивѣе, чѣмъ былъ прежде; здѣсь Эренбрейтштейнъ, т. е. «широкій камень чести», былъ одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Европы. Далѣе поднимаются Зибенгебирге (Семигорье). Эти горы не особенно высоки, но пользуются большою извѣстностію, благодаря своимъ изящнымъ очертаніямъ, могучей рѣкѣ, омывающей ихъ подножья, поэтическимъ развалинамъ, украшающимъ ихъ вершины, благодаря, наконецъ, богатой народной фантазіи, которая наполнила эти горы самыми романическими преданіями и оригинальными образами. Цѣнно и то, что на многія изъ нихъ легко взобраться и всѣ онѣ даютъ прекрасныя точки зрѣнія на очаровательную картину рейнскихъ береговъ, изобилуютъ не только легендами и историческими воспоминаніями, но и разнообразіемъ горныхъ породъ.

Одна изъ главныхъ вершинъ Зибенгебирге — Драхенфельсъ (драконовъ утесъ). Здѣсь, какъ рассказываетъ сага, богатырь Зигфридъ убилъ чудовищнаго дракона. Вино, которое приготавливаютъ изъ винограда, растущаго недалеко отсюда, называютъ «кровью дракона», но эта не та кровь дракона, въ которой выкупался Зигфридъ.

На скалѣ Драхенфельсъ, по народному преданію, въ одной изъ пещеръ, жилъ ужасный драконъ. Саги языческихъ временъ со всевозможными вариантами связаны съ этимъ чудовищемъ. Вотъ наиболѣе популярная изъ нихъ, которая въ этихъ мѣстностяхъ переходитъ изъ устъ въ уста. Этотъ рассказъ вы часто можете слышать вечеромъ зимою и въ хижинѣ виноградаря, когда онъ съ увлеченіемъ передаетъ его своему семейству.

Молодой, богатый Зигфридъ отправился вверхъ по Рейну искать подвиговъ. Въ Зибенгебирге онъ вошелъ къ одному оружейнику и попросилъ его взять себя въ подмастерья. Мастеръ, видя предъ собою прекрасно одѣтаго красиваго юношу, отвѣтилъ ему, что эта трудная работа не для него. Тогда Зигфридъ схватилъ тяжелый молотъ и ударилъ имъ по желѣзной полосѣ такъ, что она вмѣстѣ съ наковальной разлетѣлась въдребезги. Такая непомерная сила привела мастера въ ужасъ, онъ принялъ Зигфрида изъ страха, но, чтобы отдѣлаться отъ него, послалъ его приготовить угольевъ на гору, гдѣ жилъ ужасный драконъ. Ничего не подозревая, Зигфридъ взбирается на гору, но на встрѣчу ему, фыркая, выскакиваетъ изъ своей пещеры драконъ и съ такой силой бѣжитъ по землѣ, что все трещитъ подъ его ногами. Но богатырь не испугался: онъ ударилъ чудовище желѣзной полосой, которую держалъ въ рукѣ, и разбилъ ему голову такъ, что изъ пасти дракона похлынул потокъ черной крови. Въ эту минуту онъ услышалъ надъ своей головой чудное пѣніе, поднялъ голову и увидалъ на вѣткѣ птичку съ золотыми перьями, которая пѣла человѣческимъ голосомъ: «молодой богатырь, если хочешь быть неуязвимъ, окупись въ эту кровь». Зигфридъ послѣдовалъ этому совѣту, окунулся въ крови чудовища, и только къ одному мѣсту на его тѣлѣ не прикоснулась кровь дракона, въ это-то мѣсто онъ и получилъ впоследствии смертельную рану.

По другой сагѣ язычники, жившіе въ горахъ, кормили дракона тѣлами пѣщанныхъ, и, чтобы пользоваться его постояннымъ расположеніемъ, приходилось постоянно добывать ему все новыя жертвы. Между прочимъ съ войны язычники привели съ собой уди-

*

вительно прекрасную христіанскую дѣвушку, въ которую тотчасъ влюбилась оба сына предводителя язычниковъ. Вслѣдствіе этого жрецы рѣшили принести ее въ жертву дракону. Несчастную ночью привели къ тому мѣсту, гдѣ драконъ искалъ свою добычу, и привязали тамъ ее къ дереву. Драконъ, почуявъ добычу, начинаетъ медленно приближаться къ несчастной. Когда его горячее дыханіе уже касалось дѣвушки, она протянула впередъ руку съ крестомъ, который позволили ей взять. Какъ только чудовище увидѣло распятіе, оно издало такой страшный ревъ, что у спрятавшихся въ горахъ чертей «мозгъ задрожалъ въ костяхъ». Идавъ ревъ, который потрясъ всѣ горы до самаго основанія, чудовище въ ужасѣ встало на дыбы, затѣмъ вдругъ опрокинулось, повалилось со скалы, разбилось въ дребезги и, наконецъ, погрузилось въ волны Рейна. Удивительное дѣйствіе креста склонило къ христіанству грубыхъ язычниковъ, которые со смиреніемъ преклонились передъ чудною дѣвушкою. Она дала знать въ Триръ, и оттуда пришли благочестивые люди, стали проповѣдывать евангеліе язычникамъ и положили основаніе монастырю Гейстербахъ, который лежитъ теперь въ развалинахъ.

На верху Дракенфельса находится обелискъ въ память перехода союзныхъ войскъ черезъ Рейнъ во время наполеоновскихъ войнъ. Надпись на этомъ обелискѣ гласитъ, что Рейнъ навѣки долженъ остаться нѣмецкою рѣкой. Нѣсколько выше, надъ отвѣсомъ высокой скалы, находятся развалины замка, который, какъ думаютъ, былъ основанъ въ XII вѣкѣ.

Такимъ образомъ чередуются одна за другой живописныя деревни, красивые городки, старинные замки, новыя дачи, церкви чудной красоты, виноградники и фруктовые сады. Среди этой, то мирной и уютной, то величественной красоты ландшафта, кажется, опять оживаетъ передъ нами историческое прошлое этого края. Мы такъ и видимъ, какъ древніе римляне строятъ укрѣпленія, какъ императоры пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ, и молодая дѣвушка, которая насъ привѣтствуетъ съ высоты холма, кажется намъ дочерью какого нибудь владѣтеля замка. Несмотря на множество развалинъ и воспоминаній, васъ не охватываетъ на Рейнѣ безотрадное чувство. Вся обстановка такъ прекрасна и часто тутъ же, подлѣ этихъ посѣдѣвшихъ свидѣтелей прошедшаго, вы встрѣчаете самую оживленную дѣятельность. Справа и слѣва отъ рѣки шумятъ по рельсамъ длинныя поѣзда вагоновъ, огромныя буксирныя пароходы, борясь съ волнами, тянутъ противъ теченія длинныя ряды парусныхъ судовъ. Прекрасныя лебеди Рейна — пароходы скользятъ одинъ мимо другаго, и съ веселыми криками и маханіемъ платковъ пассажиры привѣтствуютъ другъ друга при встрѣчѣ одного парохода съ другимъ. Въ горахъ на многихъ замкахъ развѣваются флаги; зеленыя аллеи винограда и свѣтлыя окна вверху показываютъ, что тамъ опять закинула жизнь.

Многочисленныхъ путешественниковъ къ Рейну притягиваетъ и его вино, пользующееся громкою славою, и которое увеличиваетъ всемірное значеніе этой великой нѣмецкой рѣки.

Рейнгау—самая обильная на Рейнѣ область винограда лучшаго качества, и потому его часто называютъ Вейнгау. Въ долинахъ Рейна, Майна и Мозеля самые лучшіе виноградники. Здѣшніе винодѣлы уже въ средніе вѣка пользовались расточительностію богатыхъ князей и знати, которая ностоянно селилась здѣсь, и купцовъ богатыхъ сѣверо-германскихъ городовъ. Но рядомъ съ мѣстностями, населенными богачами, лежатъ и самые бѣдные округа: это благословенная область средняго Рейна, въ то-же время и расадникъ самаго ужаснаго пролетаріата. Подлѣ богатой виноградою долины Майна находится Ренъ и Спесартъ съ ихъ жалкимъ населеніемъ; подлѣ роскошнаго Рейнгау — въ Таунусѣ мѣстность, населенная жителями, которые три четверти года

живутъ въ проголодь, а съ виноградными долинами курфюршества Трирскаго граничить бѣдная часть Вестервальда и еще гораздо бѣднѣйшая — Эйфель и Хунсрюкъ.

Настоящее средоточіе и узелъ замѣчательной Рейнской области — Рейнгау (отъ Майнца до Рюдесгейма) славится самыми лучшими виноградниками во всей Рейнской области; это въ то же время и красивѣйшая мѣстность на Рейнѣ. Тутъ на невысокихъ холмахъ и на крутыхъ склонахъ растетъ самый благородный виноградъ. Согрѣваемые палящими лучами южнаго солнца, защищенные отъ вредныхъ вѣтровъ высокою горною стѣною, согрѣваемые теплотой раскаленной сланцевой почвы, виноградники Рейнгау пользуются самымъ пріятнымъ климатомъ и приносятъ прекрасные плоды. Рейнгау уже въ самую раннюю эпоху славился своими виноградниками. Названіе каждой мѣстности есть въ то же время названіе какого нибудь особеннаго вина, извѣстнаго и любимаго на большомъ пространствѣ: «Юганисбергское», «Штейнбергское» «Маркобрунское» и т. д. напоминаютъ вино особеннаго вкуса и находятся въ мѣстностяхъ, названіе которыхъ они носятъ.

Рейнгау можно охватить однимъ взглядомъ, если посмотрѣть на него съ середины большаго Майнцакаго моста. Передъ глазами лежитъ тогда все пространство до того ущелья, которое замыкаетъ широкую, величественную Рейнскую долину и откуда рѣка начинается спускаться по крутой и утесистой цѣпи скалъ. Мало такихъ мѣстъ на землѣ, которые можно было бы сравнить съ этой картиной по обилію свѣта. Широкой лентой тянется Рейнъ по этой великолѣпной мѣстности. Его волны не омрачаются здѣсь никакою тѣнью, ихъ озаряютъ яркіе лучи солнца. Весело тянутся по правому берегу облитые солнечнымъ свѣтомъ зеленые виноградные холмы. Ихъ увѣчанныя вершины господствуютъ надъ всей окрестностію, но не лишаютъ долину солнечнаго блеска. Далекъ отъ берега тянутся лѣсистыя горы, которыя замыкаютъ ландшафтъ, не омрачая его золотистаго блеска. Взоръ проникаетъ далеко, нигдѣ не стѣсняемый, не встрѣчая преградъ. Блескъ солнца цѣлый день озаряетъ яркими лучами зеленые холмы. Виноградники на горахъ, виноградники въ долинахъ, вдоль берега, всюду, куда ни посмотрите. Въ теперешнемъ Рейнгау нѣтъ ни настоящихъ городовъ, ни настоящихъ деревень: нынѣшнія поселенія составляютъ средину между тѣмъ и другимъ. Хотя здѣшніе виноградари и обрабатываютъ землю, но ихъ нельзя назвать крестьянами; еще менѣе заслуживаютъ они названіе бюргеровъ. Жители дѣлятся здѣсь на два совершенно различныхъ класса: на очень богатыхъ и очень бѣдныхъ людей. То встрѣчаются очень большія помѣстья, владѣльцы которыхъ не всегда живутъ здѣсь, то крайне мелкіе участки. Владѣльцы большихъ виноградниковъ живутъ въ городахъ, въ домахъ и виллахъ съ гербами, напоминающими дворцы. Жизнь винодѣла мелкаго участка исключительно зависитъ отъ урожая винограда. По даннымъ за 200 лѣтъ высчитано, что въ Рейнгау на 20 лѣтъ приходится 11 неурожайныхъ годовъ. Для большихъ помѣщиковъ эти 11 лѣтъ только годы неурожая, но для мелкихъ виноградарей — это годы самой страшнаго нищеты, лишеній и голода. Въ хорошую осень въ Рейнгау добываютъ до 7¹/₂ мил. бутылокъ вина, по большей части прекраснаго качества. Урожай — это азартная игра, и на ней сосредоточены всѣ мечты, надежды и тревоги бѣднаго рейнгаульца. Недаромъ виноградари ставятъ на своихъ виноградникахъ столько распятій и изображеній святыхъ. Они никогда не устаютъ просить небо послажь имъ урожайный годъ и строго исполняютъ всѣ религіозные обычаи: въ Ивановъ день благословляютъ въ церкви вино и доливаютъ имъ бочку съ новымъ виномъ. Несмотря однако на страшныя несчастія, рейнгауцы народъ въ высшей степени веселый и оживленный. Въ урожайные годы онъ тратитъ деньги полною горстью, обновляетъ свое хозяйство, уплачиваетъ старые долги. Въ такое время и общественныя дѣла приходятъ въ порядокъ: мостовыя и дороги поправ-

ляются, иконы подчищаются и подкрашиваются, къ церковнымъ колоколамъ привязываютъ новыя крѣпкія веревки, на алтари кладутъ новыя покрывала и свѣжіе букеты. Когда рейнгаузцу живется хорошо, онъ чрезвычайно щедръ и особенно религіозенъ, ни на минуту не оставляетъ безъ своего особеннаго попеченія небо и святыхъ, и каждое утро по праздникамъ вся молодежь съ восторженнымъ рвеніемъ звонитъ въ колокола. Кто придетъ въ Рейнгау въ такое время, тотъ найдетъ всюду радушное гостепрѣимство: каждый зазываетъ гостя въ свой погребъ отвѣдать вина, въ мѣстечкахъ и деревняхъ на берегахъ Рейна его ждутъ открытыя двери гостиницы, у дверей каждаго домика вѣчное оживленіе, а внутри болтаетъ и шумитъ веселая компанія. Со всѣхъ сторонъ раздаются выстрѣлы изъ ружей, по вечерамъ — потѣшныя огни, всюду раздается веселый смѣхъ людей, расхаживающихъ по покрытымъ туманомъ виноградникамъ. На всѣхъ лицахъ написано, что погребъ полонъ и что кухня для хозяйства составляетъ теперь не тяжелое бремя, а радость и удовольствіе. Рейнгаузцы развѣзжаются тогда въ праздничные дни другъ къ другу въ гости, заключается множество помолвокъ, справляютъ веселые праздники. Когда виноградарь въ урожайный годъ проходитъ мимо иконы или священника, онъ благоговѣнно снимаетъ шапку, — теперь онъ совершенно доволенъ Господомъ Богомъ и его служителями, которые вымолили ему хорошій годъ, и съ своей стороны не хочетъ подавать никакого повода къ неудовольствію. Съ какимъ оживленіемъ справляютъ рейнгаузцы въ такіе годы праздникъ Роха!

Отъ Бингена въ гору ведетъ короткая дорога къ часовнѣ Роха, съ которой открывается видъ на весь противоположный берегъ Рейнгау, со всѣми его сокровищами, на рейнскій Пфальцъ и на долину Наге. Тамъ, гдѣ открывается лучшій видъ, непременно возвышается монастырь, гостиница или, по крайней мѣрѣ, часовня. Въ концѣ XVIII столѣтія эта часовня была разорена французами, но впоследствии восстановлена, и теперь каждый годъ, въ воскресенье послѣ 16-го августа (день восстановления часовни), народъ празднуетъ день Роха, патрона винограда. Вся гора покрывается тогда цѣлымъ лагеремъ палатокъ, въ которыхъ продаютъ прохладительное. Изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ, по звуку колокола въ церквахъ всѣхъ деревень, народъ спѣшитъ на праздникъ. По дорогамъ тянутся процессіи вверхъ, на гору, множество народу переѣзжаетъ Рейнъ на лодкахъ съ пѣснями, молитвами, музыкой, съ знаменами и церковными эмблемами въ рукахъ. И весь день до наступленія ночи вся гора покрыта веселящимся людомъ. Разъ проповѣдь кончилась, начинается праздникъ, обильныя возліянія горячатъ головы, и въ этотъ день никто изъ присутствующихъ не думаетъ, выполнилъ-ли святой этотъ годъ свою обязанность и хорошо-ли уродилъ виноградъ. Какъ-бы ни были плохи времена, этотъ праздникъ остается однимъ изъ самыхъ шумныхъ праздниковъ на веселомъ Рейнѣ.

Сборъ винограда—общій праздникъ, кромѣ тѣхъ злополучныхъ годовъ, когда это считается лишнимъ трудомъ. И съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ въ урожайные годы этого времени! Чаны и прессы чистятъ, готовятъ посуду для сока.

Цѣлыми толпами расхаживаетъ народъ по горамъ, съ веселымъ смѣхомъ и остроуміемъ собирая виноградъ. Надсмотрщики переходятъ отъ одной-группы къ другой, присматривая, чтобы сборщики не много ѣли винограду. Затѣмъ виноградъ нагружаютъ на телегу, и ликующая толпа сопровождаетъ ее въ давальню. Въ это время по винограднымъ холмамъ расхаживаетъ много приглашенныхъ, друзей владѣльца, которые лакомятся виноградомъ прямо съ лозы, тѣмъ не менѣе и они позволяютъ это себѣ дѣлать только относительно мелкаго, такъ называемаго орлеанскаго винограда, изъ котораго добываютъ болѣе дешевые сорта винъ. Если гость не можетъ съѣсть всѣхъ ягодъ съ сорванной кисти, онъ не бросаетъ ея, а опять вѣшаетъ на лозу.

Попросите рейнгауца въ урожайный годъ попробовать его вина, и вы тотчас поймете, что доставили ему величайшее удовольствіе. Вслѣдъ за счастливой улыбкой, которой мгновенно озаряется его лицо, онъ принимаетъ торжественный видъ и немедленно ведетъ васъ въ свой погребъ. Естественно, что, проводя жизнь съ ранняго возраста до глубокой старости среди виноградниковъ и вина, онъ получилъ привычку всю свою надежду основывать на плодородіи винограда и придаетъ своему вину чудодѣйственную силу. Каждая мать прежде всего даетъ новорожденному дитяти ложку стараго вина, чтобы уже съ колыбели придать ему отпечатокъ родины. У рейнгауцевъ вошло въ привычку употреблять очень много вина, и многіе ежедневно выпиваютъ по семи бутылокъ; но, не смотря на это, они достигаютъ глубокой старости, рѣдко бывають пьяны и только изрѣдка гуляютъ съ краснымъ носомъ. Весь разговоръ рейнгауца пересыпанъ выраженіями, заимствованными изъ винодѣлія. Изъ этихъ мѣстныхъ выраженій можно бы составить особый лексиконъ. Многія изъ употребляемыхъ здѣсь выраженій для обозначенія вина особаго качества носятъ на себѣ отпечатокъ поэзіи. Такъ о хорошемъ винѣ говорятъ: «въ этомъ винѣ есть музыка». Хорошее старое вино называютъ «священнымъ елеемъ»; «букетъ вина» было прежде мѣстнымъ рейнгаузскимъ выраженіемъ, но теперь оно сдѣлалось всеобщимъ. Такими великолѣпными поэтическими названіями для своего вина рейнгаузскій житель такъ же богатъ, какъ арабъ поэтическими названіями для своей лошади.

Какъ поэзія рейнгаузскаго виноградника, такъ же неистощима и поэзія его погреба. Не въ одномъ только замкѣ Юганнисбергъ и въ монастырѣ Эбербахъ вино лежитъ подѣ великолѣпными сводами, — то же самое повторяется въ миниатюрѣ въ сотнѣ частныхъ погребовъ. Въ Рейнгау всѣ погреба устроены чрезвычайно хорошо. Чтобы сойти въ погребъ осенью, когда онъ наполняется испареніями бродящаго молодого вина, нужно запастись нѣсколькими горящими головнями, которыя освѣщаютъ путь.

Чрезвычайно мрачную картину представляетъ Рейнгау въ неурожайные годы. Тогда хозяева небольшихъ виноградниковъ продаютъ свой виноградъ на корню за такую ничтожную сумму, которая обрекаетъ ихъ семейство на самыя тяжелыя лишенія и голодовку. Все, что только можно продать, все продается въ такіе годы, лишь-бы имѣть черствый кусокъ хлѣба. Тогда въ Рейнгау все стихаетъ, точно чума или какая-нибудь другая ужасная эпидемія поразила жителей: вывѣски на трактирахъ исчезаютъ, и если кто послѣ долгихъ поисковъ и найдетъ такое заведеніе, не всегда встрѣтитъ въ немъ самое необходимое. У всѣхъ мрачныя лица, подати не уплачиваются и вслѣдствіе этого въ канцеляріяхъ вѣчное писаніе и возня, даже разстраивается доброе согласіе между Богомъ и людьми. Хотя рейнгаузецъ и теперь ходитъ въ церковь, потому что въ дѣйствительности онъ и теперь питаетъ къ ней глубокое уваженіе, но въ тяжелыя годы, между самыми благоговѣйными стихами молитвы, часто можно слышать какое-нибудь сердитое восклицаніе. Встрѣчаясь съ священникомъ или проходя мимо часовни, онъ уже не снимаетъ шапки съ такимъ благоговѣніемъ, какъ прежде. Но никто изъ рейнгауцевъ и не думаетъ въ эти странные годы обѣднѣнія, которые повторяются такъ часто, бросить свой виноградникъ. Каждый годъ они опять принимаются за него съ тою же любовью и съ прежними надеждами.

Область винограда въ собственномъ Рейнгау занимаетъ болѣе 7000 моргеновъ. Лучшія рейнгаузскія вина пользуются извѣстностію во всемъ свѣтѣ, но и вина среднихъ сортовъ имѣють большой сбытъ. Вина худшаго качества очень крѣпки и употребляются на мѣстѣ или въ окрестностяхъ. Многіе нѣмцы напрасно утверждаютъ, что здѣшній виноградъ даетъ исключительно прекрасныя вина: есть особый родъ винограда, «рислингъ», который обыкновенно даетъ очень плохое и кислое вино. Рейнгаузское вино —

бѣлое, за немногими исключеніями, отличается свѣтлой, золотистой окраской и рѣзкимъ вкусомъ, который нѣкоторымъ не нравится. Главное качество рейнскаго вина — его несравненный букетъ: какъ только откупориваютъ бутылку стараго вина, аромать тотчасъ распространяется по комнатѣ. Ни одно вино не можетъ сравниться по своей прочности съ рейнгаузскимъ: оно сохраняется цѣлыя столѣтія, не портясь и не разлагаясь. Рейнскія вина нѣсколько тяжелы; они скоро отуманиваютъ голову, но за то хмѣль быстро проходитъ. Если ихъ употребляютъ умѣренно, то ихъ гигиеническія свойства превосходятъ всѣ другія вина. Вообще рейнскія вина лучшія изъ германскихъ и не уступаютъ самымъ благороднымъ заграничнымъ винамъ.

Мы указали на достоинства и недостатки рейнскаго вина, но нѣмцы считаютъ его лучшимъ въ свѣтѣ и воспѣваютъ его гораздо больше, чѣмъ это сдѣлано другими народами относительно своихъ собственныхъ винъ. Поэтамъ и писателямъ, прославляющимъ рейнское вино, нѣтъ счета, и оно, какъ матеріалъ, дающій нѣмецкой поэзіи такую обильную пищу, занимаетъ въ ней одно изъ первостепенныхъ мѣстъ. Но особенно комично и характерно то, что даже очень талантливые и умные нѣмецкіе писатели, рассуждающіе о достоинствѣ рейнскаго вина, обыкновенно приходятъ въ такой энтузіазмъ и пафосъ, что совершенно забываютъ и чувство мѣры, а нерѣдко и самый смыслъ. Они провозглашаютъ рейнское вино въ такой степени благороднымъ напиткомъ, что оно требуетъ «глубокой философской оцѣнки». Другіе дѣлали изъ своей критики рейнскаго вина міровой вопросъ, имѣющій всесвѣтное нравственное вліяніе: «оно не только», говорятъ они, «уничтожаетъ гнетущее мрачное настроеніе, но возбуждаетъ умъ, вселяетъ лучшія идеи, укрѣпляетъ энергію для борьбы за святое дѣло родины», — все это говорится не только серьезно, но торжественно, строго, внушительно и авторитетно. Многие нѣмецкіе писатели, восхваляя рейнское вино, видятъ въ этомъ средство возвеличить свой фатерландъ, свою нѣмецкую національность на счетъ другихъ народовъ: «вина французскія, испанскія, итальянскія, — все это напитки безъ мысли, — можетъ быть потому ни одинъ народъ и не умѣетъ пить такъ вино своей родины, какъ нѣмецъ. Свое рейнское вино онъ пьетъ съ разсудкомъ, такъ какъ оно возбуждаетъ умъ и вызываетъ чувства». Между тѣмъ выше мы видѣли, что свое пиво и вино нѣмецъ пьетъ совсѣмъ безъ разсудка, и оно не только не возбуждаетъ ума, но часто помрачаетъ всѣ его умственныя способности и вызываетъ его къ буйству и самымъ дикимъ выходкамъ.

Кѣльнъ.—Его прошлое и настоящее значеніе.—Кѣльнскій соборъ.—Народная жизнь и варявалъ.

Кѣльнъ всегда считался однимъ изъ многочислѣннѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ прирейнскихъ городовъ. Причиною этого его счастливое географическое положеніе. Черезъ Кѣльнъ идутъ линіи желѣзныхъ дорогъ въ Берлинъ, Голландію, Брюссель, Парижъ и къ морю въ Англію. Около Кѣльна Рейнъ замерзаетъ рѣже и позднѣе, чѣмъ въ верхней и средней части теченія, и потому навигація отъ устья Рейна и до Кѣльна открыта гораздо долѣе и прерывается только не надолго во время ледохода. Вслѣдствіе этого Кѣльнъ уже много вѣковъ считаютъ самымъ удобнымъ пунктомъ для переправы черезъ Рейнъ во всякое время года, а также и самую удобною гаванью, сношенія которой съ устьемъ рѣки почти никогда не прерываются. Кѣльнъ уже издавна называютъ «святымъ городомъ», «германскимъ Римомъ», и его прошлое доказываетъ, что онъ по праву пользуется этими прозвищами.

Здѣсь римляне основали одну изъ главныхъ колоній «Colonia Agrippina», которая скоро сдѣлалась самой цвѣтущей и богатой во всей нижне-рейнской области. Отсюда они

предпринимали свои походы, отсюда распространялись по Германіи римскіе нравы, законы и просвѣщеніе, отсюда, наконецъ, христіанство распространилось по всей сѣверо-западной Германіи.

Въ средніе вѣка Кёльнъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ въ свѣтѣ, какъ важнѣйшій торговый, мануфактурный и промышленный городъ. Издѣлія кёльнскихъ мануфактуръ считались самыми лучшими на всемъ Рейнѣ; особенно славилась сукна, лучшія въ Европѣ въ тогдашнее время. Кёльнъ былъ также первымъ рынкомъ запада по торговлѣ благородными металлами. Богатство кёльнскихъ купцовъ вошло въ поговорку: «богатъ, какъ кёльнскій суконщикъ», говорили во всемъ мірѣ, когда хотѣли указать на большую зажиточность кого-нибудь. Въ то-же время Кёльнъ былъ настоящимъ Римомъ для Германіи, вторыми Афинами: онъ былъ разсадникомъ наукъ и искусствъ. Въ XIV вѣкѣ въ этомъ городѣ былъ основанъ университетъ, который скоро сдѣлался извѣстнѣйшимъ въ нижне-рейнской Германіи, а тамошняя школа живописи была древнѣе университета и фламандской школы и славилась величайшими произведеніями. Какъ образчикъ развитаго вкуса и замѣчательнаго искусства архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ, можно указать на кёльнскій соборъ, постройка котораго начата въ IX в. и который въ настоящее время представляетъ одно изъ величайшихъ въ мірѣ произведеній архитектуры.

Но въ то время, когда Кёльнъ былъ на верху своего могущества и славы, на него посыпался рядъ несчастій, неудачъ и ударовъ, изъ которыхъ самый тяжелый былъ нанесенъ его собственными жителями. Они стали такъ тѣснить протестантовъ, что послѣдніе должны были бѣжать изъ города, который они обогатили своими промыслами, и перенести свою плодотворную дѣятельность въ окрестные города. Послѣ этого богатый Кёльнъ сдѣлался городомъ нищихъ. У папертей всѣхъ церквей нищія тѣснились цѣлыми полчищами и такъ приставали съ милостыней, что это скорѣе походило на насиліе, чѣмъ на просьбу. Въ узкихъ и кривыхъ улицахъ города всякую ночь происходили грабежи, нападенія и разбой. Такое положеніе дѣлъ заставило иностранцевъ, которыхъ издавна наѣзжало въ Кёльнъ чрезвычайно много, посѣщать его только въ случаѣ крайней необходимости.

Въ настоящее время въ Кёльнѣ вновь ожили промышленность и торговля, и онъ по прежнему сталъ безопаснымъ для путешественниковъ, которые пріѣзжаютъ сюда тысячами, многочисленнымъ и богатѣйшимъ изъ прирейнскихъ городовъ: въ немъ насчитываютъ (въ 1875 г.) 135, 371 жит. Его биржа и капиталы имѣютъ громадное значеніе, и какъ въ немъ, такъ и въ его окрестностяхъ, въ настоящее время существуютъ большіе фаянсовые и ткацкіе заводы, мастерскія машинъ, лабораторіи для добыванія химическихъ продуктовъ и, что особенно прославило Кёльнъ,—заведенія, въ которыхъ готовятъ извѣстный во всемъ свѣтѣ о-де-колонъ. Каждый путешественникъ, уѣзжая изъ Кёльна, непременно покупаетъ на память склянку о-де-колона, и торговецъ, къ которому онъ при этомъ обращается, всегда выдаетъ себя за потомка настоящаго изобрѣтателя о-де-колона Фарина. Но главнѣйшею достопримѣчательностью Кёльна до сихъ поръ остается его соборъ, величественныя стѣны котораго господствуютъ надъ всѣмъ городомъ и появляются передъ взорами путешественника уже за нѣсколько миль.

Соборъ этотъ построенъ въ IX в., но послѣ того былъ нѣсколько разъ перестроенъ совершенно заново. Это зданіе, одно изъ величайшихъ и древнѣйшихъ произведеній готической архитектуры, служить лучшимъ доказательствомъ, какъ прошлаго блеска и величія Кёльна, такъ и общаго стремленія современныхъ нѣмцевъ сохранить и докончить самый знаменитый памятникъ готической архитектуры. Постройка его была прервана болѣе чѣмъ на три съ половиною вѣка, и зданіе уже подвергалось опасности разрушиться,

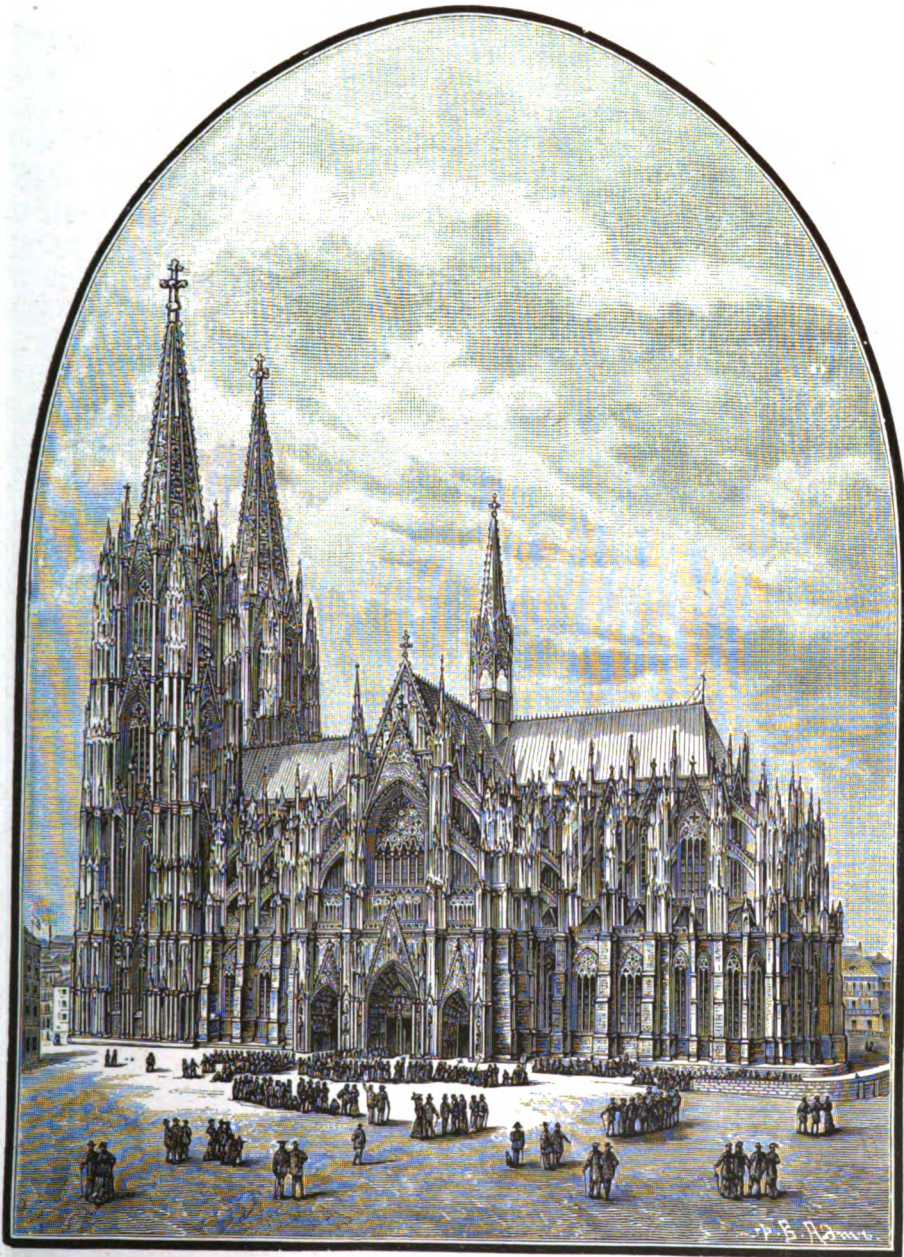
когда его стали реставрировать, а затѣмъ по всей Германіи и даже за границей устроилось нѣсколько обществъ съ спеціальною цѣлью собирать пожертвованія для его окончанія; съ этою-же цѣлью въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ давались концерты всевозможными знаменитостями. Такимъ образомъ была собрана громадная сумма, которая и дала, наконецъ, возможность въ 1880 г. совершенно окончить это исполненное зданіе, отличающееся въ одно и то же время чистотою и благородствомъ стіля, величіемъ размѣровъ, богатствомъ и блескомъ украшеній.

Все зданіе въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе по истинѣ подавляющее. Никакое другое готическое зданіе не выразило такое обиліе и такую гармонію возвышенныхъ идей этого, если можно такъ выразиться, безконечнаго стремленія вверхъ, какъ кѣльнскій соборъ. Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго служатъ башни, стремящіяся къ небу, и между ними особенно поражаетъ средняя башня, которая представляетъ верхъ совершенства въ архитектурномъ отношеніи. Съ изумленіемъ всматриваешься также въ богатые орнаменты и не чувствуешь себя въ силахъ воспринять сразу общее впечатлѣніе этого колоссальнаго и удивительнаго зданія. Соборъ имѣетъ форму латинскаго креста и занимаетъ пространство въ 6,166 кв. метр. Цѣлый лѣсъ башень, галлерей, карнизовъ украшаютъ и обогащаютъ зданіе. Но найдемъ къ главному portalу съ тремя входными арками на западномъ фасадѣ. Въ среднемъ порталѣ огромное распятіе и изображенія пророковъ, патріарховъ, Маріи и многихъ святыхъ. Въ южной башнѣ, которая цѣлыхъ 400 лѣтъ была недостроена, висятъ колоссальные колокола, самый большой изъ которыхъ, «императорскій колоколъ», вѣситъ болѣе 500 центнеровъ. Онъ былъ отлитъ въ 1874 году изъ французскихъ пушекъ, съ слѣдующей надписью: «императорскимъ колоколомъ зовутъ меня, и я прославляю императора. Я стою здѣсь на стражѣ и молю Бога, чтобы Онъ даровалъ германской имперіи миръ и честь». На богато украшенномъ южномъ порталѣ находится 9 большихъ и 58 меньшихъ, а на каждомъ боковомъ порталѣ 8 большихъ и 30 меньшихъ изящныхъ балдахиновъ съ изображеніемъ апостоловъ, святыхъ и хора ангеловъ.

Внутренность храма, также какъ и его внѣшность, производитъ могучее впечатлѣніе. 100 изящныхъ колоннъ держатъ на себѣ среднюю часть церкви и боковые своды; 14 изъ этихъ колоннъ украшены статуями. Когда вступаешь въ эту среднюю часть храма съ лѣсомъ колоннъ и изогнутыми арками, въ первую минуту кажется, точно вошелъ въ священную рощу. Великолѣпіе этой части храма, заканчивающейся къ небу сводомъ, имѣетъ въ себѣ какую-то величественную простоту, которая превосходитъ всякое описаніе. Особенно прекрасно внутреннее пространство средней части храма, ограниченное 14 колоннами съ большими статуями, изображающими Христа, Марію и 12 апостоловъ. Рѣзныя украшенія 96 великолѣпныхъ сидѣній подчасъ довольно юмористичны и свѣтскаго содержанія. Заднія стѣны завѣшаны коврами, вышитыми кѣльнскими дамами.

Большою извѣстностію пользуются цвѣтныя стекла XVI столѣтія; на нихъ изображены сцены изъ исторіи страстей Христовыхъ, изъ жизни Петра, родословное дерево Христа, святаго Севастьяна, поклоненіе пастуховъ и др.

Войдемъ черезъ желѣзную рѣшетку въ круглую галерею средней части храма, и мы увидимъ слѣва гробъ архіепископа Энгельберта III съ его статуей на черной мраморной плитѣ и 24 изображенія святыхъ въ готическихъ нишахъ, — это лучшія изъ всѣхъ произведеній въ этомъ родѣ во всемъ соборѣ. Пройдемъ черезъ крестовую капеллу и черезъ ризницу, гдѣ мы, между прочимъ, увидимъ раку съ мощами святыхъ трехъ королей, украшенную золотыми и серебряными пластинками, съ рѣзными украшеніями и драгоценными камнями, но самыя драгоценныя изъ нихъ уже украдены,

затѣмъ раку съ мощами Энгельберта, тоже изъ массивнаго серебра, разныя церковныя сокровища, жезлъ, дароносицу и др. Въ разницѣ стоятъ художественно сдѣланная дарохранилищница работы XIII столѣтія, высѣченная изъ камня.

Чтобы получить настоящее понятіе о веселомъ, необыкновенно оживленномъ характерѣ кѣльнцевъ, нужно посѣтить этотъ городъ зимой, когда устраиваютъ безчисленное множество фереиновъ (собраніе, союзъ) и самыя разнообразныя развлечения съ музыкой, танцами и общественными играми. Но настоящая жизнь этихъ фереиновъ достигаетъ высшаго апогея во время кѣльнскаго карнавала, который такъ славится во всемъ свѣтѣ. Въ теченіи долгаго времени это торжество было въ упадкѣ, но въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія оно опять ожило. Для устройства карнаваловъ образовалось огромное общество, принадлежать къ которому каждый кѣльнскій житель считаетъ за величайшую честь. Даже война и времена народныхъ бѣдствій не могли подавить въ веселыхъ кѣльнцахъ ихъ любви къ забавамъ и веселью. Прежде въ карнавалѣ выражался не только веселый характеръ этого народа, но и его страсть къ блестящимъ празднествамъ и его склонность къ благотворительности: доходъ съ этого праздника предназначался въ пользу бѣдныхъ жителей города. Теперь эти доходы не такъ значительны, и прежняя баснословная пышность исчезаетъ, но и современный карнавалъ еще далеко не утратилъ своего характера и даетъ понятіе о юморѣ народа, его остроумія и страсти къ шумнымъ развлечениямъ. Каждому мѣстному жителю прекрасно извѣстна прошлая исторія его города, не только дѣйствительная, но и легендарная, и потому кельнцы вносятъ въ свои карнавальные процессіи преданія, сцены, событія, героевъ и типы, иногда въ реальномъ, иногда въ сатирическомъ видѣ изъ своего прошлаго, представляютъ въ каррикатурахъ многіе факты изъ современной жизни; все это для иностранца мало понятно, и потому въ этихъ процессіяхъ онъ не можетъ достаточно оцѣнить соль и юморъ — характерныя черты жителей, которыя такъ рѣзко выступаютъ въ этомъ «всенародномъ праздникѣ». Мы называемъ кѣльнскій карнавалъ всенароднымъ праздникомъ потому, что въ немъ принимаютъ одинаковое участіе люди всѣхъ званій, сословій, состояній и возрастовъ. Карнавалъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ подготовленія къ празднику и изъ самаго торжества. Еще задолго до начала праздника члены карнавального общества торжественно собираются для выбора распорядителей и должностныхъ лицъ этого сложнаго праздника и для засѣданій, во время которыхъ эти лица даютъ отчетъ обществу въ своей дѣятельности за истекшій срокъ. Члены собранія (болѣе тысячи человекъ) обыкновенно сходятся въ воскресенье въ залъ, стѣны которой разрисованы по этому случаю разными каррикатурами. Они разсаживаются на длинныхъ скамьяхъ, въ дурацкихъ колпакахъ, съ бутылками, привязанными веревкой къ шеѣ, и со стаканами въ рукахъ. Когда все стихло, оркестръ начинаетъ карнавальную увертюру, а затѣмъ одинъ за другимъ встаютъ члены и декламируютъ стихотворенія, произносятъ рѣчи, которыя служатъ вступленіемъ къ началу засѣданія.

Затѣмъ во всѣхъ домахъ начинаются приготовленія: шьютъ костюмы, украшаютъ колесницы, готовятъ цвѣты, чтобы бросать ихъ въ окна и на проходящихъ. Въ воскресенье масляницы члены общества карнавального фереина отправляются въ шутовскомъ поѣздѣ на послѣднее засѣданіе, на которомъ они теоретически познакомятся со всѣмъ ходомъ карнавала. Они ѣдутъ безконечной вереницей верхами и въ экипажахъ, съ музыкой, въ обыкновенныхъ костюмахъ и безъ масокъ, но въ шутовскихъ колпакахъ, съ наклеенными бородами и носами, съ бутылкой въ одной рукѣ, а въ другой съ погремушками или дудками, которыми они производятъ страшный шумъ.

Но главное торжество съ самыми блестящими процессіями происходитъ на другой день, въ понедѣльникъ. Всѣ улицы и площади города съ ранняго утра биткомъ набиты

народомъ; маски бѣгаютъ взадь и впередъ. Все кричитъ, хохочетъ, распѣваетъ, толкаетъ другъ друга, давитъ, прыгаетъ. Понятно, что эта невообразимая суматоха, давка, суета и необузданное веселье заставляютъ дамъ удалиться въ дома и смотрѣть на празднество изъ оконъ и съ балконовъ. Изъ толпы выдѣляется одинъ или другой маскированный, подходитъ къ балкону, произноситъ стихи, говоритъ рѣчь, поетъ или играетъ на какомъ нибудь инструментѣ, а красавицы награждаютъ его за это аплодисментами, маханьемъ платковъ, осыпаютъ цвѣтами. Если-же какой-нибудь дамѣ необходимо въ этотъ день перейти улицу, ей придется поцѣловаться со всѣми, кто этого пожелаетъ.

Изъ всѣхъ улицъ толпа направляется къ Неймаркту, одной изъ самыхъ большихъ общественныхъ площадей Кёльна, а она въ этотъ день загромождена уже съ утра. Вокругъ стоятъ карнавальные сторожа, на восточной сторонѣ возвышается трибуна, украшенная бѣлыми и красными знаменами, передъ ней стоитъ часовой: онъ поставилъ свой старый мушкетъ у перилъ и вяжетъ огромный чулокъ. Съ другой стороны—гауптвахта караульной стражи карнавала; тамъ же, подлѣ своего осла, на барабанѣ за завтракомъ, сидитъ маркитантка. Прибывающая публика осыпаетъ насмѣшками и островами карнавальную стражу, оригинально разставленную и одѣтую. Но вотъ пробило 10 часовъ, и въ эту минуту всѣ процессіи, находящіяся въ разныхъ частяхъ города, выступаютъ, направляясь къ Неймаркту. Наконецъ, при громкихъ звукахъ трубъ появляется отрядъ конныхъ кавалеристовъ, окружающій карету, запряженную четырьмя лошадьми, въ которой сидитъ «комитетъ торжества», т. е. распорядители праздника. Они тотчасъ дѣлаютъ смотръ всѣмъ приготовлениямъ и размѣщаютъ на углахъ площади верховой караулъ, который долженъ торжественно привѣтствовать процессіи, выступающія со всѣхъ четырехъ сторонъ. Шумъ все усиливается: признавъ, что какая-нибудь процессія уже приближается. Во главѣ процессіи ѣдутъ музыканты, нерѣдко въ комическомъ нарядѣ, сзади пѣшіе, другіе на лошадяхъ и въ самыхъ разнообразныхъ экипажахъ. Между ними появляются колесницы съ огромными подмостками, на которыхъ въ живой картинѣ можно видѣть людей, изображающихъ ту или другую сцену.

Вотъ, подлѣ предводительствомъ рыцаря, въ полномъ рыцарскомъ одѣяніи, приближается богато украшенная колесница, запряженная шестью лошадьми, съ капеллой рыцаря на колесницѣ. За ней слѣдуетъ человекъ съ зеркаломъ на груди. Процессію встрѣчаютъ громкимъ привѣтствіемъ и изъ всѣхъ оконъ раздаются крики, всѣ дамы машутъ платками. То въ той, то въ другой процессіи вы часто видите дѣтей въ дурачкихъ колпакахъ на кудрявой головкѣ. Затѣмъ являются типическія кельнскія фигуры: городской знаменосецъ, въ честь котораго уличные мальчики затачиваютъ комическую пѣсенку, сзади ѣдетъ верхомъ въ палцырѣ кельнскій бургомистръ Гримъ, побѣдитель въ Ворингскомъ сраженіи, а за нимъ слѣдуетъ Зигфридъ съ кельнскимъ гербомъ и съ своей свитой. За нимъ идутъ представители старинныхъ рыцарскихъ фамилій, затѣмъ слѣдуютъ цехи. Знаменосцы цеха въ костюмахъ, покрытыхъ плюшемъ и съ символами цеха. Наконецъ, выступаютъ съ огромными фоліантами и чернильницами въ рукахъ дипломаты, бургомистры, синдикъ. Уличные мальчики опять поднимаютъ ужасные крики — знакъ, что приближается другая часть процессіи. И дѣйствительно, уже слышны звуки музыки, музыканты появляются на площади, а за ними 16 дervшей, одѣтыхъ въ черное, вслѣдъ за которыми появляется Мефистофель съ краснымъ знаменемъ, на которомъ изображенъ воронъ, какъ символъ адскихъ силъ; за нимъ толпа привидѣній и духовъ. А вотъ появляется и длинный рядъ телѣгъ, впереди которыхъ ѣдетъ знаменитый кельнскій генералиссимусъ въ сопровожденіи французскаго маршала, прославившагося своею вѣтренностію. Вдругъ издали раздается необычно-

венно веселая музыка, и вслѣдъ за этимъ появляются паяцы съ крыльями, въ желто-зеленомъ костюмѣ, а за ними процессія, впереди которой идетъ Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ, одѣтый на половину какъ рыцарь, на половину какъ поэтъ; знаменосцемъ ему служить баснописецъ Эзопъ. Въ этой процессіи можно видѣть чрезвычайно много личностей разныхъ столѣтій и разныхъ народовъ: испанца-арлекина съ его супругой Граціозой, итальянца-арлекина съ Колумбиной, Труфальдино вмѣстѣ съ нѣмецкимъ Гансвурстомъ, Пьерро и Пьеронетта съ полишинелемъ; любимыхъ героев оперъ, какъ напимѣръ Фигаро съ Сузанной, Донъ-Жуана съ Лепорелло, Фальстафа и Донъ-Педро на деревянной ногѣ, знаменитыхъ сатириковъ, представителей маскараднаго искусства, изобрѣтателей театральныхъ масокъ, Ноя, какъ любителя вина, Анакреона, воспѣвавшего эту живительную влагу и т. д. до безконечности. Сзади идетъ армія музыкантовъ, состоящая изъ паяцовъ, увѣшанныхъ колокольчиками. Впереди ихъ выступаетъ графъ Клѣве, въ XIV вѣкѣ основавшій «клѣвское общество паяцовъ». Ихъ гербъ — паяцъ въ костюмѣ съ красными и бѣлыми клѣтками, а знамя несетъ рыцарь фонъ-Шваненфельдъ (Schwanep — лебедь), гербъ котораго — лебедь на голубомъ полѣ. Три герольда ѣдутъ передъ пышной колесницей, запряженной шестеркой, на которой везутъ замокъ Клѣве, что намекаетъ на сагу рыцаря-лебедя. Надъ колесницей возвышается большой лебедь съ распростертыми крыльями; этимъ лебедемъ правитъ золотыми Фожжами маленькій амуръ, а за нимъ движется лодка въ видѣ раковины. Изъ этой лодки рыцарь лебедя, въ сіяющемъ вооруженіи, смотритъ на несчастную княгиню, которая стоитъ на башнѣ замка Клѣве. Затѣмъ слѣдуетъ пестрая вереница цеховъ паяцовъ изъ разныхъ городовъ; у нихъ въ рукахъ по копью, чтобы съ большею смѣлостію идти на войну противъ зайца. А вотъ выступаетъ и Донъ-Кихоть Ламанчскій на своей Росинантѣ, за нимъ его оруженосецъ Санхо-Панчо на ослѣ съ громадной колбасой въ рукахъ. Далѣе колесница Гансвурста: на грудѣ цвѣтовъ танцуетъ герой карнавала съ своею невѣстой; эту колесницу влекутъ шесть бѣлыхъ коней; впереди ѣдутъ музыканты, наигрывающіе на трубахъ разные мотивы. Затѣмъ развертывается такая блестящая живая картина, которая превосходитъ всякое описаніе. Со всѣхъ сторонъ играютъ труппы музыкантовъ, одѣтыхъ въ характерные костюмы. Вотъ раскинулись другъ противъ друга два непріятельскія войска; между ними происходитъ стычка, а затѣмъ раздается громкая пѣсня. Является толпа черныхъ всадниковъ; ее встрѣчаютъ громкими криками. Главная личность въ этой толпѣ «дикій охотникъ», который постоянно подгоняетъ свою лошадь. Подлѣ него два пажа, которые у Бюргера, въ его извѣстной балладѣ «Дикій охотникъ», представляютъ злаго и добраго духа. Злой духъ съ черными кудрями ѣдетъ на бѣшенномъ конѣ, а добрый ангелъ съ бѣлокурыми волосами робко сидитъ на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ. Сзади дикая толпа охотниковъ и собакъ на привязи. Далѣе выступаютъ — смерть и чортъ, за которыми слѣдуютъ адскіе духи въ сопровожденіи четырехъ всадниковъ страшной наружности, украшенныхъ человѣческими черепами. Затѣмъ слѣдуетъ комическая капитуляція непріятельскаго войска, и въ знакъ побѣды пускаютъ воздушные шары, ракеты, шутихи и стрѣляютъ изъ ружей. А вотъ и колесница, запряженная восемью лошадьми, на которой стоитъ кѣльнская дѣва. Ей устраиваютъ торжественную встрѣчу и привѣтствуютъ кликами: «да благословитъ тебя Богъ, дочь германской имперіи! Духовные и свѣтскіе всѣ пришли поклониться тебѣ». Впереди этого триумфальнаго шествія съ кѣльнской дѣвой выступаетъ Гекенъ-Берндхенъ — типъ, сдѣлавшійся историческимъ. Вѣроятно прежде это былъ челоѣкъ, ходившій впереди процессіи, что служило намекомъ на Давида, ходившаго передъ скиніею. Какъ только процессія начинаетъ двигаться, Гекенъ-Берндхенъ выступаетъ впереди и съ самыми комичными тѣлодвиженіями танцуетъ подъ звуки музыки. Сзади процессіи идутъ музыканты, затѣмъ

множество парней и дѣвушекъ по парамъ, въ старинномъ костюмѣ: въ высокихъ чепцахъ и бѣлыхъ передникахъ, а парни въ широкихъ треугольныхъ шляпахъ, въ короткихъ штанахъ и черныхъ чулкахъ. Они идутъ парами и подражаютъ походкѣ Гекенъ-Берндхена, а отъ времени до времени танцуютъ подъ мелодію стариннаго кѣльнскаго національнаго марша. Всѣ эти процессіи проходятъ по главнымъ улицамъ Кѣльна и останавливаются на всѣхъ площадяхъ. Между ними, справа и слѣва, взадъ и впередъ бѣгаютъ маски, кричатъ и шумятъ трещотками и разбрасываютъ листки комическаго и сатирическаго содержанія. Тамъ и здѣсь угощаются виномъ, чокаются, обмѣниваются шутками; букеты цвѣтовъ и конфетъ летятъ во всѣ стороны, даже въ самые верхніе этажи, въ открытыя окна и обратно, такъ что часто сплошь забрасываютъ и покрываютъ замаскированныхъ, которые посылаютъ вверхъ воздушные поцалуи. Разгулъ все усиливается; толпа невольно увлекаетъ cadaго, и тутъ даже самый серіозный чело-вѣкъ превращается въ шута; всѣ чувствуютъ себя равными. Разгульная толпа походить въ этотъ день на бурный шумящій потокъ, который ворвался въ городъ, захватилъ всѣхъ жителей и катится своими дикими волнами, переливаясь по всѣмъ улицамъ. Домовъ не видно за развѣвающимися знаменами, платками и пестрыми шутковскими колпаками. Со всѣхъ сторонъ раздается такая оглушительная музыка, шумъ, крики и смѣхъ, которые новичка, вступившаго въ городъ, заставляютъ подумать, что всѣ кѣльнцы сошли съ ума. Нерѣдко маска прыгиваетъ съ лошади или выскакиваетъ изъ кареты, взбирается на окно, заставляетъ себя угощать, или кричитъ въ ухо той или другой дамѣ стихъ, слово, комплиментъ или насмѣшку. Вотъ подходитъ къ окну чело-вѣкъ съ серіозной фізіономіей, въ длинномъ сюртукѣ прошлаго столѣтія, съ развѣвающимся жабо и въ бѣломъ парикѣ. Онъ открываетъ огромную книгу, которую держитъ въ рукахъ, и начинаетъ читать старинную пѣсню. Лишь только онъ успѣлъ уйти, какъ появляется органщикъ: онъ то играетъ на своемъ инструментѣ, то рассказываетъ о страшныхъ разбойникахъ, которые похитили изъ башни замка гордую красавицу. Онъ еще не успѣлъ отойти, какъ подбѣжала уличная толпа мальчиковъ съ пѣснями. Ихъ смѣняетъ рифмо-плеть въ синемъ фракѣ безъ одной полы и въ широкихъ панталонахъ; свои стихи онъ сопровождаетъ игрой на гитарѣ, но ему не даетъ кончить молодой пажъ, который проситъ милостыню для своихъ 20 голодныхъ малютокъ. Не смотря на то, что папа считаетъ Кѣльнъ однимъ изъ столбовъ католицизма, его жители, во время карнавала, не прочь посмѣяться надъ своими ксендзами. Посмотрите, какъ одну группу обступилъ народъ! Она представляетъ тучнаго, раздобрѣвшаго католическаго капеллана въ черной сутанѣ, который усердно отплясываетъ съ двумя женщинами: Одна изъ нихъ въ то же время поетъ марсельёзу, другая съ бутылкой керосина въ рукахъ. Эта группа представляетъ союзъ ультрамонтановъ съ буйной чернью въ лицѣ парижской петролейщицы.

Во вторникъ бываютъ еще небольшія процессіи, но уже не такія злестящія. По вечерамъ на масляной даютъ маскарадныя балы. Кто изъ кѣльнцевъ не отправляется въ такіе дни на маскарадный балъ, тотъ идетъ на семейный праздникъ. Войдетъ въ домъ незнакомый, ему всѣ рады, каждый радушно встрѣчаетъ пришельца. На маскарадныхъ балахъ и вечерахъ идетъ тотъ же маскарадный разгулъ, какъ и во время карнавала. Каждое общество, которымъ здѣсь нѣтъ числа, устраиваетъ въ такіе дни маскарадныя балы.

Но карнавальное веселье, самые тяжелые грѣхи, даже насмѣшки надъ монахами, все будетъ прощено, если возложить на себя извѣстнаго рода эпитимію. Она состоитъ въ слѣдующемъ: когда весной огромная толпа народа, нерѣдко до 10-ти тысячъ, отправится на поклоненіе святыни, находящейся въ верстахъ трехъ отъ города, то это странство слѣдуетъ не пройти, а проскакать. Послѣ обѣдни огромная толпа богомоль-

цевъ, подъ звуки странствующаго оркестра, направляется къ мѣстной святынѣ. Впереди идетъ духовенство въ полномъ облаченіи, а за нимъ не идетъ, а скачетъ толпа. Тотъ, кто на одной ногѣ проскачетъ все пространство, получить прощеніе самыхъ тяжелыхъ грѣховъ. «Интересно видѣть эту бѣснующуюся толпу; мужчины и женщины, дѣти и взрослые, худощавыя и бочкообразныя фигуры, синія крестьянская блуза и городского покроя сюртукъ, все это скачетъ въ перемѣшку, сбиваетъ другъ друга съ ногъ, пыхтитъ, обливается обильнымъ потомъ, наконецъ, достигаетъ желанной цѣли въ полнѣйшемъ изнеможеніи, растерявъ по дорогѣ большую часть скакуновъ».

Шварцвальдъ и его природа.—Характеръ деревень и народа.—Его положеніе и заработки, одежда и занятія: сплавъ лѣса, деревянныя издѣлія, плетеніе изъ соломы и часовая промышленность.

Разница между равнинами Бадена, Вюртемберга и высотами Шварцвальда рѣзко бросается въ глаза. Первые густо населены и прекрасно обработаны: на каждомъ шагу встрѣчаешь богатыя селенія, обширныя поля, виноградники. Но чѣмъ выше поднимаешься въ горы, тѣмъ рѣже населеніе, плато бѣднѣ растительностію. Правда, здѣсь и на высотѣхъ не встрѣчаешь слишкомъ негостепріимныхъ уголковъ, но скорѣе оживленную горную страну, прорѣзанную дорогами и тропинками, вспаханную и засѣянную, гдѣ это только возможно. Даже тѣ мѣстности, которыя лѣтъ 25 тому назадъ были покрыты переплешшимися деревьями и частымъ непроницаемымъ кустарникомъ, теперь очищены и доступны. Тѣмъ не менѣе виноградники смѣняются здѣсь уже рожью, а еще выше—рожь уступаетъ мѣсто овсу, и, наконецъ, на высотѣ болѣе 2500 ф. надъ уровнемъ моря, населеніе воздѣлываетъ одинъ только картофель. Такое же различіе и въ климатѣ: у подножія горъ почти не знаютъ настоящей зимы, а только холода, вѣтры, слякоть и заморозки въ продолженіи 2—3 мѣсяцевъ; по крайней мѣрѣ 8 мѣсяцевъ въ году крестьянинъ занятъ полевыми работами; между тѣмъ на вершинахъ снѣгъ падаетъ уже въ концѣ сентября и лежитъ до половины апрѣля. Вообще Шварцвальдъ одна изъ тѣхъ мѣстностей Германіи, гдѣ рядомъ съ суровыми картинами природы можно встрѣтить живописныя уголки и прелестнѣйшіе ландшафты.

Долины Шварцвальда были необитаемы вслѣдствіе бурныхъ лѣсныхъ потоковъ. Поэтому красивыя города разсѣяны въ низменностяхъ, по всему Шварцвальду, и возникли уже нѣсколько столѣтій позже деревень; каждый городъ стоитъ обыкновенно подлѣ рыцарскаго замка. Шварцвальдская деревня образовалась изъ большихъ крестьянскихъ дворовъ, разбросанныхъ по склонамъ горъ. Нужно замѣтить, что на ряду съ отдѣльными хижинами, которымъ принадлежитъ ничтожный кусокъ земли, тутъ встрѣчаются и въ высшей степени зажиточныя крестьяне, владѣющіе землею въ нѣсколько сотъ моргеновъ. Это происходитъ потому, что тутъ существуетъ обычай *миноратства*, по которому младшій сынъ остается наследникомъ земли и всего имущества родителей. Старшимъ братьямъ онъ выдѣляетъ самые ничтожныя участки, на которыхъ можно разбить нѣсколько грядъ картофеля и содержать одну корову или двѣ козы. За то многіе крестьяне владѣютъ здѣсь огромными участками земли и живутъ настоящими помещиками. Они гордо смотрятъ на остальныхъ смертныхъ и держатъ нерѣдко болѣе дюжины работниковъ. Обширныя лѣса такого владѣтельнаго крестьянина даютъ ему достаточное количество дровъ; на склонахъ, поросшихъ молодымъ лѣсомъ, между которымъ болѣе всего дубовъ, онъ распахиваетъ цѣлыя полосы и сѣетъ на нихъ хлѣбъ и картофель и въ тоже время получаетъ порядочный доходъ съ дубовой коры. Его нивы оро-

шаются многочисленными ручейками, текущими по склонамъ, и онъ за ними старательно ухаживаетъ, что при большомъ числѣ рабочихъ рукъ и не затруднительно. На склонахъ расположены прекрасныя пастбища, и въ его хлѣбѣ вы всегда найдете штукъ 30—40 рогатаго скота и нѣсколько лошадей, необходимыхъ для полевыхъ работъ, часто очень тяжелыхъ въ этой странѣ. Бокъ-о-бокъ съ очень богатыми и огромными крестьянскими дворами живутъ «гютлеры», владѣтели небольшихъ участковъ земли, часто старшіе братья, выдѣленные изъ хозяйства своимъ младшимъ братомъ. Когда они не заняты работой на собственномъ полѣ, они нанимаются работать у богатыхъ крестьянъ. Не только бѣдныя хижины, но часто и жилища богатыхъ расположены въ отдаленныхъ мѣстахъ долины или на уединенныхъ высотахъ. Всѣ крестьянскіе дворы носятъ названія, происшедшія отъ ихъ положенія: «на склонѣ», «на Лиферсбергѣ», въ «заднемъ лѣсу» и т. п. У подошвы горы, обыкновенно посреди селенія, находится церковь съ стройной башенкой, вокругъ которой группируется школа, нѣсколько трактировъ и нѣсколько заведеній ремесленниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣтямъ приходится ходить въ школу издалека, употребляя на ходьбу по часу и по два. Зимой, когда рано темнѣетъ, богатые крестьяне посылаютъ за своими дѣтьми работника или работницу. Шварцвальдскія деревни, какъ на западныхъ, такъ и на южныхъ склонахъ, представляютъ живописную группу, но въ ущельяхъ верхняго Шварцвальда онѣ выглядываютъ бѣднѣе и тѣснѣе расположены другъ къ другу.

Шварцвальдскій домъ, не исключая и гвоздей, построенъ изъ одного матеріала, а именно изъ такого, какой страна эта даетъ въ большомъ изобиліи, т. е. изъ дерева. Изъ камня дѣлается только часть фундамента; стѣны сложены изъ балоковъ, обшитыхъ извнѣ и изнутри досками. Дома одноэтажные; крыша кроется соломой или черепицей и далеко выдается съ трехъ сторонъ; подъ крышей тянутся галлерей. Надъ чердакомъ, который тянется по всей срединѣ дома, подъ самыми стропилами, красуется башенка; здѣсь складываютъ снопы. Во многихъ мѣстностяхъ Шварцвальда еще и теперь часто виситъ высохшій отъ вѣтра лошадиный или бычачій черепъ, который, по вѣрованію народа, защищаетъ скотъ отъ заболѣванія, отъ обжоговъ молніей и отъ громовыхъ ударовъ. Задней стороной домъ обыкновенно опирается на склонъ горы, и здѣсь крыша опускается почти до земли. Съ задней стороны—ворота, черезъ которыя въѣзжаютъ въ овинъ, находящійся подъ одной крышей съ домомъ. Переднюю часть дома занимаетъ общая комната, освѣщенная рядомъ оконъ; однако, не смотря на это, въ ней не особенно свѣтло, такъ какъ спускающаяся крыша нѣсколько затемняетъ свѣтъ многочисленныхъ оконъ. Въ этой жилой комнатѣ ѣдятъ и работаютъ всѣ живущіе въ домѣ; въ ней огромная изразцовая печь, а подлѣ нея «кунстъ»—нѣчто въ родѣ лежанки—простой рядъ изразцовъ. Подлѣ печи и кунста стоятъ скамейки. Здѣсь протекаетъ мирная жизнь шварцвальдскихъ семействъ. По вечерамъ въ этой комнатѣ вся семья въ сборѣ: старикъ-отецъ рѣжетъ табакъ, а старуха-мать, какъ и всѣ остальные женщины, прядутъ. «Расскажи намъ чтонибудь о Кунигундѣ», проситъ старика-отца ктонибудь изъ членовъ семьи. Всѣ придвигаются съ своими прялками ближе къ свѣту и усердно принимаются за работу. Маленькій мальчикъ набираетъ въ руку полную горсть лучинъ и занимается тѣмъ, что мѣняетъ ихъ, когда старая догоритъ. Нѣкоторыя женщины плетутъ соломѣ, маленькія дѣвочки и мальчики раскрашиваютъ циферблаты часовъ. Впрочемъ дѣти только въ тѣхъ хижинахъ могутъ раскрашивать, гдѣ комната освѣщается лампой; такое освѣщеніе все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе и скоро во всѣхъ шварцвальдскихъ хижинахъ замѣнитъ лучину.

Обстановка дома по большей части очень первобытна: число столовъ, скамеекъ, видовъ и ножей ограничивается самымъ необходимымъ; стакановъ на весь домъ бы-

васть не больше двухъ—трехъ, тарелки деревянныя. Въ домахъ богатыхъ крестьянъ, о которыхъ мы упоминали выше, можно нерѣдко найти хорошую мебель, фортепiano, шкафъ съ хорошей фарфоровой посудой. Но если въ бѣдномъ домѣ не найдете фортепiano, за то вездѣ есть часы, а часто ихъ бываетъ по нѣскольку. Точно также на окнахъ даже бѣдняковъ красуется непремѣнно гвоздика, гераніумъ и кактусы. У каждаго домика небольшой колодезь, и нерѣдко подлѣ него находится маленькая часовня съ небольшимъ колоколомъ, которымъ сзываютъ на утреннюю и вечернюю молитву.

Зайдите въ одинъ изъ чистенькихъ шварцвальдскихъ домиковъ, и вы всегда будете приняты чрезвычайно радушно. На столѣ вы найдете нѣсколько газетъ: шварцвальдскіе крестьяне чрезвычайно интересуются политикой, любятъ читать, спорить и говорить не только о томъ, что дѣлается вокругъ нихъ, но о всемъ, что происходитъ на свѣтѣ. Крестьянинъ очень радъ, если вы попросите его показать хлѣвъ, овинъ, рассказать о его предкахъ и дѣтияхъ, но особенно оживляется, когда вы заводите съ нимъ разговоръ о высшихъ вопросахъ. Эту любовь къ разрѣшенію высшихъ вопросовъ всего легче подмѣтитъ въ трактирѣ, который существуетъ въ каждой деревнѣ. Почти на всѣхъ трактирахъ въ баденскомъ Шварцвальдѣ и въ долині Рейна встрѣчаешь надъ дверью изображенія льва, орла, лошади, лебедя и друг. Комната трактира большая, свѣтлая, и на стѣнахъ ея, висятъ литографическіе портреты военныхъ знаменитостей, а также Шиллера и Гете. Посѣтителей уже много: это дровосѣки, плотовщики, часовые мастера и другой рабочій людъ. Они горячо спорятъ или о постройкѣ какихъ-нибудь укрѣпленій, о правительственномъ распоряженіи, о только что прочитанной статьѣ. Кто привыкъ посѣщать трактиры на высотахъ Альповъ или баварской возвышенности, того чрезвычайно удивитъ предметъ ихъ споровъ и разговоровъ и особенно критика правительственныхъ распоряженій, такъ какъ тамъ говорятъ только о своихъ работахъ и деревенскихъ новостяхъ. Въ семейныхъ разговорахъ шварцвальдцы не любятъ пускаться въ ходъ политику, такъ какъ они считаютъ женщину неспособною понимать такіе возвышенные вопросы; но зато дома въ большомъ ходу народныя преданія, и въ каждой мѣстности свои особыя. Вотъ небольшое селеніе Зебахъ: само по себѣ оно ничѣмъ не интересное, но замѣчательно только по развалинамъ замка Бозенштейнъ, который возвышается надъ ней. Здѣсь вечеромъ хозяинъ нерѣдко рассказываетъ своему семейству преданіе, которое связано съ этимъ замкомъ. Жену рыцаря Бозенштейна прокляла одна голодная женщина, которой она не хотѣла помочь. Когда однажды рыцарь Бозенштейнъ отправился на охоту, его жена родила сразу семь мальчиковъ и, не желая воспитывать такъ много дѣтей, она приказала своей служанкѣ шестерыхъ изъ нихъ утопить въ рѣкѣ. Но отцу удалось спасти дѣтей. Ихъ воспитали въ уединенной чащѣ лѣса, и мать не подозрѣвала, что они живы. Когда они выросли прекрасными, гордыми рыцарями, отецъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ гости, въ замокъ, и при этомъ устроилъ блестящій пиръ. За обѣдомъ рыцарь обратился къ женѣ съ вопросомъ: «какъ слѣдуетъ наказать мать, которая сама обрекла на смерть своихъ дѣтей?» — «Ее нужно живьемъ задѣлать въ стѣну», отвѣтила она съ негодованіемъ, не подозрѣвая, что сама надъ собою произноситъ приговоръ. Рыцарь вскочилъ съ своего мѣста, позвалъ слугъ и велѣлъ нести свою жену въ горы. Тамъ въ каменной скалѣ есть глубокая пещера, высѣченная человѣческой руки, — это гробъ жены рыцаря Бозенштейна.

Костюмы шварцвальдцевъ, имѣя между собою сходство въ главныхъ частяхъ, сильно разнообразятся, смотря по деревнѣ, въ мелочахъ. Вообще католики любятъ свѣтлыя, рѣзкіе цвѣта, а протестанты носятъ одежду болѣе темнаго цвѣта. Одежда мужчинъ: короткіе, до коленъ доходящіе панталоны, чулки и башмаки съ пряжками. Ко-

жанные панталоны, которые прежде переходили отъ отца къ сыну, теперь встрѣчаются развѣ у стариковъ, и то у болѣе бѣдныхъ изъ нихъ. На головѣ шляпа различной формы: треугольная или круглая поярковая; на грудь надѣваютъ свѣтлый, но чаще всего ярко-красный жилетъ. Штаны и сюртукъ по большей части изъ черной матеріи на красной подкладкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мужчины носятъ поверхъ жилета бѣлый отложной воротничекъ, спереди открытый и стянутый галстукомъ. У парней одежда свѣтлѣй, шляпа одѣта молодцевато, украшена лентами и вмѣсто длиннаго сюртука короткая куртка. Женщины носятъ пеструю короткую юбку со складками, пестрый корсажъ, отороченный лентою, и цилиндрическую шляпу съ небольшими полями. Въ нѣкоторыхъ долинахъ эти шляпы бывають очень высоки и громоздятся на головѣ, въ видѣ башни. Красивѣе всего женщины одѣваются въ Гутагской долинѣ (между Гаузехомъ и Горенбергомъ). Женщины носятъ здѣсь широкую, но невысокую соломенную шляпу, сверху сплошь украшенную розами изъ шерсти; у дѣвушекъ эти розы краснаго цвѣта, у женщинъ—чернаго. Изъ подъ шляпы выглядываетъ красивый чепецъ, покрытый чернымъ тюлемъ. Черная юбка со складками и корсажъ дополняютъ костюмъ. Красивыя шляпы съ розами стали входить въ моду въ баденскихъ городахъ даже у дѣвушекъ высшаго круга.

Главное украшеніе шварцвальдскихъ дѣвушекъ — «шепель», высокій головной уборъ, покрытый мишурой и разными украшеніями. Но, вслѣдствіе его тяжести, его носятъ только въ торжественныхъ случаяхъ, напр. во время свадьбы и крестинъ. Этотъ уборъ носятъ какъ католички, такъ и протестантки. Изъ-подъ корсажа, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ видны бѣлые рукава рубахи, которую вышиваютъ букетами цвѣтовъ, сердечками и вѣткамъ.

Шварцвальдъ богатъ лѣсами, но зато земледѣліе сопряжено здѣсь съ большими трудностями и главнымъ образомъ ограничивается разведеніемъ ржи, овса и картофеля. Самая важная отрасль сельскаго хозяйства—скотоводство. Поэтому главный контингентъ жителей составляютъ дровосѣки, пастухи, плотовщики, ремесленники, приготовляющіе деревянныя издѣлія, между которыми самое почетное мѣсто занимаютъ часовщики, — весь этотъ людъ крѣпко держится старинныхъ обычаевъ и отличается мужествомъ и отвагою. Но самый главный промыселъ жителей—эксплуатація лѣсовъ, хотя во многихъ мѣстахъ скаты горъ уже опустошены, а въ другихъ лѣса замѣнены пашнями. Здѣсь нерѣдко случается, что жители той или другой мѣстности рѣшаются расчистить лѣсъ подъ пашню, но, несмотря на самый тяжелый и упорный трудъ, почва для этого оказывается совсѣмъ непригодною. Такъ напр. гора Книбиесъ, близъ истоковъ рѣки Муртъ, была расчищена и крестьяне начали ее вспахивать, но посѣвъ не принесъ никакого урожая, и жителямъ этой деревни пришлось снова рѣзводить деревья, между которыми главную роль играютъ высокіе, стройные еловые лѣса и буковые рощи. Верхушки горъ—голы, но если начинаешь спускаться внизъ, то съ каждымъ шагомъ встрѣчаешь все чаще сосны, пихты и ели и, наконецъ, онѣ образуютъ обширные лѣса, въ которыхъ вмѣстѣ съ ихъ темною зеленью перемеживается свѣтлая зелень буковыхъ рощъ и отдѣльныхъ березъ, а нерѣдко и дубовъ. Лѣса, которыми богатъ Шварцвальдъ, не только составляютъ главный источникъ дохода для ихъ владѣльцевъ, но они даютъ заработокъ и значительной части бѣднаго класса, которая занимается рубкою, распиливаніемъ и перевозкою лѣса. Часть лѣса каждый годъ распиливають на дрова и продаютъ горожанамъ въ Шварцвальдѣ и рейнской долинѣ. Эта торговля теперь, благодаря желѣзной дорогѣ, сдѣлалась богатѣйшмъ источникомъ дохода даже для тѣхъ отдаленныхъ пунктовъ, гдѣ прежде деньги, вырученныя за дрова, съ трудомъ покрывали заработанную плату, такъ какъ доставка дровъ была сопряжена съ большими трудностями. Другую часть стволовъ распиливають на

лѣсопильняхъ и отправляютъ въ разные города. Въ настоящее время очень часто изъ стволовъ готовятъ строительный лѣсъ и потомъ уже по желѣзной дорогѣ рассылаютъ его на мѣсто постройки, но большую часть его сплавляютъ по Рейну.

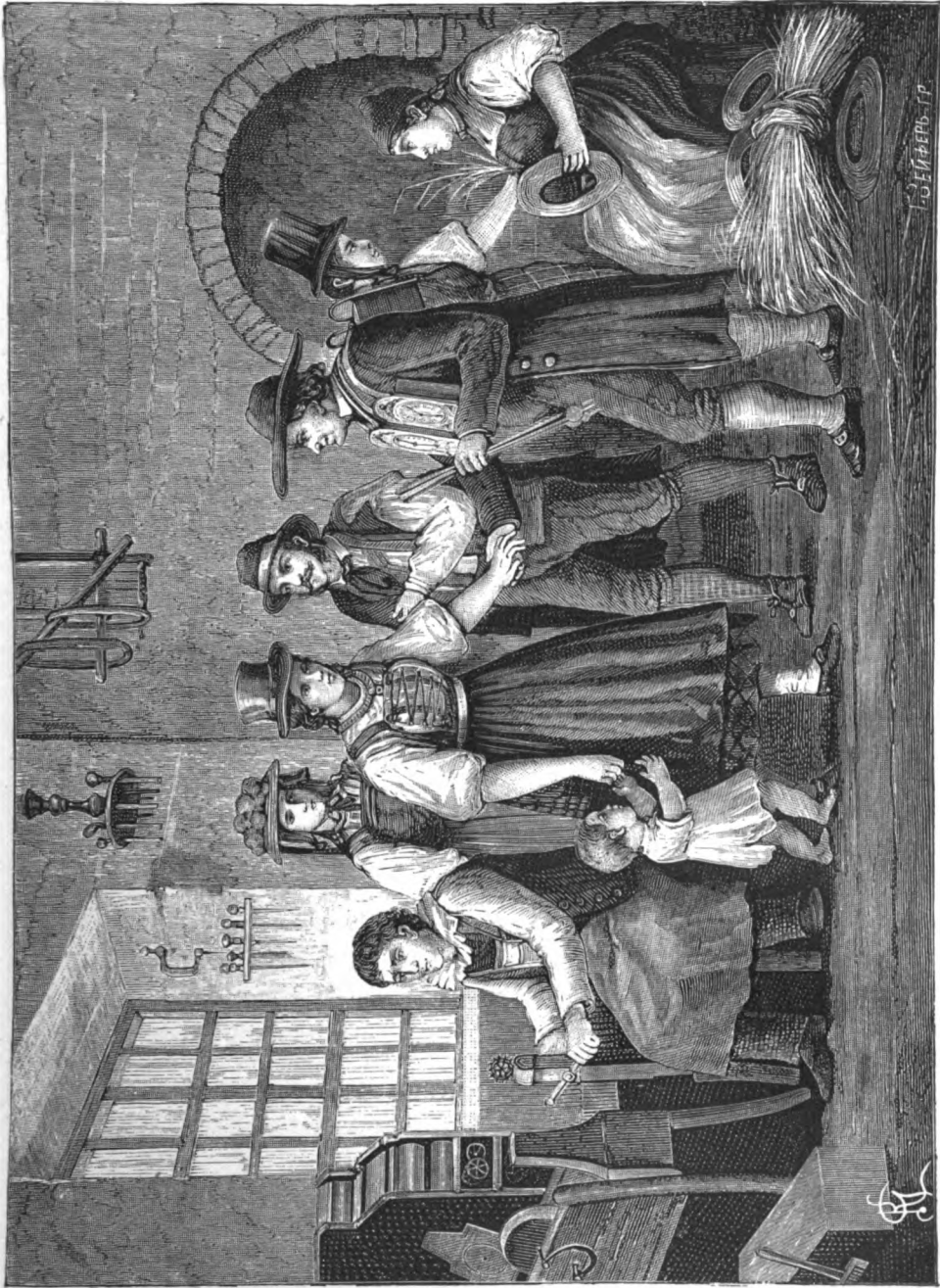
Всю осень и зиму рубятъ лѣсъ, и если въ такое время года вступаешь въ Шварцвальдъ, отовсюду раздаются звуки топора. Когда стволы срублены, ихъ съ шумомъ и съ ужасной быстротой спускаютъ въ саяхъ внизъ по горѣ. Послѣ этого разбросанные стволы у подошвы склона складываютъ, каждый стволъ пробуравливаютъ съ обѣихъ сторонъ, связываютъ ихъ вмѣстѣ прутьями и такимъ образомъ дѣлаютъ плотъ, который и спускаютъ на Рейнъ. Тамъ, гдѣ воды рѣкъ мелки, устраиваютъ шлюзы и запруды, въ которыхъ собирается огромное количество воды. Когда плотъ уже спущенъ на рѣку, сзади него открываютъ ближайшій шлюзъ, затѣмъ второй, третій, пока онъ не придетъ на мѣсто стоянки. На слѣдующій день его такимъ же образомъ сплавляютъ дальше. На каждомъ плотѣ бываетъ отъ 20 до 30 работниковъ, изъ которыхъ одинъ въ качествѣ рулевого стоитъ на узкомъ концѣ плота и управляетъ имъ, а другіе стоятъ съ боковъ его и наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы плотъ не наткнулся на что-нибудь или не съѣлъ на мель; сзади двое, трое сильныхъ работниковъ длинными шестами управляютъ его движеніе. Видъ такого движущагося плота имѣетъ что-то оригинальное, и плотовщики, не смотря на то, что плаваніе такого рода не безопасно и часто бываютъ несчастные случаи, выглядятъ гордо и весело: они съ нетерпѣніемъ ждали всю зиму, пока ледъ растаетъ, и теперь—въ своей стихіи. Интересно движеніе плотовъ, которые спускаютъ по мелкимъ ручьямъ, быстро падающимъ съ горъ. Вверху на горѣ изъ камня и древесныхъ стволовъ и обыкновенно со шлюзами устраиваютъ плотины, за которыми собирается вода рѣчки. Когда бассейнъ наполнился водою, открываютъ шлюзы: вода стремительно бросается внизъ и увлекаетъ огромныя кучи лѣса. На Рейнѣ всѣ эти плоты собираются у Мангейма; изъ нихъ связываютъ огромный рейнскій плотъ, на которомъ бываетъ до 100 человекъ рабочихъ. Они устраиваются на этихъ плотахъ, какъ дома, съ кухнею, прачешной, пекарней и хлѣвами, наполненными мычащими и блеющими животными. Эти плоты идутъ въ Голландію, гдѣ лучшіе стволы употребляютъ для постройки домовъ и кораблей.

Однако ни лѣса, ни пастбища горныхъ вершинъ, ни поля и сады долинъ не достаточны для прокормленія мѣстнаго населенія, слишкомъ многочисленнаго сравнительно съ источниками пропитанія, которые даетъ здѣшняя земледѣльческая промышленность. Рудники, прежде давашіе многимъ заработокъ, теперь большею частію оставлены. Вслѣдствіе этого жители многихъ деревень недавно въ большомъ числѣ переселились въ Америку, да и теперь отсюда зимою отправляются массами за границу искать заработковъ; тѣ, которые остаются дома, занимаются мелкими промыслами или ремеслами. Однако и для этихъ ремеслъ матеріаломъ служитъ то-же дерево: множество рукъ занято приготовленіемъ изъ него самыхъ разнообразныхъ издѣлій: деревянной обуви, щетокъ, и продажею ихъ занимается болѣе 1000 рабочихъ. Эти торговцы, съ своими товарами на плечахъ, странствуютъ не только на родинѣ, но и за границей. Многіе дѣлаютъ бочки, ведра, ложки, ушаты, кухонную посуду, мышеловки и разныя деревянные вещицы, доставляющія небольшой заработокъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ распространена и выдѣлка металлическихъ ложекъ разнаго рода, вилокъ и другой кухонной посуды изъ желѣза и жести. Между женщинами особенно сильно распространено плетеніе разныхъ вещей и преимущественно шляпокъ изъ соломы. Плетеніемъ соломы занимались здѣсь уже издавна, и это ремесло весьма улучшилось въ прошломъ столѣтіи. Въ Шварцвальдѣ тоже уже издавна существовало стеклянное производство. Особые разношники продавали свои стеклянные товары не только у себя, но и внѣ своей родины, и познакомили своихъ до-

*

машинъ со способомъ плетения соломы итальянцевъ и швейцарцевъ. Шварцвальдскія женщины употребляютъ ржаную солому и срѣзываютъ ее прежде, чѣмъ колосъ созрѣетъ; когда онѣ ее выбѣляютъ, то металлической иглой раскалываютъ каждую соломинку на пять и на десять частей, сплетаютъ эти части въ узкія и очень длинныя полоски. Эти полоски онѣ относятъ на фабрику, и изъ нихъ уже тамъ готовятъ шляпы, но очень многія женщины и шляпы дѣлаютъ дома: въ этомъ отношеніи онѣ смѣло могли бы конкурировать съ превосходными плетениями флорентійскихъ поселянокъ. Зимой все семейство, по крайней мѣрѣ всѣ женщины и дѣти, цѣлый день занимаются плетениемъ соломы. Въ особенности начиная съ 50-хъ годовъ, когда во всѣхъ промыслахъ былъ застой, плетение соломы поддерживало несчастныхъ жителей и съ тѣхъ поръ обратилось въ привычку. Теперь до такой степени укоренилась эта привычка, что многія женщины продолжаютъ плести, когда отправляются въ деревню или на рынокъ, даже въ то время, когда у нихъ на головѣ тяжелыя корзины, а сами онѣ быстро идутъ въ какую-нибудь отдаленную мѣстность. Главные пункты плетения соломы и выдѣлки соломенныхъ вещей—города: Трибергъ, Ленцирхъ и ихъ окрестности, а въ вюртембергскомъ Шварцвальцѣ самая большая фабрика соломенныхъ вещей находится въ Швамбергѣ, и тамъ плетениемъ соломы занимаются въ тѣхъ же округахъ, въ которыхъ развито и приготовленіе часовъ.

Самый характерный промыселъ, сдѣлавшій извѣстнымъ по всему свѣту трудолюбивое населеніе Шварцвальда,—приготовленіе часовъ. Болѣе всего имъ занимаются въ Фуртвангенѣ, Ленцирхѣ, Нейштадтѣ и Трибергѣ. Фуртвангенъ, городокъ съ трехтысячнымъ населениемъ, расположенный въ живонисной горной долинѣ, вмѣстѣ съ своими окрестностями составляетъ главный пунктъ выдѣлки часовъ по старому способу. Здѣсь, въ противоположность фабричному способу, приготовленіе часовъ составляетъ домашнее занятіе. Часовщикъ живетъ здѣсь въ своемъ простомъ домикѣ, на крутомъ склонѣ горы; мужчины неустанно трудятся надъ часами, жена и дочери постоянно плетутъ солому и прядутъ, дѣти раскрашиваютъ циферблаты часовъ,— всѣ члены семьи заняты съ утра до поздняго вечера, кромѣ маленькихъ дѣтей 5—6 лѣтнаго возраста, играющихъ тутъ же на полу. Когда нѣсколько штукъ часовъ уже готово, одинъ изъ членовъ семьи привязываетъ ихъ себѣ на грудь и спину и отправляется въ городъ, гдѣ онѣ сбываетъ свою работу торговцу. Изъ Фуртвангена и его окрестностей идутъ главнымъ образомъ тѣ часы, которые называются шварцвальдскими: полусуточные, которые заводятъ два раза въ сутки, суточные, недѣльные, мѣсячные, годовые (регуляторы). Многіе изъ этихъ часовъ дѣлаются съ различными затѣями: съ фигурами, съ кукушками, съ автоматами, которые приходятъ въ движеніе во время боя часовъ. Въ часахъ съ фигурами, при каждомъ движеніи маятника, фигура фехтовальщика, капуцина, часового или животнаго дѣлаетъ какое-нибудь особенное движеніе: выворачиваетъ глаза, поднимаетъ руку. Въ часахъ съ трубачомъ, когда часы должны бить, открывается дверца, выходитъ трубачъ и подаетъ сигналъ; кукушка кукуетъ, и положеніе ея фигуры зависитъ отъ движенія молотка. На часахъ съ автоматами изображаютъ пирующихъ гулякъ, поѣзда на всемъ ходу, прыгающихъ птичекъ, корабли, качающіеся на волнахъ; движеніе всѣхъ этихъ фигуръ совершается посредствомъ пружинокъ. На выставкахъ шварцвальдскіе часы обыкновенно привлекаютъ огромную толпу любопытныхъ. Одинъ шварцвальдецъ на послѣдней баденской выставкѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими птицами, которыя перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку и въ то же время насвистывали цѣлыя пѣсни, удачно подражая соловью, канарейкѣ, зяблику, малиновкѣ и другимъ птицамъ. Тутъ же были выставлены и другіе часы, которые забавляли огромныя толпы дѣтей. На однихъ изъ нихъ былъ изображенъ «любитель клецонокъ»: голодный человѣкъ сидитъ за столомъ, на которомъ

стоит тарелка съ клещами и пожираетъ ихъ жадными глазами, хватая ихъ вилокъ одну за другой, широко раскрываетъ ротъ и глотаетъ ихъ. Это представлено такъ искусно, что кажется, будто онъ дѣйствительно глотаетъ клещи. Въ Шварцвальдѣ приготавливаютъ также часы съ барабаннымъ боемъ и съ музыкой. На столъ различные часы существуютъ и разныя цѣны: тутъ приготавливаютъ маленькіе часы въ деревянной оправѣ, по цѣнѣ доступные карману каждаго, а именно въ 80 пфен., съ музыкой или барабаннымъ боемъ, гдѣ каждый часъ мѣняется мелодія, стоящіе отъ 200 до 500 марокъ и болѣе.

Приготавливая часы съ музыкой еще въ прошломъ столѣтіи, шварцвальдцы развили въ себѣ музыкальныя способности и стали дѣлать небольшіе музыкальные ящики, а затѣмъ постепенно перешли къ приготовленію органовъ, которые они называютъ оркестріонами и которые нерѣдко употребляются въ богатыхъ русскихъ трактирахъ. Въ 30-хъ годахъ, въ Фуртвангенѣ, былъ сдѣланъ первый большой музыкальный ящикъ, изобрѣтатель котораго назвалъ его оркестріономъ и продалъ въ Англію за 36,000 марокъ. Этотъ инструментъ не только наигрывалъ цѣлыя симфоніи и увертюры, не только замѣнялъ собою множество духовыхъ инструментовъ: флейту, фаготъ, рожокъ, трубу и многіе другіе, но и передавалъ очень точно характерныя оттѣнки каждаго инструмента и силу тона. При этомъ для каждой пьесы вставляють новый валекъ. Послѣ перваго былъ сдѣланъ въ Трибергѣ второй инструментъ въ этомъ родѣ, который названъ былъ «панъ-оркестріонъ». Черезъ два-три года послѣ приготовленія этихъ инструментовъ въ Фуртвангенѣ и въ мѣстностяхъ, недалеко лежащихъ отъ него, уже существовало шесть мастерскихъ, которыя занимались изготовленіемъ большихъ музыкальныхъ ящиковъ и оркестріоновъ, какъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ ремесломъ, между тѣмъ какъ прежде это занятіе всегда было связано съ выдѣлкою часовъ. Такимъ образомъ шварцвальдцы прославились своими оркестріонами, или органами, которые выписываетъ у нихъ вся Европа. Въ 1872 г. этимъ ремесломъ въ Фуртвангенѣ и Трибергѣ занималось 34 мастера съ 260 подмастерьями, которые приготовили къ этому году 284 оркестріона, цѣною отъ 1,200 до 40,000 марокъ и выше. Запросъ на оркестріоны увеличивается съ каждымъ годомъ, такъ какъ ихъ все болѣе начинаютъ употреблять въ гостинницахъ. Правительство поощряетъ этотъ промыселъ Шварцвальда и держитъ въ нѣкоторыхъ городахъ для развитія музыкальнаго чувства странствующихъ музыкальныхъ учителей.

Въ Трибергѣ выдѣлываютъ также старинныя шварцвальдскіе часы съ кукушкой, съ трубачомъ и музыкальныя ящики; но кромѣ того въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ занимаются приготовленіемъ карманныхъ часовъ. Здѣсь въ большихъ размѣрахъ практикуется раздѣленіе труда, благодаря которому все это ремесло распалось на отдѣльныя занятія: одинъ дѣлаетъ рамы для часовъ, другой выливаетъ латунныя колеса и колокольчики, третій дѣлаетъ цѣпочки, одинъ разрисовываетъ циферблаты, этотъ зазубриваетъ колеса, тотъ насаживаетъ ихъ и т. д. Между тѣмъ приготовленіе простыхъ часовъ, особенно въ Фуртвангенѣ, не подвергается такому раздѣленію труда и есть результатъ работы цѣлаго семейства, въ которомъ надъ болѣе трудными частями механизма работали старшіе и болѣе опытные работники, а надъ простыми и менѣе сложными — младшіе члены, а очень часто и дѣти.

Съ начала 50-хъ годовъ стали появляться въ Шварцвальдѣ фабрики для выдѣлки часовъ; самая большая изъ нихъ въ Ленцкирхѣ, въ которой теперь болѣе 700 рабочихъ, и она производитъ около 37,000 часовъ въ годъ. Но болѣе всего существуетъ здѣсь мелкихъ мастерскихъ, гдѣ спеціально изготавливается одна часть какой-нибудь принадлежности часовъ. Небогатый крестьянинъ, владѣя небольшимъ клочкомъ земли или

арендуя его за невысокую плату, занимается дома, въ свободное время, распиливаніемъ деревьевъ, строгаеть ихъ и продаетъ мастерамъ, которые приготавлиють часовые ящики или простые футляры. Когда онъ заработалъ нѣсколько сотенъ марокъ, онъ расширяеть свой промыселъ, беретъ къ себѣ учениковъ и работниковъ. Тоже самое мы видимъ и въ мастерскихъ для изготовленія металлическихъ частей часовъ и въ тѣхъ, гдѣ занимаются выливаніемъ колесъ, колокольчиковъ и разныхъ другихъ частей часоваго механизма. Несмотря однако на то, что крестьянинъ дѣлается хозяиномъ и что у него есть работники, ученики и подмастерья, его отношенія съ служащими людьми нисколько не мѣняются: онъ продолжаетъ добывать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица и относится къ служащимъ, какъ къ членамъ своего семейства. Ученика принимаютъ обыкновенно только на три года, безъ всякихъ письменныхъ контрактовъ. Онъ получаетъ отъ хозяина столъ и квартиру, но денежнаго вознагражденія ему не идетъ. По окончаніи трехлѣтняго срока ученикъ становится подмастерьемъ и обязанъ прослужить у хозяина одинъ годъ за обыкновенную рабочую плату, послѣ чего онъ можетъ оставаться у прежняго хозяина или выбрать, согласно своему желанію, новаго. Средняя рабочая плата — $1\frac{1}{2}$ марки въ день при хозяйскихъ харчахъ. Въ Шварцвальдѣ не только у мелкихъ мастеровъ, но и въ крупныхъ заведеніяхъ существуетъ обычай давать работнику хозяйскіе харчи, которые обходятся хозяину мелкой мастерской дешевле, чѣмъ крупному. Первый кормитъ своихъ двухъ-трехъ работниковъ картофелемъ съ своихъ грядъ, молокомъ своимъ коровъ, крупный-же хозяинъ долженъ покупать всѣ эти предметы. Вотъ это-то обстоятельство и даетъ мелкому промышленнику возможность существовать.

Работа въ мастерскихъ продолжается 12 часовъ, отъ 6 часовъ утра до 7 ч. вечера, съ однимъ часомъ на обѣдъ. Двѣнадцатичасовой трудъ здѣсь считается не обременительнымъ, такъ какъ часовое производство не заставляетъ человѣка особенно напрягать свои силы. По временамъ однако хозяева мастерскихъ получаютъ спѣшныя заказы, и тогда они со своими рабочими не только работаютъ цѣлый день, но и просятъ часть ночи.

Люди, занимающіеся часовымъ промысломъ въ Шварцвальдѣ, живутъ съ большимъ комфортомъ, чѣмъ остальные рабочіе: «шварцвальдскіе часовщики имѣютъ лучшія жилища, носятъ болѣе роскошную одежду, чѣмъ крестьяне, отличаются отъ нихъ болѣе развитыми потребностями. Каждый, даже самый мелкій мастеръ, имѣетъ собственный домъ, въ которомъ и занимается промысломъ; при домѣ участокъ земли въ 2—3 моргена для картофеля и сѣнокоса. Земля покрываетъ $\frac{1}{10}$ его расходовъ; 90% его расходовъ покрываются доходами отъ часоваго промысла». По официальнымъ даннымъ за 1877 г. число лицъ, занятыхъ часовой промышленностію въ Шварцвальдѣ, доходитъ до 15,000 человѣкъ, а количество ежегодно изготавливаемыхъ часовъ до $1\frac{1}{2}$ милліоновъ штукъ, на 18 милліоновъ марокъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ производство часовъ составляетъ домашнее занятіе, наибольшая часть дохода отъ продажи ихъ до послѣдняго времени приходилась на долю особыхъ скупщиковъ, мастеру же оставался самый скромный заработокъ, и онъ всегда находился въ тяжелой зависимости отъ скупщика. Продавать свои часы для мастера, который при этомъ все-таки оставался земледѣльцемъ, было всегда очень затруднительно. Ему необходимъ былъ посредникъ, который скупалъ-бы у отдѣльно живущихъ часовщиковъ ихъ произведенія и продавалъ-бы ихъ оптомъ или по-штучно. Съ развитіемъ этого промысла появились и такіе посредники, которыхъ стали называть «паккерами», т. е. упаковщики, такъ какъ они упаковывали часы и разсылали ихъ въ разныя стороны. Эти паккеры вскорѣ завладѣли всей торговлей часами и скупали у мастеровъ ихъ работу за дешевую цѣну. Такъ какъ вся торговля скоро оказалась въ ихъ

рукахъ, то для нихъ было не трудно сбить цѣну до минимума и поставить часовщиковъ въ полную отъ себя зависимость. Скоро эти паккеры завели мелочныя лавки и даже ничтожную сумму, которую они назначали за работу, они выдавали уже не деньгами, а товарами изъ своихъ лавокъ. Вслѣдствіе этого занятія паккеровъ вошли у шварцвальдцевъ въ полное презрѣніе, и только кулакъ, совѣмъ не дорожившій своею репутаціею, брался за это ремесло. Всю тяжесть эксплуатаціи часовщики почувствовали въ 30-хъ годахъ, когда запросъ на ихъ часы сталъ падать съ каждымъ днемъ; тогда паккеры платили за работу часовъ то, что принято давать на чай за самую мелкую услугу. Запросъ на шварцвальдскіе часы въ 30-хъ годахъ сталъ падать главнымъ образомъ потому, что работа шварцвальдцевъ была почти исключительно ручная и перестала удовлетворять все увеличивающимся требованіямъ на болѣе тонкую внутреннюю и внѣшнюю отдѣлку. Къ тому-же появилась конкуренція со стороны Америки и другихъ странъ, гдѣ возникла та же промышленность. вмѣстѣ съ этимъ шварцвальдскихъ часовщиковъ постигло и другое тяжелое несчастье—болѣзнь картофеля, которая повлекла за собою страшныя болѣзни, смертность, голодъ и нищету. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи часовщики рѣшились обратиться за помощію къ правительству великаго герцогства Баденскаго. Сознавая всю важность этого дѣла, правительство старательно изслѣдовало причины упадка часовой промышленности и нашло необходимымъ улучшить способъ фабрикаціи. Съ этою цѣлью были устроены школы для обученія часовому ремеслу, которыя должны были преслѣдовать усовершенствованіе способовъ труда, распространеніе производства карманныхъ часовъ и часовъ съ гирами болѣе тонкой работы, отдѣлять отъ часоваго мастерства работу футляровъ, раскрашиваніе циферблатовъ, — однимъ словомъ, мало-по-малу вводить раздѣленіе труда. Школы дали самыя прекрасныя результаты: когда на рынкахъ Европы появились шварцвальдскіе часы болѣе тонкой работы, явился и спросъ на нихъ. Такимъ образомъ фабрикація часовъ опять быстро поднялась, а также распространилось съ тѣхъ поръ и производство карманныхъ часовъ. Теперь нѣтъ уже почти ни одной страны въ Европѣ, куда-бы не проникали шварцвальдскіе часы. Сбытъ на мѣстѣ производства въ послѣднее время сдѣлался несравненно болѣе выгоднымъ для часовщиковъ. вмѣсто опозорившихъ себя и ненавидимыхъ всѣми паккеровъ, посредниками въ этой торговлѣ сдѣлались зажиточныя часовщики, которые сами сбываютъ теперь свой товаръ за границу и платятъ за него своимъ собратьямъ чистыми деньгами. Этому развитію часовой промышленности болѣе всего помогло быстро распространившееся раздѣленіе труда, о которомъ мы уже говорили выше.

Крефельдъ.—Его шелковая и бархатная промышленность. — Жизнь, характеръ, заработокъ и положеніе ткачей.

По развитію промышленности и по населенію, между городами лѣваго берега Рейна Крефельдъ занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Съ какой-бы стороны вы ни подѣхали къ нему, изъ вагоновъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій болѣе всего выходитъ людей съ мотками за спиной и съ мѣшками, наполненными катушками.

Крефельдъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ религіозной вѣротерпимости своихъ жителей и ихъ промышленному духу. Въ 1600 г. вся мѣстность, гдѣ теперь находится промышленный округъ Крефельда, съ его окрестностями, досталась Оранъ-Нассаускому дому. Оранскіе графы выказывали здѣсь ту-же вѣротерпимость, которой они придерживались въ Голландіи, и скоро Крефельдъ сдѣлался убѣжищемъ преслѣдуемыхъ реформатовъ, менонитовъ и другихъ религіозныхъ и политическихъ эмигрантовъ. Такимъ обра-

зомъ жителями этой мѣстности, въ громадномъ большинствѣ, были люди энергичные, которые, не смотря на самыя неблагопріятныя условія, уже въ XVII ст. прославили ее промыслами, а въ XVIII ст., подъ властію Пруссіи, здѣсь мы уже встрѣчаемъ городъ съ 6,000 жителей.

Крефельдъ сильно напоминаетъ голландскіе города не только пестрой смѣсью гонимыхъ въ другихъ мѣстахъ религіозныхъ сектъ, но и тѣмъ, что здѣсь, какъ и въ Голландіи, развитію промышленности нисколько не способствуютъ мѣстныя условія; трудолюбивые жители не только не уставали бороться съ ними, но и создавали новые промыслы. Виѣшняя фізіономія Крефельда рѣзко отличается отъ городовъ другихъ промышленныхъ округовъ, гдѣ почва богата каменнымъ углемъ, земля покрыта угольною пылью, воздухъ наполненъ дымомъ, и гдѣ исполинскія трубы и огромныя фабричныя зданія свидѣтельствуютъ о присутствіи паровой машины. Крефельдъ представляетъ совершенный контрастъ. Крефельдскія шелковыя и бархатныя фабрики далеко не такъ велики, какъ фабрики другихъ промышленныхъ городовъ: большинство здѣшнихъ рабочихъ получаетъ отъ фабриканта матеріалъ и ткеть у себя дома матеріи на станкахъ, и потому фабрики Крефельда не производятъ ни особенной пыли, ни большого шума. Кустарная промышленность — характерная черта этого города.

Первое впечатлѣніе, которое производитъ на пріѣзжающаго этотъ правильно распланированный городъ, съ его широкими, опрятными, прямыми и свѣтлыми улицами и небольшими домами, построенными въ голландскомъ вкусѣ, очень пріятное. Крефельдъ городъ настоящаго. Нигдѣ въ немъ мы не встрѣтимъ слѣдовъ прошедшаго: ни въ постройкѣ церквей, ни въ другихъ зданіяхъ, — на всемъ лежитъ современный отпечатокъ. Замѣчательная правильность, которая проглядываетъ всюду, придаетъ городу однообразный характеръ. На улицахъ днемъ всегда чрезвычайно тихо, только около полудня онѣ нѣсколько оживляются, такъ какъ работницы и красильщицы, съ выпачканными краской руками, спѣшаютъ на обѣдъ, и затѣмъ опять наступаетъ прежнее спокойствіе. Лишь на нѣкоторыхъ улицахъ (отдѣльныхъ рабочихъ кварталовъ здѣсь не существуетъ) нѣсколько оживленнѣе: раздается стукъ ткацкихъ станковъ, челноковъ и жужжаніе мотовила.

Крефельдъ продолжаетъ развиваться и въ настоящемъ столѣтіи: въ 1830 г. въ немъ было 18,000 ж., а въ 1880 г. мы находимъ ихъ уже 75,000. Между тѣмъ эти цифры не совсѣмъ точны, такъ какъ здѣсь процвѣтаетъ кустарная промышленность, и главная масса ткачей живетъ въ сосѣднихъ мѣстечкахъ, на всемъ протяженіи до голландской границы.

Уже въ XVIII ст., не смотря на быстрое увеличеніе населенія, въ городѣ чувствовался недостатокъ въ ткачахъ, поэтому ихъ приходилось созывать изъ окрестностей; да они и сами стремились въ городъ, куда привлекала ихъ высокая заработная плата, какую получали городскіе рабочіе въ тѣ годы, когда фабричная дѣятельность принимала особенно большіе размѣры. Съ теченіемъ времени вся окрестность Крефельда превратилась въ округъ ткачей. Хотя городъ Крефельдъ нужно считать центральнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточилась настоящая промышленность и гдѣ работаютъ на жакардовскомъ станкѣ, но болѣе простыя ткани готовятъ въ деревнѣ.

Крефельдъ съ своими окрестностями давно славится производствомъ одноцвѣтныхъ шелковыхъ матеріи, бархата и лентъ. Своему блестящему развитію въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ гг. нынѣшняго столѣтія здѣшняя шелковая промышленность обязана модѣ на гладкія ткани, которыя главнымъ образомъ и выдѣлываются въ Крефельдѣ съ особеннымъ искусствомъ. Но опытные купцы предсказываютъ, что въ этой модѣ скоро произойдетъ переворотъ, начнутъ требовать исключительно узорчатыя матеріи, и тог-

да только Лионъ будетъ въ состояніи удовлетворить этому требованію, а Крефельдъ, съ своими гладкими матеріями, останется совсѣмъ безъ работы.

Крефельдскіе ткачи—люди съ живымъ умомъ и веселымъ характеромъ, недаромъ они съ такою любовью распѣвають популярную между ними пѣсню, начинающуюся словами: «мы веселая корпорація ткачей» и, когда, кончаютъ работу, веселятся не только молодые, но и старики, не только во время хорошаго заработка, но и когда наступаютъ времена страшныхъ бѣдствій и лишеній. Еще болѣе предаются ткачи необузданному веселью въ такіе дни, когда невыносимая нужда заставила ихъ снести въ закладъ свою послѣднюю одежду. Если ткачъ не за работой, онъ непременно въ обществѣ, всегда острить и подшучиваетъ и, при первой возможности, отправляется вечеромъ въ своей блузѣ въ танцевальную залу. Веселое настроеніе ткача можно объяснить отчасти самымъ характеромъ его работы: вполне сосредоточенный и углубленный въ себя во время работы, такъ какъ стукъ станка мѣшаетъ не только говорить, но и слушать, онъ осужденъ быть постоянно оглубленнымъ въ самого себя. Рабочее время длится отъ 12 до 16 часовъ, и поэтому ткачу приходится съ утра до вечера вести созерцательную жизнь, вполне отдаваясь своимъ мыслямъ. А думы его далеко не веселыя: онъ вспоминаетъ, что за этимъ станкомъ онъ сидитъ уже съ ранней юности, что, вѣчно работая по 12, 13 часовъ въ сутки, онъ не могъ обезпечить своего семейства. Еще тяжелѣе у него на сердцѣ оттого, что онъ, по его понятію, усугубилъ тяжелый рокъ, выпавшій ему на долю: рано женился, повергъ въ бѣдность семью и толкаетъ на преждевременный трудъ своихъ маленькихъ дѣтей. Вотъ почему въ минуты отдыха ткачъ старается стряхнуть гнетущія мысли и веселью и пляскѣ отдается всей душой. Свой ранній бракъ онъ считаетъ преступленіемъ, между тѣмъ однимъ изъ поводовъ къ нему была тоже его сосредоточенная работа. Онъ страстно любитъ праздники, съ нетерпѣніемъ ждетъ ихъ и каждый разъ послѣ нихъ опохмѣляется и празднуетъ слѣдующій день. Необыкновенно добродушный и довѣрчивый ко всѣмъ на свѣтѣ, всегда готовый раздѣлить послѣднюю копейку съ собратомъ, онъ подозрителенъ и часто съ ненавистью относится къ работодателямъ, называетъ ихъ пиявками и совершенно не довѣряетъ никому изъ нихъ; также не долюбливаетъ онъ надзирателей, которые контролируютъ его работу.

Въ воскресенье ткачи съ своими семействами отправляются въ загородные трактиры и возвращаются оттуда только поздно вечеромъ. Это даетъ возможность ихъ сыновьямъ и дочерямъ рано сблизаться между собою; при этомъ они совершенно самостоятельны, такъ какъ каждый изъ нихъ уже съ дѣтства началъ зарабатывать деньги своимъ трудомъ. Эти воскресныя пирушки и танцы служатъ поводомъ къ преждевременнымъ бракамъ. Нерѣдко ткачъ женится, не отбывъ воинской повинности, и когда его требуютъ на службу, онъ оставляетъ жену и дѣтей на произволъ судьбы. Возвратившись по окончаніи службы домой, онъ находитъ все хозяйство, которое начало было приходить въ порядокъ, въ совершенномъ разстройствѣ. Часто его жена и дѣти, чтобы не умереть съ голоду, и не имѣя возможности нанимать отдѣльное помѣщеніе, переселяются въ другую семью.

Родители и дѣти работаютъ неутомимо, и посѣщеніе семейства крефельдскаго ткача производитъ тяжелое впечатлѣніе. Рабочій получаетъ отъ фабриканта уже окрашенный сырецъ въ моткахъ: дома онъ долженъ размотать его на катушки, чѣмъ занимаются его дѣти, жена, больные и дряхлые старики. Такое наматываніе происходитъ на ножной яли на большой ручной машинѣ, приводимой въ движеніе рукояткой. Во время этой работы нужно зорко слѣдить за каждой запутанной и изорванной ниткой, для чего необходимо имѣть тонкіе пальцы и острое зрѣніе,—вотъ почему женщины и дѣти считаются для нея наиболѣе подходящими, къ тому же для нихъ ткацкій трудъ уже окон-

чательно не по силамъ. На большой ручной машинѣ рукоятку вертѣть обыкновенно или очень маленькій ребенокъ, или изувѣченный, слѣпой старикъ. Такимъ образомъ здѣсь извлекается польза даже изъ такихъ силъ, которымъ иначе трудно было-бы привѣвать работу. Нерѣдко можно видѣть даже крошечную дѣвочку, которая одной рукой вертѣть рукоятку, а другой тянетъ веревку отъ далеко стоящей колыбели. «Размотка», говоритъ одинъ писатель, «составляетъ вполне достойное кустарной промышленности, даже механическое ткачество допускаетъ размотку на сторонѣ, потому что всѣ преимущества пара, какъ двигательной силы, сводятся къ нулю, при сравненіи съ дешевизною разматыванія руками слабого старика или ребенка».

Ткачество уже давно стало принимать большіе размѣры не только въ Крефельдѣ, но и въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Для рабочихъ, живущихъ далеко въ деревняхъ, оно служитъ только зимнимъ занятіемъ, а лѣтомъ они обрабатываютъ свои поля. Въ близлежащихъ округахъ наоборотъ ткачи проводятъ большую часть года за станками, а съ ихъ полевымъ и огороднымъ хозяйствамъ справляется семейство, но все таки хозяинъ отъ времени до времени и самъ помогаетъ. Чѣмъ далѣе отъ города живетъ ткачъ, тѣмъ менѣе дорогой матеріалъ довѣряютъ ему для тканья. Поэтому въ самомъ Крефельдѣ и въ близлежащихъ мѣстностяхъ ткуть болѣе дорогія и модныя ткани; чѣмъ болѣе мѣстность удалена отъ города, тѣмъ проще выдѣлываютъ ткань.

И такъ, хотя въ приготовленіи бархатныхъ и шелковыхъ тканей принимаетъ участіе все семейство, но женщины и дѣти преимущественно занимаются мотаньемъ, а мужчины тканьемъ. «Съ пятилѣтняго возраста сидятъ дѣти за мотальнымъ ремесломъ, въ душной, переполненной людьми комнатѣ, и притомъ въ самомъ неудобномъ положеніи: съ сжатыми колѣнями, съ сгорбленной спиной. Понятно, что они прогуливаютъ школу, а если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и посѣщаютъ ее, то не дѣлаютъ въ ней никакихъ успѣховъ, потому что приходятъ въ нее совершенно усталыми и начинаютъ работать дома въ 6 ч. утра. Меня охватилъ ужасъ, когда въ послѣднихъ числахъ сентября, въ половинѣ восьмага вечера, я зашелъ на одинъ чердакъ: тамъ, въ полнѣйшей темнотѣ, семилѣтній ребенокъ подвигался къ узкому слуховому окну, чтобы видѣть нитки, которыя онъ спускалъ съ своихъ пальцевъ». Если бы ткачи отъ времени до времени совсѣмъ не сидѣли безъ работы, громадное большинство здѣшнихъ дѣтей отъ 7 ч. утра до 9 вечера совсѣмъ не отдыхало-бы отъ работы иначе какъ во время ѣды. Нужно замѣтить, что мальчики уже съ 12 лѣтъ, но чаще съ 14 и 15, начинаютъ ткать. Они очень скоро обучаются своему ремеслу, такъ какъ съ ранняго возраста имѣли передъ глазами эту работу и пользуются сноровкою и опытомъ своихъ отцовъ. Къ тому-же въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ округахъ уже образовалось наследственное сословіе ткачей, которыхъ отцы, дѣды и прадѣды были ткачами, сами они воспитались за мотальнымъ колесомъ, а съ ранней юности до глубокой старости просидѣли за станкомъ. Такіе ткачи въ совершенствѣ знаютъ свое дѣло и съ необыкновеннымъ искусствомъ выполняютъ его: каждое поколѣніе дѣлало новыя усовершенствованія въ работѣ, съ каждымъ повогнѣіемъ ловкость рукъ совершенствовалась до того, что, наконецъ, сдѣлалась наследственнымъ качествомъ.

Главные пункты, гдѣ наиболѣе развито ткачество, а также тѣ изъ нихъ, которые расположены недалеко отъ Крефельда, не имѣютъ вида деревень: это скорѣе большіе городки съ 4 — 6000 жителей, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ жит. занимается тканьемъ и мотаньемъ. Тутъ рѣдко можно встрѣтить домъ, гдѣ не было-бы ткацкаго станка. Двухъэтажные домики тѣсно стоятъ одинъ возлѣ другаго и переполнены семействами ткачей, самую бѣднѣйшую часть населенія. Изъ 1000 семействъ одно имѣетъ свой маленькій домикъ, остальные не имѣютъ никакой собствен-

ности. Когда нибудь приобрести домикъ въ собственность—идеаль каждого ткача, но это блаженство дается очень немногимъ. У тѣхъ, чья мечта осуществилась, домики эти имѣютъ видъ довольно привлекательный: они обыкновенно стоятъ среди маленькаго сада и покрыты красной черепицей. Такой же уютный и опрятный видъ имѣютъ жилища внутри: лучшая комната предназначена для ткацкихъ станковъ, которыхъ нерѣдко стоитъ до шести; наверху, на чердакѣ — спальня всего семейства, сбоку — маленькая кухня,—вотъ и все помѣщеніе. Но ткачей, пользующихся и такою скромною недвижимою собственностью, чрезвычайно мало. Большинство живетъ въ грязныхъ наемныхъ домахъ. Большое семейство занимаетъ обыкновенно двѣ комнаты: мастерскую и спальню. «Мастерская есть въ тоже время кухня и жилая комната; тутъ-же, на желѣзномъ очагѣ готовятъ пищу, чады и жаръ дѣлаются невыносимыми. А между тѣмъ тутъ тѣснится все семейство: одни дѣти мотають, другіе играютъ около, мать чиститъ основы, а иногда и ткеть, или успокаиваетъ плачущаго ребенка. Воздухъ удушливъ и жарокъ и зимой совсѣмъ не освѣжается, такъ что ткачи, при своей усиленной работѣ, всегда обливаются потомъ. Лѣтомъ все-таки сноснае, и такое жилище имѣетъ болѣе веселый видъ уже потому, что въ комнатахъ свѣтлѣе; но зимою тускляя окна не пропускаютъ достаточно свѣта, и даже днемъ царствуетъ полумракъ. Въ Форстѣ, Нидеркрюхтенѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ полъ жилищъ просто глиняный, иногда ниже грунта, а стѣны сырыя. Помѣщенія бѣднѣйшихъ рабочихъ похожи на какія-то разбойничьи убижища, пространствомъ въ 5 квадратныхъ шаговъ и поражающія ужаснымъ хаосомъ, господствующимъ въ нихъ. Спятъ ткачи на землѣ, и только у болѣе достаточныхъ дѣти отдѣлены отъ родителей».

Деревенскіе ткачи пользуются и болѣе дешевой, и болѣе удобной квартирой, но зато ихъ страшно эксплуатируютъ на сѣстныхъ припасахъ, если только они сами не сѣютъ картофель, который тогда нерѣдко составляетъ ихъ единственную пищу. Сѣстные припасы ткачи забираютъ у торговцевъ, которые немилосердно ихъ обираютъ. Когда наступаетъ застой въ промышленности, рабочій получаетъ провизію въ долгъ подъ огромные проценты. Но вотъ наконецъ онъ получаетъ заказъ, оказывается, что всего его заработка въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не хватитъ на расплату съ торговцемъ, и ткачъ въ полномъ смыслѣ слова дѣлается его крѣпостнымъ. Однако аккуратный и энергичный человекъ расквитался съ торговцемъ, тяжелая година безработицы, долговъ и лишеній прошла, онъ вздохнулъ свободнѣе, и вдругъ опять наступаетъ промышленный кризисъ. Эксплуатаціею рабочихъ деревенскіе торговцы часто наживаютъ себѣ дома, которые они отдають въ наемъ тѣмъ-же рабочимъ. Не смотря на это, деревенскіе ткачи живутъ лучше городскихъ, такъ какъ они ведутъ жизнь болѣе скромную. Въ городѣ рабочіе въ праздничные дни, а нерѣдко по вечерамъ и въ будни, отправляются въ трактиры, а дѣвушки любятъ щегольнуть шелковымъ платьемъ, въ деревнѣ же у рѣдкой изъ нихъ найдется шелковый нарядъ, и рабочіе гораздо рѣже посѣщаютъ трактиръ.

Работа ткача продолжается зимой отъ 7 ч. утра до 9 вечера, а лѣтомъ отъ 6 до 8; но передъ праздниками каждый работаетъ обыкновенно гораздо дольше. Однако, какъ бы долго ткачъ ни сидѣлъ за своимъ станкомъ, какъ бы усердно ни помогало ему въ трудѣ его семейство, во время промышленныхъ кризисовъ ему не хватаетъ денегъ на самое существенное, дѣти его переносятъ страшныя лишенія, и онъ обременяетъ себя долгами, которые часто не можетъ выплатить всю свою жизнь. Ткачъ только тогда можетъ сдѣлать нѣкоторыя сбереженія, когда въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ постоянно имѣлъ заработокъ, и всѣ дѣти его могли участвовать въ трудѣ. Но его дочери въ 18—19 лѣтъ уже выходятъ замужъ, а сыновья въ 22—23 года женятся и начинаютъ

жить своимъ хозяйствомъ, такъ что возможность сдѣлать маленькія сбереженія выпадаетъ на долю только очень немногихъ.

Всѣ ткачи имѣютъ чрезвычайно болѣзненный видъ. И это понятно: преждевременный, непосильный трудъ, въ самомъ неправильномъ положеніи, при этомъ раннее употребленіе водки, душная атмосфера, спанье на голой землѣ, — все это придаетъ ткачу чахоточный видъ и свинцовый цвѣтъ лица; при этомъ онъ отличается необыкновенной худобой рукъ и ногъ и выдѣляется между другими рабочими лихорадочнымъ блескомъ глазъ. При наборѣ въ 1872 году, въ Кемпенѣ только 15% ткачей оказались годными, остальные забраваны вслѣдствіе искривленія костей и чахоточнаго сложенія. Гораздо здоровѣе тѣ изъ нихъ, которые сѣли за станокъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, а дѣтство и отрочество провели въ сельскихъ занятіяхъ. Въ умственномъ отношеніи ткачи выше другихъ рабочихъ. Выдѣлка сложныхъ матерій постоянно требуетъ напряженнаго вниманія и соображенія; къ тому же сношенія съ мастерами и фабрикантами, посѣщеніе оживленныхъ собраній и вечеровъ придаетъ имъ несравненно болѣе доска, чѣмъ земледѣльцамъ. Однако, несмотря на болѣе высокое умственное развитіе, къ социальнымъ вопросамъ крефельдскій ткачъ не воспріимчивъ; онъ заинтересовывается ими только тогда, когда дѣло идетъ объ увеличеніи рабочей платы, — ко всѣмъ остальнымъ общественнымъ движеніямъ онъ относится совершенно индифферентно.

И такъ тканьемъ преимущественно занимаются дома, и только незначительная часть на фабрикахъ, на механическихъ станкахъ. Эта промышленность нерѣдко идетъ скачками: за прибыльными годами, какими были года отъ 1848 до 56, наступило 12 лѣтъ полнаго застоя. Съ 1868 г. дѣла пошли такъ же хорошо, какъ они шли до застоя. Самый блестящій періодъ крефельдской промышленности можно считать между 1868 и 78 гг. 1872 г., слѣдовавшій за войной, внесъ въ крефельдскую промышленность большое оживленіе. Ліонъ вдругъ оказался не въ состояніи удовлетворить запросамъ, и многія фирмы обратились съ своими заказами въ Крефельдъ. Но результаты многочисленныхъ требованій отразились на рабочихъ чрезвычайно неблагоприятно. Фабриканты вообразили, что такой періодъ будетъ продолжаться безъ конца, заготовили огромный запасъ товара, вслѣдствіе чего въ концѣ года получился излишекъ издѣлій, который превзошелъ требованія. Это заставило фабрикантовъ лишиться на время многихъ ткачей работы и за заказы платить несравненно меньшую плату.

Всѣ вспомогательныя заведенія для выдѣлки матерій сосредоточились въ городѣ. Число заведеній въ Крефельдѣ постепенно увеличивалось. Въ 1822 году въ 20 красильняхъ работало около 95 работниковъ, а теперь ихъ существуетъ 43 съ 750 рабочими. Всего тканьемъ и вспомогательными ремеслами въ промышленномъ округѣ Крефельдъ занимается 45,000 человекъ. Средній заработокъ ткача въ 1874 году былъ отъ 450 до 500 марокъ въ годъ. Но такой заработокъ ткачъ получаетъ только тогда, когда онъ имѣетъ работу круглый годъ и круглый годъ пользуется здоровьемъ какъ онъ, такъ и все его семейство, что случается весьма рѣдко; затѣмъ во время промышленныхъ кризисовъ этотъ заработокъ падаетъ на 20, на 30 и на 50%, а нерѣдко ткачъ и по нѣсколькимъ мѣсяцевъ кряду остается совсѣмъ безъ работы. Между 1878 и 79 годами ткачи въ нѣкоторыхъ округахъ зарабатывали отъ 6 до 7 марокъ въ недѣлю, ткачи бархата едва могли заработать отъ 80 до 90 пфенниговъ въ день. Еще въ худшемъ положеніи находились ткачи миткаля: когда вычли всѣ расходы, которые имъ пришлось сдѣлать на масло и матеріалъ, оказалось, что они получали не болѣе 50 пф. въ сутки. При этомъ цѣны на съѣстные припасы и наемная плата за квартиру возвысились. Между тѣмъ высчитано, что ежегодно на самые скромные съѣстные припасы одного семейства съ тремя дѣтьми въ 1869 г. расходовалось въ Крефельдѣ 300 марокъ, а въ

деревнѣ 270 м., на жилище въ городѣ 75 м., въ деревнѣ 54 м., на стирку и одежду въ городѣ 60 м., въ деревнѣ 51 м. Слѣдовательно, не считая издержекъ на лекарства, мелкіе расходы, болѣзни и разныя случайности, въ городѣ семейство должно имѣть 435 марокъ, а въ деревнѣ 375 марокъ.

Сильно распространенная здѣсь кустарная промышленность имѣетъ не мало преимуществъ передъ фабричною: при работѣ на дому, ткачъ остается среди своего семейства, и если у него есть клочекъ земли, можетъ обрабатывать его. Къ тому-же его жена и дѣти, занимаясь сельскими работами, могутъ кое-что зарабатывать на сторонѣ работами въ садахъ и огородахъ. Во время промышленныхъ кризисовъ такой ткачъ имѣетъ болѣе возможности найти заработокъ сельскою работою, чѣмъ фабричный, который совершенно оторванъ отъ нея. Нужно однако замѣтить, что крефельдскіе ткачи-кустари, во время промышленныхъ кризисовъ, съ большимъ трудомъ принимаются за полевые работы: чѣмъ больше рабочій занимается тканьемъ, тѣмъ болѣе онъ отвывается отъ полевыхъ занятій и наоборотъ: чѣмъ болѣе онъ занимается земледѣльческимъ трудомъ, тѣмъ болѣе грубѣютъ его руки, и онъ становится менѣе годнымъ для тканья тонкихъ матерій. Хотя бархатныя и шелковыя крефельдскія матеріи уступаютъ тонкостью отдѣлки и изяществомъ лонскимъ, но изъ приготовленныхъ здѣсь издѣлій только 40% остается въ Германіи, все остальное идетъ за границу: 33% въ Англію, 5% во Францію, 7% въ прочія страны Европы и 15% за море. Прежде торговля этими издѣліями съ Америкой велась черезъ Парижъ, и львиная доля барыша доставалась не Крефельду, но настоящее время Крефельдъ на всѣхъ рынкахъ имѣетъ своихъ агентовъ.

Промышленность эта развилась бы еще быстрѣе, если бы нѣмецкая публика предпочитала родныя издѣлія иностраннымъ. Но богатая нѣмецкія дамы болѣе другихъ гоняются за парижскими модами и, несмотря на свою ненависть и презрѣніе къ французамъ, предпочитаютъ выписывать матерію на платье изъ Парижа.

Промышленность долины Вуппера, — городъ Эльберфельдъ-Барменъ и его рабочіе.

Рѣка Вупперъ, пройдя небольшое пространство, соединяется съ могущественнымъ Рейномъ. Хотя на ея берегахъ и нѣтъ гордыхъ рыцарскихъ замковъ и красивыхъ виноградниковъ, но она принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ рѣкъ Германіи. Эта свѣтлая рѣчка шириною въ 30, 40 шаговъ выходитъ изъ холмовъ и протекаетъ по холмистой странѣ, которая и называется Вупперской долиной: это самая богатая фабриками мѣстность всего прусскаго государства. Изъ всѣхъ городовъ западной Германіи двойной городъ Эльберфельдъ-Барменъ самый многочисленный: онъ занимаетъ въ долинѣ Вуппера огромное пространство. Здоровому пѣшеходу нужно добрыхъ два часа, чтобы пройти отъ восточнаго конца Бармена до западнаго Эльберфельда. Всюду передъ нимъ выступаютъ признаки разнообразной, оживленной промышленной дѣятельности. Стукъ ткацкихъ станковъ, шумъ вращающихся съ быстротою молніи веретенъ преслѣдуютъ его по всему пути. Мимо него спѣшать дѣловые люди, каждая пять минутъ онъ встрѣчаетъ биткомъ набитые вагоны конно-железныхъ дорогъ, и съ обѣихъ сторонъ долины тянутся облака дыма отъ поѣздовъ, которые останавливаются на одинадцати вокзалахъ и служатъ важными факторами богатой промышленности этого двойнаго города. Оба эти города такъ тѣсно соединились между собой, что новичку трудно понять, гдѣ начинается одинъ и кончается другой. По послѣдней переписи въ нихъ насчитываютъ 190,000 жителей, такъ что они далеко опередили главный городъ запада, старинный Кельнъ. Въ близкомъ будущемъ вѣроятно только Берлинъ и Гамбургъ будутъ превосходить этотъ

двойной, быстро увеличивающийся городъ. Однако, несмотря на это, Эльберфельдъ-Барменъ скорѣе походитъ на длинную деревню, чѣмъ на городъ: будучи расположенъ въ узкой Вупперской долинѣ, онъ стѣсненъ съ обѣихъ сторонъ круто поднимающимися горами и потому не имѣетъ болѣе трехъ или четырехъ параллельныхъ улицъ. Эльберфельдъ не можетъ болѣе увеличиваться по направленію къ западу, такъ какъ тутъ отвѣсныя скалы почти совершенно сближаются; поэтому онъ расширяется къ востоку, переходя въ Барменъ, вверхъ по Вупперской долинѣ. Эльберфельдъ уже почти законченный городъ, почти остановившійся въ своемъ развитіи, тогда какъ Барменъ безостановочно еще продолжаетъ развиваться.

Своему необыкновенно быстрому развитію Эльберфельдъ-Барменъ обязанъ трудолюбію своихъ жителей, которые, какъ всѣ жители Вупперской долины, славятся во всѣхъ классахъ общества такой замѣчательной дѣловитостью и трудолюбіемъ, что не только здѣшнему рабочему, которому нерѣдко приходится изъ-за куска хлѣба работать по 14 и 15 часовъ въ день, но даже и богатому фабриканту, живущему въ настоящемъ дворцѣ, украшенномъ съ царскою роскошью, показалось бы невозможнымъ сидѣть среди бѣлаго дня въ кафе, или въ хорошую погоду помѣститься за столикомъ на тротуарѣ и разсматривать прохожихъ, читая газету, — что въ другихъ городахъ встрѣчаешь на каждомъ шагу. Здѣсь каждый соблюдаетъ съ необыкновенною аккуратностію рабочіе часы, отдыхаютъ въ строго определенное время, и малѣйшее отступленіе отъ такого образа жизни считается даже богачами чуть не преступленіемъ.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы указывали, что крефельдскіе ткачи чрезвычайно индифферентны къ общественнымъ вопросамъ; совсѣмъ противоположнымъ характеромъ, отличаются жители долины Вуппера. Здѣшніе рабочіе прежде всего народъ въ высшей степени религіозный, но между тѣмъ, ни въ какой другой мѣстности Германіи нѣтъ такихъ какъ здѣсь, религіозныхъ контрастовъ: тутъ вы найдете представителей всѣхъ церковныхъ партій нашего времени, и горячіе споры между ними, жестокіе раздоры и пререканія принимаютъ такой рѣзкій характеръ, что часто ведутъ къ печальнымъ столкновеніямъ. Какъ горячо они относятся ко всѣмъ религіознымъ вопросамъ, такъ же рѣзки контрасты въ области политики. Всѣ партіи различныхъ оттѣнковъ, начиная отъ крайнихъ правыхъ и кончая радикалами и социалистами, имѣютъ въ Вупперѣ своихъ представителей, такъ что, во время выборовъ въ рейхстагъ, здѣсь можетъ быть выбранъ социаль-демократъ и либераль, а въ палатѣ депутатовъ представителями этой долины могутъ явиться прогрессисты и національ-либералы. Въмѣстѣ съ тѣмъ и консервативныя фракціи имѣютъ здѣсь значительное число сторонниковъ, даже число ультрамонтановъ весьма значительно. Вслѣдствіе такого раздѣленія на рѣзко противоположныя партіи, во время политическихъ выборовъ здѣсь господствуетъ необыкновенный шумъ и оживленіе. Всѣ партіи стараются превзойти другъ друга летучими листовками, газетными объявленіями въ огромныхъ размѣрахъ и рѣчами на сходкахъ. Буря усиливается до самыхъ выборовъ, а по окончаніи — все постепенно приходитъ въ колею ежедневной дѣловой жизни.

Въ этомъ двойномъ городѣ не мало высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ воспитываются сыновья богатыхъ фабрикантовъ, и элементарныхъ школъ. Вупперталь — въ полномъ смыслѣ слова родина контрастовъ: даже въ богатомъ здѣшнемъ фабрикантѣ вы видите съ одной стороны страстное стремленіе къ матеріальной выгодѣ, неутомимую погоню за деньгами и наживой, съ другой — истинный интересъ къ наукѣ и искусству. Ни въ какомъ другомъ городѣ публичныя чтенія не посѣщаются такъ усердно, какъ здѣсь, а большіе концерты въ Вупперталь славятся далеко въ окрестностяхъ. Какъ фабриканты, такъ и богатые здѣшніе купцы въ громадномъ большинствѣ люди весьма обра-

зованные. Сыновья ихъ, прежде чѣмъ приняты за какое-нибудь коммерческое или промышленное дѣло, кончаютъ высшее учебное заведеніе.

Самая старинная промышленность въ долинѣ — бѣленіе пряжи, которое развилось уже давно, благодаря сочнымъ дугамъ по обѣимъ сторонамъ рѣки и известковой водѣ горныхъ источниковъ. Прежде здѣсь господствовала льняная и хлопчатобумажная промышленность, а позже развилась и шелковая промышленность, которая особенно процвѣтала въ срединѣ настоящаго столѣтія, но затѣмъ она быстро стала падать, и въ настоящее время только три фирмы изготовляютъ шелковыя матеріи. Фабриканты заблаговременно оставили падающую шелковую промышленность и теперь главнымъ образомъ занимаются шерстяной. Въ 50-хъ годахъ ручной способъ выдѣлки матеріи сталъ выходить изъ употребленія и начали вводить машинный способъ. Теперь въ Эльберфельдѣ ткуютъ шерстяныя полосатыя матеріи, мебельныя и каретныя матеріи, скатерти и т. п. Но этимъ еще не ограничивается эльберфельдская промышленность: самое большое предпріятіе въ этой долинѣ и даже во всей Германіи, это — красильни и печатаніе ситца въ громадныхъ размѣрахъ.

Между тѣмъ какъ въ Эльберфельдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ ткацкое дѣло, въ Барменѣ болѣе всего занимаются приготовленіемъ лентъ, тесемокъ, шнурковъ, ремней, резиновыхъ тканей, а басонныя пуговицы и петли составляютъ даже его специальность. Обыкновенныя ленты готовятъ машиннымъ способомъ, а болѣе тонкія составляютъ еще предметъ кустарной промышленности. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣшніе тесемки и шнуры. Всякій рисунокъ шнура и тесемки, приготовляемый въ Парижѣ изъ шелку и входящій въ моду, дѣлаютъ въ Барменѣ изъ шерсти, а также и изъ бумаги, и эти предметы, по своей дешевизнѣ, быстро расходятся. Тесемочное производство принадлежитъ еще въ значительной степени кустарной промышленности, но такъ какъ уже въ 50-хъ годахъ оказался недостатокъ въ ткацкихъ станкахъ, то многіе фабриканты приобрѣли машинныя станки, которые часто совсѣмъ лишаютъ рабочихъ заработка. Затративъ деньги на покупку машинныхъ станковъ и имѣя капиталъ, фабриканты стремятся постоянно работать на этихъ станкахъ, такъ что могутъ заготовлять массу издѣлій этого рода еще раньше, чѣмъ полученъ заказъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, масса рабочихъ совсѣмъ остается безъ дѣла, и въ настоящее время (въ 1879 г.)²⁾ ручныхъ станковъ совсѣмъ не заняты, а между тѣмъ машинныя станки всѣ въ ходу. Вслѣдствіе этого тесемочники терпятъ большую нужду. Они, по большей части, живутъ въ предмѣстьяхъ, гдѣ они имѣютъ свой собственный домикъ и садъ. Такъ какъ они періодически остаются безъ работы, часто по нѣскольку лѣтъ сряду, и въ это время выносятъ крайнія лишения, то всѣ они горячіе социалисты.

Кромѣ фабрикъ, на которыхъ перерабатываютъ, красятъ или печатаютъ ленъ, шерсть, хлопчатую бумагу и шелкъ, кромѣ химическихъ фабрикъ и фабрикъ пуговицъ, здѣсь существуетъ не мало фабрикъ зонтиковъ, матерій изъ конскаго волоса, обоевъ, издѣлій изъ британскаго металла, шторъ, проволочныхъ канатовъ; есть тутъ также и фабрики чугунныхъ издѣлій, машинъ, лампъ, каретъ и др.

Золингенъ и Ремшейдъ.— Золингенскіе работники, ихъ трудъ и положеніе.

Какъ Крефельдъ и Эльберфельдъ-Барменъ — главные пункты производства тканей, такъ въ Золингенѣ и Ремшейдѣ господствуетъ желѣзная промышленность.

Ремшейдъ — настоящій «нѣмецкій Шеффилдъ»: въ немъ готовятъ самыя разнообразныя издѣлія изъ желѣза. Вы не найдете въ этомъ городѣ непрерывныхъ улицъ:

вдали возвышается церковная башня, которая находится въ центрѣ города; кругомъ, на горныхъ хребтахъ и въ долинахъ, разбросаны дома. Если вечеромъ выйдешь на крыльцо дома, расположеннаго на одномъ изъ горныхъ хребтовъ, и бросишь взглядъ кругомъ на городъ и на все пространство внизу, лежащее у ногъ, то васъ поразитъ безчисленное число свѣтлыхъ точекъ. То вверху на горѣ, то внизу въ долинѣ, ночной мракъ разсѣвается потокомъ пламени, который блеститъ черезъ ту или другую открытую дверь, или градомъ искръ вдругъ поднимается изъ горна, раздуваемаго мѣхомъ кузнеца, или огненнымъ каскадомъ падаетъ внизъ. Изъ глубины раздается стукъ водяныхъ колесъ, глухой шумъ молота, шипѣніе и закаливаніе стали. На горѣ глухой ударъ тяжелаго молота сливается съ звенящимъ звукомъ кузнечнаго молотка, а когда этотъ шумящій, звенящій и шипящій міръ озарится солнцемъ, вы увидите разбросанныя селенія, соединенныя между собой дорогами. Сѣрые домики съ шиферными крышами придаютъ серьезный видъ всей картинѣ. Въ подвальномъ этажѣ такого домика устроена кузница, а въ верхнемъ живетъ хозяинъ съ подмастерьемъ. Кругомъ домика разбитъ садикъ, въ которомъ кузнецъ съ любовью ухаживаетъ за своими цвѣтами, а у нѣкоторыхъ сзади есть еще нива. Здѣсь нѣтъ ничего, напоминающаго городъ, никакой правильности въ расположеніи построекъ. Кузнецъ — человѣкъ свободолюбивый и упрямый; не даромъ онъ постоянно повторяетъ поговорку: «Богъ, который произвелъ желѣзо, не могъ желать, чтобы существовали рабы», и не любитъ никакихъ указаній и формализма въ устройствѣ дома, а дѣлаетъ его по своей фантазіи.

Къ ремштейдскимъ произведеніямъ принадлежатъ около тысячи самыхъ разнообразныхъ предметовъ изъ стали и желѣза, какъ тонкаго, такъ и грубаго производства. Это разнаго рода инструменты, домашнія, кухонныя и корабельныя принадлежности, шпоры, удила, стремяна и т. п.

Между тѣмъ какъ въ Золингенѣ раздѣленіе труда доведено до послѣднихъ предѣловъ, въ Ремшейдѣ каждый предметъ, отъ начала до конца, дѣлается въ мастерской одного и того же мастера; поэтому мастеръ можетъ селиться здѣсь, гдѣ ему угодно, и зависить только отъ себя.

Золингенъ изетари славится производствомъ «мечей» (мѣстный терминъ для обозначенія холоднаго оружія вообще). Жители Золингена уже съ незапамятныхъ временъ занимаются этимъ промысломъ. Заработная плата оружейниковъ еще въ первой половинѣ нашего столѣтія была очень высока, и между рабочими они составляли аристократію; каждый гордился званіемъ сабельнаго мастера. Особенно въ почетъ было оружейное мастерство во времена рыцарскія. Въ старину оружейные мастера и сами хорошо умѣли владѣть мечемъ. Еще до сихъ поръ остались пѣсни, въ которыхъ разсказывается, какъ ту или другую побѣду помогъ одержать золингенскій кузнецъ. Но со временемъ кругъ покупателей золингенскаго оружія началъ постепенно суживаться: съ нынѣшняго столѣтія уже всѣ государства стали подумывать, какъ бы пріобрѣсти независимость въ удовлетвореніи своихъ военныхъ нуждъ, и начали устраивать на родинѣ оружейные фабрики. Для иностранныхъ государствъ это было необходимо уже потому, что, при плохомъ состояніи техники въ Золингенѣ, цѣны на оружіе были чрезвычайно высоки. Это побудило иностранныя государства снабдить свои мастерскія силою пара. Не менѣйшій ударъ золингенской промышленности былъ нанесенъ и упрощеніемъ вооруженія. Внѣшній видъ клинка былъ прежде весьма замысловатъ: на немъ изображали потоки крови, факелы и т. п., а теперь онъ получилъ совершенно простую внѣшность и форму. Но самый тяжелый ударъ золингенской промышленности былъ нанесенъ самимъ прусскимъ правительствомъ. Оно распространило стѣснительныя мѣры и начало покровительствовать оружейнымъ фабрикантамъ въ Тюрингенскомъ лѣсу, которые ра-

ботали гораздо дешевле, но зато и хуже. Заработная плата золингенского рабочего стала быстро падать, и результатом такой политики было то, что огромное число рабочих, пользовавшихся до тех пор значением и почетом, сдѣлались теперь пролетаріями и ярыми социаль-демократами.

Въ Золингенѣ и въ смежныхъ съ нимъ меньшихъ городахъ тоже уже издавна приготовляли ножи, а въ прошломъ столѣтіи начали дѣлать и ножницы. Теперь къ этому прибавили еще приготовленіе остововъ для зонтиковъ, формъ, въ которыхъ отливаютъ сахаръ, стальныя рамки для футляровъ и портмоне. Въ 1872 г. въ промышленномъ золингенскомъ округѣ, какъ холоднаго оружія, такъ и названныхъ предметовъ было изготовлено на 27 мил. марокъ.

Золингенскія сабли выдѣлываютъ такимъ образомъ: желѣзную полосу проковываютъ, потомъ вытягиваютъ, пока она не приобретаетъ надлежащей толщины и длины. Кузнецъ придаетъ ей, съ помощію тяжелаго молота, форму клинка; другой мастеръ придаетъ этому клинку нужную упругость, для чего онъ прежде раскаляетъ его до-красна и затѣмъ опускаетъ въ холодную воду. Послѣ этого клинокъ переходитъ къ шлифовальщику и, наконецъ, онъ получаетъ отъ закаливальщика «синій закалъ». Свой блескъ клинокъ получаетъ опять въ шлифовальнѣ отъ натиранія на деревянныхъ кругахъ наждаковымъ порошкомъ и масломъ и отполированія. Теперь клинокъ готовъ и граверъ вырѣзываетъ на немъ иглой фигуры, шлифовальщикъ еще нѣсколько полируетъ, а позолотчикъ золотитъ сталь. Рукоятка дѣлается особымъ мастеромъ, другой приготовляетъ эфесъ, третій — ножны. Затѣмъ все это соединяютъ вмѣстѣ, и оружіе наконецъ вполне готово. Такимъ образомъ оружіе, прежде чѣмъ попасть въ магазинъ купца, переходитъ черезъ руки многихъ мастеровъ, и каждый изъ нихъ оставляетъ на немъ слѣды своего искусства. Говорятъ, что еще и теперь на Кавказѣ попадаютъ золингенскія сабли, которыя переходятъ въ наслѣдство отъ поколѣнія къ поколѣнію и считаются семейнымъ сокровищемъ.

Самая тяжелая работа достается на долю шлифовальщика. Шлифовальни—обыкновенно старыя, полуразвалившіяся зданія, построенныя гдѣ-нибудь въ глубокомъ ущельѣ, надъ ручьемъ. Но шлифовальщику не только тяжело и вредно работать въ такихъ сырыхъ, полуразвалившихся помѣщеніяхъ, но не менѣе вреденъ и опасенъ для здоровья и самый процессъ работы. Шлифуютъ оружіе на мокрыхъ или сухихъ камняхъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ пыли, но зато платье промокаетъ насквозь, и рабочій легко простуживается; когда-же точатъ на сухихъ камняхъ, поднимается страшная пыль и летитъ прямо въ ротъ и глаза, поэтому шлифовальщики, въ громадномъ большинствѣ, страдаютъ болѣзнями глазъ, легкихъ и дыхательныхъ вѣтвей. Многіе совсѣмъ теряютъ зрѣніе или умираютъ въ чахоткѣ. Но, помимо опасности заболѣть и умереть, работа эта въ высшей степени тяжелая: шлифовальщику приходится цѣлый день работать, стоя передъ точильнымъ камнемъ, опираясь спиной на доску и прижимая колѣно, на которомъ привязанъ деревянный чурбанъ къ точильному камню.

Простые черенки для ножей дѣлаетъ простой мастеръ, а изъ дорогаго дерева мастеръ болѣе искусный; черенки изъ слоновой кости приготовляетъ токарь, а роговые—мастеръ роговыхъ издѣлій. Для украшеній изъ латуни, свинца и серебра существуютъ особые мастера; однимъ словомъ, здѣсь существуетъ такое-же раздѣленіе труда, какъ и въ выдѣлкѣ клинковъ для оружія.

Теперь въ Золингенѣ фабрикація ножницъ занимаетъ самое важное мѣсто; огромное количество ихъ отправляютъ за границу, гдѣ ихъ продаютъ за англійскія.

Эссенъ.—Крупновскіе заводы и рабочіе.—Каменно-угольныя залежи.

Эссенъ не только центръ всей фабричной жизни Рурской долины, но его сталелитейный заводъ считается лучшимъ въ свѣтѣ: онъ поставляетъ во всѣ концы міра знаменитыя пушки изъ литой стали, которымъ нѣтъ равныхъ. Тѣмъ не менѣе пушки, лафеты, ядра, на которыя такъ великъ спросъ всѣхъ государствъ, готовящихся къ войнѣ, далеко еще не поглощаютъ всего производства этого громаднаго завода. Эссенъ въ то же время резиденція Круппа, этого хозяина знаменитаго завода, «царя желѣза», «всемирнаго поставщика смерти», современнаго Креза, который изготовленіемъ орудій смерти нажилъ громадное состояніе, устроилъ на родинѣ съ баснословнымъ блескомъ и роскошью дома и виллы, въ которыхъ онъ принимаетъ коронованныхъ особъ, и купилъ въ Испаніи лучшіе рудники въ Европѣ. Оттуда, на собственныхъ корабляхъ, онъ перевозитъ въ Эссенъ руду, а его заводскіе вагоны подвозятъ ее къ самымъ мастерскимъ.

Еще далеко отъ Эссена видѣнъ дымъ безчисленнаго множества трубъ, напоминающихъ темный лѣсъ елей и сосенъ. Вся атмосфера пропитана дымомъ, смѣшаннымъ съ сажей, гарью, копотью, который цѣлый день поднимается вверхъ черными исполинскими столбами, заволакивающими небо и весь ландшафтъ. Внѣшность города далеко не привлекательна: дома и постройки, прокопченные сажей и дымомъ множества фабричныхъ трубъ, имѣютъ совершенно грязный видъ. На городскихъ бульварахъ только изрѣдка можно встрѣтить двухъ, трехъ гуляющихъ дамъ, женъ и дочерей фабричныхъ управляющихъ, инженеровъ и надсмотрщиковъ,—вся жизнь и движеніе сосредоточены на заводѣ. Хотя Пруссія владѣетъ этимъ городомъ уже съ 1815 года, но населеніе его до сихъ поръ осталось католическимъ, доказательства чего вы встрѣчаете здѣсь на каждомъ шагу. Въ витринахъ магазиновъ видѣются портреты папы Пія IX, янтарныя четки, крестики, фарфоровыя ангельчики, молящіяся монахини и множество брошюръ противъ религіозной политики Бисмарка. Рабочими на заводѣ являются какъ протестанты, такъ и католики, и они живутъ между собою совершенно мирно. Только во время послѣднихъ религіозныхъ преслѣдованій католиковъ протестанты стали недружелюбно относиться къ нимъ и даже тѣснить ихъ. Тогда Круппъ собралъ своихъ подчиненныхъ и сказалъ имъ слѣдующее: «я не желаю, чтобы ко мнѣ проникали религіозныя распри; здѣсь нѣтъ другой религіи, кромѣ религіи труда и честности. Вотъ уже 48 лѣтъ, какъ я стою во главѣ этого заведенія, и сознаюсь, хотя я самъ протестантъ, что у меня всегда было больше католическихъ рабочихъ, и я никогда не замѣчалъ несогласія между ними и протестантами». И дѣйствительно, религіозные раздоры скоро совѣмъ прекратились, и все пошло по старому.

Съ характерною внѣшностію Эссена лучше всего можно познакомиться съ какого-нибудь возвышеннаго пункта въ самомъ городѣ. Со всѣхъ сторонъ рельсы трехъ желѣзныхъ дорогъ, какъ желѣзнымъ поясомъ, охватываютъ городъ. Куда ни взглянешь, только и видишь громадные локомотивы, которые двигаются по всѣмъ направленіямъ, черные холмы нагроможденнаго угля и трубы, трубы безъ конца. Хотя въ дали и вырисовываются мрачныя и дикіе, поросшіе лѣсомъ склоны Фихтельгебирге, но самый интересный предметъ не въ дали, а у нашихъ ногъ. «Стоитъ только опустить голову», говоритъ одинъ писатель, «чтобы обнять однимъ взоромъ этотъ обширный заводъ, изъ котораго въ 1870 году, какъ изъ адскаго подземелья, вышла нѣмецкая имперія. Удача нѣмцевъ въ послѣдней франко-прусской войнѣ принадлежитъ прежде всего Круппу. Онъ же, этотъ царь желѣза и мощный вождь пушекъ, заставилъ прежде другихъ капитулировать Парижъ. Всѣ прусскія побѣды были выкованы его молотами, а его циклопы

трудились для объединенія Германіи больше самого Бисмарка. Верховная военная власть имперіи находится не въ Берлинѣ, а въ Эссенѣ». Дѣйствительно, въ высшей степени гнетущее тяжелое впечатлѣніе оставляетъ въ мирномъ гражданѣ эта адская Крупновская кузница, рабочіе которой съ такой систематичностію и прилежаніемъ выковываютъ орудія смерти для своихъ собратій.

Въ Эссенѣ 57,000 жителей, и народонаселеніе этого города увеличивается съ необыкновенной быстротой. Этимъ быстрымъ развитіемъ городъ прежде всего обязанъ своимъ огромнымъ каменноугольнымъ залежамъ. Вся мѣстность между рѣками Руромъ и Липпе, къ востоку отъ Рейна, въ изобиліи пользуется этими залежами, и потому здѣсь уже издавна непрерывнымъ рядомъ тянутся одинъ за другимъ заводы и фабрики. Еще болѣе богатые залежи каменнаго угля находятъ на сѣверной равнинѣ (по которой протекаетъ Эмшеръ): онѣ считаются самыми богатыми въ Европѣ. Хотя въ средніе вѣка уже умѣли пользоваться этимъ сокровищемъ, но разработка каменнаго угля приняла значительные размѣры только со времени употребленія паровыхъ машинъ и проведенія желѣзныхъ дорогъ. На сколько въ послѣднее время увеличилась эта разработка, можно судить изъ того, что въ 1805 году во всемъ бассейнѣ Рура добывалось едва 7 мил. центнеровъ, а теперь отдѣльныя шахты этого бассейна даютъ въ годъ по столько же, а всего ежегодно здѣсь добываютъ болѣе четырехсотъ милліоновъ центнеровъ, слѣдовательно больше чѣмъ во всей Франціи. Каменный уголь, по справедливости, называютъ «хлѣбомъ промышленности», такъ какъ въ Германіи онъ даетъ работу 80,000 челов. и по разсчету онъ еще на много столѣтій останется неистощимымъ источникомъ богатства.

Разработка каменнаго угля и вызвала къ жизни развитіе желѣзной промышленности, средоточіемъ которой является извѣстный во всемъ свѣтѣ Крупновскій сталелитейный заводъ. Круппъ постоянно получаетъ заказы военныхъ снарядовъ, то изъ одного конца міра, то изъ другаго: въ 1875 году онъ заготовлялъ множество полевыхъ орудій для египетскаго вице-короля, въ то же время исполнялъ большіе заказы для Италіи, Испаніи и Румыніи; въ томъ же году онъ получилъ заказъ отъ блистательной Порты на сто пушекъ большаго калибра, и самъ послалъ отъ себя въ подарокъ султану пушку, которая стоила на наши деньги болѣе 175,000 руб.; даже Китай теперь заказываетъ въ Эссенѣ. Нужно однако замѣтить, что заводъ этотъ занимается фабрикаціею не только военныхъ снарядовъ: здѣсь ежегодно приготавливаютъ до 800,000 центнеровъ рельсъ для желѣзныхъ дорогъ и безчисленное множество осей для пароходовъ, ободковъ для колесъ, стрѣлокъ для желѣзныхъ дорогъ, стали для струнъ и для инструментовъ и т. п.

Чтобы составить себѣ понятіе о громадныхъ размѣрахъ Крупновскаго завода, нужно принять во вниманіе, что въ 1876 году онъ занималъ пространство въ 400 гектаровъ, изъ которыхъ 75 были сплошь застроены всевозможными постройками и сооруженіями и давали работу въ этомъ году 10,500 работникамъ. Кромѣ того, въ отдѣленіяхъ этой фабрики, на Рейнѣ, въ Нассау и въ Испаніи, работаетъ до 5,000 человекъ. Изъ какого громаднаго числа самыхъ разнообразныхъ построекъ состоитъ этотъ заводъ, можно видѣть изъ одного перечня; здѣсь: 1,648 плавильнъ, 298 паровиковъ, 77 паровыхъ молотовъ, 294 паровыхъ машинъ, 1,063 разныхъ другихъ машинъ: токарныхъ станковъ, машинъ для струганія и др.; нѣсколько десятковъ прессовъ, множество точильныхъ машинъ, машинъ для полировки и т. п. до безконечности. Круппъ такъ боится, чтобы не открыли секретъ его фабрикаціи, что во многихъ мѣстахъ на стѣнѣ, которою окруженъ его заводъ, прибито объявленіе на трехъ языкахъ, гласящее: «предупреждаютъ публику, что всякая просьба о посѣщеніи заведенія будетъ встрѣчена отъвазомъ». Да и не только посторонніе, даже ни одинъ рабочій не осматривалъ всего за-

*

вода, на которомъ онъ работаетъ. Всѣ рабочіе этого завода подчинены совершенно военной дисциплинѣ. Они раздѣлены на взводы, которыми командуютъ особые начальники, а мастерскія до того напоминаютъ укрѣпленные лагеря, что даже сосѣди не знаютъ, что въ нихъ дѣлается. Тотъ, кто изъ начальниковъ завода точно и педантично охраняетъ секреты мастерскихъ, получаетъ особую награду.

Всѣ фабричныя помѣщенія обнесены оградой, а весь заводъ окруженъ чѣмъ-то въ родѣ китайской стѣны изъ камня и дерева. Передъ каждымъ входомъ и выходомъ день и ночь стоитъ сторожъ въ особой будкѣ. Ночью особенно тщательно осматриваетъ все зданіе пожарная команда фабрики, которая въ то же время составляетъ и полицію.

Если у васъ есть хорошая рекомендація, то вы, хотя съ большимъ трудомъ и чисто вѣнскимъ образомъ, можете познакомиться съ «крупповскимъ городомъ» (какъ съ полною справедливостію слѣдовало бы называть этотъ заводъ), но даже и это очень интересно. Такъ посмотримъ же вблизи на это исполнское заведеніе, которое само по себѣ составляетъ цѣлый городъ машинъ, самыхъ разнообразныхъ зданій и сооружений. Уже издали раздается самый невообразимый стукъ, шипѣніе, шумъ и свистъ всевозможныхъ машинъ, кузницъ и доменныхъ печей. Но вотъ вы подошли къ стѣнѣ, окружающей заводъ, и заглянули въ открытую дверь... Вамъ кажется, что вы сразу очутились въ сказочной, подземной мастерской, гдѣ тысячи духовъ, покрытыхъ сажею, служатъ богу огня Вулкану. «Пройдя черезъ дворъ, изборожденный рельсами, загроможденный снарядами и обломками, наполненный стальными полосами и машинами, вы доходите до отдѣленія, гдѣ производится литье большихъ орудій. Вдоль стѣнъ открываются раскаленные до-бѣла горны, а въ нихъ стоятъ тигли. Полунагіе рабочіе, съ кожаннымъ фартукомъ для защиты тѣла, опредѣляли степень расплавленности металла посредствомъ длинныхъ желѣзныхъ прутьевъ. Блескъ металла такъ силенъ, что, даже стоя далеко, невольно подносишь руку къ глазамъ. Но вотъ раздается свистокъ, — это сигналъ; затѣмъ вы слышите команду. Въ ту минуту открываютъ горны. Работникъ-плавильщикъ схватываетъ тигель щипцами, изогнутый стержень которыхъ онъ зацѣпляетъ за желѣзную полосу, подаваемую ему двумя работниками, несущими ее на плечахъ. Они ставятъ тигель въ нѣсколькихъ шагахъ позади себя. Другіе рабочіе, идущіе по военному, попарно, поднимаютъ тигель посредствомъ двойныхъ щипцовъ и выливаютъ его содержимое въ указанный каналъ. Пылающій металлъ стекаетъ въ резервуаръ». Затѣмъ обратите вниманіе на огромное центральное помѣщеніе для паровыхъ котловъ, взберитесь на водокачальню, въ которую вода изъ шести сосѣднихъ каменноугольныхъ шахтъ поднимается силою пара въ особый бассейнъ на высоту 50 метровъ: здѣсь она очищается, и затѣмъ ее проводятъ во всѣ отдѣленія фабрики. Отсюда представляется прекрасный видъ на сотни высокихъ фабричныхъ трубъ. Къ одной изъ этихъ трубъ, которая напоминаетъ обелискъ, снизу вверхъ идетъ желѣзная лѣстница. За городомъ, по ту сторону шоссе, въ сѣверной половинѣ, вы увидите цѣлый рядъ мастерскихъ для пушекъ; за ними большую механическую мастерскую со многими угловыми башнями и подъемными машинами для передвиженія изъ одного этажа въ другой, а въ срединѣ огромный плавильный заводъ. Кузнечныя работы выполняются посредствомъ молотовъ. Между другими тутъ существуетъ молотъ-исполнъ, какого нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ, въ 50,000 килограммовъ; онъ поддерживается на трехъ гигантскихъ фундаментахъ, приводится въ движеніе паровыми машинами и можетъ выковыривать сразу глыбу чугуна, вѣсомъ въ 20,000 килограммовъ. Устройство этого молота-исполна обошлось Крушу въ 1.800,000 марокъ. По сигналу мастера, огромный молотъ поднимается и падаетъ съ быстротою молніи. Каждый ударъ его производитъ на большомъ разстояніи такой-же грохотъ, какъ выстрѣлъ изъ пушки самаго тяжелаго калибра, и такъ потрясаетъ все

зданіе, что всё окна, даже въ самой отдаленной части фабрики, начинаютъ дрожать. Наблюдать выковку пушекъ этимъ исполинскимъ молотомъ для посторонняго можно только издалека, съ высокихъ подмостковъ, за стекляннмъ окномъ. Иначе ни за что не вынесешь нестерпимой жары, какая господствуетъ на мѣстѣ дѣйствія и отъ которой обрушиваются даже въ печь кирпичи, а иногда плавится и самый тигль. Здѣсь присутствуютъ обыкновенно отъ 800 до 1,200 рабочихъ, которые, какъ солдаты, по командѣ выполняютъ разныя работы. Каждой партіи рабочихъ приходится стоять на мѣстѣ не болѣе 10 минутъ, затѣмъ ихъ замѣняютъ другіе; но и простоять здѣсь въ это время 10 минутъ оказывается такъ тяжело, такъ утомляетъ рабочихъ, такъ сильно дѣйствуетъ на нихъ, что послѣ этого имъ даютъ отдыхъ въ два часа.

Къ этому громадному заводу принадлежитъ множество различныхъ вспомогательныхъ заведеній: химическая лабораторія, фотографическая и литографическая мастерская, типографія и др. Сюда еще слѣдуетъ отнести множество домовъ, а именно около 3,300 напоминающихъ казармы, въ которыхъ живутъ рабочіе завода. Кромѣ того здѣсь множество благотворительныхъ заведеній для вспомоствованія рабочимъ и обученія ихъ дѣтей: школы, больницы, аптека и т. п. Рабочіе, какъ мы увидимъ ниже, пользуются здѣсь довольно высокою платою. Въ случаѣ болѣзни, жена рабочаго приходитъ въ кассу страхованія, и ей выдаютъ деньги на доктора и лекарство или помѣщаютъ ея мужа даромъ въ госпиталь; вдовѣ выдаютъ маленькую пенсію. По истеченіи 16 лѣтъ работы на заводѣ рабочій получаетъ опредѣленную сумму, какъ единовременное пособіе, а по истеченіи 20 лѣтъ онъ имѣетъ право на пенсію.

Лейпцигъ.—Ярмарки: ихъ значеніе прежде и теперь.—Лейпцигъ во время ярмарки.—Лейпцигскіе склады и книжное дѣло.

Этотъ знаменитый саксонскій городъ, послѣ Гамбурга самый значительный по торговлѣ въ Германіи, служитъ въ то же время центромъ нѣмецкой книжной торговли, умственной жизни, наукъ и искусствъ.

Еще въ средніе вѣка, въ этомъ, тогда только что зараждающемся, городѣ, уже были устроены рынки для продажи хлѣба, скота, плодовъ и соли. Въ XIV ст. Лейпцигъ начинаетъ сильно обогащаться и приобретаетъ громкую извѣстность. До этого времени торговля съ Индіею шла черезъ Эрфуртъ и Нюренбергъ, но съ этихъ поръ она направляется черезъ Лейпцигъ. Другимъ источникомъ богатства для города было открытіе университета въ началѣ XV ст., который началъ привлекать ученыхъ и слушателей со всѣхъ концовъ Европы. Въ эту-же эпоху европейское значеніе приобретаютъ ежегодныя лейпцигскія ярмарки въ Пасху и въ Михайловъ день (въ ноябрѣ), основанныя гораздо раньше въ XV ст.; прибавилась еще третья ярмарка въ Новый годъ, которая утратила свое значеніе въ настоящее время, и только двѣ первыя сохранили свою громкую извѣстность.

Ярмарки въ Германіи издавна были въ тѣсной связи съ церковными праздниками. Самое названіе «Messe» означаетъ обѣдню и ярмарку въ одно и то же время. Такъ какъ въ наиболѣе важные праздники всегда бывали торжественныя обѣдни, и въ то же время устраивались и ярмарки, то выраженіе: «я иду на ярмарку» и «я иду къ обѣднѣ» сдѣлались тождественными. Очень часто отправлялись къ обѣднѣ, чтобы имѣть случай побывать на ярмаркѣ, и наоборотъ. Церковь поэтому усердно покровительствовала ярмаркамъ, такъ какъ онѣ заманивали въ храмы. Кромѣ «Messe» употреблялось и слово «Jahrmarkt», которое прежде имѣло тоже самое значеніе, и только впоследствии установилось различіе между этими двумя словами. «Jahrmarkt» обыкновенно называютъ те-

перь мелочную торговлю, а «Messe» — торговлю оптомъ; но эти два понятія не строго различаются: бываютъ «Jahrmakkt», на которыхъ происходитъ оптовая торговля, и наоборотъ, на каждой «Messe» устраивается и мелочная торговля.

Ярмарки имѣли прежде несравненно большее значеніе, чѣмъ теперь. Въ теченіе недѣли, послѣ того воскресенья, когда звономъ колокола на ратушѣ объявляли начало ярмарки, до того воскресенья, когда извѣщали о ея концѣ, всѣ посѣтителѣ не только ярмарочнаго города, но и всего его округа пользовались полною неприкосновенностью личности: во время этой недѣли никого нельзя было арестовать, даже и тогда, если онъ совершилъ преступленіе. Такимъ образомъ Лейпцигъ въ эту недѣлю пользовался правомъ убѣжища, но какъ только въ слѣдующее воскресенье колоколъ на ратушѣ звонилъ въ послѣдній разъ, каждый, кто былъ въ чемъ нибудь виновенъ и находился въ городѣ, подлежалъ суду. Относительно долговъ по векселямъ эта ярмарочная свобода была въ послѣдствіи уничтожена, и такой должникъ, не выполнивъ обязательства, могъ быть арестованъ даже и въ эту недѣлю.

Ярмарка Нового года начинается 2-го и кончается 15-го января, остальные двѣ продолжаются четыре недѣли. Первая недѣля ярмарки называется «предварительной недѣлей», когда происходитъ распаковка товаровъ; затѣмъ идетъ «бочарная недѣля»: такъ называютъ недѣлю передъ ярмаркой; затѣмъ слѣдуетъ «ярмарочная недѣля», о наступленіи которой даютъ знать съ ратуши звономъ колоколовъ и, наконецъ, послѣдняя «счетная недѣля»; четвергъ на этой недѣлѣ называется «счетнымъ днемъ», такъ какъ тогда заканчиваютъ счета по всѣмъ денежнымъ обязательствамъ, сдѣланнымъ на ярмаркѣ.

При огромномъ стеченіи товаровъ въ Лейпцигъ во время ярмарокъ случалось, что многіе изъ нихъ оставались въ этомъ городѣ и расходились послѣ ярмарки. Такимъ образомъ Лейпцигъ съ теченіемъ времени сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ многихъ товаровъ. Городъ росъ и богатѣлъ съ необыкновенной быстротой; въ 1678 г. была построена биржа, а въ самомъ началѣ XVIII ст. здѣсь было уже до 140 торговыхъ домовъ, 20 книжныхъ магазиновъ, много банкировъ, торговцевъ мѣхами, шелковыми матеріями и сукнами, купцовъ, торгующихъ англійскими произведеніями, около 40 магазиновъ колоніальныхъ товаровъ. Въ 1853 году книжныхъ магазиновъ было уже 150, а въ 1876 году мы ихъ находимъ 360. Такимъ образомъ въ настоящее время Лейпцигъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ торговыхъ городовъ Германіи и не имѣетъ въ Европѣ себѣ соперника, равнаго по своимъ мѣховымъ и книжнымъ фирмамъ. О величинѣ складовъ можно составить настоящее понятіе только тогда, когда обойдешь длинные дворы съ ихъ многоэтажными магазинами. И теперь еще эти склады чрезвычайно велики, но все не въ такой степени, какъ это было прежде, и произошло это по многимъ причинамъ, между которыми главную роль играетъ развитіе путей сообщенія. Это дало возможность фабрикантамъ вступить въ прямые сношенія съ покупателями разныхъ странъ или завести своихъ комисіонеровъ въ различныхъ городахъ. Менѣе значительными сдѣлались лейпцигскіе склады также и потому, что торговля многими предметами сосредоточилась теперь въ другихъ городахъ. Но для нѣкоторыхъ предметовъ торговли Лейпцигъ до сихъ поръ имѣетъ еще большое значеніе, особенно для суконъ и юфти. Но еще болѣе важное значеніе имѣетъ онъ по торговлѣ мѣхами и въ этомъ отношеніи остается первымъ городомъ во всемъ мірѣ. Сношеніе съ Лейпцигомъ посредствомъ комисіонеровъ, которые своимъ хозяевамъ въ разныхъ городахъ даютъ подробный отчетъ о товарахъ и посылаютъ образчики, не выполнимъ въ торговлѣ мѣхами. Трудно подыскать два мѣха совершенно одинаковыхъ, и потому купцы сами должны пріѣзжать на ярмарку, чтобы осмотрѣть каждую штуку, если хо-

тять знать, какой товаръ они покупаютъ. Лейпцигъ — средоточіе торговли мѣхами во всемъ свѣтѣ. Со всѣхъ сторонъ привозятъ сюда мѣха, особенно изъ сѣверной Америки и Азіи: здѣсь ихъ сортируютъ, перерабатываютъ, красятъ, и затѣмъ они расходятся во всѣ стороны, не исключая и тѣхъ, изъ которыхъ они были сюда привезены. Только восьмая часть мѣховъ, которые привозятся въ Лейпцигъ, остается въ Германіи. Сюда мѣха привозятъ главныхъ образомъ для окраски. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вошли въ моду черные мѣха, и для удовлетворенія спроса стало недоставать естественныхъ черныхъ мѣховъ. Чтобы помочь этой бѣдѣ, стали окрашивать мѣха менѣ любимыхъ цвѣтовъ въ черный цвѣтъ. Заведенія для выработки и окраски мѣховъ находятся на западной странѣ Лейпцига, а большіе мѣховые склады сосредоточены въ широкой улицѣ Брюль, которая на всемъ протяженіи, съ востока на западъ, пересѣкаетъ внутреннюю часть города. Въ этой улицѣ дома съ верху до низу наполнены всевозможными мѣхами. Живутъ ли животныя подъ тропиками или подъ полюсами, въ горахъ или долинахъ, на сушѣ или въ водѣ, вы найдете шкуры ихъ здѣсь, если только онѣ употребляются какъ мѣхъ. Осматривая эти склады, приходишь въ изумленіе отъ ихъ богатства. Маленькій тюкъ шкуръ, завернутый въ холщевый мѣшокъ, стоитъ нерѣдко нѣсколько тысячъ марокъ, а такихъ тюковъ въ одномъ сундукѣ бываетъ по дюжину. Покупатели мѣховъ всѣхъ странъ свѣта такъ привыкли искать въ Брюль все, что имъ нужно, что большія фирмы, торгующія мѣхами, понесли-бы огромный убытокъ, если-бы они перенесли свою торговлю въ другую часть города. Многіе купцы уже нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду приѣзжаютъ сюда къ ярмаркѣ, чтобы закупать мѣха, и нѣкоторые изъ нихъ не бываютъ нигдѣ, кромѣ улицы Брюль.

Въ обыденное время Лейпцигъ производитъ на иностранца впечатлѣніе въ высшей степени дѣловаго города: тутъ въ будни не видно ни праздношатающагося, ни гуляющаго для своего удовольствія; у всѣхъ озабоченное, серьезное выраженіе лица, торопливая, дѣловая походка. Движеніе въ улицахъ въ такое время не особенно оживленное, такъ какъ большинство жителей занято въ многочисленныхъ типографіяхъ, на фабрикахъ, въ конторахъ; тѣмъ оживленнѣе движеніе въ полдень и вечеромъ, по окончаніи работъ. Но зато, чѣмъ ближе подходитъ время къ ярмаркѣ, тѣмъ болѣе оживляется городъ, хотя и въ это время еще болѣе выступаетъ его дѣловой характеръ. Улицы и площади загромаждаются рядами временныхъ лавокъ, лотковъ и барачковъ; движеніе телѣгъ съ грузами не только съ каждымъ днемъ, но можно сказать съ каждымъ часомъ увеличивается. У всѣхъ лавокъ, домовъ и дворовъ разгружаютъ телѣги, снимаютъ съ нихъ сундуки, свертки, ящики, и тутъ же, пока не внесутъ, разставляютъ ихъ, что стѣсняетъ движенія по улицамъ, и безъ того узкимъ. Съ озабоченной физиономіей, съ записными книгами въ рукахъ шныряютъ хозяева и прикащики, провѣряютъ товаръ, относятъ его въ лавки и дома. Нерѣдко по цѣлымъ часамъ невозможно пробраться черезъ этотъ шумный потокъ толпы, экипажей, телѣгъ, запряженныхъ лошадьми и собаками. Нижніе этажи домовъ обращаются въ огромные товарные депо, и всѣ домовые проходы (лейпцигскіе проходы въ домахъ имѣютъ много общаго съ вѣнскими, о которыхъ мы говоримъ ниже) запружены покупателями и продавцами. Совершенный переворотъ происходитъ въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ устраиваютъ склады во время ярмарки. Обыкновенные хозяева уступаютъ свое мѣсто приѣзжимъ купцамъ и довольствуются въ это время лишь маленькимъ помещеніемъ, часто уголкомъ, а иногда нанимаютъ на это время для себя лавку гдѣ нибудь на другой площади. Тогда безпрестанно приходится читать на вывѣскѣ: «въ продолженіе ярмарки мой магазинъ будетъ находиться на площади Августа», и затѣмъ слѣдуетъ болѣе точное опредѣленіе, какъ напримѣръ: «5 рядъ, 7-ое мѣсто». Лавка продавца лотерейныхъ билетовъ превращается въ складъ стеклянныхъ

товаровъ, магазинъ часовщика—въ складъ чулочныхъ издѣлій; гдѣ прежде продавали кружева и ленты, теперь развѣваются развѣшенные холсты и полотна. Стѣны домовъ тоже превращаются въ магазины, на дворахъ и въ проходахъ устраиваютъ подмостки для торговли, которыя тотчасъ разбираютъ послѣ окончанія ярмарки. Въ гостиницѣ «Польша» не только всѣ стѣны дворовъ заняты лавками, но онѣ тянутся во всѣхъ проходахъ, корридорахъ, галлерейхъ, и только въ одномъ этомъ домѣ насытываютъ въ это время около 200 временныхъ лавокъ. Для хозяевъ очень многихъ лейпцигскихъ домовъ и квартиръ отдача мѣсть подъ лавки, склады и комнатъ для посѣтителей во время ярмарки составляетъ доходъ, которымъ нѣкоторые исключительно живутъ. Цѣны домовъ зависятъ главнымъ образомъ отъ этихъ доходовъ и немедленно пали бы, если бы ярмарки прекратились.

Во время ярмарки городъ преобразовывается въ длинный рядъ бараконъ, и оживленіе бываетъ такъ велико, что во многихъ магазинахъ во время дня вынимаютъ даже окна и двери. Вдоль всѣхъ улицъ тянутся длинные куски холста: это объявленіе о новыхъ магазинахъ, о различныхъ товарахъ, о вновь появившихся книгахъ. Какой лихорадочный характеръ принимаетъ въ это время движеніе, какъ все кругомъ хлопочетъ и суетится, какія массы товаровъ пересылаются во всѣ государства, можно лучше всего наблюдать на вокзалахъ пяти лейпцигскихъ желѣзныхъ дорогъ, особенно если вы можете сдѣлаться свидѣтелемъ движенія въ ту минуту, когда выгружаютъ изъ вагоновъ тысячи ящиковъ, коробовъ, тюковъ, бочекъ. Какія длинныя вереницы возовъ въѣзжаютъ въ каждыя изъ пяти воротъ Лейпцига! Но возвратимся въ городъ.

Передъ каждымъ складомъ, передъ каждымъ амбаромъ стоятъ огромные ящики и тюки, въ которыхъ упаковано все, что создало промышленное трудолюбіе многихъ фабричныхъ центровъ и округовъ: все это стекается въ Лейпцигъ и уже отсюда расходится во всѣ концы свѣта. Фабриканты и промышленники Саксоніи, Силезіи, Рейнской провинціи, Вюртемберга, Бадена, даже Франціи, Англіи и Швейцаріи имѣютъ здѣсь многихъ представителей. Франція является съ своими модными шелковыми матеріями, Англія—съ шерстяными, хлопчато-бумажными и стальными издѣліями, — всюду фирма за фирмой, амбаръ надъ амбаромъ и подъ ними имена людей и всевозможныхъ городовъ. Покупатели одни или съ толмачами расхаживаютъ отъ одного амбара къ другому, и ихъ радушно привѣтствуютъ здѣсь на англійскомъ, тамъ на французскомъ, далѣе на итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Вотъ еврей въ длинномъ шелковомъ кафтанѣ: онъ уже купилъ болѣе чѣмъ на 100,000 талеровъ и все еще ждетъ новыхъ товаровъ. Къ нему идетъ на встрѣчу фабрикантъ, самодовольно потирая руки: его амбаръ уже почти пустъ, и на слѣдующую ярмарку ему сдѣланы большіе заказы. Такой большой сбытъ и такіе заказы нерѣдки: какое оживленіе они вносятъ въ бѣдную фабричную мѣстность! Вотъ почему въ это время въ самыхъ отдаленныхъ отъ Лейпцига мѣстностяхъ, со всѣхъ сторонъ слышишь вопросы о томъ, какъ идутъ дѣла на ярмаркѣ. При этомъ всякій знаетъ, о какой ярмаркѣ идетъ дѣло. Однако замѣчено, что число посѣтителей на лейпцигскихъ ярмаркахъ теперь уменьшается. Въ періодъ времени отъ 1866 до 1870 г. на всѣхъ трехъ ярмаркахъ (большая часть посѣтителей приходится на пасхальную и михайловскую ярмарку и только незначительная часть на ярмарку новаго года) ежегодно было 52,591 посѣтитель, а отъ 1871—75—51,345 чел., а съ 1876—80 г. уже по 47,544 чел. Уменьшеніе числа посѣтителей происходитъ оттого, что въ послѣднее время ярмарки утратили свое прежнее громкое значеніе. Съ тѣхъ поръ какъ, благодаря устройству пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, сообщенія улучшились, ярмарки не составляютъ главнаго способа обмѣна товаровъ: ихъ дешевымъ способомъ можно пересылать куда угодно во всякое время, а также по-

средствомъ комиссіонеровъ оптовые торговцы и фабриканты находятъ себѣ теперь помимо ярмарокъ обширный кругъ покупателей. Поэтому многія лица, которыя прежде аккуратно посѣщали всѣ ярмарки, теперь перестали на нихъ отправляться. Тѣмъ не менѣе ярмарки и въ настоящее время далеко не лишни. Это лучше всего подтверждаютъ оживленное движеніе, все еще многочисленныя посѣтители и большіе обороты, какіе на нихъ происходятъ. При томъ же ярмарки останутся всегда самымъ удобнымъ способомъ, чтобы установить личное знакомство производителей съ покупателями, что нивакъ нельзя считать лишнимъ въ торговлѣ, а главное онѣ даютъ фабриканту возможность видѣть вмѣстѣ и сравнивать между собою товары одного рода, но различнаго производства.

Ярмарочное движеніе обнимаетъ собою весь внутренній городъ, за исключеніемъ самыхъ уединенныхъ, маленькихъ улицъ. Наиболѣе оживленное движеніе происходитъ въ Брюллѣ, на Неймарктѣ (новый рынокъ), въ Августовской улицѣ и по сосѣдству съ ними. Тамъ до втораго этажа, почти на каждомъ окнѣ, найдете вывѣски торговыхъ фирмъ; нѣкоторыя изъ нихъ разрисованы на стѣнахъ, что служитъ доказательствомъ постоянства, съ которымъ многіе торговые дома уже впродолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ занимаютъ все одно и то-же помѣщеніе. Чтеніе этихъ вывѣсокъ представляетъ не безынтересную страницу: въ теченіе нѣсколькихъ часовъ можно здѣсь осмотрѣть самыя важныя отрасли германской промышленности и произведенія промышленныхъ германскихъ округовъ, а нѣкоторыя изъ этихъ произведеній можно изучить систематически, такъ какъ во многихъ улицахъ преобладаютъ извѣстнаго рода товары: въ Гайнштрассе, гдѣ находится суконный рынокъ, болѣе всего лавокъ суконъ и шерстяныхъ матерій, въ Николайштрассе лавки чулочныхъ издѣлій и т. д. Кромѣ оптовой торговли, въ ярмарочное время происходитъ въ баракахъ и во вновь построенныхъ лавкахъ оживленная мелочная торговля, центромъ которой служитъ Новый рынокъ и площадь Августа. Въ нѣсколько недѣль здѣсь устраивается новый маленькій городокъ съ нумерованными улицами. Сходство съ городомъ увеличивается еще тѣмъ, что многіе изъ бараконъ построены совершенно такъ же, какъ и на красивомъ большомъ рынкѣ: здѣсь тянется до 600 лавокъ, въ которыхъ издѣлія изъ стекла и камня, плетенныя издѣлія, жестяной товаръ, музыкальные инструменты, кружева, нюрнбергскія игрушки, перчатки и тысячи другихъ предметовъ красивыми рядами выставлены и вывѣшены на продажу. Купцы укрываются отъ солнца подъ огромными голубыми и красными зонтиками; дѣти въ изорванной одеждѣ и безъ шапокъ поправляютъ упряжь на собакахъ и кормятъ ихъ. Тутъ вы видите торговку яблоками, тамъ—угрями и тунцами; здѣсь походная кухня выбрасываетъ клубы пара, далѣе женщины за столомъ пьютъ пиво и закусываютъ сосисками. Среди мелочной торговли разными издѣліями васъ неволью поражаютъ разставленные гробы. Купецъ сзываетъ покупателей, выбивая палкой похоронный маршъ по пустому ящику. И иногда старикъ, сторговавъ гробъ, выкидываетъ талеры на прилавокъ и взваливаетъ его себѣ на плечи.

Огромная толпа людей постоянно движется отъ рынка къ площади Августа. И здѣсь цѣлый городъ изъ досокъ выстроился въ нѣсколько дней, по обѣимъ сторонамъ: направо, тянутся лавки евреевъ, сзади лавки стеклянныхъ, каменныхъ издѣлій и мелочнаго товара. Ихъ заманчивыя вывѣски съ надписями по два гроша за штуку выманиваютъ деньги у многихъ. Нѣсколько дальше торгуютъ однимъ изъ главныхъ предметовъ Августовскаго рынка — обувью. Въ этихъ длинныхъ рядахъ лавокъ нѣтъ ничего кромѣ сапогъ и башмаковъ.

Сегодня воскресенье, и потому отправимся въ бараки съ диковинками, находящіеся въ южной и въ юго-восточной части стараго Лейпцига, на Королевскую и

Конную площадь, которая болѣе всего оживлена въ такое время. Страшный шумъ оглушаетъ уже издали. Изъ звѣринцевъ раздаются голоса дикихъ звѣрей пустынь и первобытныхъ лѣсовъ. Диорамы, панорамы и косморамы переносятъ насъ во всѣ части свѣта, въ самыя красивыя горныя мѣстности, къ водопадамъ и знаменитымъ произведениямъ искусства. Восковыя куклы, подвижныя и неподвижныя, представляютъ сцены изъ всемірной и священной исторіи. Жадно смотритъ маленькій народъ на разставленныя всюду игрушки, на челоуѣчковъ изъ приниковъ, на фиги и другія сласти. Продавцы стараются размѣшнить публику своимъ краснорѣчіемъ и заставить ее разщедриться. Здѣсь вы можете не только насмотрѣться на разныя бездѣлушки, но и купить ихъ цѣлую кучу за сущіе пустяки. Въ одномъ мѣстѣ продаютъ ширмы, которыя можно перегибать въ безконечное число разъ, тамъ торговецъ убѣдительно доказываетъ выгоды американскаго пера и на пробу пишетъ то самымъ тонкимъ, то самымъ грубымъ почеркомъ; далѣе вы найдете всевозможныя средства для сохраненія здоровья и красоты, самыя разнообразныя мыла для вывода пятенъ и уничтоженія веснушекъ, цѣлый арсеналъ кореньевъ противъ зубной и головной боли, пластыри всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ для уничтоженія мозолей. Въ одномъ мѣстѣ вамъ предлагаютъ средства для сохраненія цвѣта лица, въ другомъ протягиваютъ баночку мази противъ ломоты и флюса. Одинъ старается привлечь ваше вниманіе однообразнымъ, заунывнымъ выкрикиваніемъ, другой пискливымъ голосомъ скороговоркой; тотъ выкрикиваетъ подъ звуки рѣжущей трубы, другой аккомпанируетъ свою устную рекламу инструментомъ для подражанія птичьимъ голосамъ, третій старается обратить вниманіе оригинальностью своего костюма. Тутъ фокусники показываютъ за деньги свои фокусы, а силачи и атлеты—свою силу и особенности своего тѣлосложенія. Тамъ и здѣсь карусели и трактиры. Всюду богемскія и другія арфистки, музыканты на разныхъ инструментахъ играютъ и поютъ. Всѣ фокусники, акробаты, атлеты, карлики, однимъ словомъ, всѣ гаеры, уроды и раріететы Германіи, а нерѣдко Австріи и Швейцаріи, всѣ странствующие музыканты, пѣвцы и пѣвицы направляются въ ярмарочное время въ Лейпцигъ и находятъ въ этомъ городѣ гостепріимный пріемъ и выгодное занятіе. Городское управленіе Лейпцига такъ заинтересовано хорошимъ расположеніемъ духа прибывшихъ гостей, что нанимаетъ всѣхъ явившихся музыкантовъ и посылаетъ ихъ играть въ обѣдненные часы въ дворянскія гостинницы и рестораны.

Въ ярмарочное время не мало барабовъ, лавокъ, трактировъ и лотковъ, гдѣ могутъ полакомиться какъ гастрономы, такъ и балованныя дѣти: пироги, магдебургская колбаса, рыба всевозможныхъ родовъ, конфеты, сласти удовлетворяютъ какому угодно вкусу. А кто ищетъ чего-нибудь особеннаго, тотъ можетъ закусить въ «настоящей турецкой гостинницѣ».

Голоса шумящей толпы, звонъ пивныхъ кружекъ и стакановъ, смѣхъ, шутки, брань, дикія зазыванія различными трубами, барабанами и трещетками, звуки всевозможныхъ инструментовъ и пѣсенъ, ревъ звѣрей въ звѣринцахъ, все это сливается въ одинъ общій адскій концертъ, который разносится далеко въ окрестностяхъ.

Однако прежде на ярмаркахъ можно было найти гораздо болѣе развлеченій, чѣмъ теперь, такъ какъ, сравнительно съ прежнимъ, значеніе ярмарокъ упало, а вмѣстѣ съ этимъ мало-по-малу исчезаетъ ихъ блескъ, уменьшается количество развлеченій. Особенно много являлось прежде на ярмарку разнообразныхъ музыкантовъ, которые бандами, отъ ранняго утра до поздняго вечера, ходили по улицамъ, часто длинными рядами, одни за другими, ихъ толпы смѣняли другъ друга, и дворы жителей ни на минуту не оставались безъ ихъ арій. Свой наибольшій блескъ лейпцигская ярмарка сохраняла до конца XVIII ст., благодаря двору, который всегда посѣщалъ въ такое время Лейпцигъ,

и примѣру его, разумѣется, слѣдовала большая часть знатнаго и богатаго саксонскаго дворянства.

Никакая торговля не связана такъ тѣсно съ именемъ Лейпцига, какъ книжная, по отношенію къ которой этотъ саксонскій городъ остается первымъ во всемъ мірѣ. Хотя Лейпцигъ центръ всей нѣмецкой книжной торговли, однако она простирается далеко за предѣлы Германіи и касается всѣхъ тѣхъ книжныхъ фирмъ, которыя, должны въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ, подчиняться условіямъ лейпцигскаго книжнаго рынка. Лейпцигское книжное дѣло подраздѣляется на три отрасли: издательское дѣло, книжная торговля и коммисіонерское дѣло. Издатель покупаетъ у автора его сочиненіе и издаетъ его; книгопродавецъ беретъ отъ него вышедшую книгу въ большемъ или меньшемъ количествѣ экземпляровъ. Посредникомъ между издателемъ и книгопродавцемъ является коммисіонеръ, и каждый нѣмецкій книгопродавецъ, въ какомъ бы городѣ онъ ни жилъ, непременно имѣетъ своего коммисіонера въ Лейпцигѣ. Коммисіонерское дѣло придаетъ германской книжной торговлѣ особенный характеръ. При посредствѣ коммисіонеровъ всѣ члены, принадлежащіе къ организаціи германской книжной торговли, входятъ между собою въ непосредственныя сношенія, и главное мѣсто этого коммисіонерскаго дѣла—опять-таки Лейпцигъ. Если вы, живя въ Берлинѣ, Дрезденѣ или въ какомъ нибудь другомъ городѣ, желаете приобрести какую нибудь книгу, изданную въ Мюнхенѣ, вы отправляетесь къ ближайшему книгопродавцу и заказываете ее у него; книгопродавецъ, съ своей стороны, не выписываетъ ее изъ Мюнхена, а посылаетъ заказъ къ своему коммисіонеру въ Лейпцигъ, который, обращается къ лейпцигскому коммисіонеру мюнхенскаго издателя.

Пасхальная ярмарка имѣетъ особенное значеніе для книгопродавцевъ. Въ прекрасномъ зданіи для книгопродавцевъ происходитъ тогда совѣтъ, на которомъ засѣдаютъ болѣе 300 германскихъ и иностранныхъ книгопродавцевъ и куда является до 2000 коммисіонеровъ разныхъ книгопродавческихъ фирмъ. Тутъ сводятъ счеты за весь годъ и производятъ уплаты по счетамъ. Въ 1877 г. сумма уплаты во время пасхальной ярмарки простиралась до 14.744,220 марокъ; но это составляетъ только часть всего оборота лейпцигской книжной торговли, такъ какъ книгопродавцы получаютъ столько же книгъ съ уплатой при расчетѣ, сколько и на наличныя деньги. Въ томъ же 1877-мъ г. такихъ оплаченныхъ пакетовъ было на сумму 13.396,404 марки. Благодаря личнымъ сношеніямъ и переговорамъ, тутъ регулируютъ всю нѣмецкую книжную торговлю, а чтобы коммисіонеры могли лучше узнавать другъ друга, у каждаго изъ нихъ написано на шляпѣ названіе фирмы. Значительные книгопродавцы всего свѣта сносятся съ Лейпцигомъ посредствомъ своихъ коммисіонеровъ, безъ участія которыхъ здѣсь не совершается ни одна торговая сдѣлка. Такимъ же образомъ поступаютъ и крупные издатели, живущіе внѣ Лейпцига. Книги, назначаемыя для разсылки, они отправляютъ въ одномъ тюкѣ своему лейпцигскому коммисіонеру вмѣстѣ съ приложеннымъ спискомъ. Коммисіонеръ разбиваетъ тюкъ на маленькія посылки и разсылаетъ ихъ, согласно указанію, куда слѣдуетъ, а другую часть раздаетъ коммисіонерамъ въ Лейпцигѣ и оставляетъ себѣ.

Лейпцигъ занимаетъ въ германской имперіи первое мѣсто не только въ книжной торговлѣ, но и по издательской дѣятельности. Этой дѣятельностью исключительно занимается почти половина всѣхъ лейпцигскихъ фирмъ, и весьма значительная часть издаваемыхъ въ Германіи книгъ приходится на долю Лейпцига. Въ 1877 г. въ Лейпцигѣ было издано 2,136 книгъ и 267 газетъ и періодическихъ изданій, въ Берлинѣ 2,054, во всей остальной Пруссіи 2,716. При томъ разнообразіи произведеній, которыя печатаются въ Лейпцигѣ, издательская дѣятельность здѣсь чрезвычайно разносторонняя: она

не только состоятъ въ наборѣ и печати различныхъ произведеній, но и въ приготовленіи самыхъ разнообразныхъ иллюстрацій и гравюръ на стали, мѣди или деревѣ, литографій, фотографій, въ гравированіи и печатаніи нотъ, географическихъ картъ и т. п. Шрифтъ отъ большого употребленія портится, и потому въ Лейпцигѣ много словолитенъ. Къ самымъ извѣстнымъ заведеніямъ принадлежитъ заведеніе Брокгауза, прославившееся многочисленными и разнообразными изданіями иллюстрированныхъ книгъ: въ его огромной типографіи работаетъ отъ 500 до 600 рабочихъ. Можно себѣ представить, сколько рабочихъ рукъ здѣсь занято только типографскою работою, такъ какъ въ Лейпцигѣ, кромѣ Брокгауза, можно назвать еще пять, шесть другихъ типографій, принадлежащихъ къ самымъ значительнымъ въ Германіи. Эти типографіи даютъ работу массѣ людей съ самыми разнообразными, специальными занятіями: наборщикамъ, рабочимъ словолитенъ, машинистамъ, граверамъ, художникамъ, корректорамъ, журналистамъ, литераторамъ, писцамъ, конторщикамъ, прикащикамъ, рассыльнымъ и др. Надъ иллюстраціями и украшеніями книгъ работаетъ 28 гравировальныхъ заведеній на мѣди и стали и 35 литографій; для вырѣзанія на деревѣ существуетъ 24 ксилографическихъ заведенія. При такой оживленной издательской дѣятельности необходимо и множество переплетныхъ и брошюровочныхъ мастерскихъ: ихъ насчитываютъ болѣе 100. Прежде большая часть книгъ, изданныхъ въ Лейпцигѣ и предназначенныхъ появиться въ свѣтъ въ блестящей одеждѣ, отправлялась въ Берлинъ; теперь для этого имъ не приходится путешествовать въ прусскую столицу, и свой нарядъ, еще болѣе пышный и изящный, онѣ получаютъ на родинѣ. Съ издательскою дѣятельностью тѣсно связана выдѣлка лучшихъ сортовъ бумаги и торговля ею, а также и производство машинъ. Различныя машинныя заведенія занимаются приготовленіемъ скоропечатныхъ машинъ для печатанія, литографированія, машинъ для отливки шрифта и переплетныхъ машинъ.

Фрише-Нерунгъ, Курише-Нерунгъ и Замландъ. — Оригинальныя дюны Куриша-Нерунга. — Характеръ и жилища рыбаковъ. — Ловля янтара. — Его значеніе прежде и теперь.

На берегу Балтійскаго моря, въ Пруссіи, есть длинное, узкое береговое возвышеніе, или песчаная коса, которая отдѣляетъ заливъ Фришъ-Гафъ отъ Балтійскаго моря и называется Фрише-Нерунгъ (Nehring — мѣстное названіе, которое примѣняется ко всѣмъ низменнымъ землямъ). Теперь на песчаной косѣ Фрише-Нерунгъ видны только песчаные бугры или дюны, но еще въ прошломъ столѣтіи эта узкая песчаная мѣстность была сплошь покрыта лѣсами, которые впослѣдствіи были вырублены. Вскорѣ послѣ этого песокъ, неудерживаемый больше корнями растений, началъ передвигаться по направленію къ заливу, поглотилъ на пути многія деревни и засыпалъ обработанныя поля. Эти несчастія заставили правительство снова насадить здѣсь сосны и тростникъ. Но и теперь чрезвычайно однообразный видъ представляется каждому съ высоты дюнъ Фрише-Нерунга: песокъ, вода и небо, — вотъ все, что видишь вокругъ! Здѣсь шумитъ волна на одинокомъ, голомъ берегу, тамъ вода скатываетъ свою грязь на ситникъ, которымъ поросли берега Фришъ-Гафа, далѣе горы песку... и такъ, куда ни обернешся.

Но самое оригинальное зрѣлище представляетъ цѣль дюнъ на западѣ отъ Куришъ-Гафа, которая на солнцѣ принимаетъ часто красноватый цвѣтъ, а въ тѣни облаковъ фіолетовый и сразу приковываетъ вниманіе каждаго. Дюны Курише-Нерунга въ Германіи вовсе неизвѣстны: рѣдко заѣзжаетъ посмотрѣть на нихъ путешественникъ, еще рѣже посѣщаетъ ихъ художникъ, а между тѣмъ ихъ можно отнести къ числу самыхъ замѣчательныхъ въ Европѣ. Никакія дюны не могутъ сравниться съ ними по странности очерта-

ній, своеобразному характеру, дикости и опасности. Дюны ютландскаго полуострова и шлезвигских острововъ только нѣсколько напоминаютъ ихъ. На Курише-Нерунгъ рядъ дюнъ, иногда прерываясь, иногда распадаясь на отдѣльныя горы, тянется на 90 километровъ извилистой чертой, между Балтійскимъ моремъ на западъ и Куришь-Гафомъ на востокъ. Этотъ песчаный хребетъ, шириною отъ 1 — 2 километровъ и высотой въ 40, а кое гдѣ возвышающійся и до 60 метровъ, напоминаетъ исполинскую волну: то онъ медленно поднимается со стороны Балтійскаго моря, то круто спускается къ Куришь-Гафу. Со стороны моря можно очень покойно ходить лѣтомъ у самаго подножія дюнъ, по песчаной, зеленоватой дорогѣ, которая всюду сопровождаетъ этотъ песчаный хребетъ. Лѣтомъ летучій песокъ дороги не опасенъ, такъ какъ верхній его слой ссыхается и образуетъ кору, какъ ледъ зимой; но весной и осенью песокъ дѣлается подвижнымъ, и тогда эта дорога чрезвычайно опасна: лошади и экипажи легко и глубоко погружаются въ этотъ «живой песокъ», и чѣмъ болѣе несчастныя животныя желаютъ высвободиться, тѣмъ глубже онѣ вязнутъ; при этомъ часто онѣ ломаютъ себѣ ноги. Если никто не подоспѣетъ на помощь и не вытащить лошадей, протянувъ поперекъ, подъ ихъ животами, крѣпкую веревку, — онѣ погибли. Поэтому здѣсь иногда можно видѣть скелетъ лошади или человѣка, или того и другаго вмѣстѣ.

Эти огромныя пространства подвижнаго песку со стороны Гафа встрѣчаются рѣже. За то здѣсь можно найти отдѣльныя мѣста, покрытыя «летучимъ пескомъ», которыя часто походятъ на бьющій ключъ, и въ такомъ песчаномъ водопадѣ песокъ держится въ воздухѣ и часто взлетаетъ на значительную высоту. Путешественникъ, нечаянно попавшій въ такое мѣсто, легко можетъ погибнуть. Здѣсь есть и другая опасность: не безъ ужаса идешь у подножія дюнъ вышиною въ 50 метровъ, песчаные склоны которыхъ поднимаются прямо надъ головой. Иногда масса песку отрывается, и тогда такая песчаная лавина падаетъ внизъ и засыпаетъ путешественника и все, что ей попадается на встрѣчу. Такимъ образомъ были однажды засыпаны 14 человѣкъ, которые возвращались съ ярмарки изъ Мемеля. Кто ѣдетъ по Нерунгу въ экипажѣ, тотъ отправляется или по широкой плоскости, гдѣ высокіе шесты или ивы указываютъ направленіе дороги, или прямо по берегу моря. Лошади идутъ тогда непосредственно по самой береговой линіи, такъ что одно колесо движется въ водѣ, другое по сушѣ. Въ бурную погоду нельзя совершить такое путешествіе безъ сильныхъ ощущеній. Пѣшеходу лучше всего выбрать гребень хребта дюнъ, гдѣ песокъ прочно улегся и гдѣ передъ взоромъ свободно разстилается даль во всѣ стороны. У его ногъ лежитъ безконечное море, а сзади широкий Гафъ простирается на 40 километровъ, справа и слѣва, вершина за вершиной, дюна за дюной. На протяженіи цѣлыхъ миль разбросаны внизу людскія селенія, защищенныя со стороны Гафа. По цѣлымъ часамъ идешь по этой высотѣ, точно отрѣшившись отъ всего живаго; только орелъ описываетъ въ высотѣ свои круги, и тысячи чаекъ вихремъ проносятся по Гафу. Но вотъ внизу, на болѣе низкой дюнѣ, предъ вашими глазами замелькали какіе-то шесты, доски и поломанные кресты... Вы осторожно спускаетесь съ высокаго хребта дюнъ, и предъ вами разстилается уединенное кладбище со всевозможными памятниками, которые люди поставили своимъ покойникамъ. Одни изъ этихъ памятниковъ съ нѣмецкими, другіе съ литовскими надписями, всѣ могилы — одна подлѣ другой; но буря часто уносила съ могилъ песокъ и отъ времени до времени вырывала даже гробы; не мало гробовъ, разбитыхъ въ мелкіе куски, черепа, кости и даже скелеты валяются по всему кладбищу. Въ сторонѣ отъ такого кладбища видишь иногда черепъ, наполненный пескомъ, который перекатывается вѣтромъ съ мѣста на мѣсто. У нѣкоторыхъ изъ нихъ на лбу образовалась зеленая полоса отъ бронзоваго украшенія, которое надѣвали покойнику, у другихъ костяныя челюсти рта покрыты зеленой краской отъ медной монеты: ее клали

повойнику въ ротъ для передачи перевозчику, который долженъ перевозить его черезъ рѣку въ страну тѣней. Кто ѣдетъ изъ Кранца въ Мемель на пароходѣ, тотъ видитъ только самыя общія черты картины, но, даже на разстояніи 4 километровъ, хребетъ дюнъ, простирающійся на цѣлыя мили въ длину, у подошвы котораго какъ бы теряются небольшие деревни, производитъ глубокое впечатлѣніе. У Роситена, стараго наноснаго острова, съ великолѣпными группами деревьевъ и полями пшеницы подлѣ цвѣтущихъ полей, поднимается черная гора, вышиною въ 55 метровъ, единственная дюна на этомъ островѣ. Такія отдѣльныя горы передвигаются на 8 и 10 метровъ. Если онѣ доходятъ до Гафа, то сначала образуютъ рогъ, а потомъ тонуть въ морѣ. Но и цѣлыя хребты дюнъ могутъ перемищаться и нерѣдко засыпаютъ церкви, цѣлыя деревни и цвѣтушія поля. Если странствующая дюна натывается на лѣсъ, она медленно засыпаетъ его стволы. Ивы и ольхи не погибаютъ отъ этого и продолжаютъ зеленѣть, а сосны и дубы умираютъ. Когда пойдешь по такой странствующей дюнѣ, то часто встрѣчаешь торчащіе изъ песку кусты, которые ничто иное, какъ засыпанные деревья. Теперь вся цѣпь дюнъ лишена всякой растительности; выростить ее снова — значитъ уничтожить ихъ опасность. Иногда засыпанные лѣса снова обнажаются, и вмѣстѣ съ этимъ выступаютъ могилы прежнихъ жителей, изъ которыхъ самыя древнія принадлежатъ каменному вѣку, а новыя христіанскому. Тутъ мы часто находимъ украшенія древнихъ и разные предметы; въ нѣкоторыхъ могилахъ находятъ даже урны съ прахомъ усопшихъ, каменные молоты и янтарныя бусы.

Берега Гафовъ Балтійскаго моря и полуострова Замланда (между двумя косами Фрише-Нерунгъ и Курише-Нерунгъ) съ незапамятныхъ временъ служатъ сборнымъ мѣстомъ для торговцевъ разныхъ странъ, пріѣзжающихъ сюда покупать янтарь. Замландъ, родина янтара, представляетъ плоскую возвышенность, медленно поднимаящуюся къ сѣверу и чрезвычайно живописно опускающуюся крутыми берегами къ морю. На высотѣ его на цѣлыя мили тянется великолѣпный лиственный лѣсъ, между который больше всего попадаетъ бѣлый букъ, липа и сосна. Въ этихъ лѣсахъ путешественникъ нагалькивается иногда на оленя или козулю. Но есть мѣстности по берегу моря, гдѣ лѣсъ совершенно исчезаетъ, и берегъ круто спускается въ фантастическихъ очертаніяхъ. Большая часть населенія Гафовъ Балтійскаго моря и береговъ полуострова Замланда — рыбаки и торговцы рыбою. Весь этотъ людъ живетъ въ своихъ домикахъ, покрытыхъ камышемъ. Ни въ одномъ изъ нихъ вы не найдете трубы: дымъ ложится темнымъ облакомъ надъ головами и медленно выходитъ чрезъ щели и чрезъ отверстіе въ крышѣ. Балки и потолокъ покрыты густымъ налетомъ сажи. Сѣти подлѣ дома, въ сторонѣ и въ самой избѣ краснорѣчиво говорятъ о главномъ занятіи жителей. Безъ рыбы нѣтъ ѣды: рыбу ѣдятъ съ утра до вечера, часто даже совершенно сырую, лишь только вылавливаютъ ее изъ воды. Не смотря на простоту жизни, здѣшній людъ отличается чистоплотностію, и его нельзя назвать ни грубымъ, ни неразвитымъ: большинство говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ. Ихъ природный языкъ латышскій, но въ церкви они поютъ по литовскимъ молитвенникамъ, а въ школѣ учатся по нѣмецки. Теперь уже цѣлыя деревни онемечились, другія — смѣшаннаго характера, но есть деревни, гдѣ исключительно говорятъ на латышскомъ языкѣ. Если судьба забрасываетъ къ нимъ иностранца, они объясняются съ нимъ самыми отборными нѣмецкими выраженіями, которыя они когда-то вычитали въ школѣ. Здѣшнее населеніе чрезвычайно набожно, какъ всѣ рыбаки вообще. Главное занятіе ихъ состоитъ въ ловлѣ камбалы, наваги, осетровъ, угрей, а также въ приготовленіи икры. Но самое любимое занятіе береговыхъ жителей, несмотря на всю его опасность, — ловля янтара. Прибалтійское побережье извѣстно уже издавна какъ главное мѣстонахожденіе янтара, а Замландъ въ пол-

номъ смыслѣ слова «страна янтара», такъ какъ до сихъ поръ остается важнѣйшимъ въ мірѣ пунктомъ находенія этого продукта погибшихъ лѣсовъ.

Янтарь былъ извѣстенъ еще до Рождества Христова и уже издавна чрезвычайно цѣнимъ всѣми народами, которые съ нимъ познакомились. Вслѣдствіе этого добываніе его, даже въ гораздо болѣе позднѣйшее время, обставлялось величайшими строгостями, даже жестокостями. Правительства, одно за другимъ, старались обратить добываніе янтара въ свою монополію и, чтобы удержать ее исключительно за собой, они, въ случаѣ нарушенія, угрожали строгими наказаніями, а нерѣдко и смертію. Въ XV вѣкѣ изданъ былъ приказъ вѣшать на первомъ деревѣ того, кто будетъ заниматься ловлею янтара, не имѣя на то права. И эта угроза была въ точности исполнена надъ всѣми, неподчинившимися приказанію. Чтобы уничтожить всякую возможность сбывать тайнымъ образомъ добытый янтарь, мастеровымъ, обрабатывающимъ его, не дозволяли селиться въ Пруссіи, и цехъ такихъ рабочихъ образовался въ Кенигсбергѣ гораздо позже. Къ нарушителямъ закона, который запрещалъ тайно добывать янтарь, и позже относились такъ же жестоко. Такъ въ XVI ст., вдоль береговъ Замланда, были построены висѣлицы, на которыхъ вѣшали всѣхъ, уличенныхъ въ тайномъ добываніи янтара. Денежными штрафами и изгнаніями даже изъ предѣловъ страны наказывали всѣхъ которые, принимали какое нибудь участіе въ сбытѣ янтара. За кражу самага крошечнаго кусочка наказывали восьмидневнымъ заключеніемъ на хлѣбъ и воду, а за утайку янтара около фунта — заключенію въ смиренномъ домѣ и наказанію кнутомъ.

Самый древній способъ добыванія янтара—тотъ самый, который практикуется и теперь. Какъ бы ни былъ легокъ янтарь самъ по себѣ, однако, когда море покойно, онъ лежитъ на его днѣ. Буря поднимаетъ не только волны, но вырываетъ водоросли, выбрасываетъ ихъ на берегъ, а вмѣстѣ съ ними и янтарь. И потому наиболѣе обильный сборъ можно ожидать только тогда, когда буря свирѣпствовала три дня сряду. Въ такое время всѣ жители, старые и молодые, бѣгутъ къ берегу моря, такъ какъ хорошая добыча янтара можетъ дать въ десять разъ больше самага счастливаго улова рыбы. Народъ собираетъ тогда янтарь на берегу или отправляется въ море. Нерѣдко его ищутъ на днѣ моря: въ такихъ случаяхъ одѣваютъ костюмъ водолаза. Помощники, находящіеся въ лодкѣ, постоянно накачиваютъ водолазамъ воздухъ. Но когда отправляются искать янтарь не на дно моря, а довольно далеко отъ берега, то одѣваютъ кожанную одежду на голову и на все тѣло и берутъ въ руки сѣть, прикрѣпленную къ палкѣ. Этими сѣтями вылавливаютъ большія скопленія водорослей, такъ какъ въ нихъ попадаютъ иногда и довольно значительные куски янтара. Искать янтарь во время бури, когда море сильно волнуется, чрезвычайно опасно. Морскія волны, того и смотри, захлещутъ рыбака или спибуютъ его съ ногъ; нерѣдко онъ схватываетъ горячку и умираетъ отъ простуды. Часто волны переливаются черезъ его голову и, кажется, вотъ-вотъ онъ уже пошелъ ко дну, но черезъ минуту онъ снова показывается на поверхности, въ другомъ мѣстѣ. Даже вчуже страшно наблюдать этихъ неустрашимыхъ ловцовъ. Они обладаютъ необыкновеннымъ мужествомъ, и ихъ хладнокровіе преодолеваетъ всѣ препятствія. Какъ только сѣть ловца наполняется камнями, раковинами, водорослями и морскими растеніями, онъ спѣшитъ на берегъ посмотреть, какая ему попалась добыча. Ловкимъ движеніемъ руки, чтобы не дать замѣтить окружающимъ, онъ прячетъ за пазуху большіе куски янтара, чтобы товарищи не видѣли его добычу, и возвращается на прежнее мѣсто, но уже окольными путями. Онъ старается не выдать, гдѣ нашелъ свое сокровище, потому что тогда всѣ бросились бы къ тому же мѣсту, и въ водѣ произошла-бы свалка. Желаніе скрыть отъ всѣхъ свою добычу происходитъ также и оттого, что каждый кусокъ янтара рыбака долженъ отдавать таможенному, который платитъ довольно низкую цѣну, а на сторонѣ онъ всегда можетъ про-

дать свою находку гораздо дороже. Если уловъ счастливъ, рыбакъ блаженствуетъ; иногда онъ зарабатываетъ отъ 20—30 талеровъ за одинъ разъ, но еще чаще самый тяжелый и упорный трудъ приноситъ ничтожное вознагражденіе.

При благоприятномъ вѣтрѣ янтарь приносится волнами Балтійскаго моря къ восточнымъ и западнымъ берегамъ Пруссіи, а также къ берегамъ Помераніи и Мекленбурга; но его добываютъ не только въ морѣ: его выкапываютъ также изъ земли, на большей или меньшей глубинѣ, иногда даже въ мѣстностяхъ, значительно удаленныхъ отъ моря. Для выкапыванія янтара выбираютъ гдѣ нибудь на берегахъ, которые здѣсь по большей части высоки, какое нибудь мѣсто и копаютъ его до тѣхъ поръ, пока не достигаютъ до янтарнаго слоя. Этотъ янтарный слой тянется на сѣверномъ берегу отъ востока къ западу и часто лежитъ ниже уровня моря, которое нерѣдко затопляетъ выкопанную яму и уничтожаетъ результаты всей работы. Сильные ключи, бьющіе въ такихъ ямахъ, тоже представляютъ трудно преодолимое препятствіе. Между тѣмъ иногда крестьяне начинаютъ рыть землю для другихъ цѣлей и находятъ порядочную глыбу янтара, и наоборотъ: часто долго роютъ во многихъ мѣстахъ и только даромъ затрачиваютъ трудъ. Янтарь выкапываютъ въ наносной почвѣ, какъ на горныхъ хребтахъ, такъ въ низменностяхъ и лугахъ; иногда онъ лежитъ очень глубоко въ землѣ, иногда на глубинѣ двухъ футовъ подъ поверхностію. Случается, что рыбаки вытаскиваютъ сѣтями куски янтара не только изъ моря, но даже изъ озеръ, рѣкъ, прудовъ и колодезь.

Янтарь, который греки за золотисто-желтый цвѣтъ называли «солнечнымъ камнемъ», а древніе германцы за его прозрачность — «стекломъ», теперь называютъ «горящимъ камнемъ», потому что онъ загорается на огнѣ. Это растительное вещество распространяетъ весьма пріятный запахъ; его очень легко точить и превращать въ самые разнообразные предметы и потому изъ него готовятъ всевозможныя украшенія.

Янтарь, какъ думаетъ громадное большинство ученыхъ, былъ прежде древесной смолой, которая подъ давленіемъ огромнаго слоя земли и вслѣдствіе происходящаго отъ этого давленія повышенія температуры и химическихъ процессовъ, вынесла множество измѣненій. Такъ какъ эта смола окаменѣла впоследствии, а прежде была въ жидкомъ видѣ, то до сихъ поръ нерѣдко находятъ куски янтара, внутри которыхъ видны мухи, муравьи, червячки, песчинки, мохъ, листики деревьевъ, капельки воды и т. п. Въ давно прошедшія времена, когда янтарь былъ въ жидкомъ видѣ, онъ покрылъ насѣкомыхъ, древесные листья и другіе предметы и заключилъ ихъ въ свою прозрачную темницу, въ которой они, не соприкасаясь съ воздухомъ, вполне сохранились. Во многихъ кускахъ видны мухи въ такомъ спокойномъ состояніи, какъ будто онѣ сидятъ на листикѣ. Такимъ образомъ янтарь имѣетъ огромную цѣну также и потому, что знакомитъ насъ съ растительными и животными формами далекаго прошлаго. То мнѣніе, что янтарь—смола, которая выступала изъ деревьевъ, теперь уже не существующихъ въ Пруссіи, подкрѣпляется открытіемъ большихъ пальмъ въ землѣ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились даже плоды въ скорлупахъ. Это даетъ возможность предполагать, что въ незапамятное время въ Пруссіи господствовалъ другой климатъ, Балтійское море было сушею и только послѣ геологическаго переворота суша превратилась въ море и жаркій климатъ смѣнился болѣе холоднымъ.

Точильщики янтара готовятъ изъ него самыя разнообразныя вещи и украшенія. Изъ большихъ кусковъ дѣлаютъ: шахматныя доски, чубуки, кресты, бокалы, флейты, посуду, браслеты, четки, ожерелья и множество самыхъ разнообразныхъ украшеній. Изъ небольшихъ кусковъ готовятъ пуговицы, мелкія янтарныя бусы и т. п.; кромѣ того его употребляютъ для куренья, особенно на востокѣ, и изъ него выдѣлываютъ хорошія лаки.

Теперь янтарь сильно подешевѣлъ, но и въ настоящее время большіе куски, отличающіеся особенной чистотой и которые напоминаютъ очень свѣтлый и очищенный медь или заключаютъ въ своей прозрачной массѣ листья исчезнувшихъ древесныхъ породъ цѣнятся очень дорого, часто наравнѣ съ жемчугомъ и драгоценными камнями. Но прежде его цѣнили еще выше, и янтарныя украшенія, какъ мы говорили, употреблялись въ самой глубокой древности. Его особенные качества — прекрасный запахъ, его способность горѣть, его электрическія свойства, чистый, прекрасный цвѣтъ, напоминающій луну, легкость, съ которой его можно превращать во всевозможные предметы, пріятно дѣйствующій на кожу холодъ его украшеній — сдѣлали его уже издавна предметомъ весьма цѣннымъ. Кромѣ всѣхъ этихъ достоинствъ, ему приписывали и цѣлебное свойство.

Янтарь въ настоящее время цѣнится различно: два крупныхъ куска средняго качества, оба вѣсомъ не менѣ фунта, стоятъ отъ 50 до 60 талеровъ за фунтъ, а два куска, въ которыхъ болѣе фунта вѣсу, цѣнятся уже гораздо дороже и считаются рѣдкими. Янтарь, на фунтъ котораго пойдетъ 6 и 7 кусковъ, можно купить за 28—30 талеровъ.

Найденный янтарь отдѣлываютъ весьма несложными инструментами: пилой, рѣзцомъ и долотомъ. Вслѣдствіе долготѣннаго опыта здѣсь существуетъ много чрезвычайно искусныхъ работниковъ, и въ ихъ отдѣлкѣ янтарныя украшенія цѣнятся довольно высоко. Тѣмъ не менѣ въ послѣднее время эти украшенія стали выходить изъ моды, и заработокъ точильщиковъ янтара сильно упалъ въ цѣнѣ. Прежде они были такими зажиточными людьми, что составляли даже особые цехи: многія ихъ работы, напр. зеркальныя рамы различной величины, рамы для картицъ, всевозможныя шкатулочки, разсылали къ знатнѣйшимъ дворянамъ. Теперь они чрезвычайно обѣднѣли, и многіе изъ нихъ лишь съ трудомъ могутъ снискивать себѣ пропитаніе.

Природа Финлянда и Дарса — Приморская жизнь въ Мекленбургѣ.

На разстояніи двухъ миль за Ростокѣмъ, самымъ важнымъ торговымъ городомъ Мекленбурга, начинается полуостровъ, длиною въ нѣсколько миль, а шириною отъ $\frac{1}{4}$ до 1 мили. Съ одной стороны этого полуострова тянется море, а съ другой — Рыбницкій заливъ, далеко вдающійся въ сушу. Этотъ полуостровъ на половину принадлежитъ Мекленбургу, на половину Пруссіи и на мекленбургской сторонѣ называется Финландомъ, а на прусской — Дарсомъ. Ни одна часть балтійскихъ береговъ Германіи не испытала на себѣ въ такой степени исполинской работы размыва, совершеннаго морскою пучиною, какъ Финландъ и островъ Рюгенъ, этотъ перлъ Балтійскаго моря съ его прихотливыми, фантастически зазубренными берегами. Финландъ — не особенно одаренная природою мѣстность: $\frac{1}{2}$ его состоитъ изъ песку и дюнь. Его пашни и луга далеко не вознаграждаютъ труда земледѣльца, и онъ сильно бѣдствовалъ бы въ этой мѣстности, если бы не имѣлъ другихъ промысловъ; при этомъ населеніе чувствуетъ крайній недостатокъ въ лѣсѣ и торфѣ. Тѣмъ не менѣ финландцы — народъ довольно зажиточный: одни изъ нихъ занимаются рыбною ловлею, другіе — мореплаваніемъ. Изъ Финлянда такъ же, какъ и изъ смежнаго прусскаго берега, набираются матросы, штурманы и капитаны, какъ для ростовскаго, такъ и вообще для всего балтійскаго торговаго флота. Между финландцами есть и кораблехозяева, и едва ли найдется семейство, въ которомъ ни одинъ членъ не служилъ бы въ морской службѣ. Три деревни Финлянда: Вустровъ, Диргагенъ и Денендорфъ славятся тѣмъ, что онѣ обладаютъ большимъ флотомъ, чѣмъ великій Кенігсбергъ. Въ Вустровѣ, который производитъ впечатлѣніе маленькаго го-

рода, существуетъ морская школа для всѣхъ, посвящающихъ себя мореплаванію, пользующаяся громкою извѣстностью.

Дарсъ рѣзко отличается отъ Фишланда. Мы уже знаемъ, что фишландцы терпятъ крайній недостатокъ въ лѣсѣ, тогда какъ $\frac{2}{3}$ Дарса покрыты лѣсомъ: соснами на болѣе высокіхъ и ольхами на болѣе низкіхъ мѣстахъ, но кромѣ нихъ здѣсь много березы и дубовъ, а изрѣдка попадаетъ и красный букъ. Въ обширныхъ и старыхъ лѣсахъ Дарса встрѣчаются олени и козули. Плодородныя мѣстности Дарса для хорошаго урожая требуютъ большой обработки, но за то, благодаря влажному морскому вѣтру; вознаграждаютъ трудъ необыкновеннымъ плодородіемъ. Но земледѣліе страдаетъ главнымъ образомъ оттого, что всѣ сельскія работы, какъ здѣсь, такъ и въ Фишландѣ, возлагаются на женщинъ, а мужчины постоянно на морѣ. Женщины однѣ не могутъ справиться со всѣми земледѣльческими работами, и многія изъ нихъ имъ не подъ силу. Однако, хотя здѣшніе жители владѣютъ маленькими клочками земли и ихъ хозяйство не всегда исправно, тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ жалованьемъ, получаемымъ за свою службу на морѣ, и доходомъ отъ рыболовства, которымъ здѣсь, какъ и въ Фишландѣ, многіе занимаются, — положеніе населенія было прежде довольно обезпеченное. Лишь въ самое послѣднее время, вслѣдствіе страшной морской бури, во многихъ семействахъ появилась нужда. Мы говоримъ о бурѣ, свирѣпствовавшей 11—13 ноября 1872 г., которая поразила бѣдствіями и смежныя мѣстности. Въ однихъ деревняхъ она сорвала цѣлыя моргены земли, въ другихъ засыпала ее пескомъ, повредила дюны и плотины. При этомъ море сильно поднялось, проникло въ лѣса, поля, пашни и дома. Луга были совершенно испорчены соленой водой, пашни засыпаны пескомъ, и жители спаслись только бѣгствомъ. Когда буря улеглась, передъ глазами жителей предстала печальная картина разрушенія: лодки были разбиты и унесены, зданія попорчены, скотъ въ огромномъ количествѣ утонулъ, и всѣ эти несчастія разразились не только на значительномъ протяженіи берега, но распространились далеко и внутрь страны. Благотворительность всей Германіи во время поспѣла съ помощію, но вознаградить всѣ убытки жителей оказалось невозможнымъ, и они долго будутъ испытывать ужасные результаты бури. Такъ какъ во многихъ мѣстахъ земля была занесена пескомъ и пропиталась соленой водой, то она сдѣлалась совѣмъ негодною для земледѣлія. На такой почвѣ теперь даже картофель едва растетъ. Но болѣе всего пострадали лѣса: во всѣхъ залитыхъ водою мѣстностяхъ сосны и ели вымерли или продолжаютъ вымирать, — остальные породы лѣса тоже сильно пострадали. Правительство принялось за огромныя сооруженія для защиты берега, за устройство плотинъ и укрѣпленіе дюнь. Всѣ прежнія сооруженія этого рода теперь наши недостаточными, и свою оплошность въ этомъ отношеніи правительство извиняетъ тѣмъ, что такое явленіе въ здѣшнихъ мѣстностяхъ до тѣхъ поръ было неслыханнымъ, хотя море и прежде отъ времени до времени наносило ущербъ берегамъ. Но возвратимся къ жителямъ.

Трудно представить, съ какою наслѣдственною страстью къ морю и къ морской жизни уже родятся прибрежные жители Мекленбурга и Помераніи, но этою чертою характера особенно отличаются фишландцы. Они годны только для морской службы и только въ ней отличаются. Едва мальчикъ оставляетъ школу, онъ уже со всею страстью начинаетъ порываться къ морю и мечтать о немъ, такъ какъ оно оставило въ немъ сильное впечатлѣніе уже съ первыхъ лѣтъ дѣтства, когда онъ, только научившись ходить, началъ развѣзжать въ легкомъ челнокѣ. Что-то непреодолимо страстное влечетъ къ морю каждаго фишландца, и онъ часто умираетъ съ тоски, если обстоятельства складываются такъ, что ему приходится навсегда остаться на сушѣ. Чтобы подмѣтить необыкновенную отвагу и опытъ, который выказываютъ фишландцы на морѣ, для этого

вовсе не нужно совершать съ ними длиннаго морскаго путешествія, такъ какъ эти качества они выказываютъ тотчасъ, лишь только вы пуститесь съ ними въ путь. Но посмотримъ на ихъ жизнь.

Вотъ разражается страшная буря, небо заволакивается мрачными, черными тучами, на морѣ, одна за другой, громоздятся высокія, черныя волны, гребни которыхъ покрыты бѣлой пѣной. «Датское судно сѣло на мель!» кричатъ фишландцы, выбѣгая изъ своихъ домовъ и бросаясь къ морю. Мужчины и женщины со всѣхъ ногъ бѣгутъ на дюну, не обращая вниманія на бурю, которая на встрѣчу имъ поднимаетъ столбы песку и слѣпить глаза. Дома остались только тѣ, которые лежатъ въ тяжелой болѣзни, младенцы и дряхлые старики. Въ какой восторгъ приходятъ 4—5-лѣтніе мальчики, когда родители дозволяютъ имъ вскочить вмѣстѣ съ ними въ лодку и отправиться на помощь. Если не достаетъ мужчинъ, отправляются женщины, которыя умѣютъ управлять рулемъ такъ же ловко, какъ и ихъ мужья; всѣ смѣло направляютъ свои слабые челноки по бушующимъ морскимъ волнамъ. Фишландцы всякій разъ съ величайшею радостью летятъ на помощь, ухаживаютъ за потерпѣвшими кораблекрушеніе, спасаютъ погибающихъ, часто не только съ рискомъ самимъ погибнуть спасая, но нерѣдко даже идутъ на вѣрную смерть. И это понятно: между фишландцами и приморскими жителями вообще нѣтъ почти ни одного семейства, члены котораго не потерпѣли-бы отъ кораблекрушенія или которые ежечасно не могли-бы ожидать для себя такой-же участи. Случается, что суровая зима покроетъ Балтійское море огромными, смерзшимися ледяными глыбами, которыя на огромныхъ пространствахъ образуютъ неподвижную сплошную поверхность, но въ то же время тамъ и здѣсь плаваютъ громадныя отдѣльныя льдины. Но ничто не можетъ остановить фишландцевъ: они и въ такое время бросаются въ море спасать своихъ ближнихъ. Къ довершенію ихъ страшно опаснаго предпріятія, вдругъ, въ минуту ихъ отправленія, подулъ пронзительный сѣверный вѣтеръ, и темныя тучи предвѣщаютъ страшный снѣжный ураганъ. Но они уже видятъ вдали судно, замерзшее во льду, на которомъ замѣтили ихъ приближеніе и сигналами стараются дать знать, что у несчастныхъ, затертыхъ льдами, вышелъ весь провіантъ. Въ суровыя зимы случается, что корабли попадаютъ между ледяными глыбами и, сдавленные съ нѣсколькихъ сторонъ, носятся вмѣстѣ съ ними по морю, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, пока онѣ не оттаятъ или какими-нибудь собственными усиліями не отдѣлятся отъ общей массы. Часто послѣ полнаго отчаянія, избавившись отъ грозившей опасности, дѣлаютъ нѣсколько миль впередъ, но опять сразу останавливаются на мѣстѣ, затертые льдами. Тогда экипажу такого корабля приходится переносить безконечныя мученія: замерзшіе канаты рѣжутъ руки матросамъ, мало-по-малу начинаетъ выходить провіантъ и топливо и, если не подоспѣтъ кто-нибудь и къ нимъ на выручку, всѣ погибаютъ отъ голода и холода.

Фишландцы отправляются на помощь погибающимъ, положивъ въ лодку мѣшокъ съ углемъ, поставивъ въ нее корзину съ мясомъ, виномъ и хлѣбомъ; при этомъ у каждаго изъ нихъ одѣты непромокаемые сапоги съ каблукми, обитыми желѣзомъ, которые мѣшаютъ поскользнуться. Часто льдина, съ страшною силой толкнувшись о лодку, переворачиваетъ ее вверхъ дномъ, или глыбы съ двухъ сторонъ сжимаютъ ее между собой, какъ клещами, такъ что имъ предстоитъ такая-же участь, какъ и погибающимъ на кораблѣ; иногда поперечныя льдины, нагромоздившіяся другъ на друга, мѣшаютъ имъ близко подѣхать къ глыбамъ, которыя въ своихъ объятіяхъ держатъ корабль. Тогда они, съ опасностію сломать себѣ шею или попасть въ трещину и утонуть, перепрыгиваютъ съ одной глыбы на другую. Если глыбы лежатъ далеко одна отъ другой, они кладутъ доски, которыми тоже запасаются, и перебираются такимъ образомъ. Часто послѣ нѣсколькихъ часовъ самой утомительной и опасной ходьбы они достигаютъ ко-

*

рабля и подаютъ первую помощь. При этомъ за припасы, которые они приносятъ съ собою, они берутъ только то, что имъ самимъ это стоило, и считаютъ страшнымъ преступленіемъ получить тутъ какую-либо прибыль, помогаютъ матросамъ сдѣлать нужныя въ кораблѣ поправки и затѣмъ довольные и счастливые возвращаются домой. Часто ихъ застигаетъ въ дорогѣ снѣжный ураганъ, застилающій всю окрестность мракомъ, и это въ значительной степени увеличиваетъ опасность. Послѣ такой снѣжной метели они могутъ найти дорогу только посредствомъ своего карманнаго компаса. Иногда случается, что, пока они находятся на кораблѣ, ледъ отрывается отъ берега и имъ нѣсколько дней сряду приходится странствовать по морю съ кораблемъ, пассажировъ котораго они пришли спасать; нерѣдко они сами замерзаютъ или умираютъ съ голоду и холоду съ обитателями судна. Но все это не можетъ помѣшать фишландцамъ помогать кораблямъ, находящимся въ опасности, если только есть какая-нибудь возможность добраться до нихъ.

Обыкновенно большая часть кораблей Балтійскаго моря, которые не отправляются въ очень далекія путешествія, возвращаются на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ на мѣсто, и тогда матросовъ отпускаютъ на родину, лишь-бы въ это время имъ не платить жалованья. Въ концѣ октября и въ ноябрѣ въ ростокскую гавань ежедневно приходитъ по 20 и 30 кораблей, и матросами на нихъ служатъ много природныхъ фишландцевъ. Съ кораблей тотчасъ снимаютъ снасти и ставятъ ихъ на якорь. Тогда фишландскія деревни замѣтно оживляются, что представляетъ рѣзкій контрастъ съ спокойствіемъ и тишиною въ лѣтнее время. Большая часть этихъ кораблей отправляется только въ мартѣ, когда въ приморскихъ мѣстностяхъ снова закипаетъ жизнь, потому что въ ростокской гавани сразу приходится оснастить и нагрузить хлѣбомъ и балластомъ 40—50 кораблей, что даетъ какъ фишландцамъ, такъ и другимъ приморскимъ жителямъ возможность заработка. Чѣмъ ближе время отъѣзда корабля, тѣмъ болѣе движется къ Ростку длинныхъ обозовъ, запряженныхъ маленькими лошадами, въ сопровожденіи нѣсколькихъ матросовъ. На этихъ возахъ везутъ сундуки и имущество матросовъ, по улицамъ съ пѣснями расхаживаютъ цѣлые экипажи кораблей съ штурманомъ во главѣ, которые возвращаются изъ ратуши, гдѣ дѣлали имъ переключку и записывали ихъ имена. Матросу все равно, куда отправится корабль: въ Константинополь или Рио-де-Жанейро, придется-ли ему служить на суднѣ, отправляющемся въ Гренландію или драться у Шпицбергена съ моржами и бѣлыми медвѣдями; онъ никогда не претендуетъ на то, куда его посылаютъ, лишь-бы только скорѣе отправиться въ море и получить побольше жалованья, которое лишь иногда превышаетъ 12 талеровъ въ мѣсяць. Большая часть ростокскихъ кораблей отправляется въ Ригу, Антверпенъ, Амстердамъ, въ Сѣверный ледовитый океанъ, въ Константинополь, въ Одессу, Александрію, но рѣже въ Америку, Бразилію и Вестъ-Индію. Часто случается, что корабль возвращается на родину только черезъ 4—5 лѣтъ. И маленькій мальчикъ, котораго мать носила еще на рукахъ груднымъ младенцемъ, когда отецъ отправлялся въ плаваніе, теперь бойко выскакиваетъ ему на встрѣчу, выслушиваетъ его интересные разсказы о путешествіи и уже съ раннихъ лѣтъ проникается страстью къ нимъ.

БАВАРИЯ.

Мюнхенъ.— Мѣстоположеніе баварской столицы.— Мюнхенскія пивоварни и пивовары.— Значеніе пива для баварца.— Пивная революція и ея причины.— Королевская пивоварня.— Искусство въ Мюнхенѣ.— Площадь Макс и Юсефа.— Одеонъ.— Дворецъ короля Максимилиана.— Библіотека.— Пропилей.— Пинакотека.— Глип-
тотека.

Столица Баваріи, Мюнхенъ — одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Европы. Онъ приобрѣлъ громкую, историческую извѣстность своими храмами, картинными галереями, музеями статуй и университетомъ, такъ что уже издавна по истинѣ оправдываетъ свое притязаніе на названіе нѣмецкихъ Афинъ. Мюнхенъ не только святилище Аполлона и музъ, но онъ столько же прославился и своимъ пивомъ. Мы уже знаемъ, что страсть къ пиву и умѣнье готовить его несравненно лучше другихъ народовъ принадлежатъ къ древне-нѣмецкимъ добродѣтелямъ. Германцы даже своихъ боговъ и героевъ не могли представить иначе, какъ за кружкой пива. Изъ всѣхъ странъ Германіи первенство приготовления пива безспорно принадлежитъ Баваріи и поклоненіе баварцевъ Гамбринусу — Богу пива — началось уже очень давно. Мюнхенъ — глава всѣхъ пивныхъ городовъ и въ полномъ смыслѣ слова столица бога Гамбринуса. Ни въ одной мѣстности, даже въ Германіи, употребленіе этого національнаго напитка не доходитъ до такой страсти и до такихъ размѣровъ, какъ въ Баваріи. Общественные и семейные праздники, увеселенія, радость, печаль, доброе и грустное извѣстіе, начало и конецъ cadaго предпріятія, самое ничтожное событіе, какъ въ сферѣ общественной, такъ и семейной, — баварецъ неизмѣнно встрѣчаетъ за кружкой пива. Баварскія крестьянки имѣютъ обычай даже грудныхъ дѣтей поить пивомъ. Всѣ разговоры, всѣ интересы прежде всего вертятся около пива. Въ ту минуту, когда баварецъ пьетъ пиво, онъ уже непременно говоритъ о немъ. Мрачный, тяжелый, нелюдимый характеръ баварца въ значительной степени объясняется излишнимъ потребленіемъ пива. Но ему, а въ особенности жителю Мюнхена, необходимъ этотъ возбуждающій напитокъ. Мюнхенъ расположенъ около середины течения Изара, подземные притоки котораго дѣлаютъ почву крайне сырою. Вслѣдствіе этого окрестности баварской столицы покрыты огромными болотами. Мюнхенъ стоитъ среди высокаго, бесплоднаго и унылаго плоскогорія, гдѣ вѣтры, непогоды и рѣзкія перемѣны температуры даютъ себя сильно чувствовать. Лѣто здѣсь сумрачно, а зима такъ же сурова, какъ и на крайнемъ сѣверѣ. Все это, вмѣстѣ съ природною склонностію къ пиву, заставляеть мюнхенцевъ часто прибѣгать къ любимому напитку. Трудно представить, до какой страсти доходитъ у баварца любовь къ пиву. Въ своей родине его очень скоро одолеваетъ смертельная тоска, которая мало-по-малу, какъ червь, подтачиваетъ его, до тѣхъ поръ необыкновенно крѣпкій, организмъ. Съ этой смертельной тоской ему болѣе всего приходится бороться въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ пива или оно дурнаго качества. На пиво и на громадное употребленіе его баварцами существуетъ множество поговорокъ и пословицъ. Нѣмцы говорятъ о баварцѣ, что «онъ Bierfass (бочка для пива), когда встаетъ, и Fassbier (бочка пива), когда ложится». Многимъ бѣднякамъ пиво въ Баваріи замѣняетъ супъ и хлѣбъ, и когда цѣна на него хотя нѣсколько повышается, въ странѣ вспыхиваетъ «Bierkrawal» — пивная революція. Своимъ бурнымъ, всеразрушающимъ потокомъ она быстро заливаеть страну и тогда, когда появляется пиво плохаго качества. Въ 1844 году, въ Мюнхенѣ, народъ перебилъ стекла королевскаго дворца и огромными толпами съ угрозами и криками расхаживалъ по улицамъ потому, что пиво вздорожало на крейцеръ. Пришлось нѣсколько разъ пустить кавалерію въ атаку и стрѣлять по коро-

левской пивоварнѣ. Возрожденіе пива на крейцеръ имѣеть огромное значеніе для мюнхенца, употребляющаго ежедневно отъ 6—7 литровъ этого напитка. 7 крейцеровъ въ день составляетъ 49 крейцеровъ въ недѣлю, а это для рабочаго не шутка! Поэтому каждый разъ, когда газеты заговариваютъ объ имперскомъ акцизѣ на пиво, вся Баварія приходитъ въ волненіе, что весьма натурально, такъ какъ и безъ того уже существуетъ королевскій акцизъ, который достаточно поднимаетъ въ цѣнѣ этотъ національный напитокъ. Въ 70-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Баваріи считалось болѣе 5,400 пивоваренныхъ заводовъ; въ одномъ Мюнхенѣ въ 1875 году было 20 пивоваренъ. Почти всѣ мюнхенскіе пивовары—милліонеры. Пиво здѣсь нѣсколькихъ сортовъ: Salvatorbier, Pockbier, Weissbier, Winterbier, каждое изъ нихъ выходитъ въ продажу въ опредѣленное время. Еще за мѣсяць впередъ, во всѣхъ мюнхенскихъ газетахъ объявляютъ о томъ, когда тотъ или другой сортъ пива поступитъ въ продажу. «Сосна при входѣ въ пивоварню указываетъ на то, что въ ней есть Bockbier — черное, густое, сиропобразное пиво. Двухъ кружекъ его совершенно достаточно для полнаго опьяненія новичка. вмѣстѣ съ этимъ пивомъ ѣдятъ такъ называемые Bockwurste, т. е. телячьи сосиски съ большимъ количествомъ приностей. Bockbier пьютъ только весною и подаютъ въ особой посудѣ съ оловянною крышкою, украшенною фигурою козленка, бросающагося внизъ съ опущенной головою. При открытіи сезона, въ пивныхъ, гдѣ продаютъ это пиво, устраиваютъ настоящій праздникъ. Странствующие скрипачи, взобравшись на бочки, изо всей силы играютъ Bockwalzer. Вскорѣ мужчины и женщины принимаютъ участіе въ круговой вакхической пляскѣ, издавая особый крикъ. Прежде по мюнхенскимъ улицамъ водили козла, увѣшаннаго лентами; студенты, ведшіе его, говорили толпѣ юмористическія рѣчи и потомъ съѣдали его. Salvatorbier пьютъ за двѣ недѣли до бокбира. Мюнхенскій голова отправляется верхомъ выпить первый стаканъ салваторскаго пива. Въ послѣдній день, за нѣсколько часовъ до того, какъ будетъ выпита послѣдняя кружка этого пива, являются толпы музыкантовъ съ арфами, скрипками и кларнетами, они играютъ Salvatorwalzer, присутствующіе пляшутъ вальсъ, неистово припѣвая пѣсню, которую можно перевести такъ: здравствуйте, г-нъ Фишеръ... теперь пора домой. Пора домой о горе, о несчастьи и т. д.

Мюнхенъ привлекаетъ иностранца исключительно своими памятниками искусства. Эти нѣмецкія Аены чрезвычайно скучный городъ, и онъ поражаетъ не только отсутствіемъ общественной жизни, но даже какого бы то ни было уличнаго движенія. Если вы изрѣдка и встрѣчаете здѣсь экипажъ, то онъ медленно катится по обширнымъ улицамъ и площадямъ. Уличную жизнь и движеніе замѣняютъ здѣсь пивоваренныя телѣги, постоянно снующія взадъ и впередъ. Вся общественная жизнь Мюнхена сосредоточивается въ пивоварняхъ и биргалляхъ, гдѣ продаютъ пиво. Громадныя залы мюнхенскихъ пивоваренъ едва могутъ вмѣстить собирающуюся въ нихъ по вечерамъ огромную толпу народа. Въ пивныхъ садахъ и харчевняхъ, особенно въ праздничные дни, несравненно больше народу, чѣмъ въ красивыхъ аллеяхъ англійскаго сада, раскинутаго вдоль Изара, къ сѣверу отъ города и въ тѣни аллея Нимфенбурга, этого баварскаго Версаля. На внѣшній блескъ, комфортъ и изящество своихъ пивныхъ баварцы не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія: они хлопчутъ только объ одномъ, чтобы пиво было хорошаго качества и не поднималось въ цѣнѣ, а гдѣ, въ чемъ, при какой обстановкѣ его пить—имъ рѣшительно все равно. Чтобы вполне понять, какъ первобытны въ этомъ отношеніи понятія баварца о комфортѣ, войдемъ въ Королевскую пивоварню—старинное учрежденіе, самое популярное и болѣе другихъ посѣщаемое всѣми классами мюнхенскаго общества. Зданіе его весьма не казисто, какъ внутри, такъ и снаружи. Вы входите черезъ простой сводъ на дворъ, гдѣ васъ тотчасъ обдастъ со всѣхъ сторонъ самая отвратительная ат-

мосфера. Теперь лето. Здесь, на деревянных скамейках без спинок и залитых липкою жидкостью, вокруг опрокинутых бочек, которые замѣняютъ столы и стулья, собралось самое пестрое общество. Въ этой пивной нѣтъ ни мальчиковъ, ни Bierm:msel, т. е. ни дѣвухекъ, разносящихъ пиво, какъ это обыкновенно встрѣчаешь въ другихъ нѣмецкихъ пивныхъ: въ Королевской пивной всякій долженъ прислуживать самъ себѣ. Когда-бы вы ни вошли въ эту пивную, вы никогда не найдете свободной кружки, и вамъ прежде всего приходится добыть ее. А это довольно сложная задача: лучше всего стать сзади пьющаго и ни одну минуту не упускать его изъ виду: лишь только онъ, награвшись, задремлетъ или соберется уходить, нужно не зѣбая, хватать его кружку. Затѣмъ вы сами должны идти къ фонтану, сполоснуть ее и только послѣ этой операциіи можете пробраться къ боченку. Еще хуже бываетъ зимою, потому что о комнатахъ, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, тутъ не можетъ быть и рѣчи. Правда, въ этой пивоварнѣ существуютъ помѣщенія, но онѣ устроены въ погребѣ, сыры, холодны, мрачны, постоянно наполнены дымомъ и паромъ; стѣны украшены табачною копотью, пыль сметается сапогами и локтями посѣтителей; столы, стулья, посуда и вся обстановка такового же первобытнаго характера, какъ и во дворѣ. Черезъ закоптѣлыя стекла оконъ съ трудомъ проникають солнечные лучи. Когда глазъ мало-по-малу привыкнетъ къ господствующему полумраку, онъ начинаетъ замѣчать на стѣнахъ рисунки углемъ и мѣломъ: не даромъ художники—завсегдатаи этого заведенія. Недостатокъ кружекъ такъ же чувствителенъ и зимою. Когда, наконецъ, удастся добыть пустую кружку, посѣтитель отправляется къ колодцу, вымываетъ ее, затѣмъ уже, приготовивъ деньги, идетъ заказать себѣ порцію пива. Если посѣтитель не замѣтилъ № своей кружки или забылъ отвѣтить громко «здѣсь», когда половой выкрикнулъ его №, то его деньги и кружка пропали. Послѣ этого нужно еще отыскать мѣсто, гдѣ можно спокойно насладиться своей добычей. Но это дѣло не легкое, потому что всѣ столы уже заняты. Здѣсь сидятъ зажиточные бюргеры, тамъ военные, далѣе дородные пасторы, подлѣ нихъ красивыя дѣвушки изъ горъ. Въ одномъ углу чиновникъ о чемъ-то горячо споритъ съ офицеромъ, въ другомъ поденщикъ балагуритъ съ молодежи; здѣсь художникъ въ бархатной курткѣ разсматриваетъ тетрадь съ эскизами, тамъ кавалеристъ въ синемъ мундирѣ побрякиваетъ шпорами. Между посѣтителями проталкивается продавщица, которая, смотря по времени года, предлагаетъ то рѣдку, то орѣхи. Многіе изъ посѣтителей предпочитаютъ принести сюда изъ дому закуску: сыръ, ветчину, хлѣбъ и запиваютъ ее пивомъ. Бумагу, въ которой все это было завернуто, безъ церемоніи бросаютъ подъ столъ.

Производство пива въ Баваріи увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ теченіе 1875 г. въ Мюнхенѣ было произведено 1.229,424 гектолитра (въ гектолитрѣ 100 литровъ), около $\frac{1}{10}$ части всего количества пива, приготовленнаго въ тотъ же самый годъ во всей Баваріи.

Король Лудвигъ I и его сынъ Максимилианъ настроили въ своей резиденціи зданія всѣхъ стилей и такимъ образомъ обратили Мюнхенъ въ обширный архитектурный музей. Даже въ первый разъ проѣзжая по городу, думаешь, что попалъ на огромную архитектурную выставку. «Улица Вейнштрассе, начинающаяся на сѣверной сторонѣ площади Св. Маріи, приводитъ къ площади Макса-Иосифа, которая замыкается съ одной стороны почтамтомъ, а съ другой королевскимъ дворцомъ и театромъ. Здѣсь начинается новый городъ, такъ какъ Мюнхенъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна, оставшаяся позади насъ, есть городъ нѣмецкій и готическій, а другая, находящаяся передъ нами, представляетъ собою музей археологическихъ снимковъ и цѣлый рядъ фантазій, воплощенныхъ въ каменные изваянія. Здѣсь оканчивается Германія и начинается въ одно и тоже время Греція, Италія, Египетъ. Вотъ нѣчто въ родѣ дворца, украшеннаго пор-

тикомъ съ тосканскими колоннами. Что это? Жилище принца или посланника? Нѣтъ, это—почтамтъ. Подъ этимъ портикомъ красивыя фрески въ помпеевскомъ вкусѣ изображаютъ группу побѣдителей; неизвѣстная рука возложила на голову нѣкоторыхъ изъ нихъ прусскую каску.

На площади, на заднемъ ея планѣ, королевскій и народный театръ развертываетъ свой коринфскій перистиль съ фреской, изображающей Аполлона среди музъ... Оставляя площадь Макса-Иосифа и пройдя мимо старинной резиденціи, мы достигнемъ Одеонской площади, самой красивой въ Мюнхенѣ. Одеонъ—не театръ; это обширное зданіе, залы котораго, богато декорированныя фресками Каульбаха и Эберля, служатъ для концертовъ, общественныхъ баловъ и маскарадовъ. Одеонская площадь украшена вонною статуею Лудвига I, сопровождаемаго пажемъ и окруженнаго аллегорическими фигурами Религіи, Поэзіи, Искусства и Промышленности. Покидая эту площадь, мы оставимъ позади себя дворецъ принца Леопольда и дворецъ покойнаго короля Максимилиана. Это послѣднее зданіе — настоящее архитектурное попури. Три этажа его представляютъ образцы дорической, іонической и коринфской архитектуръ. Внутренность декорирована во вкусѣ Помпей.

Въ Мюнхенѣ существуютъ весьма богатая коллекція: старая Пинакотекка, послѣ дрезденскаго музея, — самая богатая картинная галлерей Германіи. Въ ней представлены всѣ школы: изъ великихъ произведеній особенное вниманіе заслуживаютъ картины Рубенса и произведенія Альберта Дюрера. Новая пинакотекка снаружи испещрена фресками Каульбаха и содержитъ произведенія преимущественно новой живописи. Въ глиптотекѣ 12 залъ: египетское зало, зало первопечатныхъ книгъ, залы различныхъ боговъ и героевъ и т. п.; въ ней множество литыхъ статуй, гипсовыхъ работъ, мраморныя статуя и знаменитые барельефы Эгинскаго храма.

Размѣры нашего очерка не даютъ намъ возможности говорить о множествѣ другихъ памятниковъ искусства. Скажемъ только, что большая часть аллей и площадей украшены бронзовыми и мраморными памятниками; изъ нихъ нѣкоторые удивительно большихъ размѣровъ. «Колоссальная статуя «Баварія», возвышающаяся на Терезиномъ лугу, держитъ въ поднятой рукѣ корону; она имѣетъ въ вышину 66 ф. Въ ея ноздряхъ, украшенныхъ бронзовыми канале, могутъ усесться 6 человекъ. Поднимаясь на стацию, вы услышите разговоры такого рода: «Мина, гдѣ ты?» — «Я жду тебя въ мизинцѣ г-жи Баваріи». Объявленія мюнхенскихъ газетъ говорятъ иностранцу, что туземцы назначаютъ свиданіе въ лѣвомъ или правомъ ухѣ колоссальной женщины».

Народная жизнь въ Мюнхенѣ: праздники мясниковъ, пляска бочаровъ и октябрскіе праздники.

Въ нравахъ и жизни мюнхенскаго простонародья сохранилось много національных обычаевъ, которыхъ они строго придерживаются. До сихъ поръ мюнхенцы твердо сохраняютъ національные черты и обычаи, что такъ поражаетъ въ большомъ городѣ. Отчасти это происходитъ оттого, что Мюнхенъ не лежитъ на перекресткѣ большихъ промышленныхъ дорогъ, гдѣ, вслѣдствіе стеченія иностранцевъ и столкновенія различныхъ элементовъ и интересовъ, часто теряются типичныя черты мѣстнаго характера; отчасти это происходитъ потому, что Мюнхенъ со всѣмъ бассейномъ Изара лежитъ на территории одноплеменнаго населенія, подвергавшагося въ теченіи многихъ вѣковъ однородному историческому развитію и вліянію. Мюнхенцы упрямы и флегматичны, что происходитъ, вѣроятно, отъ излишняго употребленія пива. Самая выдающаяся черта ихъ характера—привязанность къ своей династіи, которая заставляетъ ихъ принимать горячее участіе

во всѣхъ событіяхъ при дворѣ и въ семействѣ короля. Привязанность ко всему старому у католиковъ (а ихъ около девяти десятыхъ всего населенія, такъ какъ на 190,000 жителей только 20,000 протестантовъ) доходитъ до суевѣрія, къ которому примѣшиваются нерѣдко древне-языческія преданія. Въ Мюнхенѣ сохранилось до настоящаго времени два древнихъ народныхъ обычая: праздникъ мясниковъ и бочаровъ. Предполагають, что тотъ и другой обычай возникъ еще въ XIII столѣтіи, когда Мюнхенъ опустошала чума, которая съ страшною силою повторялась до XVIII столѣтія. Въ одинъ изъ такихъ бѣдственныхъ для народа годовъ чума положила конецъ всякому развлеченію: никто не осмѣливался выходить на улицу, даже церкви остались пустыми. Въ то время какъ оставшіеся въ живыхъ сидѣли съ блѣдными лицами за полузакрытыми ставнями оконъ, вдругъ однажды раздались звуки музыки и свирѣли,—это были бочары, которые съ пляскою ходили по улицамъ, надѣвъ на себя оббитые зеленою обручи, чтобы заставить жителей выйти изъ душныхъ домовъ. Мясники пошли въ этомъ отношеніи еще дальше: переодѣвшись въ шкуры телятъ и овецъ, они, въ знакъ того, что опасность миновала, стали скакать въ прудъ, устроенный для рыбы, съ хохотомъ и шутками обливали водой стоящихъ на берегу. Цѣль была достигнута: народъ выбѣжалъ изъ домовъ и присоединился къ веселящимся. То и другое событіе празднуютъ до сихъ поръ.

Въ понедѣльникъ масляницы, въ 9 часовъ утра, всѣ мясники въ городѣ собираются въ гостинницѣ, каждый съ букетомъ цвѣтовъ въ рукѣ и въ праздничномъ платьѣ, т. е. въ синемъ плащѣ, который служитъ издавна праздничной одеждою въ Баваріи. Ихъ дѣти—въ короткихъ плисовыхъ панталонахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ пряжками, въ красныхъ курткахъ, такихъ-же жилетахъ и въ зеленыхъ шляпахъ съ лентами и цвѣтами. У каждаго изъ нихъ на боку прикрѣпленъ точильный камень. Имъ подводятъ лошадей, грива и хвостъ которыхъ украшены цвѣтами и лентами, въ старинныхъ, обитыхъ серебромъ и бархатомъ сѣдлахъ. Сѣдла для этого случая берутъ изъ королевскихъ конюшенъ. На такихъ-же лошадяхъ садятся подмастерья, которые въ этотъ день будутъ произведены мастерами; они тоже одѣты въ красную куртку, изъ подъ которой виситъ ослѣпительно бѣлый передникъ, и точильный камень на боку. Вся эта процессія медленно выступаетъ по улицамъ съ музыкой, подъ предводительствомъ «гохцейтора», т. е. ученика, котораго выбираютъ уже за 14 дней до торжества: онъ держитъ въ рукахъ большую оловянную кружку и бокаль, одѣтъ въ старомодную красную куртку, вышитую серебромъ. На головѣ у него треугольная шляпа, а на боку шпага. Кружка украшена цвѣтами, лентами, золотыми и серебряными кисточками. Бокаль—серебряный вызолоченный съ изображеніемъ мясника, который одной ногой стоитъ на одномъ баранѣ, другой—на другомъ и топоромъ убиваетъ вола. Процессія направляется прежде всего въ церковь Св. Петра, а послѣ обѣдни—въ королевскую резиденцію, чтобы привѣтствовать короля и его семейство. Оттуда всѣ идутъ къ Маріенплацу, въ центрѣ котораго находится бассейнъ, извѣстный подъ именемъ «фонтана рыбъ». Когда достигаютъ бассейна, ученики исчезаютъ на нѣсколько минутъ, чтобы переодѣться въ бѣлое платье для предстоящаго крещенія въ подмастерья. Затѣмъ, со старшимъ подмастерьемъ впереди, они подходятъ къ бассейну, съ ногъ до головы одѣтые въ бѣлыя платья, украшенные сотнями телячьихъ хвостовъ. Когда ктонибудь изъ нихъ повертывается или дѣлаетъ быстрое движеніе, хвосты болтаются изъ стороны въ сторону. Между ними всегда найдется такой специалистъ, который особенно оригинально умѣетъ заставить шевелиться на себѣ хвосты, такъ что каждый разъ вызываетъ въ толпѣ взрывъ неудержимаго хохота. Затѣмъ въ большомъ порядкѣ, одинъ за другимъ, медленно и торжественно обходятъ они вокругъ бассейна, послѣ чего выстраиваются въ рядъ передъ

нимъ, съ кружками пива въ рукахъ. Подмастерье провозглашаетъ тостъ за здоровье короля и его семейства, всѣ залпомъ выпиваютъ пиво и пустыя кружки бросаютъ въ воду. Затѣмъ слѣдуетъ церемонія посвященія ученика въ подмастерье. Она прежде всего состоитъ въ томъ, что подмастерье по очереди каждому изъ учениковъ задаетъ всегда одни и тѣже вопросы: «откуда ты, изъ какой страны?»

Ученикъ: «Я всемъ извѣстенъ. Здѣсь я честно и добросовѣстно учился ремеслу мясника, а потому-то и хочу наконецъ сдѣлаться честнымъ мясникомъ».

Подмастерье: «Да, да, здѣсь ты учился честно и добросовѣстно ремеслу мясника, будешь также честнымъ мясникомъ. Но прежде тебя нужно крестить. Скажи-же мнѣ твое имя и происхожденіе, тогда я тебя окрещу во имя Бога».

Ученикъ: «По имени и роду меня зовутъ (называетъ свое имя) и крестить тебя никто не можетъ запретить».

Подмастерье: «Съ этихъ поръ ты долженъ оставить свое имя и свой родъ. Твое имя (называютъ имя, данное ему при крещеніи) теперь ничего не будетъ означать. Съ этихъ поръ тебя будутъ звать Юганъ Георгъ Гуттъ,—ты будешь много зарабатывать и мало издерживать».

При этихъ словахъ подмастерье ударяетъ ученика ладонью по плечамъ, и дѣлаетъ это для того, чтобы познакомить его съ ударами и пинками, которые ему предстоитъ выносить въ жизни. Въ ту же минуту ученикъ спрыгиваетъ въ бассейнъ, и вотъ вновь окрещенный дѣлается подмастерьемъ. Скоро крещаемыхъ набирается въ бассейнъ очень много, они весело барахтаются въ водѣ, бросаютъ зрителямъ яблоки и орѣхи, а тѣхъ, кто близко подходитъ къ нимъ, обрызгиваютъ водою. Когда новые подмастерья вдоволь потѣшатся, они выходятъ изъ бассейна, въ которомъ смыли съ себя всѣ шалости ученической жизни, и переодѣваются въ сухое платье. Вечеромъ въ честь ихъ устраиваютъ пиръ съ танцами.

Пляска бочаровъ устраивается одинъ разъ въ 7 лѣтъ. Въ такой годъ, за нѣсколько недѣль до масляницы, мюнхенскіе бочары, въ самыхъ забавныхъ украшеніяхъ, съ музыкой ходятъ по улицамъ. Впереди идутъ *фортенцеры* (передніе танцоры) со скипетрами, украшенными позолоченными лентами; подлѣ нихъ *умфрагеры*, т. е. допросчики, которые, какъ только процессія подходитъ къ какому нибудь дому, выбѣгаютъ впередъ и просятъ позволенія хозяевъ начать танцы. За ними—*рейфеншвингеры*, т. е. машущіе обручами: на плечахъ cadaго изъ нихъ виситъ по обручу. За ними идутъ *нагтенцеры*, а сзади до 20 паръ *рейфнеровъ* или *регнеровъ*. Послѣдніе въ красныхъ курткахъ, въ бѣлыхъ жилетахъ, въ черныхъ панталонахъ до колѣнъ, въ бѣлыхъ чулкахъ и въ сапогахъ съ серебряными пряжками и въ желтомъ кожанномъ передникѣ; на головѣ зеленый колпакъ съ бѣлымъ или синимъ перомъ. Каждая пара этихъ рейфнеровъ или регнеровъ держитъ обручъ, густо обвитый зеленью. Спереди и сзади идетъ по арлекину. Какъ только шествіе останавливается передъ какимъ нибудь домомъ, рейфнеры, въ видѣ привѣтствія, сразу опускаютъ внизъ обручи, а затѣмъ, подъ предводительствомъ фортенцера, начинается пляска, въ которой видную роль играютъ тѣ же обручи, обвитые зеленью. Кружась въ хороводѣ, ихъ поднимаютъ вверхъ такъ, что они образуютъ бесѣдку, короны, розы; послѣ разныхъ, самыхъ сложныхъ движеній и фигуръ всѣ опять становятся въ кругъ. Между тѣмъ одинъ изъ рейфеншвингеровъ, стоя посреди круга на боченкѣ, подъ тактъ очень бурной музыки, начинаетъ вертѣть обручъ, на которомъ прикрѣплены наполненные виномъ стаканы. Онъ не только чрезвычайно ловко и не проливая ни капли вина вертитъ этотъ обручъ, но и вращаетъ имъ вокругъ головы, шеи и бедра. Затѣмъ съ обруча снимаютъ стаканы, пьютъ тосты,

послѣ которыхъ пустые стаканы бросаютъ на воздухъ, но тотъ или другой арлекинъ подхватываетъ ихъ своимъ колѣнкомъ. Иногда во время этихъ танцевъ вдругъ раздаются крики женщинъ, — это значитъ, что арлекину удалось вымазать лицо сажей какойнибудь красавицѣ или затащить ее въ свой хороводъ. Эти танцы бочаровъ кой-чѣмъ разнообразятъ: иногда въ нихъ важную роль играетъ «Гретель въ боченкѣ». Это шутъ въ четырехугольной шляпѣ на головѣ, украшенной четырьмя трефовыми тузами. Онъ держитъ въ рукѣ длинную колбасу, которою подчуетъ то того, то другаго изъ зрителей, но еще чаще самъ откусываетъ отъ нея. Его несутъ на спинѣ въ боченкѣ другой шутъ, одѣтый старой бабой. Иной разъ тому, кто подходитъ слишкомъ близко къ колбасѣ Гретеля, онъ мажетъ лицо углемъ.

По народному мнѣнію, «Гретель въ боченкѣ» есть воспоминаніе о крестьянкѣ, которая первая осмѣлилась придти съ боченкомъ лицъ въ обезлюдѣвшій отъ чумы городъ. Другіе приписываютъ происхожденіе Гретеля древне-германской богинѣ смерти и находятъ сходство между прыжками мясниковъ, пляской бочаровъ и языческими искупительными жертвами, которыя обыкновенно сопровождались танцами.

Хотя мюнхенцы съ утра до вечера пьютъ пиво, но во время октябрьскихъ праздниковъ они специально предаются пивопитію. Вычислено, что въ 1875 г. въ этихъ празднествахъ принимало участіе 60,000 народа, и при этомъ ежедневно выпивалось 900,000 литровъ пива, съѣдалось 200,000 вареныхъ сосисекъ и продавалось 20,000 гусей. Эта птица была доставлена однимъ владѣльцемъ, который явился въ Мюнхенъ за нѣсколько дней до праздника съ 120,000 гусей; ихъ вели въ этотъ городъ, какъ настоящую армію, растянувшуюся на четверть мили.

Октябрьскіе праздники—происхожденія болѣе новѣйшаго и происходятъ изъ вѣрнопоподданническихъ чувствъ баварскаго народа. Когда въ 1810 г., въ день рожденія короля Максимилиана I, его сынъ, кронъ-принцъ Людвигъ, обвѣнчался съ принцессою Терезією, жители Мюнхена рѣшили выразить свое сочувствіе большимъ народнымъ праздникомъ. Видную роль въ немъ должны были играть «конскія скачки», которыя изстари составляютъ любимое народное развлеченіе. Ихъ назначили на 17 октября, и на приглашеніе принять участіе въ этомъ праздникѣ откликнулась вся страна. Въ этотъ день толпы народа стекались со всѣхъ сторонъ въ городъ, и національные гвардейцы съ музыкой и знаменами отправились на «праздничный лугъ», расположенный на югѣ отъ города. Этотъ лугъ въ честь невѣсты кронъ-принца и сталъ съ этого времени называться «лугомъ Терезіи». Прежде всего выступили парами только что обвѣнчавшіяся супруги изъ простонародья и, въ знакъ своей преданности и любви, клали къ ногамъ высокихъ новобрачныхъ лучшія произведенія своей родины. Затѣмъ въ присутствіи двора были устроены конскія скачки. Это былъ первый октябрьскій праздникъ, который прошелъ очень удачно, и потому въ народѣ явилось желаніе каждый годъ повторять его. Благодаря дѣятельности «сельско-хозяйственнаго союза королевства», этотъ праздникъ все больше и больше обращался въ центральный сельско-хозяйственный праздникъ. Нѣсколько позже во время его были устроены призы за образцовыя произведенія земледѣлія, садоводства, пчеловодства и разведеніе шелковичныхъ червей. Скотоводы, коннозаводчики и овцеводы стали приводить въ городъ своихъ лучшихъ животныхъ, представляли ихъ на разсмотрѣніе специальной комиссіи, и получали награды. Въ такомъ видѣ праздникъ существуетъ и до настоящаго времени.

Сегодня первое воскресенье октября. Всѣ гостиницы въ столицѣ и трактиры наполнены пріѣхавшими. Художественныя галереи закрыты, и большая часть дѣлъ приостановлена на недѣлю. На улицахъ пестрота и большое оживленіе. Уже съ утра толпы народа стремятся на лугъ Терезіи. Синевато-бѣлые флаги указываютъ ристалище, въ

серединѣ котораго въ нѣсколько дней выросли сотни досчатыхъ бараковъ для продажи напитковъ. Въ срединѣ амфитеатра—большая палатка для королевскаго семейства. Передъ нею стоитъ рота національной гвардіи въ видѣ почетнаго караула. Противъ палатки короля стоятъ трибуны для знатныхъ зрителей и для хоровъ музыки. Элегантные экипажи все чаще подъѣзжаютъ къ лугу. Взадъ и впередъ разгуливаютъ въ костюмахъ своей родины женщины и дѣвушки, которыя часто издалека пріѣзжаютъ на праздникъ. Исполинская статуя Баваріи величественно смотритъ на пеструю толпу своихъ дѣтей.

Въ 2 ч. по полудни начинается праздникъ. Залпъ изъ пушекъ извѣщаетъ о пріѣздѣ короля, котораго собравшіеся громко привѣтствуютъ. Мальчики въ древне-нѣмецкомъ костюмѣ, впереди которыхъ идутъ трубачи, подходятъ къ королевской палаткѣ и подносятъ королю красивыя знамена и серебряныя медали для призовъ. Затѣмъ длинной вереницей и въ величайшемъ порядкѣ проходятъ мимо королевской палатки крестьяне, пріѣхавшіе на выставку съ своими животными и съ произведеніями родныхъ полей. Вотъ первый коннозаводчикъ во всей Баваріи: онъ ведетъ лучшихъ животныхъ своего завода; гривы лошадей красиво заплетены, въ нихъ пестрятъ и развѣваются банты и длинныя шелковыя ленты національныхъ цвѣтовъ, сбруя и удила блестятъ, какъ серебро. За ними слѣдуютъ красивыя дѣвушки въ миловидныхъ костюмахъ верхней Баваріи: онѣ ведутъ коровъ, главное богатство крестьянъ ихъ родины, разукрашенныхъ вѣнками и колокольчиками. За ними шествуютъ буйволы съ своими проводниками. Вдругъ одинъ изъ нихъ, испугавшись огромной толпы, звука трубъ и движенія знаменъ, бросается въ сторону, но въ ту же минуту нѣсколько здоровыхъ мясниковъ, чтобы задержать его, повисли у него на рогахъ. Онъ стряхиваетъ ихъ, какъ комаровъ, и бросается къ испуганной толпѣ, но дѣвушка, которая его вела, уже пріободрилась, становится ему поперегъ дороги, машетъ передъ нимъ палкой и на своемъ нарѣчій начинаетъ умирять его. За минуту передъ тѣмъ развирѣпѣвшій буйволъ вдругъ опускаетъ голову и покорно шествуетъ за своей хозяйкой. За рогатымъ скотомъ слѣдуютъ овцы и удивительно тучныя свиньи. Призы раздаетъ самъ король, и только въ исключительныхъ случаяхъ другой занимаетъ его мѣсто. Затѣмъ приближается другая живописная процессія: впереди верхомъ ѣдутъ трубачи, за ними въ старинныхъ нѣмецкихъ костюмахъ мальчики, которые несутъ вышитыя золотомъ и серебромъ призовыя знамена; затѣмъ наѣздники въ красивой, плотно-прилегающей къ тѣлу одеждѣ въ сопровожденіи распорядителей скачекъ и жокеевъ. Это шествіе замыкаютъ лошади, фигурировавшія на прошлыхъ скачкахъ,—ихъ ведутъ ихъ хозяева; достигнувъ запертой загородки, наѣздники ожидаютъ пока ее откроютъ, но когда это сдѣлано, бросаются впередъ, какъ стрѣла. Три раза должны они объѣхать ристалище длиною въ четверть мили, и съ каждымъ разомъ вниманіе зрителей все больше напрягается. Зрители машутъ платками, бросаютъ вверхъ шляпы, пока первый наѣздникъ не подъѣзжаетъ къ цѣли. Тогда сразу, со всѣхъ сторонъ, раздаются громкіе крики и привѣтствія. Когда призы розданы, вся толпа расходится по лугу и бросается къ бараку освѣжиться пивомъ. На слѣдующій день начинается стрѣльба въ цѣль изъ штуцеровъ и самострѣловъ. Стрѣлки, наѣхавшіе изъ всѣхъ округовъ Баваріи, собираются передъ ратушей и отсюда стройными рядами отправляются на «праздничныя луга». Впереди опять ѣдутъ трубачи, за ними мальчики съ тяжелыми призовыми знаменами, которыя на этотъ разъ украшены монетами, затѣмъ распорядитель и стрѣлки, каждый съ букетомъ цвѣтовъ и съ лентой на шляпѣ. Стрѣльба продолжается цѣлую недѣлю при живѣйшемъ участіи публики. Въ слѣдующее воскресенье раздаются призы за стрѣльбу и устраиваются «вторыя скачки.» Вечеромъ того-же дня эти олимпійскія игры Баваріи заканчиваются великолѣпнымъ фейерверкомъ.

Всѣ эти празднества говорятъ о любви католиковъ-баварцевъ къ пестротѣ, къ разнообразнымъ процессіямъ и развлечениямъ.

Баварскій домъ и его обстановка. — Религія народа и его отношенія къ ней. — Пища. — Внѣшній видъ баварскихъ горцевъ и ихъ характеръ. — Поединки и состязанія. — Языкъ. — «Шнадагюпфельнъ»: Саги и суетвѣрія. — Одежда. — Положеніе работниковъ въ семействѣ баварскаго крестьянина. — «Тирьягдъ» въ Германіи. — Страхъ и вліяніе его на жителей. — Его значеніе прежде и теперь. — Народный судъ въ баварскихъ горахъ.

Въ баварскихъ Альпахъ, какъ почти всюду въ горныхъ странахъ, мы встрѣчаемъ отдѣльные хутора и альпійскія хижины. Деревни попадаются здѣсь уже гораздо рѣже, чѣмъ въ равнинѣ, а городовъ и вовсе нѣтъ. Въ этихъ отдѣльныхъ домикахъ люди живутъ каждый съ своимъ семействомъ; съ внѣшнимъ міромъ связываетъ ихъ только то, что дѣти ихъ ходятъ въ школу и рассказываютъ по временамъ новости, и кромѣ того по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ они всѣ вмѣстѣ отправляются въ церковь. Посѣщеніе ярмарки въ одномъ изъ большихъ селеній, свадьба или церковный праздникъ отъ времени до времени нарушаютъ ихъ жизнь, полную однообразія. Дома строятъ изъ бревенъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нижняя часть изъ камня, а верхняя изъ дерева; тамъ же, гдѣ весь домикъ выстроенъ изъ одного камня, галлерей и хозяйственныхъ пристройки все-таки изъ дерева. Отличительная черта баварскаго домика въ горахъ та, что они всѣ почти двухъэтажные, съ плоской наклонной крышей и съ деревянною галлереею, которая тянется вокругъ верхняго этажа съ красивыми рѣзными перилами; кромѣ того, съ передней стороны домика, еще выше галлерей, бываетъ одинъ, два, а иногда и три балкончика. Домъ имѣетъ форму продолговатаго четырехугольника; надъ дверью — изображеніе св. Флоріана, Леонарда или другаго какого-нибудь патрона. Подъ этими священными изображеніями подписано какое-нибудь изрѣченіе, орфографія котораго обыкновенно стоитъ на одномъ уровнѣ съ искусствомъ художника, рисовавшаго самое изображеніе. Стѣны домовъ очень часто разрисованы разными фигурами святыхъ; главная сторона дома обсажена фруктовыми деревьями. Окна чрезвычайно маленькія, и онѣ не достаточно освѣщали-бы домъ, если-бы ихъ не было такъ много, обыкновенно по два во всѣхъ стѣнахъ, которыя выходятъ наружу. Какъ галлерей, такъ и балконы украшены горшками цвѣтовъ, зелень и цвѣты которыхъ тянутся по периламъ и густо обвиваютъ всѣ балконы. При этомъ болѣе всего отдаютъ предпочтеніе гвоздикѣ, самому любимому цвѣтку, розмарину и гераніуму. Безъ цвѣтовъ, и особенно безъ гвоздики и гераніума, здѣсь не можетъ жить ни одинъ бѣднякъ: каждая дѣвушка въ воскресный и праздничный день плететъ вѣнки изъ цвѣтовъ и украшаетъ ими свой корсажъ; парень тоже любитъ втыкать гвоздику въ волосы за ухомъ.

Черепичная крыша прикрываетъ галлерей, а если существуютъ въ домѣ балконы, то и ихъ. Тамъ, гдѣ крыша сходится, переднія доски ярко раскрашены и оканчиваются головами лошадей, змѣй или драконовъ, между которыми возвышается крестъ. Сзади нерѣдко виднѣтся маленькая деревянная колокольня съ колоколомъ, по звуку котораго работники собираются домой къ обѣду и къ завтраку, но такія колокольни бываютъ, разумѣется, только у богатыхъ крестьянъ, владѣнія которыхъ раскинуты далеко отъ дому. Значеніе головъ животныхъ, украшающихъ дома, точно неизвѣстно; по всей вѣроятности это остатокъ древне-германскаго языческаго времени, когда еще приносили въ жертву лошадей, головы которыхъ, въ видѣ украшеній, втыкали на верхушки домовъ. Вокругъ нижняго этажа идетъ нѣсколько возвышенная дорожка подъ крышей, такъ что

здѣсь вы уже никоимъ образомъ не рискуете завязнуть въ грязи подлѣ дома. Черезъ дверь входяшь въ сѣни, на противоположной сторонѣ которыхъ находится кухня и входъ въ хлѣвъ, а съ правой стороны сѣней главная жилая комната; у зажиточныхъ существуетъ еще и боковая комната въ одно окошко. Очень незатѣйливая крутая лѣстница ведетъ въ верхній этажъ. Въ жилой комнатѣ, внизу, потолокъ изъ брусевъ; подлѣ самой двери — большая печь изъ глиняныхъ изразцовъ. Вокругъ этой печи — скамейка, въ углу между печью и скамейкой диванчикъ, на которомъ грѣются старики, больные или работники, продрогшіе за работой. Вокругъ всѣхъ стѣнъ комнаты тянутся скамейки, а въ красномъ углу на неуклюжихъ ножкахъ стоитъ чисто выскобленный деревянный столъ, за которымъ обѣдаетъ вся семья. Подлѣ стола, въ глубокой нишѣ — полка, на которой лежатъ единственные книги въ домѣ: календарь, молитвенникъ и тетради для дѣтей; тутъ же посреди распятіе, украшенное искусственными цвѣтами, къ которому прикрѣпленъ пучекъ высушенной зелени; надъ этой полкой множество образовъ; на снуркѣ качается св. Духъ, т. е. голубь съ распростертыми крыльями, вырѣзанный изъ бумаги и украшенный блестками и мишурой: это домашній алтарь. Подлѣ двери, ведущей въ сѣни, всегда виситъ сосудъ съ св. водой, и каждый входящій и выходящій изъ дому опускаетъ туда палецъ, прикладываетъ его ко лбу и затѣмъ крестится. Тутъ же подлѣ сосуда, на дощечкѣ, освященный кусокъ соли: его кладутъ въ пойло скоту, какъ цѣлительное средство. Надъ всѣми дверями надписаны мѣломъ начальныя буквы «трехъ святыхъ королей». Въ верхнемъ этажѣ — спальня хозяина и его жены. Главное мѣсто тутъ занято постелью съ балдахиномъ, украшенною картинками благочестиваго содержанія. Тутъ же стоятъ ярко раскрашенные, убранные лентами и цвѣтами сундуки, гдѣ хранится холстъ въ большихъ кускахъ. Въ этой-же комнатѣ, въ стеклянномъ шкафу, стоитъ лучшая посуда: кружки, стаканы, чашки и предметы религіи, напр. изображеніе св. Младенца изъ воска подъ стекляннымъ колпакомъ. Въ верхнемъ этажѣ, кромѣ спальни хозяевъ, тоже нерѣдко бываютъ боковыя комнаты, предназначенныя для дѣтей; здѣсь спятъ также и работники; работники же обыкновенно проводятъ ночь въ хлѣву. Орѣшники и дикія розы, между которыми кое-гдѣ видны высокія ели и широколѣтви-стый кленъ, составляютъ часто живыя изгороди между владѣніями сосѣдей.

Господствующая религія въ Баваріи — католическая, но центральная мѣстность королевства, отъ Нюрнберга до Швабіи, преимущественно протестантская. (Католиковъ въ Баваріи приблизительно три четверти, а именно 3.573,150 ч., а протестантовъ 1.392,200 ч.; другихъ вѣроисповѣданій около 58,000.) Баварцы — народъ въ высшей степени религіозный: крестъ на верхушкѣ дома и картинка религіознаго содержанія на наружныхъ стѣнахъ показываютъ, что религіозные обычаи проникаютъ всю жизнь горнаго жителя. Въ узкомъ кругу его занятій и его жизни все принимаетъ религіозный отпечатокъ, даже и тогда, когда извѣстный обычай очевидно ведетъ свое начало изъ періода времени дохристіанскаго. Уже на двери дома вы видите начальныя буквы именъ трехъ королей, съ крестами между буквами; та-же надпись на каждой двери, и ее изъ году въ годъ возобновляютъ священнымъ мѣломъ, такъ какъ она, по понятію горца, охраняетъ домъ отъ всякаго зла. Подъ этой надписью прилеенъ печатный листикъ съ пестрыми картинками, — это домашнее благословеніе, обладающее такою-же силой, какъ и имена королей. Подлѣ двери въ жилой комнатѣ виситъ котелокъ со св. водою, которая охраняетъ входящаго и выходящаго. За распятіемъ, на домашнемъ алтарѣ, прикрѣпленъ пучекъ ивовыхъ сережекъ, вѣтки омелы, издревле считающіяся священными, и вѣтки можжевельника (со всѣхъ этихъ вѣтокъ предварительно снимаютъ кору, такъ какъ въ противномъ случаѣ вѣдьмы прлчутся между деревомъ и корою); все это связано въ пучекъ, и онъ долженъ охранять отъ пожара и молніи. У себя въ сундукѣ кре-

стьянка тщательно хранить кусок ореховаго дерева, который она обуглила въ страстную субботу на костръ, разведенномъ передъ церковью, бѣлую восковую свѣчу и кусокъ краснаго воску, освященныхъ въ день Срѣтенія. Когда начинается буря, хозяйка тотчасъ разводитъ очагъ и бросаетъ въ огонь кусокъ обугленнаго ореховаго дерева; если буря происходитъ ночью, то зажигаютъ священную восковую свѣчу; умираетъ кто нибудь, — эту свѣчу опять зажигаютъ. Особенное предпочтеніе оказываютъ освященному воску, такъ какъ злые духи не могутъ выносить его запаха. Наконецъ, подъ самой крышей спрятаны колосья, собранные втеченіе тридцати дней послѣ Вознесенія Богородицы: они помогаютъ уже противъ огромнаго количества напастей, потому что въ то время, когда они были собраны, природа болѣе всего благопріятствовала человѣку. По народному повѣрью, въ эти дни ядовитыя животныя теряютъ свой ядъ, а полезныя растенія пріобрѣтаютъ силу.

Пища горцевъ состоитъ преимущественно изъ муки, жиру и молока съ небольшимъ количествомъ зелени и плодовъ. Мясо ѣдятъ только 6 разъ въ году, въ самые большіе праздники, и то главнымъ образомъ копченое. И это понятно: мука, жиръ, плоды — произведенія сельскаго хозяйства, оттого онѣ и употребляются болѣе всего въ пищу; къ тому же самый характеръ земледѣльческихъ работъ и необходимая для нихъ трата силъ требуетъ жирной пищи, точно такъ какъ у дровосѣковъ, которые только потому выдерживаютъ свой тяжелый трудъ, что варятъ рубцы такъ, что они плаваютъ въ жирѣ.

Завтракаютъ баварцы еще на зарѣ, при уходѣ на работу, хлѣбнымъ супомъ съ молокомъ. Во второй разъ перекусываютъ въ 9 ч.: въ это время обыкновенно ѣдятъ молоко съ хлѣбомъ или картофель, а у болѣе богатыхъ хозяевъ даютъ и пиво. Въ обѣдъ, который бываетъ въ 11 ч., подаютъ кисель, кислую капусту съ клецками, простоквашу. Ужинъ состоитъ изъ неизбѣжной ржаной лапши, которая играетъ такую роль, что во многихъ мѣстахъ съ работниками заранѣе условливаются, какую порцію этого кушанья получить каждый изъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ семействахъ лапша составляетъ субботнее блюдо, а то, что остается, подаютъ въ воскресенье къ завтраку. Въ горахъ же, гдѣ любятъ жирную пищу, лапшу ѣдятъ за обѣдомъ почти каждый день. Мясо, какъ мы уже говорили, ѣдятъ чрезвычайно рѣдко, только въ торжественныхъ случаяхъ. Къ Рождеству закалываютъ свинью, а иногда и штуку рогатаго скота, и такимъ образомъ запасаются мясомъ къ рождественскимъ праздникамъ, а затѣмъ все, что осталось, коптятъ и употребляютъ въ остальные торжественные дни. Въ горахъ существуютъ нѣкоторыя мѣстности, въ которыхъ къ празднику закалываютъ козла, и ѣдятъ его мясо съ большимъ удовольствіемъ. Въ церковные праздники и во время свадьбы устраиваютъ самые торжественные пиры: тогда въ самой жалкой хижинѣ вы найдете пироги и мясо; не даромъ въ одной пѣсенкѣ говорится: «настоящій церковный праздникъ продолжается до вторника, а когда есть что варить, то онъ тянется и всю недѣлю». Въ такіе торжественные дни за столомъ непременно бываетъ четыре кушанья: супъ изъ колбасы съ клецками изъ муки и свиного мяса, рагу изъ легкихъ, печени и другихъ внутренностей, свинина съ капустой и лапша въ видѣ десерта.

По внѣшнему виду баварцы въ равнинахъ совершенно отличаются отъ горцевъ: первые широкоплечіе, тяжеловѣсные, неуклюжіе, средняго роста люди, между тѣмъ баварскій горецъ — нерѣдко геркулесовская фигура, которую, разъ увидавъ, никогда не забудешь. Это обыкновенно мускулистые, крѣпкіе и сильные люди, съ выпуклою грудью; волосы у мужчинъ по большей части коротко острижены. Не только мужчины въ гѣтахъ, но и каждый парень носитъ усы, что еще болѣе придаетъ мужественности всей фигурѣ, и при этомъ каждый изъ нихъ любитъ втыкать за ухо красный цвѣтокъ. Дѣвушки зачесываютъ волосы назадъ и заплетаютъ ихъ въ косы, съ проборомъ позади;

эти косы онъ прикрѣпляютъ вокругъ головы. Въ характерѣ лица и во всей фигурѣ баварокъ тоже прежде всего поражаетъ здоровье и сила. Черты ихъ лица обыкновенно на столько рѣзки, что ихъ нельзя назвать красивыми; но здоровыя, румяныя и широкоплечія дѣвушки невольно внушаютъ уваженіе горожанину, который постоянно встрѣчаетъ блѣднолицыхъ и исхудалыхъ. Однако, по статистическимъ даннымъ, тамъ, гдѣ живутъ наиболѣе сильные и красивые люди, и наибольшее число зобастыхъ: въ шести округахъ у каждаго изъ 25 человекъ обезображена шея, а у каждаго изъ 600 — тупоуміе. Хуже всего въ этомъ отношеніи положеніе въ Бертегсгаденѣ, такъ какъ тамъ на 152 человека приходится одинъ полоумный и на 25 одинъ зобастый. Въ общемъ же состояніе здоровья жителей можно назвать вполне удовлетворительнымъ: тутъ нѣтъ никакихъ болѣзней, специально свойственныхъ той или другой мѣстности, и, если не бываетъ несчастныхъ случаевъ, то горцы, и въ особенности жители горныхъ долинъ, доживаютъ до глубокой старости. Когда горецъ заболѣваетъ, онъ ввѣряется знахарямъ, которыхъ до сихъ поръ не удалось искоренить: они заговариваютъ лихорадку, пускаютъ кровь, прибѣгаютъ къ цѣлебнымъ травамъ.

Баварскіе горцы — народъ въ высшей степени веселый: когда горецъ развеселится, у него всѣ суставы приходятъ въ движеніе. Эта черта характера у него болѣе всего выражается въ танцахъ, которымъ онъ отдается всею душою. Будучи человекомъ прямодушнымъ и честнымъ, онъ чрезвычайно склоненъ къ гнѣвнымъ вспышкамъ, увлеченіямъ и несдержаннымъ порывамъ. Если его раздражить, — а это сдѣлать очень легко, — онъ выходитъ изъ себя и не успокоится, пока не выместитъ свой гнѣвъ на комънибудь. Но въ его первобытной, грубой натурѣ кроется и много благородныхъ, подчасъ рыцарскихъ качествъ. Не менѣе выдающіяся черты его характера — благочестіе и чинопочитаніе. Баварецъ — человекъ въ высшей степени религіозный: онъ очень часто ходитъ въ церковь, безпрестанно отправляется на богомолье и на поклоненіе св. мѣстамъ и патронамъ, соблюдаетъ множество постовъ. Церкви въ дни поста биткомъ набиты народомъ. Посмотрите на лица присутствующихъ, и васъ поразитъ въ нихъ печать истиннаго благоговѣнія и религіозности. Каждый держитъ въ рукахъ молитвенникъ и строго слѣдитъ за ходомъ богослуженія. Священникъ читаетъ молитву о страданіи Христа, всѣ старики съ умиленіемъ повторяютъ ее за нимъ. Вслѣдъ за этой молитвой играютъ на органѣ и поютъ заунывный мотивъ. Всякій разъ, когда священникъ кончаетъ молитву словами: «распятый Господь Іисусъ Христъ», всѣ молящіеся поютъ: «помилуй насъ», и каждый въ ту же минуту цѣлуетъ на своемъ молитвенникѣ изображеніе распятаго Христа. Но это благочестіе баварца идетъ рука объ руку съ его любовью къ земнымъ благамъ. Послѣ каждаго благочестиваго дѣла онъ считаетъ необходимымъ извѣдать и земную радость. Можетъ быть вслѣдствіе этого трактиры обыкновенно строятъ очень близко отъ церквей. Страсть давать оригинальныя прозвища своимъ трактирамъ и улицамъ замѣтна не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. И въ деревняхъ вы встрѣтите трактиры «Золотой кузницы», «Небеснаго колокольчика» и т. д. Каждый разъ послѣ службы въ церкви посѣтителей въ трактирѣ бываетъ такъ много, что нѣкоторымъ не хватаетъ мѣста. Въ Пасху, въ Троицу, въ праздникъ Тѣла Христова и во время многихъ другихъ праздниковъ, когда женщины собираются на богомолье, трактиры до такой степени переполнены народомъ, что трактирщикъ уступаетъ женщинамъ даже кухню. Войдите въ праздничный день въ деревенскій трактиръ, и вы увидите въ главной его комнатѣ, обыкновенно очень большой, нѣсколько массивныхъ, длинныхъ столовъ. Баварецъ любитъ въ трактирѣ основательно опереться о столъ локтями, и здѣшніе столы приноровлены къ этой привычкѣ и чрезвычайно массивны. За этими столами крестьяне располагаются, строго придерживаясь степени зажиточности и общественнаго положенія. За первымъ

столомъ, который стоитъ между оконъ и противъ входа, на виду, у всѣхъ входящихъ, сидятъ самые богатые крестьяне — владѣльцы двухъ-трехъ-сотъ «Tagwerken» (такое пространство земли, какое человекъ можетъ вспахать въ день); за вторымъ столомъ размѣстились крестьяне, владѣющіе отъ 130 до 180 «Tagwerken»; за третьимъ — владѣльцы отъ 90 до 120 и крупные зѣльднеры, у которыхъ отъ 70 до 80 «Tagwerken»; за четвертымъ зѣльднеры среднего достатка, у которыхъ 30 до 60 и мелкіе зѣльднеры—отъ 15 до 20 «Tagwerken»; за пятымъ столомъ «гютлеры», у которыхъ отъ 8 до 14, хѣйслеры (Häusler)—отъ 5 до 8 и Leerhäusler—отъ 2 до 4 «Tagwerken»; за шестымъ столомъ разночинцы: разнощики, продавцы мышеловокъ, продавцы ваксы и тому подобный людъ; но первый столъ недоступенъ даже для зѣльднеровъ. Правда, изъ этой «крестьянской аристократіи», сидящей за первымъ столомъ, нерѣдко ктонибудь подзоветъ къ себѣ стараго возницу, который у него прежде служилъ, посадить возлѣ себя и начинаетъ угощать его пивомъ. Хотя возницы и служатъ всегда у какого-нибудь хозяина, слѣдовательно относятся къ разряду работниковъ, но они пользуются большимъ почетомъ. Тѣмъ не менѣе крестьянинъ «господскаго стола», подозвавъ къ себѣ возницу, дѣлаетъ ему великую честь своимъ вниманіемъ, и тотъ вполне чувствуетъ это и усердно благодаритъ своего покровителя. За этимъ «господскимъ столомъ», за которымъ съ такою важностью и почетомъ возсѣдаютъ эти деревенскіе князья, можно встрѣтить одного, а иногда и двухъ вертлявыхъ человекочковъ, которыхъ называютъ въ Баваріи дурачками и блюдолизами. Эти деревенскіе аристократы имѣютъ много замашекъ прежнихъ нашихъ помѣщиковъ-самодуровъ: они любятъ, чтобы за ихъ столомъ, когда они особенно расположены поблагодумствовать и покушать, былъ-бы дурачекъ, который потѣшилъ-бы ихъ и надъ которымъ они могли-бы безъ церемоніи подтрунивать. Каждый изъ нихъ знаетъ свое мѣсто за «господскимъ столомъ». Если ктонибудь нечаянно или по незнанію займетъ его, крестьянскій аристократъ, не пускаясь въ длинныя объясненія, прямо заявляетъ: «здѣсь сидѣлъ мой дѣдъ, и я сижу». За этимъ столомъ всегда господствуетъ сознание своего достоинства, никогда не происходитъ шума, крика и суеты, всѣ разговоры ведутся благопристойно, чинно и торжественно. Съ важнымъ и серьезнымъ видомъ разговариваютъ они о дѣлахъ общины, округа, деревни, о своемъ полѣ, скотѣ и о событіяхъ дня. Но справедливость требуетъ сказать, что хотя они и держатъ себя очень гордо и недоступно, но чрезвычайно сострадательны къ ближнимъ: если случится по сосѣдству пожаръ, они на другой день пріѣзжаютъ съ хлѣбомъ въ погорѣлыя деревни и щедро рукой дѣлятъ его между несчастными. Множество бѣдняковъ приходитъ къ нимъ за помощью, и рѣдко кто отъ нихъ уйдетъ безъ нея.

За вторымъ и за третьимъ столомъ болѣе оживленія, чѣмъ за первымъ, а за четвертымъ господствуютъ уже вполне демократическіе порядки: тутъ всѣ весело и оживленно болтаютъ, безпрестанно раздаются громкіи смѣхъ и злыя, колкія насмѣшки по адресу богачей, и это понятно: за четвертымъ столомъ сидитъ много мелкихъ зѣльднеровъ, а они въ своихъ дѣлахъ постоянно сталкиваются съ богачами. Работники, которымъ нечего говорить ни о семейныхъ, ни объ общественныхъ дѣлахъ, обыкновенно играютъ въ карты. Игра въ карты—страсть здѣшняго небогатаго люда и преимущественно работниковъ. Когда они начинаютъ играть, то, что бы ни случилось въ трактирѣ, никакіе крики, никакія ссоры не отвлекутъ ихъ отъ этого занятія, и они встанутъ съ мѣста только тогда, когда кончатъ игру. Пока сыновья богачей не сдѣлались людьми семейными, они не имѣютъ никакого общественнаго положенія и не брезгаютъ сидѣть за однимъ столомъ съ работниками. Трактирщикъ, при всемъ своемъ внѣшнемъ благочестіи, очень хитрый и пронырливый человекъ, ходитъ отъ стола къ столу, за-

говариваетъ то съ мелкими рабочими, то съ крестьянами, но самыя отборныя любезности прибегаетъ для богачей.

Искренность и добродушіе, твердая привязанность ко всему старому, преданность своему духовенству, религіозность, доходящая до суевѣрія, твердость и неуклонность въ обыденной жизни, — вотъ въ общихъ чертахъ характеристика баварскаго горца, который, несмотря на значительный приливъ во многихъ мѣстахъ другихъ племенъ, не измѣнился и можетъ служить представителемъ народнаго баварскаго типа. Баварецъ любитъ шутить съ невиннымъ лукавствомъ, съ ѣдкостью и находчивостью давать острые отвѣты. А кто его чуть задѣнетъ, — сейчасъ-же познакомится съ его здоровыми кулаками. Горячій споръ, ссору баварецъ разрѣшаетъ своимъ кулакомъ и имъ-же защищаетъ свои дѣйствительныя и воображаемыя права, что хорошо рисуется этого первобытнаго челоуѣка. Во многихъ общинахъ даже существуетъ свой специальный кулачный боецъ, «Hagenaiер», на которомъ лежитъ обязанность быть на всѣхъ поединкахъ представителемъ своихъ односельчанъ. Слава такого бойца часто переходитъ за предѣлы его родной общины. У него никогда не бываетъ недостатка въ упражненіи своихъ кулаковъ: всѣ церковныя и праздничныя дни, свадьбы и т. п. представляютъ ему множество удобныхъ случаевъ показать свою силу и ловкость. Къ чести баварскихъ горцевъ слѣдуетъ сказать, что у нихъ рѣдко дѣло доходитъ до кровопролитія. Въмѣсто ножей у нихъ свое оружіе: тяжелое желѣзное кольцо, съ тупыми выступами въ нѣсколькихъ мѣстахъ, которое они всегда носятъ на мизинцѣ правой руки. Такое кольцо особенно употребительно у альпійскихъ австрійцевъ; къ тому же у баварцевъ всегда наготовѣ стоитъ пивная кружка и стулъ, — все это они пускаютъ въ дѣло, когда разгорячатся, и въ другомъ оружіи не имѣютъ нужды.

Въ Баваріи господствуетъ нѣмецкій языкъ, но нарѣчіе, на которомъ говорятъ большинство, весьма отличается отъ верхне-германскаго. Баварское нарѣчіе уступаетъ литературному нѣмецкому языку какъ въ богатствѣ, такъ и въ гибкости; оно отличается отъ верхне-германскаго невнятнымъ произношеніемъ гласныхъ; кромѣ того слова, оканчивающіяся на «l, en, er, совсѣмъ откидываются, и при этомъ многія слова и слоги баварецъ совсѣмъ проглатываетъ.

Наивность баварца и его склонность дразнить другъ друга и подсмѣиваться лучше всего выражаются въ его «Schnadahürlin», т. е. въ импровизированныхъ сатирическихъ пѣсняхъ, которыя можно слышать и во время полевыхъ работъ, и во время отдыха. Часто козій пастухъ на горѣ затягиваетъ такую пѣсенку дѣвушкѣ, которая работаетъ внизу; та, не затрудняясь, отвѣчаетъ ему импровизированными стихами, полными насмѣшки и юмора. Эти сатирическія пѣсни часто поются рабочими одной деревни своимъ сосѣдямъ; та и другая сторона не остается въ долгу и пробираетъ своими перебранками другъ друга до того, что обѣ стороны бросаются другъ на друга съ поднятыми кулаками. Парень нерѣдко начинаетъ воспѣвать красивую пастушку: «я знаю красивый колокольчикъ: хорошо онъ звенить; но я знаю также и красивую дѣвушку: какъ красиво она ходитъ! Какъ-бы хотѣлось мнѣ подружиться съ нею! Пара ея глазокъ, что пара звѣздочекъ!» Дѣвушка, не отрываясь отъ работы, съ лукавой улыбкой поетъ въ отвѣтъ: «красивый ты парень, нарядно одѣтъ, но смѣлъ ты не въ мѣру... я люблю тебя всѣмъ сердцемъ и буду любить такъ долго, что ты не успѣешь и плюнуть». Нерѣдко они обвиняютъ другъ друга въ невѣрности.

Онъ: «Если бы твоя любовь была описана въ книгѣ, мнѣ бы мало пришлось прочитать твоихъ думъ о вѣрности». *Она:* «Если бы любовь имѣла цвѣтъ, тебѣ всегда пришлось бы носить пестрый...»

Иногда дѣвушка въ пѣсенкѣ начинаетъ усовѣщивать парня и читать ему наставленія, а онъ защищается. Очень часто эта легкая пикировка кончается грубовато-веселой общей пѣсней въ такомъ родѣ: «когда курица безъ пѣтуха, дѣвушка безъ мужчины, охотникъ безъ ножа, никогда толку не бываетъ. Дайте мнѣ цвѣтокъ, мнѣ не нужно цѣлаго букета... только цвѣтокъ я прошу...» Эти шнадагюфельнъ, какъ мы увидимъ ниже, весьма распространены также въ Австріи, особенно въ альпійскихъ странахъ.

Въ сказаніяхъ, передаваемыхъ народомъ изъ рода въ родъ, отразилось немало чертъ народнаго характера. Христіанскія сказанія, преимущественно распространенныя въ горахъ, представляютъ смѣсь наивной религіозности и ироніи. Хотя баварскій горецъ глубоко преданъ святымъ церкви и вполне вѣритъ въ ихъ силу творить чудеса, тѣмъ не менѣе онъ всегда старается отыскать въ своихъ святыхъ и слабыя стороны. Болѣе всего народъ преданъ Св. Петру и болѣе всего достается этому святому въ народныхъ сказаніяхъ. Суевѣріе идетъ рука объ руку съ религіей и вытекаетъ по большей части изъ смѣшенія христіанской легенды съ древне-языческими преданіями. Вѣдьмы, по мнѣнію народа, распоряжаются по своему усмотрѣнію вѣтрами и дождемъ; онѣ насылаютъ также на людей и скотъ болѣзни и устраиваютъ шабашъ. Frau Берхта или Перхта—свѣтлая богиня: она смотритъ за работой прядильницъ и наблюдаетъ за чистотой въ домѣ. Особенно боятся «Viehshelm»: это черное чудовище, спереди мохнатый быкъ, сзади походить на павшую скотину; гдѣ онъ ни появится, тамъ начинаетъ падать скотъ. «Земной духъ» и «его подруга» всюду являются одѣтые въ зеленый цвѣтъ. Это очень добрыя существа и имѣютъ много общаго съ характеромъ народа: онѣ помогаютъ людямъ въ работѣ и въ затруднительныхъ случаяхъ, но чрезвычайно любятъ подшутить.

Преданія о спрятанныхъ въ землю сокровищахъ встрѣчаются очень часто. Во время молитвы появляется свѣтъ, который указываетъ то мѣсто, гдѣ спрятанъ кладъ.

Національный костюмъ, который вполне сохранился теперь только въ немногихъ мѣстностяхъ, состоитъ у мужчинъ изъ зеленого, длиннополага сюртука съ желтой вышивкой, изъ узкихъ, черныхъ, подвязанныхъ у колѣнъ панталонъ и бѣлыхъ чулокъ съ зелеными украшеніями; часть ноги у колѣнъ остается совершенно голою; на ногахъ — башмаки, подбитые гвоздями, на головѣ зеленая шляпа съ широкими, тоже зелеными лентами. Охотничья куртка изъ толстой шерстяной матеріи и остроконечная, зеленая полярковая шляпа съ альпійскимъ значкомъ вытѣснили въ последнее время народные костюмы, только что нами описанные. Настоящіе національные костюмы сохранились теперь только въ немногихъ мѣстностяхъ. Кромѣ охотничьей куртки и полярковой шляпы мужчины носятъ теперь короткіе кожаные штаны, не всегда доходящіе до колѣнъ, вышитый поясъ и помочи, длинные чулки и тяжелые горные башмаки, а нерѣдко и сапоги. Многія женщины тоже носятъ остроконечную шляпу, которую онѣ обшиваютъ лентами или украшаютъ золотымъ снуркомъ и кисточками и кокетливо надѣваютъ ее на бекрень. Темное платье со складками плотно обхватываетъ талію; сверхъ него надѣваютъ пестрый шейный платокъ и корсажъ. Въ альпійскихъ предгорьяхъ дѣвушки, отправляясь въ праздничный день въ церковь, одѣваютъ вмѣсто остроконечной шляпы чепецъ съ серебряными застежками, который напоминаетъ хвостъ ласточки и чуть держится на головѣ. Въ торжественные дни онѣ одѣваютъ также темный корсажъ, стянутый серебряными цѣпочками и украшенный блестящими медальонами.

Въ семействѣ зажиточнаго крестьянина всегда много работниковъ, и хотя онъ держитъ себя съ ними высокомерно въ публичномъ мѣстѣ, какъ мы это видѣли выше, тѣмъ не менѣе положеніе работниковъ въ такихъ семействахъ весьма сносно. Чѣмъ прилеж-

нѣе и уважительнѣе работники, тѣмъ болѣе славы, почета и выгоды для баварскаго богача. Онъ и платитъ имъ хорошее жалованье, ласковъ съ ними, но болѣе всего старается угодить имъ сытнымъ столомъ: это самое важное для баварскаго работника.

Самую важную роль въ домѣ играетъ возница, и его должность считается здѣсь не только болѣе почетною, но и выгодною: онъ привозитъ и отвозитъ всѣхъ работниковъ и ихъ пожитки, отправляется съ хозяиномъ продавать лошадей и хозяйственныя сбереженія, ухаживаетъ за лошадьми. Баварскій крестьянинъ очень падохъ на «спасибо»: если его забудутъ поблагодарить послѣ малѣйшей услуги, онъ грубо проворчать: «и спасибо-то не умѣеть сказать»; но возница, кромѣ «спасибо», требуетъ вознагражденія за всякую услугу. Хотя онъ получаетъ отъ хозяина годовое жалованье за свои обязанности, но каждый работникъ, котораго онъ отвозитъ, даетъ ему отъ себя по крайней мѣрѣ 20 грошей; когда хозяинъ продаетъ лошадь въ полкъ, возница получаетъ талеръ. Въ конюшнѣ онъ полный господинъ, и на побѣгушки для него держатъ еще мальчика. Впрочемъ въ баварскомъ семействѣ не только возница кромѣ жалованья имѣетъ свои маленькіе доходы, но и работница. Всякій разъ, когда торговецъ скотомъ приходитъ въ хлѣвъ покупать скотину, она получаетъ съ каждой проданной свиньи по 6 грошей, съ каждого теленка по 12, а съ коровы по 20 грошей. Когда она отвозитъ на рынокъ припасы, она тоже кое-что получаетъ отъ хозяйки, а когда у нея удастся хлѣбъ, то съ каждого упека по 6 грошей. Кромѣ того каждая хозяйка, чтобы поощрить главную работницу, очень часто дѣлаетъ ей маленькіе подарки. Аккуратный хозяинъ всѣ условія съ рабочими записываетъ въ календарь. Вотъ выписка изъ одного самаго обыденнаго календаря: «возницѣ въ годъ слѣдуетъ 75 флориновъ и мелочныя деньги за провозъ; старшему работнику—68 флориновъ и одинъ талеръ въ подарокъ; второму работнику 56 флориновъ; третьему—40 флор.; мальчику, который ухаживаетъ за лошадьми 25 флор.; старшей работницѣ—53 флорина, по 2 базарныхъ гульдена и хлѣбныя деньги; второй работницѣ—36 гульденовъ, по 2 базарныхъ гульдена и хлѣбныя деньги съ каждой коровы, которая откармливается на убой». Этотъ календарь, въ случаѣ тяжбы между работникомъ и хозяиномъ, служитъ документомъ. Но жалованье баварскаго работника не всегда бываетъ одинаково: оно то увеличивается, то уменьшается. Хозяинъ предоставляетъ своему старшему работнику найти остальныхъ работниковъ, а хозяйка поручаетъ сдѣлать тоже самое старшей работницѣ, и тѣ лучше всего справляются съ этимъ дѣломъ. Хотя работнику въ крестьянскомъ семействѣ приходится много и усердно работать, но онъ пытается здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, и имѣетъ нѣсколько свободныхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ вечеровъ и дней, когда онъ можетъ погулять на полной свободѣ. Прежде всего онъ освобождается на 6 дней: 3 дня до и 3 дня послѣ праздника Срѣтенія; затѣмъ онъ свободенъ послѣ обѣда по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Въ такіе дни работники отправляются къ роднымъ, пьютъ въ гостинницѣ, устраиваютъ маскарадныя процессіи. Работницы въ свободное время шьютъ и вяжутъ для себя, а тѣ изъ нихъ, которыя поживѣе, уходятъ куда-нибудь со двора. Въ богатыхъ крестьянскихъ домахъ работники и работницы играютъ весьма важную роль; если хозяину посчастливилось нанять хорошихъ работниковъ, онъ считаетъ себя счастливейшимъ смертнымъ. Но для того, чтобы сдѣлать здѣшнихъ работниковъ работящими и усердными, ихъ необходимо кормить не только обильно, но и вкусно. Во многихъ семействахъ существуетъ на цѣлый годъ распisanіе обѣдовъ. Это меню всѣми заучивается наизусть, и баварскій работникъ скорѣе забудетъ молитву, чѣмъ распisanіе кушаньевъ. Горе, если молодая хозяйка отступитъ отъ него хотя на шагъ: серьезное возстаніе неизбежно. Дни, въ которыхъ по распisanію значится пиво и мясо—торжество для работниковъ: на такихъ дняхъ сосредоточиваются всѣ ихъ помышленія; къ сожалѣ-

нію въ году только 6 такихъ дней; тогда обѣдъ и ужинъ въ большомъ крестьянскомъ домѣ стоитъ не менѣе 20 гульденовъ. Достаточно самаго ничтожнаго измѣненія въ росписаніи (дозволяется улучшать, но никогда не ухудшать его), чтобы поколебать до основанія спокойствіе баварскаго двора. Если работникамъ подають что-нибудь хуже назначеннаго, они бросаютъ поданное и разбиваютъ посуду. Жнецамъ, вмѣсто пива и рубцовъ, подали на завтракъ въ одномъ семействѣ лѣща: они съ злобой бросили ихъ обѣстѣну, такъ что на ней долго оставались желтыя пятна.

Старшій работникъ поставленъ въ домѣ, какъ помощникъ хозяина: онъ управляетъ работой, распоряжается, кому дать какое дѣло, председательствуетъ за столомъ. Ни одинъ работникъ не кончитъ работы раньше его. Нерѣдко онъ злоупотребляетъ своей властью и относится заносчиво къ товарищамъ. Хотя тѣ платятъ ему за это ненавистію, но ни одинъ не посмѣетъ открыто возстать противъ него. Только работница въ Ивановъ день можетъ отомстить ему за нихъ. Въ этотъ день къ обѣду подають 9 блюдъ; когда вносятъ послѣднее кушанье въ закрытой мискѣ, то открыть ее, по обычаю, имѣетъ право только старшій работникъ. Онъ подымаетъ крышку, но вдругъ, вмѣсто лакомаго блюда, изъ миски выскакиваетъ лягушка и начинаетъ скакать по столу. Всѣ раздражаются громкимъ смѣхомъ, а старшій работникъ начинаетъ съ этого дня вести съ работницею непримиримую вражду.

Народный судъ въ баварскихъ горахъ—обычай древній, въ высшей степени любопытный и который прекрасно характеризуетъ первобытную, еще дикую натуру баварца. Время происхожденія и причина появленія этого обычая — неизвѣстны. Можно сказать только одно, что онъ имѣетъ много общаго съ давнимъ обычаемъ, существовавшимъ въ Германіи, который до сихъ поръ еще не совсѣмъ исчезъ,—мы говоримъ о Тирьягдѣ (Tyrjagd).

Тирьягдъ происходитъ не отъ слова Thier — животное, но отъ бога Тора, у котораго было нѣсколько прозвищъ: Тиръ, Тисъ, и др. Это божество считалось громовержцемъ; ему приписывали судъ, наказаніе и въ особенности защиту женщинъ. Женщины у древнихъ германцевъ пользовались такимъ почетомъ, что за ихъ обиды мстили сами боги. Такимъ образомъ Тирьягдъ происхожденія языческаго, и уже въ средніе вѣка онъ превратился въ народный судъ, представлявшій нѣчто въ родѣ суда Линча. Но къ нему прибѣгали только въ брачныхъ спорахъ: мужчины, когда они обвиняли женъ въ невѣрности или обратно, когда жены обвиняли въ томъ же мужей и когда онѣ жаловались на ихъ дурное обращеніе съ ними. Судьи являлись замаскированными. Главная маска Тира, которую прежде можно было найти во всякой деревнѣ, а теперь встрѣчаешь только въ архивахъ судовъ на нижнемъ Рейнѣ, состояла изъ платя, которое покрывало голову и верхнюю часть туловища до пояса. Сверху были придѣланы уши и бычачьи рога; для рта и глазъ продѣлывали отверстія съ красными краями. Вся маска была покрыта кусками матеріи самыхъ рѣзкихъ цвѣтовъ: огненно-краснаго, желтаго, чернаго. Къ макушкѣ прикрѣпляли длинную лошадиную гриву или хвостъ, изъ которой торчали рога. Рукава оканчивались безобразными рукавицами съ когтями на пальцахъ. Черныя и красныя шерстяныя кисточки спускались отъ пояса до колѣнъ. Къ спинѣ былъ пришитъ длинный лошадиный хвостъ, а кругомъ маска была обшита массою погремушекъ, колокольчиковъ и бубенчиковъ, и при каждомъ движеніи замаскированнаго происходилъ страшный шумъ. Видъ какъ этой, такъ и всѣхъ остальныхъ масокъ былъ самый ужасный. Тридцать лѣтъ тому назадъ еще можно было видѣть такія маски, но потомъ ихъ стали конфисковать, такъ какъ ими однажды кто-то такъ напугалъ ребенка, что тотъ получилъ припадокъ падучей болѣзни. Всѣ, принимавшіе участіе въ Тирьягдѣ, являлись въ такихъ костюмахъ; при этомъ каждый ста-

рался вырядиться как можно страшнѣе и отвратительнѣе. Почти всѣ украшали себѣ голову рогами и конскими хвостами; нѣкоторые одѣвались въ звѣриныя шкуры, другіе изображали мертвецовъ и для этого нашивали на свою маску куски бѣлой, черной и красной матеріи, на которыхъ разрисовывали изображенія череповъ; нѣкоторые обвивали себя гороховыми стеблями. Одни изъ нихъ являлись на судилище верхами, другіе пѣшкомъ. Впереди процессія тянулась «колесница грѣшниковъ», и даже лошади, впряженные въ нее, были такъ разукрашены, что ихъ нельзя было узнать. Многіе, чтобы усилить впечатлѣніе, являлись въ полномъ вооруженіи. При этомъ всѣ собравшіеся производили страшный шумъ цѣпями, кнутами, колесами. Одни изъ всей силы били въ барабаны, другіе вертели трещетки, насвистывали во всевозможныя дудки, стучали въ сковороды и въ желѣзные листы, трубили въ «майскіе рога». Эти «майскіе рога» приготовляли изъ свѣжей коры, и звукъ, который можно было издавать посредствомъ этого инструмента, былъ даже сильнѣе тромбона. Спарядившись такимъ образомъ, все шествіе направляется къ дому того, кого рѣшили наказать. Виновникомъ былъ обыкновенно тотъ, кто жестоко обращался съ своею женою или кто навлекъ гнѣвъ общины какимъ-нибудь безчестнымъ поступкомъ. Когда и какъ дѣйствовать во всѣхъ подробностяхъ уговаривались заранѣе въ высшей степени таинственно. Когда все улажено, въ глубокую темную ночь судьи приближаются къ дому осужденнаго, каждый съ факеломъ въ рукѣ, который можно сейчасъ зажечь и потушить, или съ березовой лучиной. Лишь только судьи подходятъ къ дому, они окружаютъ его вплотную со всѣхъ сторонъ; одинъ изъ нихъ подаетъ сигналъ, и въ ту-же минуту раздается ужасная, по истинѣ адская музыка, которая слышна на нѣсколько миль въ окружности. Въ ту же минуту всѣ зажигаютъ факелы, свѣтъ которыхъ освѣщаетъ эти страшныя существа. Еслибъ «грѣшникъ» не понялъ тотчасъ, что это Тирьяндъ, онъ могъ бы подумать, что противъ него выпустили всѣхъ чудовищъ ада, мало того: онъ могъ бы въ ту-же минуту умереть отъ страха. Все равно, его доля и безъ того незавидна: прежде чѣмъ раздался этотъ адскій концертъ, нѣсколько судей, наиболѣе знакомыхъ съ обстановкою дома, вкочили въ комнату къ «грѣшнику» и вытащили его, передъ лицо народнаго судилища. Начальникъ чертей, тотъ, который носитъ маску Тира, крѣпко обхватилъ его; въ ту же минуту былъ поданъ сигналъ, раздалась адская музыка, его окружили страшныя чудовища и начали бить прутьями. Вдругъ, по знаку начальника, наступаетъ безмолвная тишина: окруженный злыми духами и привидѣніями, грѣшникъ долженъ покаяться въ своихъ грѣхахъ. По списку, заранѣе составленному, ему вычитываютъ его грѣхи. Онъ долженъ во всемъ содѣянномъ сознаться, просить прощенія и обѣщать исправиться. Лишь только называютъ новый грѣхъ, на него сыплются удары, которые бывають болѣе или менѣе сильны, смотря по характеру судей и по преступленію несчастнаго. Преступника захватываютъ всегда внезапно, иногда съ похмѣлья, или просто когда онъ еще не успѣлъ проснуться, но о сопротивленіи тутъ и думать нечего: волей-неволей приходится покаяться. Затѣмъ его сажаютъ «на колесницу грѣшниковъ» или пѣшкомъ ведутъ въ какой-нибудь отдаленный хуторъ при самомъ оглушительномъ ревѣ, свистѣ, стукѣ и шумѣ. По дорогѣ преступника нѣсколько разъ заставляютъ повторять свою исповѣдь. Наконецъ, когда его подвергли уже всевозможнымъ пыткамъ и мукамъ, его отпускаютъ съ угрозою наказать еще сильнѣе, если онъ не исправится. Впрочемъ отпускаютъ тоже самымъ позорнымъ образомъ: когда подходятъ къ какой-нибудь навозной кучѣ или лужѣ, то судьи передъ нею становятся двойною шпалерой. «Несчастный» долженъ пройти сквозь строй и, наконецъ, съ криками, смѣхомъ и ударами его прогоняютъ черезъ лужу. Послѣ этого моментально наступаетъ гробовая тишина, огни и факелы гасятъ въ ту-же минуту, всѣ расходятся въ разныя стороны и ни пасторъ,

ни полиція никогда не знаютъ, кто принималъ участіе въ продѣлкѣ. «Преступникъ» никого не могъ узнать подъ маской, а всѣ участники всегда умѣли строго хранить тайну, и всѣ розыски полиціи оставались безуспѣшными. Преступникъ обыкновенно съ покорностію выносилъ свой позоръ и боялся повторять продѣлки, за которыя онъ былъ такъ жестоко наказанъ. Древность этого обычая придаетъ ему особенную важность въ глазахъ деревенскихъ жителей, и они считаютъ его самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ исправленію. Онъ обуздываетъ многихъ тирановъ и часто удерживаетъ въ границахъ распущенныхъ людей. Нерѣдко наказаніе переходило границы и вело къ смерти преступника; часто, прежде чѣмъ его вытаскивали изъ дому, онъ защищался, и при этомъ происходили кровавыя схватки. Все это заставляло правительство издавать самыя строгія постановленія противъ Тирьягда. Однако нужно замѣтить, что этотъ тайный судъ употреблялся обыкновенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существующіе законы были безсильны противъ злоупотребленій.

Часто Тирьягдъ ограничивался только кошачьимъ концертомъ и угрозами виновному. Если судъ устраивался надъ женщиною, которая вооружала общину своимъ безпорядочнымъ поведеніемъ, то, кромѣ кошачьяго концерта, передъ порогомъ ея дома сыпали рубленную солому. Но нерѣдко и женщинъ вытаскивали изъ дому, били прутьями, гоняли черезъ лужу и продѣлывали все, что и надъ провинившимися мужчинами. Для нихъ впрочемъ существовало одно, еще болѣе жестокое, наказаніе: распутную женщину прибавали гвоздями за платье къ окну ея собственнаго дома. Это устраивали въ ея комнатѣ; скручивали ея платье въ валець, вытягивали ее черезъ окно до самыхъ плечъ, такъ что плечами она упиралась въ раму, затѣмъ ея скрученное платье прибавали крѣпко къ стѣнѣ. Такимъ образомъ торчала эта несчастная въ окнѣ, съ растрепанными волосами, съ лицомъ, выразившимъ ужасъ, отчаяніе и злобу, не смѣя и думать о борбѣ. Наказаніе это устраивали обыкновенно въ ночь съ субботы на воскресенье, и когда рано утромъ крестьяне отправлялись въ церковь, фигура несчастной женщины въ окнѣ вызывала смѣхъ и шутки прохожихъ.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи этотъ тайный народный судъ въ Германіи хотя и происходитъ все рѣже и рѣже, но все еще отъ времени до времени практикуется въ нѣкоторыхъ общинахъ, хотя жестокихъ наказаній женщинъ, въ родѣ описанныхъ, болѣе не случается, и маски во время Тирьягда уже несравненно менѣе ужасны.

Тайный народный судъ еще и теперь сохранился во многихъ мѣстностяхъ горной Баваріи, несмотря на строгія запрещенія и бдительность полиціи. Здѣсь онъ тоже является своего рода карательнымъ судомъ надъ тѣми, которые, по понятію народа, сильно провинились. Такого суда преступникъ не избѣгаетъ и тогда, когда государственный судъ его оправдалъ. Этимъ судомъ караютъ за обманъ, ростовщичество, скупость, мошенничество, за кутежъ, неимѣющій границъ и который носитъ грязный характеръ. При этомъ нападаютъ преимущественно на богатыхъ и почетныхъ, не щадятъ и духовныхъ лицъ. Въ настоящее время судъ этому въ баварскихъ горахъ называется «Haberfeldtreiben» и происходитъ, какъ многіе думаютъ, отъ господствовавшаго прежде во многихъ мѣстностяхъ обычая, по которому парни ночью подстерегали женщинъ и дѣвушекъ дурнаго поведенія и съ ударами и насмѣшками прогоняли ихъ черезъ поле домой. Многіе видятъ въ «Haberfeldtreiben» остатокъ народныхъ судовъ, учрежденныхъ еще Карломъ Великимъ. Но ничего положительнаго о происхожденіи этого обычая сказать нельзя, и извѣстно только, что имя Карла Великаго всегда играло большую роль въ этихъ народныхъ тайныхъ судахъ и что они до сихъ поръ сохранились между Инномъ и Изаромъ. Объ организаціи этого тайнаго суда тоже ничего не извѣстно, такъ какъ участники и знающіе хранятъ объ этомъ самое упорное молчаніе. Произведенныя съ этою цѣлью раз-

слѣдованія дали цѣлыя горы актовъ, но они не выяснили сути дѣла и не открыли именъ виновниковъ. Изъ этого можно придти къ заключенію, что участники даютъ торжественную клятву хранить тайну. Немногихъ удавалось поймать на мѣстѣ преступленія, но не было примѣра, чтобы кто-нибудь выдалъ товарища или открылъ организацию общества.

Исполненіе приговора, какъ думаетъ большинство, поручается холостымъ парнямъ крестьянскаго сословія. Преступника, котораго собираются покарать, обыкновенно предостерегаютъ въ стихахъ, что если онъ не исправится къ такому-то сроку, онъ долженъ ждать «Haberfeldtreiben». Тѣмъ не менѣе время исполненія приговора остается въ тайнѣ. Если предупрежденный преступникъ, по мнѣнію крестьянъ, не исправился, надъ нимъ производится судъ. Въ полночь его будятъ страшный шумъ, крики, барабанный бой, ревъ, залпы изъ ружей, самый безобразный стукъ по разнымъ, производящимъ неприятный звукъ, предметамъ, однимъ словомъ адскій концертъ совершенно такой-же, какъ и въ Тиръ-ягдѣ. Сотни замаскированныхъ, вымазанныхъ сажей чудовищъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ окружаютъ домъ преступника, жителей села будятъ, чтобы они были свидѣтелями наказанія, но всякаго непрошеннаго гостя прогоняютъ даже силою оружія. Преступника вызываютъ изъ дому, и нерѣдко ему приходится выбѣжать въ одной рубашкѣ. Когда всѣ мѣры предосторожности уже приняты, дѣлаютъ переключку судьямъ, причемъ ихъ, конечно, называютъ выдуманными именами и титулами. Прежде всего вызываютъ обыкновенно императора Карла, потомъ принца N, графа H, судью M, священника T, и всѣ громко отвѣчаютъ «здѣсь». Когда переключка окончена, одинъ изъ распорядителей выступаетъ на середину и при свѣтѣ фонаря читаетъ написанный грубыми стихами списокъ провинностей осужденнаго. Толпа сопровождаетъ это чтеніе страшнымъ воемъ и громко повторяетъ послѣдніе стихи, гремя ручными мельницами, звонками, бубенчиками, цѣпями и барабанами. При этомъ къ преступнику то одинъ, то другой изъ судей обращается съ угрозами. Послѣ чтенія этого роковаго списка, раздается рѣзкій свистъ предводителя, и вся толпа мгновенно исчезаетъ. Репутація чловѣка, надъ которымъ былъ произведенъ такой судъ, навсегда потеряна, и поэтому его боятся несравненно больше государственнаго суда. За вредъ, причиненный людямъ, не причастнымъ къ этому суду, всегда добросовѣстно вознаграждаютъ, но тоже тайнымъ образомъ. Очень часто за нѣсколько минутъ до начала суда, особые замаскированные вѣстники являются передъ домомъ сосѣдей преступника и предупреждаютъ ихъ о началѣ «Haberfeldtreiben». Тогда жители выбѣгаютъ изъ домовъ, спускаютъ скотъ съ цѣпей, чтобы страшный шумъ, который будетъ слышенъ на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ходьбы, не напугалъ его. Бывали случаи, когда жителей не предупреждали о судѣ; скотъ, слышавъ адскій шумъ и ревъ, начиналъ рваться съ цѣпей и тутъ же задыхался. За такой вредъ хозяева, какъ мы уже говорили, очень скоро тайнымъ образомъ получали вознагражденіе.

Но въ Баваріи существуютъ не только дикіе, первобытные обычаи, но и въ высшей степени симпатичные, что мы увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

Баварская деревня Обераммергау. — Крестьяне-актеры: ихъ жизнь, занятія и представленіе драмы страстей Господнихъ.

Театральныя представленія въ прежнія времена носили религіозный характеръ. Но съ теченіемъ времени ихъ все болѣе стали вытѣснять свѣтскія пьесы, и наконецъ онѣ остались въ такихъ деревенскихъ захолустьяхъ, гдѣ католическая обрядность вмѣстѣ съ поэтическимъ настроеніемъ жителей представляли для этого удобную почву.

Въ южной Баваріи, въ концѣ XVII и XVIII столѣтій, въ очень многихъ монастыряхъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, особенно во время великаго поста, исполнялась на сценѣ драма страстей Господнихъ. Однако мало-по-малу въ эти религіозныя представленія начали входить грубыя и неприличныя шутовскія сцены, власти стали неодобрительно къ нимъ относиться, и въ 1770 г. онѣ были запрещены по всей Баваріи. Съ тѣхъ поръ правительство то снова разрѣшаетъ ихъ, то опять запрещаетъ, то смотритъ сквозь пальцы на эти представленія, и только въ нынѣшнемъ столѣтіи, преимущественно въ мѣстечкѣ Обераммергау (въ 5-ти часахъ ѣзды отъ Мюнхена), начинаютъ правильно давать, въ опредѣленное время, представленія духовнаго содержанія и въ особенности драмы страстей Господнихъ.

Но почему для этихъ представленій особенно удобною оказалась деревня Обераммергау? Здѣсь уже издавна любили селиться мистики и отшельники, знатные принцы строили въ окрестностяхъ прекрасныя виллы. Въ XII в. близъ Обераммергау появляются монастыри: нѣкоторые изъ нихъ приобрѣли громкую извѣстность и начали привлекать богомольцевъ изъ странъ самыхъ отдаленныхъ. Такимъ образомъ обераммергаускіе жители уже очень рано стали входить въ сношенія съ самыми разнообразными людьми, что вліяло на ихъ умственное развитіе. Кромѣ того жители Обераммергау вскорѣ получили отъ императора нѣкоторыя особыя льготы и благодаря своему энергичному характеру становились все болѣе предпріимчивыми. Когда въ XIV столѣтіи открылись большіе торговые пути черезъ Баварію, жители Обераммергау захватили въ свои руки перевозочный промыселъ по дорогѣ отъ Венеціи въ Аугсбургъ, а въ самой деревнѣ были устроены правительствомъ товарныя склады. Около 200 лѣтъ они занимались перевозомъ, обогащаясь и матеріально, и умственно отъ постоянныхъ сношеній съ чужеземцами. Однако въ XVI ст. купцы нашли болѣе близкую дорогу, и прежній промыселъ началъ падать, но жители были уже достаточно практичны, и какъ только замѣтили, что не могутъ существовать прежнимъ промысломъ, стали съ особеннымъ рвеніемъ учиться у монаховъ рѣзбѣ на деревѣ и рисованію на стеклѣ. Скоро они въ огромномъ количествѣ стали фабриковать распятія, образки, разные священные предметы, рамки для портретовъ, игрушки. На сколько предпріимчивы, понятливы, энергичны и искусны обераммергауцы, видно изъ того, что, какъ только они отдались новому промыслу, они уже въ половинѣ прошлаго столѣтія не только во многихъ странахъ Европы, но даже въ Америкѣ устроили огромные торговые дома для сбыта своихъ произведеній. Даже и теперь, когда конкуренція тирольскихъ и швейцарскихъ рѣзныхъ работъ сильно уменьшила сбытъ этихъ издѣлій, они все таки занимаются рѣзбою и рисованіемъ на стеклѣ. Если вы пройдете по длинной улицѣ Обераммергау и посмотрите въ одно изъ свѣтлыхъ оконъ множества домиковъ, верхушки которыхъ украшены головами лошадей, то увидите, что всѣ, молодые и старыя, сидятъ за узкими столами и занимаются рѣзбою. Передъ дверями на солнышкѣ грѣются дѣти, а старая бабушка съ кистью и съ горшкомъ краски въ рукѣ заканчиваетъ разрисовку большой стеклянной вазы. Свое искусство въ рѣзбѣ и живописи жители примѣняютъ и къ своимъ домамъ: фасады ихъ украшены библейскими сценами и сюжетами изъ новаго завѣта. Въ одномъ мѣстѣ изображенъ переходъ черезъ Черное море, въ другомъ бѣгство изъ Египта; окна разукрашены рѣзбою. На многихъ работахъ лежитъ печать большого вкуса и изящества, и нѣкоторые изъ жителей приобрѣли извѣстность своею искусною рѣзбой. И теперь еще учрежденные въ Обераммергау торговые дома для сбыта рѣзныхъ товаровъ и стеклянныхъ разрисованныхъ предметовъ имѣютъ сношенія со всеми странами свѣта. При посѣщеніи этихъ складовъ, васъ поражаетъ груда рѣзныхъ издѣлій для дѣтей и ихъ разнообразіе: тутъ животныя перемѣшаны съ мавританскими королями и охотниками на сернь; тамъ куклы, арлекины,

солдаты, деревянные лошади стоят и висят рядами. Между ними множество предметов для взрослых: посуда, картинные и зеркальные рамы, образа, распятие, пивные кружки, наои из бѣлаго и цвѣтнаго дерева, вырѣзанные образа Богородицы, въ которыхъ часто можно узнать мѣстныхъ красавицъ, бюсты Шиллера, Гёте. Большинство рабочихъ выбираетъ себѣ специальность: одни занимаются рѣзбою святыхъ, другіе игрушками. Кромѣ торговыхъ домовъ, множество коробейниковъ разносятъ въ далекія страны эти произведенія оберраммергаузскаго искусства. Пренная жизнь оберраммергаузцевъ, которую мы прослѣдили вкратцѣ, и ихъ теперешнія занятія, развивающія фантазію, способствовали развитію у нихъ также и драматическаго таланта. И дѣйствительно, этотъ талантъ выступаетъ довольно ярко во время представленія драмы страстей Христовыхъ.

Старая лѣтопись, хранящаяся въ этой деревнѣ, говоритъ, что основаніемъ обычая давать драму страстей Христовыхъ послужило слѣдующее: въ 1633 г. въ Оберраммергау свирѣпствовала чума. Испуганные жители дали обѣтъ Богу, если Онъ избавитъ ихъ отъ этой заразы, каждый годъ публично представлять исторію страстей и смерти Христа. Богъ внялъ ихъ молитвамъ, и оберраммергаузцы въ теченіе 40 лѣтъ вѣрно исполняли свой обѣтъ; но все увеличивающіеся расходы, сопряженные съ этимъ представленіемъ, заставили ихъ въ 1674 г. сдѣлать промежутокъ въ 6 лѣтъ, а затѣмъ съ 1680 г. они стали давать эти представленія одинъ разъ въ 10 лѣтъ. Въ прошломъ столѣтіи эти спектакли приносили только убытокъ, впрочемъ тогда жители и не рассчитывали ни на какой доходъ: имъ такъ понравилось это развлеченіе, что между годами, въ которые давалось представленіе драмы страстей Христовыхъ, они ставили пьесы легендарнаго содержанія, что дѣлаетъ и до сихъ поръ. Вскорѣ печатъ обратила вниманіе на эти представленія, какъ на интересныя остатки стараго времени. Съ тѣхъ поръ наплывъ публики началъ увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сценическая постановка представлений дѣлала быстрые успѣхи. Когда о нихъ стали появляться брошюры и отчеты въ иностранной прессѣ, приливъ публики со всѣхъ странъ свѣта на представленія духовной драмы сдѣлался по истинѣ колоссаленъ, и она явилась новой доходной статьей для оберраммергаузцевъ. На послѣднихъ представленіяхъ въ 60-хъ и 70-хъ гг. публики присутствовало болѣе 60,000, а въ 1880 г. ея уже было болѣе 90,000; пропорціонально этому увеличилась и цифра сбора. Въ 1860 г. сборъ простирался до 54,000 флор.; въ 70-хъ г. — 117,000 ф.; въ 80-мъ г. — 170,000 ф. Сумма сбора идетъ на покрытіе издержекъ по спектаклю и на общественныя нужды: на церковь, на школу, на водяныя сооруженія, необходимыя въ этихъ гористыхъ мѣстностяхъ, и, наконецъ, третья часть раздается тѣмъ, кто приготовилъ сцену, и актерамъ, чтобы вознаградить ихъ за потерянное рабочее время, такъ какъ имъ пришлось не только участвовать во всѣхъ репетиціяхъ, но иногда и учиться цѣлыя годы. Вознагражденіе актерамъ распределяется сообразно роли каждаго, такъ что одни изъ нихъ получаютъ больше, другіе — меньше. Всѣхъ участвующихъ въ спектаклѣ, съ хоромъ и музыкантами, 697 ч., болѣе чѣмъ половина населенія деревни. Въ представленіи участвуютъ даже дѣти и старики. Тѣ, которые не могутъ быть актерами, участвуютъ въ оркестрѣ, которымъ управляетъ школьный учитель, или готовятъ декорации, костюмы и составляютъ театральную прислугу. Такимъ образомъ все населеніе такъ или иначе принимаетъ участіе въ спектаклѣ. Въ послѣднее представленіе, которое было въ 1880 г., актеры, исполнявшіе первыя роли, получили по 650 марокъ, а низшіе по 65 мар., исключая актера, исполнявшаго роль Іисуса и получившаго 1,000 мар. Участвующимъ дѣтямъ заплатили по 30 мар. каждому. Такая плата не можетъ, конечно, обогатить каждаго отдѣльнаго актера, но дѣло въ томъ, что почти весь громадный валовой сборъ отъ спектаклей остается въ деревнѣ, расходуется на нужды ея жителей; даже

сумма, которую употребляют на представленье, вся остается въ деревнѣ, потому что шитье костюмовъ, рисовка декораций, постройка театра и т. п. устраиваются преимущественно руками мѣстныхъ жителей. Такимъ образомъ эти представленія приносятъ выгоду не только тѣмъ, что сумма сбора сама по себѣ значительна, но и потому, что они даютъ заработокъ мѣстнымъ жителямъ. Къ тому же оберammerгауцы, во время представленій, наживаются еще отъ подвоза посѣтителей со станцій желѣзныхъ дорогъ и обратно, отъ ихъ ночлега, такъ какъ нѣкоторые, прїѣхавъ въ эту деревню на представленье, проводятъ въ ней по нѣсколькимъ днямъ. Во время представленія 1880 г. посѣтители оставили въ этой деревнѣ 2 милліона марокъ. Для деревни въ 1,200 жителей такая сумма, разумѣется, весьма значительна.

Вся жизнь этихъ крестьянъ актеровъ, ихъ надежды, заботы, воспоминанія, вертятся на этихъ представленіяхъ. Разъ интересъ всего населенія такъ тѣсно связанъ съ ними, невозможно даже себѣ и представить, чтобы онѣ шли безтолково, безъ ансамбля и пониманія. Наконецъ, всѣ жители растутъ и воспитываются среди актерскаго дѣла, всѣ разговоры вертятся на томъ, кто какъ игралъ, почему игралъ дурно или хорошо, какъ слѣдуетъ играть то или другое. «Къ этому представленію готовятся десять лѣтъ, разыгрывая между собой мелкія легендарныя пьесы. Дѣти, прислушиваясь, какъ учатся отцы, запоминаютъ иногда цѣлыя большія роли. Старики съ такимъ-же горячимъ интересомъ стремятся участвовать въ спектакляхъ, какъ малыя дѣти, и дряхлый старикъ, чувствуя упадокъ силъ, замѣчаетъ съ горестію: «ну, видно ужъ на будущій разъ мнѣ съ вами на сценѣ не играть.» Всѣ они охотно вспоминаютъ, когда играли и какую роль, сохраняютъ даже на память какую-нибудь принадлежность сценическаго костюма: шлемъ, мантию, ангельскія крылья. Дѣти вспоминаютъ о томъ, какъ играли ихъ родители, родители прозрѣваютъ въ дѣтяхъ будущихъ исполнителей на ту или эту роль. «Она будетъ у насъ чудесная Матерь Божія», скажутъ вамъ, указывая на бѣлокурую дѣвочку съ большими, добрыми глазами, — и «будущая Богородица» вся зардѣется, довольная, увѣренная, что такъ будетъ, потому что это говорятъ ея отецъ, который теперь играетъ одну изъ главныхъ ролей, и всѣ его хвалятъ, значить, онъ долженъ это знать».

Можно себѣ представить, какая происходитъ по всей деревнѣ суматоха, когда наступаетъ этотъ десятый годъ, назначенный для спектакля. «Кто будетъ играть? Какая кому достанется роль?» — вотъ вопросы, которые у всѣхъ на устахъ. Еще зимою, въ общемъ собраніи, выбираютъ *комитетъ духовной драмы*, который распоряжается всѣмъ дѣломъ, назначаетъ актеровъ и распределяетъ между ними роли. Последнее совершается въ высшей степени торжественно. Прежде чѣмъ приступить къ выборамъ, всѣ жители деревни съ ранняго утра отправляются въ церковь, на богослуженіе, въ концѣ котораго священникъ дѣлаетъ наставленіе избирателямъ и избираемымъ, чтобы они какъ можно добросовѣстнѣ отнеслись къ своему дѣлу.

Изъ церкви всѣ отправляются въ общую залу, и тамъ уже происходятъ выборы и распределеніе ролей. При этомъ обращаютъ вниманіе, какъ на драматическія способности актера, которыя впрочемъ извѣстны всѣмъ, такъ какъ уже съ очень раннихъ лѣтъ онъ имѣлъ возможность проявить ихъ въ мелкихъ пьесахъ, такъ и на его поведеніе. Тотъ, кто получаетъ важнѣйшія роли, — считаетъ это для себя величайшею честью. Всѣ безъ исключенія избранныя лица приготавливаются къ исполненію драмы, какъ къ какому-нибудь священнодѣйствию. Исполняющій роль Иисуса умерщвляетъ свою плоть, постится, часто говѣетъ и выходитъ на сцену лишь послѣ причастія. Еще во время послѣдней войны оберammerгауцы подавали прошеніе королю, чтобы актера, представляющаго Христа, не зачисляли въ армію и «не заставили остричь его длинныхъ волосъ», — и эта просьба

была уважена. Голосовыя средства и музыкальныя способности для пѣнія въ хорѣ тоже извѣстны каждому, такъ какъ къ музыкѣ и пѣнію приучаетъ школа и церковь, устраи- вающія довольно часто духовныя концерты.

Съ самаго начала приготовленій строится и театръ—большое зданіе, служащее одно только лѣто; другіе пишутъ декорачіи, шьютъ костюмы. Обераммергауцы стараются придать обстановкѣ представленія характеръ по возможности исторически-правдо- подобный: они приобрѣли изданіе библіи съ иллюстраціями Дорэ и по этимъ рисункамъ шьютъ костюмы, ставятъ живыя картины. вмѣстѣ съ этимъ въ деревнѣ идутъ и дру- гія приготовленія: жители принаравливаютъ свои дома къ приему гостей, закупаютъ постели, посуду. Каждое семейство за это время успѣетъ принять и дать ночлегъ мно- гимъ лицамъ; тамъ и здѣсь появляются новые рестораны. Всѣ жители деревни въ нео- быкновенномъ волненіи: ждуть огромнаго наплыва публики, коронованныхъ гостей, ре- портеровъ всѣхъ странъ свѣта. Представленія происходятъ лѣтомъ, начиная съ мая и кончая сентябремъ, каждое воскресенье. Если въ одно изъ воскресеній наплывъ публики такъ великъ, что не хватаетъ мѣста, то представленіе повторяютъ на слѣдующій день. Въ 1880 г. этихъ повтореній было столько же, сколько и спектаклей. Цѣна входнымъ билетамъ отъ 1 до 8 марокъ. Временное театральное зданіе, на краю деревни, вмѣ- щаетъ болѣе 5000 зрителей. Къ нему примыкаетъ довольно большое и постоянное строе- ніе для уборныхъ, которое служитъ театромъ для представленія небольшихъ пьесъ. Мѣ- ста устроены довольно первобытнымъ образомъ. «Представьте себѣ громадный наклон- ный помостъ въ родѣ тѣхъ, какіе дѣлаются въ нашихъ балаганахъ. Ближайшая къ сценѣ, болѣе низкая его половина сверху открыта и занята простыми скамьями безъ всякихъ спянокъ; та же часть, которая выше, отгорожена отъ первой и покрыта лег- кимъ навѣсомъ; тутъ устроены мѣста болѣе удобныя и нумерованныя. Такимъ обра- зомъ, хотите вы быть ближе къ сценѣ, вы платите дешевле, но сидите подъ открытымъ небомъ; хотите быть подъ кровлею, платите дороже и сидите дальше отъ сцены. Ор- кестръ помѣщается, какъ и вездѣ, передъ сценой, только во время дождя его ставятъ сбоку, чтобы прикрыть парусиннымъ навѣсомъ; сцена тоже частью открыта, частью закрыта. Если представленіе попадаетъ въ дождливый или слишкомъ знойный день, оно не отменяется; оно не прерывается даже, если случайно набѣжавшая туча разразится грозой, и актеры нерѣдко совершаютъ свое художественное священнодѣйствіе подъ па- лящими лучами солнца или подъ проливнымъ дождемъ, иногда даже съ громомъ и мол- ніей. При этомъ не позволяется открывать зонтиковъ, чтобы не мѣшать сидящимъ сза- ди видѣть представленіе...

На утро, въ четыре часа, въ Обераммергау раздаются трубныя звуки, барабан- ный бой, пушечныя выстрѣлы; деревня пробуждается. Въ 6 часовъ обѣдня, въ 7 отво- ряютъ театръ, и собирается публика; въ восемь начинается представленіе и безъ пере- рыва продолжается до одиннадцати съ половиной. Во все это время уйдти не возможно, развѣ только тѣмъ, кто сидятъ съ краю, у самаго прохода; кто же забрался въ тѣсно- скученную середину, тотъ не шелохнись, иначе пришлось-бы поднять всѣхъ сидящихъ на той лавкѣ, потому что проходы между лавками до крайности узки. Отъ половины двѣнадцатаго до часу — время завтрака: всѣ выходятъ изъ театра и разсѣиваются по деревнѣ», — послѣ чего драма продолжается непрерывно.

Текстъ драмы «страстей Господнихъ», написанный отчасти стихами (стихотвор- ная часть поется хоромъ), отчасти прозой, уже издавна исполнявшійся въ Обераммер- гау, былъ много разъ измѣненъ и переработанъ. Въ новѣйшей своей обработкѣ эта драма носить длинное названіе: «великая жертва искупленія на Голгофѣ», или «исто-

рія страданія и смерти Ісуса, по 4-мъ евангелистамъ, съ представленіями картинъ изъ ветхаго завѣта на размышленіе и назиданіе».

Сцена представляетъ большой, подъ открытымъ небомъ помостъ, къ которому съ боковъ и сзади примыкають декораціи. Средняя часть сцены закрыта крышею, съ занавѣсю, со сценою и, какъ въ другихъ театрахъ, съ подвижными декораціями. Здѣсь представляютъ всѣ тѣ части драмы, для которыхъ нужна перемѣна декорацій. Къ этой части примыкають справа и слѣва узкіе дома съ балконами: слѣва домъ Пилата, справа домъ священника Анны. Часть представленія происходитъ передъ этими домами. Подлѣ нихъ съ той и съ другой стороны, черезъ ворота со сводами, открывается видъ на улицы Іерусалима. Спереди открытая авансцена предназначена главнымъ образомъ для хоровъ и тѣхъ представленій, для которыхъ нужно большое пространство. Такимъ образомъ дѣйствіе происходитъ то на открытой аванценѣ и въ боковыхъ улицахъ, то въ среднемъ театрѣ, то обѣ эти части театра сливаются въ одно. Декорація на занавѣси средней части сцены изображаетъ улицу; когда занавѣсъ бываетъ опущенъ, вся сцена представляетъ Іерусалимъ. Когда поднимають занавѣсъ, фонъ сцены представляетъ дѣйствительныя горы, дѣса и луга, окаймляющіе деревню. Утреннее солнце золотитъ улицы священнаго города, жаворонки кружатся наверху, надъ головами зрителей, а издали доносится звонъ колокольчиковъ и мычанье коровъ. Но все это не мѣшаетъ ни ходу пьесы, ни вниманію зрителей.

Весь спектакль раздѣляется на 17 частей или представленій, которыя безъ всякихъ антрактовъ идутъ одно за другимъ, кромѣ часоваго перерыва для подкрѣпленія себя пищею. Каждое изъ этихъ 17 представленій состоитъ еще изъ двухъ частей. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что справа и слѣва выходитъ хоръ мужчинъ и женщинъ. «Они одѣты въ греческіе костюмы: въ золоченныхъ діадемахъ на головахъ, въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ, съ разноцвѣтными плащами и въ сандаляхъ. Сойдясь на срединѣ, они поютъ или декламируютъ стихотворныя обращенія къ публикѣ, то однимъ голосомъ, то дуэтомъ, тріо, или всѣмъ хоромъ. Эти лица нѣчто въ родѣ хора древнихъ греческихъ трагедій, откуда онѣ и заимствованы; онѣ обращаютъ вниманіе на предстоящее дѣйствіе, объясняютъ значеніе каждаго событія и указываютъ на аналогическіе съ нимъ факты ветхаго завѣта. Затѣмъ занавѣсъ средняго театра поднимается, и указываемый фактъ появляется въ видѣ живой картины. Послѣ этого хоръ уходитъ за кулисы; тогда начинается самое дѣйствіе драмы. И такъ непрерывно 17 разъ: уходитъ хоръ, играется драма; закончено дѣйствіе драмы, снова выходитъ хоръ».

Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о драмѣ, мы вкратцѣ изложимъ первыя три представленія, остальные только назовемъ.

1. *Въздѣ въ Іерусалимъ*. Хоръ вспоминаетъ, что прародители были изгнаны изъ рая (живая картина изображаетъ это изгнаніе), но Богъ милосердъ, — Онъ отдаетъ кровь своего Сына за спасеніе человѣчества, и, какъ символъ этого, уже блеститъ крестъ (живая картина—крестъ, на которомъ распятъ Спаситель и предъ Нимъ четыре молящіяся фигуры). Затѣмъ занавѣсъ падаетъ, хоръ увѣщаетъ зрителей слѣдить внимательно за страданіями Искупителя и оставляетъ сцену. Теперь начинается самая драма въздомъ Христа въ Іерусалимъ. За средней частью сцены видны толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, которые привѣтствуютъ Спасителя громкими кликами: «Осанна!» Наконецъ появляется самъ Спаситель на ослѣ среди своихъ учениковъ. Онъ въ блѣдно-фіолетовомъ платѣ и въ красномъ плащѣ, сидитъ на ослѣ и сходитъ, какъ только доѣзжаетъ до передней части авансцены. Роль Спасителя беретъ на себя самый талантливый актеръ и исполняетъ ее обыкновенно безукоризненно. Всѣ движенія его просты, фигура внушаетъ благовѣніе. На средней ча-

сти сцены падаетъ занавѣсъ, потомъ опять поднимается, и передъ зрителями—внутренность храма, въ которомъ видны лавки мѣняль съ ихъ столами, торговцы ягнать и голубей. Христосъ приближается къ нимъ и начинаетъ съ торговцами и священниками споръ, оканчивающійся тѣмъ, что Онъ опрокидываетъ столы, выпускаетъ голубей, которые, улетая, поднимаются вверхъ надъ головами зрителей, и бичемъ выгоняетъ изъ храма торговцевъ и мѣняль.

2. *Замысль верховнаго совѣта.* Хоръ: «они бѣжали, злодѣи, и требуютъ места!» Это напоминаетъ, какъ сыновья Іакова совѣщались извести своего брата Іосифа (Картина), а вслѣдъ за этимъ сцена—засѣданіе верховнаго совѣта, члены котораго совѣщаются, какъ бы извести Іесуса: они сидятъ на маленькихъ скамейкахъ у кулпсъ, а за ними, на болѣе высокихъ мѣстахъ, Анна и Каіафа; первый въ бѣломъ, второй въ красномъ платьѣ—оба въ высокихъ митрахъ.

3. *Прощаніе въ Вифаніи.* Хоръ провозглашаетъ разставанье Богоматери съ Сыномъ, какъ нѣкогда Товій прощался съ родителями (картина этого прощанья). Другая живая картина представляетъ невѣсту (изъ пѣсень Соломона), окруженную 8-ю іерусалимскими дочерьми, оплакивающую уходъ жениха. Это предшествуетъ той сценѣ, въ которой Христосъ прощается съ матерью и съ своими учениками.

4. *Постыднй приходъ въ Іерусалимъ,* гдѣ между прочимъ является Іуда, обреченный, какъ самый алчный плутъ и отъявленный негодяй. Онъ то злобствуетъ на Магдаллну, называя ее дурой за то, что она потратила деньги на такіе пустяки, какъ душистое масло, то торгуется съ торговцами, выгнанными Спасителемъ изъ храма, и рѣшается предать Его имъ. Но, оставшись одинъ, онъ еще колеблется, исполнить-ли ему свое обѣщаніе. Въ этомъ колебаніи не нравственная борьба, а желаніе какъ можно выгоднѣе продать Спасителя. Затѣмъ слѣдуетъ:

5. *Тайная вечеря,* 6. *Предатель,* 7. *Іисусъ на Оливковой горѣ,* 8. *Іисусъ передъ священникомъ Анной,* 9. *Іисусъ передъ Каіафой,* 10. *Отчаяніе Іуды,* 11. *Іисусъ передъ Пилатомъ,* 12. *Іисусъ передъ Продомъ,* 13. *Бичеваніе и вѣнчаніе терновымъ вѣнцомъ,* 14. *Іисусъ осужденъ на распятіе,* 15. *Перенесеніе креста,* 16. *Іисусъ на Голгофѣ, и, наконецъ,* 17. *Воскресеніе.*

Исполненіе драмы отдѣльными лицами не всегда бываетъ одинаково, такъ какъ она дается въ 10 лѣтъ разъ: въ такой промежутокъ времени актеры, исполняющіе роли дѣтей, уже вырастаютъ и берутъ часто первостепенныя роли, другіе старѣютъ и принуждены или перемѣнить свою роль, или совсѣмъ оставить сцену, но не измѣняются особенности, вызванныя условіями самой драмы и мѣстнаго театра. Прежде всего свѣжаго человѣка поражаетъ въ исполненіи этой драмы виѣшній видъ актеровъ: тутъ не существуетъ ни париковъ, не допускается ни малѣйшей гримировки. Морщина, согбенный станъ, сѣдина, извѣстный цвѣтъ волосъ, — все до мельчайшихъ подробностей должно быть дѣломъ природы, а не рукъ человѣческихъ. Такимъ образомъ для каждой роли оберammerгауццамъ приходится выбирать актера, не только болѣе другихъ способнаго на ту или другую роль, но и такого, который бы соответствовалъ избранной роли своимъ ростомъ, годами, всею своею фигурою. Поэтому необыкновенно удачны въ этой драмѣ всѣ народныя сцены, когда на подмосткахъ сразу появляется 300, 400 человѣкъ, — старики, дѣти, юноши, безъ всякой поддѣлки подъ возрастъ, которые всею душою отдаются игрѣ. Обыкновенно менѣе удачно исполненіе отдѣльныхъ лицъ: вы видите только враговъ и друзей. Враги непременно говорятъ очень злобно и рѣзко, друзья — кротко и смиренно. Личность Іуды выступаетъ какимъ то мелодраматическимъ злодѣемъ.

ЖИЗНЬ БАВАРСКАГО НАРОДА И ЕГО ПРАЗДНИКИ.

Служба ангеловъ. — Кража „рождественской свиньи“. — Рождественская военнопная. — Новый годъ. — День трехъ королей. — Сѣтеніе. — Масляница. — Баварскіе музыканты и танцы. — Поэтическія минуты жизни молодежи: проводы съ бала и свиданіе у открытаго окна. — Карнавальное представленіе. — Пятница послѣ Вознесенія: крестный ходъ. — Сошествіе на землю Св. Духа въ видѣ голубя. — День всѣхъ святыхъ и всѣхъ душъ.

У баварцевъ, какъ у истыхъ сыновъ католической церкви, множество праздниковъ. Въ нихъ выражается вся жизнь народа, его вѣрованія, нравы, понятія, обычаи.

Рождество въ Баваріи — праздникъ наиболѣе почитаемый; онъ даетъ себя чувствовать еще задолго до своего наступленія. Во время филиппова поста идетъ въ церкви служба, чрезвычайно любимая народомъ, и которую онъ называетъ «ангельскою». Въ мрачныя декабрскія ночи, несмотря ни на сугробы снѣга, ни на гололедицу, ни на дождь и завываніе бури, толпы народа сѣдаютъ въ церковь съ факелами. Для католическаго сердца эта служба привлекательна уже потому, что на иконостасѣ въ эти дни сіяетъ образъ Божьей Матери въ красивой рамкѣ изъ мха съ бѣлыми и красными бумажными розанамъ, окруженный множествомъ горящихъ восковыхъ свѣчей. Органъ играетъ веселые мотивы, возвѣщающіе о скоромъ пришествіи въ міръ Спасителя, а слѣдовательно и о приближеніи любимыхъ веселыхъ праздниковъ. Хотя баварецъ всегда соблюдаетъ постъ, но онъ не особенно стѣсняетъ его: въ такое время во всѣхъ гостиницахъ, вечеромъ, какъ и всегда, шумятъ и пируютъ крестьяне. Правда, во время филиппова поста баварецъ не позволить себѣ ѣсть мясо, но не отказываетъ себѣ въ кускѣ сала или ветчины.

«Всенощная свинья» въ сочельникъ передъ Рождествомъ играетъ въ семействѣ баварца самую видную роль. И это понятно: всѣ удовольствія рождественскаго праздника, всѣ лакомыя блюда, какъ-то: сало, жаркое, печеночная колбаса, — все даетъ свинья, которую для этого откармливаютъ особенно тщательно. По этой свиньѣ можно судить о богатствѣ крестьянина: если она вѣсомъ въ 2 центнера, то хозяинъ считается богатымъ, если полтора — средняго состоянія, но даже у баварскаго поденщика свинья никогда не вѣситъ меньше $\frac{3}{4}$ центнера. Въ день ея убоя устраиваютъ большой пиръ. Главное блюдо — супъ изъ свиной колбасы. Когда печеночная колбаса хорошо разварится въ супѣ, — это самое лакомое блюдо баварца. А какое удовольствіе доставляетъ дѣтямъ свиной пузырь! Всѣ бросаются къ нему и по очереди раздуваютъ его. Лишь только отецъ замѣтилъ, что дѣти достаточно имъ позабавились, онъ завязываетъ его и вѣшаетъ на палку у печи. Съ этой минуты дѣти уже не смѣютъ болѣе играть имъ. Этотъ пузырь — цѣнная вещь въ домѣ небогатаго крестьянина: онъ замѣняетъ ему шкатулку и кошелекъ, въ него прячутъ серебряныя монеты.

Свинью разрубаютъ на 4 части и вѣшаютъ на крюкахъ; сало и колбасы кладутъ въ миска и крѣпко запираютъ отъ воровъ. У «рождественской свиньи» много враговъ: украсть у баварскаго крестьянина живую или битую свинью, предназначенную къ празднику, скорѣй считается веселой продѣлкой, чѣмъ грѣхомъ. Положеніе человека, у котораго случилось такое воровство, въ высшей степени печальное во всѣхъ отношеніяхъ: онъ съ семействомъ не только лишается вкусныхъ блюдъ во всѣ праздники, но и становится предметомъ насмѣшекъ. Воры наслаждаются даровымъ жаркимъ и подсмѣиваются надъ простотой несчастнаго; сосѣди тѣмъ злѣе издѣваются надъ нимъ, если онъ не умѣетъ покойно снести свою потерю. Кромѣ того, выкрадывая «рождественскую свинью», воры обыкновенно выкидываютъ съ несчастнымъ еще злую шутку: прежде чѣмъ унести

добычу къ себѣ, они запирають дверь его спальни снаружи, заставляють ее посудой, такъ что, когда наступаетъ утро и хозяинъ выходитъ, посуда разбивается въ куски.

Въ святой вечеръ, т. е. наканунѣ Рождества, баварцы постятся очень строго: утромъ они ничего не ѣдятъ, въ полдень съѣдаютъ очень немного чего-нибудь горячаго, напр. вареныхъ клецокъ, вечеромъ немного сушеныхъ плодовъ или печенья. Какъ все блеститъ къ приближенію сумерекъ! Ни въ одинъ день въ году нѣтъ въ домѣ такой чистоты: полъ уже съ утра выложенъ свѣжей соломой, въ которой барахтаются дѣти, пока старшіе не прогоняютъ ихъ оттуда, а это бываетъ тогда, когда хозяинъ беретъ въ руки Новый завѣтъ. Тогда всѣ садятся кругомъ его: жена, дѣти, работники, работницы. Онъ начинаетъ читать исторію Маріи и Іосифа, рожденія Христа, о пастухахъ и ангелахъ. Съ широко-раскрытыми глазами дѣти прислушиваются къ исторіи святого Младенца и затѣмъ, по командѣ отца, отправляются спать, но они не уйдутъ прежде, чѣмъ мать не поставитъ при нихъ на окно самую большую миску, которую святой Младенецъ долженъ наполнить подарками. вмѣстѣ съ дѣтьми уходятъ заснуть и нѣкоторые изъ взрослыхъ, но просятъ себя разбудить. Тѣ, которые остались бодрствовать, придвигаютъ столъ къ печи, и грамотный членъ семьи продолжаетъ читать исторію рождества Христова. Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго въ домѣ поднимается суета: на сѣгѣ уже слышатся шаги отправляющихся въ церковь и звонъ колоколовъ. «Ко всенощной!» кричитъ хозяинъ и всѣ отправляются въ церковь. Остается одна хозяйка, на кухнѣ, и старшій работникъ, который сидитъ на печи съ книгой Новаго Завѣта на колѣняхъ и съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ. Дворъ охраняетъ косматая собака, а домъ—работникъ съ ружьемъ. Работникъ начинаетъ читать Новый Завѣтъ (въ такіе дни для порядочнаго человѣка это чтеніе обязательно), но онъ сразу останавливается и начинаетъ прислушиваться. Ему почудился шорохъ, онъ выбѣжалъ и выстрѣлилъ. Впрочемъ онъ стрѣляетъ не только тогда, когда слышитъ какой-нибудь подозрительный звукъ, но выстрѣлы въ эту ночь со всѣхъ дворовъ раздаются безпрестанно. Стрѣлять въ рождественскую ночь—давнишній обычай баварцевъ: этимъ они даютъ знать ворами, которые, можетъ быть, подбираются къ рождественской свиньѣ, что дворъ бдительно охраняютъ и воздаютъ честь святому Младенцу, котораго они такъ почитаютъ. Баварскій крестьянинъ говоритъ и представляетъ себѣ святого Младенца не иначе, какъ королевскимъ принцемъ, и потому встрѣчаетъ его рождество съ большимъ почетомъ и ружейными залпами. Въ этой стрѣльбѣ участвуютъ всѣ, и старые, и молодые: каждую минуту кто-нибудь беретъ ружье, выбѣгаетъ на дворъ и дѣлаетъ выстрѣлъ; хозяинъ стрѣляетъ черезъ окно, а его маленькій сынъ прикладываетъ къ щекѣ свое дѣтское ружье и тоже стрѣляетъ.

Въ самой всенощной есть особенная прелесть для баварца. Вся церковь ярко освѣщена и полна народомъ. Играютъ любимую народомъ «обѣдную пастуховъ», во время которой органная труба превращается въ свирѣль, а «gloria» въ пастушескую пѣсню. На каждомъ алтарѣ образъ святого Младенца, а на самомъ большомъ ихъ нихъ онъ разодѣтъ въ длинную рубашку съ золотой каймой, и его красное, полненькое, краснорозовое личико заставляетъ биться любовью сердца молодыхъ матерей. Правой рукой онъ благословляетъ народъ, а лѣвой держитъ синий глобусъ.

Какъ только всѣ вернулись со всенощной, хозяйка ставитъ на столъ «всенощный пирогъ», печеночную колбасу, свиной супъ съ капустой и бѣлый хлѣбъ, который подаютъ только по большимъ праздникамъ. Послѣ этого тѣ, которые не спали до всенощной, ложатся въ постель; Впрочемъ они спятъ очень не долго, такъ какъ вскорѣ звонятъ къ заутренѣ и церковь снова наполняется молящимися. Въ Рождество баварецъ не устаетъ много разъ ходить въ церковь: въ этотъ день бываетъ три обѣдни, и каждый изъ нихъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ присутствовать на всѣхъ. Возвращеніе съ за-

утрени приносить дѣтямъ большую радость: всѣ они уже вскочили съ постелей и прыгаютъ вокругъ стола, освѣщеннаго восковыми свѣчами и на которомъ стоитъ миска съ подарками. Дѣйствительно, святой Младенецъ не поспешилъ. Чего, чего, только тутъ нѣтъ: переднички, шерстяные чулки, книжки, платочки, деревянные лошадки, разнаго рода печенья, яблоки, груши, сушенныя сливы, орѣхи, не забыта даже и розга. Но розга въ этотъ день не идетъ въ дѣло: она служитъ только напоминаніемъ, что могутъ заслужить капризные, но теперь все забыто и всѣ въ самомъ счастливомъ настроеніи садятся за завтракъ.

Наканунѣ новаго года, даже въ самые суровые морозы, деревенскіе жители стоятъ у открытыхъ оконъ и прислушиваются къ пѣнію пѣвца, которымъ обыкновенно является очень древній старикъ, нерѣдко слѣпой и горбатый, въ сопровожденіи мальчика или дѣвухи; онъ поетъ съ аллебардой въ рукѣ. Въ эту ночь онъ останавливается передъ каждымъ домомъ, чтобы пропѣть поздравительные стихи, въ которыхъ высказываются пожеланія на новый годъ всѣмъ членамъ семейства. Для этого онъ долженъ знать въ домѣ, передъ которымъ онъ остановился, всѣхъ, начиная съ хозяина и кончая его новорожденнымъ младенцемъ. Понятно, что безъ чужой помощи онъ не можетъ обойтись, и его спутница не только заранее собираетъ свѣдѣнія о жильцахъ каждаго дома, но и подсказываетъ забытыя старикомъ имена. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ пѣвца къ своему дому, и богатые, и бѣдные щедро награждаютъ его. Лишь только онъ подходитъ, всѣ кричатъ: «ну, что-то онъ скажетъ про тебя?» Старикъ часто изъ желанія состричь, а иногда вслѣдствіе забывчивости или изъ желанія сказать пріятное, желаетъ жениха старой дѣвѣ, называетъ красавицей отцвѣтшую... но это все равно: его встрѣчаютъ шутками и смѣхомъ; это даетъ возможность говорить, дѣлать предположенія, остричь, загадывать, смѣяться. Мало того, въ мѣстечкѣ продолжаютъ болтать о пѣвцѣ всю недѣлю: «тебѣ онъ сказалъ это, ей—то-то».

Въ день новаго года, уже съ ранняго утра, во всѣхъ домахъ раздаются крики. Каждый членъ семьи старается прежде другихъ закричать: «съ новымъ годомъ!» Лишь только хозяинъ садится на стулъ, дѣти бросаются къ нему, окружаютъ его и каждый другъ передъ другомъ старается прежде другихъ подать ему сапоги и платье. Отецъ даритъ имъ красивые крестикъ.

Бѣдныя дѣти, которыя получаютъ содержаніе на счетъ общины, обходятъ съ мѣшкомъ за спиной дома болѣе богатыхъ и почетныхъ людей, поютъ пѣсни, въ которыхъ поздравляютъ и высказываютъ самыя разнообразныя пожеланія, и прежде всего, разужѣется, долгой и счастливой жизни, послѣ которой они должны попасть на небо. Въ этихъ пѣсняхъ часто встрѣчаются сравненія и пожеланія уподобиться гвоздикѣ, такъ какъ этотъ цвѣтокъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ баварскимъ крестьяниномъ. Поэтому маленькіе пѣвцы желаютъ хозяину «золотое платье», которое шло-бы къ нему и въ которомъ онъ былъ-бы такъ хорошъ, какъ гвоздика. Хозяйкѣ они желаютъ «золотаго чепца», въ которомъ она была бы мила, какъ горлица. Горлица—любимая птица здѣшнихъ женщинъ: ея походка такъ красива, она такъ мило воркуетъ и при этомъ предохраняетъ все семейство отъ рожи, во что непоколебимо вѣрится здѣшній крестьянинъ. Поэтому хозяйка съ чрезвычайною любовью ухаживаетъ за этой птицей.

Наканунѣ дня трехъ святыхъ королей, въ три часа по полудни, въ церкви совершается великое водосвятіе. Каждое семейство старается принести изъ церкви большой кувшинъ воды. Многіе посылаютъ за этимъ своихъ дѣтей. Когда нѣсколько дѣтей соберется у чана, то, изъ желанія добыть поскорѣй святую воду, они поднимаютъ сеору и даже потасовку, которая нерѣдко доходитъ до того, что и ихъ шапки летятъ въ освященную воду, разбитая посуда падаетъ на полъ, пока въ это дѣло не вмѣшивается кто

нибудь изъ церковныхъ служителей. Кромѣ воды, освящаютъ соль и мѣлъ: соль кладутъ дома подлѣ кувшина съ водой, а освященнымъ мѣломъ надписываютъ имена святыхъ королей. Въ сумерки изъ дома въ домъ, съ одного поля на другое ходятъ толпы пѣвцовъ и поютъ старую пѣсню про трехъ королей. Вотъ идетъ огромная толпа дѣвушекъ и парней: это не нищіе, которые поютъ ради милостыни, но тѣ, которые имѣютъ хорошей голосъ, сыновья и дочери крестьянъ, часто зажиточныхъ. Чтобы не быть узанными, они переодѣлись нищими, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надѣваютъ и маски. Пѣть во все горло, забавлять сосѣдей ночнымъ концертомъ и въ тоже время остаться неузнаннымъ, иногда даже родственниками, — чрезвычайно заманчиво для баварской молодежи. Поэтому-то дѣвушки и не позволяютъ подходить къ себѣ близко съ огнемъ, и когда къ нимъ приближаются съ фонаремъ, онѣ разбѣгаются въ разныя стороны. Въ пѣснѣ, которую онѣ поютъ, говорится о востокѣ, о свѣтлой звѣздѣ, о трехъ святыхъ короляхъ, о святомъ Младенцѣ, о Маріи и Іосифѣ. Она заканчивается благословеніемъ: «повсюду, куда достигнетъ нашъ голосъ, пусть не будетъ ни ужаса, ни пожара...» Крестьянки твердо вѣрятъ, что эти пожеланія сбудутся, и каждая изъ нихъ чувствуетъ себя вполне счастливой, когда услышитъ, что эту пѣсню поютъ за дверью ея дома. Хотя эти пѣвцы поютъ не ради милостыни, но ее всетаки имъ подають, и они, послѣ обхода, раздають ее бѣднякамъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ нихъ къ тому-же самому дому, подходит толпа бѣдныхъ мальчиковъ-пѣвцовъ. Они поютъ старую и любопытную пѣсню: «святые три короля — люди знатные: они ѣдутъ въ сапогахъ со шпорами... вотъ они и у дома Ирода. Выглянулъ Иродъ въ окно. «Заѣзжайте, господа, заѣзжайте ко мнѣ... Я вамъ дамъ вина и пива, я вамъ дамъ сѣна и соломы; всего будетъ вамъ вдоволь и все даромъ...» Эти стихи—достояніе баварскаго народа, который даже мрачнаго палача Ирода надбляетъ добродушною патріархальностію. Въ ней Иродъ, приглашая гостей, смотритъ на нихъ изъ окна съ трубкой во рту и зазываетъ къ себѣ трехъ королей такъ же радушно, какъ любой хозяинъ баварской таверны. Когда гости вошли, онъ велѣлъ принести для нихъ пива изъ своей придворной іерусалимской пивоварни, и все это онъ даетъ имъ даромъ, чтобы они могли всѣ свои деньги пожертвовать святому Младенцу. Такимъ добродушнымъ Ирода не считаютъ нигдѣ, кромѣ Баваріи.

Во многихъ мѣстностяхъ Баваріи три святые короля ходятъ изъ дома въ домъ. Ихъ изображаютъ обыкновенно молодые, веселые парни. Ихъ панталоны и сапоги чисто баварскіе, но верхнее платье носить нѣсколько восточный отпечатокъ: они опоясаны краснымъ кушакомъ, въ мавританской рубахѣ съ черными и бѣлыми каймами, лица у нихъ вымазаны сажей, на головахъ короны изъ красной бумаги съ изображеніемъ полумѣсяца и креста, — вообще они только тѣмъ напоминаютъ трехъ королей, что ихъ трое: они не приносятъ подарковъ, какъ святые три короля, а напротивъ сами ожидаютъ ихъ, мало они походятъ и на святыхъ. Когда толпа дѣтей осаждаютъ ихъ сзади, они даютъ тумака то одному, то другому, дѣлаютъ гримасы. Толпа дѣвушекъ-пѣвицъ, которая слѣдуетъ за ними, относится къ своему дѣлу гораздо серіознѣе. Она съ большимъ чувствомъ поетъ: «встань, встань, Яэль, не спи такъ долго; что-то странное творится сегодня ночью! Слышишь, вонъ поютъ: мальчикъ съ крыльями запѣваетъ, остальные подтягиваютъ. Онъ поетъ, что въ небѣ все прекрасно, что прекраснѣе ничего нельзя себѣ представить. Милый мальчикъ, поведи насъ туда, гдѣ покоится святой Младенецъ: мы ему помолимся». Или: «святые три короля сегодня между нами. Храни насъ Богъ отъ наводненія, пожара и отъ всякаго зла».

Въ день трехъ королей во всѣхъ католическихъ баварскихъ домахъ торжественно дѣлаютъ освященнымъ мѣломъ надпись начальныхъ буквъ трехъ святыхъ королей. Между начальными буквами именъ ставятъ кресты, а по бокамъ цифры новаго года. Для

этого существуетъ свой специалистъ-каллиграфъ, и каждый домъ, за извѣстную плату, приглашаетъ къ себѣ его. Имена трехъ королей предохраняютъ отъ всевозможныхъ напастей не только католиковъ-баварцевъ, но и протестантскихъ германцевъ. Даже и послѣдніе пишутъ имена этихъ королей на бумажкахъ, освящаютъ ихъ, продаютъ эти бумажки въ видѣ амулетовъ, которые носятъ на шеѣ или приклеиваютъ ихъ въ хлѣбахъ, сараяхъ и домахъ.

Въ день Срѣтенія всѣ жители баварскаго дома въ торжественномъ настроеніи. Хозяинъ, отправляясь въ церковь, беретъ съ собою тяжелую восковую свѣчу, которую онъ тамъ освящаетъ. Хозяйка въ это время на дворѣ укладываетъ воскъ въ большую корзину, которую работница отправляется святить въ церковь. Изъ этого воска хозяйка потомъ будетъ дѣлать свѣчи и раздавать всѣмъ домашнимъ: маленькимъ дочкамъ своимъ она дастъ разноцвѣтныя свѣчки, дочери-невѣстѣ — свѣчку съ позолотой, которую та зажжетъ въ день своей свадьбы.

Послѣ чрезвычайно-сытнаго и обильнаго обѣда въ этотъ день хозяинъ торжественно подходитъ къ столу и высыпаетъ изъ свиного пузыря свои кроны, гульдены и талеры. Срѣтеніе въ Баваріи — день расплаты съ работниками, а такъ какъ каждое важное событіе семейной жизни сопровождается здѣсь церемоніею или торжествомъ, то понятно, что годовая расплата съ рабочими, которые играютъ такую важную роль въ семействѣ баварца, не можетъ происходить просто. И дѣйствительно: лишь только зазвенѣли по столу монеты, какъ дверь торжественно открывается, и въ комнату входитъ цѣлая толпа служащихъ. Впереди всѣхъ идетъ возница, за нимъ, по степени своего общественного положенія, остальные работники. Если у хозяина работниковъ много, то ему приходится порядочно опорожнить свой карманъ; но онъ не жалѣетъ объ этомъ, такъ какъ высшее счастье — имѣть хорошихъ рабочихъ. Въ этотъ день работники, которые не сошлись съ хозяиномъ въ цѣнѣ, оставляютъ его домъ и поступаютъ на новыя мѣста. Еще за три дня до Срѣтенія и три дня послѣ этого праздника, слѣдовательно въ продолженіи 6 дней, — праздникъ для работниковъ. Одни изъ нихъ въ эти дни отправляются на родину, другіе посѣщаютъ танцевальныя залы и таверны, третьи, наконецъ, переѣзжаютъ на новыя мѣста и перевозятъ свои пожитки къ новымъ хозяевамъ. Въ эти дни часто встрѣчаешь по дорогѣ сани, въ которыхъ стоитъ высокій сундукъ работницы; передъ нимъ сидитъ баварская красавица, закутанная въ платокъ, а слѣва — возница съ кнутомъ.

Во время масляницы устраивается много забавъ. Прежде всего дѣлаютъ чучелы изъ соломы, напоминающія фигуру человѣка, надѣваютъ ему панталоны, кладутъ въ ротъ колбасу, сажаютъ въ сани и возятъ его по сосѣднимъ деревнямъ, при чемъ огромная толпа народа съ шутками и смѣхомъ слѣдуетъ за нимъ. Хотя это чучело напоминаетъ фигуру человѣка, но его называютъ «карнавальнымъ медвѣдемъ». Повозивъ его по всѣмъ сосѣдямъ, въѣзжаютъ на площадь или дворъ, и одинъ изъ толпы произноситъ надъ нимъ обвинительный приговоръ. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ задралъ корову или лошадь, и присуждаютъ къ казни. Иногда напередъ въ горло чучелы кладутъ два пузыря, наполненныхъ кровью, и когда сжимаютъ ему горло, у него брызжетъ кровь. Передъ этою казнью два священника, т. е. два парня, переодѣтыхъ священниками, утѣшаютъ несчастнаго и готовятъ его къ смерти. Казненнаго кладутъ послѣ этого въ гробъ и въ среду хоронятъ его за церковью: это называютъ «хоронить карнаваль».

Въ другихъ мѣстностяхъ этотъ обрядъ совершается иначе. Насыпаютъ мѣшокъ сѣна, покрываютъ его простыней и спереди привязываютъ къ нему платокъ, завязанный въ видѣ конской головы съ длинными ушами; затѣмъ на этотъ мѣшокъ надѣваютъ конскую сбрую; два парня кладутъ его къ себѣ на плечи, но такъ, что ихъ головы и

верхняя часть туловища остается подъ простыней; третій парень садится верхомъ на мѣшокъ и, разбѣзжая такимъ образомъ по деревнямъ, спрашиваетъ, не купятъ-ли у него бѣлую лошадь. Во всѣхъ деревняхъ такую лошадь окружаютъ крестьяне и разспрашиваютъ, не лягается-ли и не кусается-ли она. Парень увѣряетъ, что она вполне спокойная, но, когда къ ней приближаются, она начинаетъ лгаться; толпа поднимаетъ громкій смѣхъ. Но чаще всего въ Баваріи водятъ «карнавальнаго медвѣдя». Изображающаго его парня обвязываютъ сплошь соломой и на веревкѣ водятъ по деревнѣ. Передъ каждымъ домомъ вожакъ останавливается, играетъ на флейтѣ, а медвѣдь танцуетъ. Эта медвѣжья пляска продолжается весь понедѣльникъ и вторникъ. Въ среду устраиваютъ соломенную чучелу, кладутъ въ корыто и съ барабаннымъ боемъ и похоронной музыкою несутъ на поле хоронить. На этихъ похоронахъ одинъ держитъ рѣчь, въ которой перечисляетъ все, что случилось въ деревнѣ забавнаго за послѣднее время. Есть мѣстности, гдѣ матеріаломъ для рѣчи служатъ всѣ выдающіяся событія за цѣлый годъ, и она излагается въ стихахъ.

Ни въ какое другое время года, какъ въ масляницу, молодежь обоого пола не пляшется столько и не насмотрится на такое количество забавныхъ представленій, а плясать, пѣть пѣсни и смотрѣть представленія—самыя желанныя развлечения баварской молодежи. Скажемъ встаети нѣсколько словъ о танцахъ.

Умѣнемъ танцовать горные жители славятся издревле. Между танцами большою популярностью пользуется у нихъ «Schuhplattltanz». Сюжетъ этого танца заимствованъ изъ момента токованія глухаря. Когда только что начинается весна, но ледъ еще глубоко лежитъ въ горахъ, тогда на снѣжной равнинѣ, на зарѣ огромный черный глухарь непремѣнно вертится вокругъ порхающей самки. Онъ то подскакиваетъ къ ней, то отбѣжить отъ нея на нѣсколько шаговъ и начинаетъ вертѣться передъ ней, щелкать, свистать, дѣлать безумные прыжки, — однимъ словомъ онъ танцуетъ. Что такое сравненіе живетъ и въ сознаніи народа, видно изъ баварской пѣсенки: «когда глухарь приманиваетъ къ себѣ самку, онъ ворчитъ, танцуетъ и прыгаетъ... такъ и я научусь у глухаря въ горахъ, какъ понравится дѣвушкамъ внизу, въ долинѣ, потому что дѣвушки совершенно похожи на тетерекъ: кто не умѣетъ плясать и прыгать, тотъ никогда не приманитъ ихъ къ себѣ». Въ этомъ танцѣ роли совершенно раздѣлены: активную роль играетъ мужчина; онъ управляетъ танцемъ, импровизируетъ фигуры, онъ наконецъ дѣлаетъ вызывающія движенія; роль дѣвушки пассивная и выжидательная. Когда музыка заиграла, пары начинаютъ двигаться очень спокойно; но вдругъ дѣвушки оставляютъ парней, проскользнувъ подъ ихъ поднятыми руками. Легкость, съ которой дѣвушка проскальзываетъ подъ поднятой рукой своего кавалера, и грація, съ которой онѣ всѣ расходятся, — придаетъ этой минутѣ много прелести. Послѣ этого дѣвушки начинаютъ спокойно кружиться на одномъ мѣстѣ, а парни бѣшено бросаются на средину комнаты и становятся въ кругъ. Музыка дѣлается живѣй, и, наконецъ, наступаетъ минута дикихъ, бѣшенныхъ движеній: парни начинаютъ топтать ногами, ударять ладонями рукъ по подошвамъ и бедрамъ. Нужно видѣть въ эту минуту этихъ высочихъ парней, нужно посмотрѣть хотя разъ на эти башмаки и сапоги съ гвоздями и подметками въ цѣлый дюймъ, чтобы понять, какой тогда происходитъ шумъ: полъ трясется, потолокъ дрожить, музыка гремитъ, какъ трубы подъ Іерихономъ, но все-таки ея не слышно. Среди всей этой суматохи вы вдругъ замѣчаете, что одинъ танцоръ вертится колесомъ, точно рѣшился во что бы то ни стало раздробить себѣ крестецъ; другой подпрыгиваетъ такъ высоко, что кажется, онъ вотъ-вотъ раздробить себѣ черепъ о потолокъ, и при этомъ непремѣнно всѣ щелкаютъ, свистаютъ, самымъ разнообразнымъ образомъ прыгаютъ передъ своей дамой, а она, не переставая кру-

житься, убѣгаетъ отъ своего кавалера. Но вотъ парень растопыриваетъ руки, какъ глухарь крылья, и то нагибается передъ нею до земли, то подскакиваетъ къ ней дикими прыжками. Затѣмъ музыка становится тише, парни стараются поймать дѣвушекъ, но тѣ отъ нихъ каждый разъ быстро ускользаютъ. Наконецъ, танцоръ ловить свою даму, и танецъ кончается. Въ ту-же минуту парень ведетъ свою даму къ кружкѣ и даетъ ей напиться. Это предложеніе здѣсь такъ же обязательно, какъ нѣмой поклонъ, который танцоръ во фракѣ отвѣшиваетъ своей дамѣ. На это предложеніе дама никогда не отвѣчаетъ отказомъ. Но еще чаще, чѣмъ «Schuhplattltanz», въ горахъ танцуютъ «лендлеръ», который сопровождаютъ такими громкими свистками, топаньемъ ногами и пѣніемъ, что, какъ и въ танцѣ, только что нами описанномъ, не слышно звуковъ пискливыхъ кларнетъ и трескучихъ барабановъ.

Но даже и въ масляницу баварская молодежь не танцуетъ сразу такъ долго, какъ въ нѣкоторые церковные праздники. Нужно замѣтить, что въ такіе дни баварцы любятъ и поѣсть особенно плотно, такъ что танцы составляютъ необходимый моціонъ: тогда они прерываются только во время обѣда и ужина, продолжаются до полуночи, а иногда и позже. Чуть не цѣлыхъ 24 часа музыканты играютъ и молодые люди танцуютъ. Такъ какъ музыканты получаютъ доходъ съ каждаго танца, то чуть парни и дѣвушки замедлятъ, распорядитель выходитъ въ толпу и кричитъ: «что такое, зачѣмъ стоять?» Кромѣ названныхъ танцевъ, танцуютъ также «баварскій вальсъ»; для него становится десять паръ, но каждая изъ нихъ танцуетъ по очереди; парни платятъ по грошу съ вальса, и распорядитель получаетъ эти деньги съ каждой пары до танца. Чтобы поразнообразить эти танцы, одинъ изъ парней выбрасываетъ музыкантамъ гульденъ, поетъ пинадаюпфельнъ подъ аккомпаниментъ музыки, хватается свою даму и пускается съ нею въ вальсъ. Но всѣмъ остальнымъ танцамъ предпочитаютъ «Schuhplattltanz» и еще чаще «лендлеръ». Въ ближайшей комнатѣ сидятъ старики, пьютъ пиво и бесѣдуютъ между собой, тогда какъ подлѣ шумно веселится молодежь. Когда становится попозже, у усталыхъ музыкантовъ смыкаются глаза, и они начинаютъ беспощадно фальшивить. Кларнетиста приходится будить передъ каждымъ танцемъ, но когда онъ пробуждается отъ сильного толчка, онъ хватается за кружку раньше своего инструмента. Только парни и дѣвушки не устаютъ танцевать до зари. «Это настоящая ночная птица», говорятъ они сами о неутомимомъ танцорѣ: «когда онъ не спитъ шесть ночей, онъ въ седьмую ночь еще больше бѣснуется». Танцевать въ эти танцевальныя залы собираются кружки отъ 8—10 человекъ. Каждый кружокъ состоитъ изъ молодежи, хорошо знакомой между собой или принадлежащей къ одной общинѣ; такихъ кружковъ на вечеръ бываетъ 6—7, и музыка для каждаго изъ нихъ играетъ отдѣльно. Каждый танецъ стоитъ около двухъ марокъ, которыя въ каждомъ кружкѣ собираютъ между собою. Когда парень разойдется, онъ заказываетъ танецъ исключительно для себя и своей дамы и тогда щедро награждаетъ музыкантовъ, что здѣсь очень уважаютъ. Здѣшнія дѣвушки очень не любятъ танцевать съ посторонними и въ особенности съ «господами», которые не знакомы съ обычными приѣмами танцевъ. Напримѣръ, если кавалеръ, вмѣсто того, чтобы послѣ танца предложить дѣвушку напиться, отвѣшиваетъ ей поклонъ, это уже показываетъ полное незнаніе необходимыхъ формъ вѣжливости. Затѣмъ, если горожанинъ выказываетъ здѣшней дѣвушкѣ много благосклонности, она теряетъ расположеніе своихъ земляковъ, что для нея очень печально. Здѣшнія дѣвушки держатъ себя совершенно просто, но и безъ всякаго стѣсненія: за исключеніемъ свадебъ, онѣ приходятъ на танцевальныя вечера однѣ безъ матерей и возвращаются домой съ парнями, которые имъ нравятся болѣе другихъ. Но нигдѣ съ такимъ увлеченіемъ не отдаются танцамъ, какъ на альмахъ (альпійскія пастбища). Въ воскресенье вечеромъ въ хижину пастуш-

ки собирается нѣсколько ея подругъ, дровосѣкъ, одинъ-два охотника. Тутъ нерѣдко съдой старикъ, завидя, какъ лихо отхватываетъ молодежь, тоже пускается въ плясъ, стараясь не ударить лицомъ въ грязь. Въ городѣ танцоръ всегда провожаетъ домой свою даму, — это его долгъ и право. Дорога идетъ между полями и лѣсами въ долину, гдѣ у подошвы горы расположились уединенные домики. Надъ горами взошла луна, ярко отражаясь въ волнахъ. Всюду глубокая тишина, нарушаемая только тихимъ шелестомъ листьевъ и шагами молодой парочки. Медленно идутъ они по дорогѣ, да и можно ли ходить скоро въ такой часъ!

Въ прекрасныя, тихія лунныя ночи можно наблюдать и другую характерную поэтическую черту въ нравахъ баварской молодежи: мы говоримъ о свиданіяхъ у открытаго окна. Среди густой зелени стоитъ домикъ, въ которомъ живетъ дѣвушка, любимая парнемъ. Въ ея окнахъ отражается серебряный свѣтъ луны; надъ побурѣвшими перилами виситъ красная гвоздика. Къ окну быстрыми шагами приближается мужская фигура, тихо напѣвая пѣсенку. Окно тотчасъ отворяется, и изъ него показывается дѣвушка съ бѣлокурыми косами. Долго еще стоитъ подъ окномъ молодой человекъ, долго они болтаютъ и смѣются между собой, но ихъ никто не слышитъ. Этотъ обычай «свиданія у открытаго окна» существовалъ въ Германіи изстари, и не только между простонародьемъ, но у людей самыхъ знатныхъ и благородныхъ. Мы находимъ этотъ обычай въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, онъ существовалъ и въ концѣ прошлаго столѣтія, но теперь онъ удержался только между простонародьемъ на нижнемъ Рейнѣ, въ горной Баваріи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Но возвратимся къ развлечениямъ горныхъ жителей во время масляницы. Мы уже знаемъ, что главное мѣсто между ними занимаютъ танцы; впрочемъ здѣшняя молодежь много танцуетъ и во всѣ праздничные дни; поэтому ремесло музыканта въ Баваріи не только считается почетнымъ, но и весьма прибыльнымъ. Деревенскій музыкантъ обыкновенно веселый малый, который никогда не прочь выпить. Его девизъ: «какъ нажито, такъ и прожито», но если онъ можетъ себя сдерживать и приберегать копейку, онъ легко заработаетъ болѣе 800 гульденовъ въ годъ. Въ прежнее время, когда Баварія была богаче и когда народъ былъ еще веселѣй, музыкантъ могъ заработать въ одну недѣлю 100 гульденовъ. Это ремесло выгодно не только потому, что здѣшняя молодежь много танцуетъ, но и женатый баварецъ любитъ часто посѣщать трактиръ; разъ онъ переступилъ его порогъ, онъ желаетъ, чтобы ему какъ можно больше пѣли и играли, а когда на него найдетъ такой стихъ, по его понятію, только скряга и нищій разсчитываетъ дать музыканту лишнюю марку. Баварскій музыкантъ играетъ на многихъ инструментахъ и присутствуетъ при всѣхъ важныхъ событіяхъ крестьянской жизни: въ погребальной процессіи онъ идетъ передъ гробомъ въ безупречномъ траурѣ и извлекаетъ печальные звуки изъ тромбона; когда ѣдетъ пожарная команда, одѣтый какъ пожарный, въ каскѣ и въ парусинномъ платьѣ, онъ наигрываетъ на трубѣ веселую солдатскую пѣсню; во время раздачи наградъ школьникамъ онъ отправляется въ ратушу и играетъ тамъ веселые мотивы; на вечеринкахъ онъ играетъ на большой трубѣ и въ то-же время на тромбонѣ; наконецъ, баварская свадьба немыслима безъ музыканта, но объ этомъ рѣчь впереди.

Мы уже знаемъ, что баварскіе крестьяне любители театральныхъ представлений, но во время карнавала эти представленія не имѣютъ ничего общаго съ мистеріями, описанными въ предъидущемъ очеркѣ. Тогда устраиваютъ на телегѣ сцену, разумѣется, самымъ примитивнымъ образомъ. Матеріаломъ для представленія каждый разъ служатъ какое нибудь недавнее и весьма несложное событіе изъ деревенской жизни. Вотъ какимъ образомъ явилось «представленіе о башмачникѣ», которое давали въ одной изъ

деревень года четыре назадъ. Одинъ деревенскій башмачникъ, и прежде не любимый сосѣдями, сталъ особенно дурно обращаться со своею женою; выведенная изъ терпѣнія, она, наконецъ, исколотила его плетью, что и не замедлила сообщить своимъ сосѣдямъ. Въ тотъ-же самый вечеръ парни, сяди въ тавернѣ за пивомъ, говорили другъ другу: «ну, у насъ есть теперь представленіе для карнавала, — будемъ представлять нашего башмачника». И въ самомъ дѣлѣ, наступила масляница, и карнавальная процессія съ шумомъ вышла на рыночную площадь; впереди всѣхъ идутъ мужчины, переодѣтые рыночными торговками: въ лѣвой рукѣ у нихъ по дубинѣ, а въ правой соска на веревкѣ. Отъ времени до времени они опускаютъ по дорогѣ соску въ лужу и потомъ бросаютъ такъ ловко въ средину зѣвающей публики, что она нерѣдко попадаетъ прямо въ ротъ дѣвущкѣ. Та, которой попала соска въ ротъ, начинаетъ кричать и отплевываться, кругомъ нея всѣ смѣются. Тамъ и здѣсь идутъ паяцы съ мѣшками сажи и, лишь только дѣвушка зазѣвалась, они ловко выдѣлываютъ ей сажей усы. Нѣтъ конца крику, смѣху и остротамъ, когда усы появляются у красивой дѣвущки. Но вотъ карнавальная телѣга остановилась на площади; шумъ, гамъ и смѣхъ утихли. Сцена, устроенная на телѣгѣ, представляетъ комнату башмачника съ досчатымъ потолкомъ. На связкѣ соломы храпять парень, переодѣтый въ женскій костюмъ и изображающій жену башмачника. Пьяный башмачникъ, шатаясь, подходитъ ночью къ своему дому и со всей силы начинаетъ ломиться въ дверь. Отвѣта нѣтъ. «Ну, старая вѣдьма, открывай...» Но, не смотря на крики, брань и угрозы, дверь остается запертою. Тогда башмачникъ, начинаетъ лѣзть на потолокъ, чтобы снять доску и пролѣзть въ домъ; но онъ не совсѣмъ приподнял доску, и потому его ноги прошли черезъ дыру въ комнату, а въ плечахъ онъ застрялъ и повисъ, продолжая бранить жену. Последняя въ ту-же минуту вскакиваетъ и, подшучивая, начинаетъ молоткомъ колотить его по ногамъ. Онъ показываетъ женѣ кулакъ, произноситъ страшныя угрозы, но ничто не помогаетъ, и только чрезъ нѣсколько минутъ онъ исчезаетъ со сцены. Въ толпѣ зрителей раздаются веселый смѣхъ: карнавальная комедія ей очень понравилась. Телѣга двигается на слѣдующую улицу, и тамъ начинается снова то-же самое представленіе.

Въ пятницу послѣ Вознесенія во всей католической Баваріи устраиваютъ самый торжественный крестный ходъ для обхода полей, и при этомъ все семейство, со всѣми чадами и домочадцами, непременно должно присутствовать на своемъ полѣ. Богослуженіе въ этотъ день начинается очень рано, и къ его окончанію, къ 4 часамъ утра, къ церкви собираются жители всѣхъ деревень, каждая со своимъ распятіемъ и съ своимъ знаменемъ. Въ видѣ сигнала къ отправленію вдругъ начинаютъ звонить во всѣ колокола, и пестрая толпа торжественно выступаетъ стройной процессіей. Въ первой колоннѣ самые маленькіе мальчики, за ними ихъ братья постарше, затѣмъ парни, за которыми идутъ самыя маленькія дѣвочки, тоже по старшинству, кончая взрослыми дѣвущками; за ними женатыя мужчины и, наконецъ, замужнія женщины. Впереди идетъ священникъ съ дарами, его окружаютъ лица церковнаго причта: въ одной рукѣ каждый изъ нихъ держитъ зажженный фонарь, а другою въ тактъ звонитъ колокольчикомъ; по бокамъ ихъ по подюжинѣ маленькихъ дѣвочекъ. Посреди этой процессіи несутъ распятіе; всѣ, несущіе эту святыню, одѣты въ ярко-красные или синіе костюмы. На каждомъ полѣ, гдѣ будутъ останавливаться для молитвы, устроенъ алтарь: все, что есть лучшаго въ домѣ, — полотно, кружева, подсвѣчники, распятіе, образа, все это принесли сюда для украшенія полевого алтаря. Благоговѣнно выслушавъ молитвы и евангеліе на одномъ полѣ, отправляются на слѣдующее, къ другому алтарю. Затѣмъ двигаются опять дальше. Когда, во время этого путешествія, процессія приближается къ какой-нибудь церкви, ее встрѣчаютъ звономъ колоколовъ. Кто можетъ, входитъ въ церковь, но далеко не всѣ могутъ

въ ней помѣститься и потому остаются ожидать внѣ церкви окончанія литіи. Наскучивъ долго стоять, молодежь начинаетъ забавляться нерѣдко даже играми, но лишь только толпа выходитъ изъ церкви, всѣ тотчасъ выстраиваются, и громадная толпа снова двигается процессіею къ полевому алтарю. Когда же проходятъ мимо полей богатыхъ крестьянъ, многіе изъ толпы, продолжая читать молитвы, толкаютъ другъ друга, говоря: «смотри, смотри, Антонъ, на его рѣпу» или: «ну, у него пшеница этотъ годъ!» Если приблизительно на половинѣ пути встрѣчается церковь, то въ ней служатъ торжественную обѣдню, а затѣмъ наступаетъ небольшой перерывъ для отдыха. Тамъ, гдѣ въ деревнѣ есть церковь, существуетъ пивоварня и таверна, — это, разумѣется, принимаютъ въ расчетъ, и даже самые усталые при этой мысли входятъ въ церковь съ оживленнымъ лицомъ. Когда литія окончилась, наступаетъ перерывъ на $\frac{3}{4}$ часа. У воротъ церковнаго двора выросъ цѣлый рынокъ съѣстныхъ припасовъ: печенье, пироги, и т. п. Вся деревня принимаетъ ярмарочный видъ: таверна и пивоварня биткомъ набиты народомъ; все пьетъ, ѣстъ и подкрѣпляется. Но вотъ начинаютъ звонить въ колокола. Какъ рой пчелъ вокругъ улья, всѣ участвующіе въ процессіи собираются вокругъ святыхъ даровъ. Но нѣкоторые начинаютъ тотчасъ отставать: излишнее количество выпитаго пива произвело свое дѣйствіе, и они усѣлись на скамейкахъ у пивоварни. Оставшіеся на ногахъ двигаются процессіею, но многіе шатаются; трясутся руки даже у того, кто несетъ первое распятіе. Священникъ тоже идетъ далеко не твердою поступью, и когда онъ начинаетъ идти слишкомъ въ сторону, прихожане кричатъ ему: «смотрите впередъ, ваше преподобіе». Наконецъ, процессія заходитъ въ послѣднюю церковь. Этотъ крестный ходъ продолжается восемь часовъ, и въ это время успѣли обойти пространство около двухъ нѣмецкихъ миль.

Праздникъ Троицы сопровождается многими обрядами въ домѣ, въ церкви, въ деревнѣ. Когда пробьетъ 12 часовъ, пастухъ трубитъ въ рожокъ и выводитъ свое стадо, шелкая кнутомъ по деревенскимъ улицамъ. Нѣсколько коровъ выдѣляется изъ стада съ праздничными вѣнками на шеѣ. Баварскому деревенскому пастуху приходится много терпѣть не только отъ стужи и непогоды, но и отъ нерадивыхъ хозяекъ; за то сегодня для него насталъ день мести: онъ сплелъ вѣнокъ, который служитъ выраженіемъ насмѣшки, и надѣлъ его на шею коровы самой неаккуратной хозяйки, которая чаще другихъ не успѣвала выгнать корову во-время. Теперь всѣ узнали самую лѣнливую хозяйку, всѣ будутъ указывать на нее пальцами.

На вечернюю службу въ церковь стекается буквально все населеніе деревни: старые, малые, молодые. И это понятно: сегодня спустится св. Духъ въ видѣ голубя, — развѣ можно упустить случай посмотрѣть на такое зрѣлище. Лишь только молящіеся собрались въ церковь, взоры всѣхъ направлены на отверстіе въ сводѣ, которое устраивается, чтобы провѣтривать церковь, но баварцы всетаки называютъ его «отверстіемъ св. Духа». Наконецъ входитъ священникъ со своимъ причтомъ, становится подъ этимъ отверстіемъ и читаетъ торжественный латинскій гимнъ. На органѣ раздаются торжественные аккорды и католическая пѣсня о св. Духѣ. Въ эту минуту деревенскій парень спускаетъ сверху голубя, котораго тотчасъ замѣтили, и со всѣхъ сторонъ пронеслось: «св. Духъ!» Св. Духа изображаетъ теперь красиво вырѣзанный и разрисованный голубь, украшающій въ остальное время кафедру священника. Распростертыя крылья голубя окружены золотистымъ ореоломъ, и онъ спускается на красномъ шуркѣ все ниже и ниже къ землѣ, описывая все большіе круги. Передъ этимъ голубемъ, какъ символомъ Духа святаго, нисшедшаго съ неба, курятъ ладаномъ и поютъ хвалебный гимнъ. Спустившись, голубь начинаетъ подниматься вверхъ, описывая все меньшіе и меньшіе круги и, наконецъ, исчезаетъ въ отверстіи.

Самый прекрасный изъ всѣхъ католическихъ осеннихъ праздниковъ—день всѣхъ святыхъ, 1-го ноября. Его празднуютъ въ продолженіи трехъ дней, когда бываетъ не только торжественная обѣдня и вечерня, но роскошный обѣдъ и ужинъ, какимъ пользуются крестьяне только 6 разъ въ году. Еще наканунѣ этого дня, дѣти устраиваютъ передъ дверями домовъ алтари такимъ образомъ: на столѣ, покрытомъ салфеткою, ставятъ распятіе между двумя свѣчками, а передъ нимъ тарелку, на которую проходящіе должны класть мелкія деньги. Собранныя деньги идутъ на покупку хлѣба, съѣдаемаго на другой день въ память усопшихъ. Во многихъ деревняхъ, расположенныхъ по сосѣдству съ Тиролемъ, готовятъ пироги специально для покойниковъ. По народному повѣрью, въ день всѣхъ святыхъ душамъ умершихъ дозволяется вернуться на землю, поэтому-то въ такихъ мѣстностяхъ двери, а иногда и окна оставляютъ открытыми, на столѣ ставятъ пироги и кринку съ молокомъ, чтобы души могли утолить голодъ и жажду. Нищіе, наканунѣ этого дня, обходятъ дома зажиточныхъ крестьянъ, поютъ молитвы и получаютъ въ награду за это хлѣбъ, нарочно приготовленный для этого случая. Получивъ такой хлѣбъ, нищій обязанъ сказать: «да воздастъ вамъ Богъ»; это очень полезно для умершихъ, и бѣднымъ въ этотъ день подаютъ рѣшительно всѣ, кто только имѣетъ лишній кусокъ хлѣба.

Въ 6 ч. начинаютъ звонить во всѣ четыре колокола церковной колокольни и звонятъ въ продолженіе часа. Какъ только начинаютъ звонить въ колокола, трактирщикъ проситъ всѣхъ уходить изъ заведенія и запираетъ дверь. Этотъ часъ почитается такимъ священнымъ, что даже самые легкомысленные должны отправиться домой въ это раннее время. Въ ту-же минуту въ каждомъ домѣ зажигаютъ цѣлое море свѣчекъ; все семейство становится передъ алтаремъ на колѣни, хозяинъ читаетъ молитву, остальные повторяютъ ее за нимъ, и такъ усердно молятся за бѣдныя душиво все время, пока звонятъ колокола.

Свадьба.

Свадьба — праздникъ праздниковъ, торжество изъ торжествъ, интересующій не только тотъ домъ, въ которомъ выдаютъ дочь замужъ или женятъ сына, но рѣшительно все населеніе деревни. Хотя любовь и красота играютъ нѣкоторую роль въ баварскихъ бракахъ, но прежде всего въ нихъ руководствуются матеріальными соображеніями, такъ какъ горный баварецъ говоритъ, что хорошее хозяйство—важнѣйшій залогъ супружескаго счастья. Ни женихъ, ни невѣста никогда не дѣлаютъ другъ другу предложенія. Желаящій жениться отыскиваетъ прежде всего свата и объявляетъ ему о своемъ намѣреніи и о желаніи получить за невѣстой приданое деньгами и имуществомъ въ такомъ-то размѣрѣ и такого-то качества. Когда нашлась подходящая дѣвушка, сватъ приходитъ вмѣстѣ съ ея отцомъ въ домъ жениха, осматриваетъ хозяйство и улаживаетъ дѣло съ главою семейства. Впрочемъ часто все разстраивается изъ-за одной коровы или нѣсколькихъ гульденовъ. Но вотъ все улажено, и послѣ выполнения множества обрядовъ, назначаютъ день свадьбы. Тогда на сцену выступаетъ «дружка». Кто твердо не знаетъ всѣхъ коренныхъ обычаевъ, не вполне ясно и не до тонкости отчетливо представляетъ себѣ, съ какими формами вѣжливости слѣдуетъ относиться къ людямъ всевозможныхъ общественныхъ положеній, кто не одаренъ даромъ краснорѣчія, мало того, кто не знаетъ множества прибаутокъ и присказокъ, тотъ не годится въ дружки. Его главная обязанность—наполнить свадебную залу достойными гостями, и потому онъ прежде всего отправляется ихъ приглашать. Свою палку съ серебрянымъ набадашникомъ онъ украшаетъ крас-

ными, бѣлыми и синими лентами; на шляпу онъ одѣваетъ миртовый вѣнокъ—эмблема дѣвушки-невѣсты. Когда онъ въ своемъ нарядѣ отправляется приглашать гостей, всѣ дѣвушки на него засматриваются, но онъ гордо проходитъ мимо. Входя въ домъ, онъ произноситъ: «поклонъ отъ невѣсты, — она проситъ прислать гостя на свою свадьбу. Женихъ вамъ тоже шлетъ поклонъ; это всѣми уважаемый молодой человекъ, Иосифъ Фетермайеръ, сынъ крестьянина изъ Мукенрида, который скоро самъ будетъ хозяиномъ въ Мукенридѣ, съ его любимой невѣстой, Маріей Корихахеръ, крестьянской дѣвушкой изъ Лангенкрѣйта, готовящейся сдѣлаться хозяйкою въ Мукенридѣ. Женихъ и невѣста дружески приглашаютъ васъ удостоить ихъ чести посѣтить свадьбу во вторникъ послѣ Благовѣщенія пресвятой Богородицы. Женихъ надѣется, что вы, переступивъ порогъ его дома, не откажетесь принять участіе въ завтракѣ. Затѣмъ мы отправимся, при звукахъ музыки, въ домъ божій, въ храмъ св. Михаила въ Мукенридѣ, и будемъ присутствовать при совершеніи таинства бракосочетанія и при богослуженіи. Затѣмъ отправимся въ гостинницу благороднаго господина Іоны Вильденшпергера, содержателя таверны въ Мукенридѣ. Тамъ заказанъ обѣдъ вмѣстѣ съ пивомъ по 3 гульдена съ человекъ. Женихъ и невѣста надѣются, что вы исполните ихъ просьбу». Въ другомъ дворѣ, куда направляетъ теперь дружка свои стопы, живетъ родственникъ жениха, и онъ прежде всего передаетъ ему частнымъ образомъ поклонъ отъ него, затѣмъ начинаетъ свою рѣчь, которая вездѣ одна и та-же. Но талантливый дружка можетъ и украсить ее своею фантазією и краснорѣчіемъ, лишь-бы характеръ приглашенія оставался тотъ же. Если онъ рифмачъ, онъ пользуется этимъ даромъ тѣмъ болѣе, что это очень цѣнится. Поднявъ свою палку съ развѣвающимися лентами, какъ скипетръ поэта, онъ произноситъ пышную рифмованную рѣчь. Краснорѣчіе дружки играетъ весьма важную роль. Тамъ, гдѣ взаимныя отношенія приглашаемыхъ къ бракосочетающимся настолько близки, что имъ нельзя отказаться, дружка легко справиться съ своимъ дѣломъ, но въ сомнительныхъ случаяхъ ему, какъ оратору, нужно умѣть пользоваться каждой благоприятной минутой. Главѣ семейства, передъ которымъ дружка только что произнесъ длинную рѣчь, очень не хочется отпустить на свадьбу свое семейство, такъ какъ это всегда сопряжено съ большими для него расходами, и вотъ онъ начинаетъ пожимать плечами, говорить, что ни съ женихомъ, ни съ невѣстой не особенно близко и вовсе не считаетъ своимъ долгомъ присутствовать съ своимъ семействомъ на свадьбѣ. Дружка въ отчаяніи, но вдругъ, въ эту минуту, входитъ дочь хозяина, и у него тотчасъ созрѣваетъ новый планъ дѣйствія. «Ваша прекрасная дочь», говоритъ онъ, «была-бы истиннымъ украшеніемъ въ церкви, за столомъ, а про танцы и говорить нечего»... Дѣвушка краснѣетъ и покачивается на мѣстѣ, но она уже за одно съ дружкой. Сначала соглашается мать, а потомъ и отецъ. Тогда дружка вынимаетъ изъ кармана мѣлъ и рисуетъ на двери дома затѣйливый букетъ. Подъ нимъ онъ подписываетъ 3 гульдена, часть которыхъ пойдетъ на обѣдъ, а другая на подарокъ жениху. Послѣ Филиппова и великаго поста по три и по четыре такихъ букета красуется на дверяхъ весьма многихъ крестьянскихъ домовъ: это означаетъ, что ихъ обитатели не только получили приглашеніе, но и дали согласіе присутствовать на столькихъ свадьбахъ, сколько на дверяхъ нарисовано букетовъ. Обиліе этихъ букетовъ совсѣмъ не радуетъ отца семейства и онъ, каждый разъ при видѣ ихъ, вздыхаетъ и ворчитъ про себя: «конца не будетъ этимъ свадьбамъ». Дружка употребляетъ всѣ свои усилія назвать побольше гостей, на обѣщаніе которыхъ можно было-бы вполне положиться, что они явятся на свадьбу, иначе за лишніе заказанные обѣды придется платить молодымъ. Но гостей на свадебномъ пирѣ всегда чрезвычайно много, и только та свадьба считается настоящею, когда за обѣдомъ поставлено не менѣе 14 столовъ, по 12 ч. за каждымъ. Чѣмъ больше гостей на свадьбѣ, тѣмъ

болѣе вознагражденія получить дружка. Къ родственникамъ, живущимъ далеко, посылають письменныя приглашенія; письмо написано въ старинной формѣ, самымъ затѣйливымъ почеркомъ и со множествомъ картинокъ. Тутъ изображенъ дружка верхомъ и веселый трубачъ; гости, пьющіе пѣнистое пиво, толстый хозяинъ за столомъ съ кружками и бутылками; далѣе хозяйка вертитъ на вертелѣ жаркое, а вотъ и корова невѣсты, вымя которой что мѣшокъ съ хмѣлемъ; подлѣ нея возъ съ пожитками невѣсты, съ колыбелью и прялкой на самомъ верху и, наконецъ, впереди музыкантъ со скрипкой. Тутъ-же на полу изображенъ коверъ, на которомъ священникъ, въ полномъ облаченіи, благословляетъ молодую чету въ присутствіи шаферовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ этого свадебнаго листка, гдѣ нѣтъ этихъ картинокъ, дружка подписываетъ имя, званіе, мѣсто, время, церковь и гостиницу, въ которой будетъ происходить свадебное торжество. За это ему даютъ по 6 крейцеровъ съ каждаго письма. Такое письмо можно сразу отличить между тысячами другихъ, и какъ только почтальонъ несетъ его, дѣти кричатъ: «свадебное письмо!»

Трудно описать, съ какою гордостью приходитъ дружка къ жениху, когда онъ можетъ показать ему длинный списокъ гостей, на присутствіе которыхъ онъ вполне рассчитываетъ. Опытный изъ нихъ не можетъ въ этомъ ошибаться и, являясь въ домъ приглашать, сразу понимаетъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Хотя одинъ изъ приглашенныхъ тотчасъ далъ ему слово, тѣмъ не менѣе онъ не записалъ его, другой долго не соглашался, но, лишь только онъ получилъ его согласіе, немедленно внесъ его въ свой списокъ.

Богатой крестьянской дѣвушкѣ даютъ приданое деньгами, но еще болѣе вещами. Какъ только день свадьбы назначенъ, родители невѣсты приглашаютъ въ свой домъ портниху, сапожника, столяра, — всѣ они на дому готовятъ приданое. У богатыхъ крестьянокъ списокъ этого приданого чрезвычайно длинный и разнообразный: 2 кровати съ высокими пуховиками, 1 дюжина покрывалъ, 2 платяныхъ шкафа, диванъ, обтянутый матеріею съ разводами, 6 стульевъ съ мягкими подушками, круглый столъ, посудный шкафъ, 1 комодъ, 2 вышитыхъ скамейки для ногъ, искусно вырѣзанная прялка, на которой вырѣзанъ годъ свадьбы и имя невѣсты, зеркало въ бронзовой оправѣ, по дюжинѣ и болѣе различнаго бѣлья, нѣсколько новыхъ костюмовъ, множество башмаковъ и туфель, огромная корзина съ воскомъ, который невѣста сама копала изъ ежегодныхъ подарковъ матери въ день Вознесенія, и множество другихъ вещей. Поэтому осмотръ приданого—въ высшей степени торжественное событіе для семейства невѣсты. За нѣсколько дней до свадьбы она сама приглашаетъ на этотъ осмотръ всѣхъ своихъ родственникововъ, сосѣдокъ и подругъ. Каждая приглашенная является сама и приводитъ съ собой дюжину знакомыхъ. Да и есть что посмотреть. У богатыхъ крестьянъ приданое вещами стоитъ нерѣдко болѣе 1,000 гульденовъ! Хотя крестьянинъ, который даетъ своей дочери такое приданое, и владѣетъ хорошею землею и большимъ хуторомъ, но за то у него есть и еще нѣсколько дѣтей. Дать дочери хорошее приданое вещами, заставить объ этомъ долго говорить сосѣдокъ—самое страстное желаніе богатаго крестьянина, и онъ нерѣдко разоряетъ все свое хозяйство, лишь бы щегольнуть въ этомъ передъ другими. За то сыновей онъ всегда старается женить на богатыхъ. Когда на осмотръ приданого является много народу, — это величайшая честь родителямъ и большая имъ радость. Гости, осматрѣвъ всѣ вещи, отъ башмака до передника, расхваливаютъ все, сколько хватаетъ силы и умѣнья, и затѣмъ отправляются къ закускѣ, которую родители невѣсты обязательно при этомъ должны приготовить.

Чрезвычайно оригинальное явленіе представляетъ возъ съ приданымъ, который перевозятъ въ домъ жениха наканунѣ свадьбы. Возъ этотъ всегда громадный, необыкновенно высокій, въ высшей степени оригинально убранъ. Четыре лошади торжественно

влекуть его впередъ, а сзади этого свадебнаго воза еще пара здоровыхъ лошадей. Вездѣ, гдѣ онъ проѣзжаетъ, народъ со всѣхъ сторонъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу и даже долго послѣ того, когда онъ скроется изъ виду, толкуетъ и споритъ, на какую сумму можетъ быть на немъ приданого. Возъ этотъ выкрашенъ въ какую-нибудь яркую краску, и одна перекраска его стоитъ 30 гульденовъ; на лошадяхъ новая сбруя, и сами онѣ убраны лентами и цвѣтами. Чего, чего нѣтъ на этомъ необыкновенно высокомъ возу, — тѣмъ не менѣе всѣ вещи такъ разставлены, что главные предметы, составляющіе гордость хозяйства, легко осмотрѣть, даже при бѣгломъ обзорѣ. Посреди воза сидитъ портниха и придерживаетъ прялку съ куделью, которая поставлена на самомъ верху и видна издали, такъ какъ убрана длинными цвѣтными лентами. У самой прялки стоймя стоитъ распятіе, справа — двѣхмѣстная кровать съ матрацомъ, слѣва — колыбель для будущаго ребенка. Такъ же хорошо различаете вы въ этой огромной горѣ вещей и другіе предметы приданого. За возомъ работницы ведутъ двухъ коровъ, которыхъ дали невѣстѣ въ приданое; сзади этихъ коровъ идетъ и сама невѣста съ подошникомъ. Дѣвушки бѣгутъ за возомъ съ приданнымъ, кричатъ, зовутъ другихъ и дѣлаютъ критическія замѣчанія о каждой вещи; парни встрѣчаютъ возъ выстрѣлами изъ карабиновъ. Въ 12 часовъ дня возъ останавливается передъ домомъ жениха, который ожидаетъ невѣсту у двери и, вмѣсто привѣтствія, подаетъ ей напитокъ изъ кувшина. Невѣста пьетъ, благодаритъ жениха и подноситъ ему подарокъ, который состоитъ изъ рубахи, приготовленной изъ полотна собственной работы, пару башмаковъ и ключъ отъ сундука, въ которомъ лежитъ ея приданое. Возъ разбираютъ и вносятъ вещи въ домъ; женихъ самъ снимаетъ матрацъ и несетъ его въ будущую спальню. Когда все разставлено по мѣстамъ, приходитъ священникъ и освящаетъ новое хозяйство.

Свадьбу празднуютъ обыкновенно во вторникъ, потому что его считаютъ такимъ днемъ, въ который ни колдовство, ни зависть, ни чары, ни наговоры не дѣйствуютъ. Въ день свадьбы музыка играетъ уже рано утромъ; къ дому жениха и невѣсты безпрестанно подѣзжаютъ красивыя деревенскія повозки съ гостями. По обычаю родственники и знакомые жениха собираются въ домъ жениха, а родственники и знакомые невѣсты въ домъ ея родителей; у того и другаго дома стоитъ оркестръ деревенскихъ музыкантовъ. Какъ только трубачъ увидитъ приближающуюся повозку, онъ даетъ сигналъ, и музыка встрѣчаетъ каждаго гостя привѣтственнымъ мотивомъ. Вдругъ передъ домомъ невѣсты останавливается какой-то нищій въ изорванномъ платьѣ; онъ бьетъ въ ладоши, щелкаетъ пальцами и кричитъ: «что же вы, музыканты, не играете?» Въ отвѣтъ ему раздается громкій смѣхъ, ему тотчасъ выносятъ кружку пива, и онъ отправляется къ дому жениха.

Наконецъ невѣста и ея гости собрались въ нижней комнатѣ; дружка выходитъ на средину и обращается къ присутствующимъ съ торжественною рѣчью: «почтенные гости! многоуважаемая невѣста благодаритъ своихъ родителей и прощается съ ними!» Невѣста въ ту же минуту подходитъ къ родителямъ и прощается, но за нея опять продолжаетъ говорить дружка: «благодарю тебя, многоуважаемый батюшка, и тебя, многоуважаемая матушка, за благонравное воспитаніе и богатое приданое. Какъ могу я забыть все то, что вы для меня сдѣлали...» При этихъ словахъ дружки, невѣста начинаетъ плакать, сестры съ рыданіемъ пожимаютъ ей руки, мать бросается обнимать дочь, братья и отецъ вытираютъ слезы. Затѣмъ читаютъ вслухъ молитвы и садятся въ повозки. Въ первой изъ нихъ запряженной лошадьми въ богатой сбруѣ, съ колокольчикомъ, ѣдетъ невѣста съ шаферомъ, за нею гости, а въ послѣдней повозкѣ — музыканты. Хотя къ дому жениха ѣдутъ быстрою рысью, но во всю дорогу музыка играетъ веселый маршъ. Изъ дома жениха, опять съ музыкою, отправляются въ церковь.

Вѣнчаніе происходитъ всегда во вторникъ, въ 10 часовъ утра. Когда свадебный поѣздъ приближается, колокола затихаютъ, и всѣ входятъ въ церковь. Къ алтарю приближаются женихъ съ невѣстой, шафера и двое родственниковъ невѣсты, которые служатъ свидѣтелями. Когда совершится обрядъ вѣнчанія и священникъ скажетъ брачное поученіе, начинается обѣдня.

Если кто-нибудь изъ родителей молодыхъ умеръ, то дружка прямо изъ церкви прежде всего ведетъ ихъ и все общество къ могилѣ покойнаго и держитъ передъ нею торжественную рѣчь. Въ ней онъ заставляетъ покойнаго отца или мать вести краснорѣчивые діалоги со вступившими въ бракъ, высказывать пожеланія молодымъ. Это опять вызываетъ слезы у присутствующихъ, наконецъ, окропляютъ могилу св. водою, всѣ вытираютъ глаза, музыка начинаетъ наигрывать веселые мотивы, и гости направляются въ таверну.

На порогъ таверны уже стоитъ трактирщикъ; завидѣвъ процессію, онъ снимаетъ шапку и съ улыбкой пожимаетъ руку каждому гостю. Невѣстѣ, уже на порогъ, приходится выполнить новую церемонію: къ ней подходитъ кухарка съ тарелкой капусты и въ стихахъ проситъ ее отвѣдать это кушанье и сказать, достаточно ли оно посолено. Въ отвѣтъ на это невѣста вынимаетъ горсть мелочи, дѣлаетъ видъ, что солить капусту, а сама сыплетъ въ нее деньги. Хотя цѣль этого обряда—дать маленькій подарокъ кухаркѣ, тѣмъ не менѣе онъ показываетъ, какую важную роль въ баварскомъ хозяйствѣ играетъ капуста. Комнату для свадебнаго пира въ тавернѣ устраиваютъ наверху: она сплошь украшена вѣнками и деревцами; каждая кружка, изъ которой пьютъ пиво, убрана дѣвѣтами и лентами, столы разставлены, и на каждомъ изъ нихъ уже лежитъ по огромному торту, разрѣзанному на 12 кусковъ. Дружка усаживаетъ гостей за столъ въ самомъ строгомъ порядкѣ, каждого сообразно съ его званіемъ и титуломъ. Лишь только всѣ усѣлись, какъ изъ танцевальной комнаты раздаются звуки музыки, и парни приглашаютъ дѣвушекъ на «голодный танецъ», цѣль котораго возбудить аппетитъ. Въ то время, когда молодежь танцуетъ, начинаютъ подавать обѣдъ, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ усаживаются за столъ и принимаются за свадебныя блюда. Подаютъ супъ, колбасу, мучные катышки въ соусѣ, жаренаго поросенка, печенье. Со стукомъ ножей и посуды смѣшиваются звуки бойкой застольной музыки; гости разговариваютъ, шутятъ, смѣются. Одинъ изъ музыкантовъ обходитъ столы съ тарелкой, на которой лежитъ мундштукъ его трубы, и собираетъ плату съ гостей за музыку. То, что гости не съѣдаютъ, они безцеремонно заворачиваютъ въ свои платки для дѣтей. Послѣ обѣда молодежь спѣшитъ въ танцевальную комнату, а старики остаются за столомъ, пьютъ пиво, нюхаютъ табакъ, болтаютъ. Танцами распоряжается шаферъ, который, какъ и дружка, играетъ очень видную роль: въ рукѣ у него сабля, обвитая красными и голубыми лентами, онъ распоряжается танцами, музыкою, смотритъ за порядкомъ; за свои труды онъ получаетъ отъ жениха 3 каролина, но ему далеко не хватаетъ этихъ денегъ на расходы этого дня и приходится добавлять ихъ изъ кармана своего отца. Не смотря, однако, на большіе расходы, быть шаферомъ охотно соглашается каждый молодой человекъ, такъ какъ это считается большою честью и, исполняя эту обязанность, можно показать себя лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Молодежь, собравшаяся на пиръ, танцуетъ отъ обѣда до ужина; только въ 3 часа бываетъ перерывъ для закуски, такъ какъ въ этой странѣ ее всякій день подаютъ именно въ этотъ часъ. Въ то время, когда всѣ закусываютъ, шаферъ отправляется въ кухню, выноситъ оттуда зажаренный и разукрашенный свиной хвостъ, держитъ его на блюдѣ, танцуетъ и поетъ; послѣ этого онъ то же самое дѣлаетъ, держа въ рукахъ миску съ жареной свиной. Затѣмъ онъ подходитъ къ столу, гдѣ сидитъ невѣста, и ставитъ жаркое. Послѣ ужина, который подаютъ въ 6 часовъ, происходитъ

множество различных обрядовъ. Между прочимъ на средину комнаты выходитъ дружка и обращается къ гостямъ съ длинною рѣчью, которую онъ иллюстрируетъ примѣрами изъ Новаго Завѣта, такъ направляя все свое ораторское краснорѣчіе, чтобы заставить присутствующихъ раскошелиться на подарокъ молодой. Затѣмъ онъ благодаритъ гостей отъ имени молодыхъ. «Ей, ты», кричитъ онъ одному парню, «влюбчивый, одуроченный дѣвушками Максъ,—ну-ка, спой подходящую къ случаю пѣсенку!» Максъ нисколько не обижается за безцеремонное къ нему обращеніе, весело улыбаясь, становится къ стѣнѣ и, подъ аккомпаниментъ музыки, начинаетъ пѣть безыскусственную пѣсенку, которую можно передать такъ:

Уютенъ, свѣтелъ домикъ мой;
Онъ чистенькій такой;
Но все же, цѣлый день тоскуя,
По свѣтлымъ комнатамъ брожу я,
А потому что я одинъ,
Я въ домикъ моемъ одинъ.

—
Скала предъ хатою моею;
Я каждый день сижу на ней.
Ахъ, видъ съ нея такой прелестный,
Вся даль раскрылась такъ чудесно!
Но я люблюсь, одинокъ,
И все грущу, что одинокъ.

—
Жила тутъ дѣвушка у насъ,
Съ нея свести не могъ я глазъ;
Не поскупился я цѣною,
И стала мнѣ она женою.
И вотъ теперь я не одинъ,
И вотъ теперь я не одинъ.

—
Но народилося дѣтей,
И тѣсно въ спаленкѣ моею,
Ихъ няньчи, устали не зная,
По дому бѣгай, ихъ таская.
Ахъ, вновь желалъ-бы жить одинъ,
Я вновь желалъ-бы жить одинъ.

Пѣсенка всѣмъ понравилась, и по окончаніи ея со всѣхъ сторонъ раздаются шутки, но никто и не думаетъ пользоваться урокомъ. Затѣмъ дружка благодаритъ родителей молодыхъ. Если одинъ изъ нихъ умеръ, онъ держитъ трогательную рѣчь: «я ходилъ по всѣмъ деревнямъ и созвалъ много гостей на сегодняшній пиръ. Всѣхъ я нашель дома, одного только я не могъ найти — горячо любимаго отца невѣсты. У всѣхъ я о немъ спрашивалъ, но такъ какъ никто ничего не могъ сказать мнѣ о немъ, то я отправился на кладбище и тамъ нашель его. Музыканты, сыграйте въ честь покойнаго отца невѣсты», — и музыканты играютъ печальный мотивъ. Въ это время молодые сидятъ за почетнымъ столомъ; передъ ними стоитъ миска, выложенная внутри кружевами; въ нее присут-

ствующіе кладутъ подарки. Молодые каждому изъ гостей пожимають руку, а невѣста подаетъ полный стаканъ вина. Гость, опуская подарокъ, обязанъ въ то же время пропѣть шнадагюфельнъ, обыкновенно тутъ же импровизированный. Только очень старый крестьянинъ ничего не можетъ сочинить своего и поетъ какую нибудь извѣстную старую пѣсню; но если кто изъ мужчинъ или женщинъ, съ послѣдними это случается чаще, не въ состояніи пропѣть никакой пѣсни, шаферъ обязанъ тотчасъ импровизировать шнадагюфельнъ за неумѣлаго. Если онъ оказывается въ этомъ отношеніи ненаходчивымъ, его считаютъ плохимъ шаферомъ и не позовутъ на другую свадьбу. Послѣ подарковъ, дружка держитъ заключительную рѣчь: «многоуважаемые молодые мнѣ строго наказывали отдавать каждому гостю надлежащій почетъ и называть его по титулу. Я употребилъ всѣ усилія, чтобы выполнить, какъ можно точнѣе, это порученіе. Если я, по разсѣянности, въ чемъ нибудь сплеховалъ, въ этомъ прошу винить исключительно меня. Теперь обращаюсь къ вамъ, достоуважаемая невѣста! Во время совершенія брака въ сегодняшній день вы потеряли прежнее родительское имя, и я васъ сегодня въ послѣдній разъ назову Корнбахеръ и въ первый разъ Фетермайеръ». Этими словами дружка заканчиваетъ свое дѣло, и ему подають стаканъ вина. Послѣ этого онъ обходитъ столы и каждому гостю вливаетъ въ платокъ каплю духовъ; ему даютъ за это нѣсколько монетъ, что въ суммѣ обыкновенно составляетъ болѣе 15 гульденовъ. Затѣмъ «подружка», приплясывая, входитъ въ комнату съ корзиной подарковъ. Корзина эта прекрасно убрана и утыкана 20-ю зажженными восковыми свѣчами. Она поетъ, одинъ за другимъ, 20 шнадагюфельнъ и послѣ каждого гаситъ по свѣчкѣ. Послѣ 20-й пѣсенки она гаситъ послѣднюю свѣчку и отдаетъ невѣстѣ корзинку. Въ ней наложены подсвѣчники, ящички, вещи, необходимыя въ хозяйствѣ, красивыя бездѣлушки, а въ серединѣ картинка—маленькая кукла-ребенокъ въ колыбелькѣ, обвитой миртами,— все это подарки ея подругъ. Когда подарки изъ миски и корзины высыпаны и разобраны, музыканты играютъ танецъ невѣстѣ. Всѣ раздвигаются, шаферъ выходитъ на середину и танцуетъ сначала съ невѣстой, а потомъ съ подружкой. Его смѣняетъ женихъ, который танцуетъ сначала съ подружкой, а потомъ съ невѣстой. «Эй, запрягай!» раздается со всѣхъ сторонъ, и гости начинаютъ разбѣжаться. Музыканты выходятъ изъ дому и передъ каждой повозкой играютъ прощальный маршъ. Тутъ только можно видѣть, какой неистощимый запасъ шнадагюфельнъ у каждого баварскаго крестьянина: уже сидя въ повозкѣ, прежде чѣмъ уѣхать, каждый изъ нихъ споетъ 5 пѣсенокъ; при этомъ онъ бросаетъ музыкантамъ монету, другую. Шаферъ машетъ шляпой въ воздухъ, тоже поетъ нѣсколько шнадагюфельнъ, бросаетъ монету музыкантамъ и уѣзжаетъ. Музыканты на свадебномъ пирѣ могутъ заработать очень много: 8—10 человекъ, которые составляютъ оркестръ на богатой крестьянской свадьбѣ, получаютъ до 300 гульденовъ и болѣе. Поэтому, еще задолго до свадьбы, нѣсколько партій музыкантовъ напрашиваются играть на свадьбѣ у жениха, дружки, шафера, задобриваютъ даже хозяина трактира, который тутъ имѣетъ также свой голосъ.

Лишь только молодые возвратились къ себѣ, молодая пересматриваетъ подарки, а ея мужъ пересчитываетъ деньги. Свадьба доставляетъ ему порядочную сумму, но зато у него и чрезвычайно много издержекъ на подарки и расплату. Онъ долженъ давать деньги и подарки, кромѣ платы за трудъ, рѣшительно всѣмъ, кто только окажетъ ему малѣйшую услугу или подвернется на глаза: всѣмъ кухаркамъ, швейкамъ, извощикамъ, работницамъ, всѣ они получаютъ отъ него подарки и деньги.

Промышленное население Германіи. — Ремесленники и фабричные: ихъ положеніе и значеніе въ странѣ. — Заработокъ рабочихъ, ихъ пища, одежда, жилище и продолжительность рабочаго дня. — Горнозаводскіе рабочіе. — Рабочіе на заводѣ Круша. — Рудокопы и рабочіе на металлическихъ фабрикахъ. — Ткачи. — Рабочіе южной Германіи. — Характеръ германскихъ рабочихъ и современное состояніе промышленности.

Въ отдѣльныхъ очеркахъ мы уже дали понятіе о жизни и занятіяхъ рабочихъ въ тѣхъ пунктахъ имперіи, въ которыхъ сосредоточены разнообразныя, наиболѣе характерныя отрасли труда и промышленности Германіи. Мы подробно ознакомились съ заботами, горемъ и счастливыми минутами жизни виноградарей въ Рейнгау, съ пивоварами Мюнхена, съ часовщиками и славщиками лѣса въ Шварцвальдѣ, съ книгопродавцами и мѣховыми торговцами въ Лейпцигѣ, съ рабочими крупновскаго завода въ Эссенѣ, съ ловцами янтаря, съ рабочимъ людомъ въ Мекленбургѣ, съ ткачами въ Крефельдѣ и Эльберфельдѣ-Барменѣ и, наконецъ, съ оружейниками Золингена. Здѣсь мы хотимъ дать болѣе или менѣе общую картину положенія рабочихъ классовъ Германіи, на сколько намъ это позволяютъ весьма скудные матеріалы о германскихъ рабочихъ вообще и объемъ нашего очерка. Дать полную характеристику рабочихъ классовъ Германіи, въ настоящее время, невозможно даже для спеціальнаго политико-экономическаго труда, тѣмъ болѣе невысказано это въ нашемъ краткомъ, популярномъ изложеніи. Какъ это ни странно, но въ Германіи, которая слыветъ, и притомъ вполне справедливо, колыбелью статистики, до сихъ поръ нѣтъ такихъ капитальныхъ трудовъ о рабочихъ своей родины, которые давали бы полную, всестороннюю картину ихъ положенія во всѣхъ уголкахъ имперіи; а между тѣмъ въ Германіи, и особенно въ Пруссіи, уже давно придають серіозное значеніе рабочему вопросу. Это происходитъ отъ чрезвычайно многихъ причинъ, но прежде всего отъ того, что отдѣльныя части имперіи существенно отличаются другъ отъ друга не только своими природными богатствами, но и характеромъ населенія, а часто также политическимъ и общественнымъ строемъ. Эта задача усложняется еще и вслѣдствіе кризиса, продолжающагося въ Германіи уже десять лѣтъ и изъ котораго она еще не вышла до сихъ поръ. Нужно замѣтить, что однимъ изъ слѣдствій объединенія Германіи была замѣна многочисленныхъ законодательствъ, существовавшихъ въ отдѣльныхъ княжествахъ, однимъ общимъ промышленнымъ кодексомъ и уничтоженіе старинныхъ гильдій, или замкнутыхъ корпорацій, которыми въ средніе вѣка была покрыта вся Германія, и которыя существовали до послѣдняго времени въ большей части государствъ прежняго германскаго союза. Слѣдствіемъ уничтоженія этихъ остатковъ прежнихъ временъ было радикальное преобразованіе, можно даже сказать, совершенный переворотъ въ промышленности, и уже только по одному этому невозможно дать точнаго отчета о положеніи германскихъ рабочихъ въ настоящее время. Между тѣмъ едва только было выполнено экономическое объединеніе, какъ другое событіе, не менѣе важное, измѣнило условія производства въ Германіи, произвело совершенный переворотъ въ цѣнности денегъ и повергло страну въ страшныя бѣдствія, которыя даютъ себя чувствовать и въ настоящее время. Мы говоримъ о послѣдней франко-прусской войнѣ и о пятимиллиардной контрибуціи. Громадныя суммы, которыя Франція уплатила Пруссіи, въ высшей степени понизили цѣнность денегъ въ Германіи. Цѣны на всѣ предметы спроса еще и до войны, въ періодъ 1859—1869 гг., страшно повысились, но онѣ поднялись еще болѣе послѣ войны. Вѣчный страхъ южной и западной Германіи передъ французскимъ нашествіемъ исчезъ, когда французскія войска были разбиты и германскія границы расширились. Явилось чувство безопасности, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвысились цѣны на земли и особенно на квартиры. Повышеніе цѣнъ на жилища вмѣстѣ съ возвышеніемъ налоговъ, что потребовалось для организаціи арміи послѣ провозглашенія

имперіи, произвело общую дороговизну и до сихъ поръ ложится тяжелымъ гнетомъ какъ на рабочихъ, такъ и на мелкихъ капиталистовъ, которые имѣютъ небольшой и всегда одинаковый доходъ. Рабочіе, которымъ жизнь обходится все дороже, требуютъ за свой трудъ большей платы, а вслѣдствіе этого фабриканты, купцы, производители съѣстныхъ продуктовъ и др. стараются вернуть свое повышеніемъ цѣнъ на товаръ. Кризисъ, явившійся слѣдствіемъ этого повышенія цѣнъ, произвелъ въ промышленности страшную бурю, которая повидимому стала уже утихать, когда ее снова подняли событія на востокъ и та тревога, которую онѣ посѣяли по всей Европѣ. И такъ теперешнее состояніе германской промышленности не можетъ считаться нормальнымъ, и это нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ данныхъ, которыя мы имѣемъ въ настоящее время. Но очень вѣроятно, что за повышеніемъ цѣнъ, наступившимъ послѣ войны, вовсе не послѣдуетъ обратнаго движенія и что цѣны еще долго останутся на теперешнемъ уровнѣ.

По переписи 1875 года на 42.727,360 жителей въ Германской Имперіи считалось 3.626,000 чел., принадлежащихъ къ промышленному классу. Но эта цифра несравненно менѣе дѣйствительной: въ этотъ итогъ, во первыхъ, не вошли рабочіе Эльзасъ-Лотарингіи, во вторыхъ, въ него включены только рабочіе, получающіе жалованье, между тѣмъ какъ совершенно опущенъ огромный классъ ихъ семействъ, а также тѣ, которые занимаются работой самостоятельно и изготовляютъ разнаго рода издѣлія для фабрикантовъ и мануфактуристовъ у себя на дому. Эта послѣдняя группа весьма многочисленна въ Германіи. По даннымъ различныхъ переписей, произведенныхъ между 1867 и 1875 гг., германскіе рабочіе, занимающіеся промышленностью, распределяются слѣдующимъ образомъ: въ Пруссіи промышленное населеніе составляетъ 6.067,000, въ Саксоніи 487,000, въ Гамбургѣ 105,000, въ Бременѣ 21,000, въ Саксенъ-Кобургъ-Готѣ 20,000, въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ 33,000, въ Вюртембергѣ 270,000, всего 7.003,000. Если прибавить къ этому цифру промышленныхъ классовъ Баваріи, гдѣ вслѣдствіе малаго развитія промышленности и преобладанія земледѣлія официальная статистика не представляетъ за послѣднее время данныхъ о числѣ рабочихъ, занимающихся промышленностью, и великаго герцогства Гессенскаго, если учетверить цифру рабочихъ въ Бременѣ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ и въ Саксенъ-Кобургъ-Готѣ, такъ какъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ рабочіе указаны безъ женъ и семействъ, если обратить вниманіе на увеличеніе населенія послѣ того, когда эти переписи были произведены, и наконецъ прибавить сюда число рабочихъ Эльзаса и Лотарингіи, то мы придемъ къ заключенію, что ремесла, фабрики и заводы даютъ работу и кормятъ не меньше 10 милл. человекъ изъ 43 милл., составляющихъ населеніе Германіи.

Изъ двухъ группъ германскихъ рабочихъ, занимающихся промышленностью, т. е. *фабричныхъ и ремесленниковъ*, положеніе послѣднихъ самое жалкое. Еще недавно всѣ ремесленники принадлежали къ тому или другому цеху. Вслѣдствіе уничтоженія цеховыхъ привилегій нѣкоторые хозяева мелкихъ ремесленныхъ заведеній и очень многіе ремесленники, промышлявшіе въ первой половинѣ настоящаго столѣтія въ городахъ, теперь вынуждены были перенести свою дѣятельность въ села. Съ этого времени въ городахъ начала все болѣе развиваться фабричная дѣятельность и имъ приходилось, теперь искать себѣ заработка въ мѣстностяхъ, гдѣ можно было не бояться конкуренціи съ фабрикантами. Сначала это благотвительно повліяло на усовершенствованіе ремеслъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы трудиться на хозяевъ, многіе ремесленники начали работать на себя, но за то это лишило мелкихъ городскія мастерскія рабочихъ рукъ, а слѣдовательно и разорило ихъ хозяевъ. Къ тому же, въ послѣднее время, улучшеніе путей сообщенія дало возможность дешево и легко пересылать товары, что роковымъ образомъ отозвалось на мелкихъ ремесленныхъ заведеніяхъ и на ремесленникахъ. Произве-

денія крупной промышленности можно было теперь пересылать въ такія мѣстности, гдѣ прежде шли въ продажу только надѣлія мелкихъ ремесленниковъ. Имѣя возможность изготовлять различныя произведенія въ громадномъ количествѣ и несравненно дешевле, фабрики быстро сбили цѣну на товаръ и уменьшили до минимума заработокъ ремесленника, которымъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ теперь существовать и долженъ искать другихъ источниковъ дохода. Часть ремесленниковъ отправилась на работу на фабрики, а остальные пробиваются съ большимъ трудомъ и пополняютъ свой скудный ремесленный заработокъ земледѣльческимъ. Нѣкоторые изъ нихъ (но такихъ очень не много, и ихъ считаютъ здѣсь счастливыми и рѣдкими исключеніями) сумѣли до кризиса накопить небольшую сумму денегъ и купить нѣсколько моргеновъ земли. Хотя такой небольшой участокъ не можетъ прокормить семейства ремесленника, и онъ даже при этомъ долженъ искать вспомогательнаго заработка, но тѣмъ не менѣе пріобрѣвшій хотя небольшую собственность можетъ считаться счастливейшимъ изъ смертныхъ сравнительно съ остальными собратьями по ремеслу, положеніе которыхъ самое бѣдственное. Вслѣдствіе недостатка заработка имъ постоянно приходится переходить отъ одного хозяина къ другому, а очень многіе изъ нихъ рады-радехоньки отдать свой трудъ за пищу и пріютъ.

Заработная плата ремесленниковъ въ Данцигѣ, въ Эльбингѣ и въ бассейнѣ нижней Вислы была въ 1872 г., для обыкновеннаго рабочаго не болѣе 16 зильбергрошей, т. е. двухъ франковъ въ день. (Въ виду колебанія курса, мы не переводимъ на русскія деньги данныя о заработной платѣ германскихъ рабочихъ, заимствованныя нами изъ иностранныхъ источниковъ. Въ настоящее время франкъ (содержащій 100 сантимовъ) по курсу стоитъ 40 к.). Зимой эта плата еще уменьшается на 30 сантимовъ въ день для обыкновенныхъ рабочихъ и на 60 сантимовъ для тѣхъ, которые работаютъ подъ открытымъ небомъ. Кромѣ того, вслѣдствіе морозовъ, часто наступаетъ болѣе или менѣе продолжительная безработица, и тогда люди, работающіе подъ открытымъ небомъ, т. е. въ поляхъ, на пристаняхъ и при постройкахъ, сидятъ совершенно безъ работы и хлѣба. Самые лучшіе и наиболѣе искусные изъ нихъ плотники, кирпичники, каменщики, кузнецы и портные получаютъ въ день, въ названныхъ мѣстностяхъ, 3 франк. 10 сантимовъ; но такъ какъ очень немногіе изъ ремесленниковъ имѣютъ работу круглый годъ, то даже и эта высшая плата весьма недостаточна для прокормленія семьи въ теченіи цѣлаго года. Вслѣдствіе этого семейства болѣе искусныхъ ремесленниковъ живутъ обыкновенно въ большой нищетѣ, а о ремесленникахъ втораго и третьяго разряда и говорить нечего: это нищія въ полномъ смыслѣ слова. Въ названныхъ мѣстностяхъ есть еще одна категорія рабочихъ—носильщики: они переносятъ зерновой хлѣбъ и дрова и зарабатываютъ иногда вдвое больше, но живутъ не лучше, такъ какъ морозы прекращаютъ работы на цѣлыя недѣли.

Въ Саксоніи плата ремесленниковъ, за тотъ же періодъ времени, колебалась между 11—15 франк. въ недѣлю, что совершенно недостаточно для содержанія семейства, если его члены не могутъ съ своей стороны что нибудь заработать. Тѣмъ не менѣе положеніе ремесленниковъ въ этой странѣ еще лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и многіе счастливы между ними, о которыхъ мы упоминали выше, имѣвшіе случай пріобрѣсти маленькую недвижимую собственность, находятся преимущественно въ этой странѣ.

Въ Вюртембергѣ работники и работницы отъ 14 до 18 лѣтъ получаютъ въ день отъ 60 сантим. до 1 фр. 25 сантим. въ день; работники и работницы старше 18 лѣтъ: мужчины—отъ 1 фр. 65 сантим. до 4 фр. 15 сантим.; женщины—отъ 90 сантим. до 1 фр. 85 сантим. Тѣмъ не менѣе и здѣсь чрезвычайно мало такихъ ремесленниковъ, которые за-

рабатывали бы въ недѣлю 25 фр., а если и найдется нѣсколько такихъ счастливицевъ, то и они получаютъ эту плату за работу поштучно.

Средній заработокъ германскаго ремесленника вообще можно считать отъ 7 фр. 50 сант. до 9 фр. въ недѣлю; 24 и 25 фр. составляютъ максимумъ, что получаютъ очень немногіе и не круглый годъ. Но какъ-бы то ни было, несмотря даже на теперешній кризисъ и сильныя колебанія заработной платы, она постоянно возвышается. Это происходитъ преимущественно вслѣдствіе сильныхъ протестовъ со стороны рабочихъ, которые крайне недовольны своимъ положеніемъ; ихъ недовольство чрезвычайно быстро растетъ, и потому социалистическая партія все увеличивается въ числѣ и охватываетъ все большій районъ въ Германской Имперіи. Возвышеніе заработной платы началось уже съ 1868 г., и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Пруссіи она повысилась на 50, 60 и даже на 100%. Старые рабочіе Германіи признаютъ, что въ ихъ молодости заработная плата едва-ли составляла и половину теперешней. Несмотря на то, положеніе рабочихъ становится все болѣе невыносимымъ.

Одна изъ самыхъ серіозныхъ причинъ страданій, какъ ремесленниковъ, такъ и всѣхъ рабочихъ Германіи, — чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня. По всей Пруссіи и во многихъ другихъ частяхъ Германіи число рабочихъ часовъ такъ велико, что часто даже трудно повѣрить официальнымъ отчетамъ. Такъ напр. чернорабочіе, ломовые извозчики и другой подобный людъ въ Берлинѣ, работая не иначе какъ по письменному условію съ хозяиномъ, ежедневно бываютъ въ работѣ 16 и болѣе часовъ. Работа берлинскихъ пекарей продолжается 19 час. въ сутки, и нужно помнить, что это одно изъ самыхъ тяжелыхъ и утомительныхъ занятій, въ жаркой, душной атмосферѣ, предъ раскаленной печью. Затѣмъ, почти во всей Германіи, взрослые рабочіе проводятъ за работой ежедневно лѣтомъ отъ 5 ч. утра до полудня, потомъ отъ 1 ч. дня до 7 и позднѣе, а зимой отъ разсвѣта, т. е. отъ 6 или самое позднее отъ 7 ч. утра до 8 или 9 ч. вечера. Ткачи, какъ мы уже видѣли, просяживаютъ за своими станками нерѣдко до 16 час. въ сутки. Многіе ремесленники и фабричныя рабочіе въ Саксенъ-Кобургѣ работаютъ по 13 и 14 час. въ сутки, но большинство занято работою 12 час., и только весьма немногіе всего 10 часовъ. Такъ напр. на чугунно-литейныхъ фабрикахъ, красильныхъ и нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ проводятъ всего 10 час. Чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня—одно изъ главныхъ золъ въ жизни германскихъ рабочихъ, особенно вредно отзывающееся на здоровьѣ женщинъ, такъ какъ при этомъ приходится работать и часть ночи. Уже давно признается крайне необходимымъ, чтобы правительство обратило на это вниманіе и законодательными мѣрами оградило здоровье рабочихъ отъ разрушительнаго вліянія чрезчуръ продолжительной работы, въ особенности ночной *). Но германскій ремесленникъ охотно примирился бы и съ этимъ, лишь бы заработная плата, теперь столь возвышенная, давала ему возможность мало-мальски сносно устроить свое положеніе; на дѣлѣ выходитъ, что ему трудно удовлетворить своимъ заработкомъ даже самымъ первѣйшимъ и существеннѣйшимъ потребностямъ. Мы уже знаемъ, что ремесленникъ остается безъ работы не только по недѣлямъ, но и по мѣсяцамъ. Затѣмъ, при существующемъ колебаніи цѣнъ на трудъ и при излишнемъ скопленіи рабочихъ рукъ въ той или другой мѣстности, ремесленникъ иногда принужденъ браться за работу только изъ-за куска хлѣба. Наконецъ, нерѣдко хозяика,

*) Пока германское законодательство установило точныя правила только относительно работы дѣтей: по закону 1869 г. 1) дѣтей до 12 лѣтъ нельзя употреблять для правильныхъ работъ на фабрикахъ; 2) работа дѣтей на фабрикахъ до 14 лѣтъ не должна превышать 6 часовъ въ сутки, и при этомъ они должны учиться 3 часа въ школѣ; 3) молодые люди отъ 14 до 16 лѣтъ не должны работать на фабрикахъ болѣе 10 часовъ въ сутки.

а иногда и глава семейства, вследствие болѣзни и другихъ семейныхъ несчастій, не въ состояніи работать нѣсколько недѣль сряду: расходъ тогда увеличивается, а доходъ значительно уменьшается.

Посмотримъ теперь, какъ питаются рабочіе въ Германіи. Въ 1806 г. на каждого человѣка здѣсь выходило до 30 ф. мяса въ годъ; черезъ 63 г. его употребляютъ только немногимъ болѣе, а именно до 35 1/2 ф. въ годъ на человѣка. Германскій рабочій, какъ земледѣльческій, такъ и фабричный, питается почти исключительно мучною пищею, разнообразя ее немного кофеемъ. Самую видную роль въ пищѣ рабочаго играетъ картофель, который употребляютъ въ Германіи во всевозможныхъ видахъ. Саксонцы до того любятъ картофель, что съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ памяти Дрэка, которому Европа обязана распространеніемъ картофеля, и его портретъ вы найдете въ каждой саксонской деревушкѣ. Самою плохую пищу питаются рабочіе въ Рудныхъ горахъ: она исключительно состоитъ здѣсь изъ картофеля, чрезвычайно жидкаго кофе и хлѣба. Мяса эти люди совсѣмъ не знаютъ, и оно появляется на столѣ очень немногихъ, да и то въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Впрочемъ не только рабочіе Рудныхъ горъ, но вообще простой людъ всей Германіи чрезвычайно мало и рѣдко ѣстъ свѣжее мясо, и даже болѣе зажиточные изъ нихъ употребляютъ вмѣсто него свинину. Обыкновенный напитокъ германскаго рабочаго—пиво, но онъ пьетъ также и водку, особенно когда ему приходится работать подъ открытымъ небомъ. На югѣ Германіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, простой народъ пьетъ и вино, но это бываетъ только на берегахъ Рейна, а въ другихъ частяхъ Германіи употребленіе вина совсѣмъ не распространено среди простаго люда. Хотя пища германскаго рабочаго мало питательна и однообразна, зато онъ ѣстъ здѣсь очень часто. Въ деревнѣ, лишь только рабочій просыпается, прежде чѣмъ отправиться на работу, онъ ѣстъ мучную похлебку и нѣсколько кусковъ хлѣба съ масломъ. Въ 9 ч. онъ опять закусываетъ хлѣбомъ съ масломъ или съ сыромъ и иногда выпиваетъ рюмку водки; въ 12 ч. онъ сѣдаетъ миску гороховой похлебки и пригоршню картофеля съ хлѣбомъ; въ 4 ч. пополудни опять закусываетъ хлѣбомъ съ масломъ или сыромъ и выпиваетъ рюмку водки; послѣ окончанія работы, въ 7 или 8 часовъ вечера, онъ ужинаетъ опять мучною похлебкою, хлѣбомъ, картофелемъ и при этомъ выпиваетъ кружки двѣ пива.

Городской рабочій утромъ, уходя на работу, пьетъ кофе и сѣдаетъ 1/4 ф. бѣлаго или ржаного хлѣба; въ 9 ч. сѣдаетъ 1/2 ф. хлѣба съ масломъ или съ ветчиной и непремѣнно пьетъ водку. Въ 12 ч. рабочимъ обыкновенно приносятъ обѣдъ изъ дому: онъ состоитъ изъ большой миски гороховаго супа, картофеля или сосисекъ и изъ хлѣба съ масломъ; при этомъ пьютъ водку или пиво. Рабочій сѣдаетъ этотъ обѣдъ тамъ, гдѣ работаетъ: на крыльцѣ, на какойнибудь ступенькѣ, на стулѣ. Ложку ему приносятъ, а складной ножъ всегда при немъ. Нѣкоторые рабочіе, въ особенности холостые или живущіе далеко отъ мѣста работы, обѣдаютъ въ трактирахъ. Въ 4 ч. вечера они закусываютъ полуфунтовымъ кускомъ хлѣба съ масломъ, сыромъ или ветчиной и выпиваютъ рюмку водки, а въ 7 час. вечера ужинаютъ, сѣдая такое же количество хлѣба, картофеля и выпиваютъ кружку пива.

Изъ сказаннаго видно, что положеніе ремесленниковъ жалкое и ненадежное, хотя и есть кой-какія исключенія изъ общаго правила. Имъ болѣе всего приходится бороться противъ конкуренціи машинъ, которыя всѣ предметы производятъ въ огромномъ количествѣ и потому чрезвычайно дешево, что заставляетъ ремесленниковъ работать по ничтожнымъ цѣнамъ. Къ тому же самый характеръ работы таковъ, что тратится много времени на ходьбу за заказомъ, на покупку матеріала, на составленіе и разборку инструментовъ и станковъ; при этомъ ремесленники, чаще чѣмъ фабричные, подвергаются продолжительнымъ безработицамъ. Ихъ положеніе хуже чѣмъ фабричныхъ уже потому,

что они не могут рассчитывать на помощь богатого работодателя; они не могут больше надѣяться и на защиту гильдій, которыя прежде спасали ихъ отъ крайней нищеты. Положеніе ихъ во многіхъ отношеніяхъ напоминаетъ положеніе земледѣльцевъ въ этой странѣ, или вовсе неимѣющихъ собственности, или обладающихъ ею въ крайне недостаточномъ количествѣ: какъ тѣ, такъ и другіе пользуются малопитательной пищей, плохой квартирой, бѣдно одѣты и осуждены на невыносимо продолжительный трудъ; какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ впереди еще большая нужда, еще болѣе ужасныя лишенія вслѣдствіе постоянного повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости.

Теперь перейдемъ къ фабричнымъ рабочимъ. Мы уже говорили выше о томъ, что германская раса втеченіе столѣтій привыкла къ усидчивому труду и къ жизни болѣе чѣмъ умѣренной. Здѣсь поэтому легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, требовать отъ рабочаго тяжелаго труда за ничтожное вознагражденіе. Это какъ нельзя болѣе на руку здѣшнимъ алчнымъ фабрикантамъ. Къ тому же имъ и по характеру производства приходится платить своимъ рабочимъ небольшую плату и доводить ее до минимума. Германская промышленность производитъ всевозможные предметы для массы потребителей и для вывоза въ громадномъ количествѣ; такимъ образомъ она болѣе всего приготавливаетъ произведеній дешеваго и низкаго достоинства, которыя не отличаются ни тонкостью отдѣлки, ни вкусомъ, ни изяществомъ. Въ производствѣ такого рода первую роль играетъ механическая сила, рабочій имѣетъ только второстепенное значеніе и уже отчасти поэтому получаетъ небольшое вознагражденіе. Хотя германскій рабочій вообще человѣкъ въ высшей степени трудолюбивый и терпѣливый, но онъ чересчуръ медлителенъ и, если можно такъ выразиться, большой рутинеръ: онъ никогда не отступитъ отъ образца и не способенъ самостоятельно, своею смѣтливостью или искусствомъ улучшить качество своей работы. Въ этомъ заключается главная причина того, что въ Германіи цѣны на отечественныя произведенія повышались медленно, чѣмъ въ другихъ странахъ, а вслѣдствіе этого и плата за трудъ рабочаго хотя постоянно увеличивается, но не въ такой степени, какъ въ другихъ государствахъ, и далеко не соразмѣрна съ повышеніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Положеніе фабричнаго рабочаго въ Германіи теперь лучше, чѣмъ прежде, и лучше положенія крестьянъ и ремесленниковъ, тѣмъ не менѣе оно и теперь весьма плачевно: громадное большинство и въ настоящее время плохо питается, получаетъ недостаточное вознагражденіе, живетъ въ жалкихъ жилищахъ. Заработная плата фабричныхъ рабочихъ можетъ быть указана съ большею точностью, чѣмъ плата ремесленниковъ, но она чрезвычайно различна въ каждой отрасли производства. Начнемъ съ самой крупной отрасли германской промышленности—горнозаводства и горнаго дѣла. Вотъ каковъ былъ въ 1870—75 гг. еженедѣльный заработокъ рабочихъ. Въ каменноугольныхъ копяхъ взрослый рабочій, работая задѣльно, получалъ въ недѣлю среднимъ числомъ отъ 20 до 22 фр.; подростки отъ 7 до 9 фр. Въ рудникахъ и каменоломняхъ плата приблизительно на четверть ниже, чѣмъ въ каменноугольныхъ копяхъ. На чугунно-плавильныхъ заводахъ рабочему платятъ въ недѣлю отъ 15 до 25 фр. Рабочіе на сталелитейныхъ заводахъ получаютъ больше, т. е. отъ 22 до 47 фр. въ недѣлю, а иногда до 50 и даже до 60 франкъ.; среднимъ числомъ рабочій получаетъ здѣсь отъ 25 до 30 франковъ въ недѣлю. На большой фабрикѣ Круппа, въ Эссенѣ, платятъ 18 фр. въ недѣлю кузнецамъ перваго разряда, 13 фр. кузнецамъ втораго разряда, 14 фр. 40 сант. подмастерьямъ и отъ 4 фр. 50 сант. до 6 фр. ученикамъ; но тѣ, которые работаютъ задѣльно, получаютъ отъ 22 до 36 фр., а рабочіе для пудлингованія желѣза—54 фр. въ недѣлю. Эта неравномѣрность заработка и заставила поденный трудъ замѣнить задѣльнымъ. Такъ какъ нѣкоторыя работы на крупновскомъ заводѣ продолжаютъ днемъ и ночью, въ будни и въ воскресные дни, то рабочимъ представляется случай,

для увеличенія своего заработка, работать еще по окончаніи 11-ти часового срока. Такимъ образомъ лучшіе рабочіе работаютъ задѣльно и каждый зарабатываетъ соразмѣрно своему трудолюбію и умѣнью. Такъ напр. при плавкѣ брусевъ, трубъ, при отливкѣ пушекъ и т. д., когда ошибка въ фабрикаціи можетъ причинить большіе убытки хозяину завода, рабочіе, славящіеся своею опытностью и умѣньемъ, оставляютъ свою обыкновенную работу и, когда уже все готово къ отливкѣ, приходятъ помочь хотя бы на 20 минутъ и получаютъ за эту добавочную работу, кромѣ своего жалованья, довольно высокую плату. Кромѣ того въ концѣ года Крупшъ раздаетъ своимъ рабочимъ значительную сумму въ видѣ наградъ, соразмѣрно съ искусствомъ и работою каждаго.

Плата рабочимъ на механическихъ заводахъ вообще сильно колеблется, смотря по мѣстности: въ королевствѣ Саксоніи въ 1871—72 гг. минимумъ былъ 9 фр. въ недѣлю, максимумъ 50 фр., средняя плата 20 фр. На Рейнѣ, въ Эльберфельдъ-Барменѣ, Дюссельдорфѣ въ 1873—74 гг. минимумъ 14 фр. 40 сант. въ недѣлю, максимумъ 43 фр. 20 с., средняя плата 25 фр. Въ Берлинѣ въ 1873 г. минимумъ 14 фр. 40 с., максимумъ 54 фр., средняя плата 28 фр. Въ другихъ отрасляхъ промышленности, такъ напр. на фабрикахъ орудій, гвоздей, ножей и т. п., плата взрослому рабочаго колебалась отъ 7 фр. 50 с. въ недѣлю до 34 фр. 70 с., составляя въ среднемъ отъ 16 до 22 фр. въ недѣлю. Почти тоже самое на заводахъ, гдѣ перерабатываютъ мѣдь, различные сплавы, олово и даже на фабрикахъ музыкальныхъ инструментовъ и научныхъ приборовъ. При добычаніи и обработкѣ драгоценныхъ металловъ рабочая плата отъ 6 до 40 фр., но всего чаще—отъ 16 до 30 фр. въ недѣлю. Не слѣдуетъ забывать, что рабочіе на рудникахъ и металлическихъ фабрикахъ находятся въ самомъ благопріятномъ положеніи. Правительство ввѣрило надзоръ надъ всѣми плавильными заведеніями, рудниками и соловарнями прусскаго королевства особымъ чиновникамъ. Болѣе или менѣе сносное положеніе рудокоповъ и рабочихъ на металлическихъ заводахъ имѣетъ серіозное значеніе для государства, и это заставило правительство, промышленниковъ и фабрикантовъ окружить ихъ особыми заботами и попеченіями. Ихъ заработная плата сравнительно высока, имъ доставляютъ удобныя жилища за небольшія деньги, при этомъ у нихъ существуетъ немало обществъ для вспомошествованія, библіотеки, рабочіе кружки, кредитныя учрежденія, — все это служитъ для нихъ вспомогательными источниками. Однимъ словомъ, правительство употребляетъ всевозможныя старанія, чтобы по благосостоянію и матеріальной обстановкѣ сдѣлать этотъ классъ людей предметомъ зависти и соревнованія для всѣхъ рабочихъ. И дѣйствительно, за исключеніемъ польскихъ рудокоповъ въ Верхней Силезіи, которыя прославились страстью къ кутежамъ, этотъ классъ германскихъ рабочихъ отличается необыкновенною трезвостью, энергіею, духомъ товарищества и профессиональною гордостью, которая ведетъ свое начало отъ самыхъ отдаленныхъ временъ и представляетъ счастливый контрастъ съ остальной частью рабочаго населенія. Но, несмотря на всѣ матеріальныя и нравственныя преимущества, рабочимъ и этой группы рѣдко удается дѣлать сбереженія и нѣкоторые изъ нихъ вынуждены бываютъ эмигрировать въ другія страны. Если таково положеніе цѣлага разряда рабочихъ, находящихся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, то можно вообразить себѣ, каково положеніе остальныхъ, не получающихъ такой высокой платы и не пользующихся ни особымъ покровительствомъ, ни особою помощью со стороны правительства.

Ткацкая промышленность, одна изъ самыхъ значительныхъ въ Германіи, представляетъ типъ вполне обездоленнаго класса рабочихъ. Между ними значительное число ручныхъ ткачей, которые работаютъ на дому и съ замѣчательнымъ упорствомъ, но безъ всякаго успѣха, ведутъ отчаянную борьбу съ машиннымъ производствомъ. Въ тѣхъ бѣдныхъ странахъ, гдѣ ручное тканье составляетъ старинное ремесло, ткачи и ихъ

дѣти работаютъ нерѣдко по 16 часовъ, что, какъ мы видѣли выше въ отдѣльномъ очеркѣ о ткачахъ при описаніи Крэфельда и Эльберфельдъ-Бармена, производитъ положительно удручающее впечатлѣніе. Люди, изучавшіе положеніе ткачей въ Берлинѣ, тоже рисуютъ его въ самомъ мрачномъ свѣтѣ: въ 1864 г., изъ 3,000 ткачей—600 получало за ежедневный 12-ти часовой трудъ 15 фран. въ недѣлю, 750 ткачей 13 фран. 10 сан., еще 750 ткачей 11 фран. 25 сан. и 900 только 9 фран. 35 сан.; 60% рабочихъ, занимающихся сученіемъ нитокъ (дѣвочки и мальчики) получали 6 фран. 85 сантимовъ и 40%—5 фран. въ недѣлю. Трудно представить болѣе безнадежное положеніе: кромѣ безработицы, которую они испытываютъ чаще другихъ, ткачи теряютъ чрезвычайно много времени на поиски за работой, на разборку и составленіе станковъ. Ткачи Силезіи, живущіе разбросанно въ горныхъ округахъ, нищенствуютъ всѣ поголовно. Многіе изъ ткачей, видя все большее распространеніе хлопчато-бумажныхъ тканей, задумали ткать ихъ ручнымъ способомъ, но для этого имъ пришлось пережѣнить станки. Они не остановились передъ этимъ и начали заниматься тканьемъ дешевыхъ хлопчато-бумажныхъ матерій, а для покупки новыхъ станковъ вошли въ долги; но скоро они очутились въ полной зависимости отъ тѣхъ крупныхъ, промышленныхъ фирмъ, которыя, пользуясь ихъ нищетой, стали давать имъ работу за крайне ничтожную плату. Изъ всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ разрядовъ прусскихъ рабочихъ ткачи безспорно самые несчастные, самые бѣдные, самые голодные, и, при своей физической слабости, унаслѣдованной ими отъ предковъ, испоконъ вѣка занимающихся этимъ изнурительнымъ, тяжелымъ и однообразнымъ трудомъ, они неспособны самостоятельно выбиться изъ своего теперешняго положенія.

Въ южной Германіи въ 1872 г. фабричный рабочій, за обыкновенныя работы, получалъ въ Вюртембергѣ отъ 2 фран. 5 сан. до 2 фран. 50 сан. въ день среднимъ числомъ, между тѣмъ какъ плата за трудъ въ высшихъ отрасляхъ промышленности, какъ напр. плата механику или болѣе искуснымъ рабочимъ, колебалась между 5 и 7 фран. въ день. Впрочемъ заработная плата на вюртембергскихъ фабрикахъ измѣняется, смотря по разстоянію фабрики отъ столицы. На бумагопрядильныхъ фабрикахъ близъ Штутгарда хорошій прядильщикъ получалъ въ 1872 г. отъ 2 фран. 50 сант. до 3 фран. 75 сан. въ день; хорошая работница 2 фран. 5 сан. въ день. Заработная плата фабричныхъ рабочихъ вообще очень низка, и ея въ большинствѣ случаевъ не хватаетъ на самое необходимое. Мало того: ни одно семейство не можетъ прожить только заработкомъ хозяина; всѣ члены семейства, даже дѣти, должны вносить въ хозяйство свою лепту. За то холостые фабричные, въ большинствѣ случаевъ, могутъ приберечь кое-что про черный день. Но есть и между семейными людьми счастливыя исключенія: въ то время, какъ въ Саксенъ-Кобургѣ, въ Баваріи и герцогствѣ Нассаускомъ рабочіе живутъ со дня на день, въ королевствѣ Саксоніи рабочему удастся сдѣлать маленькія сбереженія, на которыя онъ покупаетъ домикъ съ небольшимъ влчкомъ земли. Этимъ саксонскіе рабочіе обязаны чрезвычайно многимъ условіямъ: плодородію почвы, промышленному духу всего населенія, высокому уровню просвѣщенія, обилію капиталовъ, которыми уже издавна располагаютъ здѣшніе капиталисты, и наконецъ потребительнымъ обществамъ, существующимъ у нихъ въ большомъ количествѣ и въ которыхъ они всѣ припасы покупаютъ значительно дешевле. Если бы они покупали съѣстные припасы у торговцевъ, имъ приходилось бы тратить на свое пропитаніе гораздо болѣе. Тоже и въ Бременѣ: заработная плата рабочаго не только даетъ ему возможность существовать, но и дѣлать кой какіе сбереженія, что прежде всего зависитъ здѣсь отъ дешевизны жизни, тогда какъ рабочіе сѣверо-восточной и восточной Пруссіи, а также и Берлина, получая почти такую-же плату, доходятъ

до нищенства. За этими немногими счастливыми исключениями, положеніе фабричнаго вообще весьма незавидно. Пока рабочій холостъ, онъ пробивается безъ особенныхъ лишеній, даже откладываетъ на черный день, а женился—пошли дѣти, и съ каждымъ ребенкомъ нужда, а затѣмъ и нищета все назойливѣе стучится въ дверь. Каждый знаетъ, чего онъ можетъ ожидать отъ семейной жизни и, не смотря на это, не только женится, но даже часто преждевременно. Нищета черезъ нѣсколько лѣтъ заставляеть его проклинать свое легкомысліе и заклинать пріятеля не дѣлать того же. Тотъ со всѣмъ соглашается, а черезъ мѣсяць, другой женится самъ. На тѣхъ фабрикахъ, гдѣ умные фабриканты хотя нѣсколько позаботились о положеніи своихъ рабочихъ, какъ въ Вестфалии и Рейнской провинціи, положеніе фабричныхъ еще не такъ отчаянно, но гдѣ этого нѣтъ, оно внушаетъ правительству серьезныя опасенія.

Намъ остается познакомиться еще съ одеждою и жилищемъ рабочаго. Покрой нѣмецкаго платья слишкомъ извѣстенъ, чтобы его описывать, и германскіе рабочіе мало отличаются своей одеждою отъ рабочихъ другихъ европейскихъ странъ. Они обыкновенно шьютъ свое платье изъ шерстяной или хлопчатобумажной матеріи, которую германская промышленность производитъ въ такомъ огромномъ количествѣ по очень дешевымъ цѣнамъ; но къ сожалѣнію эта одежда не отличается ни прочностью, ни красотою, ни тщательностью отдѣлки, хотя она обходится рабочему чрезвычайно дешево, но такъ какъ ему приходится очень часто чинить и обновлять ее, то и матерія лучшаго качества не стоила бы ему дороже. Кстати замѣтимъ, что хотя нисшіе классы Германіи вообще не одарены природнымъ вкусомъ, но они придаютъ большое значеніе чистой и опрятной внѣшности: у самаго несчастнаго бѣдняка почти всегда найдется полный праздничный костюмъ. Эта любовь къ опрятной внѣшности переходитъ часто границы, особенно у женщинъ, которыя нерѣдко готовы обречь себя на голодъ, лишь бы шегольнуть новымъ туалетомъ, но, какъ и въ среднемъ классѣ, онѣ и здѣсь не отличаются умѣньемъ одѣваться со вкусомъ: цвѣтъ матеріи черезчуръ пестрый, броскій и платье всегда мѣшковато сидитъ на сутуловатой фигурѣ германской женщины рабочаго сословія.

Жилища рабочихъ чрезвычайно различны, не только по характеру постройки, но и смотря потому, гдѣ живутъ рабочіе: въ селахъ, въ маленькихъ или большихъ городахъ. Первые большею частію живутъ въ собственныхъ домахъ, послѣдніе, въ громадномъ большинствѣ, въ наемныхъ квартирахъ; впрочемъ, какъ тѣ, такъ и другіе, занимаютъ очень жалкія помѣщенія. Квартирная плата въ городахъ обыкновенно очень высока, и потому въ каждой небольшой комнатѣ набито множество жильцовъ. Въ Берлинѣ, въ 1867 г., число комнатъ, вмѣщавшихъ по пяти, шести жильцовъ и болѣе, доходило до 15,574; въ нихъ жило 111,280 чел., слѣдовательно среднимъ числомъ приходилось болѣе 7 чел. на одну комнату. Остальныя комнаты, занятыя въ Берлинѣ рабочими, имѣли отъ 3 до 5 жильцовъ. Квартиры, которыя отдаются въ наемъ рабочимъ въ другихъ большихъ городахъ Германіи, отличаются еще большими неудобствами. Въ старыхъ городахъ Германіи большинство улицъ очень узки, темны и сыры, а между тѣмъ только въ нихъ, и даже въ самыхъ плохихъ изъ нихъ, рабочіе и могутъ нанимать себѣ квартиры. Въ этихъ городахъ существуетъ обычай сбрасывать всѣ нечистоты въ помойныя ямы, что распространяетъ міазмы и дѣлаетъ воздухъ особенно вреднымъ для дыханія въ тѣ дни, когда ихъ очищаютъ. Въ домахъ, построенныхъ въ такихъ улицахъ, далеко не всегда есть вода, да и въ тѣхъ, въ которыхъ существуютъ насосы при домѣ, ее приходится носить въ верхніе этажи, гдѣ обыкновенно рабочіе нанимаютъ квартиры. Въ Кенигсбергѣ и его окрестностяхъ помѣщенія очень плохи и чрезвычайно тѣсны. Въ самомъ городѣ приходится платить 100—180 фран. за двѣ комнаты въ годъ. Жильцы не требуютъ отъ своего жилища комфорта: ихъ цѣль укрыться лѣтомъ отъ

жары, зимою отъ холода. О вентиляціи они не только не заботятся, но старательно ея избѣгаютъ, опасаясь, чтобы свѣжій воздухъ не заставилъ ихъ дѣлать новыхъ расходовъ на отопленіе. Для грязной воды нѣтъ стока: нечистоты выливаютъ въ городѣ въ канаву передъ домою, а въ деревнѣ на землю, въ нѣсколькихъ шагахъ передъ входной дверью. Ужасный запахъ заражаетъ часто самыя прекрасныя улицы Кенигсберга, но никто объ этомъ не думаетъ. Въ этомъ отношеніи, начиная отъ верха до низу, здѣсь господствуетъ полнѣйшее равнодушіе и апатія; частыя эпидеміи холеры, оспы и другихъ болѣзней не производятъ повидимому на населеніе ни малѣйшаго впечатлѣнія. Ту же безпечность встрѣчаешь въ Данцигѣ и въ большой части его округовъ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ долины Вислы есть нѣсколько хорошо выстроенныхъ жилищъ для рабочихъ, но ихъ можно считать лишь счастливыми и рѣдкими исключеніями, большинство же жилищъ въ Пруссіи, особенно на востокѣ, противорѣчатъ всѣмъ правиламъ гяіены.

Плата за жилище вездѣ повышается и слишкомъ высока при ничтожныхъ заработкахъ рабочихъ. Въ Минденѣ, въ Вестфалии, онѣ обходятся 150 — 180 фран. въ годъ; въ Рейнской провинціи рабочій тратитъ на семейную квартиру отъ 75 до 93 фран. въ годъ, если онъ живетъ въ городѣ, и отъ 56 до 75 фран.—въ деревнѣ. Здѣсь особенно жалуются на недостатокъ квартиръ для рабочихъ и на то, что онѣ совершенно переполнены жильцами, такъ какъ хозяева квартиръ берутъ къ себѣ на столъ и квартиру холостыхъ рабочихъ. Эти «пансіонеры» спятъ на чердакѣ, а остальное время проводятъ вмѣстѣ съ семействомъ рабочаго въ его единственной комнатѣ. Работодатели оградили отъ этихъ неудобствъ рудокоповъ и рабочихъ на кузницахъ, выстроивъ для нихъ особые дома, но для остальныхъ рабочихъ не существуетъ въ этомъ отношеніи никакихъ облегченій. Жилища рабочихъ въ Гамбургѣ также чрезвычайно плохи: они жпвутъ здѣсь въ отдѣльныхъ кварталахъ и предместьяхъ, въ маленькихъ двухъэтажныхъ домахъ на задворкахъ, выстроенныхъ въ рядъ. Эти дома раздѣлены на мелкія квартиры въ двѣ и три комнаты и обходятся рабочему отъ 175 до 275 фран. въ годъ, слѣдовательно поглощаютъ $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ часть его заработка. ●

Скученность народа въ этихъ жилищахъ такова, что превосходитъ даже берлинскую: въ Берлинѣ считается 29 человекъ на моргенъ, а въ предместьяхъ Гамбурга 65 человекъ и 109 человекъ въ самомъ городѣ.

Въ Саксенъ-Кобургѣ хотя и не такъ много рабочихъ, но для нихъ все-таки не достаетъ помѣщенія. Поэтому для нихъ выстроили, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, много маленькихъ домиковъ, гдѣ рабочій можетъ найти хотя и весьма неудобную, но за то очень дешевую квартиру отъ 45—90 франковъ.

Дармштадтскіе и воржскіе рабочіе дѣлаютъ всѣ усилія приобрѣсти въ собственность маленькій домикъ съ садикомъ. Маломальски сносно устроить это дѣло и сдѣлаться независимымъ обладателемъ миниатюрнаго домика удается очень немногимъ изъ нихъ; большинство останавливается на половинѣ: заплатитъ за домикъ всю сумму сполна почти никто не въ состояніи, и рабочій, желающій приобрѣсти его, заключаетъ обыкновенно условіе съ владѣльцемъ производить уплату по частямъ, въ опредѣленные сроки. Если наступитъ одинъ изъ сроковъ платежа, а кто-нибудь изъ членовъ семьи рабочаго или онъ самъ заболѣетъ, случится безработица или какое-нибудь другое несчастіе, долгъ все растетъ, нерѣдко переходитъ даже къ дѣтямъ, которыя, въ такихъ случаяхъ, очень часто становятся неоплатными должниками и въ полномъ смыслѣ крѣпостными своего кредитора.

Иной разъ рабочій приобрѣтетъ домъ и только что успѣетъ заплатить часть суммы, какъ принужденъ пережнть мѣсто жительство, такъ какъ въ этой мѣстности для него

становится все меньше и меньше работы. И вотъ онъ то порывається переселиться въ другое мѣсто, гдѣ больше спроса на трудъ и гдѣ трудъ лучше оплачивается, то ему становится жалко разстаться съ домикомъ, за который онъ, подвергая себя и семью страшнымъ лишеніямъ, заплатилъ уже половину суммы. Бросая домикъ, онъ навсегда разстается съ мечтой быть владѣльцемъ и теряетъ иногда порядочную сумму, скопленную тяжелымъ трудомъ, а можно-ли здѣсь оставаться, когда нѣтъ заработка.

Саксонія и Бременъ въ этомъ отношеніи представляютъ счастливое исключеніе: жилища саксонскихъ рабочихъ просторны, чисты и даже носятъ печать уютности. Бременъ и его предмѣстья занимаютъ сравнительно значительное пространство: укрѣпленія и рвы этого стариннаго города Ганзы превращены въ прекрасныя гулянья и красивые сады, за исключеніемъ старинныхъ кварталовъ, улицы довольно широки и передъ домами разбиты, въ большинствѣ случаевъ, маленькіе садики. Рабочіе живутъ во всѣхъ частяхъ города и пользуются здѣсь жилищами лучшими, чѣмъ всѣ ихъ остальные собратья по ремеслу. На хорошую квартиру рабочій тратитъ здѣсь $\frac{1}{6}$ часть своего заработка.

Если къ мѣстностямъ, гдѣ рабочій пользуется болѣе или менѣе сносными квартирами, мы причислимъ еще и Вюртембергъ, то перечень счастливыхъ исключеній будетъ полный; во всѣхъ остальныхъ частяхъ имперіи квартиры рабочихъ не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ гигиеническимъ и санитарнымъ требованіямъ.

Германскіе рабочіе работаютъ съ большимъ терпѣніемъ и выдержкой, но безъ вкуса, чрезвычайно медленно и совершенно лишены дара и умѣнья придать своему труду оригинальный отпечатокъ. Хорошее выполненіе работы они не считаютъ дѣломъ личнаго самолюбія: для большинства нѣтъ другаго стимула, кромѣ увеличенія заработной платы, размѣръ которой возрастаетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ цѣны на предметы первой необходимости. Другой характерной чертой здѣшнихъ рабочихъ можетъ служить ихъ стремленіе и любовь работать по старымъ образцамъ и уже давно введенными способами. Малѣйшее нововведеніе въ работѣ вызываетъ ропотъ и недовольство со стороны смѣлыхъ, а у болѣе смиренныхъ страхъ передъ новизной такъ великъ, что они теряютъ послѣдній остатокъ соображенія. Мы уже знаемъ, что нѣмцевъ вообще, а пруссаковъ въ особенности, природа скупо одарила чувствомъ изящнаго; развитъ его въ себѣ тоже трудно было германскимъ рабочимъ, такъ какъ всѣ лучшія и наиболѣе тонкія издѣлія приготавливались до 1870 года не въ Германіи, а получались изъ Парижа. Мало того: наиболѣе способные германскіе рабочіе уже давно начали отправляться на работу въ Парижъ, а въ большинствѣ случаевъ и навсегда оставались въ немъ. Война не переѣнила положенія вещей, хотя германскіе промышленники ожидали другаго исхода. И какъ талантливому германскому рабочему не отправляться на чужбину: усовершенствоваться въ работѣ на родинѣ онъ не можетъ, къ тому же на чужбинѣ его трудъ лучше оплачивается, а главное онъ не подвергаетъ себя тамъ опасности сдѣлаться жертвою обязательной воинской повинности.

Конечно, оставляя родину, онъ рискуетъ быть признанъ эмигрантомъ и потерять всѣ права на помощь общины, но онъ надѣется вернуться съ личными средствами, а часто не только совсѣмъ не думаетъ возвращаться, но, устроившись на чужбинѣ, заманиваетъ пріятелей и родныхъ сдѣлать тоже. Это стремленіе къ эмиграціи между наиболѣе способными фабричными рабочими и ремесленниками лишаетъ страну ея лучшихъ силъ; эмиграціонное движеніе особенно сильно въ восточныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ Пруссіи, въ Познани и Помераніи; гораздо слабѣе на югѣ и совсѣмъ почти не замѣтно въ центрѣ, какъ напримѣръ въ Саксоніи. Правда, саксонскій рабочій уже давно занимаетъ среди германскаго рабочаго сословія совершенно особое мѣсто: онъ одинъ

только въ Германіи надѣленъ, если можно такъ выразиться, промышленнымъ патріотизмомъ; по качеству своихъ произведеній, онъ уже издавна занимаетъ первое мѣсто въ Германіи и одно изъ первостепенныхъ въ Европѣ. Конечно, его давнишнее старинное благоденствіе теперь ушло и нужда нерѣдко даетъ себя чувствовать и въ Саксоніи, особенно ремесленникамъ, тѣмъ не менѣе саксонскій рабочій всегда привязанъ къ своей странѣ и своему ремеслу. Онъ отличается драгоцѣнными профессиональными качествами, никому не уступаетъ въ смѣлвости, въ искусствѣ, въ любви къ труду. Многіе превосходятъ его количествомъ работы, но это скорѣе происходитъ отъ неумѣнья пользоваться временемъ, чѣмъ отъ недостатка дѣятельности. Но возвратимся къ германскому рабочему вообще.

Ни одинъ рабочій въ мірѣ не обладаетъ такимъ искусствомъ, любовью и умѣньемъ копить, какъ германскій рабочій, и какая иронія судьбы: онъ еще можетъ кое-что отложить на сторону, пока холостъ, а послѣ женитьбы и эти сбереженія дѣлаются невозможными. Да если онъ что и скопилъ, это еще не значитъ, что онъ удовлетворилъ необходимымъ потребностямъ: это говоритъ лишь о томъ, что онъ совратилъ свои расходы до минимума, лишая себя самаго существеннаго.

Германскій рабочій страдаетъ главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: во первыхъ, въ большинствѣ мѣстностей германской имперіи, фабриканты и хозяева эксплуатируютъ его съ эгоизмомъ и безпощадностью, какіе въ другихъ странахъ, особенно въ такихъ размѣрахъ, совсѣмъ неизвѣстны. Вторая и еще болѣе существенная причина его страданій заключается въ томъ, что богатства и поземельная собственность въ Германіи распределены въ высшей степени неравномѣрно,—вотъ почему бѣдность въ нисшихъ классахъ Германіи все увеличивается и носитъ на себѣ въ данную минуту характеръ чрезвычайно суровый и мрачный. Не слѣдуетъ забывать также, что обѣднѣніе и внутренняя неурядица народа сдѣлались особенно очевидными и чувствительными вслѣдствіе побѣдъ Германіи надъ Франціею въ 1870—71 г. Остановивъ почти на годъ промышленную и торговую жизнь, война внесла въ Германію страшную нищету, которая значительно усилила недовольство рабочихъ классовъ. Пятимиллиардная контрибуція, какъ мы видѣли выше, не обогатила Германіи: результаты ея послужили новымъ и наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ того, что войны въ убытокъ даже побѣдителю, и что богатство государства не въ деньгахъ, а въ развитіи производительности страны. Французскіе миллиарды зажгли въ крови нѣмцевъ, и безъ того уже склонныхъ къ спекуляціямъ и къ наживѣ, всепожирающую алчность. Золотой дождь, который покрылъ тогда всю Пруссію, не обогатилъ, а разорилъ націю, внесъ въ страну неизвѣстную до тѣхъ поръ нищету. Теперь кризисъ прошелъ; раны, нанесенныя войной, залечиваются; но острая болѣзнь перешла въ хроническую и называется: «Эльзась-Лотарингія и социализмъ». Раздробивъ территорію французовъ, отнявъ у нихъ, несмотря на ихъ протесты и крики отчаянія, богатые восточные департаменты, Германія безъ сомнѣнія увеличила свое военное могущество, но она нанесла собственной промышленности чувствительный ударъ: ей и раньше было трудно конкурировать съ эльзасской промышленностью, но послѣ войны конкуренція совершенно раздавила значительное число промышленныхъ заведеній Германіи. Что касается социализма, то число послѣдователей этого ученія съ необыкновенной быстротой стало распространяться послѣ войны, такъ какъ жалкое положеніе нисшихъ классовъ сдѣлалось особенно чувствительнымъ въ это время. Изъ описанія положенія двухъ громадныхъ группъ рабочаго сословія, ремесленниковъ и фабричныхъ, намъ уже выяснились причины ихъ недовольства своею судьбою; третья значительная группа, земледѣльческая, представляетъ въ свой средѣ наибольшій контингентъ недовольныхъ, и мы увидимъ ниже, что германскій социализмъ пустилъ глубокіе

корни во всемъ народѣ. Выборы депутатовъ доказываютъ, что послѣдователи социализма считаются теперь сотнями тысячъ и имѣютъ въ парламентѣ своихъ представителей. Опасаясь ученія социалистовъ, германское правительство надѣялось обезсилить ихъ, преслѣдуя всевозможными мѣрами: арестами главныхъ вожаковъ этой партіи, конфискаціей газетъ, подавленіемъ многихъ центровъ этой огромной социалистической организаціи, болѣе бдительнымъ полицейскимъ надзоромъ, — но ничто не помогло. Чѣмъ болѣе увеличивается число недовольныхъ своимъ положеніемъ, тѣмъ быстрѣе растетъ партія социалистовъ. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе усиливаютъ репрессивныя мѣры противъ этой партіи, тѣмъ болѣе увеличится число недовольныхъ и усилится ненавистная для правительства партія. Ослабить силу социализма можно только существенными улучшениями въ народномъ бытѣ. Это всегда не легко и особенно трудно для Германіи въ настоящее время, такъ какъ во всей странѣ идетъ большая внутренняя неурядица. Ни побѣды, ни военное могущество и слава, ни наука, ни успѣхи промышленности и земледѣлія не могли предохранить Германію отъ этого разлада и неурядицы, которые все усиливаются и распространяются по всей странѣ.

Распределеніе поземельной собственности.—Померанія—страна крупнаго землевладѣнія.—Домъ, владѣнія и хозяйство богатаго померанскаго землевладѣльца.—Его рабочіе.—Эмиграція и причины недовольства земледѣльческихъ рабочихъ.—Вредъ крупнаго землевладѣнія.—Страны съ преобладающею среднею (крестьянскою) поземельною собственностью.—Характеръ и жизнь крестьянъ-собственниковъ.—Ихъ рабочіе.—Положеніе земледѣльческихъ рабочихъ вообще.—Страны съ преобладающимъ мелкимъ землевладѣніемъ.

Поземельная собственность распределена по Германіи въ высшей степени разнообразно и неравномѣрно. Есть громадныя пространства, даже цѣлыя провинціи, гдѣ на вопросъ «чья земля», вы всегда услышите отвѣтъ «господская». И дѣйствительно, въ такихъ мѣстностяхъ дворяне владѣютъ громадными помѣстьями, а бокъ-о-бокъ съ ними крестьяне или совсѣмъ не имѣютъ земли, или владѣютъ небольшими участками, которые рѣшительно не могутъ ихъ прокормить. Такія крупныя имѣнія мы болѣе всего встрѣчаемъ на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ Германіи, а именно: въ нѣкоторыхъ частяхъ Новой Помераніи, Силезіи, Мекленбурга, Лауэнбурга, Познани, провинціи Пруссіи и Гольштейна.

Въ другихъ мѣстностяхъ земля преимущественно принадлежитъ крестьянамъ, и не какимъ нибудь бѣднякамъ, а нерѣдко имѣющимъ обширныя дворы, съ значительнымъ количествомъ рабочаго скота, и которые обрабатываютъ свои довольно крупныя участки съ помощью наемныхъ рабочихъ. Такіе землевладѣльцы встрѣчаются чаще всего на сѣверозападѣ и на юго-востокѣ Германіи, такъ напр. на западѣ Шлезвигъ-Гольштейна, въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Ольденбургѣ, Вестфаліи, въ обоихъ Липпе, Вальдекъ, въ небольшой части обоихъ Гессеновъ, а также въ области старо-баварской. Въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Германіи тоже можно встрѣтить не мало крестьянскихъ земель довольно значительнаго размѣра, но мы назвали лишь характерныя пункты такого землевладѣнія. Кстати замѣтимъ, что этотъ видъ собственности чрезвычайно распространенъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Австрійской имперіи: въ Тиролѣ, въ эрцгерцогствахъ Верхней и Нижней Австріи, въ отдѣльныхъ частяхъ Штиріи и Каринтіи.

Наконецъ третью категорію землевладѣнія составляютъ крестьянскія земли мелкаго размѣра. Самыя крупныя изъ нихъ еще достаточны для прокормленія крестьянской семьи, но и онѣ не настолько велики, чтобы хозяева нуждались для ихъ обработки въ наемномъ трудѣ; поэтому всѣ сельскохозяйственныя работы такіе крестьяне справляютъ съ

помощью своей собственной семьи. Къ этой третьей категоріи принадлежатъ также и еще болѣе мелкіе землевладѣльцы, которые совсѣмъ не имѣютъ рабочаго скота: такіе исполняютъ уже полевые работы съ помощью своей лопаты. Но и они оказываются еще не самые бѣдные: существуетъ множество клочковъ земли столь ничтожныхъ, что обладатели ихъ принуждены заниматься для своего прокормленія какимъ нибудь постороннимъ промысломъ: наниматься въ работники къ крестьянамъ, владѣющимъ значительными земельными участками, или къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Мелкихъ собственниковъ болѣе всего въ одной части стараго Вюртемберга, въ Баденѣ, Гессенѣ, Нассау, въ Рейнской провинціи и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Вотъ на какіе классы официальной статистикою 1869 г. раздѣляются земельныя имущества въ Пруссіи.

		Число владѣльц.	Число моргеновъ.	На одного владѣльца приходится.	
				моргев.	десятинъ.
1-й классъ имѣнія болѣе	600 морг.	18,302	41.117.312	2,284	568
2-й >	отъ 300—600 >	15,079	6.048,222	403	100
3-й >	> 30—300 >	391,596	35.918,047	92	23
4-й >	> 5—30 >	617,420	8.428,751	12	3
5-й >	менѣе 5 >	1.099,333	2.227,812	2	1/2

И такъ, въ Пруссіи болѣе всего людей, владѣющихъ ничтожными участками земли, въ среднемъ по полдесятины на владѣльца. Между тѣмъ полагаютъ, что семейство въ Германіи, состоящее обыкновенно изъ 7—8 душъ, должно имѣть для своего прокормленія не менѣе 30 моргеновъ или 7 1/2 десятины.

Но если велико количество людей, имѣющихъ недостаточныя для прокормленія земельныя участки, то здѣсь есть громадное число и такихъ, у которыхъ ничего нѣтъ, совершенныхъ пролетаріевъ. Эти пролетаріи, нанявшись въ рабочіе, иногда въ продолженіи года и больше получаютъ за свою работу хорошее вознагражденіе. Но, вслѣдствіе болѣзни или другихъ причинъ, скоро проѣдаютъ скопленное и, часто по нѣсколькимъ мѣсяцевъ кряду, бродятъ безъ всякихъ занятій или прибѣгаютъ къ недовольнымъ промысламъ: лѣснымъ порубкамъ, полевымъ поправамъ, конокрадству и т. п.

Нигдѣ въ Европѣ рознь сословій, ненависть и непримиримая вражда между богатыми крестьянами-собственниками и безземельными и малоземельными не доведены до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ въ Германіи; нигдѣ онѣ въ такой степени, какъ здѣсь, не пустили столь глубокихъ и широкихъ корней. Въ Англіи собственниками земли являются богатѣйшіе аристократы, которыхъ землевладѣльцы совсѣмъ не знаютъ, съ которыми они не имѣютъ ничего общаго и на которыхъ съ дѣтства они привыкли смотрѣть, какъ на что-то сравнительно съ ними во всѣхъ отношеніяхъ высшее, —здѣсь совсѣмъ не то. Уже съ давнихъ временъ во всей саксонской половинѣ Германіи, съ береговъ Эльбы на востокъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ провинціяхъ, крестьянамъ запрещалось дѣлать свои земельныя участки. По смерти крестьянина вся земля его переходила одному наслѣднику: или по выбору отца семейства, или по жребію, если наслѣдника не назначено, или по закону къ старшему въ родѣ (маіоратъ), или младшему (миноратъ). Но въ настоящее время законодательство не дѣлаетъ особенныхъ препятствій для раздробленія земли. Завѣщатель можетъ располагать двумя третями своего имѣнія, если у него не болѣе двухъ дѣтей, половиною состоянія при трехъ и одной третью при четырехъ дѣтяхъ. Если наслѣдство недѣлимо, напр. когда оно состоитъ изъ одной фермы, вдова или старшій сынъ покойнаго могутъ взять его себѣ, выплативъ остальнымъ наслѣдникамъ ихъ долю деньгами. Но, не смотря на это, во многихъ мѣстностяхъ Германіи вошло въ

обычай оставлять все имѣніе одному сыну: въ Шварцвальдѣ, Ольденбургѣ, Альтенбургѣ, въ Бременской области, въ Вестфалии—весь земельный участокъ по наслѣдству получаютъ *младшіе*, а въ Помераніи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ *старшіе* въ родѣ. Братья и сестры, жившіе при жизни отца, зажиточнаго крестьянина, въ полномъ довольствѣ, послѣ его смерти, кромѣ одного наслѣдника, становятся безземельными пролетаріями и должны наниматься въ батраки и чернорабочіе, очень часто у роднаго брата. Антогонизмъ между богатыми и бѣдными здѣсь особенно силенъ уже потому, что тѣ и другіе, по своему социальному положенію, близко стоятъ другъ къ другу, развивались въ дѣтствѣ при одинаковыхъ условіяхъ, получили болѣе или менѣе равное образованіе, часто находятся между собой въ близкомъ родствѣ. Поэтому въ Германіи борьба и ненависть существуютъ не только между высшими правящими классами и низшими, но прежде всего между равными во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ матеріальнаго, идетъ неурядица чисто семейная, домашняя: между богатыми крестьянами-землевладѣльцами и безземельными или мало-земельными сельскими рабочими. Кто ихъ нѣхъ возьметъ верхъ въ этой борьбѣ, еще неизвѣстно, такъ какъ силы обѣихъ партій болѣе или менѣе равныя. Хотя первые обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, а слѣдовательно имѣютъ болѣе значенія, за то сельскіе рабочіе вдвое сильнѣе ихъ своею численностью. Они, еще болѣе чѣмъ фабричныя, прилагаютъ всѣ усилія, чтобы изъ заработной платы дѣлать сбереженія для покупки хотя маленькаго клочка земли и такимъ образомъ выйти изъ кабалы, въ которой находится батракъ, но это удается очень немногимъ. Что произойдетъ изъ всего этого—неизвѣстно, ясно только, что въ будущемъ готовится въ Германіи борьба не на жизнь, а на смерть, которая произведетъ полный экономическій и социальный переворотъ.

Мы уже указывали выше, какъ разнообразно землевладѣніе въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи; всего нагляднѣе это будетъ видно изъ сопоставленія страны крупнаго землевладѣнія, Помераніи, съ страной, гдѣ преобладаютъ мелкіе собственники, т. е. съ Рейнской провинціей. Площадь обрабатываемыхъ земель, какъ мы увидимъ изъ прилагаемой таблицы, въ обѣихъ провинціяхъ почти равная:

	Померанія.	Рейнская пров.
Моргеновъ.	12.345,400	10.486,800
Всѣхъ владѣній дворянскихъ и крестьянскихъ числится.	74,566	686,275
На одного владѣльца приходится моргеновъ	166	15
» » » » десятинъ.	41 ¹ / ₂	3 ³ / ₄

Въ томъ числѣ имѣній менѣе пяти моргеновъ въ Помераніи 24,677, а въ Рейнской провинціи 455,835.

Теперь ознакомимся нѣсколько нагляднѣе съ жизнью и положеніемъ: 1) крупныхъ собственниковъ, 2) крестьянъ, владѣющихъ значительными участками и 3) съ самыми бѣдными собственниками. При этомъ намъ придется говорить также о положеніи земледѣльческихъ рабочихъ и объ отношеніяхъ къ нимъ хозяевъ.

Какъ примѣръ крупнаго землевладѣнія, возьмемъ Новую Померанію. Куда вы ни направитесь въ этой странѣ, вы всюду будете поирать землю крупныхъ землевладѣльцевъ. Вездѣ вы встрѣчаете здѣсь или огромные господскіе дворы, или жалкія хижины поденщиковъ. Прежнія крестьянскія деревни большею частію исчезли, присоединены или превращены въ крупныя дворянскія помѣстья. Иной церковный приходъ считаетъ въ себѣ полдюжины или даже цѣлую дюжину дворянскихъ имѣній и часто ни одной деревни.

Новая Померанія (теперешній административный округъ Штральзундъ)—равнина въ полномъ смыслѣ этого слова. Даже мѣста нѣсколько волнистыя попадаютъ чрезвычайно рѣдко, а возвышенностей, кромѣ дюнъ на берегу, почти не встрѣчаешь. Кромѣ сельскаго хозяйства въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, мѣстное населеніе занимается

только мореплаваніемъ и морскою торговлею. Большія промышленныя предпріятія и фабричная дѣятельность имѣютъ здѣсь еще и теперь весьма ограниченныя размѣры. Въ прибрежныхъ мѣстахъ рыбная ловля господствуетъ надъ всѣми интересами и всею жизнію, какъ земледѣліе внутри страны. Конечно, тѣ добрыя старыя времена, когда прислуга уговаривалась, чтобы ей давали лососину не болѣе 3-хъ разъ въ недѣлю, или когда 80 штукъ селедокъ стоили одинъ грошъ и, чтобы не считать, насыпали этой рыбы за такую же цѣну полную лохань, уже давно прошли; но и теперь отъ времени до времени здѣсь бывають богатѣйшіе уловы и на рыбу устанавливаются прежнія баснословно-дешевыя цѣны.

Еще недавно въ этой странѣ повсюду существовали только естественныя дороги и тропинки. Первое шоссе было устроено лишь въ срединѣ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія, и только въ шестидесятыхъ годахъ проложена была желѣзная дорога. Но желѣзнодорожное полотно съ несущимся по немъ локомотивомъ производитъ въ этой странѣ впечатлѣніе чего-то чуждаго и неподходящаго къ характеру мѣстности. Кажется, ей болѣе всего свойственны старыя тропинки во всей ихъ первобытности, по которымъ приходилось такъ медленно пробираться. Но мы пройдемся по старой дорогѣ: такія еще существуютъ въ Новой Помераніи. Она извивается между двумя заросшими зеленью канавами и на столько узка, что двѣ повозки, встрѣчаясь, не всегда могутъ развѣхаться. На краяхъ канавъ или вовсе нѣтъ деревьевъ, или виднѣтся дуплистая ива и рябина. Но вотъ въ сторонѣ стали попадаться низенькія хижины работниковъ большого имѣнія, а подлѣ нихъ тянутся огромныя хозяйственныя постройки богатаго землевладѣльца, на половину скрытыя за вѣтвями густыхъ тополей и ясеней. Надъ этими постройками возвышается колокольня, а нѣсколько далѣе показывается и помѣщичій домъ. На небольшомъ возвышеніи вѣтряная мельница машетъ своими крыльями, и эта картина со всѣхъ сторонъ замыкается прелестными маленькими лѣсочками, прекрасно вычищенными, а на горизонтѣ тянется голубая линія большого лѣса. Все это вы видите вдали, — но пока дорога ведетъ васъ то среди широкой, огромной пашни, то вѣтся нѣсколько минутъ среди одного изъ лѣсочковъ, о которыхъ мы только что упоминали. Для любознательнаго хозяина всюду широкое поле для наблюденія: здѣсь мимо тянется длинная полоса полевой рѣпы съ ея свѣтло-желтыми цвѣтами, тамъ между колосевъ необозримаго ржаного поля синѣютъ васильки, далѣе поднимаются колосья овса, тутъ горохъ начинаетъ покрываться цвѣтами, картофельныя поля, множество льяныхъ полей, которыя издали кажутся голубыми озерами, а вотъ и лужайка, усѣянная макомъ и множествомъ полевыхъ цвѣтовъ. То передъ вами открывается огромная пашня, оставленная подъ паромъ, гдѣ пасется большое стадо или разсѣяно безчисленное множество овецъ. Овечій пастухъ, опершись на палку, спокойно вяжетъ чулокъ, разсматривая съ любопытствомъ путешественника, который представляетъ здѣсь такое рѣдкое явленіе. Затѣмъ почва понижается, и вы проѣзжаете мимо луговъ, покрытыхъ самой высокою, роскошною зеленью: одни изъ нихъ орошаются искусственно, другіе оставлены во всей своей первобытности. Далѣе васъ поражаетъ прекрасный и громадный прудъ, устроенный часто далеко отъ жилищъ: на немъ плавають безконечныя стада гусей, — этихъ померанскихъ гусей, которые такъ прославились во всемъ свѣтѣ. Затѣмъ опять идутъ луга, пролѣски, а подлѣ огромное пространство — лѣсной выгонъ, гдѣ держатъ лошадей, а иногда и скотъ; имъ здѣсь такъ привольно: лѣсъ защищаетъ отъ солнца, просторное пастбище даетъ обильный кормъ, и недалеко прудъ, гдѣ вода въ изобиліи. За пастбищемъ снова тянется лѣсъ безъ конца. Лишь только вы вступаете въ него, какъ васъ оглушаетъ пѣніе, свистъ и крики тысячи голосовъ пернатыхъ: они порхаютъ, чрикають, поютъ на вершинахъ деревьевъ. Тутъ настоящая лѣсная жизнь! Пробродивъ нѣсколько часовъ сряду по безконечному

лѣсу, вы рады снова выйти на его опушку, чтобы отдохнуть нѣсколько минутъ. Передь вами опять новыя картины: вдоль рва тянутся дикія розы, ежевика, разнообразныя непроницаемыя кусты, а за ними мелькаетъ домъ лѣсничаго съ красивыми хозяйственными постройками и съ небольшимъ прелестнымъ садикомъ. А вотъ и долина, испещренная лугами, гдѣ разгуливаютъ аисты; они говорятъ вамъ о близости деревни стараго образца, которыя все рѣже попадаются въ этой странѣ. Первое, что вы въ нихъ встрѣчаете, это бѣлокурыхъ загорѣлыхъ дѣтей, которыя гонять къ пруду стада гусей. Дорога, которая ведетъ къ деревнѣ, отвратительная, изборожденная колеями, покрытая лужами, совершенно грязная. Крестьянскій домъ выходитъ на улицу только передней своей стороной, но онъ нѣсколько отодвинуть назадъ и огороженъ плетнемъ; сзади огородъ и садъ. Надъ низкими стѣнами, вымазанными глиной и выбѣленными, съ маленькими окнами и дверями по срединѣ, возвышается темная соломенная крыша! Направо и налево, ближе къ улицѣ, тянутся хлѣвъ и амбаръ, а пространство между этими тремя зданіями и улицей образуетъ большой дворъ, гдѣ лежитъ навозная куча, находится колодезь и мѣсто для сельскохозяйственныхъ орудій.

Теперь въ Помераніи деревень, какъ мы уже говорили, очень мало: послѣ 1848 г. изъ этой страны народъ сталъ выселяться сотнями; но тамъ, гдѣ крестьянскіе дворы еще сохранились, по большей части у самой улицы расположены хижины для батраковъ. Архитектура этихъ домиковъ таже самая, что у крестьянъ, только они еще меньше и обстановка ихъ гораздо бѣднѣе. Въ настоящее время въ каждомъ такомъ жилищѣ есть дымовыя трубы, между тѣмъ какъ прежде дымъ выходилъ изъ двери и изъ крыши. По внѣшнему виду можно сейчасъ узнать, сколько семействъ живетъ въ каждой хижинѣ. Если жилище, какъ здѣсь называютъ, «однодымовое», т. е. съ одной трубой, его непременно занимаетъ одно семейство; «двухдымовое», съ двумя трубами, даетъ пріютъ двумъ семействамъ. Около этихъ хижинъ иногда встрѣчаемъ жалкій хлѣвъ и кусокъ огородной земли, обнесенный плетнемъ, съ нѣсколькими грядами зелени, съ кустами крыжовника и съ цвѣтущимъ розовымъ кустомъ, который украшаетъ этотъ маленький, жалкій огородъ. Около такихъ домиковъ иногда встрѣчаемъ какое-нибудь фруктовое дерево: яблоню, сливу или вишневое дерево. Передъ домомъ колодезь и кучка сложенныхъ дровъ. Доска на низкой подставкѣ и старая колода передъ дверью служатъ мѣстомъ отдыха. Здѣсь обыкновенно сидитъ старая бабушка съ чулкомъ или прялкой въ рукахъ: она стережетъ домъ и дворъ, такъ какъ всѣ его обитатели ушли на работу къ помѣщику, у котораго они служатъ, а за гусями присматриваютъ ея маленькіе внуки, играющіе теперь подлѣ нея. Посреди такой деревни обыкновенно находится прудъ, гдѣ плаваютъ гуси, утки, пьютъ воду скотъ и въ которомъ смачиваютъ сельскохозяйственныя орудія, ссыхающіяся во время лѣтнихъ жаровъ. На другомъ, большомъ и болѣе возвышенномъ пространствѣ, расположено кладбище вокругъ церкви, единственнаго каменнаго зданія въ такихъ деревняхъ. Не далеко отъ церкви домъ пастора, который отличается отъ крестьянскаго только тѣмъ, что онъ просторнѣе и свѣтлѣе. Но хлѣвъ, амбаръ, бѣлыя стѣны жилища, его темная соломенная крыша, гнѣзда ласточекъ подъ нею и гнѣздо аиста на верхушкѣ, все это, конечно, точно такое же, какъ и во всѣхъ крестьянскихъ домахъ. Аисты — любимая птица нѣмецкаго народа, но нигдѣ ихъ не любятъ такъ, какъ въ Помераніи. Здѣсь нѣтъ деревни, въ которой-бы не было этой птицы, а есть мѣстности, гдѣ на каждой крышѣ крестьянскаго дома существуетъ гнѣздо аиста; нерѣдко ихъ бываетъ по два и по три.

Такая деревня производитъ оригинальное впечатлѣніе: она кажется старомодной, какой-то первобытной во всѣхъ отношеніяхъ. Подлѣ нея нельзя найти шоссе: разъ его провели, деревня мало по малу принимаетъ другой видъ, болѣе современный, что и можно

видѣть на болѣ людныхъ и хорошихъ дорогахъ: темную соломенную крышу замѣняютъ тогда черепичной къ великому прискорбію стариковъ, которые, забывая опасности отъ пожара, говорятъ, что лѣтомъ соломенная крыша лучше всякой другой защищаетъ отъ солнца, а зимой—отъ холода.

Теперь отправимся въ большое помѣстье. Все, что мы здѣсь увидимъ, не имѣетъ ничего оригинальнаго и замѣчательнаго, но оставляетъ впечатлѣніе большаго, прекрасно устроеннаго, богатаго имѣнія, въ которомъ живутъ безъ шика и роскоши, но съ большимъ комфортомъ. Чудный, прекрасно расчищенный лѣсъ возвышается надъ всѣми постройками: онъ виденъ уже издали, и только когда совсѣмъ приблизишься къ нему, узнаешь, что это огромный паркъ съ бесѣдками, густыми аллеями и огромными, чудными лужайками. Прежде здѣшніе помѣщики хотя и строили большіе и помѣстительные дома, но они всегда отличались полнѣйшей простотой, и только въ самое послѣднее время здѣсь начали строить великолѣпныя зданія, то на манеръ виалъ, то въ родѣ замковъ. Зданія послѣдняго рода чрезвычайно разнообразны; совсѣмъ другое старинный домъ померанскаго помѣщика. Это огромное зданіе, съ большими окнами, съ высокой и широкой дверью и нерѣдко даже съ соломенною крышею. Нынѣшнему помѣщику этотъ домъ достался отъ прадѣда, и хотя онъ построенъ уже около ста лѣтъ, но все еще проченъ, такъ какъ каждый новый владѣлецъ всегда тщательно его поддерживаеетъ. Прибавляя къ старому зданію новыя пристройки, всегда строго держались стараго образца, и потому онѣ вполне соотвѣтствуютъ характеру всего дома. Комнатъ обыкновенно очень много: онѣ просторны, свѣтлы, сухи и теплы. Ихъ убранство никогда не отличается великолѣпіемъ, но на всемъ лежитъ характеръ довольства, опрятности и нѣмецкаго «Gemüthlichkeit».

Передъ домою устроены скамейки для отдыха и разсажены деревья, далѣе тянется лужайка съ дерновыми скамейками, а затѣмъ слѣдуетъ самый дворъ съ хозяйственными зданіями. Трудно представить, какъ великъ такой дворъ и какъ сложно хозяйство здѣшняго богатаго помѣщика. Огромное пространство такого двора раздѣлено по срединѣ высокою насыпью, которая ведетъ къ помѣщичьему дому. По бокамъ главной насыпи тянутся другія, менѣе широкія, но также служація дорогами, чтобы во время дождя не промачивать ногъ. Эти дороги ведутъ къ различнымъ многочисленнымъ постройкамъ, цвѣтникамъ, палисадникамъ и прудамъ, которые устроены по бокамъ этихъ насыпей. Кругомъ двора тянутся многочисленные зданія, множество хлѣвовъ для огромнаго количества животныхъ, нѣсколько амбаровъ для хлѣба, овинъ, постройки для сельскохозяйственныхъ орудій. По своему характеру и внѣшнему виду эти зданія обыкновенно принадлежатъ уже къ послѣднему времени, такъ какъ земледѣліе стало быстро развиваться только недавно и потребовало многочисленныхъ построекъ. Между ними особенно выдѣляется огромный хлѣвъ для лошадей съ черепичною крышею; здѣшній помѣщикъ всегда держитъ, кромѣ рабочихъ лошадей, и нѣсколько верховыхъ. Подлѣ—отдѣльный хлѣвъ для рабочихъ воловъ, другой — для телятъ и для молодаго скота, далѣе опять громадный хлѣвъ для овецъ, которыхъ здѣсь держатъ иногда по тысячѣ и болѣе. Затѣмъ опять идутъ большіе хлѣва для свиней, для птицъ, сарай для помѣщичьихъ экипажей, огромныя постройки для сельскохозяйственныхъ орудій. Между этими зданіями возвышается три, четыре огромныхъ сарая, въ которыхъ складываютъ сѣно и хлѣбъ; однако весь сборъ съ полей и луговъ не умѣщается въ этихъ зданіяхъ, особенно въ урожайные годы, и тогда его складываютъ сзади построекъ, въ огромныя кучи, въ 40—50 воевъ каждая. У весьма многихъ здѣшнихъ помѣщиковъ бываетъ два такихъ большихъ двора: и дѣйствительно, если у него въ хозяйствѣ много машинъ, для ихъ сохраненія необходимы особыя зданія, которыя уже не умѣщаются и на этомъ обширномъ дворѣ, и къ

нему приходится прибавлять другой, такой-же большой дворъ. Кромѣ названныхъ зданій, у каждаго помѣщика существуетъ не мало построекъ для молочнаго хозяйства, особое зданіе для пекарни, другое для господской кухни, особая кухня для прислуги, помѣщеніе для служащихъ: надсмотрщиковъ, писцовъ и ихъ помощниковъ, горничныхъ, кухаровъ. Для одного этого служащаго люда, кромѣ земледѣльческихъ рабочихъ, нужно огромное зданіе, и иногда не одно, а два и три. Въ людской ежедневно обѣдаетъ тридцать и сорокъ человѣкъ, а въ лѣтнюю пору, когда приглашаютъ другихъ работниковъ, и гораздо болѣе. Кромѣ пристройки для служащихъ и хлѣва для лошадей, которые построены въ послѣднее время и потому съ черепичной крышей, всѣ остальные зданія деревянные, съ соломенной крышей, съ гнѣздомъ анста наверху. Кромѣ множества цвѣточныхъ клумбъ въ паркѣ и во дворѣ, за помѣщичьимъ домою находится садъ, гдѣ также не мало цвѣтовъ, но который въ тоже время даетъ и хорошій доходъ владѣльцу: множество фруктовыхъ деревьевъ не только позволяютъ дѣлать большіе запасы на зиму: сохранять свѣжіе фрукты и еще болѣе заготавливать сушеныхъ, но и посылать на продажу. Длинный рядъ пчелиныхъ ульевъ и парниковъ тянется обыкновенно за садомъ и краснорѣчиво говоритъ, что здѣсь все тщательно поддерживаютъ и обо всемъ заботятся, какъ для выгоды, такъ и для удовольствія. Цвѣтники и парки свидѣтельствуютъ о разумномъ уходѣ за ними. Въ Новой Помераніи у крупныхъ землевладѣльцевъ нерѣдко встрѣчаются такіе цвѣтники и парки, которые удовлетворяютъ самыхъ требовательныхъ въ этомъ отношеніи. Огромныя лужайки, покрытыя самою свѣжею зеленью, клумбы благоухающихъ и богатыхъ красками цвѣтовъ, великолѣпныя живыя изгороди, бесѣдки изъ зелени, прелестныя группы кустовъ, тѣнистыя аллеи, пруды, въ которыхъ плаваютъ золотыя рыбки, зеркальныя озера, гдѣ скользятъ лебеди, обиліе деревьевъ, среди которыхъ встрѣчаются по истинѣ рѣдкіе экземпляры, все это совершенно очаровываетъ зрителя. Если мы вспомнимъ, что у богатаго померанскаго помѣщика, кромѣ громаднхъ парковъ, богатыхъ садовъ, безконечнаго числа цвѣточныхъ клумбъ, существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ сельскохозяйственныхъ зданій и огромное количество построекъ для рабочихъ, то мы вполне согласимся съ тѣмъ, что его хозяйство чрезвычайно сложно и управлять имъ дѣло далеко не шуточное.

Рабочіе, какъ померанскаго помѣщика, такъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ и другихъ, иногда имѣютъ свой собственный маленькій клочекъ земли, или небольшой домикъ безъ всякой земли, но весьма часто не имѣютъ никакой собственности и существуютъ только тѣмъ, что получаютъ отъ землевладѣльца за свою работу. Число земледѣльческихъ рабочихъ, имѣющихъ какую-нибудь собственность, уменьшается съ каждымъ годомъ. Крупные землевладѣльцы, опасаясь, что со временемъ они останутся безъ рабочихъ рукъ, начали строить все болѣе жилищъ для рабочихъ и мало-по-малу окружили себя цѣлыми селеніями такъ называемыхъ дворовыхъ поденщиковъ, «Gutstage-löhner». Эти поденщики заключаютъ съ землевладѣльцемъ условіе на годъ, въ продолженіе котораго они у него должны работать въ одиночку, а иногда съ однимъ или нѣсколькими помощниками, «Scharwerker», за что, кромѣ жалованья, они получаютъ жилище и стойло для своего немногочисленнаго скота. Кромѣ поденщиковъ, на фермѣ живутъ еще «Deputaten», которые отличаются отъ поденщиковъ тѣмъ, что, кромѣ жалованья деньгами, они получаютъ еще вознагражденіе натурой, состоящее въ известномъ количествѣ зерноваго хлѣба, картофеля и въ пастбищѣ для коровы. Они также имѣютъ право прокармливать на хозяйскій счетъ нѣсколько овецъ, свиней и гусей; кромѣ того, хозяинъ даетъ для ихъ семействъ клочекъ земли, на которомъ они разводятъ для себя хенъ и картофель. Эти «Deputaten» обыкновенно люди женатые, и, кромѣ работы на лозяна, каждый изъ нихъ ведетъ собственное маленькое хозяйство, о которомъ болѣе

всего заботится его семья. Его жена и дочери, несмотря на то, что глава их семейства служатъ у помѣщика и не имѣютъ никакой собственности, прядутъ и ткутъ одежду изъ собственнаго льна и шерсти, имѣютъ нѣсколько штукъ своего скота и живности. Болѣе всего этихъ рабочихъ встрѣчается въ странахъ съ крупнымъ землевладѣніемъ, а на югѣ и въ средней Германіи они очень рѣдки.

Отношеніе землевладѣльцевъ къ классу «*Deputaten*» теперь весьма измѣнилось. Прежде, когда въ рабочихъ рукахъ не ощущалось недостатка, землевладѣльцы не любили принимать въ свое хозяйство женатыхъ людей, такъ какъ ихъ совершенно зависимое положеніе могло впоследствии наложить на землевладѣльцевъ извѣстныя обязанности, и потому они старались уменьшить въ своемъ хозяйствѣ число такихъ рабочихъ и мѣшать ихъ бракамъ. Теперь совсѣмъ другое дѣло: рабочихъ рукъ въ деревнѣ лѣтомъ часто не хватаетъ, и главная цѣль нынѣшнихъ землевладѣльцевъ — удержать въ своемъ хозяйствѣ постоянного рабочаго; въ виду этого онъ старается поощрить въ нихъ стремленіе къ браку. Кромѣ рабочихъ, служащихъ у помѣщика по контракту, наибольшій рабочій контингентъ составляетъ «*des Gesinde*» или «*Dienstboten*». Кромѣ жалованья, они получаютъ столъ у хозяина, живутъ въ его домѣ и представляютъ то, что мы называемъ прислугой. Положеніе какъ прислуги, такъ и рабочихъ въ настоящее время измѣнилось къ лучшему: ихъ кормятъ теперь сытнѣе, даютъ лучшее помѣщеніе, но и при всемъ этомъ остается еще многого желать. Рабочіе на фермахъ еще и теперь живутъ въ очень плохомъ помѣщеніи, особенно холостяки, которые спятъ на сѣновалѣ или на чердакѣ хлѣва. Хотя прежде всѣмъ имъ жилось несравненно хуже, но теперь они стали болѣе сознавать весь ужасъ своего положенія. При ихъ замѣчательномъ трудолюбіи и бережливости, они все-таки не могутъ свопить столько, чтобы приобрести хотя самую ничтожную собственность, къ чему они такъ стремятся. Невозможность осуществить на дѣлѣ эту законную и скромную мечту увеличиваетъ ихъ недовольство и озлобленіе, которыя растутъ съ каждымъ годомъ. Недовольство рабочихъ своимъ положеніемъ въ округахъ съ крупнымъ землевладѣніемъ ведетъ къ тому, что между ними быстро распространяются социалистическія идеи, которыя еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ совсѣмъ не проникали въ деревни, за исключеніемъ мѣстностей, сосѣднихъ съ большими городами и промышленными мѣстечками. Теперь социалистическія идеи между рабочими въ странахъ крупнаго землевладѣнія распространяются тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе исчезаютъ патріархальныя отношенія между ними и владѣющими классами, чѣмъ очевиднѣе становится богатство однихъ и бѣдность другихъ. Отчаяніе заставляетъ очень многихъ рабочихъ бросать ферму и земледѣльческія занятія, массами уходить на фабрики и переселяться въ города, а часто и вовсе покидать Германію и эмигрировать въ Америку. Эмиграція въ Новый Свѣтъ изъ мѣстностей съ крупнымъ землевладѣніемъ поражаетъ своею громадностію. Такъ въ послѣднее десятилѣтіе чрезвычайно сильная эмиграція рабочихъ была изъ нѣкоторыхъ провинцій Западной Пруссіи, Помераніи, Ганновера, Ольденбурга, великаго герцогства Мекленбургскаго и Шлезвигъ-Гольштейна. Въ періодъ времени отъ 1844 по 1877 годъ болѣе всего эмигрировало изъ правительственныхъ округовъ Миндена, Гирира, Штральзунда и Штетина. Въ то время, какъ во всемъ государствѣ одного эмигранта считали на 29 жителей, въ означенныхъ мѣстностяхъ онъ приходился всего на 10 жителей. Правда, что и во многихъ другихъ округахъ приходилось по одному эмигранту на 11, 12, 17 и 18 человекъ. Причинами эмиграціи, кромѣ неправильнаго распредѣленія земли, можно считать промышленныя кризисы, политическое недовольство, страхъ военной службы, неурожай и другія бѣдствія. Еще большіе размѣры эмиграція изъ странъ съ крупною собственностію приняла въ 1880 году. Изъ Пруссіи

*

эмигрировало въ этомъ году 106,190 человекъ; при этомъ наибольшій процентъ выселившихся приходится на западную Пруссію, Померанію и Познань.

И такъ одна изъ причинъ эмиграціи, этого самого чувствительнѣйшаго зла для страны, находится въ тѣсной связи съ крупнымъ землевладѣніемъ, въ которомъ можно указать и много другихъ темныхъ сторонъ. Не даромъ Плиніи, еще много вѣковъ тому назадъ говоря объ Италіи, воскликнулъ: «латифундіи (огромныя помѣстья) погубили Италію!» Нельзя указать ни на одно государство, которому раздробленіе собственности причинило бы гибель, напротивъ того, крупное землевладѣніе погубило государства востока и римскую имперію, оно же задерживаетъ экономическое развитіе Испаніи, Австріи и Германіи. Изъ примѣра той-же Пруссіи можно убѣдиться, что болѣе мелкая собственность благотворнѣе вліяетъ на земледѣліе и сельское хозяйство, чѣмъ крупная. Для этого достаточно сравнить восточную Пруссію, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, съ западными провинціями, въ которыхъ собственность болѣе раздроблена. Въ западныхъ провинціяхъ стоимость земли въ 2½ раза выше, и производитъ она въ 3 раза болѣе земледѣльческихъ продуктовъ. Мало того, даже количество скота болѣе въ западныхъ провинціяхъ и онѣ вдвое болѣе населены, чѣмъ восточная Пруссія, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе. Тоже самое замѣчено и во всѣхъ плодородныхъ мѣстностяхъ Германіи: вездѣ доходность земли гораздо значительнѣе въ болѣе мелкихъ имѣніяхъ, чѣмъ въ крупныхъ. На берегахъ Рейна, въ Саксоніи, въ Вюртембергѣ, гдѣ преобладаетъ мелкое землевладѣніе, доходъ съ земледѣльческихъ произведеній и съ сельскаго хозяйства гораздо выше, чѣмъ напримѣръ въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ, гдѣ двѣ пятыхъ почвы составляютъ еще дворянскія имѣнія. И это понятно: владѣльцы крупныхъ помѣстій несравненно болѣе мелкихъ землевладѣльцевъ склонны расходовать свои большіе доходы на предметы роскоши, большею частію заграничнаго производства. Слѣдовательно система крупнаго землевладѣнія всего менѣе способствуетъ развитію отечественной промышленности и сельскому хозяйству. Владѣльцы болѣе мелкихъ помѣстій если-бы даже и пожелали удовлетворять свои потребности заграничными произведеніями, не имѣютъ на это достаточно средствъ и волей-неволей поддерживаютъ отечественную промышленность. Страсть къ роскоши, комфорту и удовольствіямъ точно также болѣе развита у крупныхъ землевладѣльцевъ, что заставляетъ ихъ отводить громадныя пространства земли подъ парки, сады, цвѣтники, обширныя лѣса для охоты, воды для рыбной ловли и плаванія; сравнительно съ мелкими землевладѣльцами они менѣе заботятся объ увеличеніи пахотныхъ земель, что чрезвычайно вредно отзывается на сельскомъ хозяйствѣ, а слѣдовательно и на интересахъ всего общества, особенно при нынѣшнемъ быстромъ возрастаніи народонаселенія въ Германіи. Кстати замѣтимъ, что вопросъ о быстромъ возрастаніи населенія Германіи, несоразмѣрно съ развитіемъ народнаго богатства и земледѣлія, весьма озабочиваетъ экономистовъ. Вычислено, что втеченіе 9 лѣтъ, истекшихъ между двумя переписями: 1871 и 1880 годовъ, населеніе возросло на 5.000,000. Если изъ этой цифры вычесть даже эмигрантовъ, то излишекъ все-таки будетъ болѣе чѣмъ въ 4.000,000. Чтобы прокормить это все увеличивающееся населеніе, по расчету экономистовъ, необходимо увеличить площадь обработанной земли по крайней мѣрѣ на 700,000 гектаровъ, возростить до милліона лишнихъ головъ скота. А что будетъ со страной, если населеніе и впредь будетъ увеличиваться въ такомъ же размѣрѣ? Судя по современному положенію земледѣльческой культуры, которая уже теперь недостаточна для прокормленія существующаго населенія, Германія и впредь едва-ли можетъ поспѣвать увеличивать земледѣльческую производительность своей страны на столько, чтобы она была достаточна для пропитанія все болѣе возрастающаго числа жителей. Сказанное показываетъ намъ еще яснѣе, какое зло приносятъ странѣ крупное

землевладѣніе, при которомъ большія пространства земли употребляются на удовлетвореніе потребностей роскоши. Однако при этомъ намъ необходимо оговориться. Говоря о преимуществахъ мелкаго землевладѣнія, мы имѣемъ въ виду такой участокъ земли, который даетъ всѣмъ членамъ семейства землевладѣльца занятіе по хозяйству и вполне обезпечиваетъ ихъ хотя скромное матеріальное положеніе. Дѣлаемъ эту оговорку потому, что въ Германіи, наряду съ крупнымъ землевладѣніемъ, господствуетъ и черезчуръ мелкое дробленіе земли, до такой степени мелкое, что носитъ даже названіе «карликоваго» владѣнія, т. е. такого, которое не только не прокармливаетъ семейства землевладѣльца, но часто не даетъ ему возможности имѣть даже свой собственный кровъ и заставляеть его заниматься ремеслами, наниматься въ рабочіе, братья за разныя побочныя занятія, неимѣющія ничего общаго съ собственнымъ хозяйствомъ. Но объ этихъ «карликовыхъ» владѣніяхъ мы поговоримъ ниже, а теперь перейдемъ ко второму разряду землевладѣнія.

Объемъ крестьянскихъ имѣній, въ странахъ съ преобладающею среднею поземельною собственностью, весьма различенъ: въ Вестфаліи можно встрѣтить крестьянъ, владѣющихъ прекрасной землей въ 900 моргеновъ и болѣе, т. е. имѣніемъ, превосходящимъ своимъ объемомъ, цѣнностью и количествомъ добываемыхъ продуктовъ нѣкоторыя дворянскія помѣстья; между тѣмъ въ южной Германіи крестьяне часто владѣютъ небольшими участками земли, составляющими уже переходъ къ третьей категоріи германскаго землевладѣнія.

Крестьянскимъ владѣніемъ считалось прежде такое, которое было лишено привилегій дворянскаго имѣнія и обложено въ пользу господъ различными повинностями. Въ этомъ отношеніи; въ настоящее время, крестьянскія имѣнія уравниены въ правахъ и несутъ одинаковыя тяготы съ дворянскими. Отличаются онѣ теперь отъ дворянскихъ имѣній тѣмъ, что крестьянинъ-собственникъ, по своему рожденію, не принадлежитъ къ высшимъ общественнымъ классамъ и самъ съ членами своей семьи не только надзираеть за хозяйствомъ и управляетъ служащими, но работаетъ наряду съ ними и часто усерднѣе ихъ, чтобы подавать имъ примѣръ неустаннаго трудолюбія. Отъ мелкаго собственника такой крестьянинъ прежде всего отличается тѣмъ, что онъ владѣетъ большимъ количествомъ земли, а слѣдовательно располагаетъ большимъ доходомъ. Свою землю онъ обыкновенно обрабатываетъ лошадьми, быками, плугомъ, а не лопатою и киркой, какъ это бываетъ съ мелкими собственниками. При этомъ члены его семейства не занимаются ни ремеслами, ни поденной работой на сторонѣ, а находятъ занятія дома, въ своемъ собственномъ хозяйствѣ. Крестьянинъ-собственникъ, обладающій среднею поземельною собственностью, воздѣлываетъ свои поля и ведетъ свое хозяйство съ помощію нанятыхъ рабочихъ, которыхъ никогда не имѣютъ мелкіе собственники. Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ господствуетъ крестьянское землевладѣніе средняго размѣра, размноженіе народонаселенія идетъ медленнѣе, нежели въ странахъ съ мелкою собственностію. Это объясняютъ многими причинами. Крестьянское имущество послѣ смерти отца обыкновенно достается одному изъ дѣтей. Будущій наслѣдникъ, въ большинствѣ случаевъ женится не раньше, какъ дѣлается собственникомъ. Это ведетъ къ позднимъ бракамъ, а слѣдовательно и къ меньшему увеличенію народонаселенія. При этомъ сестры и братья собственника, если и остаются въ его домѣ, то большею частію въ безбрачномъ состояніи, а не то и совѣмъ эмигрируютъ. Сельское хозяйство и земледѣіе въ странахъ съ преобладающею среднею (крестьянскою) поземельною собственностію, даетъ лучшіе результаты, чѣмъ въ черезчуръ раздробленныхъ и въ крупныхъ хозяйствахъ. Это происходитъ прежде всего уже потому, что такое хозяйство ведетъ самъ крестьянинъ-землевладѣлецъ, который привыкъ къ земледѣльческому труду съ самого дѣтства и понимаетъ его лучше господина. При этомъ

рабочіе крестьянина-собственника работаютъ у него больше и лучше, такъ какъ хозяинъ самъ трудится вмѣстѣ съ ними и имъ не ловко отставать отъ него, выполнять работу медленнѣе и хуже его. Его жена и дочери такъ же относятся къ остальнымъ отраслямъ хозяйства: онѣ работаютъ наравнѣ съ прислугой и усердно надзирають за всѣмъ въ домѣ. Вотъ какъ описываютъ положеніе такихъ крестьянъ въ Верхней Швабіи: «веселые дворы съ крашенными ставнями, гладкими, какъ зеркала, стеклами и бѣлыми занавѣсками всюду встрѣчаются здѣсь каждому. Наружности этихъ домовъ соотвѣтствуетъ и ихъ внутреннее устройство, а также образъ жизни ихъ обитателей, именно роскошь, съ какою они обставляютъ свои экипажи, когда отправляются въ церковь и хотять блеснуть передъ сосѣдами. По пути изъ церкви встрѣчаются, большею частію, экипажи съ прекрасною лошадиною сбруей, хомутъ съ широкими привѣсками изъ желтой мѣди, верховыя лошади съ барсучьими кожами. У лавочниковъ покупаются новомодныя матеріи. По утру пьютъ кофе, а въ полдень и вечеромъ хорошо ѣдятъ. Воскресенье проводятъ отчасти въ пивной». Все это служитъ доказательствомъ благосостоянія крестьянъ этихъ мѣстностей.

Нравственныя качества крестьянъ-собственниковъ весьма солидны: большинство ихъ «состоитъ изъ простыхъ, бережливыхъ, дѣятельныхъ, умѣренныхъ, прилежныхъ, работающихъ, здоровыхъ и образованныхъ соотвѣтственно званію людей». Въ очеркахъ о Баваріи, мы набросали нѣсколько картинокъ жизни и нравовъ семьи крестьянина-собственника, а потому перейдемъ теперь къ ихъ рабочимъ.

Положеніе земледѣльческихъ рабочихъ, въ странахъ съ преобладающею среднею, крестьянскою, поземельною собственностью, совершенно различно: въ большинствѣ случаевъ рабочіе пользуются равными правами съ семействомъ хозяина: какъ онъ самъ, такъ все его семейство и рабочіе обѣдаютъ за однимъ общимъ столомъ, работаютъ и отдыхаютъ одинаковое количество времени. Но есть мѣстности, гдѣ рабочіе, хотя и пользуются съ хозяиномъ и его семьей равными правами въ домѣ, но обязаны знать свое мѣсто въ трактирѣ и во всякомъ другомъ общественномъ мѣстѣ: тамъ рабочій уже не смѣетъ сѣсть рядомъ съ хозяиномъ, а идетъ за особый столъ, за которымъ сидятъ и другіе такіе же работники, какъ онъ самъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Германіи, напр. въ восточномъ округѣ герцогства Альтенбурга, существуетъ огромное различіе не только между крестьянами-собственниками и ихъ рабочими, но даже и между отдѣльными категориями крестьянъ-землевладѣльцевъ. Здѣсь крестьянинъ, хотя работаетъ вмѣстѣ съ своимъ рабочимъ, но никогда не обѣдаетъ съ нимъ за однимъ столомъ и еще болѣе высокоумѣрно держитъ себя по отношенію къ нему въ общественномъ мѣстѣ. Но это не особенно оскорбляетъ здѣсь рабочаго, такъ какъ его хозяинъ такъ же гордо держитъ себя въ трактирѣ и пивной по отношенію другихъ, болѣе бѣдныхъ крестьянъ-собственниковъ. Крестьянинъ, у котораго въ хозяйствѣ отъ 4 до 6 лошадей, считаетъ ниже своего достоинства сѣсть за одинъ столъ съ двухъ-лошаднымъ.

Въ числѣ рабочихъ крестьянъ-собственниковъ есть также и «Deputaten», но этотъ разрядъ рабочихъ чаще встрѣчается у крупныхъ землевладѣльцевъ: крестьяне болѣе держатъ «Gutstigelöhner», связанныхъ съ ними контрактомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на срокъ отъ 1 до 3 лѣтъ, а въ другихъ и гораздо долѣе. Кромѣ этихъ двухъ категорій земледѣльческихъ рабочихъ, которыя существуютъ какъ у крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и у крестьянъ-собственниковъ, тѣ и другіе пользуются также трудомъ кочующихъ поденщиковъ, работающихъ безъ контракта, нанимающихся по-денно и не получающихъ отъ хозяина квартиры. Ихъ вознагражденіе на 20% выше сравнительно съ законтракованными рабочими, и лѣтомъ у нихъ нѣтъ недостатка въ работѣ, но зимняя безработица быстро уноситъ всѣ небольшія сбереженія. Рабочіе этой

категоріи обыкновенно люди женатые: на занятія деньги они иногда покупаютъ себѣ маленькій клочекъ земли, на которомъ разводятъ картофель и овощи; но нѣкоторые изъ нихъ живутъ со своими хозяевами. Вообще этотъ классъ земледѣльческихъ рабочихъ самый несчастный изъ всѣхъ и составляетъ главный контингентъ эмигрантовъ. Эмиграція побуждаетъ нѣкоторыхъ расчетливыхъ и умныхъ собственниковъ давать и поденщикамъ работу, даже въ убытокъ себѣ, чтобы лѣтомъ не чувствовать недостатка въ рабочихъ рукахъ.

Заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ Германіи чрезвычайно различна не только въ каждой провинціи, но часто даже въ двухъ сосѣднихъ округахъ одной и той-же провинціи. По официальнымъ отчетамъ за 1874 годъ они ежедневно получали въ среднемъ: въ Помераніи—1 фр. 75 сант., въ Познани—1 фр. 35 сант., въ Силезіи—1 ф., въ Ганноверѣ—1 ф. 85 с., въ Вестфалии—1 ф. 85 с., въ великомъ герцогствѣ Ольденбургѣ—2 ф. 15 с., въ королевствѣ Саксоніи—1 ф. 70 с., въ Баваріи—1 ф. 65 с.

При такомъ заработкѣ, который однако на 50; а иногда и на 100% больше того, что могъ зарабатывать рабочій 20 лѣтъ тому назадъ, почти никто не можетъ содержать своего семейства. Жена тоже нанимается на поденную работу и изо всѣхъ силъ бьется вести маленькое хозяйство, которое даетъ возможность не покупать для семьи картофеля, овощей и въ праздничные дни пользоваться иногда собственной живностью. Дѣти, внѣ школьнаго времени, нанимаются полоть гряды, чистить плоды и зимою зарабатываютъ въ день приблизительно 25 сан., а лѣтомъ отъ 30 до 35 сантимовъ.

Продолжительность рабочаго времени для земледѣльческихъ рабочихъ тоже слишкомъ велика: лѣтомъ отъ 5 час. утра до полудня и отъ 1 часу до 7 вечера, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже и позже; зимою отъ разсвѣта, т. е. 6—7 часовъ до 5 часовъ вечера. Во время жатвы и другихъ спѣшныхъ лѣтнихъ работъ работаютъ 14, 15 и даже 16 часовъ въ сутки. Никакой законъ не ограничиваетъ продолжительности рабочаго дня, за исключеніемъ того, что для малолѣтнихъ, моложе 15 лѣтъ, обязательно посѣщеніе школы.

Жилище работниковъ всегда соответствуетъ получаемой имъ платѣ и пищѣ. Въ Пруссіи вознагражденіе за земледѣльческій трудъ не велико, пища весьма непитательна и жилище чрезвычайно жалкое. Земледѣльческіе рабочіе не нанимаютъ квартиръ; если они не живутъ на фермѣ, гдѣ работаютъ, то имѣютъ собственный домикъ. Но гдѣ бы они ни жили, ихъ помѣщеніе всегда нездоровое и тѣсное. Въ округѣ Мемель одноэтажныя хижины построены изъ глины и соломы, иногда даже изъ дерна, обыкновенно безъ пола и безъ отдушинъ для чистаго воздуха. Въ округѣ Плессъ въ одной комнатѣ живутъ по нѣскольку семействъ,—15 чел. и болѣе; при этомъ комнаты такъ низки, что взрослый не можетъ встать во весь ростъ. Въ Рейнскомъ округѣ, по официальнымъ отчетамъ, дома земледѣльцевъ до того переполнены жильцами, что отъ тѣсноты появляются разныя болѣзни. Въ Саксенъ-Кобургѣ домашнія птицы помѣщаются вмѣстѣ съ людьми; свиной хлѣвъ и навозная куча у самаго входа въ домъ, такъ что непривычный человѣкъ задыхается отъ миазмовъ и не въ состояніи просидѣть въ ней болѣе получаса.

Кромѣ эмиграціи, когда рабочій бросаетъ родину и навсегда поселяется на чужбинѣ, между земледѣльческими рабочими сильно развиты временныя, періодическія переселенія. Характерная черта нѣмцевъ—дѣлать все сообща, духъ ассоціаціи, который въ сильной степени господствуетъ между ними, и въ этомъ случаѣ проявляется во всей силѣ между земледѣльческими рабочими: они никогда не переселяются по одиночкѣ, а обыкновенно массами, или по крайней мѣрѣ нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ подъ управленіемъ избраннаго ими главы. Каждый годъ, съ наступленіемъ лѣта, во многихъ про-

винціях Пруссіи земледѣльческіе рабочіе собираются большими группами и переселяются въ другія провинціи, гдѣ больше работы. Чтобы не потерпѣть неудачи, прежде чѣмъ предпринять такую перекочевку, они выбираютъ между собой человѣка опытнаго, которому поручаютъ заранѣе найти и указать имъ мѣстность, гдѣ бы они могли получить работу. Когда посланный нашелъ подходящую мѣстность, онъ заключаетъ условіе съ однимъ, а иногда и съ нѣсколькими землевладѣльцами на выполненіе въ извѣстный срокъ тѣхъ или другихъ земледѣльческихъ работъ. Если это условіе понравится тѣмъ, кто его пошлетъ, они всѣ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ отъ 20 до 30 чел., образуютъ одну артель на все лѣто, и отправляются на работу за нѣсколько десятковъ верстъ отъ своей родины. Деньги, полученные за работу, артель дѣлитъ поровну между всѣми членами и на зиму возвращается домой. Такимъ образомъ цѣлыя толпы рабочихъ каждый годъ перекочевываютъ съ возвышенностей восточнаго берега Вислы, дающихъ жителямъ скудныя средства къ существованію, на плодородныя низменности по другую сторону этой рѣки. Точно также изъ болотистыхъ округовъ, лежащихъ по берегамъ Варты, каждое лѣто большія толпы крестьянъ расходятся по сосѣднимъ провинціямъ. Изъ бесплодныхъ округовъ южнаго Гарца земледѣльческіе работники толпами отправляются на свеклосахарные заводы въ окрестности Магдебурга. Точно также множество народа перекочевываетъ изъ Вестфаліи въ Нидерланды—одни на земледѣльческія работы, другіе на голландскіе черепичные заводы, наконецъ силезскіе каменьщики отправляются лѣтомъ на заработки въ юго-западныя провинціи Пруссіи и возвращаются къ зимѣ въ свои горы.

Не смотря на краткость нашего очерка о земледѣльческихъ рабочихъ Германіи, можно тѣмъ не менѣе составить понятіе объ ихъ нищетѣ, лишеніяхъ и страданіяхъ. Это народъ въ высшей степени трезвый, трудолюбивый, экономный и закаленный во всевозможныхъ невзгодахъ: природа не дала ему для облегченія страданій ни прекраснаго неба Италіи, ни ея мягкаго климата; ему чужда и независимая жизнь швейцарскаго крестьянина, который, въ своемъ опрятномъ домикѣ, живетъ одинъ съ своимъ семействомъ, среди красотъ величественной альпійской природы; не знаетъ онъ и счастья еобственника, что несравненно легче дается французскому крестьянину, который въ большинствѣ случаевъ дѣлается владѣльцемъ небольшого клочка земли.

Теперь намъ остается познакомить читателей съ мелкимъ землевладѣніемъ. Къ этой третьей категоріи относятся небольшіе участки земли, которые однако даютъ работу всѣмъ членамъ семейства землевладѣльца, обезпечивая ихъ матеріальное положеніе, слѣдовательно привязываютъ всѣхъ ихъ къ землѣ и къ земледѣльческой дѣятельности и не толкаютъ ихъ на заработки и на побочныя занятія. Члены семейства мелкаго землевладѣльца всѣ заняты работами по своему имѣнію, но исполняютъ ихъ самостоятельно, безъ помощи наемныхъ рабочихъ, и уже этимъ существенно отличаются отъ крестьянъ-собственниковъ. Но къ этой третьей категоріи мелкаго землевладѣнія экономисты относятъ также «карликовыя» имѣнія, которыя не даютъ достаточно занятій всѣмъ членамъ семейства, не прокармливаютъ ихъ. Не рѣдко владѣлецъ «карликоваго» имѣнія занимается какимъ нибудь ремесломъ: ткачествомъ, портняжествомъ, приготовленіемъ посуды, а его семейство въ лѣтнее время исполняетъ вмѣсто него всѣ работы по сельскому хозяйству; но маленькое хозяйство уже совсѣмъ не даетъ работы на зиму даже и для нихъ, и тогда они помогаютъ хозяину въ его ремеслѣ. Есть «карликовыя» имѣнія въ $\frac{1}{2}$ и въ $\frac{1}{4}$ десятины, на которыхъ нѣтъ даже хутора: все семейство такого землевладѣльца, съ хозяиномъ во главѣ, въ качествѣ рабочихъ нанимается на ферму и поселяется въ одномъ изъ домиковъ, предназначенныхъ для земледѣльческихъ рабочихъ. Другіе постоянно живутъ въ большихъ или маленькихъ городкахъ, занимаются ремеслами, на фабрикахъ или земледѣльческими работами на фер-

мѣ, а между тѣмъ многіе изъ нихъ владѣютъ въ своей родной деревнѣ не только *однимъ*, но иногда *нѣсколькими* участками земли, которые они поручаютъ воздѣлывать своимъ родственникамъ. Мы говоримъ *нѣсколькими* участками потому, что поземельная собственность не только «карликовыхъ», но всѣхъ мелкихъ владѣльцевъ вообще разбита на множество отдѣльныхъ участковъ, и это одинъ изъ характерныхъ признаковъ мелкаго землевладѣнія. Правда, въ странахъ, гдѣ господствуетъ мелкое землевладѣніе: въ Баденѣ, Рейнской провинціи, Нассау, Гессенѣ и другихъ, часто и крупныя имѣнія разбиты на множество участковъ; но названныя мѣстности — страны съ преобладающею мелкою собственностью, слѣдовательно крупныя имѣнія попадаютъ тамъ рѣдко и такимъ образомъ раздробленность земледѣльческихъ участковъ — характерный признакъ мелкой поземельной собственности. Мало того, что земля мелкихъ собственниковъ разбита на множество участковъ, но эти участки нерѣдко лежатъ другъ отъ друга очень далеко. Часто весь свой участокъ мелкій землевладѣлецъ могъ бы обработать въ три, четыре дня, но такъ какъ онъ разбитъ на множество полосъ, иногда очень далеко лежащихъ другъ отъ друга, то на ходьбу тратится столько времени, что ему мало и недѣли, чтобы покончить работу на своей землѣ. Случается, и это весьма нерѣдко, что земледѣлецъ по ошибкѣ обрабатываетъ чужую полосу, а свою оставляетъ безъ вниманія. Нѣкоторые изъ этихъ участковъ такъ малы, что при продажѣ съ публичнаго торга ихъ оцѣниваютъ въ 30 и 40 грошей. Когда вюртембергскій собственникъ въ разговорѣ съ товарищами упоминаетъ то объ одномъ своемъ имѣніи, которое лежитъ въ такой-то деревнѣ, то о другомъ, находящемся уже въ другомъ мѣстѣ, вы подумаете, что передъ вами богатый собственникъ, между тѣмъ это чрезвычайно бѣдный крестьянинъ, имѣющій всего только три моргена земли, разбитыхъ болѣе чѣмъ на 20 участковъ. Когда прошлымъ лѣтомъ онъ пахалъ свое поле, онъ повредилъ ленъ сосѣда, съ которымъ у него началась безконечная ссора. Его овощи, разведенныя на другой полосѣ, пострадали отъ весеннихъ холодовъ, другіе посѣвы подточилъ червякъ. Одинъ изъ его сыновей, видя, что остальные полосы участка его отца едва могутъ прокормить старика, нанялся поденщикомъ на ближайшую ферму, второй его братъ поступилъ на фабрику, а третій эмигрировалъ въ Америку. Несмотря однако на раздробленность земли и черезполосицу, участокъ земли землевладѣльца еще можетъ прокормить его семейство, если только онъ владѣетъ большимъ количествомъ моргеновъ, а слѣдовательно когда онъ еще не перешелъ въ разрядъ «карликовыхъ» имѣній. Поле владѣльца «карликоваго» имѣнія уже не воздѣлываютъ обыкновенно ни лошадыю, ни быкомъ, но взрываютъ землю лопатой и киркой; произведенія, собранныя съ такихъ небольшихъ клочковъ земли отправляютъ не на возу, а въ корзинкѣ или въ ручной телѣжкѣ.

Мелкіе собственники прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы извлечь побольше выгоды изъ своего небольшого, до безконечности раздробленнаго участка: на одной полосѣ сѣютъ пшеницу, на другой садятъ картофель, разводятъ овощи, хмѣль, табакъ, однимъ словомъ разнообразятъ произведенія своего хозяйства до безконечности. Это дѣлается въ виду того, что если одно растеніе постигнетъ неурожай, уродится другое. Такое, чрезчуръ мелкое дробленіе земли дурно вліяетъ и на нравственность: оно даетъ обильный матеріалъ для безконечныхъ споровъ, ссоръ и дразгъ, къ тому-же тамъ, гдѣ нѣтъ общаго пастбища, каждый крестьянинъ заставляетъ своего сына стеречь скотину на поляхъ и опушкахъ лѣса, такъ что одинъ пастухъ приходится очень часто на одну только голову скота. Такъ какъ пастухами бываютъ дѣти, то пастушеская жизнь приучаетъ ихъ къ лѣни, распущенности и воровству. Мелкіе собственники очень часто не могутъ извлечь изъ своихъ крошечныхъ участковъ достаточно пищи для своего скота, и потому ихъ сыновья уже съ дѣтства привыкаютъ не считать

преступленіемъ пользованіе чужой собственностью: они изощряются исключительно въ томъ, какъ бы безнаказанно пасти скотъ на чужой землѣ.

Жизнь и нравы студентовъ.—Значеніе германскихъ университетовъ въ государствѣ и обществѣ.—Прошлая и современная жизнь студентовъ.—Корь-студенты: ихъ одежда и внѣшность.—Фукусы: ихъ вступленіе въ университетъ, жизнь и отношеніе къ буршамъ.—Кнейпа.—Саламандра.—Пивные долги.—Лишеніе пивной чести.—Пивной судъ.—Студенческія пѣсни.—Пивной поединокъ.—Ночныя сарапанды.—Результаты попойки.—Карцеръ.—Мензура.—Пивныя награды.—Процессіи, торжества и коммерши.—Некорпоративные студенты и буршеншфства.

Германія славится своими университетами болѣе, чѣмъ заведеніями для средняго образованія. Ея университеты содѣйствовали прежде всего тому, что страну эту во всемъ мірѣ считаютъ классической землей учености: только при всестороннемъ, строго научномъ отношеніи къ дѣлу германскихъ ученыхъ, они могутъ создавать такіе замѣчательные труды, которые производятъ отъ времени до времени настоящіе перевороты въ наукѣ.

Въ Германіи 19 университетовъ; такое большое количество ихъ въ одной странѣ было слѣдствіемъ раздѣленія ея на независимыя государства, которыя стремились превзойти другъ друга своимъ просвѣщеннымъ рвеніемъ. Мало по малу значительную часть своихъ доходовъ государи стали тратить на основаніе заведеній для высшаго образованія. При этомъ каждый изъ нихъ старался обставить свой университетъ какъ можно лучше, привлекалъ къ нему извѣстнѣйшихъ профессоровъ. Такимъ образомъ университетскіе города скоро сдѣлались центрами наукъ, искусствъ, литературы. Разъ было положено такое хорошее основаніе, общество всегда въ высшей степени сочувственно относилось къ своимъ университетамъ и спѣшило имъ на помощь каждый разъ, когда это было нужно. Такія заботы не пропали даромъ: ни въ одномъ европейскомъ государствѣ университеты не играли такой видной роли, нигдѣ общество не относится къ своимъ студентамъ съ такою задушевною искренностью и теплотою, какъ здѣсь, нигдѣ стремленіе провести сына чрезъ университетъ не выражается такъ единодушно во всѣхъ сословіяхъ, какъ въ Германіи. Здѣсь уже издавна принцы крови, аристократы, богатѣйшія и наиболѣе представительныя лица въ государствѣ и обществѣ отдають въ университеты своихъ сыновей, — если наука не пойдетъ имъ на умъ, то для того по крайней мѣрѣ, чтобы годъ, другой они могли пожить студенческою жизнію. Нельзя сказать, чтобы многіе изъ богатыхъ и знатныхъ молодыхъ людей отдавались наукѣ: большею частью они примыкають къ кружкамъ наиболѣе кутящихъ студентовъ, тѣмъ не менѣе уже одно то, что они вращаются среди людей разныхъ сословій и положеній, приносить имъ въ будущемъ большую пользу: атмосфера германскаго университетскаго города, даже пропитанная кутежами баснословнаго характера, все-таки здоровѣе атмосферы казармы или канцеляріи. Чиновники, профессора, учителя, пасторы, всѣ они считаютъ своею нравственною обязанностью, долгомъ чести отдавать въ университеты своихъ сыновей. Завѣтная мечта людей нисшихъ классовъ, или точнѣе сказать тѣхъ изъ нихъ, которые едва выдѣлились изъ массы рабочаго люда, особенно въ небольшихъ университетскихъ городахъ, видѣть своего сына студентомъ. Мелкій лавочникъ, артельщикъ, торговка, едва расширяють свою дѣятельность, какъ тотчасъ торжественно объявляютъ сыну, что уже рѣшено отдать его въ университетъ. Если мы вспомнимъ, какъ плохо облачивается въ Германіи государственная служба, какимъ лишеніямъ здѣсь подвергаетъ себя каждый, чтобы скопить копѣйку про черный день, когда мы узнаемъ, наконецъ, какъ дорого

обходится здѣсь высшее образованіе и какому риску подвергаетъ свой карманъ каждый, рѣшающійся отдать своего сына въ университетъ, мы согласимся, что такое общее къ нему тяготѣніе, такія жертвы изъ-за него могутъ приноситься только въ странѣ, гдѣ наука пользуется не только уваженіемъ, но и окружена ореоломъ, гдѣ университеты тѣсно связаны съ жизнію и играютъ въ государствѣ видную роль. А какъ мечтаетъ каждый юноша попасть въ университетъ! И можетъ ли быть иначе, когда его отецъ то и дѣло вспоминаетъ съ своими старыми товарищами годы студенчества, какъ лучшую пору жизни, съ какимъ увлеченіемъ, даже на старости лѣтъ, рассказываютъ они другъ другу о своихъ беззаботныхъ, веселыхъ пирушкахъ, прогулкахъ, проказахъ. Какъ можетъ онъ не мечтать объ университетѣ, когда онъ видитъ кругомъ, особенно если онъ живетъ въ одномъ изъ небольшихъ университетскихъ городовъ, какъ всѣ безъ исключенія живо интересуются студентами, говорятъ о ихъ предстоящихъ и прошедшихъ празднествахъ. Въ будущей студенческой жизни передъ юношею развертывается наконецъ не одна только веселая картина: онъ нерѣдко слышитъ, какое одушевленіе, мечты и планы пробудилъ въ молодыхъ людяхъ тотъ или другой профессоръ своей блестящей новой теоріей! А какъ забьется его сердце, когда про него скажутъ знакомые: «онъ штудируетъ!» Еще недавно онъ могъ учиться только въ школѣ, что не имѣетъ никакого значенія здѣсь, гдѣ каждый долженъ учиться (*lernen*), но теперь онъ «штудируетъ» (*studieren*) въ университетѣ, а это счастье дается немногимъ. Общему стремленію въ университетъ помогаетъ и та связь съ «*alma mater*», которая остается на всю жизнь у каждаго, кто когда-нибудь воспитывался въ университетѣ: онъ всегда продолжаетъ считаться почетнымъ членомъ своего кружка и не забываетъ пользоваться своими правами даже въ то время, когда онъ уже обремененъ огромной семьей, годами и службой. Какъ почтенные старики, подтолкнувъ тому назадъ кончившіе курсы, такъ и люди молодые, еще недавно оставившіе скамейку, въ дни университетскихъ торжествъ одѣваютъ свои студенческія шапочки и цвѣтныя ленты черезъ плечо, всегда сохраняемыя какъ святыня, какъ лучшее воспоминаніе юности, и отправляются праздновать этотъ день со студентами, членами своей прежней корпораціи. Въ этомъ, вѣроятно, заключается одна изъ причинъ замѣчательной живучести этихъ корпорацій, съ уставами иногда въ высшей степени оригинальными, напоминающими давнопрошедшія времена. Старые и молодые люди въ этой странѣ питаютъ къ студентамъ любовь, доходящую до слабости, которая часто заставляетъ даже образованнѣйшихъ людей одобрять такіе нравы и обычаи студентовъ, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ пошлаго молодчества.

Германскіе студенты всегда играли видную роль въ государствѣ, принимали участіе во всѣхъ движеніяхъ. Когда отечеству угрожала какая-нибудь опасность, студенты первые бросали аудиторіи и становились въ ряды волонтеровъ. Впрочемъ тогда одушевленіе въ университетахъ было такъ сильно, что даже многіе профессора записывались въ военную службу, — однимъ словомъ университеты становились въ такія минуты центрами патріотическаго энтузіазма, откуда онъ уже переходилъ въ народъ. Въ такіе тяжелые для народа години университеты пріобрѣтали обыкновенно громадное нравственное и политическое значеніе. Всѣ учащіеся и учащіе, какъ одинъ человекъ, смотрѣли на себя тогда, какъ на избранниковъ судьбы, которымъ она вручила долгъ и честь отечества и ставили своею прямою обязанностью возбудить въ народѣ патріотическій энтузіазмъ, показать собою примѣръ любви къ родинѣ. На поляхъ битвы многіе изъ нихъ своимъ презрѣніемъ къ опасностямъ поражали и увлекали даже старыхъ солдатъ; кафедры профессоровъ превращались тогда въ трибуны, съ которыхъ свѣтила науки проповѣдывали крестовый походъ для освобожденія отечества. Чтобы согласиться съ сказаннымъ, слѣдуетъ только вспомнить, какую видную роль играли университеты во время

реформаціи. Уже въ эту пору они выработали себѣ опредѣленную задачу, состоявшую въ защитѣ свободнаго религіознаго духа противъ насилія папъ и католическихъ орденъ; отсюда выходили реформаторы, проповѣдники новаго ученія, здѣсь-же писались памфлеты и книги, подрывавшіе авторитетъ католической религіи и разоблачавшіе развратъ ея служителей, имѣвшихъ такое пагубное вліяніе на нравственное и экономическое положеніе народа. Съ какимъ увлеченіемъ какъ студенты, такъ и профессора бросались на поле битвы во время войнъ за независимость въ 1813 г. Въ это время профессора силою слова создали изъ молодежи всѣхъ университетовъ армію, не менѣе дисциплинированную, чѣмъ армія настоящихъ обученныхъ солдатъ. «Тамъ», говоритъ одинъ французскій писатель про германскіе университеты, «подготавливаютъ нравственные побѣды, которыя предшествуютъ или слѣдуютъ за побѣдами матеріальными. Въ лекціяхъ исторіи, философіи провозглашаютъ превосходство Германіи, поддерживаютъ въ сердцахъ жаръ патріотизма. Здѣсь молодежь прежде всего заинтересовывается общественными дѣлами, учится своимъ обязанностямъ относительно государства. Въ этомъ святилищѣ науки и знанія воздвигнуть алтарь государству, и здѣсь учатъ не только почитать его, но и обожать. Это священный образъ и культъ государства открыто конкурируетъ съ культомъ религіи».

Германскіе университеты всегда были разсадниками умственной жизни, новыхъ идей и открытій во многихъ научныхъ областяхъ, издавна славились профессорами, которые приобрѣли мировую извѣстность, слушать которыхъ стекались люди со всѣхъ странъ свѣта. Здѣсь впервые, въ XVIII вѣкѣ, ученые вооружаются противъ схоластическаго характера науки, вносятъ въ нее критическій духъ; въ тоже время здѣсь развиваютъ и обрабатываютъ философскія системы, которыя потомъ долго господствовали въ Европѣ. Знаменитый философъ Кантъ обезсмертилъ кенигсбергскій университетъ, гдѣ онъ излагалъ съ кафедры свои блестящія философскія теоріи, привлекая на свои лекціи все наиболѣе интеллигентное въ Европѣ. Въ Іенѣ тоже было много замѣчательныхъ ученыхъ, гдѣ между всѣми особенно выдѣлялся Фихте, который впослѣдствіи приобрѣлъ всесвѣтную славу философа. Въ области естественныхъ наукъ, особенно по химіи, физиологіи, геологіи, были совершены важнѣйшія открытія, истолкователемъ которыхъ явился философъ Шеллингъ. Его лекціи отличались страстной любовью къ природѣ, поэтическими образами и производили сильное впечатлѣніе на слушателей. Одновременно съ Фихте и Шеллингомъ въ Іенѣ жили оба Шлегеля, Гумфеляндъ, Гумбольдтъ, и всѣ, кромѣ послѣдняго, занимали кафедры; это скоро обратило на Іену вниманіе всей ученой Европы. Въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ берлинскій университетъ былъ приглашенъ Гегель, который вскорѣ сдѣлался знаменитостью первой величины. Тотъ, одинъ изъ величайшихъ философовъ всей Европы, привлекалъ слушателей со всѣхъ концевъ свѣта. Теперь знаменитѣйшими профессорами Германіи считаются: Моммзенъ, Вирховъ, Бюхнеръ, Гнейстъ, Дюбуа-Реймонъ, Курціусъ, Дункеръ, Гельмгольцъ и др.

Понятно, что университеты, которые играютъ такую видную роль въ Европѣ, постоянно привлекали иностранцевъ, издавна сдѣлались предметомъ гордости, славы и любви нѣмецкаго народа. Свою горячую преданность къ нимъ онъ выражалъ на дѣлѣ каждый разъ, когда основывался одинъ изъ университетовъ. Очень часто, сравнительно съ пожертвованіями общества на основаніе того или другаго университета, правительство затрачивало сущіе пустяки: оно давало только привилегію новому университету и затѣмъ предоставляло дѣйствовать частной инициативѣ. Тогда въ новый университетъ со всѣхъ сторонъ тотчасъ стекались пожертвованія: одинъ приносилъ въ даръ богатѣйшую историческую бібліотеку, другой—естественно-научныя произведенія, тотъ брался устроить физическій и химическій кабинеты, тотъ ботаническій садъ, кто обсерваторію,

клиники, антропологическія коллекціи, фармацевтическую лабораторію и такъ до безконечности. Такимъ образомъ было положено основаніе нѣкоторыхъ германскихъ университетовъ, — этихъ самостоятельныхъ «академическихъ республикъ», какъ ихъ здѣсь называютъ студенты, величая себя «академическими гражданами». Вслѣдствіе этого одно изъ величайшихъ преимуществъ германскихъ университетовъ заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ соединяетъ въ своихъ факультетахъ всѣ отрасли челоѵческаго знанія, для примѣненія которыхъ тамъ находятся всевозможныя пособія: библіотеки, музеи, научныя коллекціи для самыхъ разнообразныхъ занятій, инструменты, больницы, лабораторіи, обсерваторіи. Такимъ образомъ можно основательно приготовить себя въ нихъ и къ научной, и къ практической дѣятельности. Изъ этого видно, что любовь нѣмцевъ къ своимъ университетамъ вполнѣ основательна. Но, преувеличивая, выходя изъ границъ въ каждомъ естественномъ чувствѣ, всѣ влеченія сердца запечатлѣвая оттѣнкомъ сентиментальности и комизма, они и изъ своей, во всѣхъ отношеніяхъ достойной уваженія преданности къ университетамъ, сдѣлали какой-то культъ, изъ за котораго не видятъ пятенъ на своемъ солнцѣ, нерѣдко совершенно помрачающихъ даже самый свѣтъ свободной германской науки.

Чтобы понять организацію студенческихъ обществъ и весь этотъ шумный водоворотъ студенческой жизни съ дуэлями, драками, пѣснями, со всѣмъ безшабашнымъ разгуломъ ихъ оргій, то дѣтски наивную, то китайскую обрядность и формализмъ ихъ празднествъ, пирушекъ и обычаевъ, необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на прошлую судьбу германскихъ студентовъ. Съ первыхъ временъ учрежденія германскихъ университетовъ жизнь студентовъ носитъ слѣды среднеѵковыхъ корпорацій. Студенты каждаго университета составляютъ совершенно замкнутые кружки, называвшіеся «націями». Каждая нація имѣла свои особыя правила, собранія и своихъ сеніоровъ. Въ XVI в.: студенты стали дѣлиться на общества не по мѣсту жительства и происхожденію, но по предмету занятій; такимъ образомъ національное начало студенческихъ корпорацій стало уступать началу факультетскому. Отличительной чертой быта студентовъ всѣхъ «академическихъ республикъ», уже съ самаго ихъ основанія, являются любовь къ праздникамъ, церемоніямъ и кутежамъ. Кромѣ общихъ праздниковъ, каждый факультетъ, каждая нація имѣли свои особыя праздники. На святкахъ студенты давали также представленія и устраивали маскарады, и ихъ разгулъ подъ маской принималъ еще болѣе опасныя размѣры. Расточительность студентовъ и роскошь, особенно въ платьѣ, доходили до такихъ предѣловъ, что въ XV столѣтіи государи издавали эдикты, запрещавшіе роскошныя одежды, духовенство проповѣдывало противъ нихъ съ церковной кафедры. Но ничто не дѣйствовало: настоящіе щеголи продолжали носить широкія шаровары, на которыя шло до ста аршинъ самой тонкой и дорогой матеріи. Тогда одинъ курфюрстъ, предписавъ хватать студентовъ въ подобныхъ шароварахъ и сажать ихъ въ сумашедшій дождъ, или срывать съ нихъ на улицѣ эту часть одежды и отпускать ихъ въ такомъ неприличномъ видѣ. Непомѣрное употребленіе пива также стало все болѣе распространяться между студентами: въ XVII стол. уже существовалъ особый уставъ, какъ пить пиво, какими обрядами и церемоніями должно это сопровождаться. Тогда сложилось и много разгульныхъ пѣсенъ, часть которыхъ дошла даже до нашего времени. Разгулъ, пьянство, любовь къ роскоши и къ яркимъ цвѣтамъ въ одеждѣ, къ продѣлкамъ самаго непозволительнаго характера, все это не только входило въ нравы студентовъ, но стало мало по малу опозитизироваться какъ ими самими, такъ и обществомъ. Скоро вошло въ моду между ними и состязаніе въ куреніи табаку: кто болѣе другихъ отличался въ этомъ искусствѣ, тотъ, какъ и за пьянство, получалъ чинъ. Кто выкуривалъ въ одинъ вечеръ пятьдесятъ трубокъ, — становился магистромъ, выкурившій 80 трубокъ — лиценціатомъ,

а выкурившій 100 трубокъ — докторомъ. Но главнымъ предметомъ состязанія были дуэли. «Въ началѣ XVI ст. шпага стала эмблемой благородства, и съ этого же времени получила особенное значеніе и дуэль, какъ защита чести, хотя собственно поединки бывали и прежде, которые вмѣстѣ съ дуэлями скоро до того распространились между студентами, что современники называютъ университеты просто **бояниши**. Въ фехтовальныхъ школахъ, во множествѣ явившихся во всей Германіи и часто покровительствуемыхъ самими государями, студенты и ремесленники были лучшими бойцами. Многие студенты охотнѣе посѣщали фехтовальныя школы, чѣмъ коллегіи, и до того ревностно предавались этому искусству, что правительства начали, наконецъ, противодействовать имъ, ограничивая посѣщеніе такихъ школъ и запрещая опасныя поединки и дуэли. Древнѣйшій указъ противъ дуэлей, явившійся въ Іенѣ въ 1684 году, угрожалъ нарушителямъ его смирительнымъ домокъ и даже тюремнымъ заключеніемъ на нѣсколько лѣтъ. Подобныя репрессивныя мѣры нѣсколько ограничивали, но никогда не уничтожали ни поединка, ни дуэли. Студенты, проштудировавъ нѣсколько лѣтъ въ томъ или другомъ германскомъ университетѣ, рѣдко возвращались домой цѣлыми: по большей части они были страшно изувѣчены, съ разбитыми головами, изломанными руками и ногами, съ поврежденными глазами, безносые, беззубые, со шрамами и рубцами на лицѣ и на всемъ тѣлѣ». — «Въ нашихъ университетахъ», говоритъ другой писатель, «вмѣсто книгъ господствуютъ распри, вмѣсто тетрадей — кинжалы, вмѣсто перьевъ — шпаги, вмѣсто ученыхъ преній — кровавыя драки, вмѣсто прилежнаго ученія — непрерывное пьянство и неистовства, вмѣсто ученыхъ кабинетовъ и библіотекъ — трактиры, погребки и другіе непристойныя дома».

Поступая въ университетъ, новички обыкновенно относились съ нѣкоторою робостью и почтеніемъ къ старшимъ товарищамъ. Мало по малу старшіе студенты присвоили себѣ неограниченную власть надъ младшими и стали относиться къ нимъ, какъ къ своимъ рабамъ въ полномъ смыслѣ этого слова, съ возмутительнымъ деспотизмомъ, крайне жестоко и презрительно. Старшіе, или, лучше сказать, господа-студенты, назывались «схористами» или «менторами», а ихъ младшіе товарищи или, точнѣе сказать, ихъ холопы и рабы — «пеналами». Пеналами были всѣ студенты, находившіеся въ университетѣ первый годъ. Каждый изъ нихъ былъ подъ непосредственнымъ надзоромъ одного изъ старшихъ студентовъ, долженъ былъ во всемъ услуживать ему по первому приказанію, бѣгать по его порученію за 5 и за 10 миль, переписывать днемъ и ночью, что онъ прикажетъ, сопровождать его во время прогулокъ, въ торжественныя дни носить за нимъ шпагу, отдавать ему отчетъ въ своихъ занятіяхъ, расходовать даже собственныя деньги не иначе, какъ съ его позволенія. Трудно представить, какую тяжелую, оскорбительную для человеческого достоинства жизнь выносили несчастные пеналы. За всѣ свои услуги, за всѣ жертвы и лишенія, за полное лакейство передъ старшими товарищами, они получали отъ нихъ презрительныя клички и обидныя прозвища: «молокосось, сюда!», «лягушка, червякъ вонъ отсюда!» — «Негодяй, какъ ты смѣлъ это забыть?», — иначе схористы никогда не относились къ пеналамъ.

Но все это было ничто передъ страданіями новичковъ, впервые вступавшихъ въ стѣны университета. Въ извѣстный день, одинъ изъ старшихъ студентовъ, такъ называемый депозиторъ, въ торжественномъ облаченіи принималъ нарядившихся разными звѣрями новичковъ, которые не принадлежали еще къ числу студентовъ, слѣдовательно, по понятію академическихъ гражданъ, не были людьми, отчего они и должны были нарядиться звѣрями. Въ такихъ нарядахъ новички, съ смиренно опущенными головами, въ полномъ сознаніи своего ничтожества, подходили къ депозитору, который разрисовывалъ имъ ваксой бороды, держалъ къ нимъ рѣчь, задавалъ имъ разные вопросы, заставлялъ ихъ самихъ говорить рѣчи. Когда онъ былъ недоволенъ ихъ отвѣтами, то се

всей силы билъ ихъ колбасой, набитой пескомъ, такъ что у многихъ новичковъ не хватало даже силъ удерживать слезы и рыданія. Вся эта церемонія, какъ и множество подобныхъ ей, вовсе не была шуткой: напротивъ, она точно была предписана обычаемъ, и торжественно, во всѣхъ подробностяхъ исполнялась въ присутствіи декана и огромнаго числа зрителей. Слезы пеналовъ вызывали не сожалѣніе въ публикѣ, а лишь хохотъ и остроты. Процессія эта заканчивалась тѣмъ, что по знаку «депозитора» новички ложились на полъ, головами въ кружокъ, такъ что ноги расходились на подобіе лучей. Затѣмъ ихъ заставляли вертѣться колесомъ, подвергали и множеству другихъ оскорбительныхъ обрядовъ, выражавшихъ покорность старшимъ и полное повиновеніе и подчиненіе имъ въ будущемъ. При всѣхъ такихъ обрядахъ пѣли множество установленныхъ пѣсенъ. Во многихъ университетахъ каждый студентъ-опекунъ получалъ отъ всѣхъ своихъ пеналовъ извѣстное вознагражденіе. Пеналь не только игралъ роль лакея передъ своимъ опекуномъ, но и передъ всѣми студентами: въ церкви пеналы стояли въ особомъ углу, во весь періодъ пенализма они не смѣли носить хорошаго платья и шпаги, должны были прислуживать не только специально назначенному опекуну, но и всѣмъ старшимъ студентамъ: приносить имъ пиво, вино, карты по первому ихъ приказанію. Если у пенала была какая нибудь хорошая вещь и она нравилась кому нибудь изъ старшихъ, онъ немедленно долженъ былъ предложить ему ее, лѣзть для его потѣхи подъ столъ и кричать оттуда по собачьи или по кошачьи, чистить старшимъ сапоги и получать отъ нихъ щелчки въ носъ, оплеухи и удары палкой.

Наиболѣе смиренные изъ пеналовъ, чтобы заслужить расположеніе старшихъ, ходили въ совершенно изорванномъ и грязномъ платьѣ, нападали на рыночныхъ торговцевъ, съ помощью хитрости и всевозможныхъ продѣлокъ обирали ихъ въ пользу своихъ опекуновъ и всячески издѣвались надъ гражданами, которыхъ студенты называли презрительнымъ именемъ «филистеровъ», какими, какъ тогда, такъ и теперь, были для нихъ всѣ нестуденты. Черезъ годъ такой каторги каждый пеналь становился буршемъ, т. е. получалъ всѣ права старшаго студента и въ свою очередь обзаводился пеналами. Впрочемъ пеналовъ, болѣе отличившихся своею покорностью и послушаніемъ старшимъ, производили за отличіе въ бурши и нѣсколько раньше этого срока. Этотъ разгулъ, попойки, дуэли, дикіе, грубые обычаи, притѣсненіе младшихъ старшими, — все это оставило глубокіе слѣды и въ современныхъ нравахъ студентовъ. Вотъ отчасти почему ни наука, ни современныя идеи не могутъ еще и теперь избавить германскіе университеты отъ весьма многихъ печальныхъ явленій въ жизни студентовъ. Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди, а чтобы окончательно выяснить систему пенализма и его ужасныя послѣдствія, скажемъ только, что пеналы въ продолженіе всего года ничѣмъ не могли заниматься, такъ какъ все ихъ время уходило на служеніе старшимъ, которые тиранили ихъ и въ свою очередь тоже ничего не дѣлали, а чтобы убить время затѣвали между собой безконечныя кутежи, дуэли, драки и безобразныя ссоры. Зло пенализма было такъ велико, что всѣ германскія правительства начали рѣшительно дѣйствовать противъ него, издавали эдикты, запрещали принимать на службу бывшихъ пеналовъ. Въ одномъ изъ эдиктовъ въ 1660 г. противъ пенализма его называютъ: «помраченіемъ души, невѣжествомъ разума, растленіемъ тѣла, помойною ямою, дьяволомъ, изгнаніемъ благочестія, гробомъ честности, гангреною скромности», и т. п., а сخورисты, т. е. старшіе студенты, награждены такими эпитетами: «ослы неотесанные, василиски ядовитые, циклопы горластые, пьяницы, обжоры, псы бѣшеные, демоны». Угрозы правительства и самыя строгія мѣры противъ пенализма помогли наконецъ уничтожить это учебное холопство. Однако, хотя въ концѣ, концовъ и уничтожили пенализмъ, но его послѣдствія — безнравственная жизнь студентовъ и ихъ ничегонедѣланіе господствовали

во всей силѣ въ продолженіе всего XVII и XVIII ст. Проводя ночи въ кутежахъ въ своихъ кнейпахъ (нѣчто среднее между трактиромъ средней руки и кабакомъ), студенты выбѣгали гурьбой на улицу, кричали, неистовствовали, мяукали, лаяли, выкрикивали по петушному, бросали въ окна камни и наводили ужасъ на мирныхъ жителей. Протрезвившись днемъ, они не кричали по звѣриному, но выкидывали продѣлки такого же грязнаго характера, такъ какъ они рѣшительно ничѣмъ не были заняты и чрезвычайно рѣдко заглядывали на лекціи. Мы уже знаемъ, что торговцамъ не было отъ нихъ прохода; столько же доставалось и поселянамъ, жившимъ близъ университетскаго города, у которыхъ они крали и калѣчили птицъ, ломали заборы и двери домовъ, разбивали окна. Выведенные изъ терпѣнья поселяне, вооружившись баграми и вилами, нерѣдко выгоняли студентовъ изъ своей деревни.

Хотя съ теченіемъ времени нравы студентовъ замѣтно смягчились, и въ ихъ среду все болѣе проникаютъ идеи XVIII вѣка о братствѣ, равенствѣ, о гражданскихъ добродѣтеляхъ, о республиканскихъ формахъ правленія, но склонность къ кутежамъ, страсть къ празднествамъ съ оригинальными, а подъ часъ и дикими обычаями, любовь къ пестрымъ костюмамъ, разгульной, шумной жизни, дуэлямъ навсегда вкоренились въ ихъ нравы.

Вмѣсто націй уже въ XVII ст. возникли землячества, «Landmannschaften». Разница между тѣми и другими заключалась въ томъ, что первыя были обязательными корпораціями, а вторыя добровольными союзами. Но въ началѣ XIX ст., когда Германія освободилась отъ чужеземнаго владычества, и студенты, сражавшіеся на поляхъ битвы, возвратились въ свои университеты, жизнь землячествъ не удовлетворяла ихъ идеямъ и стремленіямъ, уже болѣе возвышеннымъ и вынесеннымъ ими изъ борьбы. Тогда между ними образовалось общество, называвшееся «общегерманское студенчество» (Allgemeine deutsche Burschenschaft). По статуту этого общества всѣ германскіе студенты должны были составлять одно замкнутое и отдѣльное отъ прочихъ гражданъ общество, основанное на единствѣ, свободѣ, равенствѣ всѣхъ буршей и на стремленіи развивать матеріальныя и духовныя силы для служенія общему отечеству—Германіи; члены общества должны были относиться другъ къ другу съ братскою любовію, говорить другъ другу «ты», быть истинными христіанами, соблюдать всѣ христіанскіе обряды и навсегда свято сохранить студенческія связи. Но, признавая равенство и братство всѣхъ буршей, это общество не могло еще отрѣшиться отъ стариннаго представленія о подчиненности и раздѣлило всѣхъ студентовъ на четыре класса. Первое полугодіе каждый членъ общества обязывался пробыть «фуксомъ», потомъ до конца втораго полугодія онъ долженъ былъ носить названіе «брантъ-фукса» и только при началѣ третьяго семестра (полугодія) дѣлался полнымъ буршемъ, со всѣми присвоенными ему правами, съ голосомъ въ общихъ собраніяхъ. Пробывшій въ университетѣ болѣе 3 лѣтъ назывался «головой поросшей мхомъ», «Vermossenes Haupt». Младшіе должны были оказывать старшимъ почтеніе, выслушивать ихъ совѣты, не могли пользоваться всѣми удовольствіями студенческой жизни, напр. президентствовать на собраніяхъ, ѣздить верхомъ въ торжественныхъ кавалькадахъ, быть секундантами въ дуэляхъ и т. п. Это дѣленіе студентовъ на младшихъ и старшихъ существуетъ и въ настоящее время, и отношенія первыхъ къ послѣднимъ хотя и утратили звѣрскій характеръ пенализма, но во многомъ еще и теперь сильно напоминаютъ его. Что же касается до «Allgemeine deutsche Burschenschaft», то правительство Германіи, опасаясь его развитія въ сильно сплоченную, самостоятельную организацію и распространенія между его членами политическихъ тенденцій, стало всѣми мѣрами преслѣдовать его и поощрять вновь появившіяся въ это время корпораціи, которыя придерживались совѣмъ отжившихъ формъ студенчества. Кутежи, дуэли, щегольство, ничегонедѣланіе опять вошли

въ моду въ извѣстныхъ корпораціяхъ, которыя стали носить названія «Corps» — коровъ, существующихъ и въ настоящее время. Въ 1848 году было положено основаніе второму буршеншафству, которое выработало начала, несравненно болѣе опредѣленныя, чѣмъ ихъ собратья въ 1817 году. Члены перваго «Allgemeine deutsche Burschenschaft» были одушевлены неопредѣленными мечтами о свободѣ и равенствѣ, хотѣли остаться въ замкнутомъ кругу, который бы рѣзко разграничивалъ и отличалъ ихъ отъ прочихъ сословій; члены втораго требовали неограниченнаго самоуправленія въ своихъ частныхъ студенческихъ дѣлахъ, участія въ выборѣ университетскихъ властей и исполнѣ свободнаго преподаванія, къ тому же они желали совершенно искоренить специфическій характеръ студентовъ и слить ихъ съ массою народа. Правительство съ особенною энергіею возстало противъ этого буршеншафства, и оно вскорѣ должно было надолго исчезнуть, послѣ чего исполнѣ восторжествовали коры.

Мы считали нужнымъ, хотя вкратцѣ, изложить исторію германскаго студенчества, такъ какъ ихъ прошлая жизнь оставила глубокіе слѣды на современныхъ нравахъ академическихъ гражданъ.

Въ настоящее время студенты каждаго университета дѣлятся на двѣ, приблизительно равныя по численности, группы: на *цвѣтныхъ*, раздѣляющихся на нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ или корпорацій, отличающихся другъ отъ друга своими цвѣтными шапочками и грудной лентой, и на *обыкновенныхъ студентовъ*, не принадлежащихъ ни къ одной корпораціи. Студенты корпоративные занимаются несравненно лѣннѣе, рѣже посѣщаютъ лекціи, болѣе предаются кутежамъ и попойкамъ, чѣмъ студенты обыкновенные. т. е. некорпоративные, между которыми гораздо болѣе дѣльныхъ молодыхъ людей, усидчиво занимающихся не только своими лекціями, но и своимъ образованіемъ вообще. Корпоративные студенты щеголяютъ своимъ платьемъ, прической, манерами, хвастаютъ кутежами; къ нимъ принадлежатъ по большей части люди богатые и обезпеченные, а къ студентамъ некорпоративнымъ такіе, которые вступили въ университетъ съ единственною цѣлю—работать; они нерѣдко увлечены искреннею любовью къ наукѣ. Впрочемъ случается, что молодой человекъ, окончившій курсъ въ гимназіи, поступаетъ въ университетъ въ какую-нибудь корпорацію, семестръ-другой ничего не дѣлаетъ, а только кутить съ товарищами, а затѣмъ переходитъ въ другой университетскій городъ, гдѣ уже не приписывается ни къ одной корпораціи и начинаетъ сильно штудировать. Кстати замѣтимъ, что германскій студентъ, учившійся въ одномъ какомъ-нибудь университетѣ, явленіе исключительное: обыкновенно штудируютъ въ двухъ, трехъ и болѣе университетахъ. Каждый студентъ пользуется правомъ избрать какой угодно университетъ и можетъ переходить изъ одного въ другой, когда ему вздумается. Иной и переходитъ изъ одного университета въ другой, съ однихъ курсовъ на другіе и совершенно серьезно проштудируетъ множество предметовъ, прослушаетъ многихъ профессоровъ. Но здѣсь весьма много и такихъ студентовъ, которые переходятъ изъ корпораціи одного университетскаго города въ другую, вездѣ отчаянно кутятъ и окончательно оставляютъ университетскія стѣны уже людьми пожилыми, круглыми невѣждами и съ пошатнувшимся здоровьемъ. Бывали случаи, что такіе студенты проводили въ университетѣ до 50 семестровъ (полугодій) и праздновали 25-лѣтній юбилей своего вступленія въ ту или другую корпорацію.

Въ группѣ цвѣтныхъ студентовъ особенно выдѣляются двѣ категоріи корпорацій: 1) коры (corps), о которыхъ мы упоминали выше, представляющіе собой аристократическое начало, такъ сказать, консервативный, юнкерскій элементъ, и 2) буршеншафства (Burschenschaften)—демократическое начало; первые обыкновенно богаче вторыхъ, за то вторые многочисленнѣе. Корпораціи этихъ двухъ категорій обыкновенно находятся

въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ между собою. Затѣмъ въ 3-хъ) идетъ рядъ кружковъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Landsmannschaften», землячества, 4) различные союзы по специальностямъ, напр. кружки студентовъ, слушающихъ лекціи по земледѣлію, политической экономіи и т. д., кружки ветеринаровъ, фармацевтовъ и т. п. Студенты этого разряда не составляютъ корпораціи въ точномъ смыслѣ, и ихъ слѣдуетъ отнести къ цвѣтнымъ не по нравамъ, а только потому, что многіе изъ нихъ носятъ внѣшніе отличительные знаки, въ родѣ цвѣтныхъ шапочекъ и лентъ.

Въ одномъ и томъ-же университетѣ можно найти нѣсколько кдровъ, буршеншафствъ, землячествъ, и каждый изъ этихъ союзовъ носитъ свое особое названіе, такъ напр. кдры: норманны, вестфалы, вандалы. Отличительнымъ признакомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ служитъ духъ касты. Такъ напр. одна изъ самыхъ аристократическихъ корпорацій называется «Corps Borussia»: въ нее вступаютъ только тѣ молодые люди, которые могутъ указать на двѣнадцать предковъ дворянъ въ прямомъ восходящемъ колѣнѣ. Къ этой корпораціи принадлежатъ нерѣдко принцы крови. Сначала было одно буршеншафство на всю Германію, но послѣ оно распалось на германовъ съ практическо-политическими тенденціями и на арминовъ съ теоретически-идеальнымъ характеромъ. Впослѣдствіи образовались и другія буршеншафства, изъ которыхъ каждая преслѣдовала какія-нибудь еще болѣе спеціальныя цѣли. Типичную жизнь нѣмецкихъ студентовъ съ оригинальными, средневѣковыми обычаями лучше всего можно наблюдать въ южной Германіи и притомъ въ университетахъ, расположенныхъ въ маленькихъ городахъ. Составляя значительную часть населенія такого города, студенты сознаютъ свою силу и значеніе, тѣснѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, держатся своихъ корпорацій, въ которыхъ вполне сохраняются средневѣковые обряды, и держатъ себя въ отношеніи всѣхъ остальныхъ гражданъ города средневѣковыми баронами-деспотами. Въ маленькихъ университетскихъ городахъ студенты чувствуютъ себя вполне господами, такъ какъ вся обстановка города, жизнь всего рабочаго сословія сложились исключительно подъ вліяніемъ университета и разнообразныхъ потребностей студентовъ. Въ такихъ городахъ, съ утра до поздней ночи, только и встрѣчаешь профессоровъ или студентовъ; лица послѣднихъ немедленно бросаются въ глаза, такъ какъ они вдоль и поперекъ исполосованы шрамами, полученными во время дуэлей. Впрочемъ студента легко отличить и по другимъ примѣтамъ: онъ всегда въ чрезвычайно высокихъ сапогахъ, окруженъ собаками и въ маленькой цвѣтной шапочкѣ. Только подъ вечеръ кучками выходитъ рабочій людъ, цѣлый день работавшій на тѣхъ-же студентовъ. Между магазинами преобладаютъ книжные, съ картинками изъ студенческихъ нравовъ въ окнахъ и на дверяхъ; остальные лавки набиты студенческими вещами: трубками съ длинными чубуками, которыя студенты не выпускаютъ изо рта ни въ своей комнатѣ, ни въ кнейпѣ, толстыми палками съ корпоративными гербами; у сапожника въ окнахъ выставлены высокіе студенческіе сапоги, у портнаго — студенческія куртки и венгерки, у шляпочнаго мастера цвѣтныя студенческія шапочки, у фотографа — карточки студентовъ въ характерныхъ позахъ во время дуэлей, фехтованія, съ кружками пѣнящагося пива въ рукахъ и т. п.; въ желѣзной лавкѣ разставлены всѣ предметы для фехтованія и поединковъ; трактиры другъ передъ другомъ стараются заманить къ себѣ ту или другую корпорацію, наконецъ множество собакъ, которыя бѣгаютъ по улицамъ, почти исключительно студенческія. Днемъ студенты или идутъ къ университету, или возвращаются изъ него, а по ночамъ со всѣхъ сторонъ города несутся пѣсни и крики студентовъ, возвращающихся изъ кнейпы. Всѣ окрестности университетскаго города, самые отдаленные трактиры въ деревняхъ носятъ слѣды посѣщенія студентовъ: на ихъ столахъ и скамейкахъ нацарапаны названія корпораціи, имена пировавшихъ или, наконецъ, имена любимыхъ дѣвушекъ. Весь рабочій и промыш-

ленный людъ такого города старается группироваться поближе къ университету, такъ какъ всѣ содержатели пивныхъ, ресторановъ, харчевенъ, трактиршики, шляпочники, сапожники, бакалейные торговцы, все это живетъ имъ, зависитъ отъ него. Если поставщикъ дурно ведетъ себя, — его прогоняютъ. Часто въ маленькихъ университетскихъ городахъ можно видѣть имена содержателей пивныхъ, вывѣшенные на черной доскѣ, прибитой «къ позорному столбу». Понятно, что каждый житель такого города, будь онъ лавочникъ, домовладѣлецъ, портной или другой какой-нибудь мастеровой, однимъ словомъ, рѣшительно всѣ городскіе обыватели живо интересуются событіями университетской жизни. Вы нерѣдко услышите между ними соболѣзнованіе по поводу смерти того или другаго знаменитаго профессора или сожалѣніе объ его отъѣздѣ въ другой университетскій городъ. Такой фактъ даетъ богатый матеріалъ для разговоровъ подобныхъ людей: повліяетъ ли это событіе на уменьшеніе числа студентовъ въ будущій семестръ, стоитъ ли въ виду этого дѣлать такой же запасъ студенческихъ сапоговъ, какъ въ прошлый семестръ и т. п. Открытіе новой химической лабораторіи, приглашеніе на ту или другую кафедру извѣстнаго ученаго, предстоящій въ университетѣ праздникъ, завтрашній коммершъ, — все это важные вопросы, столько же интересующіе студентовъ, сколько и всѣхъ обывателей маленькаго университетскаго города. То, что дѣлается въ маленькихъ университетскихъ городахъ, не можетъ имѣть мѣста въ большихъ городахъ. Въ Іенѣ и въ другихъ городкахъ граждане академіи ходятъ другъ къ другу въ гости въ халатахъ и туфляхъ, появиться же въ такомъ нарядѣ совершенно невозможно не только въ улицахъ Берлина, но даже въ Лейпцигѣ, Мюнхенѣ и въ другихъ большихъ городахъ.

Теперь перейдемъ къ внутренней, обыденной жизни корпорацій, которая вездѣ и во всемъ носитъ слѣды студенческаго быта давно прошедшихъ вѣковъ. Мы уже знаемъ, что въ каждомъ университетѣ можно встрѣтить нѣсколько корпорацій, и каждая изъ нихъ имѣетъ свое устройство, свои законы или статуты, свои преданія. Статуты корпорацій — священныя постановленія, за нарушеніе которыхъ виновные подвергаются иногда весьма серіознымъ наказаніямъ и денежнымъ штрафамъ. Студентъ, вступая въ ту или другую корпорацію, вноситъ небольшую плату на общія издержки и пользуется всѣми правами и выгодами своего общества. Всѣ полноправные члены корпорацій, т. е. всѣ бурши (новичковъ почти вездѣ называютъ фуксами; послѣ двухъ семестровъ каждый изъ нихъ становится буршемъ), составляютъ изъ себя собраніе, называемое «конвентомъ», который и представляетъ высшую власть. Почти въ каждой корпораціи конвентъ выбираетъ изъ своей среды трехъ сеніоровъ, которые должны наблюдать за исполненіемъ статутовъ; но кромѣ того на нихъ лежитъ множество обязанностей, и всѣ онѣ строго распределены между ними. Первый сеніоръ ведетъ переписку съ корпораціями другихъ городовъ, сносится, въ случаѣ надобности, съ властями, предсѣдательствуетъ въ собраніи буршей и въ кнейцѣ, — однимъ словомъ это самое вліятельное лицо во всей корпораціи. Второй сеніоръ завѣдуетъ дуэлями, третій — хозяйственною частью корпораціи. Всѣ три сеніора представляютъ корпорацію на конвентѣ всѣхъ корпорацій города, такъ называемомъ конвентѣ сеніоровъ. Бурши выбираютъ также представителя фуксовъ, который называется «фуксъ-маіоръ». Фуксы не имѣютъ ни рѣшительнаго, ни совѣщательнаго голоса въ дѣлахъ корпораціи, не имѣютъ права даже присутствовать на конвентѣ буршей. Но съ чиновничьею іерархіею студенческой жизни и ихъ обязанностями мы лучше познакомимся ниже, при описаніи коровъ.

Въ каждомъ университетскомъ городѣ Германіи въ числѣ многихъ корпорацій всегда можно найти два, три кора, которые отличаются другъ отъ друга различными названіями. Каждый коръ имѣетъ свою исторію, свою кнейпу, свой вензель, золотомъ

или серебромъ вышитый на корпоративномъ знамени и нагѣпляемый всюду, гдѣ только можно: на трубкахъ, книгахъ, палкахъ, столахъ, на внутреннихъ и наружныхъ стѣнахъ всѣхъ аудиторій, на оконныхъ рамахъ. Наконецъ каждый корь отличается отъ другаго своими избранными цвѣтами. Однимъ коромъ принять черно-красно-бѣлый цвѣтъ, и онъ вамъ прежде всего бросится въ глаза на маленькой, шитой золотомъ или серебромъ шапочкѣ студента, на рукояткѣ его шпаги, на лентѣ, носимой черезъ плечо поверхъ жилета, на снуркахъ, которымъ обшить его камзолъ, напоминающей венгерку, на знамени корпорации, на переплетахъ его книгъ, въ убранствѣ кнейпы, однимъ словомъ на каждой вещи студента. Даже обычный, будничныи костюмъ корь-студента рѣзко выдѣляется между всѣми: на головѣ его маленькая шапочка какого-нибудь яркаго цвѣта, смотря по корпорации, формою своею напоминающая опрокинутое блюдечко; съ крошечнымъ козырькомъ, а если она безъ козырька, то прикрѣпляется ко лбу снуркомъ, спрятаннымъ на затылкѣ подъ волосами. Такъ какъ такая шапочка вся вышита золотомъ или серебромъ, то стоитъ она очень дорого: отъ 10 до 20 талеровъ. Бархатный камзолъ студента обшить снурками по венгерски, на груди его трехцвѣтная тесемка, надѣтая поверхъ жилета черезъ плечо. Сапоги выше колѣнъ, въ рукахъ основательная палка съ набалдашникомъ, — все испещрено гербами, вензелями, девизами и корпоративными цвѣтами. Каждый студентъ непремѣнно окруженъ собаками. Лицо корь-студента, или корпорала, носить множество шрамовъ, свѣжихъ и подживающихъ, видъ у него всегда гордый, самодовольный; длинные волосы въ беспорядкѣ. «Въ торжественныхъ случаяхъ, при церемоніяхъ, которыя такъ часты въ жизни студентовъ, онъ является въ высокой треугольной шляпѣ, во фракѣ, въ бѣлыхъ замшевыхъ панталонахъ и огромныхъ лаковыхъ ботфортахъ со шпорами; на рукахъ замшевыя перчатки съ запястьями, т. е. съ раструбомъ, черезъ плечо яркій шарфъ съ цвѣтами корпорации, на боку шпага съ громадною цвѣтною рукоятью. Впрочемъ въ такой парадный костюмъ имѣютъ право облачаться только старшіе члены корпорации».

Нынѣшніе коры вообще не многочисленны: 25 человекъ составляютъ уже большую корпорацию. Еженедѣльно, въ назначенный день, въ каждомъ корѣ происходитъ собраніе буршей — «корь-конвентъ», подъ предѣдательствомъ сеніора, для обсужденія различныхъ вопросовъ повнутреннимъ дѣламъ корпорации, напр. объ опредѣленіи и устройствѣ коммерша, о принятіи новыхъ фуксовъ, или о производствѣ выслужившагося фукса въ бурши, о разныхъ случаяхъ по отношенію къ другимъ корпорациямъ. Для обсужденія болѣе важныхъ вопросовъ, касающихся кроровъ вообще, разъ въ недѣлю собирается еще конвентъ, состоящій изъ сеніоровъ всѣхъ находящихся при университетѣ кроровъ. Кромѣ конвента буршей и сеніоровъ, еженедѣльно происходитъ конвентъ фуксовъ, но на немъ фуксы, какъ еще не полноправные члены корпорации, вовсе не имѣютъ голоса и собираются только для того, чтобы безпрекословно выслушать рѣшеніе конвента буршей и конвента сеніоровъ. Всѣ коры, смотря по различнымъ университетамъ, имѣютъ свои особенные законы, правила и постановленія, въ которыхъ, какъ въ духѣ и жизни всѣхъ кроровъ вообще, много общаго, свой пивной уставъ, свой пѣсенникъ, съ которыми долженъ быть основательно знакомъ каждый корь-студентъ.

Вновь вступающему въ университетъ юношѣ, изъявившему желаніе вступить въ ту или другую корпорацию, сеніоръ торжественно, въ собраніи, прочитываетъ уставъ, главные пункты котораго гласятъ, что онъ долженъ оказывать уваженіе буршамъ и не имѣть права, безъ вѣдома одного изъ уполномоченныхъ корпорациею лицъ, давать долгоязыя обязательства. Затѣмъ новичекъ получаетъ спеціальнаго покровителя въ лицѣ одного изъ буршей. Каждый фуксъ долженъ имѣть только одного бурша, но каждый буршъ можетъ имѣть нѣсколько фуксовъ. Отношенія между этими двумя лицами напоминаютъ

собой существовавшие въ средніе вѣка отношенія между рыцаремъ и его оруженосцемъ, съ порядочною дозою пенализма. Буршъ учитъ своего фукса корпораціоннымъ обычаямъ, приучаетъ его драться, показываетъ ему приемы фехтовальнаго искусства, защищаетъ его отъ нападокъ другихъ буршей, нерѣдко дерется за него на дуэли; за то и фуксъ выходитъ на поединокъ за своего бурша, если тотъ вызванъ на дуэль студентомъ не буршемъ. Но еще болѣе священною обязанностью по отношенію къ своему фуксу буршъ считаетъ необходимость приучать его все къ большому употребленію пива и отучать отъ «филистерскихъ замашекъ». Чѣмъ болѣе въ этомъ преуспѣваетъ фуксъ, тѣмъ болѣе приобретаетъ онъ расположеніе старшихъ буршей, тѣмъ быстрѣе растетъ слава его педагога. Но что такое филистерскія замашки? Корпораціонные студенты называютъ «филистерами» всѣхъ нестудентовъ. Терять филистерскія замашки значить съ каждымъ днемъ становиться все болѣе расточительнымъ, умѣть лихо пить, ретиво придерживаться корпораціонныхъ предписаній, любить только свою корпорацію, презрительно, насмѣшливо относиться къ студентамъ, непринадлежащимъ ни къ какой корпораціи, высокомерно и съ чувствомъ собственнаго достоинства держать себя въ отношеніи гражданъ города. Катаясь за городомъ, нанимая лошадей, забирая что-нибудь въ магазинѣ, буршъ обыкновенно безцеремонно обращается къ своему фуксу, заставляя его платить за себя. Въ большинствѣ случаевъ бурши безжалостно обираютъ своихъ фуксовъ и дѣлаютъ это, не только не стыдясь, но хвастаются другъ передъ другомъ, «какъ они ловко отучаютъ своихъ фуксовъ отъ филистерства». Въ этомъ отношеніи фуксы страдаютъ не только отъ своихъ непосредственныхъ покровителей: разъ въ недѣлю, на конвентѣ, фуксовъ экзаменуютъ, но не изъ научныхъ предметовъ, а изъ устава корпораціи; при этомъ за каждый невѣрный отвѣтъ съ нихъ взимаютъ по полъ-талера штрафа. Многіе изъ нихъ не учатъ устава или нарочно плохо отвѣчаютъ, чтобы платить штрафъ, такъ какъ это приносятъ величайшее удовольствіе экзаменаторамъ. Въ одинъ семестръ фуксъ усваиваетъ всѣ добродѣтели истиннаго бурша. Въ началѣ новаго семестра старшіе поручаютъ ему новую обязанность—бѣгать по трактирамъ, гдѣ остановились вновь прибывшіе въ университетъ, и вербовать въ свою корпорацію новыхъ фуксовъ. Онъ знакомится съ юношею, тащитъ его въ кнейпу своего кора, гдѣ сеніоръ оказываетъ всевозможное вниманіе новичку, представляетъ ему въ яркихъ краскахъ всѣ преимущества своей корпораціи и легко выманиваетъ у юноши согласіе поступить въ нее. Фуксы, которые болѣе другихъ сумѣютъ завербовать въ свою корпорацію новичковъ, награждаются особеннымъ расположеніемъ буршей. Но вотъ фуксъ, по окончаніи двухъ семестровъ, становится кандидатомъ въ бурши. Это, какъ и всякое явленіе университетской жизни, сопровождается особой церемоніею, предписываемою уставомъ. Производство совершается въ кнейпѣ. Кандидатъ въ бурши затягиваетъ слѣдующую пѣсню: «не долго, всего два семестра, пробылъ я фуксомъ, никогда не думалъ о бережливости и слѣдовалъ примѣру своихъ товарищей». Ему поютъ въ отвѣтъ: «онъ водилъ насъ на тучныя пастбища и вѣрно служилъ нашему союзу». Послѣ каждая куплета фуксъ долженъ пить по полъ-кружки, передъ первымъ-же куплетомъ и по окончаніи пѣсни по уставу назначена цѣлая кружка. Послѣ этого его торжественно объявляютъ удостоеннымъ званія бурша. Но кандидату въ бурши приходится пить не только во время пѣсни и послѣ нея, но весь вечеръ: прощаніе съ старыми товарищами, поздравленіе новыхъ, всѣ такіе моменты выражаются обильнымъ возліяніемъ, такъ что подъ конецъ вечера онъ уже безъ чувствъ лежитъ подъ столомъ.

Но возвратимся къ студенческой жизни въ корѣ. Такъ какъ въ жизни всѣхъ корпораціонныхъ студентовъ, и особенно корпораловъ, главную роль играетъ кнейпа, то мы прежде всего и познакомимся съ нею. Германская кнейпа вообще представляетъ что-то

среднее между трактиромъ и хорошимъ кабакомъ. Каждый нѣмецъ, начиная богачемъ и кончая бѣднякомъ, любитъ вечеркомъ «кнейпировать», т. е. пить пиво съ пріятелями, добродушно посмѣяться и поострить съ ними, опоражнивая одну кружку за другой. Тоже и въ студенческой кнейпѣ, но она отличается отъ филистерской тѣмъ, что въ нее имѣютъ право входа только студенты известной корпораціи, ихъ гости и люди, прежде принадлежавшіе къ той-же корпораціи. Войдите въ корпораціонную кнейпу, — эту святую святыхъ студенческой жизни. Чѣмъ богаче корпорація, тѣмъ богаче убрана ея кнейпа. При входѣ въ нее прежде всего бросается въ глаза раскрашенный гербъ корпораціи, окруженный трехцвѣтными знаменами, палашами, шпагами, огромными страховыми перьями. Массивныя кружки, буйволовые рога, картины, изображающія группы студентовъ въ характерныхъ сценахъ и позахъ: на дуэли, во время коммерша, съ полными кружками пѣнящагося пива въ рукахъ, на гуляньѣ, окруженные собаками, все это развѣшано по стѣнамъ. Не мало мѣсто занимаютъ и черныя силуэты въ рамкахъ подъ стекломъ, на которыхъ изображены портреты и сцены изъ жизни прежнихъ членовъ корпораціи, когда еще не было фотографіи. Посрединѣ комнаты — большой длинный столъ со скамейками, испещренными вырѣзанными вензелями, различными инициалами и женскими именами. Тамъ и здѣсь виднѣются палки, шпаги, фехтовальные бандажки. Во время корпораціоннаго праздника изъ оконъ кнейпы торчатъ цвѣтныя знамена и значки и цѣлую ночь раздаются пѣсни пирующихъ. Кромѣ основной кнейпы, которая всегда существуетъ у каждой сколько-нибудь многочисленной корпораціи, у очень многихъ изъ нихъ есть еще «Bierdorf» (деревня для пива), т. е. опредѣленное мѣсто для лѣтнихъ засѣданій въ какой-либо изъ окрестныхъ деревень. Въ нѣкоторыхъ корпораціяхъ всѣ члены обязаны собираться въ кнейпу буквально каждый вечеръ, въ другихъ одинъ или нѣсколько разъ въ недѣлю. Кто опоздаетъ нѣсколько минутъ къ назначенному часу или вовсе пропуститъ засѣданіе, на того каждый разъ налагаютъ штрафъ, размѣръ котораго различенъ, смотря по обычаю и зажиточности членовъ той или другой корпораціи и соразмѣрно съ виною преступника. Бѣда, кто хотя разъ проманкируетъ безъ уважительной причины: на него налагаютъ тяжелый штрафъ и косо смотрятъ товарищи. Правила, какъ вести себя въ кнейпѣ, на коммершахъ и различныхъ пирушкахъ, строго опредѣлены уставомъ. Каждымъ пиромъ распоряжается особый председатель, которымъ обыкновенно является сеніоръ. Ему всѣ должны повиноваться безпрекословно. Привычка вносить всюду порядокъ, дисциплину, на все класть штемпель официальной аккуратности и точности, даетъ чувствовать себя даже и на этихъ безшабашныхъ попойкахъ. Большая часть тостовъ, рѣчей, пѣсень происходятъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ, по командѣ, чрезвычайно чинно и торжественно, но когда всѣ совершенно перешьются, необузданная, грубая натура нѣмца беретъ верхъ. Въ каждой корпораціи, какъ мы уже знаемъ, есть свой особый законъ, обязательный обычай (Comment): есть свой особый законъ для дуэлей, при этомъ одинъ для корпораціи, другой для буршеншафтвъ, точно также есть свой особый пивной законъ, «Bier-Comment». Съ этими пивными законами студентовъ легко познакомиться, такъ какъ они изложены въ особыхъ книгахъ, которыя можно купить въ каждомъ книжномъ магазинѣ Германіи. Первое правило каждаго пивнаго закона — пить столько, сколько совѣмъ не переваритъ желудка ни одного иностранца.

Около девяти часовъ вечера корпораціонная кнейпа освѣщена можествомъ огней и наполнена только что собравшимися студентами, которые болтаютъ между собой и всѣ безъ исключенія курятъ трубки, такъ что въ облакахъ дыма невозможно даже рассмотреть лица молодыхъ людей. Но вотъ пробило девять часовъ. «По мѣстамъ!» кричитъ сеніоръ, и всѣ моментально занимаютъ свои мѣста; самъ-же президентъ пирушки

садится въ кресло, въ срединѣ стола. Передъ каждымъ стоитъ уже пѣнящаяся кружка, и въ большинствѣ случаевъ тутъ-же лежитъ маленькая толстенная книжка въ кожаномъ перешлетѣ, — это пѣсенникъ, неразлучный спутникъ германской молодежи. Пиво наливаютъ изъ боченка фуксы, которые на пирушкахъ и праздникахъ обыкновенно играютъ роль лакеевъ, а иногда лакеевъ и шутовъ въ одно и тоже время. «Молчаніе!» провозглашаетъ президентъ; затѣмъ онъ сильно ударяетъ по столу шпагой со словами: «Въ честь открытія кнейны протремъ здоровую саламандру!». При этомъ онъ встаетъ, а за нимъ и всѣ остальные. Большинство пьющихъ рѣшительно не понимаетъ смысла этого обычая, тѣмъ не менѣе каждый разъ въ кнейпѣ, въ честь присутствующаго или отсутствующаго дорогаго члена корпораціи, передъ открытіемъ или закрытіемъ кнейны, пьютъ или «протираютъ саламандру». Обычай этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: послѣ воззванія, сеніоръ спрашиваетъ по латыни: «готовы-ли вы къ совершенію обряда саламандры?». — «Да, готовы», слышится ему въ отвѣтъ. — «И такъ, пусть начнется совершеніе обряда саламандры... разъ, два, три»... Въ это время, когда онъ медленно считаетъ, всѣ кругообразно водятъ кружками по столу (это и есть «трение саламандры») и, послѣ словъ председателя: «теперь пейте», отпиваютъ немного пива изъ кружекъ. «Разъ, два», снова произноситъ онъ, и всѣ выбиваютъ дробь кружками по столу; «три», кричитъ онъ, и всѣ, приподнявъ кружки на воздухъ, сразу опускаютъ ихъ на столъ, затѣмъ торжественно садятся, точно совершивъ дѣло государственной важности. Это и есть обрядъ саламандры. Послѣ такого торжественнаго открытія кнейпы студенты могутъ свободно пить, конечно только соблюдая извѣстныя правила, выпивая отъ времени до времени кружку пива за здоровье того или другаго товарища, что входитъ въ прямую обязанность каждаго. Горе тому, кто при этомъ забудетъ соблюсти предписанныя правила. За здоровье пьютъ, обращаясь по латыни со словами: «на здоровье». Когда хотять выразить особенное уваженіе, говорятъ: «за ваше здоровье съ пѣной» и спиваютъ при этомъ пѣну съ пива. Превосходную степень уваженія выражаютъ тѣмъ, что встаютъ, подходятъ къ лицу, которому желаютъ заявить таковыя чувства, и, чокаясь, говорятъ: «особо за ваше здоровье». Тотъ, за кого пьютъ, отвѣчаетъ: «очень пріятно, благодарю васъ, отвѣчаю вамъ тѣмъ-же». Если многіе студенты пожелають выпить за здоровье одного и того-же присутствующаго за столомъ, то онъ въ свою очередь долженъ немедленно уплачивать «пивной долгъ», т. е. при каждомъ обращеніи выпивать полную кружку пива; если многіе выражаютъ одному и тому же лицу свое вниманіе и уваженіе, то ему въ суммѣ придется выпить чрезвычайно много пива, особенно если вспомнить, что пивныя кружки въ Германіи весьма объемисты и что пить пивныя долги должно въ опредѣленный срокъ. Между выпитыми кружками допускается промежутокъ времени въ пять минутъ; за неточное выполненіе этого правила виновный можетъ быть лишень «пивной чести». Тогда одинъ изъ его товарищей приказываетъ фуксу записать его имя мѣломъ на черную доску, которая тутъ же виситъ въ кнейпѣ. Съ этого времени провинившійся не можетъ ни пить за чье либо здоровье, ни пѣть съ товарищами пѣсенъ. Чтобы снять съ себя такое пятно, нужно выпить залпомъ опредѣленное количество кружекъ пива, съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ. Но если студентъ считаетъ себя неправильно записаннымъ на черную доску, онъ можетъ созвать «пивной судъ». Все, что касается этого «пивнаго суда», точно опредѣлено въ правилахъ. Судъ немедленно, тутъ-же въ кнейпѣ, но за отдѣльнымъ столомъ, открываетъ засѣданіе, пьетъ саламандру, заслушиваетъ истца, отвѣтчика, свидѣтелей и рѣшаетъ, кто правъ, кто виноватъ. Если судъ находитъ, что истецъ виновенъ, его приговариваютъ выпить извѣстное количество пива или записываютъ на черную доску. Но что тяжелѣе всего — виновный несетъ судебныя издержки, т. е. долженъ заплатить за все, что выпили чле-

ны суда во время засѣданія. На рѣшеніе этого суда есть аппеляція въ общій пивной судъ, состоящій изъ представителей всѣхъ корпорацій города, но аппелируютъ очень рѣдко, такъ какъ издержки суда второй инстанціи еще чувствительнѣе.

Но далеко не въ однихъ курьезныхъ обычаяхъ и церемоніяхъ состоитъ времяпрепровожденіе въ кнейпѣ: здѣсь поется много пѣсенъ, то одинъ, то другой рассказываетъ забавные анекдоты, слышится множество шутокъ и остроумій, впрочемъ весьма тяжело-вѣсныхъ, наконецъ все болѣе пьянѣющіе студенты начинаютъ говорить совершеннѣйшіе пустяки; другіе потѣшаются надъ ними, пачкаютъ чѣмъ попало лицо, обливаютъ безчувственно-пьяныхъ съ головы до ногъ пивомъ. Самое лучшее въ кнейпѣ—это студенческія пѣсни. Если въ корпораціи хорошій регентъ, то хоръ достигаетъ нерѣдко замѣчательной стройности. Пѣсни германскихъ студентовъ пользуются большою извѣстностью и отличаются разнообразіемъ; многія изъ нихъ написаны лучшими поэтами въ родѣ Гёте, Шиллера, Кёрнера, Гейне и множествомъ второстепенныхъ, даже и совсѣмъ неизвѣстныхъ поэтовъ. Всѣ эти пѣсни собраны и изданы спеціально для студентовъ; при каждой пѣснѣ указано, на какую мелодію она поется, или тутъ-же напечатаны ноты, если мелодія не общеизвѣстна. Однѣ изъ нихъ прославляютъ отечество, другія воспѣваютъ борьбу за свободу, много такихъ, которыя восхваляютъ германскія доблести, во многихъ выражается готовность принести себя въ жертву на служеніе родинѣ. Нерѣдко и теперь съ воодушевленіемъ поютъ студенческую пѣсню, написанную во время освобожденія: «Студентомъ я былъ вчера,—солдатомъ сегодня. Прощайте, прощайте, студенческая жизнь и вы, бесполезныя книги! Служить своему королю иду я, всегда готовый. И безъ палатки могу я спать тамъ, гдѣ цвѣтутъ красныя розы войны».

Но наиболѣе популярны и любимы тѣ пѣсни, которыя прославляютъ свободу безпечной студенческой жизни, ихъ безшабашный разгулъ, ихъ поединки, пиво, пьянство и ничегонеделаніе. «Нѣтъ въ мірѣ лучшей жизни, какъ жизнь студента: ее создали намъ Бахусъ и Гамбринусъ. Бѣгать по кнейпамъ и пропивать свои деньги—вотъ высочайшее, прекраснѣйшее призваніе. Исчезли деньги—дѣлается складчина, и жизнь идетъ все такъ же весело; нѣтъ гроша въ кошелькѣ,—за то есть кредитъ въ кабацкѣ, и студентъ вѣчно тотъ-же безпечный весельчакъ... Осмѣлся ктонибудь задѣть меня на коммершѣ, — онъ будетъ вызванъ въ ту же минуту! Скажи мнѣ ктонибудь: «ты, братъ, *dummer Junge!*» — и мы въ одинъ прыжокъ очутимся на мѣстѣ поединка, и нашъ *Schleppfuchs* *) тотчасъ притащитъ за нами оружіе на поле битвы: тамъ-то зажужжатъ наши *кварти* и весело засвистятъ *квинты* **), но послѣ первой-же раны ссора уже забыта вѣчно веселымъ студентомъ»... Старикъ отецъ твердитъ: «вѣдь пьянство и бѣганье по кнейпамъ вовсе не поможетъ тебѣ на экзаменѣ!» но онъ при этомъ забываетъ, что онъ уже давно филистеръ и что все имѣетъ свое время. Однако не грѣхъ-ли это, что послѣ десяти семестровъ я не собрался ни на одинъ экзаменъ. Но вѣдь иначе и быть не можетъ! Изъ меня ничего другаго и не выйдетъ, какъ только—вѣчно веселый студентъ».

Есть пѣсни и юмористическаго содержанія. Въ одной изъ нихъ рассказывается, «какъ однажды ихтиозавръ началъ ухаживать за женою плезиозавра и поцѣловалъ ее въ порывѣ страсти». Въ другой повѣствуется, что «въ Аскалонѣ, въ гостиницѣ Черный Китъ одинъ человѣкъ кутитъ уже три дня и три ночи и хозяинъ замѣчаетъ, что онъ ѣсть больше, чѣмъ за сколько въ состояніи будетъ заплатить. Тогда онъ подаетъ своему гостю счетъ на шести табличкахъ, написанныхъ клинообразными надписями. Но

*) Фуксъ, который таскаетъ за студентами шпиги.

***) Фетговальныя термины, обозначающіе самые ловкіе удары шпигой.

гость заявляет, что наличныхъ у него нѣтъ, что они погибли при разрушеніи Ниневіи и хозяинъ выгоняетъ его вонъ съ грознымъ нравоученіемъ, что нужно пожирать лишь столько, за сколько можешь заплатить». Когда студенты порядочно подопьютъ, то тѣ изъ нихъ, которые еще держатся на ногахъ, обыкновенно затягиваютъ: «Я выхожу изъ трактира; однако что за странный видъ имѣетъ улица? Я напрасно ищу ее направо и налево, нигдѣ нѣтъ! Улица, ужъ не пьяна ли ты? Ну а ты, луна, зачѣмъ такъ смотришь на меня? Почему одинъ твой глазъ закрытъ? Ты много выпила, моя старая подруга; луна, ступай ложись спать».

Когда нѣсколько пѣсень спѣто, президентъ приказываетъ иногда принести огромный круговой бокалъ, вмѣщающій цѣлый литръ, который при звукахъ хоровой пѣсни обходитъ всѣхъ присутствующихъ. Очередной долженъ встать и съ бокаломъ въ рукахъ пропѣть какое-нибудь соло. Если присутствующимъ понравилась пѣсня, они хоромъ подхватываютъ послѣдній припѣвъ, во время котораго солистъ долженъ выпить свое пиво и передать бокалъ другому. Не понравилась пѣсня, — и солисту поютъ въ отвѣтъ: «такую свинью, какъ ты, можно найти на каждой навозной кучѣ!» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Иногда вмѣсто пѣсни говорятъ рѣчи, но и онѣ не избавляютъ отъ цѣлага бокала пива. Отъ времени до времени между нѣсколькими студентами затѣвается пари, что они опорожняютъ столько кружекъ пива, сколько пробьетъ часовъ, и дѣйствительно многіе десятую кружку опоражниваютъ въ ту минуту, когда часы бьютъ десятый ударъ. Новичекъ въ кнейпѣ долженъ чокаться и пить брудершафтъ съ каждымъ студентомъ, что даетъ право быть въ компаніи на «ты». Послѣ этого безчисленнаго количества обязательныхъ и необязательныхъ выпивокъ, новичекъ еле держится на ногахъ, — но какъ онъ можетъ не воспользоваться такимъ правомъ? Онъ пьетъ и падаетъ подъ столъ, а за нимъ и многіе изъ его товарищей. Къ нимъ подсакиваютъ еще стоящіе на ногахъ, но большинство, уже пошатываясь изъ стороны въ сторону, кто выливаетъ прямо имъ на лицо пиво, кто придаетъ этимъ, почти полумертвымъ, тѣламъ комическія позы, — однимъ словомъ разгулъ принимаетъ характеръ совершенной распущенности.

Во все время засѣданія въ кнейпѣ мало-мальски серьезный разговоръ строго воспрещенъ. «Gelehrter», насмѣшливо-презрительно кричатъ тому, кто въ этомъ провинится. «Докторъ», не менѣе колко отвѣчаютъ ему, и слово за слово завязывается ссора, которая разрѣшается «пивнымъ поединкомъ», Bier-Mensur. Посредникъ, котораго при этомъ тотчасъ выбираютъ, беретъ двѣ кружки, уравниваетъ количество налитаго въ нихъ пива и вручаетъ ихъ той и другой сторонѣ. Послѣ произнесенной тирады, при известномъ словѣ, оба противника должны разомъ опорожнить свои кружки. Кто успѣлъ выпить первый, остается побѣдителемъ. Практикуются и другаго рода «пивные поединки», когда противникамъ приходится пить уже по четыре кружки за разъ и выбирать не только посредника, но и секундантовъ, какъ при настоящей мензурѣ (студенческая дуэль, поединокъ). При известномъ словѣ секундантовъ, «оба противника глотаютъ кружку за кружкой, а кто раньше ударитъ объ столъ своей послѣдней осушенной кружкой, тотъ одержалъ побѣду, и при томъ не совсѣмъ-то легкую. Часто случается, что при третьей кружкѣ у одного изъ бойцевъ пиво вдругъ фонтаномъ хлынетъ изъ горла и, при неистовомъ хохотѣ всего общества, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдующаго за ходомъ битвы, грязнымъ каскадомъ польется на полъ. И срамъ, и мученье!» Въ одиннадцать часовъ пьется послѣдняя саламандра, и затѣмъ кнейпа считается официально закрытою; но желающіе могутъ оставаться въ ней и послѣ этого: если они будутъ смирно сидѣть, ихъ не потревожатъ ни полиція, ни педея (отставные солдаты, служащіе въ университетѣ и представляющіе нѣчто въ родѣ университетской полиціи). Посидѣвъ въ кнейпѣ еще часть-другой, студенты съ болѣе или менѣе музыкальными способностями и

обладающіе хорошимъ голосомъ, отправляются толпой подъ окно какой-нибудь хорошенькой Лины, обыкновенно дочери профессора, и задаютъ тамъ ночную серенаду. Другіе, выйдя изъ кнейпы, затыгиваютъ во все горло громкія, угрожающія пѣсни и воинственно направляются къ кнейпѣ другой корпораціи. Тѣ, заслышавъ вызывающую пѣсенку, выбѣгаютъ на улицу, и черезъ мѣнуту между ними слышатся колкія насмѣшки, остроты, что обыкновенно оканчивается вызовами на поединокъ. Нерѣдко, засидѣвшись въ кнейпѣ до разсвѣта, тѣ, которые не успѣли свалиться съ ногъ, высыпаютъ на улицу гурьбой и производятъ рядъ всевозможныхъ безобразій: одни тушатъ фонари, выбиваютъ въ нихъ стекла и съ пѣснями погружаютъ ихъ въ рѣку, другіе перемѣщаютъ вывѣски, такъ что булочникъ на другой день оказывается сапожникомъ, фотографъ портнымъ, выдергиваютъ звонки и ручки изъ дверей, опрокидываютъ будки ночныхъ сторожей, стараясь устроить это такъ, чтобы будка упала на дверь и плѣнникъ не могъ выйти безъ посторонней помощи, переносятъ рыночныя шкафчики на другой конецъ города, и при этомъ поднимаютъ стукъ, шумъ, крикъ, бьютъ палками въ доски, однимъ словомъ производятъ кошачій концертъ и безобразничаютъ до тѣхъ поръ, пока педелю или полицейскому не удастся записать въ свою книжку нѣсколькихъ буйновъ.

Описавъ пирушки въ кнейпахъ, мы узнали, какъ у корь-студента проходитъ вечеръ; теперь познакомимся, какъ онъ проводитъ весь день. Кто встанетъ раньше другихъ, бѣжитъ въ фехтовальный залъ и съ часъ упражняется на шлегеяхъ, потомъ отправляется въ кофейню пить кофе. Въ десять часовъ всѣ идутъ въ фехтовальный залъ и фехтуютъ уже подъ руководствомъ учителя. Если время лѣтнее, около полудня всѣ гурьбой отправляются купаться. Послѣ всѣхъ этихъ трудовъ они считаютъ необходимымъ зайти въ кнейпу подкрѣпиться пивомъ передъ обѣдомъ, а затѣмъ уже наступаетъ обѣдъ, за которымъ пьютъ еще болѣе пива, а на югъ и вина. Послѣ обѣда все общество предпринимаетъ какую-нибудь прогулку за городъ, которая непременно оканчивается тоже питьемъ пива въ загородномъ трактирѣ и хоровыми пѣснями «in's Grüne». Только очень немногіе корпоралы иногда забѣгаютъ на лекціи и изрѣдка читаютъ что-нибудь: громадное большинство рѣшительно ничего не дѣлаетъ и проводитъ время такъ, какъ мы только-что описали. Вечеромъ для каждаго корь-студента обязательно сидѣть въ своей корпоративной кнейпѣ. Утромъ, послѣ шумной пирушки, онъ долго лежитъ въ постели, страдая головною болью и «кошачьей тоской» (Katzen-Jammer), развлекаясь своей собакой, которую онъ заставляетъ продѣлывать всевозможныя штуки. Кстати замѣтимъ, что одна изъ характерныхъ чертъ корпоративнаго студента—страсть къ собакамъ, которыхъ каждый имѣетъ по одной, а иногда и по нѣскольку. Въ Германіи существуетъ нѣсколько заводовъ, специально занимающихся разведеніемъ породистыхъ собакъ. Здѣсь въ городахъ почти за каждымъ молодымъ франтомъ идетъ пудель, ньюфаундлендъ или другая какая-нибудь собака. Корпоративные студенты особенно падки на этого рода шикъ. Они не только прогуливаются съ собаками по улицамъ и за городомъ, но пытаются водить ихъ съ собою и въ университетъ. Въ прихожей Іенскаго университета вывѣшено на стѣнѣ объявленіе, что «водить собакъ въ зданіе университета строго воспрещается».

Нерѣдко, не смотря на недугъ студента послѣ вчерашней безобразной попойки, его немедленно требуютъ въ университетъ и сажаютъ въ карцеръ, такъ какъ педель донесъ начальству о его ночныхъ похожденияхъ. Войдемъ въ карцеръ, который играетъ немаловажную роль въ жизни студента: стѣны и вся мебель, исключительно состоящая изъ стола, стула и кровати, раскрашены, исписаны и изрѣзаны именами плѣнниковъ, иногда остроумными эпиграммами, карриатурами, сценами изъ жизни студентовъ, профессоровъ и ихъ дочерей, портретами ректора, декана. Вслѣдствіе этихъ карриатуръ, иногда

весьма остроумныхъ, оригинально исполненныхъ потретовъ и забавныхъ надписей, многіе карцеры приобрѣли извѣстность, и въ маленькихъ университетскихъ городахъ ихъ зачастую показываютъ наряду съ другими достопримѣчательностями города. Самый долгій срокъ карцернаго заключенія— три недѣли, но обыкновенно арестъ ограничивается лишь нѣсколькими днями. Такое заключеніе не отличается особенною суровостью. Наказанный каждый день довольно долго гуляетъ по двору карцера и можетъ получить рѣшительно все: пиво, вино, какой угодно обѣдъ, только все это обходится ему здѣсь гораздо дороже, такъ какъ за все не мало приходится платить служителямъ, къ тому же ему ставятъ въ счетъ отопленіе и освѣщеніе карцера.

Каждый путешественникъ, посѣтившій университетскій городъ, всегда бываетъ пораженъ фізіономіей молодыхъ людей, которыхъ ему приходится встрѣчать на каждомъ шагу: ихъ лица исполосованы вдоль и поперекъ сабельными ударами, носъ нерѣдко совсѣмъ изуродованъ, вездѣ слѣды пластыря: это результатъ мензуры, или студенческихъ поединковъ. Хотя студенты дерутся иногда и на обыкновенныхъ дуэляхъ, но это строго преслѣдуется университетскимъ начальствомъ. Къ тому-же страсть помѣряться силою и похвастаться передъ другими своею храбростью вполне удовлетворяется спеціально студенческою дуэлью, или «мензурою», которая скорѣе напоминаетъ рыцарскіе турниры, чѣмъ настоящую дуэль. Подготовленіемъ къ мензурѣ служитъ фехтованіе, чѣмъ такъ усердно занимаются германскіе студенты. Впрочемъ и мензура официально считается запрещенною, но начальство смотритъ на нее сквозь пальцы, преслѣдуя только поединки, принимающіе опасный характеръ. Въ такихъ случаяхъ педея должны доносить начальству. Педея, накрывшій мензуру, получаетъ по закону въ свою пользу все оружіе. Корпорация обыкновенно выкупаетъ его у него черезъ нѣсколько дней, но это обходится ей весьма дорого: понятно, какъ ея члены заинтересованы, чтобы педея не подстергъ мензуры. Поэтому она всегда происходитъ съ караульными, которыми бываютъ фуксы. Какъ будто прогуливаясь, они обходятъ кругомъ зданіе, гдѣ происходитъ поединокъ, а сами зорко посматриваютъ, не подкрадываются-ли педея. Въ такомъ случаѣ какимъ-нибудь сигналомъ они даютъ знать объ опасности. Однажды, замѣтивъ педея, который, желая подкараулить поединокъ, спрятался въ бочку, студенты опрокинули надъ нимъ эту бочку и продержали его въ ней до окончанія мензуры.

На своихъ поединкахъ германскіе студенты не дерутся на смерть, а обставляютъ ихъ различными предосторожностями, чтобы защититься отъ смертельныхъ и даже опасныхъ ударовъ: это прежде всего и отличаетъ ихъ отъ настоящихъ дуэлей. Поводомъ къ студенческой дуэли служатъ самыя ничтожныя обстоятельства: невниманіе къ поклону товарища, несогласіе во мнѣніи, колкое слово или замѣчаніе. Но студенческіе поединки бываютъ далеко не изъ одной вражды или непріятныхъ столкновеній. Студенты одной корпорации черезъ своихъ властей извѣщаютъ иногда другую корпорацию о томъ, что у нихъ имѣется такое-то число лицъ, желающихъ помѣряться силами въ поединкѣ. Власти съ своей стороны хлопчатъ, чтобы найти въ своей корпорации надлежащее число дуэлянтовъ. Студенты одной и той-же корпорации не имѣютъ права драться между собой, а если они не могутъ избѣжать этого, что впрочемъ случается очень рѣдко, то должны совсѣмъ выйти изъ корпорации и затѣмъ только уже съ большимъ трудомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, могутъ снова вступить въ нее.

Подрасться, хотя одинъ разъ, на студенческой дуэли считается долгомъ чести каждаго корпорационнаго студента: иначе— онъ презрѣнный, жалкій юноша, котораго будетъ третировать каждый товарищъ. Наканунѣ дня, назначеннаго для мензуры, члены той или другой корпорации и ихъ друзья получаютъ приглашеніе присутствовать на поединкѣ, которые происходятъ въ нарочно для этой цѣли на весь годъ занимаемой большой за-

лѣ какого-нибудь загороднаго трактира. Зрителей при такихъ поединкахъ бываетъ чрезвычайно много; нѣкоторыя корпораціи не допускаютъ присутствовать при этомъ студентовъ, отвергающихъ студенческія дуэли, но и безъ нихъ народу много. Всѣ собравшіеся въ залу толкуютъ о предстоящемъ поединкѣ, а до начала этого, столь интереснаго для публики, зрѣлища, по обыкновенію потягиваютъ пиво. Но вотъ первая пара дуэлянтовъ уже въ боевыхъ доспѣхахъ: руки каждаго изъ нихъ забинтованы крѣпкими кожанними ремнями, кисть руки защищена подушечкой, набитой желѣзными колечками, а поверхъ еще натянуты фехтовальныя перчатки; сами бойцы въ холщевыхъ рубашкахъ; подъ лѣвой мышкой у каждаго изъ нихъ подвязана подушка, набитая желѣзными колечками; спереди на груди и ниже до колѣнъ — кожаный передникъ; шея окутана шелковымъ бандажемъ; для защиты глазъ надѣваютъ очки безъ стеколъ, связанныя ленточкою вмѣсто проволоки; на головѣ у фукса фуражка съ козырькомъ до половины носа, а у бурша вовсе безъ козырька; носъ, подбородокъ, щеки и верхняя часть груди открыты. Такой костюмъ чрезвычайно тяжелъ, и непривычнаго дуэлянта товарищи ведутъ подъ руки. Но вотъ бойцы стали другъ противъ друга. Въ серединѣ залы, на разстояніи десяти шаговъ отъ одного до другаго, проводятъ мѣломъ на полу двѣ черты. Такая черта и есть собственно «мензура», которая дала свое имя студенческимъ дуэлямъ. Каждый изъ борцевъ становится въ двухъ шагахъ передъ чертою и долженъ драться по строго-опредѣленнымъ правиламъ. При поединкѣ должны участвовать восемь лицъ: два дуэлянта, два секунданта, два тестанта, т. е. наблюдающіе за исправностью оружія, посредникъ и медикъ. Всѣ заняли надлежащее положеніе: по лѣвой сторонѣ каждаго борца стоитъ его секундантъ, а по правой — тестантъ; посредникъ поодаль съ часами. «Мы готовы», говоритъ секундантъ одной стороны; «мы также», отвѣчаютъ ему, и затѣмъ бойцамъ подають шпаги, и бой начинается. «Стой!» кричитъ одинъ изъ дерущихся, если усталъ, если согнулся влινόкъ или если полученъ черезъ-чуръ кровавый ударъ по носу, въ високъ или щеку; секунданты тотчасъ подскакиваютъ и парируютъ удары. Иногда дуэлянтамъ, изнемогающимъ отъ тяжести облаченія, позволяется отдохнуть, но не долѣе 15-ти минутъ: за всѣмъ этимъ наблюдаетъ посредникъ, и, держа въ рукахъ книжку, записываетъ секунда въ секунду всѣ паузы, а также всѣ раны, изъ которыхъ течетъ кровь, такъ какъ царапины въ счетъ нейдутъ. Только серіозныя раны: почти отрубленный носъ, насквозь пробитая щека дають право прекратить поединокъ раньше назначеннаго времени. Смертные случаи на мензурахъ очень рѣдки, но за то иногда одинъ изъ бойцовъ возвращается домой совершенно безносый. Шрамы считаются до того почетными, что студенты нарочно растрavляютъ царапины, чтобы сдѣлать замѣтными воинственныя рубцы на лицѣ, такъ какъ это нравится нѣмецкимъ барышнямъ.

Корпорационный студентъ ничѣмъ такъ не можетъ заявить себя, никогда не приобрѣтетъ такой любви и уваженія своихъ товарищей, какъ умѣнемъ употреблять пиво болѣе другихъ и храбростью на дуэляхъ. Обѣ эти добродѣтели пользуются между студентами такимъ почетомъ и обожаніемъ, что за отличіе въ нихъ награждаютъ орденами, которые получившій носить съ большою гордостью. На студенческихъ празднествахъ часто можно видѣть студента въ корпоративной венгеркѣ чернаго бархата, въ цвѣтной шапочкѣ на головѣ, съ лентой черезъ плечо и съ грудью, сплошь увѣшанною орденами: звѣздами, крестами и значками различной величины и формы, вырѣзанными изъ жести или изъ другаго недрагоцѣннаго металла, а посреди всѣхъ на широкой цвѣтной лентѣ красуется большое изображеніе пивной кружки, — высшій знакъ отличія. Наболѣе отличившагося въ пивной добродѣтели, передъ началомъ торжественной пирушки, прозываютъ въ «пивные короли» или въ «пивные герцоги». Какое значеніе имѣетъ такой высокій санъ, съ какимъ восторгомъ относятся нѣмцы, даже давно оставившіе стѣны

университета, ко всѣмъ подобнымъ обычаямъ, можно видѣть изъ воспоминаія одного нѣмецкаго студента. «Отправимся скорѣе въ Вѣльницъ (мѣстечко въ горахъ, близъ Іены), гдѣ будетъ избраніе властителя. Нашъ герцогъ—пивной герцогъ; наше царство—пивное царство; пиво—наше оружіе, пивомъ уплачиваются подати и налоги, пивомъ платится все, кромѣ долговъ филистерамъ, такъ какъ долги эти принадлежатъ къ отдѣльному бюджету, который не требуетъ поспѣшности. Какъ могущественъ былъ нашъ пивной герцогъ! Ему дивились всѣ филистеры, всѣ дѣвушки, и даже профессора, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, почтительно давали ему дорогу; самые отважные педеля не рѣшались нападать на него. Особенно величественъ былъ онъ, когда ѣхалъ въ запряженной шестеркой каретѣ на новые выборы. Пестрыя толпы студентовъ, въ ихъ шапочкахъ и лентахъ, спѣшили туда же; безчисленныя кружки пива уже ждали гостей. И вотъ возсѣлъ нашъ герцогъ на свой тронъ, въ коронѣ, со скипетромъ, и не боялся встрѣтить соперника. Годъ тому назадъ онъ выпилъ за разъ 27 кружекъ и получилъ корону,—и кто же теперь сможетъ перепить его, прохитить у него веселое царство! Но земное величіе непрочно! Посмотри, могучій герцогъ, на этого маленькаго, коренастаго бурша: это опасный соперникъ. Смотри, какъ подъ звуки оркестра онъ спокойно осушаетъ кружку за кружкой, и его жажда все растетъ съ каждымъ глоткомъ. Общая пѣсня долго звучала, но становилась все слабѣе и, наконецъ, перешла въ какое-то хрипѣніе, а бой все длился. Нашъ длинный герцогъ уже выпилъ 20-ю кружку, пересчиталъ осушенныя кружки своего маленькаго соперника и съ ужасомъ насчиталъ также 20! Онъ поднялся съ трона, потребовалъ молчанія, хотѣлъ держать рѣчь; но въ то самое время, какъ его врагъ подносилъ ко рту 21-ю, покачнулся, выронилъ скипетръ и рухнулъ на землю. Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса: міру грозила анархія; но нашъ маленький претендентъ тотчасъ объявилъ свои права. Онъ привсталъ и, опершись на стулъ, пробормоталъ: «я... я герцогъ! двадцать семь!» и безъ чувствъ скатился на землю. Его права были тотчасъ признаны всѣми, поднялся радостный крикъ и пошло общее ликование. Немедленно затѣмъ онъ, безъ чувствъ и сознанія, торжественно, съ музыкой, на шестеркѣ въѣхалъ въ свою столицу, какъ нѣкій Бахусъ. Впереди, по сторонамъ скакали верховые фуксы, и хотя покачивались, но ни одинъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Филистеры смотрѣли на новаго властителя съ священнымъ ужасомъ, а дѣвушки съ сладкимъ трепетомъ. Процессія двигалась медленно между толпами народа, и узкія улицы Іены оглашались студенческой пѣсней. Но герцогъ нашъ ничего этого не слышалъ. Слѣдующій день также совершенно исчезъ изъ его календаря, и только на третій день къ обѣду пробудился онъ отъ богатырскаго сна. Онъ правилъ годъ кротко и мудро и оставилъ по себѣ добрыя воспоминанія».

Любовь къ процессіямъ и торжествамъ—характерная черта нѣмцевъ. Всякій, кому придется прожить въ Германіи даже нѣсколько мѣсяцевъ, вполне въ этомъ убѣдится: то происходитъ праздникъ пожарныхъ, то празднуютъ день основанія университета и т. п.; при этомъ, чтобы не устраивали, огромная толпа съ музыкой и знаменами всегда выступаетъ по улицамъ стройной процессіей. «На всѣхъ этихъ торжествахъ и процессіяхъ весьма видную, если не главную роль, играютъ студенты. Одѣтые въ свои нарядные костюмы, въ ботфортахъ и въ шляпахъ съ перомъ, они статно выстраиваются каждый въ своей корпораціи. Начальники верхами, простые пѣшкомъ, слѣдуютъ они за развѣвающимися знаменами своихъ корпорацій, и подъ звуки оркестра, не хуже гвардейскихъ солдатъ, проходятъ церемоніальнымъ маршемъ, распѣвая веселыя пѣсни. Страсть къ знаменамъ повсемѣстно развита въ Германіи. Нѣтъ школы, отъ университета до народнаго училища, нѣтъ союза, рабочаго, ученаго или художественнаго, который не имѣлъ-бы своего знамени, своихъ значковъ, своихъ, иногда очень пышныхъ, девизовъ. И вотъ въ

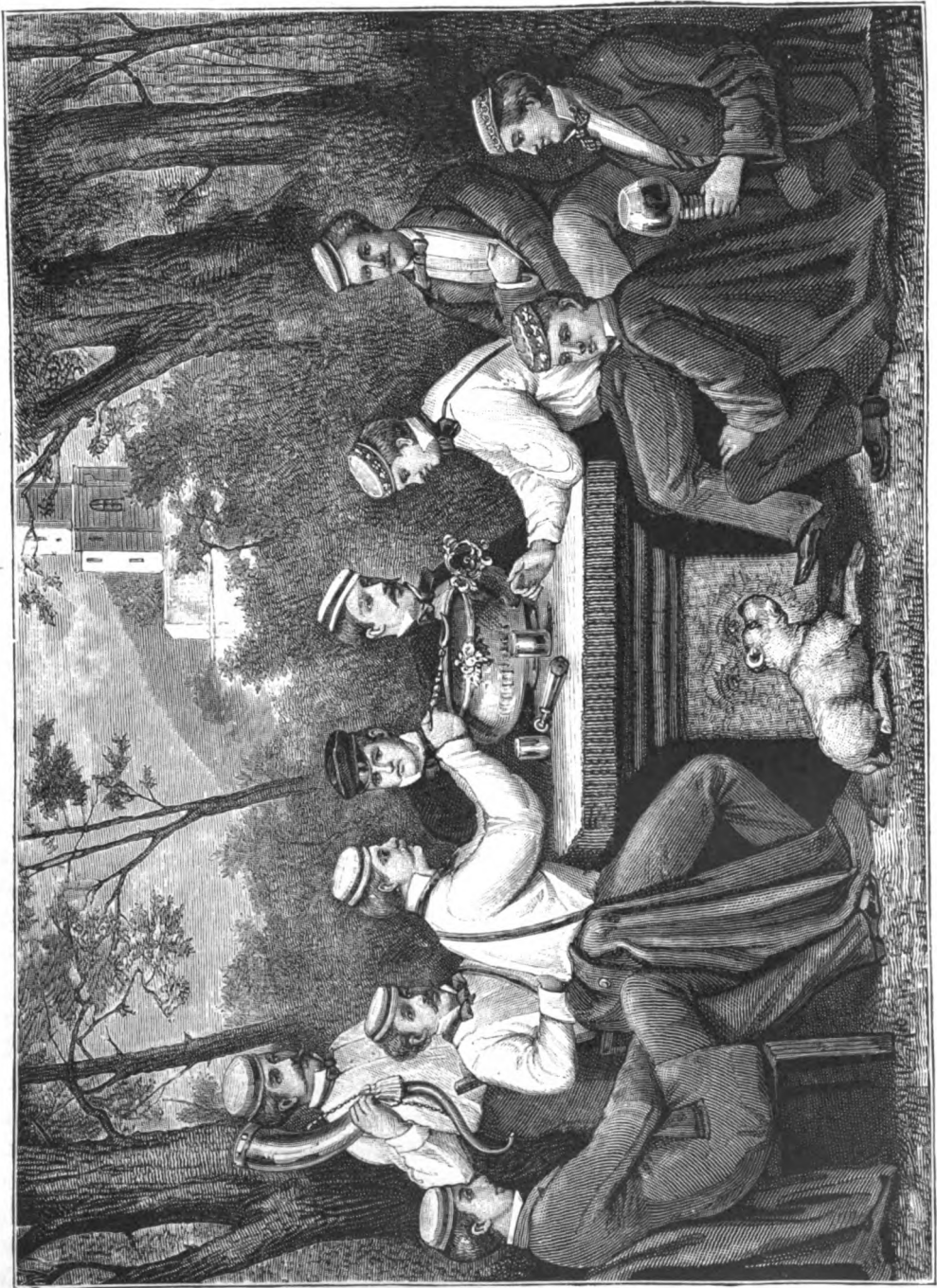
торжественные дни выступают всё эти корпораціи, всё эти союзы во всемъ своемъ величіи и красотѣ... Особенно интересны ночныя шествія съ факелами. Будь то въ годовщину какого-либо историческаго событія или просто въ честь маститаго профессора юбиляра, студенты собираются вечеромъ и, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, въ стройномъ порядкѣ отправляются по улицамъ съ факелами въ рукахъ. Неизбѣжная музыка, а то и громкое пѣніе дополняютъ эффектъ. Жители города съ своей стороны содѣйствуютъ общему веселію! одни иллюминуютъ дома, другіе сжигаютъ бенгальскіе огни предъ главными зданіями города. Мерцающій, красноватый свѣтъ безчисленныхъ факеловъ и длинныя, таинственныя тѣни производятъ какое-то фантастическое, театральное впечатлѣніе. Пройдя по лучшимъ улицамъ, процессія переходитъ на площадь и здѣсь образуетъ изъ себя огромный кругъ въ видѣ движущагося вѣнка блестящихъ огоньковъ; начинаютъ танцовать, кружиться, вызывая аплодисменты и крики радости безчисленныхъ зрителей. Подъ конецъ все общество останавливается, и тутъ, при воцарившемся молчаніи, главный запѣвало могучимъ голосомъ затягиваетъ извѣстную студенческую пѣсню: «*Gaudeamus igitur*». Всѣ, и студенты, и публика, дружнымъ хоромъ подхватываютъ мотивъ, и цѣлое море звуковъ наполняетъ пространство. По окончаніи пѣсни всѣ, по общему знаку, начинаютъ бросать свои факелы въ воздухъ, направляя ихъ въ центральную точку площади. Красивыми ракетами летятъ и кружатся въ воздухѣ дымящіеся факелы, а на томъ мѣстѣ, куда всѣ они падаютъ, мало по малу образуется цѣлый костеръ: съ трескомъ и жаромъ разгорается его зіяющая масса, а темный смолянистый дымъ высоко возносится къ черному какъ уголь небу. Въ пылу веселья студенты начинаютъ метать черезъ огонь свои круглыя, плоскія шапочки. Однѣ, кинутыя ловкою рукою, невредимо проносятся надъ пламенемъ, а другія взлетятъ, взвобьются, но, потерявъ свое вращательное движеніе, прямо падаютъ въ огонь. Крики и смѣхъ сопровождаютъ эту забаву, а когда начнетъ догорать костеръ, публика съ пѣснями расходится по домамъ, студенты же удаляются въ свои кнейпы, чтобы вѣрными пивомъ залить впечатлѣніе дня».

Но еще болѣе всѣхъ процессій любятъ студенты коммерши, которые суть ничто иное, какъ въ одно и то же время попойка въ громаднхъ размѣрахъ и пикникъ «*in's Grüne*» съ самыми разнообразными удовольствіями и торжественными процессіями. На коммерши приглашаютъ очень много гостей и устраиваютъ его обыкновенно въ началѣ и въ концѣ каждаго семестра, въ день основанія корпораціи, въ годовщину университета и т. п. Обыкновенно въ 4—5 часовъ вечера всѣ отправляются въ коляскахъ въ какое нибудь красивое мѣстечко за городъ, гдѣ собственно и будетъ происходить коммершъ. Для самаго пира выбираютъ какой нибудь возвышенный пунктъ съ прекраснымъ видомъ въ даль и болшею частію расположенный въ такой мѣстности, куда можно было бы сдѣлать путешествіе и сухимъ путемъ, и водою. Вотъ боннскіе студенты отправляются праздновать коммершъ на Драхенфельсъ. Впереди верхами ѣдутъ трубачи въ одеждѣ солдатъ XVII в.; за ними торжественно несутъ знамена корпорацій; по сторонамъ, въ видѣ почетнаго караула верхами, ѣдутъ студенты въ парадныхъ костюмахъ; позади тянется длинный рядъ каретъ, въ которыхъ сидятъ студенты въ красныхъ шапочкахъ съ лентами такого же цвѣта, какъ и знамя; сзади, по бокамъ каретъ, ѣдутъ верховые. Окна домовъ и балконы тѣхъ улицъ, по которымъ проходитъ процессія, биткомъ набиты народомъ; дамы бросаютъ студентамъ цвѣты и букеты, тѣ благодарятъ ихъ вѣжливыми поклонами и прижимаютъ букеты къ сердцу. Прежде чѣмъ добраться до Драхенфельса, нужно переѣхать зеленыя волны Рейна. Когда дорога повернула внизъ, процессія остановилась, всѣ вышли изъ экипажей, сошли съ лошадей и съ музыкой и пѣніемъ направились къ рѣкѣ, гдѣ уже ожидалъ паромъ. Лишь только они вошли на него, какъ хоромъ затянули: «тамъ,

гдѣ ихъ старый Рейнъ своими волнами цѣлуетъ покрытые мхомъ развалины старыхъ замковъ, тамъ, гдѣ растетъ сочный виноградъ и сладкое вино скрашиваетъ трудъ виноградаря, тамъ бы я хотѣлъ быть у тебя, отецъ Рейнъ. На твоихъ горахъ хотѣлъ бы я быть! О, еслибъ я тамъ могъ кататься на легкой гондолѣ и вѣчно слушать пѣсню виноградаря, не такія бы во мнѣ зарождались мечты, какъ на плоскихъ берегахъ Плейсы! Тамъ хотѣлъ бы я быть, гдѣ шумятъ твои волны, гдѣ скала за скалой подхватываютъ эхо. Тамъ, гдѣ прекрасныя преданія сѣдой старины невольно увлекаютъ фантазію, тамъ, мнѣ это подсказываетъ мое чувство, прекрасная страна поэзіи! Тамъ хотѣлъ бы я быть у тебя, отецъ Рейнъ, въ чудномъ мірѣ сагъ». Дома на другомъ берегу красиво разукрашены флагами: здѣсь всѣ уже знаютъ о предстоящемъ коммершѣ и желаютъ выказать сочувствіе студенческому веселью. Въ первой попавшей пивной студенты подкрѣпляются пивомъ и отправляются по крутой тропинкѣ вверхъ къ площадкѣ, гдѣ устраиваютъ коммершъ. Ихъ приближеніе тотчасъ замѣчено и ихъ привѣтствуютъ сверху залпомъ изъ карабиновъ. Кругомъ площадки уже разставлены палки, связанные разноцвѣтной гирляндой и украшенные фонарями; посреди развѣвается украшенное гербомъ знамя корпораціи; сбоку расположилась музыка. Столы уже разставлены, и снизу скоро раздастся выстрѣлъ, который долженъ быть служить сигналомъ къ началу коммерша. Стали быстро зажигать факелы и фонари и садиться за столъ. Послѣ рѣчей, тостовъ и опредѣленныхъ пѣсней, за столомъ пошла веселые разговоры. «На томъ островкѣ», повѣствовалъ одинъ почтенный старикъ, «въ мою бытность въ университетѣ, мы должны были драться съ гейдельбергскими швабами. Желтыя шапочки студентовъ другаго города показались подозрительными боннскимъ педелямъ: они угадали, что должна состояться дуэль, и рѣшили напасть на насъ въ расплохъ. Насъ предостерегли и мы, подобравъ оружіе и бандажы, скрылись въ башнѣ монастыря, гдѣ заперли дверь засовами и стали смотрѣть изъ оконъ на подбѣгавшихъ педелей, которые громко кричали, чтобы ихъ выпустили. Мы отвѣчали, что собрались сюда покутить и что къ сожалѣнію не можемъ ихъ пригласить, такъ какъ намъ самимъ мало мѣста. Затѣмъ мы на веревкѣ стали спускаться имъ одну бутылку вина за другой. Они отказывались, но жаръ былъ нестерпимъ, и они, сначала какъ бы не хотая, а затѣмъ и съ радостью, начали опоражнивать бутылки, но, вдругъ спохватившись, встали и побѣжали прочь, боясь нашихъ насмѣшекъ. Тогда мы вышли изъ засады и принялись за дуэль». Послѣ этого пошла исторія за исторіей и разговоръ необыкновенно оживился въ веселыхъ воспоминаніяхъ. Звуки музыки чередовались съ пѣснями: «вся моя жизнь — любовь, наслажденіе и веселая пѣсня! Веселая пѣсня въ веселой груди — отрада жизни. Жизнь такъ измѣнчива: то идешь въ гору, то спускаешься внизъ, сегодня прямо, завтра криво. Вѣчно заботы у всѣхъ, но мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла! Вѣдь и молодое вино выжимаютъ и даютъ, однако оно пѣнится, шумитъ и составляетъ душу праздника! Со мной происходитъ тоже: я предаюсь я шумной любви, и шумнымъ наслажденіямъ! Время печальное: уже заботы проникаютъ въ молодую кровь, туманятъ мою молодую голову, но гдѣ сердце бьется для веселья, тамъ время еще не прошло! Войди, войди, дорогой гость — веселье, приди къ намъ на праздникъ! Что намъ за дѣло до того, что будетъ въ будущемъ, кто держитъ скипетръ! Счастье стоитъ на шарѣ и капризно правитъ всѣмъ. Пусть Вакхъ возьметъ корону, пусть онъ одинъ будетъ королемъ, а его королевой пусть будетъ веселье, и они выберутъ себѣ резиденцію на Рейнѣ. На большой бочкѣ въ Гейдельбергѣ пусть возсѣдаетъ сенатъ, а на замкѣ Юганисбергѣ — премудрый совѣтъ; пусть господа министры возсѣдаютъ въ бургундскомъ винѣ, а военный совѣтъ и парламентъ въ шампанскомъ! Вотъ мы и вылечили больное время, сдѣлали молодымъ старый свѣтъ! Да здравствуетъ новое царство: пьяная отвага — истинная отвага!»

Но вдругъ-распорядитель ударилъ по столу: это было сигналомъ запѣть «Landesvater», которымъ непременно заканчивается каждый коммершъ: его поютъ въ особенно торжественныхъ случаяхъ, въ сопровожденіи оркестра; эта пѣсня всегда торжественно настраиваетъ студентовъ и приводитъ ихъ въ восторженное состояніе; при томъ она сопровождается различными обрядами, что такъ любятъ студенты: «Тихе! вниманіе къ этимъ дивнымъ звукамъ! Я пою пѣснь пѣсней! Внемлите мнѣ, мои нѣмецкіе братья, и вторъ мнѣ, веселый хоръ! Сыны Германіи, да звучитъ могуче ваша родная пѣснь. Отечество, земля славы, прими насъ въ твою святыню, благослови нашъ мечъ! Мы готовы отдать тебѣ все: имущество, жизнь; лишь потребуй, и мы тотчасъ съ готовностью умремъ за тебя, презрیمъ смертельныя раны и муки. Въ комъ нѣтъ этихъ чувствъ, въ томъ нѣтъ истинной нѣмецкой доблести, онъ не долженъ безславить нашъ союзъ, не смѣетъ клясться этой шпагой и осквернять нѣмецкій мечъ. Раздайся же вновь, пѣснь пѣсней! Рости наше нѣмецкое мужество! Берите теперь ваши шпаги и, какъ brave бурши, проколите ими ваши шляпы. Смотрите, какъ блеститъ въ моей рукѣ эта шпага, никогда не оскверненная. Я пронзаю ею мою шляпу и клянусь всегда слѣдовать чести, всегда быть brave буршемъ. Бери свой кубокъ, полный роднаго напитка, мой смѣлый весельчакъ! Возьми свою шпагу въ лѣвую руку, пронзи свою шляпу и пей за благо отчины. Дай-же я опять накрою твою голову и возложу на нее шпагу; да здравствуетъ и этотъ братъ! Негодяй тотъ, кто оскорбитъ его! Пока мы знаемъ его, мы станемъ звать его братомъ; да здравствуетъ нашъ братъ!» При пѣніи извѣстныхъ словъ выполняются обряды, соотвѣтствующіе содержанію: пробуравливаютъ шляпы блестящей рапирой и торжественно нанизываютъ ихъ на нее, а потомъ такъ же торжественно раздаютъ ихъ по принадлежности, держатъ надъ головами поднятую рапиру, горячожимаютъ другъ другу руки. Звуки пѣсенъ умолкли и сразу водворилось молчаніе, точно послѣ нихъ трудно было произнести что нибудь, чтобы не осквернить ихъ величія. Въ эту минуту раздался крикъ распорядителя; это означало, что коммершъ конченъ, а изъ долины вверхъ взвилась ракета, разсыпая надъ скалой свои цвѣтныя звѣзды. На Рейнѣ замелькали огоньки: это факелы перевозчиковъ, которые должны были перевезти студентовъ на другую сторону. Всѣ размѣстились въ лодкахъ, плившихъ одна за другой, каждая съ зажженнымъ факеломъ, а впереди всѣхъ на челнокѣ несли музыканты, освѣщенные множествомъ огней. Въ то время, какъ эта огненная флотилія скользила по темному Рейну при звукахъ бойкихъ пѣсенъ и музыки, съ высоты пускали ракеты и бенгальскіе огни.

Хотя всѣ эти празднества и процессіи несомнѣнно имѣютъ и свою поэтическую прелесть, но всѣ онѣ обыкновенно оканчиваются безобразнымъ пьянствомъ и нерѣдко самымъ возмутительнымъ разгуломъ; такъ и во время праздника, который мы только что описали, въ лодкахъ лежали тѣла перепившихся товарищей въ безчувственномъ состояніи. Между тѣмъ это былъ только первый день коммерша, а они продолжаютъ обыкновенно по три дня сряду и кончаются такимъ разгуломъ, такими похождениями, которые одну половину студентовъ приводятъ въ карцеръ, а другую въ больницу. Если во время коммерша студентамъ приходится остановиться въ гостинницѣ, они переламываютъ кровати, распарываютъ тюфяки, обливаютъ всѣ вещи въ комнатѣ чѣмъ попало, выкидываютъ непозволительныя шалости. Но самая печальная сторона всѣхъ этихъ возмутительныхъ проказъ и безшабашнаго разгула заключается въ томъ, что даже въ послѣдствіи, когда студенты уже оставляютъ стѣны университета, они вспоминаютъ свой разгулъ, который часто причинялъ такъ много горестей другому, не съ краской стыда, а съ величайшей гордостью. Молодой человекъ, вступивъ въ корпорацію, особенно корь-студентовъ, совершенно проникается ея интересами и все свое время проводитъ въ

ухарствѣ, въ забіячничествѣ, щегольствѣ, попойкахъ, кутежахъ и забавахъ самаго предосудительнаго свойства, такъ что въ концѣ концовъ онъ совершенно растрчиваетъ юношескія силы и средства къ жизни и теряетъ всякую способность къ серіозной мысли и серіозному дѣлу. Къ счастью студенты берлинскаго университета представляютъ совершенную противоположность студентамъ небольшихъ университетскихъ городовъ. Берлинскіе бурши—наименѣе эксцентричныя и самыя безобидныя изъ всѣхъ нѣмецкихъ буршей, благодаря тому, что они живутъ въ большомъ городѣ, гдѣ немыслимо какое нибудь рѣзкое отступленіе отъ общественныхъ приличій. Жизнь студента въ Берлинѣ отличается тѣмъ-же безцвѣтнымъ характеромъ, какъ и жизнь окружающихъ его «филистеровъ», къ которымъ онъ здѣсь не выказываетъ никакого презрѣнія. Пѣніе хоромъ на рыночныхъ площадяхъ, веселыя экскурсіи изъ пивной въ пивную, процессіи въ оригинальныхъ костюмахъ, красивыя кавалькады, ночныя серенады у оконъ любимыхъ дѣвушекъ, ежедневныя кутежи въ кнейпахъ и безобразіе послѣ нихъ, однимъ словомъ все то, что такъ выдѣляетъ студента небольшого университетскаго города среди всѣхъ окружающихъ, здѣсь вовсе неизвѣстно. Въ Германіи такъ много людей прошло черезъ безнравственную школу корпораціонной жизни студентовъ, что большинству нѣмцевъ чрезвычайно не нравится скромная жизнь берлинскихъ студентовъ; они горько собогѣзнуютъ, что тамошняя молодежь лишена «поэзіи студенческой жизни» и упрекаютъ ихъ за вредное вліяніе, производимое ими на студентовъ другихъ университетовъ. По этому поводу написано множество статей и брошюръ и, перечитывая ихъ, только болѣе убѣждаешься, что нѣмецъ — человѣкъ крайне самодовольный и близорукій, что и мѣшаетъ ему ясно понимать и давать вѣрную оцѣнку многимъ безобразнымъ явленіямъ въ своемъ отечествѣ. Къ счастью для германскихъ университетовъ, кромѣ берлинскихъ студентовъ, даже въ каждомъ южномъ университетскомъ городѣ существуетъ много студентовъ, которые не принадлежатъ ни къ какой корпораціи. Это обыкновенно люди небогатыя, серіозно занимающіеся дѣломъ; они называютъ «поэзію студенческой жизни» безнравственнымъ и вреднымъ безпутствомъ; не менѣе осуждаютъ они любовь къ формализму, къ дуэлямъ, замкнутость и кастовый духъ корпораціонныхъ студентовъ. Не уважая по принципу крайняго щегольства и не имѣя на него средствъ, они ведутъ жизнь совершенно скромную, и ихъ между всѣми студентами сейчасъ отличишь даже по платью, такъ какъ они носятъ обыкновенно черную одежду и не украшаютъ себя никакими корпораціонными значками, орденами и цвѣтами. Подтрунивая надъ ихъ скромною внѣшностью, корпораціонные студенты зовутъ ихъ «верблюдами», «зябликами» и «дикарями».

Однако необходимо замѣтить, что, кромѣ некорпоративныхъ студентовъ, изъ которыхъ и состоитъ главный контингентъ порядочной серіозной молодежи, есть такія категоріи корпорацій, члены которыхъ ведутъ жизнь несравненно болѣе добпорядочную, чѣмъ корпоралы, напр. буршеншафства. Студенты буршеншафствъ имѣютъ также общую кнейпу, въ которой они тоже любятъ покутить, но собираются въ нее лишь разъ въ недѣлю и при томъ никогда не доходятъ до безобразія корпораловъ; ничегонедѣланіе они не возводятъ въ принципъ, и большинство ихъ аккуратно посѣщаетъ лекціи, много читаетъ и дѣятельно слѣдитъ за газетами. Гдѣ соберутся студенты буршеншафствъ, тамъ между ними, скорѣе чѣмъ между всѣми корпораціонными студентами, можно услышать дѣльный разговоръ, ихъ чаще всѣхъ корпораціонныхъ студентовъ встрѣчаютъ въ аудиторіяхъ и въ университетской библіотекѣ. Каждое, хорошо устроенное буршеншафство имѣетъ хорошую библіотеку, и ея богатствомъ гордятся буршеншафства, жертвуютъ для нея своими послѣдними средствами. Особенно пріятно поражаетъ въ нихъ то, что они сумѣли искоренить въ себѣ обычай, пустившій такія глубокіе

корни въ нравы студентовъ, — обирать фуксовъ и господствовать надъ ними. Не смотря однако на то, что многіе изъ нихъ горячо говорятъ противъ студенческихъ дуэлей, ихъ ненависть къ корпорадамъ такъ велика, что у нихъ происходятъ ссоры съ ними, оканчивающіяся мензурой.

Народное образованіе.

Германія — колыбель народной школы. страна, издавна славящаяся широкимъ распространеніемъ грамотности среди народныхъ массъ. Въ то время, когда еще никто не помышлялъ о народной школѣ, этотъ вопросъ былъ серьезно поднятъ и обсуждаемъ въ Германіи. Это вызвано было причинами чисто историческими: настали времена реформаціи, и грамотность народа явилась однимъ изъ условій ея успѣха. Для послѣдователей реформаціи важно было показать народу, что католичество противорѣчитъ библіи, что жизнь католическаго духовенства идетъ въ разрѣзъ со всѣми христіанскими понятіями о религіи, чести и порядочности христіанина. Для этого прежде всего нужно было распространять грамотность среди простаго народа и употреблять всѣ усилія, чтобы онъ могъ читать библію. «Читайте библію!» постоянно восклицалъ Лютеръ, обращаясь къ народнымъ массамъ. «Господа», говорилъ онъ муниципальнымъ совѣтникамъ германскихъ городовъ: «помните, что Господь ясно повелѣваетъ давать дѣтямъ образованіе. Этотъ священный завѣтъ забывается родителями или по легкомыслію, или по невѣжеству, или по многочисленности ихъ занятій. Вамъ, городскимъ властямъ, предстоитъ обязанность напомнить имъ объ этомъ завѣтѣ и помѣшать возвращенію обычаевъ, отъ которыхъ мы столько выстрадали. Что васъ останавливаетъ? недостатокъ денегъ? Но каждый годъ издерживаютъ громадныя суммы на оружіе, дороги, плотины; отчего не издержать хоть малость на школьныхъ учителей для бѣдной молодежи? Благоденствіе города зависитъ не отъ богатства его жителей, неприступныхъ фортовъ, роскошныхъ домовъ, великолѣпныхъ арсеналовъ: его дѣйствительное благо, сила и спасеніе состоятъ въ образованныхъ, развитыхъ и направленныхъ къ добру гражданахъ. Если же въ настоящее время подобныхъ гражданъ такъ мало, то кто же въ этомъ виноватъ, какъ не вы, городскія власти, которые дозволяютъ молодежи расти, какъ деревья въ дикомъ лѣсу». Проникнутый великимъ значеніемъ грамотности для народа, онъ восклицалъ: «Еслибъ я не былъ проповѣдникомъ слова Божія, то желалъ бы быть школьнымъ учителемъ, и рѣшительно не знаю, который изъ двухъ выше. Народъ не понимаетъ, что онъ обязанъ предъ Богомъ и своими согражданами давать образованіе каждому ребенку и посылать въ школу даже малоспособнаго. Христіанство потому и находится нынѣ въ такомъ упадкѣ, что не заботились о дѣтяхъ; съ воспитанія дѣтей и надо начать дѣло возрожденія».

Итакъ самое страстное стремленіе Лютера было обращено прежде всего на устройство первоначальныхъ, чисто народныхъ школъ. Разумѣется, его стремленія не могли быть тотчасъ осуществлены, но онъ далъ распространенію грамотности самый сильный толчекъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находятся теперь (1876 г.) школы въ Германіи: во всей Имперіи считается болѣе 60,000 первоначальныхъ школъ, посѣщаемыхъ 6.160,000 учениками, т. е. на 1,000 жителей приходится 150 учащихся, тогда какъ всего дѣтей школьнаго возраста приходится на 1,000 жителей — 160; слѣдовательно не хватаетъ только 10 человекъ на тысячу; но зато въ Брауншвейгѣ, Ольденбургѣ, Саксоніи и Тюрингіи на 1,000 жителей приходится 175 учащихся, а въ Прирейнской Пруссіи и Вестфалии 165 учащихся. Однако, нужно замѣтить, что въ Германіи есть и такія мѣстности,

гдѣ на 1,000 жителей приходится 130 учащихся, что находимъ въ Познани, Бранденбургѣ и въ Восточной Пруссіи; въ Баваріи 126, а въ Мекленбургѣ на 1,000 жит. приходится всего 120 учащихся. Нужно замѣтить вообще, что относительно количества школъ и развитія образованія многія небольшія государства Германіи стоятъ несравненно выше Пруссіи. Ежегодные официальные отчеты о грамотности рекрутъ въ Саксоніи и Вюртембергѣ показываютъ, что въ этихъ странахъ за послѣдніе годы число неграмотныхъ вообще было всегда менѣе 1%. Саксонское королевство по прекрасной организации школьнаго дѣла уже издавна считается образцовой страной въ Германіи, за что оно на парижской всемирной выставкѣ 1867 г. получило золотую медаль. И дѣйствительно: со времени реформаціи саксонское правительство не переставало заботиться объ улучшеніи народнаго образованія, увеличивая число народныхъ школъ даже въ такіе годы, когда эта маленькая страна была обременена разорительными налогами. Въ 1813 году она испытывала всѣ бѣдствія войны и была еще занята безчисленными легіонами солдатъ, — тѣмъ не менѣе, по предложенію сейма, въ это время появился декретъ объ основаніи центральной кассы школъ. Это предложеніе было единодушно принято съ восторгомъ, потому что всѣ считали распространеніе элементарныхъ свѣдѣній въ народѣ лучшимъ средствомъ уврачевать бѣдствія, внесенныя войною. Послѣдствія показали, что такое мнѣніе было вполне справедливо. Здѣсь уже издавна съ одинаковымъ рвеніемъ, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ государи, такъ и частныя лица заботились о народномъ образованіи и смотрѣли на него, какъ на величайшее народное благо. И въ настоящее время въ Саксоніи нѣтъ крестьянина, который бы не зналъ, что его отечество по образованію стоитъ во главѣ европейскихъ государствъ, и который не гордился бы этимъ болѣе, чѣмъ военными побѣдами. Хотя въ послѣднее время обыкновенно повторяютъ, что своею блестящею побѣдою надъ французами Пруссія обязана народному учителю, но если пристальнѣе посмотрѣть на дѣло, то окажется, что воспитательныя учрежденія Пруссія далеко нельзя поставить на ряду съ такими же учрежденіями въ Саксоніи и въ Вюртембергѣ. Во всей Германской Имперіи наибольшій процентъ безграмотныхъ находится въ Пруссіи, и знаніе, которое пруссакъ выноситъ изъ школы, ничто въ сравненіи съ знаніемъ молодаго саксонца. Однако нужно замѣтить, что большее число неграмотныхъ въ Пруссіи встрѣчается преимущественно въ восточныхъ ея провинціяхъ, гдѣ много поляковъ и литовцевъ, живущихъ въ бѣдныхъ селеніяхъ, для которыхъ трудно найти хорошихъ учителей, знающихъ мѣстное нарѣчіе. Такъ напримѣръ въ Кенигсбергѣ неграмотныхъ 10½%, въ Познани 14%, а въ Данцигѣ даже болѣе 15%. Въ громадномъ же большинствѣ округовъ чисто нѣмецкихъ процентъ неграмотныхъ рекрутъ несравненно меньше, такъ напр. въ Берлинѣ, Магдебургѣ, Висбаденѣ, Кельнѣ и Трирѣ число неграмотныхъ не превышаетъ 1%.

Обязательность обученія, самая характерная черта народнаго образованія въ Германіи, давно уже легла въ основу школьнаго законодательства. Посѣщеніе школъ дѣтьми обязательно для родителей всѣхъ сословій, даже для странствующихъ актеровъ и для немѣющихъ постояннаго мѣста жительства подъ страхомъ денежнаго штрафа и тюремнаго заключенія. Обязательность первоначальнаго образованія во многихъ мѣстностяхъ Германіи была установлена уже въ первые годы реформаціи. Каждый протестантъ долженъ былъ уметь читать; поэтому во всѣхъ протестантскихъ государствахъ духовенство употребляло всевозможныя усилія для распространенія школъ. Обязательное посѣщеніе дѣтьми школы составляетъ основной принципъ ученія Лютера: «если во время войны можно заставлять гражданъ взять оружіе», говоритъ онъ, «то тѣмъ скорѣе можно заставить ихъ давать образованіе своимъ дѣтямъ, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о борьбѣ уже несравненно болѣе тяжелой, т. е. о борьбѣ съ злымъ духомъ, который витаетъ во-

кругъ насъ, стараясь лишить государство нравственныхъ людей!» Такимъ образомъ обязательность обученія прежде стала закономъ церкви, и только потомъ уже, гораздо позже, а именно. тотчасъ послѣ бѣдствій тридцатилѣтней войны, сдѣлалась закономъ государства. Съ тѣхъ поръ повсемѣстно дѣти какъ людей богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, обязаны ежедневно ходить въ школу, и это сдѣлалось такимъ-же обычаемъ, какъ для отцевъ ходить на работу или на государственную службу. Многіе думаютъ, что еслибы теперь отмѣнили законъ объ обязательномъ обученіи, количество дѣтей, посѣщающихъ школы, не уменьшилось бы, по крайней мѣрѣ, первое время. «Школьная повинность» и «военная повинность» — два термина, которые не сходятъ съ устъ германскаго народа; въ нихъ выражается весь обликъ современной Германіи, на этихъ двухъ базисахъ, наконецъ, какъ думаютъ многіе, опираются прежде всего могущество, сила и значеніе этого государства. На сколько это справедливо относительно воинской повинности, мы уже видѣли выше; теперь поговоримъ о первоначальномъ обученіи. Во всѣхъ государствахъ Германской Имперіи, за исключеніемъ Пруссіи, дѣти обязаны посѣщать школу съ шестилѣтняго возраста; въ королевствѣ же Гогенцоллерновъ имъ позволяютъ лѣниться лишь до пяти лѣтъ. Когда ребенку исполнилось пять лѣтъ, родители обязаны ежедневно посылать его въ школу, или сами учить его грамотѣ, или нанять для этого домашняго учителя. Въ послѣднемъ случаѣ они должны представить свидѣтельство о правоспособности будущихъ учителей для своего ребенка. Посѣщеніе школы въ Пруссіи обязательно для каждаго ребенка отъ 5-ти до 13-ти-лѣтняго возраста, а въ Саксоніи отъ 6-ти до 14-ти: такимъ образомъ всѣ обязаны учиться въ школѣ по крайней мѣрѣ 8 лѣтъ. Ежегодно къ Пасхѣ бургомистръ каждой общины въ Пруссіи составляетъ списокъ дѣтей, которымъ минуло пять лѣтъ. Родителямъ напоминаютъ объ этомъ и если тѣ заявляютъ, что не могутъ исполнять этого требованія, то они обязаны изложить предсѣдателю мѣстной коммисіи причины, мѣшающія имъ исполнить законъ. Ни одинъ фабрикантъ, ни хозяинъ мастерской, ни другой какой бы то ни было предприниматель не имѣетъ права употреблять дѣтей на работы, не обязавшись предварительно посылать ихъ въ школу. На многихъ большихъ фабрикахъ существуютъ школы для обученія дѣтей, тамъ работающихъ. Въ общественныхъ школахъ каждое утро учитель дѣлаетъ перекличку и записываетъ неявившихся на печатную таблицу, а затѣмъ каждую недѣлю отсылаетъ ее къ предсѣдателю мѣстнаго комитета. Тотъ въ свою очередь посылаетъ за родителями неявившихся учениковъ и спрашиваетъ о причинѣ ихъ неявки. Если родители не посылаютъ своего ребенка въ школу и не могутъ представить свидѣтельства о томъ, что онъ получаетъ домашнее образованіе, ихъ немедленно штрафуютъ. Затѣмъ, если по истеченіи нѣкотораго срока оказывается, что ихъ дѣти все еще не посѣщаютъ школы, ихъ штрафуютъ въ другой и въ третій разъ, увеличивая каждый разъ размѣръ штрафа. Если отецъ и послѣ этого не будетъ учить своего ребенка, его подвергаютъ тюремному заключенію, какое бы высокое положеніе онъ ни занималъ. Если родители отказываются отъ штрафа подъ предлогомъ бѣдности, ихъ заставляютъ отработать его. Инспекторъ школъ имѣетъ право подвергнуть экзамену каждаго ребенка, обучающагося на дому, и если онъ найдетъ его отстающимъ отъ своихъ сверстниковъ, онъ можетъ заставить родителей немедленно начать посылать его въ школу; если ребенокъ неаккуратно посѣщаетъ школу и для этого нѣтъ никакихъ уважительныхъ причинъ, его родители точно также подвергаются штрафу, который простирается приблизительно до 10 зильбергрошей за каждый пропущенный день, а въ случаѣ неуплаты штрафа ихъ заключаютъ къ тюрьму. Штрафъ присуждается комитетомъ, надзирающимъ за школами; взысканіе производится, въ случаѣ необходимости, при помощи полиціи, и затѣмъ эти деньги поступаютъ въ кассу комитета. Каждый разъ, когда приходится прибѣгать къ тюремному заключенію или по-

нудительнымъ мѣрамъ для отбыванія виновными работъ, обращаютъ вниманіе на то, чтобы ихъ дѣти въ это время не оставались безъ призора. Въ видахъ увеличенія наказанія нерадивымъ родителямъ, они могутъ быть лишены права пользоваться помощью со стороны общины, которая ни въ какомъ случаѣ не лишаетъ ея ихъ дѣтей во всемъ, что касается образованія; такимъ родителямъ можетъ быть недозволено даже участвовать въ административныхъ дѣлахъ общины, такъ же какъ и исправлять какую-либо должность при церкви или при школѣ. Если, наконецъ, всѣ испробованныя наказанія окажутся недѣйствительными, къ дѣтямъ назначаютъ опекуна для наблюденія за ихъ образованіемъ. Многимъ такіа карательныя мѣры могутъ показаться слишкомъ строгими, но на практикѣ ихъ почти никогда не приходится примѣнять, такъ какъ въ этомъ не оказывается никакой нужды. Въ теченіе года сумма присужденныхъ штрафовъ за несоблюденіе закона безъ уважительныхъ причинъ не превышаетъ 800—900 талеровъ на все населеніе Пруссіи. Изъ сказаннаго ясно, что правительство забираетъ въ свои руки каждаго ребенка, едва онъ только выйдетъ изъ пеленокъ, оставляетъ его подъ своимъ строгимъ надзоромъ въ продолженіе 8 лѣтъ, а затѣмъ черезъ 6 лѣтъ беретъ его снова подъ свою непосредственную опеку, надѣваетъ на его голову остроконечную каску и записываетъ его съ этихъ поръ въ число своихъ защитниковъ.

Результатомъ закона объ обязательномъ обученіи является распространеніе образованія между всеми классами общества въ поразительныхъ размѣрахъ. Каждый нѣмецъ, съ которымъ приходится сталкиваться въ прусскихъ городахъ, какъ бы низко ни было его общественное положеніе, умѣетъ весьма удовлетворительно читать, писать и считать, но вмѣстѣ съ тѣмъ иностранецъ скоро замѣчаетъ, что грамотность здѣсь далеко не имѣетъ того смягчающаго вліянія, которое ей такъ многіе приписываютъ. Напротивъ того: грубость, драчливость и невѣжливость пруссаковъ даютъ себя чувствовать каждому, долго прожившему въ Пруссіи. Это объясняется тѣмъ, что цивилизующее вліяніе на нравы имѣетъ столько же общественная жизнь и общественныя учрежденія, сколько и грамотность, безъ которой, во всякомъ случаѣ, грубость пруссаковъ давала бы себя чувствовать еще сильнѣе. Къ тому же недостатокъ цивилизующаго вліянія грамотности въ Пруссіи отчасти зависитъ отъ самой постановки школьнаго дѣла, какъ мы это увидимъ ниже.

Характеръ, духъ и направленіе всего обученія въ германской народной школѣ педагогически послѣдовательно поддерживается и непоколебимо твердо зиждется на слѣдующихъ трехъ основаніяхъ: 1) на строго религіозномъ образованіи, 2) на національномъ, чисто патріотическомъ направленіи и 3) на строгой классной и умственной дисциплинѣ, такъ какъ школьная дисциплина должна быть здѣсь приготовленіемъ къ военной дисциплинѣ. Организациія германскихъ школъ проникнута тѣмъ же духомъ, какъ и организациія арміи: въ ней господствуетъ тотъ-же порядокъ, доведенный до мелочности и педантизма; таже дисциплина, которая хотя и приучаетъ къ повинновенію и къ точному выполненію своихъ обязанностей и приказаній начальства, но совершенно убиваетъ творчество, самобытность, индивидуальность ребенка и духъ инициативы.

Какъ въ протестантскихъ, такъ и въ католическихъ земляхъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Германіи самое большое вниманіе обращено на религіозное образованіе въ народныхъ школахъ. Народное образованіе въ Германіи, какъ мы уже знаемъ, есть дитя протестантизма, и протестантское духовенство уже издавна употребляло всѣ усилія, чтобы удержать свою власть и вліяніе надъ первоначальными школами. Въ началѣ въ школахъ обучали только одной религіи: умѣть читать и понимать библію долго было единственною цѣлью образованія. Школы, основанныя въ католическихъ странахъ и присоединенныя къ старой протестантской Пруссіи, были, согласно съ тѣмъ-же при-

ципомъ, тоже строго религіозными. Однако, оставаясь всегда на почвѣ чисто религіозной, германскія школы въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. мало-по-малу начали усваивать просвѣтительныя идеи великихъ педагоговъ того времени, но знаменитые школьныя уставы 1853 г., называемые регулятивами, положили конецъ всякому умственному развитію и просвѣтительному вліянію, построивъ все образованіе на узко-религіозныхъ, патріотическихъ принципахъ. Такое направленіе, внесенное регулятивами, господствовало въ школахъ до самаго послѣдняго времени, а именно до 1872 г. Регулятивы предписывали учителямъ все преподаваніе вести исключительно съ церковной и узко-патріотической точки зрѣнія; при этомъ самое широкое мѣсто было отведено библейской исторіи, молитвамъ, катехизису, духовнымъ пѣснямъ, гимнамъ. Ученики должны были выучивать наизусть почти всю литургію и всевозможныя библейскія изрѣченія. Особенно много приходилось зубрить ученикамъ по субботамъ: въ этотъ день они обязаны были заучивать наизусть евангеліе, которое будутъ читать въ церкви на слѣдующій день, прочесть множество псалмовъ, изрядное количество главъ изъ Новаго Завѣта. Самое вредное вліяніе регулятивовъ заключалось въ томъ, что они обязывали учениковъ долбить на память такую массу матерьяла, который окончателно засорялъ ихъ память и останавливалъ умственный ростъ. Правда, ученикамъ, кромѣ религіозныхъ предметовъ, давали нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи, географіи, физики, естественной исторіи, но изъ географіи и исторіи учитель выбиралъ лишь такіе очерки, которые исключительно возвеличивали его родину на счетъ другихъ государствъ, внушали вѣрнопоподданическія чувства преданности королевской фамиліи. Относительно физики и естественной исторіи онъ довольствовался тѣмъ, что сообщалъ нѣсколько метеорологическихъ свѣдѣній и объяснял назначеніе и устройство самыхъ обыкновенныхъ инструментовъ: барометра, термометра, компаса и т. п. Школа должна была прежде всего развивать и воспитывать безусловное, слѣпое повиновеніе, приучать къ моментальному и самому точному выполненію всѣхъ школьныхъ предписаній, всѣхъ распоряженій начальства. Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе вникаешь въ воспитаніе и образованіе въ германскихъ школахъ, какъ оно было предписано регулятивами 1853 г., тѣмъ болѣе кажется, что дѣло въ нихъ идетъ не о развитіи челоуѣка, не объ образованіи народа, не о подготовленіи его къ честному, плодотворному труду, а о созданіи такихъ субъектовъ, которые послѣ школы на всю жизнь должны будутъ сдѣлаться монахами и солдатами въ одно и то же время. И какіе странные результаты, какая иронія судьбы: при этомъ исключительно религіозномъ образованіи, господствовавшемъ въ странѣ до 1872 г., и глубоко религіозномъ направленіи, которымъ проникнута школа съ самаго ея основанія до настоящей минуты, здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, распространенъ религіозный индифферентизмъ, въ странѣ этой болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, атеистовъ, какъ это уже указано нами въ предъидущихъ очеркахъ.

Въ послѣднее время правительство, опасаясь, чтобы духовенство не превратило школу въ орудіе борьбы противъ свѣтской власти, начало мало-по-малу ослаблять его вліяніе, и наконецъ въ силу закона, ватированнаго палатами въ 1872 г., рѣшилось довѣрить свѣтскимъ властямъ наблюденіе надъ школами, предоставленное прежде пасторамъ. Вотъ текстъ этого закона: «наблюденіе надъ всѣми образовательными и воспитательными заведеніями, общественными и частными, принадлежитъ государству. Слѣдовательно всѣ власти и должностныя лица, которымъ поручено это наблюденіе, будутъ дѣйствовать отъ имени государства». При этомъ былъ предоставленъ нѣсколько большій просторъ свѣтскому преподаванію и сокращено количество часовъ, опредѣленныхъ для занятій Закономъ Божіемъ. Такимъ образомъ на образованіе учениковъ народныхъ школъ въ самое послѣднее время обращено большее вниманіе, но характеръ обученія

остался тотъ-же, т. е. теперь, какъ и во время господства регулятивовъ, прежде всего преслѣдуютъ узко-патріотическія и религіозныя цѣли.

Весьма видную роль въ народной школѣ, какъ и прежде, играютъ гимнастика и хоровое пѣніе. Нѣмцы издавна считаютъ пѣніе однимъ изъ важныхъ элементовъ воспитанія. Начиная съ ранняго дѣтства, обученіе пѣнію продолжается въ теченіе всего учебнаго курса, и вслѣдствіе постояннаго упражненія пріобрѣтается большая привычка и навыкъ, что развило въ нѣмецкой молодежи музыкальный смыслъ и вкусъ до такого совершенства, какого не достигла до сихъ поръ ни одна нація. Если обратить вниманіе на росписание часовъ занятій въ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ готовятъ будущихъ учителей народныхъ школъ, то съ перваго взгляда можно подумать, что передъ вами программа консерваторіи. Изъ этого росписанія мы узнаемъ, что пѣнію посвящаютъ здѣсь въ первый, во второй и третій годъ 2 часа въ недѣлю; теоріи музыки въ первый годъ 1 часъ, во второй — 2, въ третій — 1 часъ въ недѣлю; игръ на скрипкѣ въ первый, во второй и третій годъ по 1 часу въ недѣлю; игръ на фортепіано въ первый годъ по 1 часу въ недѣлю; игръ на органѣ по 1 часу въ недѣлю во второй и третій годъ. Кромѣ того, по вечерамъ ученики упражняются въ хоровомъ пѣніи. Ученика совсѣмъ не примутъ въ учительскую семинарію, если у него нѣтъ природныхъ наклонностей къ музыкѣ и пѣнію, что должно быть засвидѣтельствовано при вступительномъ экзаменѣ двумя хорошими музыкантами-экзаменаторами. Съ перваго же года воспитанникамъ даютъ въ руки музыкальныя произведенія Гайдна, Генделя, Мендельсона; потомъ они изучаютъ гармонію и въ концѣ-концовъ они должны умѣть сочинять небольшія музыкальныя пьесы для органа сельской церкви. Нѣмецкіе педагога смотрятъ на пѣніе и музыку не только, какъ на средство смягчать нравы, но преслѣдуютъ при этомъ и чисто практическія цѣли: ученики семинарій и народныхъ школъ должны заучивать извѣстное число духовныхъ и патріотическихъ пѣсенъ, а хоровое пѣніе, какъ извѣстно, служить лучшимъ проводникомъ идей, выраженныхъ въ пѣсняхъ.

Замѣчательному порядку въ народныхъ школахъ сильно содѣйствуетъ дисциплина, основаніемъ которой служитъ слѣдующее: 1) Установить такой однообразный, строгій порядокъ въ классѣ, при которомъ преподавателя не отвлекало бы отъ предмета никакое нарушеніе разъ установленныхъ правилъ дисциплины. 2) Давать учащимся немного, но чтобы это немного было усвоено ясно и прочно по возможности всѣми, какъ способными, такъ и наиболѣе слабыми изъ учениковъ. 3) Обращать болѣе вниманія на дрессировку способностей, на практическую умѣлость въ томъ или другомъ предметѣ и также на развитіе памяти, чѣмъ на широкое умственное развитіе.

Въ примѣненіи указанной тройкой педагогической цѣли заключаются и преимущества, и недостатки нѣмецкаго воспитанія. Впрочемъ многое здѣсь объясняется нѣмецкими нравами, характеромъ дѣтей, и это надо имѣть въ виду, когда мы встрѣчаемъ въ нѣмецкой школѣ что либо странное, неподходящее къ нашимъ обычаямъ. Учитель, по нѣмецкимъ понятіямъ, замѣняетъ отчасти мѣсто родителя; ему даже въ нѣкоторыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣвицы, какъ отцу, говорятъ *ты*, а отъ родительской руки никакое наказаніе не можетъ быть, по понятію нѣмцевъ, позорнымъ. Съ другой стороны, при медленности и вдумчивости, свойственныхъ нѣмецкой природѣ, здѣшнимъ дѣтямъ не кажется слишкомъ утомительнымъ долго останавливаться на элементахъ знанія, которые, по нашимъ понятіямъ, они сами собою могли-бы усвоить легко и скоро. Мы считали необходимымъ сдѣлать эти два замѣчанія, приступая къ объясненію указанныхъ нами основаній нѣмецкой школы.

Классный порядокъ въ германскихъ школахъ, дѣйствительно, возбуждаетъ удивленіе. Какъ искусный музыкантъ управляетъ оркестромъ, такъ нѣмецкій педагогъ, завѣ-

дую классомъ, все держитъ въ строгой гармоніи. Ни посѣщеніе посторонняго лица, ни другое какое-либо обстоятельство не развлечетъ дѣтей ни на мгновение. Они сидятъ, не шелохнувшись, положивъ руки на столъ, съ глазами, устремленными въ одну точку, то есть къ преподавателю. Чуть кто немножко отвелъ голову или только собирается отвести, преподавателю достаточно едва замѣтнаго знака рукою, чтобы все пришло въ прежнее положеніе. Когда преподаватель спрашиваетъ: «кто можетъ отвѣтить?» желающіе отвѣчать поднимаютъ руку, но ни одинъ не издастъ ни звука прежде дозволенія. Это достигается не одною школьною дисциплиною. Нѣмецкія дѣти уже дома бываютъ значительно вымуштрованы. Впрочемъ маленькимъ дѣтямъ, для которыхъ долгое неподвижное сидѣніе было бы слишкомъ утомительнымъ, дается роздыхъ. Они въ промежуткѣ ученія, примѣрно, чрезъ каждые четверть или полчаса, поютъ пѣсенку, дѣлаютъ извѣстныя движенія, но опять въ строгомъ порядкѣ и по командѣ. Для достиженія этой дисциплины въ нѣмецкой школѣ ничѣмъ не затрудняются. Болѣе шаловливыхъ и бойкихъ преподаватель награждаетъ подъ часъ полновѣсною оплеухой, имѣя въ виду произвести быстрое и мгновенное впечатлѣніе. Держа постоянно въ рукахъ длинную трость, онъ очень искусно ею распоряжается. Она служитъ ему и для указокъ при объясненіяхъ, и для того, чтобы мимоходомъ, безъ всякихъ словъ, хлестнуть по рукамъ того, кто чѣмъ нибудь развлекся; а руки каждый долженъ держать на столѣ, какъ удобную для этого цѣль. Нерѣдко преподаватели и очень безцеремонно пользуются своимъ правомъ наказанія, таская учащихся за волосы, за уши, даже за щеки. Другіе въ этомъ случаѣ слѣдуютъ очень строгой системѣ, назначая въ наказаніи множество ступеней: 1) устремленный на виновнаго взоръ, 2) выговоръ наединѣ, 3) выговоръ при всемъ классѣ, 4) наказаніе въ уголъ, 5) неожиданная пощечина, или, какъ нѣмцы называютъ, «моментальное потрясеніе», 6) исключеніе изъ школы на время, и т. д. Всѣ эти карательныя мѣры имѣютъ множество подраздѣленій, смотря по винѣ преступника. Что касается до тычковъ, пинковъ, щелчковъ, трепокъ за вихоръ, ударовъ палкой, которою показываютъ на географическихъ картахъ города и рѣки, то они совсѣмъ не идутъ въ счетъ. Да и кто погонится въ народной школѣ за тычкомъ, когда тычки, оплеухи и удары палкой въ полной силѣ господствуютъ и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Постепенность, послѣдовательность, ясность и точность въ преподаваніи составляютъ особенную заботу нѣмецкихъ педагоговъ, хотя и здѣсь многое доведено до крайняго формализма. Преподаватель очень аккуратно распредѣляетъ время въ классѣ, чтобы переспросить прежній урокъ и задать новый съ необходимыми объясненіями. Объясненія также идутъ путемъ переспрашиванія (катехетика), или, если что преподаватель и рассказываетъ, то рассказываетъ по частицамъ, тотчасъ заставляя учащихся повторять рассказанное. Знаніе должно быть ясно усвоено, и средствомъ для этого служитъ наглядность обученія. Всѣмъ хорошо извѣстны классныя нѣмецкія таблицы, модели, картины, атласы, примѣненные къ этой цѣли; но поводъ къ объясненіямъ даютъ и окружающіе ученика предметы, имъ собранные, или принесенные въ классъ учителемъ, или также наблюдаемые во время прогулокъ. Нѣмецкая школа создала образовательныя прогулки или экскурсіи, пользу которыхъ объяснять нечего. Вообще про нѣмецкую школу, особенно въ сравненіи съ французскою и итальянскою, можно сказать, что она даетъ возможность хорошо усвоить полученныя знанія, но сильно грѣшитъ педантическою мелочностью въ дрессировкѣ ума.

Какъ особенность нѣмецкой школы, отмѣтимъ здѣсь еще два придуманные педагогами предмета: *наглядное обученіе*, не какъ извѣстный только методъ, а какъ совсѣмъ особый предметъ преподаванія, и *отчизновѣдніе*. Наглядное обученіе имѣетъ цѣлю привести въ логическую связь уже отчасти усвоенныя дѣтьми понятія и

также научить правильно называть предметы и их свойства и вообще правильно выражаться. Тутъ дѣло идетъ о дѣтяхъ перваго учебнаго возраста, отъ 6 до 9 лѣтъ, когда ихъ понятія еще очень мало установились и рѣчь очень бѣдна выраженіями. При искусномъ веденіи дѣла, когда преподаватель съумѣетъ живо сообщить при этомъ и нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, постепенно расширяя кругъ дѣтскихъ понятій, это обученіе можетъ быть не бесполезно, особенно что касается упражненій въ языкѣ; у преподавателя же, который только механически повторяетъ то, чему онъ научился въ учительской семинаріи, оно обращается въ мертвый формализмъ, тѣмъ болѣе скучный, что для дѣтей тутъ нѣтъ даже упражненія памяти и не видно никакой цѣли въ повтореніи того, что имъ уже извѣстно. Отчизновѣдніе служитъ къ тому, чтобы отъ изученія ближайшей мѣстности нагляднымъ путемъ перейти къ усвоенію болѣе широкихъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній.

Въ нѣмецкой народной школѣ научаются совершенно правильно и красиво писать, быстрому изустному и письменному счету и приобрѣтаютъ важнѣйшія фактическія знанія по естествовѣднію, по географіи и исторіи, послѣднія обыкновенно въ ложномъ освѣщеніи, такъ какъ при усвоеніи ихъ, какъ мы уже говорили, преслѣдуютъ узкопатріотическія и религіозныя цѣли. Къ тому-же какъ по географіи, такъ и по исторіи, даже и въ высшихъ школахъ, очень мало обращаютъ вниманія на живую характеристику мѣстностей, на народную жизнь, на характеристику историческихъ дѣятелей и эпохъ. Большею частію ограничиваются сообщеніемъ голыхъ фактовъ, правда, въ строгой системѣ, но не останавливаясь на внутреннемъ ихъ значеніи. Нѣмецкая литература очень богата популярными сочиненіями по географіи и исторіи, дающими не перечень фактовъ, а живое знаніе. Но въ школѣ считаютъ необходимымъ сообщить наибольшее количество фактовъ, предоставляя усвоеніе ихъ смысла дальнѣйшему самообразованію. Вообще можно сказать, что учащійся въ народныхъ школахъ Германіи (за исключеніемъ Саксоніи и Вюртемберга, гдѣ дѣло первоначальнаго образованія идетъ несравненно лучше и ученики выносятъ болѣе основательныя знанія) приобрѣтаетъ менѣе свѣдѣній, чѣмъ сколько можно было бы ожидать, судя по продолжительности обученія.

Такимъ образомъ нѣмецкая школа, давая уму строгую дисциплину, обогащая учащагося значительнымъ количествомъ фактическихъ знаній, собственно говоря, ограничиваетъ развитіе узкими, буржуазными потребностями. Изъ нея выходятъ люди, вполнѣ законченные въ извѣстномъ отношеніи, но безъ той искры божіей, которая заставляла бы ихъ стремиться далѣе на пути развитія, и законченность образованія здѣсь граничитъ очень часто съ неподвижностью и тупостью. Жизнь, которая открывается передъ молодымъ человѣкомъ, окончившимъ курсъ, тоже представляетъ мало элементовъ для его развитія.

Вотъ почему Германія, не смотря на широкое распространеніе грамотности среди народныхъ массъ, не смотря на безчисленныя элементарныя школы, на множество образцовыхъ учебныхъ заведеній, богато обставленныхъ университетовъ съ профессорами, пользующимися всесвѣтною извѣстностью, всегда стояла въ политическомъ отношеніи гораздо ниже Англіи съ ея массой безграмотнаго люда.

СЕРБЫ-ЛУЖИЧАНЕ.

Прошлое и настоящее сербов-лужичанъ. — Возрожденіе ихъ народности. — Народные руководители и ихъ дѣятельность. — Языкъ и литература.

Сербы лужицкіе — малочисленная вѣтвь славянскаго племени; теперь она представляетъ уже небольшой остатокъ когда-то обширнаго славянскаго населенія, покрывавшаго сѣверъ нынѣшней Германіи. Издавна славяне эти были извѣстны подъ общимъ именемъ вендовъ, сербовъ или сорбовъ, но съ теченіемъ времени ихъ стали называть лужичанами и такъ называютъ ихъ и въ настоящее время.

Уже въ XI в. лужичане потеряли свою племенную самостоятельность, и земля ихъ стала переходить изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, не раздѣлилась между Саксоніей и Пруссією, которымъ они принадлежатъ и теперь. Въ этихъ двухъ странахъ сербовъ находится по однимъ свѣдѣніямъ 136,000, по другимъ—до 160,000; изъ нихъ 100,000 живетъ въ Пруссіи, остальные въ Саксоніи. Они дѣлятся на два племени—*верхнихъ* и *нижнихъ* лужичанъ; одна только половина Верхней Лужицы остается составною частью Саксонскаго Королевства, тогда какъ другая половина ея и вся Нижняя Лужица принадлежатъ королевству Пруссіи.

Онѣмечить каждый поработенный народъ и уничтожить всякую его національную самобытность—испоконъ вѣка первое стремленіе нѣмцевъ, главная цѣль, для достиженія которой они ни передъ чѣмъ не останавливаются. Тоже самое повторилось и съ сербами: страшный произволъ нѣмцевъ и гнетъ экономической и нравственной скоро заставили ихъ выселяться съ родины цѣлыми тысячами; ихъ города и отнятыя земли все болѣе занимали нѣмцы, и поработенные сербы стали жить преимущественно въ деревняхъ. Крайне угнетаемые во всѣхъ отношеніяхъ, они все болѣе онѣмечивались и забывали свой родной языкъ, который къ тому же стали изгонять изъ судовъ. Между обоими народами возникла такая непримиримая вражда, что существовало даже постановленіе, «чтобы сербъ противъ нѣмца и обратно не могъ свидѣтельствовать въ судѣ, такъ какъ извѣстно, что каждая сторона, ко вреду другой, готова подтвердить присягой всякую неправду». Къ XVI столѣтію сербо-лужицкая народность была въ совершенномъ упадкѣ, но реформація нѣсколько пробудила народное самосознаніе. Большая часть народа приняла ученіе Лютера, и теперь всѣ сербы-лужичане протестанты, за исключеніемъ 12,000, исповѣдывающихъ католическую религію. Желаніе утвердить распространившійся протестантизмъ заставило обратиться къ народному вендскому языку, и съ этого времени начинаютъ появляться въ рукописяхъ переводы св. писанія, молитвы, духовныя пѣсни, гимны, проповѣди, а затѣмъ и печатныя книги. Тѣмъ не менѣе

не только въ XVI, но въ XVII и даже въ XVIII в. вся литература сербовъ-лужичанъ носила чисто религіозный характеръ. Но какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, наиболѣе важнымъ средствомъ для сохраненія народности служила проповѣдь. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ былъ проповѣдникъ, говорившій проповѣди на народномъ языкѣ, народъ не онѣмечивался; но лишь только его мѣсто занималъ нѣмецкій пасторъ, прихожане мало-по-малу забывали свой народный языкъ и чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ начинали говорить исключительно понѣмецки. Разъ это сдѣлалось очевиднымъ, народные патриоты стали устраивать проповѣдническія общества, учреждена была лужицкая семинарія для католиковъ въ Прагѣ, въ которой до сихъ поръ готовятся священники для католическихъ сербовъ; проповѣдническія протестантскія общества открылись въ Лейпцигѣ и въ Виттенбергѣ. Но и эти попытки и предпріятія удавались лишь послѣ тяжелой борьбы, лишений и ряда неудачъ. Сербскіе крестьяне были слишкомъ бѣдны, чтобы посылать учиться дѣтей своихъ; недостатокъ средствъ и людей часто заставлялъ закрывать проповѣдническія общества. Семилѣтняя война, а затѣмъ и длинный періодъ наполеоновскихъ войнъ окончательно разорили народъ, который обѣднѣлъ до послѣдней степени и все болѣе утрачивалъ свою національность. Хотя и до этого времени литература состояла только изъ книгъ духовнаго содержанія, но въ первой четверти нынѣшняго столѣтія и онѣ стали появляться еще рѣже. Образованный лужичанинъ считалъ въ это время для себя высшимъ оскорбленіемъ, если-бы кто-нибудь назвалъ его сербомъ; онъ говорилъ исключительно понѣмецки. Въ гимназіи, даже въ кругу товарищей, не говорили иначе, какъ понѣмецки, и такимъ образомъ съ поступленіемъ въ школу, съ переѣздомъ изъ деревни въ городъ, мальчикъ совершенно забывалъ свой родной языкъ. По вендски (такъ нѣмцы называли славянскую рѣчь) говорилъ только несчастный, доведенный до нищенства сельскій людъ изъ сербовъ. На вендскомъ языкѣ считалось приличнымъ говорить только простымъ мужикамъ. Были цѣлыя, чисто славянскія селенія, у которыхъ богослуженіе совершалось понѣмецки; при каждой народной переписи число людей, называвшихъ себя вендами, все уменьшалось.

Въ это тяжелое для народа время, когда каждый мало-мальски состоятельный сербъ перемѣнилъ даже свою славянскую фамилію на нѣмецкую и дѣлалъ всѣ усилія, чтобы скрыть свое происхожденіе, только одинъ пасторъ Любенскій неутомимо трудился для обработки вендскаго языка и образованія народа: онъ сдѣлалъ новое изданіе библіи, издавалъ книги религіознаго и нравственнаго содержанія, писалъ стихотворенія и духовныя пѣсни, занимался лужицкой исторіей и этнографіей, собралъ богатые матеріалы для грамматики и словаря. Его товарищъ Клинь горячо защищалъ права сербскаго народа. Будучи членомъ земскаго сейма, онъ въ тоже время служилъ въ церковной и школьной администраціи, и когда на сеймѣ въ 1833 году хотѣли совсѣмъ изгнать славянскую рѣчь даже изъ приходскихъ школъ и изъ церкви, онъ горячо возсталъ противъ этого и отстаивалъ народный языкъ въ лужицкой землѣ; позже онъ сдѣлался политическимъ руководителемъ своего народа.

Не менѣе содѣйствовалъ пробужденію народнаго самознанія молодой лужичанинъ Зейлеръ, родившійся въ 1804 и умершій въ 1872 г. Еще будучи студентомъ Лейпцигскаго университета, онъ подбивалъ товарищей разговаривать на своемъ родномъ языкѣ и серьезно заниматься имъ. Тамъ еще до него существовало общество для упражненія въ проповѣдническомъ искусствѣ; теперь оно было возобновлено, и Зейлеръ настоялъ на томъ, чтобы его товарищи-земляки ежегодно въ своемъ кружкѣ произносили для опыта проповѣди посербски. Затѣмъ онъ основалъ еженедѣльный рукописный журналъ «Сербска-Новина», къ сотрудичеству въ которомъ старался привлечь всѣхъ выразившихъ сочувствіе новому дѣлу, понуждая каждого сдѣлать какой нибудь переводъ

на родной языкъ или написать на немъ что-нибудь самостоятельное; самъ онъ много помѣщалъ въ этотъ журналъ своихъ собственныхъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ статей. Этотъ непечатный журналъ имѣлъ огромный успѣхъ и большое вліяніе: переписываемый въ большомъ числѣ экземпляровъ, онъ постоянно ходилъ по рукамъ. Это было время пробужденія народнаго самосознанія и у другихъ славянскихъ народовъ. Идеи горячаго, страстнаго патріота и поэта Зейлера приняли новое направленіе, когда въ Лейпцигъ пріѣхалъ Палацкій, знаменитый чешскій историкъ и народный дѣятель; затѣмъ Зейлеру удалось близко сойтись и съ другими знаменитыми въ то время представителями славянскаго народнаго движенія. Къ тому же онъ побывалъ въ Прагѣ, въ этомъ центрѣ умственной жизни не только чеховъ, но и другихъ возрождающихся славянъ. Онъ горячо принялся за изученіе славянскихъ языковъ и проникся мыслию о необходимости славянскаго общенія. Такимъ образомъ Зейлеръ явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей сербо-лужицкаго возрожденія; его пѣсни дѣлались народными и, какъ поэтъ и писатель, онъ занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ своей литературѣ. Не менѣе огромное вліяніе въ дѣлѣ народнаго пробужденія имѣло также и то, что какъ онъ, такъ и знакомый уже намъ Кливиъ заботились теперь не только о религіозномъ обученіи народа, но и о его свѣтскомъ развитіи и образованіи, стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ вселять въ него любовь и уваженіе къ своей народности и къ славянамъ вообще.

Другимъ дѣятелемъ и горячимъ защитникомъ народныхъ правъ, занявшимъ видное мѣсто въ дѣлѣ народнаго возрожденія, явился Смолеръ. Страстная любовь къ своему народу проявилась у него уже съ юношескихъ лѣтъ: онъ давалъ уроки сербскаго языка тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые его забывали, училъ ихъ роднымъ пѣснямъ. Когда лѣтомъ онъ возвращался на каникулы домой, онъ бродилъ изъ села въ село, записывая пѣсни своего народа и изучая его бытъ. До него никто не зналъ, какъ далеко простирается славянское населеніе края, какая деревня сербская, какая нѣмецкая; Смолеръ первый узналъ и занесъ на карту границы своего народа.

Въ 1839 г. лужицкая молодежь открыла новое ученое общество при будишинской гимназіи — «Сербско-товариство» для усовершенствованія его членовъ въ родномъ языкѣ. Между тѣмъ Смолеръ продолжалъ свою разнообразную дѣятельность и въ 1842 году издалъ собраніе верхне-и ниже-лужицкихъ народныхъ пѣсенъ. Такимъ образомъ, благодаря Смолеру, этотъ маленькій народъ имѣетъ теперь прекрасное и полное изданіе народныхъ пѣсенъ, какого нѣтъ у другихъ, часто несравненно болѣе богатыхъ и сильныхъ народовъ.

Эти народные дѣятели дали новый толчекъ жизни сербской молодежи: теперь она уже не только не стыдилась своего народнаго языка, но большинство старалось говорить между собой не иначе какъ повендски, и среди него являлось все болѣе патріотовъ, отдававшихъ свою жизнь на служеніе родинѣ. Въ это-же время явилась мысль основать газету, и въ 1842 г., 1-го января, вышелъ первый номеръ газеты «Заря»; но эта первая лужицкая газета пошла плохо, между прочимъ и потому, что читателей очень затрудняло вновь введенное правописаніе. Однако черезъ полгода ея редакція обновилась новыми силами, принято было старое правописаніе, къ которому уже привыкли, и газета стала выходить, какъ и вначалѣ, полулистомъ въ недѣлю, но подъ новымъ названіемъ «Недѣльная Вѣдомость». Не смотря на самыя неблагопріятныя условія, газета пошла несравненно быстрѣе: она не имѣла права печатать никакихъ политическихъ извѣстій, и подписчики газеты, желавшіе слѣдить за ними, должны были въ тоже время выписывать и нѣмецкую газету, что для весьма небогатаго серба было чрезвычайно

затруднительно. Тѣмъ не менѣ газета болѣе не прекращалась и нашла кругъ читателей, которыхъ она старалась все болѣе вести къ народному самосознанію.

Послѣ основанія газеты лужицкіе патриоты задумали, по примѣру другихъ славянъ, устроить «Матицу», т. е. общество для изданія полезныхъ народныхъ книгъ, членомъ котораго могъ бы сдѣлаться каждый за извѣстный взносъ. Бѣдность сербовъ долго этому мѣшала, но въ 1847 г. саксонское правительство утвердило уставъ Матицы и въ слѣдующемъ году вышла уже первая ея книжка, подъ названіемъ «Часопись».

Въ самомъ началѣ дѣятельности Матицы наступилъ 1848-й годъ, полный смуть, народнаго движенія и всеобщаго волненія не только въ Германіи, но и у всѣхъ западныхъ славянъ. Лужицкіе патриоты, руководившіе народомъ въ этотъ періодъ времени, вели дѣло съ большимъ тактомъ: отлично понимая, что ихъ малочисленный и бѣдный народъ не могъ добиться никакой автономіи, что ему не предстояло играть никакой политической роли, они остались чужды всякому политическому движенію и много этимъ выиграли.

Въ 1848 г. рѣшено было составить петицію, главнѣйшимъ параграфомъ которой было слѣдующее: «чтобы сербская рѣчь въ сербской землѣ ровно то самое право имѣла, которое имѣетъ нѣмецкая рѣчь въ нѣмецкой землѣ, а именно: въ школахъ, церквахъ, передъ властями и передъ судомъ». Саксонское правительство, тронутое преданностію лужичанъ, обѣщало исполнить ихъ просьбу и, по возстановленіи порядка, дало вендскому языку право въ народной школѣ, въ церкви и въ судѣ. Въ спорахъ феодаловъ съ городскими демократами сербскіе политики приняли сторону феодаловъ, и это дало возможность лужичанамъ пріобрѣсти ихъ полное довѣріе и расположеніе. При сближеніи обоихъ сословій, на провинціальномъ сеймѣ въ 1848-мъ году съ обоюднаго согласія было уничтожено множество мелкихъ сборовъ, которыхъ въ Лужицахъ считалось до 100 наименованій и которые въ общей сложности нерѣдко превышали внятеро казенную подать; это чрезвычайно поправило матеріальное положеніе сельскаго люда. Въ то-же время члены королевскаго дома въ Саксоніи, увѣрившись въ вѣрноподданническихъ чувствахъ лужичанъ, стали выказывать имъ знаки расположенія и интересоваться ихъ національнію: наслѣдный принцъ Альбрехтъ, ихъ будущій государь, сталъ учиться посербски. Официальное признаніе сербо-лужицкой народности, расположеніе къ ней двора, взаимное довѣріе сословій, все это дало новый и энергическій толчекъ дѣятельности и предпріимчивости лужичанъ. Еще недавно обездоленный, онѣмеченный и всѣми презираемый народъ сталъ дѣлать теперь большіе успѣхи въ образованіи: сербская книга стала необходимою деревенскому читателю, число подписчиковъ въ газетѣ чрезвычайно возросло. Природная склонность славянъ къ хлѣбопашеству сдѣлала сербскихъ лужичанъ, сравнительно съ нѣмцами въ тѣхъ же мѣстностяхъ, народомъ несравненно болѣе зажиточнымъ, такъ что у нѣмцевъ явилась даже поговорка: «Богъ не покинетъ нѣмца, Онъ его отправить въ сербскій край собирать милостыню». Земля необыкновенно возвысилась въ цѣнѣ: участокъ, который прежде цѣнился въ 400 талеровъ, теперь стоилъ 4,000. «Съ тѣхъ поръ», рассказываетъ объ этомъ времени одинъ извѣстный сербскій писатель и дѣятель, «какъ явился досугъ учиться сельскому хозяйству, нашъ простолюдинъ, котораго прежде считали лѣнтяемъ и пьяницею, сдѣлался рѣшительно первымъ земледѣльцемъ во всей странѣ. Его приглашаютъ теперь подъ Дрезденъ, какъ руководителя при устройствѣ образцоваго сельскаго хозяйства, и платятъ ему большія деньги. Вмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, все улучшилось. Кто видѣлъ домашній бытъ нашихъ поселянъ лѣтъ 20 тому назадъ и посмотритъ на нихъ теперь, тотъ не узнаетъ, что это тотъ-же народъ. Грубыя домашнія ткани замѣстило хорошее сукно, ситець и шелкъ; гдѣ въ избѣ стояла голая скамья да простой столъ, тамъ теперь удобная столярная ме-

бель; рессорная бричка изгоняетъ у простыхъ хлѣбопашцевъ старинную телѣгу; нерѣдко видно фортепіано въ избѣ, гдѣ не такъ давно была лишь простая «гусля». Пьянство исчезаетъ; многіе, не дождавшись и трети срока, въ который погашается ихъ поземельный долгъ, уплатили разомъ всю остальную сумму, чтобы ничто уже не тяготѣло на ихъ землѣ».

Сербо-лужицкое народное движеніе, которое мы только что описали, обнаружилось главнымъ образомъ среди верхнихъ лужичанъ въ Саксоніи. Сербы верхне-лужицкіе въ Пруссіи гораздо бѣднѣе своихъ саксонскихъ собратьевъ; сѣверная часть верхне-лужицкаго края состоитъ изъ широкой полосы земли, совершенно песчаной и поросшей кустарникомъ; она такъ бесплодна, что сербы называютъ ее «голя», т. е. голая земля. Не смотря однако на свою, сравнительно съ единоплеменниками въ Саксоніи, бѣдность, не смотря, наконецъ, и на то, что языкъ ихъ не имѣетъ оффиціального признанія, какъ въ Саксоніи, тѣмъ не менѣе верхне-лужичане въ Пруссіи принимали живое участіе въ возрожденіи своихъ земляковъ и теперь участвуютъ съ ними въ успѣхахъ народнаго образованія. Это происходитъ потому, что между верхними лужичанами, какъ въ Пруссіи, такъ и въ Саксоніи, всегда существовала самая тѣсная связь. Прусская Верхняя Лужица до 1815 г. принадлежала Саксоніи; новая политическая граница не помѣшала давнишнимъ тѣснымъ братскимъ отношеніямъ между единоплеменниками, и главнымъ умственнымъ центромъ верхнихъ лужичанъ въ Пруссіи остается Будишинъ (нѣмцы называютъ его Бауценъ), принадлежащій теперь Саксоніи. Юноши изъ прусскихъ Верхнихъ Лужицъ поступаютъ обыкновенно въ будишинскую гимназію и такимъ образомъ уже въ юношескихъ годахъ находятся подъ вліяніемъ саксонскихъ собратьевъ, уже на школьной скамѣ завязываютъ съ ними тѣсную дружбу, заимствуютъ отъ нихъ любовь къ своему племени и народному языку и по окончаніи курса многіе изъ нихъ, какъ и ихъ саксонскіе товарищи, дѣлаются страстными патріотами и пропагандистами своихъ народныхъ идей.

Совсѣмъ иное положеніе въ другой части сербо-лужицкой земли, принадлежащей Пруссіи, именно у нижнихъ лужичанъ. Положеніе ихъ всегда было болѣе жалкое: они уже очень рано стали забывать свое родство съ верхними лужичанами и издавна потеряли силы и энергію, необходимыя для сопротивленія со всѣхъ сторонъ наступавшей германизации. Вотъ поэтому-то сюда и не проникли не только идея славянства, которая такъ горячо распространяли сербскіе патріоты въ годы умственнаго возрожденія ихъ національности, но они далеко не достигли и той ступени грамотности и образованія, какая существуетъ у верхнихъ лужичанъ. «Нижне-лужичане ничего не знаютъ о своей верхне-лужицкой братіи, чуждаются книгъ, которыя тамъ издаются, хотя бы они и могли понимать ихъ, не смотря на различіе нарѣчій. Они еще остаются чуть-ли не въ такомъ же умственномъ оцѣпенѣніи, въ какомъ были и прежде. У нихъ мало является дѣятелей, которые-бы заботились о ихъ народности. Да и тѣ, которые являются, при равнодушій народа, при бѣдности собственныхъ средствъ, при противодѣйствіи недоброжелателей славянской народности, мало могутъ принести пользы. Мѣстныя власти усердно примѣняютъ въ Нижнихъ Лужицахъ теорію систематической германизации. Еще въ настоящемъ столѣтіи прекращено въ нѣсколькихъ приходяхъ Нижнихъ Лужицъ сербское богослуженіе и многія селенія совершенно онѣмечились: во многихъ изъ нихъ можно еще тамъ и сямъ услышать отъ стариковъ кое-что посербски, но молодые люди болѣею частію уже и не понимаютъ сербскаго языка. Только имена деревень, полей и семей, старыя надписи и рукописи въ церквахъ, старыя сербскіе обычаи и нѣкоторыя обиходныя выраженія свидѣтельствуютъ, что тутъ недавно жили сербы. Къ сожалѣнію селенія эти отличаются въ то же время сильнымъ пьянствомъ и большимъ развраще-

ніемъ нравовъ». Тѣмъ не менѣе и въ этомъ, все болѣе онѣмечивающемся ниже-лужицкомъ племени сохранилось очень много древнихъ славянскихъ типическихъ чертъ, какъ въ нравахъ, обычаяхъ и преданіяхъ, такъ въ одеждѣ и даже въ постройкѣ дома.

Вендскій языкъ, отрасль кореннаго славянскаго языка, имѣетъ болѣе сходства съ польскимъ и чешскимъ, чѣмъ съ русскимъ языкомъ. Онъ распадается на два нарѣчія: верхне и ниже-лужицкое, которыя нѣсколько отличаются другъ отъ друга, такъ что верхній лужичанинъ только съ нѣкоторымъ трудомъ понимаетъ нижняго лужичанина и наоборотъ. Какъ въ верхнемъ, такъ тѣмъ болѣе и въ ниже-лужицкомъ нарѣчій встрѣчается множество германизмовъ; особенно это поражаетъ у жителей деревень, лежащихъ недалеко отъ нѣмецкихъ городовъ. Сербы, какъ Верхней, такъ и Нижней Лужицы, употребляютъ нѣмецкій алфавитъ и правописаніе, примѣненное къ нѣмецкому. Но, несмотря на это, у нихъ существуютъ еще двѣ совершенно различныя орфографіи, а именно: католическая и евангелическая. Кромѣ того уже сдѣлана попытка замѣнить нѣмецкій алфавитъ латинскимъ, составленнымъ по образцу чешскаго. Но такое правописаніе принято только образованными людьми, въ свѣтской литературѣ, но еще не проникло въ духовныя, народныя изданія. Такое различіе въ орфографіи, дѣленіе народа въ политическомъ отношеніи на подданныхъ Саксоніи и Пруссіи, различіе нарѣчій, все это даетъ очень мало надежды, чтобы, даже когда-нибудь въ далекомъ будущемъ, этотъ небольшой славянскій островъ могъ добиться единства и политическаго значенія. Причинъ для этого очень много, и на главныя изъ нихъ мы уже указывали; теперь видимъ, какое препятствіе для этого представляетъ языкъ. Между тѣмъ какъ у чеховъ вовсе не существуетъ мѣстныхъ діалектовъ, вендскій языкъ, кромѣ своихъ двухъ главныхъ нарѣчій, распадается на множество говоровъ, сильно отличающихся другъ отъ друга и по которымъ сербъ весьма точно опредѣляетъ родину своего собесѣдника.

На вендскомъ языкѣ выходитъ 6 періодическихъ изданій, изъ которыхъ 4 издаются въ Бауценѣ. Самая распространенная газета на вендскомъ языкѣ «Сербске-Новины», которая въ 1874 г. расходилась въ количествѣ 2,000 экземпляровъ. Эта газета выходитъ еженедѣльно, форматомъ въ четвертушку, и печатается нѣмецкими буквами. Что касается ея содержанія, то она даетъ толковый и безпристрастный обзоръ послѣднихъ событій въ политикѣ, помѣщаетъ стихотворенія, но болѣе всего мѣстныя свѣдѣнія изъ Лужицы. Такъ какъ она назначается для крестьянъ, которые дѣйствительно читаютъ ее въ своихъ захолустьяхъ, то редакція старается посредствомъ своего органа очистить вендскій языкъ отъ германизмовъ, вмѣсто которыхъ она придумываетъ описательные обороты, руководствуясь примѣрами изъ чешскаго языка. Но чтобы писать понятно для деревенскаго населенія, редакція приходится вставлять въ скобкахъ нѣмецкое значеніе многихъ вендскихъ словъ. Несмотря на это, названная газета наполнена германизмами, и всѣ извѣстія, сообщаемыя ею, состояются на такомъ языкѣ, который представляетъ смѣсь вендскаго языка съ нѣмецкимъ какъ по обороту рѣчи, такъ и по отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ.

Сербская Матица, о которой мы говорили выше, существуетъ и теперь, и все также занимается изданіемъ полезныхъ популярныя книгъ на сербскомъ языкѣ. Хотя до сихъ поръ капиталъ общества весьма не великъ, но оно сдѣлало все для него возможное. Нужно помнить, что всѣ эти неутомимые труды, всѣ жертвы, которыя приходится приносить членамъ общества, дѣлаются ради однихъ только идеальныхъ цѣлей, безъ всякихъ корыстныхъ разчетовъ. Члены Матицы основали бібліотеку, въ которой существуютъ всѣ книги на сербскомъ языкѣ; они издають также календарь, который ежегодно расходится въ количествѣ болѣе 4,000 экземпляровъ. Но главное изданіе Матицы до сихъ поръ остается Часопись «towarstwa Macicy Serbskeje». Въ каждыя полгода

выходить одна тетрадь со стихотвореніями, статьями по исторіи, археологіи, филологіи, между которыми встрѣчается много серьезныхъ изслѣдованій вендской народности. Хотя сербы-лужичане, несмотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, въ короткое время создали свою литературу, но она осуждена преимущественно ограничиваться книжками для первоначальнаго обученія и народнаго чтенія. И это понятно: сербо-лужицкій народъ состоитъ преимущественно изъ простонародья, и всякая книга, выходящая изъ уровня элементарныхъ знаній, не можетъ найти себѣ покупателя.

Но какъ бы ни были скромны результаты литературной дѣятельности лужичанъ, на нихъ нельзя смотрѣть иначе, какъ съ величайшимъ изумленіемъ. Нужно помнить, что лужичане—народъ весьма немногочисленный, состоящій исключительно изъ низшихъ классовъ общества, и имъ до сихъ поръ со всѣхъ сторонъ угрожаетъ германизация. Этотъ процессъ подвигается еще быстрѣе съ тѣхъ поръ, какъ желѣзныя дороги стали перекрещивать Лужицы во всѣхъ направленіяхъ. Прусское правительство болѣе всего достигаетъ оиѣмченія вендовъ посредствомъ общей воинской повинности, которая вырываетъ сербскаго юношу изъ славянской среды, окружаетъ его нѣмецкими товарищами и отправляетъ въ нѣмецкіе города. Возвратившимся со службы парнямъ уже не нравятся старомодный отцовскій костюмъ, національный танецъ, трескучая волынка, пискливая «таракава» (родъ флейты). Они заносятъ съ собою нѣмецкіе манеры и обычаи, хотя въ непремѣнно танцуютъ вальсъ и галопъ подъ новую музыку и начинаютъ подсмѣиваться надъ всѣмъ тѣмъ, что еще недавно они глубоко почитали. Мнѣніе солдатъ производитъ вліяніе на дѣвушекъ, и такимъ образомъ мало-по-малу все болѣе утрачиваются національные обычаи.

Нижняя Лужина.—Котбусъ—центръ нижне-лужицкихъ сербовъ.—Характеръ народа и его пѣсни.—Шпревальдъ, его оригинальная природа и жизнь лужичанъ въ этой мѣстности въ разное время года.—Дома сербовъ, ихъ одежда, занятія и музыкальные инструменты.

Котбусъ представляетъ для Нижнихъ Лужицъ тоже самое, что Будишинъ (Бауценъ) для Верхнихъ,—центральный пунктъ, въ которомъ сосредоточивается торговля и промышленность, политическая жизнь и администрація. На рынкѣ волнуется пестрая толпа, — и знатокъ сейчасъ различитъ по костюму и говору, изъ какой деревни каждый сербскій крестьянинъ. Послѣ базара всѣ лавки и кабаки биткомъ набиты сербами. Лавочникъ бойко торгуетъ, и пестрые головные платки и красная шерстяная матерія для платья сбываются тогда въ огромномъ количествѣ. Венды издавно любятъ пестрые костюмы, и любовь къ нарядамъ у нихъ сильно развита. Торговцы пользуются этою страстью и отлично умѣютъ расхваливать каждый товаръ посербски, хотя и не считаютъ нужнымъ выставить на своей лавкѣ вендскую вывѣску, точно такъ же, какъ не считаютъ этого нужнымъ трактирщикъ, который торгуетъ еще бойче. Водка у сербовъ Нижнихъ Лужицъ играетъ гораздо большую роль, чѣмъ у ихъ собратій въ Верхнихъ Лужицахъ, и съ котбусскаго рынка народъ возвращается обыкновенно съ большимъ шумомъ, пьяный и покачиваясь изъ стороны въ сторону. И это понятно: саксонскіе сербы богаче прусскихъ, несравненно ихъ образованнѣе, читаютъ по деревнямъ въ семейномъ кругу газету, живо интересуются распространеніемъ среди своего народа роднаго языка и послѣднее сказывается очень сильно. Одинъ, уже полуоиѣмченный сербъ, на вопросъ—нѣмецъ онъ или лужичанинъ—отвѣчалъ: «какъ вамъ сказать? по мнѣ это все равно! я такъ же хорошо говорю посербски, какъ и понѣмецки, но такъ какъ я хожу въ городскомъ платьѣ и охотно говорю понѣмецки, лужичане считаютъ меня нѣмцемъ. Но когда

я отправляюсь по деревнямъ покупать скоть, тогда я долженъ отборно говорить по-лужицки, иначе мнѣ неохотно будутъ продавать. Да, таковы-то эти венды, — впрочемъ они прекрасные люди! Этимъ лѣтомъ одинъ сербъ продавалъ свою землю. Въ числѣ покупателей явился и нѣмецъ, который сейчасъ готовъ былъ все выплатить чистоганомъ. Что-жъ, вы думаете, согласился на это вендъ? Ничуть не бывало; мало того, всѣ его сосѣди всполошились и не успокоились, пока не отыскали венда, который и купилъ землю. Всѣ кричали: не пустимъ сюда ни одного нѣмца». А вотъ и другой примѣръ: на свою родину, въ одну изъ деревень Верхнихъ Лужицъ, отслуживши свой срокъ, возвращается солдатъ. Онъ начинаетъ съ презрѣніемъ относиться къ народнымъ обычаямъ и языку, поетъ нѣмецкія пѣсни и говоритъ не иначе, какъ по-нѣмецки. Сосѣди смѣются надъ нимъ, но это на него не дѣйствуетъ. Тогда старуха — мать обращается за совѣтомъ къ своему священнику, и тотъ уговариваетъ ее ничего не давать сыну ѣсть, не отвѣчать ему на его просьбы ни единымъ словомъ, пока онъ не начнетъ говорить по-сербски. Но съ подобными примѣрами мы сталкиваемся только въ Верхнихъ Лужицахъ; сербы Нижнихъ Лужицъ несравненно индифферентнѣе относятся къ своей національности. Возвратимся однако къ Котбусу. Вечеромъ все пришлое сербское населеніе печезаетъ изъ города, и онъ опять принимаетъ чисто-нѣмецкій характеръ; только тамъ и здѣсь слышишь, какъ прислуга обмѣнивается нѣсколькими сербскими словами или священникъ производитъ жениху и невѣстѣ экзаменъ на сербскомъ языкѣ. По старинному обычаю, за нѣскольکو дней до свадьбы священникъ производитъ испытаніе жениху и невѣстѣ. Женихъ освобождается отъ него только тогда, если онъ былъ солдатомъ, вѣроятно потому, что школьная познанія солдатъ повѣряются при вступленіи ихъ въ полки, а цѣль экзамена передъ свадьбой заключается именно въ подобной же повѣркѣ научныхъ и религіозныхъ свѣдѣній. Въ котбусской гимназій, для тѣхъ, которые желаютъ сдѣлаться священниками среди вендовъ, два раза въ недѣлю преподають сербскій языкъ, а разъ въ недѣлю выходитъ печатающаяся нѣмецкимъ шрифтомъ и наполненная германизмами «Бранденбургская вендская газета». Въ этомъ листкѣ сосредоточена вся литературная жизнь нижнихъ лужичанъ, если не считать «Вѣстника вендской миссіи», нѣсколькихъ учебниковъ и пѣсенниковъ. Въ одномъ изъ отдѣловъ этого листка, подъ названіемъ «новины», т. е. новости, въ самомъ патріотическомъ духѣ рассказываютъ, что дѣлаетъ императоръ Вильгельмъ, кронъ-принцъ, Бисмаркъ и другіе политическіе дѣятели Пруссіи. Въ газетѣ этой много нѣмецкихъ цитатъ, и половина объявленій сдѣлана по-нѣмецки. Пруссіе сербы, какъ и саксонскіе, всегда отличались миролюбивымъ характеромъ и преданностію своему правительству. Выше мы говорили, какъ эти чувства проявлялись у саксонскихъ сербовъ. Въ войнѣ Пруссіи съ Данією (1864), открывшей собою рядъ другихъ войнъ, особенно отличились прусскіе сербы, а изъ нихъ болѣе другихъ прославился Клинка. Храбрость его была оцѣнена по заслугамъ, и по повелѣнію короля ему поставили памятникъ въ приходской церкви роднаго села. Сербы Нижнихъ Лужицъ, какъ народъ болѣе подавленный и менѣ развитой, и свои патріотическія чувства часто выражаютъ въ рабской, унижительной для человѣческаго достоинства формѣ, но между ними не мало настоящихъ славянъ, которые съ великою скорбію смотрятъ на онѣмеченіе своего племени. Извѣстный сербскій поэтъ Зейлеръ, о которомъ мы выше упоминали, прекрасно выразилъ въ «Лужичанинѣ», въ глубоко прочувствованныхъ стихахъ, настроеніе сербовъ послѣ войны. Вотъ эти стихи въ прозаическомъ переводѣ: «Тамъ, на побойщѣ, лежатъ тѣла воиновъ-героевъ. Что-жъ? Для нѣмцевъ-ли только смерть тамъ цвѣла? Не осталось-ли рядомъ съ ними и много славянъ! О, не одинъ лежитъ тамъ обгренннй славянинъ, раненный и бездыханный, и стекшій кровью и покрытый датскимъ

прахомъ»... «Радостно германствуетъ теперь освобожденный Шлезвигъ-Гольштейнъ. Но что за награда достанется тебѣ, людъ славянскій? О, Германія! сохрани всю славу, добытую и нашу кровью, и потоками нашихъ слезъ; охраняй лишь нашу *домашнюю* свободу и защищай нашу народность».

Съ каждымъ годомъ граница вендской области въ Нижнихъ Лужицахъ все болѣе суживается, все болѣе находимъ въ этой странѣ деревень, которыя уже окончательно онѣмечились. Когда проходишь по одной изъ такихъ деревень, странно видѣть, какъ бѣлокурыя, голубоглазыя дѣти поютъ «Wacht am Rhein», между тѣмъ какъ 40, 30 лѣтъ тому назадъ это была чисто вендская деревня: довольно одного взгляда, чтобы убѣдиться въ этомъ, такъ какъ все—архитектура домовъ, одежда женщинъ—чисто вендское. Даже свои фамиліи венды мѣняютъ на нѣмецкія: Мюллеры, Шульцы, Шмидты такъ же часто встрѣчаются въ сербскихъ деревняхъ, какъ и въ нѣмецкихъ. Процессъ онѣмечиванія именъ происходитъ уже давно, только совершается это не такъ гласно, какъ въ Венгріи, гдѣ славянинъ или нѣмецъ, принявъ венгерское имя, желаетъ, чтобы всѣ тотчасъ признавали его за настоящаго мадьяра, и объявляетъ въ газетахъ, чтобъ его, такого-то, теперь по-мадьярски называли такъ-то. Впрочемъ прежде въ Лужицахъ сербы еще чаще мѣняли свои фамиліи на нѣмецкія, чѣмъ они дѣлаютъ это теперь.

Помѣщики въ деревняхъ всегда нѣмцы; они чрезвычайно содѣйствуютъ онѣмеченію края, и еще болѣе вліяли въ этомъ направленіи прежде, когда простой людъ находился у нихъ въ крѣпостной зависимости; напротивъ того, священники, которые выходятъ изъ крестьянскаго сословія, дѣйствуютъ совершенно обратно: они напрягаютъ всѣ силы, чтобы проповѣдями и частными бесѣдами поддерживать свою національность. Кромѣ небольшого числа священниковъ, учителей и чиновниковъ, всѣ сербы крестьяне. Они не имѣтъ понятія о сословіяхъ, во все продолженіе исторіи у нихъ не было дворянства, тѣмъ не менѣе между ними далеко не существуетъ равенства. Полный хозяинъ, «Bug», который владѣетъ цѣлою гуфю (около 30 моргеновъ), едва ли выдастъ дочь свою за человѣка, владѣющаго половиною гуфы (Polepjk) или за «бударя» (Budarij), у котораго нѣтъ ничего, кромѣ хижины и огорода.

Согласно характеру всѣхъ славянъ вообще, сербы, какъ прусскіе, такъ и саксонскіе, съ уваженіемъ относятся къ общинѣ, «громадѣ». Лѣтомъ подъ липой, а зимою въ корчмѣ происходятъ собранія землевладѣльцевъ, на которыхъ идутъ серіозные споры о дѣлахъ общины. Прежде старшина, въ видѣ приглашенія на сходку, отправлялъ по всѣмъ домамъ деревянную дугу, «коколю», или деревянный молотъ, на которыхъ наклеивалось письменное приглашеніе; и они странствовали изъ дома въ домъ: посмотрѣвъ, каждый крестьянинъ передавалъ молотъ своему сосѣду, и такимъ образомъ онъ быстро обходилъ всю деревню. Даже на похороны приглашали такимъ же образомъ, только при этомъ употребляли черную палку. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употреблялась «гея», палка въ видѣ булавы. Когда говорили: «гея ходитъ по деревнѣ», то всякій уже зналъ, что наступилъ срокъ взноса налоговъ, и такимъ образомъ палку эту отождествляли съ денежными повинностями. Этотъ обычай существуетъ и во многихъ германскихъ деревняхъ, такъ что трудно сказать, нѣмцы-ли его приняли отъ славянъ, или наоборотъ. Какъ-бы то ни было, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ совсѣмъ уже исчезъ, въ другихъ постепенно вымираетъ.

Какими вендовъ описывали историки, такими они остались и до настоящаго времени: средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ сильными мускулами, съ гладкими, большей частью свѣтлыми волосами, широкими скулами, плоскимъ носомъ и далеко не столь бѣлой кожей, какъ у германцевъ. Всѣ они чрезвычайно трудно-

любивы и домовиты — качество, которымъ отличаются не только мужчины, но и женщины, и при всемъ этомъ, какъ всё славяне, они гостепріимны и чрезвычайно набожны, по крайней мѣрѣ въ точномъ исполненіи церковныхъ обрядовъ едва ли превзойдетъ ихъ какое либо другое племя. Въ праздничные дни всѣмъ семействомъ они отправляются въ церковь, гдѣ тогда не остается ни одного свободного мѣста, и съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія прислушиваются къ словамъ священника.

Общительность и веселость — характерныя черты сербовъ. Среди нѣмцевъ, на ярмаркахъ, они бросаются въ глаза своею оживленною фізіономіею и подвижною мимикою. Каждый праздникъ, церковный или домашній, какъ свадьба, крестины, танцевальный вечеръ, говорятъ о ихъ въ высшей степени веселомъ характерѣ и сангвиническомъ темпераментѣ. Въ ихъ пѣсняхъ менѣе, чѣмъ у другихъ славянъ, меланхолическаго, заунывнаго элемента и болѣе всего беззаботной веселости, бодрого расположенія духа. Пѣсни верхне-лужицкихъ вендовъ значительно отличаются отъ тѣхъ, которыя поются въ Нижнихъ Лужицахъ. Какъ самая страна верхнихъ лужичанъ холмиста и все повышается до подошвы горъ, такъ и содержаніе ихъ поэзи болѣе возвышенно: оно посвящено болѣе серьезнымъ предметамъ; здѣсь встрѣчаются остатки древнихъ героическихъ пѣсень. Смолеръ въ своемъ прекрасномъ сборникѣ различаетъ *полевыя* пѣсни, которыя поются на полѣ и подъ открытымъ небомъ, «*Ропѣка*» — пѣсня, которую танцующій первымъ заказываетъ музыкантамъ нарочно для своей дамы и которую подхватываетъ хоръ, *танцевальныя* пѣсни, которыми сопровождаются танцы, *хороводныя* и *свадебныя* пѣсни, затѣмъ *стенанія*, которыя поетъ парень, нарочно отправленный съ посидѣлокъ къ дому того крестьянина, у котораго только что успѣли что нибудь спечь или зарѣзали скотину. По обычаю, за это парню даютъ хлѣбъ и говядину. Что касается мелодій, то ихъ смѣло можно поставить наряду съ лучшими народными мелодіями нѣмцевъ; нѣкоторыя изъ нихъ происходятъ изъ церковныхъ мелодій и принадлежатъ очень далекому времени. Очень многія пѣсни лужичанъ напоминаютъ плясовыя великорусскія пѣсни. Нижне-лужицкіе венды поютъ гораздо менѣе верхне-лужицкихъ; между первыми сильно распространены прусскія пѣсни, переведенныя на вендскій языкъ, особенно патріотическаго содержанія.

Изъ трехъ большихъ рѣкъ восточной Германіи Одеръ отличается особенно оригинальнымъ характеромъ вслѣдствіе множества рукавовъ, которые во многихъ мѣстахъ превратились въ стоячія воды; нерѣдко кажется, что рѣка совсѣмъ куда-то исчезла: до такой степени дробится она на отдѣльные рукава. Рѣка Шпре представляетъ такое же явленіе: на разстояніи около мили къ сѣверу отъ Котбуса, она вступаетъ въ обширную низменность. Здѣсь она развѣтвляется на нѣсколько сотенъ рукавовъ и каналовъ, которые образуютъ тысячи самыхъ прихотливыхъ и разнообразныхъ извилинъ и заливовъ, то суживаясь въ маленькій ручеекъ, то разливаясь широкимъ моремъ, тутъ затопляя дуга, тамъ тѣсясь между невысокими насыпями или подъ мрачнымъ ольховымъ лѣсомъ. Эта оригинальная и запутанная водная сѣть, своего рода деревенская Венеція, называется Шпревальдомъ: она начинается за милю отъ Котбуса и простирается до города Люббена, который нужно считать главнымъ городомъ этой романтической части бренбургской марки и гдѣ воды Шпре опять вступаютъ въ одно ложе. Еще сто тѣтъ тому назадъ эта мѣстность была покрыта первобытнымъ лѣсомъ, своею роскошью напоминавшимъ америванскіе лѣса, такъ что Шпревальдъ вполне оправдывалъ тогда свое названіе; теперь его лѣса сильно истреблены. Открытыя водныя поверхности чередуются въ Шпревальдѣ съ зелеными лугами, мрачныя, черныя болота — съ живописными, лѣсистыми островами, на которыхъ зеленѣютъ дубы, буки, ясени, вязы, липы, кленъ, бе-

*

реза, ольха, иногда даже сосна. На рѣчныхъ рукавахъ стучатъ мельницы, а красивые домики придаютъ ландшафту первобытнаго германскаго лѣса характеръ обитаемости. Обыкновенно эти домики построены на небольшихъ естественныхъ возвышеніяхъ, въ тѣни высокихъ дубовъ, какъ маленькіе замки, окруженные вокругъ рвами. Эти островныя жилища соединяются между собою мостами, высокими плотинами и мостиками для пѣшеходовъ, но настоящая дорога въ этой Венеціи, разумѣется, вода. Несмотря на оживленное пѣніе множества птицъ и оригинальную поэзію Шпревальда, его ландшафтъ носить какой-то меланхолическій характеръ. Трудно вообразить его величавую красоту въ ту минуту, когда въ тихую лѣтнюю ночь луна бросаетъ свои блѣдные лучи на неподвижныя воды и зелень. Старые вязы стоятъ, какъ сказочные богатыри, простирая свои черныя вѣтви къ небесному своду. Но и зимою Шпревальдъ представляетъ своеобразную прелесть и красоту: тогда лѣсные великаны, какъ въ алмазахъ, блестятъ своимъ зимнимъ одѣяніемъ, и необозримая ледяная поверхность, въ которую превращается вся низменность, оживляется множествомъ людей, катающихся на конькахъ и разбѣгающихся въ саняхъ. Не менѣе прекрасенъ Шпревальдъ весною, когда воды разливаются и снѣжныя равнины въ горахъ таютъ отъ дуновенія теплаго вѣтра. Когда пройдетъ весеннее половодье, вся эта мѣстность, на разстояніи цѣлыхъ миль: луга, лѣса, пашни, все превращается въ журчащее озеро.

Шпревальдъ изрѣзанъ рѣчными рукавами и каналами больше, чѣмъ какая-либо низменность сѣверо-американскихъ первобытныхъ лѣсовъ. вмѣстѣ съ каналами, рукавами и рѣчками въ области Шпревальда больше 300 большихъ и малыхъ водяныхъ путей, которые придаютъ этой мѣстности особый отпечатокъ. Венды, которые живутъ въ этой мѣстности, называютъ ее «blota», т. е. сѣть. Каждый изъ этихъ рукавовъ, надъ которымъ деревья и кусты тамъ и здѣсь образуютъ сводъ, имѣетъ свое особое названіе, напр. Блюшница, Млинска и т. д. Рукава, на которыхъ стоятъ мельницы, называются Мюльшпре, а тѣ изъ нихъ, которые соединяются съ селеніями, находящимися на окраинѣ, — «Grobla», т. е. рукава, по которымъ можно ѣздить въ лодкахъ. До Шлосберга еще можно проѣхать въ экипажѣ, но дальше, въ центрѣ Шпревальда, прекращаются всѣ дороги и только по краямъ потоковъ тянутся узкія тропинки. Воды становятся единственными путями сообщенія: людей, животныхъ, товары, — все перевозятъ на лодкахъ и челнокахъ. Многія самыя обыкновенныя представленія неприложимы къ этой мѣстности: здѣсь не увидишь ни плуга, ни лошади, ни телѣги; пашутъ заступомъ; что не удобно перевезти на лодкѣ, носятъ на плечахъ. Плоскій, по большей части построенный изъ трехъ досокъ, челнокъ — въ высшей степени первобытенъ; это нѣчто въ родѣ нашей душегубки, но здѣсь встрѣчаются и совсѣмъ крошечные челноки, выдолбленные изъ одного дерева. Въ Шпревальдѣ не знаютъ ни руля, ни паруса: лодку толкаетъ шестомъ «ферга» (особый лодочникъ), и она быстро летитъ по водѣ. Здѣсь не только лодочники, но рѣшительно всѣ мужчины, женщины, самыя крошечныя дѣти съ большимъ искусствомъ умѣютъ управлять челнокомъ. На немъ сербъ отправляется въ рынокъ, на челнокѣ ѣдетъ онъ сватать невѣсту, на немъ-же привозитъ домой молодую, на челнокѣ врачъ объѣзжаетъ больныхъ, хозяинъ отправляется на работу, везутъ крестить младенца, отвозятъ покойника на кладбище; на лодкахъ отправляются пестрыя свадебныя процессіи съ веселыми залпами изъ пистолетовъ, на нихъ-же посылаютъ дѣтей въ школу, на лодкѣ земледѣлецъ отправляетъ свое стадо на пастбище, такимъ-же путемъ оно возвращается въ хлѣвъ, на лодкѣ, наконецъ, охотникъ преслѣдуетъ дичь, которой здѣсь такое множество. Однимъ словомъ безъ челнока нѣтъ жизни въ Шпревальдѣ.

Множество челноковъ постоянно разъѣзжаетъ по этимъ воднымъ пространствамъ, но сидящіе въ нихъ совершаютъ свое путешествіе чрезвычайно молчаливо: рѣдко кто изъ нихъ откроетъ ротъ, чтобы сдѣлать какое-либо замѣчаніе; старухи молчаливо покуриваютъ свои трубки, и только когда одинъ челнокъ встрѣчается съ другимъ, многіе въ одинъ голосъ произносятъ набожное привѣтствіе: «помогай вамъ Богъ»; «да отдастъ вамъ это Богъ», слышится въ отвѣтъ, и сидящіе въ челнокѣ люди безъ шутокъ, остротъ и болтовни летятъ дальше.

Кто не родился въ Шпревальдѣ или не жилъ тамъ очень долго, тотъ пусть и не думаетъ странствовать безъ проводника по этимъ воднымъ пространствамъ. Да и можетъ-ли новичекъ найтись въ этомъ лабиринтѣ водъ: тутъ рѣчки раздваиваются, тамъ онѣ опять соединяются, здѣсь пересекаютъ каналъ, направо и налево идутъ побочные рукава, и та-же картина, съ тою-же обстановкою будетъ преслѣдовать васъ цѣлые дни, если вы захотите объѣхать весь Шпревальдъ. Кругомъ, куда ни взглянешь, видна только вода, небо и деревья; нигдѣ ни слѣда человѣческаго жилья. Вдругъ лодка останавливается передъ мрачнымъ зданіемъ въ глубинѣ лѣса: передъ вами мельница. Мрачно шумитъ она между темными вершинами деревьевъ и своимъ шумомъ выводитъ изъ мечтательнаго настроенія, въ которое погружаетъ васъ тишина лѣса и однообразіе этихъ водяныхъ путей.

Между деревьями чаще всего встрѣчаешь ольху, которая растетъ здѣсь какъ-то особенно прямо и достигаетъ необыкновеннаго роста; она окружаетъ всѣ воды красивою живою стѣною. Кромѣ ольхи здѣсь хорошо растетъ ива, которую сажаютъ для укрѣпленія береговъ. Гораздо рѣже встрѣчается теперь дубъ, да и вообще лѣсное хозяйство Шпревальда все болѣе исчезаетъ, и вмѣсто лѣсовъ являются луга, окруженные ольхами. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время лѣса этой мѣстности сильно порѣдѣли. Прежнія поколѣнія очень дурно хозяйничали, и большая часть срубленнаго лѣса сгнивала на мѣстѣ. Теперь очень дорожатъ дровами и строительнымъ лѣсомъ и стараются извлечь изъ него всевозможныя выгоды. Для своихъ жилищъ сербы рѣки Шпре издавна привыкли употреблять старое дерево, которое пролежало уже много лѣтъ въ водѣ, потому что тогда оно дѣлается тверже и прочнѣе. Поэтому встарину отцы клали для своихъ дѣтей въ воду дубы и ольхи и потомъ строили изъ нихъ дома. Самые обширные лѣса, въ которыхъ посѣтитель еще встрѣтитъ роскошные старые вязы, — это штраупютскіе и люббенаускіе лѣса, какъ помѣщичьи, такъ и городскіе, хотя городскіе въ послѣдніе годы очень пострадали. Но до сихъ поръ еще на всѣхъ рукавахъ рѣки встрѣчается богатая рѣчная растительность, среди которой болѣе всего осоки и хвощей самыхъ разнообразныхъ видовъ. Камыши тянутся часто на значительномъ разстояніи по берегамъ рукавовъ. Вы всюду встрѣчаете здѣсь разнообразные цвѣты самыхъ блестящихъ оттѣнковъ: золотистожелтые цвѣты ранункула, прекрасные бѣлые болиголова, особенно много кувшинчиковъ.

Вмѣстѣ съ вѣковыми дубами и таинственнымъ мракомъ лѣсовъ исчезли и тѣ виды животныхъ, которые здѣсь когда-то водились. Огромныя стада оленей были здѣсь нерѣдкою, но теперь они совсѣмъ исчезли, уменьшились стада дикихъ гусей и утокъ, почти совсѣмъ исчезъ даже журавль. Рябчики, глухари и фазаны тоже встрѣчаются рѣже; но аисты, сѣрые цапли, выпи, водяныя курочки, пигалицы и бекасы еще и теперь оживляютъ болотистую равнину. Изъ чаши тростника раздается въ теплую лѣтнюю ночь пѣсня камышевки; на сучьяхъ вязовъ все еще порхаютъ заблики; тамъ слышится стукъ дятла о кору дерева, здѣсь воркуютъ дикіе голуби, распѣваютъ дрозды,

Съ отдаленнаго края дуга доносится кукованье кукушки и множество другихъ птичьихъ голосовъ оживляютъ мѣстность. Здѣсь водятся и хищные звѣри: рѣчные выдры, хорьки и лисицы. Охотники прїѣзжаютъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ преслѣдовать дичь и соперничаютъ въ кровожадности съ воздушными хищниками: каменными орлами, совами и оршунами. Изъ земноводныхъ здѣсь встрѣчаются черепахи: весною онѣ грѣются на солнцѣ въ сырыхъ мѣстностяхъ между перепутанными корнями ольхъ. Кольчатые ужи, ящерицы, мѣдянки и саламандры находятъ здѣсь самыя благопрїятныя условія для своего существованія, а дуга и воды оживляются безчисленнымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ видовъ лягушекъ, оглушительные концерты которыхъ, нерѣдко раздающіеся на цѣлыя мили, могутъ заставить новичка въ ужасѣ убѣжать изъ этихъ мѣстъ. Количество рыбы въ рѣкахъ Шпревальда, какъ и во всей маркѣ, значительно уменьшилось, тѣмъ не менѣе въ одномъ только городѣ Люббенау ежегодно ловятъ до 200 центнеровъ рыбы; но что это въ сравненіи съ прежнимъ ея обиліемъ, которымъ издавна славилась эта мѣстность!

Первая вендская деревня въ этой мѣстности, къ востоку отъ Фетчау, — Мишенъ: въ ней дома стоятъ рядомъ, одинъ возлѣ другаго, и этимъ они отличаются отъ настоящихъ шпревальдскихъ деревень, въ которыхъ дома построены совершенно отдѣльно другъ отъ друга. Недалеко отъ деревни Мишенъ лежитъ Бургъ, самое большое селеніе Шпревальда. Названіе этого селенія происходитъ отъ вендскаго слова «сборгъ», т. е. ведро, потому что первые жители селенія съ незапамятныхъ временъ носили на рынокъ въ Котбусъ рыбу въ ведрахъ, которую они ловили въ Шпре. Къ сѣверу подлѣ названнаго селенія лежитъ «Каупергеменде», т. е. община поселенцевъ, которые построили свои дома въ болотѣ, на сваяхъ и среди лѣса. Владѣнія кауперовъ отдѣляются другъ отъ друга каналами, быстро поростающими тростникомъ и болотными растеніями, отъ которыхъ ихъ постоянно приходится очищать. За исключеніемъ уже упомянутаго селенія Бургъ, дома въ этой части Шпревальда расположены на островкахъ и соединяются между собою мостами и высокими плотинами.

Дома вендовъ какъ въ Верхней, такъ и въ Нижней Лужицѣ, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему устройству, имѣютъ чрезвычайно много общаго. Всѣ они прежде всего бросаются въ глаза своими соломенными крышами, одноэтажные, съ низкимъ фундаментомъ изъ необтесанныхъ камней и построены изъ бревенъ. Въ Верхнихъ Лужицахъ на фронтонахъ не дѣлаютъ украшеній, но за то деревянныя дуги надъ окнами представляютъ ихъ самую характерную черту: это первый признакъ настоящаго крестьянскаго вендскаго дома въ Верхнихъ Лужицахъ; такія дуги можно встрѣтить далеко за границею нынѣшнихъ вендскихъ поселеній и по нимъ можно узнать всѣ тѣ мѣстности, гдѣ прежде жили венды. Когдаходишь по нѣсколькимъ каменнымъ ступенямъ въ сѣни, которыя пересѣкаютъ домъ въ серединѣ, то справа, за стѣною, будутъ хлѣва, слѣва — жилие помещеніе, «stwa», за которой есть еще маленькая комнатка, «ствичка»; въ этихъ двухъ комнатахъ помѣщается все семейство. Самая существенная принадлежность дома — кафельная печь, которая отопливаетъ обѣ комнаты и выходитъ еще въ сѣни, гдѣ она служить очагомъ. Лѣстница ведетъ изъ сѣней вверхъ, на чердакъ, гдѣ прячутъ вещи.

Въ Верхнихъ Лужицахъ обстановка дома несравненно богаче, и во многихъ домахъ вы найдете столярную мебель; у нижнихъ лужичанъ скамейки, старинный столъ и постель для супруговъ, закрытая пестрыми занавѣсками, составляютъ всю обстановку. Но главное отличіе ниже-лужицкихъ домовъ, это — лошадиныя головы на фронтонѣ, которыя считаются остаткомъ почитанія священнаго воина Вуатана или лошади Витединда, которая была нарисована у него на знамени. Украшать дома двумя накрестъ

положенными лошадиными головами составляет древне-саксонский обычай. В люнебургских степных деревнях эти головы обращены одна к другой, а есть местности, где они обращены в противоположные стороны. Темъ поразительнѣе, что въ Нижней Лужицѣ на всѣхъ домахъ сербовъ видишь тѣ-же лошадиныя головы и что это украшеніе встрѣчаешь только у нижнихъ лужичанъ. Оно начинается попадаться на югѣ, на границѣ нарѣчій верхне-вендскаго и ниже-вендскаго, встрѣчается по всему пространству на сѣверъ отъ этой границы, въ Шпревальдѣ и на западѣ до того мѣста, гдѣ прекращается вендское населеніе, слѣдовательно, гдѣ исчезаютъ маленькіе, крытые соломой дома вендовъ и появляются дома нѣмцевъ.

Национальная женская одежда вендскихъ женщинъ сохранилась въ Шпревальдѣ во всей оригинальности. Работа на сырыхъ поляхъ и лугахъ заставила ихъ оставлять руки и ноги неприкрытыми и тщательно закрывать отъ сырости верхнюю часть тѣла. Когда шпревальдка отправляется на работу, она одѣваетъ чистое бѣлье, платокъ и старается выглядѣть, даже на полевыхъ работахъ, какъ можно болѣе опрятною, что представляетъ совершенный контрастъ съ нѣмками, которыя для полевыхъ работъ надѣваютъ все самое грязное и ветхое и имѣютъ видъ въ высшей степени неряшливый и нищенскій. На голову шпревальдка одѣваетъ платокъ изъ бѣлоснѣжнаго холста, изъ чернаго или пестраго шелка. При этомъ она складываетъ его особыми, разъ навсегда установленными складками и завязываетъ его такъ, что два конца, одинъ надъ другимъ, спускаются на спину, а два другихъ торчатъ по бокамъ головы. Этотъ платокъ прикрываетъ волосы, часть лба и уши. По складкамъ на платкѣ можно узнать, изъ какой мѣстности крестьянка. Короткая юбка, обыкновенно ярко-краснаго цвѣта, на подкладкѣ, прикрѣпляется къ черному бархатному корсажу. Голыя, всегда чрезвычайно круглыя и сильныя руки покрыты очень короткими (въ четверть аршина) рукавами бѣлой рубашки, которая одѣта подъ корсажемъ. Передникъ охватываетъ все тѣло у талии, во всю длину и ширину юбки, такъ что она видна только сзади, не болѣе какъ на четверть аршина. Рѣдко и только въ торжественныхъ случаяхъ и во время суровой зимы женщины носятъ чулки; такъ же рѣдко надѣваютъ онѣ куртки съ рукавами. Въ праздникъ не только туалетъ, но даже самая физіономія мѣняются вслѣдствіе оригинальнаго головного убора, который состоитъ изъ папки, въ видѣ треугольной шляпы, надѣтой поперегъ головы. Этотъ уборъ въ церковные праздники, когда носятъ платье только чернаго и бѣлаго цвѣта, покрывается бѣлымъ платкомъ, а въ воскресные дни наоборотъ — пестрымъ или цвѣтнымъ, часто очень дорогой матеріей. Этотъ платокъ, покрывающій головной уборъ изъ папки, треугольникомъ въ складкахъ спускается сзади, на спину; подъ подбородкомъ завязываютъ бантъ одного цвѣта съ головнымъ платкомъ. Къ шляпѣ прикрѣплены широкія бѣлыя брыжжи, со многими маленькими складками, которыя окружаютъ всю голову. Воскресная юбка отличается отъ будничной только качествомъ матеріи и широкой шелковой отдѣлкой. При праздничномъ костюмѣ корсажъ одѣвается точно такъ же, какъ и въ будніе дни: въ торжественныхъ случаяхъ онъ бываетъ бѣлаго или чернаго цвѣта, а въ воскресные дни блеститъ самыми яркими красками. Чулки всегда бѣлые, башмаки съ вырѣзкой. Зимой этотъ костюмъ дополняетъ черная суконная куртка на толстой подкладкѣ.

Но особенно своеобразенъ траурный костюмъ женщинъ: онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ длиннаго бѣлаго полотнянаго платья, въ которое онѣ закутываются съ головы до ногъ. Самый красивый траурный костюмъ носятъ жители Шпревальда. Ихъ бѣлое верхнее платье состоитъ изъ двухъ кусковъ полотна: большій кусокъ покрываетъ нижнюю часть тѣла и прикрѣпляется къ поясу, меньшій тоже прикрѣпляется къ поясу,

но перебрасывается через верхнюю часть тѣла, а по желанію можетъ закрывать и лицо. Между тѣмъ какъ въ другихъ вендскихъ мѣстностяхъ это бѣлое платье носятъ по покойникѣ только его ближайшіе родственники, въ Шпревальдѣ всѣ слѣдующіе за гробомъ надѣваютъ его. Трудно себѣ представить, какое торжественное впечатлѣніе производятъ на путешественника погребальныя лодки съ такими бѣлыми фигурами, или когда онѣ проходятъ мимо него на сушѣ, попарно, медленными шагами къ церкви, причемъ изъ-подъ траурнаго платья то выглянетъ печальное лицо, то опять скроется. Національный костюмъ вендскихъ женщинъ вполне сохранился въ Нижнихъ Лужицахъ и гораздо менѣе въ Верхнихъ.

Что касается мужскаго костюма сербовъ, то они мало отличаются имъ отъ крестьянъ другихъ мѣстностей: по буднямъ носятъ сѣрые и еще чаще синіе холщевые сюртуки, а по воскресеньямъ отправляются въ церковь въ длинныхъ синихъ суконныхъ сюртукахъ; шапки совершенно новаго фасона. Но у многихъ вендскихъ стариковъ сохранилась еще національная славянская одежда: бѣлый шерстяной балахонъ на зеленой или ярко-красной подкладкѣ и мѣховая шапка, какъ лѣтомъ, такъ и зимой.

Какъ вообще всѣ славяне, шпревальдцы, за исключеніемъ немногихъ мастеровыхъ, живутъ земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыбною ловлею. Сербы превратили почву, которая только на отдѣльныхъ, болѣе возвышенныхъ мѣстахъ удобна для разведенія хлѣба, въ такую плодородную огородную землю, что овощи, лукъ, огурцы и хрѣнъ Шпревальда высоко цѣнятся въ торговлѣ. Кромѣ того здѣсь разводять въ большомъ количествѣ скловицу и тыкву для откармливанія скота. Когда почва истощится, шпревальдцы удобряютъ ее иломъ своихъ канавъ и протоковъ. Хотя здѣсь занимаются также и посѣвомъ хлѣбныхъ растений, но въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ, такъ какъ почва не настолько плодородна, чтобы давать хорошій урожай хлѣбовъ. Вслѣдствіе этого хозяйство состоитъ главнымъ образомъ въ сборѣ сѣна, и это луговое хозяйство остается главнымъ источникомъ дохода для жителей этихъ лагунъ. Весеннее разлитіе многоводныхъ рѣкъ благотвѣтельно вліяетъ на богатые сѣнокосы. Сѣно здѣсь не складываютъ въ сараи, а оставляютъ его послѣ сѣнокоса до зимы въ стогахъ. Чтобы оно не потерпѣло отъ наводнецій, шпревальдцы устраиваютъ подъ сѣномъ подставку, которая возвышается отъ земли на нѣсколько футовъ. Въ середину этой подставки вколачиваютъ жердь и вокругъ нея складываютъ сѣно въ видѣ закругленнаго сверху конуса, а для защиты отъ непогоды его прикрываютъ дерномъ или тростникомъ. Рука объ руку съ луговодствомъ идетъ скотоводство, и многія деревни Шпревальда славятся рогатымъ скотомъ.

Не менѣе поддерживаютъ они свое существованіе и рыбною ловлею. Шпревальдскіе сербы — природные рыбаки: на своихъ челнахъ, съ необыкновенной быстротой и отвагой они уже издавна пересѣкали безчисленные каналы своей родины. Прежде они исключительно жили рыбною ловлею, промѣнивая въ нѣмецкихъ городахъ пойманную рыбу на хлѣбъ.

Но изъ всѣхъ занятій главную роль въ домашней жизни играетъ пряденіе. Вслѣдствіе большаго и самаго разнообразнаго употребленія полотна, дѣтей приучаютъ къ пряжѣ уже съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни, и здѣсь не только женщины, но и старики, которые ничѣмъ не могутъ помочь въ хозяйствѣ, вертятъ колесо отъ ранняго утра до самаго поздняго вечера. Для тѣхъ, которые большую часть года заняты другими работами, назначено определенное время, когда и они должны принимать участіе въ пряденіи. Это время начинается съ 11-го октября и продолжается до масляной. Для того, чтобы сдѣлать эту работу болѣе пріятной, сосѣди собираются для нея поочередно у всѣхъ хозяекъ, и прядильныя посидѣлки продолжаются отъ 7 до 10 ч. вечера. Все это время

прядутъ и весело болтають. Когда перетолкують о всѣхъ деревенскихъ событіяхъ, начинаютъ пѣть пѣсни на нѣмецкомъ или вендскомъ языкѣ; кончили пѣсню, и молодежь начала другъ другу загадывать загадки. Въ большинствѣ случаевъ музыка, которая при этомъ слышится, та-же, что и у нѣмцевъ: теперь мало сербскихъ деревень, въ которыхъ можно было бы встрѣтить старинные музыкальные инструменты вендовъ. Все рѣже и рѣже встрѣчаются гусли, издающія рѣзкіе звуки. вмѣстѣ съ гуслиами прежде въ большомъ ходу была настоящая вендская таракава (родъ гобоя) и славянская волынка, которая была двухъ родовъ: большая волынка, или «козелъ», украшенная головой козла съ рогами, какъ это встрѣчается въ Богеміи, и малая волынка, «тѣшава», безъ этого украшенія. Прежде въ вендскихъ деревняхъ играли также и на цимбалахъ, — но теперь эти инструменты очень рѣдко встрѣчаются здѣсь.

АВСТРІЯ.

ВѢНА.

Значеніе столицы и прекрасное мѣстоположеніе.—Отличіе отъ Берлина.—ВѢна—городъ удовольствій и промышленной дѣятельности.—Ея окрестности.—ВѢнскій лѣсъ.—Прогулки.—Ваденъ.—Жизнь въ вѢнскихъ предмѣстьяхъ.—Старый городъ съ его улицами и модными магазинами.—Соборъ Св. Стефана и Вургъ.—Евреи въ ВѢнѣ и ихъ значеніе.—Вишплингеръ и Юденъ-штрассе.—Площадь Стефана.—Палка въ желѣзѣ.—Грабенъ и Рингъ-штрассе.

ВѢна—одинъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе блестящихъ европейскихъ городовъ; ея пышность, богатство, роскошь, извѣстность, слава и красота построекъ увеличиваются съ необыкновенною быстротою. Съ своими 36 предмѣстьями ВѢна занимаетъ около 4 миль въ окружности и имѣетъ болѣе 1 м. жителей. Городъ этотъ лежитъ на одномъ изъ побочныхъ рукавовъ Дуная, при впаденіи въ него рѣчки ВѢны, и необозримая масса его домовъ и улицъ раскинулись у подножія холмовъ, которые поднимаются волнообразно одинъ за другимъ вплоть до высокихъ горъ ВѢнскаго Лѣса (Винервальда). Городъ этотъ украшенъ множествомъ великолѣпныхъ, нерѣдко колоссальныхъ построекъ, которыя еще издали бросаются въ глаза своими высокими башнями и блестящими куполами. Но особенную прелесть ВѢнѣ придаетъ окружающая природа: на западѣ и сѣверо-западѣ возвышаются отроги горъ ВѢнскаго лѣса, на югѣ поднимается хребетъ Винербергеръ, на востокѣ разстилается австро-венгерская низменность. Это сочетаніе лѣса, воды, горъ и плоскостей придаетъ положенію ВѢны особенную привлекательность. По всей вѣроятности, при ея основаніи эти условія были отчасти приняты во вниманіе, но, конечно, на первомъ планѣ стояли стратегическія соображенія, благодаря которымъ римляне, около 2000 лѣтъ тому назадъ, и рѣшили выстроить здѣсь городъ Виндобону. Блестящій видъ ВѢна приняла очень недавно. Въ этой, по истинѣ одной изъ самыхъ изящныхъ и блестящихъ современныхъ столицъ міра, еще недавно зіяли широкіе рвы и высались грозные бастионы; теперь, на ихъ мѣстѣ разстилаются великолѣпные сады, тянутся блестящіе бульвары, возвышаются замѣчательные дворцы. Какъ современные постройки, такъ и колоссальные памятники древней архитектуры, все въ ВѢнѣ величаво и внушаетъ удивленіе. «Одинъ на свѣтѣ имперскій городъ, одна на свѣтѣ ВѢна; тамъ добрые люди, туда мы идемъ!» поютъ австрійцы въ порывѣ восторга, и они вполне правы: дунайская царица расположена въ восхитительной мѣстности, давно прославилась множествомъ своихъ дивныхъ окрестностей, увѣнчана зелеными холмами, осынена громадными парками. Преж-

де лишь пограничный городъ цивилизованной Европы, Вѣна сдѣлалась теперь центромъ торговой, политической и свѣтской жизни. Своимъ быстрымъ ростомъ и могущественнымъ процвѣтаніемъ она прежде всего обязана счастливому географическому положенію. Еще въ то время, когда Венеціанскій заливъ сдѣлался главною дорогою, соединяющею Италію съ Дунаемъ, Вѣна заняла довольно видное мѣсто между могущественнѣйшими городами. Этому не мало помогло и то обстоятельство, что она находилась у самыхъ востокъ, такъ какъ въ продолженіи всего средневѣковаго періода населеніе Венгріи сохраняло еще въ значительной степени свой азіатскій характеръ. Какъ городъ уже въ то время цивилизованный, Вѣна служила передовымъ оплотомъ Германіи и всей западной Европы и вела всякаго рода сношенія съ восточнымъ міромъ. Вотъ почему еще и въ настоящее время въ предметахъ роскоши, въ одеждѣ, нерѣдко въ архитектурѣ, въ искусствѣ и отчасти даже въ музыкѣ вѣнцевъ лежатъ съ одной стороны печать характера сыновъ Италіи, съ другой — востока. Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что въ австрійцахъ вообще есть что нибудь нѣмецкое; еще менѣе чертъ нѣмецкаго характера можно отыскать въ вѣнцахъ. Въ этой столицѣ, издавна обитаемой мадьярами, всевозможными славянами, итальянцами, нѣмцами легко отыскать черты характера разнообразныхъ національностей, но болѣе всего сказывается итальянскихъ и восточныхъ чертъ. Не смотря на множество прекрасныхъ улицъ и бульваровъ, въ Вѣнѣ особенно въ старомъ городѣ, еще до сихъ поръ попадаетъ немало такихъ же узенькихъ улицъ и переулочковъ, какъ въ Венеціи. Италію также напоминаютъ въ Вѣнѣ каменные распятія на дворахъ и статуи святыхъ, украшающихъ лѣстницы. Ярвія цвѣта, блескъ красокъ, пестрота и самое разнообразное, фантастическое сочетаніе цвѣтовъ въ рисункѣ матерій указываютъ на вліяніе востока.

Можно смѣло сказать, что трудно было найти въ Австрійской Имперіи другой клочекъ земли съ болѣе благоприятнымъ мѣстоположеніемъ, какъ Вѣна. Построенная между нижними отрогами восточныхъ Альпъ и Дунаемъ, Вѣна представляетъ большія удобства для судоходства и торговли. Недалеко отъ Вѣны находятся въ высшей степени важные и удобные пути для разнообразныхъ сношеній и торговли. По верхнему и среднему Дунаю можно найти не мало дорогъ чрезъ удобопроходимую часть богемской границы; отсюда легко попасть и въ населеннѣйшія мѣстности Каринтіи и Штиріи; низвія цѣпи Альпъ здѣсь можно перейти съ меньшими трудностями, чѣмъ гдѣ нибудъ западнѣе; изъ Вѣны, наконецъ, чрезвычайно легко достигнуть сѣвернаго берега Адриатическаго моря и Дунай ближе здѣсь, чѣмъ гдѣ бы то ни было, къ этому морю. Вѣна, мѣстопробываніе императорской фамиліи, любимѣйшій городъ австроренгерскаго дворянства, имѣетъ громадное значеніе въ имперіи въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, центральный пунктъ для многочисленнаго населенія страны, столица, дающая тонъ нравамъ и модамъ для всѣхъ ниже-дунайскихъ странъ, извѣстная на далекомъ востокѣ подъ именемъ Бечъ. Многочисленные пути сообщенія, расходящіеся во всѣ стороны, дѣлаютъ Вѣну однимъ изъ главныхъ сборныхъ пунктовъ для путешественниковъ и однимъ изъ важнѣйшихъ складочныхъ мѣстъ для торговыхъ сношеній. Къ тому же Дунай, этотъ естественный путь обмѣна, много способствуетъ оживленію торговой дѣятельности вѣнскаго рынка. «Мало найдешь городовъ съ такою аристократическою осанкою», говоритъ одинъ писатель: «это по истинѣ придворный городъ въ полномъ смыслѣ этого слова, городъ кесарей и императоровъ, такъ какъ Вѣна имѣетъ то, чего недостаетъ Берлину: преданія, прошлое! Вѣна дочь знатной семьи, Берлинъ выскочка. Чего бы только ни дали въ Берлинѣ, чтобы имѣть такой соборъ, каковъ соборъ Св. Стефана, такой дворецъ, каковъ Бургъ, такіе музеи, каковы Бельведерскіе! На каждомъ шагу древніе мо-

нументы, древнія сооружеія являются намъ здѣсь наглядною лѣтописью прошлаго. Блестящіе экипажи, роскошные магазины, оживленное движеніе въ улицахъ, все свидѣтельствуетъ объ истинноцарскомъ дворѣ, о богатой и изящной аристократіи, сохранившей еще рыцарскіе нравы. Вѣна средоточіе племенъ и оборотовъ; соединительное звѣно между Германіей и Востокомъ; Берлинъ ничему не служитъ центромъ; это не средоточіе чего-либо, а просто каска».

Вообще трудно найти два города, какъ Берлинъ и Вѣна, имѣющихъ между собою такъ мало общаго. Рѣзкое различіе между этими городами бросается каждому съ перваго взгляда: въ характерѣ построекъ, въ жизни и нравахъ населенія, въ расположеніи города, въ уличномъ оживленіи. Въ Берлинѣ нужно знать только названіе улицы и номеръ дома, чтобы отыскать личность, которая вамъ нужна. Въ Вѣнѣ этого слишкомъ мало. Каждый вѣнскій домъ имѣетъ свои особенности и нерѣдко своими громадными и длинными корридорами и проходными дворами представляетъ настоящей лабиринтъ. Въ Вѣнѣ легко заблудиться, не только зная номеръ дома и улицу, но лѣстницу и этажъ, въ которомъ живетъ отыскиваемое лицо. Внѣшняя сторона вѣнской жизни несравненно болѣе блестящая, чѣмъ въ Берлинѣ, гдѣ она прежде всего поражаетъ расчетливостью, а подчасъ скарденностью и скопидомствомъ.

Такое же различіе между жителями той и другой столицы: населеніе Вѣны, благодаря многовѣковой смѣси славянскихъ, романскихъ, германскихъ и другихъ элементовъ, отличается здѣсь какою-то особенной, необыкновенно пріятной для иностранца, предупредительностью, любезностью, веселою беззаботностью. Въ Берлинѣ васъ отталкиваетъ холодность, всегда угрюмое расположеніе духа и натянутость его жителей, формализмъ и солдатчина, которую вы встрѣчаете всюду. Вѣнскіе нѣмцы не имѣютъ ничего общаго съ германскими: они всегда веселы, находчивы, въ высшей степени остроумны, внимательны къ иностранцамъ, всегда вѣжливо предупредительны съ ними. Если вы обратитесь въ Вѣнѣ къ кому нибудь за объясненіемъ или справкой, вамъ дадутъ всевозможныя указанія, окажутъ всевозможныя услуги и притомъ съ такимъ видомъ, будто еще вы оказали имъ большое одолженіе. Послѣ неуклюжихъ, пестро одѣтыхъ жительницъ Берлина, дамы Вѣны поражаютъ своею миловидностью, граціею и элегантною.

Въ Берлинѣ совсѣмъ нѣтъ жизни кофейнъ: кондитерскія этой столицы, сравнительно съ вѣнскими, — жалкія, душныя, тѣсныя, скудно снабженныя газетами помѣщенія. Между тѣмъ въ большинствѣ вѣнскихъ кофейнъ встрѣчаешь даже роскошь: большія комнаты прекрасно меблированы, опытная прислуга, масса газетъ, не говоря уже о чрезвычайно вкусномъ кофе и печенъи. Для берлинца большой расчетъ зайти лишній разъ въ кондитерскую; вѣнецъ непремѣнно каждый день посѣщаетъ кофейню, проводитъ въ ней нѣсколько часовъ, пьетъ кофе, курить, болтаетъ съ посѣтителями, играетъ съ ними въ билліардъ и въ шахматы и оставляетъ ее не раньше, какъ пересмотрѣвъ цѣлую грудку различныхъ газетъ. Берлинецъ читаетъ лишь одну газету; вѣнецъ ежедневно перечитываетъ ихъ множество и еще большее количество пересматриваетъ: по своей натурѣ онъ необыкновенно жаденъ до новостей.

Не менѣе различія между этими двумя столицами и въ климатическомъ отношеніи: Вѣна лежитъ въ болѣе южномъ климатѣ, чѣмъ Берлинъ, солнце въ ней грѣетъ несравненно теплѣе, и этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ можно отчасти объяснить болѣе живой характеръ вѣнцевъ, ихъ болѣе подвижной темпераментъ. Какъ горные склоны вѣнскаго лѣса покрыты растительностію, которая представляетъ переходъ отъ сѣверной сосны къ итальянскому пинію, такъ и въ жизни вѣнцевъ есть уже черты характера народной жизни по ту сторону Альпъ. Сѣверный человекъ долженъ все самъ создавать, и

изъ этого, такъ сказать, естественнаго принужденія развивается болѣе сильный, энергичный, серьезный, но въ тоже время и болѣе мрачный характеръ. Этотъ дѣловитый и отчасти мрачный характеръ даетъ себя чувствовать особенно въ Берлинѣ и оставляетъ въ каждомъ путешественникѣ впечатлѣнiе чего-то томительно-скучнаго. Удовольствiя Берлина не манятъ къ себѣ, да и посѣщаютъ его обыкновенно только проездомъ или по необходимости, и никто никогда не загостится въ немъ долго. Совсѣмъ не то въ Вѣнѣ: жизнь среди вѣчно веселаго населенiя, въ городѣ съ прелестными, самыми разнообразными окрестностями на столько привлекаетъ каждаго путешественника, что онъ всегда ищетъ случая подольше въ ней остаться. Нигдѣ народъ не умѣетъ лучше веселиться и придумывать болѣе разнообразныхъ развлеченiй, какъ въ Вѣнѣ, нигдѣ онъ не имѣетъ болѣе веселаго вида, какъ здѣсь. По улицамъ Берлина публика проходитъ торопясь, дѣловой походкой; въ Вѣнѣ она имѣетъ ликующий, праздничный видъ, какъ будто сейчасъ отправляется на праздникъ или возвращается съ него. Конечно, и въ Вѣнѣ умѣютъ работать, и даже много работать, но чужестранецъ не замѣчаетъ этого; онъ видитъ только, что вѣнецъ всегда находитъ время для развлеченiй.

Берлинъ — городъ новый, городъ будущаго, но не прошлаго; Вѣна, напротивъ, полна поэзiи прошедшаго и въ тоже время это городъ настоящаго. Большинство людей любитъ жить только настоящимъ, требуетъ развлеченiй, одни для возбужденiя жизненной энергiи, другiе, чтобы убить время, котораго имъ некуда дѣвать, и Вѣна въ этомъ отношенiи болѣе Берлина удовлетворяетъ каждаго. Молчаливый, упорный и усидчивый въ трудѣ, берлинецъ дѣльнѣе, но вѣнецъ любезнѣе, оживленнѣе, остроумнѣе. Вѣна прекрасна своею южною окраскою, своими дивными садами и дворцами, своими воспоминанiями и памятниками, своими статуями и старыми соборами, своими прiятными поѣздками въ Пратеръ и его разнообразными праздничными развлеченiями и театрами, своею танцевальною музыкою и чернооками, прелестными женщинами. Это городъ радостей въ полномъ смыслѣ слова; тутъ на каждомъ шагу васъ поражаетъ блескъ и великолѣпiе, остроумiе жителей и ихъ кипучая жизнь, полная разнообразныхъ развлеченiй, точно здѣсь нѣтъ ни умирающихъ, ни голодныхъ, ни несчастныхъ! Между тѣмъ въ послѣднее время въ Вѣнѣ часто бываютъ серьезные уличные беспорядки. Это объясняется крайне тяжелымъ положенiемъ вѣнскихъ ремесленниковъ. Эти издавна прославившiеся своимъ искусствомъ во многихъ ремеслахъ люди часто не находятъ здѣсь заработка даже за одно пропитанiе, и большинство ихъ находится въ чрезвычайно бѣдственномъ положенiи.

Вѣна уже издавна славится какъ городъ удовольствiй, но она привлекаетъ людей не только желающихъ веселиться, а и желающихъ усовершенствоваться въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда. Австрiйская столица давно прославилась своими ремесленниками, которые отличаются большимъ искусствомъ въ выдѣлкѣ предметовъ роскоши: тутъ существуетъ огромный классъ ремесленниковъ, которые съ неподражаемымъ вкусомъ и умѣньемъ вытачиваютъ мелкiя вещи изъ слоновой кости и дерева, другiе сообщаютъ глянecъ обоямъ и матерiямъ, набиваютъ самые разнообразные узоры на кожѣ, готовятъ всевозможные предметы домашняго обихода изъ новаго (Neusilber) и накладнаго серебра. Хотя всѣ эти предметы и уступаютъ въ изяществѣ французскимъ, но они превосходятъ ихъ своимъ блескомъ и прочностiю. Вѣна служитъ главнымъ мануфактурнымъ центромъ Австро-Венгрии: около десятой части произведенiй, фабрикуемыхъ на всемъ пространствѣ австрiйской имперiи, выходитъ изъ вѣнскихъ мастерскихъ. Особенною извѣстностiю пользуются производства вѣнской мебели, экипажей, локомотивовъ, музыкальныхъ инструментовъ, математическихъ и физическихъ аппаратовъ, а также фабри-

кація шелковыхъ матерій. Вѣнскую императорскую типографію считаютъ первымъ заведеніемъ этого рода въ Европѣ по богатству и разнообразію шрифтовъ. Въ ней работаетъ болѣе 1,000 рабочихъ и она съ большимъ успѣхомъ печатаетъ книги на всѣхъ языкахъ, посылая образцы своихъ работъ на выставки разныхъ странъ. Здѣсь также родилась на свѣтъ хромолитографія, изобрѣтеніе, составляющее одну изъ самыхъ доходныхъ статей вѣнской промышленности.

Такимъ образомъ промышленностію и дѣятельною торговлею Вѣна прославилась уже издавна; за то здѣсь дольше, чѣмъ въ другихъ столицахъ, продолжался застой въ интеллектуальной жизни; мыслителями, первоклассными писателями, поэтами и учеными она не славится еще и теперь: какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ вѣнцы сдѣлали очень мало. Лишь музыка играла у нихъ всегда выдающуюся роль и приковывала къ себѣ общественный интересъ болѣе, чѣмъ что бы то ни было. Причину такого печальнаго явленія многіе долго объясняли исключительно климатомъ. Думали, что почти южный, но непостоянный климатъ Вѣны и теплые вѣтры, проникающіе съ Адриатическаго моря, дѣйствуютъ разслабляющимъ образомъ на жителей, дѣлая ихъ неспособными къ серіозной мысли, къ усидчивому труду. Но такое мнѣніе оказалось совершенно ошибочнымъ. Еще 30, 40 лѣтъ тому назадъ иностранцу было чрезвычайно трудно проникнуть въ Вѣну и жить въ ней. Для этого необходимо было имѣть множество рекомендательныхъ писемъ къ высокопоставленнымъ австрійскимъ властямъ; но и это еще часто не избавляло иностранца отъ шпионства австрійской полиціи, которая слѣдила за каждымъ его шагомъ, распечатывала его корреспонденцію, наблюдала за его знакомыми, придиралась къ нимъ и во всякой неточности въ паспортѣ, лишь бы какъ можно скорѣе выпроводить его изъ своей столицы и тѣмъ избавить своихъ согражданъ отъ всякаго новаго вліянія свѣжей мысли. Еще болѣе тяжкія стѣсненія сковывали жизнь мѣстнаго населенія, и это имѣло крайне губительное вліяніе на всѣ отрасли знанія и литературы. Но когда эти средневѣковыя стѣсненія были уничтожены, когда каждому сдѣлался доступенъ вѣздъ въ Вѣну, она быстро стала процвѣтать и скоро сдѣлалась не только одною изъ самыхъ изящныхъ и красивыхъ въ мірѣ столицъ, но и въ высшей степени привлекательною для путешественниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ произошла и перемѣна въ общественной жизни ея гражданъ. Жители Вѣны въ самое послѣднее время стали проявлять огромный интересъ къ сельскому хозяйству, которое теперь въ большомъ почетѣ даже среди аристократіи. Большинство австро-венгерской знати состоитъ изъ представителей крупнаго землевладѣнія, между которыми есть и извѣстныя въ сельско-хозяйственномъ мірѣ имена. Кромѣ того, вѣнскій агрономическій институтъ, химическая опытная станція и множество другихъ учрежденій въ этомъ родѣ даютъ возможность людямъ, серіозно занимающимся сельскимъ хозяйствомъ, основательно поработать. Помимо этого въ Вѣнѣ существуютъ особыя фабрики и склады разныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, издають нѣсколько сельско-хозяйственныхъ журналовъ. Шестъ, семь лѣтъ тому назадъ здѣсь оказалось такъ много людей серіозно заинтересованныхъ сельскимъ хозяйствомъ, что образовался даже клубъ, который служитъ для сближенія между собою лицъ, занимающихся разработкою различныхъ вопросовъ въ этой области. Въ Вѣнѣ существуетъ также нѣсколько ученыхъ обществъ и много прекрасно устроенныхъ учебныхъ заведеній. Тѣмъ не менѣе продолжительный гнетъ мысли до сихъ поръ отражается на умственной дѣятельности ея гражданъ, между которыми такъ мало выработалось людей, прославившихъ себя на литературномъ, научномъ или политическомъ поприщѣ.

Но чѣмъ Вѣна безспорно можетъ гордиться передъ другими столицами, это своими красивыми и разнообразными окрестностями: это можно сказать уже о самыхъ близкихъ къ

столицѣ, а тѣмъ болѣе отѣхъ, которыя находятся отъ нея на нѣсколько миль разстоянія. Въ этомъ отношеніи ни Берлинъ, ни Лондонъ, ни Парижъ не могутъ сравниться съ немъ. Куда бы вы ни выѣхали изъ Вѣны, вездѣ открывается передъ вами какая-нибудь милостивая долина, которая привлекаетъ ваше вниманіе богатствомъ и обиліемъ роскошной зелени. Вездѣ прелестныя деревни, дачи, парки и замки, которые стоить посѣтить. Мало этого, живя въ Вѣнѣ, вы постоянно можете предпринимать чисто деревенскія прогулки, взбираться съ горы на гору, сидѣть по цѣлымъ часамъ среди пахучихъ сиреней весною, цвѣтущихъ липъ лѣтомъ и созрѣвающаго винограда осенью. Стоить отправиться за городъ на разстояніе получасовой ходьбы пѣшкомъ или десяти минутъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, и вы сразу очутитесь въ прелестномъ лѣсу, среди мало посѣщаемой мѣстности, гдѣ не встрѣтишь ни одного живаго существа. Поэтому вѣнцы имѣютъ обычай лѣтомъ, въ хорошую погоду, чуть не ежедневно устраивать прогулки сообща. Нѣсколько семействъ въ складчину нанимаютъ карету, берутъ съ собой корзину съ провизіею и отправляются то въ одну, то въ другую сторону. Вѣнцы имѣютъ возможность до безконечности разнообразить такія прогулки. Удивительно пріятное впечатлѣніе оставляетъ вѣнское общество, когда встрѣтишься съ нимъ гдѣ-нибудь на уединенной прогулкѣ: оно уютно расположилось на горкѣ или въ лѣсу подъ деревомъ... Какая идетъ живая болтовня, со всѣхъ сторонъ слышатся остроты, шутки, смѣхъ! На такую прогулку вѣнское семейство является съ знакомыми и дѣтьми, которыя тутъ же, неподалеку, играютъ въ кегли и въ лошади. Вдругъ всѣ смолкли и затянули пѣсню общимъ хоромъ. Когда съ пожилыми людьми есть нѣсколько молоденькихъ дѣвушекъ и юношей, смѣху, бѣготнѣ и дурачествамъ нѣтъ конца: одинъ затягиваетъ комическую пѣсенку, другой прерываетъ его игрою на гармоникѣ. Но вотъ встаетъ прелестная молодая дѣвушка и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, даже со страстью начинаетъ пѣть вальсъ Штрауса, этого любимца вѣнской публики. За нею молодой человѣкъ весело и живо провозноситъ импровизацію въ стихахъ, которую въ нѣсколькихъ словахъ можно передать такъ: «зеленый лѣсъ, ароматъ весны, вкусныя торты и хорошенькіе глазки въ состояніи сдѣлать поэтомъ самого прозаичнаго въ мірѣ человѣка». Затѣмъ молодежь пускается догонять другъ друга, и такъ безъ конца. Такое пріятное времяпрепровожденіе возбуждаетъ волчій аппетитъ, и то, что вѣнцы съѣдаютъ и выпиваютъ во время этихъ прогулокъ, говорятъ, просто невѣроятно. Такія прогулки чрезвычайно любимы всѣми. Самыя строгія хозяйки извиняютъ даже небрежность въ хозяйствѣ служащихъ, если только они скажутъ, что причиною этого была «Landpartie».

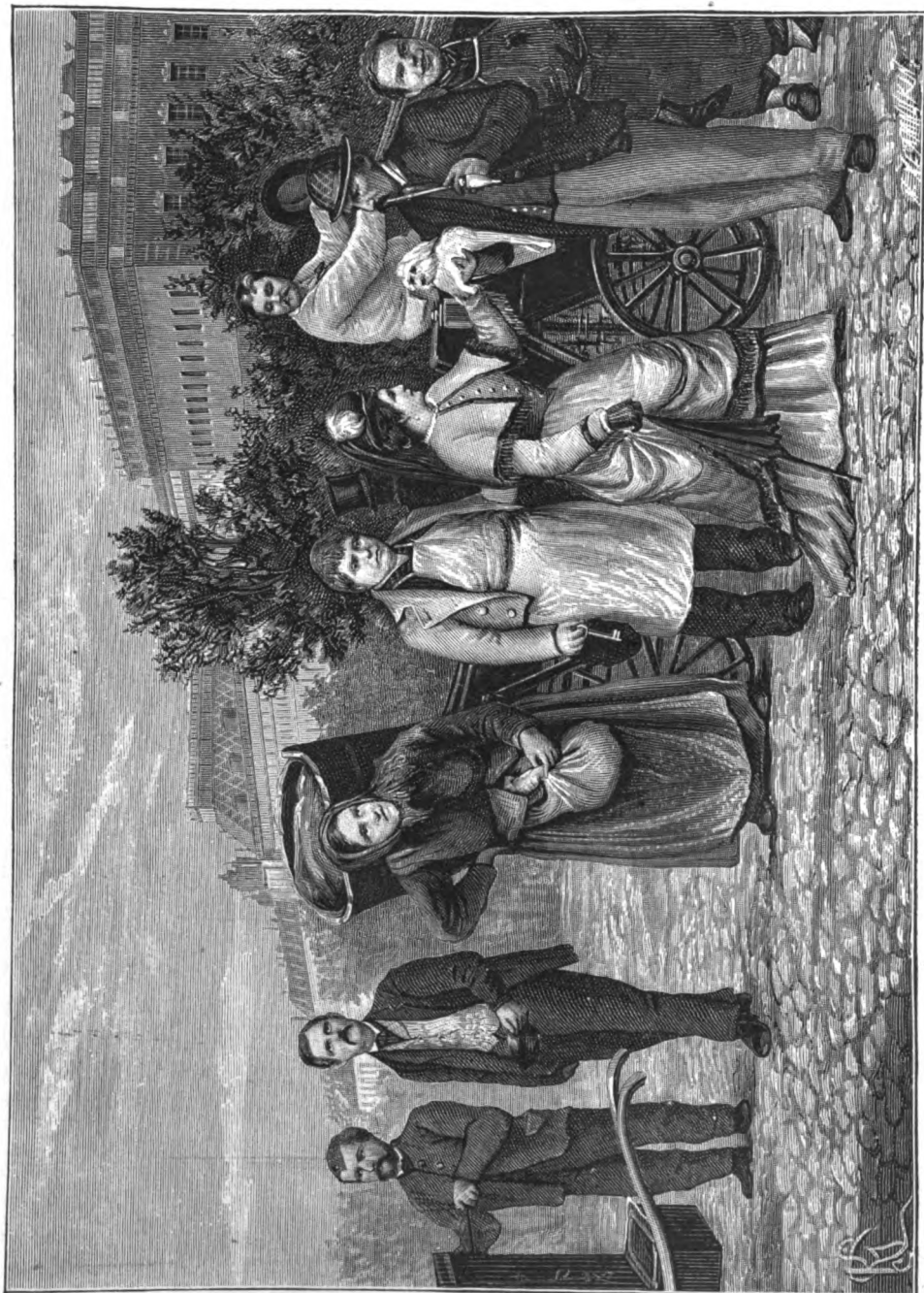
Вѣнскій Лѣсъ, къ которому примыкаютъ безчисленныя аданія Вѣны на западѣ и сѣверо-западѣ, болѣе другихъ даетъ вѣнцамъ возможность предпринимать деревенскія прогулки: они идутъ сюда послѣ 4, 5 часовъ и возвращаются домой только на ночь. Въ Вѣнскій Лѣсъ можно отправиться не только пѣшкомъ, но и ѣхать, смотря по желанію: по желѣзной дорогѣ, въ дилижансѣ, въ омнибусѣ и по конно-желѣзной дорогѣ. Въ немъ есть и высокіе пункты, и прелестныя лужайки, и густыя чащи лѣса. Такъ много лѣсу и зелени совершенно вблизи города нигдѣ нельзя найти, за исключеніемъ Нью-Йорка. Самъ по себѣ Вѣнскій Лѣсъ занимаетъ огромное пространство въ 16 нѣмецкихъ квадратъ миль. Понятно, что въ Вѣнѣ не приходится затрудняться, если хочешь совершить дневную прогулку съ тѣмъ, чтобы на ночь возвратиться домой. Путешествіе въ Вѣнскій Лѣсъ можно разнообразить до безконечности. Тутъ можно найти и возвышенныя пункты съ далекими видами на окружающую равнину, на весь городъ, открытыя поляны и лѣсную чащу. У восточнаго подножія Вѣнскаго Лѣса, въ небольшой живописной долинкѣ, лежитъ прелестный городокъ Бадень, замѣчательный своими минеральными водами, ко

торья были уже известны римлянамъ. Въ Баденѣ множество купаленъ и прекрасный парк: это лѣтнее мѣстопробываніе богатыхъ и свѣтскихъ людей, а нерѣдко и двора.

Не смотря на блестящія окрестности и предмѣстья, жизнь въ нихъ ведутъ чисто провинціальную и мѣщанскую. Мужчины нерѣдко стоятъ въ дверяхъ лавочекъ въ рубашкѣ и жилетѣ, женщины шьютъ или вышиваютъ на воздухѣ, дѣти играютъ на улицѣ и шарманка не умолкаетъ цѣлый день, съ утра до поздней ночи. Торговля идетъ мирно: купецъ и покупатель знаютъ другъ друга съ колыбели и во время продажи толкуютъ между собою о семейныхъ дѣлахъ. Въ окнахъ магазиновъ и лавокъ разложена цѣлая литература сонниковъ, книгъ о привидѣніяхъ и романическихъ приключеніяхъ. Глухо, точно Богъ знаетъ какъ издалѣка, слышится шумъ вѣнской жизни, хотя это было бы отъ Вѣны на разстояніи полчаса ѣзды. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ послѣобѣденное время на улицахъ все окончательно стихаетъ: многіе имѣютъ обычай спать послѣ обѣда. Не смотря однако на эту покойную жизнь въ предмѣстьяхъ, здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ, чуть не въ каждомъ домѣ—кофейня, ресторанъ или пивная. Но возвратимся къ описанію столицы.

Общее расположеніе въ высшей степени благопріятно. Внутренній городъ, посреди котораго гордо возвышается замѣчательнѣйшая церковь Св. Стефана, очевидно основана раньше другихъ. Прежде онъ былъ окруженъ крѣпкою стѣною, за которой разстилались гласисы (пространства передъ крѣпостнымъ ровомъ), украшенные роскошными деревьями. Въ 1858 г. было предпринято разрушеніе этой городской стѣны; деревья гласисовъ были вырублены, но за то внутренний городъ освободился наконецъ отъ долго скрывавшихъ его цѣпей и сталъ быстро разрастаться во всѣ стороны. Старыя стѣны, рвы и гласисы, окружавшіе первоначальный городъ, были превращены въ кольцеобразный поясъ бульваровъ, называемый Рингъ. (кольцо) или въ Рингъ-штрассе, т. е. въ кольцеобразную улицу; отчасти они уступили мѣсто блестящимъ постройкамъ и аллеямъ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время старая часть города заключаетъ въ себѣ значительныя церкви и великолѣпныя дворцы богатаго австрійскаго и венгерскаго дворянства.

Самыя главныя достопримѣчательности старой части города — соборъ Св. Стефана и Бургъ — гордость и предметъ обожанія вѣнцевъ. Въ Европѣ мало такихъ прекрасныхъ, такихъ оригинальныхъ и въ тоже время такихъ древнихъ памятниковъ, какъ соборъ Св. Стефана. Его шпиць—чудо изящества, смѣлости и легкости. Уже издалика, гораздо раньше чѣмъ вступишь въ городъ, замѣчаешь, что надъ массою домовъ возвышается башня Св. Стефана съ его шпицомъ. Въ громадной постройкѣ собора, соперничающаго по красотѣ со страсбургскимъ, его башня со своими сквозными стѣнами, гербами, фигурами, карнизами, остроконечными и круглыми арками является какою-то кружевною тканью, между тѣмъ какъ весь соборъ, чрезвычайно богато украшенный, служитъ исполнскихъ размѣровъ хранилищемъ тысячи сокровищъ. Соборъ Св. Стефана—одна изъ самыхъ грандіозныхъ построекъ среднихъ вѣковъ: его начали строить въ половинѣ XII столѣтія, а окончили тремя вѣками позже, но и послѣ этого онъ много разъ, какъ снаружи, такъ и внутри, обогащался новыми украшениями, и въ настоящее время представляетъ образцы архитектуры во всѣ періоды, во всемъ разнообразіи формъ. Снаружи стѣны собора съ двумя башнями (но одна изъ нихъ еще до сихъ поръ не совсѣмъ окончена) украшены причудливою рѣзбою; внутри соборъ можетъ помѣстить до 13,000 мошельщиковъ. Мрачное величіе храма производитъ поразительный эффектъ. Долго находишься подъ вліяніемъ глубокаго впечатлѣнія, производимаго цѣлымъ, пока не начнешь всматриваться въ красоту отдѣльныхъ частей: исполнскіе столбы, поддерживающіе сводъ, украшены множествомъ статуй; кафедра — образцовое произведеніе каменотес-

наго дѣла, — перила этой кафедры украшены жабами, ящерицами и другими гадами; готическій придѣлъ съ часовнею для совершенія таинства крещенія; хоры съ дивною рѣзбою; превосходные мавзолеи, гробницы императоровъ, кардиналовъ, принцевъ.

Подъ соборомъ Стефана, въ три этажа, расположены катакомбы. Въ этихъ глубокихъ подземельяхъ— громадное народонаселеніе покойниковъ. Но самое любопытное для путешественника— колокольня Св. Стефана. Подниматься на нее приходится по очень узкой, темной лѣстницѣ, но мало по малу она становится свѣтлѣе. Мѣстами въ массивныхъ стѣнахъ продѣланы двери, ведущія на узкую галлерейку узорчатой работы, кружевомъ вьющюся вокругъ зданія. Первый любопытный предметъ, который встрѣтишь, все поднимаясь вверхъ, — помѣщеніе колоколовъ, связанныхъ съ разными историческими воспоминаніями. Звонъ одного изъ нихъ такъ громокъ, что слышенъ въ штирійскихъ горахъ. Черезъ нѣсколько десятковъ ступеней еще вверхъ очутишься въ каморкѣ ночныхъ сторожей, которые обязаны поднимать тревогу въ случаѣ пожара; но самая любопытная платформа еще выше на 30 ступеней. Отсюда открывается по истинѣ величавое и восхитительное зрѣлище— необъятный видъ чуть не на всѣ владѣнія австрійской имперіи, на венгерскія равнины, на Карпатскій хребетъ, на богемскія поля, на горы Штиріи, на тирольскіе Альпы. Впечатленіе, вынесенное отсюда, трудно когда-нибудь забыть!

Другая достопримѣчательность стараго города — Бургъ, императорскій дворецъ. Онъ представляетъ соединеніе многихъ зданій, воздвигнутыхъ въ разныя эпохи, разнообразныхъ архитектуръ. Этотъ значительный по объему дворецъ заключаетъ въ себѣ замѣчательныя сокровища искусствъ, историческихъ и естественно-историческихъ коллекцій, монетъ, собраніе великолѣпныхъ рѣдкостей, брилліантовъ, драгоценныхъ камней, медалей, дивныхъ камней, достопримѣчательныхъ антиковъ.

Вѣна рѣзко отличается отъ другихъ большихъ городовъ. Мы уже знаемъ, что ея ядро— старый городъ былъ долго и совершенно отдѣленъ старинными укрѣпленіями отъ многочисленныхъ предмѣстій, и притомъ отдѣленъ рѣзче, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Городъ могъ расти только въ вышину, а предмѣстья свободно увеличивались и расширялись во всѣ стороны. Еще и теперь старый городъ сохраняетъ эти отличительныя черты, сложившіяся въ то время. Дома вытянулись вверхъ, и вы встрѣтите здѣсь старинныя, величественныя дворцы, построенныя еще въ прошломъ столѣтіи. Улицы стараго города прежде были постоянно переполнены людьми, ежедневно стекавшими сюда изъ 36 предмѣстій. Когда со временемъ улицъ оказалось недостаточно и вслѣдствіе тѣсноты торговцы начали покидать его одинъ за другимъ, то многіе дворы превратились въ улицы, а дома сдѣлались проходными. Такъ устроились длинныя новые пути, конечно, исключительно для пѣшеходовъ. Только въ Лейпцигѣ, который по внутреннему своему устройству напоминаетъ Вѣну, можно найти нѣчто подобное, но несравненно въ меньшихъ размѣрахъ. Старый вѣнскій городъ нельзя и представить себѣ безъ множества проходныхъ домовъ, но ихъ можно найти и въ предмѣстьяхъ, а также иногда и въ новыхъ городскихъ кварталахъ на Рингштрасса. Эти превосходныя дома помогаютъ пѣшеходамъ значительно сокращать дорогу. Чрезвычайно любопытно наблюдать, какъ толпа людей вдругъ исчезаетъ съ улицы, поглощаемая однимъ изъ такихъ домовъ, а потомъ, черезъ нѣсколько минутъ опять появляется на противоположной сторонѣ дома. Такое внезапное появленіе и исчезновеніе публики напоминаетъ потокъ, который часть своего пути совершаетъ подъ землею. Эти проходныя дома въ улицахъ стараго города — самое оригинальное явленіе и придаютъ ему особый характеръ и своеобразную прелесть.

Улицы стараго города полны движенія; въ нихъ всегда шумъ, говоръ, толкотня пѣшеходовъ, безпрестанно раздается военная музыка: то одинъ, то другой полкъ возвращается съ ученья, окруженный толпою мальчишекъ и зѣвакъ, марширующихъ вмѣ-

стѣ съ нимъ до самой казармы. Не смотря однако на свое оживленіе, эти улицы по большей части узки и мрачны, съ влажною мостовою, которую рѣдко пригрѣваетъ солнечный лучъ; не мало очень высокихъ домовъ съ высокими башнями, а между тѣмъ внѣ стараго города — далеко протянувшіяся, освѣщенные солнцемъ, открытыя улицы, съ дворцами, построенными въ соотвѣтствующемъ стилѣ, окруженные садами. На улицахъ новаго города тоже постоянное движеніе народа, но онъ проходитъ здѣсь не такъ спокойно и поспѣшно, какъ двигающаяся подобно муравьямъ толпа въ улицахъ стараго города. Въ старомъ городѣ старыя церкви и зданія съ башнями, въ новомъ новыя церкви и общественныя зданія, которыя служатъ новому времени. Въ толпѣ, снующей взадъ и впередъ живописно пестрѣютъ костюмы всѣхъ народностей австро-венгерской монархіи. На каждомъ шагу встрѣчаешь здѣсь чеха-музыканта, слоняющагося съ гитарой или скрипкой подъ полой своей верхней одежды. Очень многочисленны здѣсь и мадьяры, что очень понятно: отъ Вѣны такъ недалеко ихъ родина, голубоватые холмы которой они могутъ различить даже на горизонтѣ. Словакъ-лудильщикъ, въ широкополой шляпѣ, предлагаетъ услуги во всѣхъ переулкахъ, но большая часть ихъ занимается здѣсь землекопными работами. Тамъ турокъ въ пестромъ тюрбанѣ, армянинъ въ черномъ кафтанѣ, здѣсь грекъ въ фустанеллѣ, далѣе горецъ въ сѣрой суконной курткѣ, сербъ, румынъ, однимъ словомъ всевозможный людъ, проживающій въ Греціи и Турціи, всѣ идутъ искать счастья въ эту столицу, оживляютъ ее и придаютъ необыкновенную пестроту ея улицамъ. Всѣ языки Европы можно слышать въ этомъ городѣ. Здѣсь же нашли себѣ убѣжище и евреи, которыхъ уже насчитываютъ болѣе 60,000 человекъ, между тѣмъ какъ уравненіе ихъ правъ въ Австріи состоялось только въ 1856 г. Еще недавно они не могли оставаться въ Вѣнѣ безъ особаго разрѣшенія, которое имъ приходилось возобновлять каждыя двѣ недѣли. Между тѣмъ въ настоящее время евреи въ Вѣнѣ играютъ не только видную роль въ банковыхъ операціяхъ и финансовыхъ спекуляціяхъ, но и держатъ большую часть прессы въ своихъ рукахъ. Лучшіе дома на Рингштрассе—собственность евреевъ. По статистическимъ даннымъ за 1880 г., въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ число евреевъ за послѣдніе 30 лѣтъ увеличилось въ восемь разъ, тогда какъ число учениковъ христіанскаго вѣроисповѣданія увеличилось лишь втрое. Въ 1850 г. учениковъ-евреевъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ было всего пять съ половиною процентовъ, теперь ихъ около пятнадцати процентовъ. Въ университетахъ тоже увеличеніе: въ 1850 г. въ числѣ студентовъ было около 7% евреевъ, въ 1880 году—17%; тоже самое и въ высшихъ техническихъ школахъ. Адвокаты, медики большею частью изъ евреевъ. Евреи въ Вѣнѣ въ значительной степени управляютъ литературой, міромъ политики, финансовъ и торговыхъ сдѣлокъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, изъ множества вѣнскихъ банкирскихъ домовъ только *два* принадлежатъ не евреямъ.

Съ жизнью евреевъ въ Вѣнѣ можно воочию познакомиться въ старомъ городѣ въ Випплингерштрассе. Здѣсь они расхаживаютъ совсѣмъ по домашнему въ длинныхъ шелковыхъ кафтанахъ, очень многіе съ остроконечными бородами и пейсами. Женщины сидятъ подлѣ лавокъ въ бѣлыхъ чепчикахъ, сильно надвинутыхъ на лобъ, чтобы изъ подъ нихъ не пробились волосы, которыхъ онѣ стараются никогда не показывать. Но еще болѣе они у себя дома на Юденгассе. Улица эта вполне сохранила характеръ старинныхъ гетто: дома грязные, старые, кривобокіе; подлѣ нихъ суетливо толпятся кучки народа, которыя торгуются, барышничаютъ, кричатъ, протягиваютъ прохожимъ коралловыя ожерелья, серьги, цѣпочки. Несмотря однако на всю суетню здѣшняго населенія, въ этой улицѣ никогда не слышенъ стукъ станка или оживленный шумъ возвращающихся рабочихъ съ фабрикъ. Евреи торгуютъ, барышничаютъ, перепродаютъ и

только немногіе изъ нихъ занимаются мелкими ремеслами и совѣтъ не работаютъ на фабрикахъ. Изъ всѣхъ оконъ перваго этажа свѣшиваются большія связки старыхъ платьевъ, такъ что въ Юденгассе, какъ подъ балдахиномъ, идешь подъ изношеннымъ тряпьемъ, вывѣшеннымъ на дверяхъ лавченокъ, помрачающимъ даже свѣтъ солнца, если только оно вздумаетъ когда нибудь сюда заглянуть. Такимъ образомъ, не безпокойные жарю, не тревожимые экипажами, которые никогда не заѣзжаютъ сюда, евреи занимаютъ съ утра до вечера все пространство этой улицы вдоль и поперекъ, такъ что посторонній едва можетъ пробиться между ними.

Площадь Св. Стефана—сердце стараго города. Здѣсь сосредоточены наиболѣе блестящія кофейни, банкирскія конторы, лучшіе портные, отсюда, наконецъ, во всѣ предмѣстья отправляются omnibusy. Тамъ, гдѣ поворачиваютъ съ площади Стефана къ Грабену, у дома № 3 (уголь Кертнерштрассе), стоитъ прикрѣпленный къ стѣнѣ пень, сажени въ полторы или двѣ вышиной, охваченный по стволу широкою желѣзною полосой съ висячимъ замкомъ. Сверху до низу пень этотъ покрытъ до такой степени часто вбитыми гвоздями, что издали кажетъ точно онъ одѣтъ стальною корою и теперь въ него нельзя уже вбить болѣе ни одного гвоздя: это и есть знаменитый «Stock im Eisen» (пень въ желѣзѣ). Объ этомъ пнѣ существуетъ безчисленное множество преданій, разсказовъ, легендъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что до самаго этого пня простирался Вѣнскій Лѣсъ, и что онъ, въ давно прошедшія времена, былъ первымъ деревомъ предъ воротами Виндобоны. Другіе думаютъ, что онъ служилъ въ древности календаремъ, и каждый вновь вбитый гвоздь означалъ годъ, подобно тому, какъ это было въ древнихъ городахъ Этруріи. Но самое распространенное преданіе по этому поводу слѣдующее: въ половинѣ XV столѣтія жилъ въ Вѣнѣ слесарь Эргардъ Марбахеръ. Однажды, одному изъ своихъ учениковъ, по имени Мартыну, онъ далъ порученіе принести глины, которую тотъ долженъ былъ достать за городской заставой. При этомъ хозяинъ строго наказалъ ему возвратиться домой къ ночи. Но по дорогѣ Мартынъ встрѣтилъ товарищей, заигрался съ ними и забылъ о приказаніи хозяина. Вдругъ раздался звонъ колокола: это означало, что въ городѣ начинали тушить огни, а вмѣстѣ съ тѣмъ запирали ворота заставы. Юноша въ отчаяніи упалъ на землю и сталъ горько рыдать: онъ былъ увѣренъ, что за эту провинность хозяинъ выгонитъ его изъ мастерской, и онъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисовалъ себѣ будущее. Вдругъ передъ нимъ явился худой какъ скелетъ мужчина, съ черными усами, съ остроконечной бородкой, въ шапочкѣ съ краснымъ перомъ, въ длинномъ, волочившемся по землѣ плащѣ. «Не плачь», сказалъ онъ Мартыну, подавая золото: «позвони этимъ металломъ, и ворота откроются передъ тобой». — «Чѣмъ могу отблагодарить я васъ?» спросилъ обрадованный юноша. — «Ты долженъ завѣщать мнѣ свою душу», отвѣчалъ незнакомецъ и, чтобы выманить согласіе, онъ обѣщалъ ему исполненіе всѣхъ его желаній. — «Хорошо», отвѣчалъ тотъ послѣ долгой борьбы, «душа моя достанется вамъ, но только въ такомъ случаѣ, если я хотя одинъ разъ въ жизни пропущу воскресную службу». Червонцы дали возможность Мартыну очутиться во время въ своей мастерской. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого незнакомецъ появился въ слесарнѣ Марбахера и просилъ его сдѣлать такой замокъ, который никто на свѣтѣ не былъ бы въ состояніи открыть. Хозяинъ уже хотѣлъ отказаться отъ заказа, какъ всталъ Мартынъ и вызвался его исполнить. Однако онъ очень долго трудился надъ замкомъ, но ничего не выходило. Какъ-то, послѣ продолжительной работы, онъ задремалъ и увидѣлъ во снѣ множество самыхъ разнообразныхъ замковъ. Привязанный къ одному изъ нихъ ярлыкъ гласилъ, что одинъ графъ заказалъ его волшебнику для дверей башни, въ которую онъ заключилъ свою нелюбимую жену. Тутъ же висѣлъ и ключъ. Мартынъ скопировалъ механизмъ. Когда онъ проснулся, то

*

принялся за прежнюю работу, и теперь, съ рисункомъ механизма передъ глазами, она шла у него весьма легко. Когда незнакомецъ снова появился въ мастерской, замокъ былъ уже готовъ; онъ потребовалъ всё имѣющіяся въ мастерской отмычки, пробуя, нельзя-ли ими отворить замокъ, но это испытаніе кончилось для Мартына совершенно благополучно и положило начало его славы. Прославившись въ своемъ городѣ, онъ поѣхалъ въ Нюренбергъ, въ Аугсбургъ, вездѣ представлялъ образцы своихъ работъ и вездѣ пріобрѣталъ громкую извѣстность. Наконецъ, онъ возвратился въ Вѣну какъ разъ въ ту минуту, когда городъ предлагалъ почетный дипломъ и различныя преимущества тому, кто сдѣлаетъ ключъ, которымъ можно было бы открыть замокъ на желѣзной полосѣ дерева, прозваннаго «Stock im Eisen». Это опять удалось только одному Мартыну. Когда онъ, при торжественномъ собраніи властей и публики открылъ замокъ, присутствовавшіе здѣсь слесаря, обрадованные побѣдой товарища, замахали топорами, привѣшенными къ ихъ поясамъ, и заплясали вокругъ дерева; потомъ каждый изъ нихъ вбилъ въ него гвоздь, чтобы увѣковѣчить это событіе. Послѣ этого Мартынъ прославился на всю страну, сдѣлался человѣкомъ очень богатымъ, пользовался любовью и уваженіемъ, но не былъ счастливъ: его постоянно мучилъ договоръ съ дьяволомъ. Чтобы заглушить неотвязную думу, онъ бросился во всё тяжкія, сталъ кутить и играть въ карты въ трактирахъ. Разъ онъ такъ заигрался, что не замѣтилъ, какъ прошла ночь и заблаговѣстили къ обѣднѣ. Когда онъ узналъ объ этомъ, то бросился изъ трактира; но лишь только успѣлъ выйти за дверь, какъ замѣтилъ незнакомца, который ожидалъ его. «Поздно, Мартынъ, поздно», произнесъ онъ гробовымъ голосомъ. Не смотря на это Мартынъ побѣжалъ въ церковь, но когда вошелъ въ нее, обѣдня уже кончилась, и онъ упалъ безъ чувствъ. Пока донесли его до дому, все тѣло его почернѣло, когда же онъ скончался, то клубъ дыма вылетѣлъ у него изо рта.

Вотъ почему всякій слесарь, посѣщающій Вѣну, непременно приходитъ посмотреть «Stock im Eisen», и пока еще было мѣсто, вбивалъ въ него гвоздь, а теперь произносить молитву за упокой души Мартына.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ площади Стефана—Грабенъ, лучшая улица стараго города. Тутъ блестящіе кофейни и магазины и по вечерамъ толпы прогуливающейся публики. Здѣсь болѣе всего обращаютъ вниманіе магазины уборовъ и модныхъ вещей. Дамы безостановно входятъ и выходятъ изъ нихъ. Вѣнки очень усердно слѣдуютъ парижской модѣ, но придерживаются ея болѣе независимо, чѣмъ въ Берлинѣ. Это видно и изъ того, что несмотря на подражаніе парижскимъ модамъ, онѣ вносятъ въ нихъ много оригинальнаго. Въ Парижѣ болѣе всего любятъ менѣе броскія цвѣта, въ Вѣнѣ же преобладаетъ яркій блескъ красокъ и указываетъ на близость востока и Италіи. Мужской нарядъ также съ перваго взгляда обращаетъ на себя вниманіе своимъ изяществомъ. Относительно шляпъ и обуви мы находимъ гораздо болѣшую роскошь и заботливость, чѣмъ въ Берлинѣ, поэтому неудивительно, что въ очень многихъ нѣмецкихъ городахъ, но особенно въ Берлинѣ, есть вѣнскіе магазины женскихъ туалетовъ, вѣнскіе мужскіе портные и особенно много магазиновъ вѣнской обуви. Именно съ тѣхъ поръ, какъ Берлинъ сдѣлался главнымъ городомъ имперіи, Вѣна получила значеніе столицы модъ.

Если мы пройдемся по всѣмъ улицамъ и проходнымъ дворамъ стараго города, то насъ прежде всего поразятъ магазины ювелировъ, блестящіе массою драгоценныхъ уборовъ. Форма этихъ ювелирныхъ украшеній часто также напоминаетъ о востокѣ. Тоже самое можно сказать о многочисленныхъ магазинахъ, торгующихъ товарами изъ янтаря и морской пѣнки. Италію напоминаютъ магазины, продающіе предметы изъ раковинъ. При взглядѣ на магазины стараго города, начинаешь вполнѣ соглашаться, что Вѣна дѣйствительно господствующій центръ очень разнообразной народной жизни, и тогда дѣ-

лается понятнымъ, почему персы и турки такъ много рассказываютъ другъ другу о золотомъ городѣ Бечъ, т. е. о Вѣнѣ, который находится въ странѣ Нимзави (нѣмцевъ) и что съ его высокаго минарета (съ башни собора св. Стефана) можно видѣть всю Европу.

Какъ только изъ стараго города выйдешь на Рингштрассе, которая кольцомъ обвиваетъ городъ, вамъ представится рядъ блестящихъ построекъ. Для того, чтобы хорошо осмотрѣть эту улицу со множествомъ ея готовыхъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще строящихся зданій, необходимо обойти ее нѣсколько разъ и въ разное время дня. Гласисы, какъ оказалось, вездѣ представили превосходную почву для построекъ. Замѣчательно, что именно то, что прежде составляло большое препятствіе для строительной дѣятельности, теперь дало громадное мѣсто для построекъ, какимъ не можетъ похвалиться никакой другой большой городъ. Получать для построекъ свободное мѣсто большіе города могутъ или только на своихъ окраинахъ, или срывъ цѣлыми массами старыя постройки; но въ Вѣнѣ громадныя старинныя укрѣпленія въ самыхъ центральныхъ и важнѣйшихъ частяхъ города дали много свободного мѣста для построекъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было перенести на Рингштрассе главнѣйшія общественныя постройки, которыя требовали обновленія, или построить новыя, и такимъ образомъ создать новое величественное сборное мѣсто для элегантнаго міра. Не только государство, городъ, но и частныя лица задумали возвести величественныя постройки на Рингштрассе и въ прилегающихъ къ ней улицахъ. Эрцгерцоги первые стали строить здѣсь свои новыя дворцы, а за ними тотчасъ начало это дѣлать и высшее австрійское дворянство; ихъ примѣру послѣдовали и предприниматели большихъ первоклассныхъ отелей; частныя строители принялись воздвигать величественныя дома со сводами для отдачи въ наймы. Рингъ, застроенный великолѣпными зданіями современной архитектуры, можетъ считаться самою модною частью Вѣны. Здѣсь сосредоточены самыя извѣстныя ювелиры, торговцы модными дамскими товарами, прелестныя эстампныя магазины. Здѣсь между пятью и шестью часами вечера можно видѣть весь модный свѣтъ, даже дипломатическій и придворный, знаменитыхъ красавицъ и щеголихъ. Въ этотъ часъ къ Рингу со всѣхъ сторонъ катятся блестящіе экипажи, и ливрейные лакеи высаживаютъ разодѣтыхъ дамъ, громкія фамиліи которыхъ называютъ другъ другу гуляющіе. Сюда приходятъ поболтать, встрѣтить знакомыхъ, посмотреть наряды, знаменитостей, играющихъ выдающуюся роль въ политикѣ. «Та часть Ринга, которая лежитъ между Городскимъ Паркомъ и Оперой напоминаетъ своимъ одушевленіемъ Елисейскія Поля въ хорошій весенній и осенній день. Катятъ придворныя экипажи съ кучерами въ короткихъ желтыхъ штанахъ и треуголкахъ съ позументами; летятъ щегольскія барскія коляски, молодежь скачетъ верхомъ, раскланиваясь съ дамами въ изящныхъ туалетахъ. Тамъ и здѣсь австрійскіе офицеры въ своихъ небольшихъ шапочкахъ, венгерскіе военные въ расшитыхъ ментивахъ и киверахъ съ султаномъ сходятся въ живописныя группы, — все это придаетъ бульвару оригинальный и пестрый видъ».

Рингъ снабженъ двойнымъ тротуаромъ, двумя параллельными шоссе для экипажей, аллеей для пѣшеходовъ и другою аллеею для всадниковъ. На стѣнахъ домовъ, omnibusовъ наклеено множество объявленій: онѣ извѣщаютъ о балахъ, концертахъ, лотерейхъ, театрахъ, и, чтобы произвести наиболѣе сильное впечатлѣніе, на нихъ нарисованы группы актеровъ и актрисъ, раскрашенныя красками, найдете также не мало символическихъ изображеній и аллегорій.

Пратеръ и Городской Паркъ.

Вѣна очень бѣгата общественными садами. Это можно объяснить любовью австрійцевъ вообще и жителей Вѣны въ особенности къ цвѣтамъ, зелени и птицамъ — склонность, замѣченная въ нихъ уже изстари. Въ старину вѣнцы торжественно праздновали появленіе фіалокъ: тому, кто находилъ первую фіалку, устраивали торжественное шествіе по городу. Наконецъ, сколько извѣстно, первымъ тюльпаномъ Голландію снабдила Вѣна. Ту-же страсть сохранили и современные вѣнцы. Въ каждой скромной гостинной вы найдете множество горшковъ съ цвѣтами и кѣтку съ пѣвчей птицей. Эта страсть выражается и въ большомъ количествѣ садовъ и прекрасныхъ парковъ. Между ними особенно замѣчательнъ Пратеръ, который пользуется даже всемірною извѣстностію. Это дѣйствительно великолѣпное, необыкновенно удобное мѣсто для гулянья, доставляющее каждому, и богатому, и бѣдному, и старому, и малому, множество удовольствій и самыхъ разнообразныхъ развлеченій. Паркъ этотъ такъ великъ, что прежде его обширныя и тѣнистыя рощи и долины служили даже для охоты. Но водившіеся здѣсь олени теперь истреблены, Пратеръ давно не служитъ болѣе мѣстомъ для охоты и превращенъ въ громаднѣйшій паркъ со всѣми удобствами и удовольствіями, какъ деревенской, такъ и городской жизни: вдоволь можно нагуляться въ его безконечныхъ аллеяхъ, долинахъ, лѣсахъ, лугахъ и рощахъ. А какого рода разнообразными зрѣлищами, представленіями и концертами можно здѣсь насладиться, трудно и перечислить! Но иному тяжело высидѣть нѣсколько часовъ кряду, наслаждаясь зрѣлищами и музыкою, и для такихъ существуетъ здѣсь множество игрищъ: карусели, качели, кегли, стрѣльба въ цѣль. Множество трактировъ и кофеенъ даютъ возможность, не покидая парка, поддерживать силы въ продолженіи цѣлаго дня.

На средней изъ пяти, совершенно прямыхъ, прорѣзывающихъ Пратеръ, аллеей, а именно на такъ называемой «главной аллеѣ», бываетъ ежедневное катанье. Тутъ наиболѣе зажиточные обитатели Вѣны показываютъ свои дорогіе наряды, блестящіе экипажи, но болѣе всего, кажется, быстрый бѣгъ своихъ кровныхъ рысаковъ. Цѣль этихъ поѣздокъ — увеселительный домъ. Впрочемъ, на этой главной аллеѣ лежитъ множество ресторановъ съ садиками, въ которыхъ вечеромъ бываютъ концерты.

Самая любимая народомъ часть парка Вурстель-Пратеръ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ продолженіи всего лѣта, здѣсь отдыхаетъ и предается веселью вѣнское простонародье. Самая задушевная мечта молодежи австрійскаго простонародья, живущаго въ провинціи, хотя разъ въ жизни побывать въ Вурстель-Пратерѣ. Вурстель происходитъ отъ Гансъ-Вурстъ — арлекинъ, шутъ, паяцъ. Каждую шутку вѣнецъ называетъ «вурстеле» и каждого шутника или рассказчика «Wurstl». Прежде, во время представленій въ театрахъ, появлялся шутъ въ костюмѣ арлекина, который съ различными комическими жестами и шутками сыпалъ остроты направо и налево, нерѣдко зло подсмѣиваясь надъ недостатками своихъ ближнихъ. Но въ послѣдствіи арлекинъ былъ изгнанъ изъ театра и помѣстился въ балаганахъ Пратера; съ тѣхъ поръ эта часть парка и стала называться Вурстль-Пратеръ.

Вурстль нѣчто въ родѣ нашего петрушки — кукла, которою управляетъ рука хозяйина, вставленная въ ея пустую внутренность; она то появляется, то исчезаетъ въ рамкахъ маленькой сцены, возвышающейся надъ ящикомъ. Говорить, дерется и наносить колотушки другой куклѣ тоже хозяйинъ, онъ-же отпускаетъ за нихъ грубыя остроты и шутки. Но, не смотря на это Вурстль развлекаетъ непрехотливую публику, привлекаетъ дѣтей съ родителями и кормилицами, которыя готовы каждый разъ смѣяться его

старымъ выходкамъ. Впрочемъ тутъ есть Вурстль попроче и получше, съ хорошимъ ящикомъ, съ красивыми декораціями и сидѣньями, устроенными, какъ въ театрѣ, но, разумѣется, подъ открытымъ небомъ: это «императорскій Вурстль». Въ Вѣнѣ, стараясь возвысить какой-нибудь предметъ, его называютъ императорскимъ; поэтому на вывѣскахъ постоянно читаешь: «императорскія булки», «императорская говядина», «императорская мука, зелень, вода». Впрочемъ Вурстль имѣетъ еще болѣе основанія называться «императорскимъ», такъ какъ съ помощью императорскаго дома онъ получилъ свое прекрасное устройство, и на его представленіе являются нерѣдко дѣти королевской фамиліи. Маленькіе принцы и принцессы съ своими воспитателями нерѣдко сидятъ передъ Вурстлемъ и развлекаются его шутками, звуками колокольчиковъ, ударами молотковъ, барабанами. Онъ также очень любимъ народомъ, особенно солдатами изъ провинціи. Но Вурстль только часть Вурстля-Пратера. Безчисленные музыкальные звуки барабановъ, шарманокъ, цимбалъ доносятся уже издали, лишь только вступаешь въ эту часть парка въ праздничный день. Пѣніе и музыка раздается изъ множества ресторановъ и возбуждаетъ аппетитъ. Но прежде чѣмъ вы доберетесь хотя до одного изъ нихъ, вы можете досыта насмотрѣться на разныя диковинки: на толстыхъ и необыкновенно высокихъ мужчинъ, на откормленныхъ свиней, на разныхъ звѣрей съ уродливыми головами, на уродовъ въ спирту. Здѣсь нѣчто въ родѣ цирка, далѣе — театръ обезьянъ, тамъ — звѣринецъ, акробаты, восковыя фигуры, цирки для велосипедовъ, звѣри дикіе и прирученные, люди бѣлые, какъ снѣгъ, и черные, какъ уголь, съ сѣвернаго полюса и островитяне съ Великаго океана, панорама, діорама, космограма и Богъ знаетъ какая рама. Здѣсь показываютъ «прекрасную черкешенку» и, какъ противоположность ей, «лапландку». Новый крикъ заставляетъ васъ обернуться: «прекрасная жительница рейнской страны: молодая дама въ 300 ф. вѣсомъ съ прелестною наружностію»... При этомъ возгласъ достойный владѣлецъ «прекрасной дамы» подаетъ ея портретъ, приглашая въ свой балаганъ. Здѣсь «король всѣхъ великановъ — Эммануилъ Андерсенъ, называемый шведскимъ голиафомъ»... и съ этими словами какой-то человекъ хватаетъ васъ за полу и старается направить къ своему балагану. Далѣе показываютъ «первобытныхъ и лѣсныхъ людей Дарвина и Фохта»; здѣсь увидите граціозную прогулку г-жи Помпадуръ, тамъ прокатитесь верхомъ на лошадяхъ подъ аккомпаниментъ музыки, направо услышите пѣніе «Wacht am Rhein», налево «марсельѣзу»... Все это кричитъ во все горло, кружится, мелькаетъ и бѣгаетъ передъ вами, затягивая къ себѣ прохожихъ; вездѣ вертятся карусели, подбрасываютъ другъ друга на качеляхъ, со всѣхъ сторонъ слышны крики продавцовъ. Куда ни обернетесь, вездѣ самая забавная болтовня. На стѣнахъ лавочекъ красуются сказочныя картины: животныя, никогда не существовавшія, первобытныя и современныя, битвы, убійства, карлики, горящіе города, и все это въ такихъ размѣрахъ, что тотчасъ бросается въ глаза. Какія приманки для народа! Тутъ можно качаться на качеляхъ, тамъ на воротѣ вертѣться на воздухѣ, бѣгать на гигантскихъ шагахъ; здѣсь мѣрять силу посредствомъ толчка, тамъ посредствомъ удара, подниманія тяжестей. Въ одномъ мѣстѣ вы можете узнать свой вѣсъ, въ другомъ наэлектризоваться, далѣе — снять свою фотографію. Будетъ охота, можете погрузиться глубоко въ воду или подняться высоко на воздухъ; здѣсь узнаете свой характеръ, тамъ — свое будущее. Понятно, что большой и малый стремится въ Вурстль-Пратеръ, чтобы попить, поѣсть, посмотрѣть и послушать чудеса и рѣдкости, посѣтить народный театръ. Телѣги съ пивомъ развѣзжаютъ туда и сюда, привозя изъ ледниковъ пиво. Шумъ раскупориваемыхъ бутылокъ, со всѣхъ сторонъ крики «пива», лай собакъ, крикъ поугаевъ, ревъ животныхъ въ звѣринцахъ, гамъ, споры, слезы, смѣхъ, все это перемѣшивается въ общій гулъ. Многіе располагаются на лужайкахъ и

покойно играютъ въ мячъ или кегли; другіе приходятъ сюда только посмотрѣть суетню и, не вставая изъ-за стола, потягиваютъ пиво; для многихъ темныя мѣстечки парка и отдаленныя аллеи даютъ случай сладко заснуть подъ аккомпаниментъ этихъ, столь разнообразныхъ звуковъ.

Такъ веселится здѣсь простонародье по праздникамъ, пока не начнутъ падать листья и вечера не сдѣлаются короче, — тогда оканчивается сезонъ Вурстль-Пратера.

Семейные люди средняго класса проводятъ лѣтнее время преимущественно въ Городскомъ Паркѣ, примыкающемъ къ наружной сторонѣ Рингштрассе. Этотъ паркъ занимаетъ огромное пространство, и такимъ образомъ для него пожертвовали такимъ мѣстомъ, на которомъ могли-бы быть воздвигнуты зданія; и такія жертвы здѣсь приносятъ не смотря на то, что Вѣна вовсе не страдаетъ недостаткомъ парковъ и садовъ, — но такова любовь вѣнцевъ къ деревьямъ и чистому воздуху.

Черезъ Городской Паркъ, по всей его длинѣ, красивыми изгибами, протекаетъ Вѣнка. По одной ея сторонѣ лежитъ главная часть парка, съ группами кустарниковъ, съ большими клумбами цвѣтовъ, съ изящно извивающимися тропинками, съ прудомъ, въ которомъ плаваютъ лебеди, съ небольшимъ холмомъ, увѣнчаннымъ чугуннымъ павильономъ, съ прелестными лужайками. Фонтанъ въ паркѣ украшенъ статуей Дунайской дѣвы и кромѣ того еще тутъ поставлена статуя музыканта Шуберта. На другой сторонѣ Вѣнки устроено свободное мѣсто для дѣтскихъ игръ съ лавочками, въ которыхъ можно купить молоко и печенье. Главное оживленіе въ паркѣ — вечернее время лѣтомъ. Семейные люди съ дѣтьми приходятъ сюда, садятся на стулья и пьютъ кофе, а дѣти играютъ между собой въ разныя игры. Тутъ бывають иногда и концерты, но однако не особенно часто, такъ какъ сюда собираются собственно для того, чтобы дать возможность дѣтямъ повеселиться, а родителямъ поболтать между собою. Молодые люди, чтобы не стѣснять пожилыхъ людей своими визитами на дому, приходятъ сюда повидаться съ ними. Для сношенія между собой дамъ и семействъ паркъ представляетъ тоже самое, что кофейня для сношенія между собою мужчинъ.

Вѣнскія кофейни.

Необыкновенное количество кофеенъ въ Вѣнѣ поражаетъ даже парижанина. Вы встрѣчаете ихъ здѣсь на каждомъ шагу не только въ центрѣ города, но и въ предмѣстьяхъ. Вѣнскія кофейни — настоящіе центры общественной жизни: мужчины отдають здѣсь другъ другу визиты, совершаютъ сдѣлки, ведутъ переговоры, читають газеты, сообщаютъ другъ другу новости, обсуждаютъ правительственныя распоряженія. Впрочемъ кофейни посѣщаютъ не только мужчины, но дамы и дѣти съ своими родителями и всѣ классы общества: духовенство, военные, богатые и бѣдные, знатные и простые. Въ каждой изъ нихъ свои особые посѣтители. Въ Европейской кофейнѣ на площади св. Стефана собираются преимущественно иностранцы, въ роскошныхъ кофейняхъ Грабена и Ринга — аристократическая молодежь, кутилы — въ Національной кофейнѣ, въ Леопольдштадтскомъ предмѣстьѣ. Прислуга кофейнъ въ высшей степени предупредительна и расторопна. Она обладаетъ большимъ навыкомъ угадывать къ какой національности и къ какому ряряду людей принадлежитъ посѣтитель и немедленно подаетъ англичанину — англійскія газеты, французу — французскія, а мѣстному жителю, смотря по виѣшности, тоже знаетъ, что слѣдуетъ преподнести. Все подаваемое въ вѣнскихъ кофейняхъ красиво сервировано и прекраснаго качества. Но болѣе всего онѣ славятся своимъ кофеемъ, нужно только знать какъ его сиросить, чтобы онъ пришелся по вкусу.

Если не объяснишь, какого кофе желаешь, его подадутъ смѣшаннымъ съ молокомъ и называютъ «Melange»; желающіе чернаго кофе, спрашиваютъ «ein Schwarzer».

Весьма многочисленныя вѣнскія кофейни слѣдуетъ раздѣлить на старыя и новыя, а также на кофейни болѣе богатыхъ и менѣе зажиточныхъ классовъ. Одна изъ самыхъ большихъ и старыхъ кофейенъ—Гринштедля. Она занимаетъ, какъ и всѣ подобныя ей, весь нижній этажъ большаго, стараго дома и состоитъ изъ цѣлой анфилады комнатъ. Въ нее входятъ, какъ и въ другія вѣнскія кофейни, прямо съ улицы, черезъ стеклянную дверь, которая дѣломъ всегда почти открыта. Меблирована она тяжелыми столами изъ краснаго и орѣховаго дерева съ бѣлыми мраморными досками и вѣнскими стульями изъ гнутаго бука.

Уже съ ранняго утра кофейни наполняются посѣтителями, изъ которыхъ каждый знаетъ другъ друга; многіе изъ нихъ даже получаютъ письма только въ кофейняхъ и сами пишутъ ихъ тутъ же. Какъ только принесутъ утреннія газеты, все общество моментально оживляется. Здѣшняя публика не любитъ долго ждать газетъ. Въ такихъ случаяхъ, то и дѣло раздаются крики: «что у васъ за порядокъ? никогда нѣтъ «Neue Freie Presse», — пошлите сейчасъ въ лавку кельнера!» — «А можетъ быть у васъ для этого нѣтъ и крейцера въ карманѣ», подхватываютъ другіе. «За что же мы тогда такъ дорого платимъ вамъ за «Melange» и печенье?» Кельнеръ тотчасъ-же бѣжитъ, а тотъ, кто не получилъ газеты, не смотря на то что уже разобрано 12 экземпляровъ «Neue Freie Presse», продолжаетъ выражать свое неудовольствіе, пока его не удовлетворятъ. Когда, наконецъ, недовольный успокоился, все общество ни минуты не хранитъ молчанія. Вѣнецъ человѣкъ въ высшей степени экспансивный и общительный и моментально высказываетъ въ слухъ все, что его поражаетъ.

Сидя наклонившись надъ газетой, то одинъ, то другой ударяетъ кулакомъ объ столъ и вдругъ вскрикиваетъ: «это правда!», «это слишкомъ сильно!» — «Славно досталось, — по дѣломъ!» Есть и такіе, которые не могутъ удержаться, чтобы не прочесть вслухъ всю замѣтку, хотя у многихъ изъ присутствующихъ та же газета. При этомъ завязывается общій разговоръ и, если есть «чужіе», т. е. люди въ первый разъ посѣтившіе кофейню, на нихъ смотрятъ какъ на старыхъ знакомыхъ и очень рады, когда они принимаютъ участіе въ разговорѣ. Очень не любятъ только пруссаковъ, но и имъ отвѣчаютъ вѣжливо, когда они обращаются съ вопросомъ, а если, паче чаянія, они оказываются разговорчивыми, то и съ ними вступаютъ въ оживленную бесѣду. Здѣсь очень любопытно потолковать съ посѣтителями: какъ говоритъ и думаетъ одинъ вѣнецъ, такъ говоритъ и думаетъ и большая ихъ часть. Общительность, съ какою вѣнецъ высказываетъ свои мнѣнія и передаетъ свои впечатлѣнія при большомъ стеченіи народа въ кофейнѣ, совершенная противоположность сдержанности жителя Лондона, который при чтеніи газетъ въ публичныхъ мѣстахъ всего менѣе высказываетъ свое мнѣніе: тамъ, гдѣ англичане читаютъ, они строго требуютъ, чтобы не было произнесено ни одного громкаго слова. Нарушившему это правило напоминаютъ черезъ кельнера, что онъ мѣшаетъ другимъ. Прежде чѣмъ англичане заговорятъ между собой, они должны быть представлены другъ другу. Въ Вѣнѣ это требуется меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Эта, съ виду мелкая, черта характера влечетъ за собою важныя политическія послѣдствія. Въ Вѣнѣ скоро составляется общественное мнѣніе, но оно точно также скоро и измѣняется; серіозныя перемѣны и предпріятія, обдумываемыя нѣмцами цѣлыя годы, въ Вѣнѣ легко и быстро осуществляются, но зато начатое нерѣдко приходится бросать, такъ какъ оно оказывается негоднымъ.

Кофейня для вѣнца тоже, что клубъ для жителя Лондона: онъ приглашаетъ въ нее своихъ знакомыхъ и людей, съ которыми ведетъ дѣла, потому что въ Вѣнѣ квартиры для молодыхъ людей весьма неудовлетворительны. Если онѣ находятся въ старомъ городѣ, то обыкновенно приходится подниматься очень высоко и, чтобы добраться до мебелированной комнаты, нужно пройти черезъ кухню. Одна или двѣ комнаты, которыя занимаетъ молодой человекъ, такъ тѣсны, что принимать посторонняго посѣтителя очень неудобно. Если квартира въ предместьѣ, то приходится ѣхать очень далеко. Свиданія въ кофейнѣ ни для кого не обременительны, происходятъ очень часто, а это содѣйствуетъ оживленной общественной жизни.

Въ кофейнѣ не только принимаютъ гостей и пишутъ письма, но играютъ въ бильярдъ, въ карты, въ домино и шахматы: Вѣна славится своими игроками во всѣ эти игры. Въ настоящее время она выставляетъ лучшихъ шахматныхъ игроковъ въ Европѣ, которые являются на великой всемирной шахматной сценѣ, находившейся прежде въ Парижѣ, потомъ въ Берлинѣ и теперь въ Лондонѣ, гдѣ шахматная игра принадлежитъ къ спорту и составляетъ предметъ большихъ пари.

Мы уже говорили, что вѣнцы вообще народъ въ высшей степени жадный до новостей; громадное количество выходящихъ у нихъ газетъ и листковъ вполнѣ удовлетворяетъ ихъ любопытству и потому-то ихъ чтенію они посвящаютъ такъ много времени, такъ нетерпѣливо ждутъ ихъ выхода. Наибольше распространенныя изъ газетъ: «*Neue Freie Presse, Presse, Tagblatt, Fremdenblatt* и др. Нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ даже по два раза въ день. Главное изданіе—утреннее. Въ немъ не бываетъ менѣе 8 страницъ. Романы и повѣсти появляются обыкновенно въ вечернемъ изданіи; утренній фельетонъ занятъ научнымъ обзорѣмъ, путешествіями, художественною и театральною критикою. Литературный отдѣлъ вѣнскихъ газетъ составляетъ съ величайшимъ стараніемъ. Не менѣе серьезное вниманіе обращено на торговые, промышленные и экономическіе вопросы. Кромѣ большихъ газетъ здѣсь существуетъ множество юмористическихъ газетъ и изданій; въ нихъ нерѣдко можно найти истинный юморъ.

Самое оригинальное въ вѣнскихъ газетахъ—это ихъ объявленія. Здѣсь въ условленныхъ выраженіяхъ идетъ между людьми безстыдный разговоръ, совершаются самыя постыдныя сдѣлки. Такія объявленія вы найдете и въ самыхъ распространенныхъ вѣнскихъ газетахъ. Вотъ точный переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: «Образованный молодой человекъ, принятый въ порядочное общество, брюнетъ, 32 л., средняго роста, ищетъ подругу. Она должна хорошо говорить на французскомъ и англійскомъ языкахъ, имѣть не только порядочный гардеробъ, но и не менѣе 3,000 гульденовъ приданого, быть не старѣе 22 л., недурна собой (цвѣтъ волосъ не принимается въ расчетъ). Адресоваться туда-то, но не иначе, какъ приславъ предварительно фотографію». «Мнѣ 20 л.: я красива, высокаго роста, блондинка, хочу выйти замужъ не позже какъ въ 2 мѣсяца. Приданого имѣю 1,000 гульденовъ; была до сихъ поръ горничной, манеры и фізіономія не выдають моего званія. Предпочитаю военныхъ». «Двадцатичетырехлѣтній красивый студентъ, не имѣя средствъ кончить курса, предлагаетъ руку и сердце дамѣ (не болѣе какъ на 10 л. старше), которая доставитъ ему необходимыя средства для образованія».

Кромѣ большихъ газетъ тутъ существуетъ множество мелкихъ листковъ, но пресса этого сорта совершенно скандальная, продажная и безсовѣстная; при этомъ она съ каждымъ днемъ принимаетъ въ Вѣнѣ все болѣе угрожающіе размѣры. Число этихъ органовъ, не знающихъ стыда и живущихъ только ложью, клеветою и оскорбленіемъ всего, что называется нравственностію,—чрезвычайно велико. Они не останавливаются ни передъ однимъ уважаемымъ именемъ, ни передъ честью женщины и бываютъ причиною горя

и страданія весьма многихъ. Составляются эти листки очень часто людьми, которые не умѣютъ даже правильно писать, но которые отлично знакомы съ формою и съ приемами пасквилей, наиболѣе позорящихъ имя честнаго человѣка. Сотрудники подобныхъ листовъ, въ полномъ смыслѣ слова—червонные валеты австрійской литературы. Своей продажности они не скрываютъ. Часто съ корректурными листами въ рукахъ они безцеремонно являются въ домъ къ человѣку, котораго собираются опозорить, показываютъ ему написанный на него пасквиль, а иногда и описаніе его дѣйствительно гнусной продѣлки. Когда имъ вручаютъ достаточное вознагражденіе за молчаніе, они не помѣщаютъ своей замѣтки, въ противномъ случаѣ еще усиливаютъ краски. Но эти продѣлки не всегда имъ легко сходятъ съ рукъ. Иногда продажный писака смѣло переступаетъ порогъ дома человѣка, котораго онъ собирается оклеветать въ надеждѣ получить за молчаніе хорошую плату, а вмѣсто этого возвращается домой жестоко избитый. Нерѣдко сотрудники этихъ жалкихъ листовъ подвергаются за диффамацию и судебному преслѣдованію. «Въ 1871 году главный редакторъ «Adel-Zeitung» пришелъ къ г-ну Эйхзеру съ изготовленною противъ него рукописью, требуя за ненапечатаніе ея сто гульденовъ одновременно и столько же ежегодной субсидіи. Г. Эйхзеръ возбудилъ формальное преслѣдованіе, и журналиста приговорили къ четырехмѣсячному тюремному заключенію. Въ томъ же самомъ году и за подобное же вымогательство былъ осужденъ, по жалобѣ правленія одной желѣзной дороги, главный редакторъ сатирическаго листка «Die Floh». Въ 1872 году разбиралась жалоба одной дамы, которой, вопреки данному обѣщанію и не смотря на полученную уже отъ нея плату, грозили напечатаніемъ пасквильнаго романа противъ нея и всѣхъ ея родныхъ. Особенно достается театральнымъ дебютантамъ, забывшимъ вовремя внести свою лепту въ редакцію того или другаго органа мелкой прессы. Съ прекраснымъ полемъ обходятся нѣсколько вѣжливе, не ждутъ ихъ личнаго посѣщенія. Сотрудники мелкой прессы сами отправляются къ роднымъ дебютанткамъ и устанавливаютъ по обоюдному соглашенію плату за свои похвалы. Многие изъ артистовъ, во избѣжаніе нападокъ, платятъ театральнымъ критикамъ постоянное ежегодное жалованье. Эти листки не проникаютъ въ семейства; они, вѣроятно, не могли бы существовать безъ кофеенъ, гдѣ, всѣми презираемые, они однако всѣми читаются. Они не имѣютъ никакого вліянія на общественное мнѣніе, но конечно и не содѣйствуютъ развитію нравственности. Большинство вѣнцевъ смотрятъ на нихъ какъ на забаву, безъ которой они однако рѣшительно не могутъ обойтись въ кофейнѣ и которая даетъ имъ такой богатый матеріалъ для разговора между собой, смѣха и остротъ.

Большія газеты хотя помѣщаютъ объявленія двусмысленнаго характера, но сами не занимаются скандальной хроникой. Однако, не смотря на всю свою дѣловитость и часто независимые взгляды на политику и современные вопросы, многія изъ нихъ отъ времени до времени высказываютъ продажныя мнѣнія или продаютъ свое молчаніе. Различные процессы доказали, что ихъ нерѣдко подкупаетъ тотъ или другой вновь открывающійся банкъ или финансовое учрежденіе, чтобы они восхваляли его, или по крайней мѣрѣ платятъ большія суммы за ихъ молчаніе.

Вѣнскіе экипажи и кучера.

Комфортэбли и фіакры— вотъ экипажи, наиболѣе употребляемые въ Вѣнѣ. Тѣ и другіе представляютъ обыкновенно кареты, первые въ одну лошадь— двухмѣстные, а вторые— четырехмѣстные и въ двѣ лошади. Наемные вѣнскіе экипажи давно пользуются громкою извѣстностію своимъ изящнымъ, удобнымъ устройствомъ, прекрасными ло-

шадьями, которыя возятъ чрезвычайно быстро и легко, и своими опытными кучерами. Ловкая ѣзда ихъ вошла даже въ поговорку. Когда путешественникъ нанимаетъ вѣнскій экипажъ, чтобы покататься въ окрестностяхъ, и боится опаснаго поворота, его успокоиваютъ словами: «вѣнскій извозчикъ съумѣетъ объѣхать съ своей каретой и вокругъ мелкой монеты». Хотя такса за экипажъ основана на расчетѣ времени, но кучера никогда не пытаются удлиннить его болѣе медленною ѣздою: они считаютъ скорую ѣзду дѣломъ своей чести.

Ловкой и быстрой ѣздой особенно славятся фіакры. И дѣйствительно, пріятно посмотрѣть на щегольской фіакръ, когда онъ несется по мостовой: плотный кучеръ щегольски одѣтъ и, сидя высоко на козлахъ, молодецкато держитъ возжи. Это обыкновенно чело-вѣкъ въ высшей степени оригинальный. «Не поѣдетъ ли ваша милость?» спрашиваетъ онъ вѣжливо и съ чувствомъ собственного достоинства, снимая шляпу и приближаясь къ вамъ, когда вы идете задумавшись по тротуару. Въ его вопросѣ не назойливость, а только предупредительность, и въ этомъ вы убѣдитесь тотчасъ, если точно также вѣжливо отклоните его предложеніе. Но за небрежный отказъ васъ поднимаютъ на смѣхъ всѣ его товарищи, стоящіе поблизости. «Не беспокойте его милость», кричатъ они на разные лады, «моціонъ такъ необходимъ для здоровья»... Кучеръ одинаково со всѣми держитъ себя гордо и независимо, славится своими остроуміями, никогда и ни передъ кѣмъ не сробѣетъ, не станеть въ тупикъ, за словомъ въ карманъ не полѣзеть. Это въ полномъ смыслѣ слова—аристократъ извозничьяго промысла. Кучеръ омнибуса стоитъ сравнительно съ нимъ такъ низко, какъ лакей сравнительно съ графомъ. Кучеръ комфортабля, т. е. экипажа въ одну лошадь, еще не равенъ ему, и кучеръ фіакра свысока относится къ нему. Онъ внимательно разсматриваетъ блестящіе экипажи дворянства и зло подсмѣивается надъ посадкой кучера, который обыкновенно далеко не отличается такою ловкостью. Наиболѣе богатые люди, держащіе дорогихъ лошадей и экипажи, всегда стараются заманить его къ себѣ въ кучера, но это имъ рѣдко удается: кучеръ фіакра слишкомъ свободолюбивъ и гордъ, чтобы пойти къ кому-нибудь жить по найму. Свое положеніе онъ считаетъ очень высокимъ и испытываетъ только тогда чувство досады и зависти, когда признаетъ пролетѣвшую мимо него частную карету съ кучеромъ болѣе презентабельною, чѣмъ его фіакръ и его собственная особа. Онъ бросаетъ послѣднія деньги, чтобы улучшить свой экипажъ, который, какъ и лошади, обыкновенно его собственность. Кучеръ фіакра не только очень высокаго мнѣнія о своемъ ремеслѣ, но и страстно любитъ его. Было не мало примѣровъ, изъ которыхъ видно, что то одинъ, то другой изъ нихъ могли бы промѣнять свое ремесло на болѣе выгодное и даже на болѣе блестящее положеніе въ обществѣ. «Ваши родители объдѣли», говорилъ однажды адвокатъ кучеру фіакра, «и, чтобы какъ нибудь поправить свои дѣла, продали ваше графское достоинство. Я могу доказать ваши права и возвратитъ вамъ ваше общественное положеніе». — «Графомъ можетъ быть каждый въ силу рожденія, кучеромъ фіакра только чело-вѣкъ съ талантомъ, съ прирожденной любовью къ свободѣ, къ чистому воздуху и къ независимому положенію. Нѣтъ, никогда не перемѣню я своего званія».

Если кто изъ товарищей явится на мѣсто стоянки въ старомъ экипажѣ, кучера фіакровъ нерѣдко устраиваютъ складчину и на общій счетъ приобрѣтаютъ бѣдняку новый экипажъ. Фіакръ не только удобенъ, но и изященъ: внутри кареты—зеркало, прикрѣплена спичечница и пепельница, лежитъ газета. Его хозяину никогда не приходится объяснять дорогу, вы только должны назвать куда отправляетесь и можете вполне довѣряться ему: онъ знаетъ Вѣну со множествомъ ея переулковъ, со всѣми ея окрестностями, какъ свои пять пальцевъ. Просить указать дорогу у сѣдова или у сосѣда—величайшій стыдъ. Кучеръ фіакра долженъ быть здоровымъ чело-вѣкомъ, который былъ бы

въ состояніи выносить всякое время дня и года, всякую погоду и самые крѣпкіе напитки. Умѣть хорошо управлять лошадьми для него слишкомъ мало: онъ долженъ ѣздить такъ, чтобы каждый имъ любовался. Въ его посадкѣ должна быть увѣренность, чувство собственного достоинства, изящество. Недоѣхать, переѣхать, не сразу остановиться на мѣстѣ, — о, въ такомъ случаѣ нельзя вести и знакомство съ товарищами: ему не будетъ проходу отъ ихъ насмѣшекъ. Онъ долженъ обладать не только вѣшними качествами, но и солидными внутренними достоинствами: какую бы дорогую вещь вы ни забыли въ его экипажѣ, вамъ ее возвратятъ. Его величайшая гордость — прочесть въ газетѣ признательность и быть пропечатаннымъ. Только одна черта характера идетъ въ разрѣзъ съ его гордымъ, независимымъ духомъ, а именно—его недовольство таксой. Такса для него, что рабство для негра: онъ съ презрѣніемъ смотритъ на человѣка, платящаго ему по таксѣ и называетъ его «затертымъ» и «жалкимъ». Для того, кто ему платитъ сверхъ таксы, онъ приберегаетъ всю свою вѣжливость. Это происходитъ, вѣроятно, потому, что соблюденіе таксы не дало бы ему возможности придерживаться своихъ аристократическихъ замашекъ. Онъ не самъ убираетъ своихъ лошадей и экипажъ, которые всегда имѣютъ такой щегольской видъ. У каждой стоянки есть особый человѣкъ, который поитъ лошадей, чиститъ ихъ, вытираетъ, убираетъ фіакръ внутри и вытираетъ его снаружи. Иногда этимъ прислужникомъ бываетъ и женщина. Вучеръ фіакра страстно любитъ лошадей, — это его первые друзья: начинаетъ-ли онъ завтракать, онъ тотчасъ выносить имъ нѣсколько кусковъ хлѣба, когда пьетъ чай, онъ угощаетъ ихъ сахаромъ, обмоченнымъ въ вино или пиво; онъ безпрестанно ласкаетъ ихъ, куритъ, держитъ къ нимъ цѣлыя рѣчи, даетъ ласкательныя прозвища.

Вучера фіакровъ имѣютъ свои особыя моды, но болѣе всего они предпочитаютъ блестящій высокій цилиндръ съ узкими полями, который давалъ бы возможность видѣть ихъ прическу и галстухъ. Они выбираютъ между собой старшину, который рѣшаетъ возникающія между ними недоразумѣнія. Они устраиваютъ также балы, извѣстные подъ названіемъ «фіакръ-балъ», куда они приводятъ не только своихъ женъ и дочерей, но нерѣдко приглашаютъ и своихъ сѣдоковъ, съ которыми они имѣли случай ближе познакомиться. У нихъ существуютъ также свои особыя праздники, свои пѣсни.

Характеръ вѣнцевъ.—Ихъ страстная любовь къ музыкѣ и пѣнію.—Воскресное утро въ храмѣ.—Пѣвческіе хоры.—Комическіе народные пѣвцы.—Вѣнскія дамы.

Вѣнецъ по происхожденію не совершенно тождествененъ съ австрійцемъ: онъ не происходитъ исключительно отъ какого нибудь одного народнаго корня, — въ его жилахъ течетъ германская, славянская, восточная и итальянская кровь. Австріецъ-провинціаль уже гораздо скорѣе вѣнца своими предками можетъ считать первобытныхъ германцевъ.

Основныя черты характера вѣнца—всегда доброе, прекрасное, веселое расположеніе духа, вѣчное стремленіе къ наслажденію и юморъ. Послѣ труда вѣнецъ считаетъ необходимымъ пріятный отдыхъ и онъ старается провести его какъ можно разнообразнѣе и веселѣе: каждый вечеръ онъ предпринимаетъ какое нибудь новое развлеченіе, стараясь по крайней мѣрѣ, чтобы оно не повторялось на той же недѣлѣ; но его любовь къ веселью и развлечениямъ особенно обнаруживаются въ праздничные дни: въ лѣтнее время, сейчасъ послѣ окончанія обѣдни, все вѣнское народонаселеніе стремится въ парки, бросается къ фіакрамъ, комфортаблямъ и на желѣзныя дороги, чтобы отправиться на цѣлый день гулять въ очаровательныя окрестности. Если открыть праздни-

ный календарь Вѣны, то въ немъ едвали можно найти хотя одинъ день, который не приносилъ бы съ собой какого нибудь опяняющаго удовольствія или праздника, хотя и не національнаго, такъ какъ послѣдніе стали здѣсь теперь весьма рѣдки.

Сангвиническій характеръ австрійца доходитъ въ вѣнцѣ до необыкновенной подвижности, до страстной любви къ разнообразнымъ наслажденіямъ; но это не подавляетъ здоровой основы его характера—усидчивости въ трудѣ. Не менѣе характерная черта вѣнца — большой запасъ природнаго юмора: здравый смыслъ народа всегда насторожѣ и неподкупно осуждаетъ каждую глупость и пошлость, встрѣчается-ли она въ привычкахъ, нравахъ высшихъ или низшихъ классовъ общества, въ правленія, политикѣ или литературѣ.

Вѣнецъ всегда добръ, веселъ, оживленъ, его остроуміе въ веселой компаніи готово прорваться наружу каждую минуту. Онъ не любитъ уединенныхъ прогулокъ, никогда не мечтаетъ наединѣ, не ходитъ туда, гдѣ предполагаетъ, что никого не встрѣтитъ; напротивъ, онъ всегда стремится въ большое общество, потому что тамъ навѣрно весело. Мы, русскіе, встрѣтивъ земляка за границей, обыкновенно сторонимся его или встрѣчаемъ его съ холоднымъ равнодушіемъ; вѣнцы встрѣчаютъ другъ друга счастливой улыбкой, съ истинной радостью во взорѣ, какъ могутъ только встрѣчаться люди очень близкіе по крови и духу. Вѣнецъ рѣже, чѣмъ кто бы то ни было, предается хандрѣ: въ это время нельзя улыбаться, болтать, а это такъ скучно! Наконецъ ему стоитъ только пойти въ компанію, чтобы развеселиться. Развѣ можно мрачно смотрѣть на окружающее, не принимая участія въ общественныхъ забавахъ, когда кругомъ тебя и молодые, и пожилые бѣгаютъ взапуски на какомъ нибудь лужку во время прогулки, смѣются, поютъ хоромъ, импровизируютъ, рассказываютъ различные анекдоты, сопровождая все это безконечными остротами, запивая добрымъ виномъ, каждую минуту выгребая изъ корзинокъ всевозможные сладкіе пирожки и торты. Настоящимъ образомъ познакомиться съ добродушіемъ вѣнцевъ можно только тогда, когда случай заставитъ васъ остаться однимъ среди нихъ. О! тогда ихъ доброта и вниманіе не знаютъ границъ. Если вамъ удалось послѣ перваго знакомства поболтать съ вѣнцемъ два, три часа, онъ съ вами уже откровененъ, какъ со старымъ знакомымъ. Откровенность идетъ у него рука объ руку съ общительностію: если у васъ есть охота, вы можете вдоволь наболтаться даже въ вагонѣ конно-желѣзной дороги. Все важное, надутое, торжественное — совсѣмъ ему не по сердцу. Вѣнецъ можетъ жить вездѣ, и всегда онъ будетъ веселымъ, но чувствовать себя вполнѣ хорошо онъ можетъ только въ Вѣнѣ, поэтому вѣчная разлука съ любимымъ городомъ для него просто невысказима. Не смотря однако на его истинную привязанность къ своей Вѣнѣ, онъ умѣетъ подмѣтить ея дурныя стороны, часто бранитъ ее и подсмѣивается надъ ней съ пріятелемъ. Но бѣда иностранцу присоединиться къ ихъ порицаніямъ: ему за это солоно придется!

Высшею добродѣтелью вѣнецъ считаетъ «Gemüthlichkeit». «Gemüthlich» долженъ быть каждый порядочный вѣнецъ, и по его понятіямъ тотъ, кто удостоивается этого эпитета, долженъ вмѣщать въ себѣ много серьезныхъ, прекрасныхъ качествъ и добродѣтелей. Онъ долженъ быть мягкимъ, веселымъ, простодушнымъ, мирнымъ, великодушнымъ и остроумнымъ человѣкомъ. Въ немъ не должно быть не только чванства или фанфаронства, но и тѣни чего бы то ни было натянутого или неестественнаго. Въ его слово долженъ вѣрить каждый, на его сердце въ правѣ рассчитывать всѣ его хорошіе знакомые. Онъ долженъ каждому прямо смотрѣть въ глаза и встрѣчать только прямые взоры. Онъ не можетъ выносить не только косыхъ взглядовъ, но и холодныхъ; ему необходимо вездѣ и всюду встрѣчать привѣтъ и дружбу. Какое бы зло ему ни сдѣлали, какое бы дурное чувство его не заставили испытать, онъ не долженъ быть злопамятенъ и даже

дурному человѣку умѣть искренно протянуть руку. Послѣдствіемъ такого склада характера является много печальныхъ сторонъ въ жизни и политикѣ. Чувствуя въ душѣ полное отвращеніе ко всякой эксплуатаціи, насилію и жестокости, вѣнецъ не способенъ на энергичный протестъ противъ своего правительства, которое всегда безцеремонно практиковало различныя средства по отношенію ко всѣмъ народностямъ, населяющимъ Австрійскую имперію. Тѣ же добродушно относится онъ и къ тому вредному элементу, который проникъ и твердо укоренился въ его литературѣ. Тоже самое и въ частной жизни; правда, онъ брезгливо относится къ негодю, но только на первыхъ порахъ, а затѣмъ считаетъ долгомъ все простить и чрезъ день, два уже весело расхаживаетъ съ нимъ по кофейнямъ, развѣзжаетъ по пикникамъ. Къ этому побуждаетъ его и природная страстная потребность быть постоянно въ обществѣ. Весело жить и жить давать другимъ, вотъ девизъ вѣнца, и онъ дѣлаетъ все, отъ него зависящее, лишь бы доставить удовольствіе всѣмъ окружающимъ: роднымъ, близкимъ, подчиненнымъ. Вѣнецъ слишкомъ «добрый малый», слишкомъ добродушенъ для какого нибудь энергичнаго протеста. Жизнь протестанта для него слишкомъ сурова, а онъ такъ любитъ жизнь и постоянно повторяетъ, что она такъ коротка, что слѣдуетъ торопиться насладиться всѣмъ, что только дозволяютъ обстоятельства. Любовь къ жизни и удовлетвореніе ею отражаются и въ чертахъ его оживленной фізіономіи: онъ имѣетъ что-то въ высшей степени симпатичное въ наружности, въ походкѣ, въ манерѣ держать себя.

Любя наслажденія и разнообразныя удовольствія, вѣнецъ любитъ хорошо поѣсть и хорошую яству запить добрымъ виномъ. Прекрасный полъ въ этомъ отношеніи не уступаетъ мужчинамъ. Ресторации и кофейни всегда биткомъ набиты народомъ: особенно много истребляютъ пирожныхъ, которыми такъ славится эта столица. Здѣсь необыкновенно искусно готовятъ яблочные пироги, всевозможныя пирожныя, торты, вафли. Безъ хорошей ѣды для австрійца не существуетъ полного удовольствія. Вѣнцы страстные любители музыки, но безъ аккомпанимента челюстей они не въ состояніи долго ею наслаждаться. По окончаніи вечерняго концерта все семейство съ малыми дѣтьми непременно отправляется поужинать въ какую-нибудь ресторацию, хотя бы собственная квартира была отъ нея въ двухъ шагахъ и ѣли они не болѣе получасу тому назадъ. Кромѣ разнообразныхъ пирожныхъ, составляющихъ спеціальность Вѣны, тутъ не найдешь національныхъ блюдъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи столица Австріи большой космополитъ: тутъ вы встрѣтите и итальянскія, и венгерскія, и французскія, и нѣмецкія блюда; при этомъ ихъ названія только отчасти передѣланы на нѣмецкій языкъ, такъ что чрезвычайно трудно понять, что скрывается подъ названіемъ «Carfiol», «Carpica-gulas» и множество другихъ мудреныхъ названій. Ъду и десертъ заканчиваютъ трубкой или сигарой, часто одно разнообразятъ другимъ, а многіе искусники нашли средство ѣсть, не переставая курить. Теперь намъ будетъ понятно восклицаніе одного туриста, что уже въ организмѣ вѣнца глубоко коренится «любовь къ наслажденіямъ, къ запаху зеленого лѣса, къ виноградному соку, къ кофейну и къ пиву». Характеристика еще не будетъ полна, если не упомянуть, что вѣнецъ страстно любитъ хорошенькихъ женщинъ, но непременно бодрыхъ, граціозныхъ, веселыхъ, а не статуи, на которыхъ можно только молиться. Вѣнецъ очень влюбчивъ и поэтому ему нерѣдко приходится разочаровываться, но это никогда не заставляетъ его впадать въ хандру, приходитъ въ отчаяніе; напротивъ, онъ самъ съ товарищемъ подсмѣивается надъ своимъ простодушіемъ и больше чѣмъ когда-нибудь стремится окружить себя веселымъ обществомъ. Когда онъ наконецъ находитъ себѣ подругу по душѣ, онъ всѣмъ сердцемъ привязывается къ ней, но это нисколько не измѣняетъ образъ его жизни. Тамъ, гдѣ онъ являлся холостымъ, онъ является теперь съ женой, попрежнему стремится проводить вечернее время въ веселой компаніи, попреж-

нему никогда не сидеть послѣ работы дома, но является только на всѣ вечерніе пикники вдвоемъ съ своею женою. Для вѣнца необходима не только красивая, но въ то же время добрая и добродушная подруга. «Добрый малый» — это лучшая похвала, которою онъ надѣляетъ не только пріятеля, но и свою жену. Сердце вѣнца легко тронуть, будутъ-ли это упреки, съ которыми къ нему обращаются, воспоминанія дружбы, любви, или званіе къ его состраданію. Въ дѣлахъ, гдѣ необходимо хладнокровіе, строгій анализъ, холодность, — онъ совсѣмъ не годится.

Вѣнцы — народъ въ высшей степени музыкальный, и эта страсть къ музыкѣ даетъ себя чувствовать уже съ ранняго утра. Утромъ васъ рано будитъ здѣсь идущая по улицамъ военная музыка и звуки самыхъ разнообразныхъ шарманокъ. Шарманки — спеціальность Вѣны: она снабжаетъ ими чуть не весь свѣтъ. Этотъ любимый инструментъ низшихъ классовъ теперь совсѣмъ вытѣснилъ цитру, гитару и простую арфу прежнихъ временъ. Множество парней съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ играютъ на этомъ инструментѣ, что ихъ положительно любопытно послушать. Вѣна фабрикуетъ не только шарманки, но и музыкальные инструменты и снабжаетъ ими востокъ. Вѣнскія фортепіано расходятся по всему свѣту.

Имя Вѣны давнымъ давно служить синонимомъ музыкальности, и дѣйствительно, вѣнская публика даетъ репутаціи композиторамъ, какъ Римъ нѣкогда давалъ ее художникамъ. Имена великихъ композиторовъ: Моцарта, Гайдна, Бетховена, Шуберта, Листа такъ или иначе связаны съ этимъ городомъ. Всѣ вѣнцы страстные любители музыки и пѣнія; тѣ, которые не могли заниматься ни тѣмъ, ни другимъ, все-таки чувствуютъ уже съ ранняго дѣтства непобѣдимое влеченіе къ этому искуству. Но классическая музыка, хотя отчасти и создана въ Вѣнѣ, но въ настоящее время она болѣе любима среди берлинскаго населенія. Масса вѣнскаго народонаселенія болѣе всего любитъ танцевальную музыку и ее слушаютъ даже и тамъ, гдѣ не танцуютъ. Такая музыка уже лежитъ въ характерѣ народа. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вѣнская танцевальная музыка гораздо изобрѣтательнѣе и оригинальнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ: это истинное дитя австрійскаго смѣшенія народовъ. Въ составъ ея входятъ рѣзкіе и гордые звуки Венгріи, мягкіе, поэтическіе и сладострастные черты Богеміи, бодрые и мирные черты нѣмецкаго альпійскаго народа. Она жива, легка, изящна, охватываетъ васъ иногда цѣлымъ фейерверкомъ смѣлыхъ и оригинальныхъ звуковъ и кончается настоящими музыкальными разноцвѣтными бенгальскими огнями. Какъ любить вѣнцы такую музыку, нужно посмотреть на нихъ во время концертовъ на открытомъ воздухѣ. Дамы съ необыкновенно оживленными фізіономіями, съ сверкающими глазами, устремленными на оркестръ, выбиваютъ тактъ ногами, мужчины, покачиваясь изъ стороны въ сторону, барабаютъ подъ тактъ пальцами по столамъ.

Вѣнцы, какъ католики, народъ, конечно, весьма набожный, но всѣ ихъ церкви биткомъ набиты народомъ по праздникамъ далеко не изъ одного религіознаго рвенія, а еще болѣе изъ любви къ музыкѣ, пѣнію и театральной обстановкѣ храма. На церковную службу они прежде всего смотрятъ, какъ на утренній спектакль. Газеты еще наканунѣ печатаютъ «программу» церковной службы. По субботамъ въ кофейнѣ приходится слышать такой разговоръ: «Вы куда завтра къ обѣднѣ?» — «Право еще самъ не знаю. Кельнеръ, подайте «Presse». Пробѣжавъ рубрику «театровъ и концертовъ», вѣнецъ продолжаетъ: «Въ церкви Св. Августина поетъ баронесса W. Надобно пойти ее послушать».

Въ вѣнскихъ церквахъ не только любопытно послушать соло различныхъ знаменитостей, но и хоры, которые всегда прекрасно организованы. Для массы церквей необходима цѣлая армія мальчиковъ для пѣнія, и чтобы образовывать и усовершенствовать ихъ голоса, существуютъ даже особыя заведенія. Кромѣ этого, здѣсь существуетъ такое мно-

жество пѣвческихъ обществъ, что нерѣдко въ одной и той же части города ихъ нѣсколько. Во главѣ ихъ стоитъ « мужское пѣвческое общество », пользующееся громкою извѣстностью и состоящее изъ нѣсколькихъ сотенъ членовъ, затѣмъ « Шубертовъ союзъ », « Академическое пѣвческое общество » и многія другія.

« Въ нѣкоторыхъ церквахъ, напримѣръ, въ придворной церкви, въ церкви Св. Августина, въ церкви одного монашескаго ордена, обыкновенно исполняютъ знаменитѣйшія партитуры классическаго репертуара, лучшія произведенія любимѣйшихъ маэстро. У каждаго вѣнскаго храма своя особенная публика, своя фizioномія, свои музыкальныя преданія. Въ большіе праздники хоры въ нѣкоторыхъ церквахъ состоятъ изъ дамъ высшаго свѣта. Едва начнется соло, всѣ безъ церемоніи поворачиваются лицомъ къ пѣвицѣ, чтобы вдоволь насладиться лицеизрѣніемъ сладкогласной « богини », мастерски управляющей своими руладами. Хотя и полушопотомъ, « отлично », « браво », « брависсимо » раздаются со всѣхъ сторонъ, и все это напоминаетъ скорѣе концертное зало, чѣмъ храмъ. Не достаетъ лишь аплодисментовъ. Прозвучала послѣдняя трель, и вся публика выходитъ изъ церкви, постукивая каблучками и оставляя священнодѣйствующаго одного предъ алтаремъ.

Въ « Шотландской церкви » смѣняется разнохарактерная толпа молельщиковъ. Отъ шести часовъ утра до девяти на плиты храма склоняютъ колѣни, рядомъ со своими корзинами, свѣжія, краснощекія торговки изъ пригородныхъ селеній; отъ девяти до одиннадцати здѣсь жѣниво шуршать шелковыми юбками аристократическая набожность. Въ красивомъ храмѣ Св. Анны постоянно разнообразное и пестрое сборище: это національная церковь австрійскихъ славянъ. Итальянская церковь особенно посѣщается во время сезона итальянской оперы, и подчасъ восторженные диллетанты устраиваютъ при выходѣ настоящія оваціи любимымъ артистамъ. Въ придворной церкви музыка такъ хороша, что у входа еще большая давка, чѣмъ у входа въ театральное зало. Оркестръ часто исполняетъ оригинальныя партитуры, такъ какъ каждый изъ составляющихъ его музыкантовъ обязанъ ежегодно сочинить обѣдню или ораторію.

Подлинное благоговѣніе встрѣтишь въ Вѣнѣ лишь подъ мрачными сводами собора Св. Стефана, гдѣ рубище трется о бархатъ и бѣднякъ молится Богу рядомъ съ богачомъ. У дверей постоянно группы колѣнопреклоненныхъ женщинъ, въ нѣмомъ экстазѣ, съ сложенными руками, не сводятъ глазъ съ изображенія Богоматери. Группы другихъ богомольцевъ простираютъ длани къ другой Богородицѣ « Черной », врѣзанной въ столбъ; простираются передъ нею, горячо лобызаятъ ея уста, чело, сердце, даже доски, наложенныя передъ нею поверхъ плитъ ».

Тотъ же католическій фанатизмъ вызвалъ особый классъ женщинъ « Kerzl-Weiber », которыхъ можно наблюдать въ храмѣ Св. Стефана, если войдешь въ него за полчаса до службы. Въ заднихъ уголкахъ, тамъ и здѣсь, по одиночкѣ, въ жалкой одеждѣ стоятъ старыя женщины и бросаютъ хищные взгляды на вошедшихъ, — это и есть « Kerzl-Weiber ». Онѣ охраняютъ въ храмѣ мѣста для опоздавшихъ, продаютъ ихъ желающимъ, на готовъ держатъ свѣчку, зажигаютъ ее, кому это понадобится, держатъ молитвенники уставшихъ дамъ, исполняютъ за мелкую монету и множество другихъ услугъ. Но на нихъ возлагаютъ иногда и болѣе сложныя обязанности. Между вѣнцами существуетъ не мало благочестивыхъ людей, которые, давъ какой-нибудь обѣтъ Богу, иногда бываютъ не въ состояніи привести его въ исполненіе, и за особую плату поручаютъ выполнить за себя эту обязанность названнымъ женщинамъ; онѣ произносятъ за того или другаго прихожанина опредѣленное число разъ « Отче нашъ », участвуютъ вмѣсто него въ различныхъ процессіяхъ и богомольяхъ и т. п. Женщины эти стараются заслужить расположеніе церковныхъ сторожей и священника, такъ какъ послѣдніе обыкновенно ре-

комендуютъ ихъ прихожанамъ для выполненія «за себя» благочестивыхъ обѣтовъ. Церковь—рынокъ этихъ женщинъ, ихъ казино, мѣсто бесѣды, ихъ прогулка для обозрѣнія туалетовъ, ихъ контора для объявленій, спальня днемъ. Утомившись бѣготней по порученіямъ и выполненіемъ благочестивыхъ обѣтовъ, онѣ умѣютъ принять благочестивую позу, при которой однако могутъ крѣпко спать.

Кромѣ огромнаго числа ежедневныхъ концертовъ, въ Вѣнѣ уже издавна существуютъ особые народные комическіе пѣвцы и пѣвицы, которые нѣсколько напоминаютъ прежнихъ парижскихъ пѣвцовъ (chansonniers). Они поютъ на вѣнскомъ нарѣчій, имѣютъ своихъ собственныхъ поэтовъ, слагающихъ стихи исключительно для нихъ и продаютъ новыя произведенія вмѣстѣ съ нотами при входѣ въ кассу. Эти комическіе народные пѣвцы даютъ обыкновенно представленія въ драматической формѣ, прерывая пѣніе разговорами. Содержаніе ихъ пѣсней—сатира на общество. Память о нѣкоторыхъ, наиболѣе прославившихся пѣвцахъ, среди вѣнцевъ сохраняется иногда очень долго, такъ напримѣръ, до сихъ поръ помнятъ Августина, бѣднаго народнаго комическаго пѣвца начала нынѣшняго столѣтія. Объ немъ сложилась пѣсня, которую и теперь еще напѣваетъ каждый:

«Ach du, lieber Augustin,
Geld ist hin, Freund ist hin!
Oh, du, lieber Augustin—
Alles ist hin!»

которую можно перевести такъ: «Ахъ ты, милый Августинъ, денегъ нѣтъ, дружбы нѣтъ! О—охъ, мой милый Августинъ,—ничего нѣтъ!»

Этотъ Августинъ былъ народный пѣвецъ: онъ постоянно пьянствовалъ, никогда ничего не имѣлъ, но всегда умѣлъ веселить публику своими пѣсенками. Онъ кончилъ жизнь въ больницѣ, и его слава проникла даже въ Германію, хотя онъ никогда не покидалъ Вѣны.

Нынѣшніе вѣнскіе народные пѣвцы составляютъ четыре или пять обществъ, уговариваясь между собой, кому изъ нихъ и въ какой части города въ извѣстный день давать свои представленія. Въ музыкальномъ отношеніи ихъ представленія стоятъ очень низко: тутъ на первомъ мѣстѣ игра, а пѣніе дѣло второстепенное; къ тому же нерѣдко то, что они преподносятъ публикѣ, носитъ весьма циничный характеръ. Объ истинномъ остроуміи не можетъ быть и рѣчи, точно также какъ его нѣтъ и въ мелкой сатирической прессѣ Вѣны, изъ которой особенною извѣстностію пользуются: «Кикирики», «Блоха», «Гансъ-Огель» и др. Но вѣнцу нужна разнообразная забава, онъ ищетъ ее и беретъ вездѣ, гдѣ находитъ: въ литературѣ, въ пѣніи, въ представленіяхъ. Поэтому и публика, переполняющая залу во время пѣнія этихъ комическихъ пѣвцовъ, довольна ихъ остроуміемъ, также какъ и своими сатирическими листками мелкой прессы. Но что еще болѣе удивляетъ иностранца, такъ это то, что слушателями этихъ циничныхъ пѣвцовъ бываютъ не только мужчины, но дамы и даже дѣти, которыя при этомъ смѣются отъ всего сердца. Объ ежедневныхъ общественныхъ увеселеніяхъ этого рода, всегда объявляютъ въ Fremden-Blatt, и изъ нихъ видно, что одно и то же общество каждый вечеръ выступаетъ въ другой части города и въ другой залѣ, пока оно такимъ образомъ не обойдетъ всѣхъ намѣченныхъ пунктовъ и затѣмъ уже появляется въ той залѣ, гдѣ оно начало свои представленія въ этотъ сезонъ.

Вѣнскія дамы скорѣе отличаются своею миловидностію, чѣмъ красотою. Вы не встрѣтите здѣсь женщинъ, которыя поразили бы васъ правильностію чертъ лица или красотою формъ; но взаимнѣнъ строгой красоты онѣ обладаютъ необыкновенно выразительной, оживленной фізіономіей, естественной граціею и привлекательностію. Въ Вѣнѣ вы

повсюду видите миловидныхъ, улыбающихся женщинъ, маленькія ножки которыхъ, одѣтыя въ изящную обувь, легко и граціозно скользятъ по мостовой. Шаловливая улыбка всегда готова сорваться съ веселыхъ губъ женщины даже и не первой молодости. А между тѣмъ въ дѣйствительности вѣнка серіозна, строга, чрезвычайно много работаетъ, экономно умѣетъ хозяйничать, заботливо ведетъ домъ, довольствуется малымъ, страстная мать и прекрасная жена. Кромѣ Вѣны трудно назвать другой городъ, гдѣ бы матери и дочери средняго класса общества были болѣе трудолюбивы и болѣе проникнуты семейною жизнью. Но серіозныя, заботливыя и работящія матери въ другихъ городахъ все дѣлаютъ торжественно, серіозно и въ извѣстные года находятъ уже предосудительнымъ шутить, рѣзвиться и смѣяться. Совсѣмъ иначе смотрятъ на это вѣнки: онѣ сопровождаютъ работу шутками, остротами, смѣхомъ, а если уже не съ кѣмъ пошутить и посмѣяться, то непременно пѣсню. Какіхъ бы почтенныхъ дѣтъ ни была здѣсь женщина, какъ бы взрослые ни были ея дѣти, если она здорова, она такъ же шутитъ и рѣзвится, какъ и молодая дѣвушка. Въ вѣнкѣ есть природное сознание, что жизнь сама по себѣ слишкомъ печальна, чтобы безъ нужды дѣлать ее еще мрачнѣе. Она хорошо знаетъ истину, что и самый величайшій мудрецъ можетъ быть веселымъ человѣкомъ.

Вѣнка, по внѣшности, даже при самомъ скромномъ образованіи и общественномъ положеніи, всегда свѣтская дама: ее ничто не приведетъ въ изумленіе, она всегда найдетъ подходящій отвѣтъ, все скажетъ и сдѣлаетъ кстати. Этому умѣнью ловко и умно держать себя въ обществѣ ее никто не училъ: это уже лежитъ въ ея природѣ, передано ей отчасти по наслѣдству, отчасти она научилась этому въ обществѣ, безъ котораго она не можетъ существовать. Хотя природная вѣнка не имѣетъ тѣхъ формъ, которыя скульпторъ и живописецъ называютъ прекрасными, но она миловидна и прелестна. Въ большинствѣ случаевъ она не высока ростомъ, смуглая, съ блестящими, оживленными, темно-голубыми глазами; носъ ея не изъ греческихъ и весьма далекъ отъ классическихъ формъ: короткій, иногда вздернутый и всегда насмѣшливый. Ямочки на подбородкѣ и на щекахъ составляютъ національную красоту и восторженно воспѣваются даже въ пѣсняхъ. Вѣнка никогда не любитъ выказывать ни своего благочестія, ни скромности, — она всегда искренна, сердечна, весела. Дѣвушка не мечтаетъ здѣсь сдѣлать приличную партію и родители не принуждаютъ ее къ этому. Когда молодой человѣкъ ей нравится, и она нѣсколько разъ встрѣчала его хотя бы только гдѣ-нибудь въ саду, она, нѣсколько не стѣняясь, приглашаетъ его въ домъ родителей. Молодые люди часто видятъ другъ друга въ домѣ, на пикникахъ и на прогулкахъ, непринужденно болтаютъ другъ съ другомъ и иногда дѣло кончается бракомъ, но далеко не всегда. Молодая дѣвушка никогда не приглашаетъ къ себѣ молодаго человѣка съ соображеніями о бракѣ, но лишь для того, чтобы имѣть веселаго, умнаго собесѣдника и лишняго знакомаго.

Вѣнка страстно любитъ танцы, вальсъ же она не можетъ слышать равнодушно. Если вы увидите ее вальсирующую, вы скажете, что до сихъ поръ не понимали вальса: вѣнка не танцуетъ, а переживаетъ его, обожаетъ его съ ранней юности, не можетъ дожидаться дня, когда ей снова удастся носиться въ этомъ танцѣ съ ловкимъ танцоромъ. Дѣвицы дѣлаютъ обыкновенно реверансъ послѣ танца; вѣнка, въ порывѣ восторга, говоритъ хорошему танцору: «вы доставили мнѣ истинное наслажденіе».

Вѣнка не требуетъ отъ мужа вздоховъ и словъ любви у ея ногъ; она всѣ силы употребляетъ, чтобы видѣть его постоянно веселымъ въ кругу близкихъ людей. Не даромъ она часто повторяетъ австрійскую поговорку: «каждый человѣкъ долженъ имѣть радость».

ТИРОЛЬ И ШТИРИЯ.

Австрійскія Альпы.—Желѣзныя дороги черезъ Альпы.—Характеръ природы Тироля и его замки.—Обработка земли.—Положеніе мелкой поземельной собственности.—Сельское хозяйство.—Земледѣліе и скотоводство.—Шелководство и уходъ за виноградниками.—Пастбища.—Хозяйство и развлеченіе на альмахъ и любовь къ нимъ народа.—Пастушескія хижины и жизнь на альмахъ.

Въ очеркахъ о Швейцаріи (см. Жизнь европейскихъ народовъ, т. I, изд. 3-е, стр. 275—331) мы дали уже понятіе о природѣ могучаго Альпійскаго хребта, о его ледникахъ, бурныхъ потокахъ и водопадахъ, объ обвалахъ, лавинахъ и ихъ страшныхъ послѣдствіяхъ для жителей и теперь, при описаніи австрійскихъ Альпъ, не будемъ останавливаться на этомъ, такъ какъ явленія природы и здѣсь носятъ тотъ же характеръ.

Вступая изъ Швейцаріи въ Тироль, главныя группы горъ Альпійскаго хребта мало уступаютъ величіемъ и своей могучей красотой исполинамъ швейцарскихъ Альпъ; но за то между Тиролемъ и Зальцбургскою областію только немногія вершины поднимаются выше пояса вѣчныхъ снѣговъ. Тѣмъ не менѣе со всѣхъ удобныхъ горныхъ пунктовъ открывается широкій горизонтъ, и передъ глазами тамъ и здѣсь простирается дикое ущелье, полное обрывовъ, или горныя вершины, на которыхъ царятъ только коршунъ и съ высоты которыхъ смотрятъ страшныя лавины. Альпы и въ Австріи отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ горныхъ группъ, изъ которыхъ нѣкоторыя особенно прославились послѣ проведенія черезъ нихъ желѣзныхъ дорогъ.

По альпійскимъ дорогамъ не только проѣзжать, но часто даже пробираться пѣшеходу въ высшей степени затруднительно, поэтому-то желѣзныя дороги черезъ альпійскіе хребты принадлежатъ къ самымъ величественнымъ сооруженіямъ новѣйшаго строительнаго искусства. Можно себѣ представить, какъ трудно было провести желѣзную дорогу черезъ ущелья, скалы, обрывы, горы вышиною въ 1,560 метровъ, защитить эту дорогу отъ горныхъ потоковъ, наводненій и обваловъ, проложить туннели, построить виадуки, своды которыхъ опирались-бы на другіе своды! Только специалистъ можетъ понять страшныя затрудненія, которыя пришлось преодолѣть, и точныя основательныя знанія, а нерѣдко и геній архитекторовъ, которые могли устранить тысячи самыхъ сложныхъ препятствій и опасностей. Одна изъ замѣчательныхъ желѣзныхъ дорогъ—земмерингская, чудо изъ чудесъ этого рода! Штирійскія Альпы, изгибаясь на сѣверо-востокъ, образуютъ горную массу или группу горъ, извѣстную подъ названіемъ Земмерингъ. Теперь переѣздъ черезъ Земмерингъ въ высшей степени заманчивъ и вызываетъ необыкновенное удивленіе къ величію этой постройки. Этотъ переѣздъ открываетъ передъ путешественникомъ живописный видъ въ долины, ущелья, лѣса, деревни и на горные хребты. Поѣздъ то шумитъ по длиннымъ туннелямъ, то выноситъ путешественника на солнечный свѣтъ, то скрываетъ его во мракъ; пробираются то между голыми скалами по виадукамъ, то въ прохладномъ лѣсу, въ долинѣ или подъ лѣсомъ. Минутами кругомъ васъ толпой тѣнятся горы, то поражаютъ васъ водопады, которые съ ревомъ прыгаютъ со скалы на скалу. Отъ Глогница дорога суживается: поперегъ ея поднимаются зеленыя, круглыя горы, а за ними возвышается сѣрый скалистый склонъ, кое-гдѣ покрытый зелеными кустами. неподвижно стоитъ надъ этой каменной стѣной голая вершина горы, изборожденная разсѣлинами и углубленіями. Желѣзная дорога большими обходами вьется мимо горныхъ хребтовъ, выступовъ и высотъ и открываетъ себѣ путь по нѣсколькимъ туннелямъ. Затѣмъ она поднимается по Ейскогелю, слѣдуя за прихотливыми изгибами этой каменной глыбы, при чемъ передъ глазами путешественника развертывается панорама самыхъ разнообразныхъ ландшафтовъ. Наконецъ она достигаетъ крутыхъ разсѣлинъ

Атлицких Рвовъ, зубчатая стѣны которыхъ поднимаются почти отвѣсно надъ узкой зеленой долиной и простираются зигзагами на цѣлыя мили; ихъ живописно-дикія стѣны отдѣляютъ горную группу Земмерингъ отъ долинъ Шварца и Поейнъ. Нѣкоторое время линія желѣзной дороги, по большой обходной дугѣ, слѣдуетъ по этимъ изгибамъ скалъ, затѣмъ она проходитъ по двумъ виадукамъ въ 16 с. высоты, пока, наконецъ, не выходитъ черезъ скалу, по туннелю, длиною болѣе 100 с. изъ нижняго Атлицкаго Рва въ верхній. Какъ только дорога преодолѣла эти затрудненія, являются другія: голые, развалившіеся скалистые обрывы съ крутымъ подъѣмомъ и притомъ надъ глубокими горными потоками. Для этого здѣсь въ одномъ мѣстѣ пришлось построить мосты чрезъ ущелья и пропасти, въ другомъ пробуровать скалистую стѣну. Такъ какъ камень этихъ стѣнъ имѣетъ много трещинъ, то опасались, что со временемъ, вслѣдствіе тряски поѣздовъ, онъ будетъ все болѣе разрыхляться и, наконецъ, можетъ совершенно разрушиться. Это было не въ одномъ мѣстѣ, и въ такихъ случаяхъ пришлось пробить дорогу глубоко въ скалѣ и укрѣпить ее колоннами и стѣнами. Наконецъ желѣзная дорога пробѣгаетъ туннель въ 763 с. длины, пока при Мюрцушаге она не соединяется съ штирійской дорогой, пройдя черезъ 15 туннелей, длиною въ 2,254 сажени, и по 16 виадукамъ. Однимъ словомъ, вся техническая сторона дѣла разсчитана необыкновенно умно и съ величайшей заботливостью, — подумали даже о водѣ, необходимой для питанія машинъ, для чего горныя воды собраны, очищены и проведены дальше по насосамъ и трубамъ. Это сооруженіе не только величественно, но и замѣчательно прекрасно. Всѣ эти дома, виадуки, туннели легкостью и соразмѣрностью своихъ пропорцій не только удовлетворяютъ цѣли, но и эстетическому чувству. При этомъ все устроено необыкновенно прочно, и вы летите по этой желѣзной дорогѣ такъ легко и спокойно, что не является даже и мысли объ опасности.

Вторая альпійская желѣзная дорога построена въ 1867 г. черезъ Бреннеръ. Въ техническомъ, военномъ и торговомъ отношеніи она считается теперь самую важную изъ всѣхъ альпійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Ея длина отъ Инсбрука до Боцена 16¹/₂ миль; высота надъ моремъ въ бреннерскомъ проходѣ 1,367 метр. Устройство бреннерской желѣзной дороги отличается отъ другихъ, какъ напримѣръ отъ Монъ-Сениской и С.-Готардской, тѣмъ, что она не проходитъ черезъ горный проходъ съ помощію туннеля, но поднимается на самую высоту прохода; это однако еще не значитъ, что на всемъ протяженіи бреннерской дороги не встрѣчаются мѣстами туннели. Переѣздъ черезъ Бреннеръ тоже въ высшей степени занимателенъ. Изумленіе, овладѣвающее путешественникомъ, превосходитъ всякое описаніе. Тутъ безпрестанно приходится спрашивать себя, какъ дойдутъ до той точки, такъ какъ дорога кажется точно отрѣзанною. Вотъ поѣздъ летитъ въ узкій туннель, но на срединѣ горы поворачиваетъ и вдругъ выскакиваетъ на солнечный свѣтъ. Наконецъ, вы достигаете бреннерскаго прохода: подлѣ показалось бреннерское озеро съ своей зеленоватой водой. Съ высотъ на васъ смотрятъ горныя великаны, вершины которыхъ и лѣтомъ покрыты снѣгомъ; почти цѣлую милю дорога тянется по равнинѣ, и вы видите слѣва верховье р. Зилъ, впадающей въ Инъ, принадлежащей къ Дунайскому бассейну, а съ правой стороны истокъ Эйзака, впадающаго въ Эчъ, слѣдовательно принадлежащаго къ бассейну Адриатическаго моря; такимъ образомъ вы наглядно видите здѣсь водораздѣлъ двухъ бассейновъ. Великолѣпные водопады увеличиваютъ прелесть горнаго ландшафта. Но картины быстро мѣняются, Бреннеръ уже остался позади, и вы стремитесь внизъ, въ романтическую долину Эйзака, которая совершенно замыкается крѣпостью Франца. Въ этой долинѣ дуетъ уже другой вѣтеръ; климатъ мягкій и растительности здѣсь больше; каштаны, апельсины, виноградники напоминаютъ, что вы вступаете въ итальянскій Тироль.

Тироль болѣе всѣхъ австрійскихъ странъ носить на себѣ характеръ альпійской природы: не даромъ его называютъ Швейцаріею Австрійской Имперіи. Ни одна альпійская страна не изрѣзана горами такъ, какъ Тироль, и ни одна не представляетъ такого разнообразія въ устройствѣ поверхности. Правда, Швейцарія отличается болѣе богатымъ отдѣльными, по истинѣ величественныхъ мѣстностей, болѣею колоссальностью своихъ исполнень, множествомъ большихъ, роскошно-окаймленныхъ озеръ, обиліемъ красивыхъ водъ, разнообразіемъ своихъ водопадовъ. Въ Тиролѣ тоже существуетъ немало шумныхъ водопадовъ, рокошующихъ потоковъ, прекрасныхъ горныхъ ручьевъ, но въ немъ нѣтъ ни одного большого водянаго зеркала для отраженія его безчисленнаго множества самыхъ разнообразныхъ утесовъ и обрывовъ. За исключеніемъ озеръ Констанцкаго и Гардскаго, которыя касаются своими оконечностями — первое Форарльберга, а второе итальянскаго Тироля, въ долинахъ австрійскихъ Альпъ вы не найдете ни одного большого озера, которое имѣло-бы площадь хотя въ 40 кв. килом.; но зато въ горахъ разсыяно множество маленькихъ озеръ. Тѣмъ не менѣе Тироль все-таки богатъ красивыми, истинно романтическими мѣстностями, чудными долинами, ограниченными горами самой разнообразной формы. Конечно, тирольскіе водопады не такъ величественны, за то гораздо красивѣе; они не такъ открыты, ихъ часто приходится отыскивать, но это-то и придаетъ имъ особенную прелесть.

Хотя горы Тироля на первый взглядъ кажутся несокрушимыми, однако сильныя снѣжные обвалы зимою и страшныя грозы лѣтомъ производятъ нерѣдко въ самое короткое время большія измѣненія. Весною со всѣхъ крутыхъ обрывовъ падаютъ въ долины лавины, которыя увлекаютъ съ собою не только песокъ, землю и камни, но огромныя лѣса, хижины и дома. Совершенно такъ же, хотя не такъ внезапно и не такъ разрушительно, дѣйствуютъ проливныя дожди: ручьи съ шумомъ вздымаются и разливаются съ громомъ и трескомъ, увлекаютъ камни, песокъ, землю и деревья черезъ долины, заваливаютъ ими луга и пашни, ломаютъ мосты, мельницы, амбары и увлекаютъ все это въ рѣки. Напрасно стараются остановить плотинами и запрудами высокія волны ручьевъ и рѣкъ, — онѣ срываютъ всѣ преграды или перебрасываются черезъ нихъ и заливаютъ плодородныя долины. Нерѣдко воды срываютъ даже цѣлыя скалы, заваливаютъ ими дома, и тогда люди и скотъ остаются заживо погребенными. Мало того: рыхлыя горы трескаются и отламываются даже въ сухую погоду, и въ исторіи Тироля много примѣровъ обваловъ и засыпанныхъ долинъ.

По своему географическому положенію Тироль могъ-бы пользоваться мягкимъ и, при своемъ незначительномъ протяженіи, довольно однообразнымъ климатомъ. Но болѣе возвышенное или низкое положеніе надъ уровнемъ моря въ различныхъ частяхъ, различіе въ направленіи вѣтровъ, въ количествѣ выпадающаго дождя и снѣга, въ числѣ пасмурныхъ и ясныхъ дней, — вотъ главныя причины удивительнаго разнообразія климатическихъ условій этой небольшой страны. Вообще говоря, главный хребетъ первобытныхъ Альпъ дѣлаетъ рѣзкую границу между сѣверомъ и югомъ. При одинаковой высотѣ надъ уровнемъ моря къ югу отъ него господствуетъ болѣе мягкая температура, болѣе равномерный климатъ и гораздо болѣе безоблачныхъ дней, чѣмъ на сѣверѣ. Однако Пуостерталь, съ его боковыми долинами, хотя и находится на югѣ Тироля (въ Бриксенскомъ округѣ), но такъ какъ эта долина расположена къ востоку, то отличается, сравнительно съ другими южными мѣстностями, болѣе суровымъ климатомъ, а съ другой стороны Форарльбергъ (на сѣверо-западѣ Тироля въ Брегенскомъ округѣ), открытый къ западу, наслаждается болѣе теплымъ климатомъ. Сѣверный Тироль во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ много общаго съ нѣмецкими кантонами Швейцаріи, такъ какъ въ немъ климатъ альпійскій; между тѣмъ южный Тироль своими виноградниками и теплымъ

климатомъ напоминаетъ Италію. Въмѣсто богатыхъ зеленыхъ пастбищъ встрѣчаешь въ южной части Тироля или мелкій, спаленный солнцемъ кустарникъ, или широкія пространства, покрытыя виноградниками. За то въ долинахъ вишневыя деревья и яблони съвера уступаютъ мѣсто гораздо болѣе разнообразной и роскошной растительности теплаго пояса. Громадныя каштановыя и орѣховыя деревья, покрытыя плющемъ развалины и старыя замки, предестные сады и виноградники, надъ которыми возвышаются утесы пепельнаго цвѣта, составляютъ отличительную черту ландшафта южнаго Тироля.

Южный Тироль одна изъ прекраснѣйшихъ въ свѣтѣ странъ: онъ прорѣзанъ во всѣхъ направленіяхъ горными хребтами, окруженъ цѣпью ледниковъ, богатъ множествомъ замковъ, монастырей, церквами и хижинами самой разнообразной архитектуры. Разныя части Тироля связаны между собой или замѣчательными желѣзными дорогами или горными тропинками, которыя проходятъ то чрезъ богатѣйшія поля, то среди романтическихъ ужасовъ природы. Въ среднемъ и нижнемъ Эчталѣ, въ Кёзерталѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ бываетъ даже удушливая жара; но самымъ лучшимъ климатомъ въ южномъ Тиролѣ отличаются окрестности Мерана.

Тироль въ полномъ смыслѣ слова страна замковъ; здѣсь существуютъ мѣстности, силошъ наполненыя ими: одни изъ нихъ принадлежатъ дворянамъ, другіе правительству. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ замковъ Лёвенбергъ стоитъ на холмѣ и весь усаженъ виноградниками. Хотя въ немъ нѣтъ садовъ и онъ окруженъ уступами, но здѣсь много прекраснѣйшихъ цвѣтовъ и самыхъ нѣжныхъ деревьевъ: померанцевъ, лимоновъ, гранатъ. Ровнаго мѣста нѣтъ нигдѣ: если хочешь гулять, долженъ то подниматься, то опускаться. Но болѣе всего замковъ въ Меранѣ, этой древней столицѣ тирольскихъ графовъ. Въ этой странѣ замковъ все носитъ отпечатокъ среднихъ вѣковъ. Тирольскіе замки расположены обыкновенно на возвышеннѣхъ мѣстахъ, и дороги, которыя ведутъ къ нимъ, тѣмъ круче и затруднителнѣе, чѣмъ древнѣе самыя замки. Съ прекращеніемъ времени междуусобицъ и съ наступленіемъ болѣе мирной эпохи, рыцари начали спускаться съ своихъ орлиныхъ гнѣздъ въ скалахъ и выбирать для своего жительства болѣе заселенныя мѣстности, наконецъ, переселились въ большіе села и города и стали тамъ строить себѣ дворцы и замки. Это переселеніе начинается съ XVI ст. и затѣмъ все усиливается въ XVII, XVIII и достигаетъ наибольшихъ размѣровъ въ первой половинѣ XIX ст. Сначала хозяева замковъ жили въ нихъ еще лѣтомъ и селили въ нихъ своихъ управляющихъ, судей и другихъ чиновниковъ; но въ послѣднее время и это вышло изъ обычая. Нѣкоторыя замки теперь совсѣмъ развалились, другіе сдѣлались жилищемъ крестьянъ и поденщиковъ, третьи остаются пустыми. Въ Форарльбергѣ замки давно уже потеряли всякое значеніе, но въ нѣмецкомъ и итальянскомъ Тиролѣ нѣкоторыя изъ нихъ служатъ временной, а изрѣдка и постоянной резиденціей знати.

Тироль, какъ горная страна, со множествомъ крутыхъ и бѣдныхъ плодородною почвою склоновъ, съ большими болотистыми и поросшими мхомъ долинами, представляетъ большія затрудненія для обработки земли, хотя въ отдѣльныхъ округахъ, смотря по положенію надъ уровнемъ моря, климату и почвѣ существуютъ въ этомъ отношеніи большія различія. Жителямъ этой альпійской страны уже издавна приходилось выдерживать жестокую борьбу съ могущественными силами природы. Эта борьба была также ожесточенна, какъ и та, которую имъ издавна пришлось вести съ вторгающимся непріателемъ, но въ этомъ случаѣ она была еще тяжелѣе, потому что существовала непрерывно; но тирольцы съ честью боролись и на этомъ полѣ битвы.

Не смотря на безплодіе почвы, первымъ и самымъ важнымъ источникомъ существованія для жителя австрійскихъ альпійскихъ странъ издавна служить *земледѣліе* и, главнымъ образомъ, *скотоводство*.

Въ Форарльбергѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Тироля, а также въ Каринтіи и Штиріи поземельная собственность до того раздроблена (въ очеркѣ «распределение поземельной собственности въ Германіи», стр. 204, мы уже говорили, что во многихъ мѣстностяхъ Австріи: въ Тиролѣ, въ эрцгерцогствахъ Верхней и Нижней Австріи, въ отдѣльныхъ частяхъ Штиріи и Каринтіи распределение поземельной собственности имѣетъ много общаго съ Германіею), что на долю одного владѣльца приходится въ среднемъ не болѣе 1—2 десятины земли; но особенно интересно то, что этотъ, уже самъ по себѣ небольшой, клочекъ земли разбитъ еще на нѣсколько отдѣльныхъ черезполосныхъ участковъ, что совсѣмъ мѣшаетъ правильной обработкѣ земли и рациональному хозяйству. Той-же черезполосицѣ подвергаются нерѣдко и имѣнія съ большимъ количествомъ земли. Во многихъ мѣстностяхъ Каринтіи и Тироля имѣніе въ 10—15 дес. нерѣдко бываетъ разбито на 50—60 участковъ, иногда разбросанныхъ между собою на огромномъ разстояніи и часто до того мелкихъ, что крестьянинъ на своей крошечной полосѣ даже не можетъ оборотиться съ своимъ плугомъ. Въ Форарльбергѣ средній размѣръ поземельнаго участка не превышаетъ полудесятины, и есть мѣстности, гдѣ на пространствѣ одной квадратной версты насчитываютъ 300 отдѣльныхъ полосъ или *дьянокъ*, какъ ихъ здѣсь называютъ. Пахотныя земли еще болѣе раздроблены: во многихъ округахъ средній размѣръ участка пахотной земли составляетъ менѣе одной десятой части десятины. Веденіе хозяйства на такихъ крохотныхъ, разбросанныхъ *дьянкахъ* рѣшительно невозможно, и владѣльцы ихъ нерѣдко переходятъ на степень настоящихъ сельскихъ пролетаріевъ, принужденныхъ бросать свои семейства вслѣдствіе невозможности прокормить ихъ, запускаютъ участки и идутъ наниматься въ батраки, въ поденщики, отправляются массами на чужбину въ качествѣ рабочихъ различнаго рода, бродячихъ ремесленниковъ, музыкантовъ, а многіе и совсѣмъ эмигрируютъ съ родины. Ежегодное отправленіе въ отхожіе промыслы всего мужскаго населенія нѣкоторыхъ долинъ заставляетъ женщинъ исполнять работы мужчинъ. Въ теченіе четырехъ весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ въ этихъ долинахъ не остается ни одного мужчины отъ 17 до 60 лѣтъ отъ роду. Вы здѣсь встрѣчаете женщинъ, которыя рубятъ деревья, возятъ тяжело нагруженныя телѣжки, собираютъ сухую траву, рубятъ дрова и пахутъ землю. Если вы войдете въ одинъ изъ деревенскихъ трактировъ, вы увидите кучки женщинъ съ короткими трубочками во рту, которыя, опершись локтемъ на столъ, пьютъ вино послѣ трудной работы. Чтобы подтвердить сказанное цифрами, прибавимъ, что по переписи 1880 года народонаселеніе въ Тиролѣ было 972,553 чел. Изъ нихъ поземельныхъ собственниковъ обоюго пола всего 121,395. При этомъ мы знаемъ, что у огромнаго числа этихъ собственниковъ участки земли такъ малы, что, при всемъ трудолюбіи семейства, они не могутъ прокормить его круглый годъ. Къ тому же число мелкихъ собственниковъ все увеличивается, чему способствуютъ безконечныя дѣлежи между членами семейства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, упадокъ цѣнности крупныхъ владѣній, дѣленіе общинныхъ земель, все болѣе возрастающее населеніе и множество другихъ причинъ. Чрезмѣрное раздробленіе земли не только увеличиваетъ здѣсь бѣдность народа, но и ведетъ сельское хозяйство къ упадку, ухудшеніе котораго въ послѣднее время происходитъ также и отъ множества другихъ причинъ. Первымъ толчкомъ къ упадку сельскаго хозяйства было возвышеніе цѣнъ на землю, несообразное даже съ ея доходностію, послѣ чего наступило внезапное паденіе этихъ цѣнъ. Слѣдствіемъ этого явилось недовѣріе къ займамъ, обезпеченнымъ недвижимыми имуществами, и ко всякаго рода предпріятіямъ, связаннымъ съ землею и съ сельскимъ хозяйствомъ, что постепенно стало отвлекать капиталы отъ того и другаго. Не менѣе повредили сельскому хозяйству и частыя продажи имѣній съ аукціона, увеличеніе хозяй-

ских издержекъ и чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ на главныя жизненныя потребности, увеличеніе налоговъ и пошлинъ при продажѣ имѣній, чрезчуръ обременительныя и многочисленныя пожертвованія на церкви и на религіозныя цѣли, излишекъ праздниковъ и полурбочихъ дней, которые вмѣстѣ съ воскресными составляютъ болѣе трети года, упадокъ торговли, ремеслъ и промышленности и сильная конкуренція туземныхъ продуктовъ съ иностранными, которые, вслѣдствіе облегченія сношеній, стали притекать изъ за границы. Причинами паденія сельскаго хозяйства въ итальянскомъ Тироля, кромѣ названныхъ уже общихъ причинъ, были въ особенности болѣзнь шелко-вичныхъ червей и винограда, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ сряду, и огромныя издержки, которыя требовались для борьбы съ нею.

При своемъ возвышенномъ положеніи весь сѣверный Тироль и въ особенности гористая часть Форарльберга болѣе всего пригодна для скотоводства. И только нѣкоторыя, болѣе одаренныя природою мѣстности, какъ долина Инталя, пригодны также для земледѣлія.

Земледѣліе и скотоводство были въ Тироля уже въ древнія времена самыми распространенными занятіями жителей и главными источниками ихъ существованія. Но въ тѣ отдаленныя времена пахотной земли было несравненно меньше, чѣмъ теперь. Только увеличеніе народонаселенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличеніе потребностей въ продуктахъ, затруднительность привоза вслѣдствіе дурныхъ сообщеній и таможенныхъ пошлинъ и недостатокъ пищи въ періоды войны принудили жителей къ дальнѣйшей обработкѣ земли и въ теченіе послѣднихъ вѣковъ довели земледѣліе до такихъ размѣровъ, которые не соотвѣтствуютъ ни развитію другихъ отраслей культуры, ни характеру страны. Хотя скотоводство въ Тироля всегда играло первую роль и земледѣліе никогда не было образцовымъ, но въ послѣднее время оно весьма улучшено: теперь здѣсь обращаютъ большое вниманіе на удобреніе, устраиваютъ навозныя кучи и гнойныя ямы по новѣйшимъ системамъ, часто употребляютъ и искусственное удобреніе, вводятъ рациональную плодоперемѣнную систему, въ которой хлѣбныя посѣвы чередуются съ клеверомъ и корнеплодными растеніями, и дѣлаютъ опыты акклиматизаціи растеній. Сельскохозяйственныя машины все болѣе входятъ въ употребленіе и замѣняютъ ручной трудъ.

Въ южномъ Тироля наиболѣе видную роль въ хозяйствѣ играютъ *виноградники*. Самую богатую мѣстностью въ этомъ отношеніи, какъ теперь, такъ уже и издавна, считался Эчландъ, и его жители всегда очень прилежно занимались уходомъ за виноградниками. Въ этой мѣстности виноградники тянутся даже по крутымъ склонамъ, такъ что землю приходится сдерживать искусственными подпорками. На солнечныхъ склонахъ растетъ самый лучшій виноградъ. Окрестности Боцена, благодаря старательному уходу за виноградниками, превратились въ настоящій садъ. Въ послѣднее время здѣсь было сдѣлано много попытокъ акклиматизировать новые виды винограда съ Рейна, изъ Бургундіи и въ тоже время улучшить самое производство вина. Вино тирольскаго приготовленія не долго сохраняется и потому оно очень низко цѣнится за границей; даже въ самомъ Тироля имъ нельзя запастись въ большомъ количествѣ; за то гораздо болѣе цѣнится тирольскій виноградъ, который вывозятъ за границу въ громадномъ количествѣ.

Шелковичное дерево разводятъ въ Тироля съ XVI ст. Число плантацій шелко-вичныхъ деревьевъ въ итальянскомъ Тироля и Эчландѣ все болѣе увеличивалось до послѣдняго времени, а именно до 1870 г. Въ итальянскомъ Тироля шелко-вичныя деревья разводили повсюду, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, такъ какъ они давали больше дохода, чѣмъ виноградники и хлѣбныя поля. Но въ послѣднее десятилѣтіе болѣзнь шелко-вичныхъ червей и конкуренція азіатскихъ шелковъ нанесли смертельный ударъ ти-

рольскому шелководству, и въ настоящее время шелковичныя деревья вырываютъ сотнями, чтобы посадить вмѣсто нихъ фруктовыя деревья.

Главную и самую доходную отрасль сельскаго хозяйства въ Тиролѣ, какъ прежде, такъ и теперь еще, остается скотоводство, поэтому луга и пастбища занимаютъ весьма значительную часть всей производительной земли. Луга раздѣляютъ здѣсь на ранніе, поздніе и горныя сѣнокосы. Ранніе луга орошаютъ искусственнымъ способомъ, и они даютъ самыя большіе сѣнокосы; ихъ косятъ 2, 3, а очень часто и 4 раза. Луговое хозяйство тирольцы занимаютъ съ большимъ прилежаніемъ, и въ послѣднее время въ Инталѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Эчталя ввели болѣе рациональное хозяйство, дѣлаютъ опыты акклиматизаціи клеверовъ разныхъ нетирольскихъ странъ, вводятъ въ употребленіе дренажъ и другія улучшенія почвы. Прежде луговая земля цѣнилась ниже пахотной, но теперь, наоборотъ, она цѣнится значительно выше ея. Но если въ общемъ луговое хозяйство въ послѣднее время и поднялось въ цѣнѣ, зато альмы (возвышенныя пастбища на Альпахъ) сдѣлались менѣе производительными вслѣдствіе первобытнаго хозяйства. Вмѣсто того, чтобы на альмахъ улучшать старыя пастбища осушеніемъ болотъ, уничтоженіемъ дикихъ растений, искусственнымъ орошеніемъ и удобреніемъ, постоянно прорубали только сосѣдніе лѣса и пасли въ нихъ скотъ. Вслѣдствіе этого старыя пастбища все болѣе портились, а на новыхъ, не улучшая ихъ, уничтожали лѣса. Альмы въ Форарльбергѣ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Тиролѣ.

Во всѣхъ альпійскихъ странахъ Австріи альмы раздѣляются на предгорья и горныя пастбища; первыя лежатъ на высотѣ отъ 1400—1600, а вторыя 1600—2100 метровъ. На лучшихъ альмахъ пасется дойный скотъ, а остальной на болѣе суровыхъ пастбищахъ. Во всѣхъ альпійскихъ мѣстностяхъ можно встрѣтить альмы самой разнообразной величины; нѣкоторыя изъ нихъ такъ велики, что тянутся на протяженіи 12 ч. ходьбы и тогда на нихъ нерѣдко скучено до 80 пастушескихъ хижинъ и до 400 сараевъ для сѣна. Всего альмъ въ Тиролѣ приблизительно до 890. Чаше всего пастушескія хижины на альмахъ стоятъ отдѣльно, но иногда вмѣстѣ цѣлыми деревнями, и тогда въ этихъ пастушескихъ колоніяхъ, или пастушескихъ деревняхъ господствуетъ большой порядокъ, ссоры и дразги случаются какъ рѣдкое исключеніе. Въ каждой такой пастушеской деревнѣ выбираютъ и назначаютъ лицо, которое должно присматривать за тѣмъ, чтобы не выходило ссоръ и недоразумѣній изъ-за пастбищъ, сѣна и соломы; эти выборныя лица и составляютъ альпійскую полицію. Кромѣ того тутъ есть еще выборное лицо, обыкновенно дѣвушка, на которой лежитъ обязанность собирать жителей въ часъ молитвы. Вечеромъ, въ то время, когда въ далекихъ долинахъ звонятъ къ вечернѣ, выборный мужчина или дѣвушка становится на открытое мѣсто и въ воронку, черезъ которую переливаютъ молоко, начинаетъ пѣть какую-нибудь благочестивую пѣсню. Въ ту же минуту начинаютъ собираться всѣ на этотъ зовъ и читаютъ вмѣстѣ молитвы.

Главное богатство тирольцевъ, да и вообще всѣхъ альпійцевъ Австріи,—рогатый скотъ. Кстати замѣтимъ, что альпійскій скотъ вообще отличается особенною понятливостью: каждая корова имѣетъ свою кличку и знаетъ ее. Однако, не смотря на то, что скотоводство самая доходная отрасль сельскаго хозяйства альмъ, выдѣлка сыра и уходъ за скотомъ носятъ совершенно первобытный характеръ; можно смѣло сказать, что со временемъ рямлянъ оно не сдѣлало никакихъ успѣховъ. Въ большей части тирольскихъ альмъ нѣтъ удобныхъ хлѣбовъ, а въ пастушескихъ хижинахъ царствуетъ такая грязь, какую трудно найти гдѣ бы то ни было. Въ архитектурѣ пастушескихъ хижинъ на альмахъ въ австрійскихъ Альпахъ и въ жизни пастуховъ чрезвычайно много общаго съ постройками и жизнью альпійскихъ пастуховъ Швейцаріи; но главное различіе между ними состоитъ въ томъ, что въ хозяйствѣ швейцарскихъ шалѣ господствуетъ несравненно

болѣе порядка и чистоты, — здѣсь же невозможная грязь. Даже и теперь здѣшніе пастухи, когда они возвращаются съ альмъ, гордятся тѣмъ болѣе, чѣмъ грязнѣе выглядит ихъ рубаха; въ такомъ-же неприглядномъ видѣ возвращаются съ альмъ коровы и посуда. Такъ какъ молочное хозяйство на альмахъ ведется первобытнымъ образомъ, то и продукты этого хозяйства стоятъ весьма низко сравнительно съ продуктами другихъ странъ. Не смотря однако на первобытное молочное хозяйство, рогатый скотъ здѣсь чрезвычайно цѣнится. Чѣмъ болѣе у крестьянина головъ рогатаго скота, тѣмъ большимъ уваженіемъ и почетомъ пользуется онъ не только со стороны своихъ сосѣдей, но и общины. Настоящимъ хозяиномъ считается только тотъ, у котораго по крайней мѣрѣ 20 штукъ рогатаго скота, но для такого количества скота недостаточно пастбища въ долину и его приходится гонять на болѣе возвышенныя мѣста, т. е. на альмы.

Альпійскій народъ чрезвычайно любитъ альмы и онѣ играютъ въ его жизни большую роль: зимой, сидя въ душной комнатѣ, и старыя, и молодыя только и думаютъ о томъ времени, когда они отправятся на высокія горы, гдѣ, не смотря на тяжелыя работы, они будутъ дышать чуднымъ, горнымъ воздухомъ, пользоваться большею свободой и развлеченіями. Въ свободное время пастухи и пастушки по цѣлымъ часамъ лежатъ въ травѣ, занимаются охотой или болтаютъ въ хижинахъ, рассказываютъ, играютъ въ карты, играютъ на разныхъ инструментахъ, поютъ, пляшутъ, однимъ словомъ, устраиваютъ всѣ тѣ развлеченія, какъ и въ долинахъ, но на альмахъ все выходитъ несравненно веселѣе и непринужденнѣе. Слабые здоровьемъ крестьяне и крестьянки стараются по окончаніи всѣхъ работъ, хотя не долго, подышать чистымъ горнымъ воздухомъ и отправляются часто цѣлыми толпами на горныя сѣнокосы, чтобы полежать на сѣнѣ.

Въ маѣ, когда послѣднія полосы снѣга исчезли съ горъ средней высоты, крестьяне, истощивъ запасъ сухаго корма, гонять свои стада вверхъ къ сочнымъ пастбищамъ на горныя склоны, окружающіе ихъ родныя долины. Этими альмами или горными пастбищами пользуются въ разное время года, смотря по ихъ высотѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ настолько малы, что даютъ кормъ только въ теченіе очень короткаго періода. На каждомъ такомъ пастбищѣ — пастушеская хижина, и богатый крестьянинъ имѣетъ по 3 и по 4 альмы, одна выше другой, на разстояніи часа ходьбы и больше. Когда трава на самой низшей альмѣ, на которой скотъ начинаетъ пастись, истощается, тогда пастухъ, вмѣстѣ со стадомъ, переселяется на болѣе высокую альму и такимъ образомъ до самой высокой хижины онъ доходитъ въ наиболѣе теплое время года, въ іюль мѣсяцѣ. У болѣе бѣдныхъ крестьянъ только двѣ небольшихъ альмы, а тотъ, кто держитъ мало скота, довольствуется и одной.

Пастушеская хижина или «шалэ» — простой, бревенчатый баракъ, раздѣленный на двѣ неравныя части. Самая большая часть его, задняя, назначена для помѣщенія скота въ холодную или сырую погоду, а меньшая, передняя часть составляетъ жилую комнату пастуха или пастушки. Въ одномъ изъ угловъ этого помѣщенія — очагъ, родъ ямы, окопанной кругомъ, съ висачимъ на палкѣ котломъ — главная принадлежность для производства сыра. Въ Штиріи, въ Верхней Австріи и въ нѣкоторыхъ долинахъ Тироля въ этихъ хижинахъ живутъ здоровыя, сильныя дѣвушки, а въ другихъ частяхъ Тироля и въ Швейцаріи скотъ въ большинствѣ случаевъ доверяютъ мужчинамъ. Если крестьянинъ, которому принадлежитъ альма, не въ состояніи держать пастуха или пастушку, онъ посылаетъ пасти скотъ на гору своего взрослого сына или дочь.

Вечеръ субботы — время свиданья горныхъ жителей съ знакомыми долины. Когда работа кончается, молодой парень въ долину, повѣсивъ карабинъ на спину и взявъ свой скудный запасъ, отправляется на гору, въ шалэ, гдѣ его ожидаетъ любимая дѣвушка. Идали, когда шалэ ему кажется еще точкой, ясный, повторяемый эхомъ звукъ іедлера

вызываетъ дѣвushку за дверь и, минуто спустя, въ отвѣтъ ему проносятся серебряные звуки пѣсни. Воскресенье парень проводитъ въ горахъ, танцуетъ съ пастушками или охотится, а въ понедѣльникъ утромъ, задолго до разсвѣта, онъ торопится на работу въ долину къ 5 ч. утра.

Отправление на альму и возвращеніе съ горъ — торжественные дни для тирольца. При отправленіи впереди идетъ пастухъ съ палкою въ рукѣ, а за нимъ передовая корова, за которой слѣдуютъ другія въ определенномъ порядкѣ. На лучшихъ изъ нихъ, а иногда и у всѣхъ, на шеѣ привязаны звонки и колокольчики. Еще торжественнѣе возвращеніе съ альмъ. Къ этому начинаютъ готовиться за нѣсколько дней, чистятъ посуду, упаковываютъ вещи, а въ послѣднюю ночь непременно пляшутъ, поютъ, шумятъ и веселятся. Возвращеніе стадъ съ альмъ подымаетъ на ноги всю деревню, особенно молодежь. На самыхъ красивыхъ коровахъ надѣты вѣнки, звонки, а на головѣ нерѣдко красуется даже цѣлое деревцо съ пестрыми цвѣтами. Пастухи въ праздничной одеждѣ хлопываютъ большими кнутами или стрѣляютъ изъ пистолетовъ. Особенно замѣчательно при этомъ пристрастіе тирольскихъ пастуховъ къ издержкамъ на головной уборъ своей любимой коровы. Въ прошломъ столѣтіи на это издерживали въ одинъ день несравненно болѣе, чѣмъ для своего туалета въ нѣсколько лѣтъ. Теперь издержки на головной уборъ коровы не такъ велики, но пристрастіе осталось тоже. Веселыя пѣсни въ этотъ день раздаются со всѣхъ концовъ; при этомъ стараются соблюдать обычай, чтобы веселились не только люди, но и животныя: ясли въ хлѣвахъ наполняютъ самымъ тучнымъ клеверомъ, а столъ уставляютъ самыми сытными блюдами.

ХАРАКТЕРНЫЕ НАРОДНЫЕ ТИПЫ ТИРОЛЯ.

Охотники.—Уменьшеніе дичи и истребленіе лѣсовъ.—Рѣзчики деревянныхъ издѣлій.—Дровосѣки и сплавщики.—Угольщики.—Смолокуры.—Торговцы фруктами.—Сторожа виноградниковъ.—Контрабандисты.—Дѣти, отправляемыя на заработокъ.—Шинковальщики капусты.—Корнекопатели.—Содержатели гостинницъ.—Муравьиныя вѣдьмы.—Собиратели кедровыхъ орѣховъ.—Коммисіонеры по дѣламъ спасенія души и продавцы религіозныхъ предметовъ.—Факторши деревенскаго населенія.—Кузнецы.—Странствующій людъ мелкихъ профессій.—Странствующіе ремесленники.—Дѣрхеры.—Кретины.

Безплодіе Верхне-Инской и нѣкоторыхъ смежныхъ долинъ, совершенное безземеліе или слишкомъ ничтожный участокъ земли, который не можетъ обезпечить владѣльца его даже отъ голода, упадокъ сельскаго хозяйства и многія другія причины заставляютъ болѣе 90% населенія наниматься въ качествѣ различныхъ рабочихъ или искать заработка въ промыслахъ и занятіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ. Болѣе чѣмъ $\frac{1}{10}$ мужскаго взрослога населенія Тироля покидаетъ на время родную страну и отправляется на чужбину промышлять мелкою торговлею и ремеслами или пѣтъ «тирольскія пѣсни» съ аккомпаниментомъ цитры. Трудолюбіе народа видно уже изъ того, что онъ ничего не упускаетъ, выискиваетъ всевозможныя средства, лишь бы имѣть этотъ заработокъ по крайней мѣрѣ на родинѣ, которую онъ страстно любитъ, но если и это не удается, онъ отправляется на чужбину, сотнями и тысячами посылаетъ туда даже своихъ дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Къ главной группѣ рабочихъ принадлежатъ охотники, рѣзчики деревянныхъ издѣлій, угольщики, дровосѣки, сплавщики и смолокуры. Съ главнѣйшими представителями этой группы мы отчасти познакомили уже читателей въ I томѣ нашего труда, въ очер-

кахъ о Швейцаріи, и здѣсь укажемъ лишь на черты и характеръ работы, болѣе или мѣнѣе отличающій ихъ отъ собратій въ Швейцаріи.

Охота за дичью—самая глубокая національная страсть въ тирольскомъ народѣ. Въ немъ издавна живетъ понятіе о томъ, что лѣсъ и дичь общая собственность; между тѣмъ въ Тиролѣ большинство лѣсовъ принадлежитъ частнымъ лицамъ и охота въ нихъ постороннимъ строго запрещена. Но такіе законы постоянно нарушаются, и даже священникъ на исповѣди смотритъ сквозь пальцы на такую охоту, если только ею занимаются не въ воскресенье раньше литургіи. Однимъ словомъ, страсть къ охотѣ за дичью естественное послѣдствіе какъ характера альпійца, такъ и мѣстныхъ особенностей его родины. Уже маленькому мальчику вѣшаютъ черезъ плечо отцовское ружье, и онъ отправляется стрѣлять птицъ и бѣлокъ; эта страсть съ годами овладѣваетъ имъ все сильнѣе. Запрещеніе охоты только придаетъ ей двойную прелесть, и юношамъ, наклоннымъ къ мечтательности, она рисуется въ самомъ заманчивомъ свѣтѣ. Охота за сернами, какъ самая опасная, привлекаетъ болѣе всего. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на сернѣ существуетъ рациональная охота; въ такихъ случаяхъ лѣса строго охраняютъ, и только благодаря этому еще не всѣ эти животныя уничтожены, такъ какъ охотники ведутъ съ ними ожесточенную борьбу и онѣ постепенно исчезаютъ.

Настоящіе охотники, серьезные и молчаливые люди, обыкновенно не любятъ принимать участія въ другихъ удовольствіяхъ. Какъ только приближается августъ, время, когда начинается охота за сернами, настоящимъ охотникомъ овладѣваетъ волненіе. Онъ внимательно слѣдитъ за направлениемъ вѣтра и погоды, чиститъ и осматриваетъ по цѣлымъ днямъ свое ружье и въ одинъ прекрасный день покидаетъ свое жилище. Если сравнить опасности, которымъ долженъ подвергаться охотникъ за сернами, съ тою небольшою выгодною, какую доставляетъ ему убитое животное, то для каждаго будетъ видно, какъ мало подобные люди цѣнятъ свою жизнь. Онъ продаетъ одинъ фунтъ говядины за 18 крейцеровъ, но оптомъ за все мясо серны получаетъ 2 гульдена; дороже цѣнятся рога, которые перерабатываютъ въ различные галантерейные товары, бѣлая шерсть на спинѣ и подбородкѣ животнаго; но главная выгода все-таки перепадаетъ въ карманы перекупщиковъ.

Теперь классъ охотниковъ сильно уменьшился уже потому, что всѣхъ родовъ дичи стало значительно меньше, такъ какъ ее уже издавна преслѣдуютъ съ неутомимою страстью. Къ тому же съ увеличеніемъ народонаселенія постоянно возрасталъ и классъ охотниковъ, которые вслѣдствіе долголѣтняго опыта своихъ предшественниковъ все болѣе изоцрялись въ своемъ ремеслѣ и все съ большимъ искусствомъ истребляли и преслѣдовали дичь. Огромное вліяніе на уменьшеніе дичи имѣло и истребленіе лѣсовъ, что становится настоящимъ бѣдствіемъ для народа, такъ какъ цѣны на дрова въ послѣднее десятилѣтіе страшно поднялись. Но и тамъ, гдѣ еще существуетъ дичь, охота за нею сдѣлалась въ высшей степени опаснымъ ремесломъ. Частные владѣльцы лѣсовъ нанимаютъ теперь къ себѣ на службу охотниковъ въ качествѣ сторожей. Такому, одѣтому въ форму, охотнику, называемому лѣснымъ сторожемъ, приходится теперь или нарушить свой долгъ, или убить прежняго товарища по охотѣ, если онъ застанетъ его за этимъ ремесломъ въ лѣсу, который ввѣренъ ему для охраны. Эта обязанность лѣснаго сторожа тяжела уже и потому, что его собственная жизнь находится въ постоянной опасности: кто первый изъ нихъ увидитъ противника — охотникъ сторожа или наоборотъ, тотъ первый прикладываетъ ружье къ щекѣ и стрѣляетъ.

Тирольцы издавна славятся рѣзбою деревянныхъ издѣлій, и многіе изъ нихъ въ этомъ дѣлѣ являются настоящими художниками. Болѣе всѣхъ между ними отличаются этимъ жители Грѣдена, небольшой долины между Боценомъ и Клаузеномъ. Нѣжное

дерево кедра, которое покрываетъ здѣсь обширныя пространства горъ, уже издавна вызвало развитіе рѣзной промышленности. Вырѣзаютъ самые разнообразныя предметы: распятія, изображенія святыхъ, сцены изъ священнаго писанія, дѣтскія игрушки, звѣрей и т. п. Въ то время, какъ мужчины издавна начали заниматься рѣзбою, женщины извѣстны плетеніемъ кружевъ, которыя, правда, никогда не имѣли достоинства брюссельскихъ, такъ какъ готовятся изъ болѣе грубыхъ нитокъ, но вполне хороши, чтобы украшать бѣлые рукава рубашекъ тирольскихъ крестьянокъ.

Хижина крестьянина въ Грѣденѣ имѣетъ видъ настоящей фабрики: отецъ и сынъ вырѣзаютъ, даже маленькіе мальчики, возвращаясь изъ школы, берутъ въ руки рѣзецъ, а женщины тутъ же занимаются плетеніемъ кружевъ, нагнувшись надъ подушками: въ этой работѣ имъ помогаютъ и маленькія дѣвочки, и 70-лѣтнія старушки. Все свободное время, какое остается отъ полевыхъ работъ, употребляютъ для рѣзбы на деревѣ и для плетения кружевъ. Прежде молодые люди отправлялись весною въ Испанію, Италію и Германію продавать свои издѣлія. Дѣло въ началѣ пошло хорошо: за исключеніемъ Турціи, не было страны въ Европѣ, по которой не странствовали-бы грѣденскіе парни съ своими рѣзными товарами; нѣкоторые изъ нихъ отправлялись даже въ Америку. Дѣвушки тоже ходили продавать свои кружева, но онѣ не переступали границы родины. Прежде еще ихъ кружева находили хорошій сбытъ, но теперь ихъ вытѣснила болѣе тонкая и дешевая машинная работа. Продавать свои кружева дѣвушки отправляются теперь очень рѣдко и должны уже прихватывать для продажи чулки и другіе мелочныя предметы своего издѣлія. Грѣденскіе парни тоже въ настоящее время ходятъ очень рѣдко торговать на чужбину своими рѣзными произведеніями, такъ какъ нѣкоторые изъ ихъ разбогатѣвшихъ земляковъ поселились въ различныхъ большихъ городахъ и завели торговыя сношенія съ родиной. Число рѣзчиковъ въ Грѣденѣ достигаетъ 3,000. Ремесло это даетъ теперь самый ничтожный заработокъ: взрослый человѣкъ, работая 12 часовъ въ сутки, зарабатываетъ среднимъ числомъ отъ 40 до 50 крейцеровъ; но изъ этого нужно вычесть плату за дерево, которое ему приходится покупать для его издѣлій и которое становится все дороже. Такимъ образомъ заработокъ мало обезпечиваетъ рѣзчиковъ и грозитъ въ будущемъ упасть еще болѣе, такъ какъ дерево повышается въ цѣнѣ и ихъ конкурентами являются рѣзчики многихъ другихъ странъ.

Интересно взглянуть на работу рѣзчика, когда онъ занятъ своимъ дѣломъ: передъ каждымъ изъ нихъ лежитъ около 30 рѣзцовъ, изъ которыхъ онъ беретъ въ руки то одинъ, то другой. Такъ какъ каждый рабочій изготовляетъ обыкновенно одинъ родъ фигуръ, то онъ со временемъ достигаетъ въ этомъ удивительной ловкости. На стѣнѣ передъ нимъ виситъ его модель—какая-нибудь плохая гравюра или фотографія и, только въ рѣдкихъ случаяхъ, гипсовая фигура. Дѣтскія игрушки, животныя, арлекины фабрикуются безъ всякаго образца. Подлѣ рѣзчиковъ сидятъ «художники», которые раскрашиваютъ рѣзныя фигуры. Проворность рѣзчиковъ удивительна: семейство одного жителя Грѣдена, состоящее изъ отца и трехъ сыновей подростковъ, получило заказъ изъ Англіи на 18,000 дюжинъ куколъ, и это было приготовлено исключительно ими въ теченіе одной зимы.

Сильное развитіе рѣзной промышленности въ Тиролѣ имѣетъ дурную сторону—все большее истребленіе кедровъ. Деревья эти находятся почти исключительно въ общинныхъ лѣсахъ; общинное управленіе не только не даетъ дерева даромъ, но все возвышаетъ цѣны на него. Бѣдность крестьянъ, ихъ ничтожный заработокъ, дороговизна матеріала для заказовъ повели къ тому, что крестьяне стали красть дерево. Въ такихъ случаяхъ они рубятъ дерево какъ попало, второпяхъ, часто разрубаятъ даже такое, которое потомъ оказывается имъ непригоднымъ, но тутъ некогда разбирать, лишь-бы

только не застали на мѣстѣ преступленія и не оштрафовали. Кромѣ самаго бесполезнаго уничтоженія лѣса, такое положеніе дѣлъ крайне деморализуетъ народъ. Вслѣдствіе недостатка кедровъ теперь начинаютъ рѣзать изъ яблони, бука, орѣховаго дерева, клѣна, а для болѣе простыхъ издѣлій стали употреблять даже сосновое дерево.

Сильная, мускулистая и широкоплечая фигура дровосѣка, съ лицомъ почернѣвшимъ отъ непогоды, рѣзко выдѣляется между всѣми рабочими. Во всѣхъ лѣсистыхъ горныхъ областяхъ дровосѣкъ рубить деревья, перерубаетъ ихъ на полѣнья и колоды и стаскиваетъ къ мѣсту сплава или къ каналамъ, по которымъ онъ зимою, среди метели, спускаетъ ихъ въ долину. Однако, не смотря на тяжелую работу, вездѣ въ горахъ, гдѣ работаютъ дровосѣки, слышны ихъ веселыя пѣсни, а по воскресеньямъ они бойко танцуютъ въ танцевальной комнатѣ, хотя это удается далеко не каждый праздыкъ. Отрѣзанный отъ всего живаго, работая въ уединеніи, среди величественной альпійской природы, грубые и неуклюжіе по виду дровосѣки привыкаютъ ко всевозможнымъ невгодамъ и отличаются удивительнымъ хладнокровіемъ въ минуты опасности. Огромные лѣса, которые еще и теперь покрываютъ значительную часть сѣверныхъ и центральныхъ округовъ Тироля, привлекаютъ до 4000 человекъ, которые исключительно занимаются этою работою. Дровосѣковъ мы находимъ не только въ Тиролѣ, но во всѣхъ лѣсистыхъ горныхъ областяхъ Австріи, и ихъ жизнь и нравы, за исключеніемъ мелочей, вездѣ одинаковы. Поднявшись на горную высоту, нѣсколько человекъ дровосѣковъ устраиваютъ въ лѣсу, на недоступныхъ склонахъ горы, баракъ изъ досокъ и балоковъ, который и служитъ имъ жилищемъ на все время работы. На стѣнахъ въ такомъ жилищѣ прибито нѣсколько колышковъ, на которые вѣшаютъ не только топоръ и пилы, но и мѣшки съ мукой, крупой, куски сала и верхнее платье; деревянная скамейка служитъ кроватью, а доски, прибитыя на колышкахъ, замѣняютъ столъ. Болѣе дровосѣку ничего не нужно въ его уединенномъ жилищѣ; даже дымовыя трубы и окна—роскошь, безъ которой онъ легко обходится, такъ какъ прилежный дровосѣкъ здѣсь только спитъ на своемъ жесткомъ деревянномъ ложѣ. Остальное время, или, лучше сказать, цѣлый день онъ проводитъ въ лѣсу за работою, а въ праздничный день спускается въ долину повеселиться.

Работа дровосѣка въ высшей степени тяжелая: ему приходится взбираться часто по крутымъ склонамъ или пробираться по глубокому снѣгу, прежде чѣмъ дойти до мѣста рубки лѣса. Во время работы онъ долженъ постоянно думать, чтобы громадное дерево не свалило его внизъ, въ пропасть, или не упало на близьлежащія деревья, а улеглось такъ, чтобы ему было удобно его распилить. Часто, во время жаркаго лѣтняго дня, онъ, послѣ утомительнаго труда, не можетъ даже освѣжиться глоткомъ свѣжей воды, такъ какъ множество маленькихъ ручьевъ засыхаетъ въ это время. Если онъ работалъ часовъ 6 кряду и жажда томить его, онъ, съ топоромъ въ рукахъ и съ ранцемъ на спинѣ, спѣшитъ по крутой тропинкѣ внизъ, къ своему бараку; при этомъ ему приходится перепрыгивать черезъ глубокія разсѣлины скалъ, пройти иногда много разъ по самому краю пропасти, то спускаясь по крутому обрыву, то карабкаясь на него, и гдѣ одинъ ложный шагъ или камень, сдвинувшійся съ мѣста, можетъ стоить ему жизни. Утоливъ жажду и подкрѣпивъ себя клецками, плавающими въ жирѣ, онъ набиваетъ свою короткую трубочку и отдыхаетъ часа два. Въ изнурительной работѣ дровосѣка ему болѣе всего помогаетъ жиръ. Настоящій дровосѣкъ ежедневно долженъ поглощать до 7 ф. жира. Нѣкоторые изъ нихъ держали пари, что съѣдятъ въ недѣлю 100 ф. жиру, и выигрывали. Дѣлали они это такимъ образомъ: сначала ѣли растопленный жиръ ложками, какъ супъ, потомъ принимались за клецки и макароны, плавающіе въ жирѣ, и къ концу недѣли съѣдали 100 ф. Только употребляя много жиру, дровосѣки и могутъ

работать за троихъ самыхъ здоровыхъ работниковъ. Окончивъ свой обѣдъ, состоящій главнымъ образомъ изъ клецокъ, плавающихъ въ жирѣ, и запивъ ихъ молокомъ, если только ему удастся держать при себѣ козу, онъ засыпаетъ въ дымномъ или совсѣмъ сыромъ баракѣ. Ему и во снѣ снятся падающія исполинскія деревья, трескъ сосенъ, лѣсистыя высоты, а иногда и удачная продажа лѣса. Здѣсь, на высотѣ, въ его недоступномъ лѣсномъ жилищѣ, его никто не посѣщаетъ, кромѣ развѣ заблудившагося охотника. Онъ живетъ въ полномъ уединеніи; единственный предметъ его размысленій—рубка лѣса. Съ товарищами по бараку онъ говоритъ только о приключеніяхъ, которыя онъ испыталъ на работѣ, при восхожденіи на гору, о своихъ наблюденіяхъ надъ погодой и надъ звѣрами. Рѣдко спускается этотъ отшельникъ въ долину, чтобы позабавиться игрою въ кегли, прослушать обѣдню или потанцевать съ дѣвушками въ танцевальной залѣ и выпить стаканъ вина въ кругу друзей. Проходитъ лѣто, листья буковъ и ясеней начинаютъ желтѣть, красная рябина вянетъ и темныя тучи, спускающіяся съ альпійскихъ вершинъ, приносятъ съ собою проливные дожди, отъ которыхъ горы становятся непроходимыми: изъ каждой разсѣлины, пѣнясь и клубясь, бѣжитъ тогда стремительный водопадъ, который отрываетъ огромныя глыбы скалъ и съ громомъ низвергаетъ ихъ въ пропасть. Горныя ручьи унесли-бы и деревья, срубленныя дровосѣкомъ, если-бъ онъ не стащилъ ихъ въ безопасное мѣсто.

Когда, наконецъ, вмѣсто дождя падаетъ снѣгъ, тогда начинается сплавъ лѣса, которымъ занимаются или тѣ-же дровосѣки, или особые работники, называемые сплавщиками. Для этого прежде всего нужно спустить лѣсъ въ долину съ тѣмъ, чтобы его сплавили на слѣдующее лѣто внизъ въ большіе города. Но какъ это сдѣлать по крутымъ, обрывистымъ склонамъ горъ? Для этого сплавщикъ отыскиваетъ на склонѣ горы такое мѣсто, гдѣ разсѣлины соединились и составили бы одинъ непрерывный желобъ отъ верху до низу. Въ такой желобъ наливаютъ воды, которая тотчасъ замерзаетъ и, такимъ образомъ, дно и стѣны его представляютъ гладкую поверхность. Когда дровосѣку удалось добраться съ своими санями до верха желоба, онъ самъ или уже сплавщикъ сталкиваетъ колоды внизъ по желобу и онѣ съ трескомъ скатываются внизъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ могутъ выскочить изъ желоба, стоятъ сплавщики съ тяжелыми рычагами и удерживаютъ въ желобѣ падающія колоды. Эти люди быстро появляются всюду, гдѣ колоды встрѣчаютъ какое-нибудь препятствіе и могли-бы выскочить изъ желоба. Смѣло каждый изъ нихъ подбѣгаетъ къ желобу и направляетъ движеніе колоды, куда слѣдуетъ. При каждомъ неловкомъ прикосновеніи, при каждомъ невѣрномъ шагѣ сплавщика, колоды, свергающіяся внизъ съ быстротою стрѣлы, могутъ лишь раздробить или сбросить его внизъ въ пропасть. Не менѣе опасенъ постъ людей на концѣ желоба, такъ какъ колоды съ страшною силою ударяются о стѣнки и выскакиваютъ во всѣ стороны, разбивая все, что имъ попадается на встрѣчу.

Не менѣе труденъ сплавъ лѣса весною и осенью, когда горныя ручьи на столько обильны водою, что могутъ стащить полѣнья по склону внизъ. Дровосѣкъ внимательно разсматриваетъ разсѣлины, по которымъ снѣговая или дождевая вода стекаетъ по склону горы. Эти ручейки онъ старательно соединяетъ въ большой желобъ, стѣны котораго убиваетъ полѣнья. Послѣ этого желобъ уже представляетъ нѣчто въ родѣ канала для сплава. Въ опредѣленныхъ промежуткахъ, тамъ, гдѣ ручей течетъ съ большою силою, дровосѣкъ вбиваетъ въ землю рядами длинныя колья, чтобы задерживать на этихъ мѣстахъ падающія полѣнья и чтобы такимъ образомъ размѣстить ихъ въ порядкѣ, прежде чѣмъ они спустятся внизъ. Въ узкихъ ущельяхъ онъ устраиваетъ наискось водяной домикъ, шлюзъ котораго удерживаетъ воду, пока она не достигаетъ извѣстной высоты; тогда его открываютъ, и вода съ шумомъ и съ необыкновенной силою низвергается по обрыву

вмѣстѣ съ собравшимся у плотины лѣсомъ. Въ то время, когда полѣнья задерживаются плотиной у шлюза, дровосѣкъ долженъ быть наготовѣ съ своимъ рычагомъ: ему нужно спѣшить туда, чтобы привести полѣнья въ порядокъ и открыть теченію проходъ, но чтобы добраться до сплаваемаго имъ лѣса, ему приходится проходить по колодамъ и балкамъ и балансировать по качающимся бревнамъ, что въ высшей степени опасно. Ему постоянно приходится быть насторожѣ: лишь только онъ привелъ свой лѣсъ въ порядокъ, онъ безъ оглядки долженъ бѣжать прочь. Вода низвергается теперь внизъ по склону съ страшной быстротой и силой и легко снесетъ съ собой дровосѣка, если онъ не сѣмѣетъ во время выбраться изъ ручья тоже по полѣнямъ и качающимся балкамъ.

А вотъ и новая группа рабочихъ — угольщики, жизнь которыхъ въ лѣсу во многомъ напоминаетъ дровосѣковъ. Горный лѣсъ, въ которомъ живутъ тотъ и другой, во все не такъ тихъ и спокоенъ, какъ это кажется снизу. При этомъ мы не подразумеваемъ глухаря, звуки котораго уже раздаются на зарѣ, ни пѣнія тысячеголосныхъ птицъ, оживляющихъ природу, или другихъ животныхъ, прыгающихъ по кустамъ или перелетающихъ съ вѣтки на вѣтку, — мы говоримъ о человѣкѣ. Вотъ горная тропинка круто повернула въ сторону, и передъ вами стоитъ широкоплечій дровосѣкъ; вы дѣлаете нѣсколько шаговъ впередъ, и вамъ попадается то контрабандистъ съ тяжелой ношей, то охотникъ съ карабиномъ черезъ плечо, собиратель сѣмянъ съ охапками разныхъ растений, браконьеръ съ застрѣленной дичью подъ курткой, а нерѣдко и цѣлая ватага парней и молодыхъ дѣвушекъ, которые съ криками и веселыми пѣснями отправляются собирать кедровые орѣхи. Правда, чѣмъ выше вы поднимаетесь, тѣмъ менѣе встрѣчаете людей, но въ лѣсистыхъ горахъ средней высоты, что ни шагъ, то встрѣча. А вонъ изъ лѣсу поднимается дымъ, который черной тучей виситъ надъ деревьями: это жгутъ уголья, и этимъ дѣломъ обыкновенно занимаются только осенью работники тѣхъ крестьянъ, которые владѣютъ частью лѣса; ихъ отправляютъ жечь уголья въ такое время, когда по хозяйству уже всѣ работы покончены. Впрочемъ въ предгорьяхъ Альпъ уголья жгутъ все лѣто и всю зиму. Для этого существуютъ особые угольщики, которые специально занимаются этимъ дѣломъ. Главное искусство угольщика, которымъ онъ долженъ владѣть въ совершенствѣ, — это умѣнье сложить костеръ. Для этого онъ прежде всего насыпаетъ мелкій уголь на круглое возвышеніе и округляетъ его, устроивъ посреди яму. Въ центрѣ ея онъ втыкаетъ крѣпкій шестъ и отъ него радіусами кладетъ поперечные шесты, которые покрываетъ досками. Такъ устраиваетъ онъ основаніе костра, чтобы сдѣлать тягу снизу. Затѣмъ къ шесту, стоящему въ срединѣ, привязываетъ солому и хворостъ и прикрѣпляетъ мелкіе дрова. Нужно замѣтить еще, что подъ досками устроенъ довольно широкій каналъ, черезъ который вводятъ фитиль и зажигаютъ имъ этотъ легко воспламеняющійся матеріалъ. Вокругъ шеста, въ нѣсколько рядовъ, въ наклонномъ положеніи, одинъ надъ другимъ ставятъ деревянные обрубки; затѣмъ весь этотъ конусъ покрываютъ кругомъ сосновыми вѣтвями и все это обкладываютъ мелкимъ углемъ, толщиной въ футъ, а иногда его замѣняютъ землею. И вотъ готовъ черный тронъ угольщика! Чтобы взобраться на него, къ костру (а это необходимо, чтобы давать должное направленіе пламени и поддерживать такой жаръ, какой нуженъ для приготовленія хорошаго угля) приставлены вкось довольно длинныя подмости, состоящія изъ двухъ крѣпкихъ деревьевъ съ многочисленными сучьями, которыя сверху покрыты еще досками. Поджигаютъ костеръ снизу посредствомъ фитиля. Вскорѣ затѣмъ пламя показывается сверху языками и его поддерживаютъ, постоянно подбрасывая мелкія дрова. Когда костеръ разгорѣлся, угольщикъ въ разныхъ частяхъ его дѣлаетъ желѣзнымъ шестомъ отверстія для тяги. Закрывая и открывая эти отверстія, можно на-

правлять пламя, куда угодно, такъ, чтобы обугливаніе происходило какъ можно равно-мѣрно.

Теперь пусть костеръ горитъ, а мы отправимся въ первобытный шалашъ угольщика. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уголь жгутъ и зимою, помѣщеніе угольщика нѣсколько больше, обыкновенно же оно состоитъ изъ покатои, доходящей до земли деревянной крыши, опирающейся на лежащіе сзади горные склоны. На землѣ простой очагъ изъ камней, на которомъ угольщикъ готовитъ свой обѣдъ; въ одномъ углу брошена охапка соломѣ и грязныхъ тряпокъ: здѣсь онъ спитъ ночью и посматриваетъ черезъ большія отверстія своего жилища на костеръ. Спать ему удается очень мало: онъ долженъ днемъ и ночью быть насторожѣ и посматривать, чтобы неблагопріятный вѣтеръ не направлялъ пламени неправильно или чтобы оно не прорвалось: тогда въ серединѣ костра образуется сильное горѣніе и онъ быстро сгоритъ, не оставивъ угля. Вотъ угольщику и приходится безпрестанно выходить даже и ночью—то прибавлять уголь, то открывать отверстія, то засыпать ихъ мелкимъ углемъ. Конечно, онъ облегчаетъ себѣ эту утомительную работу тѣмъ, что на ночь закрываетъ много отверстій, такъ что дрова горятъ медленно, но за то процессъ горѣнія продолжается дольше. Обязанность угольщика не только утомительна, но и опасна: многіе изъ нихъ, мѣшая костеръ, проваливались въ него и сгорали среди пылающаго огня въ страшныхъ мученіяхъ. Вслѣдствіе этого иногда въ уединенныхъ мѣстностяхъ устраиваютъ два костра, одинъ подлѣ другаго; во время ночи одинъ угольщикъ спитъ, а другой бодрствуетъ, къ тому же и костеръ устраивать вдвоемъ гораздо удобнѣе.

Весь процессъ обугливанія костра продолжается обыкновенно 5 дней. Окончаніе горѣнія видно по постепенному прекращенію дыма. Его не трогаютъ еще нѣсколько дней, а затѣмъ начинаютъ вынимать изъ него уголь. Уголь, какъ дрова и горное сѣно, свозятъ зимою на саняхъ, такъ какъ лѣтомъ, вслѣдствіе неровности почвы, это затруднительно. На сани натягиваютъ мѣшокъ, въ который и сыпаютъ огромную кучу угля. Обыкновенно нѣсколько саней отправляются вмѣстѣ, такъ что цѣлый рядъ ихъ, несущихся внизъ, какъ стрѣла, напоминаетъ толпу привидѣній.

Весною, когда прогуливаешься въ лѣсу, нерѣдко попадаются лиственницы, стволы которыхъ пробурявлены и заткнуты деревянными втулками. Это сдѣлано смолокуркомъ. Черезъ нѣсколько дней онъ придетъ къ этимъ деревьямъ собирать смолу. Для этого онъ принесетъ желѣзный желобъ, на одномъ концѣ заостренный какъ буравъ, а на другомъ къ нему приделана деревянная ручка. Вынувъ деревянную втулку, смолокуръ вставляетъ въ отверстіе желобъ, который доходитъ почти до середины ствола. Когда желобъ наполнится золотисто-желтой смолой, онъ вынимаетъ его и переливаетъ смолу въ деревянный сосудъ; затѣмъ отверстіе опять тщательно затыкаетъ, чтобы болѣе не вытекало смолы и чтобы дерево не истощалось. Смола же въ небольшихъ боченкахъ подвергается дальнѣйшей переработкѣ.

Но есть смолокуры и другаго рода, которые возятся съ молоткомъ около сосенъ и елей. Они одѣваются такъ же, какъ и всѣ крестьяне, но когда они сбрасываютъ свою залитую смолой куртку, она стучитъ, какъ латы рыцаря. Въ правой рукѣ у смолокура что-то въ родѣ молотка, а въ лѣвой — воронкообразный сосудъ изъ грубой сосновой коры. Его ремесло очень просто: прежде всего онъ отбиваетъ острымъ концомъ молотка твердую поверхность коры, а затѣмъ другимъ концомъ своего снаряда, который походить на лопатку, собираетъ жидкую смолу и переливаетъ ее въ воронку изъ коры; когда она наполнится до краевъ, онъ опоражниваетъ ее въ мѣшокъ. За право собирать смолу смолокуры платятъ общинѣ извѣстную арендную плату и продаютъ ее по 5 крейцеровъ за одинъ фунтъ. Смолу покупаютъ мыловары, пивовары, канатные мастера или ску-

пають болѣе зажиточные смолокуры, которые перерабатываютъ ее на особыхъ заводахъ. Тамъ смолу кипятятъ, очищаютъ отъ деревянистыхъ частицъ, процѣживаютъ и выжимаютъ. Полученную такимъ образомъ массу наливаютъ въ коробочки и выставляютъ для просушки на солнцѣ. Эта переработанная смола въ коробочкахъ извѣстна въ продажѣ подъ именемъ терпентина. Болѣе грубую массу опять кипятятъ и выжимаютъ и ее употребляютъ для заливанія бочекъ, какъ лекарство для скота, для смазки воевъ.

Добывать смолу нужно съ большими предосторожностями, иначе совсѣмъ можно испортить лѣсъ. Самое лучшее время для добыванія — весна, когда происходитъ быстрый ростъ дерева: тогда можно добыть болѣе всего смолы. Дерево, изъ котораго ее добываютъ, должно быть не моложе 12—15 лѣтъ. На открытыхъ, подверженныхъ вліянію солнца, мѣстахъ смола течетъ обильнѣе всего.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ присмотръ за лѣсомъ болѣе слабъ, существуютъ «тайные смолокуры», которые, чтобы не попасться въ воровствѣ, торопятся, забываютъ принять надлежащія предосторожности съ деревьями и этимъ сильно ихъ губятъ.

Съ открытіемъ бреннерской желѣзной дороги торговля южными фруктами приняла совершенно неожиданные размѣры. Теперь отсюда фрукты вывозятъ не только во всѣ страны Австрійской имперіи, но также въ Германію и Россію. Заказы такъ многочисленны, что не въ состояніи всѣхъ удовлетворить, и разведеніе фруктовъ въ послѣднее время сдѣлалось такимъ заманчивымъ занятіемъ, что многіе крестьяне въ долинѣ Эчъ, послѣ неудачи въ шелководствѣ, оставили шелковичное дерево и со всѣмъ стараніемъ отдались разведенію фруктовыхъ деревьевъ. Болѣе всего вывозятъ отсюда виноградъ и размаринное яблоко. Въ 1870 г. изъ южнаго Тироля было вывезено винограду, яблоковъ и каштановъ на сумму 455,000 флоринъ.

Вмѣстѣ съ разведеніемъ фруктовыхъ деревьевъ чрезвычайно увеличилась въ послѣднее время и армія торговцевъ фруктами по мелочамъ и оптомъ. Болѣе всего этихъ торговцевъ можно видѣть въ Боценѣ, Меранѣ, Инсбрукѣ и ихъ окрестностяхъ, такъ какъ здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, занимаются разведеніемъ фруктовыхъ деревьевъ. Производители рѣдко сами вывозятъ свои фрукты на рынокъ, а продаютъ ихъ оптомъ торговцамъ и торговкамъ, которые въ своихъ повозкахъ, обтянутыхъ холстомъ, переѣзжаютъ изъ одной мѣстности въ другую и продаютъ ихъ. Множество торговцевъ разноситъ ихъ въ корзинахъ по городамъ. Иногда владѣтели фруктовыхъ деревьевъ сдаютъ въ аренду весь садъ съ неснятыми еще фруктами.

Если иностранцу во время созрѣванія винограда вздумается полюбоваться виноградниками въ окрестностяхъ Мерана, онъ непремѣнно встрѣтитъ странную и фантастическую фигуру. Боже, что это! невольно воскликнетъ онъ. Глава индѣйскаго племени или средневѣковый оруженосецъ? Между тѣмъ человекъ, такъ поразившій его, съ воинственною алебардою въ рукѣ, приближается къ нему очень скромно. Изъ подъ его шляпы, высотой съ башню, выглядываетъ пара добродушныхъ тирольскихъ голубыхъ глазъ и онъ вѣжливо проситъ путешественника дать ему крейцеръ на табакъ. Не бойтесь его, — это самый мирный изъ всѣхъ тирольцевъ и одинъ изъ честнѣйшихъ, какъ мы увидимъ ниже, гражданъ: передъ вами «зальтнеръ», т. е. сторожъ виноградника. Болѣе всего бросается въ глаза его громадная треугольная шляпа. Она сидитъ поперекъ головы, но изъ чего она сдѣлана — не видно, такъ какъ она покрыта цѣлымъ лѣсомъ пѣтушиныхъ и куриныхъ перьевъ; между ними выглядываютъ и павлиновыя перья, висятъ хвосты лисицы и бѣлки. Часто даже чучело барсука или другихъ маленькихъ животныхъ прикрѣплено къ остриямъ шляпы, и изъ ихъ открытой пасти блестятъ бѣлые, острые зубы. Широкою грудью зальтнера покрываетъ красная или зеленая фуфайка, сверхъ нея кожаныя подтяжки поддерживаютъ узкіе, короткіе, входящіе только до колѣнъ, штаны.

*

Сверхъ фуфайки и подтяжекъ накинута куртка безъ рукавовъ; бѣлые рукава рубахи доходятъ до локтя и на руки надѣты еще нарукавники. Станъ опоясанъ широкимъ, чернымъ кожанымъ кушакомъ, вышитымъ бѣлыми узорами. Онъ поддерживаетъ короткіе штаны, которые оставляютъ колѣни голыми; на икрахъ чулки, а сверхъ ихъ, но нѣсколько короче чулокъ, штилеты. Множество дудочекъ или свистковъ изъ кабаньихъ клыковъ, какъ ордена, висятъ на его груди; въ рукѣ онъ держитъ алебарду — шесть съ насаженнымъ на немъ копьемъ. Изъ многочисленныхъ своихъ свистковъ онъ свиститъ, чтобъ предостеречь тѣхъ, кто желаетъ полакомиться виноградомъ. Но если онъ подстережетъ преступника, который пытается незамѣтно сорвать кисть винограда, зальтнеръ подходитъ къ нему и требуетъ штрафъ въ 12 крейцеровъ. Когда онъ поймаетъ вора, стащившаго болѣе двухъ кистей, онъ не имѣетъ права уже штрафовать, но ведетъ его къ крестьянину, на участкѣ котораго было совершено преступленіе. Если воръ попробуетъ защищаться, сторожъ пускаетъ въ ходъ палку, а не можетъ одинъ справиться, даетъ знать своимъ товарищамъ посредствомъ тѣхъ-же свистковъ или выстрѣловъ изъ пистолета.

Нарядъ зальтнера и вся его фигура въ этомъ нарядѣ производятъ такое сильное впечатлѣніе на новичковъ, что многіе изъ нихъ въ первую минуту пускаются бѣжать. Одинъ англичанинъ, завидѣвъ сторожа виноградника, вообразилъ, что это предводитель какой-нибудь разбойничьей шайки, весь дрожа отъ страха, опустился на одно колѣно и подалъ ему кошелекъ. Зальтнеръ молча, вынувъ изъ кошелька одинъ крейцеръ на табакъ, съ улыбкой и самыми вѣжливыми поклонами возвратилъ кошелекъ растерявшемуся сыну Альбіона.

Выборъ зальтнеровъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, происходитъ 25-го іюля. Послѣ торжественнаго богослуженія всѣ отправляются туда, гдѣ происходятъ выборы, куда являются и всѣ соискатели этой должности. Они должны были еще за нѣсколько недѣль раньше подать объ этомъ прошеніе и представить свой аттестатъ. Соискателями являются сыновья крестьянъ, работники и отставные солдаты. Выборы происходятъ торжественно и въ строгоопредѣленномъ порядкѣ. Члены совѣта заставляютъ удалиться соискателей изъ зала собранія и разсуждаютъ безъ нихъ, кто изъ претендентовъ наиболѣе достоинъ быть выбраннымъ на этотъ важный постъ. Желающій занять его долженъ имѣть не менѣе 24 лѣтъ отъ роду, быть холостымъ и безупречнаго поведенія. Человѣкъ нетрезваго поведенія, попавшійся когда нибудь въ кражѣ или въ какомъ нибудь дурномъ поступкѣ, считается негоднымъ для этой должности. Того, кого выбралъ общинный совѣтъ, зовутъ и торжественно сообщаютъ ему объ этомъ. Даже сыновья самыхъ богатыхъ и почтенныхъ крестьянъ считаютъ для себя величайшею честью быть выбранными въ зальтнеры, такъ какъ имъ можетъ сдѣлаться только человѣкъ безупречной нравственности и всѣми уважаемый. Избранный празднуетъ это событіе веселымъ пиромъ, особенно если выборъ палъ въ первый разъ, такъ какъ одно и то же лицо можетъ занимать эту должность два года сряду.

Въ день Св. Іакова выборный вступаетъ въ свою должность; въ этотъ день онъ обходитъ съ визитами хозяевъ виноградниковъ своего округа. Для этого онъ старательно брѣсется, причесывается, одѣваетъ свой самый лучшій праздничный костюмъ, который въ этотъ день еще тотъ-же самый, какъ и у всѣхъ, но прибавляетъ къ нему только штилеты, какъ знакъ своего будущаго достоинства, и вѣшаетъ на бокъ большой ножъ въ красивыхъ ножнахъ. Когда онъ входитъ въ домъ крестьянина, онъ обращается къ нему съ вопросомъ: «вы на меня не будете гнѣваться»? Слѣдуютъ успокоенія и комплименты и ему предлагаютъ выпить краснаго вина, но онъ отпиваетъ лишь нѣсколько глотковъ, такъ какъ ему приходится въ этотъ день сдѣлать болѣе 40 визитовъ и его вездѣ угощаютъ.

Прежде чѣмъ вступить въ должность, выбранный зальтнеръ даетъ присягу въ магистратѣ. Послѣ этого ему вручаютъ печатную книгу, въ которой перечислены его права и обязанности и, наконецъ, ему выдаютъ постановление о его назначеніи. Вступивъ въ должность, зальтнеру приходится не только охранять ввѣренные ему виноградники, но исполнять при этомъ множество обязанностей. Онъ долженъ окружить всѣ изгороди и рѣшетки терновникомъ и снабдить ихъ остріями для защиты отъ непрошенныхъ гостей. Когда виноградъ созрѣетъ, онъ обязанъ на всѣхъ дорогахъ и тропинкахъ прибить «руку сторожа», въ знакъ того, что здѣсь начинаются его владѣнія. Эта красная, вырѣзанная изъ дерева рука, съ распростертыми пальцами, прибита къ столбу. Иногда на ея ладони нарисованъ сторожъ или чертъ, чтобы внушить ворами еще болѣе страха. Другое дѣло сторожа построить себѣ хижину: она состоитъ изъ соломы и дубовыхъ вѣтвей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она имѣетъ видъ большой соломенной скирды, въ другихъ напоминаетъ голубятню, поставленную на двухъ столбахъ, чтобы съ высоты такого трона весь виноградникъ былъ у него какъ на ладони; но есть мѣстности, гдѣ зальтнеры для своего жилища устраиваютъ пирамидальную будку. Къ 14-му августу сторожъ долженъ покончить всѣ свои приготовления; съ этихъ поръ ему рѣдко приходится отдыхать даже и ночью: нужно зорко блюсти за виноградниками, такъ какъ множество обжоръ, лакомокъ, дѣтей, ворешекъ посягаютъ на ввѣренное ему владѣніе. Общинныя власти постоянно контролируютъ и испытываютъ его усердіе: они обходятъ ночью виноградники, поднимаютъ заборы, рвутъ сочныя грозды. Если сторожъ выдерживаетъ испытаніе, его угощаютъ на общественный счетъ, а если онъ проспалъ и не замѣтилъ, какъ приблизились контролеры къ винограднику, ему отказываютъ отъ мѣста. Служба сторожа начинается съ августа и кончается въ половинѣ октября; за это время онъ получаетъ отъ 50 до 60 гульденовъ.

Почти во всѣхъ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ границы государства, существуетъ цѣлая армія мужскаго и женскаго пола, специально занимающаяся опаснымъ ремесломъ контрабандистовъ. Народъ никогда не можетъ понять, зачѣмъ товаръ облагаютъ пошлиною, и потому въ большинствѣ случаевъ онъ смотритъ на контрабандистовъ не только безъ всякаго презрѣнія, но даже часто укрываетъ ихъ, когда это нужно, предостерегаетъ и оказываетъ имъ всевозможныя услуги. Духовенство на контрабанду, какъ и на тайную охоту, тоже смотритъ сквозь пальцы, если то и другое совершено не во время богослуженія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что здоровые парни, которымъ опасности кажутся пустяками, а часто и заманчивыми, увлекаются контрабандой не только какъ легкимъ средствомъ къ наживѣ, но и какъ промысломъ, соединеннымъ съ опасностію. Контрабанда существуетъ также и вслѣдствіе высокихъ ввозныхъ пошлинъ, которыя сильно повышаютъ цѣны товаровъ, но конечно болѣе всего вслѣдствіе бѣдности и неправильныхъ экономическихъ условій, какъ безземеліе и недостатокъ полезныхъ промысловъ для всѣхъ, нуждающихся въ заработкѣ.

Контрабандисты проносятъ всевозможныя вещи: кофе, сахаръ, соль, золотые и серебряныя товары, шелковыя матеріи, платки, фаянсъ, галантерейныя вещи и болѣе всего табакъ. Введеніе табачной монополіи въ 1836 г. особенно развило контрабанду на этотъ предметъ. Прежде крестьяне сами разводили табакъ, и въ Форарльбергѣ имъ были заняты цѣлыя полосы земли; но теперь только бѣдные жители Оберъ-Интала могутъ разводить простой табакъ для своихъ потребностей, а во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ его нужно покупать, и, вслѣдствіе монополіи, съ прибавкою 20 крейцеровъ на фунтъ. Вотъ почему теперь такъ и развита контрабанда на этотъ предметъ. Нѣкоторымъ ловкимъ контрабандистамъ въ счастливый день и теперь еще удается заработать 20 флориновъ, но бывають случаи, когда онъ лишается не только своего товара, но и своей

жизни. Контрабандистъ всю свою жизнь ежедневно борется съ опасностями, ему всегда приходится смотрѣть въ глаза смерти. Странствуетъ онъ постоянно по опаснымъ тропинкамъ, мимо страшныхъ пропастей. По обыкновеннымъ тропинкамъ и часто посѣщаемымъ проходамъ не рѣшится идти ни одинъ контрабандистъ, если онъ не желаетъ попасть въ руки австрійской таможенной стражи или баварскихъ жандармовъ, которые бдительно охраняютъ границу съ обѣихъ сторонъ. Потому-то и приходится ему пробираться по самымъ труднѣйшимъ переходамъ и тропинкамъ, по которымъ рыскаютъ только дикіе звѣри. Истинный контрабандистъ обладаетъ необыкновенною силою, выносливостью и ловкостью, храбростью и полнѣйшимъ презрѣніемъ къ опасности и болѣе всего хитростью, — въ ней онъ особенно нуждается. Наиболѣе смѣлыми контрабандистами являются тѣ, отцы которыхъ занимались тѣмъ-же ремесломъ и которые съ дѣтства привыкли обманывать стражу, предупреждать родителей объ опасности различными сигналами, прятать товаръ.

Контрабандистъ рѣдко пускается въ путь въ одиночку: одному неудобно схватиться съ вооруженною стражею, и потому онъ отправляется вдвоемъ, а иногда и компаніею въ 5—6 человекъ. Они всегда вооружены ружьями и только въ крайнихъ случаяхъ основательными дубинами. Товары они переносятъ въ большихъ мѣшкахъ за спиной. Такой мѣшокъ иногда стоитъ очень дорого, и потому нечего удивляться, что люди борются изъ-за него не на жизнь, а на смерть. Контрабандистъ долженъ имѣть по истинѣ орлиные глаза и рысьи уши, чтобы въ ночной темнотѣ подмѣтить въ одно и то-же время на землѣ, въ воздухѣ и между вѣтвей самое легкое движеніе, услышать самый ничтожный шумъ или трескъ. Въ такихъ случаяхъ хитрость помогаетъ даже болѣе, чѣмъ отвага. Если контрабандисты подозрѣваютъ, что стража преслѣдуетъ ихъ, они прибѣгаютъ къ самымъ разнообразнымъ уловкамъ, чтобы ее обмануть: то показываются гдѣ-нибудь съ пустыми мѣшками, то оставляютъ фальшивые слѣды. Въ то время, какъ стража разыскиваетъ ихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, они пробираются другою дорогою. Если это не удастся и имъ уже некуда скрыться отъ своихъ преслѣдователей, они мгновенно бросаютъ мѣшки въ пропасть, гдѣ ихъ послѣ разыскиваютъ, а сами, какъ кошки, карабкаются на скалы, чтобы укрыться за какимъ-нибудь выступомъ угла, благо стражѣ не дозволяется стрѣлять имъ вслѣдъ. Но бѣгство не всегда удается: нерѣдко патруль неожиданно вырастаетъ точно изъ земли и требуетъ, чтобы они не дѣлали ни шагу впередъ. Само собой разумѣется, что шайка контрабандистовъ никогда не сдастся безъ сопротивленія. Часто у нихъ завязывается настоящее сраженіе со стражею и на мѣстѣ остаются раненые и убитые съ той и съ другой стороны. Но если число преслѣдователей несравненно болѣе преслѣдуемыхъ контрабандистовъ, они безъ разговоровъ сдаютъ свои драгоценные мѣшки и только по ихъ взглядамъ, злобою сверкающимъ изъ подъ нависшихъ бровей, можно замѣтить, сколько ненависти таятъ они въ душѣ къ этимъ блюстителямъ закона. Сдавъ свою ношу, они идутъ, уже окруженные стражею; но таможенные солдаты должны внимательно слѣдить за своими плѣнными, которые очень нерѣдко неожиданно сталкиваютъ въ пропасть одного или другаго изъ нихъ. Если это не удалось, иной контрабандистъ затаиваетъ глубочайшую ненависть къ исполнителямъ закона и ждетъ только случая для мести. Служба таможенныхъ солдатъ еще болѣе опасна и тяжела, чѣмъ ремесло контрабандистовъ, отъ руки которыхъ ихъ немало гибнетъ въ уединенныхъ ущельяхъ, и это еще не самое худшее. Бывали примѣры, что контрабандисты съ самою безчеловѣчною жестокостью до гола раздѣвали своего врага и вѣшали его живаго, внизъ головою, надъ муравьиною кучею, такъ что несчастный умиралъ самою мучительною смертію. Дружба съ пастухами и охотниками часто спасаетъ контрабандиста отъ преслѣдованія: тѣ всегда стараются предупредить его и обязательно приго-

товляютъ для него укромный уголокъ въ какомъ-нибудь хлѣву или на сѣновалѣ. За это онъ награждаетъ ихъ контрабанднымъ табакомъ. Во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ дороги не такъ убійственны, контрабандою занимаются и женщины: цѣлыя семейства живутъ иногда этимъ промысломъ и проносятъ головы сахару, привязывая ихъ подъ балахонъ. Въ Форарльбергѣ еще и теперь масса товаровъ проносится черезъ границу подъ платьемъ благочестивыхъ богомолковъ. Контрабандная торговля, особенно табакомъ и солью, не только не уменьшилась, но еще увеличилась.

Величайшая бѣдность жителей во многихъ долинахъ Тироля, особенно въ Оберъ-Инталѣ и Бинчлау, заставляетъ не только взрослыхъ, но и дѣтей обоого пола отправляться на чужбину на заработокъ. Часто дѣтямъ минетъ лишь 7, 8 лѣтъ, и ихъ отправляютъ уже изъ подъ роднаго крова на чужую сторону, гдѣ они никого не знаютъ. Въ путь этихъ дѣтей отправляютъ въ мартѣ. Трудно вообразить, какая при этомъ представляется тяжелая картина: она положительно надрываетъ сердце даже самому суровому человѣку. Вотъ уже маленькій караванъ, состоящій изъ дѣтей обоого пола, отъ 7 до 15 лѣтъ, готовъ и стоитъ на деревенской площади. Проводникомъ ему служитъ старикъ или старуха, вокругъ которой, какъ овцы около пастуха, толпятся дѣти—маленькіе странники съ посохами въ рукѣ и съ узелками за спиной. Вся деревня выбѣжала посмотреть на нихъ и проститься съ ними; одни одѣляютъ ихъ мелкой монетой, другіе даютъ имъ сыръ, хлѣбъ или какое-нибудь деревенское лакомство. Многіе мужчины отходятъ въ сторону, чтобы скрыть слезы, которыя катятся изъ глазъ у каждаго изъ нихъ, а тамъ, поодаль женщина бросилась въ траву, припала ницъ къ землѣ и громко рыдаетъ; здѣсь мать благословляетъ дитя и въ отчаяніи поднимаетъ глаза къ небу, точно призывая его въ свидѣтели, что ей болѣе ничего не остается дѣлать. Подчасъ слышатся и проклятія на горькую долю, но чаще раздаются отчаянныя рыданія женщинъ. И какъ не рыдать, глядя на этихъ крошекъ, изъ которыхъ многія такъ малы и болѣзненны на видъ и которыя сейчасъ должны уже начать борьбу за существованіе, жить вдали отъ родительскаго крова безъ материнской ласки и дѣтскихъ забавъ, исключительно отдавшись суровому труду. Одна старушка, подъ кровомъ которой послѣднее время жилъ 7-ми-лѣтній мальчикъ, оставленный ей родителями, ушедшими на заработокъ на чужбину, подходитъ къ ребенку и, глядя его по головкѣ, говоритъ: «Смотри, Зеппеле: будь хорошимъ мальчикомъ, а то тебя пошлютъ въ Швабію, гдѣ ты будешь пасти гусей и свиней: тамъ тебя будутъ бить и мало давать ѣсть».

Наконецъ дѣти отправляются: всю дорогу идутъ нѣшкомъ. Пищу и пріютъ просятъ Христа-ради, и самый скарѣдный человѣкъ считаетъ обязанностью подать бѣднымъ дѣтямъ и пріютить ихъ, и они мало страдаютъ во время путешествія. Послѣ 8, 9 дней путешественники достигаютъ города или деревни, куда сходятся и другія толпы такихъ-же дѣтей. Съ утра нѣсколько группъ дѣтей, каждая подъ предводительствомъ своего путевода, уже стоитъ на общественной площади, куда мало по малу стекаются наниматели изъ различныхъ мѣстностей. Во многихъ городахъ Австріи и теперь существуютъ такіе «дѣтскіе рынки», которые обыкновенно открыты въ базарные дни. Крестьяне приходятъ сюда изъ окрестностей и выбираютъ подходящихъ для своей службы дѣтей: болѣе взрослыхъ нанимаютъ пасти скоть, а младшихъ — птицъ; дѣвочки берутъ иногда нянчить дѣтей и для услуженія въ домѣ. Иногда этихъ дѣтей нанимаютъ уже на дорогѣ, обращаясь къ тому или другому съ вопросомъ: «ты еще не проданъ?» Въ ту-же минуту изъ толпы выскакиваетъ нѣсколько съ криками: «меня купите... меня!» Когда крестьянинъ колеблется въ выборѣ двухъ мальчиковъ, онъ заставляетъ ихъ побороться, и побѣдителя, условившись въ цѣнѣ, беретъ съ собою. Вотъ тутъ-то начинается самая тяжелая минута для ребенка, который долженъ идти

за своимъ хозяиномъ: онъ инстинктивно чувствуетъ, что, разставаясь съ товарищами, онъ порываетъ послѣднюю связь съ родимымъ селомъ и горько рыдаетъ, прощаясь съ ними. Толпа отвѣчаетъ ему воплями, которые прекращаются только тогда, когда хозяинъ совсѣмъ пропадаетъ изъ виду съ своимъ новымъ, маленькимъ работникомъ.

Судьба этихъ несчастныхъ дѣтей, конечно, зависитъ отъ ихъ хозяевъ. Большинство изъ нихъ думаетъ, какъ-бы извлечь изъ нихъ побольше выгоды и мало заботится о ихъ пользѣ и образованіи. За свою службу дѣти получаютъ платъе, содержаніе и, въ возрастѣ отъ 6 до 9 лѣтъ, отъ 4 до 6 марокъ за весь сезонъ; подростки отъ 9 до 15 лѣтъ—отъ 6 марокъ до 12; въ самое послѣднее время эта плата для взрослыхъ дѣтей повысилась и дошла отъ 25 до 30 марокъ. Родители съ нетерпѣніемъ ждутъ заработной платы своихъ дѣтей, чтобы передать ее сборщику податей.

Въ послѣднихъ числахъ октября или въ началѣ ноября въ каждой деревнѣ, гдѣ есть чужіе дѣти, появляется проводникъ, собираетъ дѣтей, и они такимъ же образомъ возвращаются домой, а раннею весною снова отправляются искать мѣста. Свое платъе, полученное на мѣстѣ, каждый ребенокъ несетъ за спиной въ мѣшкѣ, надъ которымъ виситъ еще обувь. Его шляпу, принесенную изъ дому, новый хозяинъ оставилъ у себя и повѣсилъ на палку въ огородѣ, чтобы пугать куръ, а у него теперь новая шляпа съ перьями. Но многія изъ дѣтей, не доживъ срока, оставляютъ мѣсто и возвращаются домой въ своемъ старомъ хламѣ и безъ гроша денегъ, пытаясь по дорогѣ подаяніемъ. Нерѣдко ихъ выгоняютъ за шалость, еще чаще изъ за каприза хозяина или хозяйки. Многія дѣти въ такихъ случаяхъ боятся показаться на глаза родителей, не возвращаются домой, а дѣлаются съ этихъ поръ бродягами, ворами, нищими. Теперь уже и простой народъ понимаетъ, какъ вредно отправлять дѣтей на такой заработокъ но крайность заставляетъ ихъ по прежнему отсылать ихъ на чужбину.

Въ 1838 году изъ одного Форарльберга ежегодно отправлялось на чужбину искать себѣ заработка 5,800 человекъ; всѣ вмѣстѣ они зарабатывали среднимъ числомъ 169,000 флор. Съ тѣхъ поръ эти цифры значительно увеличились и одинъ только Монтафонъ ежегодно отправляетъ на чужбину около трети своего населенія, т. е. около 9,000 ч. различныхъ профессій. Въ началѣ весны каменщики и штукатуры отправляются во Францію и во французскіе кантоны Швейцаріи, а подростки и молодые парни расходятся въ различныя мѣстности заниматься въ пастухи; кромѣ того торговцы косами и жнецы отправляются въ хлѣбородныя мѣстности Швабіи, и, наконецъ, осенью очередь доходить до «шинковальщиковъ капусты», принадлежащихъ къ самому большому контингенту изъ всѣхъ отправляющихся. Ремесло ихъ состоитъ въ томъ, что они своими блестящими ножами особаго устройства шинкуютъ кочны капусты въ различныхъ мѣстностяхъ Австріи, Германіи, а прежде даже въ Голландіи и Бельгіи. Отправляясь на чужбину, они замѣняютъ синюю блузу сѣрой курткой, снимаютъ свою обыденную національную шляпу и надѣваютъ тирольскую, берутъ шинковальный снарядъ, наполняютъ ранецъ саломъ, сыромъ, хлѣбомъ, плодами и отправляются въ путь. Чтобы не перебивать работы другъ у друга, они предварительно, по взаимному соглашенію, раздѣляютъ на участки всѣ тѣ страны, которыя они намѣреваются посѣтить. Если нѣсколько человекъ отправляются въ одну и ту-же страну, то они строго опредѣляютъ, кто гдѣ будетъ работать: одинъ обходитъ городъ, другой окрестности.

Когда появляется шинковальщикъ капусты, хозяйки и кухарки принимаются за работу: чистятъ кочаны и готовятъ необходимую посуду. Эти шинковальщики народъ смирный, честный и услужливый, вездѣ любимый хозяйками и кухарками; послѣ окончанія работы каждая угощаетъ его виномъ, а если она забыла это сдѣлать,

то объ этомъ позаботится кухарка, которой онъ оказалъ множество маленькихъ услугъ: своей острой рѣзалкой онъ разрѣзалъ ей рѣпу, рѣдку, салатъ.

Шинкованіе капусты—не легкая работа, и такъ какъ она продолжается отъ 8 до 10 недѣль, то, чтобы покончить въ такой короткій срокъ со всѣми своими кліентами, шинковальщикамъ приходится работать съ утра до вечера. Но они чрезвычайно любятъ это время: ихъ вездѣ ласково принимаютъ, щедро угощаютъ виномъ и они, для поощренія въ этомъ отношеніи хозяекъ, постоянно прибавляютъ: «чѣмъ больше шинковальщику дадутъ вина, тѣмъ лучше будетъ бродить капуста». Доходъ этихъ людей различенъ, смотря по мѣстности и по характеру жителей, но въ среднемъ каждый изъ нихъ выручаетъ до 100 гульденовъ за этотъ короткій сезонъ. Прежде, когда они совершали путешествіе на чужбину и обратно домой пѣшкомъ, имъ удавалось большее количество заработка принести на родину; теперь же имъ приходится по крайней мѣрѣ треть заработка тратить на путевыя издержки. Тѣ изъ нихъ, которые отправляются не такъ далеко отъ родины и выручаютъ гораздо меньше за свой трудъ.

Не смотря однако на строгое «распредѣленіе между ними провинцій и городовъ», бывають случаи, что шинковальщикъ заходитъ въ чужой участокъ, изъ чего возникаютъ весьма крупныя ссоры. Немало случаевъ также въ переуступкѣ своего участка другому шинковальщику или въ отдачѣ этого участка ему въ аренду, что видно изъ судебныхъ разбирательствъ. Вотъ одно изъ дѣлъ подобнаго рода: одинъ шинковальщикъ жалуется на другаго, что тотъ, не смотря на письменную передачу ему Марбурга и его окрестностей, уже три года не платитъ ему условленныхъ денегъ, хотя онъ заработалъ достаточно шинкованіемъ капусты въ этой мѣстности. Обвинитель требовалъ, чтобы обвиняемый заплатилъ ему недоплаченное и въ будущемъ аккуратно соблюдалъ условія или возвратилъ ему «его городъ со всѣми окрестностями». Эти шинковальщики большіе космополиты и имѣютъ два отечества: въ томъ участкѣ, гдѣ они шинкуютъ капусту, они чувствуютъ себя счастливѣе чѣмъ дома. Возвратившись домой, они не могутъ наговориться вдоволь о хорошихъ людяхъ, съ которыми они имѣли дѣло. Смертельный врагъ шинковщиковъ — желѣзная дорога, которая лишила ихъ и все болѣе лишаетъ кліентовъ. Благодаря быстротѣ сообщенія, нидерландцы, лотарингцы, богемцы выписали себѣ для шинкованія сѣчки изъ Монтафона и стали сами шинковать свою капусту. Что еще спасаетъ монтафонца, такъ это то, что онъ мельче и искуснѣе другихъ умѣетъ шинковать капусту и отлично можетъ самъ поправлять свою сѣчку.

Не только въ Тиролѣ, но во многихъ альпійскихъ мѣстностяхъ Австріи, существуетъ особый классъ людей, который занимается выкапываніемъ корней и собираніемъ травъ. Физиономія этихъ людей тотчасъ бросается въ глаза, такъ какъ лица ихъ сдѣлались не только бронзовыми отъ загара, но совсѣмъ почернѣли отъ бури и непогоды. Жизнь этихъ людей богата приключеніями. На высотѣ Альпъ корнекопатель строитъ себѣ шалашъ изъ вѣтвей и покрываетъ его еще корою. Здѣсь онъ раскладываетъ огонь, у котораго грѣется, варитъ ѣду и спитъ. Хотя обѣдъ и жилище его совсѣмъ первобытны, но зато какъ величественна природа, окружающая его: вокругъ красуется великолѣпная зелень альпійскихъ пастбищъ, издали слышно мычаніе пасущихся стадъ и съ высоты громко раздается пѣсня пастуха. Но красота природы его мало занимаетъ: онъ болѣе всего обращаетъ вниманія на синіе, фіолетовые и желтые цвѣты горечавки. Изъ корней этого растенія готовятъ водку, здѣсь въ высшей степени распространенную и высоко цѣнимую. Прежде, когда это растеніе въ огромномъ количествѣ покрывало всѣ солнечные склоны Альпъ, работа корнекопателя была не трудна; но теперь горечавка уже сильно истреблена, ее часто приходится искать на большой высотѣ, въ опасныхъ ущельяхъ скалъ, и поэтому ремесло корнекопателя въ настоящее время сдѣла-

лось однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Онъ принимается за свою работу съ зарею и работаетъ съ небольшими промежутками до солнечнаго заката, лазить по выступающъ скаль, пробирается по опаснымъ тропинкамъ, а часто и спускается внизъ по веревкамъ. Когда солнце и голодный желудокъ говорятъ ему, что близокъ полдень, онъ отыскиваетъ свѣжій источникъ и растягивается на берегу его, чтобы закусить и отдохнуть. Затѣмъ онъ принимается опять копать. Далеко не всегда онъ возвращается на ночь въ свой шалашъ: часто онъ отошелъ отъ него слишкомъ далеко или его застигаетъ буря и непогода. Тогда онъ отыскиваетъ пещеру въ скаль и тутъ ложится на мху. Если по близости найдется пастушеская хижина, онъ проводитъ ночь у пастуха. Выкопанные корни онъ раскладываетъ для просушки на солнцѣ или у себя въ шалашѣ. Высушенный корень похожъ на твердый кусокъ кожи. Если раскусить его, то желчно-горькое ощущение останется во рту на цѣлый день. Работницы въ крестьянскихъ семействахъ, чтобы подшутить надъ новичкомъ-работникомъ, часто вымазываютъ корнемъ горечавки его ложку и потѣшаются, когда несчастный, положивъ ее въ ротъ, начинаетъ строить гримасы.

Корнекопатель остается въ горахъ все лѣто и только позднѣю осенью возвращается въ долину. Зимой онъ селится у одного изъ крестьянъ и помогаетъ ему въ мелкихъ работахъ. Многие изъ нихъ, не смотря на свои мозолистыя руки, отлично играютъ на цитрѣ и бываютъ любимыми гостями тамъ, гдѣ молодежь собирается повеселиться.

Во многихъ уединенныхъ горныхъ мѣстностяхъ существуютъ заводы, въ которыхъ приготавливаютъ горечавочную водку. Такое зданіе выстроено обыкновенно изъ грубо обтесанныхъ балоковъ, побурѣвшихъ отъ непогоды; изъ швовъ торчатъ мохъ, а изъ каждой щели проникаетъ отвратительный чадъ; въ долинахъ эти заводы построены обыкновенно изъ камня. Здѣсь собранные корни прежде всего досушиваютъ и затѣмъ приготавливаютъ изъ нихъ горечавочную водку эту настоящую жизненную эссенцію жителя Альпъ, ихъ универсальное средство противъ всѣхъ болѣзней. По мнѣнію тирольцевъ, она помогаетъ противъ кашля, противъ всѣхъ болѣзней желудка, ревматизма и др. Конечно, при этомъ болѣе всего дѣйствуетъ вѣра, но совершенно справедливо и то, что горькое вещество этихъ корней укрѣпляетъ желудокъ и помогаетъ ему переваривать грубую пищу. Поэтому каждый крестьянинъ, лишь только почувствуетъ себя плохо, выпиваетъ утромъ и на ночь рюмку горечавки и натирается ею съ ногъ до головы.

Прежде, когда горечавку находили въ огромныхъ количествахъ, занятіе этимъ ремесломъ считалось выгоднымъ, но теперь это сдѣлалось жалкимъ заработкомъ. Къ тому же хозяева заводовъ обыкновенно эксплуатируютъ корнекопателей, и одно ремесло это не можетъ прокормить корнекопателя.

Иначе выглядятъ и о всѣмъ противоположную роль играютъ содержатели деревенскихъ гостинницъ и трактировъ: это люди весьма зажиточные и пользующіеся въ деревнѣ большимъ почетомъ. Они имѣютъ обыкновенно 5 — 6 лошадей, и каждый изъ нихъ считается въ деревнѣ не только важною особою, но и человѣкомъ, который не сегодня — завтра будетъ во главѣ муниципалитета. Это самый видный представитель деревенскаго народонаселенія: онъ единственный изъ всей паствы, фанатически преданной католическому духовенству, который осмѣливается иногда не соглашаться съ мнѣніемъ священника. Онъ вожакъ либеральной партіи, если такая существуетъ въ деревнѣ. Эти хозяева — люди обыкновенно дородные и сильные, такъ какъ имъ нѣрѣдко приходится разнимать драчуновъ.

Жители Тироля, Коринтіи, Штирія и многихъ другихъ мѣстностей Австріи употребляютъ всѣ усилія, чтобы все, что они имѣютъ, было дѣломъ ихъ рукъ и окружающей природы. Что нужно для себя и для семьи, они добываютъ на своей землѣ: лѣсъ, поле, огородъ, скоть даютъ имъ возможность въ деревняхъ, не прибѣгая къ лавкамъ,

кромѣ исключительныхъ случаевъ, имѣть все подѣ руками. Зимой и лѣтомъ они носятъ одежду и обувь, приготовленную дома. Но крестьянинъ не приготовляетъ непосредственно самъ всего, что онъ носить и чѣмъ пользуется, а приглашаетъ къ себѣ въ домъ странствующаго ремесленника-специалиста по тому или другому ремеслу. Такихъ странствующихъ ремесленниковъ, между которыми самую видную роль играютъ ткачи, сапожники и портные, чрезвычайно много во всей Австріи. Вся жизнь этихъ людей проходить въ томъ, что каждый изъ нихъ одну или двѣ недѣли работаетъ, спитъ, ѣсть и получаетъ извѣстное вознагражденіе въ одномъ семействѣ, а затѣмъ переѣзжаетъ работать и нанимается въ другомъ семействѣ, тоже на очень непродолжительный срокъ. Эти странствующіе ремесленники имѣютъ для крестьянской семьи особое значеніе: они не только временно работаютъ, но и служатъ деревенской газетой, такъ какъ чрезвычайно подробно передаютъ всѣ деревенскія событія, крестьянскія дѣла и семейныя тайны. Женщины съ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ пріѣзда, и они, всегда болтливые и экспансивные, отлично знаютъ, когда и при комъ что можно сказать. Семейныя тайны странствующій ремесленникъ передаетъ только тогда, когда хозяйка сидитъ одна за прялкой, а общественныя событія онъ обсуждаетъ за обѣдомъ, въ присутствіи хозяина и работниковъ. За ужиномъ и послѣ него идутъ разказы о привидѣніяхъ и разбойникахъ, такъ что у молодежи морозъ подираетъ по кожѣ. Особенно работники любятъ тѣ дни, когда въ домѣ ремесленникъ: тогда обѣдъ обильнѣе и подаютъ болѣе вкусныя кушанья. Зимой крестьянинъ старается обойтись безъ ремесленника: хотя плата за его трудъ круглый годъ остается одна и та-же, но зимою дни коротки, его работа идетъ медленнѣе и потому хозяинъ старается брать ремесленника весной. Нерѣдко такой ремесленникъ живетъ недалеко по сосѣдству, въ небольшомъ домикѣ, съ своею женою. Домикъ въ такомъ случаѣ запираютъ на цѣлую недѣлю, и жена его тоже отправляется на поденную работу. Когда ткача приглашаютъ въ домъ, ткацкій станокъ стоитъ уже наготовѣ, но для этого пришлось передвинуть всѣ кровати, сундуки и стулья. Пока ткачъ управится со всею работою, онъ дѣлается семейнымъ другомъ, и когда приходитъ послѣдній день, хозяйка приготовляетъ прощальный обѣдъ, вручаетъ ткачу недѣльную плату, подноситъ ему въ подарокъ большой хлѣбъ, приглашаетъ его въ воскресенье къ обѣду и говоритъ: «да хранить тебя Богъ, ткачъ; не перетолковывай нашихъ поступковъ въ дурную сторону и не злословь нашъ домъ». Затѣмъ приготовленный холстъ бѣлятъ и, когда онъ готовъ, на такихъ же условіяхъ приглашаютъ лѣтомъ портнаго шить платье. Осенью, когда кожи выдублены, о чемъ уже заботится самъ хозяинъ, является сапожникъ.

Трудно представить, за какія занятія ни берутся тирольцы, лишь-бы добыть себѣ пропитаніе. Во многихъ мѣстностяхъ страны существуетъ немало дѣвушекъ, которыхъ народъ называетъ «муравьиными вѣдьмами», что особенно странно потому, что этимъ непривлекательнымъ именемъ называютъ очень молоденькихъ дѣвушекъ. Ремесло ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ собираютъ для продажи муравьиныя яйца, т. е. куколки муравьевъ, что составляетъ любимую пищу пернатыхъ пѣвцовъ. Такъ какъ для этой работы дѣвушка одѣваетъ самое худшее платье и имѣютъ оборванный видъ, то ихъ и называютъ «муравьиными вѣдьмами». Многія мѣстности особенно кишатъ муравьями и между ними болѣе всего буро-красныхъ, куколки которыхъ особенно цѣнны. Способъ ихъ добыванія чрезвычайно оригиналенъ. Прежде всего «муравьиныя вѣдьмы» отыскиваютъ мѣсто, гдѣ есть проточная вода. Недалеко отъ нея онѣ окапываютъ ровомъ небольшое пространство, съ діаметромъ около двухъ футовъ; въ этотъ ровъ проводятъ воду, такъ что небольшое окопанное пространство образуетъ нѣчто въ родѣ острова. Посреди его выкапываютъ нѣсколько ямокъ, глубиною въ руку. Затѣмъ «муравьиныя вѣдьмы» отправляются въ лѣсъ, гдѣ у нихъ уже есть намѣченныя мѣста, съ множе-

ствомъ муравейниковъ. Подойдя къ одному изъ нихъ, онѣ осторожно сбрасываютъ хвой и затѣмъ лопаткой ссыпаютъ весь муравейникъ въ холщевой мѣшокъ. Ссыпавъ такимъ образомъ нѣсколько муравейниковъ въ свои мѣшки, онѣ отправляются къ своему островку и тамъ высыпаютъ муравьевъ вмѣстѣ съ куколками. Какъ только муравьи очутились на землѣ, они спѣшатъ снести свои куколки въ приготовленные ямы; изъ этихъ же ямъ они выбраться не могутъ, такъ какъ кругомъ ихъ вода. Когда наступаетъ вечеръ, «вѣдьмы» возвращаются къ своему острову, выгребаютъ куколки изъ ямокъ и бросаютъ ихъ въ особый горшокъ; затѣмъ спускаютъ изъ рва воду и засыпаютъ его землею, чтобы муравьи могли снова вернуться въ лѣсъ. Когда «вѣдьмы» приходятъ домой, онѣ раскладываютъ яички на холстъ и очищаютъ ихъ отъ приставшихъ къ нимъ хвой, а чтобы выбрать муравьевъ, оставшихся вмѣстѣ съ яичками, онѣ покрываютъ ихъ другимъ холстомъ, болѣе грубымъ: въ немъ сейчасъ завязнуть муравьи, которыхъ уже легко стряхнуть. Эта работа происходитъ на открытомъ мѣстѣ, на травѣ, за домомъ. Послѣ этого яички раскладываютъ на длинныхъ доскахъ и просушиваютъ нѣсколько дней подъ навѣсомъ, а затѣмъ продаютъ на рынкѣ по мѣркамъ или по крейцеру за ложку.

На болѣе возвышенныхъ мѣстахъ Тироля, гдѣ часто уже мало сосенъ и елей, кедры еще хорошо растутъ. Мы уже упоминали, что вслѣдствіе неразсчитливаго хозяйства кедры быстро исчезаютъ. Немало участія въ ихъ систематическомъ истребленіи принимаютъ и собиратели кедровыхъ орѣховъ, занимающіеся этимъ дѣломъ съ половины сентября до конца этого мѣсяца, такъ какъ только къ этому времени орѣхи совершенно дозрѣваютъ. Раньше этого шишки, заключающія кедровые орѣшки, покрыты густымъ слоемъ смолы; чтобы изъ нихъ хорошо вышелушивались орѣшки, ихъ нужно раньше прожарить на огнѣ. Собирать кедровые орѣхи парни и дѣвушки отправляются вмѣстѣ, въ большой компаніи. Изъ дому они выходятъ вечеромъ, чтобы путешествовать съ зажженными факелами въ рукахъ. Они идутъ веселой гурьбой, съ пѣснями и криками, развлекаая себя на каждомъ шагѣ: то идутъ рядами, то гуськомъ, то сходятся въ кружокъ и колесомъ размахиваютъ факелами, то пускаются переговаривать другъ друга. Сильно достается отъ нихъ въ это время жителямъ уединенныхъ хуторовъ: они не только будятъ ихъ своими пѣснями и шумомъ, но нерѣдко веселая шайка окружаетъ домъ и съ криками: «пожаръ, вставайте!» бѣжитъ дальше. Когда испуганные жители со страхомъ выглядываютъ изъ оконъ и спрашиваютъ гдѣ горитъ, они уже издали съ хохотомъ отвѣчаютъ: «развѣ не видите — лучины горятъ». Эта веселая компанія продѣлываетъ и другія некрасивыя проказы: разбрасываетъ сложенные дрова, загораживаетъ двери и по дорогѣ представляетъ другъ другу въ смѣшномъ видѣ тѣхъ, которые на другой день увидятъ ихъ шалости. Смѣхъ, шутки, остроты, крики продолжаются до тѣхъ поръ, пока не доходятъ до альпійской хижины, гдѣ они останавливаются отдохнуть. Собирать шишки отправляются по парамъ — парень съ дѣвушкою. Парню приходится взлѣзать на высокія деревья и стряхивать шишки, которыя внизу подбираетъ дѣвушка. Это опасная работа, но тирольскіе парни — природныя гимнасты. Однако, прежде чѣмъ взлѣзть на дерево, каждому невольно приходится въ голову, какъ еще на дняхъ одинъ изъ его товарищей упалъ съ дерева и остался мертвымъ на мѣстѣ, а другаго принесли искалѣченнымъ; онъ крестится и читаетъ молитву, но лишь только началъ работать руками и ногами, какъ забылъ обо всемъ и думаетъ только, какъ бы быстротой и ловкостью поразить стоящую внизу дѣвушку. Онъ старается сбрасывать внизъ только хорошія шишки, оставляя проклеванные птицами. Собиратели орѣховъ въ большинствѣ случаевъ безжалостно портятъ деревья, ломаютъ сучья, такъ какъ они нерѣдко запасаются даже топоромъ, чтобы срубить цѣлый сукъ, если только на немъ есть нѣсколько

хорошихъ шишекъ; поврежденныя деревья, мало-по-малу погибають, и такъ какъ въ Тироляхъ крестьяне не имѣютъ понятія объ искусственномъ разведеніи лѣсовъ, то они и уменьшаются чрезвычайно быстро. Когда корзина дѣвушки полна, она съ товарищемъ отправляется на сборный пунктъ, чтобы закусить и отдохнуть сообща. По вечерамъ вся компанія собирается въ хижину пастуха и шелушить орѣхи, чтобы не тащить съ собой лишней тяжести. На обратномъ пути они ведутъ себя гораздо солиднѣе. Орѣхи продають по одному флорину за мѣру тѣмъ, кто выжимаетъ изъ нихъ масло, лавочнику, который продастъ ихъ по мелочамъ, какъ лакомство для молодежи, или, наконецъ, кондитерамъ для печенья. Часть собранныхъ орѣховъ молодежь оставляетъ для себя, чтобы играть на нихъ въ карты и щелкать по вечерамъ.

Но самый оригинальный разрядъ людей — это комисіонеры по дѣламъ спасенія души. Фанатически преданные католической религіи, жители Тироля, Штирии и Каринтіи въ тяжелую минуту часто прибѣгаютъ къ заступничеству св. угодниковъ и нерѣдко общаются имъ, если просьба ихъ будетъ уважена, совершить богомолье. Но спѣшная работа, болѣзнь и другія причины нерѣдко мѣшаютъ исполнить обѣтъ. Въ такихъ случаяхъ они поручають за извѣстную плату совершить за себя богомолье комисіонерамъ по дѣламъ спасенія души, которыми являются безобразныя старухи, давно переставшія работать вслѣдствіе какого-нибудь недуга или лѣни. Такихъ старухъ всегда много можно встрѣтить по австрійскимъ дорогамъ, онѣ выпрашиваютъ ночлегъ и подаеніе у крестьянъ, общая помолиться за нихъ Богородицѣ и повѣсить передъ ней вѣнокъ. Зайнтересованные разказами о чудесахъ, крестьяне съ удовольствіемъ принимаютъ у себя этихъ богомолковъ и даютъ имъ мелкую монету. Деньги, которыя поручены этимъ женщинамъ ихъ кліентами для совершенія службы передъ ликомъ угодниковъ обыкновенно идутъ въ ихъ карманы.

Къ такой-же группѣ людей нужно причислить и торговцевъ религіозными предметами. Они продають освященные вѣнки, амулеты, кольца, сухіе цвѣты и толпами отправляются туда, гдѣ будетъ храмовой праздникъ или какая-нибудь процессія.

Немаловажную роль въ деревняхъ играютъ факторши: онѣ облегчаютъ сношенія между деревнями, рынками и городами. Для крестьянъ онѣ закупають кофе и сахаръ, для дѣвушекъ — украшенія, парнямъ — трубки и кисеты. Хотя въ каждой деревнѣ есть лавочка, гдѣ крестьяне могутъ покупать все, что имъ нужно, но большинство изъ нихъ, особенно женщины, предпочитаютъ получать разные предметы изъ отдаленныхъ городовъ, черезъ посредство факторшъ. Въ лавкѣ нужно брать все на чистыя деньги, а съ факторшей у хозяйки идетъ мѣновая торговля: вотъ потому-то такъ и любятъ съ нею имѣть дѣло. Нужно замѣтить, что исключительную собственность каждой хозяйки составляютъ перья птицъ и яйца. Но то и другое факторша оцѣниваетъ очень низко; поэтому хозяйка, часто тайкомъ отъ мужа, даетъ ей въ придачу жиръ, масло и даже птицъ. Молодыя дѣвушки считаютъ факторшу компетентнымъ судьей въ нарядахъ и предпочитаютъ покупать украшенія у нея уже потому, что она тутъ-же объясняетъ, что къ кому лучше идетъ, посовѣтуетъ, какъ шить платье, выскажетъ мнѣніе о готовомъ нарядѣ. Она передаетъ также письма, которыя почему-нибудь не желаютъ поручить почтѣ, поклоны, исполняетъ порученіе навѣстить того или другаго родственника, узнать о житье-бытьѣ, беретъ лотерейные билеты, однимъ словомъ является оракуломъ и фактотумомъ деревенскаго населенія. Ея возвращенія съ нетерпѣніемъ ждетъ вся деревня: она приноситъ такъ много новостей, такъ разнообразитъ уединенную жизнь деревенскаго захолустья. Свой товаръ факторша или возитъ въ маленькой телѣжкѣ, которую она сама тянетъ, или входитъ въ соглашеніе съ извозчикомъ или нагружаетъ своими корзинами осла, что

преимущественно можно видѣть въ окрестностях Инспрука, или, наконецъ, ее можно видѣть по горнымъ тропинкамъ съ громадными тяжестями за спиной.

Значительный классъ населенія занимается кузнечнымъ ремесломъ, о чемъ упоминается даже въ одной пѣсенкѣ: «Нѣтъ деревни, нѣтъ такого маленькаго городка, въ которомъ не было бы кузницы». Кузнецъ играетъ въ деревнѣ видную роль, и его кузница служитъ сборнымъ пунктомъ крестьянъ, желающихъ серьезно поговорить о деревенскихъ дѣлахъ. Особенно много кузницъ въ Штубайской долинѣ, кузнецы которой прославились своимъ искусствомъ на всю страну. Тутъ кузница представляетъ довольно большое зданіе и соединена съ мастерской. Въ первой комнатѣ вы видите работника, который, когда тянетъ за веревку, то снаружи начинается шумѣть вода, и тогда огромный молотъ съ страшнымъ шумомъ поднимается и опускается на подставленную желѣзную полосу. Кажется, что глыбы, на которыя опирается наковальня, должны лопнуть; полъ дрожить и все деревянное зданіе трещить; но здоровый работникъ, весь обсыпанный искрами, спокойно стоитъ передъ наковальной съ трубкою во рту. Онъ искусно вертитъ полосу и она приняла надлежащую форму; онъ перестаетъ тянуть веревку, вѣшаетъ ее обратно и молотъ останавливается. Только колесо, которое посредствомъ вала расширяетъ и сжимаетъ кузнечный мѣхъ, сохраняетъ равномерное движеніе. Въ заднемъ углу этой комнаты медленно и тяжело вертится оселокъ, величиною съ мельничный жерновъ. Здѣсь изъ самыхъ грубыхъ кусковъ желѣза вытачиваютъ рѣзущія орудія: косы, плуги, топоры и инструменты для разныхъ ремесленниковъ. Въ другомъ помѣщеніи, этажомъ выше, шумитъ цѣлый рядъ болѣе тонкихъ оселковъ: здѣсь издѣліямъ придаютъ блестящую поверхность и окончательно отдѣлываютъ лезвія. Кромѣ главной мастерской есть нѣсколько помѣщеній, въ которыхъ производятъ точильныя и слесарныя работы и такія, въ которыхъ отдѣльныя части соединяютъ винтами и упаковываютъ готовые издѣлія.

Въ праздничный день въ красивыхъ парняхъ, украшенныхъ гвоздиками и шляпами съ перьями, никто не узнаетъ вымазанныхъ сажею кузнецовъ, еще вчера махавшихъ тяжелыми молотами у горна. Гдѣ кузницы, тамъ и пѣсни: «Мы, кузницы», поютъ они, «должны весело переносить муки. Мы должны ковать гульдены изъ желѣза». Веселый смѣхъ, крики и пѣсни, которые несутся отовсюду, куда соберутся кузницы, доказываютъ, что тяжелая работа не уничтожила природной веселости людей, занимающихся этимъ ремесломъ.

Не мало народу, который занимается на чужбинѣ мелкими промыслами и торговлею: жители Штубайской долины торгуютъ инструментами для ремесленниковъ и разными желѣзными издѣліями, жители Эчской долины ведутъ торговлю скотомъ. Не мало народу зарабатываетъ на чужбинѣ хлѣбъ тирольскими пѣснями; выходцы изъ Форарльберга продаютъ разныя матеріи; но еще болѣе народа отправляется въ дальнюю сторону въ качествѣ «докторовъ». Нечего и говорить, что эти «доктора» ничто иное, какъ знахари, которые въ то же время торгуютъ разными цѣлебными, ими составленными, маслами, эссенціями и снадобьями. Мало того, въ прошломъ столѣтіи множество изъ этихъ шарлатановъ проходило всю Европу вдоль и поперекъ, продавая жабе и скорпионово масло и различныя противоядія. Теперь, какъ въ ихъ снадобья, такъ и въ ихъ медицинскія знанія мало вѣрятъ, и въ настоящее время они зарабатываютъ свой хлѣбъ въ качествѣ торговцевъ перчатками или коврами.

Самый жалкій классъ людей—«дѣрхеры», нищія-бродяги, которые не только не имѣютъ никакого клочка земли, но даже и собственнаго жилища. Каждый, путешествующій по Тиролю, всегда встрѣтитъ этихъ людей, которые пристають къ нему и назойливо выпрашиваютъ милостыню. Они имѣютъ много общаго съ цыганами и со-

ставляютъ ужасъ уединенныхъ дворовъ, расадникъ нравственной порчи, главную причину обѣднѣнія бѣднѣйшей части Тироля, такъ какъ подаеніе, которое крестьянамъ приходится имъ давать, составляетъ порядочный налогъ на ихъ карманы.

Какъ только крикъ кукушки возвѣститъ весну и для крестьянъ начинается тяжелая полевая работа, дѣрхеры пускаются въ путь, переходятъ изъ одного мѣста въ другое, часто проникаютъ въ Каринтію, Штирію, даже въ Баварію. Ихъ неразлучный спутникъ—двухколесная телѣжка съ оглоблями, которую тянутъ они сами, но нерѣдко и тощій оселъ. Только болѣе зажиточные изъ нихъ имѣютъ четырехколесную телѣгу, въ которую впряжены одна или двѣ клячи. Надъ телѣжкой прикрѣплены обручи, на которыхъ натянутъ грубый холстъ, стянутый назади веревкою и укрѣпленный на желѣзномъ крюкѣ; внизу его болтается горшокъ съ дегтемъ для смазки, а по бокамъ прибиты палки, за которыя тянутъ женщины, помогая животному тащить телѣгу. Хозяинъ идетъ сзади осла, направляя экипажъ и поддерживая его, гдѣ нужно. Возокъ дѣрхера нагруженъ плетеными корзинами, метлами, вѣниками, самодѣльной посудой, однимъ словомъ всѣмъ, что умѣютъ дѣлать члены его семейства, которые здѣсь всѣ на-лицо. Нерѣдко на этомъ возу торчитъ множество клѣтокъ, набитыхъ синицами, щеглятами и другими птицами для продажи, тутъ-же клохчетъ курица въ гнѣздѣ, однимъ словомъ возокъ дѣрхера—передвижной домъ его многочисленнаго семейства. Подлѣ него непремѣнно бѣжитъ собака, съ которой онъ никогда не разстается. Одеждой этимъ людямъ служатъ разнообразное лохмотье, которое они собираютъ въ различныхъ мѣстностяхъ. У главы семейства черная борода, пѣтушия перья на шляпѣ и въ рукѣ подбитая желѣзомъ палка; женщины въ балахонѣ, поверхъ котораго повязанъ передникъ; на головѣ платокъ. Все семейство идетъ пѣшкомъ и на спинѣ несетъ свои башмаки. Какъ и цыгане, они любятъ броскіе цвѣта, и ярко-красные шейные платки составляютъ характерную часть одежды какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Даже телѣжка убрана пестрыми лоскутками. Путешествуетъ обыкновенно только одна семья, но она состоитъ изъ мужа, жены, матери и изъ поддюжины, а иногда и болѣе грязныхъ, оборванныхъ ребятъ, которые нищенствомъ должны помогать общему хозяйству. Нерѣдко тутъ-же находится и бабушка семейства, которая старается найти покупателей на грошевый товаръ этого подвижного жилища, узнаетъ мѣста сбыта, помогаетъ нянчить малыхъ ребятъ. Она отправляетъ дѣтей нищенствовать, нищенствуетъ и сама, причемъ самый младшій внукъ, котораго она несетъ привязаннаго за спиной, ей болѣе обезпечиваетъ успѣхъ. Когда такая семья придетъ въ мѣстечко, то первая ея забота—прискать помѣщеніе. Крестьяне уступаютъ имъ пустое стойло, а если нѣтъ и его, дѣрхеры располагаются подъ открытымъ небомъ. Когда телѣжка стоитъ въ сторонѣ и все семейство уже пообѣдало, взрослые ложатся отдохнуть, а дѣтей посылаютъ просить милостыню. Если поблизости есть монастырь, они изъ него приносятъ супъ, и, конечно, отецъ только радуется способностямъ своихъ дѣтей, если они ему показываютъ краденое и рассказываютъ, сколько хитростей для этого имъ пришлось употребить. Но настоящій пиръ дѣрхеры устраиваютъ тогда, когда имъ удалось выпросить у крестьянина или на что-нибудь у него вымѣнять палую овцу или теленка. Тогда все семейство оживляется и всѣ бросаются помогать устраивать свою походную кухню: они сейчасъ-же втыкаютъ въ землю три огромныя палки, соединяютъ ихъ вмѣстѣ концами, разводятъ подъ ними огонь, вѣшаютъ котелокъ, наливаютъ въ него воду, бросаютъ туда падалъ и, когда все это превратится въ кашницу, — кушанье готово. Кругомъ этого очага, съ радостными лицами, садится вся семья; что останется отъ этой трапезы, оставляютъ въ котлѣ, ставятъ его въ уголъ воза и покрываютъ доской. Если глава семейства не побывалъ еще въ каждомъ крестьянскомъ домѣ, то послѣ обѣда мать съ бабушкой садятся вязать чулки, а мужъ отправляется изъ дома въ домъ,

чинить сковороды, поправляетъ ручныя мельницы, собираетъ тряпки и обмѣниваетъ ихъ на свой хламъ. Крестьянину ничего не остается, какъ только купить что-нибудь у настойчиваго продавца или дать ему что-нибудь изъ домашнихъ сбереженій, лишь-бы отвязаться поскорѣй, иначе онъ можетъ стащить что-нибудь посущественнѣе. Въ концѣ обхода дѣрхеръ порядочно набиваетъ свой карманъ и отправляется въ кабакъ. Тамъ онъ пьетъ до тѣхъ поръ, пока совѣмъ не опьянѣетъ, такъ что онъ не могъ-бы найти дорогу къ своей телѣгѣ, если бы его не разыскала и не помогла ему въ этомъ его жена. Она привѣтствуетъ его потоками брани, но тутъ-же сама помогаетъ ему пропить послѣдній крейцеръ и съ бранью отводитъ домой. Понятно, что крестьяне ненавидятъ этихъ гостей, но даютъ имъ ночлегъ и пищу изъ боязни «краснаго пѣтуха», которымъ, въ минуты гнѣва, угрожаютъ имъ дѣрхеры, что впрочемъ, большею частію, остается лишь угрозою. Не смотря на то, что эти бродяги все пропитаніе получаютъ отъ крестьянъ, они относятся къ нимъ свысока и не пропускаютъ случая посмѣяться надъ ними. Если въ жаркое лѣто крестьяне работаютъ въ полѣ, а мимо ихъ проѣзжаетъ дѣрхеръ, онъ насмѣшливо кричитъ работающимъ: «какъ сегодня жарко! бѣдные, вамъ приходится таки порядочно работать!» — «И порядочно ѣсть», кричатъ ему въ отвѣтъ одни. — «За то мы не крадемъ и не ѣдимъ падали!» подхватываютъ другіе.

Въ семейной жизни дѣрхеровъ постоянно происходятъ стычки между мужемъ и женой, но они скоро мирятся, такъ что о супругахъ, которые часто ссорятся, сложилась даже поговорка: «они живутъ между собой, какъ дѣрхеры». То-же самое представляютъ и дѣти въ отношеніи своихъ родителей: порой они бросаются на нихъ съ ножомъ, но черезъ минуту все забыто, и они обнимаютъ и цѣлуютъ ихъ. Праздность, нищенство, беспорядочная и безнравственная жизнь губятъ этихъ дѣтей, и рѣдко кто изъ нихъ, достигнувъ возраста, становится работникомъ; обыкновенно они продолжаютъ ремесло своихъ родителей. Зимомъ дѣрхеры отправляются въ родную деревню, гдѣ они получаютъ жилище на общественный счетъ или за небольшую плату. Въ это время они заготавливаютъ тотъ хламъ, которымъ торгуютъ лѣтомъ.

У дѣрхеровъ есть свой особый жаргонъ, который еще болѣе скрѣпляетъ узы дружбы между всеми этими бродягами. Отправляясь на ярмарку, куда они всегда такъ стремятся, или на обычный промыселъ, они дѣлаютъ знаки на песокѣ, на домахъ, на деревьяхъ, посредствомъ которыхъ они даютъ знать идущимъ за ними товарищамъ, гдѣ можно найти удобное мѣсто для сбыта краденаго или гдѣ легче стянуть. Кражу, обманъ, насилие относительно крестьянъ они вовсе не считаютъ преступленіемъ. Въ Тироли считался теперь около 200 семействъ дѣрхеровъ, а такъ какъ въ каждомъ семействѣ среднимъ числомъ до 7 членовъ, то это составляетъ уже порядочную армію людей, которая служитъ настоящимъ бичемъ для крестьянскаго населенія.

Зобатые и кретины, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, распространены по всей альпійской цѣпи и въ австрійскихъ Альпахъ они такъ-же многочисленны, какъ въ горахъ Швейцаріи и Савойи. Но чаще всего эти жалкія человѣческія созданья попадаются въ Пальтенской долини, въ Верхней Штири. Въ очеркахъ о Швейцаріи мы уже дали понятіе о причинахъ, способствующихъ распространенію кретиновъ и зобатыхъ и о ихъ внѣшнемъ видѣ, здѣсь-же мы скажемъ только нѣсколько словъ о той роли, которую они играютъ въ семействѣ. Во многихъ округахъ можно встрѣтить по крайней мѣрѣ одного кретина или фекса (fex) въ каждомъ семействѣ. Къ счастью для этихъ изуродованныхъ карликовъ, съ вывернутыми ногами, съ толстой шеей, огромной головой, низкимъ лбомъ, приплюснутымъ носомъ, съ глазами безъ выраженія и часто косыми, они составляютъ предметъ не только искренняго сожалѣнія всехъ жителей, но даже и благоговѣйнаго почитанія. Такимъ покровительствомъ эти кретины пользуются главнымъ

образомъ потому, что на нихъ смотрять, какъ на искупительную жертву, которымъ, по волѣ Провидѣнія, предназначено мученичество, чтобы искупить грѣхи всего семейства. И потому всѣ члены семейства смотрять на фекса, какъ на святого мученика, ухаживаютъ и заботятся о немъ сколько хватаетъ силъ и умѣнья. Оскорбить его такъ-же ужасно для фанатически религіознаго альпійскаго католика, какъ совершить святотатство; на это къ тому-же взглянули-бы, какъ на смертельную обиду члены семейства, къ которому онъ принадлежитъ. Между тѣмъ нравственныя качества весьма многихъ фексовъ составляютъ источникъ страданій всѣхъ окружающихъ. «Я зналъ одного фекса», говоритъ одинъ нисатель, «передъ которымъ дрожалъ весь домъ: никто никогда не осмѣливался раздражать его, всѣ желанія его немедленно исполнялись; его гнѣва особенно боялись потому, что онъ нерѣдко гнался съ вилами или топоромъ за тѣмъ, кто ему осмѣливался въ чемъ-нибудь отказать или произнести непріятное слово. Онъ былъ хитеръ и чрезвычайно изобрѣтателенъ въ злости, и его боялись не только домашніе, но и во всей мѣстности. Другаго боялись всѣ женщины. Онъ едва двигалъ ногами, голова его была опущена внизъ и онъ постоянно сидѣлъ у собачьей будки, неподвижно смотрѣлъ въ одну точку, между тѣмъ какъ собака лизала его блѣдное лицо. Онъ не былъ способенъ ни къ работѣ и ни къ какому движенію. Но едва мимо него проходила какая-нибудь женщина, онъ вскакивалъ на ноги, глаза его выходили изъ орбитъ и онъ испускалъ дикій крикъ».

Но бываютъ и кроткіе кретины, которые выказываютъ сильную привязанность къ родителямъ или братьямъ, услужливы и терпѣливы. Еще чаще встрѣчаются полукретины, которые страдаютъ разными недостатками: уродливостью членовъ, глухотой, слабоуміемъ, но не вовсе лишены способности къ мышленію. Хотя они до нѣкоторой степени и тупоумны, но часто одарены нѣкоторою способностію къ какому-нибудь искусству. Между ними есть рѣзчики, механики, которые занимаются своимъ дѣломъ съ большою ловкостію; нѣкоторыхъ изъ нихъ называютъ «счетными» или «календарными крестинами». Эти «календарные кретины» одарены невѣроятною способностію къ запоминанію чиселъ, мѣстностей и названій; они знаютъ наизусть всѣхъ святыхъ, обозначенныхъ въ календарѣ (отсюда и прозвище «календарный крестинъ») и число каждаго праздника. Часто они совсѣмъ не понимаютъ, что означаетъ то или другое, самое несложное деревенское событіе, не понимаютъ и причинъ, вызвавшихъ его, но назовите это событіе и спросите, когда оно произошло, и они безъ запинки скажутъ вамъ годъ и число.

Совершенныхъ крестиновъ въ Штиріи насчитываютъ до 300, но въ самое послѣднее время число ихъ уменьшается. Въ этой странѣ существуетъ два заведенія для ухода за ними, но крестьяне не любятъ отдавать ихъ изъ дому, такъ какъ твердо вѣрятъ, что такой больной предназначенъ не только для искупленія грѣховъ, но и приносить счастье дому, въ которомъ живетъ.

Религія народа и его фанатизмъ.—Духовенство: его значеніе и вліяніе.—Религіозныя вѣданія и приношеніе даровъ по обѣту.—Суевѣріе народа.

Жители Тироля, Штиріи и Каринтіи исповѣдуютъ католическую религію; но въ Каринтіи и Штиріи протестанты всетаки составляютъ болѣе одной двадцатой населенія, что же касается Тироля, то страна эта въ полномъ смыслѣ слова католическая. За исключеніемъ нѣсколькихъ группъ протестантовъ въ Форарльбергъ и Инсбрукъ и самого ничтожнаго количества некатоликовъ, все населеніе тирольскихъ горъ состоитъ изъ ка-

толиковъ. Римско-католическое духовенство пользуется здѣсь даже въ настоящее время изумительно большимъ вліяніемъ и властью, такъ что Тироль можетъ вполнѣ считаться одною изъ главныхъ опоръ римско-католической вѣры. Множество суевѣрій и слѣпая вѣра въ силу церкви — непоколебимыя твердыни, на которыхъ зиждется господство духовенства. Свѣтскіе суды и законы, штрафы, награды и угрозы — ничто въ сравненіи со страхомъ народа передъ угрозой духовенства вѣчно горѣтъ въ пламени ада. Сравнительно съ цифрою населенія, патеровъ и монаховъ здѣсь чрезвычайно много и вліяніе ихъ такъ велико, что во многихъ округахъ они могутъ заставить большую часть членовъ своей паствы подчиняться ихъ самымъ суровымъ предписаніямъ и строгой эпитеміи, доходящей до умерщвленія плоти. Малѣйшее сомнѣніе не только въ догматахъ религіи, но и въ ея обрядовой сторонѣ, отрицаніе того или другаго дикаго обычая, поощряемаго духовенствомъ, философскія разсужденія о религіи не только строго изгнаны изъ школьнаго образованія, но и изъ частнаго воспитанія, изъ семейной и общественной жизни. Большинство студентовъ, посѣщающихъ университетъ въ Инсбрукѣ, такъ настроено, что слушаетъ въ немъ курсъ богословскихъ наукъ. Въ такой странѣ, какъ Тироль, гдѣ простой народъ находится на низкой степени развитія, напоминающей очень часто обычаи и нравы среднихъ вѣковъ, конечно, прекрасно, что есть какая-бы то ни было власть, которая можетъ укротить страсти этого первобытнаго народа, но, къ сожалѣнію, часто вліяніе здѣшняго духовенства очень губительно отражается не только на нравственной сторонѣ народа, но и на его экономическомъ положеніи. Самыми страстными поклонниками духовенства здѣсь, какъ и во всѣхъ католическихъ странахъ, являются женщины. Фанатическая преданность религіи и католическій характеръ населенія положили рѣзкій отпечатокъ на церковные праздники народа, на его религиозные обычаи, на всю его духовную жизнь, на его вѣрованія и суевѣрія, на его церковную живопись и архитектуру. Особенный вредъ приноситъ народу множество праздниковъ, сильно поддерживаемыхъ и поощряемыхъ духовенствомъ. Кромѣ общихъ церковныхъ праздниковъ, у нихъ есть праздники въ честь безчисленнаго множества святыхъ патроновъ и патронессъ и кромѣ того существуютъ еще особые крестьянскіе праздники; но духовенству все это кажется еще недостаточнымъ: оно поощряетъ народъ посвящать религіи и много буднихъ дней. Здѣшніе крестьяне не только каждое воскресенье ходятъ въ церковь, но часто и въ будни. Что же касается праздника, то въ такой день боже сохрани не пойти къ обѣднѣ: такого всѣ осуждаютъ, а если это случится нѣсколько разъ, то на него смотрятъ съ презрѣніемъ и сторонятся отъ него, какъ отъ прокаженнаго. Въ послѣднее время духовенство даже ввело много новыхъ религиозныхъ обрядовъ, и народъ стекается на нихъ толпами. Кромѣ этого, оно проповѣдуетъ частыя причащенія, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины причащаются каждое воскресенье. Все это въ концѣ-концовъ заставляетъ народъ терять чрезвычайно много рабочихъ дней, а слѣдовательно увеличиваетъ бѣдность, разоряетъ хозяйство, ухудшаетъ земледѣліе, поощряетъ праздность, возбуждаетъ ссоры, оканчивающіяся опасными кровавыми драками, къ которымъ, какъ мы увидимъ ниже, такъ склонны всѣ альпійскіе жители вообще и тирольцы въ особенности. Кровавыя стычки и состязанія, послѣ которыхъ люди нерѣдко дѣлаются калѣками на всю жизнь, чаще всего происходятъ въ храмовые праздники, послѣ богослуженія, когда стеченіе народа въ церковь бываетъ особенно велико. Такой-же экономическій вредъ наносятъ распространенныя во всѣхъ альпійскихъ странахъ богомолья. Поводомъ къ нимъ служатъ различныя обстоятельства: безплодіе жены, несчастная любовь, болѣзнь близкихъ. Обычай ходить на богомолья наноситъ огромный вредъ сельскому хозяйству, такъ какъ его выполняютъ преимущественно въ лѣтнюю рабочую пору. Когда одна икона не помогаетъ, отправля-

ются къ другой, заступничество которой считается болѣе дѣйствительнымъ. Наибольшею популярностію пользуются иконы Богородицы, но есть также иконы, изображающія распятаго Христа, сердце Христа, св. Леонарда и др. Отправляются большею частью пѣшкомъ, по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, и при этомъ почти всю дорогу молятся. Такіе пономники, встрѣчающіеся по всемъ альпійскимъ дорогамъ, представляютъ своеобразную картину. Прежде эти богомолья особенно поддерживали иезуиты, но въ послѣднее время и бѣлое духовенство не отстаетъ отъ монашествующихъ орденовъ. Кромѣ богомолья, на которое обыкновенно отправляются по обѣту, а такихъ обѣтовъ каждый крестьянинъ и особенно крестьянка даютъ нѣсколько въ годъ, существуютъ еще спеціальныя дни и мѣсяцы, когда совершается, такъ сказать, общее богомольное странствованіе къ тому или другому популярному святому; такъ напр. въ этихъ странахъ повсюду существуетъ въ маѣ поклоненіе Богородицѣ. Тогда во всехъ церквахъ и даже крестьянскихъ домахъ усердно украшаютъ образъ Богоматери свѣжими цвѣтами. Образовъ Божіей Матери здѣсь безчисленное множество: въ рѣдкомъ домѣ вы не найдете такой образъ, и подъ нимъ непремѣнно виситъ лампадка, которая горитъ постоянно или, по крайней мѣрѣ, ночью. Кромѣ обожанія Дѣвы Маріи, народъ глубоко чтитъ много другихъ святыхъ, между прочимъ св. Іосифа, какъ патрона Тироля, и день, посвященный его памяти, считается большимъ праздникомъ во всей странѣ. Дни апостоловъ признаютъ полупраздниками и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во время ихъ совѣмъ не работаютъ, а въ другихъ работаютъ только по окончаніи богослуженія. Многихъ святыхъ сельскіе жители считаютъ помощниками и пособниками только въ особыхъ случаяхъ, такъ напр. св. Севастьянъ считается защитникомъ отъ чумы, св. Флоріанъ — отъ пожаровъ, Іоаннъ Непомукъ — отъ наводненія, и къ этимъ святымъ прибѣгаютъ съ молитвами во время названныхъ бѣдствій. Католическая религія господствуетъ надъ всею жизнью тирольскаго народа и все его поступки и обычаи такъ или иначе связаны съ нею. Воззрѣнія тирольскаго народа на любовь, бракъ и смерть проникнуты религіознымъ духомъ. Тотъ, кто родится въ воскресенье, по понятію народа, можетъ предсказывать будущее, а родившійся въ пятницу — будетъ страдать всю жизнь.

Сильно опустошаютъ крестьянскіе карманы постоянныя проповѣди духовенства о томъ, что вѣрующіе, желающіе быть любезными Богу, должны отдавать послѣднее свое достояніе и постоянно приносить жертвы для украшенія церквей и увеличенія блеска богослуженія. Не смотря на бѣдность и тяжелыя времена, духовенству никогда не отказываютъ въ этомъ, и суммы, которыя крестьяне жертвуютъ или оставляютъ въ наслѣдство на церковь, — весьма значительны; такіе налоги разоряютъ крестьянъ гораздо болѣе всехъ остальныхъ. Сборамъ, которые дѣлаетъ духовенство на поправку той или другой иконы, на постройку новой или на реставрированіе старой церкви положительно нѣтъ конца. Между тѣмъ духовенство гораздо менѣе приучаетъ народъ помогать тому, въ чемъ чувствуется вопіющая нужда, а именно: образованію, нуждамъ бѣдныхъ, слабыхъ и увѣчныхъ. Объ этомъ здѣшнее духовенство очень рѣдко заботится, обращая главное вниманіе на блескъ и роскошь церквей.

Въ Тиролѣ чрезвычайно много церквей и большинство ихъ поражаетъ своимъ блескомъ и богатствомъ. Къ тому же, путешествуя по этой странѣ, вы постоянно видите, что всюду сооружаются новые храмы и реставрируются старые. Красивая церковь, богатый запасъ церковныхъ сосудовъ и украшеній, высокая колокольня и большіе колокола — гордость каждой деревни. Религіозное настроеніе народа выражается также въ безчисленномъ множествѣ «мартерленъ» (Marterlen), «бильдштёкельнъ» (Bildstökeln), часовенъ и множество надгробныхъ могильныхъ крестовъ. «Мартерленъ» — маленькія деревянныя дощечки, которыя привѣшиваютъ къ деревьямъ или прикрѣпляютъ къ ше-

*

стамъ въ воспоминаніе какого-нибудь несчастія, чтобы прохожіе могли помолиться за пострадавшихъ. На такія дощечки вы наталкиваетесь на каждомъ шагу. «Бильдштёлкельнъ», изваянія святыхъ, тоже попадаютъ на всѣхъ перекресткахъ, въ горахъ, въ долинахъ, въ лѣсахъ и на поляхъ. Тѣ, которые ставятъ эти изваянія, желаютъ, чтобы прохожіе, помолившись святому, снискали себѣ этимъ его покровительство на продолженіе путешествія. Нѣкоторыя изъ этихъ изваяній принадлежатъ очень далекому прошлому и многія изъ нихъ были поставлены во время чумы. Болѣе красивыя изъ нихъ высѣчены изъ камня, но большинство вырѣзано изъ дерева. Когда эти изваянія изображаютъ страданія Спасителя, тогда ихъ ставятъ по нѣскольку, одно недалеко отъ другого, чтобы они могли представить болѣе или менѣе полную картину страданій въ разные моменты. Часто такія изваянія тянутся вверхъ, по холму, который называется тогда Голгофой и на вершинѣ котораго стоитъ обыкновенно часовня.

О благочестіи и привязанности народа къ усопшимъ родственникамъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ безчисленное множество крестовъ и надгробныхъ памятниковъ. Даже въ деревняхъ на могилахъ самыхъ бѣдныхъ покойниковъ стоятъ такіе памятники. Но эти украшенія сельскихъ кладбищъ потеряли свою оригинальность съ тѣхъ поръ, какъ въ городахъ стали дѣлать надгробные памятники даже для деревенскихъ жителей.

А это что за оригинальное маленькое зданіе съ образомъ и распятіемъ, болѣе всего напоминающее анатомическій музей, — такъ оно увѣшано и обставлено различными членами человѣческаго тѣла, ногами, ушами, руками, глазами, носами? Это придорожная часовня мощей какого-нибудь святого и уставлена она различными восковыми фигурами, которыя представляютъ не только мужчинъ, женщинъ и дѣтей, но и всевозможные члены и органы человѣческаго тѣла. Всѣ эти восковыя фигуры и изображенія — приношенія по обѣту Дѣвѣ Маріи или какому-нибудь святому, въ благодарность за оказанную милость. Несчастный дровосѣкъ, искалѣчившій себѣ ногу топоромъ, когда вылечится, покупаетъ восковую ногу и вѣшаетъ ее надъ ракой святого, милости котораго онъ просилъ въ минуту отчаянія и болѣзни. Многіе идутъ въ этотъ отношенія гораздо дальше. Одному охотнику пуля браконьера раздробила ногу; когда два дня спустя его нашли замертво, ему пришлось ампутировать ногу. Больной приказалъ схоронить ее близъ того мѣста, гдѣ онъ былъ раненъ. Когда онъ поправился, онъ, по обѣту, поставилъ надъ могилою своей ноги небольшую плиту и каждый разъ, когда онъ проходилъ мимо этого мѣста, онъ обрызгивалъ ее святой водой, которую носилъ всегда съ собой въ бутылкѣ. Мать, ребенокъ котораго выздоровѣлъ, по ея мнѣнію, благодаря заступничеству св. Дѣвы, тратитъ часть своихъ сбереженій на покупку восковой фигурки, изображающую ребенка въ пеленкахъ и, перевязавъ такую куколку лентами, вѣшаетъ ее на алтарѣ своего патрона. Бѣдный калѣка, страданія котораго продолжались цѣлыя годы, исцѣлившись благодаря толковому медицинскому пособию, вспоминаетъ прежде всего сверхъестественныя силы, которыя, по его мнѣнію, способствовали его выздоровленію, и, въ знакъ благодарности, вѣшаетъ пару маленькихъ костылей-или восковую ногу на стѣнѣ деревенской часовни. Больше всего встрѣчается сердецъ: если оно принесено мужчиной, то, обыкновенно, изъ краснаго воска, а женщиной — изъ бѣлаго. вмѣстѣ съ сердцами, ногами и ушами въ нѣкоторыхъ часовняхъ висятъ и фигурки жабъ изъ воску. Жаба, безъ сомнѣнія, одно изъ тѣхъ немногихъ животныхъ, которое у простонародья почти всѣхъ странъ считается нечистымъ животнымъ; но альпійскіе католики въ Австріи придаютъ ему и нѣкоторую чародѣйственную силу, такъ какъ по ихъ вѣрованіямъ всѣ вѣдмы и колдуньи обращаются въ жабу послѣ смерти. Тѣмъ болѣе странно, что это, столь подозрительное животное, нашло себѣ мѣсто въ святилищѣ часовни. Оказывается, что приношеніе восковой фигурки жабы — благодарность чело-

вѣка, который былъ жертвою чаръ и что обѣтъ его принести такую фигурку былъ главнымъ средствомъ его исцѣленія. Значительное число восковыхъ фигурокъ въ часовнѣ изображаетъ домашнихъ животныхъ: коровъ съ телятами, воловъ съ длинными рогами, овецъ, козъ и свиней, — это значить, что заступничествомъ святыхъ эти животные избавились отъ какой-нибудь болѣзни.

Вредное вліяніе духовенства сказывается также и въ томъ, что оно слишкомъ су-рово относится къ самымъ невиннымъ народнымъ забавамъ и развлеченіямъ: во многихъ мѣстностяхъ оно постоянно ведетъ войну противъ танцевъ, музыки и пѣнія и такимъ образомъ не только въ корнѣ уничтожаетъ облагораживающія человѣка стремленія къ искусству и любовь къ нимъ, но и помогаетъ нивелирующему новому времени постепенно уничтожать народный духъ и національныя особенности народа. Но между наиболѣе пагубными послѣдствіями вліянія духовенства одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ грубое суевѣріе и благоговѣйная вѣра въ сверхъестественныя силы. Мифы народа, его вѣрованія и многіе старинные обычаи обнаруживаютъ глубокую вѣру въ существованіе добрыхъ и злыхъ духовъ. Въ народѣ существуетъ множество мѣръ предосторожности противъ всѣхъ духовъ вообще и дьявола въ особенности. Альпійскій народъ никогда не упоминаетъ слово «дьяволъ», — для него нѣтъ хуже этого имени, и потому здѣсь его называютъ лукавымъ, чернымъ, злымъ духомъ, однимъ словомъ всѣмъ, только не дьяволомъ. Даже брань тирольцевъ отличается отсутствіемъ этого слова, тогда какъ на всѣхъ другихъ европейскихъ языкахъ это самое обыкновенное ругательство. Если посторонній человѣкъ въ шутку произнесетъ слово «дьяволъ», крестьянинъ съ страшнымъ безпокойствомъ начинаетъ оглядываться во всѣ стороны. Знаменіе креста и быстрое произнесеніе молитвъ считаются лучшими средствами, чтобы отогнать дьявола. Каждое несчастіе, происшедшее отъ стихійныхъ силъ — градъ, молнія, продолжительная засуха, проливные дожди; альпіецъ приписываетъ лукавству или злости нечистаго, или видитъ въ немъ наказаніе за какое-нибудь преступленіе. Всѣ эти суевѣрія усердно поддерживаетъ духовенство. Прежде чѣмъ засеять поле, крестьянинъ обсыпаетъ его маленькими кусочками угля, освященными священникомъ; если отелится корова, ее брызгаютъ святой водой; когда гроза приближается къ деревнѣ, принимаются звонить въ колокола. Если у крестьянина существуетъ на домѣ колоколь (богатые крестьяне въ плодородныхъ долинахъ вѣшаютъ колокола на своихъ домахъ, чтобы звать съ поля рабочихъ), въ него принимаются звонить со всей силы, чтобы дрогнуть страшную молнію. Эта вѣра не слабѣетъ и тогда, когда молнія ударила въ его собственный домъ. «Колоколь былъ заколдованъ и его надо опять освятить» рассуждаетъ крестьянинъ въ такихъ случаяхъ. Однимъ словомъ изъ всѣхъ вѣрованій народа видно, что злые духи имѣютъ большую власть надъ природой, а нѣкоторыя ея явленія находятся и подъ непосредственною ихъ властью. Вѣрованія въ духовъ, вѣдьмъ и черта господствуютъ надъ всѣми мыслями и чувствами народа. Мракъ ночи и уединенныя мѣста особенно благоприятны для появленія духовъ. Труты — женщины, которыя душатъ людей ночью; по мнѣнію многихъ, всѣ женщины съ большими глазами превращаются впоследствии въ труты; но вѣдьмы гораздо опаснѣе ихъ. Болѣзнь коровъ — дѣло ихъ рукъ; онѣ вмѣшиваются даже въ мелкія хозяйственныя хлопоты: крадутъ сбитое масло, мѣшаютъ его сбивать. Вѣдьмы превращаются въ кошекъ, и потому крестьяне считаютъ кошку нечистымъ животнымъ и рассказываютъ о ней множество страшныхъ вещей. Многія вѣрованія, сказки и саги народа живо напоминаютъ язычество. Такъ напр. здѣсь сильно распространена сага о дикомъ человѣкѣ, который съ треногими собаками рыскаетъ ночью по лѣсамъ и кустарникамъ. Онъ бросаетъ встрѣчнымъ въ затылокъ крючки, которые они не могутъ оторвать втеченіе цѣлаго года, а бѣдныхъ дѣтей угощаетъ земляникой. Такого-же проис-

хожденія сказки объ оборотняхъ, которые принимаютъ различные образы, о водяномъ, стаскивающимъ къ себѣ въ воду красивыхъ дѣвушекъ, объ огненномъ духѣ, который въ видѣ огненнаго шара пугаетъ путниковъ. Во многихъ мѣстностяхъ существуютъ сказки о злыхъ драконахъ, которые вылетая изъ горъ, опустошаютъ окрестности, и кости которыхъ лежатъ въ равнинахъ окаменѣлыми. Очевидно, что тутъ въ фантастическомъ образѣ представлены горные обвалы или дикіе горные потоки. Движеніе глетчеровъ и замерзаніе Альпъ даетъ также матеріалъ для фантазіи. Страшнаго вида камни считаются окаменѣлыми людьми, и такому превращенію они подверглись въ наказаніе за свою надменность или за свое равнодушіе къ религіи.

Страсть альпійцевъ къ театральнымъ представленіямъ.—Райская мистерія или грѣхопаденіе прародителей.—Пастушеская и королевская игра.—Представленіе страданій Христа.—Драмы, исполняемыя страствующими актерами: покаяніе грѣшника.

Жители Тироля, Каринтіи и нѣкоторыхъ другихъ альпійскихъ мѣстностей питаютъ страсть къ сценическимъ представленіямъ и, подобно своимъ сосѣдямъ — баварцамъ, сохранили привычку къ представленіямъ духовныхъ мистерій и свѣтскихъ комедій, которыя они даютъ чаще всего въ праздники Рождества и Пасхи. Особыхъ театровъ для этого здѣсь не существуетъ и представленія устраиваютъ въ деревенскихъ гостиницахъ, въ ригѣ, на току, въ овинѣ, а иногда и сооружаютъ на время представленій особое зданіе, которое потомъ опять разбираютъ. Актерами являются мѣстные жители, т. е. крестьяне. Остановимся на духовной драмѣ «Грѣхопаденіе прародителей», которую такъ любятъ во многихъ уголкахъ Тироля.

Комната, въ которой идетъ представленіе, раздѣлена на двѣ части—для сцены и для зрителей, а на печи устроенъ тронъ Бога-Отца. Эту печь заставляютъ ширмами изъ размалеванной бумаги, на которой изображены облака. Однажды нѣсколько шалуновъ подложили огонь въ печь во время представленія и какъ разъ въ то время, когда Ева беретъ въ ротъ яблоко, Богу-Отцу сдѣлалось такъ жарко на своемъ тронѣ, что онъ быстро соскочилъ съ него, побѣжалъ вонъ и въ попыхахъ сшибъ съ ногъ высокаго портнаго, который игралъ роль архангела и только что долженъ былъ выйти на сцену, чтобы прогнать оттуда Адама и Еву. Хотя и очень рѣдко, но случается, что женщина играетъ мужскую роль и наоборотъ, но въ большинствѣ случаевъ не только избѣгаютъ этого, но даже для каждой роли выбираютъ такого актера, физическія качества котораго болѣе или менѣе подходятъ къ его роли. Того, кто имѣетъ длинную сѣдую бороду, почтенную фізіономію, внушительный видъ и согбенную фигуру, выбираютъ играть роль Бога-Отца. Для роли лукаваго болѣе подходящимъ считаютъ рыжаго, косоглазаго и даже, если можно, кривоногаго. Архангеломъ является высокій, стройный мужчина среднихъ лѣтъ, Адама играетъ здоровый, краснощекій парень, а Еву—самая красивая дѣвушка въ деревнѣ. Лѣтъ десять тому назадъ, какъ нарочно, нѣсколько разъ сряду на роли Адама все попадались большіе донъ-жуаны, и родители стали запрещать своимъ дочерямъ брать роль Евы. Однажды оставалось уже не болѣе недѣли до представленія, а Евы все не было. Трудно вообразить, какъ всполошилась вся деревня, какъ много было толковъ; и дѣло, дѣйствительно, приняло-бы неприятный оборотъ, такъ какъ здѣсь считается неприличнымъ пригласить для этой роли замужнюю женщину, если-бы находчивость не выручила актеровъ. Выбранные изъ нихъ отправились къ старику, который игралъ Бога-Отца и у котораго была дочь, и сказали ему, что такъ какъ онъ отказывается ей играть роль Евы, то пусть по крайней мѣрѣ разрѣшитъ ей взять роль Адама. Старикъ не сообразилъ и далъ свое согласіе.

Актеры уже одѣли необходимые костюмы. Портной въ роли архангела: у него на головѣ каска пожарнаго, которую онъ досталъ для этого случая изъ дальняго города, въ лѣвой рукѣ громадный щитъ, для котораго ему пришлось взять крышку отъ чана и облѣпить ее золотою бумагой. Въ правой рукѣ онъ держитъ пылающій мечъ, размалеванный огненными красками, его куртка вышита стеклянными бусами, а длинные панталоны онъ уже давнымъ давно купилъ у труппы странствующихъ комедіантовъ. Сатана одѣтъ въ красный костюмъ, который ему одолжилъ маркёръ, присутствующій въ такомъ нарядѣ на состязаніяхъ стрѣльцовъ изъ карабина. Лицо сатаны вымазано сажею, къ головѣ прикрѣплены рога, а къ пальцамъ длинные когти изъ жесткой кожи, — вообще онъ выглядитъ ужаснымъ страшилищемъ. А вотъ и красивая Марія, переодѣтая Адамомъ: она конфузится и краснѣетъ при мысли, что сейчасъ явится при публикѣ въ короткихъ холщевыхъ панталонахъ и въ бѣлой курткѣ, доходящей только до пояса. Ева, напротивъ того, наряжена въ прекрасное, бѣлое платье. Уже готова и гирлянда изъ дубовыхъ листьевъ, которой опояшется несчастная чета послѣ своего грѣхопаденія. И такъ мы видимъ, что Адамъ и Ева даже и до грѣхопаденія одѣты въ платья, такъ какъ крестьяне никогда не допустили-бы своихъ актеровъ явиться на сцену голыми или едва прикрытыми прозрачной матеріей.

Уже все готово. Народъ толпами входитъ въ комнату, такъ какъ входъ свободенъ и совершенно бесплатенъ для каждаго, кто желаетъ придти. Тирольцы, даже и въ настоящій меркантильный вѣкъ, считаютъ безчестнымъ извлекать какую-бы то ни было выгоду изъ своей священной пьесы. Однажды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ актеровъ предложилъ, чтобы брали плату по 6 крейцеровъ; но послѣ этого пройдетъ много времени, пока кто-нибудь осмѣлится повторить такое-же предложеніе, такъ какъ лишь только оно было высказано, присутствующіе осыпали смѣльчака градомъ страшныхъ ругательствъ и угрозъ. «Развѣ мы хриstopродавцы», кричали ему со всѣхъ сторонъ, «что мы будемъ продавать за деньги нашу старинную мистерію?» «Какъ! Мы будемъ продавать за мѣдъ и серебро спасеніе нашихъ душъ!..» и скоро ожесточеніе дошло до того, что его чуть не побили.

Представленіе начинается. Мальчики стоятъ на своихъ мѣстахъ за тремя свѣчами, которыя освѣщаютъ сцену. У каждаго изъ нихъ нѣчто въ родѣ небольшой ширмы или экрана изъ красной бумаги, намазанной жиромъ, которою они могутъ производить на сценѣ мракъ или наводить красный цвѣтъ. Раздается звонокъ; занавѣсъ поднимается съ одной стороны и передъ публикой хаосъ. Задняя часть сцены заставлена большою ширмою изъ синей бумаги, представляющей небо, на которомъ въ живописномъ беспорядкѣ разсѣяны звѣзды, солнце и луна. Вокругъ сцены, въ разныхъ позахъ, лежатъ мальчики въ бѣлоснѣжныхъ курткахъ, съ крыльями изъ папки, прикрѣпленными къ плечамъ, — это ангелы. «Эй, эй», кричитъ одинъ изъ нихъ, «сегодня праздникъ! лѣнницы могутъ спать, сколько угодно!» — «Но если Богъ-Отецъ увидитъ насъ», возражаетъ другой, «онъ намъ задастъ хорошую трепку! Онъ приказалъ намъ пѣть гимны, а не бездѣльничать!» — «Эй, не бойтесь! Бога-Отца сегодня не будетъ дома, онъ занятъ мірозданіемъ и самъ сказалъ, что вернется только черезъ недѣлю». — «Это великолѣпно», кричитъ опять первый, «попразднуемъ недѣлку! Мнѣ уже надоѣло молиться и пѣть гимны». — «Такъ давайте-же устраивать какія-нибудь увеселенія», кричатъ наиболѣе шаловливые изъ ангеловъ и принимаются прыгать. Вдругъ появляется архангелъ Люциферъ, съ золотымъ копьемъ въ рукѣ. «Хорошо, мои молодые друзья», говоритъ онъ, — «веселитесь... еслибы я былъ вашимъ господиномъ, а не Богъ-Отецъ, мы-бы вѣчно проводили время въ весельи. Дичь и лучшія вина были-бы нашей обычной пищей, а десертомъ служили-бы намъ финики и персики. Но вашъ старикъ угрюмъ и ворчливъ: онъ больше думаетъ, какъ-бы сотво-

рять какія-нибудь новыя пустяки, хотя-бы напримѣръ тѣ, которые онъ затѣялъ теперь, чѣмъ подумать о вашемъ удовольствіи. Пусть-же свѣтъ, который онъ теперь создаетъ, доставитъ ему вѣчныя хлопоты, пусть онъ весь посѣдѣтъ, прежде чѣмъ создастъ его!» Слова Люцифера производятъ замѣтное дѣйствіе на его слушателей: одни изъ нихъ хлопаютъ въ ладоши и прыгаютъ, другіе кричатъ: «пусть онъ будетъ надъ нами господиномъ! Намъ надоѣло поститься, молиться и пѣть цѣлый день». Только двое изъ ангеловъ молчатъ все время и, наконецъ, оборачиваются спиной къ искусителю.

Новая сцена представляетъ спящихъ ангеловъ; послѣ послѣднихъ событій прошла уже недѣля. Суббота, 4 часа пополудни, и 4 удара колокола за сценой даютъ объ этомъ знать. Пробуждаясь, одинъ изъ ангеловъ будитъ другихъ, говоря, что Богъ-Отецъ оканчиваетъ свою работу въ этотъ часъ и сію минуту будетъ здѣсь, другой ангелъ пробѣгаетъ по сценѣ и славословитъ Творца, а затѣмъ рассказываетъ товарищамъ о великолѣпнн и наслажденіяхъ рая и прибавляетъ, что счастливѣйшимъ днемъ жизни будетъ тотъ, когда они будутъ посвящены въ тайны новаго міра. Люциферъ, который стоитъ въ сторонѣ отъ этой группы, прерываетъ вдругъ блестящее описаніе рая и совѣтуетъ имъ не быть столь глухими и не вѣрить, что они когда-нибудь увидятъ рай. Съ насмѣшливой улыбкой онъ продолжаетъ распространяться объ ихъ жалкой жизни и заканчиваетъ общаніемъ повести ихъ въ мѣста гораздо лучше рая. Онъ не успѣваетъ кончить, какъ Богъ-Отецъ садится на свой тронъ. Раздаются звуки музыки, и ангелы, забывъ злыя рѣчи, которымъ они внимали съ такою охотой, начинаютъ пѣть, а Люциферъ, закрывъ лицо руками, бѣжитъ прочь и исчезаетъ. Въ это время за сценой молотилка, приводимая въ движеніе парой здоровыхъ рукъ, производитъ громъ. Богъ-Отецъ послѣ этого торжественно возвѣщаетъ, что небо, земля, звѣзды, луна уже сотворены, что онъ сотворилъ также и живыя существа всякаго рода: быковъ, коровъ, ословъ, свиней, но по образу своему онъ создалъ одно существо, которое и будетъ господствовать надъ всѣми животными, и что его онъ поселилъ въ рай. Послѣ этого Богъ-Отецъ исчезаетъ за ширмой.

Слѣдующая сцена представляетъ подземное царство. Это адъ — огненная геенна со всѣми ея адскими снарядами и орудіями пытки. Посреди — маленькая кузница, на которой пылаетъ яркій огонь. Направо большой чурбанъ, какіе бывають у мясниковъ; задняя часть сцены вся устлана громадными ножами, гигантскими щипцами и острыми, сверкающими топорами. Налѣво отъ кузницы два громадныхъ котла съ кипящей водой. Сцена освѣщена краснымъ свѣтомъ. Громкій вой, скрежетъ зубовъ, раздирающіе душу крики увеличивають ужасы этой картины. Нестройные трубные звуки извѣщаютъ о появленіи Люцифера, господина этого страшнаго царства. Его сопровождаетъ толпа чертенятъ и дьяволовъ низшихъ степеней, которые прыгаютъ вокругъ него съ злобною радостью. Люциферъ, сѣвъ на свой тронъ, кровавую плаху мясника, беретъ въ руки знаки своего достоинства — тяжелую желѣзную цѣпь, окрашенную въ яркій красный цвѣтъ, и вилы; на шеѣ у него виситъ цѣпь изъ человѣческихъ зубовъ и пальцевъ, сдѣланныхъ изъ воску, пучки волосъ вѣдмъ и нѣсколько высушенныхъ жабъ. Люциферъ открываетъ совѣщаніе. Говорятъ о новомъ твореніи и о средствахъ сокрушить верховенство Бога-Отца, о разныхъ слабыхъ сторонахъ человѣка: о гордости, сладострастіи, ревности, жадности и т. д., о томъ, какъ воспользоваться каждымъ изъ этихъ пороковъ и какъ противодействовать вліянію Бога. Совѣщаніе прерывается появленіемъ двухъ чертенятъ, въ которыхъ зрители узнають ангеловъ изъ сцены хаоса, внявшихъ, повидимому, словамъ Люцифера и послѣдовавшихъ за нимъ въ его подземное царство. «Сласти и дичь, которыя вы намъ обѣщали, никуда не годны, вино ваше настоящій укусъ, и при этомъ жара здѣсь нестерпима!...» кричатъ они жалобнымъ голосомъ.

Громкій взрывъ адскаго хохота раздается имъ въ отвѣтъ, а Люциферъ со смѣхомъ хватается за бока, при видѣ отчаянія своихъ жертвъ. «Теперь вы здѣсь, чертенята», говоритъ онъ имъ, «и что еще важнѣе — вы здѣсь навсегда. Развѣ только какой-нибудь проклятый христіанинъ будетъ такъ глупъ, что предприметъ ради васъ какое-нибудь путешествіе. Обманутые ангелы въ отчаяніи начинаютъ рыдать. «Кто изъ васъ можетъ извиваться по землѣ, какъ змѣй?» спрашиваетъ Люциферъ толпу своихъ подданныхъ. На эту должность является нѣсколько кандидатовъ. Одною изъ нихъ выбираютъ, и онъ получаетъ инструкцію, какъ дѣйствовать. Крикъ восторга раздается въ отвѣтъ на это постановленіе, и сцена заканчивается адскою пѣсней въ честь его сатанинскаго величества.

Предъ зрителями рай. Богъ-Отецъ занимаетъ свой тронъ, между тѣмъ какъ Адамъ стоитъ посреди сада, возлѣ розоваго куста, нарочно для этого взятаго изъ сада деревенскаго священника. «Да это Керхлерова Марія!» шепчутъ зрители одинъ другому на ухо; но это не смущаетъ Адама, и онъ поетъ гимнъ въ честь Создателя; затѣмъ прогуливается по своимъ владѣніямъ. Животныхъ хотя и не видно, но голоса ихъ слышны за сценою. Богъ-Отецъ вступаетъ въ разговоръ съ Адамомъ и заканчиваетъ его словами: «видишь-ли ты ту яблоню? ни ты, ни жена твоя не должны вкушать ея плодовъ». Послѣ длиннаго наставленія Богъ-Отецъ исчезаетъ. Публика въ напряженномъ ожиданіи: ей страшно хочется скорѣй увидѣть Еву, такъ какъ никто не знаетъ, кто взялъ на себя эту роль. Раздается звонокъ, и черезъ нѣсколько минутъ на скамейкѣ въ бесѣдкѣ изъ розовыхъ кустовъ сидятъ обнявшіеся Адамъ и Ева. Слышенъ плескъ миниатюрнаго водопада и за сценою голоса животныхъ: мычаніе быковъ, блеяніе овецъ, лай собакъ, мяуканье кошекъ вмѣстѣ съ пѣніемъ пѣтуха и хрюканьемъ свиней. Но вотъ послышался голосъ Бога-Отца, который даетъ наставленіе Адаму. Ева — красивая, высокая фигура, съ невыразимой нѣжностью смотритъ на Адама, который нѣсколько меньше ея ростомъ. Между тѣмъ Ева оборачивается и разсматриваетъ яблоню, увѣшанную маленькими искусственными яблоками. «Ева, моя дорогая!...» говоритъ Адамъ, «споемъ пѣснь въ честь милосердаго Создателя». Но Ева не обращаетъ вниманія на слова мужа: «пойдемъ, Адамъ, позавтракаемъ, я голодна». Въ публикѣ слышится смѣхъ. Голосъ Евы выдалъ ея личность: это Тоня, сынъ школьнаго учителя и поклонникъ Маріи, которая играетъ Адама. «Посмотри, Адамъ, какъ красивы эти яблоки!» — «Развѣ ты забыла, что Богъ запретилъ намъ ихъ вкушать». — «Богъ ихъ не считалъ, и мы возьмемъ только одно: стыдно-же оставлять ихъ гнить на деревѣ». Долго соблазняетъ она Адама и, наконецъ, кричитъ: «посмотри на эту змѣю, она сорвала яблоко и протягиваетъ его намъ». — «Если — ты меня любишь», отвѣчаетъ Адамъ, обнимая и цѣлуя ее, «не притрогивайся къ нему». — «А если ты меня любишь, то мнѣ не откажешь». Ева не успѣла окончить начатой фразы; Богъ-Отецъ, или, лучше сказать, старикъ, изображавшій его, узнаетъ въ Адамѣ свою дочь, а въ Евѣ ея поклонника и въ страшномъ гнѣвѣ, забывая свою роль, кричитъ во все горло: «ахъ ты, щенокъ! погоди, погоди, я тебѣ уже задамъ. Какъ ты смѣешь обнимать мою дочь!» Гнѣвъ старика легко понять: Тоня — бѣдная молодой человѣкъ, а его дочь самая богатая дѣвушка во всей деревнѣ. Черезъ минуту все успокоилось и представленіе пошло своимъ чередомъ. Но еще чаще это представленіе идетъ совершенно мирно.

Въ узкихъ долинахъ Каринтіи народъ тоже чрезвычайно любитъ религіозныя представленія. Особенно преданы имъ жители Мельской долины. Расскажемъ объ одномъ изъ нихъ.

Къ началу представленія мѣстные музыканты привлекаютъ публику звуками трубъ. Три часа по полудни. Въ комнатѣ, гдѣ происходятъ представленія, маленькія

окна завѣшаны коврами. Наконецъ колокольчикъ звонитъ, музыка умолкаетъ. Крестьянинъ, въ праздничномъ платьѣ альпійца, появляется на сценѣ и въ прологѣ старается дать понятіе зрителямъ о предстоящемъ зрѣлищѣ. При этомъ онъ объявляетъ имъ, что сегодня будетъ дано представленіе «пастуховъ и королей». Представленіе это состоитъ изъ отдѣльныхъ картинъ, не лишенныхъ, однако, драматическаго искусства. Тутъ мы встрѣчаемъ и серьезное, и шутовское, простую пѣсню вмѣстѣ съ хоромъ, дуэты, тріо и речитативы. Прежде всего мы видимъ колѣнопреклоненную Дѣву Марію, которая поетъ пѣсню. Ангелъ Гавріилъ является передъ ней съ радостнымъ извѣстіемъ и поетъ: «Дѣва Марія, дѣвственная краса!» Послѣ этого привѣтствія изъ-за кулисъ выходитъ Іосифъ-плотникъ, съ мѣшкомъ за спиной и съ какою-то мѣрою въ рукахъ, и поетъ: «какъ только я вижу Дѣву-Марію, мнѣ говоритъ сердце, что ей предстоитъ другая судьба!» Архангелъ Гавріилъ подходитъ къ нему и открываетъ ему назначеніе Маріи. Іосифъ падаетъ передъ нею на колѣни, но она поднимаетъ его, говоря: «встань, мой милый Іосифъ».

Такъ какъ представленіе это даютъ обыкновенно въ рождественскіе праздники, то во время антрактовъ поютъ рождественскія пѣсни. Слѣпой скрипачъ, сидящій въ углу, аккомпанируетъ пѣнію, состоящую изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ.

Новая картина представляетъ парня передъ воротами Вавелема, который проситъ его пріютить, но такъ какъ у него нѣтъ ни кейзера въ карманѣ, то ему отказываютъ. Этотъ эпизодъ служитъ переходомъ къ слѣдующей сценѣ, въ которой жестокой хозяйнѣ точно также выгоняетъ Іосифа и Марію и они принуждены укрыться въ конюшнѣ. Послѣ этихъ предварительныхъ сценъ начинается представленіе пастуховъ, въ которомъ аріи смѣняются разговорами.

Картина пастушеской жизни развертывается передъ нашими глазами во всей простотѣ. Здѣсь прежде всего являются три пастуха въ костюмѣ, напоминающемъ пастуховъ на картинкѣ, которую выставляютъ на Рождество въ каждой альпійской хижинѣ въ зелени сосновыхъ вѣтвей. Сначала на сценѣ появляется одинъ пастухъ; онъ сидитъ на пнѣ, съ огромными очками на глазахъ, и чинитъ свое верхнее платье; съ боку прислоненъ его длинный пастушескій посохъ. Къ нему присоединяются другіе два пастуха и начинаютъ пѣть. Наступаетъ ночь и, при словахъ пѣсни: «парни, ложитесь... намъ надо немного поспать... Если придетъ волкъ и украдетъ у насъ ягненка, то помогайте всѣ, во имя Божіе», они растягиваются на землѣ. Затѣмъ слышатся пѣніе ангеловъ, возвѣщающихъ о рожденіи Христа, и приглашеніе поклониться Ему. Пастухи, одинъ за другимъ, просыпаются и дѣлаютъ наивныя восклицанія. Ангелъ въ фантастической одеждѣ, съ крыльями изъ папки, появляется предъ ними. Одинъ изъ пастуховъ смотритъ на него съ удивленіемъ и затѣмъ, называя его «крылатымъ парнемъ», спрашиваетъ его, какъ пройти къ младенцу. Послѣ этого пастухи идутъ къ яслямъ и подносятъ свои подарки.

За этою пастушескою сценою слѣдуетъ королевское представленіе. Иродъ выступаетъ въ полномъ парадномъ одѣяніи, съ жезломъ въ рукѣ и въ блестящей коронѣ изъ сусальнаго золота. Онъ выступаетъ гордо и важно; каждое его слово дышитъ самовластіемъ. Затѣмъ дѣйствіе идетъ шагъ-за шагомъ сообразно съ священною исторіею, изъ которой заимствованы цѣлыя выраженія, переложенныя только въ незатѣйливныя рифмы.

Одно изъ самыхъ любимыхъ народныхъ представленій въ Кернскомъ Унтерландѣ— «Страданіе Христа». Крестьяне даютъ его въ 3 года разъ и обыкновенно въ вербное воскресенье. Для этого на открытомъ полѣ строятъ зданіе, мало впрочемъ защищенное отъ вѣтра и непогоды. Представленіе начинается послѣ обѣда и продолжается до позд-

няго вечера; все оно представляет рядъ картинъ изъ исторіи страданій Христа и оканчивается распятіемъ.

Вотъ одна изъ сценъ. Ночной сторожъ ходитъ съ алебардою. Бьетъ 9 часовъ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ онъ. Марія и Іоаннъ идутъ ему навстрѣчу: «вы, сторожа, скажите мнѣ, проходилъ-ли здѣсь мой возлюбленный? Онъ бѣлъ и красенъ; его губы, какъ гранатъ». *Сторожъ*: «не кричите такъ громко, милая невѣста... Нынѣшнюю ночью привели узника: его толкали и били». *Марія*: «ахъ, мой милый сторожъ! мое сердце полно страданій! скажите-же мнѣ скорѣй, гдѣ мой Іисусъ?» *Сторожъ*: «сударыня, проходите и очистите площадь: этого человѣка ведутъ». *Марія*: «увы мнѣ! о, горе! о, страданіе! вотъ мой Іисусъ! о, возлюбленный Іисусъ, небесный агнецъ! кто нападаетъ на Тебя! Ты никому не сдѣлалъ зла! Увы мнѣ, я умираю отъ страданій!» Іоаннъ увидитъ Марію.

Различныя представленія даются и странствующими актерами. Въ воскресные дни поста, когда та или другая уединенная церковь набита народомъ, къ ней еще во время службы направляютъ ручную телѣжку, наполненную изношенными костюмами и посудю странствующихъ актеровъ и со всѣхъ сторонъ окруженную ими. Послѣ окончанія службы народъ бѣжитъ толпами подкрѣпиться въ близлежащей трактиръ, гдѣ между посѣтителями скоро появляется мальчикъ. Онъ одѣтъ ангеломъ и дрожащимъ голосомъ проситъ позволенія дать здѣсь представленія. Выговоривъ стереотипную фразу, онъ исчезаетъ. Затѣмъ тотъ-же мальчикъ, уже одѣтый солдатомъ, въ огромной шляпѣ, потрясая огромнымъ мечемъ, снова появляется въ дверяхъ. Всѣ тѣсно сдвигаются къ сторонкѣ, чтобы дать ему мѣсто, но его такъ не много, что маленькому воину приходится сильно умѣрять свои жесты, чтобы не задѣвать зрителей. Быстро расхаживая по комнатѣ взадъ и впередъ, онъ начинаетъ длинный монологъ, въ которомъ можно разобрать лишь нѣкоторыя слова: «я еще юнъ годами, но уже погрязъ въ грѣхахъ. Смерть еще не подползаетъ ко мнѣ, Божій судъ не приближается... я не думаю еще о смерти и потому не начинаю каяться. У меня много имущества и денегъ, я весело живу на свѣтѣ. Если я обѣдню, тогда я перестану грѣшить». Во время этого монолога, къ нему незамѣтно подкрадывается чертъ въ страшной маскѣ; нижняя челюсть его постоянно движется; его тѣло обвито цѣпью. При его появленіи раздается общій смѣхъ, и только дѣти боязливо сторонятся его. Юный воинъ исчезаетъ.

Чертъ: «ты правъ! продолжай поступать такимъ образомъ, и ты, навѣрно, будешь моимъ!...» внезапно восклицаетъ онъ крикливымъ голосомъ. Въ душевной комнатѣ, наполненной дымомъ, все съ разу стихаетъ, и всѣ глаза устремлены на черта, который въ эту минуту бросаетъ на землю черный платокъ и бормочетъ: «если дѣло это мнѣ удастся, я получу хорошую добычу». На сцену опять появляется солдатъ, но онъ имѣетъ теперь видъ дряхлый и болѣзненный: въ дырявой одеждѣ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, онъ кашляетъ и съ тяжелымъ вздохомъ бросается на платокъ, разостланный на землѣ. Чертъ съ сатанинскими гримасами и ужимками подползаетъ къ нему на короткахъ и шепчетъ ему на ухо: «погоди каяться, на это еще будетъ время!» Миловидная дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ съ голубымъ поясомъ, выходитъ изъ-за занавѣси кровати, занимающей значительную часть комнаты, — это ангель-хранитель борющагося грѣшника; она заботливо наклоняется надъ нимъ и ласковымъ голосомъ говоритъ ему: «о, овечка, милая овечка, слѣдуй за стадомъ. Я искалъ тебя въ потѣ лица! Я не боялся сильнаго жара, не пугалъ меня и холодъ. Я все дѣлалъ, чтобы разыскать тебя». Но съ другой стороны злой духъ нашептываетъ на ухо грѣшнику: «не слушай, что онъ тебѣ говоритъ и не слѣдуй за нимъ!» Это производитъ сильное впечатлѣніе на грѣшника, который, по совѣту черта, безжалостно отталкиваетъ ногой своего ангела-хранителя. Тутъ

разомъ два соперничающихъ барда не перестаютъ втеченіе нѣсколькихъ часовъ бросать, по очереди, въ лицо другъ другу клеветой и презрительной насмѣшкой. Дама же, если въ пѣснѣ ея кавалера нѣтъ припѣва, который она могла бы пѣть вмѣстѣ съ нимъ, все время молчитъ.

Въ своей любви къ танцамъ, сатирическимъ пѣснямъ, своею склонностью къ ссорамъ, дракѣ, къ различнымъ состязаніямъ, въ родѣ фингергакельнъ, страстью къ религиознымъ представленіямъ, отчасти своею одеждою и чрезвычайно многими обычаями и привычками тирольцы, а особенно жители Циллерской долины (къ востоку отъ Инсбрука), напоминаютъ баварцевъ, и это естественно, такъ какъ они принадлежатъ къ баварской расѣ, тогда какъ жители Брегенца считаются потомками аллемановъ. Тирольцы вообще, какъ женщины, такъ и мужчины, далеко не отличаются своею красотою: во многихъ округахъ женщины невысоки, слишкомъ коренасты, съ грубою наружностью; особенно въ будніе дни онѣ кажутся непривлекательными, потому что во время работы не заботятся о нарядахъ и не одѣваютъ своихъ, во многихъ мѣстностяхъ, дѣйствительно живописныхъ національныхъ костюмовъ.

Въ очеркѣ «Характерные типы рабочаго люда» мы описывали одежду рабочихъ нѣкоторыхъ профессій; теперь дадимъ понятіе о національной одеждѣ тирольцевъ вообще. Жители Тироля отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ въ одеждѣ, которая мѣняется чуть ли не въ каждой долинѣ, если не въ существенномъ, то въ мелочахъ уже непремѣнно. Циллертальцы еще до сихъ поръ носятъ тотъ простой зипунъ, который въ старинное время носили почти повсюду низшіе классы Германіи. Эта верхняя одежда безъ складокъ нигдѣ не обхватываетъ плотно талію и доходитъ до колѣнъ. Зипунъ этотъ украшаютъ шнурками и пуговицами; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ его дѣлаютъ изъ краснаго сукна, въ другихъ изъ голубаго. Подъ зипуномъ нагрудникъ закрываетъ всю грудь; его дѣлаютъ изъ различной матеріи и различнаго цвѣта, но чаще всего встрѣчаются нагрудники ярко-краснаго цвѣта. Талію тирольца перехватываетъ широкій, изъ блестящей черной кожи кушакъ, на которомъ вышиты заглавныя буквы владѣльца, какое-нибудь изрѣченіе, цвѣты или звѣри. Парни изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы имѣть щегольской кушакъ. Зеленыя помочи поддерживаютъ панталоны и считаются важнѣйшею частью одежды. Тирольца часто можно встрѣтить безъ верхней одежды и безъ нагрудника, но онъ всегда въ своихъ помочахъ, поддерживающихъ панталоны, которыя у большинства доходятъ только до колѣнъ, такъ что оставляютъ ихъ голыми, но у нѣкоторыхъ онѣ спускаются гораздо ниже. По воскресеньямъ обувью служатъ башмаки со шнурками, а по буднямъ ходятъ босыми или въ деревянныхъ башмакахъ. Нѣкоторые носятъ старинную шляпу съ круглой верхушкой и узкими полями, но большинство остроконечную и украшаютъ ее шнурками съ золотыми кисточками, лентами, обшивкою, а охотники и стрѣлки — перьями. Наиболѣе оригинальный женскій костюмъ можно видѣть у жительницъ Винтчау. Кто отъ Мерана направится на западъ, вдоль рѣки Эчъ, передъ тѣмъ откроется обработанная долина Винтчау, которая тянется до швейцарской границы и лежитъ между суровыми горами. На югѣ отъ этой долины находятся ледники Ортлера, а на сѣверѣ Отцталя. Долина Винтчау — прекрасная альпійская долина, восхищающая посѣтителей прелестнымъ видомъ. Но многіе винтчаузцы навсегда ее покинули и съ грустью вспоминаютъ о ней. Здѣсь у нихъ были хутора и пашни, которыя они обрабатывали съ полнымъ усердіемъ, нисколько не заботясь о рѣкѣ Эчъ, которая текла почти передъ дверью ихъ домовъ или очень недалеко отъ роднаго гнѣзда. Но въ одну ночь Эчъ съ шумомъ прорвалась черезъ плотины и уничтожила всѣ плоды ихъ усилій, сдѣлала ихъ нищими. Еще и теперь между камнями виднѣются развалины ихъ домовъ. Кому приходится жить въ такой борьбѣ съ природою, у того черты

лица становятся жесткими. Это самый характерный отпечатокъ не только въ физиономіи здѣшнихъ мужчинъ, но даже женщинъ: ихъ глаза всегда мрачно сосредоточенны, губы не озарены улыбкой, даже родной, единственный сынъ не находитъ въ здѣшней матери пылкой, сердечной привязанности. Одежда соотвѣтствуетъ мрачному настроенію. Единственнымъ украшеніемъ жительницы Винтгау служитъ обручальное кольцо на среднемъ пальцѣ правой руки. Если только ея рука не занята дѣломъ, сидитъ она или идетъ, она безпрестанно перебираетъ четки, перечитывая молитвы одна за другой. Особенная набожность жителей Винтгау понятна: имъ ежедневно приходится смотрѣть въ глаза смерти, а въ такихъ мѣстностяхъ жители всегда бываютъ очень набожны. Кромѣ очень молодыхъ людей, у всѣхъ преобладаетъ мрачное выраженіе. Вотъ пожилая женщина, возвращаясь изъ церкви домой, сѣла по дорогѣ отдохнуть, о чемъ можно догадаться по молитвеннику съ бѣлымъ крестикомъ изъ слоновой кости, который лежитъ у нея на колѣняхъ. Она по дорогѣ изъ церкви накупила припасовъ въ деревенской лавочкѣ и тащитъ съ собой огромный узелъ, боясь пропустить удобную оказію: изъ ея отдаленнаго хутора едва ли ей собраться въ эту лавку раньше воскресенья. Мрачную сосредоточенность ея физиономіи придаетъ также на уши надвинутая высокая шапка, — тяжелый вязанный колпакъ изъ толстой, по большей части, черной овечьей шерсти. Это совсѣмъ уже непрактичная покрывка для головы: лишь только женщина нахлобучитъ этотъ колпакъ себѣ на голову, она уже ничего не слышитъ, такъ какъ онъ закрываетъ ей уши; къ тому-же онъ не защищаетъ ея ни отъ солнца, ни отъ дождя. Смотря по мѣстности, колпаки эти имѣютъ свои особенности: въ окрестностяхъ Инсбрука къ нижнему краю прикрѣпляютъ крестъ, а на верхушку втыкаютъ булавку; въ другихъ мѣстностяхъ этотъ черный колпакъ усыпаютъ бѣлыми точками. Молодые дѣвушки въ Винтгау вмѣсто этого неуклюжаго колпака носятъ шляпу, но женщины, какъ бы онѣ ни были молоды, всегда въ такомъ колпакѣ, что мы видимъ въ типѣ, нарисованномъ на вишнеткѣ. Но возвратимся къ пожилой женщинѣ, нарядъ которой мы стали описывать. На шеѣ у нея одѣтъ цвѣтной шерстяной платокъ, а если крестьянка богата, то фуляровый или шелковый; концы платка скрещиваются на груди и спрятаны подъ душегрѣйку, которая на мѣстномъ нарѣчій называется «чоашъ»; она сшита изъ черно-синяго сукна, съ четырехугольной вырѣзкой спереди. Это своего рода панцырь здѣшнихъ жителей, и онъ оказываетъ важную услугу въ этой мѣстности, гдѣ даже въ іюньскіе вечера вѣтеръ съ глетчеровъ даетъ себя чувствовать. Лѣтомъ эту душегрѣйку носятъ съ короткими рукавами, а зимой ихъ удлиняютъ обшлагами изъ зеленого бархата и мѣховыми нарукавниками. Особенно оригинальна юбка этихъ женщинъ, необыкновенно широкая, темнаго цвѣта, съ синими, зелеными или красными полосами; ее называютъ «вифлингъ». Она спускается до полу сотнями тяжелыхъ складокъ и на бедрахъ растягивается обручемъ; эта юбка сдѣлана изъ холста или шерсти домашняго издѣлія. Но для того, чтобы собрать и укрѣпить въ ней складки, мѣстной портнихѣ нужно было имѣть необыкновенную силу и искусство. Это дѣлается такимъ образомъ: когда складки сложены и прошиты, юбку смачиваютъ въ водѣ и заворачиваютъ въ мокрыя простыни; затѣмъ на складки кладутъ доски, на которыя наваливаютъ тяжелые камни. Подъ этимъ тяжелымъ прессомъ вифлингъ лежитъ до двухъ недѣль, чтобы складки его не расхотѣлись даже въ самую сырую погоду. Эта юбка стоитъ обладательницѣ очень дорого: если она шерстяная, то отъ 50 до 60 гульденовъ, такъ какъ на нее идетъ огромное количество матеріи; но за то она, какъ капиталъ, переходитъ по наслѣдству не только дочкѣ, но часто и правнучкѣ. Не смотря на это, большая часть этого дорогаго платья скрыта подъ темно-синимъ передникомъ съ мелкими складками, который привязанъ шелковыми лентами. Этотъ костюмъ дополняютъ кожаные башмаки и бумажный зонтикъ краснаго

цвѣта. Когда открытъ деревянный остовъ зонтика, обитый латуною, съ прутьями почти въ палецъ толщиною, то подъ его широкой крышей легко можетъ укрыться отъ дождя все семейство; поэтому тирольцы и называютъ эти зонтики семейными.

Теперь перейдемъ къ жителямъ южнаго Тироля. Широкоплечіе и гибкіе въ своихъ движеніяхъ, они представляютъ собою образецъ настоящихъ горцевъ, хотя въ ихъ фізіономіи нѣтъ того рѣзкаго, соколинаго выраженія, которое такъ свойственно верхнимъ баварцамъ. Болѣе всего останавливаетъ вниманіе иностранца ихъ остроконечная голова, нѣсколько грушевидной формы, которую ей отчасти придаетъ и прическа: волосы на макушкѣ довольно коротко подстрижены, между тѣмъ какъ сзади, на затылкѣ, они свободно висятъ; такъ же свободно они свѣшиваются и спереди на лобъ, такъ что макушка съ короткими волосами выдается какъ-то конусообразно. Праздничный костюмъ состоитъ изъ краснаго нагрудника съ металлическими пуговицами, надѣтаго поверхъ холщевой рубашки съ короткимъ воротникомъ. Надъ нагрудникомъ, почти совершенно прикрывая его, — помочи изъ зеленой матеріи. Шея обвязана чернымъ платкомъ, концы котораго засунуты внутрь. Штаны изъ черной кожи чуть оставляютъ свободными колѣни. Въ одномъ изъ боковыхъ кармановъ торчатъ кривой ножъ съ искусно вырѣзанной рукояткой — необходимый снарядъ, чтобы раздроблять твердыя, плоскія лепешки тирольцевъ, заготавлиаемыя въ огромномъ количествѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Талію парня обхватываетъ широкій кушакъ изъ блестящей черной кожи, съ латунной застежкой. На здѣшнихъ кушакахъ, какъ и на сѣверѣ, тоже красуется имя хозяина, а иногда изображены серны или императорскій орелъ. Куртка изъ прочной шерстяной матеріи, съ обшлагами изъ краснаго сукна. На ногахъ крестьяне носятъ чулки, которые покрываютъ только икры, а ступня и колѣно остаются свободными; эти чулки прикрѣпляются сверху цвѣтными подвязками. Башмаки изъ прочной кожи съ тяжелыми гвоздями; по верхней сторонѣ башмака, почти до самаго конца, идетъ прорѣзъ, который зашнурованъ ремнемъ. Шляпа съ широкими полями, по большей части чернаго, рѣже зеленаго цвѣта, съ высокой конической тулей. За красной тесемкой вокругъ шляпы, которую носятъ веселые молодые парни, вставленъ образокъ патрона и вѣнокъ альпійскихъ цвѣтовъ. Трубка — постоянный спутникъ тирольцевъ всѣхъ возрастовъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ; здѣсь можно часто видѣть даже пятилѣтнихъ мальчиковъ, которые бѣгаютъ съ трубкой во рту.

Талію женщинъ южнаго Тироля покрываетъ бѣлая рубашка съ короткими рукавами, поверхъ нея носятъ спенсеръ, а шея повязана пестрымъ платкомъ, концы котораго запрятываютъ за спенсеръ. Тяжелая юбка съ глубокими складками спускается до лодыжекъ; у нѣкоторыхъ край ея обшитъ черными бархатными полосами. Сверху одѣваютъ передникъ, изъ подъ котораго юбка выглядываетъ не болѣе, какъ на ширину руки; передникъ этотъ различнаго цвѣта, но чаще всего синяго. Чулки у старухъ краснаго цвѣта, а у молодыхъ бѣлаго; по буднямъ женщины, какъ и мужчины, носятъ чулки безъ носковъ, которые оставляютъ ступню ноги голою. Башмаки спереди украшены пряжками. Молодые дѣвушки на югѣ рѣдко носятъ головные уборы: онѣ заплетаютъ волосы въ косы и прищипливаютъ ихъ сзади гребенкой или булавкой, а если куда отправляются, одѣваютъ шляпу.

Всѣдствие все увеличивающейся дороговизны на предметы первой необходимости въ настоящее время замѣчается большая воздержанность въ пищѣ. Даже столы духовенства не гнутся теперь подъ тяжестью нагруженныхъ блюдей, и только во время особенно важныхъ праздниковъ, напр. въ день патрона монастыря, еще и теперь можно видѣть слѣды прежнихъ великолѣпныхъ обѣдовъ. Дворяне и чиновники, даже и въ исключительныхъ случаяхъ, не могутъ позволять себѣ такой роскоши. Что-же касается крестьянъ

янь, то даже у наиболее богатых из них, в самые большие праздники, теперь уже не подают той массы кушаньев, как прежде. В нѣмецкомъ Тиролѣ въ последнее время все болѣе распространяется кофе, а въ Форарльбергѣ кофе съ молокомъ и картофель составляютъ главную пищу болѣе бѣдныхъ округовъ. Вообще замѣчено, что у крестьянъ нѣмецкаго Тироля пища замѣтно улучшилась, тогда какъ въ итальянскомъ Тиролѣ замѣчается совершенно обратное явленіе. До введенія маиса главную пищу послѣднихъ составляла пшеничная каша, а теперь за ихъ столомъ постоянно можно видѣть маисовую поленту, которую они ѣдятъ два раза въ день. Крестьяне итальянскаго Тироля весьма не требовательны, и когда они могутъ свое неизмѣнное блюдо приправить сыромъ, молокомъ или рыбой, то считаютъ себя вполне счастливыми. Кромѣ поленты, они ѣдятъ картофель въ разныхъ видахъ, рѣпу и другія, весьма немногочисленныя произведенія своего огорода. Въ нѣмецкомъ Тиролѣ главное кушанье: кисель, клецки, супъ, капуста. Болѣе зажиточные люди готовятъ клецки изъ пшеницы, другіе изъ ржаной или гречневой муки, а въ болѣе бѣдномъ Оберъ-Инталѣ ихъ готовятъ изъ маисовой муки, а иногда даже изъ ячменной или овсяной. Капусту подаютъ иногда съ копченымъ мясомъ вмѣсто киселя за ужиномъ. Часто вмѣсто капусты ѣдятъ картофель или зеленый салатъ. На ихъ столѣ нерѣдко также можно видѣть лапшу и другія мучныя блюда, которыя у болѣе зажиточныхъ людей плаваютъ въ жирѣ. Свѣжее мясо даже богатый крестьянинъ ѣстъ только въ большіе праздники, но за то они часто употребляютъ копченое мясо, которое бѣдняки никогда и не видятъ. Водянистое вино или, лучше сказать, настой воды на виноградныхъ выжимкахъ употребляютъ только тамъ, гдѣ растетъ виноградъ, да и этого вина даютъ работникамъ только послѣ самыхъ тяжелыхъ работъ. Вмѣсто вина здѣсь употребляютъ молоко въ разномъ видѣ. Жители нѣмецкаго Тироля ѣдятъ 5 разъ въ день и только въ короткіе зимніе дни 4 раза. За то въ срединѣ лѣта, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Унтеръ-Инталѣ, даже по 7 разъ. Низшее городское населеніе не можетъ позволить себѣ такой роскоши и питается преимущественно картофелемъ и кофе; то же можно сказать о фабричномъ населеніи Тироля.

Жилища крестьянъ въ Тиролѣ, смотря по мѣстности, чрезвычайно разнообразны. Это произошло потому, что различныя національности, уже издавна поселившіяся въ странѣ, оставили на сельской архитектурѣ свой отпечатокъ. Немалую роль въ этомъ отношеніи игралъ, разумѣется, разнообразный климатъ страны и ея строительный матеріалъ. Поэтому въ Тиролѣ насчитываютъ до 5 различныхъ типовъ построекъ: римскій, смѣшанный, итальянскій и два чисто-германскихъ стиля — баварскій и аллеманскій.

Римскій характеръ построекъ сохранился только въ уединенныхъ долинахъ Энсберга и Грѣдена. Здѣсь мы встрѣчаемъ постройки отчасти каменные, отчасти деревянные. Домъ лежитъ совершенно отдѣльно отъ хозяйственныхъ построекъ и въ немъ можно найти извѣстную степень домашняго комфорта; съ трехъ, а иногда и съ четырехъ сторонъ онъ окруженъ галереями, на которыхъ раскладываютъ для просушки все собранное съ поля.

Смѣшанный стиль является тамъ, гдѣ германцы поселились на уцѣлѣвшихъ римскихъ домахъ. Съ теченіемъ времени они произвели въ нихъ различныя перестройки; такимъ образомъ часто фундаментъ — каменный въ римскомъ стилѣ, а верхній этажъ и пристройки въ германскомъ вкусѣ. Такія постройки мы встрѣчаемъ въ Витчгау, въ Эчталѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Въ итальянскомъ Тиролѣ старый романскій стиль не сохранился: въ этихъ зданияхъ обыкновенно домъ и хозяйственныя постройки находятся подъ одной крышей; въ

жиломъ помѣщеніи чрезвычайно мало комнатъ. Въ горныхъ мѣстностяхъ законѣлая кухня составляетъ центръ и главную часть зданія; кромѣ нея двѣ-три крошечныхъ клѣтушки. Въ долинахъ и въ богатыхъ дворахъ жилия комнаты помѣщаются въ подвалахъ или въ нижнемъ этажѣ, а во второмъ этажѣ находятся кладовыя и амбары. Всѣ эти зданія обыкновенно съ растрескавшимися стѣнами, съ сломанными стропилами и съ разбитыми стеклами въ окнахъ.

Дома нѣмцевъ въ Инталѣ, Пустерталѣ и въ Форарльбергѣ имѣютъ гораздо болѣе привѣтливый видъ, благодаря галлереймъ, балконамъ, высокимъ фронтонамъ и различнымъ архитектурнымъ украшениямъ. У болѣе зажиточныхъ людей въ такихъ домахъ нѣсколько комнатъ: кухня, общая комната и три-четыре комнаты въ обоихъ этажахъ. Въ общей комнатѣ большая изразцовая печь, кругомъ которой тянется рядъ скамеекъ. Стѣны комнаты украшены обшивкой изъ дерева, иногда картинами и непременно распятіемъ. Направо отъ дома — хозяйственные постройки: въ нижнемъ этажѣ хлѣва, а въ верхнемъ амбары и кладовыя.

Самыя лучшія крестьянскія постройки встрѣчаются въ плодородныхъ округахъ Унтеръ-Инталя; напротивъ того, въ гораздо болѣе бѣдномъ Оберъ-Инталѣ вы болѣе всего встрѣчаете маленькихъ, жалкихъ крестьянскихъ домиковъ.

Очень красиво построены дома въ южномъ Форарльбергѣ: деревянныя стѣны по большей части выштукатурены извнѣ и изнутри. Если въ архитектурѣ этихъ домовъ и не преобладаютъ еще вполне характерныя особенности аллемановъ, то съ нею можно вполне познакомиться въ Лехталѣ, Тагенталѣ и Брегенцервальдѣ. Здѣсь вы находите чистыя жилия помѣщенія, двѣ отопляемыхъ комнаты, кухню и погребъ со сводами, и при этомъ вездѣ господствуетъ самая строгая опрятность, но, разумѣется, и здѣсь, въ уединенныхъ горныхъ долинахъ, встрѣчаются еще совершенно первобытныя крестьянскія постройки. Гораздо меньше обыкновенныхъ крестьянскихъ домовъ, такъ называемый, «цугѣзеръ», маленькіе домики, въ которыхъ оканчиваютъ жизнь старики-родители, когда они передаютъ хозяйство на руки женатому сыну.

Все, что можно сказать общаго о тирольскихъ жилищахъ, — это то, что въ нѣмецкихъ частяхъ Тироля въ большинствѣ случаевъ въ каждомъ домѣ живетъ только по одному семейству; исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ болѣе бѣдныя части Оберъ-Инталя, Винтгау и нѣкоторые округа Эчланда. Напротивъ того въ итальянскомъ Тиролѣ нѣсколько семействъ обыкновенно живутъ въ одномъ домѣ, и каждое семейство раздѣляетъ общую комнату чертами на полу, которыя обозначаютъ владѣнія каждаго.

Какъ штирійцы строятъ свои дома. — Обычай, связанный съ окончаніемъ постройки. — Домашняя обстановка. — Рововый вѣнокъ. — Деревенскіе календари и ихъ значеніе. — Календари тирольской и штирійской. — Комнаты хутора и хозяйственныя постройки. — Колыбель ребенка и положеніе дѣтей. — Выдѣленная изба.

Хотя обстановка дома и обычаи, связанныя съ окончаніемъ постройки, за исключеніемъ мелочей, имѣютъ много общаго во всѣхъ альпійскихъ странахъ Австріи, тѣмъ не менѣе въ этомъ очеркѣ мы познакомимъ читателей съ внѣшней стороной домашней жизни штирійца.

Штирійцы всегда стараются построить свой домъ на холмѣ или на какомъ-нибудь возвышенномъ мѣстѣ. Въ тотъ день, когда оканчиваютъ постройку, замѣтно необыкновенное оживленіе не только между членами семьи, которая строитъ себѣ домъ, но между всеми сосѣдями и рабочими. Уже издалика слышны стукъ молотовъ, крики рабочихъ, грохотъ перекатываемыхъ бревенъ, и эхо дѣса разноситъ далеко эти звуки.

Домъ, въ большинствѣ случаевъ, построенъ изъ дерева, но при солнечномъ свѣтѣ онъ кажется вылитымъ изъ золота и имѣть чрезвычайно привѣтливый видъ. Все кругомъ суетится: одни рабочіе на подмосткахъ, другіе носятъ бревна, доски, лазаютъ по крышѣ, а на самой верхушкѣ дома торжественно стоятъ человекъ съ зеленой вѣтвью, на которой развѣваются разноцвѣтныя ленты. Онъ размахиваетъ этой разукрашенной вѣткой, весело выкрикиваетъ разныя привѣтствія прохожимъ и отъ времени до времени стрѣляетъ изъ пистолета. Но вдругъ все смолкаетъ, рабочіе складываютъ свои инструменты, обнажаютъ головы. Стоящій на крышѣ человекъ поднимаетъ стаканъ вина и громко произноситъ благословеніе дому: «Да хранитъ Богъ этотъ домъ; счастье къ намъ, а несчастье отъ насъ! Для всякаго, кто пройдетъ мимо, домъ открытъ для отдыха, и всѣ, кто будутъ въ немъ, пусть остаются свѣжими и здоровыми, съ вѣчнымъ благословеніемъ Божиимъ на многіе дни и часы. Св. Флоріанъ да защититъ васъ всѣхъ! Пусть у живущихъ въ этомъ домѣ всегда будетъ зерно въ амбарѣ, скотъ въ хлѣву! Пѣгихъ коровокъ, бурыхъ телятъ гоните всегда весело на альмы. Призываю св. Эргарда, св. Патриція и св. Медарда и приглашаю ихъ въ новый домъ, а также Матерь Божию и святую Троицу, чтобы они насъ защитили и благословили на вѣки!» Кончивъ рѣчь, онъ залпомъ выпиваетъ стаканъ вина, взмахиваетъ имъ вверхъ и бросаетъ. Въ ту же минуту раздаются залпы выстрѣловъ, всѣ поднимаютъ веселые крики и человекъ, произнесшій рѣчь, втыкаетъ украшенную вѣтку на фронтонъ дома. Особенное удовольствіе доставляетъ толпѣ, если сброшенный стаканъ не разбивается; тогда веселымъ крикамъ и маханью шляпъ нѣтъ конца, такъ какъ это предвѣщаетъ особенное счастье для жильцовъ новаго дома — золотую свадьбу хозяевамъ и посвященіе въ священники одного изъ ихъ сыновей. Работники снова весело принимаются оканчивать постройку, но вдругъ они начинаютъ кричать въ одинъ голосъ: «масло несутъ», бросаютъ свои инструменты, хватаютъ горшки, жаровни, лохани и все, что имъ попадется подъ руку звенящаго, и спѣшатъ на встрѣчу женщинѣ, которая медленно приближается къ нимъ съ корзиной на головѣ. Это крестьянка изъ какого-нибудь сосѣдняго дома несетъ на новоселье рабочникамъ сало и масло. Когда крестьянинъ строитъ новое зданіе, будь это домъ, амбаръ, хлѣвъ или мельница, здѣсь существуетъ обычай, по которому каждый сосѣдь, въ видѣ поздравленія, посылаетъ ему сало и масло, чтобы уменьшить его издержки на рабочихъ. Поэтому послѣдніе съ радостью встрѣчаютъ женщину и провожаютъ ее до дома хозяина. Впереди этого шествія выступаетъ парень со знаменемъ, за нимъ товарищи, звеня, барабаня и стуча въ горшки и сковороды. Шествіе замыкаютъ два метельщика, которые выметають дорогу вѣниками. Когда женщина передаетъ подарки въ руки хозяйки, концертъ прекращается. Сторона, получившая подарокъ, должна отдаться и посылаетъ сосѣдямъ за ихъ вниманіе блины, которые пекутъ въ этотъ день въ шалашѣ, по близости новой постройки. Чѣмъ чаще рабочимъ приходится провожать служанокъ съ масломъ, тѣмъ болѣе они оживляются, такъ какъ считаютъ такую удачу особеннымъ благословеніемъ для новаго дома.

Въ Штиріи чаще всего приходится встрѣчать хутора, стоящіе отдѣльно. Если мы пойдемъ по одной изъ прекрасныхъ долинъ Верхней Штиріи, мы замѣтимъ на холмѣ, между лугами и пашнями, группу старыхъ, вѣтвистыхъ сосенъ или елей. Подойдите ближе, и вы увидите подъ густыми вѣтвями сверкающую досчатую кровлю хутора. Деревья, которыя окружаютъ его съ восточной или сѣверной стороны, служатъ ему защитою противъ бурь и громоотводомъ. Хуторъ обыкновенно построенъ на холмистой возвышенности и окруженъ лугомъ, за которымъ слѣдуетъ лѣсъ или поле. Онъ состоитъ изъ жилища, довольно просторнаго помѣщенія, изъ хлѣва, амбаровъ и навѣсовъ для возовъ и сельско-хозяйственныхъ орудій. Нерѣдко всѣ эти зданія образуютъ кольцеоб-

разный дворъ, но иногда хлѣва и амбары составляютъ одно зданіе. Круглые дворы встрѣчаются теперь все рѣже. Жилое помѣщеніе штирійскаго крестьянина построено всегда изъ дерева, на грубомъ каменномъ фундаментѣ, и покрыто досками, а у болѣе зажиточныхъ черепицею. Оконъ въ людской, или общей комнатѣ, гораздо больше и по качеству онѣ несравненно лучше оконъ въ кухнѣ и въ чуланахъ. Въ старыхъ домахъ вообще окна несравненно меньше, а нерѣдко стекла въ нихъ разбиты и они залесены бумагой. У внѣшней двери каждаго дома прибито домашнее благословеніе св. апостола Іакова, но еще чаще множество маленькихъ деревянныхъ крестиковъ. Каждый годъ, въ день обрѣтенія честнаго креста, вырѣзаютъ такой крестикъ изъ освященной вербы и прибавляютъ его къ двери; понятно, что чѣмъ старѣе домъ, тѣмъ болѣе крестиковъ у его двери. По мнѣнію штирійцевъ, они защищаютъ противъ несчастій и берегутъ домъ отъ бури. Несчастія обходятъ дома съ крестиками, какъ ангелъ миновалъ обмазанныя кровью двери израильтянъ. Крыша дома выдается далеко надъ ея стѣнами и образуетъ навѣсъ для орудій и топлива. Спереди она тянется вдоль стѣны, въ видѣ балкона, и на него входятъ съ чердака: онъ служитъ для просушки бѣлья и зелени. На этотъ балконъ входитъ также хозяйка, когда ей нужно звать съ поля рабочихъ. Съ вѣтренной стороны на крышѣ для дыма труба изъ сколоченныхъ четырехъ досокъ. На стѣнахъ нѣкоторыхъ домовъ можно видѣть мишень для стрѣльбы съ торчащими пулями или съ отверстіями отъ нихъ. Въ прежнія времена въ Штирії любили стрѣлять въ цѣль, но теперь эта забава совсѣмъ не занимаетъ здѣшній народъ и объ ней только вспоминаютъ. Нерѣдко, вмѣсто мишени, къ стѣнѣ прибитъ вырѣзанный олень: это означаетъ, что этотъ домъ пользовался правомъ охоты.

Войдемъ въ домъ. Для этого приходится сойти съ твердаго камня на порогъ и ступить прямо на мягкую землю, такъ какъ полъ сѣней глиняный, а каменные или деревянные полы встрѣчаются только въ богатыхъ домахъ. Сѣни штирійскаго крестьянина — его домашняя оружейная палата: на всѣхъ стѣнахъ висятъ топоры, лопаты, кирки, пилы. Въ передней части сѣней входъ въ людскую и въ кухню, а въ задней части — двери въ погребъ, а также и въ дѣвичью. Кромѣ того въ сѣняхъ лѣстница ведетъ на чердакъ. Не смотря, однако, на то, что сѣни служатъ средоточіемъ дома, онѣ освѣщены очень плохо: или маленькимъ окошечкомъ, или только открытой дверью. Людская — самое большое помѣщеніе въ домѣ; въ ней двѣ двери: одна ведетъ въ сѣни, другая въ кухню; она освѣщается 5, 6-ю окнами. Нѣсколько выше оконъ, по стѣнѣ, тянется довольно широкая полка для различныхъ предметовъ домашняго хозяйства. Вокругъ стѣнъ, на полу, стоятъ скамейки, подъ которыми батраки ставятъ ящики для гвоздей, молотковъ, щипцовъ и т. п. Во всемъ домѣ, но особенно въ этой людской комнатѣ, необыкновенный порядокъ и чистота; стѣны, такъ же какъ скамейки и стулья, вытерты и вымыты пескомъ, такъ что все блеститъ бѣлизною; часто вся эта незатѣйливая мебель покрыта буровато-красной краской, чтобы защитить ее отъ дровоточины и гніенія. Полъ и потолокъ изъ толстыхъ досокъ; послѣдній отъ дыма, копоти и отъ частаго тренія его вѣникомъ принимаетъ блестящій черный цвѣтъ. Недалеко отъ двери гвоздь съ полотенцомъ, которымъ утромъ пользуется все семейство. На дверяхъ нарисовано мѣломъ изображеніе трехъ св. царей, которое ежегодно возобновляется въ день ихъ памяти. Подлѣ, на косякѣ, виситъ глиняный горшекъ съ святой водой. Надъ одной изъ дверей небольшое выдвижное окно, изъ котораго выпускаютъ жаръ и дымъ въ тѣ дни, когда пекутъ хлѣбъ. Въ углу, между обѣими дверями, большая глиняная печь, покрытая зелеными изразцами. Въ ней не только пекутъ хлѣбъ, но она нагрѣваетъ помѣщеніе и служитъ для просушки зерна, которое отправляютъ на мельницу. Безъ этого оно слишкомъ влажно, и мельница не могла-бы смолоть изъ него хорошую бѣлую муку,

Вокруг этой печи тянется скамейка, на которой грѣются старики и больные. На печь кладутъ также сушить соль и лучину. Въ людской комнатѣ зимою работаютъ всѣ, находящіеся въ домѣ, собираются для ежедневной молитвы, ѣдятъ, а хозяева и спать здѣсь съ маленькими дѣтьми. Подлѣ печи вы увидите ихъ постель: она всегда высоко вѣшана: чѣмъ выше постель у хозяйки, тѣмъ болѣе она ею гордится. На изголовьѣ деревянной кровати намалеваны годъ и число свадьбы хозяевъ. Подъ этой постелью другая кровать, для маленькихъ дѣтей, въ видѣ выдвигаго ящика. Подлѣ стоитъ сундукъ, на которомъ нарисовано нѣсколько розъ и красныя птицы съ зелеными перьями. Если хозяйка гордится высоко настланной постелью, то гордость хозяина составляетъ массивный столъ, который невозможно сдвинуть безъ посторонней помощи, всегда чисто вымытый и представляющій образцовое произведеніе столярнаго искусства. Столы эти дѣлаются изъ ясеневаго дерева и они чрезвычайно твердо стоятъ на своихъ, полукругомъ выгнутыхъ, ножкахъ. Въ углу комнаты домашняя святыня дома, т. е. алтарь. Онъ состоитъ изъ изображенія святыхъ, пестро, грубо и часто безконечно наивно нарисованныхъ на стеклѣ, въ черныхъ рамкахъ, и распятія, прибитаго на дощечкѣ. Отъ осени, когда идетъ уборка хлѣба, до Рождества, на домашнемъ алтарѣ лежатъ три колоса, какъ благодарственная жертва. Если у крестьянина есть фруктовыя деревья, онъ охотно жертвуетъ домашнимъ богамъ и пару яблоковъ. Тутъ-же, подлѣ алтаря, висятъ четки: онѣ состоятъ изъ 70 кружковъ или зеренъ, надѣтыхъ на шнуркѣ. Ихъ беретъ въ руки тотъ, кто руководитъ общей молитвой; прочитавъ одну молитву, онъ отсчитываетъ и отдѣляетъ въ сторону одно зерно, при другой — другое; такимъ образомъ въ четкахъ 63 «ave Maria» и «Отче нашъ». Кромѣ того на шнуркѣ есть еще продолговатая пуговка: она обозначаетъ символъ вѣры и крестъ. По субботамъ, вечеромъ и по воскреснымъ днямъ, всѣ обитали дома собираются въ людскую комнату, становятся на колѣни и прочитываютъ подъ руководствомъ хозяина дома или старшаго работника 63 «ave Maria»; но эту молитву повторяютъ не сряду всѣ 63 раза, а, прочитавъ 7 разъ «ave Maria», одинъ разъ прочитываютъ «Отче нашъ». Это и называется «розовый вѣнокъ», съ которымъ особенно хорошо знакомы католики Австріи и Германіи. Кто руководитъ молитвой, — держать въ рукѣ четки и отсчитываетъ по зернамъ, сколько прочитано молитвъ. «Розовый вѣнокъ» вмѣстѣ съ разными молитвенными прибавленіями продолжается около получаса.

За однимъ изъ образовъ домашняго алтаря вы найдете деревенскій календарь съ его оригинальными картинками и іероглифами, играющій такую огромную роль въ каждомъ семействѣ. Въ домѣ почти всѣхъ альпійскихъ жителей Австріи вы найдете календарь, главная цѣль котораго указывать даже безграмотному человѣку праздники, перемѣну погоды, время начала жатвы, покоса, посѣва, однимъ словомъ руководить въ продолженіи года его работою, отдыхомъ, весельемъ, молитвой. Такой календарь весь состоитъ изъ какихъ-то знаковъ, фигуръ, іероглифовъ, которыхъ посторонній человѣкъ совсѣмъ не пойметъ, но мѣстный житель, не только взрослый, но даже и подростокъ, объяснить вамъ прекрасно. Деревенскіе календари въ разныхъ странахъ бывають различные. Вотъ каковъ тирольскій календарь: маленькіе, черные треугольники обозначаютъ въ немъ будни, а красные — воскресные и праздничные дни. 126 святыхъ разбросаны довольно равномерно по всѣмъ двѣнадцати мѣсяцамъ; каждый изъ нихъ обозначенъ небольшимъ портретомъ въ половину кв. дюйма, который представляетъ святаго съ какимъ нибудь его отличительнымъ признакомъ, такъ что даетъ возможность обладателю календаря отличить его сразу. Для метеорологіи существуетъ цѣлая серія особыхъ знаковъ: рука обозначаетъ холодъ, ротъ — вѣтеръ, кувшинъ — дождикъ, шляпа — теплую погоду, колесо — солнечный свѣтъ, стрѣла — громъ, пирамида — облачное

небо, а крестъ въ колесѣ—ясную погоду. Календарь говоритъ крестьянамъ, когда они должны начать пахать: такой день обозначенъ изображеніемъ плуга, когда сѣять—листомъ клевера, когда удобрять поле—вилами, когда рубить дрова — топоромъ и т. п.

Но штирійскій календарь — самый замѣчательный во всей литературѣ. На его заглавномъ листѣ вы читаете: «Новый деревенскій календарь на такой-то годъ». Издается съ императорскою привилегіею. Этотъ календарь заключаетъ 1180 иллюстрацій, изъ которыхъ 216 раскрашены; онъ стоитъ 12 австр. крейцеровъ и безъ всякихъ рекламъ расходуется ежегодно въ количествѣ 260,000. Какъ и всѣ подобные календари, онъ имѣетъ въ виду прежде всего безграмотный людъ, и вы найдете его въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ, въ каждой, самой убогой, хижинѣ въ Штиріи. Дровосѣкъ носитъ его съ собою, нищій опускаетъ его ежедневно въ свою сумку, когда отправляется просить милостыню; коровница старательно хранитъ его за пазухой, какъ амулетъ, и по временамъ благоговѣйно засматриваетъ въ его пестрые іероглифы. Однимъ словомъ, ни одинъ крестьянинъ не можетъ обойтись безъ него: это его настольная книга, его евангеліе. По этимъ календарямъ штиріецъ составляетъ понятіе о времени, считаетъ какъ свои года, такъ и года всего своего семейства. Двадцать такихъ календарей и первая четверть его жизни прошла, — онъ можетъ жениться; 60 такихъ календарей, и онъ въ послѣдней четверти своей жизни. Контрабандой провозятъ много другихъ календарей, но крестьянинъ не покупаетъ ихъ. Ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ такого количества крестиковъ, обозначающихъ постные дни, ни въ одномъ праздники не размалеваны такъ красно, какъ въ этомъ календарѣ. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ, поздною осенью, ждетъ крестьянинъ новаго календаря, и когда наконецъ его приносятъ изъ лавки, всѣ сейчасъ бросаются къ нему. Крестьянка пересчитываетъ постные дни, работницъ начинаетъ считать ярко-красные значки, обозначающіе праздники, а дѣвушкамъ прежде всего хочется знать, долго-ли осталось до масленицы. «А гдѣ-же тотъ, съ большимъ носомъ и длинными рогами?» спрашиваютъ онѣ, перебивая другъ друга, такъ какъ такая фигура обозначаетъ масленицу.

Въ штирійскомъ календарѣ еще болѣе знаковъ, чѣмъ въ тирольскомъ, къ тому-же планъ, послѣдовательность содержанія, картины и изображенія другія. Спереди, на заглавномъ листѣ, нарисованы солнце, луна и звѣзды, съ черными, какъ уголь, лучами. Подъ ними стоятъ трое крестьянъ въ костюмѣ XVIII столѣтія и представляютъ собою звѣздочетовъ. По мнѣнію штирійцевъ, эти звѣздочеты сверхъестественныя существа, такъ какъ они могли сочинить такую удобную и необходимую для каждого человѣка книгу и притомъ знаютъ напередъ, какая будетъ погода и что когда нужно дѣлать. «Вѣдь не можетъ-же простой человѣкъ», разсуждаютъ дѣти, «сочинить календарь! Какъ могъ-бы онъ угадать, когда какой будетъ праздникъ, какал будетъ стоять погода, сколько остается до масленицы и не будетъ-ли въ этомъ году страшнаго суда». Продолжительность дня обозначается въ календарѣ песочными часами; четверти года — треской, которую ставятъ вертикально между святыми; полуцость — зазубренной розой; каникулы обозначены двумя красными, какъ кровь, собаками; церковный праздникъ огромнымъ крестомъ, который является предзнаменованіемъ настоящаго креста для тѣхъ парней, которые бывають убиты или искалѣчены на шумныхъ и безумныхъ церковныхъ праздникахъ; знакомъ дня «всѣхъ душъ» служитъ изображеніе чистилища; знакомъ перваго воскресенія рождественскаго поста красный, какъ кирпичъ, ребенокъ въ материнской утробѣ; Рождество обозначаютъ изображеніемъ ребенка, лежащаго на подушкѣ; пятницу, которая служитъ воспоминаніемъ страданія, указываетъ сердце, пробитое семью мечами; страстную пятницу — черный, высокій крестъ; воскресеніе Христа — красное знамя; обрѣтеніе креста — воздвигнутый крестъ съ орудіями пытки; Вознесеніе —

два слѣда на залитой кровью травѣ; Троицу — летающій голубь; праздникъ тѣла Христова — дароносица съ окровавленнымъ тѣломъ Христа; красный мужчина съ исполинскимъ ключомъ обозначаетъ Петра; человѣческая голова на блюдѣ — усѣкновение главы Іоанна Предтечи, и такъ далѣе до безконечности. Всѣ эти фигуры и знаки безграмотный крестьянинъ знаетъ наизусть; но и грамотный земледѣлецъ предпочитаетъ этотъ календарь всѣмъ остальнымъ. Ни одинъ монахъ не знаетъ такъ хорошо своего праздника, какъ крестьянинъ свой календарь. При этомъ у него съ каждой фигурой соединено какое нибудь воспоминаніе, правило, изрѣченіе, обычай. Въ этомъ календарѣ, на значкахъ, обозначающихъ дни, онъ отмѣчаетъ, когда была буря, когда былъ градъ (что не всегда совпадаетъ съ указаніемъ календаря), когда телилась корова; здѣсь же онъ отмѣчаетъ рожденіе своихъ дѣтей, дни, когда въ первый разъ они были на исповѣди, когда на миропомазаніи, когда они женились или пошли въ солдаты. Въ этотъ календарь онъ заноситъ всякое событіе, счастливое или несчастное, которое разразилось надъ его семьею, дни тяжелыхъ болѣзней и смерти близкихъ ему людей. Когда годъ прошелъ, покупаютъ новый календарь, а старый пришиваютъ къ прежнимъ, и такимъ образомъ составляется семейная хроника въ іероглифахъ, которую ясно понимаютъ всѣ крестьяне и свято хранятъ всѣ потомки.

Календарь не составляетъ единственной книги въ домѣ; въ каждомъ семействѣ бываютъ грамотные и любящіе читать. Чтеніе крестьянина состоитъ изъ библіи, очерковъ изъ отечественной исторіи, путешествій и сказокъ фантастическаго характера. Всѣ эти книги чрезвычайно тщательно сложены на полкѣ, и между ними бросаются въ глаза школьныя книги крестьянскихъ мальчиковъ. На заглавномъ листѣ такой книги вы нерѣдко встрѣчаете стихъ, содержаніе котораго можно перевести такъ: «Милая книжка, скажи, если кто нибудь возьметъ тебя: оставьте меня, — я принадлежу такому-то».

Мы познакомились съ обстановкой общей комнаты; перейдемъ теперь въ кухню. Тутъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе очагъ, который, вѣроятно, былъ такимъ же и тысячу лѣтъ тому назадъ. Это ничто иное, какъ окруженная обручемъ куча камней, гдѣ въ центрѣ пылаютъ дрова. Вокругъ огня разставлены горшки съ приваркомъ. Надъ очагомъ виситъ соломенная крышка, густо обмазанная глиной, которая собираетъ дымъ и проводитъ его черезъ окошко надъ дверью къ дымовой трубѣ. Подлѣ соломенной крышки устроено помѣщеніе для сушки топлива, а подъ очагомъ, въ углубленіи, въ нишѣ — мѣсто для куръ, которыя свободно разгуливаютъ по кухнѣ. Подлѣ очага — «свиной котель», т. е. котель для варки корма свиньямъ. Въ углу, противъ очага, квашня, которую днемъ прикрываютъ деревянною крышкою; эта крышка, въ свою очередь, служитъ доской для приготовленія лапши. Стѣны кухни черны отъ сажи, а маленькія стекла въ окнахъ отъ вѣчнаго дыма покрыты желтымъ налетомъ.

Въ болѣе уединенныхъ мѣстностяхъ еще можно найти много старинныхъ домовъ, въ которыхъ кухня и людская составляютъ одну комнату: это ничто иное, какъ курныя избы, въ которыхъ нечего искать опрятности. Сквозной вѣтеръ и дымъ господствуютъ въ такихъ избахъ съ ранняго утра до поздняго вечера, такъ какъ цѣлый день крестьяне топятъ печь: когда обѣдъ готовъ, принимаютъ печь хлѣбъ или варить пойло для телятъ, кормъ для свиней. Понятно, что тамъ, гдѣ кухня и людская составляютъ одну комнату, въ домѣ вѣчный дымъ. Къ счастью, когда крестьянинъ вновь обстраивается, онъ только въ самыхъ рѣдкихъ исключеніяхъ строитъ себѣ курную избу, но обыкновенно слѣдуетъ тому образцу, который мы только что описали.

Въ погребѣ штирійскаго крестьянина вы не найдете въ большинствѣ случаевъ ни одного боченка, а если и натолкнетесь на него въ богатомъ домѣ, то онъ содержитъ не

вино, а укусъ, которымъ приправляютъ бобы и салатъ; тамъ, гдѣ нѣтъ укуса, ихъ приправляютъ молокомъ, саломъ и растительнымъ масломъ. Въ погребѣ сохраняютъ картофель, кислое молоко, масло, сало. Все это зимой приходится покрывать соломой, такъ какъ штирійцы рѣдко устраиваютъ свои погреба подъ землею, и потому они доступны для холодовъ.

Въ дѣвичьей нѣтъ ничего интереснаго: она предназначена для взрослыхъ дочерей хозяина и для болѣе престарѣлыхъ и уважаемыхъ работницъ. Эта комната обыкновенно сплошь заставлена кроватями, а у двери виситъ, разумѣется, горшочекъ съ святой водой. Остальной персоналъ женскихъ работницъ спитъ въ кухнѣ, въ хлѣву или въ кладовой.

Въ наиболѣе зажиточныхъ домахъ крестьянъ, въ передней части дома, есть еще «хозяйская комната», которая представляетъ нѣчто въ родѣ гостиной. Въ такой комнатѣ вы найдете сундуки съ блестящими латунными ручками и прекрасные шварцвальдскіе часы. Здѣсь обыкновенно спятъ странствующие мастера, о которыхъ мы говорили выше, или гости.

Чердакъ представляетъ полутемное пространство, въ которомъ не видно ничего, кромѣ множества сундуковъ, ящиковъ и нѣсколькихъ постелей. Здѣсь спятъ работники. Сзади есть темные углы, служащіе чуланами.

На дворѣ навалены стоги соломы и кучи навоза; кромѣ того это пространство служитъ сборнымъ мѣстомъ для стада, ареной для упряжки воловъ. Въ послѣднее время начинаютъ строить одинъ большой хлѣвъ, раздѣленный перегородками на нѣсколько отдѣленій для разныхъ животныхъ. По стѣнамъ стоятъ ясли для корма. Для надзора, въ углу хлѣва, устроена постель для работника; кромѣ него, здѣсь лѣтомъ спитъ и другая прислуга, и молодые парни нерѣдко устраиваютъ себѣ постель передъ самыми яслями, прямо передъ носомъ коровъ. Въ дворахъ средняго достатка хлѣва устраиваютъ приблизительно для 20 штукъ скота, такъ какъ въ штирійской горной странѣ воловъ и коровъ употребляютъ какъ вьючный скотъ, за то лошадей можно найти только тамъ, гдѣ бываетъ постоянная перевозка дровъ или угля. Теперь все болѣе стараются избѣгать деревянныхъ построекъ: въ Средней и Нижней Штиріи бѣольшая часть крестьянскихъ домовъ построена изъ камня и кирпича.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ всѣхъ построекъ стоитъ домикъ безъ оконъ, съ дверью, всегда запертой: это кладовая. Она стоитъ въ сторонѣ для безопасности отъ пожара и непремѣнно подъ елью, для предохраненія отъ грозы. Это весьма важное зданіе — кладовая и казнохранилище крестьянина. Нижняя часть этого зданія служитъ помѣщеніемъ для возовъ и домашнихъ орудій; наверхъ ведетъ узкая, крѣпкая лѣстница. Прежде чѣмъ войти въ кладовую, нужно отпереть дверь съ тяжелыми засовами и съ надежнымъ замкомъ. Сюда впускаетъ крестьянинъ только свою жену и старшаго сына; здѣсь средоточіе его хозяйства, его казна или, лучше сказать, деньги, которыя онъ отдаетъ въ уплату податей и сборовъ; сюда онъ приводитъ зятя, чтобы показать ему, что онъ можетъ рассчитывать получить за его дочь. Въ кладовой хранится зерно, стоятъ ящики со льномъ, корзины съ шерстью, а надъ ними, на черныхъ перекладинахъ, висятъ окорока, куски сала. Кромѣ перекладинъ, къ потолку прикрѣплены плетенныя рѣшетки, на которыхъ лежатъ черные и бѣлые хлѣбы, а подлѣ, на желѣзныхъ крюкахъ, кожи рога-той скотины, овецъ и свиней. Тутъ-же на крюкахъ, а иногда и на полу, разставлены попарно новые башмаки; на деревянныхъ подмосткахъ тяжелыя свитки шерстяной матеріи и полотна, которые ждуть портнаго. Подлѣ стоятъ огромныя лохани съ топленнымъ коровьимъ саломъ и горшки съ масломъ, а въ темномъ углу — старый боченокъ съ заржавленными желѣзными вещами и испорченными веретенами.

Въ альпійскихъ странахъ въ Австріи, и особенно въ Штиріи, чрезвычайно мало присматриваютъ за дѣтми и заботятся о нихъ. Ихъ выучиваютъ наизусть нѣсколькимъ молитвамъ и болѣе ничего. вмѣсто того, чтобы посылать дѣтей въ школу, большею частью ихъ очень рано привлекаютъ къ тяжелой работѣ: вотъ отчасти почему здѣсь много духовно и физически изувѣченныхъ людей. Главное, что стараются внушить ребенку, — это уваженіе къ вѣшной обрядности религіи, понятіе о необходимости, какъ можно чаще, посѣщать церковь и глубокое уваженіе къ праѣдовскимъ обычаямъ. Бѣдные люди, съ самаго появленія своихъ дѣтей на свѣтъ Божій, оставляютъ ихъ совсѣмъ безъ надзора. Когда лѣтомъ наступаетъ спѣшная работа, никто не остается дома у колыбели. Когда всѣ уйдутъ на лугъ или въ поле, хозяйка запираетъ домъ, въ которомъ виситъ колыбель съ ея ребенкомъ. Дитя остается одно въ комнатѣ, безъ всякаго присмотра, но колыбель его не останавливается, а все движется, точно невидимая рука убаюкиваетъ малютку. Дѣло въ томъ, что веревка отъ колыбели идетъ изъ комнаты черезъ стѣну, выходитъ на дворъ и прикрѣплена къ водяному колесу колодца, которое приводитъ въ движеніе колыбель. Это колесо встрѣчается во многихъ мѣстахъ Верхней Штиріи, гдѣ изъ земли бьютъ сильные источники. Колесо равномерно покачиваетъ колыбель и своимъ однообразнымъ скрипомъ точно напѣваетъ оставленному ребенку печальную пѣсенку. Когда онъ подрастаетъ, онъ бѣгаетъ одинъ по дорогамъ и перекресткамъ, часто голодный и прозябшій до тупоумія: это самыя несчастныя созданія. Между родителями и дѣтми рѣдко можно подмѣтить особенно нѣжныя отношенія, но это еще не значитъ, что между ними нѣтъ глубокой привязанности. Далеко не богатый отецъ жертвуетъ всѣмъ, чтобы освободить сына отъ военной службы и обзавести его всѣмъ необходимымъ, когда онъ начинаетъ собственное хозяйство. Здѣшніе родители ведутъ слишкомъ тяжелую, работающую жизнь, думаютъ болѣе всего о работѣ, сами не испытывали ласки въ дѣтствѣ и не умѣютъ проявить ея относительно своихъ дѣтей.

Не смотря на то, что хозяинъ не только родился и выросъ въ одномъ и томъ же домѣ, обзавелся собственной семьей, прожилъ въ немъ болѣе полустолѣтія, умереть ему приходится подъ другой кровлей, если только смерть не наступитъ внезапно. Въ очень многихъ альпійскихъ мѣстностяхъ землевладѣльцы, кромѣ главнаго дома и двора съ его пристройками, имѣютъ еще небольшой домикъ, который или примыкаетъ къ главному дому, или стоитъ отъ него совершенно отдѣльно. За этимъ небольшимъ домомъ хозяинъ ухаживаетъ съ своей женой чрезвычайно заботливо: они знаютъ, что со временемъ ихъ положеніе въ семействѣ совсѣмъ переменится. У нихъ есть дѣти, и старшій сынъ уже прекрасный работникъ; но, не смотря на это, отецъ требуетъ отъ него полного повиновенія. Но вотъ сынъ задумалъ жениться, и послѣ этого, если отецъ что и приказываетъ ему, то непременно прибавляетъ: «это мое мнѣніе, но ты можешь поступать, какъ знаешь». Сынъ женился, и послѣ первой ссоры съ нимъ или съ его женой, старикъ говорить, обращаясь къ женѣ: «старуха, намъ пора въ нашъ домикъ», — другими словами, это означаетъ: намъ нужно разойтись и отправиться въ свой собственный домъ. Въ этомъ ему обыкновенно никто не прекословитъ, и послѣ того, уже на другой день, въ домѣ появляются оцѣнщики, которые записываютъ все, что стоитъ или лежитъ въ домѣ, и затѣмъ спрашиваютъ у старика, нѣтъ-ли у него еще чего-нибудь. Все тайное имущество онъ долженъ теперь обнаружить, обо всемъ, что онъ скопиль, долженъ отдать отчетъ: ему ничто больше не принадлежитъ здѣсь. Теперь Францель-Тони-Хіасль владѣетъ только маленькимъ домикомъ и при этомъ небольшою полоскою пахотной земли. Послѣ раздѣла сынъ обязанъ выдавать отцу ежегодно изъ своего хозяйства 3 осьмины зерна, 20 ф. сала и одежду. Не смотря на то, что громадное большинство крестьянъ, имѣющихъ эти отдѣльные домики, именно

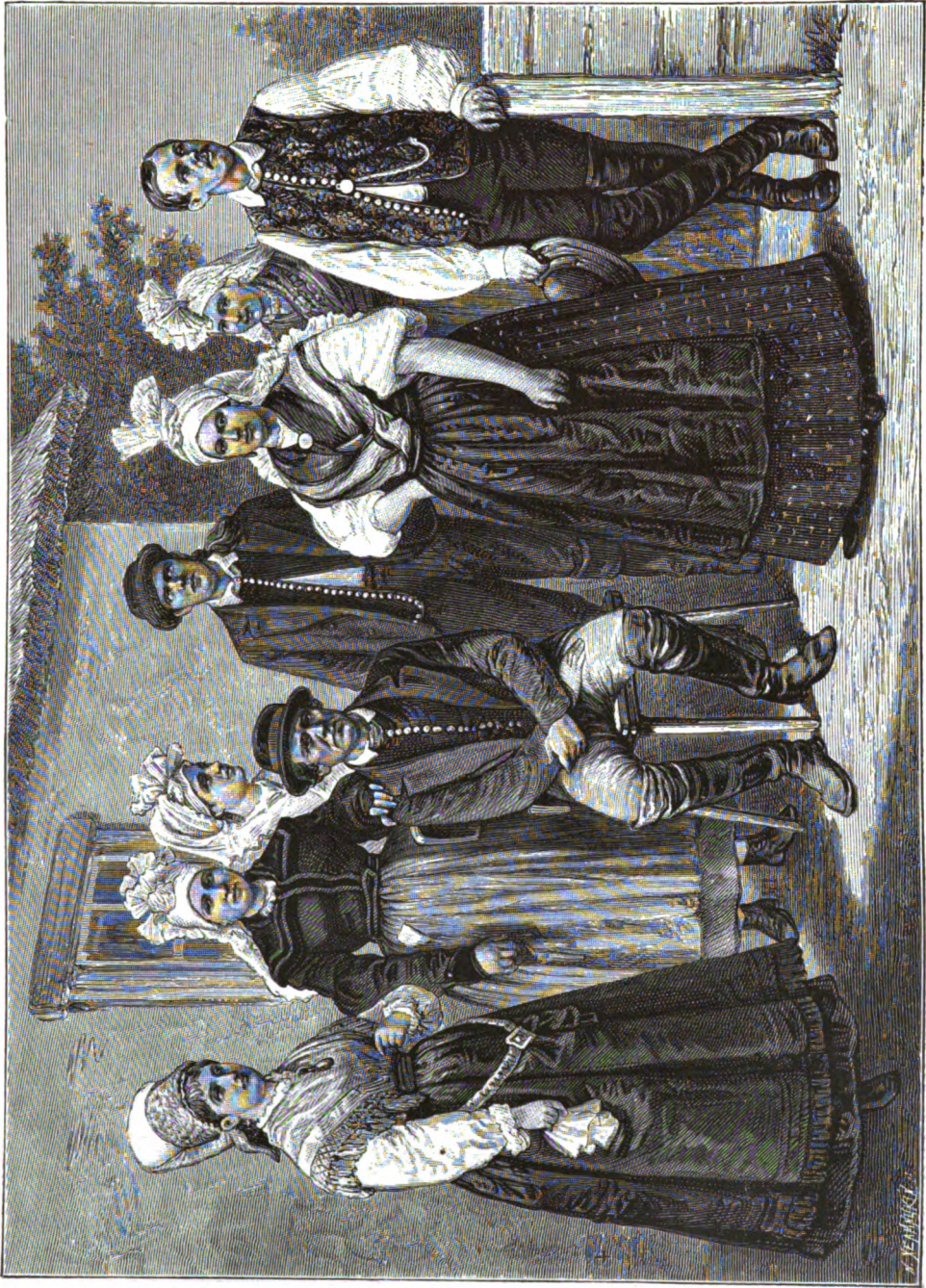
въ нихъ кончаютъ свою жизнь, т. е. дѣлятся съ своими сыновьями, тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ обыкновенно думаетъ, что у него съ сыномъ дѣло до этого не дойдетъ: вѣдь съ нимъ и съ его женой такъ легко ужиться; къ тому-же Гансль не похожъ на другихъ: онъ не женится на сварливой и никогда не пожелаетъ разойтись съ своими родителями. Но Гансль, какъ и его отецъ, который, женившись 30 лѣтъ тому назадъ, пожелалъ разойтись съ своими родителями, не сталъ умолять отца остаться съ нимъ, когда тотъ выразилъ желаніе уйти въ свой домикъ, а черезъ полчаса съ радостію побѣжалъ пригласить на другой день оцѣнщиковъ. И теперь, когда они покончили свое дѣло и вписали все имущество, Гансль спокойно подписываетъ свое имя подъ описью и для того-же подноситъ документъ отцу. Старый крестьянинъ съ женой только дѣлаютъ крестики на бумагѣ, такъ какъ они не умѣютъ писать. Съ этого времени старики больше не хозяева: хозяиномъ теперь женатый сынъ, и дворъ называется по его имени дворомъ Тони-Хіасля-Гансля. Старикамъ приходится на старости лѣтъ больше работать, чѣмъ прежде: у нихъ нѣтъ работника, который могъ бы легко управляться съ лопатой, нѣтъ вьючной скотины, которая бы тащила плугъ и на которой можно было бы свезти небольшую жатву въ амбаръ, — имъ все теперь приходится дѣлать вдвоемъ, собственными руками. Конечно, молодому крестьянину слѣдовало бы помочь старикамъ, но онъ думаетъ теперь только о своемъ семействѣ и о томъ, какъ бы лучше поддержать свой дворъ. Но старики скоро успокаиваются и не попрекаютъ этимъ сына, хотя первое время и не ходятъ къ нему въ гости. Но, когда въ домѣ Тони-Хіасля-Гансля начинаетъ пищать маленькое существо, старуха не можетъ болѣе выдержать и отправляется въ домъ молодыхъ. Старикъ болѣе гордъ и, входя въ домъ сына первый разъ послѣ дѣлежа, не говоритъ, что пришелъ его провѣдать или посмотреть внука, а показываетъ видъ, что ищетъ молитвенникъ или какую-нибудь другую вещь.

СЛОВЕНЦЫ.

Ихъ численность и религія. — Страсть къ богомольямъ. — Характеръ народа, его одежда, жилище, языкъ, занятія, жизнь, суевѣрія, нравы и обычаи.

Родина словенцевъ—нынѣшняя Австрія; хотя ихъ насчитываютъ въ этой странѣ до 1.300,000 ч. и они представляютъ совершенно особую отрасль юго-славянскаго міра, мы, русскіе, знаемъ о нихъ менѣе, чѣмъ о всѣхъ остальныхъ славянахъ. Ихъ называютъ не только словенцами, но также хорутанами, виндами, словинцами. Болѣе всего ихъ живетъ въ герцогствѣ Крайнѣ и въ Штиріи: въ первой ихъ считаютъ до 400,000, а во второй, т. е. въ Штиріи, до 410,000; но ихъ немало также и въ другихъ частяхъ Австрійской Имперіи: въ Каринтіи 100,000, въ графствахъ Гёрцъ и Градиска и въ маркграфствѣ Истрии съ Триестомъ 300,000; кромѣ того они занимаютъ полосу земли въ западной Венгріи въ числѣ 55,000 ч.; остальные въ небольшомъ числѣ живутъ въ Кроаціи.

По вѣроисповѣданію всѣ словенцы католики; только въ Венгріи, въ четырехъ приходахъ, около 15,000 протестантовъ. Хотя словенцы народъ религіозный, но во многихъ мѣстностяхъ, населенныхъ ими, церквей весьма недостаточно: жители деревенскихъ захолустьевъ часто по году не бываютъ въ церквахъ, которыя, какъ и часовни, находятся иногда въ очень далекомъ разстояніи, и имъ приходится молиться, нерѣдко впродолженіи года, лишь у подорожнаго креста. Зато свои религіозныя чувства они удовлетворяютъ богомольями, которыя очень распространены между ними. На эти богомолья отправляются въ разныя мѣстности иногда дальше, иногда ближе отъ родной деревни, смотря по объѣту. Какъ бы то ни было, путешествія эти происходятъ обыкновенно лѣтомъ и отнимаютъ у богомольцевъ по двѣ и по три недѣли времени. За зиму почти всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, успѣютъ надавать множество объѣтовъ, общая патронамъ за исполненіе просьбы наложить на себя какую-нибудь эпитимію, въ видѣ поста, усиленной молитвы или путешествія на богомолье. Эпитиміи и объѣты словенцы исполняютъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ: въ продолженіи всего лѣта, по всѣмъ дорогамъ Крайны, Штиріи и Каринтіи всегда можно видѣть толпы словенцевъ, отправляющихся на богомолье. Но, къ сожалѣнію, эти богомолья совершаются въ самую горячую рабочую пору и отрываютъ отъ полезнаго труда множество рабочихъ рукъ. Особенно вредное вліяніе имѣютъ эти богомолья на замужнихъ женщинъ. Иная даетъ объѣтъ разнымъ патронамъ и патронессамъ, и на поклоненіе имъ ей приходится отправляться

въ различныхъ мѣстности и совершать свои путешествія въ нѣсколько приѣмовъ, что зачастую совсѣмъ отбиваетъ ее отъ исполненія семейныхъ обязанностей и создаетъ всѣмъ извѣстный типъ бродяги-богомолки. Богомолцы, возвращаясь домой, приносятъ изъ святыхъ мѣстъ свѣчи, образки, четки, ладонки, крестики и другіе освященные предметы, называемые «отпущеніями»; они пользуются въ народѣ всеобщимъ уваженіемъ, высокимъ почетомъ и вѣрой въ ихъ силу и значеніе и носятъ обыкновенно характеръ чисто языческій.

На словенцахъ рѣзко отразилась зависимость тѣлесныхъ и умственныхъ качествъ отъ внѣшнихъ условій, отъ климата и почвы. Въ горныхъ странахъ, въ Верхней Крайнѣ и Каринтіи, отчасти также во Внутренней Крайнѣ и въ береговой странѣ вы видите передъ собой здоровый, широкоплечій народъ съ крѣпкой мускулатурой, съ загорѣлымъ лицомъ. Между словенцами жители альпійскихъ мѣстностей превосходятъ физической силой всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Въ холмистой странѣ, особенно тамъ, гдѣ растетъ виноградъ, словенцы ниже ростомъ, болѣе тощи и въ то же время подвижнѣе, но и тутъ между ними мало слабыхъ. Согласно съ этимъ и выраженіе лица; между тѣмъ какъ въ фізіономіи штирійца замѣтна нѣкоторая безпечность и веселость, въ складѣ характера лица жителя Нижней Крайны проглядываетъ какое-то особенное равнодушіе, если не сказать тупость; за то спокойное лицо жителя Внутренней Крайны и береговой страны носятъ на себѣ отпечатокъ поразительной рѣшительности, а широкій лобъ и блестящіе глаза жителя Верхней Крайны свидѣтельствуютъ о его несомнѣнныхъ дарованіяхъ. Во внутренней Крайнѣ можно встрѣтить чисто-славянскія фізіономіи, напоминающія поляковъ.

Женскій полъ въ этомъ отношеніи не уступаетъ мужскому, однако нужно замѣтить, что свѣжесть молодости и красота скоро увядаютъ: это впрочемъ общая черта всѣхъ женщинъ названныхъ странъ, къ какой-бы національности онѣ ни принадлежали.

Старинный національный костюмъ быстро исчезаетъ, и словенцы все болѣе начинаютъ носить такой же костюмъ, какъ жители сосѣднихъ областей. Но еще очень многихъ изъ нихъ можно встрѣтить въ шляпѣ съ широкими полями, украшенной у богатыхъ золотымъ снуркомъ съ длинными кистями. Но громадное большинство мужчинъ носятъ обыкновенную, круглую шляпу, то болѣе, то менѣе высокую; очень узкіе штаны запряганы въ чрезвычайно высокіе сапоги. Остальной костюмъ состоитъ изъ короткой куртки (kamzōla) и изъ жилета съ густымъ рядомъ металлическихъ, нерѣдко серебряныхъ пуговицъ. Зимой они носятъ длинный тулупъ, «kôžuh», расшитый на спинѣ красивыми цвѣтами и арабесками изъ разноцвѣтныхъ ремней и маленькую мѣховую шапку. Но всего оригинальнѣе то, что отъ снѣга и дождя употребляютъ большіе зонтики изъ бѣлой, крѣпко проклеенной парусины, которая отличается необыкновенною своею прочностію. Усы и бороду брѣютъ. Въ береговой странѣ носятъ башмаки, чулки и штаны до колѣнъ.

Женщины въ молодости красивы и статны; самое оригинальное и бросающееся въ глаза въ ихъ костюмѣ, это ихъ головной уборъ «печа» (peča). Это ничто иное, какъ большой бѣлый платокъ изъ миткаля или холстины, вышитый по угламъ красивыми узорами и которымъ онѣ въ высшей степени своеобразно драпируютъ голову. Печа красиво спускается на спину до талии и большимъ пѣтушинымъ гребнемъ торчатъ на головѣ. Этотъ головной уборъ всегда блеститъ бѣлизною и очень идетъ къ свѣжему, румяному лицу. Волосы дѣвушекъ зачесаны въ двѣ косы и въ нихъ вплетены черныя, красныя и голубыя ленты, которыя висятъ на спинѣ и рѣзко выдѣляютъ ихъ изъ толпы замужнихъ женщинъ, которыя прячутъ свои волосы, прикрѣпленные гребнемъ къ макушкѣ, подъ платокъ. Въ Верхней Крайнѣ, вмѣсто печи, многія носятъ плотно обтягивающій

голову чепчикъ, а во Внутренней Крайнѣ—такую-же мѣховую шапку, какъ и мужчины. Лѣтній женскій нарядъ составляютъ: рубаха съ короткими рукавами и пестрый шелковый платокъ (*tuta*), покрывающій шею и грудь; онъ-то и есть самая шегольская часть наряда, потому что молодой человекъ подноситъ своей возлюбленной «руту», а она его за это отдариваетъ бѣлымъ, вышитымъ красною бумагою, носовымъ платкомъ. Юбка сборчатая; прежде ее дѣлали изъ коричневаго сукна и убирали внизу голубыми и красными шелковыми лентами, но теперь, особенно вблизи городовъ, его начинаютъ замѣнять разныя новомодныя пестрыя матеріи, шерстяныя, а часто и шелковыя. Поверхъ юбки носятъ передникъ. Прежній нарядъ вполнѣ сохранился только у старухъ да въ горахъ Верхней Крайны. Ноги обуты въ красивые, бѣлые бараньи сапожки, съ голубыми или зелеными кожанными полосками; впрочемъ и здѣсь все болѣе входятъ въ моду башмаки нѣмецкаго или французскаго фасона. Зимю женщины также надѣвають шубу, или черную, немного ниже пояса, или длинную бѣлую, ниже колѣнъ; у послѣдней полы обыкновенно отворочены и концы назадъ сшиты. Вообще словенцы любятъ пестроту; самые употребительные у нихъ цвѣта: бѣлый, синій и красный.

Дома чаще всего строятъ изъ дерева, но болѣе зажиточные предпочитаютъ кирпичъ и камень; старинныя соломенные крыши все болѣе исчезаютъ. У бѣдныхъ передъ домомъ, подъ навѣсомъ, сложены дрова. Домъ состоитъ изъ большой комнаты и нѣсколькихъ маленькихъ. Въ большой комнатѣ, со скамейками вокругъ стѣнъ, болѣе всего мѣста занимаетъ огромная печь, въ которой пекутъ и варятъ. Въ эту комнату все семейство сходится для ѣды и зимю проводятъ весь вечеръ, а маленькія комнаты служатъ спальнями и кладовыми. Хлѣвъ и овинъ всегда стараются строить отдѣльно отъ жилого дома. Большую часть двора занимаетъ навозная куча, что очень вредно въ гигиеническомъ отношеніи. Кромѣ этихъ построекъ, въ Крайнѣ есть еще «*kozolec*», въ которыхъ просушиваютъ хлѣбъ. Вообще въ постройкахъ словенцевъ теперь проглядывается желаніе лучше устраивать свои дома, что происходитъ отчасти отъ давленія начальства, которое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ запрещаетъ соломенные крыши и разныя первобытныя украшенія, отчасти отъ распространенія образованія, которое хотя идетъ весьма туго, но все-таки подвигается впередъ.

Словенцы обладаютъ недюжинными умственными способностями, но чтобы подмѣтить ихъ, приходится долго прожить въ странѣ и нужно имѣть особенную способность сблизиться съ народомъ, такъ какъ онъ выставляетъ на видъ лишь свои дурныя качества. И при этомъ въ отношеніи къ иностранцамъ словенцы держатъ себя въ высшей степени холодно и скрытно. По отзывамъ компетентныхъ людей, учащіеся словенцы обнаруживаютъ быстрое соображеніе, большую любознательность, живость, воспріимчивость и много охоты къ ученію, которое имъ дается очень легко. Болѣе всего способностей они обнаруживаютъ при изученіи языковъ, что происходитъ отчасти потому, что уже съ дѣтства большинство изъ нихъ близко соприкасается съ нѣмцами и итальянцами и поэтому часто привыкаетъ говорить на трехъ языкахъ. Стоитъ молодому парню хотя на нѣкоторое время выѣхать изъ своей страны, и онъ имѣетъ уже видъ человека бывалаго, даже интеллигентнаго, умѣетъ хорошо и интересно изложить все, что онъ видѣлъ. Особенно много между словенцами самоучекъ, не только въ области техники, но и въ искусствахъ. Кто жилъ между ними, тому приходилось часто удивляться необыкновенно искуснымъ плотникамъ и жалѣть, что они не имѣли случая получить основательнаго техническаго образованія. Еще чаще приходилось ему наталкиваться на живописцевъ-самоучекъ, которыхъ иконы и картины говорили о большомъ дарованіи, хотя писавшіе ихъ никогда не учились въ школѣ и не имѣли понятія о перспективѣ.

Словенцы страстно любятъ музыку, особенно пѣніе. Къ сожалѣнію, католическіе

патеры уже давно начали вооружаться и до сихъ поръ вооружаются противъ свѣтскихъ пѣсенъ и свѣтской музыки: вотъ почему теперь забыто много прекрасныхъ народныхъ пѣсенъ; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, очевидно принадлежавшихъ къ глубокой старинѣ, остался только текстъ, да и то, чтобы съ нимъ познакомиться и заставить его передать, нужно приобрѣсти большое довѣріе словенца. Особенно трудно заставить его что-нибудь рассказывать, если только онъ замѣтитъ, что вы желаете записать. Это недовѣріе и недружелюбіе къ иностранцу очень понятно. Отъ всѣхъ несловенцевъ этотъ несчастный славянскій народъ до самого послѣдняго времени видѣлъ только презрѣніе, слышалъ язвительныя насмѣшки надъ его старыми пѣснями и надъ его языкомъ, который былъ языкомъ самого неразвитаго простонародья.

Словенцамъ, какъ и всѣмъ славянамъ западной Европы, пришлось много вынести притѣсненій за свою національность. Ни одно славянское племя Австріи не было онѣмчено въ такой степени, какъ хорутанское, но даже и въ самое несчастное время въ немъ жила истинная любовь къ своей народности. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ нашего столѣтія многіе путешественники говорили о томъ, какіе глубокіе корни пустила германизация среди словенцевъ. Не только въ городахъ, но часто даже въ деревняхъ можно было встрѣтить немало словенцевъ, забывшихъ свой языкъ, или такихъ, которые на половину примѣшивали къ нему нѣмецкія слова. Но съ 1860 г. между ними началось особенно сильное пробужденіе народнаго самосознанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возрожденіе, въ пользу котораго съ полнымъ самоотверженіемъ стали работать народные патриоты. Здѣсь встаетъ будетъ сказать нѣсколько словъ о языкѣ.

Изъ всѣхъ живыхъ славянскихъ языковъ хорутанскій ближе всего подходитъ къ старо-славянскому. У словенцевъ Штиріи, Каринтіи, Крайны и береговой страны существуетъ одинъ и тотъ-же письменный языкъ. Такимъ образомъ словенцы всѣхъ названныхъ мѣстностей имѣютъ одинъ общій латинскій алфавитъ и одинъ, общій имъ всѣмъ, литературный языкъ. Но венгерскіе словенцы имѣютъ свою собственную орфографію; что-же касается кرواتскихъ словенцевъ (которыхъ хорваты называютъ «кайкавцами», потому что на ихъ языкѣ вопросъ выражается словомъ «кај», тогда какъ хорваты и и сербы вмѣсто этого употребляютъ слово «ѣто» и поэтому называются «штокавцами»), то они съ 1836 г. имѣютъ одинъ общій письменный языкъ съ хорватами.

Въ 1848 г. хорутанскій языкъ въ гимназіяхъ, въ самыхъ маленькихъ классахъ, преподавался только для желающихъ. Съ 1852 г. его преподаваніе сдѣлалось обязательнымъ, по 2 часа въ недѣлю, а черезъ нѣсколько лѣтъ къ этому прибавили и еще одинъ урокъ. Въ реальныхъ-же училищахъ преподаваніе хорутанскаго языка въ различныхъ частяхъ территоріи словенцевъ ведется различно, но большею частью такъ, что оно стоитъ гораздо ниже преподаванія французскаго и англійскаго языковъ. Въ среднихъ школахъ въ 1871 г. былъ сдѣланъ шагъ къ окончательному уравниенію правъ языковъ, и въ краинскихъ гимназіяхъ было даже дозволено преподавать словенцамъ нѣкоторые предметы на ихъ родномъ языкѣ, что и было исполнено въ скоромъ времени въ трехъ гимназіяхъ; но въ слѣдующемъ году возвратились къ прежнему порядку вещей. Въ настоящее время въ Крайнѣ, въ тѣхъ трехъ гимназіяхъ, о которыхъ мы только-что упоминали, нѣкоторые предметы въ 1-мъ и во 2-мъ классѣ преподаются по хорутански, но остальные съ перваго-же класса и вообще всѣ предметы, начиная съ 3-го класса, преподаются по нѣмецкимъ учебникамъ и на нѣмецкомъ языкѣ. Во всѣхъ же остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ хорутанской территоріи преподаваніе съ самыхъ маленькихъ классовъ ведется уже по-нѣмецки.

Въ народныхъ школахъ преподаваніе ведется по большей части на хорутанскомъ языкѣ; однако въ Штиріи и Каринтіи до того стараются навязать даже народнымъ шко-

ламъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, что совершенно упускають изъ виду главную цѣль народной школы. Хотя многіе словенцы уже съ дѣтства знаютъ нѣмецкій, а иногда и итальянскій языки, тѣмъ не менѣе совершенно свободно громадное большинство говорить только на своемъ родномъ языкѣ. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что не достигаютъ ни той, ни другой цѣли, такъ какъ дѣти плохо учились въ школѣ, мало понимая нѣмецкій языкъ, а по выходѣ скоро забыли и все то малое, что усвоили; между тѣмъ они не заинтересовались въ школѣ и чтеніемъ народныхъ книгъ, такъ какъ хорутанскій языкъ былъ въ загонѣ. Въ данную минуту самое горячее стремленіе хорутанскихъ патриотовъ сдѣлать всѣ элементарныя школы исключительно народными. Однако, не смотря на многія неблагопріятныя условія и на враговъ, которые постоянно тормозятъ національное развитіе словенцевъ, они въ этомъ отношеніи въ послѣднее время сильно продвинулись впередъ: проповѣди почти по всей Крайнѣ говорятъ на хорутанскомъ языкѣ; кромѣ того въ этой странѣ выходитъ теперь много періодическихъ изданій на этомъ языкѣ, существуетъ даже политическая газета; во всѣхъ же трехъ хорутанскихъ областяхъ насчитываютъ до тридцати періодическихъ изданій и изъ нихъ три политическія газеты.

Низшіе чиновники начинаютъ обходиться съ народомъ безъ помощи толмача, хотя они иногда говорятъ очень плохо по-хорутански, но за то въ официальныхъ сношеніяхъ въ Каринтіи и Штиріи преобладаетъ нѣмецкій языкъ, а на итальянской границѣ—итальянскій. И теперь преслѣдованіе хорутанской національности, хотя и несравненно слабѣе, тѣмъ не менѣе отъ времени до времени выступаетъ съ полною безцеремонностью. Еще недавно въ Нижней Штиріи одному священнику грозили отставкой, если онъ свои записи будетъ вести на хорутанскомъ языкѣ. Однако хорутанскіе адвокаты и нотариусы начинаютъ вводить въ употребленіе прошенія и свидѣтельства на своемъ родномъ языкѣ; были даже случаи судебныхъ рѣшеній на этомъ языкѣ. Но окончательной равноправности въ этомъ отношеніи словенцы должны ждать въ будущемъ.

Какъ-бы то ни было, теперь словенцы уже рѣдко слышатъ насмѣшки надъ своимъ языкомъ и пѣснями: ихъ патриоты въ теченіи десяти лѣтъ учредили до шестидесяти народныхъ читаленъ и устроили нѣсколько обществъ съ цѣлію спасти отъ забвенія сокровища старинныхъ вѣрованій и національной поэзіи. Но эта работа оказывается слишкомъ трудной, такъ какъ многое уже безвозвратно потеряно и забыто.

Самая характерная черта семейной жизни словенцевъ—необыкновенное трудолюбіе: нерѣдко женщина идетъ по полю за коровой, которая тянетъ борону, кормить дитя, привязанное къ груди полотенцемъ, и въ тоже время прядетъ, заткнувши прялку за поясъ; пастухъ, наблюдая за овцами или козами, вяжетъ чулокъ или что-нибудь шьетъ. Здѣсь также часто можно видѣть, что женщина исполняетъ самыя тяжелыя, мужскія работы, напр. рубить дрова, поправляетъ избу, а мужчину не рѣдкость застать за стравней или за льномъ. Кромѣ земледѣлія, гдѣ оно возможно, во многихъ мѣстностяхъ занимаютъ охотой: особеннаго рода стѣтью ловятъ лисицъ. Кромѣ сельскаго хозяйства лѣтомъ, во многихъ мѣстностяхъ готовятъ глиняную и деревянную посуду, а осенью нѣкоторые заняты приготовленіемъ горныхъ салазокъ; другіе ищутъ работы на фабрикахъ.

Отношенія между собой членовъ семьи чрезвычайно холодныя: отецъ считаетъ неприличнымъ открыто показать свою любовь женѣ и дѣтямъ. Судя по виѣшности, посторонній человекъ могъ-бы счесть мужа, жену и дѣтей одного семейства людьми совершенно посторонними другъ другу: такъ холодны ихъ взаимныя отношенія; однако сердце ихъ чувствуетъ такъ-же глубоко, какъ и у тѣхъ, у кого эти чувства проявля-

ются наружу. Мужъ въ семействѣ — глава и властелинъ, и женщина вполне должна повиноваться ему. Во многихъ обычаяхъ, напр. свадебныхъ, еще до сихъ поръ сохранились намеки на похищеніе дѣвушекъ, существовавшее въ глубокой древности. Тѣмъ не менѣе ея положеніе вовсе не такъ отчаянно, какъ многіе это думаютъ. Это видно изъ того, что хотя женщина и занимается часто трудными мужскими работами, но за то и мужчины здѣсь въ высшей степени трудолюбивы, и въ управленіи хозяйствомъ жена дѣйствуетъ совершенно самостоятельно. Не даромъ здѣсь существуетъ поговорка: «жена подпираетъ три угла дома, а мужъ одинъ», — изъ этого ясно, какъ они цѣнятъ дѣятельность женщины. Кстати замѣтимъ, что народная мудрость словенцевъ лучше всего проявляется въ ихъ поговоркахъ: въ нихъ характерно выражается образъ народного мышленія и онѣ не уступаютъ пословицамъ и поговоркамъ другихъ народовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ слѣды глубокой древности и принадлежать дохристіанскому періоду; онѣ тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія со стороны историка культуры и этнографа, что, вмѣстѣ съ нѣкоторыми обычаями и суевѣріями, представляютъ единственный источникъ, по которому можно возстановить миѳологию народа, при чемъ, конечно, часто трудно бываетъ рѣшить, что слѣдуетъ считать общимъ индо-европейскимъ и что исключительно славянскимъ достояніемъ.

Самымъ крупнымъ недостаткомъ характера словенца можно считать его склонность къ буйству, что обыкновенно происходитъ, когда онъ разгорячится виномъ. Хотя словенцы, какъ мы уже говорили, чрезвычайно холодно и недовѣрчиво относятся къ иностранцамъ, но они тотчасъ мѣняютъ свои отношенія къ нимъ, когда услышатъ отъ нихъ хотя одно слово на родномъ языкѣ. Словенцы отличаются не только трудолюбіемъ, но и бережливостью: каждый изъ нихъ много разъ перевернетъ крейцеръ, прежде чѣмъ окончательно проститься съ нимъ, тѣмъ не менѣе въ его характерѣ чрезвычайно много пустаго и мелкаго тщеславія, которое мѣшаетъ ему сберечь деньги на черный день. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ вынести намека на то, что онъ боится жены, что никто въ его семействѣ не обращаетъ на него вниманія, или насмѣшку надъ его скупостью и бережливостью. Самаго умнаго, почтеннаго и трудолюбиваго главу семейства можно такъ этимъ подзадорить, что онъ броситъ все срочное дѣло, семью и, чтобы показать несправедливость нареканій, на зло отправится въ трактиръ и просадитъ тамъ все до послѣдней копейки. Онъ не разбираетъ даже того, что все это сказано часто изъ зависти, съ цѣлю отбить его отъ работы... Въ такую минуту онъ ни о чемъ не размышляетъ и болѣе всего злится на свою, ни въ чемъ неповинную жену и сидитъ въ трактирѣ нѣсколько часовъ сряду, чтобы убѣдить всѣхъ присутствующихъ въ томъ, что онъ повадки въ своемъ домѣ никому не даетъ и не жалѣетъ крейцера. Это вздорное тщеславіе часто отвлекаетъ отъ домашнихъ обязанностей лучшихъ хозяевъ, и увѣщанія домашнихъ еще болѣе раздражаютъ ихъ. Нельзя пройти молчаніемъ и ихъ страсть къ сутяжничеству и хвастовству. Не смотря на недостатки, словенцы обладаютъ и многими прекрасными качествами. Одно изъ самыхъ выдающихся — строгое исполненіе даннаго слова, которое они обыкновенно подкрѣпляютъ рукоятіемъ; такое обѣщаніе у нихъ священо и имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ формальное обязательство: только одна смерть можетъ освободить словенца отъ выполненія даннаго слова. Искренняя привязанность къ родинѣ тоже составляетъ его отличительную черту и идетъ у него рука объ руку съ любознательностью, съ стремленіемъ въ даль, съ желаніемъ все повидать; молодой человекъ, разъ побывшій на чужой сторонѣ, всегда стремится опять пуститься хотя въ маленькое путешествіе. Эта любознательность, которая, не смотря на любовь къ родинѣ, влечетъ его посмотреть, какъ на бѣломъ свѣтѣ люди жи-

вуть, развивають въ немъ умѣнье найтись въ новой мѣстности, ограждаетъ и отъ тоски по родинѣ, которая нерѣдко совсѣмъ губить людей другихъ національностей.

Словенцевъ уже издавна считаютъ народомъ храбрымъ и мужественнымъ, что они достаточно выказали во время многихъ войнъ, въ особенности, когда борьба шла изъ-за чего-нибудь такого, что они могли понимать, чему могли сочувствовать. Популярный и умный предводитель, который сумѣетъ приобрести ихъ довѣріе, можетъ вести ихъ къ самымъ отчаяннымъ подвигамъ.

Какъ только выпадаетъ первый снѣгъ, вся семья начинаетъ жить тѣснѣе. Въ жилой комнатѣ вечеромъ со всѣхъ сторонъ жужжатъ прялки, а хозяинъ сидитъ за ткацкимъ станкомъ и третъ холстъ для домашняго употребленія. Здѣсь, во время вечернихъ посидѣлокъ, красавицы сближаются съ своими поклонниками, рассказываютъ сказки, поютъ. Старыя женщины, одна за другой, пересказываютъ страшные случаи и событія, гдѣ главную роль играетъ безконечное число суевѣрій. Мать въ сотый разъ въ эту зиму передаетъ дѣтямъ о свѣтлыхъ ангелахъ, каждый вечеръ зажигающихъ тысячи маленькихъ свѣчекъ, которыя звѣздочками освѣщаютъ землю. Когда человѣкъ умретъ, тѣ-же самые ангелы тушатъ эти звѣздочки, и онѣ длинной дугой падаютъ на землю. То старикъ рассказываетъ о вилахъ и дикихъ женщинахъ, или о языческихъ дѣвушкахъ, которыя когда-то, въ доброе, старое время, весною, кричали съ ближайшаго холма крестьянину, когда ему приходилось садить горохъ, сѣять хлѣбъ и исполнять разныя работы, и какое счастье приносили онѣ тому, кто слушался ихъ. Затѣмъ то одинъ, то другой изъ присутствующихъ рассказываютъ о существѣ, напоминающемъ получеловѣка и полубыка, которое покровительствуетъ тѣмъ, кто никогда надъ нимъ не издѣвался. Но какая бѣда угрожаетъ тому, кто его раздражалъ, особенно если кто осмѣлился показать ему указательный палецъ и мизинецъ, т. е. сдѣлать рога. О! такого дерзкаго онъ моментально забрасываетъ каменными глыбами. Болѣе всего рассказовъ идетъ о дикомъ человѣкѣ, живущемъ въ лѣсу, о водяномъ, который построилъ себѣ дворецъ въ глубинѣ рѣки. Этотъ водяной, по рассказамъ старухъ, нерѣдко является на хоробы, превратившись въ галантнаго рыцаря, очаровываетъ какую-нибудь красавицу, танцуетъ съ ней, пока не наступитъ вечеръ, и тогда дикимъ галопомъ увлекаетъ ее въ свое водяное царство. Дѣвушкамъ любопытно слушать о «Торкѣ» (Торка), которая въ ночь съ субботы на воскресенье запутываетъ пряжу на прялкахъ лѣнивыхъ; о Морѣ, которая пугаетъ заспавшихся, о вампирахъ, которые мучатъ даже послѣ смерти. Затѣмъ заходитъ рѣчь о пророчествахъ сивилль, и всѣ, одинъ за другимъ, подтверждаютъ, какъ оправдались ихъ предсказанія. Пророчества сивилль представляютъ интересъ уже потому, что бросаютъ особенный свѣтъ на національно-экономическія понятія народа. Въ Крайнѣ по этому поводу говорятъ, что въ книгѣ сивилль предсказано время, когда передъ каждой мельницею будетъ стоять сборщикъ податей, который строго будетъ требовать пошлину съ каждаго крестьянина, привезшаго свой хлѣбъ для помола. Но вотъ является на мельницу крестьянинъ съ послѣднимъ мѣшкомъ зерна; раздраженный требованіями сборщика, онъ убиваетъ его дышломъ, послѣ чего поднимается страшный вѣтеръ и непогода, все приходитъ въ совершенный беспорядокъ, между людьми сумятица, и такъ много пролито человѣческой крови, что мельничныя колеса приходятъ въ движеніе. Но за то послѣ этого все стихаетъ и во всемъ свѣтѣ наступаетъ всеобщій миръ.

Вмѣстѣ съ этими предсказаніями часто встрѣчаешь и слѣды апокрифической литературы, такъ напр. сказаніе о происхожденіи міра изъ песчинки, которую сатана, по повелѣнію Божьему, вытащилъ со дна первобытнаго океана. Но сатана, рассказываютъ крайнцы, хотѣлъ при этомъ обмануть Бога, вытащилъ песчинку, чтобы и для

себя сотворить изъ нея другую землю; но когда, по слову Божьему, вытщенная изъ моря песчинка стала все болѣе увеличиваться и образовалась ровная и гладкая земля, песчинка, спрятанная во рту сатаны, тоже стала расти, такъ что онъ принужденъ былъ ее выплюнуть, и она образовала горы и скалы.

На этихъ посидѣлкахъ вы услышите также много разсказовъ о колдунахъ, заклинаніяхъ, объ изгнаніи бѣсовъ, о томъ, какъ вызываютъ непогоду.

Словенцы очень зорко слѣдятъ за явленіями природы, но многія изъ нихъ они совсемъ не понимаютъ и объясняютъ очень оригинально: блестящій метеоръ, летящій по небу, — святой, который отправляется въ гости къ другому святому; блескъ его происходитъ, по ихъ объясненіямъ, оттого, что въ эту минуту раскрывается небо, но сейчасъ затѣмъ опять закрывается. Счастливы тотъ, кто въ эту минуту успѣетъ высказать словами свое желаніе: оно непремѣнно исполнится. Громъ и молнія происходятъ оттого, что пророкъ Ілія, замѣнившій въ народномъ представленіи языческаго Перуна, гоняется за сатаной; при этомъ онъ приходитъ въ такую ярость, что сокрушилъ бы весь свѣтъ, если бы его не удерживалъ Господь. Эта ярая погоня наводитъ на сатану такой страхъ, что онъ прячется подъ крестомъ; поэтому матери учатъ дѣтей своихъ не прятаться во время грома и молніи подъ крестомъ, такъ какъ св. Ілія, чтобы сокрушить спрятавшася подъ нимъ сатану, можетъ разбить въ дребезги крестъ и при этомъ нечаянно повредить дѣтямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ словенцы объясняютъ громъ и молнію тѣмъ, что надъ землею носится драконъ, который извергаетъ изъ пасти пламя и своимъ хвостомъ опрокидываетъ деревья и башни. Противъ грозы у словенцевъ не мало средствъ. Они вѣрятъ, что, стрѣляя въ облака освященнымъ горохомъ, они убиваютъ вѣдьмъ; зажигая освященные вербы, избавляютъ поле отъ града. Но не одні вѣдьмы производятъ здѣсь непогоду; высоко на Альпахъ есть отверстіе, и, если брошенный камень нечаянно попадетъ въ него, поднимется страшная буря. Вообще гора — родина многихъ суевѣрныхъ представленій, но въ то-же время и національной поэзіи.

Въ устахъ народа еще существуетъ богатый запасъ сказокъ, но въ особенности поэзіи словенцевъ богата былинами, которыя тѣсно примыкаютъ къ былинамъ многихъ другихъ славянъ; такъ напр. у нихъ существуютъ преданія о Маркѣ Кралевичѣ, національномъ героѣ сербо-хорватовъ и болгаръ. Послѣ Марко въ былинахъ словенцевъ преобладаетъ личность короля Матвѣя Корвина, съ именемъ котораго соединилось много сказочнаго. Между прочимъ о немъ разсказываютъ, что онъ, сидя за столомъ, спитъ съ своимъ войскомъ въ гротѣ. Когда борода его семь разъ обростетъ вокругъ стола, за которымъ онъ сидитъ, онъ выйдетъ съ своимъ войскомъ изъ грота и водворитъ миръ на землѣ.

Самые важные обычаи сохранились во время различныхъ праздниковъ; при этомъ многіе языческіе обычаи, подъ вліяніемъ христіанства, получили новыя толкованія, иные были перенесены на другіе праздники, тѣмъ не менѣ во многихъ изъ нихъ можно ясно видѣть языческое происхожденіе. Слѣды языческихъ вѣрованій остались и въ названіяхъ мѣстностей: напр. «Perkunja ves», «Perkunja vrh», которые во всякомъ случаѣ происходятъ отъ имени языческаго бога Перуна. Подтверженіемъ сказаннаго можетъ служить также и то, что у жителей нѣкоторыхъ мѣстностей до сихъ поръ существуетъ проклятіе: «Перунъ те убій».

Времяпрепровожденіе на праздникахъ и обычаи, связанные съ ними, могутъ только дополнить картину жизни словенцевъ и расширить понятіе о нихъ. Но такъ какъ въ ихъ нравахъ и обычаяхъ чрезвычайно много общаго со всеми австрійскими славянами, о которыхъ мы гораздо подробнѣе будемъ говорить ниже, то остановимся здѣсь

только на такихъ праздникахъ и обычаяхъ, которые, хотя по внѣшности, обставлены иначе, чѣмъ у другихъ славянъ.

Оригинально празднуютъ словенцы дѣтскій праздникъ — канунъ Николина дня, 5-го декабря, который приноситъ нерѣдко весьма печальные результаты. Приготовленіями къ этому празднику занята вся молодежь, которая задолго заготавливаетъ костюмы для св. Николая, для ангеловъ и для «паркель» (дьяволы, адскіе духи), которые въ этотъ день должны явиться передъ дѣтьми въ самыхъ страшныхъ образахъ. Въ продолженіи года дѣтямъ толковали о томъ, что каждый изъ нихъ получитъ въ этотъ праздникъ награду или наказаніе, смотря по своему поведенію и прилежанію. Вечеромъ, передъ наступленіемъ праздника, дѣти собираютъ и укладываютъ въ большомъ порядкѣ на столъ книги и тетради и затѣмъ становятся на колѣни просить Бога о помилованіи и защитѣ. Невозможно описать ихъ страхъ и волненіе въ эту минуту. Вдругъ раздастся сильный звонокъ колокольчика, и изъ всѣхъ дѣтскихъ устъ вырывается крикъ ужаса, затѣмъ наступаетъ мертвая тишина. Дверь отворяется. Въ комнату входятъ, звоня колокольчиками, два ангела: они одѣты въ бѣлую одежду, съ вѣнцами на головахъ изъ золотой бумаги, съ бѣлокурыми локонами по плечамъ. За ними торжественно выступаетъ св. Николай, съ огромной сѣдой бородой изъ льна, съ большимъ кривымъ посохомъ въ рукѣ и въ епископскомъ облаченіи. Какъ только онъ входитъ, за дверьми поднимается страшный шумъ: «паркелы» (адскіе духи) гремятъ цѣпями, съ неистовымъ ревомъ выкликаютъ имена провинившихся дѣтей и ломаются въ комнату; чтобы схватить и унести съ собою несчастныхъ. Но св. Николай грозно ударяетъ посохомъ объ полъ, и паркелы тотчасъ прекращаютъ шумъ. Затѣмъ онъ благословляетъ присутствующихъ и приказываетъ дѣтямъ молиться. Боже! съ какими слезами, страхомъ, ужасомъ и лихорадочнымъ волненіемъ дѣти начинаютъ молиться: эта сцена приводитъ въ содроганіе даже самыхъ отчаянныхъ шалуновъ. Затѣмъ св. Николай, роль котораго исполняетъ обыкновенно школьный учитель, беретъ книгу и начинаетъ по очереди экзаменовывать дѣтей. При этомъ одного онъ хвалитъ, другому грозитъ жестокимъ наказаніемъ. Наконецъ, обращаясь къ ангеламъ, приказываетъ принести подарки и награждаетъ отличившихся. Для провинившихся-же разыгрывается страшная сцена: св. Николай стучитъ посохомъ объ полъ и въ комнату врываются паркелы. Онѣ въ страшной одеждѣ и могутъ навести ужасъ даже на взрослого, если только онъ незнакомъ съ обычаями, а тѣмъ болѣе на дѣтей. Этихъ паркель влетаетъ въ комнату двѣнадцать; на головахъ у нихъ вплоть до самой шеи надѣта старая мужская шляпа, съ отверстіями для глазъ и рта; края отверстій облѣплены краснымъ сургучемъ; поверхъ головы прикрѣплены бычачьи рога; сами они одѣты въ шубу, вывороченную вверхъ шерстью; къ ногамъ прикрѣплены тяжелыя желѣзныя цѣпи. Ворвавшись въ комнату они неистово гремятъ цѣпями, испускаютъ дикій вой, дико озираются вокругъ, бросаются на несчастныхъ, хватаютъ ихъ, бросаютъ ихъ въ коробъ, который и взваливаютъ къ себѣ на плечи, чтобы тащить ихъ въ адъ. Только усиленныя просьбы родителей и обѣщанія дѣтей исправиться заставляютъ св. Николая простить ихъ, и онъ приказываетъ ангеламъ освободить ихъ изъ когтей дьявола. На слабонервныхъ дѣтей эта сцена дѣйствуетъ такъ сильно, что многіе изъ нихъ заболѣваютъ, а съ нѣкоторыми бывають и несчастные случаи. Въ высшихъ кругахъ общества это представленіе замѣняется елкою.

Рождество для словенца, какъ для всѣхъ славянъ, самый большой праздникъ въ году. Его называютъ «Божичъ» (уменьшительное отъ слова Богъ, — у древнихъ славянъ былъ богомъ гостепріимства и домашнего мира). Въ ночь Рождества, по понятіямъ словенцевъ, подъ снѣгомъ распускаются цвѣты; вмѣсто воды во многихъ источни-

кахъ течеть вино, звѣри получаютъ даръ слова, и кто случайно въ это время несетъ съ собою сѣмя папоротника, тотъ понимаетъ ихъ. Кто наканунѣ этого дня въ полночь выходитъ на перекрестокъ, тотъ въ облакахъ увидитъ, что принесетъ съ собою слѣдующій годъ: огненные мечи, сражающіяся войска предсказываютъ войну, а гробы — эпидемію. Въ это время можно видѣть также и вѣдьмъ, такъ что стрѣльбу, которою въ это время многіе занимаются, часто объясняютъ желаніемъ прогнать нечистую силу и колдуновъ. Кто сдѣлаетъ стулъ изъ дерева девяти родовъ и сядетъ на него во время всеобщей, тотъ узнаетъ въ церкви всѣхъ вѣдьмъ. Той-же цѣли онъ достигнетъ, если посмотритъ черезъ сукъ доски отъ гроба, въ которомъ уже лежалъ покойникъ. Но чтобы скрыться отъ мести вѣдьмъ, онъ долженъ спрятаться подъ кровельнымъ желобомъ; если онъ бьетъ палкой по изгороди, то вѣдьмы исчезаютъ. Въ эту ночь возможно также заглянуть въ будущее и поэтому происходятъ самыя разнообразныя гаданья. Хозяинъ обходитъ домъ и всѣ постройки, окуриваетъ ихъ ладномъ, окропляетъ святой водой и молится за благоденствіе людей и скота, однимъ словомъ онъ выполняетъ ту-же роль, какъ жрецъ въ языческія времена. Этотъ обрядъ совершается также передъ новымъ годомъ и днемъ трехъ царей, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кадило держитъ ребенокъ, считающійся въ семьѣ разумнымъ, который въ такихъ случаяхъ выступаетъ торжественно и важно и окуриваетъ всѣ углы. Остальныя дѣти съ завистью бѣгутъ за нимъ: каждому изъ нихъ хочется быть хотя поближе къ нему, каждый подсказываетъ ему, гдѣ еще нужно покадить, и чувствуетъ себя необыкновенно счастливымъ, если тотъ слѣдуетъ его указанію.

Съ новаго года, или собственно съ Богоявленія, въ которое хоръ дѣтей обходитъ все село со звѣздою и хоругвиею, начинаются святки; они проходятъ въ разныхъ домашнихъ и общественныхъ увеселеніяхъ. Простой народъ гораздъ на забавныя выдумки и мастеръ веселиться. Въ особенности шуменъ бываетъ послѣдній день святокъ. Въ Нижней Крайнѣ всѣ, кто постарше и постепниѣе, уходятъ тогда пировать въ виноградники, а холостая молодежь послѣ обѣда собирается на деревнѣ. Дѣлаютъ изъ соломы безобразное чучело, представляющее бога веселья (rust), сажаютъ его въ нарочно для того устроенныя сани или телѣгу и, нарядившись какъ можно чуднѣе и забавнѣе, съ крикомъ и хохотомъ везутъ его на себѣ черезъ всю деревню до перваго пригорка. Одинъ изъ парней садится рядомъ съ Пустой въ видѣ провозжатаго, ругаетъ его, ставитъ ему въ вину всѣ надѣланныя въ святки молодецкія проказы и въ насмѣшку плескаетъ ему изъ стакана виномъ въ лицо. Къ сумеркамъ, наконецъ, веселый поѣздъ достигаетъ пригорка, устраиваютъ костеръ, составляютъ около него кругъ и разыгрываютъ комедію суда надъ Пустомъ. Одинъ изъ ряженыхъ представляетъ судью и спрашиваетъ: «Кто этотъ пузанъ?» — «Бѣдокуръ Пустъ!» отвѣчаетъ толпа. — «Въ чемъ же его преступленіе?» продолжаетъ судья. Являются разнаго рода обвинители и съ комическимъ жаромъ выставляютъ его виновникомъ всѣхъ бѣдъ, случившихся за послѣднее время въ семействахъ. Одни, играя роль покинутыхъ невѣстъ, воютъ, другіе представляютъ обманутыхъ дѣвушекъ и горько плачутъ, третьи жалуются, что, по его наущенію, прокутили всѣ деньги или схватили болѣзнь. Толпа кричитъ, что онъ вина всего соблазна, что онъ подосланъ сатаной и что слѣдуетъ казнить его. Судья произноситъ смертный приговоръ, который тотчасъ и приводится въ исполненіе. Осужденное чучело осыпаютъ насмѣшками и ругательствами, плещутъ ему въ лицо виномъ, обводятъ его три раза вокругъ костра и, при общемъ радостномъ крикѣ, бросаютъ въ огонь. Пламя обхватываетъ его, и по высотѣ огненнаго столба гадаютъ объ урожаѣ этого года».

«Штирійскіе словенцы по деревнямъ тоже очень любятъ эти маскарады, и въ умѣньи устраивать забавныя фарсы не уступятъ итальянцамъ. Особенность ихъ составляютъ пародіи на разныя занятія и должности. Напримѣръ, пашутъ плугомъ снѣгъ, а сзади маска, представляющая барекаго прикащика, подгоняетъ работниковъ самымъ грубымъ и возмутительнымъ образомъ. Прежде точно также разыгрывались пародіи на таможенную стражу, на рекрутскій наборъ, на барскую облаву, на полицейскую расправу, на уголовный судъ и т. п.; главныя роли обыкновенно занимали писаря и приказные, и умѣли представлять чиновниковъ съ удивительною вѣрностію; сцены выходили всегда очень остроумныя и забавныя, хоть иногда и грязныя. Теперь, съ преобразованиемъ въ Австріи управленія и уничтоженіемъ барщины, пародіи эти почти совершенно исчезли, потому что не имѣли-бы болѣе смысла».

Что касается Пасхи, майскихъ деревьевъ, убранныхъ лентами, цвѣтами, знаменами и мишурой, которыя въ маѣ по деревнямъ ставятъ цѣлыми сотнями, и, наконецъ, знаменитаго Иванова дня, когда по всѣмъ холмамъ, словно звѣзды, упавшія съ неба, свѣтятся тысячи огней, а съ горъ несутся веселые хоры молодежи, то всѣ эти праздники, съ небольшими варіаціями, празднуются здѣсь, какъ и у другихъ славянъ.

ЧЕХИ.

Богемія.—Первое знакомство со страню.—Чехи и ихъ прошлая судьба. — Ихъ оцѣмеченіе и угнетеніе.— Жизнь народа послѣ Вѣлогорской битвы.—Національное возрожденіе.— Жизнь чеховъ въ настоящее время.

Разсматривая карту западной Европы, мы замѣчаемъ въ самомъ центрѣ ея страну, опоясанную вѣнцомъ горъ, съ границами, строго очерченными самою природою, — это Богемія. Страна эта такая небольшая, что, по величинѣ, она уступаетъ даже весьма многимъ нашимъ губерніямъ средней руки. Но положеніе ея въ центрѣ Европы, на рубежѣ славянско-земледѣльческаго востока и германскаго промышленнаго запада придаютъ ей особенную важность, какъ политическую, такъ и экономическую.

Роскошно надѣленная дарами природы, обладая всевозможными условіями для быстрого увеличенія своего населенія, со всѣхъ сторонъ окруженная горами и защищенная ими отъ холодныхъ вѣтровъ, страна эта является естественною крѣпостію, бастиономъ, который имѣетъ огромное значеніе въ стратегическомъ отношеніи. Владѣя этимъ счастливымъ уголкомъ, легко распоряжаться всею среднею Европою. Вотъ почему Австрія, къ которой Чехія принадлежитъ, такъ крѣпко держится за нее. Въ то-же время Пруссія не теряетъ надежды когда-нибудь завладѣть ею и вмѣстѣ съ другими землями объединить въ единую Германскую Имперію. Вырвать этотъ «лучшій алмазъ изъ австрійской короны» — для Германіи важно въ весьма многихъ отношеніяхъ. Прежде всего это дало бы ей возможность легко овладѣть Моравіею и Австрійскою Силезіею, которая такъ тѣсно связана съ Силезіею Прусской. Важно это для Германіи уже и потому, что эти три страны, т. е. Чехія, Моравія и Австрійская Силезія, представляютъ какъ-бы одно цѣлое, не только по своему историческому прошлому и по географическому положенію, но и по составу своего населенія, его языку, характеру и быту. Къ тому-же эти земли, изстари извѣстныя подъ названіемъ «земель чешской короны», еще до сихъ поръ съ полнымъ правомъ могутъ считаться самыми промышленными и производительными славянскими областями: онѣ даютъ въ настоящее время Австріи болѣе 100 мил. флор. чистаго дохода и, не разоряя себя окончательно, несутъ тяжелые австрійскіе налоги.

Богемія рѣзко отличается отъ смежныхъ съ нею земель: окаймленная величественными горами, она стоитъ, какъ островъ, на материкѣ. Въ этой странѣ васъ на каждомъ шагѣ поражаютъ контрасты. То встаетъ передъ вами дикій ландшафтъ съ гранитными массами, съ безжизненными степями и черными торфяниками, то, какъ оазисы, среди темныхъ еловыхъ лѣсовъ показываются пашни, огороженные гранитными облом-

ками. Здѣсь и тамъ мелькають жилища, обнесенныя частоколомъ, а кругомъ разстилаются луга и лѣса. Вы проѣзжаете по мѣстности, совсѣмъ не обработанной, и она вдругъ прерывается богатѣйшими лугами, тучнѣйшими пахотными землями или садами, украшенными фруктовыми деревьями. Здѣсь огромное населеніе сидитъ за кружевными коклюшками и чахнетъ отъ этой, съ виду легкой, работы, тамъ зажиточное населеніе привольно и живописно размѣстилось на своихъ земляхъ. Здѣсь несчастные крестьяне, на поляхъ и лугахъ которыхъ видишь болѣе камней, нежели колосевъ, и тутъ-же, бокъ-о-бокъ съ ними, богатѣйшія постройки, въ которыхъ живутъ крупные землевладельцы, владѣющіе громадными поземельными участками. Съ одной стороны дѣвственная, почти нетронутая природа лѣсовъ, которая говоритъ о только-что пробуждающейся жизни народа, съ другой—многочисленныя развалины старинныхъ замковъ, древнихъ городовъ и селъ напоминають богатое событіями историческое прошлое.

Многочисленные желѣзные, фарфоровые и стеклянные заводы, полотняныя и ситцевыя фабрики говорятъ вамъ о весьма развитой промышленности страны. Цѣлебная сила водъ давно прославила Богемію, и въ этой странѣ насчитываютъ болѣе полтораста минеральныхъ ключей и до 15 мѣстъ съ лечебными купальнями. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится 10 минеральныхъ источниковъ, стоитъ Карлсбадъ. Этотъ городъ, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и существованіемъ, прежде всего обязанъ цѣлебной силѣ своихъ многочисленныхъ минеральныхъ источниковъ. Ихъ воду пьютъ противъ болѣзни печени и пищеварительныхъ органовъ.

Климатъ Богеміи умѣренный и суровъ только на возвышенностяхъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ. Прага и ея окрестности пользуются чрезвычайно теплымъ климатомъ. Въ сѣверной Богеміи, въ дивныхъ окрестностяхъ Мельника, созрѣваетъ виноградъ, и въ хорошіе годы тамъ получаютъ вино прекраснаго качества.

Болѣе $\frac{2}{3}$ населенія Богеміи—чехи, — въ предѣлахъ Австріи, самый даровитый и энергичный народъ. Чехи расположены въ центрѣ страны и занимають большую часть ея плодородныхъ равнинъ; нѣмцы живутъ преимущественно у окраинъ и населяють горы. Такимъ образомъ чехи образуютъ собою какъ-бы островъ среди нѣмецкаго бассейна. Въ такомъ размѣщеніи для чеховъ есть свои хорошія и дурныя стороны. Занимая плодородныя долины, чехи въ матеріальномъ отношеніи обставлены лучше нѣмцевъ, чрезвычайно густо населяющихъ горы, гдѣ почва лишь скудно вознаграждаетъ земледѣльческій трудъ. Но зато чехи со всѣхъ сторонъ окружены нѣмцами, которые, вслѣдствіе густоты и тѣсноты своего горнаго поселенія, постоянно стремятся въ плодородную равнину и съ ненавистью смотрятъ на тѣхъ, кто ее занимаетъ. Но самое большое неудобство этого размѣщенія для чеховъ заключается въ томъ, что нѣмцы, занимая горы на окраинахъ, мѣшаютъ ихъ непосредственному соприкосновенію съ соплеменниками. Между тѣмъ нѣмцы для славянскаго міра всегда имѣли гибельное вліяніе. Они поработали одно славянское племя за другимъ, вполне поглощали его и онѣмечивали, стараясь уничтожить всякій слѣдъ національности. Процессъ германизации и въ настоящее время идетъ весьма успѣшно въ средней Европѣ: въ верхней Силезіи, въ провинціяхъ Западной и Восточной Пруссіи польскій языкъ вымираетъ. Германскій элементъ подвигается все далѣе на востокъ: поляки Познани теперь уже гораздо болѣе чѣмъ на половину онѣмечены. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, не смотря на всепоглощающее значеніе нѣмцевъ для славянъ, не смотря на то, что и чехи были подъ тяжелымъ игомъ нѣмцевъ болѣе 200 лѣтъ и были ими совершенно онѣмечены, они сумѣли въ настоящее время воскресить свою національность. Въ то время, какъ въ другихъ славянскихъ земляхъ раздается исключительно нѣмецкая рѣчь, чехи говорятъ на своемъ

родномъ языкѣ. Не даромъ-же нѣмцы называютъ Чехію «гвоздемъ, вколоченнымъ въ самую благородную часть тѣла Австрійской Имперіи».

Въ половинѣ V вѣка мы находимъ уже чеховъ и мораванъ на ихъ нынѣшнихъ мѣстахъ, куда они, по народному преданію, были приведены нѣкіемъ Чехомъ, завѣщавшимъ роду свое имя. Такимъ образомъ чешскій народъ остается приблизительно въ тѣхъ-же предѣлахъ, въ какихъ онъ существовалъ и въ древности, населяя большую часть Чехіи и Моравіи и прежній Опавскій округъ (Троппау) въ Силезіи. Христіанство у чеховъ и мораванъ появляется съ первой половины IX столѣтія, но его настоящее введеніе можно считать только съ призванія Кирилла и Меѳодія. Уже въ самомъ началѣ введенія христіанства у чеховъ существовали два обряда: византійскій, съ славянскимъ языкомъ при богослуженіи, и римскій, съ церковнымъ языкомъ латинскимъ. Однако скоро нѣмецко-латинская церковность взяла перевѣсъ. Къ тому-же Чехія въ X вѣкѣ подпала подъ феодальную зависимость нѣмецкихъ императоровъ, и съ тѣхъ поръ нѣмецкій элементъ въ Чехіи начинаетъ усиливаться. Такое положеніе дѣлъ скоро привело къ прекращенію славянскаго богослуженія и кирилловской письменности и нѣмецкіе нравы съ тѣхъ поръ начинаютъ все болѣе укореняться въ обществѣ, до того времени вполнѣ славянскомъ; все болѣе распространяется католицизмъ и усиливается власть латинскаго духовенства. При дворѣ, въ высшихъ и наиболѣе богатыхъ классахъ общества стали одѣваться въ нѣмецкое платье, въ войскѣ вводили нѣмецкое вооруженіе, — однимъ словомъ всѣ стали болѣе и болѣе придерживаться нѣмецкихъ нравовъ и обычаевъ. Понятно, что вмѣстѣ съ этимъ быстро распространялся нѣмецкій языкъ и нѣмецкая литература. Чешскій король, будучи вмѣстѣ и нѣмецкимъ курфюрстомъ, окружилъ себя, по нѣмецкому обычаю, камергерями, шталмейстерами и другими чинами въ нѣмецкомъ вкусѣ, вмѣсто прежнихъ славянскихъ жушановъ и леховъ. Вліятельнѣйшіе люди страны начали давать нѣмецкія имена городамъ и своимъ замкамъ.

Тѣмъ не менѣе до 1253 г. порядки въ странѣ все еще носили древне-славянскій отпечатокъ; но съ этого времени, а именно со вступленія на престолъ Отакара II (1253—1278), начинается полное преобладаніе нѣмецкихъ нравовъ и нѣмецкихъ учреждений. Не смотря на это, Чехія достигла неслыханной до того времени славы и могущества. Но король этотъ такъ онѣмчилъ Чехію, что она почти совсѣмъ потеряла свой славянскій характеръ. Желая приобрести себѣ больше приверженцевъ противъ могущественной и сильной аристократіи, которая становилась для короля опасною, онъ построилъ множество городовъ и заселилъ ихъ нѣмецкими колонистами; не только Прага, но и другіе города были наполнены нѣмцами. Этотъ король отдалъ даже цѣлыя мѣстности въ Чехіи нѣмцамъ, которымъ онъ покровительствовалъ вообще, и особенно горнымъ промышленникамъ, доставлявшимъ ему большія денежные средства.

Не смотря на внутренній упадокъ, Чехія занимала въ это время видное мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ: Отакаръ II присоединилъ къ Чешскому королевству Австрію, Штирію, Каринтію, приморскія земли до Триеста и нѣкоторыя другія земли. Нѣмецкая имперія находилась въ это время въ весьма бѣдственномъ положеніи: слава и сила, теперь могущественной, славянской державы оскорбляли гордость и самолюбіе нѣмцевъ, которые дѣлали всѣ усилія, чтобы погубить ее. Вслѣдствіе этого Отакаръ II вынужденъ былъ начать войну съ нѣмцами и венграми, кончившуюся его гибелью и безконечными несчастіями для страны, отъ которыхъ она долго не могла оправиться.

До 1306 года всѣ чешскіе короли были изъ славянскаго Премысловскаго рода, но теперь онъ прекратился, и съ новой династіей славянскій бытъ Чехіи пострадалъ еще сильнѣе. Короли, выбираемые изъ чужихъ земель, особенно изъ Германіи, были чужды чешскому народу и руководились, въ большинствѣ случаевъ, личными выгодами

и династическими соображеніями. Наиболѣе счастливою эпохою чешской исторіи этого времени можно считать правленіе Карла IV (1346—1378), который на столько благо-разумно управлялъ страной, что снова привелъ ее въ цвѣтущее состояніе. Этому королю обязаны чехи основаніемъ пражскаго университета, старѣйшаго въ средней Европѣ. При немъ Прага превзошла всѣ города средней Европы своими великолѣпными постройками, богатствомъ, громаднымъ населеніемъ; она стала не только центромъ торговаго движенія и промышленной дѣятельности, но также и изящныхъ искусствъ. Король этотъ узаконилъ права чеховъ: послѣ прекращенія царствующаго рода они могли избирать себѣ короля на сеймѣ по собственному усмотрѣнію. Но оиѣмеченіе страны усиливалось и въ его царствованіе: онъ самъ давалъ нѣмецкія названія основаннымъ городамъ и замкамъ и, что еще болѣе было вредно для чеховъ, уничтожилъ послѣдніе остатки древне-чешскаго земскаго устройства. Духовенство онъ надѣлялъ громадными имѣніями, и оно, болѣе чѣмъ когда-либо, начало предаваться праздной жизни, роскоши и безпутству.

Бѣдность народа, его угнетеніе, оиѣмеченіе, безправіе, распутство и самовластіе разбогатѣвшаго духовенства все болѣе и болѣе вызывало общественнаго негодованіе. Князей и бароновъ, часто совершенно независимыхъ вслѣдствіе раздробленности государствъ, явилось болѣе тысячи въ Германіи, Чехіи и Италиі. Своей порочной жизнью, угнетеніемъ и поборами съ подвластныхъ имъ людей, вѣчными раздорами между собой они все болѣе возмущали мирныхъ гражданъ. Къ довершенію безпорядка и общей сумятицы явилось три папы и три императора, которые вступили между собой въ тяжбу. Они оспаривали другъ у друга владычество, проклинали другъ друга, какъ отступниковъ и еретиковъ, взыскивали большія деньги за церковныя права и рѣшенія папскаго суда, торговали церковными должностями и индулгенціями, которыми, за известную сумму, прощались грѣхи какъ въ этой, такъ и въ будущей жизни. Однимъ словомъ положеніе западной церкви было такое, что одинъ писатель того времени имѣлъ полное право сказать: «это церковь не апостольская, а супостатская».

Скоро недовольство націи вырвалось наружу въ народномъ движеніи. Сообразно съ духомъ времени, оно приняло почти исключительно религіозную форму: началась реформа Гуса и гуситскія войны.

Мы вовсе не имѣемъ намѣренія описывать эту интереснѣйшую эпоху не только въ жизни чешскаго народа, но и всего человѣчества, но считаемъ необходимымъ указать въ ней только нѣкоторые моменты, имѣвшіе непосредственное вліяніе на весь складъ характера чеховъ и на ихъ развитіе.

Еще раньше Гуса, не смотря на самыя жестокія преслѣдованія, являлись проповѣдники и писатели, порицавшіе позорную жизнь духовенства. Но самымъ энергичнымъ порицателемъ и обличителемъ явился Іоаннъ Гусъ, профессоръ пражскаго университета. Въ своихъ лекціяхъ, сочиненіяхъ и проповѣдяхъ онъ не только доказывалъ необходимость реформы церкви, но и самъ сталъ во главѣ національно-соціальной борьбы противъ нѣмцевъ. Онъ съ большою смѣлостію, всенародно, порицалъ порочную жизнь духовенства и не только возставалъ противъ индулгенцій, но и другихъ возбуждалъ противодѣйствовать ихъ продажѣ, — вслѣдствіе этого доходы римскаго двора должны были тотчасъ уменьшиться. Онъ называлъ вымысломъ догматъ о непогрѣшимости папъ и находилъ, что онъ ведетъ не къ добродѣтели, а къ пороку и соблазну, особенно при тогдашней дурной жизни духовенства. Наконецъ Гусъ возставалъ противъ отлученія отъ церкви, проповѣдывалъ причащеніе подъ обоими видами, необходимость совершать въ чешскихъ церквахъ богослуженіе на родномъ языкѣ и сдѣлать науку въ пражскомъ университетѣ не привилегією нѣмцевъ, а прежде всего достояніемъ чеховъ. Гусъ, прославившійся своею безупречною святою жизнью и проникнутый страстною любовью къ

своему угнетенному народу, нашелъ среди его множество поклонниковъ и восторженныхъ почитателей. Проповѣди Гуса пришлись народу по душѣ также и потому, что чехи не могли имѣть особенной привязанности къ католической іерархіи и богослуженію. Кириллъ и Меѳодій проповѣдывали имъ на ихъ родномъ языкѣ, они дали имъ на томъ же языкѣ священныя и богослужебныя книги, и начало православія глубоко западо въ сердца многихъ чеховъ. Послѣдующія обстоятельства чешской исторіи были неблагоприятны для православія, но народъ не совсѣмъ еще отказался отъ вѣры отцовъ. Когда Гусъ, вслѣдствіе папскаго проклятія, долженъ былъ оставить Прагу, его ученіе стало всюду быстро распространяться. Наконецъ, онъ былъ осужденъ и сожженъ на кострѣ, но результатомъ этого было только открытое возстаніе народа, который былъ глубоко возмущенъ этою казнью. Возстаніе народа выразилось въ кровопролитныхъ гуситскихъ войнахъ. Нѣмцы поняли, что начавшееся религиозное движеніе—въ одно и тоже время національное и демократическое, что, подъ покровомъ идей религиозныхъ, боролись идеи социальныя, что за споромъ о чашѣ, о причастіи подъ двумя видами шли споры о правахъ сословій и, почувявъ большой переворотъ, они стали бѣжать въ сосѣднія страны, надѣясь возвратиться въ бодрѣе благоприятныя времена. Такимъ образомъ нѣмецкій элементъ, распространяемый и вводимый въ теченіи столѣтій, вдругъ исчезъ изъ сердца страны и вполне удержался только кое-гдѣ, по нѣкоторымъ пограничнымъ областямъ. Среди славянскаго населенія Чехии осталось теперь немного католиковъ, и то больше между дворянами. Въ чешскій народъ начало проникать сознаніе своей національности. Громадное большинство народа приняло ученіе Гуса. Но продолжительное нравственное и экономическое угнетеніе народа, его невѣжество, полное отсутствіе политическаго такта скоро выразилось множествомъ самыхъ разнообразныхъ религиозныхъ толковъ, партій и сектъ, въ которыхъ очевидно было желаніе утвердить лучшейъ религиозный и общественный порядокъ, такъ какъ прежній породилъ столько бѣдъ. Такимъ образомъ гуситы въ религиозномъ отношеніи скоро раздѣлились на множество самыхъ разнообразныхъ сектъ, но, какъ ни были разнообразны вѣрованія и убѣжденія этого безчисленнаго множества партій, всѣ онѣ питали искреннее отвращеніе къ своей прежней римской церкви, къ феодальнымъ и аристократическимъ привилегіямъ и стремились во что бы то ни стало сохранить свою, такъ долго подавляемую, народность. Это гуситское движеніе съ различными измѣненіями и въ различныхъ формахъ продолжалось цѣлое столѣтіе и мало-по-малу переходило въ близкій къ нему протестантизмъ. Хотя въ 1485 г. въ Чехіи была объявлена свобода исповѣданій и церковныя споры были такимъ образомъ на время прекращены, но всѣ эти распри и междуусобицы, крестьянскія возстанія и кровопролитныя усмиренія ихъ, споры между городами и дворянствомъ, борьба сословій, унижительная роль народа, на которую опять обрекла его аристократія, снова возвысившаяся въ это время, — все это совершенно ослабило страну и подготовило почву для окончательнаго, полнѣйшаго и неиспытаннаго еще до тѣхъ поръ пораженія чеховъ нѣмцами.

Въ началѣ XVI в., къ величайшему несчастію для себя, чехи выбрали своимъ королемъ Фердинанда I (1526 г.) изъ Габсбургскаго дома, подъ властью котораго они находятся и до сихъ поръ. Не смотря на объявленную свободу исповѣданія, этотъ король снова началъ преслѣдовать различныя секты, и въ его время даже сжигали живыми приверженцевъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Съ развитіемъ реформации въ Чехіи появилось много лютеранъ, и число ихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, — Фердинандъ началъ ихъ жестоко преслѣдовать. Придворная аристократія, въ громадномъ большинствѣ, была католическая и постоянно пополнялась иностранцами изъ другихъ владѣній габсбургскаго короля; понятно, что она была совершенно чужда чешскому народу. По-

литика правительства вскорѣ сдѣлалась чисто католическою. Войны съ турками и походы въ Венгрію были причиною того, что король Фердинандъ, уже въ началѣ своего правленія, сталъ облагать народъ тяжелыми податями и прибѣгалъ къ нимъ чаще своихъ предшественниковъ. Наконецъ эти подати, которыя прежде назывались экстраординарными и были назначаемы вслѣдствіе какихъ нибудь чрезвычайныхъ событій, теперь сдѣлались ежегодными. По его приказанію законы и постановленія о различныхъ привилегіяхъ народа были пересмотрѣны, и въ нихъ уничтожили все то, что хотя мало-мальски ограничивало королевскую власть. Такимъ образомъ Фердинандъ потрясъ до самаго основанія самоуправленіе городскихъ общинъ. Теперь никакое собраніе общины, даже городская дума, не могли собираться безъ чиновника, назначаемаго королемъ. Онъ присутствовалъ вездѣ и имѣлъ власть приостановить каждое рѣшеніе, которое казалось ему направленнымъ во вредъ короны.

Во второй половинѣ XVI ст. нѣмкеній элементъ снова явился преобладающимъ. Королевскій дворъ былъ теперь чисто-нѣмецкій, высшія сословія во всемъ подражали ему и говорили на многихъ языкахъ, но только не на чешскомъ. Своею жизнію они подавали народу самый дурной примѣръ: они проводили время въ пирахъ и увеселеніяхъ, на которыхъ каждый старался превзойти другаго своею расточительностію. Обжорство, заглушая всѣ благороднѣйшія стремленія ума и сердца, превышало всякую мѣру. Политика, вмѣсто національной, стало исключительно нѣмецкой и династической. Для возстановленія католичества вызванъ былъ въ Чехію новый орденъ іезуитовъ (1556), который сталъ дѣйствовать весьма энергично. Не смотря на это, количество лютеранъ все увеличивалось. Въ началѣ XVII ст. большинство чеховъ было лютеранское, а именно ихъ насчитывали въ это время до 2.270,000, католиковъ 170,000, а старыхъ гуситовъ 25,000. Между тѣмъ чешская аристократія такъ усилилась, что рѣшилась стать въ открытую борьбу съ королемъ, выбрала себѣ другаго короля, уже не изъ Габсбургскаго дома, и наконецъ вовлекла народъ въ войну, что оказалось вовсе не особенно трудно, такъ какъ въ странѣ было гораздо болѣе недовольныхъ, чѣмъ довольныхъ. Но война эта была совершенною гибелью для націи. Въ 1620 году произошла битва при Бѣлой горѣ у Праги, несчастный исходъ которой лишилъ Чехію не только лютеранскаго вѣроисповѣданія, но и всякой самостоятельности. Свое унижительное рабство, начавшееся съ бѣлогорской битвы, чехи до сихъ поръ вспоминаютъ въ задушевной, мрачной, полной отчаянія пѣснѣ. И теперь еще, когда юноша приближается къ Прагѣ и примѣтитъ Бѣлую гору, изъ его груди нерѣдко вырывается вопль, проклятіе этой горѣ, и онъ затыгиваетъ пѣсню: «Гора, гора, высока ты! до тебя не доходятъ горькіе вопли, не видишь ты горючихъ слезъ, падающихъ изъ очей патриотовъ! Слышишь-ли ты, что говорятъ волны Влтавы, что вѣщаютъ далекіе громы? Слышишь-ли, что шепчутъ наши уста? Тебя, гора, проклинаютъ!... Зачѣмъ свѣтитъ солнце надъ тобою, отчего не покроетъ тебя вѣчный мракъ, зачѣмъ съ каждою весной цвѣтутъ твои луга? Проклятая гора, Бѣлая гора! Въ тебѣ сгнила вся наша сила, и гдѣ истлѣлъ прахъ нашихъ отцовъ, тамъ потомство соорудило храмъ *). Буря! что-же ты не потрясешь этого храма? Вихрь! что ты не разнесешь его? Народъ! что-же ты не смоешь съ себя пятно безчестія славною битвой? Но тщетно это воззваніе! Гора спитъ мертвымъ сномъ, и храмъ незыблемо стоитъ на ней, не боясь ни вѣтровъ, ни бурь!»

Послѣ бѣлогорской битвы начинается совершенный упадокъ Чехіи, и Фердинандъ II распоряжается въ странѣ, какъ ревностный католическій государь того времени. Прежде

*) Храмъ на Бѣлой горѣ выстроень іезуитами въ честь побѣды императорскихъ войскъ надъ союзными войсками чеховъ и моравянъ и въ честь торжества католичества.

всего начинаются преслѣдованія и самыя жестокия, возмутительныя казни надъ всѣми участвовавшими въ возстаніи. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ просто не могли достаточно натѣшиться. Знаменитому врачу того времени, доктору Іесенскому, который до бѣлгородской битвы былъ ректоромъ университета, вырѣзали сначала языкъ, потомъ отрубали голову, затѣмъ подъ висѣлицей онъ былъ еще четвертованъ и части его тѣла на кольяхъ выставили на улицахъ. Двое были повѣшены на бревнѣ, выдвинутомъ изъ окна ратуши; головы 12 главныхъ вождей были выставлены на башнѣ, на шестахъ, — однимъ словомъ фантазія варваровъ была изобрѣтательна до безконечности. Во все время казни били въ бубны и трубили, чтобы не было слышно рѣчей осужденныхъ. Ихъ имѣнія были конфискованы и розданы нѣмецкимъ дворянамъ, іезуитамъ и всѣмъ участвовавшимъ въ войнѣ за императора. Въ казняхъ и преслѣдованіяхъ прошло болѣе полугода, и тогда Фердинандъ II нашелъ нужнымъ, хотя по внѣшности, измѣнить свой образъ дѣйствій. Онъ обнародовалъ приказъ, названный «генеральною амнистіею», въ которой говорилось, что, такъ какъ «уже многіе участвовавшіе въ возстаніи потеряли жизнь и имущество, то императоръ, по безконечному своему милосердію, хочетъ оставить жизнь и честь остальнымъ, участвовавшимъ въ возстаніи, но еще не розысканнымъ, если только къ назначенному сроку они сами сознаются въ своей винѣ. Кто этого не сдѣлаетъ, будетъ судимъ по всей строгости законовъ». Признались 728 чел. и получили удостовѣреніе, что императоръ даруетъ имъ честь и жизнь, но въ наказаніе отбираетъ у сознавшихся имущество, у нѣкоторыхъ все, что они имѣютъ, у другихъ половину, у третьихъ только извѣстную часть. Эта конфискація довела большинство чешскихъ шляхетскихъ родовъ до такой нищеты, что они сами бросали свой кровъ и землю нѣмцамъ и разнымъ иностранцамъ, которые тотчасъ во множествѣ нахлынули въ страну. Такимъ образомъ въ этотъ печальный періодъ чешской исторіи до 36,000 родовъ навсегда выселились изъ Чехіи. Послѣ казней и изгнанія стали преслѣдовать всѣхъ некатоликовъ или не соглашавшихся принять католическую вѣру. Всѣхъ, не принадлежавшихъ къ католической церкви, точно такъ же, какъ и участвовавшихъ въ войнѣ противъ императора, стали подвергать жесточайшимъ казнямъ, изгнанію, конфискаціи имущества. Въ это время особенно много было изгнано священниковъ и проповѣдниковъ, какъ лютеранскихъ, такъ и всѣхъ другихъ некатолическихъ вѣроисповѣданій. Всѣ церкви были переданы въ руки католическихъ ксендзовъ, которыхъ массами пришлось выписывать изъ чужихъ странъ и, не смотря на это, ихъ еще долго не хватало. Угрозами лишить не только гражданскихъ правъ, но и не допустить заниматься какимъ бы то ни было ремесломъ заставляли народъ посѣщать католическое богослуженіе, подчиняться католическимъ церковнымъ обрядамъ и законамъ. Католическіе ксендзы не вѣнчали некатоликовъ и не хоронили ихъ. Тотъ, кто не праздновалъ католическаго праздника и не появлялся въ католической церкви, не соблюдалъ поста по обряду католической религіи, — платилъ большой штрафъ; за всѣмъ этимъ зорко слѣдили іезуиты. Новые владѣльцы упраздненныхъ чешскими дворянами помѣстій расправлялись съ чешскимъ простонародьемъ по своему усмотрѣнію: били ихъ за самыя ничтожныя провинности, заключали въ тюрьмы, насильно гоняли въ костелы. Но въ первое время рабства чехи еще выражали иногда протестъ: жители Праги не послѣдовали королевскому предписанію и продолжали исповѣдывать прежнюю вѣру. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ правительству, оно стало десятками изгонять изъ города самыхъ высшихъ лицъ. Изъ другихъ чешскихъ городовъ сдѣлали постой для нѣмецкихъ солдатъ, которые до такой степени притѣсняли жителей, что послѣдніе или бѣжали съ родины, или дѣлались нищими. Когда однажды пришло извѣстіе, что къ одному городу приближается войско, жители бросались изъ своихъ домовъ, зажгли ихъ и навсегда покинули свою несчастную родину. Въ двухъ, трехъ

округах поселяне взбунтовались противъ владѣльцевъ помѣстій и ксендзовъ: они сожгли и разграбили нѣсколько замковъ, но скоро были усмирены войсками, и спокойствіе было водворено всевозможными постыдными казнями: вѣшали, рубили головы, колесовали, рѣзали носы и уши.

Когда чехи были окончательно ограблены и разорены, вся страна сдѣлалась католическою. Мало того: чехи стали теперь такими усердными католиками. что въ 1648 г. они уже боролись за вновь привитую имъ вѣру. Пражскій университетъ поступилъ въ распоряженіе іезуитовъ; школы тоже подпали подъ ихъ исключительное вліяніе. Они не менѣе вліяли на народъ посредствомъ исповѣди и проповѣдей; старались какъ можно чаще и пышнѣе устраивать процессіи и церемоніи при церковныхъ празднествахъ и открытіи мощей.

За бѣлогорской битвой слѣдовала тридцатилѣтняя война, которая dokonчила разореніе этой, и безъ того уже обездоленной, страны. Тысячи сель Чехіи были сожжены или до такой степени разорены и опустошены, что уже никогда не были восстановлены. Нерѣдко десятки городовъ лежали въ развалинахъ или представляли кучи обгорѣлыхъ бревень. Трупы жителей несчастныхъ сель и городовъ валялись по дорогамъ, заражая воздухъ міазмами; оставшіеся въ живыхъ тысячами бѣжали съ родины. Отъ голода, нужды, великаго угнетенія и непріятельскаго нашествія чешскій народъ погибалъ въ это время въ такомъ количествѣ, что изъ трехъ милліоновъ жителей, сколько считалось въ Чехіи до той поры, ихъ оказалось теперь только 800,000 ч.

Трудно описать несчастіе и застой во всѣхъ отрасляхъ жизни чеховъ въ періодъ, который наступилъ послѣ тридцатилѣтней войны. Промыслы и торговля не могли уже процвѣтать съ того времени; крестьяне не только не имѣли скота, но часто даже и землѣльческихъ орудій, и во многихъ мѣстностяхъ можно было видѣть, какъ они, вмѣсто лошадей, сами впрягались въ плугъ. Проекты законовъ для чеховъ составлялись теперь въ императорскомъ тайномъ совѣтѣ въ Вѣнѣ, которую императоры выбрали теперь своею резиденціею, пріѣзжая въ Прагу только на время. Однимъ словомъ чехи окончательно обнищали и потеряли право участвовать въ законодательствѣ.

Положеніе чеховъ въ XVII и XVIII столѣтіи остается такимъ же жалкимъ: чехи состояли изъ одного только простаго народа, который былъ подчиненъ высшимъ нѣмецкимъ или онѣмечившимся классамъ и такъ обнищалъ, былъ такъ угнетенъ, что потерялъ даже всякую мысль о самостоятельности и національности. Этому сильно содѣйствовало и то обстоятельство, что постоянно уничтожали чешскія книги и памятники старины. Книга, написанная на чешскомъ языкѣ, была теперь рѣдкостію: новыхъ соевъмъ не появлялось, а старыя жгли на кострахъ и преслѣдовали, какъ еретическія, даже и въ томъ случаѣ, если въ нихъ ничего не говорилось противъ католической религіи.

Положеніе чеховъ нѣсколько облегчилось только въ концѣ XVIII столѣтія. Королева Марія-Терезія выдала чехамъ такъ называемый «рабочій патентъ», по которому крестьянская работа уменьшалась почти на половину времени. Скоро послѣ этого въ странѣ началось вѣяніе новыхъ идей и пробужденіе народнаго духа. Съ одной стороны это можно объяснить германизаторскими попытками Іосифа II, съ другой вліяніемъ идей XVIII вѣка. Чтобы укоренить нѣмецкій языкъ у всѣхъ народовъ австрійской имперіи, Іосифъ II, не смотря на его многія благодѣтельные мѣры для своихъ подданныхъ всѣхъ національностей, не дозволилъ принимать въ учебныя заведенія учениковъ безъ удовлетворительнаго знанія нѣмецкаго языка. Но это желаніе Іосифа II совершенно германизировать всѣ подвластные Австріи народы получило отпоръ въ Чехіи, куда въ это время мало-по-малу стала проникать идея, что каждый народъ долженъ прежде всего изучать

свой родной языкъ. Явились люди, которые стали заботиться о возбужденіи національнаго духа, проповѣдывать необходимость изученія народнаго языка, изслѣдовать забытую чешскую старину. Изученіе чешскаго языка требовало необыкновенныхъ усилій, такъ какъ подъ гнетомъ германизации старый литературный чешскій языкъ былъ со-всѣмъ забытъ. Чтобы простой народъ могъ понимать книги, нужно было создать новый языкъ, который-бы выражалъ всѣ новыя понятія, вошедшія съ тѣхъ поръ въ жизнь и сознание, а вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ-бы чуждъ простонародью. Чешскіе ученые прошлаго столѣтія начали заниматься этимъ дѣломъ съ такимъ усердіемъ, что теперь языкъ чеховъ отличается необыкновенною точностію въ передачѣ новыхъ понятій, и при томъ безъ излишняго употребленія иностранныхъ словъ. Національное самосознаніе народа замѣтно начало пробуждаться послѣ 1810 г. Начиная съ этого времени, продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ стали находить одинъ за другимъ древнѣйшіе памятники старины, между которыми главнѣйшими считались: «Судъ Любуши» и «Краледворская рукопись», подлинность которыхъ заподозрѣна громаднымъ большинствомъ ученыхъ. Но въ то время въ Чехіи исключительно господствовалъ нѣмецкій языкъ, и сами чехи видѣли въ немъ нѣчто высшее, ведущее къ свѣту и почестямъ, а въ каждомъ нѣмцѣ своего пана. Вдругъ изъ этихъ памятниковъ чешскій народъ узнаетъ, что и онъ былъ когда-то сильнымъ, что еще тысячу лѣтъ тому назадъ у его предковъ главною задачею было отражать напоръ чужеземцевъ, отстаивать свою народность и быть на-сторожѣ, особенно противъ нѣмцевъ. На чешскую молодежь производила электрическое дѣйствіе одна пѣснь, изображающая поработеніе народа, къ которому въ предѣлы «пришелъ чужой и заму-мѣлъ чужою рѣчью»; затѣмъ слѣдуетъ возстаніе поработенныхъ и изгнаніе чужеземцевъ. Въ поговорку вошелъ стихъ одного отрывка изъ «Суда Любуши»: «не похвально намъ искать у нѣмцевъ правды», и съ этою фразою обращались теперь для упрёка къ каждому, кто недостаточно энергично выражалъ свое сочувствіе къ чешству. И такъ, не смотря на поддѣлку многихъ древнихъ памятниковъ, они все-таки сдѣлали свое дѣло, въ высшей степени сильно повліявъ на подъемъ народнаго самосознанія. Другое, еще болѣе важное обстоятельство, содѣйствовавшее развѣтію народнаго духа, было учрежденіе патріотическаго музея въ Прагѣ. Въ этотъ музей народъ несъ свои драгоценныя памятники, и скоро его богатая коллекція привлекла всѣхъ чешскихъ патріотовъ, ученыхъ, литераторовъ, что послужило къ сближенію между собой интеллигенціи и повело ко множеству полезныхъ изданій. Скоро на различныхъ засѣданіяхъ патріотовъ рѣшено было говорить между собою не иначе, какъ по-чешски, пѣть и давать какъ можно болѣе спектаклей, тоже, разумѣется, на народномъ языкѣ съ цѣлью скорѣе освободить чешскую мысль и рѣчь отъ нѣмецкихъ путъ. На это поприще выступило множество дѣятелей. Все прошлое пятидесятилѣтіе представляетъ среди чешскихъ патріотовъ много блестящихъ дѣятелей, съ успѣхомъ поработавшихъ для возрожденія своихъ собратій. Между ними особенно замѣчательны: Шафарикъ, Палацкій, Юнгманъ, Гавличекъ и др. Въ какіе-нибудь 30, 40 лѣтъ, трудами своихъ патріотовъ и общими успѣхами всей націи, чехи достигли такой высоты народнаго образованія, что стали въ этомъ отношеніи на ряду съ другими образованнѣйшими народами Европы. Литература чешская распространялась все въ большемъ кругу общества; любовь къ народному языку увеличивалась годъ отъ году, такъ что его стали употреблять, въ большинствѣ случаевъ, даже въ официальныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ единственнымъ языкомъ былъ нѣмецкій; но болѣе всего въ народѣ пробуждалось стремленіе къ изученію чешской исторіи.

Мы уже упоминали, что чешская нація подъ игомъ австрійцевъ состояла изъ простонародья, а высшіе классы были люди нѣмецкой крови, иностранцы или онѣмеченные

дворянство. Такимъ образомъ лучшіе представители страны, самые горячіе патріоты, ученые, писатели, поэты, которые такъ много поработали для своей національности и подняли народный духъ, вышли большею частью изъ народа, вынесшаго на своихъ плечахъ столько страданій: одинъ изъ нихъ былъ столяромъ, другой наборщикомъ, мыловаромъ, суконщикомъ, мельникомъ, кожевникомъ и т. п.

Чешское движеніе быстро разрасталось. На ряду съ изслѣдованіями старины, изученіемъ исторіи и этнографіи развилась цѣлая литература популярныхъ книгъ. Чтобы сдѣлать книги эти доступными массѣ не только по содержанию и изложенію, но и по цѣнѣ, устроилось общество, «Матица», члены котораго до сихъ поръ вносятъ небольшую ежегодную сумму и получаютъ по дешевой цѣнѣ всѣ изданія общества. Для распространенія народнаго языка также устраивали всевозможныя общества, балы, собранія, чтенія, гдѣ долженъ былъ господствовать исключительно чешскій языкъ.

Національное движеніе особенно развилось за послѣднія 40 лѣтъ. До этого времени не трудно было сосчитать по пальцамъ всѣхъ, кто открыто считалъ себя чехомъ. Теперь же большинство горожанъ и четыре пятыхъ сельскаго люда уже готовы на борьбу за свою народность. Возбуждая народное самосознаніе, чешскіе вожди заботятся также о распространеніи образованія во всей странѣ. Кромѣ «Матицы», они учредили теперь множество національныхъ обществъ для взаимнаго вспоможенія во всевозможныхъ нуждахъ своихъ собратій.

Положеніе чеховъ въ настоящее время весьма улучшилось: имъ дозволено свободное отправленіе богослуженія, опредѣлены общія съ другими подданными податныя и военныя повинности, объявлено равенство всѣхъ передъ закономъ и сдѣланы разныя уступки въ смыслѣ внутренней самостоятельности и въ управленіи собственными дѣлами. Въ 1868 г., въ августовской деклараціи, чехи высказали свои требованія и объявили, что не признаютъ австрійскаго императора чешскимъ королемъ, пока онъ не коронуется чешской короной и не присягнетъ въ соблюденія чешскаго государственнаго права. Они требовали учрежденія особаго чешскаго министерства съ особымъ бюджетомъ, возстановленія автономіи земель чешской короны и созванія особаго чешскаго парламента въ Прагѣ. Однимъ словомъ, программа декларантовъ требовала для чешской короны такой-же самостоятельности, какую получила Венгрія. Всевозможныя преслѣдованія не могли измѣнить эту программу; 200 литературныхъ процессовъ въ теченіи 4 мѣсяцевъ не могли пошатнуть стойкости чешской печати. Относительно коронаціи имъ была сдѣлана уступка, и покойный императоръ Австріи, Фердинандъ, короновался въ пражскомъ замкѣ и послѣ присяги получилъ вѣнецъ св. Вячеслава; но остальные требованія остались и до сихъ поръ невыполненными. Особенно важная уступка была сдѣлана имъ въ 1881 г., а именно: дозволено читать въ пражскомъ университетѣ лекціи по всѣмъ предметамъ на двухъ языкахъ: на чешскомъ и нѣмецкомъ. Давно уже чехи высказывали желаніе, чтобы чешской молодежи была предоставлена возможность приобрѣтать высшія научныя познанія на родномъ языкѣ, но осуществленіе этого, воплѣ справедливаго, желанія постоянно встрѣчало непреодолимую преграду въ систематическомъ сопротивленіи нѣмцевъ всѣмъ мѣрамъ, клонящимся къ уравненію правъ другихъ національностей австрійской имперіи съ нѣмецкою. Требованіе чеховъ имѣть свой университетъ было тѣмъ болѣе справедливо, что нѣмцы не имѣютъ ни малѣйшаго права считать существующій въ Прагѣ университетъ нѣмецкимъ. Пражскій университетъ былъ, какъ мы уже знаемъ, основанъ болѣе 500 лѣтъ тому назадъ чешскимъ королемъ Карломъ, основанъ на средства чешскаго народа, а между тѣмъ сдѣлался нѣмецкимъ университетомъ. Студенты-нѣмцы получали даже большую часть его стипендій. Уже это одно всегда страшно возбуждало чеховъ противъ нѣмцевъ, заставляло молодежь требо-

вать устройства новаго университета. Особого чешскаго университета не устроили, но, какъ было упомянуто выше, въ 1881 г. рѣшено было учредить при пражскомъ университетѣ параллельные курсы на чешскомъ языкѣ, такъ что всѣ предметы въ немъ теперь будутъ преподаваться на обоихъ языкахъ.

Но, не смотря на то, что Чехія пользуется въ настоящее время нѣкоторой долей самоуправленія и нѣкоторыя ея требованія выполнены, она все-таки далеко не имѣетъ той самостоятельности, какую пользуются нѣмцы. Отсюда постоянная борьба и ненависть между этими двумя націями. Болѣе всего возбуждаетъ недовольство и волненія несправедливый избирательный законъ, который дѣйствуетъ и до сихъ поръ. Послѣ 1861 г., при новомъ, конституціонномъ устройствѣ Австріи, въ Богеміи учредили избирательные округа подѣломъ дѣйствіемъ такого избирательнаго закона, который разсчитанъ на доставленіе нѣмцамъ большинства голосовъ. Страна избираетъ на 4 года 241 депутата слѣдующимъ образомъ: 450 крупныхъ помѣщиковъ Чехіи имѣютъ право выбирать изъ себя 70 депутатовъ; но въ Богеміи между богатыми землевладѣльцами природные чехи—большая рѣдкость. Богатые землевладѣльцы въ этой странѣ обыкновенно нѣмцы или люди, по своему положенію принадлежащіе къ партіи, противной чешскимъ патріотамъ. Эти помѣщики ждуть наградъ, крестовъ и другихъ милостей отъ австрійскаго правительства, поэтому они и выбираютъ такихъ депутатовъ, которые могутъ быть пріятны правительству, т. е. людей, принадлежащихъ къ нѣмецкой партіи. Затѣмъ города Чехіи посылаютъ отъ себя въ сеймъ 87 депутатовъ, а такъ какъ городской цензъ очень высокъ, то большая часть городского населенія не участвуетъ въ выборахъ; между тѣмъ нѣмцы и евреи, по преимуществу торгующій элементъ чешскихъ городовъ, всѣ пользуются правомъ выбора. Только тогда, когда у чеховъ будетъ болѣе своихъ депутатовъ, они будутъ имѣть возможность и болѣе отстаивать свои національные интересы.

Скоро ли чехи добьются отъ австрійцевъ выполненія всѣхъ своихъ требованій—неизвѣстно, но въ близкомъ будущемъ въ ихъ судьбѣ можно ожидать большихъ переменъ къ лучшему, такъ какъ въ настоящее время національное и политическое движеніе охватило всю страну. Куда вы ни отправитесь теперь — въ самую глухую деревеньку или въ городъ, васъ вездѣ поразятъ успѣхи чешскаго національнаго движенія, вы ото всѣхъ услышите тѣ-же требованія, тѣ-же мнѣнія, желанія и стремленія. Въ національномъ дѣлѣ всѣ чехи солидарны между собой и отъ мала до велика воодушевлены одними и тѣми-же патріотическими стремленіями.

Картина богемскихъ городовъ.—Чиновники и горожане-земледѣльцы.—Ихъ характеръ и различіе, существующее между ними.—Любовь къ устройству различныхъ обществъ.—„Бесѣды“ и ихъ вліяніе на народъ.—Студенты и ихъ значеніе въ странѣ.—Чешскій языкъ.—Религія народа и его священники.

Въ Богеміи много городовъ, но громадное большинство ихъ чрезвычайно малы, съ ничтожнымъ населеніемъ, а многіе имѣютъ и жалкій видъ. Это будетъ понятно, если мы вспомнимъ прошлую судьбу чеховъ: побѣдители, долго наносили ударъ за ударомъ развитію и благосостоянію чешскихъ городовъ. Только немногимъ изъ нихъ удалось нѣсколько подняться и выдти изъ общаго уровня ничтожества. Промышленность страны въ настоящее время сосредоточена лишь въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ и городахъ, а въ другихъ—жители исключительно живутъ земледѣліемъ. Какъ много городовъ въ Богеміи, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ нѣмецкихъ провинціяхъ Австріи 1 городъ приходится на 8 кв. миль, въ Венгріи 1 городъ на 58 кв. м., между тѣмъ въ Чехіи 1 городъ на каждыя 3 кв. м. Но большая часть этихъ чешскихъ городовъ представляетъ нѣчто сред-

нее между деревней и городомъ; богемскіе города иногда бываютъ даже меньше селъ и деревень въ другихъ странахъ западной Европы. Большихъ городовъ въ этой странѣ, кромѣ Праги, совсѣмъ нѣтъ, да населеніе и этой столицы чеховъ увеличивается сравнительно чрезвычайно медленно, и въ настоящее время въ ней со всѣми ея предмѣстьями насчитываютъ болѣе 223,000 ж. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько городовъ, которые имѣютъ отъ 20 до 30 тысячъ жителей, — громадное-же большинство ихъ съ населеніемъ самымъ ничтожнымъ. Однако нужно замѣтить, что тѣ города Богеміи, которые имѣютъ болѣе 10 тысячъ жителей, носятъ уже чрезвычайно опрятный и уютный характеръ: ихъ улицы — прямыя, съ правильно построенными, двухэтажными каменными домами, а въ городахъ, гдѣ населеніе превышаетъ 10 тысячъ, много построекъ въ три и четыре этажа. Тѣмъ не менѣе улицы маленькихъ городовъ, въ большинствѣ случаевъ, не мощены и освѣщаются тусклыми фонарями. Сѣтъ желѣзныхъ дорогъ Богеміи касается далеко не всѣхъ ихъ и сообщеніе поддерживается почтовыми экипажами и омнибусами. Жизнь въ этихъ городахъ-поселкахъ поражаетъ своею тишиной и однообразіемъ: рѣдко когда посторонній челоувѣкъ сюда заглянетъ, да и то развѣ купецъ, который имѣетъ дѣло съ мѣстной мелочной лавочкой, или какой-нибудь агентъ по своимъ собственнымъ дѣламъ. Передъ домами и во дворахъ этихъ городскихъ жителей стоятъ телѣги, плуги и бороны, которые говорятъ о томъ, что жители живутъ земледѣліемъ. И дѣйствительно, осенью здѣсь со всѣхъ сторонъ дружно раздается стукъ молотильныхъ цѣповъ. Названіе «горожане-земледѣльцы» совершенно точно характеризуетъ жителей: это крестьяне съ внѣшностію горожанъ. Жители этихъ маленькихъ городковъ-поселковъ становятся все болѣе горячими патриотами: вывѣски на домахъ ремесленниковъ еще недавно были нѣмецкія или на обоихъ языкахъ, въ настоящее-же время считается преступленіемъ имѣть такую вывѣску, и ремесленникъ, осмѣлившійся сдѣлать это, рискуетъ потерять много заказовъ.

Населеніе этихъ городовъ дѣлится на двѣ, рѣзко различающіяся другъ отъ друга группы: къ первой, менѣе многочисленной, принадлежитъ цѣлая армія чиновниковъ. Со введеніемъ конституціи въ Австрію, въ 1860 г., необыкновенно многочисленный классъ чиновниковъ уменьшился, тѣмъ не менѣе ихъ и до сихъ поръ еще чрезвычайно много, какъ въ Богеміи, такъ и во всей Австрійской имперіи. Лучшими австрійскими чиновниками считаются чехи. Съ здравымъ, трезвымъ и практическимъ умомъ они соединяютъ въ себѣ много хладнокровія, терпѣнія и аккуратности, но въ тоже время въ нихъ развивается и много недостатковъ, свойственныхъ этому сословію: формализмъ въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, педантизмъ и консервативный духъ. Вы ихъ сейчасъ отличите между всѣми по формально-однообразному тону и по особой, только имъ свойственной, походкѣ. Къ группѣ чиновниковъ можно отнести также богатыхъ жителей городковъ: какъ тѣ, такъ и другіе свободно говорятъ на двухъ языкахъ и выражаютъ симпатію то чешской, то нѣмецкой партіи, смотря по тому, кому выгоднѣе симпатизировать въ данную минуту. Напротивъ того коренные жители городковъ, служащіе представителями второй группы, — горожане-земледѣльцы, обрабатывающіе небольшой участокъ земли, а также священники, учителя и небольшое число мелкихъ ремесленниковъ — все это восторженные патриоты, люди, которые внимательно прислушиваются къ каждому слову, исходящему отъ руководителей въ Прагѣ; они съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждутъ выхода чешскихъ газетъ, за кружкой пива много толкуютъ о политикѣ, собираются въ различныхъ обществахъ, говорятъ восторженные рѣчи, и все съ цѣлью развить національное стремленіе своихъ собратьевъ.

Въ каждомъ чехѣ чрезвычайно развита общественная струнка. Какъ только у него является свободная минута, онъ отправляется съ пріятелемъ осушить кружку пива.

Любовь къ учрежденію обществъ у чеховъ развита чрезвычайно сильно, и число ихъ съ каждымъ годомъ все увеличивается: въ 1875 г. ихъ было болѣе 3,300. Цѣли этихъ обществъ самыя разнообразныя: благотворительныя, образовательныя, увеселительныя, политическія, музыкальныя и т. п. до безконечности. Къ обществамъ съ цѣлями народно-экономическими относятся потребительныя общества: ихъ устраиваютъ для того, чтобы члены, за болѣе дешевыя цѣны, могли прибрѣтать товары лучшаго качества. Изъ обществъ благотворительныхъ особенною извѣстностію пользуется общество для «погребенія мертвыхъ»; много членовъ насчитываютъ различныя гимнастическія общества, но болѣе всего ихъ въ тѣхъ, которыя устраиваютъ «бесѣды» (нѣчто въ родѣ клубовъ).

Когда въ народѣ уже пробудилось національное самосознаніе, тогда патріоты стали думать, какъ-бы расшевелить и болѣе состоятельные классы и заставить ихъ симпатизировать національнымъ стремленіямъ. Съ этою цѣлью была устроена въ 1835 г. первая бесѣда съ танцами, пѣніемъ и небольшими сценическими представленіями. Распорядители устроили все чрезвычайно изящно и удобно. Большія приготовленія и горячее участіе всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ личностей такъ заинтересовали состоятельныхъ людей, что всѣ они появились со своими дочерьми и сыновьями. Распорядители рѣшили говорить на этомъ вечерѣ не иначе, какъ по чешски. Сначала это нѣсколько шокировало дѣвицъ, которыя считали въ то время чешскій языкъ холопскимъ, но на вечерѣ было такъ много развлеченій, всѣ такъ задушевно веселились, что какъ онѣ, такъ и ихъ матери рѣшили, «что молодежь, играющая въ чехизмъ», преинтересная и что она отлично умѣетъ устраивать забавы. Съ этихъ поръ бесѣды стали быстро распространяться между всѣми классами общества, въ городахъ и селахъ, и имѣли огромное вліяніе на развитіе народной рѣчи; разговаривая на бесѣдахъ не иначе, какъ по-чешски, люди славянской крови стали скоро исключительно говорить на родномъ языкѣ.

Члены каждой бесѣды—люди болѣе или менѣе однихъ убѣжденій, такъ что каждый чувствуетъ себя здѣсь совершенно свободно. Особенно много развилось бесѣдъ въ 1867 г. Для нихъ нанимаютъ обыкновенно скромное помѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ устраиваютъ ссудо-сберегательную кассу. Когда эта операція даетъ возможность скопить небольшой капиталъ, тогда члены покупаютъ мѣсто, чтобы выстроить домъ для новой бесѣды или съ тою-же цѣлію покупаютъ готовое зданіе. «Пражская католическая бесѣда» имѣетъ теперь годичный оборотъ въ 5 м. гульденовъ и недавно прибрѣла себѣ домъ въ 140 т. гульденовъ. Одна изъ первыхъ пражскихъ бесѣдъ, такъ называемая мѣщанская, владѣетъ громаднымъ домомъ со множествомъ всякаго рода помѣщеній и имѣетъ двѣ ссудо-сберегательныя кассы. Въ саду, окруженномъ прелестною галлереею, обросшею вьющимся виноградомъ, устроены лѣтнія столовыя. Два раза въ недѣлю сюда стекается множество публики слушать музыку; въ большой залѣ «мѣщанской бесѣды» бывають танцы и музыкальные вечера; во время карнавала устраиваютъ костюмированныя балы. Каждое семейство вноситъ ежегодную плату въ 10 гульденовъ и уже бесплатно пользуется развлеченіями бесѣды. Члены могутъ здѣсь обѣдать, что для небогатаго челоуѣка большой расчетъ, такъ какъ здѣсь лучше и дешевле кормятъ, чѣмъ въ ресторанахъ.

Бесѣды оказали благотворное вліяніе и на низшій классъ населенія. Чешскіе рабочіе въ свободное время теперь тоже отправляются въ бесѣды, которыя устраиваются обыкновенно въ гостинницахъ, и слушаютъ пѣніе, музыку, чтеніе, смотрятъ иногда небольшія представленія.

Бесѣды эти носятъ болѣе или менѣе одинъ характеръ, только въ Прагѣ ихъ устраиваютъ нѣсколько роскошнѣе. Въ дверяхъ васъ встрѣчаютъ распорядители, которыя обыкновенно бывають студенты. Здѣсь кстати будетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Можно смѣло сказать, что ни въ одной странѣ не существуетъ такой искренней, трогательной симпатіи, такой тѣсной связи между народомъ и студентами, какъ у чеховъ. Чешскіе студенты вполнѣ заслужили любовь и уваженіе своего народа. Они много работали для національнаго дѣла. Извѣстные дѣятели, какъ Палацкій, Шафарикъ, Челяковскій и др., еще будучи студентами, стали пробуждать въ народѣ письменно и устно національное самосознаніе. Ихъ товарищи, и еще болѣе послѣдующіе выпуски студентовъ, сдѣлались истинными апостолами народныхъ стремленій; съ наступленіемъ каникулъ они партіями и въ одиночку расходятся по всей странѣ, переходятъ изъ города въ городъ, забираются въ самые уединенные уголки и пропагандируютъ народу въ общедоступной формѣ идеи передовыхъ людей своей страны. Принося въ жертву національнымъ стремленіямъ свои средства, время, а часто и жизнь, они своими разсказами, восторженными рѣчами и пѣснями пробуждаютъ въ народѣ страстную любовь къ родинѣ и устраиваютъ для этой цѣли различныя общества. Въ 1877 г. такихъ обществъ насчитывали 26: однѣ изъ нихъ даютъ бѣднымъ людямъ средства къ образованію, другія — прискиваютъ занятія, третьи — знакомятъ своихъ членовъ съ жизнью всѣхъ славянскихъ народовъ и распространяютъ идеи славянской взаимности, но прежде всего онѣ, разумѣется, имѣютъ въ виду свои чешскіе интересы. Въ этой глубокой преданности къ своей національности много трогательнаго, большіе задатки нравственной стойкости чешскаго народа. Но возвратимся къ бесѣдамъ. Вотъ какъ описываютъ одну изъ нихъ.

Распорядители бесѣды одѣты въ «чамары» (національный костюмъ, нѣчто въ родѣ пиджака съ большими петлями) и въ банты національныхъ цвѣтовъ. Залъ убрано красными и бѣлыми цвѣтами, бюстами и портретами національныхъ борцовъ за чешскую независимость, украшено славянскими знаменами. На главной стѣнѣ зала большая декорация: въ серединѣ виситъ богемскій гербъ — бѣлый левъ на красномъ полѣ; влѣво — моравскій орелъ съ красными и серебряными квадратиками; направо красуется черный силезскій орелъ. Надъ гербами блеститъ золотая «корона Вячеслава», окруженная знаменами. Противъ этой декорации возвышается бюстъ умершаго журналиста Гавличка-Боровскаго; съ той и другой стороны размѣщены бюсты Ригера и Палацкаго.

Публика стекается отовсюду: чиновники, учителя, горожане съ женами и дочерьми. Тотъ, кто имѣетъ чамару, непременно одѣлъ ее сюда, повязалъ шею краснымъ галстукомъ и закололъ его булавкою съ серебрянымъ львомъ. Торжество обыкновенно открываетъ мѣстное общество пѣніемъ національнымъ гимномъ «Vitava» (Молдава). Въ немъ восхваляютъ рѣку, быстро стекающую съ горъ Богеміи и съ шумомъ ватящую свои волны. Затѣмъ выступаетъ ораторъ. Онъ обращается къ обществу съ словами: «братья-славяне!» и въ краткомъ очеркѣ излагаетъ исторію своего народа, говоритъ о его стремленіяхъ въ настоящее время. За нимъ появляется молодая женщина: вся ея фигура дышетъ огнемъ, большіе глаза горятъ одушевленіемъ, движенія ея драматичны, — это просто богиня патриотическаго энтузіазма! Чамаристы жестоко аплодируютъ ей и она начинаетъ «Kde domov můj», т. е. «гдѣ мое отечество?» *), — національную пѣсню народнаго поэта Каэтана Тилы. По окончаніи пѣнія рукоплесканіямъ нѣтъ конца; затѣмъ слѣдуетъ хоровое пѣніе, за нимъ юмористическіе разсказы, въ которыхъ главную роль

*) Эту пѣсню своими словами можно передать такъ: «Гдѣ родина моя? Гдѣ мое отечество? Вода орошаетъ луга, лѣса шумятъ на скалахъ, въ саду цвѣтетъ весенній цвѣтъ — точно земной рай. И эта прекрасная земля — земля чешская, моя родина. Знаете-ли благословенную страну, гдѣ люди одарены вѣрной душой и здоровымъ тѣломъ, гдѣ зарождается и живетъ свѣтлая мысль, гдѣ господствуетъ непреодолимая сила? Это знаменитое племя чеховъ, это моя отчизна!» Лишь только успѣла выдти въ свѣтъ эта пѣсня, какъ она проникла во всѣ чешскія селенія и сдѣлалась популярною. Другіе чешскіе поэты постоянно прибавляютъ къ ней новыя строфы и ихъ набралось теперь очень много.

обыкновенно играют нѣмцы въ забавномъ или глупомъ видѣ. И это понятно: чехи такъ долго страдали подъ нѣмецкимъ игомъ, что мстятъ имъ теперь своею непримиримую ненавистью и, говоря о нихъ, впадаютъ даже въ крайность и преувеличиваютъ ихъ недостатки.

Юмористическими рассказами закончилась, такъ сказать, официальная часть «бесѣды» и началась вторая половина вечера, гдѣ публика дѣлится на различныя группы: молодежь танцуетъ въ залѣ подъ звуки національныхъ мелодій, пожилые люди и охотники потолковать о политикѣ расходятся въ другія комнаты. Тутъ за столиками сидятъ мужчины и пьютъ пиво не менѣе нѣмцевъ; за другими столами идутъ горячіе споры о соединеніи всѣхъ славянъ воедино для подавленія нѣмецкаго ига: во имя этой идеи пьютъ, братаются. Одинъ молодой человекъ, держа въ правой рукѣ стаканъ, декламируетъ «дочь славы» Коллара, народнаго чешскаго писателя: «о Славія, — твое сладкозвучное имя полно горестныхъ воспоминаній! Сто разъ попанная, ты всегда вновь поднималась къ высшей почести».

Такая страстная, лихорадочная патріотическая агитація дѣлаетъ то, что въ лагерь чеховъ переходятъ даже немало природныхъ нѣмцевъ, которые въ такихъ случаяхъ употребляютъ всѣ свои силы, чтобы стереть съ себя печать своей національности. Они начинаютъ съ того, что свое нѣмецкое имя на половину дѣлаютъ чешскимъ: «Thiersch» начинаютъ писать свою фамилію «Туѣ»; затѣмъ они выучиваются чешскому языку и съ неподдѣльною искренностію отстаиваютъ интересы чеховъ.

Большая часть чеховъ говоритъ на двухъ языкахъ: на своемъ родномъ и на нѣмецкомъ, знаніе котораго чехи приобрѣли еще въ школѣ, когда все обученіе шло на нѣмецкомъ языкѣ; но теперь они говорятъ на этомъ языкѣ неохотно и только въ крайнемъ случаѣ. Нѣкоторые изъ нихъ даже боятся въ публичномъ мѣстѣ болтать по-нѣмецки: патріоты-фанатики могутъ къ этому придратъся и сдѣлать за это публичный скандалъ. Эти патріоты-фанатики очень часто доводятъ свои національные принципы до крайности, даже въ ущербъ прогрессу и цивилизаціи.

Богемскіе нѣмцы на границѣ дистриктовъ тоже обыкновенно говорятъ на двухъ языкахъ. Они придумали для этого весьма практическое средство: чешскаго ребенка, научившагося своему родному языку, перевозятъ въ сосѣднюю деревню въ нѣмецкое семейство, которое отправляетъ своего ребенка къ чехамъ. Своимъ быстрымъ распространеніемъ чешскій языкъ обязанъ прежде всего тому, что онъ весьма однородный и въ немъ мало мѣстныхъ нарѣчій. Къ тому же «правила о правописаніи», вышедшія въ 1842 г., сдѣлали чешскую орфографію образцомъ простоты.

Господствующая религія чеховъ католическая. Никто столько разъ не мѣнялъ религію, никто съ такимъ жаромъ не отстаивалъ вновь привитую вѣру, никто столько разъ не созидалъ и не разрушалъ новые храмы для своего поклоненія, какъ чехи. Они строили себѣ храмы православные, католическіе, гуситскіе, протестантскіе и теперь опять католическіе. Въ настоящее время Кириалъ и Меѳодій совсѣмъ забыты чешскимъ народомъ, память Гуса тоже мало сохранилась, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этотъ поборникъ правды проповѣдывалъ противъ устарѣлыхъ формъ католической религіи, стоятъ теперь статуи католическихъ святыхъ — Непомука и Саркандра. Только изъ книгъ народъ знаетъ кой-что о Гусѣ, между тѣмъ имя Непомука гремитъ на всю Чехію. Въ нѣкоторыхъ городахъ существуютъ храмы, посвященные его имени; въ этой странѣ мало такихъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ-бы на площади или на мосту не стояла статуя этого святаго. Въ день его памяти сотни тысячъ народу стекаются на богомолье въ Прагу, къ его мнимымъ мощамъ, а день Гуса вспоминаютъ лишь ученые. Только городъ Ичинъ (въ восточной Богеміи) воздвигъ на одной изъ своихъ площадей памятникъ со статуей Гуса.

Чешскій священникъ почти всегда приверженецъ національной партіи. Онъ ходитъ въ чамарѣ и убранство его комнаты носитъ національный отпечатокъ. Рядомъ съ портретами папы и пражскаго архіепископа у него висятъ литографіи, изображающія извѣстныхъ чешскихъ патріотовъ. Обстановка комнаты обыкновенно очень проста и даже бѣдна: высшее духовенство получаетъ огромныя деньги, а низшее очень скромное содержаніе. Это различіе въ матеріальномъ положеніи чешскаго духовенства отражается и въ его взглядахъ, и на отношеніи къ народу. Духовныя лица низшаго духовенства стремятся впередъ, стараются сгладить устарѣлыя формы религіи, высшее духовенство, напротивъ, преслѣдуетъ малѣйшее уклоненіе отъ нихъ; первые — друзья народа, такъ какъ сами вышли изъ его среды, тогда какъ вторые ставятъ на первомъ планѣ власть Рима и сохраненіе старыхъ формъ католической церкви.

Нигдѣ такъ ясно, какъ среди чешскаго духовенства, не сказывается разладъ между національнымъ чувствомъ и религіей. Какъ католикъ, чешскій священникъ ненавидитъ Гуса и всѣхъ его послѣдователей, какъ патріотъ, онъ симпатизируетъ ему и тайкомъ проклинаетъ нѣмцевъ и іезуитовъ, которые хитростію и силою ввели католицизмъ. Чешскій священникъ имѣетъ большое вліяніе на народъ, такъ какъ онъ самъ вышелъ изъ его среды и хорошо понимаетъ его нужды. Впрочемъ теперь, вѣроятно, нѣсколько ослабѣетъ вліяніе духовенства, такъ какъ въ 1869 году для народныхъ школъ былъ объявленъ законъ, по которому онѣ могутъ существовать безъ непосредственнаго надзора за нимъ духовенства.

Чешскій крестьянинъ посѣщаетъ обѣдню, соблюдаетъ посты, исповѣдывается, но его совѣмъ нельзя упрекнуть въ католическомъ фанатизмѣ: это происходитъ вѣроятно оттого, что онъ много разъ мѣнялъ свою религію, да она и навязана была ему силою и противорѣчитъ его чувствамъ и воззрѣніямъ.

Эмиграція чеховъ и ея причины.—Евреи и ихъ значеніе въ Богеміи

Богемія принадлежитъ къ числу населеннѣйшихъ частей Австріи. Густота населенія въ этой странѣ имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны: она развиваетъ въ народѣ духъ общественности и предприимчивости, но въ-тоже время чрезчуръ большое скопленіе рабочихъ силъ въ извѣстной мѣстности уменьшаетъ цѣну на трудъ. По послѣдней переписи чеховъ во всей Австріи оказалось около 5 мил., но собственно въ Богеміи ихъ 3.470,000. Бываютъ года, когда народонаселеніе въ Богеміи не увеличивается, а даже уменьшается. Это происходитъ отъ весьма многихъ и сложныхъ причинъ: 1) отъ чрезмѣрнаго скопленія народонаселенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе чего оно поневолѣ должно отъ времени до времени выселяться, 2) вслѣдствіе излишняго обремененія народа податями и налогами и 3) болѣе всего потому, что среди чешскаго народа много безземельнаго пролетаріата. Большая часть земель Богеміи подѣлена не между народомъ, принадлежитъ не земледѣльцамъ, которые ее обрабатываютъ, а нѣсколько богатѣйшимъ фамиліямъ. Богемію смѣло можно назвать странюю крупной поземельной собственности. Болѣе трети ея составляютъ «дворянскія земли»; многія имѣнія знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій въ этой странѣ такъ велики, что нѣкоторыя изъ нихъ обнимаютъ пространство земли въ сто и двѣсти кв. верстъ. Между тѣмъ у массы народа нѣтъ часто даже клочка земли, а очень многіе владѣютъ такимъ ничтожнымъ участкомъ, что едва могутъ построить небольшую хижину и разбить одну-двѣ гряды для своихъ овощей. Въ неурожайные годы чехи тысячами выселяются съ родины, и эта эмиграція началась уже давно. Отъ 1850 по 1861 г.

въ разныя земли выселилось чеховъ болѣе 23 т. душъ; въ одномъ только 1871 г. ихъ эмигрировало 4,750 ч. На это приходится обращать вниманіе особенно потому, что эмиграція въ Австріи вообще не велика, въ Богеміи-же въ послѣднее время она стала увеличиваться съ каждымъ годомъ. Чешскіе эмигранты уходятъ не только въ Америку, но и въ разныя провинціи Австріи. Кромѣ того чрезвычайно много въ странѣ кочующихъ работниковъ всякаго рода: странствующихъ музыкантовъ, арфистокъ, плотниковъ, каменщиковъ, которые каждый годъ отправляются на заработки въ со-сѣднія страны. Странствующихъ рабочихъ въ Богеміи считаютъ не десятками, а сотнями тысячъ. Бываютъ года, когда они расходятся на заработки въ количествѣ отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ человекъ. Очень многіе изъ этихъ уходящихъ на заработки людей и вовсе не возвращаются на родину; особенно много чеховъ остается навсегда въ Вѣнѣ. Множество вѣнскихъ музыкантовъ, ученыхъ, чиновниковъ, домашней прислуги, разнаго рода ремесленниковъ — чешскаго происхожденія. Въ Вѣнѣ чехъ скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, теряетъ чутье къ своимъ національнымъ стремленіямъ и ему скоро становятся не только чужды, но и дики мечты молодого чешскаго поколѣнія. Мало того: Вѣна не только германизируетъ славянское племя, но и деморализируетъ его. Чешскій парень, пожившій въ Вѣнѣ, поденщица или фабричная работница, если когда и возвращаются на родину, то живутъ какъ-то особнякомъ и никто изъ нихъ не раздѣляетъ пламенныхъ національныхъ чувствъ своихъ собратій.

Изъ всего числа жителей Богеміи первое мѣсто принадлежитъ чехамъ: ихъ 59% всего населенія; затѣмъ слѣдуютъ нѣмцы — 32% наконецъ евреи и ничтожное количество другихъ національностей составляютъ 9%.

Евреевъ въ Австріи прежде сильно преслѣдовали: они могли селиться лишь въ извѣстныхъ городахъ и въ кварталахъ, специально для нихъ предназначенныхъ. Теперь они живутъ въ этой странѣ, гдѣ желаютъ, и размѣщаются въ городахъ по своему усмотрѣнію. Въ 1880 г. произведена перепись народонаселенія Австріи, изъ которой обнаружилось, что въ 11 лѣтъ число евреевъ въ этой странѣ сильно увеличилось. Въ 1869 г. населеніе Австріи равнялось 20.396,630 ч., а теперь оно простирается до 22.130,705 чел. Слѣдовательно приростъ населенія равняется 8½ процен. Евреевъ въ 1869 г. было 822,320 ч., а теперь ихъ 1.005,563, слѣдовательно за тотъ же періодъ времени число евреевъ увеличилось болѣе чѣмъ на 22%. Въ Вѣнѣ же наплывъ евреевъ громаденъ: за 11 лѣтъ число ихъ увеличилось на 80 проц., тогда какъ приростъ за тотъ же періодъ времени христіанскаго населенія достигаетъ только 11½ проц. Въ Прагѣ христіанское населеніе увеличилось всего на 3¼, а еврейское на 26¾ проц. Множество лучшихъ домовъ въ Прагѣ, на самыхъ видныхъ улицахъ, принадлежитъ теперь евреямъ. Чехи ненавидятъ евреевъ почти такъ-же, какъ и нѣмцевъ, своихъ исконныхъ враговъ. Отчасти это происходитъ оттого, что евреи, за рѣдкими исключеніями, держатъ сторону нѣмецкой партіи, что имъ выгодно въ всѣхъ отношеніяхъ. Съ нѣмецкими фабрикантами и промышленниками евреи могутъ вести дѣла, совершать коммерческія сдѣлки и финансовыя операціи. Съ чехами они не могутъ вступать въ такія же отношенія, такъ какъ между ними, кромѣ рѣдкихъ исключеній, нѣтъ ни крупныхъ фабрикантовъ и промышленниковъ, ни финансистовъ и банкировъ; къ тому-же разсчетливому еврею всегда выгодно услужить болѣе сильнымъ и власть имѣющимъ людямъ, какими являются нѣмцы, чѣмъ бѣдному чешскому простонародью. Чешскіе патріоты говорятъ, что, если-бы когда-нибудь между ними и нѣмцами вспыхнула борьба, евреи приняли-бы сторону нѣмцевъ, что было-бы весьма опасно для чешской національности, такъ какъ евреевъ въ Богеміи и Моравіи чрезвычайно много. Свою ненависть чехи объясняютъ также эксплуатаціей, которой они подвергаются со стороны евреевъ, и ихъ склонностью спаивать деревенскихъ

жителей и держать их у себя въ кабалѣ. Замѣчено, что мелкій еврейскій лавочникъ, поселившійся въ чешскомъ городкѣ или деревенькѣ, быстро богатѣетъ. Сначала онъ продаетъ только муку и водку, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже начинаетъ торговать всѣмъ необходимымъ для крестьянина. Необыкновенное трудолюбіе, полнѣйшая трезвость, замѣчательное довольство малымъ, терпѣніе, энергія, промышленный духъ, торговая сметка и всепожирающая страсть къ наживѣ сказываются въ австрійскомъ еврейѣ сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Деревенскіе жители это отлично сознаютъ, и лишь только разносится слухъ, что еврей пріѣхалъ и открываетъ лавочку, въ деревнѣ происходитъ настоящая революція: жены слабохарактерныхъ и наклонныхъ къ пьянству мужей въ ужасѣ бѣгаютъ изъ дома въ домъ, сообщаютъ всѣмъ новость, причитаютъ, плачутся на свою горькую долю и проклинаятъ всѣхъ евреевъ вообще. Торговецъ-чехъ тоже въ отчаяніи: онъ почувствовалъ, что ему не сдобровать, такъ какъ въ еврей онъ приобрѣтаетъ опаснаго конкурента, и потому тутъ-же рѣшается прекратить свою торговлю. Даже священникъ, чтобы предупредить соблазнъ, находитъ необходимымъ сказать въ церкви, при первомъ богослуженіи, проповѣдь, главною темою которой служить вредъ, происходящій отъ пьянства. Всѣ встрѣчаютъ еврея съ открытою враждою, и она, какъ искра подъ пепломъ, таятся до перваго удобнаго случая. Не смотря на это, крестьяне скоро начинаютъ поговаривать, что водка въ лавкѣ еврея крѣпче и лучше чѣмъ въ другихъ шинкахъ, а чехъ не можетъ начать работу утромъ, не выпивъ стаканчикъ этого напитка; къ тому-же они находятъ гораздо удобнѣе забирать и остальной, находящейся у него въ лавкѣ, товаръ, такъ какъ онъ отпускаетъ въ кредитъ. И вотъ уже съ раняго утра наполняется народомъ пестрая лавка еврея, надъ дверью которой висятъ вѣнокъ изъ желтыхъ деревянныхъ лимоновъ, украшенный зелеными листьями. Постоянный наплывъ народа даетъ возможность еврею очень скоро расширить свою торговлю, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ надъ его домомъ красуется уже двойной орелъ съ надписью: «королевско-императорская торговля табакомъ», для чего нужно имѣть весьма порядочный капиталъ. Нѣсколько времени спустя появляется и другой орелъ въ знакъ того, что неутомимый еврей добился наконецъ разрѣшенія продавать лотерейные билеты. Ежемѣсячно, наканунѣ дня, когда въ Прагѣ происходитъ тиражъ, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ деревняхъ лавку еврея осаждаютъ громадная толпа. Всѣ бѣгутъ купить лотерейный билетъ на послѣдніе трудовые гроши, или по крайней мѣрѣ половину и даже треть его. Когда тиражъ оконченъ и почтальонъ приноситъ листъ выигрышныхъ номеровъ, еврей выставляетъ его за окномъ своей лавки. Толпа народа осаждаютъ тогда лавку, и обманувшіеся въ своихъ надеждахъ, чтобы на чемъ-нибудь сорвать сердце, проклинаятъ еврея, нерѣдко подступаютъ къ нему даже съ угрозами.

Сборъ пошлинъ на устройство шоссе отдается здѣсь въ аренду тому, кто предлагаетъ за это болѣе другихъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ еврей дѣлается сборщикомъ пошлинъ. Наживъ торговлею небольшія деньги, онъ ссужаетъ ихъ крестьянамъ за большіе проценты, умѣетъ заманить женщинъ раскошелиться на наряды, тоже навязывая ихъ въ долгъ. Черезъ года два послѣ появленія еврея, вся деревня, отъ перваго до послѣдняго взрослого человѣка, состоитъ у него въ долгу, и весь заработокъ крестьянина идетъ теперь въ его карманъ. Народъ мститъ ему за это самой безпощадной ненавистью, часто самымъ варварскимъ и нехристіанскимъ способомъ. Чехи злобно издѣваются надъ каждымъ евреемъ и его дѣтьми, чешская молодежь, лишь только завидитъ ихъ на улицѣ, а часто нарочно и передъ ихъ домами, танцуетъ комическій танецъ «Žid», въ которомъ злобно потѣшаются надъ внѣшностію и манерами еврея. Этого мало. Стоять поденщику-чеху не получить въ срокъ уплаты жалованья отъ хозяина-еврея или получить отказъ увеличить его размѣры, онъ въ ту же минуту бѣжитъ рассказать объ

этомъ товарищамъ, которые тотчасъ толпами собираются къ дому еврея, выбиваютъ камнями стекла, нерѣдко жестоко колотятъ попавшихся дѣтей и жену. Такая дикая расправа чеховъ съ евреями случается на столько часто, что здѣсь уже къ этому все привыкли, и газеты обращаютъ на нее вниманіе только тогда, когда она выходитъ изъ ряду вонъ и наноситъ большой матеріальный ущербъ сразу многимъ евреямъ или отличается большою жестокостію.

Мы уже указывали какъ на дурныя, такъ и на хорошія стороны богемскихъ евреевъ; къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести также ихъ благотворительность: еврейскія больницы, благотворительныя заведенія, школы, богадѣльни и общества погребенія умершихъ распространены по всей Богеміи и болѣе другихъ соотвѣтствуютъ своей цѣли. Ихъ семейная жизнь въ этой странѣ отличается нравственностію и заслуживаетъ полнаго уваженія. Многие упрекаютъ ихъ за веряшливость, которую встрѣчаютъ въ ихъ домахъ въ Прагѣ, въ еврейской части города, но тамъ живутъ чрезвычайно бѣдныя еврейскія семейства, между тѣмъ какъ въ деревняхъ они чистоплотны не менѣе чеховъ. Деревенскій еврей въ Богеміи живетъ особнякомъ и не пытается сблизиться съ чешскимъ народомъ: во время масляницы еврей, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, собираются на свои балы, на которыхъ можно встрѣтить исключительно еврейскій элементъ.

Жизнь и положеніе чешскаго простонародья.—Халушники и седлаки.—Внѣшній видъ чешской деревни.—Избы крестьянъ и ихъ обстановка.—Домашняя жизнь народа, его характеръ, образованіе, суевѣріе, фізіономія и одежда.

Въ Чехіи, какъ мы уже говорили, крупное землевладѣніе. Большая часть земель сосредоточена въ рукахъ немногихъ аристократическихъ семействъ; къ тому-же нѣкоторые изъ этой богатой поземельной аристократіи владѣютъ нѣсколькими громадными помѣстьями. Одному князю Шварценбергу принадлежитъ значительная часть юго-западной Чехіи, но его помѣстья лежатъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, такъ что онъ владѣетъ тридцатою частью всѣхъ земель въ Богеміи. Императоръ, прелаты, церкви тоже фигурируютъ между крупными землевладѣльцами Богеміи. Кромѣ князя Шварценберга, въ Чехіи существуетъ и много другихъ фамилій, стоимость имѣній которыхъ оценивается сотнями тысячъ, а иногда и милліонами. Назовемъ знатнѣйшихъ изъ нихъ: Чернины, Клинскіе, Фюрстенберги, Лобковицы, Коллоредо-Мансфельды, Кауницы, Видяжгрцы, Хотеки и множество другихъ. Все это новая аристократія, сбѣжавшая сюда со всего свѣта; тутъ много испанцевъ, итальянцевъ, французовъ, но, конечно, болѣе всего нѣмцевъ. Родовая старинная чешская аристократія давно эмигрировала или погибла во время войнъ и религіозныхъ преслѣдованій. Новая чешская аристократія иностраннаго происхожденія изъ 8.645,000 югеровъ (югеръ — 1,600 вѣнскихъ кв. саж.) всей производительной земли въ странѣ имѣетъ въ своихъ рукахъ 2.908,000, слѣдовательно ей принадлежитъ болѣе трети.

Чешскіе крестьяне дѣлятся на четыре разряда: къ первому изъ нихъ принадлежатъ «седлаки». Слово седлакъ означаетъ человѣка, владѣющаго недвижимымъ имуществомъ, землей, т. е. крестьянина-землевладѣльца. Седлакъ имѣетъ обыкновенно поле, луга, домъ, огородъ или садъ. Это сословіе у чеховъ напоминаетъ мелкую польскую шляхту или мелкопомѣстныхъ дворянъ; разница только въ томъ, что въ Польшѣ это среднее сословіе примкнуло къ высшему классу. Польская шляхта всегда и во всемъ старалась подражать аристократамъ своей страны. Въ Чехіи наоборотъ: между седлаками и панами (т. е. господами, — такъ обыкновенно называютъ лицъ высшихъ классовъ) существуетъ громадное разстояніе, и седлаки скорѣе примкнули къ «халушн-

камъ», самому низшему и бѣднѣйшему классу, чѣмъ къ аристократамъ. Седлакъ не имѣлъ и не имѣеть ничего общаго съ паномъ, и потому у него никогда не могло быть никакихъ поползновеній подражать ему. Не смотря однако на свою большую близость къ низшему классу, седлакъ никогда не выдать своей дочки замужъ за халупника, не женить своего сына на его дочери. Но какъ бы ни былъ богатъ седлакъ, какъ бы ни былъ онъ хорошо обставленъ и сколько бы онъ ни имѣлъ «кочаровъ» (родъ кареты), онъ все таки держитъ себя, какъ простой крестьянинъ: онъ самъ пашетъ свою ниву, его жена сама доитъ коровъ, а дочь ходитъ на сѣнокосъ. Изъ этого класса людей главнымъ образомъ и выходятъ чешская интеллигенція. Онъ далъ странѣ страстныхъ патриотовъ и апостоловъ; изъ него выходятъ знаменитые поэты и люди мысли. Богемскій аристократъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній, праздно проводитъ свою жизнь и безразлично относится къ народнымъ стремленіямъ молодого чешскаго поколѣнія, а бѣдные халупники и батраки не имѣютъ средствъ воспитывать своихъ сыновей въ университетахъ. Чешскіе доктора, адвокаты, литераторы, ученые, люди мысли и таланта выходятъ по большей части изъ этого простаго седлацкаго сословія.

Во второму разряду принадлежатъ «халупники» — малоземельные. Халупникъ происходитъ отъ слова «chalura» — небольшой домъ. И дѣйствительно, халупники владѣютъ небольшимъ домомъ и маленькимъ клочкомъ земли. Нерѣдко этотъ клочокъ земли такъ не великъ, что онъ весь состоитъ изъ двухъ, трехъ грядокъ съ зеленью и того крошечнаго пространства, на которомъ стоитъ его домъ.

Третій разрядъ составляютъ «домкари» — безземельные домовладѣльцы. Домкаремъ называютъ здѣсь человѣка, который владѣеть одной хижиной и только тѣмъ клочкомъ земли, на которомъ стоитъ его маленькое жилище; у него нѣтъ даже грядки для овощей.

Наконецъ, къ четвертому разряду крестьянъ принадлежатъ «подругове» (отъ старославянскаго слова «drugъ» — пріятель, близкій, необходимый человѣкъ въ домѣ, слуга, работникъ). Этотъ классъ людей уже не имѣеть рѣшительно никакой собственности и нанимается въ работники къ седлакамъ, къ аристократамъ, множество изъ нихъ бродятъ по странѣ или на чужбинѣ, промышляя музыкою или какимъ нибудь ремесломъ. И такъ мы видимъ, что въ Чехіи, кромѣ небольшого числа седлаковъ, громадная масса людей не имѣеть даже клочка земля, или онъ такъ малъ, что кончается у порога его хаты, но еще болѣе такихъ, которые совсѣмъ не имѣютъ угла, гдѣ бы на старости лѣтъ они могли преклонить свою голову.

Далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ собраны свѣдѣнія о положеніи чешскихъ крестьянъ, но вотъ напр. что извѣстно по этому вопросу въ Пильзенскомъ округѣ, который не составляетъ исключенія между другими. Тутъ на 860 тыс. югеровъ земли 358 тыс. жителей. Въ этомъ округѣ болѣе 47,800 отдѣльныхъ, часто довольно крупныхъ имѣній и 20,000 такихъ, средній размѣръ участка которыхъ не превышаетъ $\frac{1}{4}$ части югера или 305 квадр. саж. Кромѣ нихъ здѣсь еще существуетъ 11,600 землевладѣльцевъ, которые имѣютъ участки отъ 1 до 10 югеровъ, такимъ образомъ въ этомъ округѣ мы находимъ уже болѣе 31,000 чел. земледѣльческаго пролетаріата. Къ такимъ же печальнымъ результатамъ приходишь на основаніи статистическихъ данныхъ въ другихъ округахъ. Въ Ичинскомъ округѣ изъ 48,700 участковъ — 66 крупныхъ имѣній, которыя занимаютъ 34% всей производительной земли округа; среднихъ седлацкихъ участковъ 1,014, а мелкихъ халупницкихъ болѣе 44 тысячъ, изъ которыхъ 21,000 человѣкъ едва владѣеть $\frac{1}{4}$ югера.

Такое неравенство въ матеріальномъ отношеніи даетъ себя чувствовать въ этой странѣ съ первыхъ же шаговъ. Когда путешественникъ оставляетъ за собою поэтиче-

скую долину Эльбы и ѣдет на востокъ, его прежде всего поражаетъ то, что на его вопросъ: «чья земля», ему обыкновенно отвѣчаютъ: «господская, принадлежитъ господамъ Тунъ». Какъ на юго-западѣ тянутся громадныя помѣстья, принадлежащія князю Шварценбергу, такъ точно и тутъ одно за другимъ лежатъ господскія имѣнія.

Не смотря однако на неблагоприятныя матеріальныя условія чешскихъ крестьянъ, внѣшній видъ ихъ деревень производитъ гораздо болѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ многія наши русскія села въ различныхъ захолустьяхъ. Конечно, въ каждой чешской деревнѣ существуетъ нѣсколько крошечныхъ избышекъ, но онѣ какъ-то прячутся за множествомъ весьма порядочно и опрятно выстроенныхъ жилищъ. Къ тому-же безземельнымъ батракамъ даютъ помѣщеніе въ постройкахъ тѣхъ пановъ и седлаковъ, земли которыхъ они обрабатываютъ.

Чешское селеніе расположено на косогорѣ или въ небольшой долинѣ; въ немъ нерѣдко двѣ большія, параллельно идущія улицы, которыя въ центрѣ села соединяются въ одну и образуютъ въ этомъ мѣстѣ площадь. Тутъ стоитъ церковь, домъ священника, школа и гостиница. Отъ церкви до школы идетъ нерѣдко хорошенькая каштановая аллея, что придаетъ деревнѣ весьма привлекательный видъ.

Домъ чешскаго крестьянина уже никакъ не назовешь избышкой на курьихъ ножкахъ: хотя правда, что въ большинствѣ случаевъ, особенно на востокѣ и на юго-западѣ, — это одноэтажное деревянное строеніе съ соломенною крышею, тѣмъ не менѣе оно всегда имѣетъ уютный, опрятный видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дома построены изъ бревенъ на каменномъ фундаментѣ, крыша низко опускается, а на одной изъ сторонъ дома расширяется и, поддерживаемая деревянными столбами, идетъ въ горизонтальномъ направленіи. Подъ этой пристройкой, въ видѣ веранды, называемой «*raulač*», тянется галлерей, въ которой лѣтомъ обѣдаетъ вся семья. Въ Чехіи часто строятъ деревянные дома даже и тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ камнѣ, и хотя теперь уже много каменныхъ жилищъ, но еще достаточно и деревянныхъ. Деревянные дома, часовни и колокольни мы встрѣчаемъ въ большинствѣ второстепенныхъ городовъ; можно смѣло сказать, что половина всѣхъ богемскихъ крестьянскихъ домовъ — деревянные.

Войдемъ въ жилище чеха: прежде всего вы вступаєте въ сѣни, которыя лѣтомъ служатъ кухнею. Если это жилище старое, то полъ въ сѣняхъ земляной, въ новыхъ-же — каменный, или вымощенъ четырехъ-угольными кирпичами. Направо — жилая комната: тутъ зимою стряпаютъ и живетъ вся семья; не смотря на это, вездѣ господствуетъ необыкновенная чистота. По стѣнамъ деревянныя скамейки, но въ то-же время всегда найдете и нѣсколько стульевъ; большой столъ въ углу, подъ образами. На немъ, подъ стекляннымъ колпакомъ, часто стоитъ Богородица, разодѣтая въ кисейное платье и украшенная ленточками; въ углу шварцвальдскіе часы, и даже въ бѣдной комнатѣ на окнахъ кисейныя бѣлыя или тамбурныя занавѣски. Большая кровать для родителей стоитъ тутъ-же у стѣны; дѣти спятъ на широкой печкѣ, которую отапливаютъ изъ сѣней. Такая печка не только въ зимнее время согрѣваетъ комнату, но въ то-же время служитъ постелью часто для многочисленнаго семейства, къ тому-же въ ней пекутъ пироги и хлѣбъ. Налѣво изъ сѣней — лѣстница, которая ведетъ на чердакъ, служащій кладовою для сохраненія зерна, домашнихъ запасовъ и одежды. Подлѣ дома — хлѣвъ; тутъ стоятъ волы, коровы и устроена конюшня для лошадей.

Хотя очень тѣсныя и несчастныя жилища здѣсь не бросаются въ глаза, такъ какъ прячутся за хорошими седлацкими постройками, тѣмъ не менѣе онѣ все-таки существуютъ, что видно даже изъ официальной пражской газеты: «жилища многихъ халуцниковъ вполнѣ соответствуютъ своему названію: ограниченныя узкими полосками земли, они не имѣютъ часто даже мѣста для навозной кучи, которая вмѣстѣ съ свинымъ хлѣ-

вомъ и полной помойной ямой находится прямо передъ окнами и невыносимо заражаетъ воздухъ. Жилища поденщиковъ возмущаютъ нерѣдко еще болѣе: многіе паны помѣщаютъ ихъ гораздо хуже, чѣмъ скотъ на порядочной мызѣ; нерѣдко нѣсколько семействъ живутъ въ одной комнатѣ и каждому опредѣлено извѣстное мѣсто меловыми черточками на полу.

Деревни богемскихъ крестьянъ лежатъ между далеко-тянущимися имѣніями пановъ. Онѣ обыкновенно расположены между полями, которыя на первый взглядъ бросаются въ глаза тѣмъ, что среди нихъ одиноко поднимаются дикія грушевыя деревья. Всѣ другія деревья срубаютъ, но грушевыя — щадятъ даже и тогда, когда онѣ мѣшаютъ пашнѣ. Это происходитъ потому, что дикая груша у чеховъ считается священнымъ деревомъ. Она воспѣваютъ ее въ своихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ одна начинается словами: «Стоитъ въ полѣ широкая груша». Впрочемъ въ Чехіи можно встрѣтить не только грушевыя деревья: почти каждый седлакъ имѣетъ садъ съ плодовыми деревьями или хотя прелестную цвѣточную клумбу.

Дороги въ чешскихъ деревняхъ, въ большинствѣ случаевъ прескверныя, вдоль и поперекъ изборождены глубокими колеями. Лѣтомъ, въ дождливую погоду, на деревенской дорогѣ стоятъ лужи, и медленно движущіяся телѣги крестьянъ то и дѣло вязнутъ въ грязи, такъ что нерѣдко ихъ приходится вытягивать. Зимой же замерзшая грязь представляетъ настоящіе холмы, и чтобы хотя нѣсколько уровнять дорогу, ее засыпаютъ щебнемъ. Близъ самой деревни дорога еще хуже, такъ какъ тутъ на нее выбрасываютъ всякій мусоръ; подлѣ кучъ навоза, которыя въ дождливое время текутъ во всѣ стороны потоками грязи, лежатъ огромные камни, и телѣги должны постоянно объѣзжать ихъ. При вѣздѣ въ деревню стоитъ столбъ, окрашенный въ національные цвѣта, съ дощечкой, на которой написано названіе мѣстечка, наверху по-нѣмецки, а внизу по-чешски; иногда такую надпись можно видѣть на доскѣ, которая прибита къ стѣнѣ перваго деревенскаго дома.

Въ полдень, когда дѣти съ азбуками и грифельными досками выбѣгаютъ изъ школы, вы лучше всего можете подмѣтить національный типъ. Свѣтло-русые волосы и голубые глаза у большинства изъ нихъ дѣлаютъ ихъ съ перваго взгляда совершенно похожими на нѣмецкихъ дѣтей, но если взглянуть пристальнѣе, вы замѣтите, что русый цвѣтъ какъ бы перемѣшанъ съ желтымъ и не имѣетъ темнаго оттѣнка германскаго русаго цвѣта. Вся толпа дѣтей окружаетъ чужаго «пана» и, какъ по сигналу, сразу раздается «хвала Іесусу Христу!» «На вѣки аминь», отвѣчаютъ имъ, и дѣти всѣ другъ передъ другомъ бросаются цѣловать руку пана. Прадѣды этихъ дѣтей орошали нѣкогда своею кровью поля битвъ во время гуситскихъ войнъ, — внуки ихъ встрѣчаютъ васъ католическимъ привѣтствіемъ; вѣра ихъ другая, но они сохранили славянское цѣлованіе руки.

Чтобы сразу увидѣть побольше чешскихъ лицъ, отправимся въ праздничный день въ церковь; кстати раздается и праздничный звонъ колоколовъ, приглашающій къ обѣднѣ. Тропинка ведетъ къ мостику, перекинутому черезъ ручей, на которомъ стоитъ изображеніе св. Непомука, вырѣзанное изъ жести и раскрашенное масляными красками. При этомъ стараются какъ можно ближе держаться извѣстнаго бронзоваго изображенія того-же святого на Пражскомъ мосту; нерѣдко эта статуя сдѣлана изъ дерева, другой разъ изъ гранита. Часто даже въ самой глухой деревенькѣ вы встрѣчаете изображеніе этого святого; вездѣ онъ поставленъ, какъ покровитель мостовъ и воды, съ вѣнцомъ изъ звѣздъ на головѣ, съ распятіемъ въ правой рукѣ, съ пальмовой вѣткой въ лѣвой.

Но вотъ мы въ церкви, которая биткомъ набита народомъ, что происходитъ впрочемъ не столько изъ религіознаго рвенія, сколько изъ желанія себя показать и людей

повидать. Церковь—единственное мѣсто въ деревнѣ, гдѣ можно встрѣтить всѣхъ знакомыхъ, переговорить о дѣлахъ и передать деревенскія новости.

Вглядываясь въ одежду чеховъ и ихъ женъ, мы не находимъ и слѣда національнаго костюма. Его отсутствіе въ Богеміи поражаетъ насъ тѣмъ болѣе, что именно славянскіе народы сохраняютъ свою національную одежду съ нѣкоторымъ упорствомъ. Смотри по мѣстности, гдѣ живетъ чехъ, и одежда его имѣетъ особый характеръ, но чисто мѣстный, а не національный. Пильзенскій округъ граничитъ западною окраиною съ Баварією, и потому одежда чеховъ имѣетъ здѣсь баварскій оттѣнокъ; въ нѣкоторыхъ округахъ вы найдете чрезвычайно много сходства съ польскимъ, въ другихъ—съ венгерскимъ, въ третьихъ—она представляетъ смѣсь того и другаго. Тѣмъ не менѣе чрезвычайно много мужчинъ вы встрѣчаете въ шапкахъ съ мѣховымъ околышемъ, въ длинномъ кафтанѣ изъ темно-синяго сукна, подъ которымъ одѣтъ болѣе короткій кафтанъ изъ грубаго сукна съ красными нашивками; внизу красный жилетъ. Панталоны изъ лосинной шкуры, желтоватаго цвѣта, вышиты спереди разными узорами; въ нѣкоторыхъ округахъ мужчины носятъ сапоги, въ другихъ башмаки. «Чамара» — верхній сюртукъ особаго покроя; въ немъ ходитъ вся интеллигенція мужскаго пола, преимущественно молодежь, студенты и люди, считающіе себя патриотами.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины ходятъ въ чепчикахъ, въ другихъ—голову повязываютъ пестрымъ шелковымъ платкомъ, концы котораго висятъ на затылкѣ. Рубашка въ большинствѣ случаевъ съ воротникомъ и короткими рукавами; корсажъ, вышитый цвѣтными снурками, короткая, до колѣнъ цвѣтная юбка и передникъ, красные чулки и черные бархатные башмаки съ каблуками, — вотъ съ нѣкоторыми вариациями наиболѣе распространенная праздничная одежда женщинъ.

Между дѣвушками можно встрѣтить красивыя лица, но и среди нихъ нельзя найти опредѣленнаго типа; въ то время какъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ германскія и даже скандинавскія черты, другія носятъ отпечатокъ южно-славянскаго характера: черные, блестящіе глаза, тонкій прямой или слегка горбатый носъ. Красоту и свѣжесть дѣвушки сохраняютъ здѣсь очень недолго, до 25—26 лѣтъ; онѣ очень рано отцвѣтаютъ, и многія стройныя дѣвушки по выходѣ замужъ, послѣ перваго ребенка, быстро старѣютъ и часто въ 30 лѣтъ смотрятъ совершенными старухами.

Чтобы познакомиться съ домашнею жизнью крестьянъ, войдемъ въ одинъ изъ простенькихъ деревенскихъ домовъ. Куда-бы вы ни взошли, васъ всегда встрѣчаютъ ласково, съ необыкновеннымъ вниманіемъ и гостепріимствомъ, которымъ такъ отличаются всѣ славяне. «Милости просимъ», прпвѣтствуютъ васъ, и вы входите въ комнату, гдѣ надъ дверью начертаны начальныя буквы трехъ волхвовъ, которые должны защищать отъ колдовства и нечистой силы. Въ комнатѣ обыкновенно душливая жара, и маленькія квадратныя окна ея почти совсѣмъ затемняются нависшею крышею. Хозяинъ понимаетъ, что для иностранца бесѣда въ его избѣ не совсѣмъ удобна, и приглашаетъ въ «*pravlac*», мимо которой проходитъ улица. Не успѣли вы сѣсть на скамейку, какъ передъ вами быстро пробѣгаетъ въ шинокъ бѣлокурый сынъ хозяина и приноситъ оттуда пиво. Между тѣмъ старикъ ставитъ передъ вами тарелку съ солью, круглый хлѣбъ и національный ножъ, который чехи называютъ «*kudla*». Клинокъ этого ножа почти трехъугольный и вставленъ въ круглую короткую деревянную рукоятку желтаго или краснаго цвѣта. Если это будній день, то хозяинъ обыкновенно и не можетъ ничего болѣе предложить гостю, такъ какъ въ домѣ, кромѣ муки и картофеля, ничего нѣтъ. Пища этихъ людей очень проста и мучныя кушанья преобладаютъ: картофель въ большомъ почетѣ и его употребляютъ въ различныхъ видахъ; водка и пиво главные напитки. Въ праздникъ чехъ ѣстъ нѣсколько лучше: убиваетъ домашнюю птицу и приготовляетъ

*

нѣсколько мучныхъ кушаньевъ, между которыми главную роль играютъ «ливанцы» (нѣчто въ родѣ нашихъ блиновъ), «кнедлики» (бомбы изъ тѣста), но прежде всего «koláče» — знаменитые чешскіе колачи, которые ничто иное, какъ круглые пироги. Приготовляя для нихъ тѣсто, его раскатываютъ очень тонко и кладутъ сверху макъ съ миндалемъ и сливы; иной разъ въ пироги эти кладутъ тоже творогъ съ изюмомъ или съ яблоками. Эти національные чешскіе «koláče» уже непременно должны быть на столѣ каждый праздникъ.

Въ то время, когда гость начинаетъ отвѣдывать поданное кушанье, мимо проходитъ какой-нибудь управляющій близьлежащаго имѣнія пана или его лѣсничій. Хозяинъ срывается съ своего мѣста, быстро стягиваетъ шапку, какъ-то подобострастно подбѣгаетъ къ нему, начинаетъ съ нимъ разговаривать, сопровождая каждую фразу поклономъ. При этомъ вы безпрестанно слышите, какъ онъ повторяетъ: «милостивѣйшій господинъ лѣсничій, покорнѣйше цѣлую руку», — и вся его фигура проникнута преданностію и всеполнѣйшимъ самоуниженіемъ. Онъ разсыпается передъ лѣсничимъ въ благодарности, если тотъ снизошелъ къ его просьбѣ и дозволилъ взять немного валежнику изъ панскаго лѣса, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но какъ только крестьянинъ возвратился къ своему гостю, онъ начинаетъ бранить лѣсничаго «окаяннымъ», «проклятымъ», «жидовскою душою». Это униженіе и лезть въ глаза и брань за спиною каждому, въ комъ нуждается простолюдинъ, — некрасивая черта чешскаго народа, привитая ему тяжелымъ долготѣмъ игомъ рабства. Обычай цѣлованія руки распространенъ во всей странѣ. Едва дитя начинаетъ ходить, какъ его приучаютъ цѣловать руку или рукавъ платя не только у родителей, но и у каждого пана. Эта привычка остается на всю жизнь и придаетъ чехамъ какой-то рабскій видъ и раболѣпную приниженность. Какое неприятное впечатлѣніе производитъ съдой, почтенный старикъ, который цѣлуетъ руку молодому фату только потому, что онъ изъ высшаго сословія. Другая, еще болѣе мрачная сторона въ нравахъ и жизни этого народа — воровство. Оно такъ сильно распространено въ странѣ, что вошло даже въ поговорку, и во многихъ сосѣднихъ странахъ, когда воровство совершено ловко, говорятъ: «оно сдѣлано богемскимъ циркулемъ». Воровство въ странѣ страшно усиливается въ неурожайные годы, во время войнъ и политическихъ смуть. Причина этого явленія не только лежитъ въ рабствѣ и угнетеніи народа въ прошломъ, но показываетъ и его жалкое экономическое положеніе въ настоящее время. Крупное землевладѣніе въ странѣ заставляетъ массу народа дѣлаться поденщиками, а такой заработокъ очень непроченъ. Въ случаѣ болѣзни или каприза работодателя поденщикъ легко остается безъ работы, а слѣдовательно и безъ куска хлѣба, что скорѣе всего наталкиваетъ на всевозможныя преступленія.

Мы упомянули о темныхъ сторонахъ чешскаго народа, теперь поговоримъ о его хорошихъ качествахъ. Въ умственномъ отношеніи чехи самое энергическое, талантливое славянское племя, что краснорѣчиво подтверждаетъ его прошлое. Народъ совершенно порабощенный, находившійся въ полнѣйшемъ рабствѣ до самаго послѣдняго времени, который и до сихъ поръ еще сильно зависитъ отъ своихъ поработителей, успѣлъ выработать въ послѣдніе 30—40 лѣтъ, когда ему стало нѣсколько свободнѣе дышать, — свой языкъ, литературу, устроилъ множество обществъ для распространенія просвѣщенія, издалъ не мало въ высшей степени полезныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Чешскіе юноши въ школахъ обнаруживаютъ большія математическія способности. Чешскій крестьянинъ чрезвычайно трудолюбивъ и прилеженъ, особенно когда онъ видитъ въ близкомъ будущемъ результаты своей дѣятельности. Вообще чехъ одаренъ въ высшей степени практическими наклонностями и отличается полнымъ отсутствіемъ мечтательныхъ грезъ и фантазій. Мы достаточно говорили о печальныхъ послѣдствіяхъ нѣ-

мецкаго гнета, но невозможно отрицать и известной пользы отъ сопркосновенія чеховъ съ столь образованной націей, какъ нѣмецкая, съ ея развитой литературой и наукой; нельзя отвергать также и того, что чехи заимствовали у нѣмцевъ многія хорошія склонности, напр. любовь и постоянство къ труду, стойкость и энергію въ предпринятомъ дѣлѣ.

Если-бы дѣленіе племенъ и народовъ по темпераментамъ не было слишкомъ одно-сторонне и натянуто, то великорусса можно было-бы назвать флегматикомъ, малорусса и серба—меланхоликомъ, поляка—сангвиникомъ, а чеха—холерикомъ. Даже въ физиономіи чеха и въ его внѣшнихъ приемахъ лежатъ нерѣдко рѣзкая печать запальчивости и горячаго, вспылчиваго, холерическаго темперамента. Въ большинствѣ случаевъ это человекъ средняго роста, скорѣе блѣдный, чѣмъ краснощекій; глаза маленькіе, прищуренные, но съ лихорадочнымъ блескомъ; жесты выразительные и оживленные. У чеха нѣтъ ни дѣтскаго простодушія русскаго, ни его безопасности и вѣры въ «авось», ни широкаго разгула поляка. Не смотря на то, что онъ угрюмъ и сосредоточенъ, онъ страстно увлекается спорами о политикѣ и отличается необыкновенной жаждой къ наслажденіямъ. Трудовая, сосредоточенная и однообразная жизнь по буднимъ днямъ идетъ рука объ руку съ самыми разнообразными праздничными увеселеніями, съ музыкою и страстною чешскою пляскою.

Каждый чехъ отъ природы одаренъ музыкальными способностями и въ высшей степени симпатичнымъ голосомъ. Почти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ на стѣнѣ виситъ скрипка или кларнетъ, и большая часть членовъ семьи съ необыкновенною легкостью играетъ на нѣсколькихъ инструментахъ. Почти каждая деревня имѣетъ свой оркестръ, состоящій изъ мѣстныхъ музыкантовъ, которые присутствуютъ на всѣхъ свадьбахъ и танцевальныхъ пирушкахъ. Въ большихъ мѣстечкахъ и городахъ почти вездѣ существуютъ музыкальныя общества. Превосходные австрійскіе военные хоры, какъ извѣстно, по большей части вербуютъ въ Богеміи. Если у крестьянина ничего нѣтъ кромѣ скрипки и онъ уже ничѣмъ болѣе не можетъ зарабатывать свой хлѣбъ, онъ отправляется въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей странствовать по странѣ или уходить на чужбину, чтобы добывать себѣ пропитаніе любимымъ инструментомъ. Музыкальныя способности до того присущи чеху, что это породило такой обычай: когда новорожденный мальчикъ своими слабыми рученками уже начинаетъ хватать предметы, мать вѣшаетъ надъ его колыбелью скрипку и узелокъ съ землею. Если ребенокъ схватитъ скрипку, мать вѣритъ въ то, что судьба сулитъ ея сыну быть музыкантомъ, если схватитъ землю—земледѣльцемъ. Въ этой странѣ вполне подготовлена почва для дальнѣйшаго развитія музыкальныхъ способностей. Первые звуки, которые дитя слышитъ еще въ колыбели, — музыка, и она-же провожаетъ его въ могилу. Свое горе и радость чехъ выражаетъ музыкой и даже священнодѣйствіе и молитвы выполняются здѣсь подъ звуки музыки. Крестины справляютъ съ музыкой и передъ каждымъ похороннымъ шествіемъ идутъ также музыканты. Музыкѣ учить обыкновенно деревенскій учитель, который въ маленькихъ мѣстечкахъ играетъ въ церкви также на органѣ. Изъ всѣхъ школъ въ Богеміи, въ извѣстные часы, раздаются звуки музыки и пѣнія. Поразительно, съ какою легкостью играютъ чешскіе парни на нѣсколькихъ инструментахъ, и они не только музыканты-исполнители, но легко сочиняютъ разнообразныя мелодіи; въ то же время они превосходные пѣвцы. Въ груди чешскаго народа хранится богатый источникъ національныхъ пѣсенъ, грустные мотивы которыхъ носятъ славянскій отпечатокъ. Эти пѣсни не изобрѣтены отдѣльными лицами, а возникли среди народа, созданы, такъ сказать, его совокупными силами. Въ настоящее время онѣ переходятъ изъ устъ въ уста,

изъ общества деревенскихъ парней и дѣвушекъ въ концертныя залы Праги и другихъ городовъ.

Музыкальными способностями чехи отличаются издавна. Уже въ XIII ст. мы встрѣчаемъ при дворѣ богемскихъ королей особыхъ пѣвцовъ или импровизаторовъ. Во время празднествъ они произносили стихи и пѣли пѣсни; гдѣ веселились, тамъ непременно присутствовали пѣвцы. Позднѣе, во времена Гуса, пѣніе въ Богеміи получило преимущественно религіозный характеръ, что доказываютъ нѣсколько дошедшихъ до нашего времени пѣсень. Какъ теперь, такъ уже и въ прошломъ столѣтіи, въ большинствѣ деревенскихъ школъ, учили музыкѣ и пѣнію; въ тѣ времена музыкѣ придавали еще большее значеніе, чѣмъ теперь, и всякій, кто желалъ сдѣлаться кандидатомъ на степень доктора, подвергался строгому экзамену въ музыкѣ.

Эта маленькая страна не можетъ вмѣстить всѣхъ музыкальныхъ силъ, которыми она располагаетъ: каждый годъ огромное число музыкантовъ выселяется на чужбину, и такимъ образомъ чехи сильно способствуютъ развитію музыкальнаго образованія во всемъ свѣтѣ.

За очень рѣдкими исключеніями, почти каждый взрослый чехъ умѣетъ читать и писать, такъ какъ въ каждой деревнѣ есть школа, которую должны посѣщать всѣ дѣти подѣ страхомъ штрафа. Кромѣ того родители вносятъ за дѣтей плату съ пятилѣтняго возраста, даже и въ томъ случаѣ, если-бы они и не посылали ихъ въ школу. Въ годъ за каждаго ребенка вносятъ не менѣе 2-хъ гульденовъ, а иногда даже и по три. Въ школѣ, кромѣ элементарныхъ знаній, какъ мы уже говорили, учатъ и музыкѣ. До 1869 г. духовенство распоряжалось всѣмъ образованіемъ народа: оно имѣло въ своихъ рукахъ всѣ сельскія школы и большую часть средне-учебныхъ заведеній. Съ 1869 года народныя школы перешли изъ рукъ духовенства въ вѣдѣніе особыхъ школьныхъ совѣтовъ, члены которыхъ назначаются отчасти по выбору населенія, но главнымъ образомъ по назначенію правительства. Это, конечно, возбуждаетъ недовольство многихъ.

Не смотря однако на быстрое распространеніе образованія, чехи народъ высшей степени суевѣрный. При описаніи празднествъ, мы познакомимся со множествомъ примѣтъ, повѣрій, обрядовъ и обычаевъ, господствующихъ между ними, съ рѣзкою печатью язычества.

«Skříték» еще у языческихъ славянъ считался богомъ домашняго счастья и благополучія; ему приносили жертвы и каждый молился ему прежде чѣмъ выходилъ изъ дому. Его изображеніе ставили въ главномъ углу комнаты, въ стѣнномъ ящикѣ. Такіе стѣнные ящики оригинальной формы и теперь еще можно видѣть въ домахъ во многихъ мѣстностяхъ Моравіи и Чехіи. Они и теперь еще стоятъ въ главномъ углу дома, но надъ ними виситъ теперь распятіе или изображеніе св. Троицы. Въ этомъ стѣнномъ ящикѣ хозяинъ прячетъ теперь свой молитвенникъ и календарь, иногда письменныя принадлежности и деньги для ежедневнаго употребленія. Тутъ — почетное мѣсто для невесты во время свадебнаго обряда, для важнаго гостя, а въ обыкновенное время для хозяина. Этотъ домашній богъ язычниковъ-славянъ и до сихъ поръ существуетъ въ народномъ суевѣріи, но теперь уже онъ обратился въ злаго духа, который оказываетъ всевозможныя услуги, но подѣ конецъ ведетъ человѣка въ адъ. «Skřítk'a», говоритъ чешскій крестьянинъ, каждый можетъ добыть самъ себѣ. Для этого онъ долженъ достать яйцо отъ совершенно черной курицы, положить его подѣ лѣвое плечо и сѣсть за печку. Но еще раньше этого нужно отрѣчься отъ Бога, отъ духовенства и отъ всего, что касается религіи. Во все время, пока человѣкъ сидитъ съ яйцомъ, онъ не долженъ мыться, причисываться и ни подѣ какимъ видомъ не обрѣзывать своихъ ногтей. Черезъ 9 дней послѣ такого искуса вылуניתся домашній чертикъ и приметъ такой видъ, какой за-

хочется его хозяину. Такой домашній чертикъ дѣлается самымъ вѣрнымъ слугою своего господина: онъ доставляетъ ему деньги, развлечения, но за то и губить безвозвратно его душу.

«Světloňši» — свѣтящіеся полевые и луговые духи. По понятіямъ чеховъ, они чаще всего появляются осенью на лугахъ и пастбищахъ, сбиваютъ путешественника съ дороги, заводятъ его въ болото и не боятся даже молитвы, во время которой еще болѣе надѣваются надъ человѣкомъ. Когда они досыта натѣшатся надъ нимъ, то исчезаютъ одинъ за другимъ. Эти свѣтящіеся полевые и луговые духи — ничто иное, какъ свѣтящіеся огоньки.

Здѣшній народъ вѣритъ также и въ водяныхъ, которые, по его понятіямъ, живутъ въ глубокихъ водахъ и озерахъ. Водяного представляютъ себѣ въ видѣ старика, сидящаго на берегу: онъ держитъ въ рукѣ палку съ различными лентами и манитъ дѣтей, чтобы ихъ утопить. Эти ленты ничто иное, какъ длинные водоросли. Не менѣе сильно распространена здѣсь вѣра въ разныхъ колдуновъ.

Дворяне, ихъ характеръ, жизнь и управленіе своими громадными помѣстьями. — Лѣса — главный источникъ дохода и удовольствія дворянъ. — Положеніе рабочихъ и земледѣльцевъ въ большихъ имѣніяхъ. — Браконьерство и порубка лѣса. — Сельское хозяйство въ большихъ помѣстьяхъ.

Едва ли какое другое дворянство имѣетъ такую, полную превратностей, исторію какъ богемское. То оно было національнымъ и шло рука-объ-руку съ народомъ, то являлось его противникомъ, то оно совершенно онѣмечивалось или вдругъ снова начинало раздѣлять національныя стремленія. Впрочемъ нужно замѣтить, что какъ бы оно ни дѣйствовало, оно прежде всего всегда имѣло въ виду свои личные интересы. И это понятно: чешское національное дворянство, какъ мы уже знаемъ, или постоянно гибло отъ всевозможныхъ преслѣдованій, или эмигрировало съ родины. Его ряды отъ времени до времени пополнялись иностранцами, которые со всѣхъ сторонъ свѣта сѣзжались въ Чехію, и болѣе всего между ними было нѣмцевъ. Между тѣмъ какъ въ Англіи изъ саксонскаго и норманскаго дворянства мало-по-малу образовалась сильная аристократія, выработавшая себѣ прочные принципы, богемское дворянство всегда колебалось въ борьбѣ между нѣмецкими и чешскими интересами и въ концѣ концовъ склонялось къ тому, что оказывалось для него выгоднѣе. Многіе изъ нихъ и теперь играютъ свою роль превосходно, такъ что часто самые рьяные чешскіе радикалы и націоналисты вѣрятъ въ чистоту ихъ намѣреній. Молодая чешская партія всѣми силами старается привить свои національныя стремленія этому классу общества. Хотя нѣкоторые богатые землевладельцы Богеміи покровительствуютъ наукамъ и искусствамъ, способствуютъ распространенію общепользныхъ учреждений, но это дѣлается обыкновенно, чтобы пріобрѣсти популярность. Среди богемской аристократіи, за исключеніемъ пяти, шести человѣкъ, выдвинувшихся своею общественною дѣятельностью изъ общаго уровня посредственности, вы не найдете талантовъ и блестящаго образованія. Человѣкъ ихъ круга, искренно преданный интересамъ народа, явленіе исключительное. Богемскіе аристократы держатся какъ-то въ сторонѣ отъ всѣхъ, свысока относятся къ простымъ смертнымъ, и это высокомерное понятіе о своемъ превосходствѣ сильно поддерживаютъ въ нихъ ихъ бывшіе подданные своею работливою покорностію. Между собой дворяне обыкновенно разговариваютъ по-французски и прежде всего изучаютъ этотъ языкъ. По-нѣмецки, кромѣ чистокровныхъ нѣмцевъ, всѣ остальные говорятъ довольно плохо, а по-чешски еще хуже. Воспитаніе своимъ дѣтямъ они даютъ чисто французское. Чтобы скорѣе на-

учить ихъ этому языку, они окружають ихъ французами и французенками, и потому въ жизни дворянъ господствуютъ французскіе нравы. Ихъ сыновья заканчиваютъ образование военною карьерою. Лѣтъ 10 тому назадъ между ними вошелъ въ моду чешскій языкъ, и они стали учить ему своихъ дѣтей; но не только старое поколѣніе аристократовъ, но и молодое до сихъ поръ не знаетъ порядочно этого языка. На ландтагѣ, во время голосованія, они довольствуются тѣмъ, что говорятъ по чешски «да» и «нѣтъ». При такомъ положеніи дѣлъ можетъ-ли дворянинъ понимать интересы своего народа.

Изумительно, какія огромныя поземельныя владѣнія сосредоточены въ рукахъ богемскаго дворянства. Въ этой странѣ существуетъ нѣсколько такихъ громаднхъ имѣній, что нѣкоторыя изъ нихъ одной только поземельной подати платятъ болѣе 30,000 флориновъ въ годъ. Кромѣ того часто одно семейство владѣтъ нѣсколькими имѣніями.

Въ своей вотчинѣ дворянинъ почти неограниченный властелинъ. Хотя многія привилегіи дворянъ теперь уже уничтожены, тѣмъ не менѣе ихъ власть въ своихъ помѣстьяхъ до сихъ поръ настолько велика, что они держатъ себя въ полномъ смыслѣ неограниченными властителями. Лишь только разносится слухъ, что помѣщикъ собирается посѣтить свое имѣніе, все въ деревнѣ приходитъ въ движеніе, всѣ толкуютъ объ этомъ, какъ о необыкновенномъ событіи, всѣ готовятся встрѣтить его, какъ владѣтельнаго князя или государя. «Вдетъ, ѣдетъ!» кричитъ, весь запыхавшись, парень, приставленный сторожить появленіе помѣщичьяго экипажа и обязанный моментально доложить объ этомъ деревенскимъ обитателямъ. Тогда толпы народа, приближаясь къ замку подъ предводительствомъ школьнаго учителя и духовенства, привѣтствуютъ вновь прибывшаго гимнами, рѣчами, цвѣтами. Однимъ словомъ, помѣстье здѣшняго крупнаго землевладѣльца — маленькое государство въ государствѣ, во главѣ котораго стоитъ помѣщикъ — неограниченный властелинъ.

Доходы съ имѣній дворяне извлекаютъ различными способами: сельскимъ хозяйствомъ, лѣсоводствомъ, пивовареніемъ, куреніемъ водки, сахарными заводами, эксплуатированіемъ рудниковъ и плавильными заводами; но главное ихъ богатство все еще составляютъ лѣса. Большая часть лѣсовъ въ Богеміи принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ *). Богемскіе лѣса былыхъ временъ, съ ихъ страхами и ужасами, съ ихъ неистощимыми запасами дровъ, исчезаютъ мало-по-малу, но тѣмъ не менѣе и теперь еще болѣе четверти страны покрыто лѣсомъ. Лѣса — обильный источникъ доходовъ дворянъ, и они дорожатъ ими не только ради громаднхъ выгодъ, которыя они могутъ извлекать изъ нихъ, но также и ради возможности въ нихъ охотиться. Для большинства дворянъ охота — идеалъ и предѣлъ всѣхъ стремленій, и они предаются ей еще съ большею энергіею и постоянствомъ, чѣмъ англійскіе лорды. Въсь лѣсъ, принадлежащій тому или другому дворянину, съ перваго взгляда какъ будто исключительно предназначенъ для охоты. И дѣйствительно, мѣста, отведенныя въ богемскихъ лѣсахъ для охоты, самыя значительныя во всей Европѣ. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, обыкновенно на берегу шумящихъ потоковъ, разбросаны старыя замки, но ихъ тщательно реставрируютъ и поддерживаютъ, чтобы обратить въ настоящіе охотничьи дворцы. Когда бы вы ни проѣзжали мимо такого замка, вы всегда увидите безчисленныя своры прекраснѣйшихъ, рѣдкихъ и дорогихъ охотничьихъ собакъ, цѣлую армію егерей и разныхъ охотничьихъ служителей. Такой охотничій замокъ снаружи и внутри украшенъ рогами оленей и козюль, ружьями, охотничьими ножами, картинами охоты. Богемское дворянство издавна охотилось съ большимъ блескомъ, и хотя теперь количество дичи значительно поубавилось, но ея всетаки еще достаточно.

*) Изъ 2.619,000 югеровъ земли, занятыхъ лѣсами, крупнымъ землевладѣльцамъ принадлежитъ 1.809,000 югеровъ во всей странѣ.

Большое количество дичи уже издавна вызвало браконьерство между чешскими крестьянами. Еще въ XVI ст. появился цѣлый рядъ предписаній, угрожавшій браконьерамъ тяжелыми наказаніями, и за охоту на дичь въ чужомъ лѣсу иногда присуждали даже смертную казнь. Управляющіе, изловивъ въ лѣсу нѣсколькихъ браконьеровъ изъ своихъ подчиненныхъ, судили ихъ своимъ судомъ: они приказывали немедленно повѣсить ихъ и для устрашенія другихъ разставить висѣлицы съ повѣшенными вокругъ лѣсной дачи. Но и въ настоящее время, не смотря на строгіе охотничьи законы, браконьерство сильно распространено, точно такъ же какъ и порубка лѣса. Никакіе строгіе законы не уничтожатъ ни того, ни другаго, пока положеніе дѣлъ не измѣнится, т. е. пока у одного будетъ очень много, а у другаго рѣшительно ничего, — эти преступленія будутъ существовать.

Богатые здѣшніе землевладѣльцы никогда не управляютъ сами своими имѣніями, а сдаютъ хозяйство на руки цѣлой арміи чиновниковъ, которые нерѣдко, чтобы нажитьъ частной службой у аристократа, бросаютъ государственную службу. Крупное землевладѣніе въ этой странѣ не только служитъ причиною бѣдности народа, но имѣетъ и вредное вліяніе на хозяйство. Огромныя подати съ поземельныхъ участковъ, которыя приходится платить дворянамъ, большіе расходы по управленію имѣніями заставляютъ многихъ тяготиться своими большими помѣстьями и запускать хозяйство. Доходы съ полей могли бы быть вдвое и втрое больше, если бы они были раздѣлены на болѣе мелкіе участки и находились подъ управленіемъ сельскихъ хозяевъ-собственниковъ. Но самая вредная сторона крупнаго землевладѣнія—все болѣе распространяющійся пролетаріатъ.

Въ XVII и XVIII столѣтіи дворяне безчеловѣчно относились къ своимъ поданнымъ: увеличивали по своему усмотрѣнію количество работъ, налагали новыя повинности. Противъ всѣхъ этихъ притѣсненій бѣдняки не находили никакой защиты, и только крестьянскія возстанія, которыя вспыхивали здѣсь отъ времени до времени, доказывали, что мѣра терпѣнія народа переполнена. Крѣпостная зависимость въ настоящее время уничтожена, но крестьяне, сдѣлавшись людьми свободными по закону, испытываютъ и въ настоящее время страшный экономическій гнетъ. Управляющіе пановъ имѣютъ такую же силу, какъ и прежде, такъ какъ могутъ выгнать работника изъ помѣстья и этимъ сразу отнять у него насущный кусокъ хлѣба. Поэтому-то Богемія даетъ большее число эмигрантовъ, чѣмъ всѣ другія земли въ Австріи.

Кто-же населяетъ эти огромныя имѣнія, составляющія значительную часть всей страны? Армія управителей и поденщиковъ. По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, 24%, слѣдовательно почти четверть способнаго къ труду населенія Богеміи, составляетъ прислугу и поденщиковъ. Эта огромная масса людей, въ большинствѣ случаевъ, живетъ въ господскихъ имѣніяхъ, и она, точно такъ-же какъ и все окружающее, — послушное орудіе владѣльца. Рабское преклоненіе передъ личностью владѣльца помѣстья вы встрѣчаете не только между огромнымъ числомъ его рабочихъ и поденщиковъ, но рѣшительно весь сельскій людъ мѣстности, въ которой лежитъ его помѣстье, относится къ нему, какъ къ своему законному повелителю и монарху. Съ перваго взгляда вамъ кажется, что торговцы и ремесленники, живущіе въ деревнѣ, ведутъ свои дѣла по своему усмотрѣнію, но это невѣрно, такъ какъ они тоже вполне зависятъ отъ помѣщика, отъ котораго получаютъ свой заработокъ, и который всегда имѣетъ возможность имъ не только повредить, но и выгнать ихъ изъ деревни. Наконецъ, думаете вы вѣроятно, школьный учитель и священникъ — люди независимые, но крупный помѣщикъ всегда патронъ церкви и школы, и потому тотъ и другой вполне зависятъ отъ него, черезъ него оба они получили свое мѣсто и по малѣйшему его капризу могутъ его лишиться. Поэтому школьный

учитель и священникъ изъ всѣхъ силъ стараются выказать помѣщику свое вниманіе, готовятъ рѣчи и гамны къ его прїѣзду, устраиваютъ ему торжественную встрѣчу съ музыкою и другими атрибутами вниманія и раболѣпства, какъ настоящему владѣтельному князю. Холодный прїемъ со стороны населенія богатый помѣщикъ объясняетъ невниманіемъ священника и учителя и, разумеется, никогда не проститъ имъ этого.

Чиновники-управляющіе имѣніями крупныхъ владѣльцевъ составляютъ совершенно особый классъ людей. Обыкновенно они получаютъ очень небольшое денежное вознагражденіе, но за то имѣютъ отъ владѣльца определенное количество дровъ, пива, хлѣба и другихъ продуктовъ. Нѣкоторые владѣльцы впрочемъ регулируютъ жалованье своихъ служащихъ сообразно съ доходами своихъ имѣній, а такъ какъ они значительно меньше того, чѣмъ могли-бы быть, то и жалованье управляющіе получаютъ сравнительно все-таки небольшое. Вся жизнь и интересы этихъ чиновниковъ-управляющихъ сосредоточены на «всемиловѣйшемъ господинѣ» ихъ хозяинѣ, на котораго они смотрятъ, какъ на земнаго Бога. Если они говорятъ съ кѣмъ-нибудь о собственности своего хозяина, они выражаются не иначе, какъ «это высококняжеское», «высокографское», хотя бы рѣчь шла всего лишь о нѣсколькихъ свиньяхъ или гусяхъ. Въ этомъ сложномъ механизмѣ управленія большимъ имѣніемъ всѣ степені и титулы строго соблюдаются. Въ каждомъ такомъ имѣніи есть директора, надворные совѣтники, лѣсные совѣтники, совѣтники хозяйственные и счетные, управляющіе, контролеры, ревизоры, ассистенты и т. д. до безконечности. Всѣ эти служащіе тѣсно держатся своего круга, перероднились между собой и горой стоятъ одинъ за другаго, чтобы какимъ-нибудь образомъ новый порядокъ вещей не измѣнилъ злоупотребленій, которыхъ такъ много вкралось и постоянно вкрадывается при этой неправильной системѣ управленія хозяйствомъ. Поэтому всякаго новатора въ имѣніи, даже просто новичка-товарища, они встрѣчаютъ въ высшей степени недружелюбно и всевозможными интригами стараются его выжить какъ можно скорѣе. Такъ какъ всякое нововведеніе встрѣчаетъ дружное, энергичное сопротивленіе, то понятно, что всѣ способы обработки земли, веденіе промышленныхъ дѣлъ, однимъ словомъ все хозяйство въ странѣ ведется самымъ примитивнымъ образомъ.

Бродячій людъ и его характеръ. — Подвижной театръ маріонетокъ. — Докторъ Фаустъ — популярѣйшая драма этого театра. — Жизнь и характеръ страждующихъ актеровъ.

Въ Богеміи въ высшей степени распространено бродяжничество, и оно съ каждымъ годомъ увеличивается такъ сильно, что въ 1866 г. въ пражскомъ ландтагѣ обсуждали, какими мѣрами можно было-бы уменьшить это зло. Вице-президентъ, графъ Ложанскій, объявилъ: «Бродяжничество увеличивается съ каждымъ днемъ, воровство и грабежи случаются все чаще и чаще, безопасность личности и собственности находится не только въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, но даже и въ критическомъ, и потому крайне необходима безотлагательная помощь». Большинство депутатовъ находило, что причина такого плачевнаго положенія дѣлъ — общая безработица означеннаго года. Но положеніе дѣлъ не улучшилось и въ послѣдующихъ годахъ, такъ что въ 1868 г. одинъ изъ депутатовъ долженъ былъ внести такое предложеніе: «Такъ какъ опасность и бродяжничество увеличиваются ужасающимъ образомъ и угрожаютъ личности и собственности, необходимо учредить комиссію для скорѣйшаго обсужденія этого вопроса». Положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи не лучше и теперя.

Вслѣдствіе сильно развитаго бродяжничества дороги Богеміи представляютъ много самыхъ разнообразныхъ живыхъ картинъ: десятками и сотнями тянутся по нимъ стран-

ники, фокусники, бродяги, музыканты, странствующие актеры, богомольцы, бродячие ремесленники, цыгане, словаки и всевозможный бродячий людъ. Одни изъ нихъ переходятъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ и зарабатываютъ хлѣбъ своимъ ремесломъ, другіе отправляются на поклоненіе св. мѣстамъ. Вотъ цѣлыми толпами тянутся цыгане: въ телѣгахъ, запряженныхъ маленькими лошадками, сидитъ все семейство: отецъ правитъ, собаки и домашній скотъ бѣгутъ рядомъ. Одежда этого люда — выброшенная лохмотья сельскаго населенія. Но еще большими массами бродитъ по чешскимъ дорогамъ другой народъ: мы говоримъ о родственныхъ чехамъ словакахъ, которыхъ никакъ нельзя сравнивать съ цыганами. Хотя они похожи на нихъ своею склонностію къ кочевой жизни, но, по окончаніи своего странствованія, они возвращаются къ осѣдой жизни, что немислимо для цыганъ. За цыганомъ со скрипкою и съ гадающими женщинами, за толпою словаковъ, которые громогласно извѣщаютъ деревенскихъ жителей о своихъ мышеловкахъ и о своей готовности чинить сита и рѣшета, на дорогѣ показывается барышникъ-еврей, который продаетъ дѣвушкамъ ленты и платки. За нимъ выступаетъ шарманщикъ, наигрывая на своемъ инструментѣ національныя чешскія пѣсни, затѣмъ появляется торговецъ фруктами. Вотъ скрипачъ, наигрывая пѣсни, направляется къ шинку, далѣе слѣдуетъ разнощикъ мелкихъ предметовъ, который ежеминутно выкрикиваетъ о своемъ товарѣ. Не успѣлъ онъ еще скрыться, какъ появляется подвижной театръ маріонетокъ, на представленіе котораго чешское простонародье смотритъ съ особеннымъ интересомъ. Любовь къ представленіямъ въ чешскомъ народѣ сказывается на каждомъ шагѣ: въ самыхъ глухихъ деревняхъ во время святокъ нерѣдко устраивается импровизированный театръ, на которомъ присутствуютъ всѣ отъ мала до велика: это служитъ несомнѣннымъ признакомъ сильной потребности жителей въ эстетическихъ удовольствіяхъ. Трудно представить, какъ оживляются деревенскіе жители, когда завидятъ странствующихъ актеровъ съ театромъ маріонетокъ. Человѣкъ, наряженный паяцомъ, обходитъ всѣ деревенскія жилища: онъ бьетъ въ барабанъ, и народъ уже знаетъ, что это означаетъ, выбѣгаетъ изъ домовъ, чтобы схватить афишу, которую онъ разбрасываетъ направо и налево. На истертой бумагѣ афиши значится: «Чешскій театръ съ фигурами. Сегодня нижеподписавшійся будетъ имѣть честь представить пьесу: Докторъ Фаустъ, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Представленіе — въ гостинницѣ. Начало въ 7 ч. Къ сему вѣжливо приглашаетъ публику такой-то».

Желающіе посмотреть представленіе скоро биткомъ набиваютъ скромное помѣщеніе деревенской гостинницы. Собранный людъ до начала пьесы покуриваетъ свои трубочки и болтаетъ, жестикулируя съ чисто славянскою живостію. Куры хозяина, нисколько не стѣсняясь предстоящимъ представленіемъ, кудахтая, бѣгаютъ подъ столами и подбираютъ крошки. Народъ все прибываетъ: всѣ желаютъ посмотреть на «Pimperle» — самую маленькую куклу изъ всѣхъ маріонетокъ. Шарманка, замѣняющая оркестръ, уже наигрываетъ національныя чешскія мелодіи. Складныя кулисы, которыя занимаютъ половину комнаты, разставлены и на занавѣсѣ нарисованъ двухъ-хвостый богемскій левъ и она украшена крупною надписью: «За короля и отечество». Внѣшность и обстановка этихъ представлений чехо-славянская, но пьесы обыкновенно заимствованы у нѣмцевъ. Точно также и самая популярнѣйшая изъ всѣхъ пьесъ этого театра маріонетокъ, «Докторъ Фаустъ», тоже заимствована у нихъ. Маріонетки — въ ростъ 6-ти, 7-ми лѣтнихъ дѣтей, но иногда бываютъ и маленькія куклы въ полъ-аршина. За нихъ, перемѣняя голосъ, говоритъ хозяинъ и его немногочисленная труппа странствующихъ актеровъ. Дѣйствующія лица: королева португальская, докторъ Фаустъ, его лакей Вагнеръ, Мезистафель, который ни что иное, какъ Мефистофель, и нѣсколько другихъ чертей, Касперль, прекрасная Елена, два великана и нѣсколько привидѣній.

Занавѣсъ поднимается: Фаустъ въ средневѣковомъ костюмѣ сидитъ передъ книгою, которую онъ мрачно закрываетъ, и высказываетъ недовольство самимъ собою, жизнію и всѣмъ міромъ. Онъ желаетъ продать себя чорту, лишь-бы испытать, не измѣнитъ-ли это его мрачное настроеніе. Добрый ангелъ съ правой стороны удерживаетъ его, но съ лѣвой — появляется злой духъ и побѣждаетъ. Послѣ этого является лакей Фауста, Вагнеръ, и докладываетъ своему господину о двухъ студентахъ, которые, привлеченные славою доктора, желаютъ поговорить съ нимъ. Въ то время, какъ Фаустъ выходитъ, является Касперль, маленькая веселая фигурка, выдѣлываетъ разныя комическія штуки, заглядываетъ въ раскрытую книгу и садится на нее. Въ эту минуту входитъ Вагнеръ и начинаетъ гнать Касперля; между ними происходитъ ссора, а иногда и потасовка, и тѣмъ заканчивается первое дѣйствіе.

Во *второмъ* дѣйствіи Фаустъ въ глубинѣ лѣса окружаетъ себя волшебнымъ кругомъ и вызываетъ самаго быстрого черта. Первый изъ нихъ, Пикъ, не удовлетворяетъ его, напротивъ того Мецистафель, который въ одну минуту перелетѣлъ по воздуху изъ Персіи въ Богемію, нравится доктору. Онъ соглашается поступить къ нему въ служеніе на 36 лѣтъ, но съ условіемъ, чтобы Фаустъ никому ничего не давалъ въ долгъ, никогда не ходилъ въ церковь, не подавалъ милостыни, не женился и этотъ контрактъ подписалъ своею кровью. Необходимую для этого кровь Мецистафель высасываетъ изъ руки Фауста и на этомъ мѣстѣ у него появляются слова: < homo, fuge! > (человѣкъ, бѣги!) Но вдругъ въ лѣсъ вбѣгаетъ Касперль, входитъ въ волшебный кругъ и принимаетъ его за западню для птицъ. На его крики появляются черти, которыхъ онъ принимаетъ за большихъ совъ и начинаетъ ловить и всячески дразнить, заставляя ихъ то появляться, то исчезать. Однако скоро ему приходится спастись бѣгствомъ отъ озлобленныхъ чертей, унося волшебный кругъ на спинѣ.

Въ *третьемъ* актѣ Касперль нанимается въ служеніе къ Фаусту, который предпринимаетъ путешествіе къ португальскому королю. И вотъ Касперль ѣдетъ за Фаустомъ, сидя на спинѣ Мецистафеля. Достигнувъ цѣли путешествія, Мецистафель роняетъ Касперля прямо къ ногамъ короля и всего собравшагося двора. Фаустъ, сдѣлавшійся въ это время извѣстнымъ волшебникомъ, показываетъ королю свои штуки. Между прочимъ онъ заставляетъ появляться Александра Великаго и прекрасную Елену: у обоихъ лошадиныя копыта; первый одѣтъ въ костюмъ стараго богемскаго герцога, вторая — турчанкой.

Въ *четвертомъ* дѣйствіи Фаустъ и Мецистафель играютъ въ кегли. Фаустъ, видя близкій конецъ своего контракта, чувствуетъ раскаяніе. Мецистафель, послѣ сильнаго сопротивленія, приноситъ ему образъ Спасителя изъ Іерусалима, передъ которымъ Фаустъ долго молится. При этомъ появляется множество чертей, которые всѣми силами стараются испугать его. Мецистафелю не хочется выпустить изъ своихъ когтей добычу и онъ вдругъ появляется передъ Фаустомъ съ прекрасною принцессою португальскою. Та совращаетъ его съ пути добродѣтели и исчезаетъ съ нимъ въ сосѣдней комнатѣ, чтобы выпить вмѣстѣ нѣсколько чашекъ чернаго кофе.

Въ *пятомъ* дѣйствіи оканчивается срокъ службы Мецистафеля: прошло 18 лѣтъ, и такъ какъ злой духъ служилъ и ночью, то Фаустъ обманутъ на половину условленнаго времени. Ему осталось только нѣсколько часовъ, и удары колокола напоминаютъ ему, какъ быстро проходитъ время. Въ сильномъ страхѣ Фаустъ запирается въ своемъ кабинетѣ и нанимаетъ двухъ парней, чтобы охранять его и отгонять Мецистафеля своими здоровыми кулаками. Эти два здоровыхъ парня, которые олицетворяютъ народное чешское остроуміе, ссорятся сначала между собою, а потомъ съ Мецистафелемъ. Въ полночь, съ послѣднимъ ударомъ колокола, Мецистафель схватываетъ доктора и уноситъ въ адъ, такъ какъ въ это время его сторожа заснули. Но парни внезапно проснулись отъ шума

и, узнавъ въ чемъ дѣло, приходятъ въ отчаяніе, что имъ не съ кого получить жалованье. Они вымѣщаютъ свой гнѣвъ на появившемся нѣмцѣ и сильно колотятъ его.

Маріонетки — актеры чрезвычайно покойные: имъ не нужно платить жалованья, не нужно кормить и разбирать ихъ ссоръ и интригъ, а только послѣ представленія аккуратно уложить въ ящикъ и поставить на телѣгу, которую изъ одной деревнѣ тащатъ въ другую. Сзади телѣги съ маріонетками идетъ труппа странствующихъ актеровъ, которые говорятъ и поютъ за куколъ. Странствующими актерами дѣлаются, въ большинствѣ случаевъ, люди недоучившіеся и съ сомнительными голосами, но очень часто въ ихъ среду поступаютъ люди развитые и образованные, чтобы, переходя изъ деревни въ деревню, сѣять въ народѣ сѣмена любви къ своей національности; теперь такіе пронагандисты рѣже поступаютъ въ труппу странствующихъ актеровъ, но еще лѣтъ 20 тому назадъ ихъ было очень много среди этого кочующаго люда.

Жизнь этихъ актеровъ въ высшей степени жалкая: выручку обыкновенно дѣлятъ поровну, и если спектакль удался, пируютъ и веселятся, въ противномъ случаѣ голодаютъ безъ жалобъ. По чешскимъ дорогамъ очень часто можно видѣть, какъ эти труппы бродячихъ комедіантовъ въ крестьянскихъ телѣгахъ переѣзжаютъ изъ села въ село. При вступленіи въ какую-нибудь новую деревню у нихъ прежде всего начинаются переговоры съ хозяиномъ гостинницы, который требуетъ съ этихъ ненадежныхъ гостей за пользованіе залой плату впередъ. Но у нихъ часто не бываетъ и этого: все, что они добываютъ, они проѣдаютъ и пропиваютъ тотчасъ и потому умоляютъ хозяина подождать, обѣщая ему огромный сборъ вечеромъ. Но иногда никакія обѣщанія и просьбы не помогаютъ, и актерамъ приходится давать представленіе въ какомъ-нибудь сараѣ. Тогда они цѣлый день бѣгаютъ по жилищамъ крестьянъ: у одного берутъ стулья, у другаго столы, третьяго умоляютъ разнести по сосѣдству пачку афишъ, на которыхъ предусмотрительно напечатано въ примѣчаніи, что онѣ будутъ отобраны послѣ представленія.

Музыканты-кочевники и ихъ жизнь.

Армія музыкантовъ-кочевниковъ увеличивается въ Богеміи съ каждымъ годомъ. Такъ какъ способности къ музыкѣ и умѣнье играть на нѣсколькихъ инструментахъ характерная черта чешскаго народа, то бѣдняки и пользуются этимъ, когда они уже ничѣмъ другимъ не могутъ заработать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Хотя въ билетѣ, который выдаютъ такому музыканту-пролетарію, когда онъ начинаетъ свое путешествіе, онъ и приписанъ къ какой-нибудь деревнѣ, но его можно считать только ея номинальнымъ жителемъ, такъ какъ въ сущности онъ ведетъ кочевую жизнь и останавливается только тамъ, гдѣ своимъ искусствомъ можетъ что-нибудь заработать. Къ такому промыслу бѣдняки прибѣгаютъ только въ крайнемъ случаѣ, такъ какъ на странствующихъ музыкантовъ чешскій народъ смотритъ, какъ на людей совершенно погибшихъ. И дѣйствительно, музыканты, бродяжничая, въ концѣ концовъ, прибрѣтаютъ порочныя склонности. Какъ въ городахъ уменьшеніе или увеличеніе пролетаріата можетъ служить признакомъ увеличенія или уменьшенія благосостоянія, такъ и число этихъ, такъ называемыхъ, «перелетныхъ птицъ» служитъ мѣриломъ нужды. Странствующими музыкантами дѣлаются мужчины и женщины: дѣвушки ходятъ съ арфами, мужчины со скрипками и другими инструментами. Въ своихъ странствованіяхъ эти люди заходятъ иногда далеко отъ своей родины, и съ ними хорошо знакома почти вся западная Европа. Они бросаются въ глаза своимъ веселымъ видомъ, но это только маска, которую они надеваютъ, чтобы заглушить тяжелыя думы о своемъ положеніи. Наигрывая веселыя ме-

лоди, они нерѣдко потихоньку утирають горькія слезы, слезы тоски по родинѣ, о потерянной чести, испорченной молодости. И это понятно: эти «перелетныя птицы» не сыны своей родины, а ея пасынки. Часовщики Шварцвальда и кружевницы Рудныхъ горъ также странствуютъ, чтобы продажею своей работы въ дальнихъ мѣстностяхъ скопить себѣ деньги, но они далеко не такъ жалки. Возвращаясь съ чужбины, они снова находятъ свой домашній очагъ, родные и друзья радуются ихъ возвращенію и они снова начинаютъ прежнюю жизнь среди своего семейства. Странствующие чешскіе музыканты возвращаются въ свою деревню совсѣмъ переродившись: даже самыя близкія родные не встрѣчаютъ ихъ съ распростертыми объятіями. Они знали это, но возвратились потому, что у нихъ было непреодолимое желаніе взглянуть на мѣста, гдѣ они родились; они ожидали наконецъ менѣе суровой встрѣчи, потому что принесли роднымъ порядочную часть своего заработка. Но родина, не приготовившая для нихъ и клочка земли, который-бы они могли обрабатывать и на которомъ могли-бы построить себѣ хотя жалкую лачугу, отказавшая имъ во всякомъ честномъ заработкѣ, вваливаетъ всю вину на ихъ плечи и съ презрѣніемъ выталкиваетъ ихъ снова на чужбину.

Число этихъ несчастныхъ скитальцевъ особенно увеличилось въ 70-хъ гг. прошлаго столѣтія. Страшный голодъ и отсутствіе заработка въ это время повергло населеніе, особенно сѣверо-западныхъ мѣстностей Богеміи, въ величайшую нищету, вслѣдствіе которой погибла огромная масса людей. Этотъ несчастный годъ послужилъ сигналомъ къ общему странствованію. Въ 1806 г. были до основанія потрясены всѣ отрасли промышленности, и число странствующихъ музыкантовъ послѣ этого стало еще болѣе увеличиваться. Затѣмъ, когда въ странѣ начали распространяться машины и придильщики все болѣе теряли работу, новыя толпы присоединились къ прежнимъ кочевникамъ. Развитію этихъ странствованій немало помогло и само правительство. Опасаясь, чтобы въ голодные годы бѣдники не были въ тягость государству, оно очень щедро раздавало позволеніе на путешествіе. Думали, что будетъ лучше, если извѣстная часть населенія начнетъ зарабатывать свой хлѣбъ внѣ страны, и не подозрѣвали, что такимъ образомъ покровительствуютъ эмиграціи, моральной и физической порчѣ многочисленнаго населенія. Въ голодные годы 1843 и 1847 толпы скитальцевъ еще увеличились, и въ настоящее время эти странствованія распространены по всей странѣ, но особенно въ сѣверо-западной ея части. Какъ велико число странствующихъ музыкантовъ въ настоящее время—опредѣлить чрезвычайно трудно, но можно составить себѣ понятіе уже потому, что въ нѣкоторыхъ округахъ сѣверо-западной части страны ежегодно раздають до 300 дозволеній на путешествіе, и что по одному такому паспорту часто путешествуетъ отъ 5 до 6 человѣкъ.

Странствующие музыканты раздѣляются на двѣ группы: на арфистокъ и на оркестры. Послѣдніе болѣе другихъ остаются въ своей странѣ, такъ какъ находятъ заработокъ въ теплое время года на богемскихъ минеральныхъ водахъ, на которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, все еще существуетъ обычай устраивать серенаду каждому гостю и встрѣчать музыкой каждую почтовую карету. Гость можетъ желать или не желать подобной чести, но онъ все таки долженъ платить за нее. Музыка богемскихъ минеральныхъ водъ пользуется европейскою извѣстностію: она не такого соннаго характера, какимъ отличается музыка другихъ минеральныхъ водъ, такъ какъ богемскіе музыканты настоящіе артисты. Эти самоучки еще въ деревняхъ прекрасно выполняютъ произведенія Моцарта, отличаются необыкновеннымъ слухомъ и, что бы они ни взяли играть, они никогда не издадутъ ни одного фальшиваго звука. Но какъ только кончается сезонъ, они отправляются на различныя ярмарки, между которыми лейпцигская занимаетъ первое мѣсто, потомъ идутъ во Франкфуртъ и въ среднюю Герма-

нію и чѣмъ дальше удаляются отъ своей родины, тѣмъ хуже становится ихъ музыка; мало-по-малу ихъ концертною залю дѣлаются шинки и трущобы самаго послѣдняго разряда. При этомъ какъ они сами, такъ и ихъ музыка все болѣе теряютъ національный характеръ. Въ одномъ мѣстѣ они что нибудь заимствуютъ, въ другомъ кое-что забываютъ, и такъ черезъ 3—4 года странствованія ихъ репертуаръ состоитъ, какъ и ихъ одежда, изъ пестрыхъ лохмотьевъ, собранныхъ во всѣхъ странахъ. Вотъ они сидятъ въ саду: скрипачъ—въ пестромъ фракѣ моднаго фасона, гобоистъ—въ шварцвальдскомъ сюртукѣ, флейтистъ—въ пфальцской курткѣ; подъ столомъ у нихъ пивная кружка, штофъ съ виномъ и бутылка съ пивомъ. Всѣ они уже давно привыкли крѣпкими напитками утолять жажду во время дальнихъ переходовъ и бодрствованія по цѣлымъ ночамъ.

Еще хуже положеніе арфистки. Чешскія арфистки—дѣвушки если не всегда красивыя, то обыкновенно стройныя; въ выраженіи лица что-то задорное, смѣлое, что помогаетъ имъ очень быстро освоиться на чужбинѣ. Ихъ юморъ и разговоръ, полный сарказма, поражаетъ каждаго, кто встрѣчаетъ ихъ вскорѣ послѣ того, какъ онѣ оставили свою родину. Но чѣмъ болѣе онѣ странствуютъ, тѣмъ болѣе юморъ ихъ выдыхается, остроты дѣлаются плоскими, стройность фигуры замѣняется рѣзкими манерами. И это понятно: чѣмъ болѣе онѣ удаляются отъ своей родины, тѣмъ болѣе чувствуютъ всю безнадежность своего положенія. Пока онѣ живутъ дома, онѣ играютъ въ семействѣ и обществѣ такую же роль, какъ всѣ порядочныя дѣвушки. Но во время своихъ странствованій онѣ привыкли вести беспорядочную жизнь, много встрѣчали пустыхъ и праздныхъ людей, которые ихъ постепенно втянули въ кутежи и попойки и приобрѣли такую дурную репутацію, что, возвратившись на родину, ни одна изъ нихъ не найдетъ жениха.

Арфистки одѣваютъ пестрое платье, плотно обтягивающую талію кофточку, сверху набрасываютъ платокъ, который закалываютъ у самой шеи. Онѣ отправляются гораздо далѣе музыкантовъ; ихъ можно встрѣтить рѣшительно вездѣ: въ голландскихъ шинкахъ, въ Швейцаріи и Страсбургѣ и часто даже на берегахъ Сены.

Арфистки, какъ и всѣ странствующіе музыканты, не забываютъ на чужбинѣ своихъ родныхъ. Это видно изъ того, что въ одинъ только годъ и только въ одномъ Пресницѣ было выслано ими по почтѣ болѣе 30,000 гульденовъ. При этомъ нужно помнить, что сумма, высылаемая по почтѣ, самая незначительная, такъ какъ большая часть ихъ пересылаютъ деньги черезъ земляковъ и по оказіи. Родные принимаютъ деньги, какъ должное, и когда арфисткамъ приходится вернуться на родину, къ нимъ относятся еще болѣе сурово, чѣмъ къ музыкантамъ. Что же касается ихъ прежнихъ подругъ и знакомыхъ парней, то тѣ и другіе встрѣчаютъ ихъ съ такимъ презрѣніемъ, что онѣ невольно начинаютъ дружить только съ товарищами и товарками по своимъ странствованіямъ. Чувствуя свою отчужденность, какъ мужчины, такъ и женщины музыканты недолго остаются на родинѣ; отправляясь странствовать во второй разъ, они уже гораздо легче расстаются съ роднымъ кровомъ; послѣ первой побывки и суроваго приѣма уже гораздо рѣже кто изъ нихъ заглянетъ снова на родину, о которой они еще такъ недавно мечтали.

ПРОМЫСЛЫ.

Горное дѣло.—Положеніе рудокоповъ.—Чешскій фарфоръ въ Вемервальдѣ — Природа страны.—Стеклянные заводы и издѣлія изъ лѣса.

Чехія, Моравія и Силезія, эти три чехо-славянскія провинціи, — единственныя области въ Австріи, гдѣ число людей, питающихся промышленностью, почти такъ же велико, какъ число людей, живущихъ сельскимъ хозяйствомъ и хлѣбопашествомъ. По статистическимъ даннымъ, въ Чехіи занимается сельскимъ хозяйствомъ 25% съ небольшимъ, при фабрикахъ и ремеслахъ числятся ровно 25%, торговцевъ существуетъ меньше 2%; громадный же классъ служащихъ и поденщиковъ простирается до 24%; остальные 23½% населенія состоятъ изъ духовенства (его насчитываютъ въ странѣ болѣе 5,000), чиновниковъ (ихъ существуетъ здѣсь цѣлая армія въ 25,000), юристовъ, докторовъ, писателей, художниковъ, но болѣе всего въ этой группѣ кочевниковъ. Хотя статистика не даетъ намъ точной цифры этой группы населенія, но извѣстно, что въ Чехіи она громадна, такъ какъ число людей, ежегодно отправляющихся на заработки въ разныя сосѣднія и далекія страны, кочующихъ музыкантовъ, актеровъ, плотниковъ, каменщиковъ и разныхъ ремесленниковъ здѣсь считаютъ не десятками, а сотнями тысячъ. Но возвратимся къ промышленности. Число рабочихъ въ рудникахъ и на заводѣ весьма значительно. Въ 1871 году ихъ было болѣе 45,000 чел., между тѣмъ громадное число рукъ въ этой странѣ занято мелкою промышленностью.

Горное дѣло развилось у славянъ давнымъ-давно: уже въ очень отдаленныя времена они занимались добываніемъ соли, желѣза, отчасти даже золота, серебра, мѣди, олова и др. Въ старину Чехія въ рудокопномъ отношеніи была тѣмъ же, чѣмъ въ наши дни Сибирь, Калифорнія или Австралія. Хотя впослѣдствіи промыслы этого рода пали, но теперь они снова возникаютъ. Центры чешской промышленности преимущественно находятся въ сѣверо-западной части Богеміи и именно въ Рудныхъ Горахъ. Горная цѣпь Рудныхъ Горъ, образующая границу Богеміи на сѣверо-западѣ, принадлежитъ Германіи, къ тому же и населеніе, живущее на ея скалахъ, состоитъ преимущественно изъ нѣмцевъ. Но въ рудникахъ этой горной цѣпи, на ея фабрикахъ и заводахъ немало работаетъ и чеховъ. Поэтому, не входя здѣсь въ детали описанія природы Рудныхъ Горъ и ихъ жителей, мы дадимъ лишь понятіе о положеніи чешскихъ рабочихъ.

По богатству и разнообразію продуктовъ горнаго дѣла чехо-славянскія провинціи занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ Австріи, но и во всей западной Европѣ. Золото и серебро, мѣдъ и свинецъ, никкель и кобальтъ, цинкъ и сѣра, но особенно желѣзо и чугуны, каменный и бурый уголь, — вотъ какіе важные продукты находятъ въ горахъ этихъ трехъ чехо-славянскихъ провинцій. Въ Чехіи добываютъ даже довольно много серебра, хотя въ настоящее время многіе изъ ея рудниковъ закрыты, но зато просто неистощимо каменноугольное богатство этихъ странъ. Однако заработокъ рудокоповъ въ Богеміи все болѣе падаетъ, такъ что теперь большинство ихъ едва можетъ прокармливать свои семейства. Трудно представить себѣ, какъ плохи жилища рудокоповъ въ сѣверо-западной части Богеміи. Буря и непогода разбиваютъ стекла въ окнахъ, и у хозяевъ не хватаетъ денегъ на покупку новыхъ; ихъ заклеиваютъ бумагой или затыкаютъ тряпьемъ. Отъ наружной окраски жилищъ не остается и слѣда: штукатурка обвалилась, и видѣются только кирпичи, бревна и солома. Внутри такого жилища не лучше: печь чудовищной величины занимаетъ больше всего мѣста въ единственной комнатѣ, лежащей на одномъ уровнѣ съ землею. Кровать въ этихъ жилищахъ

считается роскошью, и все семейство размѣщается на печкѣ и на полу. Жалкій заработокъ даетъ возможность такъ же мало тратить на одежду, какъ и на жилище. Въ особенности это замѣтно на дѣтяхъ рудокоповъ: большинство изъ нихъ бѣгаетъ босикомъ. Однимъ словомъ, бѣдность здѣшнихъ рудокоповъ вошла въ пословицу: когда хотятъ дать понятіе о всесовершеннѣйшей нищетѣ, говорятъ: «бѣденъ, какъ рудокопъ!»

Кромѣ желѣзныхъ заводовъ и издѣлій, на которыхъ приготавливаютъ даже пароходы и паровозы, въ Чехіи существуетъ также фабрикація мѣди, латуни, бронзы, золота, серебра, предметовъ роскоши; но страна эта гораздо болѣе славится своей каменной, фаянсовой и хрустальной посудой, которую она поставляетъ на всю Австрію; немало въ ней также гончарныхъ и кирпичныхъ заводовъ. Что же касается стеклянныхъ издѣлій, то въ этомъ отношеніи Чехія не имѣла прежде соперниковъ на всемирной выставкѣ, да и теперь они пользуются большою извѣстностію во всемъ свѣтѣ. Такъ какъ стеклянныхъ заводовъ болѣе всего въ Бѣмервальдѣ, то мы и познакомимся съ этою странюю, тѣмъ болѣе, что она съ своими лѣсными богатствами представляетъ богатѣйшій матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ промысловъ.

Бѣмервальдомъ называютъ ту часть Богеміи, которая громаднымъ горнымъ хребтомъ тянется вдоль западной границы этой страны. Южную часть Бѣмервальца называютъ Шумавою, а сѣверную — Чешскимъ Лѣсомъ. Хотя горы въ сѣверной части Бѣмервальда и покрыты большею частью лѣсомъ, но они совершенно лишены характера высокихъ горъ. Издали эта сѣверная часть Бѣмервальда, или «Чешскій Лѣсъ», представляется однообразною лѣсною полосою, сравнительно съ которою Шумава величественно возвышается надъ всѣми окрестностями. Шумава тянется громадною горною массою въ 5 миль ширины, со множествомъ хребтовъ, и отличается то необыкновенно грандіозными ландшафтами, то дико-романтическими. Хотя высшія точки Шумавы не превышаютъ 5,000 ф. надъ уровнемъ моря, хотя онѣ не имѣютъ особеннаго разнообразія и причудливыхъ формъ Альпъ, зато онѣ поражаютъ колоссальностію своихъ массъ и ихъ расчлененіемъ. Правда, широкія поляны, которыя встрѣчаешь здѣсь, наводятъ тоску своимъ однообразіемъ, но какую прелестную картину представляютъ цвѣтушія долины, быстрые потоки, тихія озера! Взойдите на одну изъ высокихъ горъ и передъ вами — дикая лѣсистая равнина, перерѣзанная большими возвышеніями. Вспаханныя поля виднѣются тамъ и здѣсь на менѣе крутыхъ скатахъ горъ, а все остальное пространство покрыто болотистыми лугами и темнымъ хвойнымъ лѣсомъ. На горныхъ откосахъ дома торчатъ въ одиночку или соединены группами на полянахъ, образуя собою небольшія деревушки, большія фабричныя строенія для фабрикація деревянныхъ и стеклянныхъ издѣлій. Но прежде всего и болѣе всего поражаетъ здѣсь дѣвственный лѣсъ, который своею магическою темнотою, таинственною тишиною, дикостію и своеобразною природою представляетъ на каждомъ шагѣ столько же замѣчательныхъ явленій, сколько и дѣвственные лѣса сѣверной Америки.

Бѣмервальдъ—въ полномъ смыслѣ слова лѣсная страна. Предгорье его, правда, лишено лѣса, но на этомъ мѣстѣ земля разработана подъ поля, а болѣе высокія горы до 4,000 ф. покрыты отличнымъ лѣсомъ. Большая часть этихъ лѣсовъ состоитъ изъ дѣвственного лѣса, нетронутого топоромъ и едва только открытаго для рубки. Лѣтъ 50 тому назадъ эти дѣвственные лѣса были еще болѣе обширны, но стеклянное производство сильно уменьшило ихъ, и такое истребленіе подвигается все дальше съ необыкновенною быстротою.

Когда вы вступате въ этотъ дѣвственный лѣсъ, васъ прежде всего поражаетъ то, что изъ массы молодыхъ деревьевъ торчатъ огромные гиганты съ высохшими верхушками и съ огромными наростами на стволахъ. Съ трудомъ проникаешь въ этотъ ха-

ось перепутанныхъ деревьевъ, пробираясь по сваленнымъ стволамъ и пнямъ, по черничнымъ кустамъ, съ трудомъ ступая по густому моховому покрову. Безпрестанно приходится съ опасностью жизни перескакивать здѣсь съ камня на камень, съ одного древеснаго ствола на другой, который вслѣдствіе гнилости часто въ ту-же минуту разрушается подъ ногами, и, наконецъ, вы выходите на небольшую открытую поляну, но она ничто иное, какъ трясина, недоступная для человѣка, покрытая сучьями деревьевъ и обросшая мхомъ такъ, что нѣтъ возможности предполагать, какъ опасно можетъ быть такое мѣсто; далѣе тянутся болота, глубокія лужи... Мохнатая трава образуетъ небольшія кочки, на которыхъ еще можетъ кое-какъ устоять человѣкъ. Шагая осторожно, перескакивая съ кочки на кочку, вы выбираетесь, наконецъ, къ лѣсной тропинкѣ, которая выводитъ васъ въ болѣе веселую мѣстность—къ прелестному ручейку или озеру.

Въ горныхъ ручьяхъ Бѣмервальда и въ большинствѣ озеръ встрѣчается много форелей и лососины. Пруды, которыхъ здѣсь особенно много, переполнены разнаго рода карасями, но изъ нихъ кромѣ рыбной ловли получаютъ еще и другую выгоду. Когда прудъ просуществуетъ нѣсколько лѣтъ, его высушиваютъ, и тогда дно его представляетъ великолѣпную почву для посѣва разныхъ хлѣбовъ и кормовыхъ травъ, не говоря уже о тростникѣ, котораго скашиваютъ здѣсь очень много.

Въ горныхъ лѣсахъ чрезвычайно много куропатокъ, тетеревовъ и глухарей. Пѣвчихъ птицъ здѣсь вовсе нѣтъ, но зато глухари отличаются своимъ огромнымъ ростомъ, и охота за ними считается самою привлекательною въ этой мѣстности.

Въ громадныхъ лѣсахъ Бѣмервальда можно ходить цѣлые дни, не встрѣтивъ ни одного звѣря, кромѣ развѣ пугливой, дикой козули, бѣлки, перескакивающей съ вѣтки на вѣтку, и лисицы, которая подкарауливаетъ добычу. Рука охотника и дровосѣка давно уже истребила хищныхъ звѣрей.

Въ разное время года природа Бѣмервальда носитъ различный характеръ. Послѣ обыкновенно ясной осени въ половинѣ октября вершины горъ начинаютъ покрываться снѣгомъ, который мало-по-малу спускается все ниже и ниже, пока вся мѣстность не покроеется сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ. Густые туманы и постоянныя мятели превращаютъ въ совершенную ночь и безъ того темную лѣсную мѣстность. Горные скаты, расположенные на сѣверъ, ущелья и долины,—все покрыто глубокимъ снѣгомъ. Въ декабрѣ и январѣ рѣки, ручьи и озера покрыты льдомъ, и вся мѣстность получаетъ чрезвычайно однообразный видъ. Въ это время начинается среди лѣсовъ необыкновенно дѣятельная жизнь. Тысячи сильныхъ работниковъ заняты нагрузкою на сани и спускомъ къ замерзшимъ рѣкамъ и озерамъ вырубленнаго лѣса втеченіи лѣта.

Суровая зима туго поддается наступающему въ апрѣлѣ теплу, а поздніе заморозки истребляютъ часто молодые древесные подростки и рѣдкіе посѣвы. Сначала снѣжный покровъ спадаетъ съ деревьевъ, растущихъ на южныхъ склонахъ горъ,—сѣверныя горы долго еще остаются подъ снѣгомъ, а въ тѣнистыхъ долинахъ и ущельяхъ замерзшія снѣжныя полосы встрѣчаются еще въ маѣ и іюнѣ. Наконецъ отъ теплаго весенняго вѣтра снѣгъ вездѣ стаяваетъ понемногу. Со всѣхъ скатовъ, по всѣмъ горнымъ трещинамъ несется вода отъ тающаго снѣга внизъ, къ русламъ рѣкъ, размываетъ въ нихъ ледъ, выступаетъ изъ береговъ и, соединившись со множествомъ притоковъ, стремится въ долину грознымъ потокомъ. Опять наступаетъ дѣятельная весенняя жизнь въ горахъ, которая однако носить другой характеръ, чѣмъ зимой. Сотни работниковъ заняты у береговъ шумящихъ рѣкъ и каналовъ тѣмъ, что сбрасываютъ въ воду дрова для сплава ихъ внизъ по теченію. Мало-по-малу жизнь въ лѣсахъ утихаетъ, время сплава близится

къ концу, вода спадаетъ и обнаруживаетъ на безлѣсныхъ площадкахъ зеленые, цвѣтушіе дуга.

Въ началѣ іюня стоятъ хорошая погода, только на самыхъ вершинахъ путешественника настигаетъ иногда мятель. Деревья распускаются понемногу, трава покрываетъ долины и лѣсныя дороги становятся проходимыми. Но время путешествія по горамъ еще не наступило. Частые дожди смѣняютъ хорошую погоду, и нерѣдко рѣки разливаются неожиданно и уничтожаютъ посѣвы на расположенныхъ въ долинѣ поляхъ. Самое лучшее время года въ Бѣмервальдѣ—іюль, августъ и сентябрь. Покровы трясины дѣлаются тверже, лѣсные скаты суше и потому горы доступнѣе. Это самое удобное время для посѣщенія этой мѣстности; хотя ливни нерѣдко заставляютъ васъ приостановить путешествіе, но они продолжаются очень недолго.

Не смотря на громадное количество утесовъ, Бѣмервальдъ совсѣмъ бѣденъ рѣдкими сортами минераловъ; онъ славится главнымъ образомъ своими стеклянными заводами и издѣліями изъ лѣса. Всемирную извѣстность въ этомъ отношеніи Чехія приобрѣла уже съ начала XVIII в. Фарфоровыя, стеклянныя и зеркальныя фабрики разбросаны по всей странѣ, и Чехія снабжаетъ этими произведениями не только Европу, но и другія части свѣта. Чешскій фарфоръ и теперь, не смотря на опасную конкуренцію Франціи, Саксоніи и Англіи, сильно расходуется по Россіи, Германіи, Швеціи, Америкѣ. Чешская глиняная посуда завоевала себѣ тоже большую извѣстность во многихъ мѣстахъ западной Европы и даже у насъ, въ южной Россіи. Центрами чешскаго стекляннаго производства были издавна Шумава и Исполиновыя горы. Такому развитію болѣе всего содѣйствовало превосходное качество кварца и богатство горючаго матеріала въ этихъ мѣстностяхъ

Бѣмервальдъ доставляетъ также неизсякаемый источникъ для производства лѣсныхъ издѣлій. Можно идти по этой странѣ нѣсколько дней все дальше и дальше, не встрѣтивъ ничего, кромѣ лѣса и дровосѣковъ, которые живутъ здѣсь цѣлыми колоніями. Лѣса Бѣмервальда играютъ важную роль не только на мѣстѣ, гдѣ они даютъ занятіе нѣсколькимъ тысячамъ тружениковъ, но и въ столицѣ государства, въ Вѣнѣ, такъ какъ каждая спичка напоминаетъ Бѣмервальдъ. Лѣсъ болѣе всего рубятъ на дрова, которые уничтожаютъ въ самомъ Бѣмервальдѣ, особенно на стеклянныхъ заводахъ, распиливаютъ на доски, дѣлаютъ гонтъ, сани, деревянные башмаки, разную мебель, рамки, корыта, паркетные полы, спички и разную утварь. Особенно цѣнны изготовляемыя здѣсь клавиатуры и резонансовыя доски для фортепіанъ. Такимъ образомъ въ Бѣмервальдѣ процвѣтаетъ множество самыхъ разнообразныхъ ремеслъ.

Нравы и обичаи чеховъ. Страсть народа къ танцамъ и веселью. — Танцевальная вечеринка въ гостинницѣ. — Польшка. — Коломайка и ея везатѣйливый припѣвъ. — Страшакъ; танецъ тугомерицкій и его оригинальная пѣсенка. — Кукушка и волюшникъ. — Банкота. — Танецъ при сборѣ винограда. — Танецъ, сопровождаемый пѣсенкой религіознаго содержанія. — Комическіе танцы: танецъ рокичанъ; крестьянскій. — Хороводные танцы: бритва; хитава.

Мазурка поляковъ, чардашъ мадьяръ, фанданго испанцевъ и тарантелла неаполитанцевъ пользуются всеобщою извѣстностью; точно также и многіе чешскіе танцы могли бы приобрѣсти всесвѣтную славу, если бы жизнь и нравы этого народа были болѣе извѣстны. Многіе чешскіе танцы распространены въ танцевальномъ мірѣ, но обыкновенно никто не знаетъ ихъ происхожденія. Всѣ славяне вообще большіе любители тан-

цевъ и отличные танцоры, но первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ поляки и чехи. Стоять только нѣсколькимъ чехамъ обоего пола собраться вмѣстѣ, они непремѣнно поютъ и танцуютъ. Ни свадьба, ни крестины, ни праздникъ жатвы, ни освященіе церкви, ни даже похороны холостяка или дѣвушки не проходятъ безъ пѣнія и танцевъ. Послѣ погребенія дѣвушки или холостяка родители усопшихъ приглашаютъ знакомыхъ въ мѣстную гостиницу, угощаютъ ихъ, а послѣ угошенія устраиваются танцы. Умѣть красиво и ловко танцевать — серьезная заслуга въ глазахъ чешской молодежи. Парень или дѣвушка, перещеголявшіе другихъ въ этомъ отношеніи, заслуживаютъ самое лестное вниманіе и поощреніе и стоустая молва далеко разноситъ ихъ извѣстность, не смотря на то, что они танцуютъ только для своего удовольствія и никогда не выступаютъ на театральныхъ подмосткахъ. На молодыхъ людей, не умѣющихъ танцевать, смотрятъ здѣсь просто съ презрѣніемъ. Тотъ, кто хочетъ понравиться дѣвушкѣ, непремѣнно долженъ умѣть ловко танцевать, — вотъ мысль, которая со всевозможными варіаціями высказывается въ народныхъ пѣсняхъ. Неловкаго танцора совершенно засмѣютъ, и ему совѣстно показаться въ праздникъ не только въ кругу молодежи, но и пожилыхъ людей. «Ахъ ты, злосчастный», — говоритъ старуха-мать въ досадѣ, что не можетъ женить сына; «куда тебѣ жену добыть, когда ты едва можешь ногами шевелить.» «Еслибы вы увидѣли его танцующимъ», говоритъ народная пѣсня, «вы бы умерли отъ смѣха». Народъ, слагая пѣсенку о голубыхъ глазкахъ, бѣлыхъ рукахъ, розовыхъ щекахъ своей возлюбленной, непремѣнно прибавляетъ что-нибудь въ этомъ родѣ. «Чтобы понять всю ея красоту, вы должны увидѣть ее въ танцевальной комнатѣ», и затѣмъ перечисляются танцы, въ которыхъ особенно видна ея быстрота, грація и ловкость.

Чешскіе танцы даютъ возможность парню щегольнуть своимъ нарядомъ. Въ самомъ разгарѣ танца онъ ловко сбрасываетъ куртку и показываетъ рубашку ослѣпительной бѣлизны съ искусной вышивкою и бархатный жилетъ съ серебряными пуговицами. Впереди у пояса виситъ бѣлый, красиво вышитый носовой платокъ, и онъ какъ флагъ развѣвается въ воздухѣ. Какъ латыши любятъ щеголять своими полотенцами, такъ чехи, венгерцы и валахи — носовыми платками; при этомъ они прищелкиваютъ пальцами, громко и весело вскрикиваютъ и сопровождаютъ музыку импровизированными пѣсенками и шутками. Такое увлеченіе танцами мы встрѣчаемъ во всей Чехіи. Почти каждая деревня, каждый городокъ, кромѣ общепотребительныхъ, всѣмъ извѣстныхъ танцевъ, имѣетъ еще свои собственные, которые, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго срока, выходятъ изъ употребленія. Это происходитъ или потому, что пѣсня, которую при этомъ пѣли, уже забыта, или вслѣдствіе того, что импровизируютъ новую пѣсню, для которой слагаютъ и другую мелодію, и такимъ образомъ появляется новый танецъ. Не мало у чеховъ и стариинныхъ танцевъ, и они долго еще будутъ существовать, такъ какъ они тѣсно связаны съ національными обычаями и обрядами. Танцуютъ обыкновенно подъ звуки музыки и пѣнія, а иногда только одного пѣнія. Еще недавно самыя разнообразныя танцевальныя пѣсни смѣнялись гуслями и волянкой, подъ звуки которыхъ плясала деревенская молодежь въ шинкахъ, на току или на лужайкахъ. Въ настоящее время волянка и гусли встрѣчаются довольно рѣдко. На простыхъ пррушкахъ играетъ теперь шарманка, а во время большихъ праздниковъ оркестръ деревенскихъ музыкантовъ, состоящій изъ одной или двухъ скрипокъ, кларнета или флейты, трубы и огромнаго баса.

Национальныхъ танцевъ въ Богеміи чрезвычайно много и одинъ перечень ихъ могъ бы занять добрый листъ убористой печати, но вмѣсто того, чтобы ихъ перечислять, мы расскажемъ о самыхъ интересныхъ изъ нихъ. Танцевальное время въ Чехіи начинается съ праздника Крещенія и продолжается до великаго поста. Католическая цер-

вовь запрещаетъ общественные танцевальныя вечера отъ самаго начала рождественскаго поста до Крещенія и во время великаго поста. Чехамъ, какъ страстнымъ танцорамъ, не легко быть въ этомъ отношеніи послушными сынами церкви, тѣмъ не менѣе они подчиняются предписанію; но зато съ большимъ нетерпѣніемъ ждутъ праздника Крещенія. Вотъ потому-то рождественскія вечеринки, не смотря на святочные гаданья и игры, проходятъ у нихъ несравненно монотоннѣе тѣхъ пирушекъ, во время которыхъ они могутъ предаваться танцамъ.

Чтобы составить понятіе о чешскихъ танцевальныхъ вечеринкахъ, нужно войти въ праздничный день въ любую деревенскую гостиницу. Это обыкновенно двухэтажное зданіе. Залъ, гдѣ танцуютъ, въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не отапливаютъ зимою, такъ какъ оно отлично нагрѣвается во время танцевъ. Каждое воскресенье, каждый праздникъ, около шести часовъ вечера, изъ гостиницъ раздаются звуки музыки. У входа толпится множество народа: молодежь обоого пола, дѣти и пожилыя женщины. Въ комнатѣ передъ танцевальной залой размѣстились мелочныя торговки съ копѣчными пряниками и сладостями, а около нихъ тѣснятся покупатели. Но войдемъ въ залъ. Трудно представить, какая тамъ тѣснота и суматоха! «Въ одномъ углу сидятъ музыканты, въ другомъ продается пиво, все остальное пространство занято публикою. Отъ лампы, повѣшенной посреди потолка, падаетъ довольно тусклый свѣтъ, но вы всетаки различаете фізіономіи. Есть очень хорошенькія и очень мило одѣтыя крестьянки. А молодые парни—о, это молодцы первой руки! Они расхаживаютъ по залѣ въ фуражкахъ, съ трубками или сигарами и съ кружками пива. Вотъ музыка играетъ польку. Толпа раздвигается и посреди комнаты остается большое свободное пространство. Пары носятся одна за другою. Сначала еще соблюдается кое-какой порядокъ, но потомъ все перемѣшивается, все танцуетъ и въ добавокъ, кто подпѣваетъ, кто насвистываетъ. Но вы, не смотря на страшную тѣсноту и духоту, съ удовольствіемъ смотрите на танцующихъ. Полька идетъ превосходно. Дѣвушки и парни держатъ себя очень граціозно. Да и какъ же иначе: вѣдь полька чешскій народный танецъ! Черезъ полчаса музыка умолкаетъ. Начинается снова бѣготня, говоръ, смѣхъ».

Музыка снова загремѣла; начинается «*коломайка*». «Танцуйте, не переставая, «коломайку», поютъ при этомъ, «но берегите сапоги, такъ какъ подошвы скоро обрвутся и останутся одни голенища».

Между народными танцами особенно любимъ «*страшакъ*» и «*тугомерицкій танецъ*». Страшакъ напоминаетъ вальсъ, но отличается отъ него тѣмъ, что въ немъ, при извѣстномъ тактѣ, всѣ пары вдругъ останавливаются, мужчины на небольшомъ разстояніи противъ женщинъ. Затѣмъ танцоры, подъ тактъ оригинальной мелодіи, нѣсколько секундъ стоя на мѣстѣ, притопываютъ ногами, хлопаютъ въ ладоши, плутовски грозятъ другъ другу указательнымъ пальцемъ сначала правой руки, а потомъ лѣвой и быстро повертываются на каблукахъ. Но вся прелесть этого танца состоитъ въ томъ, что въ то самое время, какъ пары останавливаются и, погрозивъ другъ другу, поворачиваются, чтобы пуститься въ вальсъ, совершается похищеніе чужихъ дамъ. Это дѣлается такъ: ту даму, которая не тотчасъ останавливается или нѣсколько дальше отодвигается отъ своего кавалера, хватается другой и уносится съ нею въ вальсъ. Пальцемъ грозятъ, чтобы напомнить о предстоящемъ похищеніи, и мимикой просятъ не измѣнять, въ противномъ случаѣ угрожая местию. Отсюда и названіе страшакъ, т. е. страшающій танецъ. Онъ идетъ особенно живо, когда хоромъ раздается веселая пѣсенка, въ которой между прочимъ говорится: «я люблю и ту, и другую и наконецъ приобретаю привычку зяблика. Сахарная, когда ты мнѣ надоѣшь,—я улетаю!»

«*Тугомерицкимъ*» танецъ называется потому, что онъ впервые появился въ мѣст-

ности Тугомерица. Замѣчательна огненная мелодія этого танца, а содержаніе пѣсни въ высшей степени наивно и напоминаетъ балладу: «Дѣвушка пошла за водой; она несла большую, красивую кружку. Мимо прошелъ господинъ и разбилъ кружку. Дѣвушка шла и горько плакала: ей было жаль кружки». — «Хотя вы и господинъ, но заплатите мнѣ за кружку». — «Успокойся, не плачь, молодница, скоро твоя бѣда будетъ исправлена: за зеленую кружку я тебѣ дамъ платокъ». Но дѣвушка была недовольна: ей жалко кружки. — «Хотя вы и господинъ, но заплатите за кружку». — «Успокойся, не плачь, молодница, скоро поправится бѣда: это колечко я тебѣ дарю за кружку». Но дѣвушка была недовольна: ей жалко кружки. «Хотя вы и господинъ, но заплатите за кружку». — «Успокойся, не плачь, молодница, скоро будетъ поправлена бѣда: за кружку я дарю тебѣ самого себя». Дѣвушка болѣе не печалилась, напротивъ, она совсѣмъ развеселилась. — «Зеленая кружка принесла мнѣ господина».

Богемскій національный танецъ «кукушка» танцуютъ очень быстро. Танцоръ держитъ правою рукою даму и танцуетъ съ нею кругомъ комнаты, выдѣлывая па польки-мазурки. Пара кружится на мѣстѣ по окончаніи каждаго куплета пѣсни. «Кукушка кричитъ въ тишинѣ буковаго лѣса: скажи-же, моя милая, скажи, гдѣ ты?.. Ты единственная, которая ранила мое сердце, скажи-же, гдѣ ты?..»

Для танца «волынщикъ» необходима волынка, такъ же какъ и для шотландскаго «риля». Теперь гораздо рѣже можно видѣть этотъ танецъ, но когда появляется на деревнѣ въ праздникъ волынщикъ, онъ отправляется въ гостиницу, изъ которой тогда тотчасъ раздаются призывающіе танцоровъ звуки музыки, и когда они смолкаютъ, волынщикъ выходитъ на середину круга, надуваетъ свой мѣхъ и, весело подпрыгивая и наигрывая на волынкѣ, воодушевляетъ танцоровъ, которые начинаютъ танцевать вокругъ него.

«Байкота» имѣетъ большое сходство съ нашимъ казачкомъ. Танцоръ и танцорка стоятъ другъ противъ друга и выдѣлываютъ различныя фигуры. Легкимъ движеніемъ танцоръ скидываетъ свою куртку, молодецки подпираетъ руки въ боки и начинаетъ отплясывать съ необыкновенной энергіей.

При сборѣ винограда танцуютъ особый танецъ «doušky». Его танцуютъ виноградари обоюго пола въ романтическихъ мѣстностяхъ, изобилующихъ виноградомъ. Повончивъ съ его сборомъ, женщины украшаютъ себя вѣнками изъ виноградныхъ листьевъ и вечеромъ подъ открытымъ небомъ танцуютъ «doušky», который преимущественно состоитъ изъ подражанія обычнымъ при сборѣ винограда дѣйствіямъ и тѣлодвиженіямъ. Музыкою при этомъ обыкновенно служитъ шарманка.

«Skáková» — припрыгивающій танецъ: танцующіе берутся на крестъ за руки и подъ тактъ довольно монотонной музыки припрыгиваютъ назадъ и впередъ. Чрезвычайно оригиналенъ обычай пѣть во время этого танца пѣснь религіознаго содержанія: «Мать со святой горы, ты такъ богата великолѣпьемъ! Мать со святой горы, ты такъ богата благостью! Будь милосерда къ намъ: мы такъ охотно ходимъ весною къ твоей святой вершинѣ — къ мѣстопребыванію ангеловъ. Попроси за всѣхъ людей, попроси также и за меня. Мать со святой горы, пусть моя пѣсенка тронетъ тебя». Примѣръ такого дѣтскаго наивнаго употребленія религіозныхъ пѣсней во время танцевъ — далеко не единственный.

Болѣе всего оживляются танцевальныя вечеринки *комическими танцами*, которыхъ у чеховъ чрезвычайно много. Они обыкновенно изображаютъ нравы простаго народа, выставляютъ смѣшныя его стороны и отличаются живыми, необыкновенно выразительными жестами.

Лишь только происходитъ въ городкѣ или въ деревнѣ какое-нибудь экстраординарное происшествіе, молодые люди сочиняютъ на это событіе комическую пѣсенку,

кладуть ее на музыку, и танецъ готовъ. На первой вечеринкѣ его танцуютъ со всевозможными характерными, шутивными жестами. Если новый комическій танецъ остроумень, онъ тотчасъ пріобрѣтаетъ извѣстность и быстро распространяется въ странѣ. Новое событіе даетъ пищу для новаго танца и такимъ образомъ заставляеть забыть первый. Дольше другихъ держатся такіе танцы (а иногда остаются и навсегда), въ которыхъ осмѣивается цѣлое сословіе или ремесло, такъ напримѣръ танецъ «рокицанъ». (Рокицанъ — городъ въ западной Богеміи). Пѣсня, которая всегда аккомпанируетъ комическій танецъ, на этотъ разъ состоитъ только изъ слѣдующихъ двухъ стиховъ: «вотъ какъ тихо и медленно пляшутъ рокицане; вотъ какъ тихо и медленно тамъ ходятъ». Въ это время танцующіе съ комическимъ выраженіемъ идутъ впередъ и назадъ мелкими шажками. Это движеніе продолжается нѣсколько минутъ безъ перемѣнъ и выходитъ чрезвычайно комично.

Еще болѣе популярнѣе «крестьянинъ». Въ этомъ танцѣ танцоръ долженъ изображать гордаго, надутаго и сразу разбогатѣвшаго крестьянина. Онъ важно подпираетъ руки въ боки, топаетъ ногами, снимаетъ сюртукъ. Текстъ пѣсни вполне соответствуетъ танцу: «крестьянинъ, крестьянинъ (нѣсколько разъ), — онъ большой господинъ. Онъ носитъ поясъ на брюхѣ и на его шубѣ тюли, тюли, тюли, тюли, тюлипанчики пестренькіе. Посмотри (нѣсколько разъ), какъ глупъ крестьянинъ!... Посмотри, посмотри, посмотри, какъ онъ глупъ! На поле ѣдетъ онъ, двое карманныхъ часовъ носитъ онъ... Посмотри, посмотри, какъ онъ глупъ!»

Чешскій народъ имѣетъ множество и другихъ комическихъ танцевъ, въ которыхъ танцоры подражаютъ движеніямъ различныхъ животныхъ. Тотъ, кто подражаетъ какому-нибудь животному, становится на возвышеніе, а остальные танцуютъ вокругъ него. Изъ такихъ танцевъ можно назвать: «пѣтухъ», «лягушка» и т. п.

У чеховъ не мало также и историческихъ танцевъ; большинство ихъ обязано своимъ существованіемъ бурному 1848 году. Тогдашній духъ волненій отразился уже въ ихъ названіяхъ, такъ напр.: «конституція», «парламентъ», танецъ «баррикада», танецъ «кошачьей музыки» и т. п. Другіе танцы носятъ имена сатирическихъ газетъ, напримѣръ: «очки», «славянинъ»; третьи названы по именамъ тогдашнихъ знаменитостей, такъ напримѣръ: «Кошутъ». Что касается характера этихъ, постепенно приходящихъ въ забвеніе, историческихъ танцевъ 1848 года, то необходимо замѣтить, что они далеко не отличаются тѣмъ бурнымъ характеромъ, какъ напримѣръ «карманіола», этотъ знаменитый французскій революціонный танецъ временъ Робеспьера. Чешскіе народные историческіе танцы носятъ на себѣ прежде всего характеръ комическо-сатирической.

Особую категорію танцевъ составляютъ хороводные «kolo», которые у южныхъ славянъ, особенно у сербовъ, встрѣчаются съ многочисленными варіаціями. У чеховъ же ихъ танцуютъ только въ извѣстныхъ случаяхъ, преимущественно во время свадебныхъ пиршествъ, гдѣ они тѣсно связаны съ обычаями. Танцоры составляютъ кругъ и подвигаются то вправо, то влѣво, между тѣмъ какъ отдѣльныя пары или лица поочередно выдѣлываютъ разныя фигуры и игры посреди круга, а потомъ танцуютъ вальсъ или польку.

«Бритва»: въ этомъ хороводномъ танцѣ то одному, то другому танцору довольно немилосердно намазываютъ лицо мокрымъ пескомъ, который соскабливаютъ деревянной бритвой, и эта операція продолжается до тѣхъ поръ, пока подвергающійся ей не заплатитъ маленькаго выкупа. Въ это время остальные танцуютъ вокругъ.

«Chytava» (отъ chytati — ловить): танцующіе становятся въ два ряда другъ противъ друга; въ одномъ изъ нихъ стоятъ мужчины, въ другомъ дѣвушки. «Бѣги, Катя», поютъ они, «брось все: за тобой гонится дикій котъ!» И Катя убѣгаетъ такъ скоро,

какъ только можетъ, и котъ не можетъ ее поймать. «О, Катя, бѣги еще скорѣе: котъ уже бѣжитъ по твоимъ стопамъ»... И Катя бѣжитъ еще скорѣе, но котъ все-таки ловить ее, и танцоры стараются поймать другъ друга.

Праздники.—Щедрый вечеръ. — Національныя чешскія кушавья. — Рождественское дерево. — Повѣрья и обычаи этого дня.—26-е декабря.—Три царя.—Коляда съ яслими.—Посидѣлки.—Новый Годъ и повсемѣстный обычай подносить стихи.—Канунъ Крещенія.

Рождество, народный праздникъ чеховъ, и святки—самое веселое время въ году. Въ это время отъ бѣднаго халушника до перваго богача все отдыхаетъ и веселится.

Вечеръ наканунѣ Рождества чехи называютъ «štĕdry večer», т. е. щедрый вечеръ. Въ то время, когда христіане празднуютъ Рождество, язычники праздновали зимній поворотъ солнца, съ котораго начинали прибывать дни. Въ это время, по понятію предковъ, солнце не надолго останавливалось; тогда небеса разверзались, и можно было видѣть свѣтлый рай, въ которомъ зеленѣли дуга и рошия, цвѣли всевозможные цвѣты, зрѣли плоды, и свѣтъ райскій отражался и на землѣ. Земля становилась совершеннымъ отблескомъ рая, и на ней все цвѣло даже подъ снѣгомъ. Вслѣдствіе этого, даже въ давно прошедшія времена, въ этотъ вечеръ щедро раздавали людямъ всевозможныя земныя блага; отсюда происходитъ и чешское названіе вечера «štĕdry». Вогъ поэтому-то и нынѣшніе чехи стараются, чтобы и теперь этотъ вечеръ былъ вполне щедрымъ и обильнымъ для всякаго живаго существа, и чтобы домъ представлялъ полную чашу, рай на землѣ.

Оживленная суматоха въ канунъ Рождества начинается съ утра. Работницы моютъ и чистятъ сверху донизу всѣ комнаты, двери и окна, посуду и столы, между тѣмъ какъ въ хлѣву работники рѣжутъ солому, чтобы не работать въ праздничное время; хозяйинъ осматриваетъ всѣ углы дома и хозяйственныхъ пристроекъ и отдаетъ распоряженія, хозяйка дѣлаетъ необходимыя приготовленія къ ужину. Дѣтямъ, безпрестанно заглядывающимъ въ кухню, такъ и хочется схватить что-нибудь изъ печенья; но отецъ обѣщаль имъ, если они будутъ поститься до вечера, показать «золотаго поросенка». Чтобы себя чѣмъ-нибудь развлечь, они устраиваютъ въ углахъ комнаты ясли со святымъ младенцемъ и нѣсколько другихъ сценъ изъ Новаго Завѣта. Фигуры, которыя они употребляютъ для этого, сдѣланы изъ дерева, и мать уже давно привезла ихъ дѣтямъ съ ярмарки. Очень часто дѣти сами вырѣзаютъ эти фигуры изъ папки, наклеиваютъ ихъ на доски и разставляютъ, освѣщая зажженной лампочкой.

Въ этотъ день чехи придають значеніе рѣшительно всякой мелочи. Утромъ хозяйка собственноручно кормитъ домашнюю птицу, которой она даетъ вмѣсто обыкновеннаго корма чечевицу, ячмень, овесъ и пшеницу, однимъ словомъ всѣ роды хлѣба и стручковыхъ растений, перемѣшавъ ихъ между собой, чтобы она несла побольше хорошихъ яицъ; пѣтухъ получаетъ кусочекъ чеснока. Чеснокъ кладутъ также въ утренній супъ служащимъ, чтобы они были способны ко всякой работѣ.

Когда, наконецъ, наступаетъ вечеръ, столъ накрываютъ большою сватертью, которую вынимаютъ только въ большіе праздники; на ней симметрично разставляютъ подсвѣчники и тарелки, наполненныя всевозможными сладостями, печеньями и ѣдою всякаго рода: орѣхи, яблоки и сушеные плоды навалены цѣлыми грудами. Кушавья все больше мучныя, такъ какъ чехи вообще употребляютъ несравненно болѣе мучнаго, чѣмъ мяснаго, къ тому-же въ канунъ Рождества и по закону нельзя ѣсть мясо. Между чешскими кушавьями въ этотъ день первое мѣсто занимаетъ «ваночка» (рождественскій хлѣбъ). Его

приготавливаютъ изъ пшеничной муки, убираютъ миндалемъ и изюмомъ. Этотъ хлѣбъ имѣетъ такое значеніе, что даже приготовленіе его сопровождается особыми обрядами. Когда тѣсто для этого хлѣба готово, хозяйка идетъ въ садъ и еще мокрыми отъ тѣста руками обнимаетъ плодовые деревья, чтобы онѣ дали больше плодовъ. А вотъ и знаменитые чешскіе «koláče» (круглые пироги), «ливанцы» (нѣчто въ родѣ блиновъ), «вдолки» (кушанье изъ муки, сжаренное на сковородѣ), «кнедлики», т. е. мучные катышки или бомбы, приготовленные изъ муки, яицъ и масла, сваренные въ водѣ и потомъ облитые масломъ. Кромѣ множества національныхъ блюдъ, которыя въ такомъ изобиліи разставлены на столѣ, стоитъ еще небольшая ёлка, увѣшанная позолоченными яблоками, грушами, грецкими орѣхами, пряниками и другими подарками для дѣтей. Ёлка эта должна напоминать райское дерево и служить символомъ обилія всѣхъ плодовъ земныхъ въ будущемъ году. Понемногу собираются всѣ домашніе въ лучшихъ праздничныхъ нарядахъ. Хозяинъ произноситъ молитву, а хозяйка разрѣзаетъ хлѣбъ; первые куски она откладываетъ въ сторону и потомъ еще разъ отправляется въ кухню, чтобы посмотреть, все ли въ порядкѣ. При этомъ кто-нибудь изъ домашнихъ отправляется въ садъ, обязываетъ нѣкоторыя плодовые деревья соломой, трясетъ ихъ, приговаривая: «деревья, милости просимъ васъ къ намъ на ужинъ». Наконецъ къ ужину всѣ собрались: хозяинъ произноситъ молитву, въ которой онъ благодаритъ Бога за проведенный годъ и проситъ его, чтобы и наступающій былъ-бы такъ же счастливъ. «Хвала Іисусу Христу», отвѣчаютъ всѣ хоромъ и садятся къ дымящимся мискамъ; семья хозяйки за верхній конецъ стола, а прислуга за нижній. Прежде всего подаютъ уху, потомъ жареную рыбу и т. д. безъ конца. По окончаніи ужина раздаютъ яблоки, орѣхи и пьютъ пиво. Остатки ужина и рыбы кости заботливо складываютъ въ особыя миски. Во время ужина, какъ это обыкновенно случается, по деревнѣ проходитъ мѣстный пастухъ; онъ трубитъ въ рогъ, шелкаетъ бичемъ и поетъ: «Къ яслямъ, къ яслямъ торопитесь, пастухи, тамъ вы найдете чудесное дитя. Въ городъ Виелемъ торопитесь поскорѣе, тамъ вы найдете чудесное дитя!» Смѣхъ и говоръ смолкаютъ, всѣ крестятся и произносятъ: «Христосъ родился, порадуемся»... Когда со стола все убрано, мужья садятся къ нему и играютъ въ карты на орѣхи; между тѣмъ дѣти окружаютъ отца и упрощаютъ его показать имъ «золотаго поросенка». Отецъ беретъ въ одну руку небольшое зеркало, въ другую зажженную свѣчу. Такъ какъ онъ держитъ свѣчу передъ самымъ зеркаломъ и двигаетъ имъ, то въ ту, то въ другую сторону, — на стѣнѣ и на потолкѣ показываются свѣтлыя пятна, которыя тотчасъ исчезаютъ. Это и называютъ «золотымъ поросенкомъ», и въ каждой избѣ, гдѣ есть маленькія дѣти, его непременно показываютъ въ этотъ вечеръ. Старшихъ-же дѣтей мать выводитъ на улицу и, указывая имъ на какое-либо созвѣздіе, говоритъ, что это «золотой поросенокъ». Возвратившись въ комнату, мать даритъ младшимъ дѣтямъ «золотыхъ поросятъ» изъ дерева, глины или изъ пряника, которые продаются въ этотъ день во всѣхъ лавочкахъ; затѣмъ она отправляется въ хлѣвъ съ остатками отъ ужина и кладетъ каждому животному по кусочку въ ротъ, чтобы оградить его на будущій годъ отъ несчастья. Все, что остается отъ животныхъ, она бросаетъ въ колодезь, чтобы вода въ немъ никогда не изсыкала. Рыбьи кости работники зарываютъ въ полѣ, чтобы оно дало хорошій урожай. Работницы бѣгутъ къ курятнику и боязливо прислушиваются, кто первый закричитъ: пѣтухъ или курица. Крикъ пѣтуха подаетъ надежду на жениха, курица же повергаетъ дѣвухъ въ отчаяніе, такъ какъ она не предвѣщаетъ свадьбы въ этомъ году. Чтобы узнать, откуда придетъ женихъ, дѣвушка отвязываетъ дворовую собаку, выводитъ ее за ворота и замѣчаетъ, въ какую сторону она начнетъ лаять. Въ этотъ вечеръ можно видѣть также нѣсколько дѣвухъ, распростертыхъ на льду: онѣ приложили ухо и стараются

уловить какой-нибудь звукъ. Въ чешскомъ народѣ существуетъ повѣрье, что въ щедрый вечеръ райскій свѣтъ отражается на землѣ и всего сильнѣе на водѣ. Такъ какъ въ водѣ можно увидеть, что дѣлается на небѣ, то можно и угадать, кого какая ждетъ судьба. Вотъ потому-то чехи и смотрятъ въ этотъ вечеръ въ воду и прикладываютъ ухо къ льду. Одной дѣвушкѣ чудится стукъ кузнечнаго молота, другой шумъ напилка или визгъ пилы, третьей—звуки гармоникки; согласно съ этимъ одна рассчитываетъ выйти за кузнеца, другая за столяра, третья за музыканта. А какія только гаданья не придумываютъ дѣвушки въ эту ночь! Одна изъ нихъ выливаетъ бѣлокъ яйца въ стаканъ чистой воды, оставляетъ его на ночь, а утромъ смотритъ, какія образовались фигурки. Нѣсколько дѣвушекъ приклеиваютъ къ скорлупкамъ орѣховъ разноцвѣтныя восковыя свѣчи, сразу зажигаютъ ихъ и бросаютъ въ святую воду. Бѣлыя свѣчки изображаютъ дѣвушекъ, красныя—парней. На свѣчкахъ дѣлаютъ значки, обозначающіе того или другаго парня или дѣвушку. Приближается скорлупка нелюбимаго молодого человѣка, и на нее дуютъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ она не отойдетъ въ сторону и не приблизится скорлупка желаннаго. У чешскихъ дѣвушекъ гаданью въ этотъ вечеръ нѣтъ конца: льютъ олово, жгутъ бумагу, трясутъ деревья и т. п. до безконечности. Повсюду идетъ говоръ, веселье, смѣхъ... Но вотъ ударилъ колоколъ къ заутрени; при первыхъ его ударахъ дѣвушки все бросаютъ, одѣваютъ теплое платье и отправляются въ церковь.

Въ провинціи почти во всѣхъ церквахъ передъ престоломъ отъ Рождества до праздника Срѣтенія стоятъ ясли съ божественнымъ Младенцемъ, окруженные пастухами, ангелами и Божіею Матерью. Въ праздникъ Крещенія къ этимъ фигурамъ прибавляютъ еще трехъ королей съ многочисленной свитой, съ верблюдами и лошадьми. При этомъ нужно замѣтить, что отъ Рождества до Крещенія святой Младенецъ лежалъ въ крошечныхъ ясляхъ, а по бокамъ стояли Іосифъ и Марія. Въ день Крещенія Младенца вынули изъ яслей, и Онъ сидитъ на колѣняхъ Богоматери. Этимъ хотятъ показать, какъ много выросъ Младенецъ за это время. Кромѣ того надъ яслями висѣлъ на проволоцѣ ангелъ, а въ день Крещенія его замѣняютъ кометой, сдѣланной изъ дерева, но позолоченной. Она напоминаетъ собою ту комету, которая явилась волхвамъ, указывая имъ мѣсто, гдѣ находился новорожденный Іисусъ. Всѣ эти фигуры обыкновенно сдѣланы изъ дерева, а въ болѣе бѣдныхъ церквахъ ихъ замѣняютъ раскрашенными картинками, наклеенными на папку, точь въ точь, какъ это устраиваютъ дѣти въ частныхъ домахъ, что мы только что описали выше. Въ нѣкоторыхъ церквахъ Чехіи Дѣву Марію украшаютъ какъ большую кокетку, и однажды поставили даже подлѣ нея куклу—плясуна на канатѣ. Тотъ или другой изъ молящихся подходилъ къ нему во время богослуженія и заставлялъ его продѣлывать различные фокусы. Это сильно возмущало благочестивыхъ людей, пока не вышло постановленіе, строго запрещающее ставить въ церквахъ такихъ плясуновъ.

Какъ ждуть дѣти возвращенія старшихъ отъ заутрени! Въ эту святую ночь, въ лѣсу, сказывала имъ бабушка, съ первыми проблесками зари, по воздуху проносятся Младенецъ-Іисусъ. Онъ сидитъ въ маленькой золотой коляскѣ, запряженной парой бѣлыхъ лошадокъ. И что это за лошади! Дивные зубы ихъ бѣлы, какъ слоновая кость, челюсти изъ чистѣйшаго золота, поводья—два солнечныхъ луча, подковы изъ золота, а звукъ ихъ голоса такъ нѣженъ, что тому, кто разъ слышалъ его, самая прекрасная музыка покажется грубою. Коляска наполнена разнообразными подарками и сладостями, которые предназначены для умныхъ и послушныхъ дѣтей. Но въ этомъ дивномъ экипажѣ есть тоже много чернаго хлѣба, розогъ и гороху для капризныхъ и глупыхъ.

Въ эту святую ночь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ сумерки, а въ другихъ и позже, всѣ дѣти собираются въ одну комнату, становятся на колѣни и читаютъ мо-

литвы, но они безпрестанно оглядываются на дверь. Вдруг раздается звонъ колокольчика; дѣти вскакиваютъ съ колѣнъ и замираютъ на мѣстѣ. Они ждутъ, пока Иисусъ выйдетъ изъ коляски раздавать имъ подарки. Снова раздаются звуки колокольчика, дверь скрипнула и пріотворилась, и въ ней показалась рука, обклеенная золотою бумагою. Эта рука ставитъ на полъ корзину съ подарками или разбрасываетъ ихъ въ сверткахъ направо и налево. Иногда вмѣсто подарковъ въ комнату влетаетъ черный хлѣбъ, розги, горохъ. Это значить, что Младенецъ Иисусъ недоволенъ кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ. Розги говорятъ о томъ, что дурное дитя слѣдуетъ высѣчь въ эти праздники, горохъ, что вмѣсто удовольствій его слѣдуетъ поставить на колѣни, хлѣбъ—что оно ничего не должно ѣсть, кромѣ хлѣба.

Прежде чѣмъ лечь спать въ эту святую ночь, хозяинъ три раза обходитъ всѣ строенія съ собакой, чтобы она заботливо берегла домъ весь будущій годъ. Послѣ этого онъ привязываетъ ее, затѣмъ беретъ въ руки гуся, потомъ селезня, пѣтуха и съ каждымъ изъ нихъ продѣлываетъ тоже, что и съ собакой, т. е. привязываетъ за ногу къ какому-нибудь предмету, чтобы эти птицы не уходили далеко отъ дому, берегли своихъ дѣтей и защищали ихъ отъ бѣды. Взаключеніе хозяинъ отвязываетъ этихъ птицъ одну за другой, вноситъ по очереди въ домъ и выталкиваетъ спиною изъ окна во дворъ, надеясь этимъ маневромъ сдѣлать собаку бдительнѣе, а гуся, селезня и пѣтуха заставить взлетать на спину людей и кусать ихъ, если они осмѣлятся похищать ихъ птенцовъ или отнимать у нихъ кормъ.

Первый день Рождества проходитъ тихо и мирно въ кругу своего семейства.

26-го декабря, въ день Стефана, дѣти колядуютъ, за что они получаютъ бухты, пироги и деньги. Мальчикъ вбѣгаетъ въ домъ и поетъ: «Идите, братцы, къ намъ, коляды вамъ дамъ,—по яблочку, по орѣшку. Надѣнемъ тулупчики, станемъ пѣть, колядовать. Уже зима, морозъ, слышу дивный гласъ. Въ полночь птички поютъ, а пастушки трубятъ; что же новаго, неслыханнаго? Въ облакахъ свѣтлый ангелъ возносится. Дивнымъ голосомъ воспѣваетъ, радость людямъ возвѣщаетъ. Родился днесъ Иисусъ, Богъ и Господь. Лежитъ въ Вилеемѣ, въ хлѣвѣ на снѣгѣ. Нѣтъ у него ни подушечки, ни плохой пеленочки, дитя бѣдное, оно тамъ на снѣгѣ. Ну же, ребяточки! И вы дѣвочки! Большіе, малые, идите, подарки Иисусу несите: булочки, пироги, чтобъ онъ не плакалъ».

Потомъ подбѣгаетъ совсѣмъ маленькій мальчикъ и тоненькимъ голоскомъ затягиваетъ: «Я маленькій «Koledniček», прихожу къ вамъ за «trojníček» (монета въ полкрейцера)... дайте мнѣ ее и не смѣйтесь надо мной. Если же вы захотите смѣяться надо мною, вы должны заплатить за это». Колядовымъ пѣснямъ нѣтъ конца.

Интереснѣе однако коляды съ представленіями, которыя устраиваютъ дѣти сообща. Вотъ три мальчика: это такъ называемые три царя, а по евангелію волхвы, отыскивавшіе новорожденнаго Иисуса, чтобы поклониться ему. Они въ бѣлыхъ рубахахъ, опоясаны поясами изъ пестрой бумаги. На головѣ у каждого изъ нихъ корона изъ палки, обклеенная золотой бумагой; у одного въ рукахъ палка, изображающая жезлъ, а у другого барабанъ. Одинъ изъ трехъ царей, вымазанный сажей, представляетъ царя еіопскаго; онъ держитъ въ рукахъ корзину, въ которую собираетъ всѣ получаемые подарки. Подъ звуки барабана три царя поютъ слѣдующую пѣсню: «Мы три царя приходимъ къ вамъ, счастья и здоровья желаемъ вамъ; счастья, здоровья и долгой жизни. Мы пришли къ вамъ издалика и путь нашъ далекъ: мы направляемся къ Вилеему. Мы спѣшимъ къ Вилеему, но у насъ мало денегъ...» Затѣмъ двое изъ нихъ обращаются къ царю еіопскому: «А ты, черный, что тамъ позади высовываешь свою бороду?»

Черный: «Солнце причиною того, что у меня такое обожженное лицо».

Два другіе отвѣчаютъ: «Ты бы на солнце не ходилъ и лица своего не спалилъ».

Черный: «Солнце—камень драгоценный отъ самаго рожденія Христова».

Всѣ трое: «Спаси насъ Христосъ отъ вѣчнаго огня. Аминь».

«Коляда съ яслими» отличается отъ другихъ колядъ тѣмъ, что дѣти устраиваютъ на дощечкѣ хлѣвъ, въ который ставятъ ясли съ новорожденнымъ Иисусомъ; за ясли стоитъ вошь и осель, а передъ ними Иосифъ и Марія. Все это сдѣлано изъ бумаги или изъ дерева. Эти ясли носятъ изъ дома въ домъ четыре мальчика; изъ нихъ одинъ изображаетъ ангела, а другіе пастырей. То, что они поютъ, можно вкратцѣ резюмировать такъ: «такого яснаго неба и прекрасно свѣтящагося мѣсяца мы еще никогда не видали, — это означаетъ что нибудь необыкновенное». Затѣмъ одинъ изъ пастырей извѣщаетъ, что родился Иисусъ, другой спрашиваетъ, гдѣ это случилось; а послѣ этого дѣти, изображающіе пастырей и ангела, поютъ пѣсню на означенную тему. Женщины на святкахъ проводятъ время дома или отправляются на посидѣлки. Посидѣлки замужнихъ женщинъ довольно однообразны: нѣсколько женщинъ собираются обыкновенно въ какомъ нибудь домѣ, во время работы поютъ вмѣстѣ и затѣмъ расходятся. Гораздо веселѣй посидѣлки молодыхъ людей обоюга пола. Дѣвушки приносятъ съ собою калачи, бухты, а юноши покупаютъ пиво. Лишь только всѣ собрались, начинаются веселый говоръ, шутки, смѣхъ, хоровыя пѣсни, игры. Вотъ всѣ сѣли кругомъ комнаты, только двое остались посрединѣ, одинъ изъ нихъ подходитъ къ каждому изъ сидящихъ, приговаривая: «прячу, прячу золотое колечко». При этомъ онъ долженъ отдать кому нибудь кольцо, но такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ. «Отгадай, гдѣ коза мычить?» говоритъ онъ другому лицу, который тоже оставался по срединѣ и зорко слѣдилъ за нимъ, когда онъ отдавалъ кольцо. Тотъ отвѣчаетъ: «я бы съ радостью отгадалъ, еслибъ зналъ гдѣ оно. Черезъ море идти, золотой снурокъ плести. У кого кольцо, тотъ отдай мнѣ его и меня не дурачь».

Затѣмъ играютъ «въ слѣпую бабу», которая напоминаетъ наши жмурки, но только съ тою разницею, что она сопровождается разнообразными присказками. «Игра въ цвѣта» или въ «ангела и черта» тоже имѣетъ много общаго съ этой игрой у насъ.

Первое января въ Чехіи замѣчательно тѣмъ, что въ этотъ день на всѣхъ нападаетъ манія къ стихотворству, и не только знакомые изъ образованнаго круга подносятъ другъ другу стихи, но даже ночные сторожа, трубочисты, полицейскіе, привратники ходятъ изъ дома въ домъ и подаютъ стихотворенія своимъ хозяевамъ и начальникамъ. Въ Прагѣ кельнеры гостиницъ, разнося кофе своимъ гостямъ, нерѣдко приподносятъ имъ напечатанные на изящной бумагѣ стихи. Также дѣлаютъ капельдинеры, если вы посѣщаете театры. Во многихъ мѣстностяхъ Чехіи отъ одной двери къ другой ходятъ оркестры музыкантовъ и играютъ; затѣмъ вбѣгаетъ толпа дѣтей или дѣти по одиночкѣ, проносятъ поздравительныя стихи или поютъ пѣсни: «веселимся, радуемся, въ Новый годъ родился Господь Иисусъ Христосъ; веселимся, радуемся, въ Новый годъ безгрѣшной жизни, царскаго рода родился Господь Иисусъ Христосъ».

Въ канунъ Крещенія, т. е. 5-го января, дѣвушки тоже гадаютъ. Въ церквахъ въ этотъ день освящаютъ воду, ладанъ и мѣлъ. Тминъ и лавровый листъ вмѣстѣ съ освященной водою и солью подмѣшиваютъ къ печенію. Впродолженіе всего года куски такого хлѣба сохраняютъ и даютъ домашнимъ животнымъ и птицамъ въ критическія минуты: коровѣ, когда она должна телиться, курицѣ, когда у нее вылупляются цыплята п т. п. Въ этотъ день вечеромъ хозяинъ дома обходитъ все жилище, кропитъ вездѣ священной водою и обкуриваетъ все и всѣхъ ладаномъ, который онъ сыплетъ въ горшокъ съ раскаленными углями, а освященнымъ мѣломъ ставитъ по три креста надъ каждою дверью. Наконецъ онъ входитъ въ свой домъ, гдѣ при крощеніи священной водою всѣ встаютъ

и крестятся, и тутъ хозяинъ не только надъ дверью, но и надъ каждымъ окномъ ставитъ по три креста.

Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ въ этотъ вечеръ существуетъ оригинальный обычай. Мастера одѣваютъ черную одежду и бѣлые передники. Торжественной процессіею они отправляются къ хозяину или хозяйкѣ. При этомъ одинъ изъ подмастерій несетъ кадило; другой чашу съ освященною водою, третій освященный мѣлъ. Сзади идутъ младшіе ученики: одинъ изъ нихъ несетъ мѣшокъ, другой лопату, фонарь и наконецъ послѣдній держитъ горящія свѣчи. Какъ только они входятъ въ комнату хозяина, тотъ, кто держитъ кадило, начинаетъ кадить, другой кропитъ священною водою и наконецъ всѣ вмѣстѣ затыгиваютъ: «Насталъ славный день, въ который каждый долженъ быть веселъ». По окончаніи пѣнія старшій подмастерье выступаетъ впередъ и отъ имени всѣхъ произноситъ хозяевамъ пожеланіе счастья. Затѣмъ ученики подходятъ къ женѣ хозяина и подставляютъ мѣшки и лопаты; на лопату хозяйка кладетъ деньги. Ученикъ, который держитъ лопату, поднимаетъ ее вверхъ, показывая подарокъ остальнымъ, а затѣмъ высыпаетъ эти деньги въ мѣшокъ. Такъ какъ на другой день праздникъ трехъ царей, которые у чеховъ считаются главными защитниками и покровителями, то существуетъ обычай писать на дверяхъ инициалы ихъ именъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ходятъ школьники, одѣтые тремя царями, окуриваютъ и окропляютъ каждый домъ. Эти три царя въ домахъ, куда они приходятъ, оставляютъ дары, которые состоятъ изъ золотой бумаги, ладона и мирры. Взамѣнъ этого они получаютъ подарки, которые дѣлятъ между собой по окончаніи обхода.

Масляница.—Процессія масокъ для сбора подарковъ.—Масляничный медвѣдь.—Веселый пиръ въ присутствіи Бахуса и его торжественное погребеніе.—Погребеніе виолончели.

Масляница въ Чехіи кончается во вторникъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже и въ среду на первой недѣлѣ великаго поста. Наиболѣе весело и оживленно проводятъ послѣдніе дни масляницы, когда болѣе всего предаются танцамъ. Деревенскія гостиницы и шинки въ эти дни биткомъ набиты народомъ и музыка несется изъ оконъ каждаго изъ нихъ. Это также время масокъ, и въ одинъ изъ послѣднихъ дней масляницы бываетъ даже большая маскированная процессія, которая съ музыкою проходитъ черезъ площадь въ залу, гдѣ ее ожидаютъ толпы любопытныхъ. Къ тому же процессіи масокъ ходятъ во время масляницы также и для того, чтобы собирать подарки. При этомъ обыкновенно одинъ человекъ бываетъ обвитъ съ головы до ногъ соломой, и его, подъ именемъ «масляничнаго медвѣдя», водятъ изъ дома въ домъ съ музыкой и пѣснями. Пришли гости съ медвѣдемъ, и дѣвушки угощаютъ пришедшихъ парней различными гостинцами. Въ каждомъ домѣ, куда входятъ ряженые, поднимается веселье и плясъ. Но обычай устраивать блестящія карнавальныя процессіи, какія еще до сихъ поръ можно видѣть въ Кельнѣ, Римѣ, Неаполѣ, Страсбургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ и составляющія тамъ чисто народныя празднества, не существуетъ въ Богеміи. Здѣсь не извѣстенъ также парижскій обычай водить по улицамъ быка съ позолоченными рогами, украшеннаго пестрыми лентами. Небольшія процессіи масокъ, которыя устраиваются въ различныхъ мѣстностяхъ Чехіи, не представляютъ ни разнообразія, ни блеска костюмовъ; никогда не устраивается здѣсь также историческихъ, аллегорическихъ или сатирическихъ карнавальныхъ процессій. Между масками вы встрѣчаете паяца, который привлекаетъ вниманіе публики своими неуклюжими и грубыми шутками; другимъ дѣйствующимъ лицомъ является чертъ, съ огромнымъ краснымъ языкомъ; третья маска

изображает карикатуру на жида. Другихъ ролей маскированные почти не знаютъ. Желающіе маскироваться въ Чехію обыкновенно надѣваютъ на лицо некрасивую, ярко разрясованную маску или придѣлываютъ носъ ужасающей величины. Нѣкоторые вмѣсто маски намазываютъ лицо яичнымъ желткомъ, потомъ дуютъ въ ящикъ съ мукою, такъ что на лицѣ образуется естественная маска. Такимъ образомъ незатѣйливо маскированные спѣшатъ на деревенскую площадь или въ танцевальную залу, гдѣ уже собрался народъ.

Въ понедѣльникъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и во вторникъ на масляной, публика толпами собирается къ пивнымъ и трактирамъ, гдѣ должно происходить погребеніе Бахуса. Уже послѣ обѣда въ тотъ день въ углу пивной можно видѣть верхомъ на бочкѣ странную фигуру: Это обыкновенно исполинскаго роста человѣкъ, замѣчательной толщины, въ штанахъ, въ жилетѣ, въ камзолѣ и въ рубашкѣ съ высокимъ воротникомъ. Во рту онъ держитъ трубку, въ одной рукѣ кружку, а въ другой стаканъ съ пивомъ; онъ сидитъ верхомъ на бочкѣ, между зелеными вѣтвями, пестрыми знаменами, бумажными гирляндами. Комната ярко освѣщена. Эта оригинальная фигура—Бахусъ; его изображаетъ иногда живой человѣкъ, а нерѣдко и чучело. Подлѣ него сидятъ маскированные, между которыми главную роль играютъ: жена Бахуса, паяцъ и еврей; они пьютъ и шутятъ между собой и съ посѣтителями.

Послѣ 11-ти ч. вечера начинается церемонія. Бахуса считаютъ мертвымъ и у него торжественно одну за другой отбираютъ вещи, т. е. трубку, стаканъ и кружку, въ которыхъ онъ уже болѣе не нуждается. Послѣ этого его кладутъ на носилки и закрываютъ покрываломъ. Подъ звуки похороннаго марша парни берутъ на плечи эти носилки и въ торжественной процессіи двигаются по двору и лѣстницѣ въ залу, гдѣ ставятъ носилки; парни одинъ за другимъ проносятъ передъ нимъ трогательныя рѣчи. Какъ во время погребальнаго шествія, такъ и при послѣдней церемоніи, жена Бахуса громкими жалобами выражаетъ свою печаль, а маскированные стараются ее утѣшать. Когда рѣчи окончены, публика оставляетъ Бахуса и возвращается въ танцевальную залу съ веселыми пѣснями и музыкой. Если Бахуса изображаетъ живой человѣкъ, его нерѣдко несутъ во дворъ и, послѣ надгробной рѣчи, сбрасываютъ съ носилокъ въ кучу золы, которую заранѣе нарочно приготавливаютъ для этого. При этомъ присутствующіе загребаютъ пригоршнями золу, набрасываютъ ее на мнимаго покойника и такимъ образомъ совершаютъ погребеніе Бахуса.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чехіи Бахуса изображаетъ соломенное чучело, на которое надѣты только штаны и куртка изъ стараго полотна. Его садятъ на бочку, наполненную пивомъ, и цѣдятъ изъ нея до тѣхъ поръ, пока въ ней ничего не останется. На слѣдующее утро Бахуса сбрасываютъ съ его трона и сжигаютъ вмѣстѣ съ бочкой.

Но есть мѣстности, гдѣ вмѣсто Бахуса хоронятъ виолончель. Для этого употребляютъ обыкновенно старый инструментъ, на которомъ уже не осталось струнъ, покрываютъ его полотномъ и въ торжественной процессіи несутъ по всей деревнѣ въ могилу. Одинъ несетъ зажженный фонарь, привязанный къ шесту, музыканты играютъ погребальный маршъ, а мужчины и женщины жалобами и плачемъ выражаютъ сожалѣніе о смерти масляницы, которой такимъ образомъ воздаютъ послѣднюю честь. Затѣмъ, гдѣ нибудь за деревней, зарываютъ эту виолончель въ снѣгъ или въ землю.

Если ближе присмотрѣться ко всѣмъ обычаямъ, связаннымъ съ масляницею, то въ большинствѣ изъ нихъ мы увидимъ остатки стараго языческаго праздника, вѣроятно, въ честь Перуна, который долженъ былъ изображать окончаніе зимы, такъ какъ медвѣдь и соломенный человѣкъ суть символы зимы.

Мартъ и апрѣль: обычай этого времени — Украшенное дерево. — Кукла — изображеніе лѣта и смерти. — День св. Григорія. — Начало пахоты. — Рѣчи, которыя произносятъ во время пиршества по этому поводу.

Мартъ называется «березовымъ», такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ распускаются березы. Въ субботу, передъ воскресеньемъ, посвященнымъ памяти мертвыхъ, дѣвушки отправляются въ лѣсъ, чтобы принести оттуда маленькую сосну или ель въ честь предстоящаго праздника. Срѣзая зеленое деревцо, онѣ поютъ: «лѣто, лѣто, гдѣ ты такъ долго гостило» и сдираютъ снизу этого деревца кору, а наверху оставляютъ вѣтви, которыя украшаютъ лентами, къ верхушкѣ прикрѣпляютъ куклу, тоже убранную разноцвѣтными лентами. По пѣснямъ, которыя при этомъ поютъ, видно, что эта кукла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ олицетворяетъ лѣто, въ другихъ смерть; въ послѣднемъ случаѣ ее обыкновенно готовятъ изъ соломы: палки замѣняютъ ей руки и ноги, лицо дѣлаютъ изъ старыхъ тряпокъ, голову покрываютъ бѣлымъ полотномъ, а туловище одѣваютъ въ какое нибудь старое платье. Когда кукла готова, молодежь, взявшись за руки, танцуетъ вокругъ нея и поетъ: «смерть, смерть, что ты намъ принесла?... Красныя яички, желтыя печенъя? Какое-же это печенье безъ пряныхъ кореньевъ!» Эта пѣсня означаетъ, что скоро наступитъ день, когда, по обычаю чеховъ, дарятъ яйца, но что теперь такое время, когда еще не выросло ни хорошей зелени, ни добрыхъ кореньевъ. Затѣмъ куклу, изображающую смерть, несутъ на мостъ и сбрасываютъ ее въ воду.

12-го марта день св. Григорія — праздникъ школьничковъ. Ученики школъ одѣваются и вооружаются по военному — офицерами и барабанщиками. Передъ домами людей зажиточныхъ они останавливаются и подъ аккомпаниментъ барабана поютъ пѣсни. Затѣмъ одинъ изъ нихъ подаетъ корзину, въ которую хозяева кладутъ припасы и бросаютъ подарки. Около Нейгауза эти «воины св. Григорія», какъ ихъ называютъ, ходятъ изъ дома въ домъ въ торжественной процессіи. Школьный учитель заранѣе распредѣляетъ роли между учениками и ученицами, заставляетъ ихъ разучить пѣсню, которую придется пѣть, добываетъ хорошій барабанъ, знамя, епископскую шапку и епископскій посохъ. Въ назначенный день барабанщикъ очень рано подаетъ сигналъ собираться въ школу, откуда идутъ черезъ всю деревню, изъ дома въ домъ, и куда возвращаются по окончаніи обхода. Впереди шествія идетъ барабанщикъ, за нимъ слѣдуетъ епископъ и знаменосецъ: всѣ они въ митрахъ изъ золотой бумаги и въ пестрыхъ ризахъ. Начальникъ, отличающійся отъ другихъ своею шляпою, идетъ въ сопровожденіи капрала; солдаты слѣдуютъ по парамъ, выстроившись по росту. У нихъ отвороты и рукава рубашки изъ красной бумаги, а въ ножнахъ изъ бѣлой бумаги — деревянная сабля, выкрашенная черной краской. Ангелы, которые идутъ за солдатами, одѣты въ шапки изъ красной бумаги, вырѣзанной зубцами, и вмѣсто ризы — въ красныхъ платкахъ. За ними слѣдуютъ дѣвушки съ корзинами и чашками: онѣ разодѣты въ лучшія праздничныя платья и убраны лентами. Онѣ заключаютъ шествіе и поютъ: «Мы празднуемъ день св. Григорія и объявляемъ о томъ каждому, кто этого не знаетъ». Затѣмъ барабанщикъ произноситъ рѣчь въ стихахъ, за нимъ говоритъ знаменосецъ, послѣ него начальникъ и наконецъ одинъ за другимъ солдаты. Каждый, начиная говорить, принимаетъ позу военного человѣка и обнажаетъ саблю. Епископы и ангелы ничего не говорятъ, а дѣвушки только просятъ; но что особенно интересно, такъ это то, что послѣ всѣхъ этихъ рѣчей и стихотвореній выступаютъ два бойкихъ мальчика и начинаютъ діалогъ. Одинъ изъ нихъ высказываетъ дерзкія, богохульныя мысли, а другой возражаетъ ему, увѣщаваетъ его и наконецъ обращаетъ его на путь истинный.

На другой день послѣ праздника св. Григорія встрѣчаютъ начало пахоты. Для этого праздника молодые люди собираются въ заранѣе определенное мѣсто; одного изъ

своихъ обвиваютъ съ головы до ногъ въ длинную ржаную и пшеничную солому, надѣваютъ ему на голову конусообразную шапку изъ соломы, а на лицо маску, или чернятъ его, чтобы онъ не былъ узнаваемъ, и съ музыкой и пѣніемъ ведутъ его по всей деревнѣ, окруженнаго толпою зѣвакъ. Вся эта веселая толпа входитъ въ каждый семейный домъ, гдѣ въ ту же минуту устраиваются танцы. На прощанье съ хозяевами вошедшіе, одинъ за другимъ, произносятъ длинныя рѣчи, въ которыхъ высказываютъ всевозможныя пожеланія хозяйственнаго характера: «милый батюшка и милая матушка», — начинаетъ кто-нибудь изъ нихъ. «Мы желаемъ, чтобы Господь Богъ послалъ вамъ это лѣто много хлѣба въ закромахъ и обильную траву на лугахъ. Пусть ваши стойла будутъ полны крупнымъ и мелкимъ скотомъ, вашъ домъ полонъ птицы: куръ, утокъ и гусей; деревья вашего сада склоняются подъ тяжестью плодовъ. Дай Богъ, чтобы у васъ все хорошо разрослось, и да сохранить Онъ васъ отъ мороза, засухи или излишней сырости, града и бури, порчи и вреда, и пусть цѣлый годъ вы не чувствуете недостатка въ хлѣбѣ, пирогахъ и печеньяхъ, въ кормѣ для скота, въ овощахъ, въ молокѣ и сырѣ, въ сливкахъ и маслѣ, въ яйцахъ и цыплятахъ. Пусть трава и солома растутъ у васъ выше шапки этого соломеннаго человѣка, чтобы вы, матушка, всегда могли печь хорошія бабы, калачи, куличи, хлѣбъ, и чтобы отъ избытка этихъ даровъ вы могли подавать какъ бѣднымъ, такъ и намъ».

Майскіе и іюльскіе праздники, обычаи и предназначенія. — Майскія березки — поводъ для веселья молодежи. — Праздникъ св. Непомука. — Знаменитая королевская игра. — Обезглавленіе лягушки.

Съ маемъ мѣсяцемъ связано безконечное множество разныхъ предназначеній, обычаевъ, различныхъ колдовствъ, гаданья: это, если можно такъ выразиться, самый суевѣрный мѣсяцъ въ году.

Еще до разсвѣта собираютъ зеленныя и цвѣтуція вѣтки, чтобы посадить ихъ у за сѣянныхъ полей. Всѣ пороги, полъ дома и хлѣва посыпаютъ пескомъ; передъ хлѣвами пастухи кладутъ дернъ. При этомъ они стараются выбрать такой, на которомъ трава очень густая, и не оставляютъ между кусками дерна ни малѣйшаго промежутка, такъ какъ иначе колдунъ придетъ въ 11 ч. и черезъ промежутокъ легко проскользнетъ въ хлѣвъ. Но что особенно интересуетъ и доставляетъ удовольствіе молодежи, — это «майскія березки», которыя въ ночь на 1-е мая парни ставятъ передъ домами молодыхъ дѣвушекъ. Для этого они выбираютъ такое время, когда огонь въ хатѣ потухъ и ихъ никто не можетъ замѣтить. Съ высокихъ майскихъ березокъ не только срѣзаютъ всѣ сучья до самой верхушки, но и сдираютъ кору, такъ что стволъ такого деревца совершенно гладкій; затѣмъ его убираютъ вѣнками, лентами и платками. Кромѣ этихъ березокъ, которыми юноши выражаютъ дѣвушкамъ свое вниманіе, они сообща ставятъ березку посреди деревенской площади, а дѣвушки украшаютъ ее.

Послѣ обѣда парни и дѣвушки, въ сопровожденіи музыки, отправляются на деревенскую площадь и танцуютъ вокругъ майскаго дерева. Между тѣмъ парни, одинъ за другимъ, стараются взобраться на дерево, чтобы достать вѣнокъ или платокъ, которыми украшена его верхушка. Деревенская площадь въ эту минуту полна народомъ: всѣ вышли изъ домовъ поглядѣть на забавы молодежи. Одинъ парень уже вскарабкался очень высоко, но вдругъ поскользнулся и, при громкихъ крикахъ и остротахъ, падаетъ на землю, не достигнувъ цѣли. Тотъ, кому удалось добраться до верхушки, получаетъ не только вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ, сплетенный дѣвушками, или лучшій шелковый платокъ, но его провозглашаютъ еще «королемъ праздника» и съ музыкою ведутъ,

окруженнаго парнями и дѣвушками, въ шинокъ, гдѣ молодежь ѣстъ, пьетъ и танцуетъ до утра.

«Майскія березки» стоятъ передъ домами любимыхъ дѣвушекъ въ продолженіи мѣсяца, и ихъ снимаютъ тѣ-же парни, если только ранѣ этого ихъ кто-нибудь не испортилъ изъ зависти. А какъ тутъ не явиться зависти! Молодой человѣкъ, до тѣхъ поръ совсѣмъ незамѣтный, ставитъ березку первой красавицѣ на деревнѣ. На послѣдніи деньги онъ накупилъ для дерева украшеній, и завтра всѣ дѣвушки заговорятъ объ этой березкѣ, наперерывъ будутъ расхваливать платки и славныя «zápletky» (длиныя, висящія черезъ всю спину шелковыя ленты, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣвушки вплетаютъ въ свои волосы). Виновникъ этихъ разговоровъ будетъ молчать, но его узнаютъ, и всѣ станутъ о немъ толковать. Между тѣмъ его пріятель, пользовавшійся до тѣхъ поръ вниманіемъ красавицы въ танцахъ, не могъ поставить ей березки! Сердце особенно ноетъ, когда онъ проходитъ мимо березки своего соперника, и вотъ иной не утерпитъ, ударить ее топоромъ или начнетъ осыпать градомъ каменьева. Другой парень схватитъ разукрашенную березку отъ одного дома и перенесетъ ее къ другому. Дѣвушка должна зорко смотрѣть за своей майской березкой и поэтому она нерѣдко привязываетъ къ ней колокольчикъ, чтобы слышать, когда кто-нибудь начнетъ ее портить или уносить.

Мы уже упоминали о томъ, какимъ почетомъ пользуется католическій святой Янъ Непомукъ. 16-го мая, день, посвященный его памяти, празднуется во всѣхъ концахъ Чехіи съ большимъ торжествомъ.

«Со всѣхъ краевъ страны, изъ горъ и деревень, стекаются наванунѣ въ Прагу громадными массама богомольцы и въ ожиданіи праздника проводятъ ночь, гдѣ попало; все въ городѣ биткомъ набито: ночью спать и на улицахъ, на лѣстницахъ, у подножія статуй на старомъ Влтавскомъ мосту. И что за радость, что за движеніе начинается, лишь только проглянетъ утро! Длиныя процессіи поселянъ стройно-тянутся по высокой горѣ Градина въ соборъ, едва поспѣвая за уставщикомъ, идущимъ впереди съ хоругвью; они громко, немилосердно гнуса, поютъ хвалебныя пѣсни святому; кругомъ тѣснится пестрая толпа, всевозможные костюмы мелькаютъ тамъ и сямъ; тутъ дамажлицикіе (съ границы Баварія) поселяне въ длинныхъ черныхъ плащахъ и круглыхъ шляпахъ, съ невообразимымъ смѣшеніемъ красокъ въ нарядѣ, мораванки въ коротенькихъ пестрыхъ юбочкахъ, сѣверныя горныя крестьянки, увѣшанныя тяжеловѣсными дукатами. Нищія старухи, ставъ въ кружокъ, распѣваютъ однообразный гимнъ св. Яну; улицы и площади уставлены балаганами и нескончаемыми изображеніями Яна въ статуеткахъ, на бумагѣ, на стеклѣ; въ одномъ углу цѣлый хоръ маленькихъ дѣвочекъ импровизируетъ какую-то безконечную пѣсню; въ другомъ парадируетъ оборванный, нищій старикъ, въ истасканныхъ лохмотьяхъ, пришедшій Богъ вѣсть откуда; за лохмотья дергаютъ мальчишки, онъ сердито огрызается. И все это исчезаетъ подъ наплывомъ новой толпы празднично-разодѣтыхъ крестьянъ, австрійскихъ солдатъ, капуциновъ, нищихъ; вся эта масса людей немолчно жужжитъ и волнуется подъ открытымъ небомъ на жгучемъ припекѣ солнца, и изрѣдка еще запоздалыя процессіи богомольцевъ съ уставшими, разгорѣвшимися лицами и окончательно фальшивыми гимнами на устахъ проталкиваются черезъ толпу, спѣша къ собору, а тамъ идетъ длинная служба; народу гибель, и шумные звуки военнаго оркестра вмѣстѣ со стонами органа стройно раздаются подъ сводами стараго собора. Что-то праздничное, своенравно-веселое разлито въ воздухъ; безопасно разгуливаетъ по площади толпа со смѣхомъ, пѣснями, сценами всѣхъ возможныхъ родовъ, и весело печетъ ее весеннее солнце, и еще веселѣе раздаются хвалебныя гласы подгулявшихъ калликъ-перехожихъ...» Но еще болѣе оригинально справляютъ чехи послѣднее воскресенье

передъ Троицею, которое называется у нихъ «королевскимъ», потому что въ этотъ день происходитъ знаменитая «королевская игра».

«Королевская игра» существуетъ въ Богеміи съ незапамятныхъ временъ. Прежде въ «короли» выбирали наиболѣе исправнаго хозяина, у котораго поля и скотъ были въ наилучшемъ порядкѣ, а въ «королевы» самую домовитую и прилежную хозяйку. Въ настоящее; болѣе демократическое время «короля» и «королеву» выбираютъ изъ работниковъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ королемъ назначаютъ пастуха, который встаетъ раньше другихъ и первый является въ полѣ, а королевою работницу, отличающуюся быстротой работы и соображеніемъ въ ней. Самымъ же лѣнливымъ и соннымъ рабочимъ даютъ названіе «навозныхъ жуковъ».

За недѣли двѣ до Троицы молодые люди собираются на деревенскую площадь или въ шинокъ на совѣтъ. Такіе совѣты они часто держатъ между собой и теперь сошлись уговориться, какъ лучше устроить «королевскую игру», избрать-ли имъ новаго короля и его свиту или оставить прежнихъ. Большинствомъ голосовъ рѣшаютъ, кому быть королемъ, королевою, священникомъ, ораторомъ, судьей, палачемъ, полицейскимъ, знаменосцемъ, солдатами.

Въ «королевское воскресенье» короля и королеву съ ногъ до головы одѣваютъ въ березовую кору или въ совершенно бѣлую одежду. Кромѣ того ихъ украшаютъ еще разноцвѣтными лентами, опоясываютъ поясомъ изъ коры; на голову королевской четѣ надѣваютъ корону изъ золотой бумаги или коры. Въ лѣвой рукѣ король держитъ скипетръ — палку, въ одинъ конецъ которой воткнуты изъ вѣточекъ три маленькія согнутыя дуги. Въ правой рукѣ у него деревянное копье, къ острому концу котораго прикрѣплена лягушка. Королева несетъ зеленую вѣтку, украшенную тремя розами. Есть мѣстности, гдѣ въ этой процессіи король ѣдетъ верхомъ, справа подлѣ него священникъ, а слѣва судья. Ораторъ одѣтъ въ бѣлую рубашку; на головѣ у него шапка изъ пихтовой коры, которая своею формою напоминаетъ епископскую митру: она украшена цвѣтами и лентами. Въ рукахъ онъ держитъ книгу или какіе нибудь исписанные листы бумаги, которые должны говорить о томъ, что здѣсь написаны его рѣчи. Его спутники одѣты такъ же, какъ и онъ. Во время процессіи онъ ѣдетъ верхомъ со своею свитою. На судѣ черныи костюмъ, треугольная шляпа изъ коры, а съ боку копье изъ еловаго дерева. Палачъ весь въ красномъ; рукава его рубашки засучены, на головѣ шляпа изъ древесной коры съ двумя остріями, а въ рукѣ обнаженный мечъ. «Живодеръ» одѣтъ почти въ такой-же красный костюмъ, какъ и палачъ, но въ обнаженныхъ рукахъ онъ держитъ клещи, въ которыхъ защемена живая лягушка, испускающая отъ боли пронзительные звуки. Полицейскій въ очень оригинальномъ костюмѣ: на головѣ у него бѣлая шапка, съ боку сабля, на одной ногѣ красный чулокъ и башмакъ, на другой—сапогъ, который доходитъ до колѣна. Полицейскій, палачъ и живодеръ не украшены ни лентами, ни цвѣтами, ни зелеными вѣтвями. Напротивъ того, знаменосецъ, одѣтый въ бѣлое платье, въ шляпу изъ коры и съ мечомъ на боку, весь покрытъ цвѣтами и лентами. Въ рукахъ онъ держитъ березку, которая до половины очищена отъ коры, а верхушка ея украшена пестрыми лентами, платками, цвѣтами и вѣнками. Онъ идетъ впереди процессіи, за которой слѣдуютъ музыка и остальные парни, переодѣтые солдатами. Они сдѣлали себѣ треугольныя шляпы изъ древесной коры, украсили ихъ цвѣтами, опоясались поясами изъ коры, вооружились деревянными саблями, фалды кафтановъ отвернули острыми углами. Мало того, они разукрасили даже своихъ лошадей и заплели ихъ гривы и хвосты.

Эта процессія двигается на деревенскую площадь. Толпы любопытныхъ окружили ее со всѣхъ сторонъ. Ораторъ выступаетъ впередъ, вскакиваетъ на какое нибудь воз-

вышенное мѣсто или взлѣзаетъ на дерево и громко произноситъ въ стихахъ сатиру, направленную на членовъ той или другой семьи, перебирая такимъ образомъ всѣхъ деревенскихъ жителей. Когда онъ покончить съ однимъ домомъ, онъ спрашиваетъ: «правда ли это?» — «Да, это правда», отвѣчаетъ ему собравшаяся публика въ одинъ голосъ, и онъ начинаетъ критиковать, а иногда и расхваливать другой домъ. Задѣтые его критикой нерѣдко нещадно бьютъ его за смѣлость.

Пока происходитъ критика всѣхъ хозяевъ, хозяекъ и дѣвушекъ въ деревнѣ, лягушка издаетъ ужасные звуки, такъ какъ ее все это время продолжаютъ давить. Смотря по тому, какіе она издаетъ звуки, многіе стараются угадать будущее. Когда ораторъ окончилъ свою рѣчь, король присуждаетъ лягушку къ смерти. Палачъ торжественно приближается къ ней и отрубаетъ ей голову, торчащую изъ клещей, а туловище вмѣстѣ съ клещами бросаетъ въ толпу, съ крикомъ разбѣгающуюся во всѣ стороны.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ день обезглавливаютъ короля. Это происходитъ такимъ образомъ: солдаты начинаютъ преслѣдовать своего короля, лишь только замѣчаютъ его попытку отъѣхать отъ нихъ на нѣсколько шаговъ. Если имъ не удастся нагнать короля, онъ сохраняетъ свое достоинство еще на цѣлый годъ, и вечеромъ парни будутъ платить за него въ шинкѣ. Если же это имъ удастся, его бьютъ прутьями или деревянными саблями. Тогда онъ сходитъ съ лошади, и палачъ, обращаясь къ публикѣ, спрашиваетъ: «долженъ ли я обезглавить короля или даровать ему жизнь?» — «Обезглавить», кричатъ ему въ отвѣтъ. Въ ту же минуту король становится на колѣни, палачъ поднимаетъ надъ нимъ мечъ и, съ словами: «разъ, два, три, король безъ головы», сбрасываетъ корону съ головы короля. Король падаетъ при громкихъ крикахъ окружающихъ; помощники палача кладутъ его на носилки и несутъ его въ ближайшій дворъ. Послѣ этого всѣ отправляются домой, а оттуда въ шинокъ, гдѣ веселятся, поютъ и пируютъ до утра.

Этотъ обычай заимствованъ изъ дѣтской игры того-же названія, дѣйствующими лицами въ которой также являются король и королева со свитою, ораторъ и нѣкоторыя другія дѣйствующія личности, только она иначе оканчивается. Когда ораторъ объявляетъ королю смертный приговоръ, онъ предлагаетъ женѣ его выкупить. Въ ту минуту, когда надъ головой короля блеснула сабля въ третій и послѣдній разъ, королева бросаетъ на тарелку выкупъ. Всѣ окружающіе громко радуются избавленію короля отъ смерти и восхваляютъ поступокъ королевы. На королевскую чету надѣваютъ корону изъ цвѣтовъ, и они отправляются, сопровождаемые звуками музыки.

С В А Д Ъ Б А.

Ораторъ и его значеніе.—Помолвка.—Торжественный ужинъ и свадебныя пѣсни — «Младенцы» и дружѣлки.—Приготовленіе къ свадьбѣ лошадей и экипажей.—Приглашеніе гостей.—День свадьбы.—Вѣнчаніе, свадебный пиръ, музыка, рѣчи и танцы.—Смертный приговоръ надъ пѣтухомъ.

Въ Чехіи молодежь обоого пола свободно сближается другъ съ другомъ, и когда молодой человѣкъ полюбилъ дѣвушку, онъ дѣлаетъ предложеніе прежде всего ей самой и затѣмъ уже сообщаетъ о своемъ намѣреніи ей и своимъ родителямъ. Браки по принужденію здѣсь очень рѣдки.

Когда родители узнали о желаніи дочери выйти замужъ, они, переговоривъ частнымъ образомъ съ родителями жениха, назначаютъ въ своемъ домѣ помолвку, на которой они, такъ сказать, официально заявляютъ о вступленіи въ бракъ своихъ дѣтей.

*

Помолвку обыкновенно назначают за пять, за шесть дней до брака, который происходит утромъ передъ мессой.

Мы видѣли уже и при описаніи праздниковъ, какую роль играютъ здѣсь ораторы. тѣмъ болѣе значенія имѣютъ они на свадьбахъ: всѣ свадебные обычаи не только тѣсно связаны съ ихъ торжественными рѣчами, но, можно даже сказать, главнымъ образомъ состоятъ изъ нихъ. Есть ораторы, слава которыхъ гремитъ на нѣсколько верстъ въ окрестности, и крестьяне побогаче, собираясь справлять свадьбу, посылаютъ за ними. Ораторъ, который болѣе другихъ уснащаетъ свои свадебныя рѣчи текстами изъ священнаго писанія и примѣрами изъ священной исторіи, придаетъ болѣе блеска и торжества свадебному пиру и пользуется большою извѣстностью. — Въ четвертъ, послѣ полудня, въ домѣ родителей невѣсты гости, ораторъ, родные, посаженный отецъ невѣсты и двое свидѣтелей уже собрался въ самой большой комнатѣ. Ораторъ жениха, со всѣми его гостями, съ посаженнымъ отцомъ и съ свидѣтелями подходятъ къ дому невѣсты. Ораторъ входитъ въ комнату, а всѣ его спутники остаются въ сѣняхъ. «Разлюбезные пріятели», начинаетъ онъ, «я прихожу къ вамъ съ большимъ страхомъ, однако надѣюсь, что вы не разсердитесь и выслушаете меня благосклонно. Я пришелъ не по собственной волѣ, а по волѣ Господа Бога и жениха, который долго и усердно просилъ меня, чтобы я передъ хозяевами здѣшняго дома былъ его представителемъ и ввелъ его сюда. Отъ его имени привѣтствую васъ: «благословенъ будь Іисусъ Христосъ». (Это привѣтствіе каждаго чешскаго крестьянина, когда онъ съ кѣмъ нибудь встрѣчается: все равно, что у насъ «здравствуй» или «мое почтеніе»). Когда присутствующіе отвѣтили ему «во вѣки вѣковъ аминь» (обычный отвѣтъ на такое привѣтствіе), ораторъ продолжаетъ: «позвольте вамъ пожелать, чтобы божье благословіе умножало ваше счастье и даровало исполненіе вашихъ пожеланій. Затѣмъ позвольте заявить вамъ, что женихъ проситъ васъ, чтобы вы пустили его въ вашу домъ».

Ораторъ невѣсты: «Отъ имени хозяевъ довожу до вашего свѣдѣнія, что съ нами не всѣ еще наши друзья. Пусть же онъ имѣетъ терпѣніе подождать, иначе пускай посылаетъ своего слугу съ трубой созывать гостей». Послѣ этого онъ оборачивается къ окну и затѣмъ продолжаетъ: «наши гости уже приближаются (какъ будто онъ ихъ увидалъ изъ окна, между тѣмъ они всѣ сидятъ въ той же комнатѣ) и когда всѣ соберутся, мы приступимъ къ дѣлу. Они пришли. Дайте знать жениху и всѣмъ его гостямъ, что они могутъ теперь войти въ комнату».

Ораторъ жениха уходитъ и чрезъ минуту вводитъ всѣхъ находившихся въ сѣняхъ. «Благословенъ будь Іисусъ Христосъ», привѣтствуютъ они присутствующихъ, и всѣ садятся за столъ, а женихъ становится съ лѣвой стороны своего оратора.

Ораторъ невѣсты, обращаясь тогда къ своему собрату по ремеслу: «Ну, господинъ ораторъ, объясните намъ, зачѣмъ вы сюда пришли и въ чемъ ваша просьба».

Ораторъ жениха: «Мы просимъ хозяина... даже страшно выговорить... уступить намъ то, что есть въ этомъ домѣ самаго лучшаго и любезнаго Богу».

Ораторъ невѣсты: «Дорогіе, знатные гости, не бойтесь говорить прямо. Можете просить даже то, что есть здѣсь самаго лучшаго и Богу любезнаго».

Ораторъ жениха: «Благодарю, что вы насъ такъ привѣтствуете; вы не раскаетесь въ вашей любезности, такъ какъ мы пришли сюда не для ссоры, а для мирнаго дѣла. Когда Господь Богъ сотворилъ землю со всѣми живущими на ней тварями, онъ создалъ и человѣка; но Адамъ мало забавлялся, мало радовался; тогда Богъ сказалъ: «плохо Адаму одному, невеселое житье; сотворимъ ему помощницу, милую собесѣдницу, и Адамъ для своего утѣшенія получилъ Еву. Вотъ и нашъ женихъ вздумалъ послѣдовать этому примѣру и потому желаетъ совершить таинство супружества по

христіанскому обряду. Но такъ какъ онъ трусливъ, то просилъ меня проложить ему дорожку въ этомъ дѣлѣ, и я прошу васъ, чтобы ваша почтеннѣйшая дочь была съ нимъ сегодня помолвлена».

Ораторъ невесты: «Мы хорошо поняли, чего вы добиваетесь, но вы еще не сказали намъ, чѣмъ будетъ наша дочь у вашего жениха: будетъ-ли она у него кухаркой, служанкой или супругой. Ея родители выростили ее съ большимъ трудомъ и хотятъ знать, въ какомъ положеніи она очутится, когда выйдетъ замужъ».

Ораторъ жениха: «Благочестивый женихъ не хочетъ имѣть вашей дочери ни кухаркой, ни служанкой, но уважаемой супругой, съ которою онъ будетъ дѣлить горе и радость, труды, заботы и все свое имущество».

Ораторъ невесты: «Это, конечно, очень пріятно родителямъ, но вы должны сказать, кто посовѣтовалъ вамъ идти именно въ нашъ домъ: по вашей дорогѣ было много невестъ».

Ораторъ жениха: «Въ священномъ писаніи сказано: просите и дастся вамъ, стучите и отверзится вамъ, ищите и найдете. Женихъ во всей странѣ искалъ, высматривалъ, черезъ высокія горы перелѣзалъ, черезъ холодную воду бродилъ, въ мучительной тревогѣ сердца ходилъ даже къ бездонному морю. Вездѣ было темно, только у васъ мелькнулъ огонекъ. Какъ видите, самъ Господь Богъ привелъ насъ къ вамъ. Какъ молодой Товій пошелъ въ чужіе края и нашелъ благочестивую Сарру, такъ и нашъ женихъ по внушенію Бога нашелъ здѣсь свое счастье, свою жемчужину. Ваша дочь, какъ посохъ драгоцѣнный, будетъ вездѣ опорой и поддержкой нашего жениха».

Ораторъ невесты: «Вы знаете цѣну жемчужины этого дома. Однако скажите, почему женихъ задумалъ разстаться со своею свободой?»

Ораторъ жениха: «Онъ желаетъ въ своей жизни имѣть вѣрную помощницу, мирную собесѣдницу, умную воспитательницу будущихъ небожителей».

Ораторъ невесты: «Вы дали короткій, но ясный отвѣтъ... скажите же теперь, изъ за чего онъ беретъ нашу дѣвицу: изъ за ея красиваго личика или изъ за ея добраго нрава?»

Ораторъ жениха: «Молодой женихъ хорошо знаетъ, что цвѣтъ молодости отцвѣтаетъ въ старости... Какъ корни и зелень освѣжаютъ пищу въ суровую зиму, въ то время, какъ цвѣтокъ давно пропалъ, такъ и нашъ женихъ ищетъ прежде всего сердечныхъ качествъ. Онъ сватается къ вашей дочери не изъ за красы ея, которою она плѣнила весь свѣтъ, но изъ за кроткаго характера и ея доброты».

Ораторъ невесты: «Вы умѣете угодить; но мы не можемъ надивиться, какъ вы, желая получить нашу красную дѣвицу, которая, какъ вы сами видите, дороже золота и серебра, не приносите однако ей въ даръ ни того, ни другаго и хотите получить ее даромъ. Когда слуга Авраама искалъ Ревекку для Исаака, то, чтобы угодить ея отцу, онъ принесъ ему столько даровъ, что чуть его самого не задавило ими. (При этомъ онъ приводитъ и множество другихъ примѣровъ изъ священнаго писанія, которые всѣ говорятъ: «что же вы то пришли съ пустыми руками»). Мы хотимъ придерживаться обычаевъ предковъ и потому просимъ васъ дать прямой отвѣтъ: скажите, слѣдуютъ-ли за вами верблюды, нагруженные золотыми украшеніями, золотую утварью и разными драгоцѣнностями. Если да, то можете рассчитывать получить нашу красавицу. Если нѣтъ, то убирайтесь дальше, туда, гдѣ умѣютъ менѣе цѣнить женскую красу и добродѣтель».

Ораторъ жениха: «Мы знакомы съ исторіею сватовства Авраама, но мы народъ скромный и не можемъ сравниваться съ нашимъ великимъ праотцемъ. Къ тому-же, если бы мы и желали принести вамъ въ даръ гору золота и драгоцѣнностей, намъ нельзя было бы ихъ доставить вамъ. Наши животныя непригодны для такихъ тор-

жественныхъ случаевъ и для такой драгоценной пошн; верблюды же, о которыхъ вы упоминаете, какъ вамъ извѣстно, не водятся въ нашей странѣ. Къ тому-же вспомните поговорку, что и черезъ золото слезы льются... Мы вамъ приносимъ большую драгоценность, чище и выше золота—искреннюю, святую любовь, которая горитъ золотою зарею. По словамъ святаго Павла, она вѣчное сокровище».

Ораторъ невесты: «Вы, какъ я вижу, умѣете на все отвѣтить и задѣть самое живое въ сердцахъ. Въ этомъ отношеніи я долженъ вамъ уступить. Впрочемъ, я не особенно жалѣю объ этомъ, такъ какъ хорошо помню пословицу: много словъ, мало толку. Пустая бочка больше гремитъ. Вы и ваши гости входите съ такимъ шумомъ и держите себя далеко не такъ чинно и тихо, какъ гости на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской.

Ораторъ жениха: «Напрасно вы задѣваете насъ безъ причины. Древніе евреи не шли тихо на Іерихонъ, и его стѣны пали отъ шума и звуковъ ихъ трубъ. Слѣдующихъ примѣру, мы также пришли сюда, чтобы сломить ваше упорство, разрушить всѣ преграды».

Ораторъ невесты: «Противъ васъ невозможно сопротивленіе. Я пойду въ тихое пристанище нашей дѣвицы и приведу ее къ вамъ, чтобы она сама объявила о своемъ желаніи. Но если я сдѣлаю ошибку въ родѣ той, какую сдѣлалъ Іаковъ, который, желая получить красивую Рахиль, получилъ кривоглазую Лію,—не сердитесь на меня». И онъ черезъ нѣсколько минутъ вводитъ какую-то женщину.

Ораторъ жениха: «Возьмите ее назадъ, это не наша милая Рахиль».

Ораторъ невесты: «Каждую богобоязненную дѣвушку нужно считать за жемчугъ; почему-же вы ея не хотите?»

Ораторъ жениха: «Мы и эту дѣвицу почитаемъ, такъ какъ и она тоже дорогой жемчугъ, который всѣ искали-бы даже и въ Прагѣ, но взять ее намъ не дозволяетъ Богъ, который предназначаетъ ее для другаго».

Ораторъ невесты: «Нечего съ вами дѣлать: пойду за желанной»... И въ этотъ разъ онъ появляется со старухой, грязно и бѣдно одѣтою пряхой, съ прялкою въ рукѣ. Онъ представляетъ ее оратору жениха и говоритъ: «при всѣхъ добродѣтеляхъ и качествахъ, которыя вамъ уже извѣстны, она въ тоже время самая лучшая пряха, способная ко всякой другой работѣ, радивая хозяйка, опрятна, какъ бѣлоснѣжный лебедь».

Ораторъ жениха: «Лучше бы назвали ее послѣдней замарашкой. Нѣтъ, эта оборванная старуха—не избраница сердца моего жениха».

Послѣ безконечныхъ рѣчей ораторовъ съ той и другой стороны, наконецъ, приводятъ настоящую невесту. Въ длинной рѣчи ораторъ проситъ ее сказать безъ всякаго принужденія, хочетъ-ли она быть женою стоящаго передъ нею молодаго человѣка. Какъ только она сказала «да», ораторъ невесты кладетъ правую руку дѣвушки въ правую руку жениха и говоритъ: «Эта благочестивая дѣвица, воспитанная съ такимъ стараніемъ, передается въ ваши руки. Она не должна быть вашей головой, такъ какъ она не изъ головы сотворена, но, въ виду страшнаго послѣдняго суда, старайтесь, чтобы она не была и вашимъ подножіемъ, такъ какъ она тоже не изъ ноги произошла. Самая высшая божественная мудрость сотворила ее изъ мужнинаго ребра, и потому жена для сердца супруга должна быть самая близкая изъ всѣхъ земныхъ тварей... Такъ обходитесь же съ ней благосклонно и любите ее такъ же, какъ самого себя».

Послѣ этой рѣчи подписываютъ свадебный договоръ; женихъ и невеста подходятъ къ своимъ родителямъ и благодарятъ ихъ за приданое, цѣлуя имъ руки. Затѣмъ невеста подходитъ къ жениху и подаетъ ему на тарелкѣ букетъ изъ розмарина и платокъ. Розмаринъ долженъ изображать желаніе невесты всегда нравиться мужу, а платокъ—готовность раздѣлить съ нимъ труды и желаніе вытереть его слезы. Женихъ въ свою

очередь дарить невѣстѣ серебряный талеръ, означающій, что съ этихъ поръ онъ обязывается заботиться о доставленіи ей нужнаго содержанія.

Садятся за ужины. Такъ какъ у славянъ ничего не происходитъ безъ пѣсней, то и послѣ помолвки, за ужиномъ, поютъ особыя пѣсни, которыхъ здѣсь очень много и нѣкоторыя изъ нихъ даже носятъ на себѣ сатирической оттѣнокъ: «Что бы ни ожидало меня на небѣ», затягиваютъ хоромъ, «пусть Богъ сохранитъ мнѣ бабу. Старуха постоянно сердится, какъ пивная бочка, молодая пляшетъ, какъ бѣлочка. Старухѣ дадимъ горбушку, — пусть ее жуеетъ, молодичѣ черевички, — пусть прыгаетъ». Затѣмъ затягиваютъ пѣсню, которая называется «замокъ и слово». «Милая матушка, у васъ хорошая дочка. Пусть придетъ время, когда кончится ея воспитаніе. Замкнете ее пятью замками, я ихъ сдуну, какъ соломенку; запрете ворота крѣпкой цѣпью, — отопру ихъ ласковыми словами. Когда вы ее вырастите, она будетъ моя. Я знаю, что вы не разлучите наши два сердечка». Или: «Грушевое дерево, стой, не шелохнись, моя дѣвушка рѣшилась». — «Я уже рѣшилась: матушку оставила, батюшку оставила, только тебя послушалась».

Передъ свадьбой священникъ дѣлаетъ жениху и невѣстѣ нѣчто въ родѣ экзамена. Для этого помолвленные отправляются въ домъ священника, гдѣ и происходитъ испытаніе, но это скорѣе пустая формальность, чѣмъ серьезный экзаменъ.

За нѣсколько дней до свадьбы приглашаютъ гостей. Женихъ и его ораторъ, въ сопровожденіи двухъ мѣдальцевъ (нѣчто въ родѣ нашихъ шаферовъ), ходятъ изъ дома въ домъ, приглашая родственниковъ и знакомыхъ. При этомъ у жениха и его свиты на шляпахъ розмаринъ, а на палкахъ разноцвѣтныя ленты; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ они прикрѣпляютъ себѣ на грудь вѣтку розмарина съ длинными лентами.

Когда они вступили въ какой-нибудь домъ, то послѣ обычныхъ привѣтствій ораторъ жениха начинаетъ рѣчь (если приглашаетъ учителя): «Уважаемый господинъ учитель! Намъ было бы очень пріятно, если бы на свадебномъ пирѣ нашъ скромный домъ могъ считать васъ въ числѣ своихъ гостей. Будьте увѣрены, что мы желаемъ въ этотъ день засвидѣтельствовать вамъ свое уваженіе, какъ усердному воспитателю нашихъ дѣтей». Прочихъ гостей онъ приглашаетъ въ такомъ родѣ: «Знатные господа и дорогіе наши друзья! Встрѣчайте насъ благосклонно и не ставьте намъ въ вину, что мы безъ приглашенія пришли въ вашъ домъ. Мы посланы, какъ глашатаи, отъ невѣсты такой-то и отъ жениха такого-то, стоящаго передъ вами. Онъ поручилъ мнѣ высказать вамъ свое уваженіе и просить всѣхъ, живущихъ въ этомъ домѣ, пожаловать на его свадьбу, помолиться утромъ и попить вечеромъ. Ваше согласіе новобрачные поставятъ себѣ въ великую честь и за большое для себя одолженіе, которое они отплатятъ тою же монетою. Самъ Господь вознаградитъ васъ за это здоровьемъ и имуществомъ».

Въ чешскихъ свадьбахъ женихъ выбираетъ юношу, «мѣдальца», который кладетъ ему вѣнокъ на голову во время вѣнчанія, а невѣста «дружичку». Когда женихъ и невѣста входятъ въ церковь, мѣдальцы и дружички идутъ впереди, попарно; чѣмъ больше при бракосочетаніи тѣхъ и другихъ, тѣмъ болѣе славы для новобрачныхъ. Каждый мѣдальецъ долженъ имѣть дружичку, такъ что тѣхъ и другихъ всегда равное число.

Когда наступаетъ день свадьбы, мѣдальецъ въ сопровожденіи хора музыки отправляется за дружичкой въ домъ ея родителей и при звукахъ музыки торжественно ведетъ ее въ домъ невѣсты. Когда такимъ образомъ всѣ дружички собрались, онъ начинаютъ одѣвать невѣсту.

Въ домѣ жениха происходитъ въ это время слѣдующее. Когда всѣ гости собрались, ораторъ приглашаетъ всѣхъ матушекъ, сватюшекъ, любезныхъ бабушекъ и тетушекъ проводить жениха къ невѣстѣ. Но прежде чѣмъ тронуться въ путь, происходитъ благо-

словеніе жениха, который падает на колѣни передъ родителями. Родители жениха и невѣсты всѣ свои пожеланія, какъ и при помолвкѣ, высказываютъ черезъ оратора. Поэтому ораторъ жениха и призываетъ теперь родительское благословеніе на голову колѣнопреклоненнаго сына. «Дай Богъ, чтобы ты былъ», говоритъ онъ, «счастливъ на землѣ, а послѣ смерти помощи Господи войти тебѣ въ царство небесное; чтобы мы, твои родители, которые тебя выростили и для неба воспитали, нашли бы тебя въ раю, гдѣ бы намъ Господь Богъ даровалъ вѣчную, взаимную жизнь». Оканчиваетъ эту рѣчь ораторъ словами молитвы, а родители дѣлаютъ въ эту минуту знаменіе креста на лбу, на губахъ и на груди своего сына. Послѣ этого женихъ встаетъ и цѣлуетъ руки своихъ родителей. Затѣмъ гости съ женихомъ и въ сопровожденіи музыки отправляются къ невѣстѣ. Зажиточные крестьяне въ отличныхъ экипажахъ, «Косáгу», нѣчто въ родѣ нашихъ каретъ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что у нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ иногда водится не только по одной такой «кочарѣ», но по двѣ, а иногда даже и по три. Эти экипажи, правда, не такъ изящны какъ наши кареты, но внутри имѣютъ также мягкія сидѣнья. Передъ свадьбою не только для родителей брачующихся, но и для званыхъ гостей главную заботу представляетъ украшеніе лошадей для свадебнаго поѣзда; ихъ убираютъ множествомъ колокольчиковъ и бубенчиковъ; гриву заплетаютъ въ мелкія косички съ разноцвѣтными лентами, голову украшаютъ зеленою розмарина. Бѣдные крестьяне идутъ пѣшкомъ, богатые ѣдутъ въ кочарахъ, запряженныхъ разукрашенными лошадьми. На свадьбахъ людей достаточныхъ даже для музыкантовъ назначаютъ особый экипажъ. На дорогѣ поютъ тѣ-же пѣсни, что и при помолвкѣ.

Передъ домомъ невѣсты шествіе останавливается, но дверь ея дома заперта, и потому ораторъ жениха подходитъ къ воротамъ, стучится и начинаетъ пѣть со всѣми гостями: «добрая наша мать, мы приводимъ наше дитя». Гости невѣсты отвѣчаютъ: «мы ожидаемъ васъ»:

Гости жениха: «Если вы насъ знаете, отворите намъ двери и пустите къ вашей дочери». Послѣ нѣсколькихъ пѣсенъ въ этомъ родѣ двери открываютъ, и отецъ невѣсты съ матерью и ораторомъ выступаютъ на порогъ. Опять просьба впустить и, наконецъ, всѣ входятъ въ домъ и становятся на мѣста, назначенныя ораторомъ; между тѣмъ невѣста и ея подруги сидятъ въ другой комнатѣ. Еще долго ораторъ жениха препирается съ ораторомъ невѣсты, требуя отдать имъ ее. Наконецъ онъ подходитъ къ комнатѣ, гдѣ сидитъ невѣста и обращается къ ея подругамъ съ просьбою отдать невѣсту. Дружички отвѣчаютъ: «мы съ удовольствіемъ отдадимъ вамъ нашу Зденку, какъ только закажемъ ей матерію на юбочку».

Отвѣтъ: «Уже давно вы могли заказать матерію на юбочку и доставить ей радость къ такому торжеству».

Дружички: «Мы вамъ съ удовольствіемъ отдадимъ нашу милую сестру, какъ только закажемъ ей дорожную рубашечку».

Отвѣтъ: «Если бы вы хотѣли имѣть насъ въ своемъ домѣ, вы давно должны были сшить ей рубашку».

Дружички: «Мы васъ встрѣтимъ, какъ только надѣнемъ дѣвушкѣ вѣночекъ на голову».

Послѣ этой пѣсни двери открываются, и невѣста въ свадебномъ платьѣ выходитъ въ большую комнату; сади ея становятся дружички.

Послѣ продолжительнаго благословенія брачующихся, безконечныхъ рѣчей ораторовъ съ той и съ другой стороны, женихъ и млададцы прикрѣпляютъ къ шляпамъ розмаринъ и ленты и затягиваютъ пѣсни религіознаго характера.

Въ церковь невѣста идетъ или ѣдетъ среди дружичекъ, а женихъ среди млáденцевъ. Если свадебный поѣздъ двигается въ церковь по улицѣ, то онъ безпрестанно останавливается то тамъ, то здѣсь: ему преграждаютъ путь, пересѣкая улицу поперегъ веревками, обвѣшанными платками и лентами. Устроившіе такую заставу стоятъ подлѣ и пьютъ за здоровье новобрачныхъ, которые должны отворить себѣ этотъ барьеръ, какъ говорится въ пѣсняхъ, «серебрянымъ ключемъ», т. е. деньгами. Женихъ бросаетъ деньги, барьеръ падаетъ и поѣздъ отправляется дальше. Такимъ образомъ дорога въ церковь стоитъ очень дорого, такъ какъ жениху приходится иногда нѣсколько разъ пускать въ ходъ «серебряный ключъ». Наконецъ приближаются къ церкви: музыка и пѣніе смолкаютъ и свадебный кортежъ, вступивъ въ храмъ, тотчасъ раздѣляется на двѣ половины: мужчины садятся на скамейки по одну сторону, женщины по другую. Женихъ и невѣста идутъ наконецъ къ алтарю; за ними въ порядкѣ млáденцы и дружички, а затѣмъ и гости. По правой и по лѣвой сторонѣ новобрачныхъ стоятъ свидѣтели. Передъ началомъ бракосочетанія старшая дружичка кладетъ на голову невѣсты вѣнокъ изъ розмарина, а млáденецъ такой же вѣнокъ на голову жениха. Если послѣ окончанія брака ктонибудь изъ нихъ забудетъ снять вѣнокъ съ головы молодыхъ, онъ долженъ его выкупить. Забыла это сдѣлать дружичка, и ее присуждаютъ заплатить какойнибудь штрафъ, напримѣръ, поцѣловать всѣхъ холостыхъ мужчинъ.

Бракосочетаніе всегда происходитъ передъ мессою, до полудня. Выслушавъ богослуженіе, молодые приглашаютъ священника къ себѣ на пиръ, а гости отправляются съ веселой музыкой и пѣніемъ въ домъ невѣсты, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ жениху. На порогъ мать жениха подаетъ невѣсткѣ хлѣбъ, та быстро вынимаетъ изъ кармана ножъ, разрѣзаетъ хлѣбъ и раздаетъ нищимъ, которые при этомъ уже всегда обступаютъ крыльцо. Если молодая женщина забыла взять складной ножъ, всѣ пророчатъ ей, что она сдѣлается скупой хозяйкою. Послѣ нѣсколькихъ обрядовъ и въ особенности послѣ множества рѣчей, которыя теперь, какъ и прежде, за родителей и молодыхъ говорятъ ораторы, гости закусываютъ и расходятся по домамъ, чтобы переодѣться и черезъ два, три часа явиться въ тотъ же домъ къ свадебному обѣду и пиру.

Во время обѣда гремитъ музыка, которая чередуется съ пѣніемъ и опять таки съ безконечными рѣчами ораторовъ. Впрочемъ не они одни говорятъ здѣсь. Когда пьютъ тосты, то пожеланія въ длинныхъ рѣчахъ высказываютъ почти всѣ присутствующіе. Прежде чѣмъ подадутъ на столъ жареную птицу, происходитъ судъ надъ пѣтухомъ. Въ комнату вносятъ живаго пѣтуха, и ораторъ, указывая на него, говоритъ: уважаемые гости, довожу до вашего свѣдѣнія, что этотъ пѣтухъ съ ранней молодости велъ самую безпутную жизнь: бродилъ по полямъ, забирался въ амбары, сады, кладовыя и туда же водилъ своихъ куръ; ночью онъ беспокоилъ людей, днемъ ссорился съ своими товарищами, не желая терпѣть подлѣ себя соперниковъ. Поэтому прошу подтвердить вашимъ согласіемъ смертный приговоръ, уже произнесенный надъ этимъ злодѣемъ. Ему отрубятъ голову, снимутъ съ него пестрое платье, затѣмъ его сварятъ въ лапшѣ. Вы же, господа гости, оставьте отъ него только косточки. Пусть же хозяйка исполнить этотъ приговоръ во всей точности. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣ этой рѣчи ораторъ косою отрубаетъ голову пѣтуху.

Въ Будвейскомъ округѣ и въ близлежащихъ мѣстностяхъ этотъ обычай принято выполнять еще болѣе оригинально. За 14 дней до свадьбы покупаютъ пѣтуха и откармливаютъ его, какъ только возможно. Въ день обрученія жениха и невѣсты пѣтуху одѣваютъ красную шапочку, а иногда даже кафтанчикъ и штаны. Въ такомъ видѣ его вносятъ въ собраніе гостей. Двое парней входятъ и жалуются на пѣтуха. Одинъ изъ присутствующихъ играетъ роль судьи: онъ беретъ книгу въ руки и произ-

носить надъ пѣтухомъ смертный приговоръ. Затѣмъ входитъ палачъ, весь одѣтый въ красное, и беретъ въ руки саблю. Тогда всѣ гости съ палачемъ во главѣ, въ сопровожденіи музыки, отправляются на середину мѣстечка, обыкновенно на возвышенное мѣсто; покрытое дерномъ. Здѣсь пѣтуха привязываютъ къ спинкѣ стула, изъ-за котораго виднѣется только его голова. Всѣ стоящіе вокругъ серьезно и торжественно просятъ у него прощенія, и затѣмъ палачъ обезглавливаетъ его при звукахъ погребальнаго марша. Послѣ этого пѣтуха отвязываютъ и съ музыкою несутъ его домой; здѣсь голову кладутъ на тарелку и ставятъ ее передъ обвинителями. Затѣмъ пѣтуха жарятъ и подчуютъ имъ гостей.

Во время свадебнаго обѣда идутъ съ гостей всевозможные поборы: то ораторъ обращается къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой онъ указываетъ на необходимость сдѣлать взносъ на колыбельку будущаго новорожденнаго молодой, то для его свивальниковъ; за нимъ младенецъ приноситъ кусокъ хлѣба и проситъ гостей на чепчикъ для молодой. Гости вкладываютъ монеты въ хлѣбъ. Послѣ одного изъ блюдовъ входитъ кухарка съ перевязанными руками и съ разбитыми горшками, и ораторъ, указывая на нее, выпрашиваетъ у гостей денежный подарокъ, чтобы она могла купить себѣ мазь для обожженныхъ рукъ. Когда обѣдъ оконченъ, младенецъ приноситъ воду и на палкѣ полотенце. Гости чуть дотрогиваются до воды, вытираютъ руки и бросаютъ въ воду мелкую монету, которая идетъ прислугѣ или на подарокъ оратору.

Наконецъ наступаетъ самое веселое время для молодежи — вечеринка, которую обыкновенно устраиваютъ въ гостинницѣ.

Свадебная вечеринка часто начинается съ особаго «свадебнаго танца». Молодая легко вспрыгиваетъ на столъ, на срединѣ котораго лежитъ круглая шляпа. Подъ звуки музыки она пляшетъ вокругъ этой шляпы, а младенецъ танцуетъ въ это время передъ ней вокругъ стола. Она должна танцовать до тѣхъ поръ, пока младенецъ скажетъ «довольно»; тогда онъ и снимаетъ ее со стола. При этомъ сколько туровъ молодой придется сдѣлать вокругъ шляпы, столько разъ, не переставая танцовать, она должна положить подъ шляпу какую нибудь мелкую монету. Послѣ нея тоже дѣлаютъ одна за другой всѣ дружички. Понятно, чѣмъ больше дружичекъ, тѣмъ больше денегъ добываютъ младенцы отъ такого танца вокругъ шляпы. Когда всѣ дружички перетанцовали, начинается общій танецъ, во время котораго одна изъ присутствующихъ молодыхъ дѣвушекъ входитъ въ кругъ, беретъ на руки большую миску и, покачивая ее какъ ребенка, поетъ на мелодію колыбельной пѣсни: «я укачиваю тебя, спи, милый ангелъ; если же ты не хочешь этого, то тебя ожидаютъ колотушки». Во время этого танца всѣ присутствующіе составляютъ кругъ, танцуютъ и бросаютъ деньги въ миску на дѣтскую кашку или на супъ.

РУСИНЫ.

Прошлая судьба галицких русинъ.—Польское иго.—Отношеніе поляковъ къ русинамъ.—Вліяніе польскаго господства.—Жизнь русинъ подъ австрійскимъ господствомъ.—Национальное возрожденіе.—Львовскій сеймъ и значеніе русинскихъ представителей.—Борьба съ поляками.—Положеніе народа въ настоящее время.—Его письменный и разговорный языкъ.

Въ Австріи немало русскаго люда: ихъ насчитываютъ въ этой странѣ болѣе 3.280,300 ч. Они живутъ въ Буковинѣ, гдѣ ихъ однако всего 210,300; въ Венгріи 520,000, но болѣе всего ихъ въ Галиціи: 2.550,000. Галицію русскій народъ издавна называетъ Галичиною. Страна эта хотя и принадлежитъ Австріи, но представляетъ маленькій русскій мірокъ, въ которомъ, бокъ-о-бокъ съ другими національностями, живутъ такіе-же, какъ и мы, русскіе люди (малороссы). Жители восточной и западной части этой страны различны между собою, какъ по своему происхожденію, такъ и по вѣрѣ. Галицкихъ русскихъ обыкновенно называютъ *русинами*, *русняками*, а у нѣмцевъ они слывуть подъ названіемъ *рутенновъ*; они греко-уніатскаго исповѣданія и занимаютъ восточную часть Галичины. Жители западной части—поляки исповѣдуютъ католическую религію.

Русины давнымъ давно оторваны отъ общей русской жизни и уже пять вѣковъ ведутъ особую жизнь, преисполненную самой тяжелой борьбы не только за свое существованіе, но и за свою всюду угнетаемую и оскорбляемую національность.

Они уже давно все утратили: ихъ дворянство ополячилось и окатоличилось, купечество издавна не выдерживаетъ конкуренціи съ евреями. Интеллигенція почти исключительно сосредоточивается въ священникѣ, который одинъ только не измѣнялъ народу и былъ ему преданъ въ самыя тяжелыя години преслѣдованія.

Нынѣшнее королевство Галиція образовалось не самостоятельно, а составилось изъ русскихъ и польскихъ земель въ 1772 г. Въ прежній періодъ своей исторической жизни галицкая Русь была тѣсно связана со всею Русью и составляла часть древней федераціи русскихъ княжествъ. Это былъ одинъ и тотъ-же южно-русскій народъ, которымъ управлялъ одинъ княжескій родъ, исповѣдывавшій одну и ту-же православную вѣру. Языкъ, письменность, іерархія, нравы и обычай были тѣ-же, какъ и въ остальной Россіи. Въ то время, когда въ нынѣшней средней Россіи жили еще инородцы, въ среду которыхъ только-что проникла русская жизнь, во многихъ городахъ галицкихъ уже водворилась культура. Но въ первой половинѣ XIV вѣка кончилась самостоятельность галицко-русскаго княжества, и оно вошло въ составъ Польши. Едва польскій король Ка-

зимирь успѣлъ занять Галичину, какъ между Польшей и Литвой загорѣлась жестокая борьба: литовскіе князья всѣми силами старались оттянуть отъ него эту страну. Литовцы, соединившись съ татарами, жестоко опустошали нынѣшнюю восточную Галицію. Та-же самая борьба продолжалась и позже, то ослабѣвая, то возобновляясь съ новою силою, но въ концѣ-концовъ поляки (въ 1432 г.) успѣли превратить бывшее галицко-русское княжество въ польскую провинцію, назвавъ ее воеводствомъ русскимъ или Червонною Русью. Въ концѣ XV-го столѣтія страна эта подвергается опустошительнымъ нападеніямъ турокъ и татаръ, что доводитъ ее до крайняго обѣднѣнія; но несравненно болѣе терпѣла она отъ поляковъ, которые съ тѣхъ поръ до настоящаго времени могутъ считаться главными виновниками всѣхъ бѣдъ, выпавшихъ на долю несчастнаго русинскаго народа. Со времени завоеванія поляками русскихъ начался ихъ полный политическій, экономическій и религіозный гнетъ, который продолжался нѣсколько столѣтій и далеко не исчезъ и въ настоящее время.

Въ началѣ своего господства польскіе короли обѣщали соблюдать права русинъ и не стѣснять ихъ православнаго вѣроисповѣданія, но они не выполнили этого обѣщанія и скоро выказали даже сильное стремленіе олатинить русинъ: начали преслѣдовать и тѣснить православныхъ, высшія должности въ государствѣ и доходныя мѣста стали раздавать исключительно полякамъ или тѣмъ изъ русскихъ бояръ, которые перешли въ католичество. Католическое духовенство было освобождено отъ государственныхъ налоговъ, между тѣмъ русское духовенство платило множество податей и повинностей. Мало того, польскіе помѣщики, пользуясь громадною властью и занимая первѣйшія должности въ государствѣ, старались всѣми силами тѣснить русскихъ духовныхъ лицъ: самымъ возмутительнымъ и незаконнымъ образомъ они отнимали у нихъ усадьбы и изгоняли ихъ съ роднаго пепелища. При судебныхъ разбирательствахъ дѣла рѣшались въ пользу католиковъ, не принимая во вниманіе свидѣтельства русинъ. Польскіе короли, награждая громадными помѣстьями своихъ приближенныхъ изъ поляковъ, давали имъ неограниченную власть не только надъ крестьянами, но и надъ свободными владѣльцами изъ православныхъ русскихъ. Польскіе помѣщики судили и казнили крестьянъ въ уголовныхъ дѣлахъ безъ всякой апелляціи и также мало церемонились они и съ русскими дворянами.

Высшіе русинскіе классы и бояре уже издавна отличались отъ другихъ именитыхъ и богатыхъ людей русскихъ земель своею страстью къ наживѣ и роскоши. Когда поляки начали ихъ тѣснить и угнетать, они одинъ за другимъ переходили въ католичество и, желая всенародно выразить свою приверженность новой религіи, начали строить на русской землѣ костелы, которые были тогда особенно въ ходу, такъ какъ іезуиты считали постройку ихъ надежнымъ средствомъ увеличить число католиковъ. И такъ вновь окатоличенные и ополяченые русскіе дворяне строили костелы, жертвуя на нихъ громадные средства, оставляя въ нищетѣ и разореніи русскія церкви и монастыри.

Испытывая всѣ ужасы тяжелаго рабства, русины находили единственную опору и поддержку въ своемъ духовенствѣ, которое вмѣстѣ съ ними, а иногда и больше ихъ выносило страданій и, не смотря на это, имѣло мужество не измѣнять своему народу.

Въ XV ст. польскіе короли поручили управление Червонною Русью управителямъ изъ извѣстныхъ польскихъ фамилій, которые распоряжались въ ней съ необыкновеннымъ деспотизмомъ и самовластіемъ. Нѣкоторые изъ этихъ управителей произвольно увеличивали налоги, рѣшали супружескіе споры и даже расторгали браки.

Слословіе русскихъ бояръ въ это время окончательно исчезло: нѣкоторые изъ нихъ слились съ польскою шляхтою, другіе различными административными мѣрами были превращены въ вѣрнопослушныхъ крестьянъ. Лишенные своихъ имѣній, преслѣдуемые католиками, доведенные до отчаянія, многіе русинскіе землевладѣльцы, желая отомстить

врагамъ, вторгались въ родную страну съ татарами, грабили и поджигали достояніе, которое у нихъ было отнято силою. Эти и имъ подобныя разорительныя опустошенія весьма часто повторяются не только въ XV, но даже въ XVI и XVII ст.

Съ теченіемъ времени польскіе короли, католическое духовенство и администрація изыскиваютъ все болѣе средствъ подавить русскій элементъ. Для этого они начинаютъ мало-по-малу содѣйствовать поселенію нѣмцевъ и евреевъ по городамъ и мазуровъ (польское племя) по селамъ и, нарушая коренныя права жителей, усердно вводятъ въ русской землѣ чужіе обычаи, чужой языкъ и чужой законъ. Русскіе горожане скоро были вытѣснены изъ городовъ въ предмѣстья и деревни. Преслѣдованіе русскаго народа поляками доходило до того, что они отдавали въ аренду евреямъ даже русскія церкви.

Окатоличившіеся и ополячившіеся высшіе классы русинъ стали еще большими, сравнительно съ поляками, врагами и угнетателями своихъ прежнихъ братій по вѣрѣ и происхожденію. Мѣщане, лишеныя своего городского самоуправленія, были отданы теперь на произволъ старостъ и каштеляновъ изъ поляковъ; богатые купцы и ремесленники не могли болѣе конкурировать съ евреями, въ рукахъ которыхъ очутилась вся торговля. Вражда между русинами и поляками доходила до крайности и усиливалась шляхетскимъ презрѣніемъ къ хлопамъ, потому что русинами остались теперь только «попъ да хлопъ». И дѣйствительно теперь только попы и простой народъ придерживались своихъ древнихъ обычаевъ, говорили на своемъ родномъ языкѣ. Особенно замѣчательно здѣсь то, что, не смотря на всю силу, хитрость и ловкость іезуитовъ, не смотря на громадныя деньги, которыя бросало католическое духовенство на постройку костеловъ и на пропаганду католицизма вообще, не смотря на власть и значеніе католическаго правительства, которое употребляло всѣ средства, чтобы ополячить и окатоличить русинъ, они все еще придерживались православной религіи своихъ отцовъ. Но въ 1700 г. ихъ епископъ принялъ унию и открыто подчинилъ свою епархію папѣ римскому. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время русины исповѣдуютъ униатскую вѣру. Но съ ихъ религіей мы познакомимся ниже, а теперь перейдемъ къ описанію тѣхъ фактовъ ихъ прошлой жизни, которые имѣли наибольшее вліяніе на складъ и развитіе ихъ характера, на ихъ экономическое положеніе и домашнюю жизнь. Достигнувъ высшей степени силы и могущества, Польша начала быстро клониться къ упадку. Неурядицы въ ней вошли въ пословицу, и сосѣди ея воспользовались этимъ, чтобы прибѣгнуть къ первому раздѣлу Польши, по которому Галиція отошла къ Австріи. Такимъ образомъ Галичину, эту искони русскую страну, присоединили въ 1772 г. къ Австріи, и русины, испытавъ на себѣ слишкомъ 400-лѣтнее иго поляковъ, вдругъ очутились подъ властью нѣмцевъ. Сынъ Маріи Терезіи, Іосифъ II, принялъ титулъ короля Галиціи и Лодомеріи, который и нынѣ носятъ австрійскіе императоры. Подъ новой властью матеріальный бытъ русиновъ нѣсколько улучшился, но ихъ народность осталась въ такомъ же угнетенномъ положеніи.

Австрійское правительство только тогда выдвигало русскихъ галичанъ на первый планъ, облегчало ихъ тяготы и обращало вниманіе на ихъ просьбы, когда этого требовали политическія соображенія. Исключеніемъ изъ этого правила можно считать только правленіе Іосифа II. Это было время пробужденія національнаго самосознанія какъ русинъ, такъ и всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ имперіи. Оно ознаменовалось большими преобразованиями въ управленіи, истинными заботами объ облегченіи участи подданныхъ, къ какой бы національности они ни принадлежали, закрытіемъ католическихъ монастырей. Австрійское правительство въ это время дало возможность свободно вздохнуть тѣмъ двумъ сословіямъ, которыя одни представляли русинскую народность, т. е. крестьянству и духовенству. Оно облегчило участь крестьянъ, ограничило права поль-

скихъ помѣщиковъ, приняло мѣры для развитія промышленности, вводило правильную администрацію и судъ, стало заводить народныя школы, и въ 1783 г. основана была для русинъ духовная семинарія, а въ слѣдующемъ году былъ основанъ университетъ во Львовѣ. Но по смерти Іосифа II судьба русинъ измѣнилась къ худшему: германизація, уже при немъ начавшаяся, для выполненія которой въ страну явилось много нѣмецкихъ чиновниковъ, особенно усилилась при его преемникахъ. Къ тому-же австрійское правительство, считавшее прежде необходимымъ хотя изрѣдка поддерживать русинъ для противодѣйствія полякамъ, теперь не боялось ихъ болѣе. Послѣ третьяго и послѣдняго раздѣла Польши страна эта исчезла съ карты Европы, и австрійскому правительству нечего была опасаться ея возстановленія. Поэтому оно соединилось теперь съ поляками для притѣсненія русинъ. Такимъ образомъ поляки пріобрѣтаютъ въ Галичинѣ господствующее положеніе: русское преподаваніе скоро было совершенно прекращено, университетъ въ 1806 г. перенесенъ въ Краковъ, русинскимъ священникамъ приказано было напомнить, что они связаны съ Римомъ священными узами. Въ отчетахъ полицейскаго управленія за 1816 г. открыто высказана причина, побудившая правительство такъ радикально измѣнить свой образъ дѣйствій: «по политическимъ соображеніямъ распространеніе польскаго языка было бы благоразумнѣе, чѣмъ галицко-русскаго, потому что послѣдній есть ничто иное, какъ русское нарѣчіе», и польскій языкъ сталъ снова господствующимъ. Теперь русинамъ не только не дозволялось преподавать русскій языкъ въ низшихъ школахъ, но даже печатать катехизисъ на своемъ языкѣ. Чтобы выслужиться у правительства и еще болѣе возбудить его подозрѣніе къ русинамъ, іезуиты стали доносить на русинскихъ священниковъ, какъ на агентовъ русскаго правительства, проповѣдующихъ своей паствѣ необходимость отторженія отъ Австріи ея славянскихъ областей. Тѣмъ же самымъ средствомъ, какъ наиболѣе запугивающимъ правительство, поляки пользуются съ успѣхомъ и въ настоящее время: доносы на русинъ въ этомъ направленіи заставляютъ австрійское правительство относиться къ нимъ особенно безцеремонно.

Въ 1846 г. вспыхнуло польское возстаніе: поляки призывали весь народъ принять въ немъ участіе. Не только русины, но даже крестьяне польскаго происхожденія, вѣрные сыны католической вѣры, отвѣтили на этотъ призывъ избиеніемъ пановъ. Крестьяне, какъ польскаго, такъ и русинскаго происхожденія, одинаково ненавидѣли своихъ польскихъ пановъ, которые всегда безпощадно обирали ихъ, довели до полного разоренія и нищенства, требовали непомернаго труда, всегда жестоко и высокоумѣрно относились къ нимъ. Поэтому, какъ польскіе, такъ и русинскіе крестьяне не только не приняли участія въ возстаніи пановъ, но еще сами бросились избивать ихъ. Правительство поощряло и снабжало средствами русинъ къ нападенію на возставшихъ на него польскихъ пановъ. Поддерживаемые австрійскими войсками, вооруженные отряды крестьянъ выступили противъ пановъ и совершали надъ ними несказанныя жестокости: до 15,000 польскихъ семействъ было совершенно избито, множество жителей по городамъ перерѣзано. За поимку польскихъ повстанцевъ австрійскія власти даже платили крестьянамъ деньги и всячески поощряли ихъ къ грабежу, насилію и убійству. Дѣйствуя съ одной стороны изъ чувства мести и изъ смертельной ненависти къ врагамъ, съ другой—подстрекаемые правительствомъ, крестьяне дошли до звѣрства, и въ продолженіе весны и лѣта преслѣдовали, разоряли дома пановъ, убивали ихъ дѣтей, оставивъ для этой оргіи злодѣйства невоздѣланными даже свои поля. Вслѣдствіе этого съ наступленіемъ зимы крестьяне стали испытывать всѣ ужасы голода.

Въ слѣдующемъ 1847 году по всѣмъ дорогамъ бродили несмѣтныя толпы изувѣченныхъ, истощенныхъ, оборванныхъ нищихъ, напоминавшихъ скорѣе скелеты, чѣмъ

живыхъ людей. Они протягивали прохожимъ руку за подааніемъ и часто, не дождавшись его, падали тутъ же въ предсмертной агоніи.

Послѣ множества тяжкихъ испытаній, въ 1848 г. въ Австріи была объявлена конституція, которая пробудила и въ русинахъ надежду на новую лучшую жизнь. Положеніе ихъ послѣ этого дѣйствительно нѣсколько улучшилось, но они и до сихъ поръ отъ времени до времени переживаютъ различные періоды, во время которыхъ имъ то предоставляютъ извѣстную свободу, то опять наступаютъ для нихъ времена реакціи, жестокихъ преслѣдованій и гоненій. Но возвратимся къ событіямъ 1848 г. Когда объявлена была конституція, обѣщавшая русинамъ одинаковыя права съ поляками и представительство на сеймѣ, а также и освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, то въ память этого событія почти въ каждой русинской деревнѣ между 4-хъ липъ поставили по каменному или дубовому кресту съ надписью: «памятки поданой свободы 1848 г.».

Вслѣдъ за объявленіемъ конституціи русины немедленно образовали во Львовѣ, главномъ городѣ страны, *раду*, т.-е. совѣтъ, собраніе или, лучше сказать, нѣчто въ родѣ политическаго клуба, поставившаго себѣ цѣлью войти въ непосредственныя сношенія съ народомъ, заботиться о его нуждахъ, охранять его свободу. Предсѣдателями этого клуба были избраны наиболѣе горячіе патріоты. Этотъ клубъ сдѣлался вскорѣ двигателемъ народной русинской жизни. Отсюда по всей Галичинѣ расходились молодые проповѣдники, которые во всѣхъ захолустьяхъ родной страны пробуждали чувство народного самосознанія, любовь къ своимъ братьямъ; отсюда разсылали народу воззванія, въ которыхъ приглашали его собираться на совѣщаніе. И дѣйствительно, вскорѣ во многихъ городахъ стали образовываться такія же *рады*, находившіяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ главною львовскою радюю. Народъ тысячами собирался на эти собранія и разсуждалъ о своихъ дѣлахъ. Результатомъ этихъ совѣщаній былъ между прочимъ адресъ, поданный императору Фердинанду. Въ немъ народъ требовалъ, чтобы въ мѣстностяхъ, населенныхъ преимущественно русинами, на ихъ языкѣ преподавали не только въ народныхъ школахъ, но и въ высшихъ училищахъ, чтобы мѣста чиновниковъ занимаемы были лицами, знающими ихъ языкъ, чтобы имъ были доступны всѣ гражданскія права. Императоръ принялъ этотъ адресъ весьма благосклонно и немедленно было приступлено къ выполненію нѣкоторыхъ изъ ихъ требованій. Два мѣсяца спустя появился другой адресъ, скрѣпленный десятками тысячъ подписей; въ немъ русины требовали раздѣленія Галичины на часть *русскую* (восточную) и *польскую* (западную). Этотъ адресъ былъ тоже благосклонно принятъ императоромъ, но его требованія были отклонены. Австрійскіе государственные люди считали несвоевременнымъ дать русинамъ отдѣльную политическую организацію. Но, потерпѣвъ фіаско, русины не пришли въ отчаяніе; напротивъ, мысль, что они могутъ теперь открыто высказывать свои желанія, что ихъ, наконецъ, считаютъ народомъ, имѣющимъ право на существованіе, а не *быдломъ* (скотомъ), какъ прежде, — поднимала ихъ въ собственныхъ глазахъ и наполняла живѣйшею радостью сердца этого, столь угнетеннаго и настрадавшагося народа. Конституція не только пробудила общественную жизнь и народное самосознаніе, но и литературную дѣятельность. Вслѣдъ за открытіемъ рады въ томъ же году основано было литературное общество «галицко-русская матица», которое стало заниматься изданіемъ дешевыхъ книгъ для простонародья. Наконецъ появился у нихъ и печатный органъ — газета, которая была названа «Зоря Галицка». Газета эта пользовалась громаднымъ успѣхомъ. Въ какіе нибудь два мѣсяца своего существованія она имѣла болѣе полуторы тысячи подписчиковъ, — число огромное, если принять въ соображеніе малочисленность русинъ, ихъ страшную бѣдность и забитость. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, какъ только хлопы выходили изъ церквей, всѣ они, кто стоя, кто сидя, располагались у стѣнъ,

и передъ ними тотчасъ выросли грамотѣи, горячіе патріоты и проповѣдники изъ молодежи, которые читали безграмотному люду любимую всѣми газету «Зорю Галицкую». Народъ радовался и со слезами слушалъ свое родное слово. Враги русинъ косо смотрѣли на популярную газету и старались доносами заставить правительство закрыть ее. И ненависть враговъ, и любовь народа къ этой газетѣ понятны: въ ней высказывались требованія, желанія и надежды народа, въ разумныхъ и популярныхъ очеркахъ давали селянину совѣты, какъ слѣдуетъ дѣйствовать при новомъ порядкѣ вещей, какимъ образомъ устроить поземельную собственность, чтобы оградить ее отъ произвола богатыхъ помѣщиковъ и властей, давали предостереженія, когда ему грозила какая нибудь опасность, появились и стихотворенія, проникнутыя истиннымъ чувствомъ любви къ народу и ненавистью къ панщинамъ, какъ къ самому страшному злу, тяготѣвшему надъ массамаи.

«Ой ты, Зоро Галицка! якожесь намъ ясна!

Такесь красно засвѣтила, ажъ панщина згасла»...

Въ другомъ стихотвореніи разсказывается о побѣгѣ панщины. Вкратцѣ содержаніе его можно передать такъ: «Свобода загнала панщину въ лѣса и дебри, чтобы она совсѣмъ тамъ пропала. Паны пустились за панщиной въ погоню и упрашиваютъ ее вернуться назадъ. Не знали мы, говорятъ они, что такъ тяжело добывать хлѣбъ своимъ трудомъ: мы не умѣемъ молотить, наши жены жать... не на что намъ теперь ходить въ кофейни, нечего проигрывать!...»

Но эта конституціонная свобода русинъ продолжалась недолго. Поляки, всегда старавшіеся выставить передъ австрійскимъ правительствомъ сочувствіе русинъ къ Россіи, какъ государственную измѣну, теперь вполне успѣли въ этомъ. Въ концѣ 1848 г. намѣстникомъ Галиціи былъ назначенъ ярый полякъ и ненавистникъ русинъ, графъ Залѣскій. Его стараніями въ какіе-нибудь два мѣсяца во всѣ среднія учебныя заведенія восточной (русской) Галичины былъ введенъ польскій языкъ, который и сталъ считаться единственнымъ официальнымъ языкомъ. Однако, на счастье русинъ, въ 1849 г. этотъ графъ Залѣскій былъ отрѣшенъ отъ должности. Послѣ него мѣры, принятыя имъ, немедленно упраздняютъ, положеніе русинъ опять нѣсколько облегчено, но не надолго. Намѣстникомъ Галичины назначаютъ графа Голуховскаго, и съ его вступленіемъ начинается новый печальный періодъ, названный русинами *голуховщицкою*. Графъ Голуховскій, истый полякъ и воспитанникъ іезуитовъ, поставилъ себѣ главной задачей, во что бы то ни стало, во 1-хъ задуть въ Галичинѣ все русское, во 2-хъ возвысить значеніе и матеріальный бытъ шляхты, чтобы тѣмъ прочнѣе утвердить въ странѣ польскій элементъ и, наконецъ, въ 3-хъ нажить себѣ огромное состояніе. Онъ понималъ, что знаменемъ русинской народности служить родной языкъ, и употребилъ все свое вліяніе, чтобы опять сдѣлать его исключительно языкомъ мужицкимъ, а въ школы и въ администрацію ввести языкъ польскій. Для этого онъ началъ исподоволь вытѣснять изъ гимназій русскій языкъ. Онъ представилъ правительству, что распространеніе русскаго языка можетъ быть для него дѣломъ въ высшей степени опаснымъ, такъ какъ въ скоромъ будущемъ это дастъ возможность воспитать множество приверженцевъ Россіи, а слѣдовательно враговъ Австріи. Ему повѣрили, и въ 1852 г. было предписано не считать впредь въ гимназіяхъ Галичины русскій языкъ обязательнымъ. Въ слѣдующемъ году Голуховскій представилъ вѣнскому министерству, что русины, разрабатывая этимологию галицко-русскаго языка, стремятся слить свое нарѣчіе съ чисто-русскимъ, что опять-таки угрожаетъ правительству немаловажною опасностью. Это представленіе встревожило правительство тѣмъ болѣе, что на востокъ ожидали кровопролитной войны и Австрія готовилась къ разрыву съ Россією. Вслѣдствіе этого графъ Голуховскій былъ уполномоченъ дѣлать все, что онъ найдетъ нужнымъ, чтобы только прекратить въ Га-

личинѣ всѣ движенія въ пользу Россіи и уничтожить въ русинахъ симпатію къ этой странѣ. Всевозможныя стѣненія, которыя Голуховскій немедленно ввелъ во всѣ сферы жизни и дѣятельности русинѣ, заставили ихъ въ 1854 г. закрыть свой клубъ въ Львовѣ; печать совсѣмъ замолчала; русскій языкъ въ школахъ стали преподавать не русишъ, а поляки, часто вовсе незнакомые съ нимъ; но всѣ эти мѣры казались Голуховскому еще недостаточными. Русины печатали свои сочиненія кириллицею, — теперь и это было воспрещено: Голуховскій изобрѣлъ особую азбуку и ввелъ ее въ школы. Мпожество учителей, писателей, священниковъ и патріотовъ были сосланы, удалены съ занимаемыхъ ими постовъ или заключены въ тюрьмы, все изъ-за одного, часто ни на чемъ не основаннаго подозрѣнія въ неблагонадежности, т. е. въ сочувствіи къ Россіи. Даже дѣтей выключали изъ школъ, когда ихъ сочиненія, по мнѣнію ревизоровъ, были проникнуты тѣмъ же направлеціемъ. Но Голуховскій не успѣлъ довершить начатаго имъ дѣла, такъ какъ былъ отозванъ въ Вѣну и назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1860 г. была дарована новая конституція, и Австрія принялась снова за либеральныя реформы. Въ одинъ годъ успѣли упразднить все, сдѣланное Голуховскимъ. Въ 1861 г. было издано распоряженіе, чтобы русскій языкъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ преподавался на прежній ладъ и чтобы печатаніе русскихъ учебниковъ латинопольскою азбукою было оставлено; въ это время получено было также дозволеніе издавать политическую газету «Слово». Польскій языкъ, употребляемый до сихъ поръ въ обществѣ даже многими русинами, особенно по городамъ, сталъ замѣняться теперь народнымъ языкомъ. Въ это время былъ открытъ русскій клубъ и театръ. Въ одной изъ львовскихъ гимназій всѣ предметы начали преподавать на русскомъ языкѣ и въ львовскомъ университетѣ учредили двѣ каѳедры съ русскимъ языкомъ. Но послѣ 1865 г. для русинѣ опять наступаетъ реакція, новый рядъ гоненій и преслѣдованій, которыя показали имъ особенно тяжелыми, такъ какъ мысль и народное самосознаніе вѣрили съ каждымъ счастливымъ для нихъ періодомъ: это было вторичное назначеніе Голуховскаго въ намѣстники Галичины. Еще до его пріѣзда стала ходить по рукамъ пѣсенка: «ѣдетъ, ѣдетъ Голуховскій, ѣдутъ польски паны и везутъ для Руси нашей новые кандалы». И дѣйствительно, тотчасъ по вступленіи онъ заковалъ русинѣ въ польскіе кандалы. Прежняя политика ссылокъ, доносовъ, отрѣшеній отъ должностей русинскихъ дѣятелей, учителей и профессоровъ, вытѣсненіе изъ народныхъ школъ и учебныхъ заведеній русскаго языка, ополченіе русскихъ галичанъ, — все это практиковалось и во второй періодъ *голуховщины*, но еще съ большимъ цинизмомъ, безпощадностью и грубостью.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 1868 года, когда Голуховскій оставилъ свой постъ, послѣ чего опять введены были мѣры, которыми старались залѣчить раны, часто даже неизлѣчимыя; опять насталъ періодъ, когда русины могли вздохнуть болѣе свободно, но и въ настоящее время имъ осталось многого желать: они до сихъ поръ еще не имѣютъ на сеймѣ, гдѣ рѣшаютъ самыя важныя народныя и государственныя дѣла, одинаковыхъ правъ съ поляками. Хотя они составляютъ болѣе половины населенія Галичины, но, не смотря на это, они имѣютъ на сеймѣ самое, сравнительно съ поляками, ничтожное число голосовъ. Они представляютъ меньшинство и во всѣхъ другихъ областныхъ учрежденіяхъ, меньшинство и въ вѣнскомъ государственномъ совѣтѣ — рейхсратѣ. Въ верхней палатѣ этого совѣта поляковъ 12 ч., а русинѣ только одинъ. Такая несправедливость даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Какъ львовскій сеймъ, такъ и окружныя сеймы всѣ вопросы обыкновенно рѣшаютъ большинствомъ голосовъ, и потому русинамъ, вездѣ имѣющимъ небольшое число голосовъ, чрезвычайно рѣдко удается провести какое нибудь дѣло, имѣющее для нихъ громадное значеніе, если только не по-

желаютъ этого поляки. Питая къ русинамъ и въ настоящее время такую же непримиримую ненависть, какъ и прежде, и до сихъ поръ не переставая желать стереть съ лица земли ихъ народность, они своимъ перевѣсомъ на сеймахъ вредятъ ихъ самымъ законнымъ и скромнымъ требованіямъ. Мало того, они относятся даже къ русинскимъ представителямъ такъ пренебрежительно и высокомерно, что часто не выслушиваютъ ихъ заявленій и доказательствъ. Чтобы подкрѣпить сказанное, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ сеймовыхъ засѣданій.

Въ 1865 г., 1-го декабря, совѣщаніе шло о томъ, на какомъ языкѣ сеймъ долженъ составлять свои опредѣленія и на какомъ печатать областные законы. Одинъ изъ польскихъ депутатовъ предложилъ признать официальнымъ языкомъ областныхъ учреждений—польскій языкъ, такъ какъ, по его словамъ, «въ Галичинѣ не существуетъ другаго народа кромѣ польскаго...» Депутаты русинъ отвѣчали на это требованіемъ, чтобы на основаніи равноправности, дарованной имъ конституціею, сеймъ призналъ языками областного законодательства по крайней мѣрѣ одинаково, какъ польскій, такъ и русскій. Но такъ какъ въ засѣданіи было большинство поляковъ, то они безъ церемоній заявили, что они и слышать не желаютъ объ этомъ, тотчасъ прекратили совѣщаніе и рѣшили немедленно перейти къ очереднымъ дѣламъ. Такимъ образомъ русинскимъ депутатамъ не дали долѣ высказывать своихъ мнѣній, и на засѣданіи сейма въ слѣдующемъ году, на которомъ совѣщаніе шло о томъ же предметѣ, большинствомъ голосовъ было рѣшено признать официальнымъ языкомъ областныхъ учреждений польскій языкъ, а русинамъ предоставить право переводить акты на свой языкъ.

Въ 1866 году на сеймѣ обсуждалось дѣло о выдачѣ пособія русскому театру во Львовѣ. Прежде въ этой столицѣ галицкой Руси существовали только нѣмецкій и польскій театры; тотъ и другой поддерживались на пособія, выдаваемые изъ областного фонда. При этомъ нужно замѣтить, что русины ежегодно вносятъ въ этотъ областной фондъ болѣе двухъ третей, а именно 244,000 рубл., а всѣ остальные націи, вмѣстѣ взятыя, только 109,200 руб. Когда было разрѣшено открыть во Львовѣ русскій театр, русины внесли требованіе, чтобы изъ фонда выдали бы пособіе и русской сценѣ, хотя въ размѣрѣ около 3,000 руб. въ годъ. Кромѣ того они тутъ же заявили, что согласны при этомъ возвысить пособіе въ 4,200 рубл., выдаваемое польской сценѣ, до 6,000 руб. Хотя русины привыкли получать отказы на самыя законныя и скромныя свои требованія, но тутъ всѣ они были увѣрены въ успѣхѣ, — однако и въ этомъ они жестоко обманулись. Большинство голосовъ на сеймѣ было отказано русинамъ и въ этомъ требованіи.

Жизнь русинъ въ настоящее время носитъ тотъ же характеръ. Какъ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, такъ и теперь, они попрежнему тщетно мечтаютъ объ автономіи; для этого они желаютъ раздѣленія Галичины на двѣ части: на русскую и польскую съ двумя отдѣльными сеймами. Но едва ли скоро добьются они отдѣльнаго сейма, раздѣленія Галичины на двѣ половины и освобожденія отъ польскаго сеймоваго большинства. Еще и теперь австрійское правительство, отъ времени до времени, то находитъ нужнымъ болѣе благосклонно относиться къ нимъ, то отдаетъ ихъ на жертву полкамъ. Выборная борьба между русинами и поляками продолжается и понынѣ. Въ Іюнѣ 1883 года, на съѣздѣ, на которомъ всѣ сословія русинъ имѣли своихъ представителей, многіе подавали мнѣніе о необходимости русинскимъ депутатамъ выйти изъ сейма, такъ какъ его до сихъ поръ можно считать исключительно «шляхетскимъ», беззавонія на выборахъ остаются въ прежней силѣ, мнѣнія ихъ мало принимаютъ во вниманіе и къ нимъ попрежнему относятся неуважительно. Рѣчи, произнесенныя при этомъ, показываютъ, какъ много между ними недовольныхъ нынѣшними порядками, и характерно ря-

сують причины недовольства, почти неизмѣнившіяся за послѣднее десятилѣтіе. «Въ принципѣ», говорилъ одинъ ораторъ, «русины, конечно, пользуются такими же правами, какъ другія народности, но на дѣлѣ они подвергаются всевозможнымъ притѣсненіямъ. Начать съ того, что число представителей русинскаго народа въ рейхсратѣ и сеймѣ далеко не соотвѣтствуетъ численности русинскаго населенія. Къ тому же выборы сопровождаются злоупотребленіями, которыя сильно вредятъ самымъ жизненнымъ интересамъ русинскаго народа». Другой ораторъ говорилъ о полномъ и совершенномъ разореніи русинскихъ крестьянъ и объ исчезновеніи мелкой поземельной собственности. «Крестьянское имущество продается съ молотка всюду и у громаднаго большинства хлопцовъ, потому что они не въ состояніи платить земскихъ повинностей, увеличивающихся съ каждымъ годомъ, благодаря расходамъ, которые такъ щедро ассигнуются польскимъ большинствомъ сейма на предметы роскоши. Бюджетъ края—наглядное доказательство несправедливаго отношенія сейма къ русинскому народу. На духовныя потребности послѣдняго ассигновано всего 7,500 гульденовъ, т. е. семидесятая доля суммы, которая идетъ ежегодно на удовлетвореніе духовныхъ потребностей поляковъ. Сеймъ вообще поставилъ себя цѣлью шеголять роскошью, на общественныя же нужды онъ обращаетъ мало вниманія. Милліоны расходуются на постройку роскошнаго дворца сейма или на банкъ, который служитъ только для поощренія расточительныхъ инстинктовъ польской шляхты, мелкой же поземельной собственности это не приноситъ ровно никакой пользы. Затѣмъ общественныя суммы расходуются на сооруженіе памятниковъ національныхъ польскихъ героевъ, на покупку картинъ польскихъ художниковъ и т. п. Зато на исправленіе путей сообщенія ассигнуются только гроши».

«Русины», говорилъ другой ораторъ, «не требуютъ ничего чрезвычайнаго, неосуществимаго, противузаконнаго; они желаютъ только, чтобы поляки отвели подобающее русинскому народу мѣсто. Но поляки этого не желаютъ; они хотятъ сохранить за собою первенствующую роль, а потому не только всячески притѣсняютъ русинъ, но, когда послѣдніе осмѣливаются возвышать голосъ, громко обвиняютъ ихъ въ государственной измѣнѣ. Дарованныя русинамъ права, благодаря которымъ они должны были пользоваться такими же выгодами, какъ прочія національности, входяція въ составъ имперіи, все еще остаются мертвою буквою. На справедливыя жалобы русинъ имъ отвѣчаютъ: обращайтесь съ своими жалобами въ сеймъ. Но вѣдь громадное большинство сейма состоятъ изъ поляковъ! Русины—консервативный, смиренный народъ, который къ демонстраціямъ прибѣгаетъ очень неохотно. Но теперь мы должны заявить, что чаша нашего терпѣнія переполнена».

Въ заключеніе, на этомъ съѣздѣ русинскихъ представителей было выработано нѣсколько резолюцій. Въ одной изъ нихъ они настаиваютъ на исполненіи закона, предписывающаго, чтобы въ восточной Галичинѣ чиновники были знакомы съ русинскимъ языкомъ. Далѣе они просятъ отмѣнить постановленіе намѣстника, которымъ предписывается, чтобы представляемыя въ присутственныя мѣста бумаги на русинскомъ языкѣ были писаны латинскимъ алфавитомъ, а не кириллицей.

Этотъ неправильный ходъ исторической жизни русинъ, эта непослѣдовательная политика австрійскаго правительства, при которой то, что дозволено сегодня, завтра подвергается жестокому преслѣдованію, имѣло дурное вліяніе на многія стороны умственнаго и нравственнаго развитія русинскаго народа. Однимъ изъ главныхъ препятствій, сильно тормозящихъ ихъ умственное развитіе, слѣдуетъ считать отсутствіе вполнѣ установившагося литературнаго языка. Галицко-русскіе писатели образовали особенный письменный языкъ, представляющій смѣсь церковно-славянскаго съ велико- и мало-русскимъ; кромѣ того, какъ въ его конструкціи, такъ и въ употребленіи словъ, осталось

много слѣдовъ польскаго владычества; если выкинуть изъ него польскія слова, выраженія и обороты, онъ сильно напоминаетъ тогда языкъ нашихъ лѣтописей. Говорятъ русины по малорусски, западнымъ нарѣчіемъ, болѣе близкимъ къ нашему книжному языку, чѣмъ украинскій, но и въ разговорномъ языкѣ полонизмы на каждомъ шагу. Между книжнымъ языкомъ венгерскихъ и галицкихъ русинъ существуетъ нѣкоторое различіе; книга, изданная въ Галиціи, часто поражаетъ пестротой языка, смѣсью областныхъ говоровъ съ полонизмами; въ книгѣ, вышедшей въ Венгріи, языкъ гораздо чище и ближе къ русскому.

Какъ ни печально прошлое и настоящее русинъ, тѣмъ не менѣе за послѣдніе 30—40 лѣтъ они сдѣлали значительные успѣхи въ образованіи и общественной жизни. Хотя и теперь еще официальное значеніе русинской народности въ Галичинѣ слабо, польскій языкъ господствуетъ въ судахъ и въ высшихъ школахъ, но все же въ сельскихъ школахъ и даже въ гимназіяхъ народный языкъ русинъ прочно занялъ свое мѣсто. Онъ получилъ доступъ не только въ школы, но на немъ уже болѣе не стыдятся разговаривать и въ порядочномъ обществѣ. Въ львовскомъ университетѣ нѣкоторые предметы читаютъ на русскомъ языкѣ. У русинъ существуетъ теперь свой театр. Австрійское правительство даетъ въ настоящее время несравненно болѣе, чѣмъ прежде, свободы печати и образованію различныхъ обществъ и сходовъ, а слѣдовательно допускаетъ болѣе простора для умственной и общественной жизни народа. Литература русинъ сдѣлала большіе успѣхи, необыкновенно увеличился интересъ къ чтенію; число печатныхъ органовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подписчиковъ на нихъ увеличилось за послѣдніе 10 лѣтъ болѣе чѣмъ въ четыре раза. Правда, общественные дѣятели русинъ—бѣдняки, но эти бѣдняки образовали нѣсколько литературныхъ обществъ, издають сборники, спеціально посвященный наукамъ. Собственными средствами и вліяніемъ на народъ, который отдавалъ имъ послѣдніе гроши, они создали «Народный Домъ», этотъ памятникъ горячаго народнаго патріотизма, которымъ могъ бы гордиться и народъ болѣе свободный, богатый и просвѣщенный. Въ этомъ «Народномъ Домѣ» уже существуетъ библіотека, состоящая изъ 10,000 сочиненій; музей, наполненный всякаго рода древностями Галичины, 8-ми-классная русская гимназія, 4-хъ-классное народное училище, пригготовительные курсы для учителей народныхъ школъ, бурса, въ которой до 30 бѣдныхъ русинскихъ учениковъ имѣють даровой столъ и квартиру. Въ настоящее время русины имѣють и нѣсколько газетъ.

Какъ бы ни были скромны всѣ эти успѣхи, они все-таки очень быстры для народа, еще недавно столь угнетеннаго, и причиною этого явленія мы считаемъ не только конституцію страны, которая, какъ мы видѣли, для русинъ остается часто только на бумагѣ, но весь складъ западно-европейской жизни, съ выработанными ею правами и учрежденіями.

Религія русинъ, ихъ церкви и духовенство.—Галиційскіе евреи и ихъ значеніе въ странѣ.—Экономическое положеніе народа.

Русины исповѣдуютъ греко-католическую, такъ называемую униатскую вѣру, или, лучше сказать, смѣсь православія съ латинствомъ *) (за исключеніемъ 200,000 душъ въ Буковинѣ, исповѣдующихъ православіе). Католики уже изстари стремились заста-

*) Въ 1881 г. народонаселенія въ Галичинѣ считалось 5.687,324 души. По вѣроисповѣданію оно распределяется слѣдующимъ образомъ: греко-униатовъ 2.550,000, римо-католиковъ 2.400,199, протестантовъ 37,125, евреевъ 700,000.

вить православныхъ переѣхать свою вѣру на католическую. Съ простымъ народомъ, который твердо держался вѣры своихъ отцовъ, было въ этомъ отношеніи труднѣе сладить, чѣмъ съ высшими классами, легко соблазняемыми привилегіями католиковъ. Когда ксендзы и іезуиты никакими средствами не могли принудить его принять католичество, они употребляли всѣ усилія, чтобы заставить русинъ переѣхать православіе хотя бы на унию. Такое стремленіе ксендзовъ естественно: униаты точно такъ же, какъ и католики, признаютъ главенство папы и многіе обряды католической церкви. Однимъ словомъ, католики смотрятъ на унию, какъ на переходный мостъ къ латинству, какъ на религію переходную, послѣдователей которыхъ легче переманить въ католичество. И это вѣрно: униату легче, чѣмъ православному, перейти въ католичество, такъ какъ онъ признаетъ главный догматъ этой религіи — непогрѣшимость папы и привыкъ ко многимъ обычаямъ католической церкви. Языкомъ церкви униатовъ служитъ ихъ родной языкъ, а у католиковъ — латинскій; въ этомъ и состоитъ главное различіе между католиками и униатами. Лишь богослужебный языкъ представляеть преграду для введенія латинства. Вотъ почему католики всегда такъ противились расширенію правъ народнаго языка русинъ.

Внѣшній видъ галицко-русскихъ церквей имѣетъ много сходства съ нашими православными церквами въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ кievской и волынской губерніяхъ. Онѣ почти всѣ деревянныя, съ тремя или пятью главами, украшенными желѣзными крестами; но самые кресты напоминаютъ скорѣе латинскіе, чѣмъ греческіе. Внутри храма, какъ и у насъ, — иконостасъ съ царскими и боковыми вратами. Богослуженіе совершается по греческому уставу, но съ примѣсью католическихъ пріемовъ: царскія врата не закрываются во время всей обѣдни. При входѣ въ церковь стоятъ святая вода, и въ нее вступающіе въ храмъ обыкновенно обмакиваютъ пальцы. Крестятся чрезвычайно странно, перстосложенія у нихъ не существуетъ: руку согнуть крючкомъ и этимъ крючкомъ опишутъ передъ собою кругъ. Не смотря на свою набожность, въ церковь входятъ съ узлами и корзинами. Тотъ, кому приходится причащаться, откладываетъ въ сторону свои узелки и котомки и становится на колѣни передъ царскими вратами. При выходѣ съ дарами звонятъ въ колокольчикъ, — это тоже обычай чисто католическій. У католиковъ богослуженіе совершается на латинскомъ языкѣ, непонятномъ большинству молящихся, поэтому и введены звонки, которые должны напоминать имъ, когда слѣдуетъ падать на колѣни. Но русинскій народъ хорошо понимаетъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ и нѣтъ никакой надобности напоминать ему, что онъ долженъ дѣлать при извѣстномъ священнодѣйствіи. Съ тѣхъ поръ какъ въ русинахъ стало развиваться чувство національнаго самосознанія, они все болѣе стремятся уничтожить обряды, привитые имъ католичествомъ, и возвратиться къ восточному обряду. Особенно этотъ колокольчикъ служить у нихъ предметомъ всеобщей ненависти. «Было бы намъ только позволено», говорятъ они, «завтра же церковь наша ничѣмъ не отличалась бы отъ православной».

Органы въ русинскихъ церквахъ почти нигдѣ не встрѣчаются; проповѣдуютъ только на галицко-русскомъ языкѣ; гимны поютъ церковно-русскіе. Многіе православные святые: какъ Владиміръ, Борисъ, Глѣбъ и др. почитаются и у русинъ.

Богослужебныя книги у нихъ тѣ же, что и въ православной церкви, но самое главное различіе состоитъ въ томъ, что вмѣсто синода вездѣ упоминается папа. Въ эктеніяхъ его имя произносятъ прежде имени императора. Бѣда, если найдутъ богослужебную книгу московскаго изданія, — на такого при удобномъ случаѣ сдѣлаютъ доносъ, какъ на челоуѣка, сочувствующаго Россіи, какъ на пропагандиста, мечтающаго объ отложеніи русинъ отъ Австріи. Русинскія богослужебныя книги печатаются во Львовѣ и нѣкоторыхъ другихъ австрійскихъ городахъ.

Священныя облаченія русинскаго духовенства и церковная утварь имѣютъ много сходства съ православными, хотя и здѣсь замѣтно вліяніе латинства. Цвѣтныхъ подрясниковъ русинскіе священники не употребляютъ, а только бѣлые. Но что особенно поражаетъ православнаго челоуѣка, такъ это то, что у русинскихъ священниковъ волосы не падаютъ съ плечъ, какъ у нашихъ, а обстрижены подъ гребенку, борода сбрита.

Вся жизнь русинскаго народа, всѣ его интересы вертятся около церкви, и духовенство имѣетъ громадное вліяніе на народъ, пользуется его любовью и уваженіемъ. Духовенство—единственный интеллигентный классъ; ученые, писатели, общественные дѣятели въ громадномъ большинствѣ все изъ духовенства. Русинскіе священники—горячіе патріоты, люди, отдающіе послѣдній грошъ на народное дѣло, истинные друзья народа.

У русинъ существуетъ три класса: духовенство, простой народъ и мѣщане; но классъ мѣщанъ самый незначительный и, кромѣ своей нѣсколько лучшей одежды, ничѣмъ не отличается отъ народа; поэтому здѣсь и сложилась поговорка, что русиномъ можетъ быть только «попъ да хлопъ». Въ послѣднее время впрочемъ началъ слагаться и новый классъ людей образованныхъ, но онъ еще меньше чѣмъ классъ мѣщанъ и, такъ сказать, только начинаетъ нарождаться. Громадное же большинство болѣе или менѣе образованныхъ молодыхъ людей, какъ прежде, такъ и теперь, идетъ въ духовное званіе.

Изъ предъидущаго очерка мы уже знаемъ, что русины и въ настоящее время, хотя и менѣе чѣмъ прежде, подавлены поляками; судебныя и административныя должности преимущественно заняты ими. Русинъ только въ исключительныхъ случаяхъ и съ большимъ трудомъ можетъ получить какое-нибудь мѣсто и легко, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, теряетъ его. Ему издавна оставалось только духовное званіе, тѣмъ болѣе что при этомъ онъ могъ получить хотя нѣкоторое образованіе. Для лицъ, предназначающихъ себя для духовнаго званія, тутъ существуютъ семинаріи и богословскій факультетъ въ университетѣ, гдѣ многіе юноши воспитываются даромъ, на капиталъ, основанный еще Іосифомъ II и полученный отъ продажи имуществъ упраздненныхъ монастырей. Воспитываться въ университетѣ на другихъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, уже нужно на свой счетъ, а для этого русинъ слишкомъ бѣденъ, да къ тому же по окончаніи курса молодому челоуѣку очень трудно найти какое нибудь соотвѣтственное мѣсто или занятіе,—вотъ онъ и рѣшается служить своему народу въ званіи священника. Къ этому также побуждаетъ молодежь и общее уваженіе, которымъ пользуется духовенство, и роль защитника угнетеннаго народа, пропагандиста своей національности, наконецъ даже мученическіе вѣнцы, которые стяжали многіе страстные дѣятели. Честная молодежь, здѣсь, какъ и вездѣ, жаждетъ подвиговъ, и это тоже нерѣдко побуждаетъ весьма развитыхъ и образованныхъ молодыхъ людей предпочитать всему духовное званіе.

Русинское духовенство не ведетъ отшельническую, уединенную жизнь, а живетъ съ народомъ, хорошо знаетъ его нужды, характеръ и обычаи. Оно стоитъ за греческій обрядъ и не потому только, что къ нему крѣпко привязанъ народъ... Если бы правительству вмѣстѣ съ поляками удалось совсѣмъ уничтожить греческій обрядъ (чего они всегда такъ добивались), это было бы равносильно гибели русинской народности. Съ уничтоженіемъ греческаго обряда языкомъ церкви сдѣлался бы латинскій языкъ, а тогда русины легко забыли бы свой народный языкъ. Это и случилось съ тѣми изъ нихъ, которые перешли въ католицизмъ. Такимъ образомъ борьба за обрядъ тѣсно связана съ борьбою за языкъ, скажемъ болѣе, за существованіе русинской національности.

Положеніе русинскаго священника весьма незавидно: доходъ его не выше трехъ сотъ гульденовъ, считая въ этомъ и плату за требы; но и такую сумму можетъ получить только тотъ изъ нихъ, у котораго есть свой приходъ, помощникъ же приходскаго

священника имѣеть не болѣе полутора гильденовъ. Между тѣмъ ксендзы и въ матеріальномъ, и въ общественномъ отношеніи обставлены гораздо лучше. Они получаютъ свыше четырехъ сотъ гильденовъ, приняты въ самомъ лучшемъ обществѣ, чиновники относятся къ нимъ съ почтеніемъ. Тотъ же чиновникъ, который считаетъ за честь быть приглашеннымъ ксендзомъ, безъ церемоніи является въ домъ священника, какъ въ помѣщеніе болѣе для него комфортабельное, чѣмъ хата простолюдина, посылаетъ его за тѣмъ или другимъ нужнымъ для него лицомъ, командуетъ имъ, принимаетъ угощеніе, какъ должное. Священнику приходится все это выносить отъ чиновника, иначе онъ можетъ сдѣлать на него доносъ, лишить его семейство послѣдняго куска хлѣба. Не менѣе униженія ему приходится выносить и отъ ксендза, который всегда относится къ нему высокомерно, и отъ помѣщика (помѣщиками въ Галичинѣ бывають только поляки-католики), отъ котораго онъ уже вполне зависитъ. Каждая униатская церковь въ Галичинѣ имѣеть своего патрона въ лицѣ помѣщика: ему принадлежитъ право выбрать священника для церкви, которая находится въ его помѣстьи. Такой обычай даетъ помѣщику возможность всегда вліять на униатскую церковь, держать въ своихъ рукахъ приходскаго священника. Если вспомнить историческое прошлое русинъ, зависимое положеніе ихъ священниковъ и въ настоящее время, вліяніе, какое могутъ оказывать польскіе помѣщики на униатскую церковь, то будетъ вполне понятна латинизація ихъ богослужебныхъ обрядовъ. Тутъ уже удивляешься не тому, что къ ихъ богослуженію и обрядамъ привито такъ много католическаго, а тому, что народъ еще хранить такое сочувствіе къ старой вѣрѣ, не окончательно еще окатоличился.

Не смотря на малые достатки священника, въ его домикѣ господствуетъ чистота и порядокъ: всякая вещь на своемъ мѣстѣ, дѣти и жена чисто одѣты, дочь нерѣдко играетъ на фортепьяно, сынъ непремѣнно учится. Мало того, русинскій священникъ всегда первый, когда идетъ подписка на какое-нибудь народное предпріятіе: на театръ, бібліотеку, музей, на покупку какого-нибудь украшенія для храма. Этому умѣнью жить, этому порядку въ домѣ священникъ прежде всего обязанъ своей женѣ, прекрасной хозяйкѣ и непремѣнно страстной патриоткѣ.

Въ каждомъ русинскомъ селеніи среди выбѣленныхъ известкою хатъ вы непремѣнно замѣтите два зданія: церковь и корчму (кабакъ). Храмъ Спасителя и храмъ Вакха играютъ самую выдающуюся роль въ жизни русина: крестины, свадьбы, похороны отправляются поровну въ церкви и корчмѣ—іереемъ и евреемъ. Русинъ не только въ торжественныхъ случаяхъ обращается къ еврею: все его существованіе тѣсно слито съ нимъ. Онъ отнял у хлопа все, чѣмъ бы только тотъ могъ поддерживать свое существованіе, всѣ болѣе прибыльные заработки и доходныя статьи: извозъ, мельницы, пошесейныя заставы, продажа водки, хлѣба и всѣхъ предметовъ, даже ремесла—все это въ рукахъ евреевъ. Правда, русинскіе мѣщане тоже занимаются ремеслами, но это классъ самый малочисленный, такъ что громадное количество ремеслъ все-таки въ рукахъ евреевъ, а хлопь только земледѣлецъ. Когда онъ жалуется вамъ на бѣдность, на неурожай настоящаго года, а вы совѣтуете ему для увеличенія заработка взяться за какое-нибудь ремесло, онъ съ удивленіемъ посмотритъ на васъ: и отецъ, и дѣдъ его всегда занимались только земледѣльческими работами, — возможно ли ему пойти по новой дорогѣ? Бываетъ онъ иногда еще мельникомъ и винокуромъ, но и при этомъ вы никогда не увидите его хозяиномъ мельницы или винокурни, потому что, сколько онъ себя помнитъ, всегда и вездѣ хозяиномъ былъ и остается до сихъ поръ не русинъ, а еврей. Чтобы вы ни пожелали купить въ этой странѣ, хотя бы сѣна и овса, вы непремѣнно отыскиваете еврея, освѣдомляясь о немъ у крестьянина, у котораго можетъ быть и есть то, что вамъ необходимо. Но онъ такъ привыкъ самъ все продавать еврею и все покупать

исключительно у него, что и не предложить вамъ своихъ хозяйственныхъ сбереженій, а самъ отвезетъ къ еврею, которому онъ продаетъ все за безцѣнокъ, чтобы тотъ, въ свою очередь, нерѣдко на другой-же день, перепродалъ купленное въ два-дорога.

Галиційскіе евреи рѣзко выдѣляются между всѣми остальными евреями Германіи и Австріи своимъ невѣжествомъ, дикими суевѣріями, доходящими до фанатизма, полною обособленностію отъ народной массы и своею безпощадною эксплуатаціей. Эти столь несимпатичныя качества особенно рельефно выступаютъ у галиційскихъ евреевъ потому, что они принадлежатъ къ сектѣ *хасидовъ*. Хасиды заслужили ненависть не только людей всѣхъ національностей, съ которыми имъ приходилось сталкиваться, но и всѣхъ честныхъ евреевъ, непринадлежащихъ къ этой сектѣ, которые уже давно считаютъ хасидизмъ язвою еврейства.

Евреи бывшей Польши раздѣляются на *хасидовъ*, т. е. «благочестивыхъ», и «нехасидовъ» — противниковъ хасидизма. Хасиды отличаются отъ нехасидовъ тѣмъ, что придаютъ талмуду второстепенное значеніе, нѣкоторыми мелочами въ религиозныхъ обрядахъ, но болѣе всего вѣрой въ цадиковъ и ихъ чудодѣйственную силу. Цадикъ, или «добрый еврей», какъ его называютъ хасиды, — предметъ ихъ обожанія, идолъ, лицо, одаренное сверхъестественной силой. «Цадикъ можетъ все сдѣлать при помощи своей всемогущей молитвы, разумѣется только для того, кто въ него вѣруетъ, ему поклоняется. Его молитвѣ приписывается такая сила, что она можетъ измѣнить божескія опредѣленія. «Богъ опредѣляетъ, а цадикъ отмѣняетъ», говорятъ хасиды. Цадикъ находится въ постоянномъ общеніи съ сверхъестественнымъ міромъ, и потому для него открыта книга судебъ. Онъ свободно читаетъ въ будущемъ, которое и предсказываетъ вѣрующимъ. Онъ не ограниченъ ни пространствомъ, ни временемъ, ни вообще законами природы, которые такъ могущественно вліяютъ на судьбу обыкновенныхъ смертныхъ. Число такихъ чудодѣевъ въ настоящее время довольно значительно, и это нисколько не должно удивить насъ, ибо для того, чтобы достигнуть такой высокой ступени, вовсе не нужно большихъ или трудныхъ приготовленій. Самый обыкновенный и вовсе незатруднительный способъ попасть въ цадики, — это родиться отъ цадика-же. А какъ цадики размножаются довольно успѣшно, благодаря благопріятной обстановкѣ жизни, то нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что почти каждый городокъ, каждое мѣстечко имѣетъ своего цадика; въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ еврейскій міръ раздѣляется на нѣсколько партій, по принадлежности къ хасидамъ того или другаго цадика.

Но гораздо болѣе числа самихъ цадиковъ — число чудесъ, ими совершенныхъ. Чуть гдѣ сойдутся два хасида, разговоръ неминуемо сойдетъ на неизсякаемую тему святости цадиковъ и ихъ чудотворной силы, при чемъ каждый изъ собесѣдниковъ раскрываетъ богатый запасъ знаній по этому предмету. Изъ этихъ разсказовъ вы можете узнать, какую громадную роль играетъ цадикъ въ жизни своей паствы. Къ нему обращается хасидъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и невзгодахъ».

Что-бы хасидъ ни задумалъ сдѣлать, чѣмъ-бы онъ ни страдалъ, рѣшился ли онъ перемѣнить свое занятіе, жена-ли у него бесплодна, дѣти часто умираютъ или приходится отдать сына въ ученье, за всѣмъ онъ ѣдетъ къ своему цадикѣ съ подходящимъ приношеніемъ, и тотъ, удалившись въ свою каморку, молится за своего пациента и ожидаетъ, пока на него не сойдетъ наитіе; тогда онъ выходитъ къ нему и говоритъ, что съ нимъ случится и что тотъ долженъ дѣлать. Можно понять, каковы должны быть совѣты невѣжественнаго цадика, который провелъ всю свою жизнь въ обманываніи другихъ и самого себя, проникнутаго презрѣніемъ ко всѣмъ невѣрующимъ въ него, не имѣющаго никакого столкновенія съ внѣшнимъ міромъ!

Отличительной чертой всѣхъ евреевъ вообще, не принадлежащихъ къ сектѣ хаси-

довъ, служить страстное стремленіе къ образованію и глубокое уваженіе къ учености. Хасиды представляютъ въ этомъ отношеніи совершенную противоположность: это круглые невѣжды, которые съ ненавистью относятся къ образованію, развитію и всякой приличной внѣшности. Въ Галиціи они отличаются крайнею нечистоплотностію, неряшествомъ и возводятъ даже то и другое въ принципъ: ихъ одежда имѣетъ чрезвычайно грязный видъ, грудь открыта; уваженіе къ общественному приличію они считаютъ самоиѣніемъ, фатовствомъ. Свое неуваженіе къ формѣ хасиды доводятъ до полнѣйшаго презрѣнія къ грамматикѣ и орфографіи. Они не отличаются ни чувствомъ собственнаго достоинства, ни деликатностію по отношенію къ людямъ своей секты: они называютъ другъ друга «ты» не изъ чувства братства, а потому, что каждый изъ нихъ самъ сознаетъ, что быть хасидомъ — не великая честь, и въ этомъ «ты» такъ и слышатся слова: «не велика птица, такой-же хасидъ, какъ и я». Грубые, мрачные и суровые, они во время праздниковъ предаются необузданному пьянству, дикимъ пляскамъ и разгулу, — чѣмъ особенно отличаются отъ нехасидовъ, которые прославились своею умеренностію въ пищѣ, питьѣ и житейскихъ наслажденіяхъ.

Галиційскіе евреи-хасиды самые величайшіе изъ всѣхъ эксплуататоровъ въ мірѣ: они смотрятъ на русинъ какъ на свою добычу и жертву, которую сама судьба, вѣроятно за молитвы цадиковъ, бросила имъ въ руки, чтобъ выжать изъ нея всѣ соки, ободрать какъ липку. Здѣшніе евреи не только держатъ въ рукахъ промыслы и торговлю страны, но уже успѣли пріобрѣсти и земельную собственность. Въ какой бы городъ Галичины вы ни пріѣхали, васъ всюду осаждаетъ безчисленное множество евреевъ, на каждомъ шагу предлагая свои услуги что-нибудь купить, продать, отыскать, разузнать. Если у васъ есть деньги, вы совсѣмъ здѣсь можете не думать и не заботиться о себѣ, — за васъ все сдѣлаютъ и подумаютъ евреи. Они совсѣмъ убили въ странѣ національную промышленность и духъ предпримчивости — качество и безъ того рѣдкое у славянъ вообще, а у русинъ въ особенности. Да и трудно было развиваться этому качеству въ странѣ, гдѣ евреевъ живетъ болѣе 700,000 и при этомъ только въ одной восточной Галичинѣ ихъ около 500,000. Эта громадная армія, за исключеніемъ небольшого количества евреевъ-мастеровыхъ, ничего не производитъ, а живетъ буквально на счетъ мужика, развращая его корчмами и давая ему въ займы деньги по баснословно разорительнымъ процентамъ. Здѣшніе евреи все увеличиваютъ число кабаковъ и имѣютъ еще большую способность, чѣмъ въ Чехіи, заманивать въ нихъ податливыхъ русинъ. Слабохарактерный русинъ, оставивъ еврею послѣднее достояніе, начинаетъ забирать у него все въ долгъ, пока не попадаетъ къ нему въ полную кабалу, въ вѣчные поденщики буквально изъ-за куска черстватаго хлѣба. Когда правительство поняло, какое дурное вліяніе будутъ имѣть евреи на экономическое положеніе народа, оно издало предписаніе, запрещающее землевладѣльцамъ, подъ страхомъ огромнаго штрафа, сдавать корчмы въ аренду евреямъ. Но, какъ тогда, такъ и теперь, корчмы исключительно имъ отдаются въ аренду. Въ началѣ, когда вышло это предписаніе, евреи находили нужнымъ, хотя внѣшнимъ образомъ, соблюдать его и для этого продѣлывали такую комедію: когда окружной комиссаръ объѣзжалъ свой округъ для ревизіи кабаковъ (что происходило очень рѣдко и всегда было напередъ извѣстно), еврей за нѣсколько крейцеровъ нанималъ крестьянина, чтобы тотъ явился въ корчму продавать вино во время такого посѣщенія. И дѣйствительно, какъ только комиссаръ подѣзжалъ къ корчмѣ, еврей выходилъ изъ нея на часъ-другой, въ это время торговалъ нанятый хлопъ, а затѣмъ онъ немедленно возвращался и бралъ бразды правленія въ свои руки. Но теперь и это болѣе не требуется, и еврей самодержавно царствуетъ во всѣхъ корчмахъ Галиціи. Мы говорили выше, что онъ имѣетъ особенную способность спавать; хотя пьянство само по себѣ имѣетъ печаль-

ные результаты, но главное несчастье въ томъ, что изъ-за него русинъ попадаетъ въ рабство къ еврею. Тамъ, гдѣ селится нѣсколько евреевъ, быстро нищаютъ одна за другой цѣлыя деревни, между тѣмъ евреи, два-три года тому назадъ пріѣхавшіе въ то или другое мѣстечко нищими, владѣютъ нѣсколькими имѣніями.

Войдите въ деревенскую корчму, и въ комнатѣ, насквозь пропитанной дымомъ и чеснокомъ, вы всегда найдете еврея за своимъ дѣломъ: сидя за выручкой, окруженный штофами и шкаликами, онъ предлагаетъ услуги вошедшимъ, подбѣгаетъ къ окну и заманиваетъ проходящихъ. Въ темныхъ углахъ корчмы, въ боковушкахъ и пристройкахъ вы найдете складъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ: овесъ, ячмень, кукуруза, картофель, ленъ, пенька, куры, яйца, тулупы, кушаки, колеса, — все забралъ еврей за долгъ, все, что только было у несчастнаго хлопа. Когда деньги, хлѣбъ, одежда, скоть и вещи изъ домашняго обихода пропиты, тогда несчастный пропиваетъ свою пашню полосу за полосой. Галицкіе евреи не только эксплуатируютъ народъ по городамъ и селамъ, но пробрались даже въ Карпаты, гдѣ они безъ милосердія грабятъ довѣрчивыхъ горцевъ. Точно также и горцы, какъ и жители равнинъ, когда пропили еврея все имущество и запутались у него въ долгахъ, закладываютъ ему свое пастбище.

Такъ живетъ русинъ въ настоящее время подъ тройнымъ игомъ: поляковъ, евреевъ и австрійцевъ. Но этимъ еще не исчерпывается все безысходное горе этого несчастнаго народа. Крайне печальное его экономическое положеніе происходитъ также и отъ въ высшей степени неудовлетворительнаго способа освобожденія крестьянъ. Въ Галиціи, при уничтоженіи крѣпостной зависимости, помѣщики удержали исключительное право на лѣса и пастбища, съ обязательствомъ вознаграждать за это крестьянъ. Устройство дѣлъ и разборъ разныхъ недоразумѣній, естественно возникшихъ при новомъ положеніи между помѣщиками и крестьянами, были поручены особымъ комиссіямъ, состоявшимъ изъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ. Имъ предписано было заботиться прежде всего объ интересахъ народа; но такъ какъ важнѣйшія дѣла и должности въ государствѣ преимущественно были въ рукахъ состоятельнаго класса, т. е. поляковъ, то они и имѣли въ виду лишь выгоды помѣщиковъ. Нѣсколько лицъ, попавшихъ въ комиссію и искренно желавшихъ руководиться чувствомъ справедливости, мало понимали дѣло и еще меньше были знакомы съ нуждами народа. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ была устроена такая сдѣлка: помѣщики за свое исключительное право пользованія лѣсами и пастбищами должны выплачивать крестьянамъ денежное вознагражденіе, не превышающее 53 крейцеровъ въ годъ на семейство, а за строительный матеріалъ еще 22½ крейцера. Такимъ образомъ крестьянинъ за 75½ крейцеровъ (на наши деньги по нынѣшнему курсу 1 р. 6 к.) въ годъ уступилъ помѣщику всѣ пастбища и лѣса, а на эти деньги, какъ извѣстно, нельзя купить и двухъ строевыхъ деревьевъ. Вслѣдствіе этого крестьянинъ въ такихъ мѣстностяхъ не только не можетъ построить себѣ новую избу, но не можетъ даже согрѣться зимою, не прибѣгая къ помощи помѣщика. Онъ долженъ купить у него каждое дерево, а денегъ ему неоткуда взять, такъ какъ на той землѣ, которую онъ получилъ, онъ, какъ мы увидимъ ниже, часто совсѣмъ не можетъ вести свое небольшое хозяйство. А какъ ему пасти скотину, не имѣя пастбища? При этомъ поля и луга въ Галичинѣ не огорожены, скоть пасутъ дѣти: перешла корова или лошадь канаву, и неси плату за потраву, выкунай скотину. У хлопа, за самыми ничтожными исключеніями, совсѣмъ нѣтъ денегъ: за позволеніе пасти свою скотину у помѣщика, за рубку лѣса онъ уплачиваетъ своимъ трудомъ; для этого ему приходится такъ много работать, что въ большей части мѣстностей Галичины этотъ трудъ равняется прежней барщинѣ. Между тѣмъ, когда барщина была уничтожена, помѣщики получили вознагражденіе за потерянное право на обязательный трудъ

крестьянъ, а у послѣднихъ за это были повышены подати, такъ что они, сами не зная того, купили и свою свободу. Трудно перечислить всѣ статьи повинностей и поборовъ, которые имъ теперь приходится нести на своихъ плечахъ. Кромѣ поземельной и другихъ податей, кромѣ всякихъ земскихъ повинностей, крестьяне должны давать на постройку и содержаніе церквей и сельскихъ школъ. Всѣ эти сборы и налоги такъ велики въ настоящее время, что ихъ весьма часто приходится собирать не иначе, какъ продавая послѣднее достояніе крестьянина, послѣ чего онъ обыкновенно бываетъ вынужденъ выйти на большую дорогу просить милостыню; нерѣдко, при сборѣ податей, чиновники считаютъ нужнымъ привести и солдатъ для экзекуціи. Помѣщики послѣ уничтоженія крѣпостной зависимости не только удержали исключительное право на лѣса и пастбища, «но и многія другія права, тѣсно связанныя съ владѣніемъ землею, напримѣръ, право помола хлѣба (право имѣть водяныя мельницы исключительно принадлежатъ помѣщикамъ), право рыболовства въ рѣкахъ, орошающихъ крестьянскіе участки, и, наконецъ, право продажи вина: выходитъ, что помѣщики сохранили всѣ прежнія привилегіи, а крестьяне остались безъ пастбищъ, безъ лѣса и даже не получили права полной собственности на уступленные имъ земли».

Посмотримъ же теперь, каковы тѣ участки земли, которыми они пользуются. «Земельные участки, уступленные крестьянамъ, чрезвычайно малы: каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ не болѣе 15 морговъ (моргъ — почти $\frac{1}{4}$ десятины) на семейство. При этомъ нужно замѣтить, что земля въ Галиціи не вездѣ одинаково плодородна. По берегамъ рѣкъ грунтъ земли известковый, покрытый булыжникомъ и большею частью возвышенный, что, какъ извѣстно, затрудняетъ обработку. Богатства Галиціи составляютъ лѣса и пастбища; страна покрыта прекраснымъ лѣсомъ: букомъ, елью и смерекою (особый родъ сосны), но это богатство исключительно въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ. Также много горя крестьяне испытываютъ въ настоящее время отъ того, что надѣлъ землею былъ не личный, а посемейный; такимъ образомъ извѣстный участокъ отдавали не лицу, а семейству. Вслѣдствіе этого огромное число людей, не имѣвшихъ въ то время семейства, осталось навсегда бобылями, батраками, людьми безъ земли и крова. Такимъ образомъ, въ Галиціи уже тогда, т. е. вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостнаго права, образовался довольно значительный классъ пролетаріевъ, существовавшихъ поденною работою. Теперь этотъ классъ вслѣдствіе обнищанія селъ и деревень сильно увеличился и увеличивается съ каждымъ годомъ. Положеніе галицкихъ батраковъ ужасно: обыкновенно они нанимаются у помѣщиковъ и еще чаще у евреевъ въ качествѣ дворниковъ, фурмановъ, цѣловальниковъ. Тутъ также огромный классъ поденщиковъ: работника можно нанять въ день за 20 крейцеровъ на его харчакъ, а въ извѣстное время года вы всегда можете имѣть множество рабочихъ за кусокъ хлѣба. Хлопъ не можетъ и мало-мальски правильно обрабатывать свою землю: его крошечный участокъ разбитъ еще на безчисленное множество отдѣльныхъ, череполосныхъ дѣлянокъ. Часто полосы, на которыхъ разбитъ крестьянскій участокъ, до того ничтожныхъ размѣровъ, что крестьянину трудно на нихъ вернуться съ своимъ плугомъ. При этомъ эти полосы нерѣдко разбросаны въ разныхъ мѣстахъ; случается, что такой земледѣлецъ имѣетъ въ полѣ 76 сосѣдей.

Постоянно обремененные долгами, въ кабалѣ у еврея, здѣшніе крестьяне остались въ дѣйствительности такими же, какъ были, крѣпостными, хотя они давно уже и не считаются ими.

Русинскіе мѣщане и хлопцы: ихъ жизнь, занятія и одежда.—Внѣшній видъ дома и домашняя обстановка.—
Пища и характеръ народа.—Танцы въ корчмѣ и пѣсни.—Хороводы и игры въ праздникъ Пасхи.

Русины, какъ было говорено выше, дѣлятся на три сословія: духовенство, весьма немногочисленный классъ мѣщанъ или горожанъ, все остальное—громадное большинство, именно 83,5% — крестьянъ, прокармливающихся исключительно доходами отъ земледѣлія. Въ предыдущемъ очеркѣ мы познакомились съ положеніемъ духовенства и крестьянъ; теперь поговоримъ о мѣщанахъ.

Русинскіе мѣщане состоятъ по большей части изъ ремесленниковъ: сапожниковъ, кожевниковъ, гончаровъ, ткачей, мясниковъ и т. п. Живутъ они такъ же, какъ и крестьяне, и отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что носятъ одежду получше и, обрабатывая свои поля, въ то же время занимаются какимъ нибудь ремесломъ. Въ то время, какъ крестьяне даже и представить себѣ не могутъ, чтобы они могли взяться за ремесло, мѣщане изстари славятся ими. Одинъ городъ или мѣстечко славится своими сапожниками, другой—кожевниками, третій—мясниками, которые приготавливаютъ пользующіеся извѣстностью колбасы и окороки. Здѣсь искусные ткачи, приготавлиющіе полотно, скатерти и ковры; тамъ садовники, которые арендуютъ въ своей мѣстности сады и отправляютъ въ разныя страны какъ свѣжіе, такъ и сушеные плоды; много также кузнецовъ, каменщиковъ, рѣшетниковъ, рыбаковъ и др. Но самую громкую славу стяжали себѣ горшечники; горшки русинскихъ мѣщанъ отправляютъ даже за границу: галицкая Русь славится этимъ промысломъ уже издавна. Особенною популярностью пользуется ихъ глиняная муравленая посуда. Кромѣ того въ восточной Галичинѣ существуетъ четыре фаянсовыхъ завода; но на нихъ работаетъ не болѣе 300 человекъ. Занимаются своими ремеслами мѣщане обыкновенно всѣмъ семействомъ; при этомъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о какихъ нибудь современныхъ усовершенствованіяхъ: все идетъ у нихъ, какъ и при дѣдахъ. Однако, не смотря на первобытные приемы, многія издѣлія русинскихъ мѣщанъ весьма цѣнятся за границей, а ихъ ремесленниковъ, которыми славится тотъ или другой городокъ или мѣстечко, выписываютъ и поляки. Однимъ словомъ русинскіе ремесленники-мѣщане пользуются несравненно большимъ довѣріемъ и популярностью, чѣмъ еврей-ремесленники. Но такъ какъ классъ русинскихъ мѣщанъ вообще весьма незначителенъ, да и не всѣ они занимаются ремеслами, то, не смотря на все искусство ихъ издѣлій, все-таки всѣ промыслы въ Галиціи находятся преимущественно въ рукахъ евреевъ.

Мѣщане совершенно просто относятся къ крестьянамъ, не чванятся передъ ними своимъ званіемъ, не питаютъ къ нимъ ни ненависти, ни презрѣнія. Очень часто крестьяне женятся на мѣщанкахъ и наоборотъ. Выдать дочь за мѣщанина—мечта крестьянина, и это понятно: мѣщане народъ болѣе зажиточный, слѣдовательно дочь, вступивъ въ мѣщанское семейство, не будетъ голодать. Простой народъ съ уваженіемъ относится къ ремесленникамъ, и молодая дѣвушка охотибѣ всего выходитъ замужъ за мѣщанина. Не даромъ и въ народной пѣсни поется:

«Отдай мене, моя мати, ты за ремѣсничка:
Ремѣсничокъ, якъ паничокъ, ручка бѣленька,
Та николи ти не скажу: головко бѣдненька!»

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мѣщане стали уже одѣваться по европейски, но громадное большинство носить еще одежду предковъ. Не смотря на это, дать понятіе какъ о характерѣ ихъ одежды, такъ и о крестьянской—довольно трудно: въ каждомъ галицкомъ городѣ, въ каждой мѣстности особый покрой платья, различный цвѣтъ матеріи, и человекъ, долго прожившій въ странѣ, при первомъ взглядѣ на мѣщанъ и хло-

повь точно опредѣлить, гдѣ они живутъ. Но изъ какого бы города ни былъ мѣщанинъ, какъ бы ни была проста его одежда, вы все таки его тотчасъ отличите отъ хлопа: и сукно у него не самодѣльное, а въ лавкѣ купленное, и мѣхъ зимой подороже, и рубашка его всегда на столько тоньше и бѣлѣе, что она воспѣвается даже въ народной пѣснѣ:

«На немъ *кошуля* (рубашка) якъ бѣль бѣленька,
Якъ бѣль бѣленька, якъ листь тоненька».

Горожане-мѣщане уже издавна стремились во всемъ, особенно въ одеждѣ, подражать шляхетскому сословію. Это очень не нравилось спѣсивой шляхтѣ, и мы находимъ въ бывшей Польшѣ уже съ самаго начала XVII ст. рядъ предписаній, запрещающихъ мѣщанамъ то подъ страхомъ большаго штрафа, то ежегодной подати употреблять ту или другую матерію, драгоценности, дорогіе мѣха, шелковые пояса и т. п. Не смотря на это, какъ прежде, такъ и теперь, первое стремленіе городскихъ мѣщанъ, а въ особенности ихъ женъ, щегольнуть своимъ нарядомъ. Хотя разъ въ жизни превзойти польскую помѣщицу—вотъ мечта, ради которой каждая мѣщанка готова на всевозможныя жертвы.

Мѣщанинъ носить длинную по колѣна рубаху съ откладнымъ воротникомъ; рубака съ обшивками застегиваются пуговками или завязываются тесемками; подолъ рубашки запрятанъ въ штаны; шея повязана платкомъ и на немъ въ праздникъ блеститъ своею бѣлизной отложной воротничекъ рубашки. Станъ всегда опоясанъ широкимъ поясомъ съ пряжкой; пояса эти двойные, такъ что служатъ мѣшкомъ, въ который кладутъ деньги и мелкія вещи. Обычай носить поясъ очень древній: у нѣкоторыхъ еще и теперь сохраняются отъ предковъ литые пояса, золотканые и серебряные, а прежде ихъ можно было видѣть у многихъ. Въ тяжелые годы нужды и преслѣдованія мѣщане за безцѣнокъ продавали ихъ евреямъ, которые жгли ихъ для выплавки золота и серебра или въ свою очередь перепродавали полякамъ; послѣдніе и теперь нерѣдко щеголяютъ въ нихъ, выдавая ихъ за принадлежность своего древняго, національнаго костюма.

Лѣтніе холщевые штаны мѣщане замѣняютъ зимою суконными, въ большинствѣ случаевъ голубаго цвѣта (у нѣкоторыхъ желтые), съ карманами по бокамъ, украшенными суконной обшивкой другаго какого нибудь цвѣта; они всегда вложены въ голенища сапогъ. Сверхъ рубашки—жилетъ, застегнутый на пуговкахъ подъ самую шею.

Рубашка, штаны и жилетъ—домашній костюмъ; выходя со двора, каждый одѣваетъ еще *жупанъ* или *капоту*. Жупанъ—суконный кафтанъ ниже колѣна, съ узкою талію, обхватывающій станъ. Что ни городъ, то особый цвѣтъ жупана; но переднія полы его, обшлага рукавовъ у каждаго непременно подбиты сукномъ другаго цвѣта. На груди, по рукавамъ, по швамъ и около кармановъ жупанъ выложенъ шелковыми или шерстяными тесемками. Хорошіе жупанъ могутъ имѣть только зажиточные люди, и тѣ, которымъ удастся его приобрести, очень гордятся этимъ, поэтому въ народѣ и сложилась пословица: «убрався въ жупанъ, та гадае, що панъ». Кто не можетъ имѣть жупана, носить *капоту*, которая еще длиннѣе и просторнѣе жупана; въ немъ талія не такъ плотно прилегаетъ къ стану; сзади нѣсколько широкихъ складокъ. Какъ жупанъ, такъ и капоту всегда подпоясываютъ полосатымъ шелковымъ или бумажнымъ поясомъ, а богатые люди—золотканымъ. Поясомъ этимъ нѣсколько разъ обматываютъ талію и оба конца, обшитые бахромой, оставляютъ висѣть спереди. Въ зимнюю пору мѣщане надѣваютъ лисій полубубокъ или тулупъ изъ овчинъ, съ узкою талію, а многіе еще сверху тулупа набрасываютъ медвѣжью или волчью шубу, крытую зеленымъ сукномъ. Тотъ, кто не можетъ имѣть ни тулупа, ни шубы, подбиваетъ на зиму мерлушками капоту или жупанъ. Шапка—высокая мѣховая, изъ сѣрыхъ овчинъ;

съ суконнымъ верхомъ; лѣтомъ носятъ невысокія поярковыя шляпы съ широкими полями. Выходя изъ дому, каждый беретъ въ руки трость и въ карманъ непременно кладетъ цвѣтной носовой платокъ, безъ котораго дома легко обходятся. Прежде всѣ мѣщане подбрасывали волосы на головѣ, оставивъ на макушкѣ чубъ, теперь же обыкновенно стригутъ ихъ довольно коротко или подстригаютъ ровно, какъ спереди, такъ и сзади, причесываясь съ проборомъ; бороды у всѣхъ обриты, оставлены усы, а иногда небольшія бакенбарды.

Бѣлая кошуля (сорочка) женщинъ до пятокъ, но тонкое полотно поставлено только до поясицы; нижняя часть пришита изъ грубаго холста. Рукава, какъ и у мужчинъ, со сборками и обшивками на застежкахъ; у шеи откидной воротничекъ; обшивка у дѣвухъ завязана цвѣтною лентою, у женщинъ—снуркомъ или запонкою. Настоящія мѣщанки никогда не вышиваютъ своихъ рубашекъ, чѣмъ рѣзко отличаются отъ крестьянокъ, щедро украшающихъ свои рубашки шитьемъ. Сверхъ рубашки мѣщанки носятъ юбку, ежедневно—изъ полосатаго холста или изъ бумажной цвѣтной матеріи, въ праздникъ—шерстяныя и даже шелковыя. Поверхъ рубашки надѣваютъ корсажъ, стягиваемый на груди шнурками или пуговками; онъ плотно обхватываетъ талию и обыкновенно шитъ изъ матеріи другаго цвѣта. Поверхъ юбки, но короче ея и другаго цвѣта, повязанъ передникъ такой широкой, что заднія полы его сходятся другъ съ другомъ. Но самое большое значеніе мѣщанки придаютъ своему ожерелью—кораллу и тратятъ на него всѣ свои деньги. Чѣмъ больше нитокъ въ ожерельѣ, тѣмъ болѣе гордятся онѣ своимъ богатствомъ. У самой бѣдной никогда не бываетъ менѣе 5-ти, 6-ти нитокъ, а богатая навѣшиваетъ ихъ 15, 20 и болѣе, отъ шеи до самого пояса. На нитки нанизываютъ дукаты, т. е. монеты, у менѣе зажиточныхъ серебряныя вызолоченныя, у богатыхъ золотыя, у иной все состояніе ея семейства заключается въ этомъ ожерельѣ. Монеты искусно окружены обручками, выложены рубинами, сафирами, иногда даже брилліантами,—что встрѣчается конечно, очень рѣдко, такъ какъ женщина, имѣющая въ ожерельѣ три дуката, уже считается богатою, да и дукаты, усѣянные драгоценными камнями, попадаютъ теперь чрезвычайно рѣдко. Многія женщины, которымъ такое ожерелье перешло по наслѣдству, теперь носятъ эти дукаты безъ украшеній, хотя видны пустыя мѣста, гдѣ прежде блестѣли топазы, рубины, изумруды: молодому поколѣнію въ тяжкіе дни пришлось продавать еврейскіе эти драгоценности. Чтобы на бѣлой рубашкѣ лучше выдѣлялось ожерелье, корсажъ спереди обыкновенно вырѣзаютъ.

Когда мѣщанки отправляются въ церковь или въ гости, то сверху рубашки и корсажа надѣваютъ *катанку* (родъ кофты), съ широкимъ откиднымъ воротникомъ, станую по талии длиннымъ шелковымъ снуркомъ съ кистями. Эта катанка у женщинъ доходитъ до икръ и ниже, а у дѣвухъ она гораздо короче: ее дѣлаютъ изъ голубаго или сѣраго сукна, а также изъ шерстяной матеріи, богатые же изъ бархата и шелка. Обувью въ праздничные дни служатъ *черевички* (башмаки) и сапоги желтые или красные сафьянныя, а по буднямъ—черныя. Дѣвухи заплетаютъ волосы въ одну косу, вплетая въ конецъ ея ленту; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ онѣ заплетаютъ двѣ косы, обвиваютъ ихъ вокругъ головы, украшая ее вѣтками розмарина и цвѣтами искусственными или настоящими. Есть мѣстности, гдѣ мѣщанскія дѣвухи украшаютъ голову также и платкомъ, но тогда онѣ складываютъ его такъ узко, чтобы изъ подъ него виднѣлись косы. Замужнія женщины косъ не заплетаютъ: волосы у нихъ обыкновенно подстрижены и покрыты сѣткою, поверхъ которой одѣтъ цвѣтной платокъ; но его одѣваютъ не прямо на сѣтку, а подложивъ подъ него въ средину папку. Такимъ платкомъ голову пышно обертываютъ, опустивъ на спину, концы, и такой уборъ имѣетъ видъ турецкой чалмы, съ

тою разницею, что спереди изъ подъ него свѣшиваются на плечи вьющіеся, подстриженныя волосы. Въ зимнюю пору мѣщанки одѣваютъ мѣховыя шубы, крытыя голубымъ или зеленымъ сукномъ, а иногда и шелковою матеріею.

Моды не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на крестьянъ: все у нихъ до сихъ поръ осталось по старинному. Какъ прежде, такъ и теперь они носятъ одежду, приготовленную собственными руками, цвѣтъ, форма и покрій которой напоминаютъ самыя отдаленныя времена. Одежда жителей равнинъ отличается отъ той, которую носятъ горцы Карпатскаго хребта; есть нѣкоторая разница также въ одеждѣ русинъ венгерскихъ и русинъ галицкихъ, но всѣ они одинаково придерживаются старины. Они не только сами готовятъ матеріалъ для одежды, но обрабатываютъ и выдѣлываютъ его, сами прядутъ и врасятъ нитки, ткутъ полотна, сукна, пояса, затѣйливыми узорами вышиваютъ свои рубашки. Свою одежду народъ дѣлаетъ изъ холста, сукна, овчины, мѣха и кожи. Хозяинъ воздѣлываетъ землю и сѣетъ пеньку и ленъ, — всѣ остальные работы на рукахъ хозяйки и ея дочерей. Когда пенька готова, дѣвушки прядутъ ее, устраивая прялку, кудель и веретено приблизительно такъ, какъ это дѣлается и у насъ. Когда дѣвушка напряла полное веретено, она сматываетъ пряжу на мотовило. Въ сѣверо-восточныхъ округахъ Галичины мало хорошихъ пряхъ, но горы славятся ими. Это зависитъ прежде всего отъ того, что въ гористыхъ мѣстностяхъ лучше родится пенька и ленъ, а чистые горные потоки и ручьи даютъ возможность хорошо бѣлить полотна.

Всѣ пряхи сходятся вмѣстѣ въ какой-нибудь хатѣ попросторнѣй на *вечерниці*, а утромъ на *досѣтки*: весело болтая, всѣ усердно прядутъ, стараясь перещеголять другъ друга количествомъ и качествомъ работы; подъ конецъ ее бросаютъ для различныхъ игръ и забавъ.

Когда женщины спряли свою пряжу, ее несутъ ткачамъ, такъ какъ не въ каждомъ домѣ есть станокъ для тканья. За работу ткачу дѣвушки обыкновенно платятъ своею пряжей. Такихъ ткачей очень много по селамъ и мѣстечкамъ: они выдѣлываютъ холстъ, полотнца, скатерти.

Уборку льна женщины считаютъ самой пріятной работой. Это не то что пенька: не замараешь ни бѣлыхъ рукъ, ни сафьянныхъ черевичекъ. Для хозяйки нѣтъ больше гордости, нѣтъ больше удовольствія, какъ то, когда хорошо уродится ленъ: этому она радуется, кажется, болѣе, чѣмъ стогами хлѣба.

Кромѣ пеньки и льна народъ употребляетъ для одежды и сукно домашняго издѣлія: фабричное покупаютъ только для отдѣлки верхняго платья. Овцеводство развито болѣе въ горахъ, чѣмъ въ равнинахъ, но и тутъ каждый хозяинъ старается держать для домашняго обихода хотя нѣсколько штукъ овецъ. Въ обработываніи сукна женщины принимаютъ тоже большое участіе; онѣ стригутъ овецъ особенными ножницами, купленными въ своемъ селѣ у цыганъ. Шерстяную нитку прядутъ не только дѣвушки, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и паробки. Эта работа начинается послѣ полевыхъ работъ и продолжается всю зиму до весны; но горцы, которые не обрабатываютъ земли, прядутъ шерсть круглый годъ. Сукно выдѣлываютъ также домашніе ткачи; но пояса, рукавицы, шерстяныя ленты ткутъ и вяжутъ женщины.

Болѣе всего женщины славятся искусствомъ красить полотно, сукно и пряжу. Во всякомъ селѣ есть особыя женщины, спеціально занимающіяся этимъ дѣломъ и хранящія секретъ крашенія въ строгой тайнѣ. Только уже въ глубокой старости онѣ передаютъ этотъ секретъ дочери или внучкѣ. Третьимъ, не менѣе важнымъ матеріаломъ для одежды служатъ кожа, овчина и мѣха. Эти матеріалы готовятъ исключительно мужчинами и преимущественно горцами.

Земля, гдѣ живутъ *доляне* *), представляетъ небольшую возвышенность и равнину, отчасти песчаную, отчасти черноземную и суглинистую. Тутъ народъ преимущественно занимается земледѣльемъ, отчасти скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Въ низменныхъ и топкихъ мѣстностяхъ трудно разводить овецъ, — тамъ жители сѣютъ болѣе льна, пеньки, а потому и носятъ преимущественно полотняную одежду. Горцы держатъ большія стада овецъ и гораздо болѣе, чѣмъ доляне, носятъ одежду изъ сукна и шерсти. И не только матеріаль, изъ котораго народъ приготовляетъ себѣ одежду, но и ея покрой, форма и цвѣтъ сильно зависятъ отъ климата, почвы и географическаго положенія мѣстности. Здѣсь это особенно наглядно: горцы, которымъ приходится лазить по горамъ, носятъ болѣе короткое платье и легкія кожанныя башмаки, между тѣмъ какъ доляне привыкли къ длинной одеждѣ, ходятъ въ большихъ сапогахъ. Русины, живущіе по основнымъ борамъ песчаныхъ равнинъ, до сихъ поръ остались такими же лапотниками, какими они были испоконъ вѣка.

Нижняя крестьянская одежда въ равнинѣ имѣетъ большое сходство съ мѣщанской. У мужчинъ: бѣлая рубашка съ отглаженнымъ воротникомъ, рукава на обшивкахъ завязанные или застегнутые. Только у мѣщанина прорѣха рубахи застегнута, а у хлопа она длинная, до самаго живота, и изъ нея, даже зимою, видна загорѣлая грудь. Рубаху заправляютъ въ штаны, но ни шейныхъ платковъ, ни жилетовъ не носятъ; станъ перетянутъ цвѣтнымъ шерстянымъ поясомъ, къ которому спереди ремешкомъ прикрѣпленъ складной ножъ. Когда хлопъ выходитъ со двора, онъ сверху одѣваетъ длинный кафтанъ съ талією, называемый *сѣракъ* или *опанча*, т. е. кафтанъ болѣе длинный и просторный, чѣмъ сѣракъ. Сѣракъ и опанчу приготовляютъ изъ сукна, смотря по мѣстности, цвѣта чернаго, темно-коричневаго, бѣлаго, сѣраго и украшаютъ цвѣтными вышивками, оторочками и каймами. Сѣракъ сверху подпоясываютъ ремнемъ съ пряжками, опанчу, какъ одежду болѣе просторную, носятъ на-распашку, такъ что изъ-подъ нея видна рубашка, вложенная въ штаны и цвѣтной, шерстяной кушакъ. Въ зимнюю пору болѣе зажиточные крестьяне носятъ овчинный кожухъ, т. е. нагольный тулупъ до коленъ, а то и до щиколокъ. Кожухи расшиты различными узорами, зеленымъ и краснымъ шелкомъ. Но, при бѣдности русинъ, рѣдко у кого изъ нихъ есть кожухъ, — таковаго въ деревнѣ считаютъ богатымъ: «у кого кожухъ и свита (свита—верхняя одежда, тоже, что сѣракъ), у того душа сыта». На головѣ высокая, черная (рѣдко сѣрая) барашковая шапка съ суконнымъ верхомъ; лѣтомъ носятъ соломенные съ широкими полями шляпы изъ пшеничныхъ стеблей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ голову брѣютъ, оставляя на макушкѣ *чуприну*; но, большею частью, волосы подстригаютъ или въ кружокъ, или надо лбомъ короче, а сзади оставляя ихъ подлиннѣе. Каждый взрослый мужчина отпускаетъ усы и брѣетъ бороду, и только самые старые дѣды не брѣются, да и у тѣхъ, кромѣ лирниковъ (особые пѣвцы, о которыхъ мы будемъ говорить ниже), рѣдко борода бываетъ длинная. Обувью крестьянамъ служатъ сапоги, а въ песчаныхъ равнинахъ лапти, сильно напоминающія бѣлорусскія и великорусскія. Кошель, который виситъ черезъ правое плечо, сплетенъ изъ лыка и тоже имѣетъ большое сходство съ кошелями нашихъ крестьянъ.

Одежда женщинъ: рубашка, иснодница (юбка) полосатая изъ домашняго холста и передникъ. Рубашки щедро вышиты на рукавахъ и груди; на шеѣ нѣсколько десятковъ нитокъ стеклянныхъ бусъ и коралловъ; въ ушахъ серьги. Дѣвушки заплетаютъ свои волосы въ двѣ косы, прикрѣпляютъ ихъ и украшаютъ цвѣтами; на вискахъ —

*) Русины, живущіе въ равнинѣ, смотря по мѣстности, которую они занимаютъ, называются: *доляне*, *долянскіи*, *ополяне*, *польскокіи*, — есть и нѣсколько другихъ названій. Горцы же называются: *юрляне*, *юртшиляне*, *верховитини*.

A. REYNAUD

маленькіе локончики или завитушки. Головной уборъ замужней женщины — платокъ (хустка), которымъ подвязываютъ голову такъ, чтобы на макушкѣ видѣнъ былъ вязаный чепецъ; цвѣтной платокъ повязываютъ обыкновенно въ видѣ кокошника, концы его спадаютъ на спину. Замужняя женщина, хотя бы она была и молода, не всегда можетъ принимать участіе въ общемъ веселіи молодежи; поэтому въ народной пѣснѣ она и сѣтуетъ на чепецъ и хустку.

«Кобы маяѣ не чепецъ, не червона (красная) хустка,
Я бы собѣ погуляла, якъ на водѣ гуска».

Дома лѣтомъ женщины ходятъ безъ обуви, но въ праздничные дни надѣваютъ черные, кожаные сапоги и верхнее платье. Сверху рубашки замужнія женщины никогда не носятъ, какъ мѣщанки, корсажа, а, выходя изъ дому, надѣваютъ сѣракъ или свиту, какъ и у ихъ мужей, только съ тою разницею, что ихъ верхняя одежда болѣе обрисовываетъ станъ и поболѣе вышита.

Крестьяне живутъ въ грязно-сѣрыхъ и закоптѣлыхъ отъ дыма избахъ, въ которыхъ дымъ проходитъ въ окна, двери и щели крыши, однимъ словомъ отовсюду, только не изъ трубы, такъ что курныя избы до сихъ поръ еще здѣсь не вывелись. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ хаты бѣднѣе. Не имѣя лѣса, хлопъ долженъ купить каждое бревно, а чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ оно дороже. Поэтому жилища близъ городовъ очень маленькія, сколочены изъ кривыхъ бревенъ, состоятъ изъ одной избы. Каждый крестьянскій домикъ окруженъ плетнемъ въ человѣческой ростъ; его дѣлаютъ изъ лозы и вѣтокъ, и зимою, не имѣя денегъ купить дровъ, крестьянинъ сжигаетъ свой плетень, чтобы лѣтомъ снова обнести имъ свое жилище. Избы стоятъ, въ большинствѣ случаевъ, особнякомъ или на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой. Крестьянинъ строитъ свою избу изъ бревенъ, между которыми онъ кладетъ прутья, переплетая ихъ вѣтвями орѣшника и соломою; потомъ снаружи и изнутри онъ все обмазываетъ грязью, а когда она просохнетъ, бѣлятъ ее составомъ изъ глины и извести. Впрочемъ избы свои крестьяне бѣлятъ не только когда строятъ ихъ, а передъ каждымъ большимъ праздникомъ. Такіе дома очень не прочны и сыну хозяина всегда приходится отстраивать для себя новую избу. Внутри страны у болѣе зажиточнаго крестьянина изба дѣлится на 4 части: на *стѣни*, на *пекарню*, на *свѣтлицу* и *комору*. Пекарня съ печкой и есть собственно жилая изба, но у нѣкоторыхъ есть еще свѣтлица, что бываетъ впрочемъ очень рѣдко. Обстановка жилой избы такова: стѣна противъ двери украшена образами такой живописи, которая едва ли способна возбудить религіозное чувство; красный уголь загороженъ столомъ, на которомъ, если только семья не голодаетъ въ данную минуту, лежатъ коровай хлѣба, покрытый кускомъ холста; тутъ же и соль, — этотъ обычай существуетъ у всѣхъ русинъ, даже въ Венгріи. Балка подъ потолкомъ разукрашена цвѣтами, рѣзьбою и благочестивыми надписями. У противоположной столу стѣны — полати, на которыхъ спитъ все семейство; днемъ онѣ засланы грубымъ полотномъ, съ двумя, тремя подушками, и подлѣ стоитъ дѣтская колыбель. Противъ печи шкафъ съ пестро-раскрашеною посудю — предметъ роскоши крестьянина.

Въ пищѣ русины очень умѣренны; ихъ обычныя кушанья: борщъ, кислое молоко, кислая кауста и рѣпа; въ сѣверныхъ краяхъ употребляютъ хлѣбъ ржаной или ячменный, въ горахъ овсяный, а на югѣ кукуруза замѣняетъ хлѣбъ: изъ нея приготовляютъ лепешки, похлебку, кашу. По праздникамъ каждый русинъ старается имѣть за своимъ столомъ ватрушки и пирогъ съ каустою. Ихъ питье, или, лучше сказать, ихъ національный нектаръ — водка, которая приноситъ столько горя. Выпить русинъ и сейчасъ бѣжитъ за товарищемъ, заываетъ всѣхъ прохожихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; въ этомъ сильно помогаетъ ему и шинкаръ-еврей. Глядишь — черезъ часъ-другой въ

корчмѣ и большая компанія собралась, пошелъ гамъ, шумъ... Съ пьющими пришли и непьющіе, парни съ дѣвушками, а вслѣдъ за ними являюся и музыканты. Извѣстно, гдѣ музыка, тамъ танцы и пѣсни. Войдемъ и мы въ корчму посмотрѣть веселье русинъ.

Въ избѣ множество народу, — отовсюду шумъ, гамъ, крикъ, шумятъ и кричатъ на разные голоса: «Тутъ нема панѡвъ всѣ ровны, всѣ паны!» Облака табачнаго дыма обволакиваютъ присутствующихъ. Жидъ-корчмаръ заперъ наглухо шкафъ, изъ котораго онъ обыкновенно вынимаетъ шкалики, весело напѣвая подъ тактъ; но онъ не будетъ въ убыткѣ: во время такого сборища онъ торгуетъ, конечно, еще шибче, но въ сосѣдней комнатѣ. Подальше отъ веселой компаніи ему безопаснѣе. Подгуляють, поднимется свалка, и ему, пожалуй, попадетъ первому, а изъ сосѣдней комнаты легче незамѣтно уйти, когда это будетъ необходимо.

Въ корчмѣ подъ окномъ длинный столъ. На немъ теперь сидятъ, поставивъ ноги на скамеечки, деревенскіе музыканты и немилосердно пилятъ на скрипкахъ, но эти звуки одушевляютъ присутствующихъ, такъ какъ въ комнатѣ много танцующихъ; многіе, выпивъ лишнее, танцуютъ и безъ дамъ, отчаянно постукивая ногами и размахивая руками. Здѣсь парень, взявъ правою рукою дѣвушку за талію и поднявъ лѣвою шапку вверхъ, отплясываетъ «коломыйку» (народный танецъ), весело напѣвая подъ тактъ; тамъ другой молодецъ усердствуетъ передъ своей дамой; нѣсколько дальше широкоплечій мужчина, надвинувъ баранью шапку, лихо отхватываетъ уже какой-то импровизированный танецъ: всѣ пляшутъ до упаду. Въ сторонкѣ, наплясавшись досыта, молодой человекъ бесѣдуетъ съ дѣвушкой; за столомъ недалеко отъ музыканта сидитъ пожилой человекъ въ шапкѣ. Онъ ни съ кѣмъ не разговариваетъ, не смотритъ на танцующихъ, а топить горе въ зеленомъ винѣ. Спινόю къ нему, на скамеечкѣ, женщина съ ребенкомъ на колѣняхъ и съ рюмкой въ рукѣ; она, вѣроятно, уже порядкомъ попотчивала своего мальчика водкой, и онъ, прислонивъ головку къ ея груди, спитъ крѣпкимъ сномъ, не смущаяся гамомъ и содомомъ вокругъ. Возлѣ печки особнякомъ стоятъ солдаты и равнодушно смотрятъ по сторонамъ. Это тоже русинъ, и собравшіеся парни — друзья его дѣтства; но онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ поступилъ на службу и, прослуживъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлался совсѣмъ чужимъ окружающимъ его людямъ. Въ этой толпѣ его мать; она ласково подходитъ къ нему съ рюмкой, угощаетъ его, но онъ на нѣжныя привѣтствія на родномъ языкѣ грубо отвѣчаетъ ей по-нѣмецки. «Ахъ побила-жь мене лихая доля!» съ отчаяніемъ вопить бѣдная женщина, «понѣметчили мою дѣтиноньку!..»

Не смотря на такое разудалое веселье въ корчмѣ, русины народъ покойный, мирный, трудолюбивый и, какъ и всѣ славяне, въ высшей степени гостепріимный. Отворите его хату, и, кто бы вы ни были, васъ тотчасъ приглашаютъ отвѣдать хлѣба-соли, — кстати то и другое всегда тутъ-же на столѣ. А попадете къ нимъ въ праздникъ, и хозяйка ставитъ передъ вами пирогъ съ капустой, лепешки, свинину и непременно водку. Какъ человекъ долго бывший въ рабствѣ, хлопъ относится къ каждому, получше его одѣтому, съ низкопоклонствомъ: низко кланяется, сгибается, вся фигура выражаетъ униженіе. Пройдите мимо собравшейся кучки русинъ, всѣ моментально соскакиваютъ со своихъ мѣстъ, и самые почтенные изъ нихъ подбѣгаютъ къ ручкѣ пана: эта приниженность, это цѣлованіе руки — черты славянскаго характера. Но, не смотря на то, что русинъ передъ каждымъ унижается и изгибается въ три погибели, онъ становится жестокъ, неумолимъ и высокомеренъ, когда власть попадаетъ въ его руки. Какъ человекъ, вѣчно задавленный, угнетаемый и презираемый всѣми, онъ и самъ не умѣетъ найти въ себѣ ничего другаго, кромѣ тѣхъ же рабскихъ наклонностей. Это можно видѣть на русинскихъ войтахъ, т. е. старостахъ. Еще вчера простой крестьянинъ, сдѣлавшись

войтомъ, сейчасъ же начинаетъ относиться къ простонародью свысока, высокомерно, командуетъ всѣми.

Нельзя сказать, чтобы хлопь не умѣлъ ненавидѣть своихъ враговъ: онъ сознаетъ свой гнетъ, страдаетъ, всегда мечтаетъ избавиться отъ поляка и еврея, сложилъ множество грустныхъ и язвительно-сатирическихъ пѣсенъ на счетъ того и другаго, но онъ слишкомъ приниженъ, слишкомъ долго былъ подавленъ, слишкомъ смиренъ по натурѣ, чтобы дѣйствовать энергичнѣе противъ своихъ угнетателей. Въ 60-хъ годахъ, въ одну изъ холерныхъ эпидемій русины умирали какъ мухи; они мало думали о томъ, какъ прекратить эпидемію, но Боже, какъ ликовали, когда умирали евреи.

Самая характерная, самая выдающаяся черта народа, — это его страсть всякій душевный порывъ, горе, радость, все выражать въ пѣснѣ. Во время пляски въ корчмѣ импровизируется множество пѣсенъ. Ни пиръ, ни одинъ праздникъ, никакая работа въ полѣ или на дугу не обходится безъ пѣсенъ. Грустныя, заунывныя пѣсни, въ которыхъ сказывается все бездолие народа, производятъ глубокое впечатлѣніе. Для каждаго обряда существуетъ своя особенная пѣсня, и въ большей части этихъ обрядовыхъ пѣсенъ слышны остатки миѣической старины. Очень разнообразны колядовыя пѣсни или колядки, которыя поютъ хоромъ по вечерамъ въ рождественскіе праздники. Но на все свое время: однѣ пѣсни поются наканунѣ Рождества, другія наканунѣ Новаго Года, Крещенія, и носятъ разныя названія. Съ наступленіемъ весны начинается новый рядъ праздниковъ съ особыми обрядами, играми и пѣснями. Особенно разнообразны пѣсни при хороводахъ, играхъ и пляскахъ — *гайюки*, какъ ихъ здѣсь называютъ. Самыя оживленныя гайюки устраиваются въ первые три дня пасхи и происходятъ онѣ во всѣхъ селахъ восточной Галичины. «Молодежь устраиваетъ ихъ обыкновенно днемъ, до захода солнца, въ церковной оградѣ, въ виду могилъ, а если это неудобно, то на открытомъ мѣстѣ.

«Разговѣвшись освященной пасхой, русинскій людъ, отъ мала до велика, торопится на гайюку. Всѣ три дня наперерывъ гудятъ колокола на дзвѣнницѣ (колокольнѣ), и хороводныя пѣсни не умолкаютъ до вечера. Шумъ, гамъ, хохотъ слышны еще издалѣка. Здѣсь нарядныя дѣвушки, взявшись за руки, водятъ хороводы и, притоптывая въ тактъ ногами, припѣваютъ. Тутъ и молодка, только вышедшая замужъ, вмѣшалась въ хороводъ: ей еще можно принимать участіе въ гайюкахъ. Здѣсь веселится и служанка; она выпросилась у своей барыни на гайюку ради большаго праздника и теперь щеголяетъ здѣсь своими платьями и лентами, только-что подаренными ей барышнями. Но не одна она нарядно одѣта: тутъ разряжены всѣ дѣвушки безъ исключенія. Паробки то и дѣло шумятъ, проказничаютъ, ухаживаютъ за дѣвушками. Они постоянно мѣшаютъ имъ въ играхъ, прерывая ихъ хороводъ, при чемъ не обходится безъ столкновеній, и дѣвушки кулаками отгоняютъ черезчуръ навязчивыхъ парней. Въ этотъ день всѣ веселы и развязны; только степенные отцы и матери, усѣвшись на могилахъ, любовно смотрятъ на рѣзвящуюся молодежь. А это что за оригинальное шествіе? Это живая дзвѣнница (колокольня): внизу стоятъ 5, 6 здоровенныхъ мужичиъ, положивъ другъ другу руки на ихъ плечи, а сверху на плечи взлѣзло двое паробковъ, которые крѣпко держатся за руки; на плечахъ этихъ двухъ паробковъ стоитъ еще одинъ юноша, балансируя своими распростертыми руками. Вся эта подвижная, трехъярусная *дзвѣнница* пробирается между народомъ и, сопровождаемая массою ребятишекъ, обходитъ нѣсколько разъ церковь, пока не выбьется изъ силъ. Нерѣдко дзвѣнница заходитъ въ домъ священника или на барскій дворъ, гдѣ паробкамъ выносятъ водку, пасху или куличъ: За церковь 10—14-ти-лѣтнія дѣвочки-подростки образуютъ изъ рукъ мостъ, по которому ходитъ самая маленькая изъ нихъ; при этомъ онѣ поютъ:

*

«Ой, ходить жукъ по жучинѣ,
А дѣвчина по ручинѣ:
Грай, жуче, грай!»

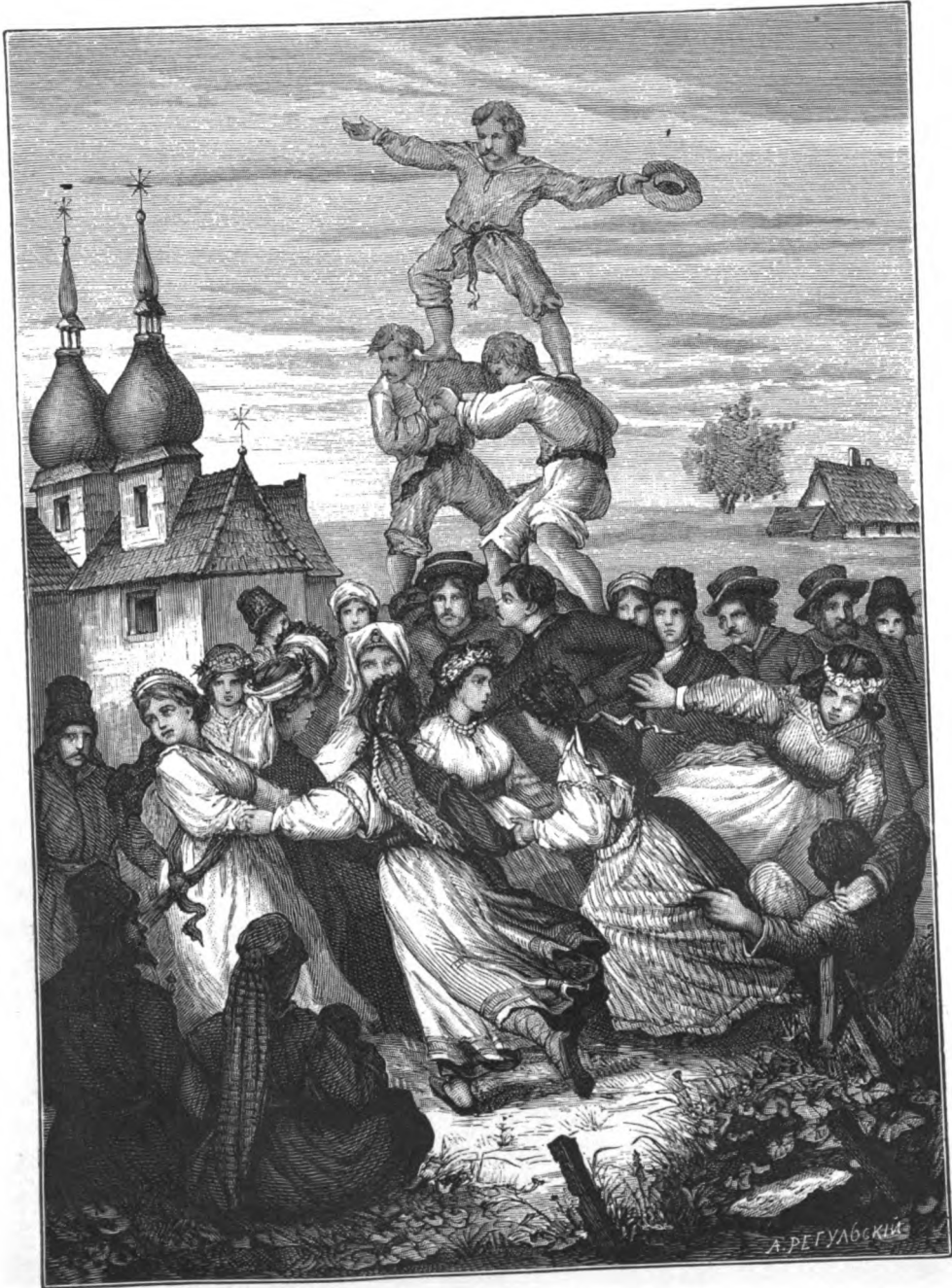
«Далѣе опять толпа взрослыхъ водить хороводъ; тамъ молодые люди бѣгаютъ, догоняють другъ друга, возбуждая общій хохотъ, безпрестанно падаютъ, играютъ въ разныя игры... Хороводныя пѣсни разливаются на всю церковную ограду и оглашаютъ близлежащія окрестности... Мальчики бѣгаютъ съ жгутами, т. е. со скрученными изъ ивы хлыстами, играютъ въ чехарду, скачутъ черезъ козлы. Съ утра до вечера вездѣ игры, бѣготня, шумъ, гамъ, истинное веселье. Настоящій великій день!»

Существуетъ множество пѣсенъ во время лѣтнихъ работъ, особенно во время жатвы и по окончаніи ея. Когда жатва окончена, жницы плетутъ вѣнокъ изъ колосьевъ, и, надѣвая его на голову самой молодой и красивой дѣвушкѣ (а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщинѣ, только что вышедшей замужъ), идутъ съ поля, громко распѣвая пѣсни. Ту, у которой вѣнокъ на головѣ, называютъ *княгиней*. Когда жницы подходятъ къ дому хозяина, княгиня снимаетъ вѣнокъ и съ поклономъ подноситъ его хозяину или хозяйкѣ; ей за это даютъ мелкія деньги, а ея подругъ угощаютъ. Послѣ этого хозяинъ устраиваетъ танцы съ музыкой, гдѣ ихъ снова угощаютъ, а молодежь обоого пола пляшетъ до самой поздней ночи.

Безконечное число пѣсенъ существуетъ у русинъ во время свадебныхъ обрядовъ; есть у нихъ и особый родъ пѣсенъ—«плясовыя», которыя поются только при народныхъ пляскахъ.

Пляска, называемая *коломыйка*,—самый любимый русинскій танецъ; молодая дѣвушка съ юношей, усердно танцую этотъ танецъ, всегда сопровождаютъ его пѣніемъ, иногда тутъ же импровизируя для этого пѣсенку, обыкновенно очень коротенькую, съ самымъ разнообразнымъ, но незамысловатымъ содержаніемъ. Кромѣ своихъ собственныхъ пѣсенъ, русинскій народъ въ Галичинѣ, особенно въ смежныхъ съ Россією уѣздахъ, любитъ пѣть также великорусскія пѣсни, но преимущественно солдатскія: онѣ нравятся народу своимъ бойкимъ содержаніемъ и разудалымъ напѣвомъ. Съ особеннымъ интересомъ русины слушаютъ пѣсни, въ которыхъ рассказываются подвиги русскихъ воиновъ.

Главный музыкальный инструментъ русинъ—скрипка и *сотыка*—длинная деревянная дудка; на ней играетъ и пастухъ, когда пасетъ свое стадо, и пахарь, когда идетъ за волами. Но, кромѣ этого, здѣсь существуютъ еще особые пѣвцы—*лирники*, которыхъ народъ особенно уважаетъ и при всякомъ удобномъ случаѣ слушаетъ ихъ съ большимъ вниманіемъ. Путешествуя по Галичинѣ, не рѣдко встрѣтить такого лирника. Этими лирниками бывають обыкновенно слѣпые нищіе; ихъ сопровождаетъ непремѣнно мальчикъ. Подъ крестомъ, которые такъ часто встрѣчаются здѣсь при дорогахъ, особенно на перекресткахъ, такой лирникъ обыкновенно отдыхаетъ съ своимъ вожаконъ, которымъ обыкновенно бываетъ мальчикъ 9—12-ти лѣтъ. Чуть заслышалъ лирникъ, что народъ проходитъ, онъ беретъ свой инструментъ, называемый «лирой», играетъ и поетъ пѣсни, которыя такъ страстно любятъ русинъ (одна изъ подобныхъ сценъ изображена у насъ на виньеткѣ). Кто бы ни были проходящіе, какъ бы ни торопились они идти, они непремѣнно подойдутъ къ лирнику, остановятся, заслушаются его. И какъ не заслушаться имъ лирника, когда это живой сборникъ всѣхъ народныхъ пѣсенъ; только веселые звуки рѣдко издаетъ его инструментъ; но у народа болѣе горя, чѣмъ радости, и онъ съ удовольствіемъ слушаетъ его пѣсни, которыя вызываютъ слезы на его глазахъ. Долго, долго слушаютъ прохожіе пѣсни сѣдовласаго и нерѣдко борода-таго лирника, отдають ему послѣднюю копѣйку и съѣтное, если оно есть при себѣ, и, отвѣсивъ ему въ знакъ уваженія низкій поклонъ, идутъ далѣе.

ВЕНГРІЯ.

Характеръ страны.—Татра и Карпатскія горы.

Венгрія—страна широкаго гостепріимства, прелестныхъ женщинъ, дивнаго вина, прекрасныхъ лошадей, страстныхъ, ошьяняющихъ танцевъ, оригинальной цыганской музыки. Но этимъ еще далеко не исчерпывается ея интересъ. Охотника она привлекаетъ огромнымъ количествомъ дичи не только въ обширныхъ равнинахъ и болотахъ страны, но и въ дѣвственныхъ лѣсахъ Трансильваніи, а также и въ мѣстностяхъ по теченію Дуная и Тиссы. Любитель природы тутъ встрѣтитъ рядъ живописныхъ и оригинальныхъ ландшафтовъ, часто поражающихъ своими контрастами. На высотахъ Карпатъ—снѣгъ и холодъ, а внизу зрѣтъ чудный виноградъ, изъ котораго выжимаютъ вино, прославившее Венгрію. Сколько величественныхъ картинъ и любопытныхъ пейзажей въ крутыхъ и дикихъ горахъ, окружающихъ страну, въ ея безконечныхъ степяхъ, въ которыхъ пасутся многочисленныя стада рогатаго скота и лошадей съ огненными глазами. Тамъ и здѣсь, въ цвѣтущихъ долинахъ и на гребняхъ холмовъ, возвышаются помѣщичьи замки: одни изъ нихъ уже пришли въ упадокъ, другіе еще и теперь поражаютъ своею роскошью; со многими изъ нихъ связаны рассказы о геройскихъ подвигахъ, съ другими—трогательныя религіозныя или любовныя легенды; нѣкоторые изъ нихъ еще величественнѣе рейнскихъ замковъ, такъ напримѣръ, замокъ Гуніада, этого героя Венгріи, до сихъ поръ сохранился въ Трансильваніи. Не менѣе широкое поле для наблюденія ботаника и ученаго. Венгерская флора богата самыми разнообразными видами: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно найти кавказскія растенія бокъ-о-бокъ съ испанскими; тѣже особенности замѣчены и относительно фауны. Но еще болѣе заманчива эта страна для политика, такъ какъ она представляетъ непрерывную борьбу самыхъ разнообразныхъ партій. Ее, какъ извѣстно, населяютъ различные народы: хотя она представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе однородную и сплоченную массу, чѣмъ Австрія, тѣмъ не менѣе эти національности постоянно сталкиваются между собой, отчего здѣсь идетъ вѣчная борьба. Что же касается политики, то можно смѣло сказать, что ни одинъ народъ болѣе мадьяръ не занимается ею: тутъ всѣ отъ перваго саѣновнаго лица до пастуха толкуютъ о реформахъ, о выборахъ, разсуждаютъ и спорятъ о томъ или другомъ законѣ. Къ тому же венгерская конституція развилась не подъ вліяніемъ западной Европы, а выработалась самостоятельно, поэтому многіе періоды ея исторической и политической жизни любопытны по своей оригинальности.

До XVIII столѣтія Венгрію называли у насъ «Угорщиной», «Угрією», «Угорскимъ королевствомъ», а народъ этой страны «уграми». Въ данную минуту мы будемъ говорить о Венгріи въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. о той странѣ, которая примыкаетъ съ сѣвера къ Галиціи, съ востока къ Трансильваніи и Валахіи, съ юга къ Военной Границѣ, Славоніи и Кроаціи, съ запада къ Штиріи и Австріи, и о жителяхъ этой страны, т. е. о мадьярахъ, какъ ихъ теперь принято называть.

Венгрія представляетъ обширную равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, но ея ровная часть своимъ объемомъ далеко превосходитъ гористую. Альпы лишь въ незначительной степени ограждаютъ эту страну, которая съ трехъ сторонъ окружена Карпатами.

Горный Карпатскій хребетъ представляетъ собою совершенно особый міръ, полный самыхъ причудливыхъ картинъ: темные, часто сплошные лѣса, между которыми торчатъ одинокія, скалистыя вершины, чередуются съ горными пастбищами, а они смѣняются въ свою очередь малорослыми пихтами; долины съ шумящими водопадами и оригинальными пейзажами развертываются въ очаровательной прелести. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ Карпаты представляютъ необыкновенно лѣсистыя горы, такъ какъ громадные пространства покрыты непроходимыми лѣсами.

Наиболѣе важное значеніе Карпатскихъ горъ для страны заключается въ томъ, что онѣ защищаютъ ее отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Хотя Австрія граничитъ съ Венгрією, но между этими двумя странами большое различіе въ климатѣ. Возьмите австрійское вино: кислое, безъ крѣпости и пріятнаго вкуса, между тѣмъ по близости въ Венгріи, подъ тѣмъ же градусомъ, выдѣлываютъ чудныя вина. Во многихъ мѣстностяхъ Венгріи, подъ открытомъ небомъ растутъ персики и тутовые деревья.

Главная горная группа Карпаты — Татра поражаетъ своимъ грандіознымъ характеромъ. Она возвышается почти уединенно, особымъ горнымъ уломъ гранитныхъ скалъ и исполинскихъ вершинъ. Татра величественнѣе другихъ, несравненно болѣе высокихъ горъ, такъ какъ ложе долины, изъ которой она поднимается, лежитъ чрезвычайно глубоко, и эта необычайно крутая горная группа возвышается какъ будто совершенно перпендикулярно. Однако, не смотря на то, что она гораздо выше окружающихъ ее горъ, она высокою (болѣе 8,000 ф.) значительно уступаетъ большимъ Альпамъ, и на ней не бываетъ вѣчнаго снѣга, хотя она и достигаетъ снѣговой линіи. На ея покатостяхъ и въ ложбинахъ, гдѣ собираются первыя вешнія воды, можно замѣтить, даже въ лѣтніе жаркіе дни, полосы снѣга и настоящей ледъ, которыхъ не могутъ растопить жаркіе солнечные лучи, но на верхнихъ склонахъ лѣтомъ видна только голая скала. Это быстрое исчезновеніе снѣговъ объясняютъ сильнымъ наклономъ вершинъ. «Посмотрите на Татру съ горъ, которыя возвышаются на югъ отъ нея, и она поразитъ васъ прежде всего крутизою своихъ стѣнъ, рѣзкими контурами своихъ выступовъ, своихъ зубчатыхъ гребней, своихъ пирамидъ, мощностью своихъ хребтовъ. Здѣсь мало увидишь красивыхъ отлогихъ скатовъ; дерновыя лужайки рѣдко гдѣ встрѣчаются; вездѣ надъ зеленымъ поясомъ лѣсовъ являются крутыя каменные стѣны и откосы изъ обвалившихся камней, лежащихъ въ хаотическомъ безпорядкѣ». Узкіе гребни Татры, ея страшныя вершины и долины съ горными озерами отличаются крайне негостеприимнымъ характеромъ, такъ что заселены только ея отлогости и равнины въ окрестностяхъ. Среди высокихъ, утесистыхъ массъ лежитъ лишь одна небольшая деревня въ живописной долинѣ, въ лѣсной области Татры. Хотя въ нѣкоторыхъ лощинахъ этой горной группы, какъ мы уже говорили, вѣчно держатся снѣжныя и ледяныя массы, но настоящіе глетчеры не простираются отсюда въ долины. Ихъ отсутствіе на горахъ Татры зависитъ болѣе всего отъ открытаго положенія центральныхъ Карпаты со стороны Венгріи и Галиціи, вслѣдствіе чего вѣтры къ

нимъ имѣютъ со всѣхъ сторонъ свободный доступъ, а также отъ незначительной ширины главнаго хребта и незначительнаго протяженія боковыхъ долинъ, а на южной сторонѣ хребта—отъ сильнаго вліянія лучей съ юга.

Нерѣдко, наслаждаясь прекрасной погодой вверху, видишь, какъ внизу, подъ ногами, льется дождь, бушуютъ громы и молніи. Многія горныя вершины Татры совсѣмъ недоступны, да и тѣ, на которыя можно взбираться въ ясную погоду, чрезвычайно опасны во время дождя, снѣговъ и особенно, когда туманы, какъ дымкою, обволакиваютъ вершины, а вѣтеръ сбиваетъ съ ногъ: тогда легко оступиться и упасть въ бездну, въ которую обыкновенно и взглянуть нельзя безъ головокруженія. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ Татра, когда ее наблюдаешь съ сѣверной стороны. Среди привѣтливой равнины, украшенной деревьями, поднимается пустынная гора, изъ которой рвутся въ облака голые утесы, острые, какъ зубья исполинскихъ пилъ; въ ложбинахъ мрачныхъ ущелій блестятъ снѣжныя поля, которыя какъ серебряныя ленты вьются по долинамъ; нерѣдко и всѣ верхушки бывають покрыты снѣгомъ, отражая ослѣпительный солнечный свѣтъ; у подошвы этого горнаго острова со всѣхъ сторонъ волнуется, подобно зеленому морю, сосновый лѣсъ.

Погода въ Карпатахъ чрезвычайно переменчива. Когда въ іюлѣ и августѣ пастухи пригоняють сюда свои стада, ихъ часто встрѣчаютъ вьюги и ужасныя бури, такъ что они бѣгутъ тогда назадъ, спускаясь къ лѣсистымъ окраинамъ. Пространство выше лѣснаго пояса нерѣдко въ одну ночь бываетъ покрыто снѣгомъ глубиною въ футъ. Послѣ этого наступаютъ ужасные холода, внезапно смѣняющіеся невыносимымъ зноемъ и грозами, ливнями и вихремъ, срывающимъ съ земли даже моховой покровъ.

Вѣтры, бури и наводненія въ Карпатахъ очень обыкновенны. Тутъ не рѣдкость такіе ураганы, которые въ конецъ уничтожаютъ лѣса, вырываютъ съ корнями самыя могучія деревья, разрушаютъ зданія, оставляя сотни тысячъ людей безъ крова и хлѣба на произволь судьбы. Еще болѣе ужасное бѣдствіе причиняють народу наводненія, начинающіяся обыкновенно проливными дождями, которые такъ наполняютъ водою ручьи и рѣчки, что они выходятъ изъ береговъ, разрушаютъ и уносятъ все, что встрѣчаютъ на своемъ пути. Такія наводненія смываютъ самыя массивныя, каменные зданія, громадные мосты, парки, сады, поля. Послѣ нихъ огромныя пространства земли становятся иногда совсѣмъ негодными для земледѣлія.

Карпатскія долины живописны не менѣе горъ: извиваясь между ними и испещренныя озерами и каскадами, онѣ украшаютъ и оживляютъ горную природу. Почти въ каждой такой долинѣ существуетъ одно или нѣсколько озеръ; горныя ручьи бѣгутъ изъ нихъ внизъ многочисленными каскадами. Нѣкоторые изъ этихъ каскадовъ громадны и величественны: ихъ воды, разсыпаясь мелкою водяною пылью, блестятъ на солнцѣ какъ брилліанты.

Озеръ, которыя, впрочемъ, очень не велики, даже въ такой небольшой горной группѣ, какъ Татра, насчитываютъ болѣе сотни; самое большое изъ нихъ имѣетъ поверхность менѣе 35 гект. и его называютъ «Большимъ прудомъ». Вода въ этихъ озерахъ прекрасная, чистая, прозрачная, пріятная на вкусъ. Но когда вы захотите поудить рыбу въ одномъ изъ нихъ, вамъ долго придется отыскивать удобное для этого мѣсто, такъ какъ большая часть береговъ покрыта болотами или каменными глыбами, свалившимися съ сосѣднихъ скалъ. Расположенныя очень высоко, озера эти господствуютъ надъ окрестностями, отражая въ своихъ прозрачныхъ водахъ, какъ въ зеркалѣ, дивныя красоты горной природы, живописныя картины скалъ и снѣжныхъ полей. Народъ весьма поэтично называетъ ихъ «глазами моря», такъ какъ предполагаетъ, что многія изъ нихъ находятся въ сообщеніи съ моремъ и даже видитъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ

обломки кораблей. Много и другихъ поэтическихъ сказокъ и преданій ходить въ народѣ о романтической карпатской природѣ вообще и объ озерахъ въ особенности, такъ какъ они, дѣйствительно, въ высшей степени оригинальны и легко возбуждаютъ фантазію. Нѣкоторыя изъ нихъ окружены громадными скалами и лежатъ въ красивой, романтической мѣстности, такъ напримѣръ «зеленое» и «черное» озера. Про «черное» озеро народное сказаніе гласитъ, что на одной изъ окружающихъ его вершинъ находится карбункулъ, который своимъ блескомъ освѣщаетъ въ извѣстное время всю окрестность. Въ другихъ озерахъ, по народному повѣрью, можно найти на днѣ слитки золота и серебра; но достать эти богатства нѣтъ никакой возможности: ихъ зорко стерегутъ жабы, у которыхъ вмѣсто глазъ драгоценные камни. Эти маленькія озера считаются бездонными, хотя нѣкоторыя изъ нихъ очень не глубоки, и названіемъ «краснаго», «чернаго», «зеленаго» они, по всей вѣроятности, обязаны цвѣту песка, покрывающему дно и виднѣющагося сквозь прозрачную воду.

Одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій Карпатскаго хребта—пещеры: ихъ здѣсь безчисленное множество. Пещера при Агтелекѣ (недалеко отъ дороги изъ Офена въ Кашау) особенно оригинальна. У подошвы горы существуетъ въ нее открытый ходъ, который привлекаетъ множество любопытныхъ. Отверстіе пещеры такъ невелико, что входить приходится сгорбившись. Но лишь только вы вошли, сводъ поднимается выше. Пещера эта представляетъ какъ бы нѣсколько отдѣленій или комнатъ. Въ одной изъ нихъ, очень большой, увидишь подземную рѣку; здѣсь же встрѣтишь нѣсколько человѣческихъ скелетовъ, покрытыхъ иломъ и землей. Можетъ быть это останки несчастныхъ, которые во времена нашествій искали здѣсь себѣ убѣжища и умерли голодной смертью, можетъ быть это жертвы разбойниковъ, бросавшихъ сюда трупы, чтобы скрыть свое преступленіе.

Въ этой пещерѣ существуетъ зало въ 16 саж. выс., 15 и болѣе шир. Во время лѣтнихъ жаровъ въ него собираются изъ ближайшихъ окрестностей молодые люди обою пола и при свѣтѣ сухихъ лучинъ весело отплясываютъ подъ звуки музыки. Отголосокъ въ пещерѣ такъ силенъ, что игра нѣсколькихъ скрипокъ въ нѣкоторомъ разстояніи кажется цѣлымъ хоромъ музыкантовъ. Шпоры и каблукъ сапоговъ танцующихъ звѣнять гораздо громче, нежели гдѣ-нибудь. Гуль пистолетнаго выстрѣла кажется здѣсь громомъ.

«Ледяная пещера» (въ Торнскомъ комитатѣ) замѣчательна не столько своею величиною, сколько тѣмъ, что ледъ таетъ въ ней не лѣтомъ, а зимою. Вслѣдствіе этого въ самое суровое время года здѣсь тепло, а въ палящій лѣтній зной очень прохладно, такъ какъ пещера только лѣтомъ наполнена льдомъ, который тѣмъ тверже и толще, чѣмъ сильнѣе солнечный жаръ. Когда снаружи таетъ снѣгъ, въ пещерѣ падаютъ капли чистой воды, которыя отъ внутренней стужи мгновенно замерзаютъ въ самыхъ оригинальныхъ формахъ. Здѣсь не только сводъ, но и полъ покрыты блестящимъ, толстымъ льдомъ. Во время полевыхъ работъ окрестные жители добываютъ отсюда ледъ и бросаютъ его въ сильно нагрѣвающуюся колодезную воду. Съ наступленіемъ зимы разныя животныя, которыя не могутъ переносить холода, ищутъ убѣжища въ этой пещерѣ, гдѣ тогда бываетъ гораздо теплѣе: несмѣтные рои разнообразныхъ мухъ, стаи летучихъ мышей и совъ, даже лисицы и зайцы устраиваютъ тогда здѣсь себѣ жилище. Весною эти гости снова покидаютъ пещеру.

Бѣдьяки и цыгане, которыхъ такъ много въ странѣ, нерѣдко употребляютъ эти пещеры вмѣсто жилищъ. Для этого обыкновенно выбираютъ небольшія пещеры; заваливаютъ входы тѣхъ комнатъ, которыя оказываются лишними, а въ тѣхъ, которыя предназначаются для жилья, устраиваютъ печь, вносятъ свою незатѣйливую мебель и

утварь, и вотъ готова квартира, нерѣдко служащая жилищемъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой.

Дунай и Тисса. — Значеніе этихъ рѣкъ для страны. — Ужасныя венгерскія дороги.

Венгрія представляетъ обширную равнину, орошаемую множествомъ водъ. На пространствахъ почти 1,000 километровъ (километръ—немного менѣе версты) Дунай течетъ по венгерскимъ равнинамъ, и кромѣ этой великой рѣки ихъ орошаетъ нѣсколько другихъ рѣкъ, спускающихся не только съ Карпатскихъ, но и съ Альпійскихъ горъ. Нѣкоторые изъ притоковъ Дуная: Сава, Драва, Тисса сами принадлежатъ къ числу первоклассныхъ рѣкъ Европы и судоходны на большомъ протяженіи своего теченія. Дунай, Тисса, Сава и Драва — главныя воды Венгрии, поэтому-то эти четыре рѣки и изображены на гербѣ Венгрии. Замѣчательно также то, что, за исключеніемъ небольшой рѣки Попрадъ, вытекающей изъ снѣговъ Татры, въ Венгрии и Трансильваніи нѣтъ ни одного потока, который не принадлежалъ бы къ бассейну Дуная. Это стремленіе всѣхъ водъ мадыарской страны къ одному общему руслу имѣло огромное вліяніе на политическое единство населенія. Одна изъ наиболѣе выдающихся особенностей Венгрии — совмѣстное существованіе многихъ различныхъ національностей. Конечно, и другія государства не имѣютъ вполне однороднаго населенія, но такую смѣсь языковъ, нарѣчій, племенъ, національностей, какъ Венгрія, не представляетъ ни одна страна. Мадыары составляютъ $\frac{1}{3}$ общаго населенія венгерскаго государства; остальные $\frac{2}{3}$ принадлежатъ славянамъ, румынамъ и нѣмцамъ. Изъ 54 округовъ или комитатовъ, на которые дѣлится Венгрія, только 5 состоятъ исключительно изъ мадыаръ; съ другой стороны только въ 7 комитатахъ вовсе нѣтъ мадыарской національности, — во всѣхъ остальныхъ она перемѣшана съ другими; точно также нѣтъ ни одного комитата или округа чисто нѣмецкаго. Однако, не смотря на всѣ пререканія этихъ народностей между собою, не смотря на ихъ взаимныя и частыя недоразумѣнія и нерѣдко даже ожесточенные раздоры, Венгрія представляетъ страну несравненно болѣе сплоченную, чѣмъ ея сосѣдка Австрія. Этому большому, сравнительно съ Австріею, политическому единству населенія Венгрии много содѣйствовали гидрографическія условія; но эта же водная система много повредила развитію торговыхъ сношеній съ сосѣдними націями. Большая часть Венгрии оставалась чуть не до сихъ поръ чуждой великому торговому движенію второй половины нашего столѣтія. Главнѣйшими причинами ея торговаго отчужденія были: отчаянно плохое положеніе дорогъ и затруднительное плаваніе по ея обширнымъ рѣкамъ. «Для удобнаго воднаго сообщенія существуетъ только два прохода, именно двое дунайскихъ воротъ: одні открываютъ доступъ въ Австрію и Германію, другія въ Румынію, Турцію, къ Черному морю. Первыя изъ этихъ воротъ дѣйствительно облегчаютъ плаваніе, что же касается вторыхъ, то онѣ до самаго послѣдняго времени были загромождены опасными подводными камнями. Да къ тому же Черное море, куда впадаетъ Дунай, само почти замкнуто и представляетъ скорѣе озерной резервуаръ, чѣмъ морской бассейнъ. До сооруженія хорошихъ дорогъ это море представляло нѣчто въ родѣ глухаго закоулка: оно было окружено странами, на половину пустынными и безлюдными или населенными варварскими племенами. Конечно, для цивилизаціи, промышленности и торговли Венгрии было бы гораздо важнѣе, если бы протекающая черезъ нее великая рѣка впадала въ Адриатическое море или въ какой-нибудь другой, широкооткрытый заливъ Средиземнаго моря. Но что было бы тогда съ мадыарами? При сопрякосновеніи съ болѣе высокою цивилизаціею и подъ вліяніемъ болѣе частыхъ сношеній съ другими народ-

ностями могли-ли бы они сохранить свою оригинальность, свой языкъ, свое національное существованіе?»

Тисса, самый величественный притокъ Дуная, представляетъ характерный типъ въ высшей степени извилистой рѣки. По прямой линіи эта рѣка имѣетъ только 545 килом. длины, а между тѣмъ съ извилинами она протекаетъ пространство даже болѣе, чѣмъ вдвое; при этомъ она безпрестанно уклоняется то въ одну, то въ другую сторону и развѣтвляется до безконечности на ручьи и разнообразныя водяныя жилы.

Рѣка эта не имѣетъ крутыхъ береговъ, и какъ вслѣдствіе этого, такъ и потому, что ея русло постоянно перемѣщается, она образуетъ множество мертвыхъ рукавовъ, огромныхъ топей, озеръ, затоковъ, прудовъ, болотъ, отмелей. Эти безчисленныя болотныя, стоячія воды, часто живописно разсѣянныя по равнинѣ, иногда въ высшей степени зловещественны. Онѣ во многомъ напоминаютъ самую рѣку: также широки, извилисты, а нѣкоторыя изъ нихъ и очень глубоки. Этими болотами испещрены не только мѣстности, лежащія близъ береговъ Тиссы, но и находящіяся отъ нея на довольно значительномъ разстояніи. Нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ здѣсь уже съ незапамятныхъ временъ, другія образовались гораздо позже; многія постоянно расширяются, и очень часто всѣ усилія человѣческія уменьшить ихъ объемъ или совсѣмъ уничтожить ихъ оказываются совершенно тщетными. Нерѣдко въ лежащихъ близъ Тиссы мѣстностяхъ вы находите болото тамъ, гдѣ еще недавно восхищались плодородною, прекрасно обработанною почвою. Эти болота не только вредны тѣмъ, что распространяютъ міазмы и уменьшаютъ количество плодородной земли, но и тѣмъ, что производятъ внутренне разливы, причиняющіе большія бѣдствія. Онѣ насыщены легко-просачивающимися водами, которыя подземными путями распространяются по обѣ стороны рѣки, достигаютъ иногда такихъ болотныхъ пространствъ, которыя находятся на весьма далекомъ разстояніи отъ береговъ, соединяются вмѣстѣ и производятъ настоящія наводненія. Нужно однако замѣтить, что опустошительныя наводненія происходятъ и отъ другихъ причинъ. Равнина Венгріи образовалась, какъ полагаютъ, вслѣдствіе наносовъ земли, осѣдавшихъ на дно озера, которое занимало прежде всю страну; ея равнинный характеръ служитъ этому достаточнымъ доказательствомъ. Понятно, что рѣка, медленно протекающая по такой мѣстности, не имѣя крутыхъ береговъ, производитъ страшныя наводненія. Последнія наводненія начали захватывать уже все болѣе возвышенныя мѣстности, до которыхъ никогда не достигали прежніе разливы. Какъ только наступаетъ дождь, мѣстными жителями овладѣваетъ сильное безпокойство. Если онъ не перестаетъ и на второй день, они начинаютъ готовиться къ бѣгству. Но вотъ одинъ сигналъ, и всѣ жители, второпяхъ захвативъ кое-что изъ своего имущества, бросаютъ свои жилища, и когда они послѣ спаденія воды возвращаются домой, — скотъ ихъ затопленъ, избы развалились, голодъ, холера и всевозможныя эпидеміи, которыя всегда слѣдуютъ за наводненіями, истребляютъ десятую часть населенія. Эти наводненія были бы еще чаще, если бы рѣчки, текущія по направленію къ Тиссѣ, достигали ея; но, вступивъ на равнину, многія изъ нихъ расширяются и образуютъ безчисленное количество озерковъ, воды которыхъ почти никогда не достигаютъ Тиссы, но просачиваются и испаряются. Другое благопріятное условіе, нѣсколько сдерживающее наводненіе, заключается въ томъ, что вода во всѣхъ притокахъ Тиссы прибываетъ не одновременно, такъ какъ трансильванскія рѣчки текутъ изъ болѣе теплыхъ странъ и несутъ оттаявшія снѣжныя глыбы гораздо ранѣе венгерскихъ. Притомъ очень часто дожди идутъ не одновременно по обѣимъ сторонамъ рѣки. Вода послѣ наводненій не всегда спадаетъ черезъ нѣсколько дней: такъ, напримѣръ, наводненіе 1830 года продолжалось цѣлыхъ четыре недѣли. Обширныя затопленныя поверхности, то суживаясь, то расширяясь, тянутся вдоль всей рѣчной долины. Когда

Тисса разливается, многія изъ нихъ соединяются вмѣстѣ и представляютъ громадныя водныя или, лучше сказать, мореобразныя пространства. Но вотъ вода спадаетъ, водныя пространства уменьшаются и, по прихоти даже самыхъ ничтожныхъ ручейковъ, на сухихъ мѣстностяхъ образуются всевозможныя водныя извилины, развѣтвленія, жилы самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ формъ, каналы, которые нерѣдко проникаютъ далеко въ глубь континента, фьрдообразныя бухты, но чаще всего безчисленное множество отдѣльныхъ прудовъ, лужъ, болотъ, болотистыхъ луговъ, которые современемъ часто сплошь поростають камышемъ. При слѣдующемъ наводненіи всѣ эти водныя пространства могутъ быть отчасти или совершенно уничтожены, могутъ онѣ, наконецъ, принять и совсѣмъ другой видъ и форму, и такимъ образомъ на громадномъ пространствѣ опять возникаютъ новыя, причудливыя картины. Наводненія порождаютъ здѣсь также довольно оригинальныя явленія. Мы говоримъ о «Föld Arja», т. е. о появленіи грунтовыхъ водъ. Вслѣдствіе постоянныхъ наводненій земля настолько пропитывается водою, что даже нѣкоторое время послѣ нихъ и далеко не всегда тотчасъ послѣ дождя изъ земли, на большомъ пространствѣ, вдругъ начинаютъ бить ключи. Они затопляютъ огромныя полосы земли, которыя послѣ этого становятся совершенно безплодными. Эти явленія оказываютъ огромное вліяніе на общественный и экономическій бытъ народа, на физическія свойства почвы, даже на политическую жизнь государства: у жителей близлежащихъ мѣстностей иногда вдругъ прекращаются сношенія съ сосѣдями, они уменьшаются, а иногда и совершенно уничтожаютъ цѣнность и доходность земель, увеличиваютъ бѣдность народа и производятъ во всѣхъ дѣлахъ разстройство и застой. Нѣкоторыя изъ этихъ болотъ занимаютъ громадныя пространства, и болото въ двѣ мили ширины и столько же длины не считается еще здѣсь очень большимъ. Самыя громадныя и извѣстныя изъ такихъ болотъ въ Тисской области — Экседеръ-Лапъ*), болотистая мѣстность, покрытая камышомъ. Тамъ, гдѣ теперь находится это болото, прежде были цвѣтущія мѣстечки и до 10 большихъ селъ; постепенно эта мѣстность превратилась въ необозримый пустырь. Въ прошломъ столѣтіи «Лапъ» простирался на 10 кв. миль и состоялъ изъ множества прудовъ и различной формы водныхъ поверхностей; но послѣ того какъ былъ прорытъ каналъ, объемъ его уменьшился; теперь онъ занимаетъ 4 кв. мили, и очень глубокія болота совсѣмъ исчезли. Проникать въ подобныя мѣстности отваживаются только немногіе и то не иначе, какъ вооруживъ ноги широкими досками, поддерживающими ихъ на топкой почвѣ. Чтобы защититъ себя отъ мошекъ, которыя мириадами тутъ носятся, крестьяне сплетаютъ изъ травы сѣтку и покрываютъ ею свою голову и лицо.

Не нужно однако думать, что здѣшнія болота приносятъ только смерть и заразу. Накопившаяся въ нихъ вода, проникая подъ землю въ сосѣднія мѣстности, питаетъ во время жаровъ и засухи обширныя венгерскія равнины и выполняетъ въ жизни природы почти такую же роль, какъ лѣса, въ которыхъ здѣсь чувствуется такой недостатокъ. Какъ ошибочно мнѣніе, что эти болота или безусловно смертельны, или совершенно бесполезны, такъ точно неправильно представлять ихъ себѣ всегда въ видѣ мутныхъ, грязныхъ лужъ. Нѣкоторыя изъ нихъ прозрачны какъ кристаллъ и чисты до самаго грунта, такъ что никому и въ голову не придетъ, что онѣ состоятъ изъ тончайшаго ила и что въ нихъ неизбежно задохнулся бы каждый, если бы только попытался на нихъ вступить. Въ другихъ же можно проводить цѣлыя ночи безъ вреда для здоровья,

*) «Лапъ» — такъ называютъ здѣсь плавающую торфяную поверхность, которая подымается и опускается вмѣстѣ съ находящеюся подъ ней водою и которая мѣстами такъ тверда, что люди и скотъ могутъ по ней ходить.

и это обыкновенно тѣ изъ нихъ, въ которыхъ нѣтъ камышей или какихъ нибудь другихъ гніющихъ растений.

Въ Венгріи уже давно стали думать о томъ, что слѣдуетъ предпринять какія нибудь мѣры для предотвращенія этихъ разнообразныхъ опасностей. До 1846 года Тисса и устья ея притоковъ были слабо обнесены плотинами. Но одно устройство плотинъ, да еще такихъ ненадежныхъ, какими они были въ то время, — средство скорѣе паллятивное, чѣмъ дѣйствительное. Каждый разъ во время большихъ наводненій затоплено было водою до 200 кв. миль. Народъ понялъ, что единичными силами и небольшими суммами тутъ ничего не подѣлаешь. Вслѣдствіе этого начали образовываться общества, главною цѣлью которыхъ была забота регулировать воды Тиссы и ея притоковъ. Но возстаніе 1848 года совершенно пріостановило довольно энергично начатыя работы. Въ 1850 году правительство взяло на себя этотъ огромный трудъ, но, не смотря на то, что оно начало это предпріятіе съ большими средствами, оно чувствовало недостатокъ въ рабочей силѣ. Въ добавокъ въ это время случились два большихъ наводненія, одно за другимъ, и народъ, и безъ того ненавидѣвшій свое правительство и не довѣрявшій ничему, что отъ него исходило, сталъ съ полнымъ презрѣніемъ относиться ко всѣмъ гидравлическимъ работамъ. Недовольство этими сооружениями сильно распространилось въ странѣ, а когда въ 1855 году произошло наводненіе, жители нѣкоторыхъ округовъ стали даже разрушать плотины. Вслѣдствіе этого 300,000 іоховъ земли было покрыто водою въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Однако правительство не рѣшалось приступить къ работамъ, и только когда научныя изслѣдованія доказали, что способъ регулированія совершенно правиленъ, снова взялись за прежнее предпріятіе, и теперь уже работы быстро пошли впередъ; къ концу 1860 года плотины были возведены на протяженіи почти 400 тысячъ саженой, а на пространствѣ 47,000 саж. было проведено 65 каналовъ; русло Тиссы укорочено, а скатъ возвышенъ. На это гигантское предпріятіе была истрачена сумма въ 8½ милліоновъ флориновъ. Проѣзжая теперь по Тиссѣ, можно видѣть вдоль самаго русла рѣки прекрасную систему плотинъ, обнимающую мѣстами весьма значительное пространство. Рядомъ съ плотинами идутъ каналы и канавы, служащія частью для отвода воды, частью для искусственнаго орошенія. Однако и до сихъ поръ въ странѣ наводненія весьма часты: ясно, что боковыя плотины Тиссы не могутъ предохранить низменныя равнины отъ вторженія водъ Дуная. Одни ученые полагаютъ, что единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ помочь бѣдѣ было бы регулированіе теченія Дуная въ проходѣ черезъ тѣснину Желѣзныхъ воротъ: слѣдовало бы расширить русло рѣки въ мѣстахъ слишкомъ узкихъ, сѣзнить въ бассейнахъ слишкомъ широкихъ, главное уничтожить по возможности количество ея пороговъ. Другіе предлагаютъ прорыть у основанія Трансильванскихъ горъ каналъ, который бы слѣдовалъ по направленію прежняго теченія Тиссы.

Самая характерная картина, развертывающаяся передъ путешественникомъ по Тиссѣ, — болотныя и водныя пространства въ нѣсколько сотенъ, а иногда даже и въ нѣсколько тысячъ саженой, которыя тянутся по обоимъ берегамъ. Селенія очень рѣдки: иногда въ продолженіи цѣлаго дня вы едва насчитаете ихъ съ полдюжины. Также рѣдко вы встрѣчаете сухое побережье, и тогда передъ вашими глазами тянутся поля. Большинство же мѣстностей, вѣроятно, нельзя даже обратить въ пастбища, такъ какъ вамъ очень рѣдко попадаются стада рогатаго скота. Тамъ и здѣсь торчатъ шесты колдцевъ, а затѣмъ опять идутъ болота, лужи и разнообразныя водныя и болотистыя поверхности. Послѣ нѣсколькихъ часовъ однообразнаго путешествія вамъ удастся иногда увидѣть, на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга, отдѣльно стоящія холмы, около 30 футовъ высоты и до 100 фут. въ окружности. Они тянутся иногда въ два

ряда; по предположенію однихъ, это могилы древнихъ языческихъ народовъ, другіе доказываютъ, что это ни что иное какъ естественные бугры, въ родѣ тѣхъ, которые мы встрѣчаемъ на берегахъ Каспійскаго моря.

Во время прогулки по Тиссѣ любопытнѣе всего наблюдать мѣстныхъ птицъ. Всевозможные роды чашекъ назойливо кружатся нѣкоторое время около парохода, затѣмъ высоко поднимаются и, отливая серебрянымъ блескомъ, спускаются внизъ, носятся надъ поверхностью воды, слегка касаясь ея своими крыльями, садятся на воду и отдаются на нѣкоторое время теченію. Но вотъ онѣ вдругъ взвились вверхъ и понеслись съ пронзительнымъ крикомъ. Драчливыя пигалицы, испуганныя большимъ соколомъ, мчатся черезъ рѣку въ безопасный тростникъ и обезпокоиваютъ своимъ внезапнымъ появленіемъ дергача, который съ ранняго утра до восхода солнца издаетъ, то тамъ, то здѣсь, свой скрипящій звукъ. То на томъ, то на другомъ берегу Тиссы вы видите одиноко стоящаго аиста. Онъ точно окаменѣлъ на одномъ мѣстѣ, стоитъ, высоко поднявъ одну ногу, склонивъ голову на грудь и подстерегая рыбку или дерзкую лягушку. Иногда вмѣсто аиста появляется даже пеликанъ, котораго издали можно узнать по его громадному, только ему одному свойственному клюву. Стройные ибисы размѣреннымъ шагомъ бродятъ по берегу водныхъ пространствъ. Вы можете здѣсь наблюдать также цаплю: она ловитъ на берегу рыбу, выбрасываемую волнами. На берегахъ Тиссы чрезвычайно много водится этой птицы и притомъ самыхъ разнообразныхъ видовъ; тутъ вы можете увидѣть черную цаплю, малорослую, шелковистую и даже иногда серебристую, перья которой многіе цѣнятъ очень высоко. Нерѣдко пугаетъ здѣсь ночнаго путника выпь, издающая своеобразные, похожіе на барабанный бой, звуки. Еще чаще встрѣчаете вы журавлей, которые бродятъ по водѣ, выдѣлывая отъ времени до времени уморительные прыжки.

На влажныхъ лугахъ, возлѣ болотъ, во множествѣ водятся кулики, бекасы, а также цѣлыя стаи свистуновъ; вблизи пастбищъ безъ устали рѣзвятся веселые, болтливые скворцы; въ тростникѣ гнѣздятся пѣвчія птички. Изрѣдка, изъ далекихъ лѣсовъ, прилетаетъ сюда для добычи огромный, храбрый соколъ, который наводитъ тогда ужасный страхъ на маленькихъ водяныхъ птичекъ. Необычайно красивое зрѣлище представляетъ орель: описывая круги, онъ гордо паритъ въ голубой выси, затѣмъ съ быстротою молніи падаетъ внизъ. Если ему тотчасъ не удастся схватить добычу, онъ нѣсколько секундъ летаетъ надъ поверхностью воды, затѣмъ вновь поднимается въ высоту и тотчасъ опять стремительно спускается внизъ. Если добыча въ когтяхъ у хищника, то пѣна волнъ, которую онъ взволновалъ своими могучими крыльями, скрываетъ его отъ глазъ. Черезъ мгновеніе однако онъ поднимается торжествуя съ тяжелою рыбою въ когтяхъ и стряхиваетъ съ себя воду величественными взмахами крыльевъ: падающія съ него капли искрятся радужными цвѣтами. Трудно даже дать понятіе о количествѣ и разнообразіи здѣшнихъ птицъ; извѣстно только, что утки всего многочисленнѣе и представляютъ охотнику легкую и богатую поживу. Жизнь по берегамъ Тиссы сильно разнообразится множествомъ рѣчныхъ черепахъ, чудовищно жирныхъ лягушекъ, которыми питаются проворные ужи и многіе виды птицъ. Въ тростниковыхъ чащахъ живутъ очень опасные для овечьихъ стадъ волки и безчисленное множество лисицъ, которыя находятъ здѣсь для себя лакомыя блюда. Тѣхъ и другихъ хищниковъ было бы здѣсь гораздо больше, если бы мѣстнымъ жителямъ не приходилось такъ часто собирать камышъ, оказывающій въ хозяйствѣ множество услугъ: имъ мѣстные жители покрываютъ крыши домовъ и другихъ построекъ, плетутъ рогожи; онъ служитъ нерѣдко и подстилкою для скота и какъ горючій матерьялъ для топки печей.

Не смотря однако на это разнообразіе пернатыхъ, картины по берегамъ Тиссы и на самой рѣкѣ утомительно однообразны. Обширная поверхность воды, облитая солнцемъ въ жаркое лѣтнее время, сильно отражаетъ солнечный блескъ. Сорокаградусный жаръ въ полдень совѣмъ валить съ ногъ... Но если въ это время сонъ не одолѣетъ васъ и вы хотя нѣсколько минутъ можете простоять на палубѣ, глазамъ представится въ высшей степени своеобразное зрѣлище—воздушное явленіе «*Fata Morgana*». Среди сухихъ пространствъ побережья, точно какой нибудь волшебной силой, поднимаются въ воздухъ могучіе потоки. Когда жара спадаетъ, вы снова можете обратить вниманіе на то, что происходитъ на рѣкѣ. Кромѣ лодокъ и барокъ, которыя снуютъ взадъ и впередъ, внизъ по теченію плывутъ барки и плоты, нагруженные бревнами, досками, брусьями, дровами и разнымъ строевымъ лѣсомъ. Лишенная лѣсовъ и деревьевъ венгерская равнина получаетъ лѣсной товаръ изъ богатыхъ лѣсовъ Карпатскихъ горъ. Безпрестанно васъ обгоняетъ судно съ углемъ, шкипера котораго, черные, какъ матерьялъ, который они везутъ, отправляется въ свои первобытные лѣса. Но чаще всего вамъ попадаются плоты съ солью, нагруженною на нихъ въ видѣ трехгранныхъ пирамидъ и прикрытою отъ непогоды досчатою крышею. Плоты эти прикрѣплены другъ къ другу и на каждой такой флотиліи изъ плотовъ возвышаются по два небольшихъ шалаша: одинъ для надсмотрщика, другой для плотовщиковъ.

До проведенія желѣзной дороги Тисса была самымъ важнымъ, можно даже сказать, единственнымъ путемъ сообщенія во всей восточной равнинѣ: болота прерывали сообщеніе на большихъ пространствахъ, прокладывать же шоссейныя дороги во многихъ здѣшнихъ мѣстностяхъ стоитъ даже дороже, чѣмъ устроить рельсовый путь. И это понятно, такъ какъ для шоссейныхъ дорогъ приходится привозить камни и щебень изъ мѣстъ, лежащихъ часто на двадцати-часовомъ разстояніи. При этомъ проѣзжать приходится по ужаснымъ дорогамъ. Въ Венгріи, въ большей части мѣстностей, гдѣ существуетъ проселочная дорога, она такъ плоха, что трудно даже дать о ней надлежащее понятіе. Мягкая, наносная почва равнины не содержитъ въ себѣ даже песку, поэтому послѣ сильныхъ дождей земля превращается, на одинъ или на два фута глубины, въ жидкій кисель. Колеса экипажа съ величайшимъ трудомъ тащатся по этимъ топямъ, точно полозья по санному пути. Когда же, спустя нѣсколько дней, жидкая грязь сгустится, то она, точно замазка, облѣпляетъ ось и спицы колесъ до такой степени, что экипажъ каждую минуту останавливается и кучеру приходится соскакивать съ козелъ и желѣзнымъ орудіемъ счищать эту замазку. Путешествіе при такихъ обстоятельствахъ безконечно медленно и въ высшей степени мучительно для людей и животныхъ. Еще прежде чѣмъ покажется по дорогѣ мѣстная телѣга или возокъ, вы уже услышите немовѣрный скрипъ колесъ, удары, брань и проклятія. Если лошадь сломитъ ногу или падаетъ отъ усталости, съ нея тотчасъ сдираютъ кожу, а ея трупъ бросаютъ тутъ же, на дорогѣ. Часто въ грязи вязнетъ не только экипажъ, но и распряженные лошади не могутъ сами вылѣзти и стоятъ какъ вкопанныя. Тогда къ лошадямъ припрягаютъ воловъ и вытягиваютъ сначала ихъ, а потомъ экипажъ. Къ счастью, со времени проведенія тисской желѣзной дороги, въ Венгріи меньше приходится ѣздить по ея ужаснымъ дорогамъ. Что же касается до перевозки тяжестей, то ихъ гораздо удобнѣе и дешевле провозить водянымъ путемъ по Тиссѣ, особенно если ихъ приходится перегружать. Многіе отдають преимущество пароходу также и потому, что живутъ ближе къ Тиссѣ, чѣмъ къ ближайшей станціи желѣзной дороги.

Теперь снова обратимъ наше вниманіе на берегъ. Если вы оставили Эзеге и отправились дальше, внизъ по теченію Тиссы, то вы опять встрѣчаете по обѣимъ сторонамъ обширныя топи. Вы проѣзжаете нѣсколько миль, не встрѣчая никакого слѣда человѣче-

скихъ жилищъ. Наконецъ, на правомъ берегу повлется нѣсколько мѣстечекъ: Поросло, Тисса-Нана; на лѣвомъ—Фѣдваръ и гораздо ниже Абадь. Но вслѣдствіе топей эти мѣстечки далеко расположены другъ отъ друга. Тутъ вездѣ болѣе или менѣе сильно господствуютъ лихорадки, но Абадь и его окрестности—ихъ настоящіе разсадники. Въ иные года эти лихорадки убиваютъ человѣка послѣ двухъ-трехъ пароксизмовъ; нерѣдко онѣ являются въ видѣ эпидемій и особенно быстро сваливаютъ съ ногъ новичковъ, которые пришли сюда для уборки хлѣба. Эта болотная лихорадка иногда поражаетъ несчастныхъ жителей даже среди зимы и если не всегда бываетъ смертельна, во всякомъ случаѣ до послѣдней степени ослабляетъ организмъ каждаго, кто только имѣлъ несчастье захватить ее.

Отъ Абада до Солнока приходится ѣхать нѣсколько часовъ, встрѣтивъ только одно село Рофъ. Между Рофомъ и Абадомъ идетъ каналъ, который приводитъ къ огромному болоту Саррету. При весеннихъ разливахъ въ это громадное болото стекаютъ воды рѣки и водяные потоки изъ болотъ Вереснада. Когда при этомъ еще начинаются дожди, то всѣ эти водяные потоки и оба болота Сарретъ и Вереснадъ превращаются въ одно громадное водное пространство. Отъ Тиссы-Нана до Солнока, по всему правому берегу, тянутся только необработанныя пространства, болота, мѣстности, покрытыя камышемъ, лужи, и топи. Тисса идетъ здѣсь страшно крутыми и частыми извилинами. Благодаря этимъ змѣевиднымъ изгибамъ, приходится три раза приближаться къ Солноку и три раза вновь удаляться отъ него. Между Токаемъ и Солнокомъ всего 19 миль разстоянія, но, слѣдуя изгибамъ рѣки, вамъ придется проѣхать цѣлыхъ 50 миль.

Когда путешественникъ ѣдетъ по Тиссѣ цѣлый день, на него болѣе всего производятъ сильное впечатлѣніе разнообразно мѣняющіяся свѣтотыя явленія. Утромъ онъ видѣлъ великолѣпный восходъ солнца на границѣ горной области; въ полдень отъ безконечныхъ испареній водяныхъ массъ и болотныхъ растений небо стало густо заволакиваться сѣрвато-блѣдными тучами. Но самое оригинальное явленіе представляетъ здѣсь заходъ солнца. Позади болотъ и степей солнце представляется какимъ-то колоссальнымъ огненнымъ шаромъ, который, какъ легкимъ флеромъ, подернуть бѣловатой тучкой испареній. Вдругъ все небо стало багровымъ, колоссально-огненный шаръ еще увеличился и точно грозитъ какое нибудь неслыханное явленіе природы. Черезъ минуту огненное свѣтило принимаетъ желтый отливъ, который постепенно блѣднѣетъ.

Тисса всегда останется мѣстопробываніемъ настоящей мадьярской національности; только по ея верхнему теченію живутъ: русины и румыны; по нижнему группами расселились сербы; все же длинное среднее теченіе Тиссы принадлежитъ исключительно мадьярамъ. Тисса неразрывно связана съ фантазією истаго мадьяра: онъ любитъ ее до мечтательности и воспѣваетъ ее въ своихъ народныхъ пѣсняхъ.

Альфѣльдъ и его однообразный ландшафтъ.—Недостатокъ лѣса и камня.—Климатъ.—Плодородіе почвы.—Сельское хозяйство Альфѣльда.—Бѣдность народа.

Большая часть Венгріи образуетъ плодородную, открытую равнину. Отъ Пешта до границъ Трансильваніи, отъ Токая до Бѣлграда тянется обширная, вѣрнѣе сказать, безконечная равнина, называемая «Alföld», т. е. низменность. въ отличіе отъ прикарпатскихъ областей на сѣверѣ Венгріи, носящихъ названіе «Felföld», или возвышенность. Хотя мы находимъ въ альфѣльдѣ многочисленныя словацкія колоніи, а его южная часть, такъ называемый Банатъ (полоса земли, простирающаяся по юго-восточной оконечности Венгріи, между Тиссою, Марошемъ и Дунаемъ), населена нѣмцами, румынами и сербами,

лишь съ небольшою примѣсю мадырь, тѣмъ не менѣ большая часть жителей альфѣльда—мадыры. Кто хочетъ хотя сколько нибудь познакомиться съ прошедшимъ и настоящимъ мадырь, составить себѣ понятіе о торговлѣ, земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ этого народа, долженъ основательно изучить альфѣльдъ, эту колыбель мадырской національности. Оригинальная природа альфѣльда отразилась на характерѣ, нравахъ и обычаяхъ этого народа. За исключеніемъ мѣстностей, прилегающихъ къ подошвѣ горъ, которыя волнистымъ кряжемъ лежатъ между Дунаемъ и Тиссою, все остальное пространство представляетъ безпредѣльную равнину. Альфѣльдъ—совершенно ровная страна, безъ всякихъ повышеній и пониженій: это равнина въ буквальномъ смыслѣ слова; мѣстами она болотистая, глинистая, а часто совершенно сухая. Эта венгерская равнина хотя и представляетъ слегка наклонную плоскость, но этотъ наклонъ незамѣтенъ для глазъ. «Необъятно, томительно безпредѣльно», вотъ что говоритъ каждый путешественникъ, когда ему придется день-другой поѣздить по безконечнымъ равнинамъ альфѣльда. Единственныя выдающіяся точки на этой гладкой, какъ скатерть, поверхности— невысокія дюны въ видѣ параллельныхъ грядъ да курганы. Здѣсь всюду встрѣчаешь одни и тѣже ландшафты: далеко разстилающійся горизонтъ, крайній недостатокъ построекъ, необъятныя, неогороженныя поля съ пшеницею, кукурузою, коноплей, подлѣ которыхъ тамъ и здѣсь торчатъ подсолнечники, и, наконецъ, оригинальные венгерскіе колодцы. Эти колодцы за отсутствіемъ горъ, вершинъ, деревьевъ, а во многихъ мѣстностяхъ даже и жилищъ, рѣзко выступаютъ на пустынномъ ландшафтѣ. «Они обыкновенно состоятъ изъ глубокаго сруба, опущеннаго въ землю и обнесеннаго низкой, въ большинствѣ случаевъ кирпичной стѣнкой. Ведро, плавающее на поверхности воды, привязывается къ концу длинной, тонкой жерди, другой конецъ которой прикрѣпляютъ къ концу деревяннаго коромысла, но такъ, чтобы онъ могъ свободно двигаться; коромысло, въ свою очередь, привѣшиваютъ къ вершинѣ крѣпкаго бревна, вбитаго въ землю. Рядомъ съ колодцемъ стоятъ два корыта, одно ниже другаго, изъ которыхъ поятъ лошадей и рогатый скотъ, вливая въ нихъ воду, почерпнутую ведромъ изъ колодца».

Вотъ какое понятіе объ альфѣльдѣ даетъ одинъ мадырскій писатель: «кто когда-либо проѣзжалъ по одной какой-нибудь части альфѣльда, по той или другой сторонѣ Тиссы, тотъ смѣло можетъ сказать, что знаетъ его весь. Только долгое и близкое знакомство можетъ дать наблюдателю возможность открыть тѣ едва уловимые оттѣнки, которыми одна часть этой обширной страны отличается отъ другой. Когда путешественникъ, случайно заснувшій во время проѣзда по песчанымъ равнинамъ, откроетъ глаза черезъ нѣсколько часовъ, онъ можетъ замѣтить, что подвинулся впередъ, только по усталости лошадей и положенію солнца. Общій характеръ и даже отдѣльныя подробности окружающаго ландшафта такъ же мало помогутъ ему выяснить себѣ, гдѣ онъ находится, какъ однообразная водяная равнина путешественнику по Атлантическому океану. Луга тянутся до безконечности по обѣимъ сторонамъ, и ихъ однообразіе нарушается лишь тамъ и здѣсь длиннымъ деревяннымъ шестомъ около непокрытаго колодца или кучкой журавлей, собравшихся около полувысохшей лужайки; обработанныя поля, пшеница и маисъ которыхъ оставлены на волю провидѣнія, въ надеждѣ, что вору трудно будетъ укрыться съ ними, кое-гдѣ виднѣющіяся уединенныя усадьбы, стерегомая мохнатой дворняшкой и окруженная гигантскими стогами сѣна и соломы, — все это онъ видѣлъ, когда засыпалъ, и все это видитъ теперь, когда проснулся. Даже вотъ эти церковныя башни, которыя, когда онъ въ послѣдній разъ взглянулъ на нихъ, выдавались какъ два остроконечныхъ столба на отдаленномъ горизонтѣ, снова очутились передъ его глазами. Словомъ, между тѣмъ, что онъ видѣлъ тогда, и тѣмъ, что видитъ теперь, та-

кая-же незамѣтная разница, какъ между деревней, которую онъ тогда оставилъ позади себя, и городомъ, къ которому теперь подъѣзжаетъ».

Самая характерная особенность альфельда — совершенный недостатокъ не только лѣсовъ, но часто даже деревьевъ и еще болѣе камней. Недостатокъ лѣса заставляетъ жителей употреблять для топлива солому; но такъ какъ хозяйство ведется здѣсь первобытнымъ образомъ, то ее слишкомъ недостаточно и приходится замѣнять камышомъ, а также и коровьимъ каломъ. Для этого коровій калъ высушиваютъ на солнцѣ и готовятъ плитками. Такимъ образомъ простой народъ, за недостаткомъ лѣса, употребляетъ для топлива вещества, которыми онъ долженъ былъ бы удобрять свою землю. Такъ какъ въ послѣднее время все болѣе стали сознавать, какое вредное вліяніе имѣетъ недостатокъ лѣса, то принялись разводить деревья вокругъ полей, селеній, вдоль дорогъ, но и до сихъ поръ еще въ центральной части альфельда существуетъ множество мѣстностей, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ деревьевъ; да и въ тѣхъ, гдѣ они насажены, ихъ насчитываютъ среднимъ числомъ лишь отъ 15 до 20 на квадратную милю. При этомъ нужно замѣтить, что деревья въ различныхъ мѣстностяхъ распределены очень неравномерно и что количество ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ.

Другое характерное явленіе этой равнины — недостатокъ камня; поэтому устройство шоссеиныхъ дорогъ здѣсь обходится нерѣдко дороже рельсовыхъ путей. Во многихъ мѣстностяхъ только доставка песку и щебня стоитъ болѣе 300 флориновъ на нѣмецкую милю. Проливные дожди превращаютъ обыкновенно дороги въ настоящія рѣки грязи: колеса экипажа уходятъ такъ глубоко, что ихъ часто приходится вытаскивать съ помощью людей. Въ такой странѣ, какъ Венгрія, гдѣ камня нигдѣ нѣтъ, невозможно въ исправности содержать дороги. Камни же здѣсь такъ рѣдки, что въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ можно было бы помѣщать въ витринахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, на ряду съ благородными металлами и драгоценными камнями.

Альфельдъ всюду внесъ характеръ своего однообразія: вы его встрѣтите въ составѣ почвы, въ царствѣ животномъ и растительномъ. Вы нигдѣ не видите здѣсь хвойныхъ деревьевъ, между тѣмъ акація существуетъ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. Табакъ тоже можно было бы разводить во всей равнинѣ, но вслѣдствіе разныхъ стѣснительныхъ мѣръ его встрѣчаешь здѣсь далеко не вездѣ. Это однообразіе въ характерѣ явленій природы имѣетъ огромное вліяніе на жизнь и на складъ характера народа. Перемѣняя мѣсто своего жительства, одинъ домъ на другой, село, имѣніе, даже и въ томъ случаѣ, еслибы переимѣна съ перваго взгляда казалась слишкомъ рѣзкою, напр. если бы мадьяру пришлось перебраться съ юга альфельда на сѣверъ, онъ все-таки ничего не теряетъ. Онъ вездѣ найдетъ: богатую жатву, отвратительныя дороги, недостатокъ лѣса, камня и стремительныхъ потоковъ; его всюду будутъ встрѣчать болотистыя пространства, безконечно ровныя, необъятныя поля и пастбища, таже почва, совершенно одинаковый климатъ. Вотъ почему у мадьяра не можетъ быть сильной привязанности къ извѣстной мѣстности, и онъ легко разстается съ селомъ, гдѣ провелъ большую часть своей жизни, но совсѣмъ покинуть родину, жить внѣ Венгріи, ему очень тяжело.

Крайній недостатокъ въ лѣсѣ, въ камнѣ и въ другихъ строительныхъ матерьялахъ, а также въ высшей степени дурныя дороги имѣли огромное вліяніе на развитіе земледѣлія и сельскаго хозяйства. Такъ какъ хозяину нѣтъ возможности легко и выгодно сбыть излишекъ своихъ сельскихъ произведеній, онъ небрежно относится къ обработкѣ своей земли, не думаетъ о новыхъ улучшенныхъ способахъ. Тутъ обыкновенно даже зажиточный землевладѣлецъ говоритъ, что на его домашнія потребности ему хватитъ хлѣба, а готовить на продажу не стоитъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ небогатому человѣку уже нечего и думать продавать свой маленькій изли-

шекъ. Правда, желѣзныя дороги облегчили теперь сообщенія, но онѣ существуютъ далеко не вездѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще и теперь издержки на дорогу превышаютъ барышъ отъ продажи хлѣба.

До 1849 года сельскіе жители старались побольше приобрѣтать овецъ, длинноногихъ, бѣлыхъ быковъ и полудикихъ лошадей. Этихъ животныхъ гораздо удобнѣе было посылать на рынокъ по глубокимъ колеямъ и узкимъ тропинкамъ, по которымъ несравненно труднѣе было бы проѣхать возамъ съ мѣшками пшеницы. Поэтому количество полей было тогда меньше, чѣмъ теперь. Въ 1849 г. произошло освобожденіе крестьянъ; налоги, которые прежде исключительно лежали на плечахъ народа, теперь уплачивались и другими классами; но такъ какъ жизнь сильно вздорожала, то крестьяне скоро увидѣли, что продажею своего скота они теперь уже не покроютъ своихъ расходовъ и начали запасивать пастбища и засѣвать ихъ хлѣбомъ. Какъ только производство пшеницы и кукурузы увеличилось, цѣны на нихъ пали, а это въ свою очередь требовало увеличенія запашекъ. Вслѣдствіе этого пространство воздѣланныхъ земель теперь сильно возросло, а число пастбищъ уменьшилось. Однако, хотя количество обработанныхъ земель увеличилось, сельское хозяйство Венгріи не можетъ выдержать никакого сравненія въ этомъ отношеніи съ Бельгіею, Германіею и Англіею. Но нельзя сказать, что научныя агрономическія усовершенствованія, такъ щедро обогатившія цивилизованную Европу, уже совсѣмъ не коснулись Венгріи. На нѣкоторыхъ большихъ фермахъ землевладѣльцы ввели машины, способствующія облегченію труда и сокращенію времени. Есть здѣсь и фабрики, изготовляющія усовершенствованныя земледѣльческія орудія; въ Пештѣ существуетъ нѣсколько агрономическихъ обществъ; но для такой страны, какъ Венгрія, все это капля въ морѣ и ея сельское хозяйство въ сравненіи съ другими европейскими странами стоитъ на очень низкой степени. Въ ея оправданіе можно сказать, что для правильнаго развитія земледѣлія здѣсь существуетъ множество неблагоприятныхъ условій. Мы уже говорили, какое гибельное вліяніе имѣютъ недостатокъ лѣса, камня и дурныя дороги.

Почва альфѣльда—черноземная и тучная, но плодородію его часто сильно вредятъ соляныя частицы, которыя выступаютъ на поверхности земли. Это чаще всего случается между Арадомъ и Дебрециномъ, гдѣ, благодаря такимъ осадкамъ соли, довольно большія пространства остаются безплодными.

Способы веденія хозяйства въ Венгріи самые первобытныя, и такимъ образомъ ведетъ свое хозяйство по крайней мѣрѣ три четверти всѣхъ хозяевъ. У нихъ не существуетъ ни искусственнаго орошенія, ни осушенія: первое вполнѣ предоставлено дождямъ, которые здѣсь бываютъ особенно обильны, а второе—солнцу. Крестьяне пахутъ мелко, поверхностно, удобряютъ имъ приходится свою землю плохо, такъ какъ большую часть удобренія они, какъ мы уже знаемъ, употребляютъ для топлива. Орудія для обработки полей, въ большинствѣ случаевъ, также самыя первобытныя. Да и какъ запастись желѣзнымъ плугомъ, когда на много миль въ окружности нѣтъ кузнеца, который бы починилъ его, когда это будетъ нужно. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и то люди зажиточныя, вымолачиваютъ свой хлѣбъ, не портя соломы, у другимъ же хозяевъ небо служитъ кровомъ для ихъ зерна, скота и сѣна; калъ животныхъ употребляютъ какъ топливо, а золу, оставшуюся отъ него, разбрасываютъ на поляхъ; зерно не вымолачиваютъ, а вытаптываютъ лошадьми и волами; хлѣбъ сохраняютъ въ земляныхъ ямахъ, стѣны которыхъ для крѣпости обжигаютъ горящею соломой, а затѣмъ отверстія плотно засыпаютъ пескомъ. Въ такихъ мѣстностяхъ, разумѣется, никто не обращаетъ вниманія, что хлѣбъ принимаетъ вкусъ земли.

Хорошимъ урожаемъ еще болѣе вредитъ переменчивый климатъ страны, который

отличается часто повторяющимися засухами, внезапными и очень сильными ливнями, страшнымъ лѣтнимъ зноемъ и сильными морозами во время короткой зимы.

Когда происходятъ засухи, пыль отъ проѣзда экипажа поднимается столбами, такъ что вы рѣшительно не въ состояніи разглядѣть ни одного предмета, не можете дышать. Затѣмъ вдругъ начинается дождь, который быстро переходитъ въ ливень. Цѣлые мѣсяцы проходятъ иногда безъ капли дождя, за то бывають и такія наводненія отъ дождей, о которыхъ трудно составить себѣ понятіе. Цѣлыя мѣстности остаются тогда затопленными по недѣлямъ и даже мѣсяцамъ, и глазу нерѣдко представляются пространства въ 5,000 квадр. километровъ (километръ = 468 сажень), сплошь покрытыхъ водой. Во время засухъ происходятъ нерѣдко страшные ураганы, которые, не встрѣчая на пути никакого препятствія, свободно носятся по безпредѣльной равнинѣ. Но самое характерное явленіе здѣшняго климата — быстрая и внезапная перемена температуры: утромъ термометръ показываетъ 7° Р., а въ полдень жара доходитъ до 30° и болѣе; нерѣдко термометръ опускается въ теченіи какихъ-нибудь двухъ часовъ на 16 и даже на 20°. Ученые доказываютъ, что извѣстная своею губительностью венгерская лихорадка происходитъ прежде всего отъ этихъ внезапныхъ переменъ. Этотъ измѣнчивый климатъ заставляетъ крестьянина, даже лѣтомъ, хотя бы онъ отправлялся очень недалеко, брать свой овчинный тулупъ. Не даромъ здѣсь сложилась народная поговорка: «сынъ мой, не забывай хлѣба зимой и шубы лѣтомъ». Эти перемены въ температурѣ и ея крайности гибельны и для земледѣлія. Зима здѣсь вообще довольно умѣренная, но страшные холода и морозы наступаютъ внезапно и продолжаются нѣсколько дней. Весна начинается рано и бываетъ благопріятнѣе для растительности, чѣмъ въ Германіи, но майскіе морозы иногда совсѣмъ уничтожаютъ ее.

Сельскому хозяйству вредитъ и то обстоятельство, что землевладѣльцы, хотя и живутъ не въ городахъ, а въ деревняхъ, но не могутъ сами управлять участками, часто весьма отдаленными отъ ихъ мѣста жительства. Они поручаютъ управление ими крестьянину, который съ своимъ семействомъ помѣщается въ «таніи» (пристаніце, ночлегъ), небольшомъ жилищѣ, построенномъ близъ такой полосы. Не только богатые землевладѣльцы отдаютъ другимъ въ распоряженіе свои отдаленные участки, но даже и крестьяне. Землевладѣлецъ продолжаетъ жить съ своею семьею въ селѣ и рѣдко показывается зимою въ таніи; но тѣмъ не менѣе средоточіе хозяйства здѣсь, а не въ селѣ. Къ таніи примыкаетъ гумно, гдѣ послѣ жатвы молотятъ хлѣбъ; здѣсь громоздятся огромныя кучи соломы и сѣна. Рабочій скотъ, употребляемый для полевыхъ работъ, находится здѣсь не только лѣтомъ, но и зимою. Здѣсь же занимаются и свиноводствомъ: наибольшее количество свиней остается въ таніи, а въ селѣ ихъ бываетъ только такое количество, какое нужно для домашняго употребленія. Кромѣ гумна въ таніи существуетъ и другое строеніе, которое служитъ для склада сельско-хозяйственныхъ орудій; если осенью они требуютъ поправки, ихъ отправляютъ въ село, къ мастеру. Если же сломается что-нибудь во время работы и плохія дороги не позволяютъ отправиться въ село, тогда хорошее орудіе замѣняютъ первобытнымъ.

Жилище въ таніи, если только его можно назвать жилищемъ, крайне просто: у мелкихъ крестьянъ оно состоитъ только изъ одной комнаты и кухни съ кладовою.

Таніасъ (живущій въ таніи) живетъ здѣсь съ своею семьею лѣто и зиму. Кромѣ своего семейства онъ по нѣскольку мѣсяцевъ не видитъ ни одного человѣческаго существа; при болѣе обширныхъ хозяйствахъ у таніаса есть помощникъ для ухода за скотомъ. Въ теплое время года жизнь въ таніи болѣе разнообразна: хозяйинъ земли, которая поручена таніасу, самъ пріѣзжаетъ весною засѣвать хлѣбъ. Для другихъ полевыхъ ра-

*

ботъ хозяинъ привозить рабочихъ; разстояніе отъ села по большей части очень велико, но работники сюда и обратно ѣздятъ, а не ходятъ пѣшкомъ.

Таніасъ — работникъ, который нанятъ за опредѣленную плату натурою отъ Михайлова до Юрьева дня; послѣ этого, въ продолженіе лѣта, онъ имѣетъ только даровое жилище и нѣкоторые съѣстные припасы и получаетъ съ хозяина за работу поденную плату. Но не каждый крестьянинъ въ состояніи нанять таніаса: наименѣе бѣдные изъ нихъ сами дѣлаются ими. Если въ семействѣ такого крестьянина есть нѣсколько сыновей, они чередуются другъ съ другомъ: одинъ годъ въ таніа живетъ одинъ сынъ, затѣмъ другой и т. д. Въ нѣкоторыхъ таніяхъ только лѣтомъ живетъ постоянно одинъ изъ членовъ семьи, а на зиму все таніаское сельское хозяйство перетаскиваютъ въ село. Но это дѣлаютъ только очень бѣдные крестьяне, которые имѣютъ небольшое хозяйство, такъ какъ держать въ селѣ скоть и рабочихъ лошадей очень затруднительно. Такимъ образомъ надзоръ за полевыми работами производится не изъ села, а изъ таніа, гдѣ также большею частію откармливаютъ и выращиваютъ скоть. Нечего и говорить, что для хозяйства было бы полезнѣе, если бы его могли вести тамъ, гдѣ живетъ землевладѣлецъ съ своимъ семействомъ. Тогда всѣ члены семьи, не разставаясь другъ съ другомъ, могли бы исподоволь надзирать за хозяйствомъ, между тѣмъ при таніаскомъ способѣ многіе члены семьи не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о хозяйствѣ.

Немало вредить успѣху сельскаго хозяйства и то обстоятельство, что въ странѣ такъ много различныхъ національностей. Мѣстнымъ фермерамъ нерѣдко приходится владѣть пятью-шестью языками, для того, чтобы объясняться съ своими рабочими. Это будетъ понятно, если мы вспомнимъ, что на 13.728,620 ж. Венгріи и Трансильваніи мадьяръ 6.165,088. Остальное населеніе состоитъ изъ румынъ, нѣмцевъ, словаковъ, хорватовъ, русинъ, евреевъ, цыганъ, грековъ, армянъ и другихъ.

Однако, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, земли альфѣльда даютъ иногда нѣсколько лѣтъ сряду превосходный урожай. Черноземная, въ большей части страны, почва обладаетъ богатымъ запасомъ органическихъ веществъ, и дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нижней Венгріи легко снимаютъ три и даже четыре урожая сряду безъ всякаго удобренія. Равнина альфѣльда и та часть Баната, гдѣ нѣтъ болотъ, въ урожайные годы даютъ громадное количество хлѣба. Европейскіе торговцы считаютъ этотъ хлѣбъ лучшимъ въ Европѣ и платятъ за него дороже, чѣмъ за тотъ, который они вывозятъ изъ другихъ странъ. Необыкновенное зрѣлище представляетъ эта огромная венгерская равнина передъ жатвой: на всемъ пространствѣ, какое можетъ только охватить взоръ, волнуется море золотистыхъ колосьевъ, переливаясь на солнцѣ различными цвѣтами. Послѣ жатвы то же пространство покрыто безчисленными скирдами, которые издали напоминаютъ шатры.

И такъ, не смотря на то, что земледѣліе въ Венгріи захватываетъ все большія пространства, суживая пастбища, что пашни даютъ богатый урожай, что крестьяне съ 1848 года освобождены и надѣлены землею, — въ странѣ чрезвычайно много бѣдныхъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе ненависти и ложныхъ отношеній къ австрійскому правительству, статистическимъ даннымъ въ Венгріи по многимъ вопросамъ или совсѣмъ нельзя довѣрять, или ихъ вовсе не существуетъ. Вслѣдствіе этого мы будемъ руководствоваться только тѣмъ, что подтверждено нѣсколькими иностранными писателями. Въ Буда-Пештѣ, столицѣ Венгріи, съ населеніемъ въ 360 тысячъ жителей, насчитываютъ цѣлые десятки тысячъ людей обою пола, неимѣющихъ возможности добыть себѣ постоянный уголь даже въ подвальномъ этажѣ. Этихъ людей здѣсь такъ много, что для нихъ существуетъ даже особое названіе: «искатели постелей», и въ

1870 году ихъ было въ этомъ городѣ 41,415 человекъ, что составляло въ то время пятую часть общаго числа жителей. Ни въ одномъ изъ большихъ городовъ Европы число поденщиковъ и людей перебивающихся изо дня въ день мелкою работою не доведено до такой цифры, какъ въ этой столицѣ: оно обнимаетъ болѣе 100,000 лицъ, слѣдовательно пролетаріатъ составляетъ здѣсь треть населенія.

Одна изъ главныхъ причинъ бѣдности венгерскаго люда—неравномѣрное распределение земли. Тутъ существуютъ до того большія имѣнія, что многіе владѣльцы никогда не объѣзжаютъ ихъ и не знакомятся съ ними: это цѣлыя области, обнимающія сотни квадратныхъ верстъ. Крупные собственники составляютъ аристократію и крупная поземельная собственность занимаетъ въ Венгріи видное мѣсто. Въ странѣ существуетъ до 5,000 имѣній пространствомъ отъ 500 до 5,000 гектаровъ и 231 имѣніе пространствомъ болѣе 5,000 гектаровъ каждый. Мелкая земельная собственность не занимаетъ даже и трети территоріи государства и состоитъ большею частью изъ очень маленькихъ участковъ. Мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ менѣе 5-ти венгерскихъ десятинъ (т.-е. $2\frac{1}{10}$ русск. десят.) около 1.444,400 человекъ. Благодаря крупному землевладѣнію, около трехъ милліоновъ сельскаго населенія *) принуждены жить наемной работою на чужихъ хозяйствахъ. Между крупными собственниками, составляющими аристократію, и крестьянами-собственниками существуетъ еще средній классъ собственниковъ, такъ называемыхъ «edelmens» (благородные люди), соответствующаго которому нѣтъ въ другихъ государствахъ: это въ сущности потомственные владѣльцы старинныхъ свободныхъ земель. Но ихъ имѣнія очень невелики, земли плохи и дурно обработаны, и сами они не имѣютъ никакого значенія въ странѣ. Огромныя земли крупныхъ землевладѣльцевъ, въ большинствѣ случаевъ, тоже дурно обработаны и приносятъ на наши деньги доходъ едва отъ полутора до трехъ руб. съ гектара. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ средній урожай хлѣба на венгерскихъ земляхъ гораздо менѣе средняго урожая полей Франціи и особенно Англій.

Венгерская пушта.—Ея жизнь и природа.—Пастухи: ихъ жилища, нравы, обычай и одежда.—Чарда и ея гости.—Какъ проводить пастухи день св. Георгія и правдникъ Троицы.

Мы уже говорили о томъ, что еще и теперь, преимущественно въ центральной части альфѣльда, существуютъ пространства, гдѣ почва, нѣсколько соленоватая или насыщенная натромъ, не поддается культурѣ и по которой проходятъ только стада. Вотъ эти-то пастбища, а также и обрабатываемыя пространства, но совершенно удаленныя отъ деревень и усѣянные таяніями, называются «пуштами» («puszta» т.-е. степь). Пуштою называютъ въ Венгріи каждое пространство земли, будь оно величиною въ нѣсколько сотъ саженой или въ нѣсколько квадр. миль, если только посреди его нѣтъ селеній. Въ Венгріи считаютъ до 3,000 пуштъ; вторая по величинѣ изъ нихъ называется пуштою Гортобаги, лежитъ въ окрестности города Дебречина и имѣетъ до 18-ти квадр. миль. Эта пушта особенно прославилась въ народныхъ пѣсняхъ и въ поэмахъ знаменитаго венгерскаго поэта Петѣфи; въ ней пасется около 30,000 головъ скота; на нѣкоторыхъ пуштахъ его гораздо менѣе, но существуютъ и такія, гдѣ его можно насчитать вдвое болѣе. Въ сѣверной Венгріи также не мало пуштъ; въ нихъ вы встрѣтите хозяйственныя постройки, поля, пастбища, но нигдѣ, кромѣ южной Венгріи, не найдете жилищъ самихъ владѣльцевъ.

*) Изъ всего сельскаго населенія Венгріи (около 5 мил.)—1.525,000 собственниковъ, 1.565,000 годовыхъ рабочихъ и 1.369,000 поденщиковъ.

Прежде всего каждая пушта представляет громадные поля пшеницы, маиса, безконечныя пастбища, песчаные пустыри, покосы, болотистыя пространства, поросшія тростникомъ, мѣстности, испещренныя лужами, трясинами и пересыхающими степными рѣчками, — однимъ словомъ, обработанная почва смѣняетъ здѣсь необработанную, часто дѣйственную и, смотря по времени года, походить то на благословенную страну, то на проклятую небомъ мѣстность. Внутри Венгріи пушты, часто громадныя, пересѣкаются заселенными мѣстностями.

Пушта съ неодолимой силой влечетъ къ себѣ всѣхъ пастуховъ Венгріи, такъ какъ они чувствуютъ себя здѣсь въ своей сферѣ. Разставшись съ нею по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, пастухъ всюду чувствуетъ себя изгнанникомъ, только и думаетъ, какъ бы опять навсегда попасть въ этотъ рай пастуховъ. И дѣйствительно, не смотря на то, что въ Венгріи, и особенно въ Карпатахъ, много прекрасныхъ, поэтическихъ мѣстностей, однако ничто не производитъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ видъ обширныхъ степей, извѣстныхъ подъ названіемъ пуштъ. Онѣ были воспѣты всѣми лучшими поэтами страны, а Петѣфи въ одной изъ своихъ самыхъ задушевныхъ пѣсень выражаетъ желаніе, чтобы его могильный курганъ возвышался среди широкой пушты.

Въ нѣкоторыхъ пуштахъ зеленыя пастбища тянутся на необозримыя пространства. Но не нужно представлять себѣ каждую пушту какой-то безграничной зеленой равниной, на которой пасутся прекрасныя стада, исчезающія въ морѣ зелени. Дивныя, необъятныя зеленыя пространства дѣйствительно существуютъ, но объемъ этихъ пастбищъ, какъ мы уже говорили, все уменьшается, да и зелень является здѣсь на весьма непродолжительное время года. Когда наступаетъ весна съ ея благотворными дождями, степи покрываются роскошнымъ зеленымъ ковромъ, который появляется сразу, въ нѣсколько дней, иногда даже въ нѣсколько часовъ. Послѣ тяжелаго сна вся природа вдругъ оживаетъ, всѣ хватаются тогда за плугъ и борону. Нужно торопиться: скоро наступитъ и долго прогоститъ все высушивающій солнечный зной. Тогда почва твердѣетъ, какъ камень, и эти безконечныя ровныя зеленыя пространства вянутъ и желтѣютъ. Горячій воздухъ высушиваетъ траву до корня, она ложится на землю и обширныя равнины кажутся тогда совсѣмъ черными. Зной, духота, совершенная засуха, отсутствіе всякой растительности — вотъ каково лѣто въ пуштѣ. Надъ черной землей виситъ цѣлый день тяжелый, темно-красный туманъ. Боже сохрани, когда знойный вѣтеръ подниметъ при этомъ сыпучій песокъ и разнесетъ его по степи темными тучами. Тогда у всѣхъ обитателей пушты одна мысль, всѣ страстно желаютъ дождя, который не освѣжаетъ воздуха часто по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Осенью, когда спадаетъ жара, снова, но на еще болѣе короткое время, появляется зеленая трава, точно для того, чтобы проститься передъ долгой разлукой. Эту зеленую траву, которою всѣ такъ дорожатъ послѣ томительно тяжелыхъ жаровъ, губить не снѣжный покровъ, а осенніе проливные дожди, которые служатъ предвѣстниками зимы. Ливни превращаютъ степи въ непроходимыя болота; вмѣстѣ съ ними наступаютъ и холода, которые быстро переходятъ въ жестокіе морозы. Вотъ какъ поэтъ Петѣфи описываетъ времена года въ пуштѣ:

«Знойный, лѣтній день; солнце высоко поднялось, его лучи, какъ самый сильный дождь, обдають пустыню палящимъ ливнемъ. Кругомъ меня степь, безконечная, широкая степь; я ухожу взорами далеко, далеко, туда, гдѣ спускающееся небо сливается съ землей! Дорога идетъ по лугамъ; на нихъ пасутся стада; жара не выноσιма, и скотъ не дотрогивается до сочной травы. Тутъ же у изгороди спать пастухъ, подложивши подъ себя свой кафтанъ. Собака его также истомлена: она даже не оглядывается на прохожихъ. Здѣсь на ровной землѣ струится ручеекъ, ни одной рябинки на немъ неза-

мѣтно: только тогда заплещетъ вода, когда птица случайно ударить по ней крыльями. Бя русло изъ чистаго песка; можно проникнуть взоромъ до самаго желтаго дна, по которому ползають лѣнныя пѣвки и кишать неугомонные рои насѣкомыхъ. Тамъ и сямъ на берегу, между камышемъ журавль протягиваетъ свою шею; тутъ же аистъ ударяетъ длиннымъ клювомъ объ воду, дѣлаетъ большой глотокъ и, поднявъ голову, съ довольнымъ видомъ оглядывается кругомъ. На берегу безчисленныя пугалицы издають свои плачевные звуки. На краю горизонта виднѣется миражъ. За неимѣніемъ лучшаго онъ поднимаетъ на воздухъ одинокій скосившійся кабачекъ и держитъ его надъ землею. Но вотъ пастбища рѣдѣють; наконецъ, послѣдній слѣдъ ихъ исчезъ. Остаются однѣ желтыя песчаныя насыпи, навѣваемые и разбрасываемыя вихремъ. Вотъ потянулись одинокія жилища земледѣльцевъ съ ихъ ригами и стогами. Надъ ними усѣлась ворона, издающая свое зловѣщее карканье. Кругомъ въ безпорядкѣ разбросаны воздѣланныя поля. Надъ ними преклоняетъ свою голову благодарная пшеница; тяжелое зерно притягиваетъ колосъ къ землѣ. Посреди пшеницы цвѣтеть красный макъ и синій василекъ, а между ними мѣстами выдается дикая роза, точно кровавая звѣзда. Наступаетъ вечеръ. Бѣлыя облака одѣлись въ золотое одѣяніе: хороши эти облака. Онѣ двигаются надъ нами точно въ волшебной сказкѣ. Наконецъ, вотъ и городъ. Посрединѣ церковь съ высокой величественной колокольней. Въ концѣ улицы безпорядочно лѣплятся вѣтряныя мельницы, съ ихъ широкими крыльями».

Но альфѣльдское лѣто не вѣчно и тотъ же поэтъ даетъ картину зимы: «Не видно и стады овецъ съ ихъ грустно-звонящими колокольчиками, ни пастуха съ его плачущей свирѣлю. Замолкли пѣвчія птицы, и не слышно больше въ травѣ громкой пѣсни дергача. Даже и маленькій сверчекъ, и тотъ куда-то забросилъ свою скрипку. Какъ замерзшее море смотритъ гладкая стена. Низко надъ нею парить солнце, подобно усталой птицѣ или словно оно сдѣлалось близорукимъ отъ старости и нагибается къ землѣ, чтобы что нибудь увидѣть... И не много же увидитъ оно въ этой безконечной пустынѣ. Жилища рыбакова и охотника опустѣли. На фермѣ все тихо; только скотъ жуетъ свое сѣно. Когда въ вечеру его выгонять на водопой, какая-нибудь шаршавая телка вдругъ грустно замычитъ, вспоминая о прудѣ въ полѣ. Пастухъ снимаетъ съ жерди табачный листъ, разрѣзываетъ его на порогъ и, доставая изъ голенища трубку, набиваетъ ее, лѣниво пускаетъ дымъ и наблюдаетъ, чтобы всѣмъ корма было вдоволь. Притихли также и шинки на дорогѣ. Шинкарь съ хозяйкой могутъ спать сколько душѣ угодно, и потеряй они ключи отъ виннаго погреба, некому на нихъ будетъ погрозиться палкой. Вѣтеръ заметалъ снѣгомъ всѣ дороги кругомъ. Вѣтры и метели бушуютъ кругомъ. Одни высоко крутятся въ воздухѣ, другія дико несутся близъ земли, и имъ навстрѣчу летитъ третья метель, вздымая клубами снѣгъ. Наконецъ онѣ истощили свои силы и улеглись. Блѣдный туманъ ложится на землю, и сквозь него, какъ тѣнь, виднѣется издали преступникъ верхомъ на конѣ, ищущій себѣ пріюта. За нимъ по пятамъ несется волкъ, надъ нимъ воронъ. Подобно царю, изгнанному изъ его владѣній, солнце бросаетъ прощальный взглядъ на землю, взглядъ грустный и гнѣвный, и когда достигаетъ отдаленнаго горизонта, кровавая корона спадаетъ съ его головы».

Не смотря на то, что дѣвственная почва пушты производитъ въ необычномъ изобиліи маисъ и пшеницу, она не родитъ до сихъ поръ ни льна, ни пеньки, ни деревьевъ. Одна только акація съ своими тонкими и узкими листьями уживается съ ея сухимъ воздухомъ. Нечего и мечтать здѣсь о зеленыхъ лѣсахъ, быстро текущихъ рѣкахъ, о рокотѣ потока. Здоровое дерево здѣсь такая же рѣдкость, какъ камень или кусокъ какаго нибудь минерала. Все земля, одна земля, съ тѣмъ разнообразіемъ, что она превращается то въ болото, то въ огромное пыльное пространство или въ ровную поверхность,

покрытую зимою пушистымъ, снѣжнымъ покровомъ, а лѣтомъ зеленымъ ковромъ. Болѣе всего страдаетъ эта огромная равнина не только отъ недостатка постоянного воднаго бассейна, но иногда и отъ совершеннаго отсутствія воды на поляхъ. Давно говорятъ о снабженіи большой равнины правильною канализаціею; хотя это и весьма затруднительно, но не невозможно. Желѣзныя дороги постоянно подвозятъ сюда лѣсъ и камень для построекъ; разведеніе акацій нѣсколько умѣряетъ рѣзкость вѣтра; искусственное орошеніе выполнило бы главную задачу — дало бы венгерской пуштѣ видъ живой мѣстности. Но никогда не снимутъ съ нея лежащаго на ней двойнаго пролятыя: перемѣнчиваго, все иссушающаго, все убивающаго климата и унылаго однообразія. Путешественники, которымъ приходилось провести два-три дня въ пуштѣ, всѣ единогласно говорятъ, что когда смотришь на эту ровную, гладкую, безконечную равнину и на нависшее надъ нею оловянное небо, она производитъ какое-то гнетущее впечатлѣніе, чувство страха и одиночества.

И такъ венгерская пушта представляетъ собою пространство повсюду ровное, однообразіе котораго ничѣмъ не нарушается, кромѣ нѣсколькихъ колодцевъ, рисующихся на горизонтѣ и далеко отстоящихъ другъ отъ друга, и жалкихъ хижинъ съ хозяйственными пристройками. Широкія топи изъ черноватой грязи, колеи отъ телѣгъ, тамъ и здѣсь слѣды отъ животныхъ указываютъ не на дорогу — настоящихъ дорогъ въ степи не существуетъ, а лишь на мѣсто прохода и проѣзда телѣгъ. Всегда и вездѣ одинаковыя поля и пастбища, всюду безчисленныя тропинки, облака пыли и жалкія хижины съ своими тонкими заборами и навѣсами изъ тростника и соломы, тростниковыя хижины или землянки пастуховъ.

Иногда вы не находите здѣсь даже тропинки, и дорогу въ этой безълюдной мѣстности указываютъ остовы лошадей, павшихъ отъ изнуренія. Изрѣдка однако уединеніе нарушаетъ быстро скачущая телѣга. Вы еще издали можете узнать, кто ѣдетъ на встрѣчу. Въ телѣгу мадьярскаго крестьянина впряжено обыкновенно пять лошадей съ растрепанными гривами, которыхъ онъ понукаетъ бичемъ и отъ времени до времени разсыпается въ страшныхъ ругательствахъ; еврей еле плетется на двухъ загнанныхъ влячахъ; возокъ валаха тянутъ 8 лошадей, запряженныхъ въ два ряда; сербъ плетется на 5 — 6 телятахъ; словакъ сидитъ въ плетеной повозкѣ, запряженной парой лошадей или коровъ, цыганъ привязываетъ къ своей телѣгѣ лошадиный скелетъ и только нѣмецъ ѣдетъ на двухъ хорошо откормленныхъ лошадяхъ. Но еще 10 лѣтъ тому назадъ можно было ѣздить по пуштѣ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, не иначе, какъ только на быкахъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ пушта, кромѣ пастбищъ, не представляла ничего другаго. При этомъ трава была такъ высока, что она доходила человѣку, сидящему на лошади, до самыхъ плечъ. Въ высокой зелени, тамъ и здѣсь, мелькали лишь длинныя рога здѣшнихъ быковъ. Растительность съ тѣхъ поръ сильно оскудѣла; множество пастбищъ обработаны въ превосходныя поля. Прежде каждая деревня и каждая господская усадьба имѣли свою особую часть пушты, но теперь объемъ ихъ уменьшился, а количество увеличилось. Поэтому на каждой изъ нихъ вы видите въ настоящее время необходимыя постройки: подмостки для сушки маиса, мѣсто для молотбы, избу съ навѣсомъ, а если ихъ нѣтъ, то по крайней мѣрѣ шалаши пастуховъ. Однимъ словомъ, мадьяры, мало по малу переходятъ отъ скотоводства къ земледѣлію. Этотъ народъ, прежде кочевой, взрываетъ теперь свою пастбищную землю, и она щедро награждаетъ его маисомъ и пшеницею. Вмѣсто жесткой травы, твердаго тростника и высокаго куколя, которые сплошь покрывали эти степи, теперь всюду желтѣютъ хлѣбныя поля.

Вмѣстѣ съ этимъ уменьшились и громадныя стада, которыя еще недавно мадьяры разводили просто въ баснословномъ количествѣ.

Чтобы получить полное понятіе о пуштѣ, посмотримъ на нее въ разное время дня и ночи. Глубокая тишина и ночной мракъ господствуютъ всюду; въ холодѣющемъ все болѣе воздухѣ не слышно еще громкаго крика пѣтуха. Наконецъ, на восточномъ небосклонѣ занялся день: весело привѣтствуетъ утреннюю зарю степной жаворонокъ. Жизнь пробуждается: кой-гдѣ мычаніе быка сливается съ блеяніемъ овецъ; пронзительно, какъ воинственный звукъ трубы, проносится ржаніе то одной, то другой лошади. Вотъ поднимаются большія, длиноволося бѣлыя собаки и большими черными глазами смотрятъ на пастуховъ, которые одинъ за другимъ выходятъ изъ своихъ клинообразныхъ, земляныхъ или тростниковыхъ хижинъ. Входить въ такую хижину приходится нагибаясь, такъ какъ она очень низенькая и вмѣсто двери въ ней лишь небольшое отверстіе. Всю мебель въ такомъ жилищѣ замѣняетъ деревянный сундукъ, который служитъ постелью, столомъ и стуломъ. Подлѣ хижины столбъ, къ которому прикрѣплены палки: на нихъ просушиваютъ горшки, въ которыхъ дѣлаютъ сыръ. Нерѣдко передъ входомъ въ такую хижину лежатъ лошадиныя черепа: они служатъ для сидѣнья и въ тоже время предохраняютъ отъ дурнаго глаза и колдуновъ. Приблизиться къ такой хижинѣ для посторонняго не совсѣмъ безопасно; на него еще издали бросаются полудикія собаки. Нужно имѣть немало сноровки, чтобы отбиться отъ этихъ свирѣпыхъ животныхъ, привыкшихъ къ совершенному уединенію пушты и встрѣчающихъ каждого, какъ врага. Но возвратимся къ пробуждающейся жизни. Пастухи начинаютъ открывать загонъ за загономъ: выступаетъ красивый, длинорогій, крупный скотъ и быстро выскакиваютъ маленькія проворныя лошадки. За каждымъ табуномъ лошадей выѣзжаетъ одинъ, два пастуха, а за каждымъ стадомъ крупнаго скота ихъ идетъ по нѣскольку; около нихъ трусцой бѣгутъ собаки. За пастухами, посвистывая и напѣвая, торопятся ихъ мальчуганы, которые съ 12-ти лѣтнаго возраста остаются здѣсь при отцахъ. Они съ дѣтства выучиваются ловить дикихъ лошадей и скакать на нихъ по степи съ дикой отвагой. Между тѣмъ взошло багровое солнце. Стада разбрелись по всѣмъ направленіямъ. Въ самое отдаленное пастбище «чикошъ» (т. е. смѣлый наѣздникъ, пастухъ лошадей) отвелъ лошадей, гдѣ безпокойныя, полудикія животныя довольствуются самою скудною пищею. Не смотря на то, что колокольчики привязаны къ шеямъ старыхъ кобылицъ, лошади постоянно разбѣгаются и ихъ приходится сдерживать только длинною плетью съ короткой рукояткой.

Жара дѣлается все болѣе нестерпима: насѣкомыя безъ устали жалятъ лошадей, которыя бѣсятся и бѣгутъ. Но чикошъ уже подлѣ нихъ: онъ свистнулъ, и изъ неукротимаго стада выскакиваетъ его любимый конь съ поднятымъ хвостомъ и вздымающейся гривой. Однимъ прыжкомъ онъ вскочилъ на неосѣдланнаго, невзнузданнаго коня и несется за убѣгающимъ табуномъ. Когда чикошъ, этотъ отчаянный, природный наѣздникъ, какъ стрѣла несется по степи на своемъ дикомъ скакунѣ, это своего рода картина. На головѣ у него торчитъ круглая шляпа, украшенная пучкомъ какихъ нибудь растений; короткая рубашка съ длинными рукавами не вполне прикрываетъ богатырскую, бронзовую отъ загара грудь; неизмовѣрно широкія панталоны напоминаютъ юбку, стянутую по стану ремнемъ, къ которому привѣшено два мѣшка: одинъ съ табакомъ, другой съ кремнемъ и трутомъ. Кромѣ того на ремешкѣ висятъ огниво и мѣдная проволока для чистки трубки. На ногахъ сандалии или сапоги со шпорами. Въ праздничныя дни, когда стоитъ не слишкомъ большая жара, онъ надѣваетъ жилетъ съ оловянными пуговицами, на шею накидываетъ черный платокъ съ бахромой и привѣшиваетъ съ боку красивую куртку, которую называютъ спенсеромъ или ментикомъ. Осенью,

когда леденящіе туманы являются предвѣстниками близкой зимы, пастухи набрасываютъ еще на себя «бунду», мохнатый плащъ. Бунду носятъ не только здѣшніе пастухи, но весь низшій классъ Венгріи. Трудно найти платье, которое бы болѣе соотвѣствовало своему назначенію: этотъ плащъ сдѣланъ изъ шкуръ длинношерстныхъ венгерскихъ овецъ. Хотя шкуры эти предварительно очищаютъ, но не настолько, чтобы совершенно отнять у нихъ свойственный имъ не очень благовонный запахъ. Гладкую сторону шкуры украшаютъ пестрыми узорами. Швы выкладываютъ разноцвѣтными шнурками, а по краямъ вышиваютъ шелкомъ букеты цвѣтовъ. Бунда служитъ для пастуха рѣшительно всѣмъ: онъ закутывается ею во время бури, спитъ на ней, покрывается ею. Ни лѣтомъ, ни зимой не разстается онъ съ нею: стоитъ только перевернуть ее, и она охраняетъ его и отъ чрезмѣрнаго холода, и отъ чрезмѣрной жары. Также практично устраиваются пастухи и съ своимъ бѣльемъ: передъ тѣмъ какъ имъ отправляться на пастбище, они вывариваютъ рубашку и штаны въ свиномъ салѣ, высушиваютъ ихъ на солнцѣ и это бѣлье предохраняетъ ихъ отъ ливня и насѣкомыхъ.

Чикошъ—самый представительный изъ пастуховъ. Съ необыкновенною ловкостью размахиваетъ онъ своимъ арканомъ, свитымъ изъ пеньки и конскаго волоса. Трудно вообразить, сколько сноровки, опытности и находчивости нужно имѣть чикошу, чтобы вполнѣ приручить дикихъ животныхъ, за которыми онъ ходитъ. Молодыхъ лошадей не выпускаютъ изъ пушты до 3-хъ—4-хъ лѣтняго возраста. Ихъ продаютъ только послѣ того, когда они выростутъ и будутъ выѣзжены; то и другое лежитъ на обязанности чикоша. Въ продолженіи первыхъ двухъ лѣтъ молодые лошади пользуются полной свободой, но затѣмъ ихъ начинаютъ приручать. Чикошъ подходитъ къ молодому коню, быстро накидываетъ ему на шею петлю и вскакиваетъ на животное. Тотъ фыркаетъ, трясетъ головой и хочетъ броситься въ сторону. Тогда завязывается борьба между нимъ и всадникомъ: лошадь становится на дыбы, бьетъ задними ногами, но все напрасно. Чикошъ покуриваетъ себѣ преспокойно трубочку и терпѣливо ждетъ, когда животное кончитъ бой. Лошадь, выбившись изъ силъ, бросается на землю; чикошъ знаетъ это и быстро подобралъ свои ноги; лошадь вскакиваетъ и всадникъ по прежнему на ея спинѣ, но тутъ онъ уже вонзаетъ въ ея бока свои шпоры, и она несется впередъ, какъ стрѣла. Чикошъ замѣчаетъ по солнцу, въ какую сторону мчится конь, и предоставляетъ ему полную свободу скакать, сколько душѣ угодно. Когда животное утомится и снова упадетъ, наѣздникъ накидываетъ ему на шею узду, даетъ встать и теперь уже спокойно уводитъ его назадъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько недѣль лошадь совершенно обѣзжена, и чикошу, чтобы выбрать коня, какого онъ пожелаетъ, приходится только свистнуть или поманить рукой.

Кромѣ конскихъ табуновъ, въ пуштѣ большія стада и рогатаго скота съ шерстью синевато-бѣлаго цвѣта. Особенно пріятное зрѣлище представляютъ сытые телята, которымъ вволю дозволяютъ сосать здѣсь своихъ матокъ, такъ какъ коровъ пастухи доятъ въ большинствѣ случаевъ только для своего пропитанья. Масло въ Венгріи стали употреблять позже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ и теперь еще его не заготавливаютъ много, такъ какъ низшіе классы его замѣняютъ свинымъ саломъ.

Мадьяръ обладаетъ огромнымъ запасомъ словъ, чрезвычайно мѣтко характеризующихъ его прежнее исключительное занятіе скотоводствомъ. Такъ какъ стадо рогатаго скота называютъ «гулья», то его пастуха зовутъ «гульясомъ». И всѣ остальные названія пастуховъ происходятъ отъ вѣрренныхъ имъ животныхъ. «Гульасы крѣпкіе, дюжіе парни, всегда готовые вступить въ бой съ самыми дикими быками. Венгерскіе быки высоки, длинны и гибки: мучимые во время жаровъ насѣкомыми, они дико мечутся и бѣгутъ во всѣ стороны; но гульясъ вскакиваетъ на лучшую лошадь изъ ближайшаго

табуна и, съ помощью трехъ-саженнаго кнута и своихъ собакъ, быстро нагоняетъ и собираетъ бѣглецовъ. Гульасы въѣзжаютъ иногда въ стада и, схвативъ за хвостъ гѣдовалаго теленка, однимъ взмахомъ поднимаютъ его и прикрѣпляютъ къ сѣдлу.

Лѣтомъ и зимой рогатый скотъ, какъ и лошади, остается въ пуштѣ. Большую часть года онъ находится подъ открытымъ небомъ и только въ самое суровое время его запираютъ въ конюшни и сарай. Такъ какъ здѣшнему скоту приходится много выносить отъ переменчиваго климата и суроваго времени, то здѣсь отъ времени до времени появляются на животныхъ разныя эпидеміи; тѣмъ не менѣе скотъ венгерскихъ пуштъ отличается необыкновенною выносливостью. Когда путешественникъ проходитъ мимо рогатаго скота, все стадо видимо поражено появленіемъ новаго лица: коровы немедленно окружаютъ его, и онъ подвергается опасности испытать силу роговъ, имѣющихъ отъ 3 до 4 футовъ длины. Даже и опытному гульасу не легко справиться со стадомъ. Безпрестанно другъ къ другу подходятъ два быка и бодаются съ такою силою и трескомъ, что кажется вотъ, вотъ они проломаютъ себѣ черепа или свернутъ рога. Во время этого поединка гульасъ остается покойнымъ зрителемъ, но когда къ дракѣ присоединяются и другіе быки, то онъ увѣщеваетъ ихъ разойтись своею саженною дубиною.

Во время жаровъ пастухи совершенно выбиваются изъ силы. Слѣзни, кровяныя мухи, клещи и всякая другая дрянъ нестерпимо мучаютъ въ это время животныхъ. Спины коровъ и лошадей покрываются ранами, на которыхъ цѣлыми тучами сидятъ пріады насѣкомыхъ. Только скворцы оказываютъ услугу бѣднымъ животнымъ; насѣомыя, облѣпившія ихъ раны, представляютъ лакомое блюдо для этихъ птичекъ; они выковыриваютъ ихъ изъ ранъ и такимъ образомъ облегчаютъ страданія животныхъ. Но когда жаръ усиливается, скворцы улетаютъ и стада остаются въ безпомощномъ положеніи, вполнѣ предоставленныя своимъ мучителямъ. Вотъ тутъ-то наступаетъ самое тяжелое время для пастуха: рогатый скотъ не повинуется болѣе колокольчикамъ, привѣшеннымъ къ шеямъ путеводныхъ коровъ, и въ воздухѣ только и раздаются звуки хлыстовъ и бичей. Пастухи бѣгаютъ, кричатъ и подъ конецъ совсѣмъ хрипнуть и издають уже только ругательства и проклятія.

А вотъ и «югасъ» — пастухъ овецъ: въ рукѣ у него длинный шестъ съ крюкомъ въ верху, приспособленный для ловли тѣхъ овецъ, которыхъ ему нужно доить вечеромъ. Въ южной Венгріи разводять безчисленныя стада овецъ, единственно только ради шерсти: мясо ихъ рѣдко употребляютъ въ пищу, а сыръ дѣлаютъ далеко не вездѣ. Управлять этими животными чрезвычайно трудно: онѣ повинуются колокольчику барана и еще охотнѣе нѣсколькимъ осламъ, которыхъ пастухъ держитъ въ стадѣ и на которыхъ онъ навьючиваетъ во время перехода съ одного пастбища на другое свою одежду и провизію. Но послушаніе овцы оказываютъ лишь до перваго ничтожнаго случая: раздается малѣйшій шумъ или трескъ, и онѣ въ смятеніи, не повинуваясь болѣе ни голосу пастуха, ни колокольчикамъ, въ величайшемъ безпорядкѣ мечутся во всѣ стороны.

Когда югасъ отправляется на пастбище съ своими овцами, за нимъ угрюмо плетутся чрезвычайно сильныя собаки-волкодавы, которыя считаютъ ниже своего достоинства заботиться о паствѣ, покуда ей не грозитъ опасность или не приближается кто-нибудь чужой. Какъ волковъ, такъ и незнакомца они готовы растерзать въ одну минуту, если только на выручку не подоспѣетъ югасъ. Но трусливыя овцы не боятся этихъ страшныхъ собакъ: онѣ инстинктивно чувствуютъ къ нимъ уваженіе за защиту, которую тѣ оказываютъ всегда, лишь только имъ грозитъ малѣйшею опасностью тростниковые волки, которые ихъ подкарауливаютъ даже лѣтомъ. По одному свистку югаса эти собаки окружаютъ стада овецъ и такимъ образомъ быстро собираютъ его въ кучу.

Въ Венгріи насчитываютъ до 22 милліоновъ овецъ, а такъ какъ на каждую сотню

этих животных приходится по одному пастуху, то число югасовъ здѣсь чрезвычайно велико. Югасъ—мечтатель: опершись на свою палку, съ трубкою въ зубахъ, съ волкодавомъ у ногъ, меланхолически поглядываетъ онъ на свое стадо. Нерѣдко онъ задумывается по цѣлымъ часамъ, облокотившись на осла, на котораго въ хорошую погоду онъ навьючиваетъ свою косматую бунду. Но онъ не только мечтаетъ, но и дѣло дѣлаетъ: вырѣзываетъ ложки, вяжетъ чулки, но что бы онъ ни дѣлалъ, дудка всегда подлѣ. Онъ въ тоже время и музыкантъ: прекрасно играетъ на любимой въ Венгріи пастушеской флейтѣ и волынкѣ. Остальные пастухи навѣщаютъ всего чаще югаса, чтобъ послушать его музыку, такъ какъ онъ, кромѣ цыгана, который только изрѣдка сюда заглядываетъ, единственный музыкантъ въ пуштѣ. Когда къ нему приходятъ гости, онъ угощаетъ ихъ сывороткою, кислымъ молокомъ, но болѣе всего своей дѣйствительно прекрасной музыкой. Лежа на землѣ и закутавшись въ свою бунду, югасъ наигрываетъ свои мелодіи; но когда онъ начинаетъ «чардашъ», національный, страстно любимый мадьярскій танецъ, слушатели въ страшномъ возбужденіи вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ и начинаютъ лихо отплясывать.

Передъ наступленіемъ самой сильной жары скотъ выгоняютъ на водопой. Какъ только онъ почувалъ близость колодца, такъ тотчасъ прибавляетъ шагъ. Удовлетворивъ жажду, рогатый скотъ растягивается на травѣ и начинаетъ, по обыкновенію, пережевывать жвачку; собаки моргая глазѣютъ на солнце; овцы перестаютъ пастись и собираются въ тѣсный кругъ. Сама природа научила ихъ доставлять себѣ тѣнь въ этой безлѣсной мѣстности. Собравшись въ кругъ, овцы держатъ свои головы въ тѣни, образуемой туловищемъ другихъ, и такимъ образомъ онѣ спасаются отъ жары, которая могла бы имѣть на нихъ очень вредное вліяніе. Лошади поступаютъ иногда такъ же. Быкъ отыскиваетъ болотистую лужу, покрытую тростникомъ, входитъ въ нее и становится на колѣни, такъ что чрезъ минуту изъ за тростника видны только его рога и маленькіе глазки. Полная и совершенная тишина... Кажется, все вымерло, кромѣ насѣкомыхъ и ящерицъ, которыя съ открытою пастью, не обращая вниманія на раскаленный знойный воздухъ, шмыгаютъ повсюду. Тогда пастухи садятся вокругъ кипящаго котла и то одинъ, то другой изъ нихъ, чтобы поддержать огонь, бросаютъ въ него тростникъ, пучки соломы, маисовые стебли, сухую траву и калъ. Самое любимое свое кушанье они готовятъ такимъ образомъ: берутъ кусокъ говядины или баранины и рѣжутъ его на мелкіе куски. Затѣмъ на сильный огонь ставятъ жестяную сковороду, бросивъ въ нее мелко изрѣзанное сало. Когда оно растопилось, на сковороду бросаютъ мясо, подливаютъ воды, кладутъ соли, тмину, луку и непременно краснаго перцу. Какъ пастухи, такъ и венгерцы, почти во всѣ кушанья прибавляютъ такъ много перцу, что, отвѣдавъ хотя немного ихъ кушанья, кажется, будто кладешь въ ротъ раскаленный уголь.

Пастухи, какъ истые мадьяры, въ высшей степени гостепріимны и радушно дѣлать свой обѣдъ съ гостемъ, которымъ обыкновенно является странствующій подмастерье или «бетіаръ», т. е. человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, воръ конокрадъ. Для гостя, которому пастухи всегда отъ души рады, они дѣлаютъ складчину, чтобы купить водки, и одинъ изъ нихъ немедленно отправляется въ степной кабакъ, если только тотъ находится не очень далеко. Впрочемъ они и безъ гостя нерѣдко устраиваютъ между собой попойку, хотя въ очень скромныхъ размѣрахъ. Въ пуштѣ всякій станетъ пить водку, кто отвѣдаетъ отвратительную здѣшнюю воду, насыщенную селитрой и содой. Страсть выпить заставляетъ каждого пастуха носить при себѣ для этого деревянную бутылку. Эта, такъ называемая, «чутора» чрезвычайно оригинальна: она украшена рѣзбой, вся оплетена кожаными ремешками и заткнута деревянною пробкой. Къ этой бутылкѣ прикрѣплено два ремня и каждый пастухъ всегда носитъ ее за плечами. Послѣ обѣда гости

и хозяева растягиваются на землю и, покуривая трубочки, начинают бесѣду. Любимый предмет ихъ разговоровъ — подвиги бетіаровъ: съ восторгомъ передаютъ они другъ другу объ ихъ похожденияхъ и ловкости, о томъ, какъ тотъ или другой изъ нихъ умѣлъ умно провести «пандура» (конный жандармъ).

Около двухъ часовъ дня стада снова выгоняютъ на пастбище. Скотъ выглядит теперь бодрѣе, ѣсть траву, а когда встрѣчаются два табуна, жеребцы не скрываютъ желанія помѣряться другъ съ другомъ зубами и передними ногами.

Солнце, этотъ кроваво-багровый исполинскихъ размѣровъ шаръ, наконецъ сѣло. Сытые стада, не торопясь, возвращаются въ загоны. Иногда въ степной травѣ блестятъ въ это время глаза волка. Если волкодавы его замѣтили, то тотчасъ бросаются на него и преслѣдуютъ чрезвычайно упорно. Столько же переполоха вносятъ появленіе волка и въ табунѣ лошадей: лишь только онѣ его увидѣли, кобылицы немедленно окружаютъ жеребятъ; отважные жеребцы становятся впереди и такимъ образомъ всѣ лошади напускаются на разбойника, который, не долго думая, удираетъ. Пастухи моментально вскакиваютъ на лошадей и бросаются на волка, стараясь такимъ образомъ отогнать его подальше. Но волкъ рѣдко въ пуштѣ нападаетъ на лошадей и рогатый скотъ: онъ знаетъ, что тутъ ему грозитъ обыкновенно неудача и придерживается овецъ, съ которыми, по ихъ глупости и беззащитности, онъ скорѣе достигаетъ своей цѣли. Теперь, однако, число волковъ сильно уменьшилось и сумятица между животными происходитъ отъ ливня или грозы, а зимою отъ внезапной метели. Только рогатый скотъ не теряется въ такихъ случаяхъ и бѣжитъ прямо домой; но лошади навѣрно разбѣжались-бы, еслибы чикושъ не вскочилъ тотчасъ на любимаго коня. Онъ лихо мчится тогда на своемъ скакунѣ, хлопая длиннымъ бичемъ и гонитъ передъ собой свой табунъ. Лошади съ развѣвающимися гривами, громко стуча копытами, несутся вихремъ по степи, пока, обливаясь потомъ, не достигнутъ загона. Труднѣе всего приходится югасу, которому въ такое время уже нельзя жалѣть ни своего горла, ни бича, чтобы собрать вмѣстѣ своихъ глупыхъ и трусливыхъ животныхъ. Когда стада заперты въ загоны, волкодавы располагаются вокругъ, и каждый изъ нихъ именно на то мѣсто, куда ему кладутъ обыкновенно его пищу.

Когда наступаетъ ночь, степь представляетъ поразительную картину: всюду, до отдаленнѣйшаго горизонта, пылаютъ костры, рѣзко выдѣляясь на темномъ небѣ. Это пастухи развели огни, чтобы приготовить свой ужинъ. Когда коровы и овцы подоены и все убрано, ужинъ конченъ, тогда пастухи навѣщаютъ другъ друга, болтаютъ и забавляются вокругъ огня. Они долго ихъ поддерживаютъ также и для того, чтобы отогнать мириады болотныхъ насѣкомыхъ и пугать волковъ. Только глубокою ночью прекращаются забавы и болтовня этихъ дѣтей пушты и костры потухаютъ сами собой.

Полночь: полная и совершенная темень и такая тишина, что можно даже разслышать шорохъ, который производятъ насѣкомыя, ползая по травѣ. Въ темнотѣ ничего не разглядишь, только надъ собою, вверху, видишь безконечное пространство, усыянное мириадами блестящихъ звѣздъ. Беззаботно спятъ пастухи рогатаго скота, но гораздо тревожнѣе сонъ югаса и въ особенности чикоса. Какъ въ западной части сѣверной Америки, такъ и въ Венгріи существуетъ очень много конокрадовъ. Бетіары ждутъ именно этого времени, когда всѣ уснули, чтобы вывести лошадь изъ загона. Но лишь только одинъ изъ чикосей замѣтилъ это, по степи рѣзко раздается его свистокъ, и всѣ его товарищи немедленно вскакиваютъ на лошадей и пускаются въ погоню за воровъ. Если только пастухи не нагонятъ его тотчасъ, имъ на вѣки придется проститься съ лошадыю. Прикрывшись на какой-нибудь часъ за тростникомъ, бетіаръ съумѣетъ потомъ отыскать черезъ болото тропинку, гдѣ онъ безопасно пройдетъ съ своею добычею. За исклю-

ченіемъ свинопасовъ, которые, какъ мы увидимъ ниже, рѣзко выдѣляются между всѣми, пастухи, а они составляютъ огромный классъ рабочаго люда въ Венгріи, имѣютъ много общаго между собой, представляютъ настоящей типъ мадьяра: большею частью они средняго, весьма плотнаго тѣлосложенія, но не смотря на это ловки и даже чрезвычайно граціозны въ пляскѣ, съ фізіономіями въ высшей степени мужественными и энергичными. Длинные, острокопечные усы намазаны саломъ и доходятъ нерѣдко до висковъ; волосы длинные и тоже щедро намазаны свинымъ саломъ. Глаза и слухъ пастуховъ необыкновенно развиты. Будучи съ ранняго дѣтства подвержены вліянію своего переменчиваго климата, они не только окрѣпли, но, кажется, стали ко всему нечувствительны. Простая пища, чистый воздухъ, которымъ они постоянно дышатъ, первобытный образъ жизни, происхождение отъ сильныхъ отцовъ, — все это даетъ имъ возможность пользоваться желѣзнымъ здоровьемъ. Если и случится кому-нибудь изъ нихъ заболѣть, чарка водки съ неизмѣннымъ краснымъ перцемъ всегда почти излѣчиваетъ. Всѣ они прекрасно выражаютъ свои мысли, обладаютъ большимъ природнымъ умомъ и находчивостью, но рѣдко кто изъ нихъ посѣщалъ школу. Часы они опредѣляютъ по положенію солнца, луны и звѣздъ, переменны погоды предсказываютъ по наблюденіямъ за животными. Въ своемъ дѣлѣ они чрезвычайно опыты, такъ какъ уже съ ранняго возраста разстаются съ матерью и живутъ съ отцомъ въ пуштѣ. Такимъ образомъ здѣсь созданъ особый классъ, если можно такъ выразиться, особое потомственное сословіе пастуховъ. Они изъ рода въ родъ передаютъ обычай предковъ и служатъ истыми представителями древнѣйшихъ мадьяръ. Добродушіе, полная откровенность, радушное гостепрѣимство, дикая смѣлость, чувство товарищества, которое заставляетъ каждого приносить для пріятеля всевозможныя жертвы, — вотъ характерныя черты этихъ преданныхъ пуштѣ сыновъ.

Глава пастуховъ — «чамадо». Ему одному платитъ селеніе или владѣлецъ, смотря потому, кому принадлежитъ стадо. Чамадо долженъ быть человѣкомъ зажиточнымъ, потому что отвѣчаетъ за всякій убытокъ; къ тому же онъ долженъ нанять необходимое количество пастуховъ, которые всѣ ему подчинены. Но во взаимныхъ отношеніяхъ чамадо съ остальными пастухами нѣтъ и тѣни неравенства; при своихъ ссорахъ пастухи обыкновенно выбираютъ его въ судьи.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждутъ пастухи воскресенья: по очереди отправляются они къ своимъ семействамъ въ село или въ чарду провести воскресный вечерокъ. «Чарда» это родъ постоялаго двора, корчма, въ которой останавливаются проѣзжіе и пируетъ въ праздничные дни простой людъ. Маленькая, низенькая комната чарды въ такіе дни совершенно переполнена народомъ. Отъ густыхъ облаковъ табачнаго дыма въ первую минуту трудно разглядѣть, что тутъ дѣлается. Въ одномъ изъ угловъ, сидятъ на бочкахъ три, четыре музыканта и наигрываютъ венгерскія аріи. Это непременно цыгане съ черными растрепанными волосами и въ рубашкахъ съ широкими рукавами. Собраніе состоитъ изъ престопаго всѣхъ половъ и возрастовъ. Посреди, на самомъ крошечномъ пространствѣ, присвистывая и притоптывая безъ устали, пляшетъ молодецъ, одной рукой придерживая дѣвушку, другой бутылку съ широкимъ горлышкомъ. — «Ну-ка, нашу пѣсню», говорятъ старики, и когда цыгане, вскользь бросивъ на нихъ взглядъ, начинаютъ играть «ихъ пѣсню», они тоже начинаютъ сначала только приплясывать на земляномъ полу, а затѣмъ такъ же, какъ и молодые, пускаются въ плясъ. Каждый мадьяръ имѣетъ нѣсколько любимыхъ пѣсень, и музыканты-цыгане должны отлично помнить, какую пѣсню любить каждый изъ постоянныхъ посѣтителей чарды.

Въ день св. Георгія (24 апрѣля) пастухи отправляются на ярмарку. Въ этотъ день сюда собирается много народу: одни, чтобы наняться къ кому-нибудь на работу или въ услуженіе, а пастухи, чтобы разобрать свои дѣла въ присутствіи «чамадо», его

помощниковъ и большой компаніи пастуховъ. Когда одинъ пастухъ нанесъ другому обиду, онъ не всегда отвѣчаетъ тѣмъ же, а откладываетъ свою претензію до дня св. Георгія. Соберутся они въ этотъ день въ городъ, гдѣ есть ярмарка, и садятся на пыльной дорогѣ, за конскимъ базаромъ. Потягивая вино, они дружелюбно разговариваютъ между собой; такъ же мирно угощаются даже и тѣ, которые будутъ жаловаться другъ на друга. Но какъ только винные пары ударятъ въ голову, обиженный, не дожидаясь суда, требуетъ отъ обидчика удовлетворенія, оба вскакиваютъ и начинается потасовка.

Но гораздо болѣе любятъ пастухи, особенно чикоши, праздникъ Троицы. Это происходитъ, вѣроятно, потому, что въ этотъ день устраиваютъ скачки—удовольствіе, чрезвычайно любимое всѣми классами общества. Ниже мы опишемъ настоящую скачку, т. е. такую, гдѣ на состязаніе являются наѣзники всѣхъ классовъ общества, теперь же познакомимся со скачкой, происходящей въ праздникъ Троицы и на которую собирается исключительно простонародье и болѣе всего пастухи. Послѣ ранней обѣдни всѣ отправляются въ сельское правленіе. На дворѣ, уже верхами на неосѣданныхъ коняхъ, ждутъ «чикоши»: у каждого изъ нихъ зеленая вѣтка на шляпѣ, пестрый платокъ на шеѣ и красный, синій или черный жилетъ. Судья, выбранный нарочно на этотъ случай, выходитъ, наконецъ, на дворъ съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Цыгане открываютъ шествіе, за ними разряженные чикоши, нетерпѣливо пощелкивая плетью, а сзади ихъ валитъ народъ на поле, гдѣ будутъ происходить скачки и раздаваться призы. Нѣкоторые изъ толпы несутъ вино и хлѣбъ; мясникъ ведетъ быка. Когда пришли къ мѣсту, предназначенному для арены, судья ставитъ знамя, назначенное цѣлью, и устанавливаетъ порядокъ между наѣзниками. Но лишь только поданъ знакъ, порядокъ мгновенно нарушается, пыль поднимается столбомъ и всѣ наѣзники летятъ разомъ къ цѣли. Присутствующіе приходятъ въ страшное возбужденіе: держатъ пари о томъ, кто кого опередитъ; возгласамъ и крикамъ нѣтъ конца! Побѣдителя встрѣчаетъ громъ рукоплесканій; ему одѣваютъ на шляпу вѣнокъ изъ цвѣтовъ и подаютъ въ руки зеленую вѣтку. «Король Троицы» (такъ называютъ побѣдителя) и теперь еще имѣетъ огромное значеніе, а прежде онъ пользовался даже завидными правами. Теперь побѣдитель открываетъ пляску на вечеринкѣ, и въ теченіи цѣлаго года онъ продолжаетъ носить свое почетное названіе; ни одна свадьба, ни одно празднество не обходятся безъ него. Но въ доброе старое время этому «королю» жилось еще лучше: ему прощали всевозможные проступки, за него работали. Не заблагодаря судитса «королю Троицы» пасти скотъ въ извѣстный день, — онъ безъ стѣсненія говоритъ объ этомъ товарищамъ, которые безпрекословно исполняютъ его обязанности. Мало того: въ корчмѣ онъ могъ кутить и забирать сколько душѣ угодно. Хозяинъ чарды зналъ отлично «короля Троицы» и всѣ его заборы записывалъ на счетъ «чамадо», который, хотя и сильно кряхтѣлъ и бранилъ мнимаго короля, все-таки считалъ своимъ долгомъ немедленно уплачивать его расходы.

Кондакъ, его жизнь и характеръ.—Значеніе въ мадыарскомъ хозяйствѣ свиней и домашнихъ птицъ.—Пастухи и продавцы гусей.—Житво и торжество, которымъ оно заканчивается.—Молодѣба и сохраненіе зерна.—Виноградники Венгріи.—Сборъ винограда.—Токай и его вино.—Необыкновенное количество разнообразной дичи въ странѣ.—Верховая охота на зайцевъ.—Охота на драхву.—Ловля птицъ.—Рыболовство въ Дунаѣ и Тиссѣ.—Цвѣтеніе Тиссы.—Рыбообильный Валатонъ.—Посидѣлки.

Въ пищѣ мадыара самую видную роль играетъ свиное сало, а свинина и свиные колбасы—его любимыя блюда. Поэтому, какъ-бы ни былъ бѣденъ крестьянинъ, даже и въ томъ случаѣ, если у него нѣтъ ни воловъ, ни коровъ, ни лошадей, онъ непремѣнно держитъ нѣсколькихъ свиней. День убоя свиньи не только праздникъ для семей-

ства, но и для сосѣдей, которыхъ въ такое время сзываетъ хозяинъ и угощаетъ на славу. Это важное событіе крестьянской жизни непременно оканчивается танцами и такимъ образомъ носить характеръ домашняго праздника. Свинья не только принадлежность хозяйства крестьянина, но здѣсь существуетъ и множество богатыхъ землевладѣльцевъ, которые тысячами разводять этихъ животныхъ. Вотъ почему откармливаніе свиней въ Венгріи пріобрѣло огромное значеніе. По статистическимъ даннымъ, страна откармливаетъ ежегодно до 3.500,000 свиней. Самая небольшая деревня имѣетъ одного, а иногда и нѣсколькихъ пастуховъ; можно себѣ вообразить, какое огромное количество людей становится свинопасами. Наибольшею извѣстностью въ разведеніи этихъ животныхъ пользуется деревня Энетъ въ Арадскомъ комитатѣ; второе мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ владѣнія Эстергази, въ комитатѣ Вешпрингскомъ, гдѣ свинья между прочимъ отличается тѣмъ, что не роются въ землѣ.

Огромное количество свиней, разводимыхъ въ Венгріи, уже давно заставило устроить въ различныхъ пунктахъ страны ярмарки для ихъ сбыта, на которыя каждый разъ пригоняютъ по 20,000 и болѣе этихъ животныхъ. Въ послѣднее время торговля этого рода особенно оживилась потому, что венгерскихъ свиней стали вывозить къ берегамъ Нѣмецкаго моря. Гамбургскіе агенты еженедѣльно вывозятъ ихъ изъ Венгріи по 400 штукъ и болѣе.

Настоящій типъ свинопасовъ, которыхъ называютъ «кондасами» («kondàs») встрѣчается только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ высокіе дубы и буки образуютъ густые лѣса. Окруженный вѣчной листвой деревьевъ, въ тѣни которыхъ онъ постоянно живетъ, не видя передъ собой человѣческой души, кондасъ представляетъ совершенную противоположность лихому чичошу, обожающему просторъ своихъ степей и дикую скачку невыѣзжаннаго коня, и страстному до музыки пастуху овецъ, по часамъ отдающемуся мечтамъ и созерцанію. И это понятно: тотъ и другой всю жизнь проводятъ подъ открытымъ небомъ, въ воздухѣ, ярко освещенномъ золотистыми лучами солнца; между тѣмъ какъ кондасъ погруженъ въ мрачную атмосферу, часто насыщенную вредными испареніями и міазмами, не видя тѣхъ величественныхъ картинъ природы, которыя постоянно представляются обитателю пушты. Кондасъ мало-по-малу отвыкаетъ отъ людей, становится нелюдимымъ. Его тянетъ только въ мрачный лѣсъ, только подъ его густой листвой любитъ онъ проводить свою однообразную жизнь. Тотъ изъ нихъ, кто перестаетъ грустить о товарищахъ или семействѣ и совершенно свыкается съ мрачными и сырыми лѣсами, покрытыми болотами и топями, тотъ скоро становится не только мрачнымъ и суровымъ, но и злымъ существомъ. По цѣлымъ недѣлямъ ему приходится удовлетворяться самой грубой пищей: кусокъ сухаго хлѣба съ сыромъ или саломъ составляетъ его обѣдъ, ужинъ и завтракъ. Костюмъ его состоитъ изъ короткой рубахи, пропитанной жиромъ, длинные и широкіе рукава которой служатъ ему и полотенцемъ, и платкомъ. Иногда онъ завязываетъ снизу одинъ изъ рукавовъ рубахи, такъ что получается нѣчто въ родѣ мѣшка, и кладетъ въ него свой хлѣбъ и сало. Широкіе штаны доходятъ свинопасу до колѣнъ; обувью ему служатъ сандаліи, называемыя у мадьяръ «бочкоры». Подошвами для нихъ служатъ большой кусокъ кожи, загнутой къ верху ноги и завязанный веревкой, удерживающей тряпку, которою обернута нога до колѣна. Наиболѣе состоятельные носятъ сапоги съ желѣзными каблуками. На головѣ широкая шляпа, а зимой овчинный колпакъ. Отъ вѣтра, холода и дождя кондасъ защищается шерстянымъ покрываломъ, «szüg», которое онъ набрасываетъ себѣ на плечи, завязывая его шнурками или застегивая мѣдными застѣжками. Если прибавить къ этому длинный кнутъ съ ручкой, съ оловянными и свинцовыми украшениями, который онъ перебрасываетъ черезъ плечо, то мы познакоимся со всѣмъ нарядомъ кондаса. Тѣ изъ нихъ, которые большую

часть жизни проводят въ лѣсу, носятъ съ собою небольшой топоръ, «балта», который всегда старательно отточенъ. Они чрезвычайно ловко умѣютъ владѣть имъ и могутъ точно и вѣрно попадать имъ въ цѣль. Ихъ рука въ этомъ отношеніи пріобрѣтаетъ такую ловкость, что они бросаютъ этотъ топоръ въ огромное стадо и не только вѣрно попадаютъ имъ въ ту свинью, въ которую мѣтили, но даже и въ надлежащее мѣсто животнаго, а именно сзади уха. Ударъ обыкновенно такъ силенъ, что животное тутъ же падаетъ. Говорятъ, эту балту кондасъ легко пускаетъ въ ходъ, когда желаетъ ограбить путешественника. Если ему вздумается похитить свинью изъ чужаго стада, онъ издалека бросаетъ балту, увѣренный, что намѣченная жертва останется на мѣстѣ. Суровый характеръ кондаса развивается также вслѣдствіе ухода за животными злыми и дикими, да ему невольно приходится и поддерживать ихъ злой нравъ. Чтобы научить ихъ защищаться противъ волковъ, онъ, отъ времени до времени, бросаетъ въ стадо чужую собаку. Ошеломленная неожиданностью свинья въ ту же минуту бросается на нее и отъ нея остаются лишь клочья. Послѣ этого полудикія свиньи бросаются съ одинаковою яростью на чужихъ собакъ, на волковъ и людей; осенью онѣ становятся опасными даже для своихъ пастуховъ.

Наружность грубаго, способнаго къ насилию кондаса не внушаетъ довѣрія: длинныя пряди волосъ, густо смазанныя саломъ, болтаются на вискахъ, взглядъ изъ подлбья, выраженіе необыкновенно мрачное и рѣшительное. Не смотря однако на свою суровость, многіе изъ нихъ страстно предаются танцамъ, когда имъ изрѣдка удается попадать въ чарду: въ самый разгаръ пляски они выхватываютъ свой топоръ, ловко подбрасываютъ его, машутъ имъ вокругъ себя, хватаютъ его на лету, перебрасываютъ черезъ ногу, выдѣлываютъ имъ самые удивительные фокусы и никогда не поранятъ ни себя, ни другихъ. Они отличаются также навыкомъ, въ первый разъ входя въ тотъ или въ другой лѣсъ, весьма точно вычислить дубовыя деревья и опредѣлить, сколько свиней можно выкормить ихъ желудками. Крестьяне не любятъ кондасовъ и сторонятся ихъ, такъ какъ объ нихъ издавна сложилась дурная репутація, и всѣ они нечисты на руку. Вздумается кондасу выпить или погулять, и онъ никогда не задумается, какъ добыть для этого денегъ: при этомъ онъ обнаруживаетъ необыкновенную ловкость и наглость. Онъ угоняетъ у крестьянина свинью, воруетъ, что попадетъ подъ руку, и отлично умѣетъ схоронить концы въ воду.

Большія стада домашнихъ птицъ всякаго рода, пасущіяся въ равнинѣ передъ каждою деревней, могутъ дать понятіе о томъ, какое значеніе имѣютъ онѣ въ мадыарскомъ хозяйствѣ. Множество зеренъ, которыя, вслѣдствіе первобытной молотбы, разлетаются въ разныя стороны или остаются втоптаннми въ землю, на току, часто устроенномъ подъ открытымъ небомъ, составляютъ для многочисленныхъ стадъ куръ и индѣекъ богатый запасъ провизіи; для гусей и утокъ, которыхъ мадыары держатъ еще въ большемъ количествѣ, чрезвычайно пригодны обширные бассейны стоячей воды, которыми такъ щедро усыяны равнины Венгріи. Эти естественные источники составляютъ большое подспорье для прокормленія громадныхъ стадъ домашнихъ птицъ мадыарскихъ крестьянъ.

По количеству домашней птицы мадыарка судить о хозяйственныхъ способностяхъ своей сосѣдки: если у нея ихъ много, она вездѣ слыветъ за прекрасную хозяйку; тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, репутація ея чрезвычайно страдаетъ. Но и другія, болѣе серьезныя причины заставляютъ мадыарку употреблять всѣ усилія разводить какъ можно болѣе домашней птицы; ея мужъ туго раскошеляется на ея костюмъ и удовольствія, и на все это она должна сама добывать деньги продажей домашней птицы, яицъ и пуха. Къ тому же каждая крестьянка обязана дать своей дочери, когда она выдаетъ ее замужъ,

огромную перину и нѣсколько подушекъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ каждой венгерской деревнѣ разводять громадное количество домашней птицы; болѣе всѣхъ между ними цѣнятся гуси, и безчисленные стада этихъ крикливыхъ птицъ—характерная черта венгерскихъ деревень. Каждое стадо имѣетъ своего пастуха или пастушку.

Когда рано утромъ они обходятъ всѣ дома, чтобы собрать свои стада, гуси поднимаютъ страшный крикъ и будятъ всѣхъ жителей. Вечеромъ ихъ пригоняютъ назадъ. Справляться съ ними бѣднымъ пастухамъ, которыми обыкновенно бываютъ дѣти, чрезвычайно трудно. Возвращаясь домой, иногда совершенно покойно, они, не смотря на всѣ усилія пастуха, бѣгутъ къ противоположному ручью, а если послѣ страшнаго крика и ударовъ ему и удастся направить ихъ, куда онъ желаетъ, они поднимаютъ такой столбъ пыли, что онъ не видитъ ни своего стада, ни дороги.

Гуси составляютъ любимую пищу всѣхъ венгерскихъ жителей, даже евреевъ, которые оказываются большими охотниками до всѣхъ кушаньевъ, приготовленныхъ на гусипомъ жирѣ. Вѣрный и быстрый сбытъ, который всегда имѣютъ гуси, заставилъ жителей нѣкоторыхъ венгерскихъ деревень завести оптовую торговлю этими птицами. Особые купцы ходятъ по деревнямъ, расположеннымъ близъ береговъ Тиссы и въ окрестностяхъ Гроссвардейна, скупаютъ гусей и отправляютъ ихъ въ Пешть громадными стадами. Передъ отправленіемъ въ дорогу они даютъ отдыхъ птицѣ въ продолженіи двухъ, трехъ дней, затѣмъ вырываютъ у нихъ изъ крыльевъ по нѣскольکو перьевъ, чтобы они не разлетались по дорогѣ, и отправляютъ ихъ въ Пешть, гдѣ продаютъ содержателямъ гостинницъ и мѣстнымъ торговцамъ живностію. Эта торговля довольно прибыльна для той и другой стороны: торговецъ даетъ крестьянкѣ одинъ флоринъ за пару гусей, а самъ выручаетъ два; но это дается ему не даромъ: по дорогѣ ему часто некуда бываетъ загнать гусей, и тогда съ своими помощниками и помощницами ему приходится сторожить ихъ всю ночь.

Оригинальную картину представляютъ стада гусей, когда ихъ гонятъ на продажу въ Пешть или въ какой нибудь другой городъ. Впереди, въ видѣ авангарда, идетъ маленькій отрядъ гусей, которыхъ гонитъ дѣвочка или старуха; затѣмъ выступаетъ главная армія подъ начальствомъ самого торговца, одѣтаго въ бунду, шерстью наружу; по бокамъ его двѣ, три старухи, которымъ постоянно приходится забѣгать въ стороны, чтобы держать стадо вмѣстѣ. Оглушительный концертъ этихъ древнихъ защитниковъ Капитолія не смолкаетъ во всю дорогу и даетъ знать о себѣ издалека.

Всѣ работы и занятія мадьяръ носятъ оригинальный отпечатокъ. Жнитвомъ занимается огромная группа рабочихъ. Этого рода рабочіе приходятъ изъ менѣе плодородныхъ странъ Венгріи, и иному богатому землевладѣльцу приходится нанимать по 500 и 600 человекъ. Ежедневная пища жнецовъ состоитъ изъ супа, каши, бобовъ или другаго какого нибудь мучнаго блюда; мясо они получаютъ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, и то это обыкновенно мясо овецъ съ какими нибудь недостатками, негодное для продажи и потому назначенное для пищи рабочихъ. Эту пищу, получаемую рабочими обыкновенно отъ хозяина, имъ посылаютъ въ поле, на двухколесной телѣжкѣ, запряженной осломъ: она вся уставлена плетеными корзинками съ горшками, въ которыхъ и находится пища. Едва только эта телѣжка появилась въ полѣ, какъ ее оставливаютъ веселыми криками, работы на время прекращаются, жнецы располагаются группами и принимаются за обѣдъ. Путешественнику приходится удивляться этой веселой толпѣ, которая, оставаясь подъ палящими лучами солнца съ утра до вечера, оглашаетъ воздухъ веселыми пѣснями, криками и остротами во время обѣда. Надзоръ за работой жнецовъ поручаютъ одному изъ нихъ, котораго они сами выбираютъ и называютъ «газда». Его обязанность состоитъ въ томъ, что онъ постоянно наблюдаетъ,

чтобы хозяинъ аккуратно выдавалъ выговоренную пищу и выполнялъ остальные условія и чтобы рабочіе добросовѣстно относились къ своимъ обязанностямъ. Когда хозяинъ первый разъ приходитъ на поле посмотрѣть работы жнецовъ, дѣвушки и женщины спѣшаютъ ему на встрѣчу и охватываютъ его веревкой, сплетенной изъ соломы. Въ отвѣтъ на эту любезность хозяинъ бросаетъ мелкую монету и заставляетъ выкатить боченокъ вина.

Жатва оканчивается веселымъ праздникомъ: въ послѣдній день женщины плетутъ большую гирлянду, въ которой золотистый цвѣтъ колосевъ смѣшивается съ васильками и ярко-красными цвѣтами полевого мака. Этой гирляндѣ онѣ придаютъ видъ короны, привѣсиваютъ ее къ шесту, который беретъ въ руки парень, а за нимъ, съ веселыми пѣснями, идетъ весь остальной рабочей людъ. Это торжественное шествіе направляется къ помѣщику или его управляющему, чтобы поздравить съ окончаніемъ жатвы и поднести красивую гирлянду: ее несетъ парень впереди, а сзади него, приплясывая и напѣвая пѣсни, идутъ женщины съ серпами и граблями. Въ бесплодныхъ округахъ сѣверной Венгріи жницы не устраиваютъ по окончаніи жатвы такого торжественнаго шествія, такъ какъ у нихъ никогда не бываетъ богатаго урожая.

Недостатокъ въ строевомъ лѣсѣ принуждаетъ мадьяръ соблюдать крайнюю экономію въ сельско-хозяйственныхъ постройкахъ; отчасти вслѣдствіе этого они придерживаются въ сельскомъ хозяйствѣ многихъ первобытныхъ прадѣдовскихъ приемовъ. Славяне Верхней Венгріи успѣваютъ во-время собрать свой хлѣбъ въ овинъ и потому имъ удается смолотить его осенью; но мадьяры Нижней Венгріи и вообще все населеніе равнинъ не въ состояніи такъ быстро управиться съ работами. Вслѣдствіе недостатка построекъ имъ приходится складывать хлѣбъ на полѣ кучами и точно также оставлять подъ открытымъ небомъ солому и сѣно. Молотятъ свой хлѣбъ мадьяры тоже самымъ первобытнымъ способомъ, на току, обыкновенно подъ открытымъ небомъ, лошадьми или другими животными. Мѣсто для тока выбираютъ въ полѣ, на которомъ сжали хлѣбъ, а въ большихъ помѣстьяхъ на дворѣ фермы или тани. Но гдѣ бы ни находился этотъ токъ, приготовить для него мѣсто — дѣло не трудное. Для этого выравниваютъ почву, покрываютъ землей и глиной, затѣмъ утаптываютъ, чтобы придать твердость. Молотба обыкновенно начинается сейчасъ послѣ окончанія жатвы и затягивается до зимы. На богатыхъ фермахъ тоже нанимаютъ молотить рабочихъ съ горь. Въ вознагражденіе они получаютъ часть смолотаго зерна. Огромныя скирды сѣна и такія же кучи зерна лежатъ на току; беспорядочная толпа людей и лошадей бѣгаетъ по солому взадъ и впередъ. За этой работой надзираетъ нѣсколько надсмотрщиковъ. Когда хлѣбъ смолоченъ, на немногихъ фермахъ, ведущихъ хозяйство болѣе рационально, зерно сохраняютъ въ большихъ магазинахъ, нарочно для того построенныхъ. Но большинство и въ этомъ отношеніи прибѣгаетъ къ первобытному способу: зерно сохраняютъ въ ямѣ, нарочно для этого выкопанной. Когда яма выкопана, чтобы сдѣлать ее менѣе сырой, въ нее бросаютъ солому, зажигаютъ ее и огонь поддерживаютъ два дня. Такъ какъ почва ямы обыкновенно глинистая, то ея стѣнки отвердѣваютъ отъ дѣйствія огня и нѣсколько теряютъ свой гнилой запахъ. Затѣмъ въ яму сыпаютъ зерно даже черезъ край, набрасываютъ сверху солому и глину, такъ что образуется небольшое коническое возвышеніе. Таковы первобытные способы молотбы и сохраненія зерна, которые практикуются по всей Венгріи.

Послѣ Франціи, Испаніи и Италіи Венгрія самая богатая страна въ Европѣ по количеству своихъ виноградниковъ. Изъ 54 комитатовъ, изъ которыхъ она состоитъ, только 6 не производятъ вина; слѣдовательно большая часть населенія живетъ въ томъ благословенномъ поясѣ, гдѣ созрѣваетъ виноградъ. Сборъ его — самое любимое занятіе крестьянина: отъ него не откажется даже самый лѣнивый. Когда наступаетъ

*

эта желанная пора, всѣ крестьяне съ своими семействами отправляются въ виноградники. На холмахъ, гдѣ растетъ виноградъ, отовсюду слышны тогда веселые крики, пѣсни, звуки самой веселой музыки, тамъ и здѣсь раздаются выстрѣлы.

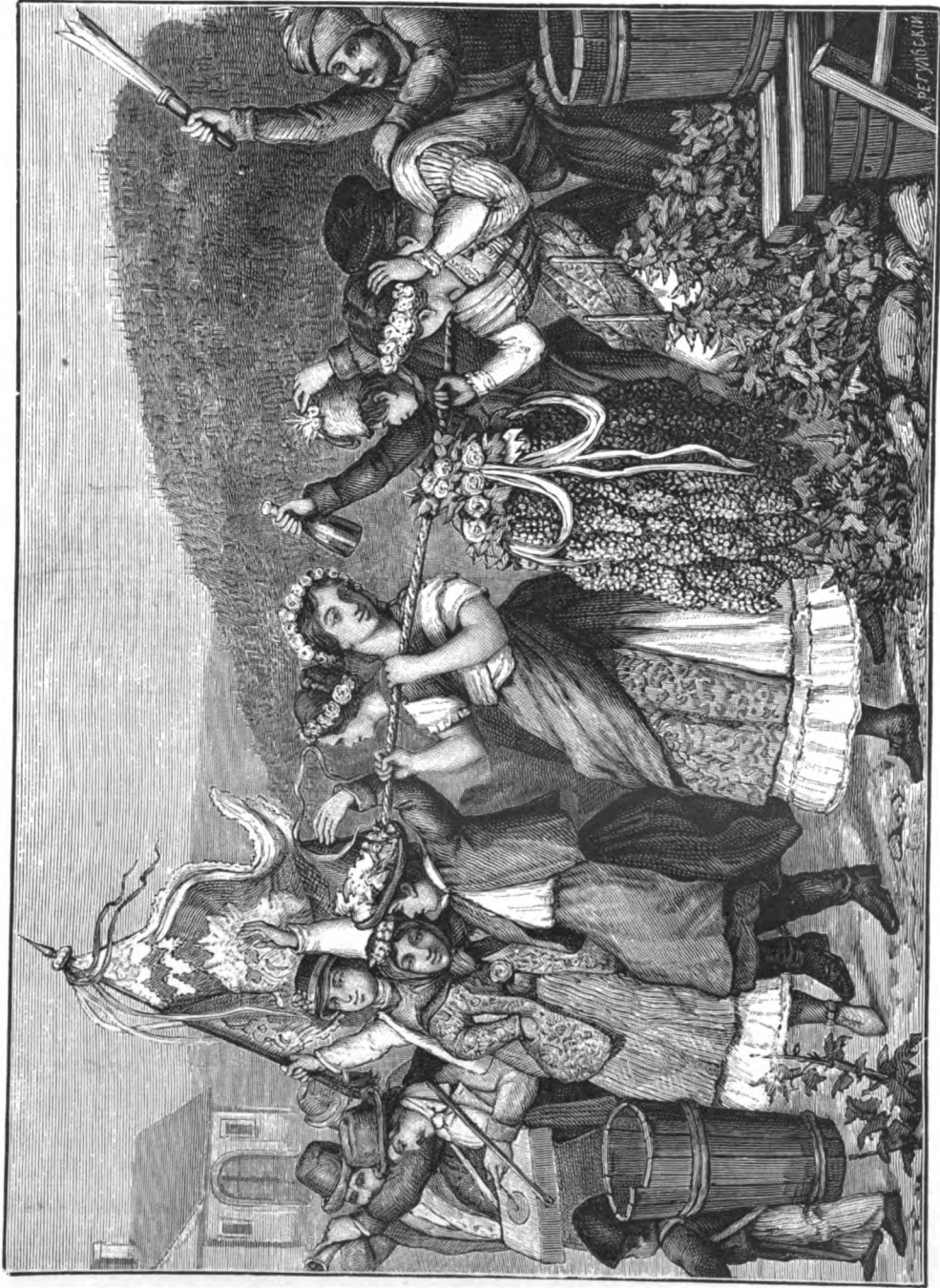
Наиболѣе извѣстное вино приготавливаютъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ тремя народами; мадьяры выдѣлываютъ самое превосходное токайское вино, нѣмцы населяютъ ту мѣстность, гдѣ производятъ эденбургское, а валаху природа предоставила его прекрасный Менессъ. Изъ всѣхъ венгерскихъ винъ пальма первенства принадлежитъ безъ сомнѣнія токайскому, этому царю винъ. Но настоящее токайское вино можно приготовить изъ винограда, растущаго на весьма небольшой территоріи, занимающей не больше 6 кв. миль. Громкую извѣстность этому вину доставили его несомнѣнный букетъ, искристость и огонь. Мадьяры совершенно справедливо говорятъ, что гора Токай выращиваетъ виноградъ изъ сахара и огня. Въ большинствѣ случаевъ вино, которое мы пьемъ подъ этимъ названіемъ, какъ у себя, такъ и за границей, имѣетъ совсѣмъ другой вкусъ и цвѣтъ, чѣмъ то, которое выдѣлываютъ изъ токайскихъ виноградниковъ. Поддѣльное «токайское» имѣетъ сладкій вкусъ и бурый цвѣтъ, между тѣмъ какъ настоящее темно-золотистаго цвѣта и скорѣе горьковато, чѣмъ сладко; при этомъ оно чрезвычайно крѣпко, хотя въ тоже время очень нѣжно на вкусъ. Это вино, имѣющее, по словамъ мадьяръ, «цвѣтъ и цѣну золота», своимъ высокимъ достоинствомъ прежде всего обязано здѣшнему винограду, который рѣзко отличается отъ остальнаго винограда, растущаго на венгерскихъ равнинахъ. Токайскій виноградъ растетъ на вулканическихъ горныхъ породахъ и подражать ему невозможно. Даже тотъ виноградъ, который растетъ на сосѣднихъ съ нимъ холмахъ, имѣетъ совсѣмъ другой вкусъ и цвѣтъ. Отличному качеству токайскаго винограда, вѣроятно, способствуетъ гористая мѣстность вокругъ Токай и самая почва, которая однако съ перваго взгляда не отличается никакими особенностями. Лучшіе здѣшніе виноградники находятся на крутыхъ горныхъ откосахъ и почти съ утра до вечера подвергаются вліянію солнечныхъ лучей. Когда этотъ виноградъ созрѣлъ, онъ отличается необыкновенною прозрачностью, которая, по всей вѣроятности, зависитъ отъ его замѣчательно нѣжной кожицы.

Существуетъ нѣсколько сортовъ этого прекраснаго вина. Самое лучшее и дорогое изъ нихъ называется «токайскою эссенціею». Эта эссенція состоитъ изъ сока, который капаетъ изъ на половину высушенныхъ ягодъ, сложенныхъ въ чанѣ, подъ давленіемъ только собственной тяжести. Затѣмъ слѣдуетъ токайское вино перваго сорта: его приготавливаютъ, обливая сладкимъ виномъ перваго сорта ягоды, отобранныя во время сбора и прессованныя въ чанѣ. Если послѣ этой первой прессовки гущу обливаютъ сладкимъ виномъ во второй разъ и опять выжимаютъ, это даетъ вино втораго сорта.

Токай не представляетъ ничего особеннаго. При имени этого города невольно вспоминаешь «царя винъ», и онъ съ своими узкими, кривыми и грязными улицами представляетъ лишь мѣстопробываніе дѣловыхъ, торговыхъ людей, между которыми евреи, какъ самые важные спекулянты, занимаютъ первое мѣсто.

Сборъ винограда въ Венгріи встрѣчаютъ и провожаютъ всевозможными увеселеніями, стрѣльбой, фейерверками, — однимъ словомъ, въ этой странѣ нѣтъ праздника, на которомъ бы весь народъ, безъ исключенія, столько-бы веселился. Конечно, самыя главныя празднества происходятъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ производятъ лучшія вина, — слѣдовательно Токай въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто.

Сборъ винограда происходитъ не въ одно время: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ окрестностяхъ Буда-Пешта, онъ начинается обыкновенно въ октябрѣ, но въ Токаѣ, гдѣ до сбора ему даютъ нѣсколько высохнуть, въ ноябрѣ и нерѣдко продолжается даже въ такіе холода, что работающіе разводятъ костры, чтобы согрѣться. Въ такое

время въ Токай стекается чрезвычайно много народа: множество вельможъ, помѣщики съ своими семействами, хозяева всевозможныхъ виноградниковъ, торговцы, купцы и простой людъ не только изъ ближайшихъ, но и изъ дальнѣйшихъ окрестностей. Въ городскихъ и загородныхъ домахъ вельможъ и дворянства идутъ всевозможные пиры, танцы, игры, увеселенія всякаго рода. Много хлопотъ доставляютъ эти праздники гостеприимнымъ отъ природы мадьярамъ, которые считаютъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ угостить на славу каждаго гостя. Гостеприимство дворянъ и ихъ склонность къ роскоши обнаруживаются здѣсь съ особеннымъ блескомъ. Днемъ въ городѣ со всѣхъ сторонъ раздается пѣніе рабочихъ, собирающихъ виноградъ. Мадьяры, словаки, нѣмцы, валлахи—все поютъ на своемъ языкѣ свои національныя пѣсни. По городу расхаживаютъ и разъѣзжаютъ несмѣтныя толпы богато разряженныхъ людей. Съ утра до ночи раздаются выстрѣлы то близко, то издалека. Вечеромъ тамъ и здѣсь взлетаютъ на воздухъ безчисленныя ракеты. Громадныя толпы народа еще съ большимъ оживленіемъ расхаживаютъ по улицамъ вечеромъ, любуясь фейерверкомъ и громко распѣвая веселыя пѣсни. Отовсюду слышатся восклицанія, смѣхъ, веселые крики, говоръ. Тамъ и здѣсь странствующие фокусники даютъ свои представленія.

Въ послѣдній день сбора винограда рабочіе цѣлой процессіей подносятъ своему хозяину огромный вѣнокъ, или, лучше сказать, гигантскую корону изъ виноградныхъ кистей, перевитую и украшенную лентами, цвѣтами, виноградными листьями. Трудно представить, какую оживленную картину представляетъ эта толпа! Впереди идетъ музыка, за нею — костюмированные мужчины и женщины, между ними иногда есть даже арлекины и паяцы; далѣе выступаютъ рабочіе съ знаменами, которыми они машутъ во всѣ стороны; между ними группа дѣвушекъ въ самыхъ праздничныхъ костюмахъ, въ вѣнкахъ и цвѣтахъ на головѣ. Двѣ дѣвушки изъ этой группы особенно разодѣты: онѣ несутъ на своихъ плечахъ, на размалеванной палкѣ, изящную корону изъ свѣсившихся виноградныхъ кистей и украшенную лентами и цвѣтами. Народъ съ криками радости сбѣгается смотрѣть на эту веселую процессію. Дѣвушки и парни подходятъ то къ одному, то къ другому изъ приближавшихъ и угощаютъ ихъ виномъ, а одинъ парень изъ толпы виноградарей машетъ своей колотушкой во всѣ стороны, ударяя ею по плечамъ всѣхъ тѣхъ, которые попадаютъ ему подъ руки. Веселая толпа виноградарей входитъ въ домъ хозяина и вѣшаетъ виноградную корону, какъ люстру, посреди потолка комнаты, назначенной для праздника въ честь окончанія сбора винограда.

Венгерцы съ такою любовью занимаются разведеніемъ винограда, что производство вина и въ будущемъ будетъ идти впередъ, все улучшаясь и дѣлая успѣхи. Любовь венгерцевъ къ виноградникамъ доходитъ до того, что они не только разводятъ ихъ на холмахъ, наиболѣе для этого удобныхъ, но и на движущихся пескахъ, которые на каждомъ шагу встрѣчаются въ громадныхъ равнинахъ Венгріи. Благодаря ихъ уходу, виноградная лоза принимается и даетъ возможность и на этой скудной почвѣ собирать виноградъ и добывать изъ него вино, хотя и низшаго качества. Для венгерскаго крестьянина вино — первое условіе счастья и удовольствія: ни свадьба, ни похороны, ни одна покупка и продажа, однимъ словомъ, никакое выдающееся событіе семейной и общественной жизни не обходится безъ него. Безъ вина онъ не оплакиваетъ своихъ покойниковъ, не празднуетъ рожденіе своихъ дѣтей, безъ вина онъ не веселится, не любитъ пѣть веселыхъ пѣсенъ. Если въ какой-нибудь деревнѣ сборъ винограда былъ плохъ, свадьбу откладываютъ до слѣдующаго года. Самое большое счастье венгерца — это сходить въ свой погребъ со стаканомъ и отвѣдать вина.

Благодаря различію въ климатѣ и въ устройствѣ поверхности, множеству болотистыхъ пространствъ, въ странѣ этой водятся самые разнообразныя виды мелкой и круп-

ной дичи. Мрачные лѣса сѣвернаго склона Карпатъ служатъ пристанищемъ разнообразныхъ животныхъ: ужасныхъ медвѣдей, волковъ, рысей, кабановъ, козулей; на самыхъ высшихъ точкахъ этого горнаго хребта можно найти серня и сурковъ. Въ горныхъ отрогахъ Альпъ—огромное количество оленей. А если вы спуститесь въ равнины альфѣльда, то тутъ васъ положительно поразитъ безконечное разнообразіе птицъ, которыхъ привлекаютъ болотныя пространства. Если вы вздумаете здѣсь выстрѣлить, вы увидите, какъ со всѣхъ сторонъ, точно сразу стали собираться тучи, поднимаются стаи дикихъ гусей и утокъ, которыхъ особенно много въ окрестностяхъ Сегедина. Тутъ-же вы можете встрѣтить лисцу, но болѣе всего попадается зайцевъ, которыхъ, какъ утверждаютъ знатоки, рѣшительно нигдѣ нельзя найти въ такомъ количествѣ. Птицы расхаживаютъ по равнинамъ цѣлыми стаями. Вотъ огромное стадо большихъ птицъ, изъ которыхъ одни копаются въ песокъ, другія какъ-то подозрительно осматриваютъ каждый кустъ, но большинство выступаетъ разбѣреннымъ шагомъ. Эти большія птицы съ толстой шеей и толстыми ногами — дрофы, которыхъ называютъ также драхвами и дрохвами. Ихъ весьма преслѣдуютъ, такъ какъ мясо ихъ вкусно и каждая штука вѣситъ отъ 20 до 25 фунтовъ. Лѣвый берегъ Тиссы даетъ убѣжище цаплѣ, за которой охотятся изъ за ея перьевъ. Всѣхъ птицъ, встрѣчающихся здѣсь, трудно перечестъ. Вслѣдствіе такого разнообразія животныхъ тутъ хотя и не такое количество охотниковъ, какъ въ Швейцаріи и Тиролѣ, но все-таки очень многіе крестьяне, пастухи и полевые сторожа дѣлаются охотниками, и отъ нихъ не скроется ни одно животное, разъ они примѣтили его гдѣ-нибудь своимъ замѣчательно острымъ зрѣніемъ. Между различными видами охоты наиболѣе любимая и популярная среди всего народа — «верховая охота на зайцевъ».

Большія равнины Венгріи, огромное количество зайцевъ, живущихъ въ нихъ, прекрасныя здѣшнія лошади и большія гончія собаки, которыхъ здѣсь разводятъ въ громадномъ количествѣ, — все это причиною, что верховая охота на зайцевъ сдѣлалась охотой чисто національной. Этому способствуетъ, конечно, и смѣлость венгерскихъ наѣзтниковъ: неровности почвы, ухабы, канавы мадьяры не считаютъ даже препятствіями и съ полнымъ хладнокровіемъ перескакиваютъ черезъ высокіе плетни и глубокіе рвы.

Какъ только съ полей убранъ хлѣбъ и послѣ окончанія сбора маиса, всюду затѣвается охота на зайцевъ. Всѣ помѣщики собираются другъ къ другу устраивать кавалькады изъ пріятелей и друзей, приготавливаютъ охотничьи костюмы, гончихъ собакъ, безъ которыхъ эта охота немислима, какъ для помѣщиковъ, такъ и для простонародья. Хорошая гончая собака цѣнится здѣсь такъ высоко, что ее нерѣдко вымѣниваютъ на лошадь или корову. Мы не станемъ описывать, какъ охотятся помѣщики, которымъ эта охота служить выставкой ихъ блестящихъ охотничьихъ костюмовъ и кровныхъ скакуновъ, но дадимъ понятіе объ охотѣ крестьянъ, увлекающихся только самою охотою, во время которой они обнаруживаютъ замѣчательную ловкость. Едва только наступаетъ это желанное время года, какъ охотники оставляютъ свои деревни и тани и со всѣхъ сторонъ собираются со своими собаками на равнину. Мадьяръ на верховой лошади чрезвычайно красивъ: вся фигура дышитъ смѣлостью, отвагой, опытностію, — это въ полномъ смыслѣ слова природный наѣзникъ! Вдругъ откуда-то выскакиваетъ заяцъ, и вся толпа стрѣлой бросается за нимъ въ погоню. Побуждаемая криками и гиканьемъ своихъ хозяевъ, собаки вихремъ несутся впередъ. Всѣ охотники и животныя бросаются въ погоню за зайцемъ, передъ которымъ лежитъ совершенно гладкая равнина, недающая ему возможности скрыться. Собаки схватываютъ зайца, сдавливаютъ ему шею, опускаютъ его на землю и тутъ же подлѣ добычи ждуть своихъ хозяевъ, которые скоро

нагоняютъ ихъ. Но зайцы не всегда такъ легко достаются собакамъ: зная, что бѣгствомъ они не могутъ спастись, они очень часто прибѣгаютъ къ хитрости: вдругъ заяцъ передъ носомъ собаки становится на заднія лапы, и ту такъ сбиваетъ этотъ маневръ съ толку, что она совѣмъ его не узнаетъ. Онъ пользуется минутой замѣшательства, чтобы быстро шархнуться въ сторону, и такимъ образомъ нерѣдко спасается. Но, не смотря на всѣ хитрости, охотники никогда не возвращаются, не имѣя нѣсколькихъ зайцевъ у своего сѣдла.

Охота на драхву считается здѣсь наиболѣе выгодной между всѣми птицами и въ то же время наиболѣе трудною. Птица эта замѣчательна не только своимъ ростомъ, но еще больше осторожностію и предусмотрительностію. Она улетаетъ, какъ только охотникъ приближается къ ней, и застрѣлить ее чрезвычайно трудно, хотя птицъ этихъ водится много въ равнинѣ. Случается однако, что охотнику удается незамѣтно подойти къ ней и прицѣлиться, спрятавшись около какого-нибудь рва, въ которомъ драхвы собираются въ извѣстные часы. Но это удается очень рѣдко, и охотнику, волей-неволей, приходится прибѣгать къ хитрости. Чаще всего для этого практикуютъ такой способъ: охотники садятся въ тяжелую телѣгу, запряженную четырьмя или шестью волами, и густо забрасываютъ себя со всѣхъ сторонъ соломой, такъ что такая телѣга съ охотниками имѣетъ видъ воза съ сѣномъ. Но охотники въ возу не дремлютъ, продѣлываютъ отверстія, въ которыя разсматриваютъ драхвъ, расхаживающихъ стадомъ по равнинѣ, прицѣливаются. Драхвы привыкли видѣть, какъ такія телѣги съ сѣномъ обыкновенно мирно проѣзжаютъ мимо нихъ, и потому не улетаютъ; а даютъ имъ подъѣхать очень близко. Ихъ безпечность въ этомъ отношеніи такъ велика, что имъ, повидимому, очень нравятся медленное движеніе этихъ телѣгъ. Охотники пользуются этимъ, быстро встаютъ, иные обвязанные сѣномъ, а другіе, забывая всякую предосторожность, нѣсколько человѣкъ сразу стрѣляютъ въ стадо и возвращаются съ богатой добычей.

Описанные нами способы охоты существуютъ въ равнинахъ, но въ горахъ живутъ еще болѣе ловкіе охотники: горцы бродятъ по пустынямъ дикихъ горныхъ странъ, взбираются на самыя высокія вершины, перелѣзаютъ смѣло черезъ пропасти, взлѣзаютъ на самыя крутыя скалы и, какъ альпійскіе охотники, мѣтко поражаютъ пулей cadaго звѣря.

Въ большихъ помѣстьяхъ Венгріи охота, какъ въ большей части странъ, подчинена извѣстнымъ правиламъ. Тутъ каждый годъ устраиваютъ большія охоты, состоящія въ загонѣ животныхъ въ западню. Но богатые мадьярскіе помѣщики не предаются охотѣ съ такимъ постоянствомъ и упорствомъ, какъ англійскіе лендъ-лорды. За то въ народѣ, кромѣ охоты на зайцевъ, сильно распространена ловля птицъ: этимъ заработкомъ, хотя весьма жалкимъ, живетъ здѣсь большой классъ людей. Ловля птицъ происходитъ въ концѣ осени и отчасти даже зимою. Крестьяне для этой ловли отправляются въ равнины, покрытыя верескомъ, расходятся по кустамъ, разставивъ въ разныхъ мѣстахъ силки, куда попадаютъ дрозды и другія птицы, живущія въ верескѣ. Зимой эти ловцы отправляются продавать пойманныхъ птицъ въ города.

Число людей, занимающихся въ Венгріи рыболовствомъ, особенно на берегахъ Дуная и Тиссы, чрезвычайно велико. Точно опредѣлить цифру рыболововъ невозможно, такъ какъ они не отдаются специально рыбному промыслу: этому мѣшаетъ недостатокъ въ мадьярахъ склонности къ промышленности, дешевизна рыбы, а также и то обстоятельство, что право ловить ее во многихъ мѣстностяхъ принадлежитъ крупнымъ землевладельцамъ и отдѣльнымъ мѣстечкамъ. Тѣ и другіе сдаютъ ловлю на откупъ рыбакамъ за самую ничтожную плату, часто за нѣсколько пудовъ рыбы. Настоящихъ рыбаковъ, т. е. людей, специально занимающихся рыбнымъ промысломъ, между мадьярскимъ простона-

родьмъ не существуетъ также и потому, что этотъ промыселъ слишкомъ плохо вознаграждаетъ рабочаго, такъ что заниматься исключительно имъ нѣтъ никакой возможности; тѣмъ не менѣе рыба въ этой странѣ служить большимъ подспорьемъ въ пищу бѣдняковъ и потому ея ловлею занимаются прибрежные жители Дуная и Тиссы, равнинныхъ странъ, усѣянныхъ болотистыми пространствами, но также и всѣхъ деревень, расположенныхъ недалеко отъ Балатонскаго озера. Въ южно-венгерскихъ городахъ и селахъ сапожники, скорняки, плотники и другіе ремесленники составляютъ кружки въ 8, 10 человекъ и отправляются до восхода солнца ловить рыбу неводомъ.

Трудно представить, какіе разнообразныя виды рыбъ живутъ въ рѣкахъ и въ большихъ бассейнахъ стоячихъ водъ Нижней Венгріи. Въ Дунай наиболѣе цѣнятся щука, карпъ и осетръ—этотъ «царь и великанъ дунайскихъ водъ», какъ его здѣсь называютъ. Ловятъ его на всемъ протяженіи Дуная отъ г. Коморна до того мѣста, гдѣ Драва впадаетъ въ Дунай. Его ловятъ самыми разнообразными способами: то сътью, то на уду, а иногда устраиваютъ различныя засады. Иногда одна часть рыбаковъ растягиваетъ неводъ противъ теченія, а другая гонитъ осетра къ этому мѣсту, ударяя по водѣ гибкими палками. Тамъ, гдѣ на днѣ есть скалы, замедляющія теченіе воды, протягиваютъ веревки, къ которымъ прикрѣплены снурки различной длины, оканчивающіяся крючками. Если только осетру вздумается проплыть черезъ такое мѣсто или его пригонять къ нему, онъ непременно поранитъ себя однимъ изъ этихъ крючковъ; тогда онъ начинаетъ бросаться во всѣ стороны, ранитъ себя еще болѣе, и тутъ уже его легко убить или поймать.

Про Тиссу, которая во время таянія снѣга часто превращаетъ береговую равнину въ настоящее море и называемую венгерскимъ Ниломъ, пословица говоритъ, что въ ней больше рыбы, чѣмъ воды. Еще лѣтъ 15—20 тому назадъ эта пословица была вполне справедлива, и Тисса дѣйствительно отличалась необыкновеннымъ богатствомъ рыбы. Прислуга, когда ей нужно было наниматься въ услуженіе къ хозяевамъ, живущимъ близъ береговъ этой рѣки, обыкновенно заключала съ ними условіе, чтобы ее кормили рыбою не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, такъ какъ иначе ей приходилось каждый день до отвращенія ѣсть рыбную пищу, вдобавокъ еще очень жирную—качество, которымъ отличается тисская рыба. Теперь рыбы въ Тиссѣ стало гораздо меньше, отчасти потому, что обращали слишкомъ мало вниманія на опустошенія, производимыя рѣчными выдрами. Онѣ могли плодиться здѣсь безпрепятственно, ибо только въ самое послѣднее время на нихъ стали охотиться съ помощью борзыхъ собакъ.

Въ Тиссѣ наиболѣе цѣнятся: сомъ, налимъ, форель и стерлядь. Хотя и здѣсь мѣстные жители не сумѣли сдѣлать изъ рыболовства настоящаго промысла, тѣмъ не менѣе всѣ они занимаются рыбною ловлею съ большою охотою, часто даже со страстью. И это понятно: первое занятіе мѣстнаго жителя съ самаго ранняго дѣтства—ловить рыбу удочкой или выхватывать ее руками изъ прудовъ. Когда поднимается вѣтеръ, всѣ жители, взрослые и дѣти, бросаются къ берегу и хватаютъ рыбу, во множествѣ выбрасываемую волнами на берегъ. Дѣти съ криками бѣгаютъ тогда по берегу, бросаясь къ крупной рыбѣ, которую тотчасъ хватаютъ руками. На мелкую рыбу нѣтъ охотниковъ, она околѣваетъ на высохшей землѣ и вслѣдствіе ея разложенія распространяются въ окрестностяхъ страшныя миазмы. Тогда со всѣхъ сторонъ сюда пригоняютъ свиней: онѣ пожираютъ гниющую рыбу и принимаютъ на нѣкоторое время отвратительный запахъ, а если ихъ убиваютъ вскорѣ послѣ этого, то и вкусъ ворвани.

А какъ увеличивается склонность и интересъ къ рыбной ловлѣ, когда происходитъ цвѣтеніе Тиссы, что бываетъ въ началѣ или серединѣ іюня. На поверхности воды внезапно появляется тогда и остается въ продолженіи 8, 9 дней микроскопически-мелкое

животное «*Libellula ephemera*». Она появляется иногда въ такомъ количествѣ, что, какъ разсказываютъ, затрудняетъ движеніе лодки. Трудно представить себѣ, какое оживленіе происходитъ тогда во всѣхъ деревняхъ: всѣ, кто только можетъ двигаться, бросается въ рѣкѣ. И дѣйствительно, она представляетъ въ это время оригинальное зрѣлище. Кажется, вся рыба, какая существуетъ въ Тиссѣ, какъ бѣшеная, съ быстротою молніи летить то впередъ, то назадъ, гоняясь за этимъ лакомымъ для себя кормомъ. Но не однѣ только рыбы охотятся за этими мелкими животными: лягушки, домашнія и болотныя птицы, свиньи, даже собаки и кошки, всѣ съ какимъ-то остервененіемъ мчатся къ берегу, чтобы угоститься этимъ рѣдкимъ, но любимымъ блюдомъ. Хозяйки у береговъ вылавливаютъ этихъ мелкихъ животныхъ черепками и совками: втеченіе нѣсколькихъ дней онѣ кормятъ ими своихъ домашнихъ животныхъ. Въ то время, когда рыба такъ усердно гоняется за добычею, по рѣкѣ разбѣзжаетъ безчисленное множество лодокъ съ рыбаками, которые, въ свою очередь, гоняются за рыбой. Въ это время столько появляется рыбы, что ее ловятъ не только сѣтями и съ лодокъ, но тамъ и здѣсь, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, ставятъ въ воду деревянные станки. Оригинальное зрѣлище представляютъ рыбаки, когда они съ деревянныхъ подмостковъ закидываютъ удочки. Кажется, будто они стоятъ на водѣ, и такими рыбаками въ это время бываетъ усѣяно все побережье Тиссы, на нѣсколько саженой отъ берега.

Продажа, какъ и ловля рыбы, устраивается самымъ примитивнымъ образомъ. Наловленную рыбу тотчасъ продаютъ по мелочамъ отчасти сбѣжавшемуся люду, отчасти рыбнымъ торговкамъ, которыхъ тотчасъ можно отличить между всѣми по ихъ энергичнымъ лицамъ и бойкимъ фигурамъ. Эти торговки своимъ бойкимъ языкомъ, юморомъ и словоохотливостью напоминаютъ парижскихъ торговокъ. Онѣ скупаютъ рыбу у рыбаковъ и затѣмъ продаютъ ее въ различныхъ мѣстностяхъ, въ извѣстные дни недѣли. Но большую часть товара тотчасъ скупаютъ еврейскіе рыбопромышленники, которые затѣмъ развозятъ его, какъ въ близлежащія, такъ и въ отдаленныя мѣстности. Замѣчательно, что эту рыбу, которую везутъ иногда довольно далеко, не только не солятъ здѣсь, но и не кладутъ въ бочки, наполненныя водой. Къ грудамъ сваленной рыбы подбѣзжаетъ телѣга, въ которой стоятъ огромныя корзины, и евреи какъ попало бросаютъ въ нихъ свой товаръ. Если вспомнить, что въ это время жары доходятъ до 40°, то можно себѣ представить, въ какомъ видѣ доставятъ ее на рынки черезъ 2, 3, а иногда и черезъ 4 дня.

Чтобы составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе о богатствѣ рыбнаго улова по всему теченію Тиссы, достаточно обратить вниманіе на огромное количество рыбы, которую многочисленныя рыбныя торговки продаютъ въ различныхъ городахъ Венгріи. Ее можно здѣсь купить рѣшительно во всѣхъ видахъ: посреди улицы прохожимъ каждую минуту предлагаютъ изъ нея различныя кушанья. Походныя печи, разставленныя на углахъ улицъ въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ, постоянно приготавливаютъ рыбныя кушанья въ громадномъ количествѣ, и рѣзкій запахъ несется отъ нихъ и даетъ себя чувствовать издали. Нѣкоторыя рыбныя кушанья въ этихъ уличныхъ печахъ приготавливаются превосходно, особенно уха, которою такъ славятся всѣ береговые жители Венгріи. Кушанье это не требуетъ большихъ издержекъ: мелко изрубленное мясо рыбы различныхъ сортовъ—карпа, щуки, стерляди, солятъ, приправляютъ чеснокомъ, лавровымъ листомъ, непременно венгерскимъ перцемъ, обливаютъ водой и ставятъ варить. Это кушанье удовлетворяетъ самыхъ избалованныхъ гастрономовъ. Во время поста въ отдаленныя деревни Тиссы и Дуная пріѣзжаютъ цѣлыя обозы съ карпами, сомами, щуками и другою рыбой. Во множествѣ продаютъ ее и сушеную. Самый большой венгерскій рыбный рынокъ—въ Пештѣ. Даже въ обыкновенные базарные дни съ береговъ Тиссы въ

Пешть приѣзжаетъ до 50 возовъ съ рыбой. Если прибавить сюда уловъ пештскихъ рыбаковъ, то окажется, что въ этой мадьярской столицѣ каждый базарный день продается болѣе 1,000 центнеровъ рыбы.

Балатонское озеро, которое даже въ венгерскихъ пѣсняхъ называютъ «рыбообильнымъ Балатономъ», тоже представляетъ богатую пищу для рыбаковъ. Главный интересъ жителей, живущихъ въ маленькихъ хижинахъ, разбросанныхъ на берегу этого озера, прежде всего сосредоточенъ на рыбѣ. Тутъ между прочимъ водится рыба, которую мѣстные жители называютъ «гаг» и которая отъ времени до времени проходитъ цѣлыми арміями. Если это случается въ то время, когда идетъ обѣдня, двери церкви быстро растворяются. «Гары идутъ», кричитъ вошедшій и скамейки пустѣютъ въ ту же минуту, такъ какъ всѣ молеельщики бѣгутъ тогда къ лодкамъ и сѣтямъ ловить рыбу.

Если мужское населеніе Венгріи съ такою любовью отдается рыболовству, то женщины также любятъ прясть и пристращаются къ этому занятію съ ранняго дѣтства. Конопля и ленъ—для крестьянъ предметы первой необходимости и ихъ разводятъ рѣшительно вездѣ, гдѣ только позволяетъ почва. Случается даже, что женатые деревенскіе работники не нанимаются къ хозяину, если кромѣ жалованья имъ не дадутъ отдѣльнаго поля, гдѣ бы они могли посѣять свою полосу конопли или льна. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Венгріи ленъ даетъ обильный урожай и въ одномъ только Ципскомъ комитатѣ ежегодно изготовляютъ 6.500,000 локтей прекраснаго полотна. Работа за прялкой издавна любимое времяпрепровожденіе венгерскихъ женщинъ. Смотри по тому, какая прялка у женщины, вы сейчасъ узнаете, къ какой національности она принадлежитъ: у мадьярки прялка съ ножками, которая служитъ ей и скамейкой для ногъ въ то время, когда она придетъ, у славянки прялка съ сидѣньемъ, а у валашской женщины она устроена такъ, что ее прикрѣпляютъ къ поясу съ лѣвой стороны.

Въ деревняхъ, въ длинные зимніе вечера, прялка играетъ весьма важную роль. Все лѣто она лежала за печью, но вотъ наступаетъ день всѣхъ святыхъ, и мадьярскія дѣвушки и женщины отыскиваютъ свои прялки, вытираютъ ихъ, украшаютъ лентами, а когда настаетъ зима, не проходитъ ни одного вечера, чтобы хозяйка не присѣла за прялку. Какъ только прялка выступаетъ на сцену, въ деревняхъ устраиваютъ посидѣлки: дѣвушки и женщины, старыя и молодыя собираются вмѣстѣ по вечерамъ и прядутъ. Къ нимъ, одинъ за другимъ, входятъ парни. Во время посидѣлокъ идетъ живая болтовня, шутки, остроты, веселые анекдоты, пѣсни. Парни зорко подстерегаютъ, когда у дѣвушки упадетъ веретено, чтобы подать его ей. Отъ времени до времени затѣваютъ игры. Самую популярную изъ нихъ устраиваютъ такимъ образомъ: передъ дверью комнаты ставятъ стулъ, на который садится парень. Онъ обращается къ дѣвушкамъ съ просьбой, чтобы та, которой онъ нравится, подошла къ нему и обняла его. Когда какая нибудь дѣвушка подходитъ къ нему, онъ цѣлуетъ ее и уступаетъ ей свое мѣсто. Дѣвушка съ такимъ же вопросомъ обращается къ мужчинѣ. Другая игра состоитъ въ томъ, что на стулъ садятъ человѣка съ завязанными глазами, и одинъ за другимъ всѣ подходятъ къ нему и бьютъ по пяткамъ лопатой, которой сажаютъ въ печь хлѣбъ. Если онъ угадаетъ, кто его ударилъ, онъ уступаетъ тому свое мѣсто. Посидѣлки въ продолженіи всей зимы устраиваются каждый вечеръ, кромѣ воскресенья. Самыя людныя и веселыя изъ нихъ бывають по субботамъ. Парни въ такіе дни обыкновенно платятъ за освѣщеніе.

Оригинальный видъ венгерскихъ городовъ. — Дебречинъ и характеръ его построекъ. — Ярмарки. — Дебречинскіе граждане.

Внѣшній видъ венгерскихъ городовъ и деревень въ высшей степени оригиналенъ; какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ между собой чрезвычайно много общаго. Очутившись въ здѣшной деревнѣ, вы непременно назовете ее большимъ городомъ: такъ много въ ней домовъ, различныхъ зданій и такое громадное пространство занимаютъ всѣ эти постройки. Наконецъ, какъ городъ, такъ и деревня, за весьма немногими исключеніями, носятъ на себѣ чисто земледѣльческій характеръ.

Всѣ обитаемыя мѣстности дѣлятся здѣсь на три разряда: *деревни*, *мѣстечки* и *королевскіе вольные города*. Такое дѣленіе установилось по числу жителей и по привилегіямъ, дарованнымъ королевскою властію или которыя они сами себѣ завоевали. Разница между деревнями и мѣстечками заключается единственно въ правѣ послѣднихъ открывать ярмарки и базары, поэтому мѣстечки и называются по нѣмецки «*Marktflecken*». «Королевскими вольными городами» называются привилегированныя селенія, владѣющія землей и имѣющія свой собственный выборный магистратъ. Но всѣ обитаемыя мѣстности венгерцевъ, города это, мѣстечки или деревни, въ главныхъ, своихъ чертахъ имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ: прежде всего всѣ они обыкновенно раскинуты на огромномъ пространствѣ, вездѣ въ нихъ большая рѣдкость встрѣтить жилище въ два или болѣе этажа, такъ что всюду дома одноэтажные, чрезвычайно низенькіе. Одна группа этихъ невысокихъ построекъ отдѣлена отъ другой очень широкими улицами, садами, огородами и неизбѣжными, часто очень большими лужами.

Въ каждый городъ, кромѣ Буды-Пешта, столицы Венгріи, и двухъ, трехъ городовъ, имѣющихъ первостепенное значеніе, вступаешь по совершенно грязной дорогѣ. Чтобы не завязнуть на ней, приходится приспособляться различнымъ образомъ: то вскакиваешь на какую нибудь кучу, разумеется, тоже грязную и вязкую, и ловко на ней балансируешь, чтобы не угодить въ окружающія лужи и трясины, то идешь на цыпочкахъ, то перескакиваешь съ одного сухаго пространства на другое. Вы думаете, что грязь васъ будетъ преслѣдовать только при вступленіи въ городъ; но вотъ вы достигаете главной площади: тѣ-же кучи грязи, въ которыхъ нерѣдко привольно нѣжатся свиньи. Возлѣ одной изъ такихъ кучъ обыкновенно стоитъ ратуша, болѣе всего напоминающая собой шалашъ пастуха. Улицы, какъ городскія, такъ и деревенскія, соперничаютъ другъ съ другомъ своею грязью. Въ мокрую погоду дорога становится такъ вязка, что колеса экипажа не могутъ свободно вертеться, и вы все время плететесь шагомъ. Мужчины и женщины, не имѣющіе своихъ экипажей, выходятъ на улицу только въ случаѣ крайней необходимости.

Когда вы читаете у путешественниковъ описанія венгерской деревни или города (кромѣ столицы венгерцевъ, которая представляетъ множество прекрасныхъ зданій, построенныхъ въ совершенно европейскомъ вкусѣ, имѣетъ нѣсколько дворцовъ и служитъ мѣстопребываніемъ дворянства), всѣ они оканчиваются выводомъ, что внѣшняя фізіономія венгерскихъ городовъ, деревень и мѣстечекъ наглядно говоритъ о кочевыхъ инстинктахъ этого, прежде воинственнаго и пастушескаго народа. Въ этомъ, конечно, есть своя доля правды. Длинная и очень широкая городская или деревенская улица, по которой мчатся лихой «чикошъ», хлопая длиннымъ бичемъ, напоминаетъ широкую дорогу между рядами лагерныхъ палатокъ, по которымъ такъ удобно было развѣзжать воинственнымъ наѣзникамъ. Ряды домовъ одинаковой высоты и отдѣленные другъ отъ друга ровными промежутками, придаютъ какъ городу, такъ и деревнѣ видъ лагеря.

Низенькіе дома, обмазанные снаружи глиною, смѣшанною съ известью, безъ двери, выходящей прямо на улицу, напоминаютъ ряды шатровъ или кибитокъ. Церковь среди селенія какъ бы замѣняетъ главную палатку ихъ предводителя. Такъ и кажется, что по первому сигналу шатры эти моментально будутъ сняты съ своихъ мѣстъ, а обитатели ихъ вскочатъ на коней и отправятся завоевывать новую землю. Дѣйствительно, кочевая жизнь мадьяръ нѣсколько отразилась на постройкѣ и на расположеніи ихъ жилищъ. Однако нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что характеръ жилищъ и другихъ народовъ въ этой странѣ ничѣмъ не отличается отъ мадьярскихъ. Наконецъ, во французскихъ ландахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки и въ другихъ подобныхъ мѣстностяхъ, жители которыхъ вовсе не были потомками кочевыхъ наѣзниковъ, тѣмъ не менѣе строятъ жилища такъ, что они сильно напоминаютъ мадьярскія. Изъ этого видно, что сходство географическихъ условій оказываетъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе вліянія, чѣмъ происхожденіе предковъ. Поселенія, которыя по своему характеру напоминаютъ мадьярскія, вы обыкновенно встрѣчаете въ болѣе или менѣе ровныхъ мѣстностяхъ, гдѣ большія равнинныя пространства чередуются со степями или пустынями; тамъ, гдѣ земля мало цѣнится, она даетъ возможность жителямъ разбрасывать свои жилища на большихъ пространствахъ. Всѣ эти условія нигдѣ не явились въ такой полнотѣ и совершенствѣ какъ въ Венгріи.

Изъ предыдущихъ очерковъ мы уже достаточно познакомились съ внѣшнимъ видомъ страны, что-же касается цѣнности земель въ прежнее время, то по слѣдующимъ примѣрамъ можно видѣть, какъ мало цѣнилась она въ этой малолюдной странѣ: дѣдъ одного изъ нынѣшнихъ депутатовъ въ сеймъ отъ города Дебречина въ удовлетвореніе какой-то денежной претензіи предпочелъ лучше получить два виноградника въ окрестностяхъ Тобая, чѣмъ цѣлый городъ въ графствѣ Собольтъ. Въ царствованіе Карла VI правительство задолжало одному булочнику за поставку хлѣбовъ въ армию; такъ какъ оно не имѣло средствъ расквитаться съ нимъ наличными деньгами, то булочникъ требовалъ, чтобъ долгъ его уплатили ему двумя водяными мельницами подъ самой крѣпостью Буды. Но въ мельницахъ ему было отказано и вмѣсто нихъ ему отдали все графство Бекешъ съ титуломъ барона. Это графство представляло въ то время совершенную пустыню, сплошь покрытую громадными болотами, міазмы которыхъ порождали тяжелыя лахорадки; только очень немногія мѣстности этого графства были заселены какими-то несчастными людьми. Вотъ во всемъ этомъ графствѣ и сталъ хозяйничать прежній булочникъ, теперь уже въ качествѣ правительственнаго намѣстника.

Города Венгріи прежде всего поражаютъ тѣмъ, что они занимаютъ сравнительно съ населеніемъ огромныя пространства земли: Сегединъ въ 1881 г. имѣлъ 74,000 ж., Марія-Терезіополь или Терезіенштадтъ 61,000, Дебречинъ 51,000; затѣмъ идутъ города съ чисто земледѣльческимъ населеніемъ въ 45, 40 и 30 тысячъ. Но не только города и мѣстечки имѣютъ такое большое населеніе, тутъ нерѣдко встрѣчаются даже и деревни съ 15—12 тысячами жителей.

Въ городахъ вы можете нѣсколько часовъ сряду проходить одну за другою безконечныя улицы и все не будете видѣть конца города, вездѣ васъ будетъ преслѣдовать одинъ однообразный характеръ венгерскихъ домовъ и построекъ. Венгерскіе города занимаютъ громадныя пространства: Дебречинъ тянется на протяженіи 18 нѣмецкихъ кв. м., а Терезіенштадтъ даже на 34 нѣмецкихъ кв. м.,—это добрая провинція, перерѣзанная длиннѣйшими правильными улицами, по сторонамъ которыхъ стоятъ ряды домовъ, раздѣленные промежутками.

Чтобы получить нѣкоторое понятіе о мадьярскихъ городахъ, скажемъ нѣсколько словъ о Дебречинѣ, который пользуется большою славою уже потому, что въ предѣлахъ

его находится пушта Гортобаги, столь прославленная венгерскими поэтами. Къ тому же Дебречинъ считается чисто-мадьярскимъ городомъ, такъ какъ население его состоитъ изъ мадьяръ по преимуществу. Мадьярскій языкъ слышится здѣсь повсюду, бѣдные и богатые его классы не утратили еще своей національной одежды и вполне сохранили свои нравы и обычаи. Лишь только вы вступаете въ Дебречинъ, вы сейчасъ же разобщаетесь отъ всѣхъ другихъ національностей нѣсколькими сотнями миль почти непроходимыхъ дорогъ и широкими водами желтой Тиссы. Если посмотрѣть на этотъ городъ съ какого нибудь высокаго пункта, онъ прежде всего представляется вамъ громадной деревней: почти всѣ дома имѣютъ по одному этажу, двухъэтажныя зданія встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Многіе называютъ Дебречинъ венгерскимъ или кальвинистскимъ Римомъ. На одномъ концѣ чрезвычайно широкой главной улицы возвышается кальвинистская церковь, которая въ полномъ смыслѣ слова господствуетъ надъ городомъ, такъ какъ это не только самое большое зданіе въ Дебречинѣ, но самая большая церковь во всей Венгріи. Рядомъ съ ней, но отдѣленная отъ нея небольшимъ скверомъ, стоитъ коллегія, которая точно также представляетъ самое громадное зданіе во всей Венгріи, построенное съ воспитательною цѣлью. Оба эти зданія, т. е. церковь и коллегія, представляютъ рѣзкій контрастъ съ одноэтажными домами города. Такимъ образомъ Дебречинъ не только столица мадьяризма, но и столица кальвинизма въ Венгріи. Передъ церковью—площадь, представляющая ни что иное, какъ открытое, ничѣмъ неогороженное пространство, безъ всякихъ построекъ. Площадь эта только отчасти вымощена круглыми деревянными брусьями. Тротуары на главныхъ улицахъ вымощены такимъ-же образомъ. «Кромѣ того посрединѣ этихъ чрезвычайно широкихъ улицъ проложена мостовая изъ такихъ-же брусевъ, на столько широкая, что по ней свободно могутъ разъѣхаться два экипажа. Пространство же между этимъ шоссе изъ деревянныхъ брусевъ и тротуарами по обѣимъ сторонамъ улицы оставлено въ первобытномъ видѣ: въ сухую погоду прохожаго засыпаетъ масса песку, приносимаго ураганами, столь обыкновенными въ большой равнинѣ, а въ дождливое время образуется непроходимая грязь, въ которой вязнешь по самыя колѣна».

Дебречинъ служитъ важнымъ рынкомъ для произведеній сѣверной и восточной Венгріи: сюда привозятъ рогатый скотъ, лошадей, сало, табакъ, вино, воскъ, медъ, ленъ и т. д. Жители Трансильваніи запасаются въ немъ колониальными и галантерейными товарами, которые присылаютъ сюда изъ Вѣны; но что болѣе всего привлекаетъ мадьяръ низшихъ классовъ—это продажа бундъ, которыхъ ежегодно изготовляютъ здѣсь болѣе 25,000. Тѣ изъ нихъ, которые не распродадутся здѣсь во время ярмарокъ, рассылаются по всей странѣ. Настоящая венгерская трубка также произведение здѣшней промышленности. Однако со введеніемъ желѣзныхъ дорогъ торговое значеніе Дебречина нѣсколько упало; но до сихъ поръ еще его ярмарки, которыя бывають по четыре раза въ годъ, привлекають громадныя толпы. Ихъ устраивають на песчаной равнинѣ, сейчасъ за городомъ, гдѣ въ это время воздвигаютъ безчисленное множество бараконъ и построекъ, служащихъ временными лавченками. На этихъ ярмаркахъ прежде всего бросается въ глаза смѣсь различныхъ національностей. Сюда стекается тогда весь живой людъ за 40, за 50 верстъ. Такое стремленіе на ярмарку нельзя объяснить только любопытствомъ и страстью къ развлечениямъ. Сюда идутъ не только за большими покупками, но часто издалека тащятся и тотъ, кому нуженъ гвоздь для колеса, или желающій продать мѣшочекъ съ бобами; при этомъ никто и не думаетъ о потерѣ рабочаго времени. Какая смѣсь племенъ, одежда, нарѣчій! Мадьяръ легко узнать по ихъ широкимъ, чернымъ шляпамъ, по ихъ чернымъ, длиннымъ волосамъ, по короткой трубкѣ и по бундѣ, которую они носятъ зимою и лѣтомъ. У плотнаго, но стройнаго мадьяра откры-

тое лицо, взгляд сверкающий и гордый, нѣсколько выдающіяся скулы татарина и спокойная, мечтательная осанка турка. Всѣ мадыарскіе крестьяне имѣютъ чрезвычайно здоровый видъ и по типу самые красивые изъ всѣхъ національностей, съ которыми они приходятъ въ столкновение. Благородный и величественный видъ ихъ осанки, повелительный тонъ ихъ голоса выдаетъ ихъ между всѣми представителями различныхъ національностей, снующихъ взадъ и впередъ по ярмарочнымъ площадямъ. Глядя на нихъ вы сейчасъ же скажете, что это побѣдители, народъ царственный, а словакъ, стоящій подлѣ, въ фигурѣ котораго столько печальнаго, чего-то боязливаго, точно онъ труситъ, что его вотъ-вотъ прогонять, напоминаетъ раба. Тутъ-же увидите вы и нѣмецкаго крестьянина, одѣтаго въ костюмъ изъ хорошаго сукна, въ тяжелыхъ сапогахъ, съ толстымъ, оплывшимъ краснымъ лицомъ, съ плоской улыбкой на губахъ, съ широкими плечами, съ громаднымъ брюхомъ. Русина можно узнать издалека, такъ какъ одежда его не отличается ни чистоплотностью, ни щегольствомъ. Цыгане, съ длинными курчавыми черными волосами, которые локонами падаютъ на плечи, предлагаютъ всѣмъ проходящимъ свои корыта и гвозди. Свѣтлыя, желтыя, зеленыя, красныя платья католическихъ крестьянокъ представляютъ пріятный контрастъ съ бѣлымъ восточнымъ костюмомъ кальвинистскихъ женщинъ. Изъ всѣхъ кабаковъ раздается цыганская музыка. Настежь раскрыты жидовскія лавочки, наполненныя одеждою и разною дрянью; ткачъ, канатникъ, слесарь— всѣ выставили свои товары передъ дверьми. Рѣже другихъ, но все-таки встрѣчаются и букинисты, но они почти исключительно торгуютъ еврейскими книгами, такъ какъ этого товара, кромѣ евреевъ, здѣсь рѣшительно никто не покупаетъ. Не только у мадыарскаго простонародья нѣтъ привычки покупать и читать книги, но даже и высшіе классы общества, какъ мы увидимъ ниже, чрезвычайно рѣдко и мало занимаются чтеніемъ.

Трудно представить оживленіе и разнообразіе сценъ, на которыя вы можете наткнуться: здѣсь, подъ открытымъ небомъ, въ черномъ горшкѣ, поставленномъ на треножникъ, варится какаля-то сѣрая смѣсь изъ костей и мяса, которая скорѣй напоминаетъ фантастическое варево колдуньи, чѣмъ кушанье для людей; тутъ-же, подлѣ горшка, лежитъ въ грязи на животѣ полуголый мальчикъ и изъ всѣхъ силъ раздуваетъ огонь. Въ двухъ шагахъ отъ него такой-же оборванный ребенокъ подъ надзоромъ старухи, опершейся на палку, медленно вертитъ на вертелѣ маленькаго ягненка. Тамъ мужчины, сидя на землѣ вокругъ боченка вина, стоящаго на козлахъ и прикрытаго отъ солнца зелеными вѣтками, пьютъ вино. Тутъ мѣняются скотомъ, тамъ предлагаютъ возы съ гонтомъ, пробѣгаютъ цыганки, пробѣгаютъ экипажи. А вотъ и выставка горшечной посуды, очень грубой и первобытной. Оригинально, что цвѣты, нарисованные на этой посудѣ, а часто и на сундукахъ, которые тоже можно купить на ярмаркѣ, здѣсь такіе-же самые, какъ и у племенъ, населяющихъ азіатскія степи; эти цвѣты вышиты также на табачныхъ кисетахъ и на шубахъ, которыя найдешь въ мѣховомъ ряду. Туземная промышленность, кажется, осталась такою-же, какою она была въ то время, когда мадыары жили въ палаткахъ и только что вступили въ Венгрію.

Войдемъ въ ряды, гдѣ продаютъ плоды и зелень. Продавцы и продавщицы стоятъ подъ палящими лучами солнца за кучами огромныхъ дынь. Венгерскій крестьянинъ съдаетъ большую дыню такъ же легко, какъ другой яблокъ. Дальше лежатъ кучами пучки турецкаго перца «паприка». Когда пучки паприки высохнутъ, ихъ толкутъ, и этотъ порошокъ, не столь крѣпкій, какъ обыкновенный перецъ, составляетъ необходимую приправу всѣхъ венгерскихъ кушаньевъ и особенно соусовъ. Къ тому же этотъ перецъ, какъ здѣсь говорятъ, служитъ прекраснымъ предохранительнымъ средствомъ противъ лихорадки, потери аппетита и желудочныхъ болей.

Для ярмарки скота отводятъ мѣсто сзади импровизированныхъ лавокъ. Тутъ, въ

страшной толкотнѣ, среди разнообразныхъ звуковъ животныхъ и людей, васъ прежде всего поражаютъ тѣ предосторожности, которыя приняты противъ воровства лошадей и рогатаго скота. И этими предосторожностями считаютъ долгомъ обставить себя рѣшительно на всѣхъ ярмаркахъ. Это доказываетъ, въ какомъ ходу въ Венгріи воровство рогатаго скота и лошадей. Поэтому на ярмаркѣ вы на каждомъ шагѣ наталкиваетесь на временныя полицейскія конторы, въ которыхъ засѣдаютъ полицейскіе чиновники съ прикомандированными къ нимъ «пандурами» (конными жандармами). Купивъ лошадь, продавецъ и покупатель отправляются вмѣстѣ въ одну изъ этихъ конторъ: тотъ, кто продалъ лошадь, долженъ предъявить паспортъ животнаго, иначе полиція отберетъ его, точно также какъ и въ томъ случаѣ, если паспортъ этотъ окажется фальшивымъ. Когда мы познакомимся съ разбойничествомъ, существующимъ въ Венгріи, мы не будемъ удивляться этимъ предосторожностямъ.

Дебречинъ, какъ мы уже замѣтили, чисто мадьярскій городъ. «Въ Сегединѣ на-примѣръ всегда проживало много сербовъ; Колошваръ (нѣмецкій Клаузенбургъ) долгое время былъ столицей трансильванскихъ князей, а впоследствии, когда князья эти исчезли, зимней резиденціей трансильванской аристократіи. Точно также и Наги-Варадъ служитъ мѣстопребываніемъ окружныхъ властей, а зимой туда съѣзжается много мѣстнаго дворянства. Въ Дебречинѣ же, напротивъ, нѣтъ никакихъ примѣсей чужихъ національностей, а также, если исключить реформатскаго суперъ-интендента съ его клиромъ и коллегію съ ея учителями и учениками, никакого дѣленія на классы. Все населеніе представляетъ однородную массу мадьярскихъ сельнѣ-гражданъ».

Вѣроятно вслѣдствіе этого дебречинскіе жители называютъ себя «гражданами». Сосѣди относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, обвиняя ихъ въ жадности, въ жаднѣ къ приобрѣтенію, но, что еще ужаснѣе для вѣстаго мадьяра, — въ негостепримствѣ. Многія изъ этихъ обвиненій совершенно несправедливы: большинство дебречинскихъ жителей состоитъ изъ простонародья, и понятно, что они прежде всего заботятся о своемъ существованіи, а слѣдовательно о приобрѣтеніи. Гостепримство-же свое жителямъ Дебречина выказывать чрезвычайно трудно, такъ какъ городъ ихъ постоянно полонъ пріѣзжими, и слѣдовательно то гостепримство, которое мы встрѣчаемъ у мадьяръ въ деревняхъ, здѣсь невысказуемо.

Но что безспорно служитъ характерною чертою дебречинскихъ гражданъ, это ихъ непреклонный, до тупости доходящій консерватизмъ. Патріоты, желающіе какъ можно болѣе распространить мадьярскій языкъ, вмѣсто котораго еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія преобладалъ латинскій, рѣшились было съ этою цѣлію открыть въ Дебречинѣ театръ. «Граждане» напрямикъ заявили, что они не будутъ посѣщать его, такъ какъ отцы ихъ не предавались этому удовольствію, поэтому и они должны слѣдовать ихъ примѣру. Тутъ часто родители на просьбу сына учиться отвѣчаютъ ему: «твой дѣдъ и отецъ не учились, зачѣмъ тебѣ больше знать».

Мадьярскія деревни.—Крестьянское жилище.—Преждевременная старость и болѣзнь.

Когда путешественникъ изъ города вѣзжается въ деревню, его удивляетъ недостатокъ различія между тѣмъ и другимъ. Въ большинствѣ случаевъ деревня меньше города; между домами совсѣмъ нѣтъ такихъ, которые возвышались-бы надъ землею болѣе полуторы сажени. Но вѣдь и въ венгерскихъ городахъ высокій домъ большая рѣдкость. Изъ полутора милліона венгерскихъ жилищъ едва насчитаетъ тысячъ пять такихъ, которыя поднимались бы надъ землею выше полуторы сажени. Даже дома дере-

венской знати: графовъ, бароновъ, богатыхъ помѣщиковъ всегда одноэтажные. Если надъ нижнимъ этажемъ помѣщичьяго дома находится какая нибудь верхняя пристройка, то такой домъ называется «замкомъ». Всѣ эти низенькіе, одноэтажные домики въ деревняхъ вытянулись въ струнку по обѣ стороны необыкновенно широкой, немощенной улицы. Непомѣрная ширина улицъ, которыя точнѣе будутъ называть дорогами, — самая характерная черта венгерской деревни. Громадное большинство этихъ улицъ до такой степени широки, что 20 деревенскихъ повозокъ легко могутъ проѣхать рядомъ по каждой изъ нихъ, нисколько не мѣшая другъ другу. Мадыарскія жилища, какъ выразился одинъ писатель, напоминаютъ овецъ, идущихъ длинной вереницей одна за другой, или несмѣтныя количества бѣловато-сѣрыхъ каменныхъ глыбъ, разсѣянныхъ по степи. Вокругъ каждой деревни лежитъ обширная, совершенно свободная отъ всякаго поселенія земля. На каждую квадратную милю въ настоящей мадыарской мѣстности едва приходится по одной деревнѣ. Тамъ называютъ близкимъ сосѣдомъ того, кто живетъ на разстояніи 10, 15 часовъ ходьбы. Каждый домъ стоитъ совершенно особнякомъ, на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и къ каждому изъ нихъ примыкаетъ небольшой дворъ и садъ, которые только изрѣдка отдѣлены отъ улицы заборомъ, такъ какъ въ мадыарскихъ деревняхъ меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, плетней и заборовъ. Даже поля, прилегающія къ улицѣ, отгорожены обыкновенно только мелкой и узкой канавкой. Дворы также открыты для всѣхъ, кто пожелаетъ въ нихъ войти. Поэтому не только у скота, но даже у гусей здѣсь существуетъ свой особый пастухъ; такимъ образомъ домашняя птица и скотъ не могутъ причинить никакого вреда полямъ. Нѣтъ заборовъ и плетней, не существуетъ и запертыхъ воротъ, такъ что экипажъ гостя безпрепятственно подъѣзжаетъ къ самому крыльцу хозяина. Только небольшіе садики составляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи: ограда ихъ состоитъ изъ досокъ, положенныхъ одна поверхъ другой и приколоченныхъ къ столбамъ гвоздями. Но опять таки и этихъ заборовъ не существуетъ тамъ, гдѣ недостатокъ въ лѣсѣ особенно чувствителенъ. Въ деревенскихъ садикахъ растутъ кусты розъ, красный перецъ и ради тѣни непремѣнно акація или тополь. Акація и тополь характерныя деревья венгерской равнины; впрочемъ сельскіе хозяева отдають предпочтеніе акаціи, такъ какъ она легче переноситъ засухи и растетъ несравненно быстрѣе тополя. Въ такихъ садикахъ вы найдете маленькій парникъ, чтобы разводить разныя растенія, но самое значительное пространство отведено дынямъ и арбузамъ, до которыхъ мадыары страстные охотники.

Въ постройкѣ жилищъ меньше разнообразія, чѣмъ гдѣ бы то ни было: онѣ всѣ похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Фронтонъ длинной, широкой венгерской избы обыкновенно обращенъ на улицу и имѣетъ одно или два крошечныхъ окна, которыя пропускаютъ чрезвычайно мало свѣта, и изъ опасенія воровъ онѣ снаружи еще снабжены желѣзными рѣшетками. Подъ самыми окнами непремѣнно стоитъ деревянная скамейка, на которой лѣтомъ каждый вечеръ сидятъ кумушки, передавая другъ другу сплетни и новости. Ихъ болтовнѣ не мѣшаетъ и дождь, такъ какъ кровля дома выступаетъ навѣсомъ надъ кирпичной площадкой, идущей почти кругомъ всей избы. Такъ какъ скамейка эта способствуетъ женскимъ пересудамъ и пространнымъ разговорамъ, ее называютъ «szóhordó», т. е. «носительница словъ». Кровля дома покрыта соломой или камышомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тесомъ или дранками. Въ городахъ довольно часто попадаются черепичныя кровли, шиферныя же здѣсь совершенно неизвѣстны. Выступъ кровли, поддерживаемый деревянными столбами, придаетъ чистоплотный видъ всему дому и позволяетъ даже во время дождя ходить кругомъ избы, не боясь промокнуть и завязнуть. Надъ окнами, наверху, продѣлано одно или два круглыхъ отверстія, пропускающихъ свѣтъ и воздухъ на чердакъ, который служитъ здѣсь кладовою. На крышахъ

домовъ аисты нерѣдко вьютъ свои гнѣзда. Наружная стѣна избы украшена множествомъ шишекъ кукурузы, золотистыми колосьями майса и гиляндами ароматичныхъ табачныхъ листьевъ, поэтому она, смотря по времени года, имѣетъ сначала темно-зеленый цвѣтъ, а потомъ желтый. Подлѣ дома лѣтомъ нерѣдко лежатъ кучи дынь и тыквѣ: и тѣ, и другія достигаютъ здѣсь огромныхъ размѣровъ. За то ихъ, но особенно тыкву, употребляютъ здѣсь во всѣхъ видахъ: ее парятъ, запекаютъ, квасятъ, какъ кислую капусту, употребляютъ для корма скота, особенно свиней, и, наконецъ, она служитъ крестьянину самую разнообразную посудиную.

Въ Венгріи нельзя себѣ представить ни одного пейзажа безъ колодца съ торчащимъ вверхъ рукавомъ. Въ деревняхъ ихъ всегда очень много, такъ какъ каждый домъ имѣетъ свой особый колодезь. Когда приходится проѣзжать по деревнѣ утромъ или вечеромъ, видишь, какъ у всѣхъ колодцевъ берутъ воду, и вправо, и влѣво то и дѣло киваютъ длинныя рукава.

Посреди деревни—площадь, на которой въ дождливое время стоятъ лужи и грязь, а въ жаркое и вѣтренное время носятся густыя облака пыли. Сбоку площади стоитъ церковь, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ даже двѣ: одна католическая, другая — протестантская. Часто обѣ церкви стоятъ такъ близко другъ подлѣ друга, что пѣніе псалмовъ протестантовъ смѣшивается съ пѣніемъ католическаго ксендза и его причта.

Крестьяне очень усердно ухаживаютъ за своими домами: заново штукатурятъ ихъ каждый годъ бѣлою краской, а другіе красятъ ихъ въ зеленый, голубой или темно-красный цвѣтъ, такъ что они имѣютъ весьма пріятный видъ, но весь пейзажъ далеко не привлекательный. Если дождь идетъ два, три дня, то вся земля вокругъ дома превращается въ совершенную грязь; и тамъ, и здѣсь образуются огромныя лужи, на поверхности которыхъ во время вѣтра борются настоящія волны. Пѣшеходу приходится обыкновенно ходить не иначе, какъ по колѣно въ грязи, а человѣкъ непривычный часто и совсѣмъ не можетъ безъ чужой помощи вытянуть свои ноги изъ топкой грязи. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ наиболѣе скопляется зеленоватыхъ лужъ и болотъ, жители ставятъ по обѣимъ сторонамъ улицъ козлы, по которымъ настилаютъ длинныя доски, но онѣ въ дождливое время становятся до того скользкими, что нужно большое умѣнье, чтобы не упасть съ нихъ и не попасть въ грязь. Тотъ, кто ѣдетъ по большой дорогѣ въ повозкѣ, подвергается часто опасности простоять на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ: ноги лошадей такъ вязнутъ въ грязи, что часто ничего не остается болѣе дѣлать, какъ послать кучера въ ближайшую деревню за волами. Тогда ихъ припрягаютъ впереди къ лошадямъ и такимъ образомъ вытягиваютъ увязшую повозку и лошадей. Во время жаровъ другія неудобства: при малѣйшемъ вѣтеркѣ поднимаются темныя облака пыли, которыя съ необыкновенною быстротою несутся по всей деревнѣ, съ каждою минутою увеличиваясь въ объемъ и покрывая все, что попадаетъ на пути. Къ тому же во время пыльнаго урагана наступаетъ совершенная темнота, такъ что часто въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя отличить одного предмета отъ другаго. Не меньшій ужасъ внушаютъ путешественнику деревенскія тошія собаки съ торчащей врозь шерстію и напоминающія волковъ. Онѣ пугаютъ не только своимъ свирѣпымъ видомъ, но и потому, что когда днемъходишь въ мадыарскую деревню, она бываетъ совершенно пуста, только гуси и свиньи нарушаютъ отсутствіе всякой жизни и движенія. Встрѣтить гурьбу рѣзвящихся дѣтей въ здѣшнихъ деревняхъ большая рѣдкость, такъ какъ въ мадыарскихъ семьяхъ дѣтей вообще бываетъ чрезвычайно мало. Хозяева днемъ работаютъ въ полѣ, которое нерѣдко лежитъ очень далеко отъ деревни. Эта тишина въ громадной деревнѣ, съ населеніемъ нерѣдко въ 5, 10 и даже 15 тысячъ, поражаетъ всякаго. Ни единого звука не доносится даже издалека: не слышно ни шума мельницы, ни веселаго щебе-

танья птицъ, только изрѣдка раздается скрипъ колесъ съ трудомъ пробирающейся телѣги. Вотъ почему преслѣдованіе собакъ, которыя своимъ неистовымъ лаемъ провожаютъ васъ отъ одного дома до другаго, производитъ неприятное впечатлѣніе.

Убранство дома говоритъ о любви къ опрятности. Войдемъ въ него, тѣмъ болѣе, что дверь такъ гостепріимно отворяютъ вамъ всюду, если только хозяева дома. Прелестная стройная дѣвушка, въ красныхъ сапожкахъ, ласково предлагаетъ вамъ войти. Ея висящіе по плечамъ густые, черные волосы заплетены въ косы, украшены разноцвѣтными лентами. Лишь только вы отворили дверь, поднимается хрюканье, такъ какъ въ этомъ обезпокоили свиней, которыхъ здѣсь очень часто держатъ въ домахъ. У очень бѣдныхъ — одна жилая комната, у болѣе зажиточныхъ — три и болѣе; въ послѣднемъ случаѣ самая большая изъ нихъ, посреди которой стоитъ огромная четырехугольная печь, служить кухней. Въмѣсто мѣдной посуды, въ этой комнатѣ вся стѣна занята глиняными горшками, разрисованными и простыми, чрезвычайно симметрично разставленными и красиво разрисованными глиняными блюдами. Налѣво и направо отъ кухни — по одной маленькой комнатѣ. Кругомъ стѣны каждой изъ нихъ тянутся деревянныя скамейки; въ каждой изъ этихъ комнатъ вы найдете низенькую постель, на которой лежитъ высоко взбитая перина и цѣлая груда подушекъ почти до потолка, — предметъ тщеславія каждой хозяйки дома. Кромѣ скамеекъ у стѣны, въ этихъ домахъ нерѣдко можно найти шкафъ изъ орѣховаго дерева, работы мѣстнаго столяра, въ которомъ хозяйки сохраняютъ пряжу, и простенькую этажерочку, гдѣ разставлены чашки и стаканы. На одной изъ стѣнъ виситъ маленькое зеркало и распятіе, Мадонна и двѣ-три плохихъ литографіи. Хотя крестьяне содержатъ свои жилища въ большой опрятности, тѣмъ не менѣе они очень вредны для здоровья: сырость такъ велика, что на стѣнахъ отъ времени до времени появляется плѣсень; воздухъ сырой, затхлый, спертый. Вслѣдствіе недостатка лѣса полъ земляной, и по немъ нерѣдко скачутъ лягушки. И на этихъ-то сырыхъ полахъ, за недостаткомъ кроватей, спитъ большая часть обитателей жилища. Сырое помѣщеніе и земляные полы служатъ, вѣроятно, одной изъ главныхъ причинъ, сокращающихъ жизнь крестьянина вообще и его дѣтей въ особенности. У маленькихъ дѣтей здѣсь безпрестанно появляются разныя эпидеміи и чаще другихъ кровавый поносъ, отъ котораго умираютъ очень многія изъ нихъ. Этотъ же обычай спать на земляномъ полу развиваетъ ревматизмъ у взрослога и раннюю старость. Причина частыхъ болѣзней и преждевременной смерти лежитъ также и въ томъ, что мадьяры считаютъ недостойнымъ мужчины, непростительно для него нѣжностью заботиться о своемъ здоровьѣ, что такъ необходимо при здѣшнемъ непостоянномъ климатѣ. Много вредитъ здоровью и любовь къ попойкамъ и кутежу.

Мадьярскія семейства прежде всего поражаютъ тѣмъ, что въ нихъ мало дѣтей: двое, много трое, но чаще всего одинъ ребенокъ. Умирая, богатые часто не оставляютъ здѣсь наслѣдниковъ. Они и этимъ пользуются, чтобы прихвастнуть. Когда однажды одинъ путешественникъ въ разговорѣ съ мадьярами сталъ имъ доказывать, что это происходитъ отъ плохихъ гигиеническихъ условій, то одинъ изъ нихъ съ жаромъ перебилъ его: «Благородная кобыла приносить не болѣе одного жеребенка въ годъ, а грязная свинья мечетъ поросятъ по нѣскольку штукъ заразъ». Другой подтвердилъ это еще болѣе громкой фразой: «Львица родитъ только одного дѣтеныша, но этотъ дѣтенышъ всегда левъ или львица». Многіе утверждаютъ, что у мадьяръ мало дѣтей потому, что эта раса безплодна уже по своей природѣ, однако статистическія данныя не подтверждаютъ этого и заставляютъ искать причину явленія въ климатѣ страны и въ плохихъ санитарныхъ условіяхъ домашней жизни и обстановки.

Характерныя черты прошлой жизни мадьярскаго народа. — Его религія и духовенство — Характеръ народа. — Одежда крестьянъ и крестьянокъ. — Ихъ пища, любовь къ веселью и танцамъ. — Чардашъ — національный танецъ. — Музыка.

Мадьяры заняли свое нынѣшнее отечество въ IX столѣтіи. Эти кочующія племена туранской орды финскаго племени бродили сначала въ безконечныхъ равнинахъ восточной Россіи, занимались охотою и рыбною ловлею въ странахъ уральскихъ и мало по малу подвигались къ западу. Въ послѣднихъ годахъ IX ст. они выбрали своимъ вождемъ Арпада и придвинули свои шатры и стада къ Карпатскимъ горамъ. Въ исторіи нѣтъ примѣра другой такой великой эмиграціи, какою было водвореніе мадьяръ въ этихъ дунайскихъ равнинахъ. Громадныя толпы народа въ самыхъ разнообразныхъ группахъ въ продолженіи трехъ лѣтъ переходили Карпаты, они тащили съ собою множество повозокъ съ домашнею утварью и различною добычею.

Эти урало-алтайскіе кочевники прекраснаго и крѣпкаго сложенія, были отлично дисциплинированы: они были приучены ко всевозможнымъ лишеніямъ пустынь, не падали духомъ и тѣломъ ни передъ внезапными морозами, ни передъ удушающей здѣшной жарой; также мало пугали ихъ голодъ и жажда. Они прекрасно справлялись со всякимъ оружіемъ: съ мечемъ, лукомъ, копьемъ, и одинаково хорошо умѣли сражаться и пѣшіе, и на конѣ, но предпочитали вести бой на своихъ маленькихъ, быстроногихъ, неутомимыхъ лошадакахъ; стрѣла была ихъ любимымъ оружіемъ. Во время войны они дѣлились на группы, каждая въ тысячу человекъ, будучи всегда на готовѣ соединиться въ громадныя полчища, чтобы со всѣхъ сторонъ окружить непріятеля. Жестокой и упорной атакѣ всегда предшествовали несмѣтныя тучи стрѣлъ, которыя они пускали въ непріятеля. Ихъ, обыкновенно блестящему, успѣху въ битвѣ много содѣйствовалъ притворный побѣгъ, который они устраивали, когда другимъ путемъ уже не могли выиграть сраженіе.

Когда мадьяры заняли равнину средняго Дуная, то нѣкоторыхъ славянъ, жившихъ тамъ въ это время, они совсѣмъ истребили, другихъ выгнали, а тѣхъ изъ нихъ, которые жили на склонахъ Карпатъ, такъ же какъ и румынъ, занимавшихъ Трансильванію, они подчинили себѣ. Мадьяры уже тогда выказали стремленіе выбирать для своего поселенія равнинныя мѣстности; такъ осталось и до настоящаго времени: они занимаютъ равнину, словаки — сѣверныя Карпаты, а валахи или румыны — восточныя Карпаты.

Водвореніе мадьяръ нанесло смертельный ударъ славянамъ. Это финское племя, совершенно чуждое не только имъ, но и всей Европѣ, раздѣлило западно-славянскій міръ на двѣ половины: сѣверную и южную. Ни въ той, ни въ другой группѣ, отдѣльно взятой, не было общаго средоточія, ничего такого, что могло бы потомъ сплотить ихъ, или, по крайней мѣрѣ, удержать отъ дальнѣйшаго распаденія. Сѣверная группа славянъ, отрѣзанная мадьярами отъ Греціи и Болгаріи, не могла отстоять православія противъ усилій римскаго и нѣмецкаго духовенства и съ католицизмомъ приняла весь строй романо-германской жизни. Чехи, поляки, лужичане, нравственно, а частью и политически поработались западной Европѣ, а балтійскіе славяне были истреблены нѣмцами.

Нельзя не удивляться тому, что мадьяры, ворвавшись въ центръ чуждыхъ, болѣе многочисленныхъ и сильныхъ племенъ, не только не были изгнаны или истреблены со всѣхъ сторонъ тѣснившими ихъ и враждебными имъ народностями, но образовали даже отдѣльную національность, которая имѣетъ свой языкъ, литературу, независимое государственное устройство. Живучесть и сопротивленіе мадьяръ столькимъ враждебнымъ элементамъ можно объяснить только удивительнымъ инстинктомъ самосохраненія, который служитъ отличительной чертой характера ихъ древнихъ предковъ.

*

Это произошло, вѣроятно, также и потому, что, водворившись въ дунайскихъ равнинахъ, мадьяры не стремились уже къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ и подчиненію себѣ большаго количества народовъ. Правда, скоро послѣ своего переселенія въ новое отечество они стали дѣлать опустошительные набѣги на сосѣднія земли, но это было лишь доказательствомъ воинственной и хищнической удали этихъ еще дикихъ кочевниковъ. Да и эти набѣги съ цѣлю поживиться добычею были скоро прекращены Германіею, и мадьяры окончательно поселились въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они живутъ и въ настоящее время.

Мадьяры, какъ мы уже знаемъ, не были одни въ этой странѣ: языкъ и учрежденія славянъ и румынъ имѣли извѣстное вліяніе на этихъ кочевниковъ; многочисленные браки съ сосѣдними народами постепенно измѣняли ихъ первоначальный типъ; такимъ образомъ они мало-по-малу утрачивали выдающіяся скулы и косые глаза родственнаго имъ племени монголовъ, ихъ типъ постоянно усовершенствовался и сдѣлался теперь однимъ изъ самыхъ красивыхъ въ Европѣ.

Когда окончилась эпоха набѣговъ, главною заботою преемниковъ Арпада сдѣлалось распространеніе и утвержденіе христіанства, чѣмъ особенно прославился св. Стефанъ (997—1038 г.), которымъ до сихъ поръ такъ гордятся венгры и котораго они называютъ «творцомъ Венгріи». И дѣйствительно, только принявъ христіанство, этотъ народъ могъ вступить въ семью европейскихъ народовъ. Чтобы не сдѣлать Венгрію мѣстомъ происковъ германскаго духовенства и чтобы дать странѣ свое собственное національное духовенство, а также и изъ другихъ политическихъ разчетовъ, Стефанъ послалъ посольство къ папѣ Сильвестру. Тотъ принялъ его весьма благосклонно и подтвердилъ письменно, что беретъ мадьяръ подъ покровительство святой церкви; кромѣ того онъ согласился даровать Стефану королевскую корону и утвердилъ архіепископство въ Гранѣ и нѣсколько новыхъ епископствъ, учрежденныхъ королемъ. Папа даровалъ ему еще то преимущество, что передъ нимъ съ тѣхъ поръ стали носить крестъ, символъ апостольской власти. Вслѣдствіе этого еще и до сихъ поръ австрійскій императоръ—король Венгріи носить титулъ: «императорско-королевское апостолическое величество». Венгерскій историкъ совершенно правъ, говоря, что Венгрія сдѣлалась католическою страню не апостольскими проповѣдями и не давленіемъ св. престола, а учрежденіями св. Стефана. Въ томъ же 1000-мъ году Стефанъ короновался въ Гранѣ короною, присланною ему папою; это коронованіе утвердило королевскую власть за династіею Арпада.

Народы Венгріи дѣйствительно многимъ обязаны мудрымъ учрежденіямъ и распоряженіямъ св. Стефана. Уже въ самомъ началѣ ему предстояло разрѣшить чрезвычайно трудную задачу: съ одной стороны онъ долженъ былъ сохранить спокойствіе между подчиненными племенами, чтобы не дать имъ повода возстать и призвать противъ мадьяръ своихъ соплеменниковъ, съ другой—мадьярская національность не должна была погибнуть отъ соприкосновенія съ чуждыми элементами. Вотъ онъ и старался установить такой государственный порядокъ, который вызвалъ бы въ подчиненныхъ племенахъ участіе къ сохраненію порядка, созданнаго мадьярскимъ завоезаніемъ; мадьярамъ же онъ далъ нѣкоторыя преимущества, при которыхъ имъ выгодно было оставаться мадьярами, а не дѣлаться славянами или румынами. Онъ даровалъ странѣ конституцію, которая была необходима, чтобы сохранить въ завоеванномъ краѣ мадьярскую національность и приучить націю къ гражданской, благоустроенной жизни, а не возбуждать воинственныхъ инстинктовъ, которыми она была еще съ избыткомъ одушевлена. Государственное устройство, данное св. Стефаномъ своему народу, нѣсколько походило на древнее политическое устройство славянъ; при этомъ онъ принималъ также въ

соображеніе и образцы франкского устройства; но онъ переработалъ матеріалъ, бывшій у него подъ руками, совершенно самостоятельно и согласно съ потребностями мадьяръ, что видно уже изъ того, что онъ не ослабилъ, а укрѣпилъ національность своего народа. При этомъ онъ нашелъ средство сдѣлать мадьяръ средоточіемъ, сердцемъ государства, не уничтоживъ прочихъ національностей. Не смотря на безчисленныя бури и неурядицы, раздиравшія впослѣдствіи эту страну, венгерская жизнь и до сихъ поръ движется по путямъ, указаннымъ св. Стефаномъ. Ужаснѣйшія бѣдствія наступили въ странѣ немедленно послѣ смерти этого короля и съ небольшими промежутками продолжались до 48 года настоящаго столѣтія. По объему нашего труда, мы не имѣемъ возможности, даже вкратцѣ, изложить всѣ наиболѣе характерныя явленія исторической жизни мадьяръ, и укажемъ лишь на тѣ изъ нихъ, которыя имѣли неотразимое вліяніе на ихъ развитіе и на весь ходъ ихъ исторической и политической жизни.

Въ первой половинѣ XIII ст. Батый двинулся во главѣ монгольскихъ ордъ изъ Россіи къ Карпатамъ. Ихъ нѣсколько опередили куманы (половцы—племя, родственное мадьярамъ), въ количествѣ 40,000 семействъ. Король венгерскій Бѣла IV гостепріимно принялъ ихъ въ свою страну, надѣясь этимъ увеличить оборонительную силу своего государства. Но ихъ присутствіе увеличило лишь уже господствовавшую неурядицу. Между тѣмъ монгольскія шайки быстро подвигались къ берегамъ Дуная и, при первомъ столкновеніи съ ними, венгерская армія была совершенно уничтожена. Къ величайшему счастью для Венгріи, Батый скоро долженъ былъ уйти за Карпаты, но этимъ нашествіемъ и предыдущими беспорядками страна была ослаблена въ высшей степени и очутилась въ самомъ жалкомъ положеніи: города и деревни были разорены, поля не воздѣланы, многія мѣстности обезлюдѣли; голодъ и заразительныя болѣзни угрожали уцѣлѣвшему народу совершенной гибелью; укрѣпленные города, устроенные для защиты отечества, превратились въ разбойничьи вертепы; венгерскіе вельможи затѣвали явные и тайные заговоры съ иностранными государями противъ собственнаго короля.

Жизнь государства въ продолженіи XIV и XV ст. то принимала болѣе или менѣе правильный ходъ, то страдала отъ неурядицъ внутреннихъ и отъ внѣшнихъ враговъ, то государство опять усиливалось и чрезвычайно расширяло свои предѣлы. Во второй половинѣ XIV ст. королемъ венгерскимъ былъ Людовикъ Великій: его правленіе величіемъ и блескомъ превзошло всѣхъ другихъ венгерскихъ королей и уступало лишь въ отношеніи развитія внутреннихъ силъ управленію Стефана Святаго. Предѣлы его владѣній простирались отъ Балканъ до береговъ Балтійскаго моря и отъ Чернаго моря до Адриатическаго. На его головѣ были соединены короны венгерская и польская; Далмація снова была имъ покорена; Хорватія, Славонія, Молдавія и Валахія, а также и Болгарія признавали надъ собою его верховную власть; Сербія и Боснія не могли уклониться отъ его вліянія. Но это продолжалось недолго. За періодомъ блеска и могущества настали времена упадка. Турки, которые уже и раньше своими нападеніями истощали силы государства, начинаютъ тревожить его еще упорнѣе, проникаютъ въ равнины Савы и наносятъ большой ущербъ венгерской арміи. Государственные дѣла послѣ этого быстро пошли къ упадку, и въ 1505 г. сеймъ издалъ манифестъ, въ которомъ ясно обрисовалось положеніе дѣлъ того времени. Вотъ что въ немъ говорилось между прочимъ: «Наше государство было часто управляемо иностранными королями, и оно никогда такъ жестоко не страдало, какъ въ это время. Совершенно занятые своими удовольствіями, семейными дѣлами и раздорами, они не обращали вниманія на нужды націи, цѣной крови которой они сдѣлались ея повелителями. Такимъ образомъ мы потеряли Сербію, Галицію, Лодомерію, Болгарію, Далмацію. Такое ослабленіе границъ заставляеть насъ серьезно опасаться врага (т. е. турокъ), который, воспользовавшись такимъ положеніемъ вещей,

легко может проникнуть въ сердце страны, если только нація, изъ чувства патріотизма, не выберетъ короля изъ своей среды». Но положеніе дѣлъ все ухудшалось, и вскорѣ вспыхнула ужасная крестьянская война.

Венгрія — страна вполнѣ аристократическая; въ ней рано развилось феодальное право, вслѣдствіе котораго всѣ жители раздѣлились на два главные класса: на «*populus*» (народъ) и «*plebs*» (чернь). Къ первой категоріи принадлежали дворяне и всѣ пользовавшіеся правомъ дворянства; ко второму разряду — подданные. Прежде подданные пользовались различными льготами и были обязаны исполнять лишь извѣстныя обязанности въ отношеніи дворянъ и платить имъ подати. Но скоро наступила общая неурядица: начались постоянныя усобицы вельможъ, войны съ вышнимъ непріателемъ. Въ такое ненадежное и разорительное для всѣхъ время магнаты (вышій классъ общества, вельможи), чтобы главенствовать и имѣть болѣе средствъ къ жизни, употребляли всѣ усилія уничтожить среднее дворянство; послѣднее же старалось вознаградить свои неудачи, эксплуатируя, сколько возможно, крестьянъ, положеніе которыхъ дѣлалось все болѣе невыносимымъ; налоги довели ихъ до крайней нищеты. Ненависть и злоба противъ высшихъ классовъ все болѣе развивалась въ земледѣльцахъ, и малѣйшаго толчка было достаточно для проявленія этихъ чувствъ; къ этому скоро представился удобный случай. Въ 1513 г. изъ Рима въ Венгрію пріѣхалъ кардиналъ съ буллою о крестовомъ походѣ противъ невѣрныхъ. Крестьяне быстро вооружились точно будто противъ турокъ, но подъ предводительствомъ Дожа обратили свое оружіе противъ высшихъ классовъ. Дожъ разослалъ прокламацію, гдѣ онъ называлъ себя могущественнымъ рыцаремъ, генераломъ крестоносцевъ, подчиненнымъ только одному королю, а не дворянамъ, и въ которой онъ приглашалъ крестьянъ вооружиться противъ дворянъ, ихъ злѣйшихъ враговъ. Крестьяне провозгласили себя свободными, отказали въ повиновеніи дворянамъ и, вооруженные косами, двинулись противъ нихъ. Это возстаніе разлилось по всей странѣ и грозило гибелью жизни и имуществу всѣхъ дворянъ и разореніемъ городовъ. Приведенные въ ужасъ первой неудачей, дворяне вызвали для усмиренія крестьянъ воеводу Трансильваніи, Іоанна Заполи, подъ предводительствомъ котораго они и устремились на возставшихъ. Дожъ былъ разбитъ и попалъ въ руки враговъ. Дворянство, послѣ пораженія его подданныхъ, далеко превзошло жестокостію возставшихъ крестьянъ. Дожъ былъ казненъ самымъ варварскимъ способомъ и вмѣстѣ съ нимъ пало 40,000, а по другимъ свѣдѣніямъ 70,000 крестьянъ. Прежде чѣмъ подвергнуть казни Дожа и его приверженцевъ, ихъ нѣсколько дней сряду морили голодомъ. Затѣмъ «*короля крестьянъ*», какъ они называли Дожа, посадили на раскаленный желѣзный тронъ и надѣли ему на голову раскаленную до красна желѣзную корону. Самыя ужасныя муки Дожъ вынесъ съ такимъ невозмутимымъ терпѣніемъ, которое поразило даже его враговъ. Его имя, какъ защитника народныхъ правъ, осталось среди народа однимъ изъ самыхъ популярныхъ, а имя Іоанна Заполи вспоминаютъ не иначе, какъ съ ненавистью, и въ этомъ духѣ сложилось о немъ не мало легендъ. Между прочимъ рассказываютъ, что, въ наказаніе за его возмутительную жестокость противъ Дожа, Заполи ослѣпъ послѣ этого на два года и только благодаря горячимъ молитвамъ своего семейства снова прозрѣлъ.

Послѣ возстанія крестьянамъ было объявлено вѣчное рабство: они были прикрѣплены къ землѣ и свобода переселенія была уничтожена. Вмѣстѣ съ этимъ была увеличена барщина крестьянъ въ пользу ихъ господъ. Кромѣ того они принуждены были доставлять помѣщику подводу, когда это ему требовалось, рубить дрова для его дома, сопровождать его на охоту, устраивать для него облаву, доставлять ежегодно съ каждаго семейства на кухню замка извѣстное количество сельскихъ продуктовъ. Если помѣщикъ женился или выдавалъ замужъ свою дочь, каждый крестьянинъ обязанъ былъ

дать ему одновременно 42 крейцера. Если помѣщика сажали въ тюрьму, крестьяне должны были сдѣлать складчину, чтобы его выкупить. Отправлялся ли онъ на сеймъ, и они должны были дать ему содержаніе. Если крестьянинъ гналъ водку, онъ долженъ былъ платить по два флорина съ каждаго котла, наконецъ съ каждой жатвы девятая часть принадлежала господину, десятая часть духовенству и ту же десятину вѣзали съ пчель, овецъ, козъ, свиней. Но этого было мало дворянамъ, и они не стѣснялись еще увеличивать подати и налоги, тѣснить народъ всѣми мѣрами. Вечеромъ, когда усталый крестьянинъ возвращался съ работы, едва только онъ растягивался на своей соломѣ, какъ гайдуки (такъ назывались частные жандармы магната) уже стучались палками въ дверь его хижины и предупреждали его, что если онъ не явится на зарѣ на помѣщичье поле, его посадятъ въ тюрьму или накажутъ палочными ударами. Такимъ образомъ подданство обратилось въ полное рабство. Подданный не могъ владѣть землею, такъ какъ земля была господскою; онъ обязанъ былъ платить и работать, сколько отъ него требовалъ помѣщикъ: законъ и правительство не давали несчастному никакой защиты. Мало того, подданный обязанъ былъ нести на себѣ всѣ тягости земской, комитатской и общинной администраціи. Теперь только дворянинъ имѣлъ право на всѣ должности и мѣста государственныя, комитатскія, церковныя, отъ которыхъ подданные были совершенно отстранены. Со времени введенія постоянного войска только подданные поставляли государству людей въ военную службу, только они исполняли всѣ военныя повинности; они обязаны были также проводить и чинить дороги; только въ важныхъ случаяхъ и въ уголовныхъ дѣлахъ они были подсудны комитату, а въ остальныхъ — своимъ господамъ.

Тяжелое рабство крестьянъ, ихъ нищета и самоуправство дворянъ, распри и неурядица въ правящихъ классахъ — все это болѣе и болѣе ослабляло государство и влекло его къ гибели. Въ 1526 г. при Могачѣ произошла битва между турками и венграми, во время которой венгерскій король Людовикъ II безвѣстно исчезъ, а его армія совершенно погибла, и мадьяры съ тѣхъ поръ подпали подъ турецкое иго. Дорога въ Буду, эту столицу государства, была теперь открыта побѣдителямъ; они свободно проникли въ нее, ограбивъ все, что попадалось на пути: города, деревни, дворцы, частныя жилища, библіотеки, статуи. Все, чего враги не могли захватить съ собою, они отдавали въ жертву пламени, а иное отправляли въ Константинополь для украшенія публичныхъ мѣстъ. Однимъ словомъ вездѣ, гдѣ они проходили, они оставляли позади себя лужи крѣви и развалины.

Съ Людовикомъ II оканчивается независимость венгерскаго государства, которое страдало подъ властью турокъ болѣе полутора ста лѣтъ. Къ величайшему несчастію для этой порабощенной страны, въ ней начинаются проски за престолонаслѣдіе. Людовикъ II погибъ, не оставивъ наслѣдника, а супруга его, какъ австрійская принцесса, не могла предъявить никакихъ притязаній на престолъ; кандидатомъ на тронъ явился братъ ея эрцгерцогъ Фердинандъ австрійскій, который въ 1526 г. и былъ выбранъ въ король Венгріи. Такимъ образомъ въ Венгріи утвердилось владычество габсбургскаго дома. Государя этой династіи болѣе заботились о томъ, чтобы возвеличить и упрочить венгерскій престолъ за своими потомками, чѣмъ объ освобожденіи мадьяръ отъ турецкаго ига. Они рѣдко пріѣзжали въ Венгрію, не знали языка страны, которою управляли, такъ же мало были знакомы съ народомъ и его нравами; важнѣйшія общественныя должности они замѣщали иностранцами, которые, чтобы выслужиться и нажиться, возбуждали цѣлый рядъ обвиненій въ государственной измѣнѣ, изгоняли съ родины людей по одному подозрѣнію, съ жестокостью усмиряли области, возставшія по ихъ ошибкѣ, часто не соблюдали правъ народа, въ сохраненіи которыхъ они всегда клялись, вступая на престолъ. Все это принесло множество разнообразныхъ золъ,

положившихъ первое начало порчѣ общественной нравственности. Народъ особенно возмущало то обстоятельство, что государи изъ габсбургскаго дома были лишь отдаленными зрителями ихъ несчастій, и одно это уже вело ко множеству недоразумѣній и важнымъ политическимъ ошибкамъ. Однимъ словомъ, весьма немногіе изъ государей этой династіи пользовались въ Венгріи любовью народа.

Послѣ 1680 г. могущество турокъ начинаетъ быстро ослабѣвать: они терпятъ пораженія, у нихъ отнимаютъ городъ за городомъ. Наконецъ въ 1687 г. имъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, и хотя война еще не кончилась и далеко было до прочнаго мира съ турками, однако императоръ Леопольдъ I сдѣлалъ сейму предложеніе объявить корону Венгріи наслѣдственной по праву первородства въ мужскомъ колѣнѣ габсбургскаго дома, съ условіемъ, что, по пресѣченіи этого мужскаго колѣна, право націи самой выбирать себѣ королей снова войдетъ въ силу. Въ виду помощи, оказанной Австрію при освобожденіи мадьяръ отъ турецкаго ига, сейму оставалось только принять сдѣланное предложеніе. Такимъ образомъ Венгрія съ этихъ поръ вступила въ тѣсный союзъ съ нѣмецкими областями габсбургскаго дома. Въ продолженіе многихъ вѣковъ, не смотря на частыя ссоры и войны, событія все болѣе и болѣе сближали Австрію съ Венгрію. Имѣя одного государя, оба государства вступали въ естественный союзъ относительно внѣшнихъ международныхъ дѣлъ, тогда какъ внутреннее управление, въ силу историческаго развитія и несходства національностей, должно было остаться отдѣльнымъ.

По Карловицкому миру, заключенному въ 1691 г., турецкій султанъ отказался отъ всякихъ притязаній на Венгрію. За услуги, оказанныя австрійцами венграмъ, хотя они обязаны этимъ прежде всего своему патриотическому чувству и своимъ собственнымъ силамъ, имъ пришлось прочно и навсегда связать себя съ домомъ габсбурговъ. Такъ какъ сыновья Леопольда, Иосифъ I и Карлъ VI, не имѣли потомковъ мужскаго пола, то послѣдній изъ нихъ въ 1722 г. заставилъ всѣ отдѣльныя государства, входившія въ составъ его владѣній, принять, такъ называемую, прагматическую санкцію, которою право на престоль признавалось за наслѣдниками женскаго пола.

Иго турокъ, частыя войны съ ними въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, иностранные государи во главѣ правленія, которые ставили свои личные интересы выше интересовъ чуждаго имъ народа, — вотъ причины, почему мадьяры такъ отстали отъ другихъ цивилизованныхъ народовъ Европы, какъ въ умственныхъ, такъ и въ матеріальныхъ успѣхахъ. Къ тому же чужеземное иго и войны съ турками, веденныя съ безпощадною, азіатскою жестокостію, воспитывая въ народѣ равнодушіе къ кровавымъ сценамъ и братоубійству, не могли не служить мадьярамъ тормазомъ въ развитіи и усовершенствованіи ихъ нравственныхъ чувствъ и качествъ.

Крайне тяжелое положеніе крѣпостныхъ продолжалось вплоть до царствованія Маріи-Терезіи, когда она, наконецъ, рѣшила нѣсколько облегчить ихъ участь. Въ 1766 г. она издала свой знаменитый «урбаріумъ», которымъ разъ навсегда были опредѣлены права и обязанности крестьянъ. Но ихъ крѣпостная зависимость была совершенно уничтожена лишь въ 1848 г. и въ тоже время были отмѣнены дворянскія привилегіи, т. е. уничтожено право исключительнаго владѣнія дворянъ необложенными землями и ихъ свобода отъ налоговъ и рекрутской повинности. Въ виду того, что крестьяне въ теченіе многихъ столѣтій одни несли на себѣ всѣ государственныя тягости, венгерскіе либералы 1848 г. рѣшили сдѣлать ихъ полными собственниками отданныхъ имъ въ надѣлъ земель, что и было осуществлено. Исполненіе повинностей относительно государства стало обязанностію всѣхъ жителей страны безъ различія сословій; право суда помѣщиковъ надъ крестьянами тоже было отмѣнено; однимъ словомъ крестьяне перестали быть крѣ-

постыными, сдѣлались равноправными и получили свободный доступъ ко всѣмъ государственнымъ и земскимъ должностямъ.

Теперь познакоимся съ положеніемъ народа въ настоящее время и прежде всего съ его религіей.

Кальвинизмъ очень многіе называютъ «мадьярскою вѣрою»; и дѣйствительно, въ Венгріи едва ли найдется хоть одинъ кальвинистъ, не принадлежащій къ мадьярской національности; однако большинство мадьяръ католики. Изъ 13.728,620 ж. въ Венгріи и Седмиградіи — католиковъ 6.478,731, кальвинистовъ 2.019,979, лютеранъ 1.119,779; остальное народонаселеніе принадлежитъ къ различнымъ религіямъ. Это преобладаніе католиковъ очень понятно. Задачею Австріи, по словамъ одного дипломатическаго документа XVII столѣтія, было «сдѣлать Венгрію католическою, нѣмецкою и нищенскою страной». Эта цѣль отчасти и была достигнута, и если бы венгерскіе кальвинисты и лютеране не были поддержаны турецкими мусульманами, ихъ всѣхъ до одинаго заставили бы сдѣлаться католиками. И теперь католическая религія пользуется нѣкоторыми, правда немногими, привилегіями, что однако постоянно вызываетъ неудовольствіе всѣхъ протестантовъ, какъ кальвинистовъ, такъ и лютеранъ. Такъ, напримѣръ, и они считаютъ оскорбительнымъ для себя множество предписанныхъ закономъ стѣснительныхъ мѣръ относительно перехода католиковъ въ протестантство. Желающій переимѣнить религію долженъ по крайней мѣрѣ два раза придти къ католическому духовнику, чтобы каждый разъ подтвердить свое рѣшеніе. Между первой и второй явкой должно пройти 6 недѣль. Такой срокъ назначенъ, чтобы католическій духовникъ имѣлъ возможность отговорить отъ переимѣны религіи. Римско-католическая церковь очень строго относится къ отступничеству, и потому ксендзы и другіе ея представители прежде прямо отказывали новообращенному выдать въ этомъ свидѣтельство. Много непріятностей для обѣихъ сторонъ влекутъ за собой смѣшанные браки, т. е. такіе, когда мужъ принадлежитъ къ одной религіи, а жена къ другой. Католическіе ксендзы въ такихъ случаяхъ очень часто отказываются вѣнчать, но чаще они удовлетворяютъ желаніе жениха и невѣсты, если только исповѣдующее протестантскую религію лицо, будь то мужъ или жена, даетъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что дѣти ихъ будутъ воспитаны въ правилахъ католической вѣры. Тѣ изъ бракосочетающихся, которые не желаютъ на это согласиться, принуждены подчиниться такому правилу: если отецъ католикъ, то всѣ дѣти его должны быть воспитаны въ правилахъ той-же религіи, а если протестантъ, то онъ пользуется правомъ воспитать въ своей религіи только сыновей.

Но какъ бы то ни было, будь мадьяръ католикъ или кальвинистъ, онъ отличается не только необыкновенною вѣротерпимостью, но даже индифферентизмомъ къ религіи. Онъ рѣдко ходитъ въ церковь и смотритъ на это прежде всего какъ на государственную повинность. Мадьяръ — человекъ практической, онъ не любитъ много говорить и препираться о религіозныхъ и философскихъ вопросахъ. Поэтому въ мадьярскихъ деревняхъ такъ мирно стоятъ другъ подлѣ друга протестантская и католическая церкви. Мало того, есть деревни, гдѣ у католиковъ и протестантовъ одинъ храмъ, и между тѣми и другими не бываетъ никакихъ столкновеній. Этою замѣчательною вѣротерпимостью мадьяры прежде всего обязаны своему высшему духовенству, самому интеллигентному и просвѣщенному классу общества въ Венгріи.

Высшее венгерское духовенство чрезвычайно богато. Видъ ихъ княжескихъ жилищъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ скромными домиками низшаго католическаго духовенства, съ глиняными домиками протестантскихъ пасторовъ и съ жалкими хижинами православныхъ священниковъ. Кромѣ огромнаго жалованья, частные доходы выс-

шаго духовенства еще и теперь достигают сотни тысячъ, а нерѣдко и милліона флориновъ. До реформы Іосифа II венгерское духовенство владѣло третьею частью всего королевства, и все народное просвѣщеніе находилось у него въ рукахъ. Не смотря однако на свое богатство и высокое положеніе, оно всегда дѣлало честь своей странѣ. Считая себя прежде всего венгерскимъ и національнымъ, оно никогда не слушалось наущеній извнѣ, хотя бы они исходили отъ вѣнскаго или ватиканскаго дворовъ. Развитію такой самостоятельности убѣжденій много содѣйствовали независимыя отъ Рима права венгерской церкви. Независимо отъ папы высшее духовенство устраиваетъ свою епархію, назначаетъ духовныхъ лицъ, раздаетъ приходы, составляетъ и издаетъ церковные законы и носитъ на своемъ гербѣ двойной патріаршій крестъ, символъ апостольскаго права; оно признаетъ папу, но совѣтъ не желаетъ быть орудіемъ въ его рукахъ. Никогда венгерская церковь не называла себя римско-католическою: это запрещено было закономъ, который допускалъ въ Венгріи лишь апостольско-католическую церковь. Такія самостоятельныя убѣжденія венгерскаго католическаго духовенства проявлялись въ еще болѣе либеральной формѣ въ королевской присягѣ, гдѣ упоминается лишь о церкви Божіей, гарантируя, такимъ образомъ, свободу всѣхъ культовъ. Напрасно Григорій VII, этотъ папа, передъ которымъ дрожали всѣ короли, старался навязать Венгріи свои церковныя грамоты. Венгерскія духовныя лица, которые въ большинствѣ случаевъ были людьми женатыми, составили синодъ и отвергли догматъ безбрачія. На Тридентскомъ соборѣ явилось лишь два мадьярскіе епископа, и оба они подали голосъ за бракъ священниковъ, за церковную реформу, требовали отъ имени короля и венгерскаго духовенства прекращенія преслѣдованія диссидентовъ. Мало того, они рѣзко протестовали противъ религіозной нетерпимости, которую обнаружилъ соборъ. Каждый разъ, когда Австрія хотѣла посягнуть на автономію протестантской церкви въ Венгріи, высшее католическое духовенство вступалось за нее, говоря, что «свобода протестантской церкви составляетъ лишнюю гарантію независимости венгерской католической церкви». Въ 1848 г. венгерское духовенство стояло на высотѣ своей задачи, какъ національное и патріотическое. Прелатъ Гейнальдтъ, архіепископъ каложскій, предпочелъ подвергнуться изгнанію и немилости австрійскаго двора, чѣмъ вредить независимости своей родины. Ученый архіепископъ Леновичъ, епископъ баронъ Бѣмеръ и другіе были брошены въ тюрьму и приговорены къ смерти; архіепископъ-примасъ былъ лишень своего архіепископскаго сана. Между протестантами суперъинтендентъ задунайскаго округа Гайбнеръ былъ приговоренъ къ десятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, а его дочь публично была кнута. И всѣ эти люди рѣшились принять мученическіе вѣнцы, чтобы не измѣнить только своимъ честнымъ убѣжденіямъ.

Высшее католическое духовенство въ Венгріи вообще не говоритъ о догматѣ непогрѣшимости, но когда иностранцы въ частныхъ бесѣдахъ вызываютъ ихъ на объясненіе по этому поводу, они обыкновенно отвѣчаютъ, что стараются заставить забыть этотъ догматъ на родивѣ, не упоминая о немъ ни въ церкви, ни въ семинаріяхъ. «Онъ противорѣчить», отвѣчалъ епископъ Фогарази одному иностранцу, «всѣмъ новѣйшимъ понятіямъ. Церковь и государство не для того живутъ, чтобы ссориться, но чтобы помогать другъ другу, жить для блага своихъ гражданъ». Подобныя взгляды говорятъ уже не только объ основательныхъ принципахъ высшихъ представителей католической церкви въ Венгріи, но объ ихъ развитіи, просвѣщеніи и объ ихъ благородной преданности интересамъ страны. Многіе изъ нихъ прославились своимъ великодушіемъ, такъ какъ они брали на себя инициативу во всѣхъ патріотическихъ и благотворительныхъ дѣлахъ. На средства многихъ изъ нихъ содержатся школы, госпитали, сиротскіе дома; другіе посылаютъ на свой счетъ бѣдныхъ студентовъ учиться въ иностранныя универ-

ситеты, поддерживают ученых общества и повсюду являются первыми в просветительной и благотворительной деятельности. Конечно, на высших духовных должностях Венгрии попадались и люди недостойные, стремившиеся только к наживе, но большинство из них приобрело самую лучшую репутацию.

Магьяры еще живо помнят все ужасы крепостного права, и старики, в назидание внукам, нередко рассказывают эпизоды из периода их прошлой тяжелой жизни. Они сознательно дорожат приобретенной свободой, что хорошо передает одна народная пьеса: «Правда-ли», спрашивает в ней молодой крестьянин у своего отца, «что я свободен, что я никогда не буду больше страдать ни под чьим игом, не буду испытывать зависимости?» — «Это правда, мой сын, — мы свободны!» — «Да благословит Бог того, кто нам дал свободу! Скажи же мне его имя, мой отец! Мое сердце бьется радостью, оно так и рвется благодарить его! Скажи, кто сделал мою родину свободной?» — «Благодари поддержку и хранителя страны, благодари народ, мой сын!» — «Где же он, этот народ, мой отец? где живет он? Я иду целовать его ноги!» — «Мой сын, свободный человек никогда и ни перед кем не должен падать во прах: он должен смотреть прямо и на Бога, и на людей!» В этом гордом языке можно тотчас узнать жителя венгерской пшты.

Нэт народа патристиче мадырь. «Они любят свою родину и свой язык больше справедливости, больше цивилизации», так определил патристизм своего народа один из лучших его писателей. Магьяры все любят, все находят прекрасным в своей родине: они со страстью говорят о Дунае, с такою же нежностью и любовью воспевают Тиссу, не находят достаточно слов, чтобы расписать красоту и прелесть своих пшты. «Вне Венгрии», говорят они, «нет жизни! Разве мы не имеем всего, что нужно человеку! Банат дает нам хлеб, Тисса — вино, рыбу и мясо, горы — соль и золото. Наша земля снабжает нас всем необходимым».

Гордость и чувство собственного достоинства — наиболее видны черты характера. Слово «честь» часто слышится в разговорах, и действительно, что бы ни делал мадырь, на всем лежит печать чести и человеческого достоинства. Извозчик весело катит вас целую станцию, оказывает вам множество услуг в дороге, но когда приѣзжает, гордо и вѣжливо раскланивается с вами и быстро уходит. Нужно много упрашивать, чтобы он согласился взять на водку, но если он уже взял, много ли, мало ли дано, он всегда доволен, и просит прибавки, лѣзть кланить — считает для себя недостойным унижением. Это благородное чувство гордости часто переходит у него в излишнюю самоуверенность, даже в мелкое хвастовство, в привычку всегда выставить себя на показ; не даром у них сложилась поговорка: «мадырь любит порисоваться». Когда он выходит в новом костюме или говорит рѣчь, он внимательно наблюдает, какое он производит впечатление. Этою любовью порисоваться проникнуты все классы мадырского общества и эта черта характера имела даже влияние на язык. Вместо того, чтобы сказать: как хорошо и полезно умею читать и писать, мадырь говорит «szép», т. е. «красивая вещь». Страсть порисоваться видна и в его одежде; он последнюю копейку готов бросить на щегольской костюм, не любит грязной работы, стараясь и здесь выбрать дело почище, по-благороднее. В этой черте характера отчасти сказывается причина, почему магьяры так редко занимаются торговлей. Если они и берутся за нее, то обыкновенно оказываются плохими купцами. Поэтому здесь вся торговля в руках евреев и немцев, которые в некоторых местностях делают ее с славянами. Такое предубеждение существует и у других народов, находящихся на известной ступени социального и экономического развития, напр.,

у шотландскихъ горцевъ. Аристократическія наклонности мадырскаго народа произвели многочисленное дворянство Венгріи.

Мадырь до сихъ поръ считается лучшимъ наѣзникомъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ и конь его лучшей товарищъ. Тотъ, кто не можетъ быть отличнымъ наѣзникомъ, почти не считается порядочнымъ человѣкомъ. «Мадырь рожденъ для лошади», говоритъ народная поговорка; и дѣйствительно можно залюбоваться, посмотрѣвъ на молодаго парня, когда онъ скачетъ верхомъ. Мадырскія лошади хотя и малы ростомъ, но бѣгутъ удивительно легко и съ неимовѣрною быстротою. Настоящій здѣшній наѣзникъ никогда не прибѣгаетъ къ нагайкѣ: лошадь понимаетъ малѣйшее движеніе своего всадника.

Мадыры—народъ безпечный, но это вовсе не лежитъ роковымъ образомъ въ ихъ натурѣ, эту черту характера прежде всего развиваетъ природа страны. Работая въ молодости со всею энергіею, мадырь скоро убѣждается по опыту, что онъ безсиленъ въ борьбѣ съ измѣнчивымъ климатомъ своей страны. Отъ внезапныхъ проливней, солнечнаго зноя и жестокихъ морозовъ пропадаютъ нерѣдко въ нѣсколько дней плоды его продолжительныхъ, тяжелыхъ трудовъ; въ урожайный годъ ему трудно сбывать свои хозяйственныя сбереженія. Молодые люди отличаются необыкновенною понятливостью и ловкостью во всякомъ дѣлѣ и нерѣдко кончаютъ въ одинъ день такую работу, какую другимъ не сдѣлать и въ недѣлю. Но среди работы мадырь часто вдругъ останавливается, можетъ простоять задумавшись, не помня себя, нѣсколько часовъ, а затѣмъ опять начинаетъ также быстро работать. Однако часто случается, что, среди самой горячей работы, онъ вдругъ чувствуетъ, что не въ силахъ долѣе заниматься и минуты, бросаетъ все, хотя бы завтра онъ остался безъ куска хлѣба, и уходитъ въ пушту или къ пріятелю. Если у крестьянина есть сало, перецъ, майсъ, боненокъ вина и крѣпкій табакъ, — онъ вполне счастливъ. Развалится на овчину, покуриваетъ свою трубочку и такъ проводитъ дни за днями, пока крайняя нужда не заставитъ его починить хату, хотя бы это онъ могъ и долженъ былъ сдѣлать давнымъ давно. Точно также и помѣщики продолжаютъ жить весело, всегда въ обществѣ многочисленныхъ гостей, проводятъ время въ шумныхъ пирахъ, хотя бы они проживали послѣдніе остатки своего громаднаго состоянія и были бы даже наканунѣ полного разоренія.

Не смотря на свой вспыльчивый нравъ, нѣкоторыя восточныя привычки и взгляды, мадырь отличается необыкновенно кроткимъ характеромъ. Будучи неограниченнымъ властителемъ въ домѣ, онъ обращается съ своимъ семействомъ чрезвычайно ласково. Не смотря на разницу, существующую между крестьяниномъ-собственникомъ и его работникомъ, между ними существуютъ чрезвычайно патріархальныя отношенія: они вмѣстѣ работаютъ, вмѣстѣ отдыхаютъ, ѣдятъ за однимъ столомъ, носятъ одинъ и тотъ же костюмъ, обращаются другъ къ другу чрезвычайно вѣжливо и ласково, одинъ всегда прибавляя «дорогой хозяинъ», другой—«дорогой слуга». Относительно жены онъ не прочь дать иногда волю рукамъ, но, по своей природѣ, онъ не можетъ быть тираномъ. Онъ никогда не отягощаетъ женщину непосильными работами и относится къ женѣ не только кротко, но и нѣжно. Этому помогаетъ и его языкъ, который изобилуетъ кудреватыми фразами, метафорами и сравненіями: «роза моя», «звѣзда моя», говоритъ онъ нерѣдко, обращаясь къ ней. Доброе, кроткое сердце мадыря видно и изъ обхожденія его съ домашними животными. Онъ прекрасно умѣетъ дрессировать и выѣзжать лошадей, вѣроятно потому, что тутъ въ обхожденіи съ животнымъ скорѣе требуется сноровка и ловкость, чѣмъ плеть. Мадырь можетъ долго оставаться въ одиночествѣ, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, но затѣмъ у него вдругъ является непреодолимое желаніе быть сейчасъ же въ обществѣ, и, при какихъ бы обстоятельствахъ ни явилось это желаніе, онъ оставляетъ жену, дѣтей, бросается на коня и мчится къ сосѣду. Нужно видѣть его въ обще-

ствѣ, чтобы понять, какимъ запасомъ добродушія и юмора онъ обладаетъ. Но онъ не только добродушенъ, но и сострадательнъ въ полномъ смыслѣ слова, всегда готовъ отдать послѣднее при видѣ чужаго горя. Мадыаръ отличается необыкновенною довѣрчивостью, такъ что даже ребенокъ легко можетъ провести его. Этимъ сильно пользуются евреи. Не смотря на свою доброту, мадыаръ очень мстителенъ, и когда затронуть его честь и отечество, онъ мститъ даже безъ сожалѣнія.

Гостепріимство составляетъ отличительную черту характера этого народа. Если только мадыаръ замѣтитъ, что путешественникъ почтительно относится къ мадыарской національности и вѣжливо съ его домашними, его гостепріимство доходитъ до рыцарства. Онъ для самаго щекотливаго гостя сдумаетъ сдѣлать пребываніе въ своемъ домѣ не только чрезвычайно пріятнымъ, но и не стѣснительнымъ. Вы проживете съ этими людьми только нѣсколько дней и уже чувствуете себя членами семьи, потому что жизнь ихъ отличается необыкновенною непринужденностью, какою-то трогательною простотою, теплотою и сердечнымъ участіемъ. Что бы ни говорилъ мадыаръ, слова его всегда дышатъ замѣчательною искренностью, задушевностью и полною откровенностью: у всѣхъ у нихъ буквально, что на душѣ, то и на языкѣ. Жизнь въ мадыарскомъ семействѣ проходитъ весело, пріятно, задушевно, безъ мелкихъ дразгъ, интригъ и самодурства. Только одно нѣсколько тяготитъ человѣка интеллигентнаго, — онъ не найдетъ здѣсь для себя много умственной пищи, если бы даже ему пришлось жить въ семействахъ людей, которые считаются наиболѣе образованными и вліятельными. Умственная жизнь мадыара сосредоточена исключительно въ чтеніи газетъ, въ горячихъ спорахъ и дебатахъ о политикѣ съ сосѣдями; вмѣсто чтенія всѣ классы общества со всей страстью отдаются танцамъ. Хотя мадыаръ не любитъ напряженнаго умственнаго труда, но онъ рожденъ быть ораторомъ, умѣетъ воспалять слушателей и высказываетъ въ своихъ необыкновенно паменныхъ рѣчахъ много юмору, проницательности, сметки и даже практическаго смысла.

Страсть къ пьянству въ Венгріи не такъ сильна, какъ въ Германіи, что особенно замѣтно, когда крестьяне возвращаются домой съ еженедѣльныхъ базаровъ. Но теперь съ каждымъ годомъ привыкаютъ все болѣе и болѣе пить водку вмѣсто вина, и число винокуренныхъ заводовъ съ каждымъ годомъ все увеличивается.

Разсказываютъ много о дикихъ мадыарскихъ пирушкахъ, и онѣ дѣйствительно существуютъ, но скорѣе среди помѣщиковъ, чѣмъ у крестьянъ. Но если и простолюдинъ устроитъ пирушку, онъ пьетъ и веселится на славу. Уже послѣ второй чарки имъ овладѣваетъ какое-то безшабашное удалство и страсть обращаться къ присутствующимъ съ рѣчами, произносить безконечные тосты. Прекрасныя рѣчи, исполненныя ума и блеска, можно услышать не только во время пирушекъ помѣщиковъ, но даже среди самаго низшаго класса общества. Сплошь и рядомъ крестьяне произносятъ рѣчи не хуже ученыхъ ораторовъ. Иногда во время такой попойки рѣчь оканчивается сказкой, въ которой ораторъ, какъ настоящій художникъ, въ поэтическихъ краскахъ рисуетъ самыя фантастическія картины и образы, въ чемъ ему помогаетъ его богатая восточная фантазія. Хотя слушатели и подъ хмѣлькомъ, но какъ только слышатъ рѣчь, тотчасъ смолкаютъ всѣ до единаго и жадно впиваются глазами въ оратора. Пирушки съ попойками притягиваютъ къ себѣ совсѣмъ молодыхъ и непьющихъ людей, часто только чтобы послушать рѣчи, которыя у даровитыхъ людей въ это время выходятъ особенно удачными. Юноши начинаютъ здѣсь пить, чтобы попробовать свое ораторское искусство, надѣясь, что вино обогатитъ фантазію и развяжетъ языкъ. Поэтому такъ и распространены здѣсь попойки и пирушки. На этихъ пирушкахъ во всей силѣ проявляется также вспыльчивость, эта характерная черта каждаго мадыара. Когда онъ навеселѣтъ—съ нимъ нужно быть очень осторожнымъ. За самую мелкую непріятность онъ въ

состояніи убить друга, для котораго до сихъ поръ всегда готовъ былъ отдать жизнь и послѣднюю копѣйку. Послѣ чарочки хмѣльнаго имъ овладѣвають или глубокій сонъ, или буйныя страсти и дурныя инстинкты. Уголовная статистика представляетъ огромныя цифры преступленій: убійствъ, увѣчій, исключительно совершенныхъ подъ вліаніемъ спиртныхъ напитковъ. За примѣрами недалеко ходить: два пріятели изъ крестьянъ весело бесѣдуютъ и угощаются въ корчмѣ. Одинъ предлагаетъ другому кусочекъ сала; тотъ очень вѣжливо его благодаритъ, но отказывается. Предложившій моментально оскорбляется и съ бѣшенствомъ вонзаетъ ему въ грудь бывший у него въ рукахъ карманный ножъ. Послѣ пирушки двое парней отправляются домой. Болѣе чѣмъ половину дороги они провели въ самой дружелюбной бесѣдѣ, но затѣмъ вдругъ одинъ изъ нихъ прибавилъ шагу и пошелъ скорѣй. Отставшему показалось, что его пріятель нанесъ ему величайшее оскорбленіе, не предупредивши его; онъ моментально догналъ его, размахнулся и нанесъ ему смертельный ударъ палкой по головѣ. Затѣмъ убійца приходитъ въ деревню и первому-же попавшемуся челоѣку рассказываетъ о своемъ преступленіи.

Мадыяры народъ въ высшей степени красивый: хотя они плотны и широкоплечи, но чрезвычайно стройны, имѣютъ непринужденную, гордую поступь, смѣлый, гордый взглядъ, въ которомъ всякій прочтетъ сознаніе своего достоинства. Очень храбрый отъ природы, мадыяръ съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ рассказываетъ о славныхъ битвахъ и дѣлахъ своихъ предковъ. Можно смѣло сказать, что ни одинъ народъ въ мірѣ не отличается такой страстью къ великому. Эту слабостью пользуются евреи, особенно во время сдѣлокъ. Они кстаті умѣютъ расхвалить рыцарскія, великодушныя чувства мадыяра, вспомнить о доблести его дѣда и часто только съ помощью лести устраиваютъ выгодную сдѣлку, надувая и эксплуатируя мадыяра въ свою пользу. Но если гордость, тщеславіе и рыцарскія чувства мадыяра мѣшаютъ ему быть ловкимъ и изворотливымъ въ практической жизни, онъ обладаетъ необыкновенною стойкостью, логикой и настойчиво умѣетъ защищать свои права.

Бѣдный онъ или богатый, онъ всегда кичится своею національнію. Спросите его, кто онъ такой, и онъ, выпрямившись во весь ростъ, гордо отвѣчаетъ вамъ: «съ вашего позволенія, милостивый государь, я венгерець». Онъ рѣже другихъ покидаетъ свою родину, такъ какъ болѣе другихъ проникнутъ сознаніемъ, что «внѣ Венгріи нѣтъ жизни». И мадыяры имѣютъ нѣкоторое основаніе повторять это такъ часто: альфѣльдскіе крестьяне чрезвычайно рѣдко уходятъ искать заработка на чужую сторону, и еще рѣже эмигрируютъ въ другія государства; между тѣмъ къ нимъ постоянно тянутся огромныя толпы колонистовъ и занимаютъ незаселенныя пространства. Отличительнымъ его свойствомъ можно считать чрезвычайно вѣжливое обращеніе не только съ посторонними, но даже и другъ съ другомъ. Конечно, очень часто природное свойство они утрируютъ изъ расчета. Называть «его благородіе его сіятельствомъ» сдѣлалось поговоркою. Другъ друга крестьяне называютъ «твоя милость» и только тогда, когда челоѣкъ гораздо ниже по положенію и по лѣтамъ, употребляютъ «ты». Жена, обращаясь къ мужу, говоритъ «мой господиць», или «твоя милость», тогда какъ онъ обращается къ ней на «ты», а говоря о ней— «моя хозяйка». Гуляя съ нею, онъ обыкновенно идетъ впереди, а она зади. Мы уже указывали на отношенія между крестьяниномъ-собственникомъ и работникомъ,—это чувство равенства идетъ нерѣдко гораздо дальше. Очень часто богатый мадыярскій крестьянинъ выдаетъ замужъ единственную свою дочь за своего работника. Бездѣтныя крестьянки берутъ къ себѣ на воспитаніе, а случается и покупаютъ мальчюка у какого нибудь бѣдняка мадыяра или странствующаго словака и ихъ мужья усыновляютъ такихъ дѣтей. При всемъ своемъ добродушіи, мадыярскій крестьянинъ

порядочный забіяка и не прочь дать волю рукамъ по самому ничтожному поводу. Драка затѣвается иногда и безъ всякаго повода, просто ради развлечения. Мадырь дерется не кулакомъ, какъ англичанинъ, и ножъ пускаетъ въ дѣло только въ минуту сильнаго раздраженія: его любимое орудіе палка и онъ владѣетъ ею въ совершенствѣ. Гостепріимство здѣшнихъ крестьянъ всѣмъ такъ извѣстно, что нѣмецкіе солдаты всегда стараются квартировать въ мадырскихъ деревняхъ, не смотря на то, что свои соотечественники живутъ по сосѣдству. Характеристику мадырскаго крестьянина мы заключимъ поэмой венгерскаго поэта Арани «Мадырь Мишка». «Misi» или Мишка—обычное названіе мадырскаго крестьянина, котораго поэтъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Мадырь Мишка — парень хоть куда; какъ закрутить свой усъ и заломить турецкую шапку ¹⁾ съ журавлинымъ перомъ, съ ума всѣ дѣвки сходятъ по немъ. На каждомъ пальцѣ у Мишки по мѣдному кольцу, на каждомъ пальцѣ по душѣ-дѣвицѣ, и живетъ онъ себѣ припѣваючи; прискучить дѣвка-шельма—бросаетъ ее, приговаривая: пощи, душа, парня покраше, да получше меня. Надуешь дѣвка, не на таковскаго напала, — Мишка въ воду бросаться не станетъ: да накажетъ те Богъ, вотъ все, что онъ скажетъ, да пожалуй въ сердцахъ въ крѣпкомъ словцѣ не откажетъ. Захочется выпить, онъ заберется «въ громъ» ²⁾, гдѣ человѣчность ³⁾ готова, пока денежки водятся, а какъ истощится кредитъ, онъ начинаетъ грубить, и бѣда жиду Ицкѣ, если онъ вадумаетъ перечить. Хочешь, не хочешь, а съ Мишкой выпьешь непременно; онъ чокается даже съ прохожими на улицахъ, и горе тому, кто не выпьетъ за его здоровье; какъ же счастливъ онъ, если очутится дома не въ мокрой одеждѣ ⁴⁾. Эй, парня. выходи!» кричитъ Мишка въ кабацѣ. Онъ всегда любитъ показать себя и свою силу; впрочемъ онъ парень добрый и не тронетъ и мухи, только не затрогивай его чести. Что у него на умѣ, то и на языкѣ, и только дуракъ можетъ не надуть его. Онъ убьетъ тебя наповаль, если ты утащишь у него кусокъ кремня, и за одно доброе слово отдастъ тебѣ свою лучшую лошадь. У него не менѣе смысла, чѣмъ у всякаго другаго, и онъ могъ бы учиться, только говоритъ себѣ: «зачѣмъ? не каждому-же быть попомъ». А вотъ и другой доводъ: «между нами уже такъ много ученыхъ, что и половины ихъ было бы достаточно. Чтобы видѣть міръ, потолкаться межъ людей, ему незачѣмъ ходить далеко: ужь отправится онъ на ярмарку купить молодую корову; отъ отца онъ наследовалъ «собственность» ⁵⁾, которой хватить на всю жизнь, не считая земли, гдѣ можно высѣвать три мѣры зерна, и общихъ пастбищъ. Работа кипитъ у него подъ руками, но онъ больше любитъ прохлаждаться гдѣ нибудь въ тѣни; и не потому онъ работаетъ, чтобы любить работу, а такъ, чтобы совѣсть не мучила. Быть солдатомъ, ходить на войну, — это не въ его вкусѣ; но разъ ему забрали лобъ, — нѣтъ ему равнаго. «Ваше благородіе», кричитъ онъ на свой Мишкинъ манеръ, «перебьемъ ихъ всѣхъ, да и по домамъ, ей Богу такъ лучше. Словомъ, мадырь Мишка—превосходный парень; жаль только, что онъ самъ въ этомъ ужь очень увѣренъ».

Одежда мадыра въ высшей степени оригинальна: по буднимъ днямъ онъ носитъ узкую холщевую рубашку, которая до такой степени коротка, что, подымаясь при вѣтрѣ, обнажаетъ его загорѣлую спину. Широкіе рукава рубашки, такъ же какъ и воротъ, не застегиваются, а завязываются. Изъ подъ рубахи спускаются широкія шаровары (gatyа), которыя вложены въ очень высокіе сапоги (csizmak), доходящіе до колѣнъ. У

¹⁾ Туръ—деревня на берегахъ Тиссы, гдѣ дѣлаются крестьянскія шапки.

²⁾ Громъ—названіе кабака.

³⁾ Человѣчность на венгерскомъ воровскомъ жаргонѣ—кредитъ.

⁴⁾ Если по дорогѣ домой не сядется въ лужу.

⁵⁾ Вьючный скоть.

многих штаны внизу обшиты бахромою, и тогда онѣ уже не вкладываются въ сапоги, а висятъ надъ ними. Магьяры крѣпко перетягиваютъ талію ремнемъ, отчего грудь у нихъ обыкновенно сильно выдается впередъ. Верхнюю часть одежды составляетъ неизмѣнная бунда. Голова покрыта войлочною шляпою съ очень широкими полями, а иногда и совсѣмъ безъ нихъ. Но это ежедневный костюмъ, — праздничный отличается большою пышностію, величайшею опрятностію, избыткомъ украшеній и отсутствіемъ всякихъ складокъ. Кстати замѣтимъ, что здѣшніе мужчины, какъ это обыкновенно бываетъ у большинства юныхъ народовъ, заботятся болѣе о своемъ костюмѣ, чѣмъ женщины. Праздничный мадярскій костюмъ плотно обхватываетъ всю его фигуру и вполне обрисовываетъ его стройный станъ. вмѣсто ремня, онъ стягиваетъ тогда свою талію шелковымъ шарфомъ. Поверхъ рубашки одѣваетъ красный или синій камзолъ съ металлическими пуговицами, выложенный снурками; узкія суконныя штаны вкладываетъ въ очень высокіе сапоги со шпорами. Съ этого костюма, кромѣ нѣкоторыхъ мелочей, снята гусарская форма.

Поверхъ корсажа женщины обыкновенно носятъ платокъ, который перекрещивается на груди и завязывается сзади на талии; у нѣкоторыхъ женщинъ платокъ замѣняетъ иногда даже корсажъ. Замужнюю женщину можно отличить отъ дѣвушки по головному убору. Дѣвушка обыкновенно ходитъ съ открытой головою: волосы сзади заплетены въ одну косу, въ которую она влетаетъ ленты, спускающіяся до колѣнъ; у нѣкоторыхъ косы прищиплены. Въ праздничные дни дѣвушки во многихъ мѣстностяхъ надѣваютъ на голову уборъ, состоящій изъ картонной повязки, которая спереди гораздо шире, чѣмъ сзади, и сплошь вышита фальшивымъ жемчугомъ, изъ подъ котораго совсѣмъ не видно картона. Замужнія женщины покрываютъ волосы косынкой, а въ болѣе богатыхъ классахъ надѣваютъ на голову нѣчто вродѣ чепца. Но женская одежда въ Венгріи вообще, смотря по мѣстности, чрезвычайно различна. Вотъ какъ описываютъ женскій костюмъ между Наги-Варадомъ (Гроссвардейномъ) и Колосваромъ (Клаузенбергомъ). «Женскій костюмъ въ этихъ деревняхъ состоитъ изъ широкой бѣлой рубашки, плотно обхватывающей шею и спускающейся почти до полу. Она весьма изящно перетягивается у талии кушакомъ отъ бѣлой юбки, поверхъ которой надѣвается темный передникъ съ цвѣтными каемками. Рукава рубашки широкіе и спускаются нѣсколько ниже локтя, гдѣ они собраны на обшивку и въ случаѣ надобности могутъ быть подняты за локоть. Ворота и плечи рубашки украшены двумя строчками изъ синей и красной шерсти. Въ праздники сверхъ бѣлой юбки надѣваютъ темную съ красной или какого нибудь другаго яркаго цвѣта каймой. Спереди юбка эта имѣетъ разрѣзъ, концы котораго приподняты подъ передникомъ. По цвѣту каймы на юбкѣ и передника можно узнать, въ какой деревнѣ принадлежитъ дѣвушка».

Во время холодовъ женщины носятъ «ködmöny», т. е. короткіе овчинные тулупы, вышитые снаружи шелкомъ или цвѣтными нитками. Ни объ чемъ не заботится такъ мадярка, какъ о своей обуви: это настоящая сандрильона. Всѣ женщины этой страны имѣютъ маленькую, чрезвычайно изящную ножку, которой могутъ позавидовать даже въ Андалузіи, въ Кадиксѣ, на Сьеррѣ-Моренѣ — этихъ странахъ, которыя уже издавна пріобрѣли извѣстность маленькой женской ножкой. Чтобы ее было видно, здѣшнія женщины и не носятъ длинныхъ юбокъ. Каждая, даже самая бѣдная дѣвушка имѣетъ прекрасную праздничную обувь: ея красивые, красные ботинки съ высокими каблуками убраны цвѣтными розетками и бантиками. Настоящая мадярка предпочтетъ въ праздничный день скорѣе одѣть потасканное платье, чѣмъ старыя ботинки. Но въ громадномъ большинствѣ въ будни онѣ ходятъ или сапогахъ, или босикомъ.

Всѣ иностранцы безъ исключенія ставятъ мадырокъ на-ряду съ самыми красивыми и изящными женщинами Европы. Мадыры высоко цѣнятъ женскую красоту, гордятся красивыми женами и дочерьми и на всѣ лады воспѣваютъ прелесть и грацію своихъ дѣвушекъ: «Обѣ онѣ», говоритъ одна народная пѣсня, «какъ двѣ голубки, были въ саду моей сосѣдки. Я долго смотрѣлъ на нихъ, не зная, чьей красотѣ отдать предпочтеніе. Одна рѣзва, какъ маленькая рыбка; щечки ея вспыхивали, какъ зари, и это не удивительно: сверкающія очи ея, что два мѣсяца въ темную ночь, такъ какъ густые, черные волосы обрамляютъ ея лицо. Вторая голубка была граціозна и прекрасна, какъ лебедь, который плаваетъ по зеркальной поверхности озера: ея глаза, точно васильки, когда они весной распускаются во ржи. На ея лицѣ, бѣломъ, какъ лилія, въ улыбокѣ ея губъ, какъ жемчугомъ украшенныхъ чудными зубами, зажигается безумная страсть и поражаетъ сердце того, кто на нее посмотритъ. А вотъ онѣ идутъ! Эта блондинка... я ее страстно люблю,—но эта брюнетка тоже прекрасна!» И дѣйствительно, между здѣшними женщинами можно видѣть много брюнетокъ и много блондинокъ; и тѣ, и другія такъ привлекательны, что иностранцы затрудняются, красотѣ которой изъ нихъ отдать пальму первенства. Что особенно поражаетъ въ нихъ, это необыкновенная свѣжесть, здоровье, нѣжность кожи и грація стана. Ихъ волосы чрезвычайно густы; въ ихъ глазахъ съ длинными рѣсницами, напоминающими восточныхъ женщинъ, видна страсть и задумчивость въ одно и тоже время. Если мадырка проходитъ мимо васъ, окруженная женщинами другихъ національностей, вы непременно узнаете ее по необыкновенно легкой и изящной походкѣ.

Патріотизмъ и храбрость, доходящіе до геройства, — характерныя черты не однихъ только мужчинъ, но и женщинъ. Въ исторіи Венгріи много примѣровъ патріотическихъ подвиговъ мадырокъ. Осаждаютъ ли турки какой-нибудь городъ, и со всѣхъ сторонъ раздаются крики; мужчины, женщины, дѣти, всѣ клянутся соблюдать правила, которыя предпишутъ ихъ вожди, наэлектризованные патріотическимъ фанатизмомъ, который, въ минуту опасности, дѣлается достояніемъ всего народа безъ исключенія. Въ такія минуты слово «капитуляція» никогда нельзя было безнаказанно произнести. «Когда запасы истощатся», кричатъ тогда со всѣхъ сторонъ, «мы будемъ поѣдать другъ друга и пусть выбираютъ жертвы по жребію! Женщины будутъ поправлять городскія стѣны, имъ будетъ дозволено ходить съ мужьями на бреши и участвовать въ вылазкахъ». Когда непріятель производилъ штурмъ, женщины обыкновенно присоединялись къ рядамъ осаждаемыхъ; ихъ можно было отличить тогда отъ мужчинъ лишь по ихъ слабому мужеству и свѣрѣпому виду; одни изъ нихъ дрались въ рукапашную, другія съ высоты стѣнъ скатывали огромные камни или обливали врага горячимъ масломъ. Во всѣ смутные періоды исторіи отечества венгерскія женщины выказывали неустрашимый характеръ и мужественную твердость. «Моя жена и моя сабля», восклицаетъ Петѣфи въ одномъ изъ своихъ глубоко прочувствованныхъ стихотвореній. «Если когда нибудь отечеству нужна будетъ моя рука, моя жена сама одѣнетъ мнѣ саблю, и благославляя насъ, скажетъ: «отправляйтесь и будьте всегда вѣрны другъ другу». Когда въ 1848 г. раздался крикъ: «Отечество въ опасности!» венгерскія матери сами надѣвали оружіе на своихъ сыновей и жены отправлялись съ своими мужьями, невѣсты съ своими женихами. Много женщинъ сражалось въ рядахъ венгерскаго войска, переодѣвшись гусарами или гонведами. Одна богатая молодая дѣвушка совершила чудеса храбрости при осадѣ Коморна; другая, служившая простымъ рядовымъ, дослужилась до чина бригадира и товарищи не подозрѣвали, что она женщина.

Венгерскія женщины не только вѣрныя подруги своихъ мужей, но и самыя нѣжныя матери, «Моя крошка», напѣваетъ молодая женщина у колыбели своего малютки;

«рости, красивый котикъ! Пусть для тебя колыбель всегда будетъ изъ розоваго дерева, пусть ангелы ткуть тебѣ пеленки изъ цвѣтной радуги; пусть прекрасный орѣховый листь служить тебѣ покрываломъ; пусть вечерній вѣтерокъ качаетъ твою колыбель; пусть тебя будитъ поцѣлуй падающей звѣзды; пусть постоянно играетъ вокругъ тебя легкій вѣтерокъ; пусть всегда носится вокругъ тебя благоуханіе лилій; пусть тебя гладитъ мягкій шелкъ; пусть отъ радости вѣчно краснѣютъ твои маленькія щечки; пусть бабочки соткутъ тебѣ опахало изъ своихъ блестящихъ крыльевъ; пусть шелковичный червь спрядетъ тебѣ платье; пусть тебѣ улыбаются всѣ добрыя феи; пусть ихъ благоговеніе заронитъ любовь въ твою душу; пусть тебѣ всюду помогаетъ Богъ»!!!

Мы уже нѣсколько познакомили читателей съ пищею крестьянъ: любимая пища береговыхъ жителей Тиссы— уха и рыба во всѣхъ видахъ, любимое мясное кушанье пастуховъ, какъ и другихъ крестьянъ, — «гуляшъ», которое впрочемъ рѣдко можно видѣть за столомъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ, такъ какъ мясо ѣдятъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Болѣе всего употребляютъ кислую капусту, приготовляемую самымъ разнообразнымъ образомъ, чаще всего съ поджигой, а въ праздникъ, у людей зажиточныхъ въ нее крошатъ и говядину. Выложивъ на блюдо эту капусту съ говядиной и поджигой, ее обливаютъ еще сливками, и это самое любимое національное кушанье мадьяръ. Простой народъ часто ѣстъ студень изъ костей, приправленный большимъ количествомъ краснаго перца. Сильно распространяется теперь картофель и въ иные годы безъ него, во многихъ мѣстностяхъ, люди сильно бы страдали отъ голода; еще болѣе употребляютъ мадьяры квашенныхъ огурцовъ, которые ѣдятъ съ хлѣбомъ и говядиной.

Кофе пьютъ только самые богатые крестьяне, а въ помѣщичьихъ домахъ и въ гостиницахъ его употребляютъ уже давно. За то къ чаю здѣсь не чувствуютъ такого пристрастія, какъ въ Россіи, и во время простудныхъ болѣзней простой народъ пьетъ вмѣсто него бузину.

Во всемъ блескѣ своего національнаго костюма крестьяне отправляются къ сосямъ или въ чарду. Кутить въ чардѣ цѣлую ночь напролетъ, не жалѣть денегъ на свое удовольствіе, спорить и кричать при опьяняющихъ звукахъ чардаша—первое счастье мадьяра. Собираясь на праздникъ, парни убираютъ шляпы живыми цвѣтами, каблукки вооружаютъ шпорами. Всѣ мадьяры страстные танцоры, и чтобы въ этомъ убѣдиться, нужно видѣть ихъ, когда они носятъ въ вихрѣ своего національнаго танца «чардаша». Что бы крестьянинъ ни танцевалъ, онъ всегда танцуетъ одинъ и тотъ же чардашъ, но этотъ венгерскій танецъ до такой степени разнообразенъ, каждый разъ во время его импровизируютъ столько новыхъ фигуръ, что часто не хочется вѣрить, чтобы это былъ одинъ и тотъ же танецъ. Танцоръ изобрѣтаетъ фигуры, которыя наиболѣе соответствуютъ его характеру и настроенію въ данную минуту: то онъ бѣшено преслѣдуетъ свою даму, а она убѣгаетъ отъ него, удаляется, а затѣмъ вдругъ появляется передъ нимъ неожиданно, то онъ быстро носится съ нею по комнатѣ, пристукивая въ тактъ шпорами. Самая характерная черта танца—смѣна страсти и высшаго увлеченія на совершенный индифферентизмъ. Танцоры кружатся сначала медленно, ударяя въ тактъ каблукками; затѣмъ танцоръ хватаетъ свою даму и начинаетъ кружиться съ нею все съ большимъ увлеченіемъ. Но вдругъ лихорадка стихаетъ и танцующіе движутся медленно; но вотъ опять загорѣлся огонь, энтузіазмъ опять выражается въ пылкихъ движеніяхъ, и танцоры ударяютъ себя кулаками, испускаютъ дикіе крики. Не въ городѣ, а въ деревнѣ слѣдуетъ знакомиться съ этимъ страстнымъ, обожаемымъ народомъ національнымъ танцемъ мадьяръ, который своею страстью и опьяненіемъ такъ хорошо рисуетъ характеръ и нравы этого народа, его пылкость, его внезапное разочарованіе, его меланхолическое успокоеніе и всѣ перипетіи его бурной натуры. Любятъ плясать и пля-

шутъ рѣшительно всѣ: и старые, и малые, и красивые, и безобразные; при этомъ всѣ танцуютъ чрезвычайно легко и граціозно. «Въ какой-то деревнѣ», говоритъ одинъ писатель, «я разъ попалъ въ крестьянскую избу и видѣлъ, какъ молодцоватый парень лѣтъ 16—17 плясалъ съ своей почтенной родительницей. Парень кружился и вертѣлся съ ней такъ, какъ будто передъ нимъ была первая красавица въ околдѣ». Музыка, подъ которую танцуютъ чардашъ, начинается съ тихихъ, меланхолическихъ звуковъ. Но послѣ нѣсколькихъ тактовъ она мало-по-малу оживляется, постепенно все усиливаясь; движенія, разумѣется, идутъ подъ тактъ музыки. «Чардашъ открывается торжественнымъ шествіемъ, но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ музыка принимаетъ болѣе оживленный характеръ, каждая пара дѣлаетъ два, три оборота и, быстро расходясь, начинаетъ рядъ пантомимныхъ движеній, то кокетливо сходясь, точно желая примиренья, то дама, какъ-бы боясь, что ужъ слишкомъ высказалась, отступаетъ быстрыми, но размѣренными шагами, а кавалеръ слѣдуетъ по ея слѣдамъ и, нагнавъ, обхватываетъ ее за талію; они опять дѣлаютъ вмѣстѣ нѣсколько туровъ, и затѣмъ, разставаясь, начинаютъ пантомимы съизнова. Если что и дѣлаетъ этотъ танецъ неподражаемымъ, то это его крайнее разнообразіе. Вы рѣдко увидите, чтобы двѣ пары одновременно исполняли одну и ту же фигуру. Между тѣмъ какъ тутъ двое танцующихъ отдѣляются другъ отъ друга, какъ-бы расходясь на вѣки, рядомъ съ ними другая пара предается восторгамъ долго ожидаемаго свиданья». Этотъ танецъ вошелъ въ моду и въ высшихъ кругахъ мадыарскаго общества, но никто не исполняетъ его съ такою страстью и увлеченіемъ, какъ простой венгерскій народъ.

Не даромъ въ Венгріи существуетъ поговорка: «нѣтъ удовольствія безъ цыгана»; и дѣйствительно, ни одно удовольствіе не обходится здѣсь безъ цыганъ. Даже на балахъ высшей пештской аристократіи, гдѣ чардашъ чередуется съ французскими танцами, бываетъ два оркестра, одинъ богемскій, другой цыганскій. Европейскіе танцы исполняютъ чехи, но когда очередь доходитъ до чардаша, на сцену выступаютъ цыгане.

Мадыаръ не обладаетъ особенными музыкальными средствами и къ тому же игру на скрипкѣ онъ считаетъ занятіемъ слишкомъ для себя унизительнымъ. Правда, мадыарскіе пастухи играютъ на «telinka», родъ свирѣли, а въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ они трубятъ въ длинный рогъ, но это скорѣе валахскій инструментъ, чѣмъ мадыарскій. Скрипку же венгерецъ предоставляетъ цыганамъ, которые играютъ въ жизни мадыарскаго народа видную роль. На цыганъ здѣсь нерѣдко проматываютъ громадныя состоянія. Что же касается мадыарскаго крестьянина, то народная поговорка говоритъ, что если цыганъ сыграетъ дурно, онъ разможжитъ ему голову его же собственнымъ смычкомъ, но если онъ его растрогаетъ, онъ готовъ снять для него послѣднюю рубашку. Не смотря на свою любовь къ музыкѣ, мадыаръ никогда не выбираетъ карьеру музыканта, точно также брезгаетъ онъ быть палцомъ, акробатомъ, наѣздникомъ въ циркѣ; зарабатывать насущный хлѣбъ такимъ образомъ онъ считаетъ для себя слишкомъ унизительнымъ, въ этомъ отчасти сказывается его аристократическая натура. Другое дѣло играть на пастушечьемъ рожкѣ или на «telinka». На нихъ играютъ не только мадыарскіе пастухи, но и крестьянскіе юноши. Подъ звуки музыки этихъ инструментовъ они слагаютъ пѣсни, которыя переходятъ изъ устъ въ уста. Случается, что изъ двухъ парней одинъ сочиняетъ слова, а другой перекладываетъ ихъ на музыку для своей телинки. Между этими стихами, часто чрезвычайно слабыми по формѣ, мысли и образамъ, встрѣчаются всѣ роды поэзіи, но чаще другихъ—баллады, главный недостатокъ которыхъ заключается въ ихъ чрезмѣрной краткости. Нѣкоторые изъ нихъ были собраны со словъ крестьянъ и напечатаны. Главное ихъ достоинство—необыкновенная простота и нѣжность чувствъ. Между прочимъ у нихъ не мало сложено балладъ объ итальянскомъ ге-

роѣ Гарибальди, котораго они называютъ Гарибонги. И это понятно: страстные патріоты, они преклоняются и передъ героями другихъ странъ, посвятившихъ свою жизнь на служеніе родинѣ.

Не смотря на свою страстность, увлеченіе, не смотря на веселыя, удалыя пирушки, въ которыхъ мадьяръ является пылкимъ, талантливымъ ораторомъ, юмористомъ, интереснымъ собесѣдникомъ, онъ не отличается веселымъ нравомъ и живостью французовъ и итальянцевъ. Мадьяръ человѣкъ задумчивый и меланхолическій, и эта основная черта характера проявляется нерѣдко въ самыя возбужденныя, веселыя минуты его жизни: онъ вдругъ приходитъ въ грустное настроеніе и задумывается. Такъ бываетъ, напримѣръ, послѣ бѣшеннаго чардаша, когда онъ, усѣвшись гдѣ нибудь въ уголку передохнуть послѣ танца, вдругъ уходитъ въ себя, задумывается и забываетъ весь міръ. Вотъ это-то меланхолическое настроеніе отражается какъ въ его музыкѣ, такъ и въ поэзіи.

Разбойничество и его причины.— Несчастнѣвкіе и бетіары.

Судебныя учрежденія въ Венгріи постоянно завалены дѣлами по уголовнымъ преступленіямъ. Хотя здѣсь не рѣдки случаи убійствъ и увѣчій въ пьяномъ видѣ и вслѣдствіе раздраженія, но несравненно чаще совершаются преступления противъ собственности: воровство въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, поджоги, грабежи на большихъ дорогахъ и въ домахъ. Уголовная статистика показываетъ, что въ Венгріи преступления противъ собственности сравнительно съ числомъ ея жителей совершаются чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Огромный процентъ населенія (къ несчастію, статистическія данныя, особенно по этому вопросу, такъ разнообразны, что нельзя остановиться ни на одной цифрѣ) исключительно занимается воровствомъ и грабежомъ. Зло это появилось въ странѣ уже очень давно, особенно же сильно было распространено и теперь еще существуетъ конокрадство. Это видно изъ того, что уже въ XII столѣтіи король венгерскій Коломанъ противъ похищенія лошадей издалъ любопытный законъ о круговой порукѣ. Насколько разбойничество въ Венгріи было повсемѣстно распространеннымъ зломъ видно изъ того, что еще недавно, специально противъ него, существовалъ особый «скорый судъ», называемый по-нѣмецки «Standrecht» т. е. «военно-полевой судъ». Въ каждомъ графствѣ существовалъ особый трибуналъ для слѣдствій и суда надъ лицами, обвинявшимися въ грабежѣ и разбойничествѣ. Если преступникъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступления, или когда всѣ улики были на лицо, его вѣшали черезъ 24 часа, если нѣтъ, его передавали въ руки обыкновеннаго суда. 30, 40 лѣтъ тому назадъ, проѣзжая по Венгріи, приходилось безпрестанно наталкиваться на эти висѣлицы. Это производило тѣмъ болѣе ужасное впечатлѣніе, что тѣла казненныхъ «скорымъ судомъ» висѣли до тѣхъ поръ, пока онѣ не сваливались сами собой. Одинъ путешественникъ увидѣлъ какъ-то, что вокругъ подобной висѣлицы шумно и весело прыгала толпа дѣтей. Онъ въ ужасѣ остановился и закричалъ имъ: «Дѣти, неужели вамъ не страшно?» — «А отчего?» отвѣчали ему, — «вѣдь это былъ нашъ отецъ».

Такъ какъ висѣлицы и «скорые суды» не только не искоренили зла, но и не уменьшили его, то послѣ 1848 г. увеличили число полицейскихъ: въ однихъ округахъ ввели окружныхъ пандуровъ, въ другихъ, которые были наиболѣе посѣщаемы разбойниками, «persecutores», изловителей разбойниковъ; тѣ и другіе являлись переодѣтыми на ярмаркахъ, базарахъ и на различныхъ народныхъ собраніяхъ. Жандармы и полицейскіе, которые обязаны были носить извѣстную форму, нисколько не утрашили мошенниковъ. Своими блестящими шпиками и мушдирами они еще издавѣка предупреждали бродягъ,

которые при ихъ появленіи тотчасъ скрывались. Въ лѣсахъ, гдѣ разбойники специально устраиваютъ свои притоны, положеніе жандармовъ и полицейскихъ чиновъ было и до сихъ поръ остается чрезвычайно затруднительнымъ; хорошо знакомые съ мѣстностью разбойники, сирятавшись въ какую-нибудь засаду, умѣютъ мѣтко посылать пули въ своихъ конныхъ и пѣшихъ преслѣдователей. Послѣ войны 1848—49 г. число разбойниковъ еще увеличилось; палачи болѣе чѣмъ когда-нибудь были завалены работой. Еще въ 1855 г. путешественники видѣли во многихъ деревняхъ Венгріи прикрѣпленную къ столбу дощечку, на которой находилось миниатюрное изображеніе висѣльника и красно-рѣчивая фраза «военно-полевой судъ!»

Грабежъ и нападеніе на большихъ дорогахъ процвѣтаетъ попережнему и въ настоящее время, то ослабѣвая, то снова усиливаясь. Своею смѣлостью и дерзостью особенно славятся разбойники южной Венгріи. Венгерскіе разбойники смѣло расхаживаютъ по большимъ дорогамъ шайками или въ одиночку, вооружены съ головы до ногъ пистолетами, саблями, заступами, пистолетами и ружьями; нападаютъ днемъ и ночью даже на дома въ мѣстностяхъ чрезвычайно населенныхъ. Въ газетахъ постоянно появляются описанія, что шайка разбойниковъ въ такой-то мѣстности напала на домъ и, когда на крики несчастныхъ сбѣжались люди, разбойники не испугались, не попрятались куда попало, не разбѣжались въ беспорядкѣ, а какъ настоящее войско во время сраженія, тѣснѣ сплотились и, медленно отступая въ совершенномъ порядкѣ, стрѣляли въ своихъ преслѣдователей. Когда огромныя шайки разбойниковъ нападаютъ на домъ днемъ, они являются съ замазанными лицами и тоже отступаютъ только тогда, когда забьютъ тревогу и огромное количество людей съ полиціей во главѣ выступаетъ противъ нихъ. Ихъ смѣлость, въ виду огромнаго количества пандуровъ, конныхъ и пѣшихъ, изумительна. Недавно на ярмаркѣ, въ одномъ изъ мѣстечекъ, точно лагеремъ расположилось пять конныхъ молодцовъ; сзади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, тоже на лошади, сидѣлъ ихъ предводитель и наблюдалъ за своей шайкой. Всѣ они были отлично вооружены и съумѣли награть у проходящихъ и изъ лавокъ вещей на сумму до 15,000 флоринновъ: они были схвачены только тогда, когда начали останавливать экипажи и срывать что попало съ проѣзжихъ. Но чаще всего грабежъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: человекъ 10—15 разбойниковъ окружаютъ ночью домъ богатаго помѣщика. Они начинаютъ ломать ворота и отъ этого шума просыпаются обитатели осаждаемаго жилища. Хозяинъ бросается къ окну съ заряженнымъ ружьемъ и старается не только хладнокровно, но по возможности даже вѣжливо узнать, что нужно. На вѣжливый вопросъ, въ большинствѣ случаевъ, получается и вѣжливый отвѣтъ. «Мы не обезпечили бы ваше сіятельство, если бы не были такъ голодны». — «Чего же вы отъ меня хотите?» — «Пусть ваше сіятельство пожалуетъ намъ то-то и то-то», и они называютъ количество хлѣбовъ, бутылокъ вина, сала и т. п. Смотря по характеру хозяина, онъ иногда торгуется, иногда высылаетъ требуемое безъ всякихъ переговоровъ. Осаждающіе отступаютъ, выразивъ благодарность въ самой вѣжливой и даже изысканной формѣ.

Между венгерскими мошенниками выдѣляются преоригинальные типы. Вотъ напр. «szegény legény». т.-е. «бѣдные парни», «бѣдные товарищи» или «несчастненькіе». Такихъ несчастныхъ здѣсь чрезвычайно много. Это мелкіе воришки и мошенники, которые обыкновенно кончаютъ свою карьеру настоящими бетіарами, т.-е. грабителями мошенниками, разбойниками. Несчастненькимъ называютъ человека, котораго только несчастный случай толкнулъ на преступленіе. Родители такого парня обыкновенно порядочные люди, и онъ еще недавно помогалъ имъ во всемъ и велъ честную, трудовую жизнь; но желаніе пзбѣгнуть рекрутчины, несчастная любовь или какая нибудь другая причина толкнули его на дурную дорогу. Разъ онъ уже вступилъ на нее и проводить

время безъ опредѣленныхъ занятій, въ кругу дурныхъ товарищей, у него является привычка къ безпорядочной жизни и онъ мало по малу падаетъ все ниже и ниже. Пылкій, увлекающійся мадьяръ, лишившись молодой жены или получивъ отъ страстно любимой дѣвушки отказъ, сразу рѣшается сдѣлаться разбойникомъ. Когда проходятъ порывы отчаянія, онъ возвращается къ прежнимъ занятіямъ, но иногда настолько втягивается въ эту жизнь, что навсегда остается «несчастненькимъ» или переходитъ даже въ «бетіары», что еще хуже. Несчастненькаго вы всегда встрѣтите на быстромъ конѣ, о способѣ пріобрѣтенія котораго его, разумеется, нечего спрашивать. Онъ несется по степи, направляясь къ чардѣ или шалашу пастуха, гдѣ онъ любитъ проводить время. Кустарникъ и роща, тростниковая чаща, снопы и скирды служатъ ему попеременно убѣжищемъ и ночлегомъ. Болѣе всего его манитъ въ чарду, гдѣ красивыя дѣвушки не только не избѣгаютъ его, напротивъ, наперерывъ другъ передъ другомъ каждая старается протанцовать съ нимъ. Мало того, каждая изъ нихъ готова отдать ему руку и сердце. «И насъ судьба можетъ толкнуть туда-же», говорятъ ея родители и въ большинствѣ случаевъ не противятся желанію дочери. Но несчастненькій, прежде чѣмъ жениться, крѣпко призадумывается, — «вѣдь съ женой нельзя таскаться по степи», говоритъ онъ, и бракъ обыкновенно заставляетъ его вернуться къ прежней порядочной жизни. Поэтому только тотъ изъ нихъ рѣшается жениться, который еще не сильно втянулся въ скитальческую жизнь или страстно влюбился. Другое дѣло лихо поплясать въ чардѣ. Всѣ дѣвушки заглядываютъ на него, а что можетъ быть для мадьяра пріятнѣе? Онъ непремѣнно прекрасный танцоръ, хорошо и чисто одѣтъ, черты его дышатъ смѣлостію и энергіею. Для развлеченія несчастненькіе заходятъ также къ пастухамъ и ведутъ съ ними большую дружбу. У знакомаго пастуха несчастненькій не украдетъ скотину; да и вообще на собственность бѣднаго человѣка своего брата мадьяра рѣдко посягнетъ не только несчастненькій, но даже и бетіаръ; развѣ только крестьянинъ выведетъ его изъ терпѣнія своею грубостію, недовѣрчивостію и, Боже упаси, недостаткомъ гостепріимства; тогда всѣ попытки его охранить скотину будутъ напрасны. Когда несчастненькіе собираются цѣлой шайкой, они, какъ бетіары, тоже окружаютъ помѣщичій домъ и просятъ хозяина выслать имъ то или другое; но они бываютъ вооружены лишь дубинами и палками, слѣдовательно не стрѣляютъ въ своихъ преслѣдователей, не убиваютъ людей. Ихъ всѣ знаютъ въ лицо и по именамъ, такъ какъ почти всѣ они принадлежатъ къ сосѣднимъ деревнямъ; но это нисколько не мѣшаетъ имъ войти въ домъ въ одиночку или окружить его цѣлой толпой. Вотъ несчастненькій отворяетъ дверь замка, но, прежде чѣмъ войти въ комнату, онъ тщательно отряхиваетъ съ себя пыль, проситъ вызвать графиню и, когда та появляется, вѣжливо раскланивается съ нею и еще вѣжливѣе объявляетъ ей, что его выбрали товарищи (конечно, графиня понимаетъ какіе), которые тутъ по близости, за ея постройки. «Мои товарищи просятъ отпустить намъ столько-то хлѣба и сала, а ужъ вина—пусть будетъ, ваше графское сіятельство, по вашему усмотрѣнію». Дать гораздо выгоднѣе, чѣмъ отказать: въ послѣднемъ случаѣ они болѣе стащатъ и будутъ таскать безъ конца. Это здѣсь всѣ отлично понимаютъ.

Помѣщикъ проѣзжаетъ мимо поля, осматривая свои владѣнія. Съ нимъ встрѣчается паренъ и привѣтливо раскланивается. «Какимъ образомъ ты попалъ сюда? Вѣдь ты сидѣлъ въ тюрьмѣ!» — «Не понравилось, и я бѣжалъ!» — «Значитъ szegény legény» (бѣдный паренъ), спрашиваетъ его помѣщикъ. «Да», отвѣчаетъ тотъ нисколько не стѣсняясь. «Смотри-же, моихъ овецъ не трогать, иначе, паренъ, плохо придется». — «Отъ этого вамъ, милостивый господинъ, сами знаете, пользы не будетъ: они все-же у васъ пропадать будутъ. Извольте лучше дарить мнѣ ежегодно по одной овцѣ, и у васъ больше ни одна не пропадетъ изъ стада». — «Пожалуй», весело сказалъ помѣщикъ, обрадован-

ный скромностію парня. Тотъ въ свою очередь это тотчасъ подмѣтилъ и спохватился. «Позвольте, милостивый господинъ, вѣдь это мало, нельзя-ли двѣ?» Но и помѣщикъ вспомнилъ, что передъ нимъ стоялъ новичекъ. «Нѣтъ», сказалъ онъ рѣшительно, «одну или ничего». — «И то хорошо, пусть будетъ по вашему, — вы будете мною довольны, милостивый господинъ», добавлялъ онъ, снимая шапку и вѣжливо раскланиваясь.

Совсѣмъ другое представляетъ «бетіаръ» (betuar). Бетіаромъ называютъ вора, мошенника, конокрада или грабителя на большихъ дорогахъ. Это обыкновенно въ высшей степени злое и безсердечное существо, отъ рожденія—воръ, по воспитанію—разбойникъ. Дикіе глаза, загорѣлое, нахальное лицо придаютъ ему какое-то страшное выраженіе; дурное впечатлѣніе усиливается тѣмъ, что онъ всегда бываетъ вооруженъ толстою дубиною, пистолетами, ружьями и при этомъ непремѣнно грязный и оборванный. Хозяинъ чарды, въ которую бетіаръ заѣзжаетъ или гдѣ онъ ночуетъ, обыкновенно его повѣренный и укрыватель.

Пастухамъ плохо приходится отъ бетіаровъ, тѣмъ не менѣе и они на бѣдный народъ нападаютъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Когда ему долго не удавалось ограбить ни помѣщика, ни еврея, ни священника, обираемыхъ имъ безъ зазрѣнія совѣсти, тогда онъ нападаетъ на тѣхъ изъ пастуховъ, съ которыми онъ не совсѣмъ незнакомъ. Съ замѣчательною хитростію и ловкостію онъ овладѣваетъ тогда ночью какимъ угодно животнымъ, умудряется безъ всякаго шума вывести его изъ какого угодно загона и съ изумительной быстротой выкрадываетъ лошадь или овцу. Свинью онъ приманиваетъ, разбрасывая передъ ней зерна кукурузы, а затѣмъ сразу убиваетъ ее однимъ ударомъ дубины. Лишь только онъ украдетъ лошадь, онъ передаетъ ее товарищу, который въ ту же минуту скачетъ на ней, чтобы продать ее тамъ, гдѣ въ тотъ день существуетъ ярмарка. Если онъ боится преслѣдованія, то поручаетъ хозяину чарды спрятать ее въ безопасное мѣсто. Венгерскій людъ страшно боится бетіаровъ, помогаетъ имъ, чѣмъ только можетъ, предупреждаетъ ихъ, когда пандуры готовятся сдѣлать на нихъ облаву. Правительство тщетно преслѣдуетъ поселянъ, оказывающихъ бетіарамъ какую нибудь помощь или укрывающихъ ихъ. Но никакія угрозы не помогаютъ, такъ какъ месть бетіаровъ гораздо опаснѣе и притомъ они прежде всего являются врагами имущихъ классовъ, а не бѣдняковъ. Изъ бѣднаго люда они особенно опасны молодымъ дѣвушкамъ. Бетіаръ часто безъ зова является на крестьянскій пиръ или въ чарду, и Боже сохрани, если первая красавица, которую онъ всегда приглашаетъ на танцы, не отвѣтитъ ему такимъ же вниманіемъ съ своей стороны: изъ мести онъ въ конецъ можетъ раззорить ея семейство. Но черезъ предупредительность хозяевъ въ такихъ случаяхъ, а пуще всего черезъ любезность красавицы семейство пріобрѣтаетъ важнаго покровителя. Когда бетіарамъ встрѣчаются бѣдные люди другой національности, съ которыхъ нечего взять, они не упускаютъ случая хотя бы жестоко потѣшиться надъ ними. Однажды въ чарду, гдѣ они кутили, вошли два словака. Бетіары тотчасъ поняли, что передъ ними бѣдняки, что требовать съ нихъ денегъ было бы напрасно и потому заставили ихъ раздѣться и въ однѣхъ рубашкахъ плясать передъ ними всю ночь, между тѣмъ какъ они кутили тутъ же за столомъ, потѣшаясь надъ своими жертвами. Особенную антипатію возбуждаютъ въ нихъ евреи; при встрѣчѣ съ ними они не упускаютъ случая не только ограбить ихъ до-чиста, но и учинить какое нибудь возмутительное издѣвательство: вѣшаютъ ихъ ногами вверхъ на деревья, зарываютъ въ землю до самой головы. Однажды богатый еврей ѣхалъ въ городъ продавать медъ: онъ спокойно сидѣлъ на облучкѣ своей телѣги, подложивъ подъ сидѣнье подушку. Вдругъ изъ засады на него бросаются бетіары, обливаютъ его съ ногъ до головы его же медомъ, раздираютъ надъ нимъ подушку, осыпаютъ всего его пухомъ и мгновенно исчезаютъ. Когда несчастный еврей, походившій теперь на какого-то

сказочнаго звѣря, сталъ приближаться къ городу, всё съ ужасомъ и кривомъ бѣжали отъ него, а собаки со всѣхъ сторонъ бросались, чуть не разрывая его. Не смотря на его нахальство и безсердечіе, бетіаръ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ убійцей и счтаетъ не великодушнымъ сколько нибудь повредить человѣку, который оказалъ ему хотя самую ничтожную услугу; при этомъ онъ всегда вѣренъ своему слову. Отъ этихъ правилъ онъ не отступаетъ даже и тогда, когда въ его руки попадаетъ пандуръ, котораго онъ ненавидитъ всѣми силами души. Однажды пандуръ, не зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, раздѣлялъ съ бетіаромъ свой скромный обѣдъ. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ пандуръ попался въ руки разбойниковъ, онъ былъ освобожденъ благодарнымъ бетіаромъ, котораго онъ угостилъ, хотя это освобожденіе чуть не стоило жизни освободителю. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ качествъ, а главное, вѣроятно, потому, что бетіары несравненно менѣе вредятъ народу, чѣмъ имущимъ классамъ—дворянамъ, помѣщикамъ и евреямъ, вполне раздѣляя въ этомъ отношеніи антипатію народа, они являются въ его фантазіи, въ пѣсняхъ, легендахъ, разсказахъ, окруженные ореоломъ геройства, представляются мстителями за бѣдныхъ и угнетенныхъ. Если вы находите книгу въ какой нибудь чардѣ,—это обыкновенно разсказъ, иногда совершенно фантастическій, о подвигахъ бетіара, о его ловкости, смѣлости и великодушіи. Вотъ что говорится въ народной пѣснѣ объ «Андрюшкѣ-пастухѣ», который сдѣлался бетіаромъ и нагонялъ ужасъ и страхъ въ двухъ графствахъ: «Лѣсъ, о лѣсъ! не сбрасывай твоихъ листьевъ; подъ ихъ густою тѣнью отдыхаетъ Андрюшка-пастухъ. Ручеекъ, о ручеекъ! неси ему свои воды, чтобы онъ вымылъ въ нихъ свои полотняные «gatya». Настежь открыты двери въ Пустакругъ; въ вышинѣ порхаетъ бѣлый голубь. Лети, голубокъ, къ бетіару и неси ему привѣтъ. Когда онъ придетъ сюда, розами усѣмь ему путь. Здѣсь на берегахъ Дравы мельница опустѣла. Противъ него не властны пули, посылаемыя въ него пандурами: онъ собираетъ ихъ голыми руками. Звѣздное небо, не заволокись къ ночи мрачными тучами; освѣти ему путь, чтобы онъ могъ придти отдохнуть къ своей возлюбленной: въ ея объятіяхъ всё десять графствъ ему не страшны».

Причины, вызвавшія развитіе разбойничества, очень разнообразны. Прежде всего ихъ слѣдуетъ искать въ продолжительномъ крѣпостномъ гнетѣ, въ непосильныхъ налогахъ и податяхъ, которые народу приходилось и до сихъ поръ приходится платить, въ постоянномъ возвышеніи цѣнъ на предметы первой необходимости и, наконецъ, самое главное въ неравномѣрномъ распредѣленіи поземельной собственности. Крупная поземельная собственность господствуетъ по прежнему. Участки большей части мелкихъ землевладѣльцевъ занимаютъ немного болѣе двухъ нашихъ десятинъ. Такой участокъ въ урожайный годъ можетъ еще прокормить семью землевладѣльца, но если весной появляются изморозки, а лѣтомъ продолжительные ливни или засухи, ему ничего не остается дѣлать, какъ выйти на большую дорогу. Конечно, человѣкъ, сдѣлавшійся несчастнымъ отъ недостатка въ заработкѣ, всегда даетъ себѣ слово вернуться при первомъ удобномъ случаѣ на честную дорогу, но не всякій имѣетъ для этого достаточно энергіи. Да и чѣмъ другимъ можетъ мадьяръ въ неурожайный годъ заработать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба? Мы знаемъ уже его неспособность къ торговлѣ, которая вслѣдствіе этого, какъ большинство другихъ промысловъ, находится преимущественно въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ. Правда, въ странѣ достаточно развита горнозаводская промышленность, нѣкогда она даже славилась ею; но въ настоящее время сравнительно съ прежнимъ горное дѣло сильно упало и это болѣе всего происходитъ отъ недостатка топлива. Многія мѣсторожденія желѣза, свинца и даже золота, прежде сильно разрабатываемыя, теперь совсѣмъ запущены вслѣдствіе дороговизны лѣса, необходимаго для заводовъ. Но тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще, по количеству

добываемаго золота, Трансильванія занимает одно изъ первыхъ мѣстъ между странами стараго свѣта. Слѣдовательно въ неурожайные годы крестьяне могли бы идти на заработокъ въ Трансильванію и тамъ искать себѣ работу на золотыхъ приискахъ; но на всѣхъ не хватило бы дѣла, да и нѣсколько тысячъ золотопромышленниковъ, занимающихся по берегамъ золотоносныхъ ручьевъ, зарабатываютъ такъ мало, что этого заработка имъ не хватаетъ на первыя житейскія потребности. Огромная армія поденщиковъ, которыхъ насчитываютъ въ странѣ 1.369,000, тоже составляетъ значительный контингентъ бетіаровъ и несчастненькихъ. Поденщики зависятъ часто отъ каприза нанимателя, къ тому же при огромной конкуренціи многіе изъ нихъ остаются безъ работы по нѣлымъ мѣсяцамъ и, наконецъ, непостоянный характеръ занятій этихъ людей пріучаетъ ихъ къ неправильной жизни. Не менѣе важная причина зла заключается въ военной австрійской службѣ. Худо оплачиваемый, еще хуже питаемый простой мадьярскій людъ ненавидитъ военную службу. Къ тому же свободолюбивый сынъ пушты не выноситъ дисциплины и труднѣе, чѣмъ кто нибудь, привыкаетъ къ ней, скоро начинаетъ смертельно тосковать и дезертируетъ при первомъ удобномъ случаѣ. Понятно, что послѣ этого ему приходится скрываться, онъ уединяется въ лѣса или степи, гдѣ часто, чтобы не умереть съ голоду, бываетъ вынужденъ украсть изъ стада овцу или ягненка. Необходимость продолжительное время поддерживать такимъ образомъ существованіе и находиться долгое время безъ опредѣленныхъ занятій заставляеть его сдѣлаться «несчастненькимъ», а затѣмъ и бетіаромъ.

Конечно, причину зла служатъ не исключительно плохія экономическія условія: иногда случается, что въ число преступниковъ попадаютъ лица вполне обеспеченныя. Искать забвенія личнаго горя, причиняя вредъ и несчастіе другому, не только не считается здѣсь позоромъ, но еще пользуется сочувствіемъ. Это происходитъ прежде всего отъ невѣжества народа и отъ жалкаго умственнаго развитія высшихъ классовъ.

Народные праздники и забавы.—Крестины.—Свадьба.—Лошадиныя скачки.

Крестины и свадьба—вотъ два семейныхъ праздника, которые даютъ поводъ ко множеству увеселеній. Появленіе на свѣтъ новаго члена семьи сопровождается множествомъ обрядовъ. Постель матери готовятъ въ углу комнаты и завѣшиваютъ холстомъ, чтобы она и новорожденный не заболѣли отъ дурнаго глаза. Кромѣ отца ребенка, ни одинъ мужчина не смѣетъ подойти къ постели и взглянуть въ лицо матери. У того, кто отважится на это, присутствующіе выхватываютъ шапку, и онъ долженъ ее выкупить.

Молодую мать только тогда перекладываютъ на постель, когда новорожденный появился на свѣтъ; до этой минуты она лежала на соломѣ, посланной на полу въ память того, что Іисусъ Христосъ родился на соломѣ. Лишь только успѣютъ вымыть новорожденного младенца, его кладутъ подъ столъ, на которомъ лежатъ начатый хлѣбъ: это дѣлается для того, чтобы онъ всю жизнь могъ питаться съ этого стола. Затѣмъ ребенка отдаютъ на руки отцу, который кладетъ его въ какой нибудь уголъ, но онъ долженъ остерегаться, чтобы ноги малютки не пришились къ дверямъ, такъ какъ это предвѣщаетъ, что его скоро вынесутъ изъ дома мертвымъ.

Передъ тѣмъ какъ нести ребенка крестить, кума три раза качаетъ его надъ порогомъ, чтобы ея будущій крестникъ не оступился и всегда переходилъ порогъ веселый и счастливый. Послѣ крещенія воспріемники и близкіе родственники кладутъ около ре-

бенка деньги. Затѣмъ начинается пиръ. Чтобы ни подавали, каждый гость обязанъ всего отвѣдать, чтобы новорожденному, во всю его жизнь, не была противна никакая пища.

Слѣдующіе дни кумушки и близкія родственницы посылаютъ молодой матери по два тщательно приготовленныхъ блюда, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока она не встанетъ съ постели. Для мужа это самые блаженные дни, такъ какъ на его долю достается множество пироговъ и кушаньевъ, которыхъ не можетъ одолѣть жена. Когда мать встала съ постели, это тоже, въ большинствѣ случаевъ, даетъ поводъ къ танцамъ и веселой пирушкѣ.

Свадьбы обыкновенно происходятъ осенью, когда сборъ винограда конченъ, виноградный сокъ разлитъ въ бочки и закрома въ хорошій урожай полны хлѣбомъ. Если парень не подумалъ объ этомъ осенью, то ужъ онъ ни за что не пропуститъ масляницы. Свадьбы здѣсь обходятся очень дорого. Отъ богатыхъ людей требуется, чтобы свадебный пиръ продолжался по крайней мѣрѣ недѣлю, во время которой вся деревня должна проводить время за виномъ, а молодежь танцевать съ утра до вечера подъ звуки цыганской музыки, разнообразя это удовольствіе закусками, обѣдами и угощеньемъ. Крестьяне считаютъ своею обязанностію все, что они подаютъ въ это время, предлагать въ огромномъ количествѣ. На одинъ свадебный обѣдъ обыкновенно приходится израсходовать цѣлаго быка, а пятнадцать ведеръ вина для свадебной недѣли считается только достаточнымъ.

Въ подруги жизни парень любитъ выбирать себѣ дѣвушку изъ своей родной деревни. Но если здѣсь ни одна ему не нравится, онъ отправляется въ воскресенье въ сосѣднюю церковь, гдѣ съ хоромъ разсматриваетъ дѣвушекъ. Если какая-нибудь изъ нихъ приглянулась, онъ не мѣшкающая отыскиваетъ себѣ свата «кѣго», который даетъ знать родителямъ дѣвушки о томъ, что ей предстоитъ сватовство. Затѣмъ женихъ со сватомъ отправляются въ ея домъ. Дѣвушка, увидѣвъ его, начинаетъ накрывать столъ бѣлоснѣжной скатертью, приноситъ только что испеченный хлѣбъ и предлагаетъ жениху разрѣзать и посмотрѣть, не вышелъ-ли онъ неудачнымъ. Онъ пробуетъ хлѣбъ, хвалитъ его и такимъ образомъ оканчивается официальная смотрины, или, лучше сказать, болѣе близкое знакомство. Тотчасъ послѣ этого дѣвушка посылаетъ сказать ему понравился-ли онъ ей или нѣтъ; если она дала отвѣтъ благопріятный для жениха, то вслѣдъ за этимъ ея родители отправляются въ его домъ. Этотъ визитъ называется «осмотромъ домашнего очага». Конечно, они смотрятъ не только, «какъ горитъ огонь въ очагѣ», но изслѣдуютъ весь домъ внутри и снаружи, обращаютъ вниманіе на каждую штуку скота. Возвратившись къ себѣ, они описываютъ дочери ея будущій домъ. Послѣ посѣщенія съ цѣлью осмотра оба отправляются въ ближайшій винный погребъ и за стаканомъ вина скрѣпляютъ брачный договоръ. Это называется «пропить дѣвушку». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Венгріи не женихъ высматриваетъ себѣ невесту, а это дѣлаетъ за него его отецъ, но характеръ обрядовъ вездѣ остается одинъ и тотъ же.

Обрученіе происходитъ въ присутствіи мѣстнаго священника. Когда наступило время этого торжественнаго дня, родители жениха отправляются вмѣстѣ съ нимъ и со сватомъ въ домъ невесты. Сватъ входитъ въ комнату, привѣтствуетъ присутствующихъ и излагаетъ желаніе пришедшихъ: «У насъ улетѣлъ хорошенькій голубокъ, который спустился какъ разъ въ нашъ почтенный домъ; мы хотѣли узнать, не видѣли-ли вы его?» Ему отвѣчаютъ: «У насъ есть голубокъ, но это нашъ собственный, идите далѣе и ищите вашего голубка въ другомъ мѣстѣ». При этихъ словахъ сватъ жениха выходитъ изъ дому, а за нимъ и остальные, но вскорѣ всѣ они снова возвращаются. Сватъ входитъ опять и объявляетъ, что они не хотятъ искать болѣе улетѣвшаго голубка, а желаютъ получить того, который находится именно здѣсь, въ этомъ домѣ. «Мы поса-

дили-бы его въ красивую золотую клѣтку и стали-бы лелѣять», прибавляетъ онъ. Ему отвѣчаютъ: «это другое дѣло; но такъ какъ вы уже разъ перемѣнили ваше желаніе, а это дѣло важное и его нужно зрѣло обдумывать, — уходите опять и подумайте хорошенько». Они снова удаляются, и это повторяется иногда нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока ораторъ со стороны невѣсты не найдетъ болѣе нужнымъ прогнать ихъ. Чѣмъ болѣе онъ обнаруживаетъ при этомъ изобрѣтательности, чѣмъ болѣе разъ съумѣлъ онъ прогнать сватовъ изъ дома невѣсты, тѣмъ болѣе его цѣнятъ, тѣмъ болѣе чести для дѣвушки, которая была бы очень огорчена, еслибы сватовъ впустили въ комнату по первому ихъ требованію. Наконецъ истощаются всѣ предлоги для выпроваживанія пришедшихъ, ихъ впускаютъ въ комнату и вѣжливо просятъ садиться. Одинъ только женихъ стоитъ, не снимая съ головы шляпы. Тогда «кіадо» (передатчикъ, тоже одинъ изъ сватовъ) обращается къ невѣстѣ со словами: «скажи, дорогая сестра, какъ тебѣ нравится этотъ молодой человѣкъ?» Невѣста заявляетъ, что онъ ей нравится; тогда женихъ снимаетъ съ головы шляпу, беретъ дѣвушку за руку и всѣ садятся. Затѣмъ сваты требуютъ, чтобы дѣвушка принесла сначала воды, потомъ огня, и когда она несетъ воду, ее осматриваютъ сзади, а когда несетъ огонь, то спереди, чтобы видѣть, не страдаетъ-ли она какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ. Такъ какъ всѣ эти обряды начинаются уже вечеромъ, то помолвка и обрученіе происходятъ около полуночи. Иначе и невозможно, такъ какъ у мадьяръ существуетъ повѣрье, что отъ начала сватовства до окончательнаго слова дѣвушки должна сгорѣть цѣлая свѣчка. Къ тому-же «дѣло такое важное», говорятъ они, «его и нужно дѣлать безъ спѣха».

Къ обрученію сходятся всѣ гости, которымъ пришлось подняться съ постели. Объ ужинѣ хозяйка начинаетъ думать только теперь, такъ какъ за него садутъ не ранѣе разсвѣта. Въ этотъ промежутокъ времени пьютъ водку, но болѣе всего танцуютъ. Вдругъ танцы прекращаются, наступаетъ полная тишина и одинъ изъ сватовъ начинаетъ раздавать присутствующимъ платки, которыми снабдила его мать невѣсты. Вынимая платокъ, онъ къ каждому обращается съ словами: «достоуважаемый N. N.! невѣста желаетъ вамъ этимъ платкомъ выразить свою признательность за ваше сочувствіе, при этомъ она поручила мнѣ спросить васъ, что радуетъ васъ болѣе: ея доброе имя, честь, жизнь или эта ничтожная брэнная вещь?» На что одариваемый съ самымъ серьезнымъ видомъ отвѣчаетъ: «ея доброе имя, ея честь, жизнь дороже мнѣ этого ничтожнаго брэннаго платка». Послѣ этого всѣ садятся за ужинъ, а по окончаніи его женихъ и невѣсту отсылаютъ въ другую комнату, гдѣ ихъ оставляютъ вдвоемъ, чтобы они лучше могли познакомиться другъ съ другомъ. Затѣмъ они возвращаются и танцуютъ, какъ и другіе, вплоть до утра.

Въ слѣдующее воскресенье происходитъ первое оглашеніе въ церкви, а черезъ двѣ недѣли и самая свадьба. Въ этотъ промежутокъ времени пожилыя женщины считаютъ своею священною обязанностію дать невѣстѣ нѣсколько уроковъ общежитія и совѣтовъ житейской мудрости, къ которымъ она, какъ дѣвушка, воспитанная въ суевѣрныхъ понятіяхъ, прислушивается очень внимательно. Чтобы предупредить недоразумѣнія, которыя дьяволъ можетъ посѣять въ будущемъ между мужемъ и женой, невѣста должна передъ бракосочетаніемъ положить въ каждый башмакъ по куску чеснока или по пучку петрушки, такъ какъ злой духъ ненавидитъ запахъ того и другого растенія. Сколько она желаетъ имѣть дѣтей, на столько пальцевъ она должна сѣсть въ церкви. Если она желаетъ наслаждаться спокойствіемъ въ брачной жизни, она должна на дорогѣ сыпать макъ, когда брачный кортежъ отправится въ церковь. Если она совсѣмъ не желаетъ имѣть дѣтей, она должна бросить въ сосѣдній колодець заржавленный замокъ и т. п.

Наканунѣ свадьбы передъ домою невѣсты ставятъ длинный, прямой стволъ, на верхушку котораго прикрѣпляютъ платокъ и ленты. Такъ какъ свадьбы празднуютъ почти всѣ въ одно время, то по числу стволовъ можно узнать число невѣстъ въ деревнѣ.

Наконецъ отправляются приглашать невѣсту къ бракосочетанію. Если она живетъ въ другой деревнѣ, то женихъ, его ораторъ, шаферъ, нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ ѣдутъ за ней въ повозкахъ, наполненныхъ соломою и множествомъ съѣстныхъ припасовъ. По дорогѣ женщины и дѣвушки поютъ, на послѣдней повозкѣ играетъ музыка. Отъ времени до времени поѣздъ останавливается, путники выходятъ изъ повозокъ, бросаютъ на землю солому, зажигаютъ ее, откупориваютъ бутылки и пьютъ вино, стоя вокругъ огня. Солома гаснетъ, путники бросаются въ повозки, опять раздаются звуки пѣнія и музыки и поѣздъ двигается. Послѣдняя остановка бываетъ передъ деревнею невѣсты. Въ то время, когда путники зажигаютъ огонь и попиваютъ вокругъ него водку, шаферъ входитъ въ домъ невѣсты, чтобы узнать, будутъ-ли приняты его спутники. Убѣдившись въ этомъ, онъ возвращается къ своему обществу, и они всѣ вмѣстѣ въѣзжаютъ въ деревню, входятъ въ домъ, гдѣ привѣтствуютъ другъ друга, поздравляютъ и выпиваютъ опять огромное количество водки. Но невѣсты въ этой комнатѣ нѣтъ. Наконецъ вспоминаютъ о ней и посылаютъ къ ней свата. Перевязанный полотенцемъ въ видѣ португеліи, съ бутылкою водки въ рукахъ, онъ входитъ къ ней и, какъ и въ день помолвки, встрѣчается съ ея сватомъ, который, какъ и въ первый разъ, угощаетъ его виномъ и съ разными прибаутками и подъ различными предлогами выпроваживаетъ его изъ комнаты. Наконецъ невѣста входитъ къ собравшимся; одинъ изъ гостей вынимаетъ бумагу и начинаетъ читать стихи «прощаніе невѣсты». Это стихотвореніе написано къмъ нибудь изъ гостей отъ ея имени; въ немъ она прощается со всѣмъ и со всѣми, какъ будто собирается покинуть свѣтъ. Лишь только начинаютъ читать это стихотвореніе, невѣста и вся женская половина: сестры, подруги, кумушки начинаютъ отчаянно рыдать. Съ послѣдней строчкой стихотворенія, крики, вопли и безнадежныя рыданія смолкаютъ какъ по командѣ и подымаются крики радости и веселья. Отправляются въ церковь. Впереди кортежа идутъ, впрочемъ это скорѣе похоже на пляску, шафера: одинъ изъ нихъ угощаетъ виномъ любопытныхъ, собравшихся на дорогѣ, а другой подбрасываетъ на воздухъ «kulacs» т.-е. деревянную посудину съ виномъ; оба шафера поютъ и подплясываютъ съ веселыми выкриками. За ними идетъ невѣста среди подругъ; ее можно отличить по головному убору, состоящему изъ бумажнаго вѣнчика, сплошь покрытаго золотыми кружевами, бусами и фальшивымъ жемчугомъ. Кромѣ того ея голова убрана множествомъ пестрыхъ шелковыхъ лентъ, развѣвающихся по спинѣ. Сверхъ ея платья одѣта шуба изъ голубаго сукна съ бордюромъ изъ сѣраго или бѣлаго мѣха. Остальныя дѣвушки въ юбкахъ съ широкими складками, съ корсажемъ изъ яркихъ цвѣтовъ и въ красныхъ башмакахъ на высокихъ каблукахъ («чизмы»), которые онѣ обыкновенно носятъ до свадьбы, между тѣмъ какъ замужнія женщины и вдовы чаще носятъ черныя. Мужчины въ курткахъ изъ голубаго сукна, въ узкихъ брюкахъ, засунутыхъ въ сапоги. За невѣстой идутъ родители и гости, а музыканты заключаютъ шествіе. Шумъ, музыка, пѣніе, крики, приплясываніе продолжаются вплоть до самой церкви; это веселье смолкаетъ только тогда, когда навстрѣчу выходитъ пасторъ. Музыканты остаются внѣ церкви, а толпа, предшествуемая священникомъ, тихо входитъ въ храмъ. Если въ этотъ день предстоитъ нѣсколько свадебъ, то всѣ пары идутъ къ алтарю и вѣнчаются одна за другой. Послѣ вѣнчанія свадебный кортежъ въ томъ же порядкѣ и подъ предводительствомъ шаферовъ, которые точно также пляшутъ и поютъ, отправляется въ домъ невѣсты, а женихъ съ своимъ поѣздомъ и съ своими гостями—къ себѣ, и, такимъ образомъ, молодые въ этотъ разъ обѣдаютъ отдѣльно.

Когда наступаетъ часъ обѣда, въ комнату вкатываютъ нѣсколько пустыхъ бочекъ, на нихъ кладутъ доски и покрываютъ бѣлою скатертью. Столъ готовъ, и шаферъ начинаетъ подавать кушанья. При каждомъ блюдѣ онъ умѣетъ придумать какое-нибудь остроумное замѣчаніе, поговорку, подходящую шутку. Обѣдъ обыкновенно состоитъ изъ супа, капусты, жаркого, пирожного и другихъ мучныхъ блюдъ, и при этомъ непременно подаютъ кашу. Когда она еще на столѣ, является кухарка съ обвязанной рукой и жалуется, что обожгла ее, когда варила кашу. Гости бросаютъ ей мелкую монету. Послѣ обѣда начпаются оживленные танцы. Черезъ два-три часа начинаютъ укладывать вещи невѣсты, чтобы везти ее вмѣстѣ съ гостями къ жениху. Рядъ повозокъ съ свадебными гостями, несущихся быстро рысью, украшенныхъ яркими цвѣтами, изъ которыхъ по всей дорогѣ раздаются крики и пѣсни, представляетъ прекрасное зрѣлище. Впереди мчатся два всадника, какъ бы для того, чтобы указывать путь свадебному кортежу; тотъ и другой украшены цвѣтами, въ одной рукѣ каждый изъ нихъ держитъ знамя, а другою управляетъ лошадей, сбруя которой украшена разноцвѣтными платками. Въ послѣдней повозкѣ этого поѣзда сидятъ цыгане-музыканты: они играютъ всю дорогу, заглушая музыкой шумъ толпы. Дорогою повозки нѣсколько разъ останавливаются, чтобы дать возможность путникамъ выпить, а нерѣдко заѣзжаютъ съ этою цѣлью въ находящіеся на пути шинки.

Когда пріѣдетъ невѣста, въ домѣ жениха начинается брачный пиръ, который оканчивается съ разсвѣтомъ. Каждый домъ, гдѣ справляютъ свадьбу, называется «королевскимъ», а самая свадьба въ Гемёрскомъ округѣ называется «среднимъ воздаяніемъ почести», крестины—«первымъ», а поминки—«послѣднимъ воздаяніемъ почести». Посаженный отецъ приглашаетъ гостей въ свой «королевскій домъ» на «среднее воздаяніе почести», т. е. въ комнату, гдѣ накрытъ ужинъ. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, болѣе почетные гости подходятъ къ хозяину дома съ словами: «вмѣстѣ съ этими уважаемыми гостями я привѣтствую вашъ «королевскій домъ». Вслѣдъ за этимъ шаферъ начинаетъ приносить одно блюдо за другимъ, сопровождая каждое изъ нихъ рифмованными или нерифмованными прибаутками. Когда гости поужинали, за столъ садятся музыканты и шафера, кромѣ одного, который долженъ занимать въ это время общество потѣшными стихами и прибаутками. Послѣ того столы уносятъ и расчищаютъ мѣсто для танцевъ. Изъ множества обрядовъ, слѣдующихъ затѣмъ, самый интересный—проводы невѣсты въ спальню. Шаферъ зажигаетъ особую, для этого приготовленную свѣчку, подаетъ другую невѣстѣ и, приплясывая, плетъ съ ней въ спальню; за невѣстою слѣдуютъ дѣвушки и поютъ приличные случаю пѣсни. Когда онѣ входятъ въ комнату, свать срываетъ съ головы невѣсты вѣнокъ и въ то время, какъ дѣвушки укладываютъ ее спать, онъ снова возвращается въ гостиную и, высоко держа вѣнокъ, спрашиваетъ: «чего заслуживаетъ герой, овладѣвшій такимъ вѣнкомъ?» Этотъ вопросъ вызываетъ самые разнообразные отвѣты.

Лошадиныя скачки — удовольствіе чрезвычайно любимое въ Венгріи всѣми классами общества. Если путешественнику ни разу не удалось присутствовать на венгерскихъ скачкахъ, онъ не можетъ даже и понятія составить себѣ о шумѣ и волненіи, которые при этомъ охватываютъ зрителей. Живой интересъ, страстное, неподдѣльное увлеченіе публики этими скачками напоминаютъ оживленіе зрителей во время боя быковъ въ Испаніи и лошадиныхъ скачекъ въ Англіи. Тутъ также, какъ и въ Англіи, лошадь, опередившая другихъ во время состязанія, получаетъ призъ. Прежде чѣмъ появиться на арешъ, она стоитъ много хлопотъ и денегъ своему владѣльцу, но разъ за нее полученъ призъ, это нерѣдко поправляетъ пришедшія въ разстройство денежныя дѣла венгерскаго магната. Во время скачекъ также держатъ царя, чья лошадь возьметъ верхъ; при этомъ

проигрывают огромныя суммы, конечно, не такія, какъ въ Англіи, этой странѣ замѣчательныхъ капиталовъ и громаднаго класса богачей. Вся равнища скачекъ той и другой страны состоитъ въ томъ, что въ Англіи ихъ устраиваютъ въ широкихъ размѣрахъ и при этомъ баснословныя богатства переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія; въ Венгріи, странѣ несравненно менѣе богатой, все происходитъ въ болѣе скромныхъ размѣрахъ.

Въ Венгріи скачки иногда устраиваются исключительно для аристократовъ, иногда для народа, но чаще для тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Въ послѣднемъ случаѣ на арену сначала выступаютъ лошади людей высшихъ классовъ, затѣмъ желающихъ изъ простаго народа; при этомъ владѣльцы ихъ являются въ своихъ красивыхъ, національных костюмахъ. Какъ вездѣ, такъ и тутъ сказываются аристократическія замашки мадьяръ. На общихъ скачкахъ для земледѣльцевъ, «Földesek» (такъ называютъ вообще крестьянъ), для нихъ назначаютъ гораздо меньше призовъ, обыкновенно даже только одинъ, и при этомъ крестьяне не имѣютъ права норучить свою лошадь жокею, а должны скакать сами. Однако, кто бы ни выигралъ: простой человекъ или магнатъ, публика встрѣчаетъ побѣдителя громомъ рукоплесканій.

И такъ, въ Венгріи скачки — національное учрежденіе. И это понятно: мадьяръ всегда любилъ лихихъ скакуновъ, издавна пользуется славою лучшаго наѣзника въ Европѣ. Мадьярская аристократія всегда старается подражать англійской, — поэтому въ ея средѣ скачки такъ же популярны, какъ и въ народѣ.

Въ Венгріи чрезвычайно много народныхъ игръ и нѣкоторыя изъ нихъ очень опасны, такъ напр. «karikázás», игра въ кружокъ. Дѣлаютъ деревянный кружокъ въ два дюйма толщины и поддюйма высоты и оковываютъ его желѣзнымъ обручемъ. Этотъ кружокъ бросаютъ на землю; одна часть играющихъ съ палками становится по одной сторонѣ, а другая — съ другой и начинаютъ другъ къ другу катать этотъ кружокъ. Нерѣдко изъ шалости его вскидываютъ вверхъ, и онъ наноситъ присутствующимъ тяжелыя ушибы.

Зимомъ молодые люди катаются по льду; при этомъ вмѣсто коньковъ они употребляютъ кости животныхъ, и парни, стоя на нихъ и упираясь въ ледъ толстыми, окованными желѣзомъ палками, катятся по льду съ удивительною быстротою. Вмѣсто коньковъ часто употребляютъ вырубленные куски льда, которые нерѣдко замѣняютъ санки. Для этого вырубаютъ подходящій широкій кусокъ льда, садятся на него и ѣдутъ съ быстротою молніи. Само собою разумѣется, что это возможно только тамъ, гдѣ существуютъ большія водяныя пространства.

Борьба, кулачныя бои и пари — вотъ самыя любимыя народныя забавы венгерцевъ. Держать пари по поводу всякаго пустяка, но чаще всего, — простоять ли тотъ или другой на верхушкѣ дерева на головѣ. Увѣренный въ своемъ искусствѣ парень взлѣзаетъ на высочайшую ель или сосну, срубаетъ верхушку и въ томъ мѣстѣ, гдѣ можно устроить болѣе или менѣе гладкое, ровное основаніе, становятся на голову ногами вверхъ; при этомъ онъ долженъ держаться совершенно прямо, нисколько не сгибая туловища. Многіе парни прославились этимъ искусствомъ; другіе приобрѣли славу умѣньемъ ловко перескакивать. Для этого сооружаютъ изъ разнаго хлама пирамиду, поверхъ которой кладутъ шляпу, затѣмъ скачутъ черезъ нее; кто при этомъ свалитъ или только задѣнетъ шляпу, тотъ платитъ штрафъ или фантъ, который затѣмъ долженъ быть выреченъ разными способами.

Латинскій языкъ и его господство въ странѣ до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.—Современный мадьярскій языкъ и его значеніе для всѣхъ народовъ Венгріи.—Низкая ступень развитія мадьярской литературы и ея причины.

Изъ политическихъ расчетовъ латинскій языкъ былъ введенъ въ Венгрію еще въ самомъ началѣ XI столѣтія, и, начиная съ короля Стефана, вся мадьярская образованность развилась лишь съ его помощью. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался въ этой странѣ не только языкомъ церкви, но языкомъ науки, поэзіи, законодательства, дипломатіи, даже народной сатиры. На этомъ языкѣ венгерскій сеймъ велъ свои пренія, на немъ писали и обнародовали законы. Правда, въ тѣхъ комитатскихъ собраніяхъ, которыя состояли преимущественно изъ мадьяръ, пренія вели по большей части на мадьярскомъ языкѣ. Кромѣ того трансильванскій сеймъ тоже велъ во всѣ времена свои пренія на мадьярскомъ языкѣ; но Трансильванія очень небольшая, бѣдная и немѣющая значенія страна, поэтому и мадьярскій языкъ не могъ выработаться и имѣть какое-бы то ни было значеніе, такъ какъ во всѣхъ собраніяхъ, на которыхъ большинство принадлежало къ другимъ національностямъ, исключительно господствовалъ латинскій языкъ. Трудно себѣ представить, до чего онъ былъ распространенъ въ Венгріи: онъ положительно царилъ въ этой странѣ, какъ ни въ какой другой. До 1840 г. на немъ преподавали даже мадьярскую грамматику. Еще 40 лѣтъ тому назадъ, всякій житель Венгріи, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, если только онъ думалъ въ послѣдствіи выбрать какую-нибудь общественную или государственную дѣятельность, изучалъ латинскій языкъ не только теоретически, но и практически, т. е. долженъ былъ совершенно свободно говорить на немъ. Даже многіе изъ крестьянъ считали необходимымъ учиться этому языку: они обыкновенно объяснялись на немъ съ своими сосѣдями, если у тѣхъ былъ другой языкъ, чѣмъ у нихъ. Не говоря уже о должностныхъ лицахъ или думающихъ быть ими, всѣ не только образованные люди, но и желавшіе казаться ими считали первѣйшею своею обязанностію изучить латинскій языкъ. Такъ какъ среди мужчинъ этотъ языкъ былъ сильно распространенъ, то и женщины дворянскихъ семей тоже изучали его. Еще недавно многіе помѣщики заразъ говорили на четырехъ языкахъ, нанизывая на одну и ту же фразу мадьярскія, латинскія, французскія и нѣмецкія слова. Такое широкое распространеніе латинскаго языка имѣло здѣсь свою дурную и хорошую сторону. Вредное вліяніе его сказалось въ томъ, что народный языкъ не шелъ впередъ, а это задерживало развитіе народнаго образованія и литературы, на долго заглушивъ народные элементы. Полезною же стороною распространенія латинскаго языка, по мнѣнію многихъ, было предупрежденіе посредствомъ его различныхъ столкновеній завоевателей съ подчиненными народностями, какъ въ дѣлахъ общественныхъ, такъ и правительственныхъ. Распространяясь все болѣе и болѣе, латынь ограничивала какъ мадьярскій, такъ и славянскій языки областью частной жизни.

Въ началѣ настоящаго столѣтія мадьярскій языкъ былъ сравненъ въ правахъ съ латинскимъ. Многіе стали требовать, чтобы мадьярскому языку обучали во всѣхъ школахъ, гимназіяхъ, учили бы ему даже офицеровъ и унтеръ-офицеровъ венгерской арміи. Но это не понравилось остальнымъ народностямъ. Когда въ 1830 году должно было бы окончательно прекратиться всякое производство дѣлъ на латинскомъ языкѣ и когда никому не стали давать мѣсть, кто не зналъ по мадьярски, тогда славяне и румыны стали сильно нападать на приверженцевъ мадьярскаго языка. Особенно священники той и другой національности все громче и громче кричали противъ такой несправедливости; но это не помогло, и десять лѣтъ спустя мадьярскій языкъ былъ введенъ въ судахъ и комитатахъ. Еще черезъ 4 года онъ былъ употребляемъ на всѣхъ собра-

ніяхъ и въ школьномъ образованіи занялъ первое мѣсто; только уполномоченнымъ отъ хорватовъ и словаковъ было дозволено еще въ продолженіи 6 лѣтъ говорить на собраніяхъ по латыни.

6-го декабря 1868 г. вышелъ подписанный императоромъ эдиктъ, который носитъ названіе «народной равноправности». Онъ объявляетъ народамъ Венгріи, что имъ всѣмъ предоставляются одинаковыя права, за исключеніемъ только языка, въ которомъ должно быть отдано предпочтеніе языку мадыарскому. Вотъ какъ гласитъ законъ: «такъ какъ мадыарскій языкъ объявленъ въ странѣ государственнымъ, то признается: 1) мадыарскій языкъ исключительно господствующимъ въ сеймѣ при всѣхъ его преніяхъ и дѣлопроизводствахъ; 2) точно также единственно мадыарскій языкъ долженъ быть употребляемъ во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ; 3) всѣ законы страны должны быть писаны на мадыарскомъ языкѣ и затѣмъ уже дословно переведены на другіе языки; 4) производство дѣлъ въ гласныхъ судахъ точно также должно быть на мадыарскомъ языкѣ.

Излагать протоколы дозволяется на мѣстномъ языкѣ только въ такомъ случаѣ, если того потребуеть одна пятая наличнаго судейскаго состава. Въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ дозволяютъ также писать просьбы и вести защиту на мѣстномъ языкѣ. Однако и при этомъ нужно замѣтить, что такъ какъ протоколъ въ большинствѣ случаевъ написанъ по мадыарски, то заинтересованнымъ сторонамъ приходится самимъ подавать свои просьбы на этомъ языкѣ или тратиться на ихъ переводы. При этомъ совсѣмъ не берется въ расчетъ, что во многихъ немадыарскихъ комитатахъ Венгріи, два, три чловѣка только могутъ говорить по мадыарски. Но на это никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Въ эдиктъ, о которомъ мы упомянули выше, существуетъ еще такой параграфъ: «во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ, назначаемыхъ правительствомъ, можетъ быть допущенъ только мадыарскій языкъ». Такъ какъ въ настоящее время всѣ чиновники на судебныя должности исключительно назначаются правительствомъ, то этимъ параграфомъ оно имѣло въ виду устранить съ судебныхъ мѣстъ лицъ, не знакомыхъ въ совершенствѣ съ мадыарскимъ языкомъ.

Учебный языкъ въ приходскихъ училищахъ назначается приходами. Во всѣхъ школахъ, учреждаемыхъ правительствомъ, министръ назначаетъ, какой языкъ долженъ быть учебнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ наблюдать, чтобы образованіе на мѣстномъ языкѣ давалось только первоначальное.

Каждый округъ самъ выбираетъ, какой языкъ долженъ быть употребляемъ для веденія мѣстныхъ дѣлъ, переписки и протоколовъ; но и тутъ существуетъ правило, по которому въ концѣ концовъ выходитъ, что и мѣстныя дѣла приходовъ необходимо вести почти всегда на мадыарскомъ языкѣ. Это правило слѣдующее: «если пятая часть правоспособныхъ членовъ потребуеть, чтобы веденіе приходскихъ дѣлъ, переписки и протоколовъ велось на ихъ родномъ языкѣ, — такое требованіе должно быть удовлетворено». Это даетъ преобладаніе языку мадыаръ, которые почти повсюду живутъ въ Венгріи и только въ очень немногихъ комитатахъ не составляютъ пятой части правоспособныхъ членовъ.

Можно подумать, что возможность для частныхъ лицъ обращаться въ судебныя и правительственныя учрежденія на своемъ родномъ языкѣ составляетъ нѣкоторую льготу другимъ народностямъ, но оказывается, что это существуетъ только для виду, такъ какъ отвѣтъ получается на мадыарскомъ языкѣ вмѣстѣ съ переводомъ на томъ языкѣ, на которомъ была получена просьба; это настолько увеличиваетъ расходы, что громадное большинство лицъ предпочитаетъ уже прямо обращаться во всѣ учрежденія не иначе, какъ на мадыарскомъ языкѣ. Такимъ образомъ этотъ «законъ равноправности» даетъ преимущество мадыарскому передъ всѣми другими языками. На всемъ протяженіи венгер-

скаго королевства, за исключеніемъ Хорватіи, теперь введенъ только одинъ официальный языкъ—мадьярскій. Въ сѣверной Венгріи, гдѣ славяне живутъ сплошною массою и не знаютъ другаго языка, кромѣ своего, комитатскія постановленія и вообще законы издаются на мадьярскомъ языкѣ. Мы уже упомянули, что для хорватовъ въ этомъ отношеніи сдѣлано исключеніе, но когда одинъ изъ хорватскихъ депутатовъ официально предложилъ ввести въ восточной академіи изученіе хорватскаго языка, такъ какъ оттуда назначаютъ консульскихъ агентовъ въ Боснію и Герцоговину, то ему безъ церемоніи возразили, что это бесполезно, такъ какъ хорваты и безъ того будутъ знать свой языкъ. Чтобы мало-по-малу уничтожить въ Венгріи распространеніе языковъ всѣхъ остальныхъ народовъ, населяющихъ эту страну, нисколько не стѣняются въ выборѣ средствъ. Эта цѣль, вѣроятно, и будетъ достигнута въ близкомъ будущемъ, такъ какъ употребленіе родныхъ языковъ въ присутственныхъ мѣстахъ чрезвычайно дорого, да наконецъ и деньги не даютъ теперь возможности жителю Венгріи существовать въ этой странѣ, не зная превосходно мадьярскаго языка. Навязываніе этого языка не мадярамъ не имѣютъ никакого оправданія. Еслибы мадьярскій языкъ имѣлъ такое значеніе какъ французскій, англійскій или нѣмецкій, которые распространены во всемъ свѣтѣ и имѣютъ богатую литературу, это еще могло бы имѣть образовательное значеніе; тутъ же навязываютъ вмѣсто звучнаго славянскаго и романскаго языковъ языкъ небольшого туранскаго племени, до сихъ поръ весьма мало обработанный и литература котораго и теперь еще стоитъ на весьма низкой ступени развитія.

Такимъ образомъ мадьярскій языкъ сдѣлался въ настоящее время преобладающимъ въ жизни, въ школѣ и въ правленіи. Такъ какъ пренія въ сеймѣ ведутся теперь исключительно на мадьярскомъ языкѣ, то всякій, не только стремящійся къ извѣстности и вліянію въ странѣ, но желающій поддержать свое существованіе службою или какою бы то ни было общественною дѣятельностью, долженъ вполне усвоить себѣ этотъ языкъ. Въ послѣднее время мадьярскій языкъ сильно распространился въ Венгріи, и скоро, вѣроятно, заговорить на немъ большая часть народностей, населяющихъ Венгрію, которыя мало по-малу будутъ забывать свой языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утрачивать свои нравы и обычаи. Можетъ быть и теперь уже не за горами то время, когда большинство венгерскихъ народовъ сдѣлается настоящими мадярами.

Въ настоящее время съ каждымъ годомъ все меньшее число людей занимается изученіемъ латинскаго языка, но за то все вниманіе не только мадяръ, но и другихъ народностей обращено на изученіе мадьярскаго языка. Нѣкоторое знаніе этого языка даетъ возможность туристу проникнуть не только во всѣ семейные дома, но и въ общественныя учрежденія. Когда мадяръ узнаетъ, что вы иностранецъ и нѣсколько знакомы съ его языкомъ, тогда его вниманію къ вамъ не будетъ конца. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ языкъ мадьярскій въ послѣднее время сдѣлалъ большіе успѣхи какъ въ смыслѣ распространенія, такъ и относительно обогащенія и освобожденія отъ иностранныхъ элементовъ. Царствующій императоръ австро-венгерской монархіи, Францъ-Иосифъ, первый изъ венгерскихъ государей въ состояніи говорить на мадьярскомъ языкѣ со своими венгерскими подданными. Его супруга, урожденная принцесса баварская, тоже нашла нужнымъ изучить этотъ языкъ, вслѣдствіе чего она пользуется большою симпатіей мадяръ. Университеты, высшія учебныя заведенія, театры не знаютъ другаго языка, кромѣ мадьярскаго. Новизна распространенія этого языка, а также и то обстоятельство, что этого распространенія желаетъ господствующая, имѣющая власть національность, явилась даже мода на его изученіе и употребленіе. Многіе нѣмецкіе ученые и профессора передѣлываютъ свои фамиліи на мадьярскій ладъ, такъ напр. Schädel сталъ называться Toldy, а Hunsdorfer—Hunfalvy. Да и какъ этого не дѣлать?

Если между учеными найдутся такіе, которые сочтутъ унижительнымъ для себя перемѣну фамиліи, то имъ сначала начинаютъ навязывать враждебный правительству образъ мыслей, а затѣмъ придравшись къ первому удобному случаю попросятъ подать въ отставку. Юноша, поступающій въ университетъ, долженъ заявить, къ какой національности онъ принадлежитъ; если онъ оказывается не мадыромъ, то ему никогда не дождаться ни стипендіи, ни пособія. Не только въ матеріальномъ отношеніи плохо студенту не мадыру: начальство и товарищи дурно на него смотрятъ, устраиваютъ ему разныя непріятности. Особенно придираются къ нему, если узнаютъ, что онъ выписываетъ газету на своемъ родномъ языкѣ. Еще хуже живется учителю и священнику; тотъ и другой, къ какой-бы національности они ни принадлежали, должны всегда говорить на мадырскомъ языкѣ: начальство косо смотритъ на нихъ даже и въ такомъ случаѣ, если они дома говорятъ на своемъ родномъ языкѣ. Мадырское правительство особенное вниманіе обращаетъ на интеллигенцію, которую оно во что бы то ни стало желаетъ воспитать въ духѣ мадыризма. Правительство надѣется, что при такомъ порядкѣ вещей языки: русинъ, словаковъ, румынъ, хорватовъ — будутъ носить лишь мужицкій характеръ. Изъ этого мы видимъ, что мадыры теперь измѣнили своей прежней политикѣ — оставлять другимъ народностямъ полную самостоятельность въ нравахъ, обычаяхъ и языкѣ. Сдѣлавшись сильнымъ государствомъ, мадыры не боятся подвластныхъ имъ народовъ и давятъ ихъ прежде всего съ цѣлью мадыризировать, т. е. превратить всѣ подвластные народы въ настоящихъ мадыръ. Познакомимся же съ ихъ языкомъ.

Мадырскій языкъ принадлежитъ къ финской отрасли татарско-чудскаго корня. Понятно, что строй рѣчи этого языка совершенно чуждъ европейскимъ народамъ, и такъ какъ мадыры, поселившись въ Европѣ, имѣли столкновенія съ очень многими народами, то они много и заимствовали отъ нихъ. Такимъ образомъ они внесли въ свой языкъ много словъ и выраженій изъ латинскаго, нѣмецкаго, греческаго, но болѣе всего изъ славянскихъ языковъ, такъ какъ они болѣе всего приходили въ соприкосновеніе съ славянскимъ элементомъ. Кромѣ названныхъ языковъ, имѣвшихъ огромное вліяніе на образование мадырской рѣчи, участіе въ этомъ принималъ также языкъ турецкій.

Мадыры — народъ въ высшей степени самолюбивый: они всегда и во всемъ ставятъ себя на ряду съ другими первостепенными европейскими національностями, но такое понятіе ихъ о себѣ можно смѣло считать преувеличеннымъ. Что же касается до ихъ высокаго понятія о своей литературѣ, то ее нѣтъ никакой возможности сравнивать съ литературами англійской, французской и нѣмецкой, на столько она во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже. И это совершенно понятно. Языкъ имѣетъ огромное вліяніе на литературу, между тѣмъ у мадыръ, какъ мы знаемъ, уже съ XI ст. до 30-хъ годовъ нынѣшняго ст., латицскій языкъ имѣлъ рѣшительный перевѣсъ. Вслѣдствіе этого у нихъ почти не существуетъ древнѣйшихъ памятниковъ: тѣ, очень немногіе изъ нихъ, которые дошли до нашего времени, не имѣютъ почти никакого значенія. Если печатныя книги на мадырскомъ языкѣ и выходили изрѣдка, то онѣ обязаны были этимъ эмиграціи венгерскихъ протестантовъ, въ большемъ числѣ бѣжалшихъ отъ религиозныхъ преслѣдованій; они печатали мадырскія книги за границею. Съ прекращеніемъ религиозныхъ распрій не только не появляется мадырскихъ произведеній, но даже не выходитъ и книгъ на этомъ языкѣ. Литература XVI, XVII и даже первой половины XVIII ст. не имѣла рѣшительно никакого значенія и вліянія, такъ что даже въ самомъ концѣ XVIII столѣтія одинъ венгерскій писатель имѣлъ полное право сказать: «въ наше время мадырскій языкъ находится въ такомъ пренебреженіи, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ балладъ да небольшого числа изданій религіознаго содержанія, современная литература не оставитъ потомству никакихъ памятниковъ». Во время наибольшаго подъема духа и ожив-

ленія общественной дѣятельности мадьяръ, т.-е. послѣ 1847 г., поэтъ Петёфи имѣлъ большое вліяніе на умственное развитіе. «Его поэзія дышитъ демократическимъ духомъ. Онъ нанесъ своими сатирами смертельный ударъ спѣси мадьярской аристократіи. Его сатиру «Мадьярскій дворянинъ» скоро знали наизусть всѣ, кто не былъ расположенъ къ дворянамъ. Онъ былъ также пѣвцомъ любви и своей страстно любимой имъ родины. «Встань, мадьяръ», восклицаетъ онъ: «отечество зоветъ тебя!» Его девизомъ было: «свобода и любовь, вотъ что мнѣ нужно! За любовь отдамъ жизнь, за свободу отдамъ любовь». Поэзія Петёфи отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, свободную, дикую жизнь въ мадьярскихъ степяхъ, которую онъ прекрасно воспѣлъ».

«Гараи, Томпа и Арани—первостепенные поэты новѣйшаго времени. Арани превосшелъ даже Петёфи: у него строгій эстетическій взглядъ, обильная поэтическая фантазія и много оригинальности. Его стихотворенія частію эпическія, частію лирическія. Какъ эпическій стихотворецъ, онъ выбираетъ сюжеты изъ народныхъ сказаній, какъ лирикъ, онъ заслуживаетъ стать на-ряду съ лучшими европейскими поэтами. Вотъ въ переводѣ одно изъ его стихотвореній «Къ моему сыну»: «Сынъ мой, я бѣдный поэтъ: немного оставляю тебѣ въ наслѣдство, развѣ ничѣмъ незапятнанное имя, что для толпы составляетъ ничтожное достояніе. Поэтому-то я и прививаю къ твоему нѣжному сердцу чувство вѣры; сложи, мой ангелъ, рученки и молись усердно.

«Вѣдь для бѣдняка вѣра—драгоценный кладъ; она научитъ терпѣть и надѣяться; а онъ долженъ всегда, пока вѣтеръ изъ холодной могилы не повѣетъ на него, терпѣть и надѣяться! Ахъ, еслибъ и у меня была крѣпкая вѣра, какъ когда-то,—она утѣшила бы меня!... Сложи, мой ангелъ, ручки и молись усердно.

«Когда почувствуешь горе—достояніе чести, и увидишь, какъ топчутся въ грязь добродѣтель и умъ, между тѣмъ какъ пороки и невѣжество ликуютъ, пусть вѣра утѣшитъ тебя! Сложи, мой ангелъ, ручки и молись усердно».

«Кромѣ поэзіи, ни одна отрасль мадьярской литературы не выдвигается изъ уровня посредственности. За то журналистика въ Венгріи довольно дѣятельна: тамъ издается около десяти ежедневныхъ изданій и кромѣ того много другихъ періодическихъ. У нѣкоторыхъ ежедневныхъ изданій есть до 7,000 подписчиковъ».

Низкую степень развитія мадьярской литературы можно объяснить многими причинами: медленнымъ и неправильнымъ развитіемъ народнаго языка, жалкимъ образованіемъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ, ограниченнымъ міровоззрѣніемъ и бѣдностью идей самихъ авторовъ. Большая часть авторовъ, что бы они ни писали, считаютъ своею обязанностію высказать свои пламенные патріотическія чувства. Высшіе мадьярскіе классы, мало знакомые съ литературою другихъ народовъ, считаютъ такое направленіе единственно возможнымъ и всячески стараются поощрить патріотическихъ литераторовъ. Что касается до мадьярской публики, то любовь къ чтенію въ ней развита крайне слабо и болѣе другихъ ея сочувствіемъ пользуются сотрудники и издатели газетъ. Если въ Венгріи о комъ-нибудь отзываются какъ объ ученомъ, то подъ этимъ непремѣнно подразумѣваютъ, что онъ издатель или сотрудникъ какой-нибудь газеты. И это понятно, такъ какъ газеты удовлетворяютъ болѣе всего страсти мадьяръ къ политикѣ. Тѣмъ не менѣе мадьярская литература имѣетъ свое будущее, такъ какъ мадьярскій языкъ проникаетъ теперь во всѣ уголки Венгріи и всякій образованный гражданинъ этой страны, мадьяръ онъ, славянинъ или румынъ, долженъ непремѣнно знать его.

Цыгане и евреи; роль, какую они играютъ въ жизни мадьярскаго народа.

Въ Венгріи почти нѣтъ деревни, за которою не было бы жалкихъ хижинъ, въ видѣ кротовыхъ норъ, со срубомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ, плохо сколоченныхъ досокъ. Сверху такихъ жилищъ набросаны вѣтки, которыя свободно пропускаютъ вѣтеръ и дождь. Эти жалкія хижины—единственное убѣжище цыганъ, живущихъ также въ пещерахъ и въ полуразвалившихся, всѣми покинутыхъ сараяхъ и шалашахъ. Согласно съ внѣшностью жилища и домашняя обстановка ихъ крайне первобытная: скамейки, стулья, столы, кровати считаются у нихъ предметами роскоши, и все, что вы найдете въ такомъ жилищѣ, это большой горшокъ, нѣсколько деревянныхъ ложекъ и двѣ, три охалки сѣна для спанья. Даже индѣецъ болѣе чувствителенъ къ комфорту. Все семейство, нерѣдко очень большое, спитъ въ такой конурѣ на соломѣ; полъ и возрастъ не имѣютъ никакого значенія, понятіе о родственныхъ отношеніяхъ смутное, и часто цыганскій юноша жевится на своей родной сестрѣ, едва достигшей 13-ти лѣтъ. Взрослые, и особенно старые, еще носятъ кое-какое лохмотье, но дѣти бѣгаютъ совершенно голыми, а молодыхъ дѣвушекъ нерѣдко можно встрѣтить здѣсь лишь въ одномъ передникѣ въ двѣ, три ладони ширины. Лишь изрѣдка увидишь дочь цыгана-музыканта, много зарабатывающаго своимъ ремесломъ, красиво и броско наряженную. Суровая жизнь цыганъ до того закаляетъ ихъ противъ всѣхъ переменъ температуры, что, не смотря на ихъ наготу и на отсутствіе теплой одежды, они прекрасно выдерживаютъ зимой страшный холодъ, а лѣтомъ съ открытой головой спокойно переносятъ знойныя солнечныя лучи. Чтобы болѣе закалить своего ребенка, лишь только онъ родился, въ какое-бы время года и въ какую-бы погоду это ни было, мать прямо опускаетъ его въ яму съ холодной водой, а затѣмъ тотчасъ начинаетъ носить его всюду съ собой съ открытой головой, положивъ лишь въ какую-нибудь тряпку и прикрѣпивъ этотъ живой узелъ къ своей спинѣ. Но когда ребенокъ начинаетъ ходить, онъ уже растетъ безъ всякаго присмотра, оставаясь часто по два и по три дня безъ пищи. Такая суровая школа не проходитъ даромъ, и множество дѣтей гибнетъ въ самомъ раннемъ возрастѣ; но разъ ребенокъ дожилъ до 10—11 лѣтъ, онъ переноситъ такія лишения, какія немислимы ни для кого другаго, кромѣ цыгана. Съжившись на землѣ или растянувшись на сыромъ полу въ своей землянкѣ, эти несчастные проводятъ большую часть своего времени у огня, который они страстно любятъ. Передъ нимъ они забываютъ всѣ ужасы голода, начинаютъ пѣть, плясать, балагурить.

Какъ прежде, такъ и теперь цыгане Венгріи остаются паріями. При Маріи-Терезіи была сдѣлана попытка приучить ихъ къ земледѣлію, и мѣстное начальство отдавало цыганскихъ дѣтей на воспитаніе крестьянамъ, но это не дало никакихъ результатовъ. Правда, въ Трансильваніи нѣкоторые цыгане дѣлаются трудолюбивыми земледѣльцами, но это лишь исключеніе, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ они вездѣ въ Венгріи являются кочевниками и добродушными лѣнтяями или, наконецъ, на половину бродягами, на половину осѣдлыми жителями. Здѣсь не мало ходитъ разсказовъ о цыганахъ и цыганкахъ, которые, попавъ случайно въ раннемъ дѣтствѣ въ благоприятную обстановку и получивъ воспитаніе, кончали тѣмъ, что даже взрослыми бросали все и отправлялись въ таборъ.

Самая характерная черта цыгана—полнѣйшая безпечность: сдѣлать запасъ провизіи на зиму, позаботиться о будущемъ—это для него просто немисливо; онъ живетъ со дня на день, питается только тѣмъ, что ему удастся выпросить или выработать въ продолженіе дня. Какъ настоящій дикарь, онъ совсѣмъ неразборчивъ въ пищѣ и хотя болѣе всего любитъ мясо, но, какъ хищный звѣрь, поѣдаетъ падаль, изжаривъ ее на

разведенномъ кострѣ. Свиная голова — его мечта; для приобрѣтенія ея онъ отдаетъ крестьянину всѣ свои наличныя деньги, и разъ ему удалось ее добыть, онъ просто шалѣетъ отъ счастья. Всѣ цыгане, мужчины и женщины, страстно любятъ курить и по цѣлымъ днямъ не выпускаютъ изо рта глиняныхъ трубокъ. Это пристрастіе доходитъ до того, что когда у нихъ нѣтъ табаку, они берутъ чубукъ и кладутъ его въ ротъ тѣмъ концомъ, которымъ втыкаютъ въ трубку, и наслаждаются тѣмъ болѣе, чѣмъ больше онъ пропитанъ ѣдкимъ и горькимъ табачнымъ сокомъ, или выбиваютъ изъ трубки пепель, скатываютъ его въ шарики и сосутъ ихъ одинъ за другимъ по нѣскольку часовъ къ ряду. Эта страсть доходитъ до того, что они легче переносятъ голодь, чѣмъ недостатокъ въ табакѣ. Венгерскій цыганъ, если ему отказываютъ дать подаваніе и щепотку табаку, проситъ хотя пепель изъ трубки.

Самое любимое ремесло цыгана — кузнечное, въ которомъ онъ обнаруживаетъ замѣчательную ловкость. Склонность къ этому ремеслу воспитывается привычкой, передается отъ отца къ сыну и развивается съ ранняго дѣтства. Молодой цыганъ очень рано приучается владѣть кузнечнымъ мѣхомъ, но вся эта наука ограничивается умѣньемъ дѣлать гвозди. Желѣзо, какое только можно содрать со скамеекъ, стоящихъ на открытомъ воздухѣ, съ надгробныхъ памятниковъ, выброшенныхъ подковы и замки, — все это непременно попадаетъ подъ его молотокъ. Поэтому множество цыганъ всегда селится по соседству съ кузницей и приготовляетъ для торговли огромное число гвоздей.

Еще недавно множество цыганъ занималось продажей и покупкою лошадей. Купивъ негодную для работы лошадь, или, еще чаще, вымѣнявъ ее на какой-нибудь хламъ, а нерѣдко и утащивъ ее, онъ приводилъ ее на ярмарку, выхвалялъ ея силу и ловкость. Когда собравшіеся вокругъ него крестьяне начинали недовѣрчиво смѣяться, онъ вскакивалъ въ сѣдло, кляча вмгъ преображалась и начинала нести своего всадника во весь опоръ. Эта внезапная перемѣна происходила потому, что гвозди, которые цыганъ подложилъ подъ сѣдло, впивались въ тѣло несчастной лошади, и она дѣлала послѣднія усилія, чтобы избавиться отъ нихъ. Такой маневръ прежде удавался цыгану, и въ толпѣ всегда находился довѣрчивый крестьянинъ, который тутъ же покупалъ лошадь, а та послѣ этого уже не двигалась съ мѣста. Пока покупатель осматривалъ свою покупку и собирался сѣсть на нее, цыганъ уже скрывался. Приученные опытомъ, крестьяне теперь только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ покупаютъ лошадей у цыгана. Много также наживалъ онъ прежде приготовленіемъ любовнаго напитка, но нынче народъ вообще менѣе довѣрчивъ, и лишь молодыя мадьярки, и то обыкновенно потихоньку, подходятъ къ какой-нибудь старухѣ-цыганкѣ и просятъ ее предсказать будущее или погадать на картахъ (какъ это изображено на нашей картинкѣ). Кромѣ кузнечнаго мастерства цыгане занимаются починкою котловъ, полудою посуды и выдѣлкою кирпичей. Какъ и подлѣ кузницы, у cadaго кирпичнаго завода всегда множество цыганскихъ жилищъ и шалашей. Нѣкоторые изъ нихъ нанимаются подмастерьями у каменщиковъ. При случаѣ каждый цыганъ проситъ милостыню, но при этомъ онъ никогда не выдаетъ себя за калѣку и отходить съ пѣснями и пляскою даже часто и тогда, когда ему отказываютъ.

У кочующихъ цыганъ есть опредѣленныя мѣстности, которыя они посѣщаютъ отъ времени до времени, разбивая свои шатры для ночлега въ извѣстныхъ пунктахъ въ лѣсу, на лугу, подъ мостомъ. Всѣ хорошо знаютъ, въ какое время появится въ извѣстной мѣстности тотъ или другой таборъ, и въ Венгріи къ нимъ вовсе не относятся враждебно. Если случится, что таборъ не явится въ срокъ, это означаетъ, что дѣла его не ладны. Такіе кочевники цѣлый годъ разъѣзжаютъ по странѣ, и въ одной, въ двухъ телѣжкахъ перевозятъ весь свой скарбъ. Странное зрѣлище представляютъ эти телѣжки, набитыя смуглыми, грязными, голыми дѣтьми, въ перемѣжку съ битой посудой, котлами

и молотами. Въ каждой телѣжкѣ непременно одна, двѣ свиньи: какъ бы ни былъ бѣденъ цыганъ, онъ всегда держитъ нѣсколько штукъ этихъ животныхъ.

Кто бы онъ ни былъ, кочевникъ или полуосѣдлый житель, онъ непременно музыкантъ, и наиболѣе талантливые изъ цыганъ выбираютъ это ремесло своею спеціальностію и иногда такъ много зарабатываютъ имъ денегъ, что даже даютъ своимъ дочерямъ порядочное приданое. Но громадное большинство и въ ихъ средѣ все, что зарабатываетъ, то и проживаетъ. Цыгане-музыканты играютъ весьма видную роль въ жизни мадьяръ всѣхъ классовъ общества: безъ нихъ не устраивается никакого праздника, не бываетъ пирушки въ трактирѣ; многіе помѣщики въ конецъ разоряются на нихъ. Во время помѣщичьей вечеринки цыгане не только получаютъ плату отъ хозяина, но ходятъ собирать и у присутствующихъ, и каждый гость долженъ бросить имъ не менѣе гульдена; Боже сохрани, если кто нибудь не соблюдетъ этого обычая, особенно если это иностранецъ: мадьярскій помѣщикъ сочтетъ это за личную обиду, за презрѣніе къ его національной музыкѣ.

Цыгане-музыканты никогда не учатся по нотамъ, а только по слуху, никто изъ нихъ не прославился, какъ композиторъ, ничего не внесъ новаго въ мадьярскую музыку; не смотря на это, они выполняютъ мадьярскія мелодіи на скрипкѣ, басѣ, цимбалахъ, кларнетѣ и изрѣдка на духовыхъ инструментахъ съ необыкновенною страстью.

Венгерскіе цыгане въ молодости отличаются положительной красотой: станъ ихъ строенъ и граціозенъ, ростъ рѣдко выше средняго, смуглое лицо не краснѣетъ даже и во время гнѣва, когда у нихъ блѣднѣютъ только губы: у нихъ прекрасные, черные, вьющіеся волосы, густота и блестящій черный цвѣтъ которыхъ сохраняется обыкновенно даже и въ глубокой старости; темные глаза съ безпокойнымъ, лихорадочнымъ блескомъ отгнѣнены длинными черными рѣсницами; въ маленькомъ, прекрасно очерченномъ ртѣ блестятъ великолѣпные зубы. Между дѣвушками многія поражаютъ своей красотой, но это бываетъ лишь въ ранней молодости, а затѣмъ лица ихъ принимаютъ все болѣе злобное выраженіе, онѣ быстро худѣютъ, черты становятся все болѣе рѣзкими и въ старости онѣ напоминаютъ настоящихъ вѣдьмъ.

Къ религіи цыгане совершенно равнодушны. Каждый изъ нихъ номинально признаетъ религію той мѣстности, въ которой живетъ въ данную минуту. Вслѣдствіе этого кочевники-цыгане бываютъ то католиками, то лютеранами, то кальвинистами. Если есть чистая одежда, многіе изъ нихъ чрезвычайно охотно отправляются въ церковь. Однажды, въ одноиъ округѣ, священникъ замѣтилъ, что цыгане очень часто стали принимать причастіе. Онъ разсказалъ объ этомъ въ помѣщичьемъ домѣ. Мадьярская дама, въ присутствіи которой разсуждали объ этомъ, увѣренно сказала: «Графиня NN прислала вамъ для причащенія прекрасное вино; однажды попробовавъ его, цыгане не хотятъ лишаться себя этого удовольствія». Священникъ къ слѣдующему разу налилъ для причастія плохого вина, да еще прибавилъ къ нему уксусу. Онъ тотчасъ замѣтилъ, какъ стали морщиться принимавшіе причастіе цыгане и какъ они переглядывались другъ съ другомъ. Послѣ этого они уже не приходили болѣе причащаться.

Въ богатыхъ дворянскихъ домахъ держатъ обыкновенно по нѣсколько человѣкъ цыганъ, и прислуга вваливаетъ на нихъ самыя тяжелыя и грязныя работы, что же касается господъ, то они дѣлаютъ ихъ обыкновенно разсылными, посылаютъ ихъ со всевозможными порученіями, довѣряютъ имъ секретныя дѣла, письма, драгоценныя вещи для передачи, большія денежныя суммы. Сломанная сковорода, выброшенная подкова, желѣзныя вещи и другія мелочи и бездѣлушки, но особенно лошади имѣютъ привлекательную силу для цыгана; онъ всегда крадетъ ихъ, когда для этого представится удобный случай, если къ тому же онъ въ это время голоденъ, но даже и въ самыя тя-

желые періоды жизни онъ никогда не поступаетъ въ воровскую шайку, никогда не совершаетъ взломовъ, грабежей и насилій. Разъ онъ поступилъ въ услуженіе, онъ сытъ и одѣтъ, и помѣщики безъ опасенія вручаютъ ему самыя большія денежныя суммы для передачи, потому что въ такихъ случаяхъ онъ отличается замѣчательною честностью, исполнительностью и аккуратностью. Основными качествами цыгана вездѣ и всегда можно считать лишь безпредѣльное легкомысліе, полнѣйшую беззаботность, склонность къ лѣни и веселью; онъ не знаетъ никакой заботы о будущемъ: если онъ добылъ сегодня много, онъ все прокутитъ, но ничего не прибережетъ на завтра; что бы онъ ни сдѣлалъ, онъ не знаетъ ни скорби, ни раскаянія; какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, какъ бы часто ему ни приходилось голодать и холодать, онъ никогда не тяготится своей нищетой, всегда доволенъ всѣми и собой, всегда веселъ, если только онъ въ обществѣ себѣ равныхъ, гдѣ болтовня, смѣхъ, остроты и шутки, пѣніе и танцы никогда не прекращаются. Какъ безконечно счастлива толпа цыганъ, если одинъ изъ нихъ въ танцахъ выкинетъ какую нибудь трудную штуку. Когда онъ можетъ наѣсться до-сыта, нѣсколько часовъ сряду сосать свою любимую трубку и баклушничать, его лицо сіяетъ блаженствомъ. Ни въ одномъ цивилизованномъ обществѣ не найдешь такой солидарности, такой готовности всѣмъ подѣлиться другъ съ другомъ, какая существуетъ между членами вочующаго табора. У нихъ въ полномъ смыслѣ господствуетъ правило: «одинъ за всѣхъ и всѣ за одного, и что мое—то твое».

Евреи, какъ и цыгане, всегда были разбѣяны по всей странѣ; но они представляютъ съ ними совершенную противоположность: это въ высшей степени трудолюбивый, заботливый народъ, страстно стремящійся къ пріобрѣтенію и наживѣ. Прежде по законамъ венгерскимъ евреи не имѣли права на владѣніе землею; только въ вольныхъ королевскихъ городахъ они могли пріобрѣтать и владѣть недвижимыми имуществами; въ горнозаводскихъ же городахъ и мѣстечкахъ они не смѣли арендовать себѣ и клочка земли; сверхъ того имъ не было дозволено торговать винами въ Верхней Венгріи, изъ опасенія, что они станутъ ихъ поддѣлывать и вина такимъ образомъ утратятъ свою всесвѣтную извѣстность. По закону 1840 года было дозволено евреямъ, рожденнымъ въ странѣ или имѣющимъ право на поселеніе въ ней, жить вездѣ безпрепятственно, гдѣ они пожелаютъ, торговать, устраивать фабрики и заводы, заниматься ремеслами, науками и искусствами, а въ вольныхъ королевскихъ городахъ даже покупать земли. Въ 60-хъ гг., въ министерство графа Голуховскаго, они получили право владѣть недвижимымъ имуществомъ. Но такъ какъ гр. Голуховскій ограничилъ этотъ законъ для Галичины такимъ образомъ, что земли въ этой странѣ могутъ покупать только евреи грамотные и сами обрабатывающіе землю, а для Венгріи этого ограниченія не существовало, то галицкіе евреи стали массами выселяться въ эту страну. Ихъ привлекаютъ сюда многія другія привилегіи и причины. Венгерскіе дворяне, привыкшіе во время крѣпостнаго права жить съ большою роскошью, теперь, послѣ освобожденія крестьянъ, стали все чаще и чаще прибѣгать къ продажѣ своихъ громадныхъ помѣстій или къ отдачѣ ихъ въ аренду. Покупщиками огромныхъ помѣстій стали постепенно являться исключительно евреи, такъ какъ въ ихъ рукахъ скопились почти всѣ оборотные капиталы. Многія богатѣйшія и великолѣпныя мадьярскія помѣстья, вѣками переходившія отъ отца къ сыну, теперь принадлежатъ евреямъ. И съ каждымъ годомъ, во всей странѣ, гдѣ живутъ мадьяры, помѣстья, одно за другимъ, переходятъ въ ихъ руки. Замѣчательно, что мѣстности, населенныя другими племенами, какъ напримѣръ Трансильванія, оказались менѣе податливыми въ этомъ отношеніи: здѣсь евреи еще далеко не все успѣли захватить въ свои руки; тоже самое можно сказать и о Банатѣ. Но въ самой Венгріи въ руки евреевъ переходитъ все больше земель. Тѣ мадьярскіе помѣщики, которые еще не про-

дали евреямъ своихъ помѣстій, имъ же отдали ихъ въ аренду: опять-таки потому, что евреи-арендаторы даютъ несравненно болѣе высокую арендную плату, чѣмъ мадьяры и нѣмцы. Евреи выручаютъ эту аренду съ лихвой, понизивъ путемъ хищническаго хозяйства капитальную цѣнность имѣнія. Особенно вредно для страны то, что они, чтобы получить болѣе большой доходъ, вырубаютъ лѣсъ часто до такой степени, что послѣ ихъ хозяйства онъ оказывается совершенно истребленнымъ. Они создаютъ себѣ монополию въ этой странѣ не только въ земельныхъ арендахъ, но въ промышленности и торговлѣ, стараясь держать сельскій рабочій людъ въ полной отъ себя зависимости. Когда новый еврей является въ мадьярскую деревню, онъ заводитъ себѣ списокъ всѣхъ жителей, съ обозначеніемъ величины, качества и количества ихъ участковъ. До тѣхъ поръ, пока участокъ крестьянина достаточно великъ, еврей даетъ ему въ долгъ деньги и отпускаетъ въ кредитъ всѣ жизненные продукты. Но если крестьянинъ, по мнѣнію еврея, забралъ у него уже очень много, и нельзя рассчитывать на то, что хорошій урожай или заработокъ заимодавца покроетъ долгъ, тогда онъ отправляется съ жалобою въ судъ, и участокъ крестьянина-должника переходитъ въ его руки. Такимъ образомъ въ Венгріи переходятъ въ еврейскія руки и крестьянскіе поземельные участки. Если и въ будущемъ дѣла пойдутъ такимъ же образомъ, то черезъ 20, 25 лѣтъ половина мадьярской земли станетъ собственностію евреевъ.

Евреи живутъ здѣсь превосходно, и мало-мальски зажиточные изъ нихъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы ничѣмъ не отличаться отъ истыхъ мадьяръ, этого господствующаго и власть имѣющаго въ странѣ народа. Этому отчасти способствуетъ то обстоятельство, что евреямъ здѣсь не запрещаютъ мѣнять своихъ фамилій и всѣ они принимаютъ мадьярскія. Такимъ образомъ теперь можно видѣть въ политикѣ, промышленности, печати, наукѣ евреевъ, занимающихъ первыя мѣста подъ мадьярскими именами. Вмѣстѣ съ именами они стараются носить и національный мадьярскій костюмъ.

Дворяне: ихъ значеніе прежде и теперь. — Мелкая шляхта. — Сельскіе помѣщики: ихъ характеръ, жизнь, нравы и широкое гостепримство. — Магнаты и ихъ значеніе въ странѣ. — Одежда мужчинъ и женщинъ высшихъ классовъ общества.

Самыя выдающіяся черты мадьярскаго дворянства — самоувѣренность, гордость, любовь къ праздности и роскоши. И это будетъ вполне понятно, если мы вспомнимъ ихъ прошлое.

Король венгерскій св. Стефанъ, имѣя полную возможность сдѣлаться неограниченнымъ властителемъ, даровалъ странѣ конституцію, на что мадьяры всегда указываютъ съ особенною гордостью. И дѣйствительно, конституція св. Стефана самая древнѣйшая въ Европѣ, такъ какъ она дана была въ самомъ началѣ XI вѣка. Но она уже съ древнѣйшихъ временъ носила чисто-аристократическій характеръ: король не имѣлъ права издавать законы, объявлять войну, собирать налоги безъ согласія сейма. Дворяне долгое время имѣли право сопротивляться своему государю, въ случаѣ, если бы онъ захотѣлъ умалить ихъ права. Это видно изъ клятвы короля, которую онъ обязанъ былъ произносить, вступая на престоль: «Если мы или наши преемники захотимъ нарушить правила этой конституціи, то епископы и дворяне этой страны, всѣ и каждый въ отдѣльности, будутъ всегда имѣть право сопротивляться намъ и нашимъ преемникамъ и за это не могутъ быть обвиняемы въ государственной измѣнѣ».

Феодальное право, какъ мы уже знаемъ, развилось здѣсь со временемъ, какъ и въ западной Европѣ. Вслѣдствіе этого жители раздѣлились на два главныхъ класса, на «populus» и «plebs». О людяхъ, принадлежащихъ къ послѣдней категоріи, мы уже дали

понятіе; теперь поговоримъ о другой части населенія, извѣстной подъ названіемъ «*propulus*». Подъ ними венгерскіе законы подразумѣвали только три слѣдующіе разряда населенія: прелатовъ, бароновъ и другихъ магнатовъ и, наконецъ, всѣхъ дворянъ.

Мы уже знаемъ, что категорія людей, извѣстныхъ подъ именемъ «*plebs*», не имѣла до 1848 года никакихъ правъ. Лишь жители, принадлежащіе къ «*propulus*», исключительно имѣли право на землевладѣніе, на рыбную ловлю и охоту, на право владѣнія мельницами, корчмами и т. п. Они были освобождены отъ всѣхъ податей, налоговъ государственныхъ, земскихъ и таможенныхъ и только они одни имѣли право и доступъ на государственныя и земскія должности. Лишь дворяне выбирали себѣ судебныхъ и административныхъ чиновниковъ, но содержаніе ихъ оплачивали исключительно крестьяне. Дворяне имѣли право выбирать короля и даже сопротивляться его волѣ, если онъ чѣмъ нибудь ограничивалъ ихъ права. Обладавъ такими прерогативами, венгерскій дворянинъ сталъ считать себя равнымъ королю и лишь почиталъ его за перваго и высшаго чиновника, котораго онъ можетъ удалить, если только тотъ осмѣлится превысить свою власть.

До реформы 1848 г. каждый комитатъ составлялъ своего рода аристократическую республику. На его собранія могъ явиться каждый дворянинъ и подавать свой голосъ. Какъ бы онъ ни былъ бѣденъ или необразованъ, никто не могъ лишить его этой привилегіи, и лишь тяжелое уголовное преступленіе отнимало у него это право. Дворянина нельзя было арестовать за долги; даже въ случаѣ явнаго убійства и разбойничества никто не имѣлъ права тотчасъ схватить его и посадить въ тюрьму: предварительно онъ долженъ былъ получить троекратное приглашеніе явиться на судъ равныхъ себѣ въ комитатскій трибуналъ. И хотя бы такой дворянинъ былъ поденщикомъ и ни слова не понималъ по латыни (языкъ, на которомъ въ то время почти исключительно происходили всѣ пренія), онъ все таки являлся на «конгрегацію» и подавалъ свой голосъ, который пользовался такимъ-же значеніемъ, какъ голосъ перваго магната въ странѣ, какого-нибудь графа или барона. Число такихъ дворянъ было чрезвычайно велико, такъ какъ прежніе короли за различныя заслуги дарили дворянство сразу цѣлымъ деревнямъ. Въ 1840 г. число шляхтичей или мелкихъ дворянъ доходило до 700,000, а въ 1867 г. до 500,000.

Послѣ уничтоженія крѣпостнаго права дворянскія привилегіи были уничтожены, и крестьяне, какъ и дворяне, сдѣлались по закону свободными и равноправными членами государства. Но и теперь еще права простаго народа во многихъ отношеніяхъ остаются номинальными. Такъ напр. правомъ голоса при выборахъ депутатовъ онъ и теперь еще пользуется скорѣе для виду: въ депутаты выбираютъ лишь однихъ господъ. При добродушіи мадьяръ достаточно одного строгаго слова, чтобы руководить цѣлою толпой избирателей: водка, деньги и палки дѣлаютъ остальное. Такимъ образомъ сеймъ въ Пештѣ состоитъ изъ двухъ третей дворянъ и изъ одной трети вѣрныхъ слугъ этихъ дворянъ, которые дѣлаютъ все, что заблагоразсудится господамъ. Обыкновенно хозяева фабрикъ приказываютъ своимъ рабочимъ поддерживать такого-то кандидата, угрожая въ противномъ случаѣ оставить служащихъ безъ куска хлѣба. У людей, пользующихся въ бывшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ правомъ рубки лѣса и выгономъ, отнимается это право въ случаѣ противодѣйствія. Что не удастся сдѣлать чиновникамъ, помѣщикамъ или ихъ клеветамъ, то довершаетъ еврей въ своемъ шинкѣ или хозяинъ чарды. Помощники кандидата снабжаютъ послѣднихъ громадными деньгами, и они усердно подпаяваютъ и угощаютъ своихъ посѣтителей, взявъ съ нихъ слово стоять за того или другаго кандидата. Люди, желающіе добиться кандидатуры въ палату депутатовъ, бросаютъ на подкупы громадныя деньги въ 40, 50 и 60 тысячъ гульденовъ. Клеветы

кандидата отыскиваютъ въ каждой мѣстности округа какой-нибудь трактиръ, гдѣ въ продолженіи двухъ, трехъ мѣсяцевъ, отъ начала приготовленія выборовъ вплоть до ихъ наступленія, всѣхъ общающихся подать голосъ за кандидата, который имъ нуженъ, не только поить, но и выдаютъ имъ извѣстное количество говядины, хлѣба и сыру. Ясно, что депутатами могутъ быть только люди весьма богатые.

Взглянемъ же поближе на эти три класса дворянъ: *магнатовъ*, которыхъ можно сравнить съ англійскими перами, *дворянъ безъ титуловъ*, которые составляютъ, если можно такъ выразиться, аристократическую буржуазію, соответствующую англійской «джентри», и которыми обыкновенно являются сельскіе помѣщики, прежде весьма зажиточные, а теперь все болѣе приходящіе въ упадокъ, и въ 3) наконецъ, *сандальное дворянство*, которыхъ здѣсь такъ много. Эту мелкую шляхту здѣсь называютъ самыми различными именами: «дворянчиками съ одной шпорой», «дворянами въ штанахъ» и, наконецъ, «лаптевыми и сандальными дворянами» (*bocskoros nemes ember*). Въ Венгріи бѣднѣйшіе крестьяне носятъ «*bocskoros*», бочкоры, которые имѣютъ большое сходство съ сандалями; въ полотняныхъ штанахъ тоже ходятъ крестьяне. Хотя громадное большинство шляхтичей употребляетъ всѣ усилія, чтобы выгладѣть настоящими дворянами, но имъ въ насмѣшку даютъ эти клички, чтобы показать, что они ничѣмъ не отличаются отъ крестьянъ и еще бѣднѣ самыхъ бѣдныхъ изъ нихъ. Иностранцы называютъ обыкновенно этотъ классъ мелкихъ дворянъ «крестьянскимъ дворянствомъ». И дѣйствительно, многіе изъ нихъ чрезвычайно бѣдны, но только въ самыхъ рѣдкихъ исключеніяхъ они берутся за простой трудъ; до сихъ поръ они кичатся своими правами, которыя, особенно прежде, приравнивали ихъ къ самой высшей знати. Лѣнь у нихъ въ крови; отцы въ наследство оставили имъ самые пошлые инстинкты. Они и теперь, по примѣру своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, ведутъ распутную жизнь и до сихъ поръ могутъ ничего не дѣлать, благодаря самымъ безцеремоннымъ подкупамъ на выборахъ. Они имѣютъ значеніе теперь только своею численностію и общими интересами, такъ какъ у всѣхъ у нихъ одни и тѣ же цѣли. Люди, желающіе быть выбранными въ депутаты, дѣлаютъ ихъ своими агентами въ борьбѣ при выборахъ, за что они получаютъ изрядные куши. Въ такое время эти мелкіе дворяне разъѣзжаютъ по мѣстности, говорятъ рѣчи и подкупаютъ голоса въ пользу своего мецената, который потомъ старается вернуть издержки по выборамъ, участвуя въ акціонерныхъ обществахъ.

Для всякой страны большое несчастье имѣть много дворянъ; въ Венгріи же цѣлая армія требовательнаго, неразвитаго, алчнаго дворянства, и это великое для нея несчастье, ея настоящая язва. Можно себѣ представить, какой ужасный примѣръ подають низшимъ классамъ, сколько беззаконныхъ дѣлъ творится, какъ непроизводительно тратятся силы страны, когда огромная армія въ 500,000 человекъ, ничего не имѣя, ничего не зарабатывая, желаетъ пить, ѣсть и кутить по дворянски. Пусть посмѣетъ ктонибудь изъ власть имѣющихъ лицъ отказать такому дворянчику въ мѣстѣ съ приличнымъ окладомъ,—о, тогда берегись... если только у обиженнаго широкое горло, онъ своими интригами, умѣнемъ вездѣ пролѣзть, возможностью всюду бывать, безцеремонною клеветою много навредить отказавшему ему. И дѣйствительно, народъ этотъ умѣетъ втерѣться и въ кружокъ людей образованныхъ, и къ высокопоставленнымъ лицамъ, и всѣ ихъ боится, такъ какъ они имѣютъ даръ ловко очернить человека, который имѣлъ несчастье навлечь на себя ихъ неудовольствіе. Да имъ ни въ чемъ и не отказываютъ: каждый старается пріискать имъ мѣсто съ приличнымъ окладомъ, только сами они рѣдко берутъ на себя какую-нибудь должность, сопряженную съ трудомъ. Они отлично умѣютъ кутить, а иногда даже и жить широко, почти исключительно получая доходъ съ выборовъ и интригъ. Если «лаптевое дворянство» и выбираетъ себѣ какую-нибудь обще-

ственную дѣятельность, то это обыкновенно юридическая карьера: она болѣе другихъ считается приличною для дворянства и даетъ наиболѣе правъ къ достиженію должностей. Вслѣдствіе того, что въ Венгріи такъ много людей ничего не дѣлающихъ, постоянно разсуждающихъ о политикѣ, людей, отъ природы одаренныхъ ораторскими способностями, тутъ существуетъ множество различныхъ партій.

На всемъ пространствѣ, гдѣ только живутъ мадьяры, никогда не прекращается борьба между ними. Ни одинъ народъ не жертвуетъ на эту борьбу столько времени и силъ. Каждая партія имѣетъ одного, двухъ предводителей: они собираютъ сходки, произносятъ рѣчи, распространяютъ извѣстныя политическія мнѣнія, внушая ихъ своимъ приверженцамъ съ необыкновенною точностію. Всѣ остальные члены этой партіи боятся отступить, произнести хоть одно слово, которое можетъ показаться не вполне точною формулировкой мнѣнія своего предводителя. Попробуйте поговорить съ нѣсколькими господами объ одномъ и томъ же политическомъ вопросѣ, волнуемомъ въ данную минуту обществомъ. Если эти люди принадлежатъ къ одной партіи, то они не только будутъ высказывать одни и тѣ же убѣжденія и взгляды по этому вопросу, но будутъ излагать и формулировать ихъ въ одномъ и томъ же порядкѣ, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Многие изъ нихъ до такой степени боятся своихъ предводителей, такъ опасаются, чтобы ихъ не уличили въ разрывѣ съ своею партіею, что подъ конецъ они утрачиваютъ даже свой собственный способъ выраженія. Члены одной партіи или единомышленники связаны между собою крѣпкими узами. Ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ ничего предпринять, что непосредственно не исходитъ отъ предводителя.

Въ венгерскихъ деревняхъ живутъ не только крестьяне, но и дворяне, начиная отъ богатѣйшихъ магнатовъ, которые, владѣя землями во многихъ округахъ, проживаютъ княжескій доходъ отъ 60,000 до 300,000 австрійскихъ гульденовъ ежегодно, и отъ зажиточнаго помѣщика до «лаптевыхъ дворянъ».

Посмотримъ, какъ живутъ сельскіе дворяне-помѣщики. Съ внѣшней стороны домъ помѣщика отъ крестьянской избы отличается только тѣмъ, что онъ немного выше ея, гораздо больше и съ болѣе основательными стѣнами. Здѣсь впрочемъ часто и дома людей высшей аристократіи построены по тому же плану, какъ и крестьянскія избы. Но нерѣдко въ домахъ, съ виду даже мизерныхъ, вы встрѣтите замѣчательный комфортъ, блескъ и роскошь; такъ было особенно прежде, теперь же, въ большинствѣ случаевъ, лишь остатки прежняго величія. Вотъ обычный видъ усадьбы сельскаго помѣщика: посреди деревни стоятъ длинный, одноэтажный жилой домъ, съ широкими открытыми стѣнами и съ подиальными картинами на фронтонѣ. Съ обѣихъ сторонъ къ дому примыкаетъ множество отдѣльныхъ небольшихъ построекъ, служащихъ жилищами разнаго рода прислуги: повара, дворецкого, кучера, лакеевъ, цѣлой арміи горничныхъ и служащихъ. Передъ домомъ разстилается большое пустое пространство, однообразіе котораго нарушаютъ нѣсколько тополей, колодезь и каретный сарай. Это пустое пространство окружено обыкновенно садомъ, конюшнями, хозяйственными постройками и непременно нѣсколькими совершенно развалившимися строеніями; хозяинъ дома нисколько не думаетъ о томъ, чтобы ихъ возобновить или окончательно срыть и очистить мѣсто; мало того, если даже его собственный домъ, въ которомъ онъ живетъ, начнетъ разрушаться, онъ не скоро соберется его починить.

Хозяинъ дома отличается добрымъ, простодушнымъ характеромъ и необыкновеннымъ консерватизмомъ своихъ убѣжденій: какъ человѣкъ съ весьма ограниченнымъ образованіемъ, съ узкими взглядами, онъ съ ненавистью смотритъ на всѣ перемѣны въ отечествѣ. Онъ человѣкъ горячій и экспансивный, со множествомъ антипатій, часто немѣющихъ между собой ничего общаго. Онъ отъ всей души ненавидитъ всѣхъ нѣмцевъ

и называетъ ихъ не иначе, какъ «ганноверскими крысами», но также съ пѣною у рта говоритъ онъ о національныхъ писателяхъ, если только они въ своихъ произведеніяхъ высказываютъ желаніе какихъ нибудь реформъ, или если они критически отвеслись къ какимъ нибудь обветшалымъ учрежденіямъ своей конституціи, представляли въ смѣшномъ видѣ устарѣлые обычаи. Манеры такого помѣщика далеко не отличаются эlegantностію съ точки зрѣнія салоннаго этикета: онъ прежде всего чрезвычайно простъ въ обхожденіи, говоритъ съ юношескимъ энтузіазмомъ, всегда вполнѣ искренно и задушевно; на все, что ему не нравится, нападаетъ въ высшей степени рѣзко, бранитъ не стѣсняясь въ выборѣ словъ и выраженій. Это простое обхожденіе и фамиллярный тонъ не мѣняются и съ низшими. Онъ не любитъ, чтобы слуга вытягивался передъ нимъ въ струнку, вскакивалъ при его появленіи; онъ требуетъ, чтобы его приказаніе было исполнено, и если это осуществляется, онъ видитъ въ этомъ признаніе своего авторитета, а затѣмъ какъ ему поклонятся, сидѣть или стоять будутъ въ его присутствіи, на это онъ не обращаетъ вниманія. Главная его забота, — чтобы слуга работалъ на столько, чтобы онъ, помѣщикъ и дворянинъ, всласть могъ наслаждаться ничегонедѣланіемъ. И какъ работать ему, дворянину, что работать, когда его отцы и дѣды никто никогда ничего не дѣлали. Развѣ старики были глупѣе его и, наконецъ, развѣ работа дворянское дѣло? Стихотвореніе Петѣфи «Мадьярскій дворянинъ» представляетъ сатиру на дворянъ, жившихъ во время крѣпостнаго права; съ тѣхъ поръ ихъ характеръ и понятія мало измѣнились. Вотъ въ періодъ это стихотвореніе: «Кровавый мечъ моихъ предковъ виситъ на крючкѣ, ржавчина съѣдаетъ его, онъ не блеститъ. Я — мадырскій дворянинъ. Жизнь только бездѣйствіе, я живу, потому что лѣнюсь. Пусть же работаетъ крестьянинъ. А я — мадырскій дворянинъ. Эй, мужикъ, выравнивай же хорошенько дорогу. Вѣдь ты даешь подводы. Что же? Не буду жъ я ходить пѣшкомъ. Я — мадырскій дворянинъ. Не посвящать ли себя наукѣ? Но вѣдь ученые всѣ бѣдняки! Нѣтъ, не буду писать; правда, есть одна наука, въ которой у меня нѣтъ соперника: я умѣю хорошо ѣсть и пить. Я — мадырскій дворянинъ. Прекрасно, что я не долженъ платить податей. У меня ижѣніе большое, но есть за то большіе долги. Я — мадырскій дворянинъ. Какое мнѣ дѣло до отечества, до тысячи его бѣдствій! Вѣдь умремъ же и мы. Я — мадырскій дворянинъ. По древнему обычаю, въ домѣ предковъ, проведу я всю свою жизнь съ трубкою въ зубахъ. Ангелы унесутъ меня въ небо. Я — мадырскій дворянинъ.»

Не менѣе рѣзка другая его сатира: «На лавку кладутъ мошенника, чтобы расплатиться съ нимъ за его грѣхи палкой. Онъ кралъ, грабилъ и чортъ знаетъ, чего только не выдѣлывалъ. Но онъ кричитъ, сопротивляясь: «не трогайте меня, я благородный, а вы не смѣете бить благороднаго». Духъ его униженныхъ предковъ, слышалъ ли ты это слово? Теперь слѣдовало бы протянуть его не на лавку... а на висѣлицу».

Сельскіе помѣщики безъ громкихъ титуловъ холодно и презрительно относятся къ магнатамъ. Отчасти это происходитъ потому, что всѣ венгерскіе дворяне были равны передъ закономъ и простой помѣщикъ никогда не можетъ поставить одного дворянина выше другаго; съ другой стороны это можно объяснить боязнью, чтобы «надменный аристократъ», какъ онъ его называетъ, не подумалъ, что онъ, помѣщикъ и дворянинъ, можетъ заискивать въ комъ бы то ни было. Конечно, такіа натянута отношенія происходятъ и вслѣдствіе общечеловѣческой слабости — зависти къ привилегированному и обыкновенно хорошо въ матеріальномъ отношеніи обеспеченному положенію магната. При страсти помѣщика побесѣдовать съ пріятелемъ на счетъ предстоящихъ выборовъ, горячо поспорить о политикѣ вообще и о мадырской въ особенности, кажется, онъ долженъ былъ бы любить чтеніе, между тѣмъ онъ отличается совершеннымъ равнодушіемъ къ какому бы то ни было литературному произведенію, кромѣ газетъ. Если у такого помѣ-

щика валяется гдѣ нибудь въ домѣ 5. 6 старыхъ книгъ, которыя ему достались въ наслѣдство отъ отца, онъ ихъ перелистываетъ иногда, но и то не иначе, какъ въ дурную погоду и когда онъ рѣшительно не знаетъ, какъ убить свое время; если у кого нибудь изъ нихъ и существуетъ небольшая библіотека, она обыкновенно свалена въ темный уголь или заброшенный чуланъ. Свое равнодушіе къ книгамъ мадыры въ большинствѣ случаевъ оправдываютъ тѣмъ, что чтеніе убиваетъ оригинальность мысли. Купить книгу, по ихъ мнѣнію, все равно, что надѣть нѣмецкія штаны, а такого преступленія никогда не сдѣлаетъ почтенный помѣщикъ. «Когда я куплю лошадь или хорошее ружье», говорилъ одинъ изъ нихъ, «у меня что нибудь остается и можетъ отъ времени до времени служить къ моему развлеченію; книги же могутъ только неподвижно лежать на столѣ». Такое равнодушіе къ чтенію весьма понятно: въ молодости дворяне ничему основательно не учились, имѣютъ поверхностныя понятія о самыхъ элементарныхъ предметахъ и явленіяхъ природы: все свободное время было потрачено на изученіе языковъ. Даже и до сихъ поръ между мадырскими дворянами существуетъ понятіе, — чѣмъ человекъ богаче и знатнѣе, тѣмъ онъ обязанъ знать большее количество иностранныхъ языковъ. Не только знать, но и умѣть бѣгло говорить по англійски, по французски, по нѣмецки, а теперь и по мадырски считается обязательнымъ для порядочнаго человека. Но для венгерскаго помѣщика, кромѣ культурныхъ языковъ, необходимо знать языки по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ народностей, населяющихъ его страну. Ему волей-не-волей приходится вести дѣла и сталкиваться съ народомъ и потому на сѣверѣ ему необходимо знать языкъ словаковъ, на югѣ — сербовъ, въ Трансильваніи — валаховъ; иной разъ обстоятельства заставляютъ его познакомиться съ итальянскимъ и русинскимъ языками. Это изученіе многихъ языковъ наноситъ здѣсь большой вредъ умственному развитію юношества: оно не только отнимаетъ слишкомъ много времени, но и поселило среди дворянъ убѣжденіе, что въ умѣнны бѣгло болтать на новѣйшихъ языкахъ и заключается настоящее образованіе и развитіе. Когда юноша вполне свободно практически освоился съ языками, приобрѣлъ въ нихъ настоящій акцентъ, а теоретически знаетъ правильно читать и писать, они не служатъ ему для того, чтобы въ подлинникъ изучать иностранную литературу... Нѣтъ, въ это время ему минуло 16 — 17 лѣтъ, и онъ со всею страстью горячаго мадырскаго темперамента бросился, если еще не въ политическую борьбу, то въ горячіе споры о ней, употребляетъ все усилія первенствовать между товарищами въ произнесеніи рѣчей, дѣтскихъ и наивныхъ по содержанию, но быстро улучшающихся по формѣ. Гдѣ же тутъ найти время для серьезнаго чтенія? У молодаго человека весь день проходитъ въ обсужденіи газетныхъ статей, въ спорахъ и разговорахъ о политикѣ, выборахъ, въ посѣщеніяхъ другъ друга и сборищъ единомышленниковъ своей партіи, для чего онъ всегда готовитъ сразу нѣсколько рѣчей, наконецъ въ охотѣ и особенно въ кутежахъ и попойкахъ, которые играютъ въ жизни дворянъ видную роль. Такое времяпрепровожденіе не даетъ ему возможности даже подготовиться къ своему хозяйству, и когда отецъ передаетъ помѣстье сыну, онъ ведетъ его спустя рукава, не имѣя о немъ ни малѣйшаго понятія. Хотя дворяне-помѣщики остаются большими спорщиками и политиками и въ пожилыхъ лѣтахъ, но юношескій пылъ и задоръ остываютъ съ каждымъ годомъ, и ихъ мѣсто заступаетъ непроходимая лѣнь. Хозяйственныя постройки, на которыя помѣщикъ прежде, какъ и на все хозяйство, мало обращалъ вниманія, теперь разваливаются и падаютъ одна за другой, и онъ чинитъ только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ оказывается вопіющая необходимость; даже собственный домъ начинаетъ поправлять только тогда, когда онъ грозитъ похоронить подъ своими развалинами все его семейство.

Все эти помѣщики отличаются широкимъ гостепріимствомъ. Къ какой-бы національности вы ни принадлежали, но если вамъ какъ нибудь удалось разговориться съ од-

нимъ изъ нихъ, если вы въ спорѣ, отстаивая свои убѣжденія, не отнеслись къ нему высокомерно или съ насмѣшкой, и особенно если вы хотя нѣсколько говорите по мадьярски, то приглашеніямъ погостить въ его семействѣ не будетъ конца. Если вы забудете о своемъ обѣщаніи, въ одинъ прекрасный день къ гостиницѣ, въ которой вы остановились, подъѣзжаетъ экипажъ вашего новаго знакомаго, и васъ увозятъ. Гостей любятъ до смѣшнаго: многіе помѣщики даютъ особыя инструкціи сосѣднимъ трактирщикамъ доставлять къ нимъ всѣхъ заѣзжихъ, особенно иностранцевъ. Каждый гость—величайшее развлеченіе для мадьяра, живая газета, лицо, отъ котораго безъ чтенія скучныхъ книгъ можно узнать много новаго, а это очень важно для жаднаго до новостей дворянина. Лишь только вы приближаетесь къ дому, множество слугъ выбѣгаетъ къ вамъ на встрѣчу, и, не говоря ни слова, начинаютъ живо выносить ваши пожитки, нисколько не удивляясь тому, что вы иностранецъ. Здѣсь на посѣщеніе гостя, хотя бы онъ былъ лицо совершенно новое, привыкли смотрѣть, какъ на самое обыкновенное явленіе. Множество гостей не составляетъ для хозяйства большой обузы, такъ какъ въ обычаѣ всегда готовить гораздо больше, чѣмъ это нужно для домашнихъ. Это дѣлается потому, что гости пріѣзжаютъ каждый день. Мадьяръ не можетъ жить безъ гостей: ему каждый день нужно спорить, говорить, горячиться съ постороннимъ челоѣкомъ, и какъ бы помѣщикъ ни былъ бѣденъ, расходы на пріемъ гостей онъ считаетъ мелочными: «говядина, дичь, мука, яйца, зелень, вино», говоритъ онъ, «всегда найдутся въ хозяйствѣ», и при этомъ часто забываетъ, что онъ наканунѣ разоренія. Если гость, проѣхавшись по пыльнымъ дорогамъ, изъявляетъ желаніе напиться, хозяинъ тащитъ его въ свой погребъ, находящійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Вступивъ въ этотъ подземный лабиринтъ, вы прохаживаетесь по разнымъ его галлереймъ. На винные погреба обращаютъ больше вниманія, чѣмъ на остальные предметы хозяйства, и вина обыкновенно расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Вамъ предлагаютъ пробовать самое лучшее. Кромѣ превосходнаго токайскаго, которое найдете въ погребѣ каждаго мало-мальски зажиточнаго помѣщика, здѣсь большіе запасы и другихъ прекрасныхъ винъ. Большая часть этихъ винъ—произведеніе собственныхъ виноградниковъ хозяина. Когда возвращаются въ домъ, хозяинъ ведетъ гости въ особую комнату, гдѣ находится собраніе иногда весьма драгоценныхъ и всегда самыхъ разнообразныхъ трубокъ и предлагаетъ ему выбрать одну изъ нихъ,—обычай, заимствованный у турокъ еще во времена ихъ владычества. Если гость отказывается отъ трубки, ему подають сигару и ведутъ къ семейству и остальнымъ гостямъ, между которыми всегда много родственниковъ. У мадьяръ въ высшей степени сильно развиты родственныя чувства, и они считаютъ большимъ для себя оскорбленіемъ, если родственникъ рѣдко ихъ посѣщаетъ и особенно если онъ отсутствуетъ въ большіе праздники. При вашемъ входѣ всѣ задушевно и просто приветствуютъ васъ, и черезъ нѣсколько часовъ вамъ кажется, что вы со всѣми членами этого общества давнымъ давно знакомы,—такъ мило и непринужденно ихъ обращеніе. Дамы чрезвычайно красивы; болѣе всего поражаютъ ихъ большіе, всегда блестящіе черные глаза съ длинными черными рѣсницами. По быстрому переходу отъ мечтательнаго спокойствія, задумчивости и даже грусти къ необузданнѣйшей живости вы всегда узнаете природную мадьярку.

Наступаетъ вечеръ. Въ одной изъ комнатъ люди болѣе пожилые уѣлились за партію въ вистъ; въ другой молодежь танцуетъ. Въ венгерскихъ помѣстьяхъ по вечерамъ главное занятіе молодежи игры, но особенно танцы; безъ танцевъ не проходитъ дня, а если и выдается безъ нихъ какой-нибудь вечерокъ, то съ удвоеннымъ рвеніемъ его наверстають на другой день. И какъ танцуютъ молоденькія барышни: съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ, съ настоящею страстью, при этомъ какая легкость и гра-

ція! Увидавъ мадьяръ, танцующихъ за просто, только между близкими знакомыми, когда ихъ искусство достигаетъ полного совершенства, ни одинъ европейскій танцоръ не осмѣлится ангажировать мадьярку: такъ жалко покажется ему свое собственное искусство. Безпечныя отъ природы здѣшнія дамы, разгорячившись послѣ танцевъ, выбѣгаютъ на холодъ и легко простужаются; вѣроятно вслѣдствіе этого голоса многихъ изъ нихъ чрезвычайно грубы. Не танцующіе стараются васъ занимать, но лишь только замѣчаютъ, что вы этого не желаете, оставляютъ васъ развлекаться, какъ это вы найдете для себя наиболѣе удобнымъ. Вы постоянно видите и чувствуете, что обитатели дома, не смотря на всю свою любезность и предупредительность къ гостю, въ тоже время нисколько не стѣсняются имъ и при немъ, какъ и безъ него, продолжаютъ свои обычные занятія, бесѣды, развлеченія. Когда вы вдоволь налюбовались танцами, вы начинаете прохаживаться по комнатамъ и съ любопытствомъ осматривать внутреннее помѣщеніе. Исключая столовой, двухъ, трехъ сосѣднихъ комнатъ, спеціально назначенныхъ для гостей, всѣ остальные служатъ жильемъ одного изъ членовъ многочисленнаго семейства. На отопленіе этой массы комнатъ выходитъ въ день иногда по цѣлому возу дровъ, что стоитъ въ высшей степени дорого въ этой безлѣсной странѣ. Стѣны разрисованы въ большинствѣ случаевъ довольно безвкусно, на нѣкоторыхъ изъ нихъ изображены семейныя картины и сцены изъ венгерской народной жизни; тамъ и здѣсь висятъ старинное оружіе. Приблизительно около полуночи садятся за ужинъ. Онъ состоитъ изъ супа и изъ трехъ, четырехъ блюдъ. Мадьяры не имѣютъ обычая безпрестанно предлагать и угощать: они ставятъ на столъ множество яствъ и питій и предоставляютъ гостямъ полнѣйшую свободу. Удивительно, какъ весело проходятъ такія семейныя собранія во время обѣда или ужина. Всѣ живо и непринужденно болтаютъ между собой, хохочутъ, перекрикиваютъ другъ друга. Женщины не отстаютъ; одна говоритъ о политикѣ, другая прямо заявляетъ, что ей она такъ надоѣла, что она рѣшительно готова эмигрировать съ родины, лишь бы не слышать болѣе подобныхъ разговоръ; въ этой странѣ партій и вѣчныхъ споровъ о политикѣ такой протестъ весьма естественъ и онъ все чаще слышится теперь среди прекраснаго пола. Но о чемъ бы ни разсуждала мадьярка, она говоритъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ: она вскакиваетъ изъ за стола, съ шумомъ отодвигаетъ стулъ, подбѣгаетъ къ вамъ, выразительно жестикулируя, садится тутъ-же, забывая объ обѣдѣ, бѣжитъ на свое мѣсто, когда ей объ этомъ напоминаютъ, въ ту же минуту опять начинаетъ горячо болтать, и при этомъ все лицо ея горитъ яркимъ пламенемъ. Для нея не могутъ существовать установленный порядокъ и предписанныя приличія. Средняго круга женщина по манерамъ и обращенію не уступитъ ни одной свѣтски-развитой европейской женщинѣ; но только ее никто не училъ въ дѣтствѣ манерамъ, она расхохоталась-бы, если-бы кто замѣтилъ ей, что не слѣдуетъ выскакивать изъ за стола, жестикулировать, долго, а иногда и все время разговаривать только съ тѣмъ, кто почему-либо ее заинтересовалъ. Но между тѣмъ все въ ней грація и простота, и она никогда не оскорбитъ чувство самаго деликатнаго приличія какой-нибудь рѣзкой или неделикатной выходкой.

Послѣ ужина каждый поступаетъ, какъ ему нравится: одни идутъ спать, другіе образуютъ группы для новыхъ безконечныхъ споровъ; большинство молодежи уже опять танцуетъ, старухи вяжутъ, дѣти шалятъ, и никто не напоминаетъ имъ о томъ, что давно пора ложиться; только въ немногихъ семействахъ за этимъ наблюдаетъ гувернантка-иностранка. Большинство не соблюдаетъ въ этомъ отношеніи никакого порядка: дѣти идутъ спать раньше ужина, если того пожелаютъ, иначе продолжаютъ вояться и послѣ него, и только тогда, когда, уткнувшись гдѣ нибудь на диванѣ, они засыпаютъ, ихъ будятъ и заставляютъ идти въ спальню. Уходя спать, каждый изъ членовъ семьи прощается съ гостемъ и со всѣми остальными.

На слѣдующее утро въ домѣ долго царствуетъ полнѣйшая тишина; около 11—12 часовъ вы, наконецъ, выходите на дворъ. Тамъ уже стоятъ два, три молодыхъ человѣка. «Завтракали-ли вы?» спрашиваютъ васъ, «у насъ вѣдь каждый долженъ самъ распорядиться о своемъ завтракѣ, каждый встаетъ, когда проснется, и завтракаетъ, когда и гдѣ ему вздумается». Такимъ образомъ здѣсь не существуетъ общихъ завтраковъ, и одинъ предпочитаетъ это сдѣлать въ 6 ч. утра, другой въ 11, 12 ч., однимъ словомъ каждый дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію. Только гувернантка обыкновенно одиноко разгуливаетъ по саду. Мало-по-малу встаютъ и другіе обитатели дома; мальчики садятся на лошадей, бѣгаютъ по дому, по двору, полямъ и садамъ, кромѣ учебника никогда не берутъ книги въ руки.

Обѣдаютъ здѣсь не въ точно опредѣленное время: одну часть общества поджидаютъ изъ города, другую съ охоты, третью—съ прогулки. Наконецъ всѣ собрались и усѣлись за столъ. Число обѣдающихъ всегда очень велико: 12 — 15 чел., а въ праздники вдвое больше; все это по большей части родственники или сосѣди. Стряпаютъ всегда больше чѣмъ нужно, потому что часто во время обѣда или тотчасъ послѣ него въ ворота, въѣзжаютъ гости; огонь, какъ въ трактирѣ, не угасаетъ отъ 6 час. утра до 12 ночи. За обѣдомъ обыкновенно подаютъ много кушаньевъ; если же въ немъ принимаютъ участіе званые гости, то блюдамъ и конца не видно; бокалы безпрестанно наполняютъ виномъ и одинъ за другимъ произносятъ безконечныя тосты. Послѣ чернаго кофе, который подаютъ послѣ обѣда, дамы садятся за женскія рукодѣлья, мужчины по прежнему болтаютъ, курятъ, а затѣмъ начинаются танцы.

Время въ такомъ семействѣ проходитъ чрезвычайно пріятно: каждое ваше желаніе стараются угадать и предупредить; при этомъ все дѣлается съ такою радостью, что въ концѣ-концовъ вы положительно убѣждаетесь, что каждую свою просьбу, каждымъ выраженнымъ желаніемъ вы доставляете имъ величайшее удовольствіе хотя потому, что разнообразіе ихъ времяпрепровожденіе, и вы не ощущаете ни малѣйшаго опасенія отъ тѣхъ заботъ, которыя вы причиняете. Въ случаѣ, если хозяинъ лично не можетъ удовлетворить васъ, онъ призываетъ на помощь остальныхъ членовъ семейства, своего пріятели или сосѣда и тутъ же, въ присутствіи гостя, среди дружеской, веселой болтовни, всѣ придумываютъ, какъ бы сдѣлать то, что онъ желаетъ, и вовсе не считаютъ это за особенную любезность съ своей стороны.

Чтобы дать читателямъ болѣе полное представленіе о жизни и характерѣ мадыарскаго помѣщика, приведемъ отрывокъ изъ поэмы одного венгерскаго поэта, подъ названіемъ «Баринъ Павелъ Пато»: «Точно заколдованный принцъ живетъ Павелъ Пато одиноко въ своей деревнѣ. Ахъ, такая-ли была бы жизньъ, когда бы молодая жена! «Да, объ этомъ непременно надо подумать!» восклицаетъ Павелъ Пато.

«Домъ весь покосился, штукатурка на стѣнахъ обвалилась, и вѣтеръ Богъ знаетъ куда занесъ часть крыши. Надобно все это исправить, а то небо скоро будетъ просвѣчивать сквозь потолокъ. «Да, объ этомъ непременно надо подумать!» восклицаетъ Павелъ Пато.

«Садъ у него большой, но на грядкахъ роскошно и обильно цвѣтетъ лишь дикій макъ. Отчего слуги такъ лѣнивы, отчего садъ такъ запущенъ? «Да, объ этомъ надо подумать!» восклицаетъ Павелъ Пато.

«Эта куртка, эти брюки такъ изношены, стары, что стыдно въ нихъ и въ люди показаться; стоитъ только позвать портнаго, матеріалъ давно, давно ужъ купленъ! «Да, объ этомъ непременно надо подумать!» восклицаетъ Павелъ Пато.

«Такъ-то влачить онъ свое существованіе, хотя родители оставили ему всего въ изобиліи, но у него ничего нѣтъ. Впрочемъ это не его вина: онъ родился мадыаромъ,

а въ его странѣ старое правило говорить: «да, объ этомъ намъ непременно надо подумать!»

Громадное большинство здѣшнихъ помѣщиковъ продолжаетъ жить, какъ и въ старину, спустя рукава, потому что они еще не привыкли къ своему новому положенію послѣ освобожденія крестьянъ. Ихъ отцы и дѣды жили широко, привольно, весело, шумно, всегда въ большомъ обществѣ гостей, не обращая ни малѣйшаго вниманія на хозяйство. Послѣ 1848 г. наступили новыя времена, но жизнь, какъ мы видѣли, идетъ по старому. Въ то время у нихъ всего было много, было гораздо больше пахотной земли, даровой трудъ; они и понятія не имѣли, чего стоили тѣ житейскія удобства, которыми они себя окружали. Послѣ крестьянской реформы помѣщикъ сталъ ощущать страшное безденежье. За землю, которая была у него отобрана и отошла къ его крестьянамъ, онъ получилъ вознагражденіе отъ государства процентными бумагами, которыя пришлось продать ниже ихъ дѣйствительной стоимости. Прежде у него никогда не было такъ много денегъ сразу, да онъ въ нихъ и не такъ нуждался, поэтому теперь ему казалось, что имъ не будетъ и конца. Между тѣмъ пришлось уплатить кое-какіе долги; тутъ же подоспѣла война за независимость. Великодушіе мадьяръ извѣстно каждому, но оно положительно принимаетъ грандіозные размѣры, когда вопросъ идетъ о какомъ-нибудь пожертвованіи или подпискѣ на патріотическое дѣло. Нѣкоторые англійскіе лорды имѣютъ обычай отдавать въ такихъ случаяхъ 10-ть процентовъ съ своего дохода, — мадьяръ ни въ чемъ не руководствуется опредѣленными правилами, и если для блага родины онъ каждую минуту готовъ пожертвовать жизнью, будетъ ли онъ расчетливъ въ деньгахъ, когда въ нихъ оказывается такая настоятельная потребность. И дѣйствительно, въ это время помѣщики, имѣя деньги въ рукахъ, жертвовали громадныя суммы. Такимъ образомъ деньги скоро были истрачены. Между тѣмъ теперь за все пришлось платить наличными деньгами: крестьянину за его трудъ, да и для обработки полей нужно было обзаводиться полевыми орудіями. При крѣпостномъ правѣ помѣщики не имѣли никакихъ земледѣльческихъ орудій, такъ какъ испоконъ вѣка ихъ рабы приходили отбывать барщину съ собственною упряжью и орудіями. Къ тому же помѣщичьи земли уменьшились теперь и въ объемѣ, такъ какъ часть ихъ отошла къ крестьянамъ, да и та, что осталась, обложена большими налогами, которые распределены чрезвычайно неправильно. Такъ напр. нѣкоторыя мѣстности въ равнинѣ, гдѣ лѣсами часто называютъ деревья, отстоящія другъ отъ друга довольно далеко, а также и участки въ безлюдныхъ мѣстностяхъ, которые, при недостаткѣ путей сообщенія, не имѣютъ никакой цѣны, были обложены такими же налогами, какъ и лѣсные участки, приносящіе большіе доходы. Такимъ образомъ доходы помѣщика уменьшились послѣ 1848 года, а расходы увеличились. Если крупный землевладѣлецъ и теперь желалъ самъ управлять своимъ имѣніемъ, ему приходилось покупать рабочій скотъ и земледѣльческія орудія. Для такихъ затратъ нужны были большія деньги, а онѣ-то и были на исходѣ. Вотъ помѣщики и стали продавать свои помѣстья или отдавать ихъ въ аренду цѣликомъ или по частямъ. Такимъ образомъ были сданы въ аренду огромныя помѣстья знатнѣйшихъ въ странѣ людей: кн. Эстергази и др. Въ настоящее время сданы ли имѣнія въ аренду, или сами помѣщики управляютъ ими, они падаютъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе и даже помѣщичьи усадьбы принимаютъ все болѣе жалкій видъ. Конечно, въ этомъ отношеніи есть и исключенія, но мы говоримъ о большинствѣ. Не смотря на это нынѣшніе помѣщики не умѣютъ перемѣнить своихъ привычекъ. Еще въ городахъ менѣе замѣтно обѣднѣніе дворянъ, но за то оно тѣмъ ярче обнаруживается въ ихъ помѣстьяхъ и сельскомъ хозяйствѣ: все постепенно приходитъ въ разрушеніе.

Бѣдность и оскудѣніе современныхъ помѣщиковъ особенно бросается въ глаза въ деревнѣ потому, что тутъ наглядно можно видѣть, въ какихъ широкихъ размѣрахъ вели свое хозяйство прежніе владѣльцы. Не только большой домъ и множество надворныхъ строеній заставляютъ предполагать объ обширности большого хозяйства, все говоритъ о большой зажиточности помѣщиковъ еще въ очень недавнемъ прошломъ. Передъ домомъ разстилается большой садъ. Войдите въ него теперь, и васъ поразитъ, какъ онъ запущенъ: въ цвѣточныхъ клумбахъ, когда-то правильно разбитыхъ, растетъ лишь сорная трава; дорожки запущены, всюду разросся кустарникъ, тамъ и здѣсь валяются какія-то заржавленные трубы. Всюду беспорядокъ, остатки прежняго величія и слѣды современной нищеты. Двери и окна въ однихъ надворныхъ строеніяхъ полуразрушены, нѣкоторыя постройки покосились, другія лежатъ въ развалинахъ. Чтобы все это привести въ порядокъ, необходима цѣлая армія рабочихъ. Тоже самое впечатлѣніе выносишь, когдаходишь въ домъ: вамъ нерѣдко попадаются на глаза дорогія вазы, изящный хрусталь, прекрасное кресло, обитое дорогою тканью, и тутъ же стулъ съ продыравленнымъ сидѣньемъ; въ нѣкоторыхъ комнатахъ штукатурка со стѣнъ советѣмъ обвалилась, лакировка стола и кроватей стерта, кое-какая мебель безъ ножекъ сдвинута въ уголъ.

Прежде чѣмъ закончить нашъ очеркъ о сельскихъ помѣщикахъ, скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ семействахъ. Мадырки средняго круга, не смотря на страстную любовь къ своимъ дочерямъ, всегда стараются поскорѣе выдать ихъ замужъ. На бракъ здѣсь смотрятъ очень легко; и это имѣетъ нѣкоторое основаніе. Супружество въ дворянскомъ сословіи—свободный договоръ; недаромъ у нихъ и поговорка сложилась: «если не сживемся, другъ мой, такъ разведемся». И дѣйствительно, случаи расторженія брака очень часты. Разводъ считается здѣсь дѣломъ совершенно обыкновеннымъ, и всякій хлопчотъ о томъ, чтобы его можно было совершать еще съ большою легкостью. Въ мадыарскомъ обществѣ господствуетъ мнѣніе, что, коль скоро между мужемъ и женою возникаетъ неприязнь, самое лучшее разойтись и вступить въ новый бракъ. Каждый стоитъ за то, чтобы разводъ совершался все съ меньшими затрудненіями. Этому мнѣнію придерживаются не только люди молодые, но и пожилые. За свободу развода стоятъ здѣсь и духовныя лица. Въ одномъ венгерскомъ городѣ, съ населеніемъ нѣсколько болѣе 4,000 ч., въ 1862 г. было возбуждено 170 бракоразводныхъ процессовъ, и почти все въ средѣ реформатовъ. Разводъ и вступленіе въ новый бракъ нисколько не измѣняютъ отношеній между прежними супругами. Жена выходитъ замужъ за другаго, а ея прежній мужъ посѣщаетъ ея новый домъ, и его принимаютъ въ немъ, какъ и всякаго другаго гостя.

Почти у каждой дамы и дѣвушки своя особая горничная, у cadaго господина и юноши свой особый лакей. Прислуга получаетъ небольшое жалованье, и хотя съ ней обходятся весьма кротко, но она обставлена далеко не такъ комфортабельно, какъ англійская. Служащіе спятъ обыкновенно безъ кроватей, на каменномъ полу, на столахъ и скамейкахъ; но они и не обременены особенно тяжелою работою, да къ тому же и господа не отличаются взыскательностью. Въ большинствѣ случаевъ это народъ очень испорченный лѣнью и ничегонедѣланіемъ своихъ баръ: они обкрадываютъ своихъ невзыскательныхъ господъ и такимъ образомъ на сторонѣ часто прокармливаютъ свои большія семейства. Впрочемъ этотъ огромный зимю штатъ прислуги сильно сокращается лѣтомъ, когда большая часть служащихъ отправляется на поля.

Магнаты владѣютъ самыми большими помѣстьями въ Венгріи: шестая часть всѣхъ земель въ странѣ находится въ рукахъ десяти крупнѣйшихъ землевладѣльческихъ фа-

милій. Эстергази владѣлъ землями, по пространству равнявшимся королевству Вюртембергскому; онѣ заключали въ себѣ 130 деревень, 40 городовъ и 34 замка. Ежегодный доходъ съ этой собственности доходилъ до 20 мил. гульденовъ. Нѣкоторые магнаты и теперь еще имѣютъ свой собственный театръ и свою труппу. «Считая Венгрію», говоритъ одинъ писатель, «аристократической страной, какою она и есть въ дѣйствительности, обыкновенно думаютъ, что вся власть въ ней принадлежитъ магнатамъ. На самомъ дѣлѣ политическое вліяніе этихъ господъ крайне ограничено». Магнаты засѣдаютъ въ верхней палатѣ, но эта палата имѣетъ теперь мало значенія и стоитъ еще ниже, чѣмъ англійская. Это произошло отъ многихъ причинъ и прежде всего оттого, что всѣ сыновья какого-нибудь графа или барона, по достиженіи извѣстнаго возраста, имѣли право засѣдать въ палатѣ, и въ случаѣ смерти отца всѣ они получали по равной долѣ родового наслѣдства. Такимъ образомъ количество законодателей постоянно возростало, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшались и ихъ богатства, слѣдовательно ихъ могущество и значеніе въ странѣ. Не мало уменьшило ихъ обаяніе въ странѣ то, что они въ царствованіе Маріи-Терезіи перебрались въ Вѣну, онѣмечились и онѣмечили своихъ дѣтей. Лѣтъ 40 тому назадъ жилища магнатовъ походили на дворцы королей, и они были полновластными хозяевами своихъ земель. Теперь ихъ доходы сильно поуменились, многіе изъ нихъ продали свои помѣстья евреямъ или отдали ихъ имъ въ аренду; живутъ они уже не въ величественныхъ дворцахъ, а въ домахъ, хотя и до сихъ поръ весьма обширныхъ, но буржуазной наружности. Но и въ настоящее время эти дома открыты для всѣхъ. Вообще жизнь аристократовъ имѣетъ много общаго съ жизнію простыхъ помѣщиковъ, только съ тою разницею, что у нихъ все ведется на еще болѣе широкую ногу. Какъ и простые помѣщики, магнаты чрезвычайно рады гостю, и еще болѣе многочисленная армія прислуги бѣжитъ ему навстрѣчу. У каждаго изъ нихъ для пріѣзжающихъ 5, 6 свободныхъ комнатъ. Къ каждому изъ нихъ, какъ и къ простымъ помѣщикамъ, вы можете войти и будете приняты любезно и гостепріимно безъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ.

Желая онѣмечить мадяръ, Марія-Терезія придумала для этого остроумное средство. Она начала выказывать большое вниманіе призывать къ своему двору и осыпать наградами людей, принадлежащихъ къ высшему классу общества. Вслѣдствіе этого магнаты мало-по-малу начали перебираться на жительство въ Вѣну и забывать свой родной языкъ. Еще въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, даже выдающіяся личности изъ аристократіи совсѣмъ не знали мадярскаго языка. Но такъ какъ вполнѣдствіи этотъ придворный фаворъ мадярской аристократіи уменьшился, между тѣмъ ихъ помѣстья находились въ Венгріи, они и стали перебираться на родину. Тутъ имъ скоро пришлось почувствовать всѣ непріятныя послѣдствія незнанія роднаго языка: оно мѣшало имъ отстаивать свои права на комитатскихъ собраніяхъ и на сеймѣ, и они стали усердно его изучать, но очень мало успѣли въ этомъ. Поэтому дѣтей своихъ они рѣшили всегда учить родному языку. И дѣйствительно, теперь всѣ аристократы свободно говорятъ по-мадярски; но при этомъ они невѣжественнѣе людей средняго сословія. Фатовство и англоманія—вотъ характерныя черты молодыхъ людей этого класса: казаться англичанами считается между ними признакомъ хорошаго тона, и они во всемъ стараются подражать англійскимъ лордамъ: не имѣя особенной страсти къ охотѣ, они устраиваютъ охоты на лисицъ, общества для конскыхъ скачекъ, забавляются играми, которыя въ ходу у англичанъ. Объ одномъ магнатѣ остряки рассказываютъ, что когда, по возвращеніи его изъ путешествія въ Англію, кто-то спросилъ у его камердинера, видалъ ли онъ англичанъ, тотъ будто бы отвѣчалъ: «видалъ я многихъ англичанъ; но такого настоящаго

*

англичанина, какъ мой баринъ, — не встрѣчалъ ни одного». Давать серьезное воспитаніе дѣтямъ мѣшаютъ аристократамъ, какъ собственная пустота и невѣжество, такъ и общія причины — изученіе многихъ языковъ. Если помѣщикъ средней руки старается выучить своихъ дѣтей четверемъ, пяти языкамъ, то магнать тѣмъ болѣе увеличиваетъ ихъ число.

Не смотря на всю англоманію, современное поколѣніе аристократовъ не только считаетъ долгомъ знать свой родной языкъ, но и придерживается національной одежды. Дамы и мужчины всегда надѣваютъ ее въ торжественныхъ случаяхъ. Въ главныхъ чертахъ костюмъ этотъ одинъ и тотъ же во всѣхъ слояхъ мадыарскаго общества, но въ высшихъ и болѣе зажиточныхъ классахъ онъ такъ великолѣпенъ и живописенъ, что съ перваго взгляда можетъ показаться совсѣмъ другимъ. У мужчинъ онъ состоитъ изъ не очень длиннаго камзола (attila). Его дѣлаютъ изъ чернаго бархата, вкладываютъ черными шелковыми снурками и украшаютъ застежками изъ бирюзы. Швы и нижній край аттилы выложены шелковыми обшивками. Узкія штаны вложены въ сапоги со шпорами. Верхнюю одеждою служитъ «ментикъ», который такъ же какъ и аттила, выложенъ снурками и украшенъ большими застежками изъ бирюзы. Край ментика широко обрамленъ дорогимъ соболемъ, изъ котораго сдѣланъ и большой откидной воротникъ. Мѣхъ этотъ украшаетъ также края широкихъ свѣшивающихся рукавовъ. Цѣпь съ богатыми застежками изъ большихъ и малыхъ бирюзовыхъ каменьевъ держитъ ментикъ на плечахъ; съ боку, на поясѣ, украшенномъ драгоценными камнями, виситъ кривая сабля, рукоятка и ножны которой также богато украшены бирюзой. На головѣ черная бархатная шапка, широко обрамленная соболемъ. Прекрасно сдѣланный аграфъ изъ бирюзы поддерживаетъ длинное, вверхъ стоящее перо на этой шапкѣ и придаетъ всей физиономіи воинственный и энергичный видъ. Что касается цвѣта и матеріи одежды, то это зависитъ отъ вкуса и средствъ: аттилу и ментикъ дѣлаютъ часто изъ различной матеріи; первую въ большинствѣ случаевъ изъ сукна, а второй изъ бархата. Мѣховая опушка у однихъ бываетъ изъ соболей, у другихъ изъ чернубурой лисицы или какого-нибудь другаго пушнаго звѣря. Нѣкоторые, что бываетъ впрочемъ очень рѣдко, обшиваютъ ментикъ лебяжьимъ пухомъ, но это производитъ тогда какое-то театральное впечатлѣніе. Въ покроѣ платья отступленія менѣе значительны. Только аттилу, смотря по вкусу, носятъ короче или длиннѣе. Относительно украшеній господствуетъ величайшее разнообразіе. Носятъ золото, серебро, часто то и другое, выложенное драгоценными камнями и жемчугомъ.

Мадыарская благородная дама, которую мы видимъ на нашей картинкѣ, выходитъ съ бала. На ней надѣто платье со шлейфомъ изъ тяжелаго бѣлаго атласа и открытый спереди корсажъ изъ краснаго бархата. Этотъ красный корсажъ шнурется спереди крестообразно и верхъ его окаймленъ золоченой тесьмой, унизанной жемчугами; онъ оканчивается спереди мысомъ. На корсажѣ внизу приколотъ поясъ, украшенный смарагдами и жемчугомъ. Поверхъ юбки — передникъ съ дорогими прошивками, обшитый кружевами. Руки полуобнажены: отъ корсажа идутъ кружевные рукавчики, которые покрываютъ руку только по локоть. На шеѣ жемчужное ожерелье; въ ушахъ такія же серьги. Головной уборъ напоминаетъ мужскую мадыарскую шапку, которую мы описали выше. Эта женская шапочка спереди украшена дорогимъ аграфомъ изъ жемчуговъ и смарагдовъ, красиво увѣнчаныхъ столчимъ султанчикомъ. На плечи женщины тоже накладываютъ ментикъ, шитый золотомъ и украшенный золотыми застежками; по краямъ онъ обрамленъ соболемъ или какимъ-либо другимъ дорогимъ мѣхомъ. Женскій ментикъ, какъ и корсажъ, сдѣланъ изъ краснаго бархата. Этотъ необыкновенно эффектный, расшитый золотомъ красный бархатный ментикъ покрываетъ только спину и

плечи дамы: онъ не скрываетъ ни ея корсажа спереди, ни элегантнаго передника. Ментикъ укрѣпленъ на груди тяжелой золотой тесьмой, сплошь унизанной драгоценными камнями. Въмѣсто описаннаго головнаго убора надѣваютъ иногда блистающую драгоценными камнями діадему, съ которой до земли спускается газовый или кружевной вуаль. Австрійская императрица въ извѣстныхъ случаяхъ, имѣющихъ важное значеніе, является также въ національной одеждѣ мадьярскихъ дамъ, которыя чрезвычайно гордятся этимъ.

Въ послѣднее время изъ среды богатыхъ помѣщиковъ и аристократовъ начинается мало по малу выдѣляться новая партія молодежи, которая съ презрѣніемъ смотритъ на чардашъ и на національную одежду.

С Л О В А К И.

Характеръ страны.—Эмиграція словаковъ и ихъ скитальческая жизнь на чужбинѣ.—Языкъ, религія, прошлая и современная жизнь. — Преслѣдованіе мадьярами словенской народности. — Вліяніе словаковъ на сосѣдей.

По многочисленности своей словаки въ Венгріи занимаютъ послѣ мадьяръ второе мѣсто: по однимъ даннымъ ихъ насчитываютъ въ Австро-Венгріи 2.753,000; изъ нихъ 1.953,000 католиковъ, остальные 800,000 протестанты; по другимъ ихъ меньше на 500,000 человекъ. Мадьярскіе статистики дѣлаютъ всё усилія уменьшить численность словенскаго *) племени и обыкновенно совершенно безцеремонно искажаютъ статистическія цифры въ пользу мадьяризма. И это понятно: разъ всё извѣстна громадная численность какого-нибудь племени, правительство страны должно дать ему такія же права, какими пользуются мадьяры, которые ненавидятъ всёхъ славянъ вообще и во что бы то ни стало стремятся играть въ государствѣ первенствующую роль. Поэтому, когда собираютъ статистическія данныя, мадьяры всячески стараются увеличить число своего народа въ ущербъ остальнымъ національностямъ, населяющимъ Венгрію. При послѣдней народной переписи мадьярскіе чиновники часто записывали цѣлыя славянскія общины мадьярскими. При этомъ имъ помогаетъ то обстоятельство, что всё жители Венгріи называютъ себя уграми. «Ты угорь?» спрашиваютъ словака, и если онъ отвѣчаетъ утвердительно на первый вопросъ, не дослушиваятъ окончанія отвѣта: «Живу въ Угорщинѣ, такъ угорь, но я родомъ словакъ». Но на него уже не обращаютъ вниманія и записываютъ «Ungar», а это означаетъ «мадьяръ».

Словаки, народъ славянскій, уже съ древнихъ временъ живутъ въ нынѣшней своей родинѣ, а именно въ сѣверо-западной части Венгріи; границею имъ служить на западѣ рѣка Морава, на сѣверѣ Карпаты, на югѣ Дунай (отъ устья Моравы до Вацова). Слѣдовательно сосѣдями словаковъ являются: на западѣ чехи, на сѣверѣ — галицкіе поляки и русины, на востокѣ — русины сѣверо-восточной Угрии, на югѣ — мадьяры. Такимъ образомъ словенскій народъ на западѣ, сѣверѣ и востокѣ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянами, особенно съ русинами. На всемъ названномъ пространствѣ словаки живутъ почти сплошною массою, занимая 15 комитатовъ (которые иначе

*) По-русски естественнѣе было бы отъ существительнаго словакъ производить прилагательное словачкій, тѣмъ болѣе, что при этомъ словаковъ нельзя было бы смѣшивать съ другимъ народомъ — *словинцами* или *словенцами*, описаніе которыхъ мы дали выше. Но такъ какъ чехи, а главное сами словаки свой языкъ и народъ называютъ не словацкимъ, а *словенскимъ*, своихъ подругъ не словачками, а *словенками*, то и мы также примемъ прилагательную форму *словенскій*.

называются столицами или округами); изъ нихъ четыре, а именно: Тренчинскій, Оравскій, Зволенскій и Липтавскій заселены ими исключительно, безъ примѣси какой-либо другой народности; въ 9-ти комитатахъ они составляютъ значительное большинство, и только въ двухъ (Прежборскомъ и Новоградскомъ) въ численномъ отношеніи они подавлены чуждою имъ народностью. Впрочемъ отдѣльныя ихъ поселенія лежатъ и въ другихъ мѣстностяхъ Венгріи, на югѣ и западѣ. Но въ сѣверо-западной части Венгріи словаки живутъ сплошною массою. Мѣстность, которую они занимаютъ, очень живописна: она представляетъ гористую страну, окаймленную Карпатами; но по мѣрѣ приближенія къ югу и западу гористый характеръ постепенно исчезаетъ, а за Нитрой, прежней столицей словенскаго княжества, открывается широкая дунайская равнина.

Равнины и долины словенскаго народа чрезвычайно плодородны, и въ нихъ съ большимъ успѣхомъ можно было бы заниматься хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, а изобиліе винограда на югѣ даетъ возможность съ выгодой заниматься винодѣліемъ. При этомъ словенская страна богата знаменитыми цѣлебными источниками, а горы, покрытыя роскошными лѣсами, изобилуютъ желѣзными, мѣдными, а также золотыми и серебряными рудниками. На богатыхъ лугахъ горныхъ вершинъ пасется множество рогатаго скота и особенно овецъ, которыя даютъ возможность готовить въ огромномъ количествѣ сыръ, «брындза», отличающійся острымъ вкусомъ. Словаки — чрезвычайно промышленный и трудолюбивый народъ Угріи; въ словенской странѣ, тамъ и здѣсь, находятся цѣлыя селенія ремесленниковъ-самоучекъ, прославившихся своимъ искусствомъ не только во всей Венгріи, но даже за границей. Въ одной словенской мѣстности народъ приобрѣлъ громкую извѣстность изготовленіемъ сукна, въ другой — сыра, тамъ славится онъ своими шляпками, здѣсь — гребенками; одна деревня извѣстна своими бочарами, другая — токарями, кузнецами, колесниками, кожевниками, гончарами, лѣсопилищиками, полотнянниками, огородниками, дротарями (обтягивающіе разные предметы проволокой), мышеловщиками (приготавливающими мышеловки) и т. д. до безконечности. Такимъ образомъ природа страны, ея естественныя богатства, способности и трудолюбіе словаковъ вполне обезпечиваютъ ихъ благосостояніе, и они могли бы благословлять и свою родину, и свою судьбу, если бы мадьяры и нѣмцы не сдѣлали ихъ нищими и гостями на собственной родинѣ. До сихъ поръ словакамъ приходится выносить всевозможныя стѣсненія и преслѣдованія; кромѣ того, недостатокъ порядочныхъ дорогъ чрезвычайно затрудняетъ сбытъ ихъ произведеній и домашнихъ сбереженій; нѣмцы и мадьяры всѣми силами стараются сосредоточить въ Вѣнѣ и Пештѣ всѣ удобства жизни и сообщеній, всѣ выгоды торговли, мало заботясь о выгодахъ, пользѣ и житейскихъ удобствахъ другихъ народностей, населяющихъ Венгрію. Вслѣдствіе этого множество словаковъ не только живетъ въ крайней бѣдности на родинѣ, но очень часто вынуждены или совсѣмъ эмигрировать, или искать заработка на чужбинѣ. Особенно съ 1880 г. обнаружилось между ними сильное стремленіе къ эмиграціи. Въ первые три мѣсяца означеннаго года только въ одномъ Нью-Йоркѣ высадилось болѣе 800 человекъ, но цифра эта далеко еще не даетъ точнаго понятія о настоящихъ размѣрахъ эмиграціи, такъ какъ многіе высаживаются въ другихъ портахъ Соединенныхъ Штатовъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ эмигрировать заставляетъ ихъ крайняя бѣдность. Но прежде чѣмъ навсегда покинуть горячо любимую родину, словакъ ищетъ заработка поближе, наконецъ за границей, однимъ словомъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы только не бросить навсегда свое родное гнѣздо. Этотъ несчастный народъ дѣйствительно заслуживаетъ лучшей участи: онъ несравненно болѣе мадьяръ трудолюбивъ и безъ ропота исполняетъ самую тяжелую работу. Единственная его цѣль — сколотить копѣйку, чтобы жениться на родинѣ или пожить дома въ будущемъ году лишній мѣсяць. Ежегодно весной мужчины отправляются массами на заработки.

Ихъ жены не уступаютъ имъ въ трудолюбіи, бережливости, страстной любви къ родинѣ и своему крову. Многія изъ нихъ также отправляются искать заработка на чужбину и какъ въ Пештѣ, такъ и въ Вѣнѣ репутацію лучшихъ служанокъ пользуются именно словенскія женщины. Даже ихъ дѣти умѣютъ съ раннихъ лѣтъ добывать свой насущный хлѣбъ. Но не только въ Австро-Венгріи, а и во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ словаки приобрѣли себѣ репутацію самыхъ честныхъ, неутомимыхъ рабочихъ. Ихъ можно встрѣтить всюду, и въ Марсели, и въ Лондонѣ, и въ Сиднеѣ, и въ С.-Франциско, гдѣ они состязаются въ трудолюбіи даже съ китайцами. Они не только занимаются ремеслами въ чужихъ странахъ, но и дѣлаются странствующими торговцами жестяныхъ издѣлій, мышеловокъ, полотенъ, матерій, сыровъ, благовонныхъ маселъ, гребенокъ, разнаго рода издѣлій изъ дерева и проч.; но болѣе другихъ всему свѣту извѣстны ихъ жестяники, дротари, продавцы мышеловокъ и различныхъ вещей изъ желѣзной проволоки. Эти странствующіе промышленники по большей части уроженцы Тренчинскаго комитата; они бродятъ обыкновенно цѣлыми партіями, заранее уговариваясь съ остальными соотечественниками, кому изъ нихъ куда отправиться, чтобы не перебивать другъ у друга работы; за границей они называютъ себя обыкновенно венгерцами. Но болѣе всего этотъ странствующій словенскій народъ любитъ бродить въ Богеміи. Хотя эта страна населена бѣдными людьми, отъ которыхъ словакъ не можетъ разжиться, но онъ охотнѣе идетъ сюда, такъ какъ болѣе всего любитъ славянъ, а изъ всѣхъ славянскихъ языковъ для него понятнѣе всѣхъ остальныхъ языкъ чешскій. Онъ чувствуетъ себя здѣсь какъ дома, ему оказываютъ въ этой странѣ радушный пріемъ, здѣсь, наконецъ, нравы и обычай народа разнѣ лишь въ мелочахъ отлчаются отъ его собственныхъ. Словаки представляютъ чистый типъ славянскаго племени: они не тронуты ни цивилизаціей запада, ни германизаціей. Это здоровые, высокіе парни; на головѣ войлочная шляпа съ широкими полями, волосы по большей части русые, густые, раздѣлены посерединѣ проборожъ, падаютъ до плечъ и обрамляютъ выразительное, загорѣлое, дышащее здоровьемъ лицо. Бороду они сбриваютъ, оставляя только усы. Единственная рубашка, которая должна прослужить во все время ихъ долгаго странствованія, пропитана жиромъ. Нѣкогда бѣлые штаны принимаютъ во время бродяжнической жизни совершенно особый цвѣтъ. Немногіе инструменты лежатъ въ кожаномъ мѣшкѣ, ремень котораго украшенъ маленькимъ мѣднымъ образкомъ Спасителя. Нѣсколько свертковъ проволоки и нѣсколько готовыхъ мышеловокъ дополняютъ багажъ словака, бродящаго по дорогамъ.

Словакъ живетъ на чужбинѣ съ замѣчательною экономіею, всякій грошъ откладывая для семьи, урѣзываетъ себѣ въ ѣдѣ, и только изрѣдка выпьетъ не въ мѣру. При встрѣчѣ на дорогѣ съ земляками, на радостяхъ устраивается большой пиръ. Въ то время, какъ одинъ изъ нихъ разводитъ костеръ, другіе бѣгутъ въ лѣсъ собирать грибы, носыпаютъ ихъ солью и жарятъ въ угольяхъ. Одинъ изъ товарищей нарѣзаетъ черный хлѣбъ, заземляетъ лопотъ между палочками, держитъ его надъ огнемъ и такимъ образомъ поджариваетъ. Если найдется кусочекъ жиру, его точно также держатъ надъ огнемъ; всѣ садятся дружно вокругъ костра и протягиваютъ свои ломти къ капающему салу. Это самый любимый обѣдъ словака.

На родинѣ или на чужбинѣ словакъ одинъ и тотъ же: гдѣ-бы онъ ни находился, онъ всегда остается вѣренъ обычаямъ своей страны и своему національному костюму, который у него обыкновенно очень бѣденъ. Если онъ уже такъ долго бродитъ на чужбинѣ, что какая-нибудь часть его одежды отказывается служить, то онъ рѣшается сдѣлать наконецъ обновку въ той мѣстности, гдѣ остановился, но, прежде чѣмъ на это рѣшится, онъ долго обдумываетъ, нельзя-ли еще какъ-нибудь поносить ее и, надѣвъ новое чужестранное платье, всегда чувствуетъ себя крайне несчастнымъ и стѣсненнымъ.

За то, лишь только вступает на родную землю, онъ сбрасываетъ иностранную одежду. Бѣда, если онъ въ родной деревнѣ появится не въ національной одеждѣ: одни осмѣютъ, другіе отвернутся отъ него съ презрѣніемъ, такъ какъ у словака, болѣе чѣмъ у какого другаго народа, глубоко коренится отвращеніе ко всему иностранному. Поэтому на чужбинѣ онъ старается какъ можно долѣе проносить все, чѣмъ онъ запасся на родинѣ и обыкновенно для этого пропитываетъ свою рубаху, а иногда и штаны жиромъ. Это даетъ ему возможность соблюдать экономію, такъ какъ пропитанную жиромъ одежду можно совсѣмъ не мыть, пока она само собою не свалится съ плечъ; къ тому-же этимъ онъ избавляетъ себя отъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, неотъемлемыхъ спутниковъ всѣхъ бѣдняковъ.

Входя въ богемскую или въ какую нибудь другую деревню, словакъ выкрикиваетъ <drátovať> (обтягивать проволокой)! Онъ останавливается на нѣсколько часовъ или дней въ той или другой деревнѣ, чинить мѣстнымъ жителямъ сита, обтягиваетъ проволокой старые горшки и искусно выдѣлываетъ цѣпочки изъ проволоки. Голая земля передъ дверью дома — его мастерская; короткій, украшенный колокольчиками чубукъ съ глиняною коричневою трубкою—его вѣрный товарищъ, нѣсколько крейцеровъ въ день—его заработокъ. Куда-бы онъ ни зашелъ, особенно въ Богеміи, съ нимъ всѣ ласково раскланиваются, то тотъ, то другой зазываетъ его къ себѣ починить домашнюю утварь: его кроткій нравъ и честность всюду снискали ему любовь, а добросовѣстно выполненная работа заставляетъ предпочитать его всякому другому. Особенно много словаковъ приходитъ въ эту страну въ праздникъ Рождества, когда даже въ самой тѣсной чешской хижинѣ ярко горитъ зажженная ёлка. Тогда они толпами ходятъ отъ одного дома къ другому и поютъ колядовыя пѣсни, за что получаютъ мелкія деньги. Когда словакъ заработаетъ 50 и много-много 100 гульденовъ, онъ немедленно возвращается въ свою суровую, гористую родину въ Карпатахъ; если этихъ денегъ окажется недостаточно или у него случится неурожай, онъ во второй и въ третій разъ отправляется странствовать и оставляетъ дома жену и дѣтей, но никогда не беретъ за суму, какъ никогда не имѣетъ привычки брать посохъ въ свои долги путешествія.

Словаки—славяне по преимуществу: они съ необыкновенною задушевностію и любовью относятся къ славянамъ вообще и ко всему славянскому. Притѣсненія и обиды, которыя они выносятъ и которыхъ еще болѣе перенесли въ прошломъ, все болѣе укрѣпляютъ ихъ въ мысли, что только самосознаніе славянское и взаимная помощь славянскихъ народностей можетъ спасти ихъ отъ постоянныхъ преслѣдованій и совершенной гибели. Словакъ твердо помнитъ, что еще въ IX в. славянскія племена, соединившись въ одно цѣлое, образовали сильное и могущественное славянское государство, и потому онъ глубоко чувствуетъ и твердо вѣритъ, что если онъ подъ тысячелѣтнимъ ярмомъ не утратилъ своей народности, не обратился ни въ нѣмца, ни въ мадьяра, то этимъ онъ болѣе всего обязанъ многочисленности славянскаго племени. Отсюда убѣжденіе, что его первая и священнѣйшая обязанность любить всѣхъ славянъ вообще, а болѣе другихъ русскихъ и чеховъ. Словаки и русскіе при разговорѣ нѣсколько понимаютъ другъ друга. Такъ въ 1849 г. словаки, разговаривая съ русскими солдатами, удивлялись, что многіе слова у нихъ совершенно тѣже, что у русскихъ, и нерѣдко они могутъ даже понять смыслъ рѣчи: <и русскіе—словаки>, повторяли они на всѣ лады съ величайшею радостью. Въ томъ-же году наши солдаты дошли до Пресбурга и, встрѣчая людей, рѣчь которыхъ была имъ понятна, въ жизни и въ нравахъ которыхъ они находили много общаго, говорили: <дивное дѣло, сколько недѣль идемъ, а все еще изъ Россіи не вышли. Тутъ все русскій народъ, все русская земля>.

Но еще несравненно лучше понимают словаки чеховъ; у нихъ имъ совершенно все понятно, если только съ ними говорятъ на чистомъ пражскомъ діалектѣ. Чехи издавна играли самую видную роль въ жизни словаковъ; но у нихъ несравненно ранѣ послѣднихъ пробудилась умственная самодѣятельность и творчество народнаго духа, поэтому чешская литература сдѣлалась и литературой словаковъ. Еще недавно почти всѣ словенскіе писатели употребляли въ своихъ сочиненіяхъ чешскій языкъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что рядомъ съ чешскимъ языкомъ образованные словаки, какъ и мадьяры, долго употребляли языкъ латинскій; болѣе извѣстные словенскіе писатели XVI, XVII и XVIII столѣтій писали по латыни. На словенскомъ нарѣчій говорилъ между собой только простой народъ. Въ концѣ XVIII столѣтія чешскій языкъ сталъ уже общепринятымъ книжнымъ языкомъ словаковъ, какъ мало-по-малу начался литературный переворотъ, который состоялъ въ томъ, что словаки отказались отъ употребленія чешскаго языка и возвели собственный народный языкъ въ языкъ литературы; но при этомъ скоро появились два литературныя нарѣчія, и только въ 1850 г. былъ положенъ конецъ этой неурядицѣ изданіемъ новой грамматики словенскаго языка, принятой теперь повсемѣстно. Понятно, что у словаковъ не можетъ быть такой богатой литературы, какъ у чеховъ. У словаковъ протестантовъ чешскій языкъ и въ настоящее время является языкомъ библейскимъ и церковнымъ: на немъ говорятъ проповѣди, пишутъ книги духовнаго содержанія и при этомъ употребляютъ старинное правописаніе, оставленное даже самими чехами.

Чтобы вполнѣ понять характеръ и положеніе словенскаго народа въ настоящее время, необходимо выяснитъ хотя наиболѣе характерныя черты его прошлой жизни. Въ IX в. моравскій князь Ростиславъ и особенно его преемникъ Святополкъ, соединивши въ одно цѣлое славянскія племена, обитавшія на среднемъ теченіи Дуная, образовали сильное славянское государство, извѣстное подъ именемъ «Великій Моравіи». Въ составъ этого государства входила словенская земля, нынѣшняя Моравія, Чехія, часть Силезіи и Малой Польши и нѣкоторыя другія. Въ этой славянской державѣ св. Кириллъ и Меѳодій распространили греко-восточное христіанство, основали нѣсколько епископій и митрополію въ Нитрѣ. Торговыя связи съ сосѣдями, промышленный и предпріимчивый характеръ народа, естественныя богатства страны, — все это дѣлало юную славянскую державу могущественною и опасною соперницею нѣмецкихъ королей, которые вслѣдствіе этого употребляли всѣ усилія, чтобы подорвать ея могущество; къ тому же для успѣховъ латинства нужно было вытѣснить православіе. И дѣйствительно, православная славянская литургія на народномъ языкѣ скоро прекратилась и была замѣнена латинскою; могущество и слава молодого славянскаго государства были тоже кратковременны. Въ грустныхъ звукахъ народной пѣсни словаки до сихъ поръ вспоминаютъ славу и могущество своего народа и оплакиваютъ Нитру, столицу своего государства, въ блестящій періодъ существованія. Вотъ какъ въ прозѣ можно передать эту задушевную народную пѣсню: «Нитра, милая Нитра. Давно прошла та пора, когда ты процвѣтала! Нитра, милая Нитра, словенская мать, какъ взгляну на тебя, такъ и заплачу! Ты была нѣкогда славою всѣхъ земель, въ которыя текутъ Дунай, Висла и Морава; ты была столицей Святополка, когда здѣсь царила его мощная рука. Ты была святымъ мѣстомъ Меѳодіевымъ, гдѣ онъ отцамъ нашимъ провозглашалъ святое слово Божіе. Теперь ты утратила свою славу, — она сокрыта во мракѣ. Такъ-то время переменчиво, такъ-то свѣтъ переходчивъ».

Послѣ паденія Велико-Моравской державы, словаки переходили подъ верховную власть то чеховъ, то поляковъ, и, наконецъ, въ 1026 г. венгерскій король Стефанъ отнялъ у польскаго короля словенскую страну, и съ этихъ поръ она до настоящаго времени

принадлежить Венгрии и дѣлить ея судьбу. Въ началѣ подчиненія судьба словаковъ далеко не была такъ печальна, какъ впоследствии. Король Стефанъ понималъ, что пригнетеніе и угнетеніе туземныхъ народовъ можетъ только служить къ гибели собственнаго племени; поэтому онъ охранялъ ихъ свободу и, въ концѣ концовъ, принялъ даже для Венгрии нѣкоторыя народныя учрежденія славянъ, въ особенности жупное, комитатное устройство, сохранившееся до настоящаго времени. Всѣ народности были равноправны, и словенскій народъ имѣлъ свое Нитранское, княжество управлявшееся начальниками изъ королевскаго рода.

Послѣ прекращенія Арпадовской династіи эти мирныя отношенія между побѣжденными и побѣдителями не измѣнились также и потому, что на венгерскій престолъ всходили и короли славянскіе: чехи и поляки. Мирнымъ отношеніямъ между этими двумя національностями не мало содѣйствовало и то, что официальнымъ языкомъ былъ объявленъ не языкъ побѣдителей, а латинскій, который сдѣлался языкомъ церкви, политики, законодательства, наконецъ, даже языкомъ разговорнымъ. Словаки играли довольно видную роль и въ то время, когда могущество Угорскаго королевства уже такъ упало, что почти всѣ мадьярскіе комитаты были завоеваны турками, и позже, когда мадьяры находились подъ турецкимъ игомъ. Въ такое печальное для Угрии время только словенскіе комитаты сохранили свою независимость.

Однако съ теченіемъ времени къ учрежденіямъ славянскимъ присоединились учрежденія феодальныя, которыя мало-по-малу довели народъ до полнаго порабоженія. Народъ всей Венгрии, какъ мы уже много разъ говорили, раздѣлился на два главныхъ сословія: 1) аристократію и людей, пользовавшихся правами дворянства, и 2) чернь, представлявшую всю остальную массу.

Словенскіе дворяне скоро поняли, что получать чины, почести, пользоваться значеніемъ и богатствомъ можно, только сдѣлавшись мадьярскими патріотами, а защищая свой несчастный народъ лишь дождешься мученическихъ вѣнцовъ. Поэтому они стали отрекаться отъ него и переходить въ венгерскій «populus», т. е. записались венгерскими дворянами. Мало-по-малу они не только стали отрекаться отъ своего народа, но даже стыдиться и презирать его. Словенскіе дворяне и до сихъ поръ—позорное пятно словаковъ: они не только изъ-за матеріальныхъ выгодъ измѣнически оставили свой народъ, но очень многіе изъ нихъ опозорили даже себя жестокими преслѣдованіями своей народности и своихъ братьевъ. Всѣ они говорятъ теперь не иначе, какъ по-мадьярски, между тѣмъ они не только славенскаго происхожденія, но часто еще до сихъ поръ носятъ имена и фамиліи своего народа. Такимъ образомъ словенскій народъ несъ тяжелое ярмо крѣпостничества вплоть до царствованія Маріи-Терезіи, при которой въ 1766 г. было опредѣлено по крайней мѣрѣ количество земли, которою могли пользоваться крестьяне, и повинности, которыя они должны были нести. На этомъ основаніи сеймъ въ 1836 г. составилъ уставъ объ обязанностяхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ словенское и русинское населеніе Угрии, сравнительно съ мадьярами, было обдѣлено въ размѣрѣ земли, такъ какъ земля очень многихъ словенскихъ и русинскихъ комитатовъ менѣе плодородная, чѣмъ въ мадьярскихъ. Эта неравномѣрность была впоследствии подтверждена закономъ и при освобожденіи крестьянъ въ 1848 г., когда словенскіе и русинскіе крестьяне получали во владѣніе только тотъ участокъ земли, которымъ передъ тѣмъ они пользовались.

Словенскій народъ страдалъ не только отъ предательства своего дворянства, отъ тяжкаго рабства, которое вызывало мятежи, разорявшіе его, не отъ того только, наконецъ, что онъ сравнительно съ другими народами обдѣленъ землею, но его не менѣе

разоряли и угнетали съ одной стороны религіозныя распри, съ другой преслѣдованіе его народности, что продолжается и до сихъ поръ.

Мы уже знаемъ, что словаки первоначально приняли православіе, но послѣ утраты своей независимости, подъ гнетомъ нѣмецко-латинскихъ священниковъ и послушныхъ Риму венгерскихъ королей, насильно были принуждены отступить отъ православія и принять латинство. Эпоха Арпадовичей, начиная отъ короля св. Стефана до самаго 1300 г., ознаменована была постоянными волненіями и борьбою православія съ латинствомъ. Католическая религія стала водворяться съ появленіемъ іезуитовъ и особенно въ началѣ XVII столѣтія. Въ это время въ Терновѣ была основана католическая школа для воспитанія дворянскихъ дѣтей и университетъ, гдѣ все преподаваніе поручено было іезуитамъ. Однако хотя православное богослуженіе, и уступило латинскому, во народъ безъ особеннаго рвенія относился къ нему, и когда явилось гуситство, оно начало сильно распространяться между словаками; позднѣе появившееся лютеранство завербовало между ними еще большее число послѣдователей. Католики, опыненные первыми успѣхами, и негодуя на то, что новыя религіи уменьшали ихъ паству, стали вводить свою католическую религію уже безъ всякихъ стѣсненій: насилія католиковъ вызывали насиліе и со стороны протестантовъ, и эта борьба играла не послѣднюю роль въ венгерскихъ революціяхъ XVII столѣтія и привела словаковъ и другія славянскія народности къ еще большей нищетѣ и бездолю. Но во второй половинѣ XVIII столѣтія религіозныя распри прекратились, такъ какъ лютеранская часть населенія получила довольно значительную церковную автономію. Въ настоящее время болѣе 800,000 словаковъ принадлежитъ къ лютеранской церкви, а всѣ прочіе, слѣдовательно огромное большинство, исповѣдуютъ римско-католическую вѣру. Но возвратимся къ прошлой судьбѣ словаковъ.

По окончаніи религіозныхъ распрей, съ конца XVIII ст., у словаковъ явился другой злѣйшій и опасный врагъ, который до настоящей минуты наноситъ ихъ національности жестокіе удары, — мы говоримъ о мадьяризаціи.

Мы уже знаемъ, что мадьяры около 800 лѣтъ жили мирно съ народами, населяющими Венгрію, никогда не посягая въ теченіи всего этого времени на исключительное господство. Это происходило между прочимъ вслѣдствіе господства латинскаго языка, такъ какъ нельзя было принять для общаго употребленія языкъ полудикаго мадьярскаго племени, особенно если вспомнимъ, что подъ его властью были народы несравненно болѣе образованные. Мадьяризація начинается съ императора Іосифа II, которому казалось, что Венгрію, вслѣдствіе употребленія мертваго латинскаго языка во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности, ждетъ ужасный застой. Съ этою цѣлью въ 1787 г. онъ издалъ законъ, которымъ предписывалось всѣмъ чиновникамъ учиться нѣмецкому языку, чтобы въ теченіи трехъ лѣтъ ввести его во всеобщее употребленіе. Это возбудило въ мадьярахъ желаніе имѣть свой отечественный языкъ, и на сеймѣ 1792 г. преподаваніе мадьярскаго языка въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ объявлено было обязательнымъ. Такимъ образомъ насильственная германизация Іосифа II повела къ возрожденію мадьярскаго языка и національности. Вдругъ вспыхнувшее стремленіе мадьяръ изучать свой родной языкъ стало постепенно переходить въ желаніе сдѣлать его господствующимъ въ Венгріи, а затѣмъ этотъ вопросъ получилъ и характеръ политическій. До сихъ поръ сеймъ считался представителемъ угорской земли, т. е. всего угорскаго народа, подъ именемъ котораго подразумевали всѣхъ жителей Угріи, безъ различія національностей. Но когда латинскій языкъ началъ уступать мадьярскому, тогда прежнее равенство между разными народностями было нарушено, и мадьярской національности присвоивалось исключительное

первенство. Вскорѣ дѣйствительно явился рядъ законовъ и постановленій, подтверждавшій это господство. Мадыарскій языкъ стали постепенно вводить въ управленіе, судъ, военныя и церковныя дѣла. Въ 1843—44 гг. сеймъ постановилъ, чтобы преподаваніе во всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ шло на мадыарскомъ языкѣ. Законы эти имѣли и имѣютъ до сихъ поръ гибельное значеніе для всѣхъ народностей не мадыарскаго происхожденія, населяющихъ Венгрію. Латинскій языкъ, будучи общимъ, не давалъ никому особыхъ привилегій; теперь было совсѣмъ не то, и на практикѣ зло этихъ постановленій обнаружилось тотчасъ, когда суды и административныя учрежденія перестали принимать бумаги, писанныя не на мадыарскомъ языкѣ. Смыслъ этого былъ такой: немадыарскіе народы только тогда могутъ пользоваться благами судопроизводства и принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, когда они будутъ знать мадыарскій языкъ, но и въ такомъ случаѣ они стали бы пользоваться правами и учрежденіями страны не какъ граждане угорскаго королевства, а какъ мадыары. Такимъ образомъ права народностей были нарушены самымъ чувствительнымъ образомъ. Католическіе словаки, и особенно ихъ духовенство, еще безъ особеннаго ужаса смотрѣли на мадыаризацію, но словаки-протестанты, которые цѣлые вѣка въ школахъ и въ богослуженіи придерживались чешскаго языка, не хотѣли безъ борьбы уступить своихъ правъ. Развитію борьбы болѣе всего содѣйствовали поклонники новыхъ реформъ, которые стали вводить мадыарскій языкъ даже въ церквахъ чисто словенскихъ общинъ и съ такимъ насиліемъ и жестокостію, какія до тѣхъ поръ нигдѣ не были извѣстны. Въ одной изъ такихъ общинъ, когда народъ, впервые услышавъ мадыарскую проповѣдь, началъ выходить изъ церкви, приказано было снова вгонять его туда нагайками и бичами. Въ это время всѣмъ словакамъ, такъ или иначе протестовавшимъ противъ мадыаризаціи, пришлось поплатиться тюрьмой, а нѣкоторые кончили жизнь даже на висѣлицѣ. Прибѣгали и къ другимъ, менѣе отвратительнымъ и болѣе заманчивымъ средствамъ: были назначены всевозможныя пособія для тѣхъ немадыарскихъ учениковъ народныхъ школъ, которые съ особеннымъ успѣхомъ занимались мадыарскимъ языкомъ.

1848 г. принесъ и словенскому народу извѣстную долю свободы: феодализмъ и крѣпостное право были уничтожены, подданные получили гражданскія права; для литературы наступила свобода печати. Это было временемъ пробужденія и для словенской народности. Въ средѣ словаковъ явились энергическіе дѣятели, которымъ удалось пробудить своихъ соплеменниковъ къ умственной жизни. Они основали литературное общество «Матица», которое стало издавать различныя сочиненія на словенскомъ языкѣ, а чтобы имѣть для этого средства, члены его собирали большія пожертвованія книгами и деньгами. Благодаря ему, въ 60 и 70-хъ гг., стало выходить на словенскомъ языкѣ нѣсколько газетъ и журналовъ. Кромѣ этого общества были основаны три словенскія гимназіи, ссудо-сберегательное товарищество, и все это было создано на гроши бѣднаго народа. Въ этихъ гимназіяхъ преподаваніе шло на словенскомъ языкѣ. Это не могло нравиться мадыарамъ. Мадыарская партія скоро достигла того, что эти гимназіи, какъ опасныя для государства, были подвергнуты слѣдствію. Одному должностному лицу, по имени Гедули, было поручено обривизовать гимназіи, но онъ нашелъ въ нихъ все въ порядкѣ. Молодежь, въ знакъ своего сочувствія, устроила Гедули процессію съ факелами, но мадыарская партія не успокоилась и обратилась съ петиціей къ венгерскому правительству, въ которой она прямо просила закрыть эти заведенія, какъ опасныя и вредныя для государства. Опять было наряжено слѣдствіе; оно нашло, что хотя обученіе идетъ правильно, но что учителя разжигаютъ вражду національностей. Вслѣдствіе этого въ 1874 г. всѣ три гимназіи были закрыты, а фондъ ихъ былъ конфискованъ. Вслѣдъ затѣмъ была подвергнута слѣдствію «Матица», и дѣятельность ея тоже скоро

должна была прекратиться. Ея собранія, бібліотека были секвестрованы. Это былъ страшный ударъ для словенской народности, которая собирала здѣсь свои національныя сокровища и сплачивала всѣ умственныя силы страны.

Не смотря на либеральныя законы и постановленія послѣдняго времени, словенская національность ничего не выиграла. Мадыяры и въ настоящее время считаютъ, что только ихъ языкъ имѣеть право быть въ употребленіи въ парламентѣ, судѣ и въ управленіи. На всемъ протяженіи венгерскаго королевства узаконенъ (за исключеніемъ Хорватіи) только одинъ официальный языкъ мадыарскій. Въ сѣверной Венгріи, гдѣ славяне живутъ сплошною массою и не понимаютъ этого языка, тѣмъ не менѣе всѣ постановленія и законы издаются на мадыарскомъ языкѣ. Въ нѣдрахъ словенской земли мадыяры изготовляютъ приказы, повѣстки, протоколы исключительно на мадыарскомъ языкѣ, и несчастному словенскому крестьянину, не понимающему ни единой буквы загадочной грамоты, приходится пробѣгать разстояніе въ нѣсколько часовъ пути только для того, чтобы добраться до священника, который могъ-бы перевести ему содержаніе непонятной для него бумаги. Этотъ переводъ ему часто дѣлаютъ совершенно невѣрно и неточно, — отсюда всевозможныя штрафы, недоразумѣнія и непріятности; изъ-за этого его нерѣдко обвиняютъ даже въ неповиновеніи суду. Всѣ казенныя гимназіи и приготовительныя школы — мадыарскія, но оригинальнѣе всего то, что эти заведенія поддерживаются деньгами и немадыарскихъ народностей. При раздачѣ стипендій, наградъ, пособій и какихъ бы то ни было вспомошествованій, въ области гражданской, учебной и церковной всегда отдается предпочтеніе мадыяру передъ немадыаромъ, а изъ немадыаръ — отступнику отъ своей національности. Мадыарская національность отождествляется съ венгерскимъ государствомъ и потому всѣ тѣ, которые отстаиваютъ свою словенскую національность, считаются врагами мадыарской національности, а слѣдовательно и врагами венгерскаго государства и подвергаются всевозможнымъ преслѣдованіямъ. Подписка на словенское періодическое изданіе или сочиненіе, участіе въ кругу людей, преданныхъ своей національности и т. п., все это совершенно достаточно для словака, чтобы потерять мѣсто и подвергнуться гоненію. Тутъ нерѣдки случаи, что отъ желающихъ получить должность пастора требуютъ отчужденія отъ словенскаго движенія. Ни на чемъ не основанные доносы, стѣсненія и преслѣдованія каждаго словенскаго національнаго движенія — прямой путь къ достиженію отличій. Были даже случаи, что священника и учителя отрѣшали отъ должности, когда узнавали, что тотъ или другой изъ нихъ въ своемъ семействѣ придерживается своего роднаго языка. Правда, всѣ эти преслѣдованія направлены прежде всего противъ интеллигентныхъ классовъ: мадыарскому правительству нѣтъ дѣла до того, какъ говоритъ масса, лишь-бы интеллигенцію воспитать въ духъ мадыаризма; простой же народъ не преслѣдуютъ за употребленіе роднаго языка, въ увѣренности, что онъ, такимъ образомъ, сохранитъ свой мужицкій характеръ.

Не смотря однако на то, что словаки не имѣютъ своего дворянства, что между словенскою интеллигенціею чрезвычайно мало людей со средствами, не смотря на постоянный и самый возмутительный гнетъ ихъ національности, они обладаютъ особенною способностью ассимилировать сосѣдніе народы. Гдѣ словаки, живя вмѣстѣ съ мадыярами и нѣмцами, превышаютъ ихъ численностью, тамъ тѣ и другіе скоро теряютъ свою національность. Число словаковъ быстро увеличивается и раздвигаетъ себя все болѣе широкіе предѣлы на мадыарской территоріи; еслибы не искусственныя мѣры, предпринимаемыя мадыярами для охраненія себя отъ неудержимаго славянскаго потока, они не играли бы первенствующей роли. Примѣровъ, подтверждающихъ сказанное, можно привести немало: нагорная часть Гемерскаго комитата въ XV в. была населена нѣмцами, теперъ тамъ не слышно даже нѣмецкаго звука, и только фамиліи нѣкоторыхъ жителей

этой страны напоминаютъ еще объ ихъ германскомъ происхожденіи: всѣ они превратились въ словаковъ. Той же участи подвергаются и мадьяры. Мы уже знаемъ, что когда мадьярскіе завоеватели поселились на своихъ настоящихъ земляхъ, они въ скоромъ времени заимствовали нѣкоторые славянскіе обычаи и порядки ихъ политической жизни. Мадьярскіе комитаты и вся система внутренняго самоуправленія въ Венгріи возникли на основахъ древнеславянскихъ. Словенскій языкъ въ значительной степени проникъ въ мадьярскую рѣчь. Когда нѣсколько мадьяръ поселяется въ словенской мѣстности, они быстро ославяниваются. Въ Модрѣ (близъ Пресбурга) семьдесятъ лѣтъ тому назадъ было не болѣе 20—25 ч. словенской прислуги, теперь тамъ словенскій приходъ. Во всей сѣверной Венгріи нѣмецкій элементъ исчезаетъ все болѣе и болѣе, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Словаки являются въ нѣмецкую или мадьярскую мѣстность обыкновенно въ качествѣ прислуги, поденщиковъ или ремесленниковъ. Своею безусловною честностію и замѣчательнымъ трудолюбіемъ они скоро добиваются общаго довѣрія; черезъ мѣсяца два-три словака просятъ отрекомендовать въ другой домъ такого же работника, какъ онъ самъ: онъ выписываетъ своего родственника, и не успѣешь оглянуться, какъ словаки завладѣли всею мѣстностію или небольшимъ городкомъ. Такъ же легко распространяютъ они и свой языкъ. Когда словакъ нанимается къ кому нибудь въ услуженіе, онъ никогда не учится чужому языку и не отвѣчаетъ хозяевамъ иначе, какъ на своемъ родномъ языкѣ. Кто желаетъ его задобрить, а какъ не желать этого, когда онъ можетъ работать за четверыхъ, тотъ долженъ приказывать ему на его родномъ языкѣ. Въ концѣ концовъ онъ всегда добивается своей цѣли, и всѣ въ домѣ начинаютъ говорить на его языкѣ.

Словакъ, который такъ легко поглощаетъ чужія національности, самъ поддается имъ чрезвычайно рѣдко. Конечно, бываютъ случаи, когда тотъ или другой словакъ сначала начинаетъ говорить на мадьярскомъ языкѣ, затѣмъ одѣвается по мадьярски и, наконецъ, дѣлается совѣтъ мадьяромъ; но не было еще примѣра, чтобы цѣлая словенская деревня обратилась въ нѣмецкую, мадьярскую, сербскую или валашскую, между тѣмъ какъ обратные примѣры мы встрѣчаемъ сплошь и рядомъ.

Физиономія, характеръ и одежда словаковъ.—Ихъ жилища, занятія и пища.

Словаки лучшіе представители славянскаго типа: у нихъ живые, голубые глаза, темнорусые волосы, ослѣпительной бѣлизны зубы, маленькая и изящная нога, высокій ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе. Ихъ нравственные качества тѣ же, которыми славяне отличались издревле: необыкновенное добродушіе, миролюбіе, любовь къ труду, веселый нравъ, беззавѣтная преданность родинѣ, гостепрѣимство. Въ обществѣ себѣ равныхъ словакъ откровененъ и простъ до болтливости; въ отношеніи къ иностранцу онъ робокъ, слишкомъ много кланяется передъ нимъ и не прочь выказать рабское смиреніе и услужливость. Эти качества—наслѣдіе долгаго рабства и крѣпостничества; къ тому же его всегда и всюду въ Венгріи встрѣчаютъ съ пренебреженіемъ; за то, лишь только онъ вступаетъ на землю своей родной деревни, въ немъ сейчасъ же являются и бодрость, и самоувѣренность. Словаки и любознательны, и понятливы, но, къ сожалѣнію, мадьяры, своими преслѣдованіями ихъ народности, не даютъ имъ учиться и развиваться надлежащимъ образомъ. Поэтому словакъ можетъ понять только вещи въ сферѣ практической и ничѣмъ не интересуется мало-мальски отвлеченнымъ. Одинъ путешественникъ, изучившій словенскій языкъ, многимъ изъ нихъ рассказывалъ о воздушномъ шарѣ. Когда онъ начиналъ излагать, какъ воздушный шаръ поднимается за облака, каждый преры-

валъ его замѣчаніемъ въ родѣ слѣдующаго: «на что мнѣ это знать, вѣдь это никого не накормитъ».

Мадьяръ работаетъ только тогда, когда безъ этого ужъ никакъ нельзя обойтись, и вы очень часто застаеъ его безъ всякаго дѣла; словакъ работаетъ съ утра до поздней ночи, и застать его безъ дѣла можно только въ праздникъ и короткіе часы отдыха; работаетъ онъ не торопясь, безъ всякихъ порывовъ, безъ досады и увлеченія, одинаково ровно, какъ утромъ, такъ и вечеромъ, и всегда очень много.

Недостатокъ самолюбія, довольство малымъ и ненависть къ насилію—вотъ характерныя черты словака. Когда хозяинъ или управляющій обзываетъ его, безъ всякаго съ его стороны повода негодяемъ, мошенникомъ, подлецомъ, это не особенно возмущаетъ словака, и онъ, улыбаясь, продолжаетъ работать. Нанесенный ударъ онъ встрѣчаетъ также холодно и спокойно, развѣ спроситъ иногда: «за что ты бьешь меня, развѣ я виноватъ»? и только ядовитая насмѣшка или жестокое насиліе выведутъ его изъ терпѣнія; но и тутъ лишь въ крайнемъ случаѣ онъ полѣзетъ въ драку; обыкновенно онъ отходить отъ врага и никогда не будетъ съ нимъ кланяться, ходить къ нему, перестанетъ служить у него, хотя бы даже это было очень рискованно для него въ матеріальномъ отношеніи.

Всѣ словаки страстно любятъ свой языкъ и свои народныя пѣсни; въ однихъ изъ нихъ они воспѣваютъ кровавые бои славянъ съ турками, другія въ образной формѣ выражаютъ ихъ возрѣнія на мадьяръ, чеховъ, поляковъ и русскихъ. Не менѣе любятъ они рассказы. Въ длинныя зимніе вечера собираются они къ кому нибудь въ хату; женщины и дѣвушки сидятъ за прялками въ обществѣ молодыхъ парней и стариковъ; между этими послѣдними много искусныхъ сказочниковъ, которые превосходно знаютъ всѣ преданія и былины своего народа. Въ этихъ сказаніяхъ фигурируютъ прежде всего титаны, силачи и великаны, перебрасывающіе горы съ одного мѣста на другое, подобно нашимъ богатырямъ, побывавшимъ сверхъестественныя чудовища. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выражаются миѳическія вѣрованія словаковъ.

Молодежь обоюго пола чрезвычайно любитъ танцы. Когда они соберутся на какомъ нибудь лужку, роль оркестра беретъ на себя цыганъ, а нѣтъ его—танцуютъ и подъ звуки волынки. Нѣкоторые танцы живо напоминаютъ нашу присядку или малороссійскій казачекъ. Но болѣе всего любятъ пѣніе. Лѣтомъ со всѣхъ сторонъ раздаются дуэты словенскихъ дѣвушекъ. Съ пѣніемъ провожаютъ онѣ новобрачныхъ къ вѣнцу и послѣ него; съ пѣніемъ возвращаются домой по окончаніи полевыхъ работъ. Чрезвычайно величественно шествіе жницъ, когда онѣ, по окончаніи жатвы, съ высоко поднятымъ знаменемъ (бѣлый платокъ на палкѣ) и вѣнкомъ изъ пшеничныхъ колосевъ, направляются къ дому помѣщика, гдѣ ихъ ожидаетъ праздникъ жнецовъ, и поютъ пѣсни. На сколько сильное впечатлѣніе производятъ словенскія пѣсни, можно видѣть изъ того, что ихъ поютъ даже сосѣдніе пѣмцы, часто совѣмъ не понимая ихъ содержанія.

Лѣтомъ словаки носятъ только рубашку и широкія холщевыя панталоны; большинство кромѣ этого надѣваетъ еще цвѣтную жилетку со множествомъ пуговицъ. Въ зимнее время они носятъ тулупы, расшитыя сафьяномъ по бортамъ и по талии. Въ переходное время между сильнымъ холодомъ и осеннею погодою существуютъ армяки. Лѣтняя шляпа—войлочная, у болѣе молодыхъ украшена лентами, перьями и искусственными цвѣтами; зимою ее замѣняютъ черною барашковою шапкою. По цвѣту армяка (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ бываетъ бѣлый, въ другихъ—коричневый, зеленый и черный), сдѣланнаго изъ грубаго сукна, и по болѣе или менѣе широкимъ полямъ войлочной шапки можно тотчасъ угадать мѣсто происхожденія человека. Обувью мужчинамъ служатъ *бочоры*—кожаные лапти и сапоги, которые все болѣе входятъ въ употреб-

леніе. Въ праздничномъ нарядѣ стараются сочетать цвѣта: бѣлый, синій и красный — національные цвѣта словенскаго костюма. Бѣлоснѣжная рубаха, красный жилетъ и синія панталоны у мужчинъ, бѣлоснѣжная вышитая рубашка, красный корсажъ и синія юбка у дѣвушекъ — любимый нарядъ. Въ горной странѣ каждый мужчина имѣетъ кожаный поясъ; крестьянинъ такъ привыкъ къ нему, что безъ него ему совѣтъ не по себѣ. Этотъ кожаный поясъ чрезвычайно широкъ; внизу его висятъ кремень, огняво, кисеть съ табакомъ, деревянная трубочка. Этотъ поясъ служить въ тоже время и карманомъ, въ которомъ словакъ причетъ свой хлѣбный ножъ и другія мелкія вещи. Желѣзный топоръ на длинной рукояткѣ, называемый *оамаска*, служитъ ему и орудіемъ, и оружіемъ, и походною палкою. Рѣдко встрѣтишь словака безъ этого топора, который они ловко умѣютъ пускать въ ходъ какъ противъ животныхъ, такъ и противъ враговъ. Главная забота и тщеславіе словака — его жилетъ, который онъ украшаетъ блестящими мѣдными пуговицами и другими мелкими бездѣлушками.

Словенскія женщины далеко не могутъ считаться красавицами, хотя и между ними не рѣдкость встрѣтить весьма миловидную. Тѣмъ не менѣе онѣ оставляютъ хорошее впечатлѣніе своей простотой, задушевностію и ласкою. Эти качества выражаются и въ ихъ чертахъ лица, и въ ихъ дѣтской, простодушной улыбкѣ.

Одежда женщинъ, смотря по мѣстности, весьма разнообразна. Большинство носятъ бѣлую рубашку, корсажъ, въ одной деревнѣ красный, въ другой — зеленый, обшитый по краямъ лентою другаго цвѣта или выложенный галунами. На груди этотъ корсажъ зашнурованъ лентою; у талии привязана шерстяная юбка, обыкновенно темнаго цвѣта, поверхъ которой одѣтъ длинный, широкій передникъ, покрывающій почти все платье, такъ что оно видно только сзади. Женщины ходятъ въ чепчикъ изъ цвѣтнаго ситца или шелка. Словенская дѣвушка отличается отъ женщины тѣмъ, что ея голова не покрыта чепцомъ, а косы скототы сзади; спереди же, поверхъ лба, на волосахъ одѣта повязка — *парты*, что можно видѣть на картинкѣ у дѣвушки, сидящей справа. Въ торжественныхъ случаяхъ, кромѣ цвѣтной парты, дѣвушка прикалываетъ назади затылка нѣчто въ родѣ короны изъ металлическихъ нитей; по бокамъ банты и затѣмъ по всей спинѣ, отъ коронки почти до самаго низа юбки свѣшиваются цвѣтныя полосы, которыя у талии перевязаны поясомъ отъ передника; такъ что шерстяное платье, которое спереди и по бокамъ прикрыто передникомъ, позади закрыто этими лентами (см. на женской фигурѣ, стоящей спиной).

Жилища словаковъ также различаются сообразно болѣе теплomu и холодному климату. Въ равнинѣ поселяне живутъ въ деревняхъ, въ очень низкихъ домикахъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ можно видѣть пеструю живопись. Но чѣмъ болѣе приближаешься къ горамъ, тѣмъ дома становятся ниже и меньше, пестрая живопись исчезаетъ, окошки крошечныя, жилища стоятъ одиноко, и, наконецъ, вы достигаете группы домовъ, разбросанныхъ на горѣ, обитатели которыхъ едва сходятся вмѣстѣ по воскресеньямъ и праздникамъ. Въ горахъ самыя жалкія жилища словаковъ.

Жилища въ словенскихъ селахъ расположены улицами. Дома обращены двумя окошками на улицу, чрезвычайно похожи другъ на друга, выкрашены бѣлою краскою, а посреди ихъ возвышается большая бѣлая церковь. На сѣверѣ страны жилища бревенчатыя, на югѣ — кирпичныя. Съ улицы вы можете видѣть все, что дѣлается на дворахъ, которые наполнены кучею дѣтей, куръ, гусей и другихъ животныхъ. Съ наступленіемъ вечера улицы въ деревняхъ оживляются и наполняются болтающими между собой мужчинами и женщинами. Мадьяръ — ораторъ по природѣ; словакъ до страсти любить болтать, и когда въ праздникъ онъ не работаетъ, онъ не остается въ избѣ, а выходитъ на улицу покалякать съ сосѣдами.

Въ избѣ вы встрѣтите тотъ-же порядокъ и почти тоже убранство, какъ и у насъ, въ нашихъ захолустныхъ деревняхъ. Вы входите въ избу не иначе, какъ черезъ порогъ; съ одной стороны двери — печь, а за нею мѣсто для сна; на постели множество подушекъ и одѣяло; подъ окнами — лавки, въ переднемъ углу столъ. Около стола маленькая подвижная лавочка и нѣсколько стульчиковъ. Передній уголъ въ почетѣ: убранъ иконами, но, конечно, католическими, если только словакъ католикъ; передъ ними и около нихъ развѣшаны разные шарики сусального золота, цвѣтныя бумажки, множество мелкихъ вещицъ. Во всѣхъ домахъ множество разныхъ ремесленныхъ инструментовъ, изъ которыхъ каждый или виситъ на своемъ мѣстѣ, или поставленъ въ углу. Хозяйство словака, его домашняя утварь и полевые орудія сильно напоминаютъ намъ нашу родину. Тутъ така-же, какъ у насъ, бочка и на ней обручи, такія же ясли, плугъ, коса, серпъ, грабли и т. п. Тутъ вы увидите также ткацкій станокъ съ основной и челнокомъ, веретено, наперстокъ и множество подобныхъ вещей.

Печь вездѣ топится изъ сѣней, которыя безъ оконъ, какъ вообще всѣ славянскія сѣни. Въ сѣняхъ устраиваютъ огнище, т. е. очагъ, — это квадратное возвышеніе изъ кирпича на аршинъ отъ пола; на огнищѣ стойка съ перекладной, такъ что можно повѣсить котелъ. За столъ садятся съ молитвой, которую читаетъ хозяинъ.

Въ равнинахъ словаки занимаются земледѣліемъ, въ горахъ — скотоводствомъ. Въ горахъ же пасутъ огромныя стада овецъ, которыхъ разводятъ здѣсь болѣе для сыра, чѣмъ для шерсти, а также много и рогатаго скота. Понятно, что значительная часть населенія горныхъ словаковъ становится пастухами.

Скотъ словаковъ-земледѣльцевъ весною стоняютъ въ большія стада и передаютъ на руки извѣстнымъ семействамъ пастуховъ. Они пасутъ стада сначала въ равнинахъ, но лишь только дуга покрываются роскошною травой, поднимаются все выше и выше. Къ концу лѣта они медленно спускаются съ высотъ, останавливаясь по дорогѣ на свѣжихъ еще пастбищахъ и, наконецъ, поздно осенью возвращаются домой. На мѣстѣ каждой стоянки пастухи находятъ шалашъ, выстроенный однако такъ непрочно, что вѣтеръ свободно продуваетъ сквозь его щели. Нужно замѣтить, что пастушествомъ здѣсь занимаются обыкновенно цѣлыя семейства: начиная отъ старика-отца и старухи-матери и кончая дѣтьми, всѣ члены такого семейства бродятъ со скотомъ три четверти года. Шалашей, а иногда и крошечныхъ домиковъ для пастуховъ много въ гористыхъ мѣстностяхъ; гдѣ ихъ нѣтъ или гдѣ вѣтеръ и буря разметала ихъ по лицу земли, тамъ приходится строить новые. Не обзаводясь ничѣмъ для своего хозяйства, переселится такая семья пастуховъ въ пустой шалашъ, гдѣ лишена самыхъ необходимыхъ предметовъ для домашнего обихода. Мужъ и жена, старый и малый, всѣ спятъ другъ подлѣ друга, не раздѣваясь, на голой землѣ, вокругъ огня, разведеннаго на этомъ же земляномъ полу, безъ очага. Надъ огнемъ, на поперечномъ шестѣ, виситъ крюкъ, а на немъ котелъ съ молокомъ. Передъ пастушеской хижиной стоитъ сырня, въ которой сушится сыръ въ кускахъ, величиною съ дѣтскую голову, а около него устроенъ загонъ, гдѣ ночуютъ стада.

По вечерамъ, когда пастухи возвращаются съ пастбища, они всѣ вмѣстѣ собираются у какого нибудь шалаша: одинъ изъ нихъ играетъ на волынкѣ, а женщины поютъ. Пѣсни и веселые голоса оживленной толпы далеко разносятся въ пустынныхъ горахъ. Игра на волынкѣ — первая страсть пастуха. Въ свободное время онъ вырѣзаетъ изъ дерева формы, въ которыхъ прессуется свѣжій сыръ, собираетъ въ горахъ разнообразныя красильныя травы, съ помощью которыхъ окрашиваютъ сыры въ зеленую, свѣтлорозовую или желтую краску.

На родинѣ венгерскихъ словаковъ, въ гористыхъ ея частяхъ, не мало лѣсовъ. Къ сожалѣнію, владѣльцы умѣютъ только ихъ истреблять и нисколько не заботятся объ

умѣлой вырубкѣ деревьевъ. Горное производство едва ли гдѣ-либо значительнѣе этой мѣстности. Необходимо впрочемъ замѣтить, что словенскій народъ не извлекаетъ ни изъ лѣсовъ, ни изъ горнаго производства никакой иной выгоды, кромѣ жалкой платы, выработываемой тяжкимъ трудомъ. Тамъ, гдѣ общины имѣютъ собственные лѣса, мужчины выдѣлываютъ различныя деревянныя издѣлія хотя и очень искусно, но, разумѣется, самымъ первобытнымъ образомъ. Лѣса создаютъ большой классъ сплавщиковъ, но такъ какъ они работаютъ обыкновенно для какого-нибудь еврея-лѣсопромышленника или для крупнаго предпринимателя, то и получаютъ плату самую ничтожную. Вслѣдствіе своей бѣдности множество словаковъ всегда ищетъ заработка, и каждый изъ нихъ сбиваетъ другъ другу цѣну, лишь бы получить на родинѣ хотя самый ничтожный заработокъ.

Словаки не брезгаютъ и мелочной торговлею. Кромѣ грубаго холста, который ткеть каждая женщина для домашняго обихода, она приготовляетъ полотно лучшаго качества, которое идетъ въ продажу. Правда, съ ними конкурируютъ въ этомъ отношеніи и евреи, но они преимущественно занимаются спекуляціею или крупною торговлею, а продажею въ развозку полотна, кружевъ, шафрана, масла, проволочными издѣліями, мышеловками—бѣднѣйшіе словаки, которые коробейничаютъ не только въ своей странѣ, но и за границею. Многіе изъ нихъ добываютъ свой хлѣбъ въ качествѣ паромщиковъ на Ваагѣ и Попрадѣ, другіе, доставляя мѣстные продукты, преимущественно вино и плоды, въ Силезію и близлежащія мѣстности.

Ржаной и еще чаще овсяный хлѣбъ, картофель, каша маисовая или пшенная и капуста — самыя распространенныя кушанья словаковъ. По большимъ праздникамъ на столѣ появляется мясо и пироги съ творогомъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ занимаются овцеводствомъ, болѣе всего употребляютъ сыръ, молоко и иногда баранину. Вино и пиво пьютъ очень рѣдко, но за то въ большомъ количествѣ употребляютъ водку. Этотъ ужасный ядъ составляетъ самую опасную язву словенскаго народа. Чѣмъ бѣднѣе мѣстность, тѣмъ болѣе въ ней пьяницъ. Во многихъ деревняхъ скорѣе отсутствуютъ церковь и школа, чѣмъ винокуренный заводъ. Высшее дворянство сдаетъ кабаки въ аренду евреямъ: такимъ образомъ тѣ и другіе обогащаются послѣдними грошами словаковъ.

Въ нравахъ, обычаяхъ, обрядахъ и суевѣріяхъ словаковъ, за исключеніемъ мелочей, лежитъ тотъ же характеръ, какъ и у другихъ австрійскихъ славянъ, о которыхъ въ предыдущихъ очеркахъ мы дали подробное описаніе.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Vizetelly. Berlin under the new empire, its institutions, inhabitants, industry, monuments, museums, social life, manners and amusements. L. 1879. 2 vols.

Faucher. Vergleichende Culturbilder aus den vier europäischen Millionenstädten. 1877.

Rasch. Berlin bei Nacht.

Leouzon le Duc. Les odeurs de Berlin. 1875.

Косицынъ. Воскресенье въ Берлинѣ. Русскій Вѣстникъ, 1876 г № 2.
German home life. 1876.

Klöden, Köppen und Oberländer. Unser deutsches Land und Volk. Bd. 1—7, 9.

Tissot. Voyage au pays des milliards.

Tissot. Les Prussiens en Allemagne.

Hobirk. Wanderungen auf dem Gebiete der Länder- und Völkerkunde. Nord-Süd- und Westdeutschland.

Rodenberg. In deutschen Landen. 1874.

Fontane. Wanderungen durch die Mark Brandenburg. 4 Bd. 1875—82.

Claretie. Les Prussiens chez eux. 1873.

Kohl. Nordwestdeutsche Skizzen. Fahrten in den untern Gegenden der Weser, Elbe und Ems. 2 Th. 1873.

Hoefer. Küstenfahrten an der Nord und Ostsee, illustrirt von Schönleber. 1882.

Hartmann. Bilder aus Westfalen. Sagen, Volks- und Familienfeste, Gebräuche, Volksaberglaube. 1871.

Stieler, Wachenhusen und Hackländer. Rheinfart von den Quellen des Rheins bis zum Meere. Illustrirt. 1875—76.

Büchner. Der Rhein, der Deutschen Lieblingsstrom. 1876.

Очерки Германіи. Заграничный Вѣстникъ, 1865 г. № 10.

Schlicht. Bayerischer Land und bayerisch Volk. 1878.

Brinkmann. Studien und Bilder aus Süddeutschen Land und Volk. 2 Bde. 1862.

Schmid und Stieler. Wanderungen im Bayerischen Gebirge und Salzkammergut. 2-te Auflage. Stuttgart.

Meier. Deutsche Sagen, Sitten und Gebräuche aus Schwaben. 1852. 2 Bde.

Hochzeitsleute und Musikanten. 1880 (25 рисунковъ и стихотвореній изъ жизни баварскихъ крестьянъ).

Крыловъ В. Драма страстей Господнихъ. Духовныя представленія въ баварской деревнѣ: Обераммергау. Вѣстн. Европы, 1881 г., №№ 3 и 4.

Исаевъ. Часовая промышленность въ Шварцвальдѣ. Труды комисіи по изслѣдованію кустарной промышленности, вып. II.

Schmidt. Sitten und Gebräuche bei Hochzeiten, Taufen und Begräbnissen in Thüringen. 1863.

Montanus. Die deutsche Volksfeste, Jahres- und Familienfeste. 1854.

Ida von Düringsfeld und **O. Freih. von Reinsberg-Düringsfeld.** Hochzeitsbuch. Brauch und Glaube der Hochzeit bei den christlichen Völkern Europa's. 1871.

Busch Mor. Deutsche Volksglaube. 1877.

Meitzen. Der Boden des Preussischen Staats. 4 Bde.

Зиберъ. Распределение поземельной собственности въ Германіи. Русская Мысль, 1883 г., № 1 и 2.

Васильчиковъ, кн. А. И. Землевладѣніе и земледѣліе. Спб., 1882 г., изд. 2-е.

Goltz. Die Lage der ländlichen Arbeiter in Deutschen Reich. 1875.

Goltz. Die ländliche Arbeiterfrage und ihre Lösung. 1874.

Янсонъ. Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Ч. II. Статистика сельскаго хозяйства. 1880.

Лавелэ. Современная Пруссія въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Спб., 1870.

Риль. Гражданское общество. Спб., 1883.

Lavollée. Les classes ouvrières en Europe. P. 2 vols. 1882.

Погожевъ. Фабричный бытъ въ Германіи и Россіи. 1882.

Fränkel. Die tägliche Arbeitszeit in Industrie und Landwirthschaft mit besonderer Bezugnahme auf deutsche Verhältnisse. 1882.

Le socialisme en Allemagne. Revue Nouvelle. 1882, Mars liv. 1.

Современное положеніе рабочей силы въ Европѣ и Америкѣ по донесеніямъ дипломатическихъ агентовъ. I. Германія. Вѣстн. Европы, 1873 г., № 6 и 7.

Le Play. Les ouvriers européens. P. 1855.

А. Соціальное движеніе въ Германіи. Историческій очеркъ. Вѣстникъ Европы, 1879. № 1.

Лавелэ. Современный социализмъ, переводъ Антоновича. 1882.

Михайловъ. Ассоціаціи въ Германіи, Англіи и Франціи. Спб. 1873.

Lavisse. L'emigration allemande. Revue des deux mondes. 1874, 1 Janvier.

Брашелли. Статистическіе очерки Германіи. Спб. 1875.

Гиппо. Народное образованіе въ Германіи. Перев. Мещериновой. 1874.

Михайловъ. Основы образованія въ Европѣ и Америкѣ. 1874.

Штейнъ. Государство и народное образованіе въ Германіи, Англіи и Франціи. Кіевскія Университет. Извѣстія. 1876.

Степановъ. Устройство и управленіе университетовъ въ Англіи, Франціи, Германіи и Австріи. Извѣстія и учен. записки казанскаго университета. 1878 г. Январь—февраль.

Модзолевскій. Бытъ студентовъ въ Германіи. 1865.

Pouchet. L'enseignement superieur des sciences en Allemagne. Revue des deux Mondes, 15 Sept. 1869.

О нѣмецкихъ студентахъ. Русское Слово, 1861 г., № 4.

Лавлей. Народное образованіе. Народныя школы: ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Спб. 1873.

Любенъ. Современное положеніе народныхъ школъ и учителей въ Германіи. Семья и Школа 1872 г. № 8.

- Реклю.** Мысли француза о характерѣ и политическомъ состояніи германской народности. Русское Слово 1861 г. №№ 5 и 7.
- Andree.** Wendische Wanderstudien. Zur Kunde der Lausitz und der Sorbenwenden. Mit Holzschnitten und ethnographisch. Karte. 1873.
- Sigismund.** Land und Leute der Sächsischen Lausitz. 1862.
- Schulenburg.** Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. 1882.
- Веселовскій.** А. Забытый славянскій уголокъ. (О Лужицѣ и Бауценѣ). Голосъ, 1873 г. № 29.
- Горникъ.** Минувшее десятилѣтіе у сербовъ-лужичанъ. Славянскій Сборникъ, т. II. Лужицы. Славянскій Ежегодникъ Задерацкаго, 1876 г. годъ 1.
- Гильфердингъ.** Народное возрожденіе сербовъ-лужичанъ въ Саксоніи. Собраніе сочиненій т. II. Спб. 1868.
- Пымяъ.** Исторія славянскихъ литературъ, 2 тома, изд. 2, 1879—81 гг.
- Silberstein.** Die Kaiserstadt am Donaustrand. Wien und die Wiener in Tag und Nachtbildern. 1873.
- Тиссо.** Поѣздка по Ломбардіи и Австріи. Русскій Вѣстникъ, 1877. №№ 9—12.
- Herbert.** Schwarzgelb. Bilder aus Alt- und Neu-Oesterreich. 1878.
- Rodenberg.** Wiener Sommertage. 1875.
- Hobirk.** Wanderungen auf dem Gebiete der Länder-und Völkerkunde. Oesterreich und Ungarn. 1875.
- Schober.** Die Deutschen in Nieder-und Oberoesterreich, Salzburg, Steiermark, Kärnten und Krain. 1881.
- К.** Рабочій вопросъ въ Австріи. Вѣстникъ Европы, 1883 г. № 7.
- Австрія и австрийскіе славяне.** Русская Рѣчь. 1879 № 7.
- Взглядъ мадьярскаго этнографа (Гунфальви) на славянъ.** Славянскій Ежегодникъ Задерацкаго. 1878 г., годъ 3-й.
- Л.** Воспитаніе славянъ въ австрийскихъ школахъ. Русскій Вѣстникъ. 1878 г., № 7.
- Steub.** Drei Sommer in Tirol. 2 verm. Aufl. 3 Bde.
- Zingerle.** Sitten, Bräuche und Meinungen der Tiroler Volkes. 1871.
- Wolff.** Le Tyrol et la Carinthie. Moeurs, paysages, légendes. 1872.
- Busk.** The valleys of Tirol. Their traditions and customs and how to visit them. L. 1874.
- La Mara.** Im Hochgebirge. Skizzen aus Oberbayern und Tirol. 1876.
- Schneller.** Skizzen und Culturbilder aus Tirol. 1876.
- Grohman.** Tyrol and the Tyrolese: the people and the land. 1876.
- Grohman.** Gaddings with a primitive people. 1878. 2 vols.
- Zingerle.** Schildereien aus Tirol. 1877.
- Hörmann.** Tiroler Volkstypen. Beiträge zur Geschichte der Sitten und Kleinindustrie in den Alpen. 1877.
- Egger.** Die Tiroler und die Voralberger. 1882, 2 Bde.
- Schaubach.** Die deutschen Alpen.
- Seidl.** Wanderungen durch Tirol und Steiermark.
- Wanderungen durch Tirol und Voralberg.** Geschildert von Hörmann, Steub, Zingerle. Stuttgart.
- Rosegger.** Sittenbilder aus dem Steierischen Oberlande.
- Francisci.** Culturstudien über Volksleben, Sitten und Bräuche in Kärnten. 1879.
- Rosseger.** Das Volksleben in Steiermark. 1875.
- Šuman.** Die Slovenen. 1881.

- Макушевъ.** Словенцы. Русскій Вѣстникъ 1873 г. № 7.
- Клушъ.** Словенцы. Этнографическій очеркъ. Русская Бесѣда 1857 г. т. III, кн. 7.
- Срезневскій.** Фриульскіе славяне. Спб. 1878.
- Краткій обзоръ литературной дѣятельности словенцевъ.** Славянскій Сборникъ, т. III.
- Очеркъ исторіи словесности у словенцевъ.** Русская Бесѣда 1859 г. кн. I—II.
- Biedermann.** Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihr Geschichte, 2 Th. 1862—1867.
- Головацкій.** Карпатская Русь. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1875 г. № 6.
- Арсеній.** Русскіе въ Венгрии. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1863 г. № 6.
- Поповъ.** Н. Русское населеніе по восточному склону Карпатъ. Московск. Университ. Извѣстія, 1866—67 г. № 7.
- Бобржицкій.** Галицкая Русь въ національномъ и политическомъ отношеніи. Литературная Библиотека, 1867 г., мартъ кн. 2-я, апрѣль кн. 1 и 2.
- Жорскій.** Сельское хозяйство въ Галиціи и у Карпатскихъ горцевъ. Труды Вольно-Экономич. Общ. 1870 г. Августъ.
- Срезневскій.** Русь Угорская. Вѣстникъ Географическ. Общ. 1852 г. т. IV.
- Циммерманъ.** Этнографическій очеркъ восточной Галиціи. Вѣст. Географ. Общ. 1859 г. т. 26.
- Чернигъ.** Характеристика различныхъ народностей Австрійской Имперіи. Вѣст. Географ. Общ. 1859 г. т. 26.
- Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Головацкимъ.** 3 т. М. 1878 г. (или въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ).
- Головацкій.** О народной одеждѣ и убранствѣ русинъ или русскыхъ въ Галичнѣ и сѣверовосточной Венгрии. Записки Географ. Общества по отдѣленію этнографіи, 1877 г., т. VII.
- Кельсіевъ.** Галичина и Молдавія. Спб. 1868.
- Деволланъ.** Угорская Русь. Историч. очеркъ. Русскій Архивъ 1878 г., № 2.
- Купчанко.** Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ (съ приложеніемъ пѣсенъ буковинскаго народа). Записки Югозападнаго отдѣла Географическаго Общества, т. II, 1874.
- Русины въ 1848 г.** Основа, 1862 г., апрѣль.
- Объ отношеніяхъ галицкихъ русинъ къ сосѣдямъ.** Основа, 1862 г. Май.
- Лисикевичъ.** Записки Галичанина. Заря. 1871 г. № 9.
- Головацкій.** Карпатская Русь. Славянскій Сборникъ, т. I и II.
- Матисовъ.** Народное движеніе въ Угорской Руси. Бесѣда 1871, № 6.
- Будянский.** Забѣтен о Галиціи. С.-Петербург. Вѣдомости. 1867, №№ 213, 214.
- Гецевичъ.** Объ обычномъ правѣ карпатскихъ горцевъ, малороссовъ и великороссовъ. (Изъ Мацѣювскаго). Юридическій Вѣстникъ, 1878 г., № 7.
- Reinsberg-Düringsfeld.** Volkskalender aus Böhmen. 1861. 4 Bde.
- Andree.** Tschechische Gänge. Böhmisches Wanderungen und Studien. 1872.
- Будиловичъ и Нарановичъ.** Чехія и Моравія. Изданіе Славянскаго благотворительнаго комитета. Спб., 1871.
- Karrer und Kandler.** Das Böhmerland. 1865.
- Defert.** Etudes sur les peuples slaves et l'Europe orientale. VII. Tchèques. 1876.
- Pisling.** Volkswirtschaft und Arbeitspflege in böhmischen Erzgebirge. 1861.
- Waldau.** Böhmisches Nationaltänze. 2 Bd. 1859 и 1862.
- Томекъ.** Исторія чешскаго королевства. Спб., 1868.

Будиловичъ. Нѣсколько давныхъ и замѣчаній изъ области экономической и общественной статистики Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи за послѣдніе годы. Въ Славянскомъ Сборникѣ, 1875, т. I.

Kulda. Svadba v národě Česko-slovanském. Třetí vydání. Olomouc. 1875.

Wenzig und Krejčí. Der Böhmerwald. Prag. 1860.

Троляскій. Чешская деревня. Русскій Вѣстникъ, 1861 г., № 11; 1862 г., №№ 1 и 12.

Дурдикъ. Чехія. Бесѣда. 1871, №№ 9 и 12.

Лавровскій, П. Поѣздка во внутреннюю Чехію. Въ Сборникѣ «Утро». 1868 г.

Вопросъ о національностяхъ въ Австріи и политика Бейста. Отечеств. Зап. 1871 г., № 6.

А. Р. Два мѣсяца въ Прагѣ. Современникъ, 1859 г., №№ 3 и 4; 1860, № 2.

Весселовскій, А. Н. Музыка у славянъ. Русскій Вѣстникъ, 1866, № 4.

Малый. Воспоминанія и замѣтки стараго чешскаго патріота. Славянскій Ежегодникъ, 1877.

Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа. 1872 г. Кіевъ. Изданіе Задерацкаго.

Гендрихъ. Студенческая жизнь въ Чехіи. Русскій Миръ, 1878, № 333.

Кочубинскій. Въ краю былыхъ еретиковъ. Изъ старыхъ воспоминаній о сѣверо-восточной Чехіи. Историч. Вѣстникъ, 1882, №№ 7 и 8.

Sasinek. Die Slovaken. Eine ethnographische Skizze. 2-te revid. Aufl. 1875.

Czaplovics. Gemälde von Ungarn. 2 Bde. 1829.

Д. Словаки и словенское околье въ Угорщинѣ. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1868, № 8.

Пичъ. Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣдніе сто лѣтъ. Славянскій Сборникъ, т. I, 1875, т. II, 1877.

Ивановъ-Желудковъ (Кельсиевъ). Словацкія села подъ Пресбургомъ. Русскій Вѣстн., 1866, № 7.

Словаки и русскіе въ статистикѣ Венгріи. Славянскій Сборникъ, т. I.

Соколовъ, Арк. О современномъ состояніи языка и литературы у словаковъ. Филологическія Записки, 1879, вып. 1.

Письма изъ Угорщины. Отечеств. Записки, 1867 г., апрѣль, кн. 2.

Schwab. Land und Leute in Ungarn. 1865.

Петерсонъ. Венгрія и ея жители. 1873.

Löher. Die Magyaren und andere Ungarn. 1873.

Ditz. Die ungarische Landwirtschaft. 1867.

Woner. Siebenbürgen, Land und Leute. 1868.

Де-Волянъ. Мадьяры и національная борьба въ Венгріи, съ приложеніемъ этнографической карты. 1877.

Leger. Histoire de l'Autriche-Hongrie. 1879.

Deutsch. Die Lebensweise der Völker in Oesterreich-Ungarn. 1878.

Pronay. La vie populaire en Hongrie. 1855.

Гильфердингъ. Венгрія и славяне. Русская Бесѣда. 1860 г., кн. 20.

Очеркъ сельскаго хозяйства въ Венгріи. Труды Волян. Экономич. Общества, 1875 г., т. I.

Послѣдніе выборы въ Венгрію. Русскій Вѣстникъ, 1869, № 7.

Поповъ, Н. Венгерскія степи. Русскій Вѣстн., 1868, № 7.

Венгерскіе выборы. Дѣло, 1867, №№ 7 и 9.

Фейрчакъ. Очеркъ мадьярской литературы. Журн. Мин. Нар. Просв., 1870, № 10.

Dora d'Istria. La poésie populaire des Magyars. Revue des deux mondes. 1870, 1 Août.

Sayous. La Hongrie et les parties Magyars depuis la guerre. Revue des deux mondes. 1872.

Sayous. La poésie populaire Hongroise pendant la guerre de 1848 — 49. Revue des deux mondes. 1872, 15 Août.

Венгрія и продовольствіе Европы Зап. Имп. Общ. Сельск. Хоз. Южн. Россіи. 1862 г., № 3.

Laveleye. E. L'Autriche et la Hongrie depuis la guerre de 1866. Revue des deux mondes, 1 Avr., 1 Juin, 1 Août et 1 Novembre 1868, 15 Avr., 1 Juin et 15 Oct. 1869.

Schwiedland. Esquisses de la vie populaire en Hongrie.

Поповъ, Н. Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи до Прагматической санкціи. Журн. Мин. Нар. Просв., 1868, №№ 1, 3, 5 и 6.

Ермоловъ. Сельскохозяйственная статпстическая литература на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. 1878 (есть нѣкоторыя свѣдѣнія о земледѣліи въ Венгріи).

Tissot. Voyage au pays des Tziganes (la Hongrie inconnue). P. 1880.

Фицъ-Морисъ. Венгрія и Кроація. Собесѣдникъ въ книгахъ, 1877, № 2.

Tissot. La Hongrie de l'Adriatique au Danube. Impressions de Voyage. 1883.

Оршанскій. Мысли о хасидизмѣ. Еврейская бібліотека, изд. Ландау, т. I. Спб. 1871 г.

